

ЗК13
М 27

ЗК13.
К 10

Издание О. Н. ПОПОВОЙ.

Карлъ Марксъ. КАПИТАЛЪ.

Критика политической экономіи.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Книга I. Процессъ производства капитала.

Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, прѣвѣреннаго Фридрихомъ Энгельсомъ,
подъ редакціей П. Струве.

Цѣна 3 руб.

БІБЛІОТЕКА
Великагоуниверситета
імя У. І. Лопіна

1426777

ПРОВЕРЕНО
1987 г.

Спб. 1899.

Книжный магазинъ и Складъ изданій О. Н. Поповой.
С.-Петербургъ, Невскій, 54.

3K13.

2

Текстъ печатанъ въ типографіи И. Скорокова, Спб. Набождинскан, 48.

Обложка и титулъ печатаны въ типографіи Исидора Гольдберга,
Спб., Екатерин. кан., 94.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловія къ первому (стр. IX—XI), второму (XII—XVIII), третьему (XIX—XXI) и четвертому (XXII—XXVI) изданіямъ оригинала.
Предисловіе редактора русскаго перевода (XXVII—XXXIV).

Книга I. Процессъ производства капитала.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Товаръ и деньги.

	СТР.
Глава первая. Товаръ	1
1. Два фактора товара: потребительная цѣнность и цѣнность въ тѣсномъ смыслѣ (субстанція цѣнности, величина цѣнности)	1
2. Двойственный характеръ воплощеннаго въ товарахъ труда	7
3. Форма цѣнности или мѣровая цѣнность	12
А. Простая, единичная или случайная форма цѣнности	13
1) Оба полюса выраженія цѣнности: относительная и эквивалентная формы цѣнности	13
2) Относительная форма цѣнности	14
а) Содержаніе относительной формы цѣнности	14
б) Количественная опредѣленность относительной формы цѣнности	18
3) Эквивалентная форма	20
4) Простая форма цѣнности въ ея цѣломъ	24
В. Полная или развернутая форма цѣнности	26
1) Развернутая относительная форма цѣнности	26
2) Особенная эквивалентная форма	27
3) Недостатки полной или развернутой формы цѣнности	27
С. Всеобщая форма цѣнности	28
1) Иамѣненный видъ формы цѣнности	29
2) Отношеніе между развитіемъ относительной формы и развитіемъ эквивалентной формы	30
3) Переходъ отъ всеобщей формы цѣнности къ денежной формѣ	32
Д. Денежная форма	32
4. Товаръ какъ фетишъ и тайна товарнаго фетиша	33
Глава вторая. Процессъ обмѣна	45
Глава третья. Деньги или обращеніе товаровъ	53
1. Мѣра цѣнности. (Цѣна.—Масштабъ цѣны.—Всеобщее повышение и всеобщее паденіе цѣны.—Счетныя названія денегъ, счетныя деньги.—Количественное несопадѣніе величины цѣнности и цѣны.—Качественное или несопадѣніе.—Цѣна—лишь идеальная форма цѣнности товара).	53
2. Средство обращенія	62
а) Метаморфозъ или обращеніе товаровъ. (Круговоротъ Т.—Д.—Т.—Продажа: Т.—Д.—Покупка; Д.—Т.—Совокупный метаморфозъ товара.—Товарное обращеніе.—Различіе между товарнымъ обращеніемъ и обмѣномъ продуктово).	62
б) Обращеніе денегъ. (Товарный метаморфозъ и денежное обращеніе.—Деньги дважды мѣняютъ свое мѣсто.—Количество обращающихся денегъ.—Быстрота обращенія.—Движеніе и застой оборота.—Факторы, опредѣляющіе массу обращающихся денегъ)	71

е) Монета. Знакъ цѣнности. (Монета и слитки, изнашивавшіе монеты. — Знакъ цѣнности. — Серебряные и мѣдные знаки. — Бумажные деньги. — За- кънъ бумажноденежнаго обращенія съ принудительнымъ курсомъ).	79
3. Дѣвилья	84
а) Накопленіе сокровищъ	84
б) Платежное средство	89
с) Всемирныя деньги	95

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ.

Глава четвертая. Превращеніе денегъ въ капиталъ	99
1. Общая формула капитала	99
2. Противорѣчія общей формулы	107
3. Покупка и продажа рабочей силы. («Свободный рабочій». — Цѣнность рабочей силы. — Своеобразная природа товара «рабочая сила»).	117

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Производство абсолютной прибавочной цѣнности.

Глава пятая. Процессъ труда и процессъ возрастанія капитала	126
1. Процессъ труда. (Процессъ труда. — Предметъ труда, сырой матеріалъ, орудіе труда. — Средство производства. — Процессъ труда, какъ процессъ потребления рабочей силы капиталистомъ).	126
2. Процессъ возрастанія капитала. (Процессъ образованія цѣнности. — Цѣнность рабочей силы и цѣнность, создаваемая ею въ процессѣ труда, суть различные величины. — Процессъ созданія прибавочной цѣнности, генезисъ капитала).	134
Глава шестая. Постоянный капиталъ и переменный капиталъ.	145
Глава седьмая. Уровень прибавочной цѣнности.	155
1. Степень эксплуатаціи рабочей силы	155
2. Выраженіе цѣнности продукта въ относительныхъ доляхъ самого про- дукта	163
3. «Послѣдній часть» Senior'a	166
4. Прибавочный продуктъ	171
Глава восьмая. Рабочій день	172
1. Предѣлы рабочаго дня	172
2. Неутолимая жажда прибавочнаго труда. Фабрикантъ и боярыня.	175
3. Отрасли англійской промышленности безъ законныхъ границъ эксплуата- ціи. (Производство кружевъ. — Горшечное производство. — Спичечное производ- ство. — Бумажныя. — Железные дороги. — Модистка. — Кузнецы).	183
4. Дневной и почной трудъ. Система сифъ. (Металлургія и металлическая промышленность)	194
5. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительные законы объ удли- неніи рабочаго дня съ середины XIV до конца XVII столѣтія	202
6. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительное ограниченіе ра- бочаго времени силою закона. Англійское фабричное законодатель- ство 1833—1864. (Безпощадное отношеніе капитала къ здоровью и жизни ра- бочихъ. — Англійскіе статуты о рабочихъ. — Ограниченія рабочаго дня въ XVII-мъ столѣтіи до эпохи кружной промышленности).	214
7. Борьба за нормальный рабочій день. Вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на другія страны. (Законы 1833 г. — Законы 1844 г. — Законы 1847 г. — Законъ 1850 г. — Швейное производство. — Ситцепечатаніе. — Красильныя и бѣляльныя заведенія).	232
Глава девятая. Уровень и масса прибавочной цѣнности	237

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Производство относительной прибавочной цѣнности.

Глава десятая. Понятіе относительной прибавочной цѣнности	246
---	-----

Глава одиннадцатая. Кооперация. (Исходная точка капиталистического производства, ея количественное отдаление от ремесленного производства.—Общественный средний труд.—Экономия средств производства.—Общественные производительные силы кооперативного труда.—Прожия формы кооперации.—Ея капиталистическая форма).	254
Глава двѣнадцатая. Раздѣленіе труда и мануфактура	267
1. Двойное происхожденіе мануфактуры	267
2. Частичный рабочий и его орудіе	270
3. Двѣ основныя формы мануфактуры: разнородная или гетерогенная мануфактура и мануфактура органическая	273
4. Раздѣленіе труда внутри мануфактуры и раздѣленіе труда внутри общества	281
5. Капиталистическій характер мануфактуры	289
Глава тринадцатая. Машины и крупная промышленность	293
1. Развѣтіе машинъ	298
2. Цѣнность, переносимая машиной на продуктъ	314
3. Ближайшія дѣйствиія машиннаго способа производства на рабочихъ	320
а) Присвоеніе капиталомъ добавочныхъ рабочихъ силъ. Женскій и дѣтскій трудъ	320
б) Удлиненіе рабочаго дня	328
с) Интенсификаціи труда	334
4. Фабрика	343
5. Борьба между рабочими и машинами	350
6. Теорія компенсаціи въ примѣненіи къ рабочимъ, вытѣсняемымъ машинами	360
7. Оттапливаніе и притяженіе рабочихъ, какъ слѣдствіе развитія машиннаго производства. Кризисы въ хлопчатобумажной промышленности	368
8. Переворотъ, произведенный крупной промышленностью въ мануфактурѣ, ремеслѣ и домашнемъ производствѣ	379
а) Уничтоженіе кооперации, основанной на ремесленномъ производствѣ и раздѣленіи труда	379
б) Обратное вліяніе фабричной системы на мануфактуру и домашнее производство	381
с) Современная мануфактура	382
д) Современное домашнее производство. (Производство кружевъ, плетеніе изъ соломы).	385
е) Переходъ къ крупной индустріи отъ современной мануфактуры и домашнего производства. Ускореніе этой революціи примѣніемъ фабричныхъ законовъ къ этимъ способамъ производства. (Швейная машина).	388
9. Фабричное законодательство (санитарныя мѣры и правила о воспитаніи). Всеобщее распространеніе его въ Англіи. (Горная промышленность).	397
10. Крупная промышленность и земледѣліе	417

ОГЛАВІЕ ПЯТЫЙ.

Производство абсолютной и относительной прибавочной цѣнности.

Глава четырнадцатая. Абсолютная и относительная прибавочная цѣнность.	420
Глава пятнадцатая. Измѣненія въ величинѣ рабочей силы и прибавочной цѣнности	429
I. Величина рабочаго дня и интенсивность труда постоянны (даны), переменнѣе является производительная сила труда	429
II. Рабочій день и производительная сила труда постоянны, переменнѣе является интенсивность труда	433
III. Производительная сила и интенсивность труда постоянны, переменнѣе является рабочій день	434
IV. Одновременныя измѣненія въ продолжительности, производительной силѣ и интенсивности труда	436
Глава шестнадцатая. Различныя формулы для уровня прибавочной цѣнности.	439

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Заработная плата.

Глава семнадцатая. Превращеніе цѣнности или цѣны рабочей силы въ заработную плату	443
Глава восемнадцатая. Повременная плата	449
Глава девятнадцатая. Задѣльная плата	456
Глава двадцатая. Национальныя различія въ заработной платѣ	464

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Процессъ накопленія капитала. 469

Глава двадцать первая. Простое воспроизведеніе. (Рабочій классъ какъ принадлежность капитала.—Отношеніе между капитализмомъ и рабочимъ воспроизводствомъ капиталистическимъ процессомъ производства).	470
Глава двадцать вторая. Превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ.	482
1. Капиталистическій процессъ производства въ расширенныхъ размѣрахъ. Превращеніе законовъ собственности товарнаго производства въ законы капиталистическаго присвоенія	482
2. Ошибочное пониманіе расширеннаго воспроизведенія въ политической экономіи	491
3. Дѣленіе прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ.—Теорія повдѣржанія	493
4. Обстоятельства, опредѣляющія размѣръ накопленія, независимо отъ раздѣленія прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ: степень эксплуатаціи рабочей силы.—Производительная сила труда.—Возрастающая разница между потребляемымъ и потребляемымъ капиталомъ.—Величина авансированнаго капитала	500
5. Такъ называемый рабочій фондъ	510
Глава двадцать третья. Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.	512
1. Измѣненіе спроса на рабочую силу съ прогрессомъ накопленія при неизмѣняющемся составѣ капитала	512
2. Относительное уменьшеніе переменной части капитала въ процессъ растущаго накопленія и сопровождающей его концентраціи	521
3. Прогрессивное созданіе относительнаго перенаселенія или промышленной резервной арміи	528
4. Различныя формы относительнаго перенаселенія. Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія	539
5. Иллюстрація всеобщаго закона капиталистическаго накопленія	546
а) Англія отъ 1846 до 1866 гг.	546
б) Плохо оплачиваемые слои британскаго промышленнаго рабочаго класса. (Условія житія.—Жилищныя условія.—Лондонъ.—Ньюкастъ на Тайнѣ.—Брэдфорд—Бристоль).	551
в) Бродячіе или переходные рабочіе. Горнорабочіе. (Жилищныя условія.—Железнодорожные рабочіе.—Каменноугольные и другіе горнорабочіе)	560
д) Валініе кризисовъ на наилучше оплачиваемую часть рабочаго класса. (Рабочіе, занятые въ судостроеніи изъ жѣлѣза въ Восточномъ Лондонѣ)	563
е) Британскій земледѣльческій пролетаріатъ. (Переходныя артези)	568
ф) Ирландія	590
Глава двадцать четвертая. Такъ называемое первоначальное накопленіе.	603
1. Тайны первоначальнаго накопленія	603
2. Отнятіе земли у сельскаго населенія. (Превращеніе пахотной земли въ пастбища въ послѣднюю треть XV-го и въ первую десятилѣтія XVI-го столѣтія.—Реформація и расхищеніе церковныхъ земель.—Превращеніе феодальной собственности въ буржуазную.—Реставрація и «достопамятная революція».—Расхищеніе государственныхъ имуществ.—Общинная земельная собственность и ея грабежъ.—Cleansing of Estates, превращеніе пахотной земли въ пастбища для овецъ и пастбищъ для овецъ въ охотничьи участки въ горной Шотландіи).	60

3. Кровавое законодательство против экспропрированных, начиная съ конца XV столѣтія. Законы, направленные на пониженіе заработной платы	621
4. Генезисъ капиталистическихъ формеровъ	628
5. Вліяніе земледѣльческаго переворота на промышленность. Образованіе внутренняго рынка для промышленнаго капитала	630
6. Генезисъ промышленнаго капиталиста. (Колоніальная система.—Система государственныхъ договоров.—Современная система обложенія и протекціонная система.—Эксплуатація дѣтей въ началѣ крупной промышленности).	634
7. Историческая тенденція капиталистическаго накопленія	644
Глава двадцать пятая. Современная теорія колонизаціи	647

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мѣста изъ Французскаго изданія «Капитала», не введенныя въ текстъ.

I. Къ стр. 510—512	656
II. Къ стр. 528—539	657

Указатель цитатъ и литературныхъ именъ.	663—673
---	---------

ПОСВЯЩЕНІЕ АВТОРА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему незабвенному другу

ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ.

Род. 21 іюня 1909 г. въ Тарнау, сконч. въ Манчестерѣ 9 мая 1864 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Сочиненіе, первый томъ котораго я предлагаю теперь публикѣ, составляетъ продолженіе моего сочиненія, изданнаго въ 1859 г.: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Этотъ продолжительный перерывъ между началомъ и продолженіемъ объясняется многолѣтнею болѣзнію, которая постоянно прерывала мой трудъ.

Содержаніе указаннаго сочиненія резюмировано въ первой главѣ этого тома. Это сдѣлано мною не только ради связности и полноты изложенія. Я исправилъ послѣднее. Насколько позволяло содержаніе настоящаго сочиненія, многіе пункты, которые тамъ были только намѣчены, здѣсь подробно развиты, тогда какъ, наоборотъ, то, что тамъ обстоятельно развивалось, здѣсь только намѣчено. Отдѣлы объ исторіи теорій цѣнности и денегъ здѣсь, конечно, совершенно отсутствуютъ. Однако читатель предыдущаго сочиненія найдетъ въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ указанія на новые источники по исторіи этихъ теорій.

Въ каждой наукѣ извѣстно, что всякое начало трудно. Первая глава, въ особенности тотъ отдѣлъ ея, который содержитъ анализъ товара, представляетъ наибольшія трудности для пониманія. Что же касается анализа субстанціи цѣнности и величины цѣнности, то я постарался изложить его возможно популярнѣе ¹⁾. Форма цѣнности, которая проявляется въ денежной формѣ въ готовомъ видѣ, очень бѣдна содержаніемъ и очень проста. Однако человѣческій умъ въ продолженіе болѣе 2000 лѣтъ напрасно старался постичь ее, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, анализъ болѣе сложныхъ и болѣе богатыхъ содержаніемъ формъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ ему удался. Почему? А потому, что высокоразвитое тѣло легче изучить, чѣмъ калѣточку. Кромѣ того, при анализѣ экономическихъ формъ нельзя пользоваться ни микроскопомъ, ни химическими реактивами. И то, и другое должно быть замѣнено слою абстракціи. Но для буржуазнаго

¹⁾ Это казалось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что даже тотъ отдѣлъ брошюры Ф. Лассалля противъ Шульце-Делича, гдѣ онъ утверждаетъ, что даетъ духовную «квинтъ-эссенцію» многихъ идей по этому предмету, содержитъ значительныя недоразумѣнія. Кстати, Если Ф. Лассаль почти слово въ слово заимствовалъ изъ многихъ сочиненій, сохранивъ даже создавшую мною терминологію, всѣ общія теоретическія положенія своихъ экономическихъ работъ, напр., объ историческомъ характерѣ капитала, о связи между производственными отношеніями и способомъ производства и т. д., не указывая даже источника, то это, вѣроятно, объясняется соображеніями пропаганды. Я не говорю, конечно, о деталяхъ его воззрѣній и о его чисто практическихъ выводахъ, съ которыми у меня нѣтъ ничего общаго.

общества товарная форма продукта труда или форма цѣнности товара представляють въ экономическомъ отношеніи кѣлочку. Необразованному уму можетъ показаться, что анализъ этотъ вертится около тонкостей и мелочей. И дѣйствительно, тутъ дѣло идетъ о мелочахъ, но лишь о такихъ же мелочахъ, какъ тѣ, которыми занимается микроскопическая анатомія.

За исключеніемъ отдѣла о формѣ цѣнности, нельзя эту книгу упрекнуть въ неудобопонятности. Говоря это, я предполагаю, конечно, такихъ читателей, которые хотятъ научиться чему-нибудь новому и, слѣдовательно, сами жезаюгъ подумать.

Физикъ либо наблюдаетъ процессы природы тамъ, гдѣ они проявляются въ наиболѣе ясно выраженной формѣ и наименѣе затмѣенные посторонними вліяніями, либо дѣлаетъ опыты при такихъ условіяхъ, которыя обезпечивають ходъ процесса въ чистомъ его видѣ. Въ этомъ сочиненіи я задаюсь цѣлью изслѣдовать капиталистическій способъ производства и соотновѣствующія ему отношенія производства и обмѣна. Классической страной его до сихъ поръ является Англія. Вотъ почему, главнымъ образомъ, изъ Англіи я беру иллюстраціи къ своимъ теоретическимъ положеніямъ.

Но существу рѣчь идетъ не о болѣе высокой или низкой степени развитія общественныхъ антагонизмовъ, возникающихъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства. Рѣчь идетъ о самыхъ этихъ законахъ, о тенденціяхъ, дѣйствующихъ и проявляющихся съ жегізвой необходимостью. Болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна только показываетъ менѣ развитымъ странамъ картину ихъ собственной будущности.

Но оставимъ эти соображенія. Тамъ у насъ, гдѣ капиталистическое производство уже вполне укоренилось, напр., на настоящихъ фабрикахъ, положеніе вещей гораздо хуже, чѣмъ въ Англіи, потому что у насъ недостаетъ противовѣса, представляемаго фабричными законами. Во всѣхъ другихъ сферахъ мы, какъ и вся остальная континентальная Западная Европа, страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточнаго его развитія. На ряду съ современными бѣдствіями насъ угнетаетъ цѣлый рядъ унаслѣдованныхъ бѣдствій, вытекающихъ изъ прозябанія старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ способовъ производства, со всѣми сопутствующими имъ явленіями. Мы страдаемъ не только отъ живыхъ, но и отъ мертвыхъ. *Le mort saisit le vif!*

И удѣлизъ въ этомъ томѣ много мѣста исторіи, содержанію и результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства. Одна нація должна и можетъ учиться у другой. Если даже общество и пало на слѣдъ естественнаго закона своего движенія,—а конечную цѣль этого сочиненія и составляло открыть экономическій законъ движенія совре-

менного общества.—то оно не может ни перескочить естественныя фазы своего развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ. Но оно можетъ сократить и уменьшить муки родовъ.

Еще нѣсколько словъ во избежаніе возможныхъ недоразумѣній. Фигуры капиталиста и землевладѣльца я изображаю отнюдь не въ розовомъ свѣтѣ. Но въ моемъ изложеніи о личностяхъ дѣло идетъ лишь постольку, поскольку онѣ являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями извѣстныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ. Моя точка зрѣнія, разсматривающая развитіе общественно-экономическихъ формаций, какъ естественно-историческій процессъ, менѣе, чѣмъ какая-либо другая, можетъ дѣлать отдѣльную личность ответственной за отношенія, социальнымъ созданіемъ которыхъ она является, какъ бы ни возвышалась она субъективно надъ этими отношеніями.

Въ области политической экономіи свободное научное изслѣдованіе встрѣчаетъ не только тѣхъ же самыхъ враговъ, какъ и въ другихъ областяхъ. Своеобразный характеръ предмета, который она разсматриваетъ, вызываетъ на борьбу противъ такого изслѣдованія самыя сильныя, самыя мелочныя, самыя злобныя человѣческія страсти, возбуждаетъ противъ него всѣхъ фурій частнаго интереса!..... Однако нѣкоторый прогрессъ несомнѣненъ въ этой области. Я отсылаю читателя къ недавно изданной Сией книжкѣ: *Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trade's Unions*.....

Увеличиваются явленія, представляющія знаменія времени, смыслъ которыхъ ничто не можетъ скрыть. Они, конечно, не означаютъ, что завтра совершается чудеса. Они показываютъ, что мало-по-малу... пробивается себѣ путь сознаніе того, что современное общество есть не твердый кристаллъ, но организмъ, способный измѣняться и находящійся постоянно въ процессѣ преобразования.

Во второмъ томѣ этого сочиненія будетъ разсмотрѣнъ процессъ обращенія капитала (книга II), и различныя формы совокупнаго процесса капиталистическаго производства (книга III); а въ заключительномъ третьемъ томѣ (книга IV*)—исторія теоріи ¹⁾.

Всякое сужденіе научной критики является для меня желательнымъ, а по отношенію къ предразсудкамъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, которому я никогда не дѣлалъ уступокъ, моимъ девизомъ попрежнему остаются слова великаго флорентинца:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti ²⁾.

Лондонъ, 25 іюля 1867 г.

Карлъ Марксъ.

¹⁾ Теперь совокупный процессъ капиталистическаго производства вошелъ въ III томъ. Указанный же въ предисловіи III томъ (книга IV) еще не вышелъ.

Прим. П. С.

²⁾ Слѣдуй твоему пути, и пусть люди говорятъ, что хотятъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ВО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Политическая экономія до сихъ поръ остается въ Германіи чужестранной наукой. Въ *«Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe u. s. w.»*, особенно въ первыхъ 2 томахъ этого сочиненія, изданныхъ въ 1830 г., *Gustav von Gulich* разсмотрѣлъ уже большую часть тѣхъ историческихъ условій, которыя задерживали у насъ развитіе капиталистическаго способа производства, а, слѣдовательно, и развитіе современнаго буржуазнаго общества. Такимъ образомъ, политической экономіи въ Германіи недоставало жизненной почвы. Она въ видѣ готоваго товара была привезена къ намъ изъ Англіи и Франціи; нѣмецкіе же профессора ея оставались учениками. Теоретическое выраженіе чуждой дѣйствительности превращалось въ ихъ рукахъ въ собраніе догматовъ, которые они истолковывали въ духѣ окружавшаго ихъ мелкобуржуазнаго міра и истолковывали, стало быть, превратно. Они неспособны были подавить въ себѣ чувство собственнаго научнаго безсилія и тягостное сознаніе того, что они вынуждены разыгрывать роль учителей въ области, на самомъ дѣлѣ имъ чуждой,—и они пытались успокоить свою совѣсть и прикрыть свое убожество либо перьями историко-литературной учености, либо прихвостью постороннихъ матерій, заимствованныхъ изъ такъ называемыхъ камеральныхъ наукъ,—мѣшанины свѣдѣній, черезъ чистилище которыхъ должны были проходить несчастные кандидаты въ нѣмецкіе бюрократы.

Съ 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось въ Германіи и въ настоящее время уже находится тамъ въ цвѣтущемъ состояніи. Но нашимъ спеціалистамъ судьба всетаки не улыбается. Пока они могли безстрастно заниматься политической экономіей, въ нѣмецкой дѣйствительности недоставало современныхъ экономическихъ условій: когда же эти условія воплотились въ жизни, это произошло при такой обстановкѣ, которая дѣлала невозможнымъ дальнѣйшее безпристрастное изслѣдованіе ихъ въ предѣлахъ буржуазнаго поля зрѣнія. Поскольку она буржуазна, т.-е. разсматриваетъ капиталистическій строй не какъ исторически преходящую ступень развитія, а, наоборотъ, какъ абсолютную и окончательную форму общественнаго производства, политическая экономія можетъ оставаться наукой только до тѣхъ поръ, пока классовая борьба находится въ скрытомъ состояніи или проявляется лишь въ единичныхъ фактахъ.

Возьмемъ Англію. Ея классическая политическая экономія относится къ періоду неразвитой классовой борьбы. Наконецъ послѣдній великій

представитель классической экономии, Рикардо, сознательно дѣлаетъ исходной точкой своихъ изслѣдованій антагонизмъ классовыхъ интересовъ, заработной платы и прибыли, прибыли и поземельной ренты, именно разсматривая это противорѣчье, какъ естественный законъ общественной жизни. Но это былъ предѣлъ, дальше котораго буржуазная экономія не могла пойти. Еще при жизни Рикардо, и въ оппозиціи къ нему, выступила критика въ лицѣ Сисмонди ¹⁾.

Послѣдующій періодъ 1820—1830 г. отличается въ Англіи научнымъ оживленіемъ въ области политической экономіи. Это былъ періодъ вульгаризаціи и распространенія теоріи Рикардо, а также борьбы ея со старой школой. Давались блестящіе турниры. То, что тогда было сдѣлано въ наукѣ, мало извѣстно на европейскомъ континентѣ, такъ какъ полемика эта, по большей части, разсылана въ журнальныхъ статьяхъ, въ сочиненіяхъ, написанныхъ по какому-нибудь случайному поводу, и въ памфлетахъ. Безпристрастный характеръ этой полемики, не смотря на то, что теорія Рикардо, въ видѣ исключенія, служить уже иногда оружіемъ въ наступательной борьбѣ противъ буржуазнаго хозяйства, объясняется обстоятельствами времени. Съ одной стороны, крупная промышленность едва только вышла изъ своего младенческаго возраста, что доказывается тѣмъ, что только съ кризиса 1825 г. начинается періодическій крутооборотъ, свойственный ея современной формѣ. Съ другой стороны, классовая борьба между капиталомъ и трудомъ была отодвинута на задній планъ, политически—борьбой между правительствами..... и народной массой, предводительствуемой буржуазіей; экономически—враждой промышленнаго капитала съ аристократическимъ землевладѣніемъ, которая во Франціи скрывалась за противорѣчьемъ между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, въ Англіи же проявилась открыто со времени изданія хлѣбныхъ законовъ. Англіійская литература политической экономіи въ этотъ періодъ напоминаетъ экономическій періодъ бури и натиска (*Sturm und Drang-Periode*) во Франціи, послѣ смерти Quesnay, но не больше того, какъ бѣлье что напоминаетъ весну. Въ 1830 г. наступилъ рѣшительный кризисъ.

Буржуазія во Франціи и въ Англіи завоевала политическую власть. Съ этого времени классовая борьба принимаетъ на практикѣ и въ теоріи все болѣе и болѣе опредѣленные формы. Съ нею пробивъ послѣдній часъ научной буржуазной экономіи. Вопросъ теперь ставился уже не о томъ, вѣрна ли та или иная теорема, но о томъ, полезна или вредна ли она для капитала, удобна или неудобна для него. Безкорыстные изысканія уступаютъ мѣсто шумливой полемикѣ продажныхъ перьевъ, безпристрастное научное изслѣдованіе—недобросовѣстной и злонамѣренной апологетикѣ. Впрочемъ, даже жалкія наставительныя книжонки, которыя выпускала въ свѣтъ *Anti-Cornlawleague*, съ фабрикан-

¹⁾ См. мое сочиненіе: «Zur Kritik etc.», p. 39.

тами Кобденомъ и Брайтомъ во главѣ, и тѣ своей полемикой противъ поземельной аристократіи представляли, если не научный, то, по крайней мѣрѣ, историческій интересъ. Но и этотъ послѣдній источникъ спора и привлекательности былъ отнятъ у вульгарной политической экономіи фритредерскихъ законодательствомъ со времени Роберта Пили.

Континентальная революція 1848—1849 гг. отразилась и на Англіи. Люди, которые претендовали еще на научное значеніе и хотѣли быть не только софистами и сикофантами господствующихъ классовъ, старались согласовать политическую экономію капитала съ требованіями пролетаріата, которыя впрямь невозможно было уже игнорировать. Отсюда бездарный синкретизмъ, лучшимъ представителемъ котораго является Дж. Ст. Милль. Его труды знаменуютъ собою банкротство «буржуазной» экономіи, какъ это превосходно показалъ русскій ученый и критикъ Чернышевскій въ своихъ «Очеркахъ политической экономіи по Миллю».

Такимъ образомъ, въ Германіи капиталистическій способъ производства достигъ зрѣлости уже послѣ того, какъ его антагонистическій характеръ шумно проявился во Франціи и Англіи въ исторически знаменательной борьбѣ, между тѣмъ какъ нѣмецкій пролетаріатъ обладалъ уже болѣе ясно выраженнымъ теоретическимъ классовымъ сознаниемъ, чѣмъ нѣмецкая буржуазія. Такимъ образомъ, когда буржуазная научная экономія стала въ Германіи, повидимому, возможной, она выстѣ съ тѣмъ оказалась уже невозможной.

При такихъ обстоятельствахъ ея предводители раздѣлились на два лагеря. Одни, благоразумные, стремящіеся къ наживѣ, практическіе люди собрались подъ знамя Бастіа, самаго пошлаго, но, потому, и самаго удачнаго представителя вульгарно-экономической апологетики; другіе, гордые профессорскимъ достоинствомъ своей науки, посѣдовали за Дж. Ст. Миллемъ въ его попыткѣ примирить непримиримое. Какъ и въ классическое время буржуазной экономіи, такъ и во время ея упадка, нѣмцы оставались только учениками, подражателями и повторильщиками чужихъ словъ, офенямъ, торгующими въ разность продуктами крупныхъ иностранныхъ фирмъ.

Итакъ, своеобразныя историческія судьбы нѣмецкаго общества исключали возможность всякаго оригинальнаго дальнѣйшаго развитія «буржуазной» экономіи, но не исключали возможности ея критики. Поскольку такая критика вообще представляетъ интересы какого-нибудь класса, она можетъ представлять интересы только того класса, историческое призваніе котораго составляетъ преобразование капиталистическаго способа производства, т.е. пролетаріата.

Ученые и неученые оракулы нѣмецкой буржуазіи пытались сначала замолчать «Капиталъ», какъ это удалось имъ относительно многихъ прежнихъ сочиненій; но когда эта тактика перестала соответствовать условіямъ времени, они стали писать, подъ предлогомъ критики моей книги, рецензенты «для успокоенія буржуазнаго сознанія»; но нашли въ рабочей

прессѣ болѣе сильныхъ противниковъ.—см., напр., статьи Іосифа Dietzgen'a въ *Volksstaat* и, — у которыхъ они еще до сихъ поръ въ долгу съ отпѣтомъ ¹⁾).

Превосходный русскій переводъ «Капитала» появился весною 1872 г. въ Петербургѣ. Изданіе въ количествѣ 3.000 экземпляровъ уже теперь почти все разошлось. Еще въ 1871 г. Зиберъ, профессоръ политической экономіи въ кievскомъ университетѣ, въ своемъ сочиненіи: «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо» показалъ, что моя теорія цѣнности, денегъ и капитала является въ своихъ основныхъ чертахъ необходимымъ дaльнѣйшимъ развитіемъ ученія Смита и Рикардо. Въ солидномъ сочиненіи Зиберъ западно-европейскаго читателя поражаетъ та послѣдовательность, съ которой онъ выдерживаетъ свою чисто теоретическую точку зрѣнія.

Методъ, прихваченный въ «Капиталѣ», былъ плохо понятъ, что явствуетъ уже изъ противорѣчій въ его истолкованіи и оцѣнѣ.

Такъ, парижская Revue Positiviste упрекаетъ меня, съ одной стороны, въ томъ, что я метафизически излагаю экономію, съ другой стороны—какъ бы вы думали, въ чемъ!—что я ограничиваюсь только критическимъ расчлененіемъ того, что существуетъ, вмѣсто того, чтобы давать рецепты (контовскіе?) будущаго общества. На упрекъ въ метафизичности профессоръ Зиберъ замѣчаетъ: «Поскольку рѣчь идетъ собственно о теоріи, методъ Маркса есть дедуктивный методъ всей англійской школы, достоинства и недостатки котораго общи всѣмъ лучшимъ теоретикамъ экономистамъ». М. Block въ своей статьѣ «Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du Journal des Economistes, juillet et août 1872» находитъ мой методъ аналитическимъ и говоритъ между прочимъ: «Par cet ouvrage M. Marx se classe parmi les esprits analytiques les plus éminents» (этимъ своимъ сочиненіемъ г. Марксъ занялъ мѣсто среди самыхъ выдающихся аналитическихъ умовъ). Нѣмецкіе рецензенты вопиютъ, конечно, о гегелевской софистикѣ.

¹⁾ Пустые болтуны нѣмецкой вульгарной экономіи критикуютъ слогъ и способъ изложенія моего сочиненія. Никто не можетъ строже меня самого судить о литературныхъ недостаткахъ «Капитала». Однако, для пользы и удовольствія этихъ господъ и ихъ читателей, я привожу здѣсь англійскую и русскую критику. Безусловно враждебная моимъ взглядамъ «Saturday Review» говоритъ въ своей замѣткѣ о первомъ нѣмецкомъ изданіи: изложеніе «придаетъ даже самымъ сухимъ экономическимъ вопросамъ особенную прелесть» (charm). «С.-Петербургскія Вѣдомости» между прочимъ замѣчаютъ въ номерѣ отъ 8—20 апрѣля 1872 г.: «Изложеніе, исключая нѣкоторыхъ слишкомъ специальныхъ частности, отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенною живостью. Въ этомъ отношеніи авторъ... далеко не походитъ на большинство нѣмецкихъ ученыхъ, которые... лишутъ свои сочиненія такимъ темнымъ и сухимъ языкомъ, отъ котораго у обыкновенныхъ смертныхъ трещитъ голова». Но у читателей современной нѣмецкой національ-либеральной профессорской литературы трещитъ ничто другое, чѣмъ голова.

Петербургскій «Вѣстникъ Европы», въ рецензіи ¹⁾, разбирающей исключительно методъ «Капитала» (май 1872 г., стр. 427—286), находить мой методъ изслѣдованія строго реалистическимъ, но способъ изложенія, къ сожалѣнію, иѣмецки діалектическимъ. Онъ говоритъ: «Съ виду, если судить по вѣншней формѣ изложенія, Марксъ большой идеалистъ-философъ и притомъ въ «иѣмецкомъ», т.-е. дурномъ значеніи этого слова. На самомъ же дѣлѣ онъ безконечно болѣе реалистъ, чѣмъ нѣтъ его предшественники въ дѣлѣ экономической критики..... Идеалистомъ его ни въ какомъ случаѣ уже нельзя считать». Я не могу лучше отвѣтить автору, какъ приведу нѣсколько выдержекъ изъ его собственной критики, къ тому же эти выдержки могутъ представить интересъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей, которымъ недоступенъ русскій оригиналъ.

Приведу цитату изъ моего предисловія къ «Zur Kritik der Pol. Oek.» Berlin, 1859, р. IV—VII, гдѣ я изложилъ матеріалистическое основаніе моего метода, авторъ продолжаетъ:

Для Маркса «важно только одно: найти законъ явленій, изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимается. И при этомъ для него важенъ не только законъ, управляющій ими, пока они имѣютъ извѣстную форму, и пока они находятся въ томъ взаимоотношеніи, которое наблюдается въ данное время. Для него, сверхъ того, еще важенъ законъ ихъ измѣняемости, ихъ развитія, т.-е. перехода отъ одной формы къ другой, изъ одного порядка взаимоотношеній къ другому. Разъ онъ открылъ этотъ законъ, онъ разсматриваетъ подробности послѣдствій, въ которыхъ законъ проявляется въ общественной жизни..... Сообразно съ этимъ, Марксъ заботится только объ одномъ: чтобы точнымъ научнымъ изслѣдованіемъ доказать необходимость опредѣленныхъ порядковъ общественныхъ отношеній и чтобы возможно безупречно констатировать факты, служащіе ему исходными пунктами и опорой. Для него вполне достаточно, если онъ, доказавъ необходимость современнаго порядка, доказать и необходимость другого порядка, къ которому непременно долженъ быть сдѣланъ переходъ, все равно, думаютъ ли объ этомъ, или не думаютъ, сознаютъ ли это, или не сознаютъ. Марксъ разсматриваетъ общественное движеніе, какъ естественно-историческій процессъ, которымъ управляютъ законы, не только не находящіеся въ зависимости отъ воли, сознанія и намѣренія человека, но и сами еще опредѣляющіе его волю, сознаніе и намѣренія..... Если сознательный элементъ въ исторіи культуры играетъ такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имѣющая своимъ предметомъ самую культуру, всего менѣе можетъ имѣть своимъ основаніемъ какую-нибудь форму или какой-либо

¹⁾ Авторъ этой замѣчательной рецензіи, подписанной «И. И. К.—нъ», повѣстный экономистъ и статистикъ И. л. а. р. И. г. н. К. а. у. ф. м. а. п. ть, въ настоящее время профессоръ статистики въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и членъ Статистическаго Совѣта Мин. Вн. Д. Мы считаемъ долгомъ выразить здѣсь почтенному автору нашу благодарность за разрѣшеніе раскрыть его авторство, которое, впрочемъ, для специалистовъ давно не составляло таинъ.

результатъ сознанія, т.-е. не идея, а виѣшенное явленіе одно только можетъ ей служить исходнымъ пунктомъ. Критика будетъ заключаться въ сравненіи, сопоставленіи и сличеніи факта не съ идеей, а съ другимъ фактомъ. Для нея важно только, чтобы оба факта были возможно точно изслѣдованы и дѣйствительно представляли собою различныя степени развитія, да сверхъ того важно, чтобы не менѣе точно были изслѣдованы порядокъ, послѣдовательность и связь, въ которыхъ проявляются эти степени развитія..... Иному читателю можетъ при этомъ прійти на мысль и такой вопросъ... вѣдь общіе законы экономической жизни одни и тѣ же, все равно, примѣняются ли они къ современной или прошлой жизни? Но именно этого Марксъ и не признаетъ. Такихъ общихъ законовъ для него не существуетъ. По его мнѣнію, напротивъ, каждый историческій періодъ имѣетъ свои законы.... но какъ только жизнь пережила данный періодъ развитія, вышла изъ данной стадіи и вступила въ другую, она начинаетъ управляться уже другими законами. Словомъ, экономическая жизнь представляетъ намъ въ этомъ случаѣ явленіе, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаемъ въ другихъ разрядахъ біологическихъ явленій...

«Внимательный анализъ внутренняго строя и свойствъ дѣятельнаго состоянія явленій этой (экономической) жизни неоднократно убѣждаетъ многихъ изслѣдователей, уже съ сороковыхъ годовъ, въ невозможности того взгляда старыхъ экономистовъ на природу экономического закона, по которому послѣдній однороденъ съ законами физики и химіи... Более глубокий анализъ явленій показалъ, что социальныя организмы отличаются другъ отъ друга не менѣе глубоко, чѣмъ организмы ботаническіе и зоологическіе... Одно и то же явленіе, вслѣдствіе различія въ строѣ этихъ организмовъ, разнородности ихъ органовъ, различія условій, среди которыхъ органамъ приходится функціонировать и т. д., можетъ, поэтому, на разныхъ степеняхъ развитія... подчиняться совершенно различнымъ законамъ. Марксъ отказывается, напримѣръ, признавать, что законъ увеличенія народонаселенія одинъ и тотъ же всегда и повсюду, для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Онъ утверждаетъ, напротивъ, что каждая степень развитія имѣетъ свой законъ размноженія... То, что въ экономической жизни происходитъ, зависитъ отъ степени производительности экономическихъ силъ..... При различіяхъ въ производительности и послѣдствія ея будутъ различны, а съ ними и законы, ими управляющіе. Задаваясь, такимъ образомъ, цѣлью—изслѣдовать и объяснить капиталистическій порядокъ хозяйства,—Марксъ только строго научно формулировалъ цѣль, которую можетъ имѣть точное изслѣдованіе экономической жизни... Его научная цѣль заключается въ выведеніи тѣхъ частныхъ законовъ, которымъ подчиняются возникновеніе, существованіе, развитіе, смерть даннаго социального организма и замѣненіе его другимъ, высшимъ. И эту цѣль дѣйствительно имѣетъ книга Маркса».

Авторъ очень мѣтко и, поскольку дѣло идетъ о сдѣланномъ мною лично приложеніи, очень благосклонно изображаетъ здѣсь то, что онъ называетъ моимъ дѣйствительнымъ методомъ. Но вѣдь это не что иное, какъ діалектическій методъ.

Правда, способъ изложенія долженъ формально отличаться отъ способа изслѣдованія. Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы его развитія и найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соответствующимъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удастся и если въ построении идеально отразится жизнь предмета, то можетъ показаться, что передъ нами апріорная конструкція.

Мой діалектическій методъ въ своемъ основаніи не только отличается отъ гегелевскаго, но даже составляетъ прямую его противоположность. Для Гегеля процессъ мысли, который онъ, подъ именемъ идеи, превращаетъ даже въ нечто самостоятельное, является деміургомъ дѣйствительности, представляющей лишь вышшее его обнаруженіе. Для меня же идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ.

Почти 30 лѣтъ тому назадъ я подвергъ критикѣ мистифицирующую сторону гегелевской діалектики, въ то время, когда она была еще въ большой модѣ. Но именно тогда, когда я работалъ надъ первымъ томомъ «Капитала», брюзжаніе, претенциозные и посредственные эпигоны, которые теперь являются заглазами въ образованной Германіи, занимались тѣмъ, что такъ же третировали Гегеля, какъ славный М. Мендельсонъ и когда-то, во времена Лессинга, третировалъ Спинозу, т.-е. какъ «жертвую собаку». Поэтому, я открыто призналъ себя ученикомъ этого великаго мыслителя и кокетничалъ даже въ некоторыхъ мѣстахъ главы о теоріи цѣнности, прибѣгая къ своеобразной гегелевской манерѣ выражаться. Мистификація, которую испытываетъ діалектика въ рукахъ Гегеля, нисколько не устраняетъ того, что онъ впервые всесторонне и сознательно раскрылъ общія формы ея движенія. Она стоитъ у него вверхъ ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти рациональное зерно въ мистической оболочкѣ

Полное противорѣчіе движеніе капиталистическаго общества болѣе всего даетъ себя чувствовать практикѣ-буржуа въ превратностяхъ того періодическаго цикла, который проходитъ современная промышленность и высшую ступень котораго представляетъ всеобщій кризисъ... Онъ опять приближается, хотя находится еще въ подготовительной стадіи: своей повсемѣстностью и своей интенсивностью онъ научитъ діалектикѣ даже счастливицъ-свищеннй прусско-германской имперіи.

Лондонъ, 24 января 1873 года.

Карль Марксъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Марксу не суждено было самому приготовить къ печати это третье изданіе. Мощный мыслитель, предъ величіемъ котораго преклоняются теперь даже его противники, умеръ 14 марта 1883 г.

На меня, потерявшаго въ Марксѣ челоѣка, бывшаго въ теченіе 40 лѣтъ моимъ лучшимъ и самымъ вѣрнымъ другомъ, которому я болѣе обязанъ, чѣмъ это можно выразить словами, на меня пала обязанность озаботиться выпустить въ свѣтъ какъ это третье изданіе, такъ и оставленный въ рукописи второй томъ. Здѣсь я долженъ дать отчетъ читателю въ томъ, какъ я выполнилъ первую часть этой обязанности.

Марксъ сначала предполагалъ переработать большую часть текста перваго тома, рѣше формулировать нѣкоторые теоретическія положенія, прибавить новые пункты, дополнить историческій и статистическій матеріалъ данными новѣйшаго времени. Больная и желаніе закончить редакцію второго тома заставили его отказаться отъ этой мысли. Только самое необходимое должно было быть измѣнено; должны были быть сдѣланы добавленія, уже содержащіеся въ появившемся за это время французскомъ изданіи (*Le Capital. Par Karl Marx. Paris, Lachâtre 1873*).

Въ бумагахъ Маркса дѣйствительно оказался нѣмецкій экземпляръ, мѣстами изъ самыхъ исправленный и снабженный указаніями на французское изданіе; нашелся также и французскій экземпляръ, въ которомъ онъ точно указалъ мѣста, подлежащіе заимствованію. Эти измѣненія и добавленія ограничиваются, за немногими исключеніями, послѣдней частью книги, отдѣломъ: «Процессъ накопленія капитала». Текстъ этого отдѣла болѣе другихъ соответствовалъ первоначальной редакціи, тогда какъ предыдущіе отдѣлы были уже и ранѣе болѣе основательно переработаны. Слово поэтому было болѣе живой, болѣе цѣльный (*mehr aus einem Guss*), но зато и болѣе небрежный, содержать больше англицизмовъ. Мѣстами было неясно: ходъ разсужденія мѣстами представлялъ проблемы, при чемъ отдѣльные важные моменты были только намѣчены.

Что касается слога, то Марксъ самъ основательно просмотрѣлъ многое подотдѣлы и отрывъ, а также частыми устными указаніями выяснилъ мнѣ, въ какой мѣрѣ я могу устранивъ англійскіе техническіе

термины и иные ангаинизмы. Добавленія Марксъ во всякомъ случаѣ еще самъ переработалъ бы и замѣнилъ бы въ нихъ гладкую французскую рѣчь своимъ сжатымъ нѣмецкимъ языкомъ. Я долженъ былъ удовольствоваться перенесеніемъ ихъ въ текстъ, при чемъ стремился возможно менѣе измѣнять первоначальный текстъ.

Такимъ образомъ въ этомъ третьемъ изданіи не измѣнено ни одного слова, насчетъ котораго я не былъ бы увѣренъ, что самъ авторъ измѣнилъ бы его. Мнѣ не могло прійти въ голову вводить въ Капиталъ тотъ вулгарный жаргонъ, на которомъ обыкновенно выражаются нѣмецкіе экономисты, ту тарабарщину, на которой, напр., тотъ, кто за наличную плату получаетъ чужой трудъ, называется работодателемъ (Arbeitgeber), тотъ же, чей трудъ берется за плату, работопринимателемъ (Arbeitnehmer). И на французскомъ языкѣ слово travail въ обѣденной жизни употребляется въ смыслѣ «занятія». Но французы съ полнымъ правомъ сочли бы сумасшедшимъ того экономиста, который сталъ бы называть капиталиста *donneur de travail*, а рабочаго *receveur de travail* *).

Точно такъ же и не считалъ себя въ правѣ перевести на новыя нѣмецкіе эквиваленты употребляемыя вездѣ въ текстѣ англійскія деньги, мѣры и вѣса. Когда появилось первое изданіе, въ Германіи было столько видовъ мѣръ и вѣсовъ, сколько дней въ году, и къ тому же были двойкаго рода марки (имперская марка существовала тогда только въ головѣ Soetbeer'a, который выдумалъ ее въ концѣ 30-ыхъ годовъ), двойкаго рода гульдены и по крайней мѣрѣ троякаго рода талеры, одинъ изъ которыхъ составлялъ новыя двѣ трети. Въ естественныхъ наукахъ господствовала метрическая, на всемірномъ же рынкѣ—англійская система мѣръ и вѣсовъ. При такихъ обстоятельствахъ англійскія единицы мѣръ являлись наиболее естественными въ книгѣ, авторъ которой былъ принужденъ свои фактическія доказательства и иллюстраціи брать почти исключительно изъ англійскихъ промышленныхъ отношеній. Эта послѣдняя причина имѣетъ рѣшающее значеніе еще и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что отношенія на всемірномъ рынкѣ врядъ ли измѣнились за этотъ промежутокъ и въ господствующихъ отрасляхъ промышленности—железнодорожной и хлопчатобумажной—и до настоящаго момента почти исключительно господствуютъ англійскія мѣры и вѣсы.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ относительно Марксова способа цитировать, который вызываетъ недоразумѣнія. При чисто фактическихъ объясненіяхъ и описаніяхъ цитаты, напр., изъ англійскихъ Синихъ Книгъ, служатъ, очевидно, простыми ссылками на источники. Но иначе обстоитъ дѣло, когда приводятся теоретическіе взгляды дру-

*) Зигельсъ тутъ нѣсколько увлекся, забывъ, что самъ Марксъ употреблялъ слово «Arbeitgeber». См. стр. 207-ю 4-го изд. оргянала (стр. 185 наст. перевода).

гихъ экономистовъ. Въ такихъ случаяхъ цитата должна только установить, гдѣ, когда и кѣмъ данное экономическое положеніе было впервые ясно высказано. При этомъ важно только то обстоятельство, что данное экономическое положеніе имѣетъ значеніе въ исторіи науки, что оно является болѣе или менѣе полнымъ теоретическимъ выраженіемъ экономическихъ условій даннаго времени. Но имѣетъ ли еще это положеніе абсолютную или относительную цѣнность съ точки зрѣнія самого автора, или оно уже вполнѣ стало достояніемъ исторіи, это несущественно для Маркса. Эти цитаты составляютъ только непрерывный, заимствованный изъ исторіи экономической науки, комментарий къ тексту, и устанавливаютъ дату и авторство важнѣйшихъ замечаній экономической теоріи. И это было въ высшей степени необходимо въ наукѣ, исторіи которой до сихъ поръ отличались только тенденціознымъ, почти что можно сказать—продиктованнымъ духомъ карьеризма невѣжествомъ. Поэтому легко понять, согласно съ предисловіемъ ко второму изданію, почему Марксъ только въ видѣ исключенія иногда приводитъ нѣмецкихъ экономистовъ.

Второй томъ, надо надѣяться, появится еще въ теченіе 1884 г.

Лондонъ, 7 ноября 1883 г.

Фридрихъ Энгельсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Четвертое изданіе требовало отъ меня по возможности окончательнаго установленія какъ текста, такъ и примѣчаній. О томъ, какъ я выполнилъ это требованіе, я могу вкратцѣ сказать слѣдующее:

Сравнивъ еще разъ французское изданіе съ рукописными замѣчаніями Маркса, я ввелъ въ нѣмецкій текстъ еще нѣсколько добавленій. Они находятся на стр. 80 (въ третьемъ изд. на стр. 88, въ настоящемъ переводѣ стр. 72), стр. 458—60 (третье изд. стр. 509—10, въ наст. перев. стр. 408—410), стр. 547—51 (третье изд. стр. 600, въ наст. перев. стр. 487—490), стр. 591—93 (третье изд. стр. 644, въ наст. перев. стр. 527—528) и стр. 596 (третье изд. стр. 648, въ наст. перев. стр. 530—531), въ примѣчаніи 79. Точно такъ же я, по примѣру французскаго и англійскаго изданій, внесъ въ текстъ длинное примѣчаніе о горнорабочихъ (третье изд. стр. 509—515, четвертое изд. стр. 461—67, въ наст. перев. стр. 411—416). Остальные незначительныя измѣненія носятъ чисто техническій характеръ.

Кромѣ того я сдѣлалъ еще нѣкоторые добавочныя примѣчанія, именно тамъ, гдѣ этого требовали измѣнившіеся историческія условія. Всѣ эти добавочныя примѣчанія подписаны моими инициалами.

Полный пересмотръ цитатъ сталъ необходимъ вслѣдствіе выхода за это время англійскаго изданія. Для послѣдняго младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя трудъ сравнить всѣ цитаты съ оригиналами, такъ что въ цитатахъ нѣтъ англійскихъ источниковъ, которыя преобладаютъ, тамъ является не обратный переводъ съ нѣмецкаго, а самый англійскій текстъ оригинала. Я долженъ былъ такимъ образомъ справиться съ этимъ текстомъ при четвертомъ изданіи. При этомъ оказались нѣкоторые маленькія неточности: были неправильно указаны страницы, что произошло частью при списываніи съ тетрадей, частью же вслѣдствіе накопленія опечатокъ въ трехъ послѣдовательныхъ изданіяхъ: оказались неправильно поставленныя кавычки или многоточія, что неизбежно при массовомъ цитированіи по выпискамъ; мѣстами я натакивался на неудачный переводъ какого-нибудь слова. Нѣкоторые мѣста были цитированы по старымъ парижскимъ замѣткамъ 1843—1845 гг., когда Марксъ не зналъ еще англійскаго языка и читалъ англійскихъ экономистовъ во французскомъ переводѣ; тамъ, гдѣ вслѣдствіе двойного перевода получилось легкое измѣненіе въ отгылкѣ смысла, напр. у Stewart'a, Ure'a и др.—теперь можно было воспользоваться англійскимъ текстомъ. Все это были—такого рода мелкія неточности и

упущения. Если мы сравнимъ теперь четвертое изданіе съ предыдущими, то мы убѣдимся, что весь этотъ утомительный процессъ исправленія не произвелъ въ книгѣ ни малѣйшаго измѣненія, о которомъ стоило бы говорить. Только одна цитата не могла быть найдена, имя Richard Jones'a (4-е изд. стр. 562, примѣч. 47, въ наст. перев. стр. 500): Марксъ вероятно сдѣлалъ ошибку, списывая заглавіе книги. Всѣ остальные цитаты сохраняютъ свою полную доказательную силу, или даже послѣдняя еще усиливается благодаря болѣе точной формѣ.

Но здѣсь я принужденъ вернуться къ одной старой исторіи.

Дѣло въ томъ, что мнѣ извѣстна только одна случай, когда точность цитаты Маркса была подвергнута сомнѣнію. Но такъ какъ это сомнѣніе продолжало существовать и послѣ смерти Маркса, то я не могу его обойти здѣсь молчаніемъ.

Въ берлинской *Concordia*, органѣ союза нѣмецкихъ фабрикантовъ, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья: «Какъ цитируетъ Карлъ Марксъ». Въ этой- съ большой затратой нравственаго негодованія и непарламентскихъ выраженій — утверждалось, что Марксъ подмѣнилъ цитату изъ бюджетной рѣчи Гладстона 16 апрѣля 1863 г. (въ привѣтственномъ адресѣ международной рабочей ассоціаціи 1864 г., — повторена въ «Каштагѣ», I, стр. 671-я 3-го изд., въ наст. пер. стр. 549) фразой: «Это ошмянющее увеличеніе богатства и силы... ограничивается исключительно измученнымъ классомъ совершенно будто бы не находясь въ (полуофициальномъ) стенографическомъ отчетѣ Hansard'a. «Этой фразы нѣтъ ни въ рѣчи Гладстона. Въ ней сказано какъ разъ обратное (жирнымъ шрифтомъ слѣдуетъ): Марксъ формально и материально присочинилъ эту фразу!»

Марксъ, которому этотъ № «Concordia» былъ присланъ въ маѣ, отвѣчалъ анонимному автору въ «Volksstaat'ѣ» 1-го іюня. Такъ какъ онъ не помнилъ болѣе, по какому газетному отчету онъ цитировалъ, то онъ ограничился тѣмъ, что указать согласную съ его цитатой передачу въ двухъ англійскихъ сочиненіяхъ, а затѣмъ цитировалъ отчетъ «Times'a» въ которомъ Гладстонъ говоритъ: *That is the state of the case as regards the wealth of this country. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property».*

Такимъ образомъ Гладстонъ говоритъ здѣсь, что ему было бы очень жаль, если бы это такъ было, но на самомъ дѣлѣ это такъ: это ошмянющее увеличеніе силы и богатства ограничивается лишь измученными классами. Что же касается quasi-официальнаго Hansard'a, то Марксъ далѣе говоритъ: «Въ сфабрикованной впоследствии редакціи

Ганзарда Гладстонъ благоразумно выбросилъ это, во всякомъ случаѣ, очень неудобное въ устахъ англійскаго канцлера казначейства, мѣсто; это, впрочемъ, общепринятый англійскій парламентскій обычай и ни въ какомъ случаѣ не изобрѣтеніе Ласкера, направленное противъ Бебеля.

Но анонимъ все болѣе и болѣе озлобляется. Оставляя въ сторонѣ источники изъ вторыхъ рукъ въ своемъ отвѣтѣ въ Concordia 4 июля, онъ стыдливо указываетъ, что существуетъ «обычай» цитировать парламентскія рѣчи по стенографическому отчету, но что отчетъ «Times» (въ которомъ находится выдуманная фраза), какъ и отчетъ Hansard'a (въ которомъ ея недостаетъ) по существу почти совпадаютъ, и что отчетъ «Times» точно такъ же содержитъ «прямую противоположность» извѣстнаго мѣста въ привѣтственномъ адресѣ, при чемъ сей мужъ заботливо умалчиваетъ о томъ, что рядомъ съ этой такъ называемой «противоположностью» онъ содержитъ какъ разъ извѣстное мѣсто! Не смотря на все это, господинъ анонимъ чувствуетъ, что онъ попался и что только какая-нибудь уловка можетъ его спасти. Начиная свою переполненную ложью статью, какъ это только что было указано, назидательною бранью въ родѣ: «*mala fides*», «безчестность», «ложныя данныя», «эта подложная цитата», «наглая ложь», «совершенно подмѣленная цитата», «эта поддѣлка», «просто безчестно» и т. д., онъ находитъ нужнымъ перенести споръ на другую почву и обещаетъ поэтому въ другой статьѣ объяснить, какое значеніе мы [т.-е. не «ложныя анонимъ»] придаемъ содержанію Гладстоновскихъ словъ». Какъ будто его не интересуетъ мнѣніе хотя бы малѣйшее отношеніе къ дѣлу! Эта вторая статья помѣщена въ Concordia 11 июля.

Марксъ еще разъ отвѣчалъ въ «Volkstaat» 7-го августа и привелъ спорное мѣсто изъ отчетовъ газетъ Morning Star и Morning Advertiser отъ 17-го апрѣля 1863 г. По обоимъ этимъ отчетамъ, Гладстонъ говоритъ, что онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ бы на это ошлывающее увеличеніе богатства и слезы, если бы онъ полагать, что оно ограничивается дѣйствительно зажиточнымъ классомъ (*classes in easy circumstances*). Но это увеличеніе всецѣло ограничивается классами, владѣющими собственностью (*entirely confined to classes possessed of property*). Такимъ образомъ и эти отчеты приводятъ дословно эту якобы «сочиненную» фразу. Затѣмъ Марксъ еще разъ установилъ сравненіемъ текстовъ Times и Hansard'a, что этой фразы, дѣйствительно сказанной, какъ это было констатировано на слѣдующее утро въ трехъ газетныхъ отчетахъ, одновременно появившихся и другъ отъ друга независимыхъ, недостаетъ въ отчетѣ Hansard'a, просмотрѣнномъ по извѣстному «обычаю», что Гладстонъ ее, выражаясь словами Маркса, «украсть заднимъ числомъ», и, наконецъ, онъ заявляетъ, что ему некогда болѣе возиться съ господиномъ анонимомъ. Этотъ послѣдній, повидимому, тоже успокоился: по крайней мѣрѣ, Марксу не присылали болѣе номеровъ «Concordia».

На этомъ дѣло, кажется, кончилось и было сдано въ архивъ.

Правда, съ тѣхъ поръ, одинъ или два раза до насъ доходили таинственные слухи отъ людей, имѣвшихъ отношеніе къ Кембриджскому университету, объ ужасномъ литературномъ преступленіи, совершенномъ Марксомъ въ *Капиталѣ*: однако, не смотря на всѣ разслѣдованія, нельзя было узнать ничего болѣе опредѣленнаго. Но 29 ноября 1883 г., черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ смерти Маркса, въ *Times* появилось письмо, помѣщенное Trinity College и подписанное Sedley Taylor, гдѣ этотъ человѣчекъ, занимающийся самыми скромными артельными начинаніями, ни съ того ни съ сего разъясняетъ намъ не только происхожденіе Кембриджскихъ слуховъ, но и раскрываетъ анонима *Concordia*.

Особенно странно, говорить человѣчекъ изъ Trinity College, что на долю профессора Брентано (тогда изъ Бреслава), теперь изъ Страсбургъ *) выпало раскрыть mala fides, очевидно продиктовавшую Маркеу цитату изъ Гладстоновской рѣчи въ привѣтственномъ адресѣ. Карлъ Марксъ.....старавшійся зацитировать цитату, имѣть смѣлость въ предсмертныхъ судорогахъ (deadly shifts), до которыхъ его быстро довели мастерскія нападки Брентано, утверждать, что Гладстонъ передѣлалъ для Hansard'a отчетъ о своей рѣчи, появившійся въ *Times* отъ 17 апр. 1863 г., устранивъ въ немъ одно мѣсто, во всякомъ случаѣ неудобное въ устахъ англійскаго канцлера казначейства. Когда Брентано подробнымъ сравненіемъ текста доказалъ, что отчеты *Times*'а и Hansard'a совпадаютъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ абсолютно отсутствуютъ смыслъ, приданный Гладстоновскимъ словамъ искусно изолированной цитатой Маркса, тогда послѣдній отступилъ подъ предлогомъ недостатка времени!

Das also war des Pudels Kern! (Вотъ въ чемъ было дѣло). Такъ славно отразилась въ артельной фантазіи Кембриджа анонимная компанія Брентано изъ *Concordia*. Вотъ какъ этотъ Георгій Побѣдоносецъ совѣла нѣмецкихъ фабрикантовъ направлять свои мастерскіе удары а змій Марксъ въ предсмертныхъ судорогахъ хрипѣлъ у его ногъ!

Однако все это аріостовское описаніе борьбы служить лишь для того, чтобы скрыть уловки нашего побѣдоносца. Рѣчь идетъ уже не о «выдумкѣ» и «поддѣлкѣ», но объ искусно изолированной цитатѣ (craftily isolated quotation). Центръ тяжести всего вопроса былъ перемѣщенъ, и Георгій Побѣдоносецъ, и его кембриджскій оруженосецъ отлично знали, почему.

Леонора Марксъ отвѣтила, въ ежемѣсячномъ журналѣ «*To-Day*», за февраль 1884 г., такъ какъ *Times* отказался помѣстить ея отвѣтъ, и свела споръ на единственный пунктъ, который дѣйствительно имѣлъ въ немъ значеніе: «сочинилъ ли Марксъ фразу, или нѣтъ? На это Sedley Taylor возражаетъ: Вопросъ о томъ, была ли извѣстная фраза въ рѣчи Гладстона, или нѣтъ — имѣеть, по его мнѣнію, второстепенное

*) А теперь въ Мюнхенѣ

значение въ спорѣ между Марксомъ и Брентано — въ сравненіи съ вопросомъ, сдѣлана ли эта цитата съ намѣреніемъ передать смыслъ словъ Гладстона или исказить его». Затѣмъ онъ признаетъ, что въ отчетѣ «Times'a» «дѣйствительно заключается словесное противорѣчіе», но что дальнейшій контекстъ, истолкованный правильно, т.-е. въ либерально-гладстоновскомъ смыслѣ, показываетъ, что хотѣлъ сказать Гладстонъ. (To-Day, мартъ 1884 г.). Комичнѣе всего здѣсь то, что нашъ человѣчекъ изъ Кембриджа настаиваетъ на томъ, чтобы цитировать рѣчь не по Hansard'у, какъ это, по словамъ анонимнаго Брентано, «принято», но по отчету «Times», по мнѣнію того же Брентано, «несомнѣнно плохому». Конечно, вѣдь фатальной фразы нѣтъ у Hansard'a!

Элеонорѣ Марксъ легко было разбить въ пухъ и прахъ эту аргументацію въ томъ же номерѣ To-Day. Или г-нъ Taylor читалъ полемикъ 1872 г., въ такомъ случаѣ онъ «зжеть» теперь, или онъ ее не читалъ. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ былъ молчать. Во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что онъ ни одну минуту не осмѣливался поддерживать брошенное его другомъ Брентано обвиненіе, что Марксъ «сочинилъ фразу». Наоборотъ, по словамъ Taylor'a, Марксъ не только не «сочинилъ», но утаилъ одну важную фразу. Однако эта фраза цитирована на 5 стр. приветственнаго адреса, нѣсколькими строками выше якобы «сочиненной» фразы. Что же касается противорѣчія изъ Гладстоновской рѣчи, то развѣ самъ Марксъ не говоритъ въ Капиталѣ, стр. 618 (3-е изд. стр. 672, въ наст. перев. стр. 550), примѣчаніе 105, о «постоянныхъ кричащихъ противорѣчіяхъ въ бюджетныхъ рѣчахъ Гладстона въ 1863 и 1864 г.!» Онъ только не беретъ à la Sedley Taylor разрѣшать ихъ въ либерально-свѣтломъ духѣ. Такимъ образомъ заключительное резюме отвѣта Э. Марксъ гласитъ: Напротивъ того: Марксъ не утаилъ ничего достойнаго упоминанія и ничего не сочинилъ. Онъ только пожелалъ и спасъ отъ забвенія одну фразу изъ Гладстоновской рѣчи, фразу, которая несомнѣнно была сказана, но такъ или иначе исчезла изъ Hansard'a.

Этого было довольно для Sedley Taylor'a. Результатомъ этой профессорской кампаніи, продолжавшейся два десятилѣтія въ двухъ странахъ, было то, что теперь никто уже не осмѣливается болѣе посягать на литературную добросовѣстность Маркса. Съ этого времени Sedley Taylor такъ же мало будетъ довѣрять литературнымъ военнымъ бюллетеніямъ Брентано, какъ Брентано перестанетъ вѣрить въ панскую непогрѣшимость парламентскихъ отчетовъ Hansard'a.

Лондонъ, 25 іюня 1890.

Ф. Знгельсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА РУССКАГО ПЕРЕВОДА.

Переводъ такого сочиненія, какъ «Капиталь» Маркса, долженъ отличаться двумя качествами: во 1-хъ, безусловной вѣрностью—въ немъ не должно быть ошибокъ; въ 2-хъ, возможно большей точностью. Точность эта, въ свою очередь, можетъ быть двойкаго рода: 1) точность въ передачѣ мысли или, иначе говоря, тѣхъ понятій (не словъ) автора, изъ которыхъ слагаются его сужденія и заключенія; 2) точность въ смыслѣ вѣрной передачи своеобразной стилистической или синтактической физиономіи автора—такая физиономія есть у всякаго крупнаго писателя. Таковы гл. соображенія, которыя руководили нами при редакціи предлагаемаго перевода знаменитаго трактата Маркса.

Для выполненія перваго изъ намѣченныхъ требованій необходимо, чтобы переводчикъ или, по крайней мѣрѣ, редакторъ вполнѣ владѣлъ какъ языкомъ автора, такъ и предметомъ книги. Мы думаемъ, что намъ удалось избѣгнуть въ настоящемъ переводѣ дѣйствительныхъ ошибокъ въ передачѣ текста. Осуществленіе втораго требованія встрѣчаетъ гораздо большія препятствія въ силу того, что оно сталкивается съ естественнымъ стремленіемъ сглаживать неизбежныя при точной передачѣ шероховатости слога замѣной перевода изложеніемъ. Это столкновеніе двухъ требованій—точности передачи и стилистической гладкости перевода усугублялось еще особенностями стиля нашего автора: Марксъ писалъ блестящимъ, но чрезвычайно своеобразнымъ стилемъ, за 25-лѣтнюю литературную дѣятельность *) знаменитаго экономиста поправшаго въ свою нѣмецкую основу элементы французскіе и англійскіе—эти разнородные элементы представлены въ слогѣ Маркса, правда, въ различныхъ размѣрахъ, но и въ очень оригинальномъ сочетаніи. Намъ было жалъ ради того, чтобы сдѣлать слогъ болѣе легкимъ и чтеніе книги менѣе затруднительнымъ—жертвовать своеобразной писательской физиономіей Маркса. Мы, наоборотъ, всѣчески старались сохранить ее и въ русскомъ переводѣ. Занимаясь нѣмецкой экономической литературой 40-хъ гг., мы имѣли случай убѣдиться въ чрезвычайномъ своеобразіи стиля даже первыхъ произведеній Маркса. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ того времени (*Westfällisches Dampfboot*, 1846—1847) двѣ анонимныя статьи насъ буквально

*) Съ начала литературной дѣятельности Маркса до опубликованія I тома «Капитала» прошло ровно 25 лѣтъ (1842—1867).

поразили сходством своего стиля со слогом Маркса. Эти статьи действительно оказались произведениями Маркса, забытыми не только другими лицами, но даже им самим и его верным другом Фр. Энгельсом. Руководясь въ значительной мѣрѣ этимъ критеріемъ своеобразной стилистической фizioноміей Маркса,—мы сдѣлали попытку выдѣлить въ нѣмецкой «Брюссельской Газетѣ» 1847 г., близкимъ сотрудникомъ которой былъ Марксъ, всѣ принадлежащія ему статьи. и полагаемъ, что намъ удалось это сдѣлать съ достаточной степенью вѣрности...

Мы упоминаемъ объ этихъ обстоятельствахъ для того, чтобы рельефнѣе отгѣлнить тѣ соображенія, по которымъ редактируя переводъ I тома «Капитала», тщательно исполненный г-жей Е. А. Гурвичъ и А. М. Закомъ, мышъ уже умершимъ, мы стремились къ возможно болѣе вѣрной передачѣ своеобразной стилистической фizioноміи автора.

Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной въ «Капиталѣ», является понятіе цѣнности. Этимъ словомъ мы пользуемся для передачи нѣмецкаго *Werth*, такъ какъ смыслъ русскаго слова въ точности соответствуетъ смыслу нѣмецкаго слова. То обстоятельство, что Марксъ субстанціей и мѣриломъ цѣнности считаетъ трудовую затрату, вовсе не означаетъ, чтобы онъ сознательно отождествлялъ явленіе цѣнности съ трудовой затратой, съ издержками или стоимостью. Правда, Марксъ въ одномъ мѣстѣ III-го тома прямо говоритъ: *Werth ist Arbeit*. Но это, конечно, только упрощенный способъ выраженія, а не прямое и сознательное отождествленіе. Ибо понимать подъ словомъ *Werth*, *value*, *valeur* трудовую затрату значило бы на мѣсто теоріи явленія (въ данномъ случаѣ цѣнности) ставить простое его опредѣленіе. Трудовая затрата, конечно, измѣряется только количествомъ затраченной трудовой энергіи—это аналитически слѣдуетъ изъ понятія трудовой затраты и не обозначаетъ насъ ни одной крупницей новаго знанія. Не это, конечно, хотѣлъ сказать Марксъ своей теоріей цѣнности и мѣровой цѣнности. Для понятія издержекъ или стоимости и англійскій и нѣмецкій языкъ обладаютъ множицею опредѣленнымъ терминомъ *Cost*, *Kosten*. Самъ Марксъ употребляетъ слово *Kost* въ смыслѣ, обычно присвоенномъ русскому слову «стоимость»: «*Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit*» (капиталистическая стоимость товара измѣряется затратой капитала, действительная же стоимость измѣряется затратой труда». III¹. 2) ¹⁾.

Мы думаемъ, такимъ образомъ, что Марксъ вовсе не желалъ ставить на мѣсто цѣнности издержки или трудовую затрату. Въ своей теоріи онъ лишь устанавливаетъ зависимость общественно-экономиче-

¹⁾ Ср. соображенія Туганъ-Барановскаго въ журналѣ «Міръ Божій» (февраль 1897 г.) Употребленіе слова «*Kost*» въ такомъ значеніи въ единственномъ числѣ несвойственно нѣмецкому языку и представляетъ одинъ изъ многихъ англицизмовъ Маркса.

скаго явленія «цѣнность» отъ другого явленія того же порядка — отъ трудовой затраты. Въ цѣнности выражается индивидуальная или общественная оцѣнка хозяйственныхъ благъ, руководящимъ принципомъ и необходимымъ мѣриломъ которой является трудовая затрата, подобно тому, какъ въ потребительной цѣнности или полезности выражается та индивидуальная или общественная оцѣнка, принципомъ и мѣриломъ которой является настоятельность потребности. Моментъ оцѣнки объединить оба эти столь различныя явленія, и это объединеніе обнаруживается въ общемъ наименованіи «цѣнность». Оно, начиная съ *Kennt*, различавшаго *valeur usuelle* и *valeur venale*, прилагается къ результату хозяйственной оцѣнки, безразлично, производится ли эта оцѣнка съ точки зрѣнія издержекъ или же съ точки зрѣнія потребности и ея удовлетворенія. Отсюда — раздвоеніе цѣнности на мѣровую и потребительную. Кроме того, цѣнность, выражающая общественную оцѣнку съ точки зрѣнія трудовой затраты, по идеѣ Маркса является категоріей, общей всѣмъ общественно-экономическимъ формациямъ, въ которыхъ добычаніе благъ опредѣляется преимущественно затратой труда, тогда какъ русское слово «стоимость», по своему обычному смыслу, т.-е. по принятому въ обыкновенной рѣчи словоупотребленію, обозначаетъ затрату на производствѣ или издержки производства въ хозяйствѣ, основанномъ на обменѣ, т.-е. въ денежномъ, или даже еще уже, въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Обычный смыслъ этого русскаго слова такимъ образомъ не шире, если не уже, чѣмъ англійскаго *Cost* или нѣмецкаго *Kosten*. Научная же терминологія никогда не должна безъ особой надобности уклоняться отъ обычнаго словоупотребленія. Если послѣднее прочно связывается со «стоимостью», значеніе выраженныхъ въ деньгахъ издержекъ производства, то, очевидно, что съ точки зрѣнія такого словоупотребленія, отъ котораго нѣтъ никакой надобности отказываться и наукѣ, словосочетаніе «потребительная стоимость» явно неумѣсто. Моментъ оцѣнки одинаково присущъ какъ трудовой, такъ и потребительной цѣнности, но послѣдней, какъ таковой, совершенно чужды моментъ затраты или издержекъ, составляющій существенное содержаніе понятія «стоимости» — одинаково и въ обычномъ словоупотребленіи, и въ глазахъ тѣхъ, кто слово *Worth* передаетъ черезъ слово «стоимость». Поэтому, можно говорить о потребительной цѣнности, но нельзя, не нарушая логики какъ обычнаго словоупотребленія, такъ и установившейся научной терминологіи, говорить о потребительной стоимости.

Русское слово «цѣнность» глѣзѣе особенно удобно, что его этимологія указываетъ на реально существующую и красной нитью проходящую черезъ всю исторію экономической теоріи связь между понятіями «цѣнность» и «цѣна». Этимологически и по существу цѣнность есть абстрактное, цѣна же конкретное выраженіе одного и того же явленія — хозяйственной оцѣнки. Такъ какъ конкретныя понятія исторически вообще предшествуютъ

абстрактнымъ, то неудивительно, что цѣна и разсужденія о цѣнѣ въ экономической литературѣ появляются раньше, чѣмъ цѣнность и разсужденія о цѣнности. Доказательствомъ этому служить ученіе романистовъ и канонистовъ о справедливой цѣнѣ (*iustum pretium*), въ которомъ заключаются и первые зачатки теоріи цѣнности, но понятіе цѣнности еще сливается съ понятіемъ цѣны: богослововъ и юристовъ, занимавшихся вопросомъ о цѣнѣ, интересовалъ чистый этический вопросъ, какую цѣну считать справедливой — и имъ чужда была теоретическая точка зрѣнія, съ которой только и явилось важнымъ выдѣленіе болѣе абстрактнаго понятія цѣнности¹⁾. Теоретическое понятіе цѣнности, въ отличіе отъ рыночной цѣны, было въ XVII вѣкѣ намѣчено Вильямомъ Петти, но впервые, повидимому, съ полной ясностью установилъ его въ XVIII вѣкѣ другой изъ числа «отцовъ» политической экономіи — Кантильонъ.

Онъ училъ, что «цѣна, или внутренняя цѣнность вещи есть мѣра земли и труда, входящихъ въ производство вещи, при чемъ принимается во вниманіе качество земли или продуктъ земли и качество труда»²⁾. Это понятіе «внутренней цѣнности» (*valeur intrinsèque*) у Кантильона заимствовалъ Адамъ Смитъ: въ его системѣ оно фигурируетъ подъ названіемъ «естественной цѣны».

Мы приводимъ эти факты изъ исторіи экономическихъ ученій, чтобы показать, насколько понятіе и слово «цѣнность» тѣсно связаны съ развитіемъ основныхъ проблемъ экономической науки. Последняя, отпавшая отъ болѣе конкретнаго понятія «цѣна», образуетъ мало-по-малу абстрактное понятіе «цѣнность». Этотъ ходъ развитія прекрасно выражается русской терминологіей, обладающей двумя словами, обозначающими одинъ и тотъ же реальный фактъ, получающійся въ результатѣ хозяйственной оцѣнки — цѣну и цѣнность, но обозначающими его съ различной степенью отвлеченности. Изъ этого слѣдуетъ, что и съ точки зрѣнія преемственнаго развитія экономическихъ понятій слово: *Werth*, *valeur*, *value* соответствуетъ всего болѣе русское слово «цѣнность», этимологически такъ же связанное съ словомъ «цѣна», какъ понятіе *value*, *Werth*, въ развитіи экономическихъ понятій, исторически связано съ понятіемъ *price*, *Preis*. Не надо далѣе забывать, что, строя свое ученіе о цѣнности, Маркxъ стремился объяснить тотъ же самый фактъ, который занималъ его предшественниковъ — хозяйственную оцѣнку благъ, и что если мысль всѣхъ этихъ предшественниковъ работала надъ одной и той же проблемой цѣнности, хотя они весьма различно рѣ-

¹⁾ Канонисты употребляютъ всѣ тѣ слова, которыми подѣзается и позднѣйшая политическая экономія, но въ другомъ смыслѣ.

²⁾ «Le prix et valeur intrinsèque d'une chose en général est la mesure de la terre et du travail qui entre dans sa production, en égard à la bonté du produit de la terre, et à la qualité du travail». (*Essai sur la nature du commerce en général*. Traduit de l'anglois. A Londres. MDCCIV. Датировано по перепечаткѣ гарвардскаго университета. London n. New-York. 1892, p. 36).

шали ее, то то же, конечно, слѣдуетъ сказать и о Марксѣ. Содержаніе того рѣшенія, которое онъ далъ вопросу о сущности и мѣрѣ цѣности, не должно закрывать передъ нами того факта, что самая проблема, занимавшая его, вполне тождественна съ той, надъ которой трудились исследователи, рѣшавшіе вопросъ иначе. Говорить вмѣсто цѣности — стоимости на томъ основаніи, что цѣность определяется стоимостью, значитъ определенное рѣшеніе проблемы ставить на мѣсто самой проблемы. Это и нелогично и чрезвычайно нецѣлесообразно съ точки зрѣнія историческаго изученія экономическихъ идей.

Сказаннаго, думается намъ, вполне достаточно для оправданія и объясненія того, почему слово Werth мы вездѣ переводили черезъ «цѣность».

Нѣсколько словъ о научномъ направленіи и о методѣ Маркса. Въ этомъ отношеніи Марксъ представляеть выдающійся интересъ — трудно найти автора болѣе поучительнаго и съ точки исторіи экономической догматики, и съ точки зрѣнія методологіи. Марксъ былъ въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ, продолжателемъ англо-французской классической политической экономіи, подразумеваемой подъ классической экономіей все научное движеніе, начиная съ Кенэ и кончая Рикардо. Отъ физиократовъ и ихъ англійскихъ продолжателей Марксъ усвоилъ себѣ ту механически-натуралистическую точку зрѣнія, которая столь ярко обнаруживается въ его ученіи о трудѣ, какъ субстанціи цѣности. Это ученіе — вѣнецъ всѣхъ объективныхъ ученій о цѣности, оно прямо материализуетъ послѣднюю, превращая ее въ экономическую субстанцію хозяйственныхъ благъ, подобную физической матеріи, субстанціи физическихъ вещей. Эта экономическая субстанція есть нѣчто матеріальное, такъ какъ образующій цѣность трудъ Марксъ понимаетъ въ чисто-физическомъ смыслѣ, какъ абстрактную затрату нервной и мышечной энергіи, независимо отъ конкретнаго цѣлесообразнаго содержанія этой затраты, отличающагося безконечнымъ разнообразіемъ. Абстрактный трудъ Маркса есть физиологическое понятіе, идеальное, но крайней мѣрѣ, подлежащее сужденію къ механической работѣ.

Рядомъ съ этимъ механическимъ ученіемъ, которое съ неумолимой послѣдовательностью доводитъ до конца «объективизмъ» въ теоріи цѣности, черезъ всю экономическую систему Маркса красной нитью проходитъ пониманіе всѣхъ экономическихъ категорій: цѣности, капитала, ренты, какъ выраженій общественныхъ отношеній между людьми въ процессѣ производства. Въ сознательномъ провозглашеніи и проведеніи этого взгляда заключается наивысшая оригинальность и наибольшая научная заслуга Маркса. Но было бы ошибочно думать, что и въ этомъ отношеніи Марксъ явился безусловнымъ новаторомъ. Его точка зрѣнія была подготовлена всѣмъ предшествующимъ развитіемъ экономической науки и въ эмбріональномъ видѣ ее можно найти не только у физиократовъ, но даже у Кантильона, а, можетъ быть, и раньше. И у Кантильона, и у физиократовъ главнѣйшей проблемой является произ-

водство, какъ общественный процессъ, и распределеніе совокупнаго общественнаго продукта между различными классами. Смитъ и Рикардо точно такъ же занимались этой проблемой производства и распределенія, какъ единого общественного процесса, дѣйствующими лицами котораго являются не отдѣльные хозяйствующие субъекты, а крупныя общественныя группы или классы, на которые распадается современное общество. Эту социологическую точку зрѣнія, на которой классическая экономія стояла безсознательно и, такъ сказать, наивно, Марксъ развивалъ вполне сознательно. Правда, онъ, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, нигдѣ не говоритъ о «распределеніи», но то, что онъ называетъ «производственными отношеніями», охватываетъ собою всецѣло и занимавшую классиковъ проблему «распределенія» въ общемъ смыслѣ слова, — распределенія, неразрывно связаннаго съ данными отношеніями производства и вмѣстѣ съ ними раздѣляющаго историческій характеръ, котораго классики наивно не замѣчали или который они, по крайней мѣрѣ, признавали несущественнымъ. Авторъ «Капитала» усвоилъ себѣ социологическую точку зрѣнія классиковъ, дополнилъ и углубилъ ее широкимъ историзмомъ. Отсюда получилось ученіе объ экономическихъ категоріяхъ, какъ временныхъ, исторически опредѣленныхъ общественныхъ отношеніяхъ людей въ процессѣ производства, — ученіе, составляющее, — какъ мы уже указали выше, — наиболѣе цѣнный оригинальный вкладъ Маркса въ науку. Марксъ училъ, что мѣрило цѣнности не есть свойство вещей, а лишь вещное выраженіе опредѣленнаго общественнаго производственнаго отношенія. — капиталъ тоже является не собраніемъ вещей, а экономическимъ отношеніемъ и т. д. Эта точка зрѣнія Маркса была въ той же мѣрѣ подготовлена всеѣмъ предшествующимъ развитіемъ экономической науки, какъ и его механически-натурлистическій взглядъ на затрату трудовой энергіи, какъ на экономическую субстанцію и количественное мѣрило цѣнности хозяйственныхъ благъ или товаровъ. Какъ все великіе научные дѣятели, Марксъ всецѣло стоитъ на плечахъ своихъ предшественниковъ, и именно поэтому его оригинальное слово получило такой крупный вѣсъ, который въ дальнѣйшемъ развитіи политической экономіи несомнѣнно будетъ лишь возрастать. Критическій анализъ ученія Маркса, связанный съ выясненіемъ его историческаго мѣста въ экономической наукѣ, несомнѣнно долженъ дать и для ея методологіи, и для ея систематики очень цѣнные результаты, гораздо болѣе цѣнные, чѣмъ пережевываніе старыхъ и новыхъ споровъ объ индукціи и дедукціи, объ абстрактности и реалистическомъ методѣ въ политической экономіи.

Такой критическій анализъ не долженъ бояться вскрыть противорѣчія въ ученіи Маркса. Можно сказать, что ни одна глубокая и богатая содержаніемъ научная система немыслима безъ противорѣчій. Чѣмъ она богаче содержаніемъ, тѣмъ больше въ ней, стало бытъ, разнообразныхъ мотивовъ мышленія, и тѣмъ возможнѣе столкновенія между этици

мотивами. Такія столкновенья даже неизбежны, потому что обилие и содержательность мотивовъ устраняетъ возможность для одного и того же ума извѣстить ихъ взаимоотношеніе и силу. Методологическая и критическая ясность всегда является *post festum*, когда научное зданіе уже такъ или иначе сооружено, и остается только подойти къ нему съ аналитическимъ пожомъ, чтобы разложить его на составныя части и образовательные элементы. Но одинъ, хотя бы и самый гениальный умъ, не въ силахъ строить цѣльное научное зданіе и задаваться въ то же время работой критической проверки отдѣльныхъ идущихъ въ дѣло камней. Онъ вынужденъ строить по плану, который онъ самъ свободно и безъ критическихъ заднихъ мыслей сложилъ въ своей головѣ. Онъ строитъ по критеріямъ, которые въ глазахъ послѣдующей критики являются въ значительной мѣрѣ эстетическими. Поэтому нельзя согласиться съ Фр. Альб. Ланге, который, на примѣрѣ Канта и его системы, выставляетъ какъ принципъ истолкованія философскихъ системъ предположеніе ихъ непротиворѣчивости. Съ меньшимъ, если не съ большимъ правомъ и успѣхомъ можно исходить изъ предположенія, что всѣ богатые содержаніемъ и глубокія систематическія построенія представляютъ въ значительной мѣрѣ лишь эстетически, т.-е. субъективно, стройныя концепціи, въ созданіи которыхъ участвовали разнообразные и противорѣчивые мотивы мышленія. Тотъ же Кантъ является тому, быть можетъ, самый блестящій и поразительный примѣръ. Не даромъ извѣстный комментаторъ Канта Vaihinger называетъ основное произведеніе знаменитаго кейнгербергскаго философа «полнымъ противорѣчій» (*widerspruchsvoll*). При бѣдномъ идейномъ содержаніи гораздо легче избѣгнуть глубокихъ противорѣчій, чѣмъ при богатомъ. Вотъ почему мы думаемъ, что истолкованіе Маркса, исходящее изъ убѣжденія въ непротиворѣчивости его системы, тѣмъ самымъ уже умаляетъ ея силу и ея значеніе, которыя заключаются въ богатствѣ и глубинѣ мотивовъ.

Въ экономической системѣ Маркса переплетаются и сплетаются — какъ мы уже указывали — два основныхъ мотива: 1) механически-натуралистическій, подъ вліяніемъ котораго Марксъ создалъ свое «объективное» ученіе о трудовой затратѣ, какъ субстанціи и мѣрилѣ цѣнности, и 2) социологическій, за внешней оболочкой экономическихъ явлений видящій — въ качествѣ ихъ основного содержанія — исторически измѣняющіяся отношенія между людьми въ процессѣ производства. Дѣло критики разъединить и критически извѣстить каждый изъ этихъ мотивовъ въ отдѣльности и затѣмъ изслѣдовать, въ какой мѣрѣ они соизмѣстимы другъ съ другомъ.

Читателю, который захочетъ выяснитъ себѣ историческое мѣсто Маркса въ теоріи политической экономіи, мы настоятельно рекомендуемъ взяться за подлинныя сочиненія физиократовъ, Смита и Рикардо ¹⁾.

¹⁾ Рядомъ съ Марксомъ всегда слѣдуетъ ставить весьма близкаго къ нему, въ качествѣ теоретика, Родбертуса, который во многихъ отношеніяхъ уступаетъ

Методъ (въ узкомъ смыслѣ этого слова) Маркса, какъ экономиста-теоретика, не смотри на все изобиліе въ его трудахъ дескриптивнаго и статистическаго матеріала, можетъ служить характернымъ образомъ абстрактно-дедуктивнаго разсужденія. Описанія и статистика иллюстрируютъ у Маркса его положенія, но никогда ихъ не доказываютъ. Обиліе такихъ «индуктивныхъ» иллюстрацій не должно обманывать насъ насчетъ характернаго для Маркса метода доказательства. Отсюда явствуетъ, въ какой мѣрѣ важна критика не только или, вѣрнѣе, не столько конечныхъ выводовъ Маркса, сколько его основныхъ посылокъ, изъ которыхъ дедуцированы эти выводы. Критика должна, главнымъ образомъ, направиться на послыки, ясно формулированныя, но въ сущности самими Марксомъ нигдѣ не проанализированныя и не обоснованныя. Въ новѣйшей экономической литературѣ въ качествѣ блестящаго индуктивнаго антипода дедуктивнаго Капитала Маркса можно указать «Industrial Democracy» супруговъ Веббъ¹⁾.

Въ основу настоящаго перевода положено 4-е нѣмецкое изданіе. Текстъ его дополненъ на основаніи редактированнаго самими Марксомъ французскаго перевода. Большинство дополненій изъ французскаго изданія введено въ текстъ; только два крупныхъ мѣста мы предпочли выдѣлить въ качествѣ приложений. Къ сему въ основу нашего перевода французскій текстъ мы не считали возможнымъ, потому что, хотя онъ и представляетъ собой въ значительной мѣрѣ трудъ самого Маркса, но на французскомъ языкѣ авторъ Капитала намѣренно въ цѣляхъ популяризаціи, упрощать свое изложеніе.

Въ виду огромной историко-литературной цѣнности цитатъ Маркса, мы озаботились составленіемъ полнаго указателя цитатъ и литературныхъ именъ къ предлагаемому переводу. Эту работу исполнили П. Н. и Е. К. Леонтьевы. Мы надѣемся, что составленный ими указатель сослужитъ хорошую службу всѣмъ тѣмъ, кто интересуется литературой и исторіей политической экономіи и, въ частности, отношеніемъ Маркса къ другимъ экономистамъ, какъ предшественникамъ его, такъ и современникамъ. Такой указатель дастъ возможность читателю въ полной мѣрѣ воспользоваться тѣмъ непрерывнымъ историко-литературнымъ комментариемъ текста, который, какъ справедливо указываетъ Энгельсъ, представляютъ цитаты Маркса. Видѣ, и въ качествѣ знатока англійской экономической литературы, авторъ «Капитала», быть можетъ, до сихъ поръ не превзойденъ ни однимъ изъ экономистовъ.

Сентябрь, 1899 г.

Петръ Струве.

Марксу, но въ некоторыхъ несомнѣнно превосходитъ его. Такъ же, какъ Марксъ, Родбертусъ—истинный продолжатель классической экономіи.

¹⁾ Первый томъ этого сочиненія недавно вышелъ въ русскомъ переводѣ Владимира Ильина подъ заглавіемъ «Теорія и практика англійскаго трюда юніюліана». Изданіе О. Н. Поповой).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Товаръ и деньги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Товаръ.

1) Два фактора товара: потребительная цѣнность и цѣнность въ тѣсномъ смыслѣ (субстанція цѣнности, величина цѣнности).

Богатство общества, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является «огромнымъ скопленіемъ товаровъ» ¹⁾, а отдѣльный товаръ его элементарной формой. Наше изслѣдованіе, поэтому, начинается съ анализа товара.

Товаръ есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ какую-либо человѣческую потребность. Характеръ этой потребности, возникаетъ ли она, напримѣръ, въ желудкѣ или въ фантазіи, насколько не измѣняется дѣла ²⁾. Рѣчи не идетъ также и о томъ, какимъ образомъ вещь удовлетворяетъ человѣческой потребности: непосредственно, какъ предметъ потребленія, или косвенно, какъ средство производства.

Всякая полезная вещь, напр., желѣзо, бумага и т. д., можетъ быть разсматриваема съ двойной точки зрѣнія—качественной и количественной. Каждая такая вещь обладаетъ многими качествами и можетъ, поэтому, быть полезной въ различныхъ отношеніяхъ. Раскрытіе этихъ различныхъ сторонъ и вытекающихъ изъ нихъ многообразныхъ назначеній вещей есть продуктъ историческаго развитія. Такой же историческій характеръ носятъ и нахожденіе общественныхъ мѣръ для количественной стороны полезныхъ вещей ³⁾. Различія товар-

¹⁾ Karl Marx: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin. 1869, стр. 4.

²⁾ «Желаніе предполагаетъ потребность; это—аппетитъ чуха, который столь же свойственъ ему, какъ голодъ тѣлу... большинство вещей имѣетъ цѣнность вслѣдствіе того, что онѣ удовлетворяютъ какимъ-либо потребностямъ духа». Nicolas Barbon: «A Discourse on coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's Considerationes etc. London 1696», стр. 2, 3.

³⁾ «Вещи имѣютъ внутреннее свойство (intrinsic virtue. Это у Барбона специфическое обозначеніе потребительной цѣнности), которое вездѣ имѣетъ одинако-

мыхъ мѣръ частью вытекають изъ различія естественныхъ свойствъ извѣстныхъ предметовъ, частью же имѣють условное происхожденіе, основываясь на сознаніи.

Полезность какой либо вещи дѣлаетъ ее потребительной цѣнностью ⁴⁾. Но эта полезность не виситъ въ воздухѣ: обусловленная свойствами самого товарнаго тѣла, она помимо него не существуетъ. Само товарное тѣло, напр., желѣзо, пшеница, алмазъ, есть поэтому потребительная цѣнность или благо, и это свойство его не зависитъ отъ того, много или мало человеческого труда потребовалось для присвоенія данныхъ потребительныхъ свойствъ. Когда рѣчь идетъ о потребительной цѣнности, предполагается всегда опредѣленное количество ея, напр., дюжина часовъ, аршинъ холста, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности товаровъ служатъ предметомъ особой отрасли знанія, товаровѣдѣнія ⁵⁾. Потребительныя цѣнности реализуются лишь въ пользованіи или потребленіи. Онѣ образуютъ матеріальное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той общественной формѣ, которую намъ предстоитъ изслѣдовать, онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріальными носителями мѣновой цѣнности.

Мѣновая цѣнность представляется, прежде всего, въ видѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода ⁶⁾,—и это отношеніе постоянно мѣняется по мѣсту и времени. Мѣновая цѣнность кажется, потому чѣмъ-то случайнымъ и вполне относительнымъ, а внутренняя, присущая самому товару мѣновая цѣнность (*Valeur intrinsèque*) какой-то *contradictio in adjecto* ⁷⁾. Разсмотримъ это дѣло поближе.

Какой-нибудь товаръ, положимъ кварталъ пшеницы, обмѣнивается на *x* сапожной ваксы или *y* шелка, *z* золота и т. д., словомъ, онъ обмѣнивается въ силу, какъ свойство магнита притягивать желѣзо» (I. с., стр. 16). Свойство магнита притягивать желѣзо стало полезнымъ лишь тогда, когда чрезъ его посредство открыли магнитную полярность.

⁴⁾ «Естественная цѣнность (*Worth*) какой-либо вещи состоятъ въ способности удовлетворять жизненнымъ потребностямъ или удобствамъ». (John Locke: «Some Considerations on the Consequences of the lowering of interest, 1691» въ «Works edit. Lond. 1777», т. II, стр. 28). Въ XVII стол. мы еще часто находимъ у англійскихъ писателей слово «*Worth*» для обозначенія потребительной цѣнности, а слово «*Value*» для мѣновой цѣнности,—совершенно въ духѣ языка, который любитъ конкретныя вещи обозначать германскими словами, а отвлеченныя—романскими.

⁵⁾ Въ буржуазномъ обществѣ господствуетъ *fictione juris*, что каждый человѣкъ, какъ покупатель товаровъ, обладаетъ энциклопедическимъ знаніемъ товаровъ.

⁶⁾ Цѣнность заключается въ мѣновомъ отношеніи, которое существуетъ между одной какой-либо вещью и другой, между извѣстнымъ количествомъ одного продукта и извѣстнымъ количествомъ какого-либо другого». (Le Trosne: «De l'intérêt Social». Physiocrates, ed. Daire. Paris. 1846, стр. 889).

⁷⁾ «Ничто не можетъ имѣть внутренней цѣнности (*intrinsick Value*)» (N. Barbo, гл. I, стр. 16), или какъ говоритъ Бутлеръ:

«The Value of a thing

Is just as much, as it will bring».

(Цѣнность вещи есть именно столько, сколько за нее дадутъ).

разнообразнѣйшихъ отношеній на другіе товары. Слѣдовательно, пшеница, нѣсто одной, имѣетъ много мѣновыхъ цѣнностей. Но такъ какъ x сапожной ваксы, равно какъ y шелка, z золота и т. д. составляютъ каждое мѣновую цѣнность квартера пшеницы, то x сапожной ваксы, y шелка, z золота должны быть способны замѣнять другъ друга или должны представлять одинаковыя мѣновыя цѣнности. Изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что мѣновыя цѣнности, на которыя обмѣнивается одинъ и тотъ же товаръ, равны между собою, а во-вторыхъ, что мѣновая цѣнность можетъ вообще быть лишь способомъ выраженія «формой проявленія» чего-то другого, отличнаго отъ нея по содержанію.

Возьмемъ еще другіе два товара, напр., пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, всегда можно составить уравненіе, въ которомъ данное количество пшеницы приравнивается къ какому-либо количеству желѣза, напр., одинъ кварталъ пшеницы $= a$ центнерамъ желѣза. Что же означаетъ это уравненіе? Что нѣчто общее одинаковой величины существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ одномъ кварталѣ пшеницы и въ a центн. желѣза. Общ., слѣдовательно, равно порознь чему-то третьему, которое само по себѣ не есть ни то, ни другое. Каждая изъ этихъ двухъ вещей поэтому, поскольку она есть мѣновая цѣнность, можетъ быть приведена къ этому третьему.

Простой геометрическій примѣръ разъяснитъ намъ это. Чтобы измѣрять и сравнивать площади всѣхъ прямолинейныхъ фигуръ, ихъ разбиваютъ на треугольники. Самому треугольнику придаютъ выраженіе, совершенно отличное отъ его видимой фигуры—половина произведенія основанія на высоту. Точно такъ же и мѣновыя цѣнности должны быть выражены въ большихъ или меньшихъ величинахъ чего-то общаго всѣмъ товарамъ.

Этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ полезными предметами, т.-е. потребительными цѣностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей. Въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько и всякая другая, разъ она вѣдется въ надлежащей пропорціи. Или, какъ говорить старикъ Барбонъ: «одинъ родъ товара такъ же хорошъ, какъ и другой, если ихъ мѣновыя цѣнности одинаковы; между вещами одинаковой мѣновой цѣнности не существуетъ никакой разницы, никакого различія»⁹⁾. Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества; какъ мѣновыя цѣнности они могутъ различаться лишь количествомъ и не заключающъ въ себѣ, поэтому, ни одного атома потребительной цѣнности.

Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ

⁹⁾ «Одинъ родъ товаровъ такъ же хорошъ, какъ и другой, если мѣновыя цѣнности (value) ихъ равны. Между вещами равной мѣновой цѣнности нѣтъ никакой разницы или различія... Количество свинца или желѣза на сто ф. стерл. обладаетъ такою же мѣновой цѣпностью, какъ и количество золота или серебра на сто ф. ст.» (N. Barbon. I. c., p. 53 и 7).

останется только одно свойство, а именно то, что всё оно—продукты труда. Но, рассматриваемый такъ, продуктъ труда является существенно инымъ, чѣмъ онъ представлялся намъ раньше. Разъ мы оставляемъ въ сторонѣ его потребительную цѣнность, мы, вмѣстѣ съ этимъ, отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которыя дѣлаютъ его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая либо другая полезная вещь; всё его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. Это также больше не продуктъ столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: онъ уже больше не отличается другъ отъ друга, а всё сводится къ равному человеческому труду, выражаютъ абстрактный человеческій трудъ.

Разсмотримъ теперь то, что послѣ всѣхъ этихъ отвлеченій, осталось въ продуктахъ труда. Отъ нихъ осталась только одна, общая имъ всѣмъ и какъ бы призрачная, сущность, простой сгустокъ безразличнаго человеческого труда, т.-е. затрата человеческой рабочей силы—безотносительно къ формѣ затраты. Всё эти вещи теперь выражаютъ собою лишь тотъ фактъ, что при ихъ производствѣ потрачена человеческая рабочая сила, что въ нихъ накопленъ человеческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей всѣмъ имъ общественной субстанціи онѣ являются цѣнностями—товарными цѣнностями.

Въ самомъ мѣновомъ отношеніи товаровъ ихъ мѣновая цѣнность являлась предъ нами, какъ нѣчто совершенно независимое отъ ихъ потребительной цѣнности. Если мы дѣйствительно совершенно отвлечемся отъ потребительной цѣнности продуктовъ труда, то мы получимъ ихъ цѣнность, въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы только что опредѣлили ее. Слѣдовательно, то общее, что выражается въ мѣновомъ отношеніи или въ мѣновой цѣнности товаровъ, это—ихъ цѣнность. Дальнѣйшее наше изслѣдованіе приведетъ насъ опять къ мѣновой цѣнности, какъ къ необходимому способу выраженія или формѣ проявленія цѣнности, которую пока, однако, слѣдуетъ рассматривать независимо отъ этой формы.

Потребительная цѣнность или благо имѣетъ, поэтому, цѣнность лишь потому, что въ ней осуществленъ, матеріализованъ абстрактный человеческій трудъ. Какъ же однако измѣрить величину этой цѣнности? Посредствомъ количества содержащейся въ ней «созидающей цѣнности субстанціи», т.-е. труда. Самое же количество труда измѣряется продолжительностью его, а для рабочаго времени, въ свою очередь, существуетъ извѣстный масштаб—опредѣленная единицы времени, какъ-то часы, дни и т. д.

Можетъ показаться, что, разъ цѣнность товара опредѣляется количествомъ потраченнаго на его производство труда, то чѣмъ лѣвнѣе или неслучайнѣе человекъ, тѣмъ большую цѣнность имѣетъ его товаръ, такъ какъ тѣмъ больше времени ему требуется для его приготовленія. Однако трудъ, образующій субстанцію цѣнности, есть одинаковый человеческій трудъ, затрата одинаковой человеческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества,

выражающаяся въ товарныхъ цѣнностяхъ, разсматривается здѣсь какъ одна и та же рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленнаго множества индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ представляетъ собою такую же человеческую силу, какъ и всѣ другія, поскольку она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и какъ таковая дѣйствуетъ, т.-е. употребляетъ для производства какого-либо товара лишь среднее-необходимое или общественно-необходимое рабочее время. Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ, условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой полезной вещи. Напр., послѣ введенія въ Англіи парового ткацкаго станка было достаточно, можетъ быть, лишь половины прежняго труда для превращенія известнаго количества пряжи въ ткань. Англійскій ручной ткачъ на самомъ дѣлѣ и теперь еще употребляетъ для этого превращенія столько же рабочего времени, какъ и прежде, но продуктъ его индивидуальнаго рабочего часа представляетъ собою теперь лишь половину общественнаго рабочего часа, а потому и цѣнность его понизилась на половину противъ прежней.

Поэтому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени⁹⁾. Каждый отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара¹⁰⁾. Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковыя промежутки рабочаго времени, имѣютъ, поэтому, одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. «Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленные количества застывшаго рабочаго времени»¹¹⁾.

Величина цѣнности какого-либо товара была бы, поэтому, постоянной, если бы необходимое для его производства рабочее время оставалось тоже постояннымъ. Это послѣднее, однако, мѣняется съ каждой переменною въ производительной силѣ труда. Производительная сила труда опредѣляется разнообразными условіями, между прочимъ, средней умѣlostью рабочихъ, степенью раз-

⁹⁾ Прим. ко 2 пзд. «Цѣнность изъ (средствъ существованія), когда они обмѣниваются другъ на друга, регулируется количествомъ необходимаго и обычно употребляемаго для нихъ производства труда». («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc». London, стр. 36). Хотя появленіе этого замѣчательнаго сочиненія, относящагося къ прошлому столѣтію, не обозначаетъ. Однако изъ содержанія его видно, что оно появилось при Георгѣ II, приблизительно въ 1739 или 1740 г.

¹⁰⁾ «Всѣ продукты одного рода образуютъ въ сущности лишь одну массу, цѣна которой опредѣляется въ цѣломъ и безъ отношенія къ частнымъ обстоятельствамъ». («Le Travail, I. c., p. 893).

¹¹⁾ К. Марх, I. c. p. 6.

вѣтія науки и ея техническаго примѣненія, общественными условіями процесса производства, размѣромъ и ролью средствъ производства и, наконецъ, чисто естественными условіями. Одно и то же количество труда выражается, напр., въ восьми бушеляхъ пшеницы въ урожайный годъ и въ четырехъ—въ неурожайный; одно и то же количество труда доставляетъ большее количество металловъ въ богатыхъ рудникахъ, чѣмъ въ бѣдныхъ и т. д. Алмазы рѣдко падаются въ земной корѣ, и нахожденіе ихъ, поэтому, въ среднемъ стоитъ много труда. Слѣдовательно, они въ маломъ объемѣ воплощаютъ много труда. Якобъ (Jасобъ) сомнѣвается, чтобы золото когда-либо оплачивалось по своей полной цѣнности. Еще больше это относится къ алмазамъ. По Эшверге (Eschwege) вся добыча бразильскихъ алмазныхъ копей за 80 лѣтъ въ 1823 г. еще не достигала цѣны средняго полуторгового продукта бразильскихъ же сахарныхъ или кофейныхъ плантацій, хотя она заключала въ себѣ гораздо больше труда, а слѣдовательно—и больше цѣнности. При большемъ богатствѣ копей то же самое количество труда заключалось бы въ большемъ количествѣ алмазовъ, и цѣнность ихъ понизилась бы. Если бы удалось съ небольшимъ трудомъ превращать уголь въ алмазы, то цѣнность ихъ могла бы упасть ниже цѣнности кирпичей. Вообще: чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ меньше рабочее время, нужное для производства какого-либо предмета, тѣмъ меньше кристаллизованная въ немъ масса труда, тѣмъ меньше его цѣнность. Наоборотъ, чѣмъ меньше производительная сила труда, тѣмъ больше рабочее время, нужное для производства какого-либо предмета, тѣмъ больше его цѣнность. Величина цѣнности какого-либо товара измѣняется, слѣдовательно, прямо пропорціонально количеству и обратно пропорціонально-производительной силѣ воплощающагося въ немъ труда.

Вещь можетъ быть потребительной цѣнностью, не будучи цѣнностью. Это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда полезность ея для человѣка не обусловлена трудомъ. Таковы: воздухъ, дѣйственная почва, естественные зуга, дикорастущій лѣсъ и т. п. Вещь можетъ быть полезной и быть продуктомъ человеческого труда, не будучи товаромъ. Кто своими продуктами удовлетворяетъ своей собственной потребности, тотъ, правда, создаетъ потребительную цѣнность, но не товаръ. Чтобы производить товары, онъ долженъ производить не только потребительныя цѣнности, но потребительныя цѣнности для другихъ, общественныя потребительныя цѣнности. [И не только для другихъ вообще. Средневѣковый крестьянинъ производилъ хлѣбъ, который онъ отдавалъ въ видѣ оброка феодалному сеньору, въ видѣ десятины—попамъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ хлѣбъ не становился товаромъ отъ того, что онъ производился для другихъ. Чтобы стать товаромъ, продуктъ долженъ быть путемъ обмена переданъ тому лицу, для котораго онъ является потребительной цѣнностью] ^{11а)}. Наконецъ, никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія. Если она бесполезна, то и содержащійся въ ней трудъ, бесполезенъ, не считается за трудъ и потому не создаетъ никакой цѣнности.

^{11а)} Прим. къ 4 пзд. Слова, ваятыя въ скобки, вставлены мною въ виду того, что часто возникало недоразумѣніе, будто Маркъ считаетъ товаромъ всякій продуктъ, если только его потребляетъ не самъ производитель, а кто-либо другой.—Ф. Э.

2) Двойственный характеръ воплощеннаго въ товарахъ труда.

Сначала товаръ являлся передъ нами, какъ нѣчто двойственное, цѣнность потребительная и цѣнность мѣровая. Потомъ мы видѣли, что и трудъ, разовъ выраженъ въ цѣнности, теряетъ всѣ тѣ характерныя черты, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ производителя потребительныхъ цѣнностей. Я первый критически раскрылъ этотъ двойственный характеръ представленнаго въ товарѣ труда¹²⁾. Такъ какъ этотъ пунктъ является рѣшающимъ и отъ него зависить все въ политической экономіи, то мы рассмотримъ его здѣсь болѣе подробно.

Возьмемъ два товара, положимъ одинъ сюртукъ и 10 аршинъ холста: предположимъ, что цѣнность сюртука вдвое больше цѣнности холста, такъ что если 10 арш. холста = W , то сюртукъ = $2W$.

Сюртукъ есть потребительная цѣнность, которая удовлетворяетъ особой потребности. Для его изготовленія требуется особый видъ производительной дѣятельности, которая опредѣляется цѣлью, способомъ дѣйствія, предметомъ, средствами и результатомъ. Трудъ, полезность котораго выражается въ потребительной цѣнности его продукта, т.-е. въ томъ, что продуктъ его есть потребительная цѣнность, мы называемъ просто полезнымъ трудомъ. Стало быть, при разсмотрѣніи труда съ этой точки зрѣнія всегда принимается во вниманіе его полезный аффектъ.

Какъ сюртукъ и холстъ представляютъ собою качественно различныя потребительныя цѣнности, такъ качественно различенъ и трудъ портного и ткача, производящій ихъ. Если бы эти предметы не представляли собою качественно различныхъ потребительныхъ цѣнностей, а потому—и продуктовъ качественно различныхъ полезныхъ видовъ труда, то они вообще не могли бы и выступать другъ противъ друга въ качествѣ товаровъ. Сюртукъ не обмѣнивается на сюртукъ, одна потребительная цѣнность—на другую, тождественную потребительную цѣнность.

Въ совокупности разнообразныхъ потребительныхъ цѣнностей или товарныхъ тѣлъ обнаруживается совокупность столь же разнообразныхъ видовъ полезнаго труда, различающихся между собою по роду, виду, семейству, подвиду, разновидности,—т.-е. проявляется общественное раздѣленіе труда. Безъ него не можетъ существовать товарное производство, хотя, наоборотъ, товарное производство не составляетъ необходимаго условія существованія общественнаго раздѣленія труда. Въ древнеиндійской общинѣ существуетъ общественное раздѣленіе труда, но продукты труда отъ этого не становятся товарами. Или возьмемъ болѣе близкій примѣръ: на всякой фабрикѣ существуетъ извѣстная система раздѣленія труда, но это раздѣленіе не обуславливается тѣмъ, что рабочіе взаимно обмѣниваются своими индивидуальными продуктами. Только продукты са-

¹²⁾ Л. с. р. 12, 13 и passim.

мостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга частныхъ работъ противостоять одинъ другому, какъ товары.

Ясно, слѣдовательно, что въ потребительной цѣнности каждаго товара содержится опредѣленная цѣлесообразная производительная дѣятельность или опредѣленный полезный трудъ. Потребительныя цѣнности не могутъ противостоять другъ другу какъ товары, если въ нихъ не заключается качественно различныхъ видовъ полезнаго труда. Въ обществѣ, продукты котораго по общему праву принимаютъ форму товаровъ, т. е. въ обществѣ товаропроизводителей, это качественное различіе полезныхъ видовъ труда, выполняемыхъ независимо одинъ отъ другого за частный счетъ самостоятельныхъ произв. водителей, развивается въ цѣлую развѣтвленную систему общественнаго раздѣленія труда.

Сюртуку, впрочемъ, рѣшительно все равно. будетъ ли его носить самъ портной или его заказчикъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ служитъ какъ потребительная цѣнность. Также мало измѣняется само по себѣ отношеніе между сюртукомъ и произведшимъ его трудомъ отъ того, что портняжное искусство дѣлается особой профессіей, самостоятельнымъ звеномъ въ общественномъ раздѣленіи труда. Тамъ, гдѣ люди были вынуждены одѣваться, они цѣлыя тысячелѣтія занимались портняжнымъ искусствомъ, прежде чѣмъ человѣкъ превратился въ портного. Но сюртукъ, холстъ или какой-либо другой предметъ матеріальнаго богатства, прямо не доставляемый природой, всегда были обязаны своимъ существованіемъ какой-либо спеціальной, цѣлесообразной производительной дѣятельности, которая приспособляла особые естественные матеріалы къ особымъ человѣческимъ потребностямъ. Поэтому человѣческій трудъ, въ качествѣ создателя потребительныхъ цѣнностей, т. е. въ качествѣ полезной работы, является условіемъ существованія людей, независимымъ отъ какихъ бы то ни было общественныхъ формъ, вѣчной естественной необходимостью, неизбѣжнымъ посредникомъ въ томъ обмѣнѣ веществъ между человѣкомъ и природой, который представляетъ собой человѣческая жизнь.

Потребительныя цѣнности, сюртукъ, холстъ и т. д., словомъ, всякія товарныя тѣла составляютъ соединеніе двухъ элементовъ: матеріи и труда. Если вычесть общую сумму всѣхъ различныхъ полезныхъ работъ, заключающихся въ сюртукѣ, холстѣ и т. п., то всегда останется какой-то матеріальный субстратъ, нѣчто, доставляемое природой безъ содѣйствія человѣка. Человѣкъ, въ своей производительной дѣятельности, можетъ поступать лишь такъ, какъ поступаетъ сама природа, т. е. лишь измѣнять формы матеріи ¹²⁾. Даже больше. Въ этой са-

¹²⁾ «Всѣ явленія природы, происходятъ ли они отъ руки человѣка, или отъ всеобщихъ физическихъ законовъ, не даютъ намъ даже и представленія о дѣйствительномъ созданіи матеріи, а являются лишь преобразованиемъ ея. Соединеніе и раздѣленіе суть единственные элементы, которые человѣческій умъ находитъ при анализѣ идеи производства. Такъ при производствѣ цѣнностей (потребительныхъ цѣнностей, хотя самъ Вергі хорошо не знаетъ этого, въ своей полемикѣ съ флукратами, о какого рода цѣнности онъ говоритъ) и богатствъ, земля, воздухъ и вода превращаются на поляхъ въ верна; выдѣленія пасѣнаго, обработанныя человѣ-

мой преобразовательной дѣятельности ему постоянно помогаютъ силы природы. Трудъ, поэтому, не есть единственный источникъ производимыхъ имъ потребительныхъ цѣнностей, матеріальнаго богатства. Какъ говорить Петти (William Petty), трудъ отецъ, а земля—мать богатства.

Оставимъ теперь товаръ, какъ предметъ потребления, и перейдемъ къ товарной цѣнности.

По нашему предположенію сюртукъ имѣетъ двойную цѣнность сравнительно съ холстомъ. Это, однако, только количественная разница, которая пока еще насъ не интересуетъ. Напомнимъ поэтому, что если цѣнность сюртука вѣное больше цѣнности 10 арш. холста, то 20 арш. холста имѣютъ ту же цѣнность, что и сюртукъ. Какъ цѣнности, сюртукъ и холстъ суть вещи одинаковой субстанціи, объективные выраженія однороднаго труда. Но трудъ портного и трудъ ткача суть качественно различныя виды труда. Существуютъ, однако, такія общественныя условія, когда одинъ и тотъ же человѣкъ попеременно ткеть и шьетъ, такъ что эти два различныхъ вида труда суть лишь видоизмѣненія труда одного и того же индивидуума и не представляютъ еще прочно обособившихся функций разныхъ лицъ, все равно какъ сюртукъ, который нашъ портной шьетъ сегодня, и панталоны, которые онъ будетъ шить завтра, составляютъ лишь варіація одного и того же индивидуальнаго труда. Кромѣ того, при первомъ же взглядѣ видно, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, сообразно съ измѣнявшимся направленіемъ спроса на трудъ, пзвѣстная часть человѣческаго труда должна выступать попеременно то въ формѣ портняжнаго труда, то въ формѣ ткацкаго. Эта перемена формы труда не обходится, конечно, безъ пзвѣстнаго тревія, но она не можетъ не происходить. Если отвлечься отъ опредѣленныхъ формъ производительной дѣятельности, а, слѣдовательно, и отъ полезнаго характера труда, то отъ него останется лишь то, что онъ представляетъ затрату человѣческой рабочей силы. Трудъ ткача и трудъ портного, хотя качественно они—различныя производительныя дѣятельности, оба представляютъ производительную трату человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, рукъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ оба они только человѣческій трудъ. Это только два различныхъ способа—затрачивать человѣческую рабочую силу. Разумѣется, сама человѣческая рабочая сила должна быть болѣе или менѣе развита для того, чтобы она могла быть, въ той или другой формѣ, затрачена. Но цѣнность товара представляетъ собою просто человѣческій трудъ, трату человѣческаго труда вообще. Какъ въ буржуазномъ обществѣ генералъ или банкиръ играютъ важную роль, человѣкъ же вообще—весьма жалкую ¹⁴⁾, такъ-же обстоитъ дѣло и относительно человѣческаго труда. Онъ представляетъ собою трату простой средней рабочей силы, которой безъ особеннаго развитія располагаетъ организмъ каждаго обыкновеннаго человѣка. Простой средній трудъ, правда, тоже имѣетъ свой

комъ, превращаются въ бархатъ; куски металла формируются въ какой-нибудь механизмъ». (Pietro Verri: «Meditazioni sulla Economia Politica» (впервые напечатано въ 1773 г.) въ изданіи итальянскихъ экономистовъ Custodi, Parte Moderna, т. XV р. 22).

¹⁴⁾ Ср. «Hegel, Philosophie des Rechts». Berlin 1840, стр. 250, § 190.

характеръ въ различныхъ странахъ и въ различныхъ культурныхъ эпохи, но въ каждомъ данномъ обществѣ онъ представляетъ нѣчто опредѣленное. Сложный трудъ есть только потенцированный (возведенный въ степень) или, вѣрнѣе, помноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большому количеству простого труда. Опытъ показываетъ, что такое приведеніе постоянно происходитъ. Какой-нибудь товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, но цѣнность его дѣлаетъ его равнымъ продукту простого труда, а потому и сама представляетъ лишь извѣстное количество простого труда¹³⁾. Различныя отношенія, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ общей единицѣ измѣренія, устанавливаются посредствомъ общественнаго процесса, за спиной производителей, а потому кажутся имъ установленными обычаями. Поэтому въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы, ради простоты, всякаго рода рабочую силу будемъ разсматривать прямо, какъ простую рабочую силу, благодаря чему намъ уже не нужно будетъ заботиться о приведеніи одного вида труда къ другому.

Какъ въ цѣностяхъ «сюртукъ» и «холстъ» не принимается во вниманіе различіе ихъ въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей, такъ и въ трудѣ, который заключается въ этихъ цѣностяхъ, исчезаетъ различіе между его полезными формами, т.-е. между портняжнымъ искусствомъ и ткачествомъ. Подобно тому какъ потребительныя цѣнности «сюртукъ» и «холстъ» представляютъ собою соединеніе различныхъ видовъ дѣлсообразной производительной дѣятельности съ сукномъ и пряжей, а соответственныя рыночныя цѣнности, наоборотъ, лишь кристаллы однороднаго труда, такъ-же точно и воплощенные въ этихъ цѣностяхъ виды труда имѣютъ значеніе не въ силу своего производительнаго отношенія къ сукну и пряжѣ, но лишь въ качествѣ тратъ человѣческой рабочей силы. Портняжное искусство и ткачество являются образовательными элементами потребительныхъ цѣнностей «сюртукъ» и «холстъ» именно благодаря своимъ качественнымъ особенностямъ; субстанцію же цѣнности сюртука или холста они представляютъ лишь постольку, поскольку совершенно остаются въ сторонѣ эти ихъ качественные особенности и принимается во вниманіе лишь одно, присущее имъ обоемъ качество—качество человѣческаго труда.

Сюртукъ и холстъ представляютъ собою, однако, не только цѣнности вообще, но цѣнности извѣстной величины и, по нашему предположенію, сюртукъ цѣнится вдвое выше, чѣмъ 10 арш. холста. Откуда происходитъ это различіе въ величинѣ цѣнностей? Отъ того, что холстъ содержитъ въ себѣ лишь половину труда, содержащагося въ сюртукѣ, т.-е. для производства послѣдняго требуется вдвое больше времени, чѣмъ для производства перваго.

Поэтому, если по отношенію къ потребительной цѣнности принимается въ

¹³⁾ Читатель долженъ замѣтить себѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о заработной платѣ или цѣнности, которую рабочій получаетъ за рабочій день, но о товарной цѣнности, въ которой воплощается его рабочій день. Вообще категория заработной платы еще вовсе не существуетъ для настоящей стадіи нашего изложенія.

расчетъ лишь качественная сторона труда, то по отношенію къ величинѣ цѣнности, разъ уже произведено сведеніе опредѣленныхъ формъ труда къ человѣческому труду вообще безъ различія качествъ, въ счетъ идетъ лишь количественная сторона труда. Тамъ рѣчь идетъ о томъ, какъ и что трудъ производить, здѣсь—лишь о томъ, сколько времени онъ продолжается. Такъ какъ величина цѣнности всякаго товара представляетъ собою лишь количество содержащагося въ немъ труда, то разные товары въ извѣстныхъ пропорціяхъ должны представлять всегда одинаковую цѣнность.

Если производительная сила, положимъ, всѣхъ видовъ полезнаго труда, необходимаго для производства одного сюртука, остается безъ перемены, то величина цѣнности сюртуковъ возрастаетъ лишь съ возрастаніемъ ихъ числа. Если одинъ сюртукъ представляетъ x рабочихъ дней, то два сюртука представляютъ $2x$ и т. д. Но предположимъ, что трудъ, необходимый для производства сюртука, увеличивается вдвое или уменьшается на половину. Въ первомъ случаѣ одинъ сюртукъ представляетъ теперь столько цѣнности, сколько раньше представляли два; въ послѣднемъ случаѣ—два имѣютъ столько цѣнности, сколько прежде одинъ, хотя одинъ сюртукъ оказываетъ ту же услугу, что и раньше, и содержащійся въ немъ трудъ—одинаковаго качества съ прежнимъ. Все дѣло въ томъ, что количество труда, потраченнаго на его производство, измѣнилось.

Большее количество потребительныхъ цѣнностей составляетъ само по себѣ большее матеріальное богатство: два сюртука больше одного; въ два сюртука можно одѣть двухъ человѣкъ, въ одинъ—только одного и т. д. Тѣмъ не менѣе возрастанію массы матеріальнаго богатства можетъ соответствовать одновременное пониженіе величины его цѣнности. Это противоположное движеніе вытекаетъ изъ двойственнаго характера труда. Производительная сила, разумѣется, всегда есть производительная сила полезнаго, конкретнаго труда, и въ дѣйствительности ею опредѣляется лишь степень успѣшности цѣлесообразной производительной дѣятельности въ данный періодъ времени. Полезный трудъ, становится, поэтому, болѣе или менѣе обильнымъ источникомъ продуктовъ прямо пропорціонально возрастанію или пониженію его производительной силы. Наоборотъ, перемены въ производительной силѣ сами по себѣ висколько не касаются труда, воплощеннаго въ цѣнность. Такъ какъ производительная сила принадлежитъ конкретной формѣ полезнаго труда, то она естественно, разъ мы отвѣкаемся отъ всякой конкретной формы труда, не можетъ уже имѣть къ послѣднему никакого отношенія. Поэтому, одинъ и тотъ же трудъ, въ одинаковый промежутокъ времени всегда создаетъ одинаковую величину цѣнности, какъ бы ни измѣнялась производительная сила. Но въ тотъ же промежутокъ времени онъ доставляетъ различныя количества потребительныхъ цѣнностей: больше, когда производительная сила возрастаетъ, меньше—когда она падаетъ. Та самая перемена въ производительной силѣ, которая увеличиваетъ производительность труда и, стало быть, массу производимыхъ имъ потребительныхъ цѣнностей, уменьшаетъ величину ихъ цѣнности, если она приводитъ къ сокращенію рабочаго времени, затрачиваемаго на про-

изводство общей массы продукта. При обратномъ предположеніи происходятъ обратное.

Всякій трудъ, есть, съ одной стороны, трата человѣческой рабочей силы въ физиологическомъ смыслѣ, и въ этомъ своемъ качествѣ одинаковаго человѣческаго или абстрактнаго человѣческаго труда онъ создаетъ товарную цѣнность. Но всякій трудъ, съ другой стороны, есть трата человѣческой силы въ особой плѣсообразной формѣ, и въ этомъ своемъ качествѣ конкретнаго полезнаго труда онъ производитъ потребительныя цѣнности¹⁵⁾.

3) Форма цѣнности или мѣновая цѣнность.

Товары являются на свѣтъ въ формѣ потребительныхъ цѣнностей или товарныхъ тѣлъ, каковы—жѣлѣзо, холстъ, пшеница и т. д. Это ихъ доморощенная натуральная форма. Но товарами они являются только потому, что они представляютъ въ что двойственное, предметы потребленія и въ то же время носителей цѣнности. Они, поэтому, являются въ качествѣ товаровъ или обладаютъ формой товаровъ лишь постольку, поскольку они обладаютъ этой двойственной формой,—формой натуральной и формой цѣнности.

¹⁵⁾ Прим. ко 2 изд. Чтобы доказать, «что только трудъ есть единственное конечное и реальное мѣрило, которымъ во все времена можетъ помѣряться и сравниваться цѣнность всехъ товаровъ», А. Смитъ говоритъ: «Одинаковыя количества труда должны для самого рабочаго имѣть во все времена и во всехъ мѣстахъ одинаковую цѣнность. При нормальномъ состояніи своего здоровья, силы и дѣятельности и при средней степени умѣлости, которой онъ обладаетъ, онъ всегда долженъ отдавать одинаковую долю своего спокойствія, своей свободы и своего счастья» (Wealth of Nations, в. I. ch. V). Съ одной стороны, А. Смитъ смѣшиваетъ здѣсь (но не повсюду) опредѣленіе умѣлости количествомъ труда, потраченнаго на производство товара, съ опредѣленіемъ цѣнности товара цѣпностью труда, и по этому старается доказать, что одинаковыя количества труда имѣютъ постоянно одинаковую цѣпность. Съ другой стороны, онъ догадывается, что трудъ, поскольку онъ воплощается въ цѣпности товаровъ, есть лишь трата рабочей силы; но опять таки эту трату онъ рассматриваетъ лишь, какъ пожертвованіе свободой, спокойствіемъ и счастьемъ, а не видитъ въ ней также и нормальную неизмѣнную функцію. Онъ, впрочемъ, имѣетъ въ виду современнаго наемнаго рабочаго. Гораздо мѣтче судить цѣпрованій уже нами въ примѣч. 9 анонимный предшественникъ Смита: «Человѣкъ въ теченіе недѣли трудился для производства какой-либо необходимой для жизни вещи... и тотъ, который даетъ ему въ обменъ за нее другую вещь, лучше всего можетъ узнать ея настоящій эквивалентъ, высчитать точно, что именно стоитъ ему столько же времени и труда; ибо въ сущности обменъ вещей представляетъ лишь обменъ труда одного человѣка, потраченнаго на данную вещь въ теченіе известнаго времени на трудъ другого человѣка, употребленный на другую вещь въ теченіе такого же промежутка времени» (I. с. р. 39).—[Прим. къ 4 изд. Англійскій языкъ имѣетъ то преимущество, что обладаетъ двумя различными словами для этихъ двухъ различныхъ видовъ труда. Трудъ, который создаетъ потребительную цѣпность и опредѣляется качественно, называется Work въ противоположность къ Labour; трудъ же, который создаетъ цѣпность и опредѣляется лишь количественно, называется Labour, въ противоположность къ Work. См. прим. къ англійскому переводу стр. 14.—Ф. Э.]

Сущность цѣнности товаровъ тѣмъ отличается отъ подруги Фальстафа—вдовушки Квякли, что неизвѣстно, гдѣ ее можно найти. Въ противоположность чувственно грубому бытію товарныхъ тѣлъ, бытіе цѣнностей не заключается въ себѣ ни одного атома матеріи. Можно, поэтому, съ отдѣльнымъ товаромъ, какъ физическимъ тѣломъ, дѣлать, что угодно—какъ воплощеніе цѣнности, онъ всегда останется неуловимымъ. Но вспомнимъ, что товары обладаютъ цѣнностью лишь постольку, поскольку они являются выраженіемъ одной и той же общественной субстанціи человѣческаго труда, что, стало быть, ихъ бытіе въ качествѣ цѣнностей носить чисто общественный характеръ,—изъ этого само собою уже явствуетъ то, что цѣнность можетъ проявляться лишь въ общественномъ отношеніи одного товара къ другому. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы напасть на слѣдъ скрытой въ товарахъ цѣнности, мы исходимъ изъ ихъ мѣновой цѣнности или изъ ихъ мѣнового отношенія; теперь мы должны снова вернуться къ этой формѣ проявленія цѣнности.

Всякій знаетъ, если онъ даже ничего другого не знаетъ, что товары обладаютъ общей формой цѣнности, представляющей рѣзкій контрастъ съ цѣстрымъ разнообразіемъ естественныхъ формъ потребительныхъ цѣнностей, а именно—денежной формой. Намъ, однако, предстоитъ исполнить задачу, къ которой буржуазная политическая экономія никогда даже не приступала, а именно—представить генезисъ этой денежной формы, т.-е. прослѣдить развитіе цѣнности, какъ выраженія мѣнового отношенія товаровъ, начиная съ простѣйшей и наименѣе видной и кончая ослѣпительной денежной формой. Вмѣстѣ съ этимъ разъяснится и та загадка, которую представляютъ собой деньги.

Простѣйшее отношеніе цѣнностей есть, очевидно, отношеніе цѣнности одного товара къ какому-нибудь одному необходимому съ нимъ товару, безразлично какому. Отношеніе цѣнностей двухъ товаровъ представляетъ, поэтому, простѣйшее выраженіе цѣнности одного товара.

А) Простая, единичная или случайная форма цѣнности.

x товара А = y товара В или x товара А равноцѣнно y товара В.

20 аршинъ холста = 1 сюртуку, или 20 арш. холста равноцѣнны одному сюртуку.

1) Оба полюса выраженія цѣнности: относительная и эквивалентная форма цѣнности.

Тайна всякой формы цѣнности скрывается въ этой простой формѣ. Поэтому и трудность задачи заключается въ анализѣ именно этой формы.

Два разнородныхъ товара А и В. въ нашемъ примѣрѣ—холстъ и сюртукъ, явно играютъ здѣсь различныя роли. Холстъ выражаетъ свою цѣнность въ сюртукѣ, а сюртукъ служитъ матеріаломъ для этого выраженія цѣнности. Первый товаръ играетъ активную роль, второй—пассивную. Цѣнность первого товара представляется въ видѣ относительной цѣнности или онъ находится въ

относительной формѣ цѣнности. Второй товаръ функціонируетъ, какъ эквивалентъ, или находится въ эквивалентной формѣ.

Относительная форма и эквивалентная форма цѣнности представляютъ собою соотносительные, взаимно другъ друга обуславливающіе, нераздѣльные моменты, но выстъ съ тѣмъ и взаимно другъ друга исключаящіе или противоположныя крайности, т.-е. полюсы одного и того же выраженія цѣнности. Онѣ всегда распределяются между различными товарами, которые выраженіемъ цѣнности ставятся во взаимную связь. Я не могу, напр., выразить цѣнность холста въ холстѣ же: 20 арш. холста=20 арш. холста не представляетъ собою никакого выраженія цѣнности. Это уравненіе говоритъ только, что 20 арш. холста есть лишь 20 арш. холста, т.-е. лишь извѣстное количество предмета потребленія—холста. Цѣнность холста, слѣдовательно, можетъ быть выражена только относительно, т.-е. въ другомъ товарѣ. Относительная форма цѣнности холста предполагаетъ, поэтому, существованіе какого-либо другого товара, который находится относительно него въ эквивалентной формѣ. Съ другой стороны, этотъ другой товаръ, который фигурируетъ какъ эквивалентъ, не можетъ одновременно находиться и въ относительной формѣ цѣнности. Не онъ выражаетъ свою собственную цѣнность, онъ лишь доставляетъ матеріалъ для выраженія цѣнности другого товара.

Конечно, выраженіе: 20 арш. холста=1 сюртуку или 20 арш. холста равноцѣнно одному сюртуку содержать въ себѣ и обратное отношеніе: 1 сюртуку=20 арш. холста или 1 сюртуку равноцѣненъ 20 арш. холста. Но тогда мнѣ приходится перевернуть уравненіе, чтобы выразить относительно цѣнность сюртука, и какъ только я это сдѣлаю—холстъ становится эквивалентомъ вмѣсто сюртука. Одинъ и тотъ же товаръ, слѣдовательно, не можетъ въ одномъ выраженіи цѣнности выступать одновременно подъ обѣими формами. Обѣ эти формы, наоборотъ, полярно исключаютъ одна другую.

Находится ли какой либо товаръ въ относительной формѣ цѣнности или въ противоположной ей эквивалентной формѣ это зависитъ исключительно отъ занимаемаго имъ каждый разъ мѣста въ выраженіи цѣнности, т.-е. отъ того, представляетъ ли онъ товаръ, цѣнность котораго выражается, или товаръ, въ которомъ цѣнность выражается.

2) Относительная форма цѣнности.

а) Содержаніе относительной формы цѣнности.

Чтобы найти, какимъ образомъ простое выраженіе цѣнности одного товара заключается въ отношеніи цѣнности двухъ товаровъ, нужно прежде всего рассмотреть это отношеніе, независимо отъ его количественной стороны. Большей частью поступаютъ какъ разъ обратно и въ отношеніи цѣнности видятъ лишь пропорцію, въ которой опредѣленные количества двухъ различнаго рода товаровъ представлены равными между собой. Забываютъ, что различныя вещи могутъ быть сравнимы лишь тогда, когда онѣ приведены къ одной общей

единицъ. Только какъ выраженія одной и той же единицы онѣ одноименныя, а потому и совмѣримыя величины ¹⁷⁾.

Равняется ли 20 арш. холста 1 сюртуку или 20 или x сюртукамъ. т.-е. равноцѣнно ли данное количество холста большому или меньшему количеству сюртуковъ, такая пропорція всегда указываетъ, что холстъ и сюртукъ, какъ величины цѣнности, суть выраженіе одной и той же единицы, вещи одной и той же природы. Холстъ=сюртукъ—вотъ основаніе этого уравненія.

Но эти два качественно уравненные товара не играютъ одной и той же роли. Въ нашемъ уравненіи выражена цѣнность лишь холста. И какъ? Черезъ его отношеніе къ сюртуку, какъ къ его «эквиваленту», какъ къ чему-то, на что холстъ «можетъ быть вымѣненъ». Въ этомъ отношеніи сюртукъ фигурируетъ только какъ форма существованія (Existenzform) цѣнности, какъ воплощеніе цѣнности (Wertding), ибо только какъ таковое онъ представляетъ собою то же самое, что и холстъ. Съ другой стороны, здѣсь проявляется или получаетъ самостоятельное выраженіе собственное бытіе холста въ качествѣ цѣнности, ибо только какъ цѣнность онъ имѣетъ отношеніе къ сюртуку, какъ къ чему-то равноцѣнному, какъ къ предмету, на который онъ можетъ быть вымѣненъ. Такъ, напр., масляная кислота и муравейно-кислая соль—по виду совершенно различныя тѣла; обѣ однако состоятъ изъ однихъ и тѣхъ-же химическихъ веществъ—углерода (C), водорода (H) и кислорода (O) и даже въ одинаковомъ процентномъ отношеніи, а именно $C_4H_8O_2$. Если же мы муравейно-кислую соль приравняемъ масляной кислотѣ, то тогда въ этомъ уравненіи, во-первыхъ, муравейно-кислую соль мы примемъ только, какъ форму существованія (Existenzform) $C_4H_8O_2$ а во вторыхъ—этимъ мы скажемъ, что и масляная кислота состоитъ изъ $C_4H_8O_2$. Приравненіемъ муравейно-кислой соли къ масляной кислотѣ будетъ, слѣдовательно, выражена ихъ химическая сущность въ отличіе отъ ихъ физической формы.

Когда мы говоримъ: какъ цѣнности, товары суть только кристаллизованный человѣческій трудъ, то мы своимъ анализомъ сводимъ ихъ къ абстрактному понятію цѣнности (Wertabstraction), но не придаемъ имъ никакой другой формы цѣнности, отличной отъ ихъ естественной формы полезныхъ предметовъ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда рѣчь идетъ объ отношеніи цѣнности одного товара къ цѣнности другого. Свойство товара быть цѣнностью выступаетъ тутъ черезъ посредство его собственного отношенія къ другому товару.

Тѣмъ, напр., что сюртукъ, какъ воплощеніе цѣнности, приравнивается къ холсту, и заключенный въ сюртукъ трудъ также приравнивается къ труду, содержащемуся въ холстѣ. Правда, трудъ портного, производящій сюртукъ, конкретно отличается отъ труда ткача, производящаго холстъ; но приравненіе къ

¹⁷⁾ Тѣ немногіе экономисты, которые, какъ S. Bailey, занимались анализомъ формы цѣнности, не могли придти ни въ какому результату, во-первыхъ потому, что они смѣшивали форму цѣнности съ самой цѣнностью, во-вторыхъ—потому, что подъ грубымъ вліяніемъ узко-практическаго духа буржуазіи, они съ самаго начала имѣли въ виду исключительно лишь количественное опредѣленіе. «Опредѣленіе количества составляетъ цѣнность.» («The command of quantity... constitutes value». («Money and its Vicissitudes». Lond. 1837, p. 11). Авторъ: S. Bailey.

труду ткача сводить фактически трудъ портного къ общему и равному для обоихъ этихъ родовъ труда содержанію, а именно къ человѣческому труду вообще. Этимъ окольнымъ путемъ выражаютъ, что и трудъ ткача, поскольку онъ ткеть цѣнность, ничѣмъ не отличается отъ труда портного, т.-е. представляеть только абстрактный человѣческій трудъ. Только выраженіе эквивалентности разнородныхъ товаровъ, сводя фактически различные виды труда, заключающагося въ разнородныхъ товарахъ, къ ихъ общему содержанію — къ человѣческому труду вообще, обпаруживаетъ специфическій характеръ труда, какъ создателя цѣнности ^{17a)}.

Однако, не достаточно обозначить только специфическій характеръ того труда, который образуетъ цѣнность холста. Человѣческая рабочая сила въ текущемъ состояніи или человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ. Чтобы выразить цѣнность холста, какъ застывшій человѣческій трудъ, надо придать ей «предметное» выраженіе, которое естественно отличалось бы отъ самого холста и было бы обще ему съ другими товарами. Эта задача уже рѣшена выше.

Въ отношеніи цѣнности холста сюртукъ считается качественно равнымъ ему. вещью одинаковой природы, такъ какъ онъ тоже есть цѣнность. Онъ здѣсь фигурируетъ, значить, какъ вещь, въ которой проявляется цѣнность, или которая въ своей осязательной естественной формѣ представляетъ цѣнность. Правда, сюртукъ, т.-е. тѣлесная форма сюртука, представляетъ только потребительную цѣнность. Сюртукъ такъ же мало выражаетъ цѣнность, какъ и любой кусокъ холста. Но это только доказываетъ, что внутри отношенія цѣнности къ холсту сюртукъ значить больше, чѣмъ вѣтъ его — подобно тому какъ нѣкоторые люди въ вышитыхъ золотомъ мундирахъ значать больше, чѣмъ вѣтъ ихъ.

Въ производствѣ сюртука фактически затрачена, въ формѣ портняжнаго труда, человѣческая рабочая сила. Слѣдовательно въ немъ накопленъ человѣческій трудъ. Съ этой стороны сюртукъ есть «носитель цѣнности», хотя этого его свойства нельзя рассмотреть сквозь его ткань, какъ бы прозрачна она ни была. И въ данномъ отношеніи цѣнности онъ фигурируетъ лишь съ этой стороны, т.-е. какъ воплощенная цѣнность, какъ тѣло цѣпности. Несмотря на то, что онъ выступаетъ застегнутымъ на все пуговицы, холстъ узналъ въ немъ родственную себѣ «прекрасную душу» — цѣнность (*schöne Wertseele*). Однако, сюртукъ не можетъ, въ своихъ отноше-

^{17a)} Прим. ко 2 изд. Одинъ изъ первыхъ экономистовъ, который, послѣ William Petty, постигъ природу цѣпности, знаменитый Франклинъ, говоритъ: «такъ какъ торговля есть вообще лишь обмѣнъ одного труда на другой, то цѣпность всѣхъ вещей можетъ быть вѣрнѣе всего оцѣнена трудомъ». (*The Works of B. Franklin etc., edited by Sparks, Boston 1836, v. II. p. 267.*) Франклинъ не сознаетъ, что, оцѣпывая цѣпность всѣхъ вещей «трудомъ», онъ отвлекается отъ различія обмѣпываемыхъ работъ и сводить ихъ къ одинаковому человѣческому труду. Но самъ того не сознавая, онъ, тѣмъ не менѣе, это высказываетъ. Онъ говоритъ сперва объ «одномъ трудѣ», потомъ «о другомъ трудѣ», наконецъ, о «трудѣ» безъ дальнѣйшаго опредѣленія, какъ о субстанціи цѣпности всѣхъ вещей.

ніяхъ къ холсту, представлять цѣнность, безъ того, чтобы и эта послѣдняя, въ свою очередь, для холста не приняла формы сюртука. Такъ индивидуумъ А можетъ разсматривать индивидуумъ В, какъ величество, лишь въ томъ случаѣ, если для А это величество припимается вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесный видъ В, а потому—черты лица, волосы и многое другое мѣняются, когда одинъ наблюдатель смѣняется другимъ.

Въ отношеніи цѣнности, въ которомъ сюртукъ образуетъ эквивалентъ холста, форма сюртука функционируетъ, следовательно, какъ форма цѣнности. Цѣнность товара «холстъ» выражается такимъ образомъ въ тѣлѣ товара «сюртукъ», цѣнность одного товара—въ потребительной цѣнности другого. Какъ потребительная цѣнность, холстъ есть вещь, тѣлесно отличающаяся отъ сюртука; какъ цѣнность онъ представляетъ ничто «равное сюртуку» и имѣетъ, потому, тотъ же видъ, что сюртукъ. Такимъ образомъ, онъ получаетъ форму, отличную отъ его естественной формы. Бытіе его въ качествѣ цѣнности (Werthsein) проявляется въ его равенствѣ съ сюртукомъ, какъ натура христіанина—въ его подобіи аяцу Божію.

Итакъ, мы видимъ: все, что раньше открылъ нашъ анализъ товарной цѣнности, говоритъ самъ холстъ, какъ только онъ вступаетъ въ сношеніе съ другимъ товаромъ, сюртукомъ. Только онъ раскрываетъ свои мысли на единственномъ доступномъ ему языкѣ, товарномъ. Холстъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что трудъ въ своемъ абстрактномъ качествѣ человеческого труда создаетъ его (холста) собственную цѣнность, говоритъ, что сюртукъ, поскольку онъ равенъ ему, т. е. есть тоже цѣнность, состоитъ изъ того же труда, что и онъ, холстъ. Вмѣсто того, чтобы сказать, что высшая, духовная сущность его, какъ цѣнности, отлична отъ его жесткаго полотнянаго тѣла, онъ говоритъ, что цѣнности имѣетъ видъ сюртука и «потому» онъ, въ качествѣ воплощенія цѣнности, похожъ на сюртукъ, какъ одна капля воды на другую. Замѣтимъ кстати, что товарный языкъ, кромѣ еврейскаго, имѣетъ еще много другихъ, болѣе или менѣе правильныхъ, варіантѣй. Такъ, напр., нѣмецкое «Werthsein» выражаетъ менѣе рѣзко и точно, чѣмъ романскій глаголъ *valere, valer, valoir*, что уравненіе товара В съ товаромъ А есть настоящее выраженіе цѣнности товара А. *Paris vaut bien une messe!*

Итакъ, посредствомъ отношенія цѣнности, натуральная форма товара В становится формой цѣнности товара А, или тѣло товара В дѣлается зеркаломъ цѣнности товара А¹⁸). Товаръ А, относясь къ товару В, какъ къ тѣлу цѣнности, какъ къ овеществленному человѣческому труду, дѣлаетъ этимъ потребительную цѣнность товара В матеріаломъ для выраженія своей собственной цѣнности. Цѣн-

¹⁸) Съ человѣкомъ, до пѣкоторой степени, происходитъ то же самое, что съ товаромъ. Такъ какъ онъ является на свѣтъ безъ зеркала, а также не въ видѣ фиктивного философа: Я есмь Я, то онъ сначала разсматриваетъ себя въ томъ зеркалѣ, которое представляетъ для него другой человѣкъ. Лишь чрезъ свое отношеніе къ человѣку Павлу, какъ къ себѣ подобному, человѣкъ Петръ относится къ себѣ самому, какъ къ человѣку. Поэтому и Павелъ, какъ онъ есть, въ своей павловой тѣлесности, имѣетъ для него значеніе формы произведенія рода человѣка.

ность товара А, выраженная такимъ образомъ въ потребительной цѣнности товара В, обладаетъ формой относительной цѣнности.

б) Количественная опредѣленность относительной формы цѣнности.

Всякій товаръ, цѣнность котораго должна быть выражена, представляетъ собою предметъ потребленія въ извѣстномъ количествѣ, напр., 15 шеффелей пшеницы, 100 ф. кофе и т. д. Это данное количество товара содержитъ въ себѣ опредѣленное количество человеческого труда. Форма цѣнности, поэтому, должна выражать не только цѣнность вообще, но и количественно опредѣленную цѣнность или величину цѣнности. Въ отношеніи цѣнности товара А къ товару В, холста къ сюртуку товаръ «сюртукъ» приравнивается не только качественно, какъ тѣло цѣнности, къ холсту вообще, но къ извѣстному количеству холста, напр., 20 аршинамъ приравнивается опредѣленное количество тѣла цѣнности (*Werthkörper*) или эквивалента, напр., 1 сюртукъ.

Уравненіе: «20 арш. холста=1 сюртуку или 20 арш. холста равноцѣнны одному сюртуку» предполагаетъ, что въ одномъ сюртукѣ заключается столько же субстанціи цѣнности, какъ въ 20 арш. холста, что оба товара стоятъ, поэтому, одинаковаго количества труда или одинаковаго количества рабочаго времени. Но необходимое для производства 20 арш. холста или одного сюртука рабочее время мѣняется вмѣстѣ со всякой перемѣной въ производительной силѣ труда ткача или портного. Разсмотримъ, поэтому, ближе вліяніе такихъ перемѣн на относительное выраженіе величины цѣнности.

1. Цѣнность холста мѣняется ¹⁹⁾, а цѣнность сюртука остается постоянной. Если необходимое для производства холста рабочее время удваивается, вслѣдствіе, напр., уменьшенія плодородности земли, на которой сѣется ленъ, то удваивается и его цѣнность. Вмѣсто 20 арш. холста = 1 сюртуку, мы имѣемъ 20 арш. холста = 2 сюртукамъ, такъ какъ 1 сюртукъ содержитъ теперь въ себѣ вдвое меньше рабочаго времени, чѣмъ 20 арш. холста. Наоборотъ, если необходимое для производства холста рабочее время уменьшится на половину, вслѣдствіе, напр., усовершенствованія ткацкаго станка, то цѣнность холста понизится на половину. Сообразно съ этимъ теперь уже 20 арш. холста = $\frac{1}{2}$ сюртука. Итакъ, относительная цѣнность товара А, т.-е. цѣнность его, выраженная въ товарѣ В, увеличивается или уменьшается прямо пропорціонально цѣнности товара А, если цѣнность товара В остается неизмѣнной.

II. Цѣнность холста остается та же, а цѣнность сюртука мѣняется. Если при этихъ обстоятельствахъ необходимое для производства сюртука рабочее время удваивается, вслѣдствіе, напр., плохого сбора шерсти, то мы имѣемъ, вмѣсто 20 арш. холста=1 сюртуку, уравненіе 20 арш. холста= $\frac{1}{2}$ сюртука. Наоборотъ, если цѣнность сюртука уменьшается на половину, то 20 арш.

¹⁹⁾ Выраженіе «цѣнность» употребляется здѣсь, какъ иной разъ и раньше, для обозначенія количественно опредѣленной цѣнности, т.-е. для величины цѣнности.

холста=2 сюртукамъ. При постоянной цѣнности товара А его относительная, выраженная въ товарѣ В, цѣнность увеличивается или уменьшается въ обратномъ отношеніи къ переменной цѣнности В.

Если мы сравнимъ случаи I и II, то увидимъ, что одна и та же переменная величина относительной цѣнности можетъ происходить отъ совершенно противоположныхъ причинъ. Такъ уравненіе—20 арш. холста=1 сюртуку превращается: 1) въ уравненіе—20 арш. холста=2 сюртукамъ или потому, что цѣнность холста увеличилась вдвое или же потому, что цѣнность сюртука вдвое уменьшилась и 2) въ уравненіе—20 арш. холста= $\frac{1}{2}$ сюртука—отъ того яв., что цѣнность холста уменьшилась вдвое или оттого, что цѣнность сюртука удвоилась.

III. Необходимые для производства холста и сюртука количества труда измѣняются одновременно, въ одномъ направленіи и въ одинаковой мѣрѣ. Въ этомъ случаѣ 20 арш. холста все будутъ, какъ и прежде, равняться 1 сюртуку, какъ бы ни измѣнились ихъ цѣнности. Переменная въ ихъ цѣнности открывается лишь при сравненіи съ третьимъ товаромъ, цѣнность котораго осталась неизменною. Если цѣнности всѣхъ товаровъ будутъ увеличиваться или уменьшаться одновременно въ одинаковой пропорціи, то ихъ относительныя цѣнности останутся безъ переменны. Дѣйствительная переменная въ этихъ цѣнностяхъ будетъ замѣчаться тогда лишь потому, что въ одинаковое рабочее время будетъ вообще вырабатываться большее или меньшее, противъ прежняго, количество товаровъ.

IV. Необходимыя для производства холста и сюртука количества труда, а следовательно, и цѣнности этихъ вещей измѣняются одновременно и въ одномъ направленіи, но не въ одинаковой степени или въ противоположныхъ направленіяхъ и т. д. Вліяніе всѣхъ возможныхъ комбинацій этого рода на относительную цѣнность товара опредѣляется просто примѣненіемъ случаевъ I, II и III.

Такимъ образомъ, дѣйствительныя перемены въ величинѣ цѣнности явственно и цѣлкомъ не отражаются въ относительномъ выраженіи или въ величинѣ относительной цѣнности. Относительная цѣнность товара можетъ измѣняться и тогда, когда цѣнность его остается постоянной. Его относительная цѣнность можетъ оставаться неизменною и тогда, когда его цѣнность измѣняется, и, наконецъ, даже одновременныя перемены въ величинѣ цѣнности и въ относительномъ выраженіи этой цѣнности вовсе не должны непременно совпадать по своей величинѣ²⁰⁾.

²⁰⁾ Прим. ко 2-му. Вульгарная политическая экономія со свойственной ей проныцательностью воспользовалась этимъ несоотвѣтствіемъ между величиною цѣнности и ея относительнымъ выраженіемъ. Напр.: «Допустите, что А падаетъ, потому что В, на которое оно обмѣнивается, поднимается, хотя на А и теперь потрачено не меньше труда, и вотъ всеобщій принципъ цѣнности разлетится въ прахъ... Если допускаютъ, что цѣнность В относительно А падаетъ, потому что цѣнность А относительно В поднимается, то рушится основаніе, на которомъ Рикардо воздвигъ свой великій вакопъ, что цѣнность какого-либо товара всегда опредѣляется количествомъ воплощеннаго въ немъ труда; ибо, если переменная въ выдержкахъ А измѣняется не только его собственную цѣнность относительно В, на которое оно

3) Эквивалентная форма.

Мы уже видѣли, что въ то время, когда какой-нибудь товаръ А (холстъ) выражаетъ свою цѣнность въ потребительной цѣнности какого-либо другого, отличнаго отъ него товара В (сюртука), онъ придаетъ этому послѣднему своеобразную форму цѣнности, эквивалентную форму. Товаръ «холстъ» обнаруживаетъ свое собственное бытіе въ качествѣ цѣнности тѣмъ, что сюртуку, не принимая никакой другой формы цѣнности, отличной отъ его матеріальной формы, приравнивается къ холсту. Поэтому, холстъ въ дѣйствительности выражаетъ свою собственную цѣнность тѣмъ, что сюртуку можетъ быть непосредственно обмѣниваемъ на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть, слѣдовательно, форма его непосредственной обмѣниваемости на другой товаръ.

Когда какой-либо товаръ, какъ сюртуку, служить эквивалентомъ какому-либо другому товару, какъ холстъ, и этимъ приобретаетъ характеристическую способность непосредственно обмѣниваться на него, то это еще ни въ какомъ случаѣ не указываетъ пропорціи, въ которой сюртуку и холстъ могутъ быть обмѣниваемы одинъ на другой. Эта пропорція, при данной цѣнности холста, зависитъ отъ цѣнности сюртука. Издается ли сюртуку эквивалентомъ, а холстъ относительной цѣнностью или наоборотъ—холстъ эквивалентомъ, а сюртуку относительной цѣнностью—величина цѣнности его все равно опредѣляется необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ, слѣдовательно,—независимо отъ его формы цѣнности. Но разъ сюртуку въ выраженіи цѣнности занялъ мѣсто эквивалента, то величина его цѣнности, какъ таковая, не получаетъ здѣсь выраженія; онъ фигурируетъ здѣсь, наоборотъ, лишь какъ извѣстное количество нѣкаго полезнаго предмета.

Напр.: 40 арш. холста «равноцѣнны»—чему?—2 сюртукамъ. Такъ какъ товаръ «сюртуку» играетъ здѣсь роль эквивалента, т.-е. потребительная цѣнность «сюртуку» противопоставляется холсту въ качествѣ тѣла цѣнности, то достаточно указать количество сюртуковъ, чтобы выразить опредѣленную величину цѣнности холста. Два сюртука, поэтому, могутъ выразить величину цѣнности 40 арш. холста, но они никогда не могутъ выразить величину своей собственной цѣнности, т.-е. величину цѣнности сюртуковъ. Поверхностное

обмѣнивается, но и цѣнность В относительно А, хотя никакой перемѣны не произошло въ количествѣ труда, необходимаго для производства В, тогда рушится не только та доктрина, которая утверждаетъ, что цѣнность предмета опредѣляется количествомъ затраченнаго на него труда, но и та доктрина, по которой цѣнность предмета регулируется его поддержками производства» (J. Broadhurst: «Political Economy», London, 1842, p. 11, 14).

Съ такими же правами г. Broadhurst могъ бы сказать: присмотримся къ отношенію между числами $\frac{10}{20}$, $\frac{10}{50}$, $\frac{10}{100}$ и т. д. Число 10 остается неизмѣненнымъ и тѣмъ не менѣе его пропорціональная величина, т.-е. величина относительно знаменателей 20, 50, 100 постоянно уменьшается. Слѣдовательно, рушится великій принципъ, что величина какого-либо цѣлаго числа, какъ напр. 10, «регулируется количествомъ содержащихся въ немъ единицъ».

представленіе объ этомъ фактѣ, т.-е., что въ уравненіи цѣнности эквивалентъ обладаетъ лишь формой простаго количества какой-либо вещи, т.-е. потребительской цѣнности, принево Bailey, какъ и многихъ другихъ до и послѣ него, къ тому, что въ выраженіи цѣнности они видѣли лишь одно количественное отношеніе. Между тѣмъ, эквивалентная форма, наоборотъ, не содержитъ въ себѣ никакого количественнаго опредѣленія цѣнности.

Первая особенность, которая бросается въ глаза при разсмотрѣніи эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что потребительная цѣнность становится формой проявленія своей противоположности, т.-е. цѣнности.

Натуральная форма товара становится формой цѣнности. Но въ дѣйствительности это *quid pro quo* имѣетъ мѣсто для товара В (сюртукъ, шиньонъ, желѣзо и т. д.) только въ предѣлахъ того отношенія цѣнности, въ которое съ нимъ вступаетъ какой-либо другой товаръ А (холстъ и т. д.), только въ предѣлахъ именно этого взаимоотношенія. Такъ какъ ни какой товаръ не можетъ относиться къ себѣ самому, какъ эквивалентъ, а, слѣдовательно, и не можетъ обратить свою собственную естественную оболочку въ выраженіе своей собственной цѣнности, то онъ, по необходимости, долженъ взять своимъ эквивалентомъ другой товаръ, т.-е. естественную оболочку другого товара долженъ сдѣлать формой своей собственной цѣнности.

Все это мы можемъ наглядно иллюстрировать тѣмъ способомъ, которымъ мы опредѣляемъ вѣсъ товарныхъ тѣлъ, какъ таковыхъ, т.-е. какъ потребительныхъ цѣнностей. Сахарная голова, какъ тѣло, обладаетъ тяжестью и имѣетъ, поэтому, вѣсъ; но этого вѣса нельзя ни видѣть, ни ощущать. Мы беремъ различные куски желѣза, вѣсъ которыхъ заранѣе опредѣленъ. Сама по себѣ матеріальная форма желѣза столь же мало есть форма проявленія тяжести, какъ и естественная форма головы сахара. Однако, чтобы выразить сахаръ какъ тяжесть, мы приводимъ его въ вѣсовое отношеніе къ желѣзу. Въ этомъ отношеніи желѣзо фигурируетъ какъ тѣло, которое ничего, кромѣ тяжести, не имѣетъ. Куски желѣза извѣстной величины служатъ, поэтому, для опредѣленія вѣса сахара и представляютъ собою, относительно тѣла сахара, лишь простую форму тяжести,—форму, въ которой проявляется тяжесть. Такую роль желѣзо играетъ только въ предѣлахъ этого отношенія, въ которомъ сахаръ или какое-либо другое тѣло, вѣсъ коего требуется опредѣлить, находится съ желѣзомъ. Если бы оба предмета не обладали тяжестью, то они не могли бы вступить въ это отношеніе, и одинъ не могъ бы, поэтому, служить выраженіемъ тяжести другого. Бросимъ ихъ на вѣсы и мы увидимъ, что, какъ тяжести, они дѣйствительно представляютъ собою одно и то-же, а потому, въ извѣстной пропорціи, имѣютъ одинаковый вѣсъ. Какъ желѣзное тѣло, въ качествѣ опредѣлителя вѣса, представляетъ собою, относительно сахарной головы только тяжесть, такъ и въ нашемъ выраженіи цѣнности тѣло сюртука, относительно холста, представляетъ собою только цѣнность.

На этомъ, однако, аналогія прекращается. Въ выраженіи вѣса сахарной головы желѣзо представляетъ собою общее имъ обоимъ естественное свойство—ихъ тяжесть; между тѣмъ какъ въ выраженіи цѣнности холста сюртукъ представляетъ

сверхъестественное свойство обонять этихъ предметовъ, — въ цѣнность, т.-е. нѣчто, имѣющее чисто общественный характеръ.

Относительная форма цѣнности какого-либо товара, напр., холста, выражая его цѣнность, какъ нѣчто совершенно отличное отъ его тѣла и свойствъ, напр., какъ нѣчто равное сюртуку, этимъ самымъ указываетъ, что въ этомъ выраженіи цѣнности скрывается отношеніе общественное. Какъ разъ обратное — съ эквивалентной формой. Она состоитъ именно въ томъ, что какое либо товарное тѣло, напр., сюртукъ, въ своемъ натуральномъ видѣ, выражаетъ собою цѣнность, следовательно, отъ природы обладаетъ формой цѣнности. Правда, это вѣрно лишь въ предѣлахъ того отношенія цѣнности, въ которомъ холстъ относится къ сюртуку, какъ къ эквиваленту ²¹⁾. Но такъ какъ свойства какого-либо предмета не вытекаютъ изъ его отношеній къ другимъ предметамъ, а въ нихъ лишь проявляются, то кажется, что и сюртукъ своей эквивалентной формой, своимъ свойствомъ быть непосредственно обмѣняемымъ обладаетъ такъ же отъ природы, какъ и спонжъ свойствомъ имѣть тяжесть или сохранять теплоту. Отсюда загадочность эквивалентной формы, которую грубый глазъ буржуазнаго эконоμισа замѣчаетъ лишь тогда, когда эта форма появляется предъ нимъ уже въ совершенно законченномъ видѣ, — въ лицѣ денегъ. Тогда онъ пытается разсѣять мистическій характеръ золота и серебра, подсовывая вмѣсто нихъ менѣе блестящіе товары и съ постоянно подновляемымъ чувствомъ удовольствія отчитывая каталогъ всей той товарной черни, всѣхъ тѣхъ предметовъ низшаго рода, которые въ свое время играли роль товарнаго эквивалента. Онъ не догадывается, что и простѣйшее выраженіе цѣнности, какъ напр. 20 арш. холста = 1 сюртуку содержитъ уже разгадку эквивалентной формы.

Тѣло товара, служащаго эквивалентомъ, считается всегда воплощеніемъ абстрактнаго человѣческаго труда и есть всегда продуктъ извѣстнаго полезнаго, конкретнаго труда. Этотъ конкретный трудъ дѣлается, поѣтому, выраженіемъ абстрактнаго человѣческаго труда. Если сюртукъ, напр., разсматривается лишь какъ простое овеществленіе абстрактнаго человѣческаго труда, то дѣятельность портного, которая въ дѣйствительности въ немъ овеществляется, представляетъ также лишь форму овеществленія этого абстрактнаго труда. Въ выраженіи цѣнности холста полезность портняжнаго труда состоитъ не въ томъ, что онъ дѣлаетъ платье, а, следовательно, по нѣмецкой поговоркѣ — и людей, а въ томъ, что онъ создаетъ тѣло, на которомъ, такъ сказать, написано, что оно есть цѣнность, т.-е. представляетъ собою сгустокъ труда, ничѣмъ рѣшительно не отличающагося отъ труда, овеществленнаго въ цѣнности холста. Чтобы создать такое зеркало цѣнности, трудъ портного не долженъ самъ ничего отражать, кромѣ своего абстрактнаго свойства, въ силу котораго онъ является человѣческимъ трудомъ.

²¹⁾ Такія сопоставительныя опредѣленія (Reflexion, bestimmmngen) представляютъ вообще нѣчто своеобразное. Напр., этотъ человѣкъ король, потому что другіе люди относятся къ нему какъ подданные. Между тѣмъ они думаютъ, наоборотъ, что они подданные, потому что онъ — король.

Въ формѣ швейной и въ формѣ ткаческой работы тратится человѣческая рабочая сила. Обѣ эти формы обладаютъ, поэтому, однимъ общимъ свойствомъ—являются человѣческимъ трудомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., когда рѣчь идетъ о производствѣ цѣнности, должны разсматриваться лишь съ этой точки зрѣнія. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго. Но въ выраженіи цѣнности товаровъ дѣло запутывается. Чтобы, напр., выразить, что трудъ ткача образуетъ цѣнность холста не какъ конкретный трудъ ткача, а какъ человѣческій трудъ вообще, ему противопоставляется трудъ портного, т.-е. конкретный трудъ, производящій эквивалентъ холста, какъ осязательную форму овеществленія абстрактнаго человѣческаго труда.

Итакъ, вторая особенность эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что конкретный трудъ дѣлается формой проявленія своей противоположности, т.-е. абстрактнаго человѣческаго труда.

Но этотъ конкретный трудъ—трудъ портного—служитъ простымъ выраженіемъ безразличнаго человѣческаго труда, въ то же время обладаетъ формой равенства съ другимъ трудомъ, заключающимся въ холстѣ и является, поэтому, трудомъ въ его непосредственно общественной формѣ, хотя онъ есть лишь частный трудъ, какъ и всякій другой трудъ, производящій товары. Поэтому-то именно онъ и представляется въ такомъ продуктѣ, который можетъ непосредственно обмѣниваться на другіе товары. Следовательно, третья особенность эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что частный трудъ становится формой своей противоположности, т.-е. трудомъ въ его непосредственно общественной формѣ.

Объ послѣднія, указанныя вами, особенности эквивалентной формы станутъ еще болѣе рельефными, если мы обратимся къ тому великому изслѣдователю, который первый анализировалъ форму цѣнности, какъ и много другихъ мыслительныхъ, общественныхъ и естественныхъ формъ. Мы говоримъ объ Аристотелѣ.

Прежде всего Аристотель ясно высказываетъ, что денежная форма товаровъ есть только болѣе развитой видъ простой формы цѣнности, т.-е. выраженія цѣнности одного товара въ какомъ-либо другомъ товарѣ. Такъ онъ говоритъ:

«5 постелей = 1 дому» (*Κλίνας πέντε ἀντί οἰκίας*).

«не отличается» отъ:

«5 постелей = такому-то количеству денегъ». (*Κλίνας πέντε ἀντί.... δροαμί πέντε κλίνας*).

Далѣе онъ самъ усматриваетъ, что отношеніе цѣнностей, въ которомъ заключается это выраженіе цѣнности, предполагаетъ, съ своей стороны, что домъ качественно приравнивается къ постели, и что эти чувственно различныя вещи не могли бы безъ этого равенства по существу быть относимы одна къ другой какъ соизмѣримыя величины. «Обмѣнъ, —говоритъ онъ,—не можетъ происходить безъ равенства, а равенство не можетъ быть безъ соизмѣримости» (*οὐτὶς ἰσότης ἢ οὕτως συμμετρία*). Но здѣсь онъ становится въ тупикъ и отказывается отъ дальнѣйшаго анализа формы цѣнности. «На самомъ дѣлѣ невозможно (*οἷον μὲν οὖν ἀληθεὶς ἀδύνατον*), чтобы столь различныя вещи были соизмѣримы», т.-е. качественно одинаковы. Подобное приравниваніе можетъ быть лишь

чѣмъ-то постороннимъ истинной природѣ вещей, слѣдовательно, лишь «весьма несовершеннымъ средствомъ удовлетворенія практической потребности».

Такимъ образомъ, Аристотель самъ указываетъ намъ, почему не удастся его дальнѣйшій анализъ,—именно вслѣдствіе отсутствія понятія цѣнности. Что есть то «равное», т.-е. та общая субстанція, представителемъ которой (по отношенію къ постели) въ выраженіи цѣнности послѣдней является домъ? Ничего подобнаго «не можетъ въ дѣйствительности существовать», говоритъ Аристотель. Почему? Домъ представляетъ относительно матраца нѣчто равное, поскольку онъ представляетъ то, что есть дѣйствительно равнаго въ нихъ обоихъ. И это есть—человѣческій трудъ.

Но что въ формѣ цѣнности товаровъ всякіе виды труда выражаются, какъ олимпийскій и потому равноцѣнный человѣческій трудъ, этого Аристотель не могъ усмотрѣть изъ самой формы цѣнности, такъ какъ греческое общество покоилось на рабскомъ трудѣ, а потому естественнымъ основаніемъ его было неравенство людей и ихъ рабочей силы. Тайна выраженія цѣнности, равенство и равноцѣнность всѣхъ видовъ труда, потому что и поскольку они всѣ представляютъ человѣческій трудъ вообще,—эта тайна могла быть разгадана лишь тогда, когда идея челоѣческаго равенства получила уже прочность народнаго предразсудка. Но это возможно только въ обществѣ, въ которомъ товарная форма стала общей формой продуктовъ труда, а, слѣдовательно, и отношеніе людей между собой, какъ товаровладѣльцевъ, стало господствующимъ общественнымъ отношеніемъ. Блестящій геній Аристотеля связывается именно въ томъ, что въ выраженіи цѣнности товаровъ онъ усмотрѣлъ отношеніе равенства. Лишь историческія рамки общества, въ которомъ онъ жилъ, помѣщали ему открыть, въ чемъ «въ дѣйствительности» (ἀληθεία) заключается это отношеніе равенства.

4. Простая форма цѣнности въ ея цѣломъ.

Простая форма цѣнности какого-либо товара заключается въ его отношеніи цѣнности къ какому-либо другому товару или въ мѣновомъ отношеніи къ нему. Цѣнность товара *A* качественно выражается въ свойствѣ товара *B*—быть непосредственно обмѣниваемымъ на товаръ *A*. Количественно же она выражается въ томъ, что извѣстное количество товара *B* можетъ быть обмѣнено на данное количество товара *A*. Другими словами: цѣнность какого-либо товара мы выразимъ самостоятельно, представивъ его какъ «мѣновую цѣнность». Когда мы въ началѣ этой главы, согласно ходячей манерѣ, сказали: товаръ есть потребительная цѣнность и цѣнность мѣновая, то это было, строго говоря, невѣрно. Товаръ есть потребительная цѣнность или предметъ потребления и «цѣнность». Онъ представляется намъ такой двойственной вещью и въ дѣйствительности является ею, поскольку его цѣнность обладаетъ особеннымъ, отличнымъ отъ его естественной формы, выраженіемъ, т.-е. формой мѣновой цѣнности, и этой формой онъ обладаетъ не разсматриваемый изолированно, а всегда—лишь въ отношеніи цѣнности или обмѣна къ какому-либо другому, отличному отъ него то-

вару. Разъ это извѣстно, упомянутый ходячій способъ выраженія уже не вноситъ путаницы, а служитъ для краткости.

Нашъ анализъ показалъ, что форма цѣнности или выраженіе цѣнности товара вытекаетъ изъ природы товарной цѣнности, а не наоборотъ, не цѣнность и ея величина вытекаютъ изъ ихъ способа выраженія, какъ мѣновой цѣнности. Въ такомъ заблужденіи однако повинны какъ меркантилисты и ихъ позднѣйшіе повторяющіе вродѣ Ferrier, Ganilh и др.²¹⁾, такъ и ихъ антиподы, современные комм-вожеры свободной торговли, Bastiat и товарищи. Меркантилисты напираютъ, главнымъ образомъ, на качественную сторону выраженія цѣнности, слѣдовательно, на эквивалентную форму товара, которая въ деньгахъ приобретаетъ законченный видъ; современные же разносчики фритредерской мудрости, которые во что бы то ни стало должны сбыть свой товаръ, напираютъ, наоборотъ, на количественную сторону относительной формы цѣнности. Для нихъ, такимъ образомъ, не существуетъ ни цѣнности, ни величины цѣнности въ ихъ выраженія посредствомъ мѣнового отношенія, т.-е. фактически въ листка биржевого указателя цѣнъ. Шотландецъ Mac Leod, который взялъ на себя миссію по возможности научно разукрасить путаннныя экономическія представленія обитателей Ломбардстрита *), представляетъ удачный синтезъ суевѣрныхъ меркантилистовъ и просвѣщенныхъ поклонниковъ свободной торговли.

Внимательное изслѣдованіе выраженія цѣнности товара *A*, заключающагося въ его отношеніи къ товару *B*, показало, что, въ предѣлахъ этого отношенія, естественная форма товара *A* фигурируетъ лишь, какъ форма потребительной цѣнности, а естественная форма товара *B* — лишь какъ форма цѣнности. Такимъ образомъ, скрытая въ товарѣ внутренняя противоположность между потребительной цѣнностью и цѣнностью проявляется посредствомъ внѣшней противоположности, т.-е. посредствомъ отношенія двухъ товаровъ, въ которомъ одинъ товаръ, цѣнность коего должна быть выражена, непосредственно фигурируетъ лишь какъ потребительная цѣнность, а другой товаръ, въ которомъ эта цѣнность должна быть выражена, фигурируетъ непосредственно лишь какъ мѣновая цѣнность. Простая форма цѣнности товара есть, поэтому, простая форма проявленія заключающейся въ немъ противоположности между потребительной цѣнностью и цѣнностью.

Продуктъ труда, при всякихъ общественныхъ условіяхъ, есть предметъ потребленія; но лишь исторически опредѣленная эпоха, дѣлающая затраченный на производство какого-нибудь полезнаго предмета трудъ его «объективнымъ» свойствомъ, т.-е. его цѣнностью, превращаетъ продуктъ труда въ товаръ. Изъ этого слѣдуетъ, что простая форма цѣнности товара есть вмѣстѣ съ тѣмъ и простая товарная форма продукта труда, что, поэтому, и развитіе товарной формы совпадаетъ съ развитіемъ формы цѣнности.

²¹⁾ Прим. ко 2 изд. F. C. A. Ferrier (sous-inspecteur des douanes): «Du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce. Paris 1805» и Charles Ganilh: «Des Systèmes de l'Économie Politique. 2-ème éd. Paris 1821».

*) Улица, на которой помѣщаются главные лондонскіе банкирскіе дома.

Прим. перев.

Съ перваго взгляда видна недостаточность простой формы цѣнности, этой зародышевой формы, которая, чтобы достигнуть формы цѣны, должна пройти цѣлый рядъ метаморфозъ.

Выраженіе цѣнности товара *A* въ какомъ-нибудь товарѣ *B* проводить только различіе между цѣнностью *A* и его собственной потребительной цѣнностью и ставить его въ мѣновое отношеніе къ одному единственному, отъ него отличному, товару, вмѣсто того, чтобы представить его качественное равенство и количественную пропорциональность со всѣми другими товарами. Простой относительной формѣ цѣнности одного товара соответствуетъ единичная эквивалентная форма другого товара. Такъ, напр., въ отношеніи выраженія цѣнности холста, сюртукъ обладаетъ эквивалентной формой или непосредственной формой обмѣняемости лишь по отношенію къ этому одному товару, холсту.

Но единичная форма цѣнности сама переходитъ въ болѣе полную. Правда, чрезъ посредство ея цѣнность товара *A* можетъ быть выражена только въ одномъ товарѣ другого рода. Но какого рода этотъ другой товаръ—сюртукъ-ли, желѣзо, пшеница и т. д.—это совершенно безразлично. Поэтому, смотря потому, съ тѣмъ-ли или съ другимъ товаромъ онъ вступаетъ въ отношеніе цѣнности, возникаютъ различныя простыя выраженія цѣнности одного и того же товара ^{21a)}. Количество возможныхъ выраженій его цѣнности ограничено лишь количествомъ отличныхъ отъ него родовъ товара. Его изолированное выраженіе цѣнности превращается, такимъ образомъ, въ цѣлый рядъ простыхъ выраженій цѣнности, который можетъ быть продолженъ сколько угодно.

Б. Полная или развернутая форма цѣнности.

(*x* товара *A* = *u* товара *B*, или = *v* товара *C*, или = *w* товара *D*, или = *x* товара *E*, или = и т. д.).

(20 аршинъ холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 2 кварт. пшеницы, или = 2 унцамъ золота, или = $\frac{1}{2}$ тонна желѣза, или = и т. д.).

1) Развернутая относительная форма цѣнности.

Цѣнность одного товара, напр. холста, выражена теперь въ безчисленномъ множествѣ другихъ элементовъ товарнаго міра. Каждое другое товарное тѣло становится зеркаломъ, отражающимъ цѣнность холста ²²⁾. Теперь только эта

^{21a)} Прим. ко 2 изд. Напр., у Гомера цѣнность одной вещи выражается въ цѣломъ рядѣ различныхъ вещей.

²²⁾ Поэтому говорить о сюртучной цѣнности холста, если цѣнность его выражается въ сюртукахъ, о его хлѣбной цѣнности, если она выражается въ хлѣбѣ и т. п. Каждое изъ подобныхъ выраженій говорить, что цѣнность холста есть то, что проявляется въ потребительныхъ цѣностяхъ—сюртукъ, хлѣбъ и пр. «Цѣнность какого либо товара указываетъ на мѣновое отношеніе; поэтому мы можемъ говорить о его хлѣбной цѣнности, о его сюртучной цѣнности, смотря потому, съ какимъ товаромъ его сравниваютъ; тогда имѣются тысячи родовъ цѣнности, столько, сколько имѣется родовъ товаровъ, и всѣ они одинаково реальны и одинаково помпальны» (A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on

цѣнность въполнѣ, воплотивъ свой характеръ кристаллизованнаго безразличнаго человѣческаго труда. Ибо трудъ, образующій ее, ясно представляется здѣсь какъ трудъ, который равноцѣненъ всякому другому человѣческому труду, какой бы естественной формой онъ ни обладалъ и въ чемъ бы онъ ни воплощался—въ сюртукѣ, пшеницѣ, желѣзѣ, золотѣ и т. д. Посредствомъ своей формы цѣнности холстъ, поэтому, находится теперь въ общественномъ отношеніи уже не къ какому-нибудь отдѣльному товару, а ко всему товарному міру. Какъ товаръ, онъ гражданинъ этого міра. Вместе съ тѣмъ безконечный рядъ выраженій товарной цѣнности указываетъ, что она относится совершенно безразлично къ той особенной формѣ потребительной цѣнности, въ которой она каждый разъ конкретно проявляется.

Въ первой формѣ: 20 арш. холста = 1 сюртку—то обстоятельство, что эти два товара способны обмѣниваться другъ на друга въ опредѣленномъ количественномъ отношеніи, можетъ оказаться случайностью. Во второй же формѣ, наоборотъ, тотчасъ же ясно просвѣчиваетъ основа ихъ равенства, существенно отличная отъ случайной формы его проявленія и ее опредѣляющая. Цѣнность холста остается та же, выражается ли она въ сюртукѣ, кофе, желѣзѣ или въ безчисленныхъ другихъ товарахъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ. Случайность отношенія между индивидуальными товаровладельцами исчезаетъ. Становится яснымъ, что не обмѣнъ регулируетъ величину цѣнности товара, а наоборотъ, величина цѣнности товара регулируетъ его рыночное отношеніе.

2) Особенная эквивалентная форма.

Каждый товаръ,—сюртукъ, чай, пшеница, желѣзо и т. д.,—играетъ въ выраженіи цѣнности роль эквивалента и, слѣдовательно, является тѣломъ цѣнности. Опредѣленная естественная форма каждого изъ этихъ товаровъ представляетъ теперь особую эквивалентную форму—рядомъ со многими другими. Точно такъ же и разнообразныя, содержащіяся въ различныхъ товарныхъ тѣлахъ опредѣленные, конкретные, полезные виды труда представляютъ различныя особенныя формы воплощенія или проявленія простого человѣческаго труда вообще.

3) Недостатки полной или развернутой формы цѣнности.

Во-первыхъ, относительное выраженіе цѣнности товара является здѣсь не законченнымъ, такъ какъ рядъ его безконеченъ. Цѣль, въ которой одно уравненіе цѣнности примыкаетъ къ другому, можетъ быть произвольно продолжена присоединеніемъ новыхъ товарныхъ видовъ, доставляющихъ мате-

the Formation, etc., of Opinions. London, 1825, p. 39). S. Bailey, авторъ этого анонимнаго сочиненія, которое въ свое время надызло много шума, воображаетъ, что указаніемъ на пестрое множество относительныхъ выраженій цѣнности одного и того же товара, онъ уничтожилъ всякую опредѣленность понятія цѣнности. Впрочемъ, несмотря на свою собственную ограниченность, онъ иногда раскрываетъ действительно слабыя мѣста теоріи Рикардо, чему доказательствомъ служить та раздражительность, съ которой на него нападала школа Рикардо, напр. въ «Westminster Review».

ріалъ для новыхъ выраженій цѣнности. Во-вторыхъ, она образуетъ пеструю мозаику распадающихся и разнородныхъ выраженій цѣнности. Если же, наконецъ, какъ это не можетъ не произойти, относительная цѣнность всѣхъ товаровъ выражается въ этой развернутой формѣ, то тогда относительная форма цѣнности всякаго товара представляетъ собою безконечный, отличный отъ таковой же формы цѣнности всякаго другого товара, рядъ выраженій цѣнности. Недостатки развернутой относительной формы цѣнности отражаются также на соответствующей ей эквивалентной формѣ. Такъ какъ естественная форма всякаго отдѣльнаго товара представляетъ здѣсь особую эквивалентную форму, рядомъ съ безчисленными другими особыми эквивалентными формами, то существуютъ вообще только ограниченныя эквивалентныя формы, изъ которыхъ каждая исключаетъ другія. Точно также и содержащійся въ каждомъ особомъ товарномъ эквивалентѣ опредѣленный, конкретный полезный видъ труда представляетъ собою только особую, слѣдовательно, неполную форму проявленія человѣческаго труда. Этотъ послѣдній, правда, имѣетъ свою полную или всеобщую форму проявленія въ совокупности всѣхъ указанныхъ отдѣльныхъ формъ. Но въ этомъ случаѣ онъ не обладаетъ никакой единой и настоящей формой проявленія.

Развернутая относительная форма цѣнности состоитъ, поэтому, лишь изъ суммы простыхъ относительныхъ выраженій цѣнности или изъ уравненій первой формы, напр.:

$$20 \text{ арш. холста} = 1 \text{ сюртуку}$$

$$20 \text{ арш. холста} = 10 \text{ ф. чая и т. д.}$$

Но каждое изъ этихъ уравненій содержитъ въ себѣ и обратное равнозначущее уравненіе:

$$1 \text{ сюртукъ} = 20 \text{ арш. холста}$$

$$10 \text{ ф. кофе} = 20 \text{ арш. холста и т. д.}$$

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ обмѣниваетъ свой холстъ на многіе другіе товары и этимъ выражаетъ его цѣнность въ рядѣ другихъ товаровъ, то и владельцы этихъ послѣднихъ должны также обмѣнивать ихъ на холстъ и такимъ образомъ выражать цѣнность своихъ разныхъ товаровъ въ одномъ и томъ же третьемъ товарѣ, въ холстѣ. Слѣдовательно, если мы перевернемъ рядъ: 20 арш. холста = 1 сюртуку, или 10 ф. чая, или — и т. д., т.-е., если мы выразимъ обратное отношеніе, которое, по существу дѣла, уже заключается въ этомъ рядѣ, то мы получимъ:

С. Всеобщую форму цѣнности.

1 сюртукъ	=	} 20 арш. холста.
10 ф. чая	=	
40 ф. кофе	=	
1 квар. пшеницы	=	
2 унца золота	=	
$\frac{1}{2}$ топпы желѣза	=	
x товара A	=	
и т. д.	=	

1) Измѣненный видъ формы цѣнности.

Товары выражаютъ теперь свою цѣнность, во-1-хъ—просто, въ одномъ единственномъ товарѣ, во-2-хъ единообразно,—въ одномъ и томъ же товарѣ. Ихъ форма цѣнности есть простая и общая имъ всѣмъ, а, стало быть, является и всеобщей.

Формы I и II выражали цѣнность товара лишь какъ нѣчто отличное отъ его собственной потребительной цѣнности или его собственного товарнаго тѣла.

Первая форма давала такія уравненія, какъ: I скрутокъ=20 ар. холста, 10 ф. чаю= $\frac{1}{2}$ тонна желѣза и т. д. Цѣнность скрутка, слѣдовательно, выражалась тутъ, какъ нѣчто равное холсту. цѣнность чая, какъ нѣчто равное желѣзу и т. д.; но эти выраженія цѣнности скрутка и чая сами были такъ же различны между собою, какъ холстъ и желѣзо. Эта форма практически, очевидно, встрѣчается лишь въ примитивныя эпохи, когда продукты труда превращаются въ товары только посредствомъ случайныхъ и отдѣльныхъ мѣновыхъ актовъ.

Вторая форма выражаетъ полнѣе первой различіе между цѣнностью товара и его потребительной цѣнностью, ибо цѣнность, напр., скрутка противопоставляется здѣсь его естественной формѣ во всевозможныхъ видахъ; она теперь равна холсту, желѣзу, чаю и т. д., т.-е. всему, кромѣ скрутка. Съ другой стороны, эта форма совершенно исключаетъ всякое всеобщее выраженіе цѣнности товаровъ, такъ какъ въ выраженіи цѣнности каждаго отдѣльнаго товара всѣ остальные товары фигурируютъ лишь въ формѣ эквивалентовъ. Развернутая форма цѣнности въ дѣйствительности встрѣчается тогда, когда какой-нибудь продуктъ труда,—скоть, напр., начинаетъ обмѣниваться на различные другіе товары не въ видѣ исключенія, а уже обычно.

Разсматриваемая нами новая форма выражаетъ цѣнности товарнаго міра въ одномъ и томъ же, выдѣленномъ изъ него товарѣ, напр., въ холстѣ, и выражаетъ, такимъ образомъ, всѣ товары, приравнивая ихъ къ холсту. Какъ нѣчто равное холсту, цѣнность каждаго товара отличается теперь не только отъ его собственной потребительной цѣнности, но и отъ всякой потребительной цѣнности вообще, и этимъ самымъ она выражается, какъ нѣчто общее, собственное всѣмъ товарамъ. Поэтому, только эта форма дѣйствительно приводитъ товары во взаимныя отношенія, какъ цѣнности, т.-е. даетъ имъ возможность выступать другъ противъ друга, какъ мѣновыя цѣнности.

Обѣ первыя формы выражаютъ цѣнность каждаго отдѣльнаго товара либо въ одномъ товарѣ другого рода, либо въ рядѣ многихъ разнородныхъ товаровъ. Въ обоихъ случаяхъ это, если можно такъ выразиться, частное дѣло отдѣльныхъ товаровъ дать себѣ форму цѣнности, и они достигаютъ этого безъ содѣйствія другихъ товаровъ. Эти послѣдніе играютъ относительно нихъ лишь пассивную роль эквивалентовъ. Всеобщая же форма цѣнности, наоборотъ, возникаетъ только, какъ общее дѣло всего товарнаго міра. Какой либо товаръ получаетъ свое всеобщее выраженіе цѣнности лишь потому, что одновременно и всѣ остальные товары выражаютъ свою цѣнность въ этомъ же самомъ эквивалентѣ, и всякій новый товаръ, появляющійся послѣ, долженъ дѣлать

то же самое. Такимъ образомъ обнаруживается, что объективная природа товарной цѣнности, являясь лишь чистго «общественнымъ бытіемъ» товаровъ, можетъ быть выражена также лишь посредствомъ всестороннихъ общественныхъ отношеній этихъ вещей между собою, т. е. что ихъ форма цѣнности должна быть общественно признанной формой.

Въ формѣ, въ которой холстъ становится общимъ эквивалентомъ, всѣ товары являются теперь не только какъ качественно равные между собою, какъ цѣнности вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ количественно сравнимыя между собою величины цѣнности. Въслѣдствіе того, что величину своей цѣнности они отражаютъ въ одномъ и томъ же зеркалѣ, холстѣ, эти величины цѣнности снова взаимно отражаются одна въ другой. Напр., 10 ф. чаю = 20 арш. холста и 40 ф. кофе = 20 арш. холста; слѣдовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе, или въ 1 ф. кофе содержится лишь четвертая часть субстанціи цѣнности труда, заключающагося въ 1 ф. чаю.

Всеобщая относительная форма цѣнности товарнаго міра придаетъ выдѣленному изъ него эквивалентному товару, холсту, характеръ всеобщаго эквивалента. Его собственная естественная форма становится, такимъ образомъ, общимъ выраженіемъ цѣнности товарнаго міра; холстъ, поэтому, можетъ теперь непосредственно обмѣниваться на всѣ другіе товары. Его тѣлесная форма представляется какъ видимое воплощеніе всякаго рода человѣческаго труда, какъ всеобщая общественная оболочка этого труда. Трудъ ткача, частный трудъ, производящій холстъ, приобретаетъ одновременно и всеобщую общественную форму: форму равенства со всѣми другими видами труда. Безчисленные уравненія, изъ которыхъ состоятъ всеобщая форма цѣнности, поочередно приравниваютъ реализованный въ холстѣ трудъ къ работѣ, заключающейся въ каждомъ другомъ товарѣ, и этими дѣлаютъ ткачество всеобщей формой, въ которой проявляется человѣческій трудъ вообще. Такимъ образомъ, не только ошестствленный въ товарной цѣнности трудъ проявляетъ себя отрицательно, т. е. какъ абстрактный трудъ, безъ всякихъ свойственныхъ ему въ дѣйствительности конкретныхъ формъ и полезныхъ качествъ, но ясно выступить и его собственная, положительная природа. Она есть приведеніе всѣхъ реальныхъ видовъ труда къ одному общему имъ содержанию, къ затратѣ человѣческой рабочей силы.

Всеобщая форма цѣнности, которая представляетъ продукты труда просто какъ кристаллизованный безразличный человѣческій трудъ, своимъ оствомъ уже показываетъ, что она есть общественное выраженіе товарнаго міра. Она, слѣдовательно, раскрываетъ, что внутри этого міра общечеловѣчность или всеобщность труда составляетъ его специфическое общественное свойство.

2) Отношеніе между развитіемъ относительной формы и развитіемъ эквивалентной формы.

Степени развитія относительной формы цѣнности соответствуетъ степень развитія эквивалентной формы. Но—и это слѣдуетъ хорошо запомнить—раз-

звѣтіе эквивалентной формы есть только выраженіе и результатъ развитія относительной формы цѣнности.

Простая или изолированная относительная форма цѣнности одного товара превращаетъ какой либо другой товаръ въ случайный эквивалентъ. Развернутая или развитая форма относительной цѣнности, это выраженіе цѣнности одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ, придаетъ имъ всѣмъ форму разнообразныхъ особыхъ эквивалентовъ. Наконецъ, какой либо особый родъ товара получаетъ форму всеобщаго эквивалента, потому что всѣ остальные товары избираютъ его матеріаломъ своей единой и всеобщей формы относительной цѣнности.

Но въ той же самой степени, въ которой развивается форма цѣнности вообще, развивается также противоположность между двумя ея полюсами,—относительной формой и эквивалентной.

Уже первая форма—20 арш. холста=1 сюртуку—содержитъ эту противоположность, но не фиксируетъ ее. Смотря потому, какъ мы будемъ читать это уравненіе—сълѣва направо или справа налѣво, каждый изъ этихъ двухъ товаровъ—холстъ и сюртукъ—находится то въ относительной формѣ цѣнности, то въ эквивалентной. Здѣсь, поэтому, еще трудно замѣтить эту полярную противоположность.

Во второй формѣ всегда лишь одинъ какой нибудь товаръ можетъ вполне развернуть свою относительную форму цѣнности или, другими словами, сама она обладаетъ развернутой формой относительной цѣнности, потому что и поскольку всѣ остальные товары противопоставляются ему въ эквивалентной формѣ. Здѣсь обѣ части уравненія—20 арш. холста=1 сюртуку, или=10 ф. чаю, или 1 кварт. пшеницы, или—и т. д.—не могутъ уже быть взаимно перемѣщаемы безъ измѣненія ихъ общаго характера и безъ превращенія этой формы цѣнности изъ полной во всеобщую форму.

Наконецъ, послѣдняя, III, форма даетъ товарному міру всеобщую общественную относительную форму цѣнности, потому что и поскольку всѣ входящіе въ нее товары, кромѣ одного, лишены эквивалентной формы. Одинъ товаръ, холстъ, находится, поэтому, въ формѣ непосредственной обмѣнчиваемости со всѣми другими товарами или въ непосредственной общественной формѣ, потому что и поскольку другіе товары въ ней не находятся²⁴⁾.

II, наоборотъ, товаръ, фигурирующий въ качествѣ всеобщаго эквивалента,

²⁴⁾ Съ перваго взгляда дѣйствительно не видно, что форма всеобщей непосредственной обмѣнчиваемости полярна, и что она столь же неотдѣлима отъ формы непосредственной обмѣнчиваемости, какъ положительный полюсъ магнита отъ отрицательнаго. Поэтому можно вообразить себѣ, что на всѣ товары можно одновременно наложить печать непосредственной обмѣнчиваемости, какъ можно вообразить, что всѣхъ католиковъ можно сдѣлать одновременно папами. Для мѣщанства, которое въ товарномъ производствѣ видитъ нес plus ultra человеческой свободы и индивидуальной независимости, было бы, разумеется, очень желательно устроить темныя стороны этой формы, въ особенности же непосредственную обмѣнчиваемость товаровъ. Размываніе этой фланкстерской утопіи и составляетъ социализмъ Прудона, который, какъ я указалъ въ другомъ мѣстѣ, не можетъ быть даже признанъ оригинальнымъ, такъ какъ тѣ же идеи задолго до него и гораздо лучше его были развиты Gray, Велу и другими. Это однако не мѣшаетъ теперь такой премудрости

лишается единой, а, следовательно, всеобщей относительной формы цѣнности товарнаго міра. Чтобы холстъ, т.-е. какой либо товаръ, находящійся во всеобщей эквивалентной формѣ, участвовалъ одновременно и въ относительной формѣ цѣнности, онъ долженъ самъ себя служить эквивалентомъ. Тогда мы получимъ: 20 арш. холста = 20 арш. холста, т. е. тавтологію, въ которой не выражается ни цѣнность, ни величина цѣнности. Чтобы выразить относительную цѣнность всеобщаго эквивалента, намъ нужно было бы перевернуть форму III; онъ не обладаетъ никакой общей со всѣми другими товарами относительной формой цѣнности, но его цѣнность выражается относительно въ безконечномъ рядѣ всѣхъ другихъ товаровъ. Такимъ образомъ, развернутая относительная форма цѣнности или форма II является теперь специфической относительной формой цѣнности товара, служащаго эквивалентомъ.

3) Переходъ отъ всеобщей формы цѣнности къ денежной формѣ.

Всеобщая эквивалентная форма есть форма цѣнности вообще. Она можетъ, поэтому, принадлежать какому угодно товару. Съ другой стороны, какой либо товаръ можетъ находиться во всеобщей эквивалентной формѣ (форма III) лишь потому, что онъ, и поскольку онъ, какъ эквивалентъ, исключенъ всѣми другими товарами изъ ихъ среды. И только съ того момента, когда этотъ исключительный характеръ былъ приданъ лишь одному специфическому товару, относительная форма цѣнности товарнаго міра приобрѣла объективную прочность и всеобщую общественную силу.

Тотъ специфическій товаръ, съ естественной формой котораго мало-по-малу общественнымъ путемъ сростается эквивалентная форма, становится денежнымъ товаромъ или функционируетъ, какъ деньги. Играть въ товарномъ мірѣ роль всеобщаго эквивалента становится его специфической общественной функцией и, стало быть, его общественной монополіей. Между товарами, которыя въ формѣ II фигурируютъ какъ особые эквиваленты холста, а въ формѣ III сообща выражаютъ въ холстѣ свою относительную цѣнность, привилегію эту исторически приобрѣлъ одинъ опредѣленный товаръ—золото. Если, поэтому, въ формѣ III мы поставимъ на мѣсто товара «холстъ» товаръ «золото», то получимъ:

Д. Денежная форма.

20 арш. холста =	}	2 унцамъ золота.
1 сюртукъ =		
10 ф. чая =		
40 ф. кофе =		
1 кв. пшеницы =		
1/2 тонны жѣлѣза =		
x товара A =		

въ нѣкоторыхъ кругахъ процвѣтаетъ подъ именемъ «science». Никогда ни одна школа не возманилась такъ много со словомъ «science», какъ школа Прудона, ибо

«Wo Begriffe fehlen,

Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein».

(Гдѣ не достаетъ понятій, тамъ является во время слово).

При переходѣ изъ формы I въ форму II и изъ формы II въ форму III происходятъ существенныя измѣненія. Наоборотъ, форма IV ничѣмъ не отличается отъ формы III, кромѣ того, что теперь вмѣсто холста золото обладаетъ всеобщей эквивалентной формой. Золото въ формѣ IV остается тѣмъ, чѣмъ былъ холстъ въ формѣ III, всеобщимъ эквивалентомъ. Прогрессъ состоитъ лишь въ томъ, что форма непосредственной всеобщей обмѣнчиваемости или общая эквивалентная форма, благодаря общественному обычаю, теперь окончательно срослась со специфической естественной формой товара «золота».

Золото выступаетъ относительно другихъ товаровъ въ качествѣ денегъ лишь потому, что раньше оно уже противостояло имъ въ качествѣ товара. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ, оно такъ же функционировало, какъ эквивалентъ,—въ качествѣ ли единичнаго эквивалента—при отдѣльныхъ мѣноваль актахъ, или особеннаго эквивалента—рядомъ съ другими товарными эквивалентами. Мало-по-малу оно стало функционировать, въ болѣе или менѣе широкой сферѣ, какъ всеобщій эквивалентъ. Какъ только оно приобрѣло монополию на это мѣсто въ выраженіи цѣнности товарнаго міра, оно стало денежнымъ товаромъ, и съ этого только момента, когда оно уже дѣлается денежнымъ товаромъ, форма IV начинаетъ отличаться отъ формы III, т.-е. всеобщая форма цѣнности превращается въ денежную форму.

Простое выраженіе относительной цѣнности какого либо товара, напр., холста, въ другомъ товарѣ, который уже функционируетъ какъ денежный товаръ, напр., въ золотѣ, есть форма цѣны. Форма цѣны холста, поэтому, будетъ:

$$20 \text{ арш. холста} = 2 \text{ унцамъ золота,}$$

или, если 2 ф. стерл. есть монетное наименованіе двухъ унцокъ золота, то

$$20 \text{ арш. холста} = 2 \text{ ф. стерл.}$$

Трудность пониманія денежной формы заключается только въ трудности уразумѣнія всеобщей эквивалентной формы, т.-е. всеобщей формы цѣнности вообще (форма III). Эта послѣдняя форма можетъ быть приведена обратно къ формѣ II, къ развернутой формѣ, а составнымъ элементомъ ея является форма I: 20-арш. холста = 1 сюртуку, или x товара $A = y$ товара B . Простая форма цѣнности есть, следовательно, зародышъ денежной формы.

4. Товаръ, какъ фетишъ, и тайна товарнаго фетиша.

Товаръ, съ перваго взгляда, кажется совершенно понятной, тривиальной вещью. Анализъ его, однако, показываетъ, что это вещь очень хитрая, полная метафизическихъ тонкостей и теологическихъ странностей. Поскольку товаръ есть потребительная цѣнность, въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго,—разсматривая я его какъ вещь, обладающую свойствами, удовлетворяющими человѣческія потребности, или какъ вещь, получающую эти свойства лишь въ качествѣ продукта человеческого труда. Вполнѣ понятно то, что человѣкъ своей дѣятельностью измѣняетъ данныя природой матеріалы такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ихъ для себя полезными. Форма дерева, напр., измѣняется, когда изъ него дѣлаютъ столъ. Тѣмъ не менѣе столъ остается деревомъ, обыкновенной чуж-

ственной вещью. Но какъ только онъ выступаетъ въ качествѣ товара, онъ тотчасъ превращается въ чувственно-сверхчувственную вещь. Онъ не только согнуть своими ногами на землѣ, но, въ виду всѣхъ товаровъ, становится, такъ сказать, на голову, и его деревянная башка проявляетъ причуды болѣе странныя, чѣмъ если бы онъ по собственному почину вдругъ сталъ тапцовать ²⁵⁾).

Таинственный характеръ товара вытекаетъ, слѣдовательно, не изъ его потребительной цѣнности. Такъ же мало вытекаетъ онъ и изъ содержанія опредѣляющихъ цѣнность моментовъ. Ибо, во-первыхъ, какъ ни различны виды полезнаго труда или производительной дѣятельности, физиологически вѣрно, что они функции человѣческаго организма, и что каждая такая функция, каковы бы ни были ея содержаніе и форма, есть, главнымъ образомъ, трата человѣческаго мозга, нервовъ, мускуловъ, органовъ чувствъ и т. д. Во-вторыхъ, что касается момента, опредѣляющаго величину цѣнности, а именно—продолжительности трудовой затраты или количества труда, то это количество даже видимо отличается отъ качества труда. При всякихъ общественныхъ условіяхъ человѣка должно было интересоваться рабочее время, которое онъ тратитъ на добываніе средствъ существованія, хотя на различныхъ ступеняхъ развитія интересъ этотъ былъ не одинаковъ ²⁶⁾). Наконецъ, когда люди начинаютъ въ какой либо формѣ работать другъ для друга, ихъ трудъ получаетъ также общественную форму.

Откуда же происходитъ загадочный характеръ продукта труда, лишь только онъ принимаетъ форму товара? Очевидно, онъ вытекаетъ изъ этой самой формы. Равенство всѣхъ видовъ человѣческаго труда выражается въ вещной формѣ—въ тождествѣ матеріальной основы цѣнности всѣхъ продуктовъ труда; измѣреніе затраты человѣческаго труда его продолжительностью выражается въ формѣ величины цѣнности продуктовъ труда; наконецъ, отношенія между производителями, въ которыхъ проявляется общественный характеръ ихъ труда, выражаются въ формѣ общественного отношенія продуктовъ труда.

Загадочность товарной формы заключается, слѣдовательно, просто въ томъ, что она отражаетъ людямъ общественный характеръ ихъ собственного труда въ видѣ вещественныхъ свойствъ самихъ продуктовъ труда, т.-е. въ видѣ якобы присущихъ отъ природы общественныхъ свойствъ этихъ вещей, вслѣдствіе чего и общественное отношеніе производителей къ общей массѣ труда представляется людямъ, какъ видъ ихъ существующее общественное отношеніе между самими предметами. Вслѣдствіе этого *quid pro quo* продукты труда становятся товарами, т.-е. чувственно-сверхчувственными или обще-

²⁵⁾ Известно, что Китай и столы пачали тапцовать, когда весь остальной свѣтъ, казался, находился въ покоѣ—*pour encourager les autres*.

²⁶⁾ Прим. ко 2 изд. У древнихъ германцевъ величина одного моргена земли измѣрялась трудомъ одного дня, отсюда его названіе *Tagwerk* (*jurnale* или *jurnalis*, *terra jurnalis* или *diurnalis*). *Tagwanne*, *Mannwerk*, *Mannskraft*, *Mannsmand*, *Mannshant* и т. п. См. *Georg Ludwig von Maurer*; «*Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof- u. s. w. Verfassung*». München 1859, p. 129 sq.

«естественными» вещами. Такъ свѣтовое впечатлѣніе отъ какого либо предмета на зрительный нервъ представляется не какъ субъективное раздраженіе самого зрительнаго нерва, а какъ объективная форма вещи, находящейся въ глазу. Но при этомъ процессъ свѣтъ дѣйствительно отбрасывается отъ одной вещи, отъ вышшняго предмета, на другую вещь, глазъ. Это есть физическое отношеніе между физическими же вещами. Между тѣмъ товарная форма и отношеніе цѣнности продуктовъ, въ которомъ она проявляется, наоборотъ, не имѣютъ абсолютно ничего общаго съ ихъ физической природой и вытекающими изъ нея вещными отношеніями. Это только опредѣленное общественное отношеніе самихъ людей, которое принимаетъ для нихъ фантастическую форму какого-то отношенія между вещами. Чтобы найти этому аналогію, надо пуститься въ туманную область религіозныхъ представленій. Въ этой области продукты человѣческаго мозга кажутся самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью и находящимися между собою и съ людьми въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Такую же роль въ товарномъ мірѣ играютъ произведенія человѣческихъ рукъ. Это я называю фетишизмомъ, который тотчасъ налагаетъ свою печать на продукты труда, когда они начинаютъ производиться какъ товары, а потому и неразлученъ съ товарнымъ производствомъ.

Этотъ фетишизмъ товарнаго міра вытекаетъ, какъ уже показалъ предыдущій анализъ, изъ своеобразнаго общественнаго характера труда, который производитъ товары.

Вообще, продукты потребленія дѣлаются товарами лишь потому, что они продукты частныхъ работъ, исполняемыхъ независимо одна отъ другой. Совокупность этихъ частныхъ работъ составляетъ общественный трудъ какъ дѣло. Такъ какъ производители входятъ во взаимныя общественныя отношенія только посредствомъ обмена своихъ произведеній, то и специфическій общественный характеръ ихъ частныхъ работъ проявляется лишь въ предѣлахъ этого обмена. Другими словами, частныя работы въ дѣйствительности осуществляютъ лишь какъ звенья общественнаго труда, — чрезъ отношенія, которыя обменъ устанавливаетъ между продуктами труда и, посредствомъ этихъ продуктовъ, между самими производителями. Для этихъ послѣднихъ общественныя отношенія ихъ частныхъ работъ выступаютъ, поэтому, такими, какими они и являются въ дѣйствительности, т.-е. не какъ непосредственныя отношенія лицъ въ процессѣ ихъ работъ, но наоборотъ, какъ вещныя отношенія лицъ и общественныя отношенія вещей.

Только въ процессѣ обмена продукты труда пріобрѣтаютъ общественно одинокую объективную природу, выражающуюся въ ихъ цѣнности и отличную отъ ихъ разнообразной природы, получающей свое выраженіе въ полезности. Это раздвоеніе продукта труда на полезность и цѣнность на практикѣ проявляется только тогда, когда обменъ пріобрѣтаетъ уже настолько крупныя размѣры и такое значеніе, что полезные предметы производятся прямо для обмена, т.-е., что то свойство предметовъ, которое дѣлаетъ ихъ цѣнными, принимается во вниманіе уже при самомъ ихъ производствѣ. Съ этого момента частныя работы производителей получаютъ дѣйствительно двойственный общественный характеръ. Они должны, съ

одной стороны, какъ опредѣленные полезныя работы, удовлетворяютъ общественнымъ потребностямъ и такимъ образомъ заимать себя звеньями совокупнаго общественнаго труда, естественно развившейся (*naturwüchsigen*) системы общественного раздѣленія труда. Съ другой стороны, разнообразнымъ потребностямъ своихъ собственныхъ производителей онѣ удовлетворяютъ лишь постольку, поскольку каждый особый видъ частнаго полезнаго труда можетъ быть обмѣненъ на всякій другой полезный видъ частнаго труда, т.-е. считается ему равнымъ. Равенство (*lo to coelo* (цѣликомъ) различныхъ видовъ труда можетъ заключаться только въ отвлеченіи отъ нѣкаго дѣйствительнаго неравенства, т.-е. въ сведеніи ихъ къ тому общему свойству, которое состоитъ въ томъ, что они представляютъ затрату человѣческой рабочей силы, абстрактнаго человѣческаго труда. Тѣ формы, которыя присущи коммерческому обороту, обмѣну продуктовъ представляютъ лишь простое отраженіе въ мозгу производителей указаннаго двойственнаго общественнаго характера частныхъ работъ. При этомъ общественная полезность частныхъ работъ проявляется для производителей въ томъ, что продуктъ труда долженъ быть полезенъ и притомъ для другихъ людей, а общественное равенство разнородныхъ работъ сводится въ томъ общемъ матеріально различнымъ вещамъ, т.-е. продуктамъ труда, свойствѣ, что они представляютъ цѣнность.

Стало быть, производители ставятъ во взаимныя отношенія продукты своего труда, какъ цѣнности не потому, что они видятъ въ нихъ лишь матеріальныя оболочки, подъ которыми скрывается однородный человѣческій трудъ. Наоборотъ: приравнивая въ процессѣ обмѣна свои разнородные продукты какъ цѣнности, они этимъ фактически устанавливаютъ равенство между своими различными работами, какъ видами человѣческаго труда вообще. Они этого не знаютъ, но они это дѣлаютъ²⁷⁾. У цѣнности поэтому не написано на лбу, что она такое. Цѣнность, наоборотъ, превращаетъ каждый продуктъ труда въ общественный гіероглифъ. Потомъ уже люди пытаются разгадать этотъ гіероглифъ, проникнуть въ тайну своего собственнаго общественнаго продукта, такъ, какъ опредѣленіе предметовъ потребленія какъ цѣнностей есть такой же общественный продуктъ, какъ языкъ. Довольно позднее научное открытіе, что продукты труда какъ цѣнности представляютъ собою лишь матеріальныя выраженія потраченнаго на ихъ производство человѣческаго труда, составляетъ эпоху въ историческомъ развитіи человечества, но отнюдь не разсвѣчаетъ вещной, видимости общественныхъ свойствъ труда. Тотъ фактъ, что специфическое общественное свойство независимыхъ одна отъ другой частныхъ работъ состоитъ въ ихъ равенствѣ—въ качествѣ человѣческаго труда вообще, и что это свойство получаетъ форму цѣнности продуктовъ труда—этотъ фактъ имѣетъ силу лишь для данной, особой формы производства, для товарнаго производства. Но человѣку, умственный взоръ котораго не идетъ дальше отношеній товарнаго производства, онъ,

²⁷⁾ Прим. ко 2 изд. Поэтому, когда Gallani говоритъ: цѣнность есть отношеніе между двумя лицами (*«la Ricchezza é una ragione tra due persone»*), то онъ долженъ былъ бы прибавить: отношеніе, скрытое подъ вещной оболочкой (Gallani: *Della Moneta*, p. 220, v. III изъ сборника *Custodi: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica»*. Parte Moderna. Milano 1801).

до и послѣ этого открытія, представляется столь же неизмѣннымъ, какъ физическая форма воздуха, которая отнюдь не измѣняется отъ химическаго разложенія его на составные элементы.

Съ практической точки зрѣнія, людей, занимающихся обмѣномъ продуктовъ, прежде всего интересуетъ вопросъ, сколько чужихъ продуктовъ они получатъ за свои, т.-е. въ какой пропорціи продукты обмѣниваются между собою. Какъ только эти пропорціи приобрѣли путемъ обычая известную устойчивость, онѣ начинаютъ представляться вытекающими изъ самой природы продуктовъ труда. Такимъ образомъ, напр., тонна желѣза и 2 унца золота являются равноцѣнными. Подобно тому, какъ 1 ф. золота и 1 ф. желѣза, несмотря на ихъ различныя физическія и химическія свойства, равны по вѣсу. Дѣйствительно, свойство цѣнности устанавливается за продуктами труда лишь тогда, когда они функционируютъ, какъ величины цѣнности. Эти послѣднія безпрерывно мѣняются, независимо отъ желанія, предвидѣнія и дѣятельности производителей, для которыхъ ихъ собственное общественное движеніе принимаетъ такимъ образомъ форму движенія вещей,—движенія, подъ контролемъ котораго они пахотятся, вмѣсто того, чтобы сами его контролировать. Необходимо полное развитіе товарнаго производства, прежде чѣмъ изъ самого опыта раскроется та научная истина, что частныя работы, выполняемыя независимо одна отъ другой, но со всѣхъ сторонъ, какъ части одной системы общественнаго раздѣленія труда, связанныя между собою,—постоянно приводятся къ своей общественной относительной мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что въ случайныхъ и постоянно колеблющихся мѣстовыхъ отношеніяхъ продуктовъ рабочее время, общественно необходимое для ихъ производства, даетъ себя знать, какъ регулирующій естественный законъ, на манеръ закона тяжести, когда нздѣ вашей гололой обрушивается домъ²⁸). Итакъ, опредѣленіе величины цѣнности посредствомъ рабочаго времени есть тайна, скрытая подъ явными движеніями относительныхъ цѣнностей товаровъ. Раскрытіе этой тайны устраняетъ видимую случайность въ опредѣленіи величины цѣнности продуктовъ труда, но нисколько не устраняетъ ея вещной формы.

Работа научной мысли, изслѣдующей формы человеческой жизни и, слѣдовательно, стремящейся къ ихъ научному анализу, идетъ вообще путемъ, совершенно противоположнымъ тому, которымъ идетъ реальное развитіе. Научное изслѣдованіе начинается *post festum* и, стало быть, исходитъ отъ готовыхъ результатовъ процесса развитія. Формы, которыя превращаютъ продукты труда въ товары и потому предшествуютъ товарному обращенію, обладаютъ уже устойчивостью естественныхъ формъ общественной жизни прежде, чѣмъ люди начинаютъ отдавать себѣ отчетъ — не въ историческомъ характерѣ этихъ формъ, которыя, наоборотъ, кажутся имъ неизмѣняемыми, а въ ихъ содержаніи. Такъ,

²⁸) «Что сказать о законѣ, который можетъ проявляться лишь въ періодическихъ переноротахъ? Это законъ природы, который покоится на бессознательности атрогируемыхъ имъ лицъ». (Friedrich Engels: «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie» in Deutsch-französische Jahrbücher, herausg. von Arnold Ruge und Karl Marx. Paris, 1844).

только анализъ товарныхъ цѣнъ привелъ къ опредѣленію величины цѣнности, и только всеобщее денежное выраженіе товаровъ привело къ фиксациі ихъ какъ цѣнностей. Между тѣмъ именно эта готовая форма—денежная форма—товарнаго міра, не только не обнаруживается, а, наоборотъ, скрываетъ подъ вещной маской общественный характеръ частныхъ работъ, и потому маскируетъ и общественныя отношенія частныхъ производителей. Когда я говорю, что сюртукъ, сапоги и т. д. относятся къ холсту, какъ ко всеобщему воплощенію абстрактнаго человѣческаго труда, то нелѣпость этого выраженія бросается прямо въ глаза. Но когда производители сюртука, сапоговъ и т. д. относятъ эти товары къ холсту—или, что одно и то же, къ золоту и серебру,—какъ къ общему эквиваленту, то отношеніе ихъ частныхъ работъ къ совокупному общественному труду представляется имъ именно въ этой нелѣпой формѣ.

Изъ подобнаго рода формъ и состоятъ категорія буржуазной экономіи. Это — получившія общественное признаніе и, слѣдовательно, объективныя мыслительныя формы для производственныхъ отношеній даннаго, исторически опредѣленнаго, способа производства.—товарнаго производства. Поэтому, весь мистицизмъ товарнаго міра, все то волшебство и колдовство, которое окружаетъ продукты труда, производимые на основѣ товарнаго производства, исчезаетъ тотчасъ, какъ только мы обращаемся къ другимъ формамъ производства.

Такъ какъ политическая экономія любитъ робинзоны²⁹⁾, то прежде всего посетимъ Робинзона на его островѣ. Какъ онъ ни скромнень, все же ему нужно удовлетворять различныя потребности, а потому онъ долженъ исполнять различнаго рода полезныя работы: дѣлать инструменты и мебель, приручать ламъ, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитвахъ и т. п. мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ нашъ Робинзонъ находитъ въ этомъ удовольствіе и такого рода дѣятельность считаетъ отдыхомъ. Несмотря на разнообразіе своихъ производственныхъ функций, онъ знаетъ, что всѣ онѣ суть лишь различныя формы дѣятельности одного и того же Робинзона, а потому только различные виды человѣческаго труда. Сама нужда заставляетъ его строго распределять свое время между различными функциями. Какая изъ нихъ поглощаетъ у него большую или меньшую часть его трудовой дѣятельности,—зависитъ отъ большей или меньшей трудности, которую приходится преодолѣть для полученія намѣченнаго полезнаго результата. Опытъ научаетъ его этому, и нашъ Робинзонъ, который спасъ съ корабля часы, гротъ-бухъ, чернила и перо, тотчасъ же, какъ по-

²⁹⁾ Примѣч. ко 2 изд. И. Рикардо не лишенъ своей Робинзонды. «Первобытнаго рыболова и первобытнаго охотника онъ вставляетъ, въ качествѣ товаровладѣльцевъ, обитывать рыбу и дичь сообразно общественной въ этихъ мѣстныхъ цѣнностяхъ рабочему времени. При этомъ случаѣ онъ позволяетъ себѣ анахронизмъ, по которому первобытные рыболовы и охотники для расчета своихъ рабочихъ инструментовъ употребляютъ принятые въ 1817 г. на лондонской биржѣ таблички для вычисленія погашенія. Повидному, кромѣ буржуазной формы общества, Рикардо были знакомы одни лишь «параллелограммы господина Оуэна» (Karl Marx. Zur Kritik etc., p. 38, 39).

рядочный англичанинъ, начинаетъ вести бухгалтерскую книгу своему существованію. Его инвентарь содержитъ въ себѣ перечень всѣхъ предметовъ потребленія, которыми онъ обладаетъ, различныхъ приспособленій, необходимыхъ для ихъ производства, наконецъ, обозначеніе рабочаго времени, которое онъ въ среднемъ тратитъ на опредѣленные количества этихъ различныхъ продуктовъ. Всѣ отношенія между Робинзономъ и вещами, которыя составляютъ созданное имъ самимъ богатство, здѣсь столь просты и очевидны, что даже самъ г. Максъ Виртъ *)), вѣроятно, понялъ бы ихъ безъ особаго напряженія ума. Тѣмъ не менѣе въ нихъ содержатся всѣ существенныя опредѣленія цѣнности.

Перенесемся теперь со свѣтлаго Робинзона острова въ мрачное европейское среднѣвѣковье. Въмѣсто независимаго человѣка, мы здѣсь находимъ всѣхъ зависимыхъ—мы видимъ здѣсь крѣпостныхъ и помѣщиковъ, насаловъ и сюзереновъ, свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Личной зависимостью характеризуются въ средніе вѣка одинаково, какъ общественныя отношенія въ сферѣ матеріальнаго производства, такъ и всѣ другія области жизни, опирающіяся на матеріальное производство. Но именно потому, что отношенія личной зависимости составляютъ основаніе всего этого общественнаго строя, человѣческому труду и его продуктамъ вѣтъ надобности принимать отличный отъ ихъ сущности фантастическій видъ. Они фигурируютъ въ механизмѣ общественныхъ отношеній въ видѣ натурального труда и натуральныхъ повинностей. Непосредственной общественной формой труда является здѣсь его натуральная форма, т. е. трудъ выступаетъ въ своихъ частныхъ формахъ, какъ та или иная опредѣленная работа, а не въ своей общей формѣ, не какъ человѣческій трудъ вообще, что имѣетъ мѣсто въ общественномъ строѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ. Крѣпостной трудъ такъ же хорошо измѣряется временемъ, какъ и трудъ, производящій товары; во каждый крѣпостной знаетъ, что онъ тратитъ опредѣленное количество своей личной рабочей силы на службѣ своего господина. Десятина, которую ему приходится отдавать попу, болѣе осязательна, чѣмъ благословеніе попа. Поэтому, какъ ни судить о тѣхъ сценическихъ маскахъ, подъ которыми тутъ люди выступаютъ другъ противъ друга, общественныя отношенія лицъ въ процессѣ ихъ труда являются тутъ, во всякомъ случаѣ, въ качествѣ ихъ собственныхъ личныхъ отношеній, а не переряжены въ общественныя отношенія вещей, продуктовъ труда.

Чтобы познакомиться съ общиннымъ, т. е. непосредственно обобществленнымъ трудомъ, намъ нѣтъ надобности обращаться къ его примитивной естественной формѣ, которая встрѣчается на порогѣ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ ³⁰⁾. Болѣе близкій примѣръ такого труда представляетъ деревенское

*) Максъ Виртъ—нѣмецкій буржуазно-либеральный экономистъ, пользовавшійся извѣстностью въ 60-ые годы.

Прим. ред. русск. перев.

³⁰⁾ Прим. ко 2 изд. «Въ повѣдшее время распространеніи смѣшанной предразсудокъ, что форма первобытной общинной собственности есть славянская и даже исключительно русская особенность. Между тѣмъ, эта первичная форма встрѣчается у римлянъ, германцевъ, кельтовъ, а у индусовъ можно и теперь еще встрѣтить пестрое разнообразіе такихъ формъ, хотя уже—въ состояніи упадка. Болѣе

патріархальное производство любой крестьянской семьи, которая производит для собственных потребностей хлѣбъ, скоть, пряжу, холстъ, одежду и т. д. Эти различные предметы являются, для данной семьи, различными продуктами ея семейнаго труда, но они не выступаютъ другъ противъ друга какъ товары. Различные направленные на производство этихъ продуктовъ виды труда, каковы земледѣіе, скотоводство, пряденье, тканье, шитье и т. д., представляютъ собою въ своей натуральной формѣ общественныя функціи, являясь фундаментами семьи, которая такъ же, какъ и товарное производство, обладаетъ своей естественно развившейся системой раздѣленія труда. Различіе пола и возраста, а также и измѣненія въ естественныхъ условіяхъ труда, связанныя съ различными временъ года, регулируютъ распредѣленіе труда въ семьѣ и рабочее время отдѣльныхъ ея членовъ. Измѣряемая продолжительностью времени затрата индивидуальных рабочихъ силъ является здѣсь прямо какъ общественный факторъ, опредѣляющій самый трудъ, такъ какъ индивидуальныя рабочія силы функціонируютъ тутъ прямо, какъ органы совокупной рабочей силы семьи.

Представимъ себѣ, наконецъ, для разнообразія, союзъ свободныхъ людей, которые работаютъ общими орудіями производства и всѣ свои индивидуальныя рабочія силы сознательно расходуютъ, какъ единую общественную рабочую силу. Всѣ характерныя черты Робинзона труда встрѣтятся и здѣсь, но въ формѣ общественной, а не индивидуальной. Всѣ продукты Робинзона были исключительно его личными произведеніями, а потому являлись предметами его собственнаго непосредственнаго потребленія. Совокупный же продуктъ союза есть общественный продуктъ. Часть этого продукта будетъ служить вновь средствомъ производства. Она будетъ оставаться общественнымъ достояніемъ. Но другая часть потребляется членами общины, а потому должна быть между ними распредѣлена. Способъ этого распредѣленія будетъ мѣняться сообразно съ характеромъ самого общественного производительнаго организма и соответственно степени историческаго развитія производителей. Предположимъ—лишь для установленія параллели съ системой товарнаго производства,—что доли каждаго производителя въ средствахъ существованія опредѣляется его рабочимъ временемъ. Въ такомъ случаѣ рабочее время играетъ двоякую роль. Его общественно-плановое распредѣленіе регулируетъ надлежащее отношеніе различныхъ видовъ (функцій) труда къ различнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, рабочее время служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ индивидуальнаго участія производителей въ общей работѣ, а потому—и въ той долѣ общаго продукта, которая предназначается для индивидуальнаго потребленія. Общественныя отношенія людей къ ихъ работамъ и къ ихъ продуктамъ остаются здѣсь простыми и прозрачными одинаково какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи.

точное изученіе азіатскихъ и особенно индійскихъ формъ общинной собственности показало бы, какъ и въ различныхъ формахъ существованія этой собственности произошли различныя формы ея разрушенія. Такъ, напр., различныя первичныя типы частной собственности у римлянъ и у германцевъ могутъ быть выведены изъ различныхъ формъ индійской общинной собственности». (Karl Marx: Zur Kritik etc. p. 10).

Для общества товаропроизводителей, общественное производственное отношение которого заключается въ томъ, что они относятся къ своимъ продуктамъ какъ къ товарамъ, т. е. какъ къ цѣностямъ, и въ этой вещной формѣ относить одну къ другой свои частныя работы, какъ одинаковый человѣческій трудъ, — для такого общества христіанство съ его культомъ абстрактнаго человѣка, особенно христіанство въ его буржуазной формѣ—протестантизмъ, деизмъ и т. д. —представляетъ самую подходящую религію. Въ древне-азиатскихъ, античныхъ и т. п. системахъ производства, превращеніе продукта въ товаръ, а следовательно—и существованіе человѣка въ видѣ товаропроизводителя играетъ второстепенную роль, которая, однако, становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе данное общество приближается къ своему упадку. Настоящіе торговые народы существуютъ лишь въ трещинахъ древняго міра, какъ божѣ Эникура или какъ евреи въ порахъ польскаго народа. Древнія общественныя производственныя организаціи гораздо проще и прозрачнѣе буржуазной, но они покоятся либо на нецѣлостности человѣческой личности, которая еще не оторвалась отъ плутовщины, связывающей ее съ близкими по крови, либо на отношеніяхъ непосредственнаго господства съ одной стороны и рабства съ другой. Существованіе такихъ организацій опредѣляется низкой ступенью развитія производительныхъ силъ труда и соответственной ограниченностью и узостью отношеній людей въ сферѣ матеріальной жизни, а потому—и ихъ отношеній между собой и къ природѣ. Эта реальная узость отражается идеалью—въ древнихъ естественныхъ и народныхъ религіяхъ. Религіозное отраженіе реальнаго міра можетъ вообще исчезнуть лишь тогда, когда условія практической будничной жизни людей будутъ каждодневно представлять имъ вполне ясныя и разумныя отношенія человѣка къ человѣку и къ природѣ. Общественный процессъ жизни, т. е. матеріальный процессъ производства лишь тогда сброситъ съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомерный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, который, въ свою очередь, является лишь естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія.

Политическая экономія, хотя и произвела анализъ, прѣвда, далеко не полный²¹⁾,

²¹⁾ Недостаточность анализа величины цѣнности Рикардо—а его анализъ самый лучший — будетъ показана въ третьей и четвертой книгѣ этого сочиненія. Что же касается цѣнности вообще, то классическая политическая экономія негдѣ ясно и сознательно не различаетъ трудъ, выражающійся въ цѣности его продукта, отъ того же самаго труда, выражающагося въ его потребительной цѣности. Разумѣется, фактически она устанавливаетъ это различіе, рассматривая трудъ то съ точки зрѣнія количества, то съ точки зрѣнія качества. Но ей не приходитъ въ голову, что количественное различіе работъ предполагаетъ ихъ качественное единство или равенство, т. е. приводится къ абстрактному человѣческому труду. Рикардо, напр., являетъ о своемъ согласіи съ Destutt de Tracy: «Такъ какъ вѣрно, что наши физическія и духовныя способности суть наше единственное первоначальное богатство, а употребленіе этихъ способностей, какой нибудь трудъ, есть наше единственное первоначальное сокровище, и что это употребленіе есть источникъ всѣхъ вещей,

цѣнности и величины цѣнности, хотя она и раскрыла скрывающееся подъ этими формами содержаніе, но она никогда даже не задавалась вопросомъ, почему это содержаніе принимаетъ такую, а не другую, форму, почему трудъ выражается въ цѣнности, а мѣра труда посредствомъ его продолжительности—въ величинѣ цѣнности продукта труда? ³²⁾ Формы, у которыхъ на лбу написано, что онѣ

которыя мы называемъ богатствомъ... то также вѣрно и то, что всѣ эти вещи представляютъ лишь трудъ, который ихъ произвелъ, и что если онѣ имѣютъ цѣнность, и даже двѣ различныя цѣнности, то онѣ могутъ происходить только отъ цѣнности труда, который ихъ создалъ». (Ricardo: *The principles of Pol. Econ.* 3 ed. Lond. 1821., p. 334). Прибавимъ только, что Рикардо придаетъ слову *Destutt* свой собственный болѣе глубокий смыслъ. Въ дѣйствительности *Destutt* говоритъ, что, съ одной стороны, всѣ вещи, составляющія богатство, «представляютъ трудъ, который ихъ создалъ», но, съ другой стороны, что онѣ свои «двѣ различныя цѣнности» (потребительную цѣнность и мѣновую цѣнность) получаютъ отъ «цѣнности труда». Такимъ образомъ, онъ впадаетъ въ грубую ошибку вульгарной экономіи, которая сперва предполагаетъ цѣнность одного товара, въ данномъ случаѣ труда, чтобы потомъ этой цѣнностью опредѣлять цѣнность другихъ товаровъ. Рикардо понимаетъ его такъ, будто онъ говоритъ, что трудъ (а не цѣнность труда) выражается какъ въ потребительной, такъ и въ мѣновой цѣнности. Но онъ самъ такъ мало различаетъ двойственный характеръ труда, что въ цѣлой главѣ: «*Value and Riches, Their Distinctive properties*» онъ вынужденъ опровергать тривиальности такого господина, какъ Ж. Б. Сэй. Въ заключеніе онъ, поэтому, крайне неловко, что *Destutt*, съ одной стороны, какъ будто согласенъ съ нимъ самымъ насчетъ труда, какъ источника цѣнности, но, съ другой стороны, согласенъ и съ Сеемъ относительно понятія цѣнности.

³²⁾ Одинъ изъ основныхъ недостатковъ классической политической экономіи состоитъ въ томъ, что ей никогда не удавалось изъ анализа товара и въ частности, изъ анализа товарной цѣнности вывести форму цѣнности, которая и дѣлаетъ его (товаръ) мѣновой цѣнностью. Именно лучшие представители классической экономіи, А. Смитъ и Рикардо, рассматриваютъ форму цѣнности, какъ нечто совершенно безразличное или даже чуждое природѣ товара. Причина этого заключается не только въ томъ, что все вниманіе классиковъ было поглощено анализомъ величины цѣнности. Она лежитъ глубже. Форма цѣнности продукта труда есть самая абстрактная, но въ то же время и самая общая форма буржуазнаго способа производства, который характеризуется ею какъ особенный видъ общественного производства, а тѣмъ самымъ характеризуется какъ явленіе—историческое. Поэтому, если ее считаютъ за вѣчную естественную форму общественного производства, то неизбежно упускаютъ изъ виду особенности формы цѣнности, сдѣлательство, и товарной формы, а въ дальнѣйшемъ развитіи и формы денегъ, формы капитала и пр. Поэтому у экономистовъ, которые вполне согласны насчетъ измѣренія величины цѣнности рабочимъ временемъ, можно найти самыя разнообразныя и противорѣчивыя представленія о деньгахъ, т. е. о законченной формѣ общаго эквивалента. Это особенно ярко выступаетъ, напр., въ теоріи банковаго дѣла, гдѣ общія опредѣленія денегъ отнюдь не достаточны. Въ противоположность этому повидѣлся реставрированная меркантильная система (Gnillh и др.), которая въ цѣнности видѣтъ лишь общественную форму, или, вѣрнѣе, ея зашнурованный содержаніе приравляетъ.—Замѣчу вѣдь, развѣ на всегда, что подъ классической политической экономіей я разумѣю всю ту политическую экономію, начиная съ В. Петти, которая изслѣдовала внутренний строй буржуазныхъ отношений производства, въ противоположность вульгарной экономіи, которая вращается въ сферѣ видимой внѣшности этого строя и

принадлежать такой общественной формации, гдѣ не человекъ господствуетъ надъ процессомъ производства, а процессъ производства—надъ человекомъ, представляются буржуазному сознанию экономистовъ столь же явной естественной необходимостью, какъ и самъ производительный трудъ. Поэтому, формы добуржуазныхъ общественно-производственныхъ организаций экономисты третируютъ приблизительно такъ, какъ отцы церкви третируютъ дохристианскія религіи ²³⁾.

Для уясненія, такъ сказать, грубѣйшихъ явленій п для домашняго обихода буржуазія постоянно сызнова пережевливаетъ матеріалъ, давно уже доставленный научно-политической экономіей, во всемъ же остальномъ ограничивается тѣмъ, что систематизируетъ банальныя и самодовольныя представленія дѣятелей буржуазнаго производства и провозглашаетъ ихъ вѣчными истинами.

²³⁾ «Экономисты разсуждаютъ очень странно. Для нихъ существуютъ только два рода учрежденій: искусственныя и естественныя,—феодалыныя учрежденія суть искусственныя, буржуазныя—естественныя. Они въ этомъ отношеніи похожи на теологовъ, которые тоже устанавливають двойкаго рода религіи. Всякая религія, которая не соответствуетъ ихъ воззрѣніямъ, есть человеческое изобрѣтеніе, между тѣмъ какъ ихъ собственная религія есть божественное откровеніе..... Съ этой точки зрѣнія въ прошломъ было историческое развитіе, но въ настоящемъ—его нѣтъ». (Karl Marx: *Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère* par M. Proudhon. 1847., p. 113). Чрезвычайно забавенъ господинъ Бастіа, который воображаетъ, будто древніе греки и римляне жили лишь грабежомъ. Но, если цѣлыя столѣтія жить грабежомъ, то вѣдь постоянно должно быть, что грабить, или предметъ грабежа долженъ постоянно воспроизводиться. Поэтому надо полагать, что и у грековъ и римлянъ существовалъ процессъ производства, являвшаяся хозяйственная организація, которая также являлась матеріальнымъ основаніемъ ихъ міра, какъ буржуазный экономическій строй есть матеріальная основа современнаго міра. Или Бастіа, можетъ быть, воображаетъ, что способъ производства, основанный на рабскомъ трудѣ, покоится на системѣ грабежа? Тогда онъ вступаетъ на опасный путь. Если такой гигантъ мысли, какъ Аристотель, ошибался въ своей оцѣнкѣ рабскаго труда, то почему не ошибаться такому карлику, какъ Бастіа, въ оцѣнкѣ наемнаго труда? Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы кратко отклонить возраженіе, сдѣланное мнѣ одной нѣмецко-американской газетой при появленіи въ 1859 г. моего сочиненія: *«Zur Kritik der Pol. Oekonomie»*. Указывая газета говоритъ, что мое мнѣніе, по которому опредѣленный способъ производства и соответствующія ему производственные отношенія, словомъ «экономическая структура общества есть реальное основаніе, на которомъ возникаютъ юридическія и политическія надстройки, и которому соответствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія», и что «вообще способъ производства матеріальной жизни опредѣляетъ собою социальный, политическій и духовный процессъ жизни»,—что это воззрѣніе, правда, вѣрно для нашего времени, когда господствуютъ матеріальные интересы, но не для среднихъ вѣковъ, когда господствовалъ католицизмъ, и не для Афинъ и Рима, гдѣ господствовалъ политикъ. Во-первыхъ, странно, что можно предполагать, будто кому-нибудь остались неизвѣстны истрепанныя фразы о среднихъ вѣкахъ и древнемъ мірѣ. Ясно, во всякомъ случаѣ, что средніе вѣка не могли бы жить католицизмомъ, а древній міръ—политикой. Наоборотъ, изъ экономическія условія объясняютъ, почему въ одномъ случаѣ главную роль играла политика, въ другомъ—католицизмъ. Впрочемъ, небольшое знакомство, напр., съ исторіей римской республики показываетъ, что таина этой исторіи заключается въ исторіи поземельной собственности. Съ другой стороны, еще Донъ-Кихоту пришлось поплатиться за свое убѣжденіе, что страстующее рыцарство одинаково совѣстимо со всѣми экономическими формами общества.

Насколько въ некоторые экономисты ослѣплены присущимъ товарному міру фетишизмомъ или вещной вѣщностью общественныхъ атрибутовъ труда, показываетъ, между прочимъ, скучный и пестрый споръ о роли природы въ образованіи мѣновой цѣнности. Такъ какъ мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ—выражать потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то въ мѣновой цѣнности можетъ содержаться столько же даннаго самой природой вещества, сколько, напр., въ вѣкельномъ курсѣ.

Такъ какъ товарная форма есть наиболѣе общая и наименѣе развитая форма буржуазнаго производства, — почему она и выступила столь рано, хотя не въ такомъ господствующемъ, а, слѣдовательно и не въ столь характеристичномъ видѣ, какъ теперь, — то ея фетишизмъ сравнительно, еще легко разглядѣть. Но въ болѣе конкретных формахъ исчезаетъ даже эта кажущаяся простота. Откуда вытекаютъ, напр., излюзіи монетарной (меркантильной) системы? Изъ того, что золото и серебро разсматривались ею не какъ предметы, которые въ качествѣ денегъ представляютъ собою общественное отношеніе производства, но лишь въ формѣ матеріальныхъ предметовъ съ странными общественными свойствами. А развѣ фетишизмъ современной политической экономіи, которая такъ кичливо пасмыкается надъ меркантилизмомъ, не становится осязательнымъ, когда она начинаетъ трактовать о капиталѣ? Давно ли, наконецъ, исчезла иллюзія фізіократовъ, что земельная рента вырастаетъ изъ земли, а не изъ общества?

Чтобы не забѣгать впередъ, ограничимся здѣсь еще лишь однимъ примѣромъ относительно самой товарной формы. Если бы товары могли говорить, они бы сказали: наша потребительная цѣнность можетъ интересовать человѣка; намъ же, какъ вещамъ, она вовсе не присуща; но, какъ вещамъ, намъ присуща наша цѣнность. Это доказывается нашими отношеніями другъ къ другу въ качествѣ товаровъ, товарнымъ обращеніемъ. Мы относимся другъ къ другу только какъ мѣновыя цѣнности. Послушаемъ, что говоритъ экономистъ, посвященный въ помыслы товарной души: «Цѣнность (мѣновая цѣнность) есть свойство вещи; богатство (потребительная цѣнность) есть свойство человѣка. Цѣнность въ этомъ смыслѣ обязательно предполагаетъ обмѣнъ, богатство же — нѣтъ»²⁴⁾. «Богатство (потребительная цѣнность) есть атрибутъ человѣка, цѣнность — атрибутъ товаровъ. Человѣкъ или общество богаты; жемчугъ или алмазъ — цѣнны. Жемчужина или алмазъ имѣютъ цѣнность, какъ жемчужина или алмазъ»²⁵⁾. До сихъ поръ ни одинъ хитрецъ не открылъ еще мѣновой цѣнности въ вещности жемчуга или алмаза. Экономисты же, которые открыли это химическое гѣзо и заявляютъ особенную претензію на критическую глубину, находятъ, что потребительная цѣнность (полезность) принадлежитъ предметамъ, независимо отъ ихъ матеріальныхъ свойствъ, а цѣнность (мѣновая цѣнность) принадлежитъ

²⁴⁾ «Value is a property of things, riches of a man. Value, in this sense, necessarily implies exchange, riches do not». (Observations on some verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to value and to supply and demand. Lond. 1821, p. 16.

²⁵⁾ «Riches are the attribute of man, value is the attribute of commodities. A man or a community is rich, a pearl or a diamond is valuable... A pearl or a diamond is valuable as a pearl or diamond». S. Bailey l. c. p. 165.

имъ, какъ вещамъ. Въ этомъ мнѣнн ихъ особенно укрѣпляется то странное обстоятельство, что потребительная цѣнность предмета реализуется для человѣка безъ обмѣна, т.-е. въ непосредственномъ отношенн между предметомъ и человѣкомъ; цѣнность же предмета, наоборотъ, реализуется только въ обмѣнѣ, т.-е. въ известномъ общественномъ процессѣ. Какъ не вспомнить при этомъ добряка Догберри, который поучаетъ ночного сторожа Сиколя, что «приличная наружность есть даръ обстоятельствъ, но умѣнье читать и писать дается отъ природы»²⁶⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Процессъ обмѣна.

Товары не могутъ сами пойти на рынокъ и тамъ сами обмѣниваться. Мы должны, повтому, обратиться къ ихъ хранителямъ, т.-е. къ товаровладѣльцамъ. Товары суть вещи и, повтому, не въ силахъ сопротивляться человеку. Если они не подчиняются по доброй волѣ, то онъ можетъ употребить силу, другими словами—взять ихъ²⁷⁾. Чтобы поставить данныя вещи во взаимныя отношенн въ качествѣ товаровъ, хранители ихъ сами должны отнестися другъ къ другу какъ лица, воля которыхъ царить въ этихъ вещахъ. Такимъ образомъ, каждый товаровладѣлецъ волею другого, т.-е. при посредствѣ общаго обоимъ товаровладѣльцамъ волевого акта, прославнаетъ себѣ чужой товаръ, отчуждая собственный. Оба должны, слѣловательно, признавать другъ друга частными собственниками. Это юридическое отношенн, формой котораго является договоръ, законно или незаконно выраженный, есть волевое отношенн, отражающее въ себѣ. экономическое отношенн. Содержанн этого юридическаго или волевого отношенн дается самими экономическими отношеннемъ²⁸⁾. Лица существуютъ здѣсь.

²⁶⁾ Авторъ «Observations» и S. Bailey обвиняють Рикардо въ томъ, что онъ превратилъ мнвовую цѣнность изъ чего-то лишь относительнаго въ нечто абсолютное. Наоборотъ. Онъ свелъ приравненую относительность, которой эти вещи, напр., алмазъ и жемчугъ, обладаютъ въ качествѣ мнвовыхъ цѣнностей, на дѣйствительное отношенн, скрывающееся подъ этой внѣшностью и на ихъ относительность какъ простыхъ выражений человеческого труда. Если рикардянцы отвѣтили Bailey лишь грубо, но не убѣдительно, то это произошло просто отъ того, что они у самого Рикардо не нашли никакого вразумительнаго объясненн внутренней связи между цѣностью и формой цѣнности, т.-е. мнвовой цѣностью.

²⁷⁾ Въ столь прославленномъ своимъ благочестнемъ XII стол. между этими товарами часто находились очень деликатныя вещи. Такъ одинъ французскн поэтъ того времени насчитываетъ между товарами, находившимися на рынокъ въ Landit, рядомъ съ матернми для платья, башмаками, кожей, земледѣльческими орудиями, шаурами и т. д. также—«*ceux des folles de leur corps*».

²⁸⁾ Прудонъ сперва черпаетъ свой идеаль справедливости, justice éternelle изъ правовыхъ отношенн, соответствующихъ товарному производству, чѣмъ—замѣтнымъ мнвоходомъ—онъ также даетъ столь утѣшительное для всѣхъ филистеровъ доказательство того, что форма товарнаго производства такъ же вѣчна, какъ справедливость. Затѣмъ онъ поступаетъ наоборотъ: старается дѣйствительное товарное

другъ для друга только—какъ представители товаровъ, какъ товаровладельцы. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы вообще увидимъ, что различныя экономическія маски, носимыя лицами, суть только олицетворенія экономическихъ отношеній, носителями которыхъ эти лица выступаютъ другъ противъ друга. Товаръ тѣмъ именно отличается отъ товаровладельца, что для него тѣло всякаго другого товара представляется лишь форму проявленія его собственной цѣнности. Прирожденный левеллеръ и циникъ, онъ всегда готовъ обмѣняться, не только душой, но и тѣломъ съ любимымъ товаромъ, будь онъ хоть столь же непривлекателенъ, какъ Мариторна. Это недостающее товару чувство различенія конкретныхъ свойствъ вещей товаровладелецъ дополняетъ при помощи своихъ пяти и болѣе чувствъ. Его товаръ не имѣетъ для него никакой непосредственной потребительной цѣнности, иначе онъ бы не понесъ его на рынокъ. Товаръ даннаго товаровладельца имѣетъ потребительную цѣнность для другого. Для своего владельца непосредственно онъ имѣетъ потребительную цѣнность лишь постольку, поскольку является носителемъ мѣновой цѣнности и, такимъ образомъ, можетъ служить средствомъ для обмѣна ³⁹⁾). Поэтому онъ хочетъ отдать его въ обмѣнъ за другой товаръ, потребительная цѣнность котораго удовлетворяетъ его потребности. Всѣ товары суть непритребительныя цѣнности для ихъ владельцев и притребительныя цѣнности для ихъ невладеющихъ. Поэтому, они со всѣхъ сторонъ должны переходить изъ рукъ въ руки. Но этотъ переходъ изъ рукъ въ руки составляетъ ихъ обмѣнъ, а послѣдній ставитъ ихъ во взаимное отношеніе въ качествѣ цѣнностей и реализуетъ ихъ, какъ таковыя. Товары, слѣдовательно, должны реализоваться какъ цѣнности, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ потребительныя цѣнности.

Съ другой стороны, ихъ потребительная цѣнность должна быть установлена на опытъ, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ цѣнности, потому что затраченный на ихъ производство трудъ идетъ въ счетъ лишь постольку, поскольку онъ потраченъ въ полезной для другихъ формѣ. Но полезенъ ли онъ для другихъ, т.-е. способенъ ли его продуктъ удовлетворить чужія потребности, это можетъ показать только обмѣнъ.

Каждый товаровладелецъ желаетъ подвергнуть отчужденію свой товаръ только

производство и соответствующее ему дѣйствительное право преобразовать согласно съ этимъ идеаломъ. Что сказать о химикѣ, который, вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствительныя законы обмѣна веществъ и на основаніи ихъ разрѣшать опредѣленныя задачи, задумалъ бы преобразовывать обмѣнъ веществъ по «нѣкимъ идеямъ», «*naturalité*» и «*affinité*»? Развѣ, когда намъ говорятъ, что ростовщичество противорѣчитъ «*justice éternelle*», «*équité éternelle*», «*mutualité éternelle*» и другимъ «*vérités éternelles*», мы узнаемъ о немъ что-нибудь новое сравнительно съ тѣмъ, что знали отцы церкви, говорившіе что оно противорѣчитъ «*grâce éternelle*», «*foi éternelle*», «*volonté éternelle de dieu*»?

³⁹⁾ «Ибо употребленіе каждой вещи двойное. Одно свойственно вещи, какъ таковой, другое—пѣтъ, такъ, напр., сандалія служить обувью и можетъ быть обмѣнена. Оба употребленія суть потребительныя цѣнности сандаліи, ибо и тотъ, кто обмѣниваетъ сандалію, напр., на недостающую ему пищу, употребляетъ сандалію какъ сандалію, но не въ естественной формѣ ея употребленія. Ибо сандалія существуетъ не для обмѣна» (Aristoteles, de Rep. I, l. c. p. 9).

въ обмѣнъ за другой товаръ, потребительная цѣнность котораго можетъ удовлетворить какую либо его потребность. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ есть для него только индивидуальный процессъ. Съ другой стороны, онъ желаетъ реализовать свой товаръ, какъ цѣнность, въ какомъ либо другомъ правящемся ему товарѣ одинаковой цѣнности, не заботясь о томъ, имѣетъ ли его собственный товаръ потребительную цѣнность для владѣльца другого товара или нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ является для него всеобщимъ и общественнымъ процессомъ. Но одинъ и тотъ же процессъ не можетъ быть одновременно для всѣхъ товаровладѣльцевъ только индивидуальнымъ и только общественнымъ процессомъ.

Если мы посмотримъ ближе, то увидимъ, что для всякаго товаровладѣльца каждый чужой товаръ представляется особымъ эквивалентомъ его собственного товара, а, слѣдовательно, его собственный товаръ—всеобщимъ эквивалентомъ всѣхъ другихъ товаровъ. Но такъ какъ дѣйствія всѣхъ товаровладѣльцевъ въ данномъ отношеніи являются тождественными, то ни одинъ товаръ не есть всеобщій эквивалентъ, и товары, поэтому, не обладаютъ никакой всеобщей относительной формой цѣности, въ которой они могли бы приравняться, какъ цѣности, и сравниваться какъ величины цѣности. Поэтому, они вообще выступаютъ другъ противъ друга не какъ товары, а только какъ продукты или потребительныя цѣности.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи наши товаровладѣльцы разсуждаютъ какъ Фаустъ. «Вначалѣ было дѣло». Поэтому, они дѣйствовали прежде, чѣмъ подумали. Законы товарной природы проявлялись въ природномъ инстинктѣ товаровладѣльцевъ. Они могутъ ставить свои товары во взаимное отношеніе, какъ цѣности, а, слѣдовательно, какъ товары, лишь относя ихъ къ какому либо другому товару, какъ ко всеобщему эквиваленту. Это показалъ анализъ товара. Но лишь общественное дѣйствіе можетъ сдѣлать одинъ какой либо товаръ всеобщимъ эквивалентомъ. Поэтому, общественный актъ выдѣляетъ изъ всѣхъ товаровъ одинъ какой либо товаръ, въ которомъ всѣ они всесторонне выражаютъ свои цѣности. Въ силу этого естественная (натуральная) форма даннаго товара становится общественно-признанной эквивалентной формой. Роль всеобщаго эквивалента становится спеціальной общественной функціей этого выдѣленнаго товара. Такъ онъ превращается—въ деньги. «*Illi unum consilium habent et virtutem et potestatem suam bestiae tradunt. Et ne quis possit emere aut vendere, nisi qui habet characterem aut nomen bestiae, aut numerum nominis ejus*» (Apocalypsis).

Денежный кристаллъ составляетъ необходимый продуктъ мѣнового процесса, въ которомъ различнаго рода продукты труда фактически приравняются между собою и, поэтому, фактически превращаются въ товары. Историческое расширение и углубленіе мѣнового процесса развиваетъ покоящуюся въ природѣ товаровъ противоположность между потребительной цѣнностью и цѣнностью. Потребность дать для оборота внѣшнее выраженіе этой противоположности заставляетъ вырабатывать самостоятельную форму товарной цѣности, и эта потребность не удовлетворяется и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не создается двойственная форма товара, его раздвоеніе на товаръ и деньги. Въ той же мѣрѣ,

следовательно, въ какой совершается превращеніе продуктовъ труда въ товары, совершается также и превращеніе товара въ деньги ⁴⁰⁾.

Непосредственный обмѣнъ продуктовъ, съ одной стороны, уже имѣетъ форму простого выраженія цѣнности, а съ другой—еще не имѣетъ ея. Эта форма была: x товара $A = y$ товара B . Форма непосредственнаго обмѣна товаровъ есть: x предмета потребленія $A = y$ предмета потребленія B ⁴¹⁾. Вещи A и B здѣсь не являются товарами до обмѣна, а становятся ими лишь чрезъ обмѣнъ. Первый случай, когда предметъ потребленія получаетъ возможность стать мѣновой цѣнностью, это—когда онъ не является для своего владѣльца потребительной цѣнностью, когда онъ имѣется въ излишкѣ противъ количества, необходимаго для непосредственнаго удовлетворенія собственныхъ потребностей. Вещи сами по себѣ представляютъ что-то чуждое для людей, а потому могутъ быть отчуждаемы. Чтобы это отчужденіе было взаимное, людямъ надлежитъ только молча выступать другъ противъ друга какъ частные собственники этихъ отчуждаемыхъ вещей, и тѣмъ самымъ, какъ независимыя другъ отъ друга личности. Такое отношеніе взаимной чуждости не существуетъ однако для членовъ естественно сложившагося общественнаго организма, имѣетъ ли онъ форму патріархальной семьи, древне-индійской общины, государства инковъ и т. д. Товарный обмѣнъ начинается, такъ сказать, на конечностяхъ общественныхъ организмовъ, въ мѣстахъ ихъ соприкосновенія съ другими общественными организмами или съ членами другихъ общественныхъ организмовъ. Но, какъ только вещи во внѣшнихъ отношеніяхъ становятся товарами, онѣ этимъ самымъ становятся ими и во внутренней жизни общины. Ихъ количественныя мѣновныя отношенія сначала бывають чисто случайными. Онѣ становятся обмѣниваемы вслѣдствіе волевого акта ихъ владѣльцевъ, направленного на ихъ отчужденіе путемъ обмѣна. Мало-по-малу потребность въ чужихъ предметахъ потребленія укрѣпляется. Постоянное повтореніе обмѣна превращаетъ его въ правильный общественный процессъ. Съ теченіемъ времени, поэтому, известная, по крайней мѣрѣ, часть продуктовъ труда производится специально для цѣлей обмѣна. Съ этого момента, съ одной стороны, укрѣпляется разграниченіе между полезностью вещи для непосредственнаго потребленія и полезностью ея для обмѣна, потребительная цѣнность отдѣляется отъ мѣновой. Съ другой стороны, количественныя отношенія, въ которыхъ вещи обмѣниваются, становятся зависимыми отъ ихъ производства. Обычай фиксируетъ ихъ, какъ величины цѣнности.

⁴⁰⁾ По этому можно судить объ остроуміи мѣщанскаго социальнаго, который хочетъ уыѣковѣчить товарное производсто и одновременно устранить «противорѣчіе между деньгами и товарами», т. е. въ сущности упразднить деньги, такъ какъ онѣ существуютъ только въ этомъ противорѣчіи. Также можно было бы уничтожить папство, оставивъ католицизмъ. Подробности объ этомъ см. въ моемъ сочиненіи: «Zur Kritik der Pol. Oekonomie» p. 61 sq.

⁴¹⁾ До тѣхъ поръ, пока не два различныхъ предмета потребленія обмѣниваются, другъ на друга, а только, какъ мы часто это находимъ у дикарей, хлѣбическая масса вещей предлагается, какъ эквивалентъ, за третью вещь, даже непосредственная мѣна продуктовъ находится еще въ своемъ зародышѣ.

Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ каждый товаръ представляетъ собою непосредственное средство обмѣна для своего владѣльца, а для невладѣльца—эквивалентъ, но лишь—постоялку, поскольку онъ является для него потребительной цѣнностью. Предметъ обмѣна, слѣдовательно, не получаетъ еще никакой формы цѣнности, независимой отъ его собственной потребительной цѣнности, т.-е. отъ индивидуальной потребности лицъ, совершающихъ обмѣнъ. Необходимость этой формы развивается только съ возрастаніемъ числа и разнообразія вступающихъ въ рыночную процессъ товаровъ. Задача возникаетъ одновременно со средствами ея разрѣшенія. Оборотъ, въ которомъ товаровладѣльцы обмѣниваютъ и сравниваютъ свои собственные предметы съ другими предметами, никогда не совершается безъ того, чтобы различные товары различныхъ товаровладѣльцевъ не обмѣнивались и не сравнивались въ качествѣ цѣнностей внутри даннаго оборота съ однимъ и тѣмъ же третьимъ товаромъ. Такой третій товаръ, становясь эквивалентомъ для различныхъ товаровъ, непосредственно, хотя и въ тѣсныхъ границахъ, приобретаетъ всеобщую или общественную эквивалентную форму. Эта всеобщая эквивалентная форма рождается и исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ общественнымъ соприкосновеніемъ, которое вызвало ее къ жизни. Попеременно и бѣгло она приурочивается то къ одному, то къ другому товару. Но съ развитіемъ товарнаго обмѣна, она связывается исключительно съ однимъ особеннымъ товаромъ или кристаллизуется въ денежную форму. Какому именно товару она присваивается—сначала является дѣломъ случая. Но въ общемъ рѣшающее значеніе принадлежитъ двумъ обстоятельствамъ. Денежная форма присваивается или наиболѣе важнымъ предметамъ ввоза, которые дѣйствительно суть первыя естественныя формы обнаруженія рыночной цѣнности туземныхъ продуктовъ, или такому предмету потребления, который составляетъ главный элементъ туземнаго движимаго богатства, напр., скоту. Кочевые народы первые развиваютъ денежную форму, потому что все ихъ богатство заключается въ движимомъ, а, слѣдовательно, въ непосредственно поддающейся отчужденію формѣ, и еще—потому, что ихъ образъ жизни приводитъ ихъ въ постоянное соприкосновеніе съ другими общественными союзами и, такимъ образомъ, наталкиваетъ на обмѣнъ продуктовъ. Люди прежнихъ временъ часто превращали себя подобнымъ, во образѣ рабовъ, въ первоначальный денежный матеріалъ, но никогда они не дѣлали этого съ землею. Такое отношеніе къ землѣ могло возникнуть лишь въ развитомъ уже буржуазномъ обществѣ. Появленіе такого взгляда на землю относится къ послѣдней трети 17 стол., а попытка осуществленія его въ предѣлахъ цѣлаго національнаго хозяйства была произведена столѣтіемъ позже, во время буржуазной французской революціи.

Но кромѣ того, какъ товарный обмѣнъ разрываетъ свои исключительно мѣстные узы, а товарная цѣнность, поэтому, становится овеществленіемъ чуждаго труда вообще, денежная форма присваивается такимъ товарамъ, природа которыхъ дѣлаетъ ихъ особенно пригодными для общественной функціи всеобщаго эквивалента, т.-е. благородными металлами.

Что хотя «золото и серебро по природѣ не суть деньги, но естественными

деньгами являются золото или серебро» ⁴²⁾, это показываетъ совпаденіе ихъ природныхъ свойствъ съ функцией денегъ ⁴³⁾. До сихъ поръ, однако, мы знаемъ лишь одну функцию денегъ, это—служить формой проявленія товарной цѣнности, или являться тѣмъ матеріаломъ, посредствомъ котораго величины цѣнности товаровъ получаютъ общественное выраженіе. Наилучшей, адекватной формой проявленія цѣнности или овеществленія абстрактнаго, а потому одинаковаго человѣческаго труда можетъ быть лишь такое вещество, всѣ экземпляры котораго обладаютъ тѣмъ же однороднымъ качествомъ. Съ другой стороны, такъ какъ различіе между величинами цѣнности чисто количественное, то и денежный товаръ долженъ быть способенъ выражать чисто количественныя различія, т.-е. быть по произволу дѣлимъ на части и вновь составимъ изъ частей. Этими свойствами золото и серебро обладаютъ по своей природѣ.

Потребительная цѣнность денежнаго товара удвоится. Рядомъ съ его особой потребительной цѣнностью какъ товара, напр., золота—для пломбированія зубовъ, для приготовленія предметовъ роскоши, онъ приобретаетъ формальную потребительную цѣнность, которая вытекаетъ изъ его специфической общественной функции.

Такъ какъ всѣ другіе товары представляютъ собою только частные эквиваленты денегъ, деньги же—ихъ общій эквивалентъ, то они относятся къ деньгамъ, какъ частные товары ко всеобщему ⁴⁴⁾.

Мы видѣли, что денежная форма есть только отраженіе въ одномъ товарѣ отношенія между всеми другими товарами. Что деньги тоже являются товаромъ ⁴⁵⁾—составляетъ, поэтому, открытіе только для того, кто исходной точкой анализа денегъ беретъ ихъ уже готовую форму. Мѣновой процессъ придаетъ товару, который онъ превращаетъ въ деньги, не его цѣнность, а только его специфическую форму цѣнности. Смѣшеніе этихъ двухъ свойствъ привело къ тому, что цѣнность золота и серебра считалась лишь воображаемой ⁴⁶⁾. Изъ того

⁴²⁾ Karl Marx, l. c. p. 135 «Металлы... естественныя деньги». (Galiani: «Della Moneta» въ сборникѣ Custodi, Parte Moderna, t. III, p. 72).

⁴³⁾ Подробности объ этомъ см. выше цитированное мое сочиненіе, отдѣлъ: «Благородные металлы».

⁴⁴⁾ «Деньги суть всеобщій товаръ» (Verri, l. c. p. 16).

⁴⁵⁾ «Серебро и золото, которымъ мы можемъ дать общее названіе денежнаго металла (Bullion), сами суть товары, цѣнность которыхъ поднимается и понижается. Денежный металлъ имѣетъ большую цѣнность тогда, когда на меньшій вѣсъ его можно купить большее количество продуктовъ или издѣлій страны». («A Discourse of the General Notions of money, Trade, and Exchange as they stand in relations to each other. By a Merchant. Lond. 1695», p. 7). «Серебро и золото, въ монетахъ или нѣтъ, хотя и служатъ мѣриломъ для всѣхъ вещей, суть такіе же товары, какъ вино, масло, табакъ, сукно или матерія». («A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies ect. London 1689», p. 2). «Капиталы и богатство королевства не могутъ ограничиваться исключительно формой денегъ, а золото и серебро нельзя исключать изъ числа товаровъ». («The-East India Trade a most profitable Trade. London 1677», p. 4).

⁴⁶⁾ «Золото и серебро имѣютъ свою цѣнность какъ металлы, прежде чѣмъ они становятся монетами». (Galiani, l. c.) Локкъ говоритъ: «Всеобщее согласіе людей

факта, что деньги въ извѣстныхъ своихъ функціяхъ могутъ быть замѣнены простыми знаками денегъ, вытекло заблужденіе, будто онѣ суть простые знаки. Съ другой стороны, однако, въ этомъ заблужденіи заключался намекъ на пониманіе того, что денежная форма вещи для нея самой представляетъ нѣчто вышнее и есть лишь форма проявленія скрытыхъ за ней человѣческихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ всякій товаръ, являясь въ качествѣ цѣнности только матеріальной оболочкой затраченного на него труда, можетъ быть разсматриваемъ какъ простой знакъ⁴¹⁾. Но, разъ мы общественныя формы, принимаемыя вещами, или матеріальныя формы, принимаемыя общественными условіями труда на основѣ опредѣленнаго способа производства, считаемъ лишь простыми знаками, то этимъ самымъ мы признаемъ ихъ произвольными продуктами чело-вѣческаго разума. Это былъ пзлюбленный просвѣтителемъ 18 столѣтія способъ объясненія: не умѣя еще разгадать происхожденіе и процессъ развитія загадочныхъ формъ чело-вѣческихъ отношеній, они объясняли ихъ сознательно-разумнымъ творчествомъ, чтобы такимъ объясненіемъ по крайней мѣрѣ на время сорвать съ нихъ печать загадочности и странности.

придало серебру за его качества, которыя дѣлають его удобнымъ для роли денегъ, воображаемую цѣнность». То, наоборотъ, говорить: «Какимъ образомъ различные націи могли бы придать какой-либо вещи воображаемую цѣнность... или какъ эта воображаемая цѣнность могла бы удерживаться? Но онъ самъ очень мало понималъ дѣло, что доказывается слѣдующими его словами: «Серебро обмѣнивалось по потребительной цѣнности, которой оно обладало, т. е. по его дѣйствительной цѣнности; вслѣдствіе своего употребленія въ качествѣ денегъ оно получило добавочную цѣнность (valeur additionnelle)». (Jean Law: «Considérations sur le numéraire et le commerce», въ изд. E. Dalre: «Economistes financiers du XVIII Siècle», p. 470).

⁴¹⁾ «Деньги суть ихъ (припасовъ) знакъ» (V. de Forbonnais: «Eléments du Commerce. Nouv. Edit. Leyde 1766», t. II, p. 143). «Какъ знакъ онѣ притягиваются товарамъ» (l. c. p. 155). «Деньги суть знакъ какой-либо вещи и представляютъ ее». (Montesquieu: «Esprit des Loix». Oeuvres Lond. 1767, t. II, p. 2). «Деньги—не простой знакъ, ибо онѣ сами богатство; онѣ не представляютъ цѣнностей, онѣ имъ равноцѣнны». (Le Trosne, l. c. p. 910). «Если разсматривать понятіе цѣнности, то сами вещи считаются лишь за знаки, и имѣть значеніе не сама по себѣ, а по тому, во что она цѣнится» (Hegel, l. c. p. 100). Залогомъ до экономистовъ, юристы пустили въ ходъ представленіе о деньгахъ, какъ о простомъ знакѣ, и о драгоценныхъ металлахъ, какъ о воображаемыхъ цѣностяхъ. Они дѣлали это, въ качествѣ слякофантовъ королевской власти; они въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ поддерживали право королей фальсифицировать монету, опирались на традицію римской имперіи и понятія о деньгахъ, выраженные въ пандектахъ. «Никто не долженъ сомнѣваться, — говорить прилежный ученикъ юристовъ, Филиппъ Валуа, въ декретѣ отъ 1346 г., — что только намъ и нашему королевскому величеству принадлежитъ .. денежное ремесло, и всякое распоряженіе (le mestier, le fait, l'état, la provision) касательно денегъ, назначенію имъ такого курса и такой цѣны, какіе намъ заблагоразсудится». Что императоръ декретируетъ цѣнность денегъ—было догматомъ римскаго права. Было положительно запрещено обращаться съ ними, какъ съ товаромъ. «Деньги же никому не слѣдуетъ покупать, такъ какъ онѣ, являясь предметомъ общественнаго употребленія, не могутъ быть товаромъ» — гласило римское право. Върняя разсужденія объ этомъ у G. F. Pagnini: «Saggio Sopra il giusto pregio delle cose. 1751», у Custodi Parte Moderna t. II. Особенно во второй части своего сочиненія Pagnini поднимаетъ противъ господъ юристовъ.

Ранѣе мы уже замѣтили, что эквивалентная форма товара не заключаетъ въ себѣ количественнаго опредѣленія величины ея цѣнности. Если извѣстно, что золото есть деньги и поэтому можетъ быть непосредственно обмѣняваемо на всѣ другіе товары, то все-таки еще неизвѣстно, какова, напр., цѣнность 10 фунтовъ золота. Какъ всякій другой товаръ, золото можетъ выражать свою цѣнность лишь относительно, въ другихъ товарахъ. Его собственная цѣнность опредѣляется необходимыми для его производства рабочимъ временемъ и выражается въ такомъ количествѣ всякаго другого товара, въ которомъ кристаллизовалось равное количество времени ⁴³⁾. Это опредѣленіе относительной величины цѣнности золота совершается на мѣстѣ производства—въ непосредственной мѣстовой торговлѣ. Когда золото вступаетъ въ обращеніе въ качествѣ денегъ, его цѣнность представляетъ уже вѣчно данное. Если въ послѣднія десятилѣтія 17 стол. анализомъ денегъ было уже давно установлено, что они представляютъ товаръ, все-таки это было лишь начало анализа. Трудность состоитъ не въ томъ, чтобы понять, что деньги—товаръ, а въ пониманіи того, почему и какимъ образомъ товаръ становится деньгами ⁴⁴⁾.

Мы видѣли, что уже въ самомъ простомъ выраженіи цѣнности: x товара $A=y$ товара B , предметъ, въ которомъ выражается величина цѣнности какого-либо другого предмета, видимому, обладаетъ своей эквивалентной формой независимо отъ этого отношенія, какъ общественнымъ природнымъ свойствомъ. Мы прослѣдили развитіе и упроченіе этой ложной видимости. Она выступаетъ передъ нами вполне законченной, какъ только всеобщая эквивалентная форма сростается воедино съ натуральной (естественной) формой одного особаго товара или кристаллизуется въ денежную форму. Товаръ, становящійся деньгами не потому, что другіе товары выражаютъ въ немъ свою цѣнность,

⁴³⁾ Если человѣкъ можетъ доставить въ Лондонъ унцъ серебра, добытаго въ рудникахъ Перу, въ то же самое время, которое ему требуется для производства бушеля пшеницы, тогда одно составляетъ естественную цѣну другого; если же, благодаря эксплоатации болѣе полныхъ и болѣе богатыхъ рудниковъ, теперь можно добыть два унца серебра такъ же легко, какъ прежде одинъ, то бушель пшеницы будетъ стоить 10 шиллинговъ, какъ раньше онъ стоилъ 5 шил.—при прочихъ равныхъ условіяхъ. William Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 31.

⁴⁴⁾ Велѣды въ поученіи, что «ложныя опредѣленія денегъ могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: по одной онѣ больше, по другимъ—меньше, чѣмъ товаръ», господнигъ профессоръ Рошеръ даетъ пестрый каталогъ оцѣнненій о сущности денегъ, отнюдь не свидѣтельствующій объ его пониманіи дѣйствительной исторіи теоріи денегъ. Затѣмъ является мораль: «Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что большинство новѣйшихъ экономистовъ не обращало достаточно вниманія на особенности, которыя отличаютъ деньги отъ другихъ товаровъ (заключить все же болѣе или менѣе, чѣмъ товаръ?)... Въ этомъ смыслѣ полумарксистическая реакція Gailh'a и др., не совсѣмъ неосновательна». (Wilhelm Roscher: «Die Grundlagen der Nationalökonomie. 3 Aufl. 1858», p. 107—10). Больше-меньше—недостаточно—въ этомъ смыслѣ—но совсѣмъ—что за опредѣленія понятій! И такое эклектическое профессорскоо пустословіе г. Рошеръ скромно окрестилъ «анатомо-физиологическимъ методомъ» въ политической экономіи! Однимъ открытіемъ мы однако обяваны г. Рошеру, а именно, что деньги «пріятный товаръ».

но, наоборотъ, они какъ будто выражаютъ въ немъ свою цѣнность, потому что онъ—деньги. Посредствующее движеніе исчезаетъ въ снѣгъ собственномъ результатѣ, не оставляя по себѣ никакого слѣда. Безъ всякаго своего содѣйствія товары находятъ свою собственную форму цѣнности готовой въ видѣ другого, вѣдь ихъ и рядомъ съ ними существующаго товарнаго тѣла. Эти вещи, золото и серебро въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ нѣдръ земли, тотчасъ же и фигурируютъ въ качествѣ непосредственнаго воплощенія всякаго человѣческаго труда. Вотъ источникъ магическихъ дѣйствій денегъ. Часто атомистическія отношенія между людьми въ ихъ общественномъ процессѣ производства, а потому независимая отъ ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности матеріальная форма ихъ собственныхъ производственныхъ отношеній, проявляется прежде всего въ томъ, что всѣ продукты человѣческаго труда принимаютъ форму товаровъ. Загадка денежнаго фетиша есть, поэтому, та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимою и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деньги или обращеніе товаровъ.

1) Мѣра цѣнности.

Для простоты я въ этой книгѣ иждѣ предполагаю, въ качествѣ денежнаго товара—золото.

Первая функція золота состоятъ въ томъ, чтобы доставить міру товаровъ матеріалъ для выраженія его цѣнностей или для выраженія цѣнностей товаровъ, какъ одионменныхъ величинъ, качественно равныхъ и количественно сравнимыхъ. Такъ оно функционируетъ какъ всеобщая мѣра цѣнностей, и только благодаря этой функціи золото, этотъ специфическій эквивалентный товаръ, становится деньгами.

Товары становятся соизмѣримыми не благодаря деньгамъ. Наоборотъ: такъ какъ товары, какъ цѣнности, суть овеществленный человѣческій трудъ, а потому сами по себѣ соизмѣримы, вѣдь они могутъ взмѣрять свою цѣнность однимъ и тѣмъ же специфическимъ товаромъ и, такимъ образомъ превратить его въ общую мѣру цѣнности или въ деньги. Деньги, какъ мѣра цѣнности, суть необходимая форма проявленія присущей товарамъ (имманентной) мѣры цѣнности, т-е рабочаго времени ⁵⁰).

⁵⁰) Вопросъ о томъ, почему деньги не могутъ представлять непосредственно само рабочее время,—такъ, чтобы, напр., какой-нибудь билетъ изображалъ x рабочихъ часовъ,—сводится просто къ вопросу, почему на основѣ товарнаго производства продукты труда должны принимать форму товаровъ, и форма товара заключать въ себѣ его раздвоеніе на товаръ и денежный товаръ. Другими словами, тотъ же вопросъ можно выразить такъ: почему частный трудъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ его противоположность, какъ непосредственно общественный

Выраженіе цѣнности товара въ золотѣ: x товара $A=y$ денежнаго товара, есть его денежная форма или цѣна. Изолированнаго уравненія, какъ 1 тонна желѣза=2 унцамъ золота, теперь достаточно, чтобы дать общественно признанное выраженіе цѣнности желѣза. Подобное уравненіе не должно уже болѣе представлять лишь одно звено въ цѣломъ рядѣ уравненій цѣнности другихъ товаровъ, такъ какъ эквивалентный товаръ, золото, обладаетъ уже свойствомъ денегъ. Всеобщая относительная форма цѣнности получила, такимъ образомъ, теперь свою первоначальную, простую или единичную относительную форму цѣнности. Съ другой стороны, разсѣянное относительное выраженіе цѣнности или безконечный рядъ относительныхъ выраженій цѣнности становится специфической относительной формой цѣнности денежнаго товара. Но въ товарныхъ цѣнахъ этотъ рядъ теперь уже представляетъ нѣчто общественно данное. Стоитъ только прочесть этикетки какого-нибудь преискуранта съ права на лѣво—и величина цѣнности денегъ окажется выраженной во всевозможныхъ товарахъ. Напротивъ того, деньги не имѣютъ никакой цѣны. Чтобы участвовать въ этой единой относительной формѣ цѣнности другихъ товаровъ, имъ пришлось бы относиться къ себѣ самимъ, какъ къ собственному эквиваленту.

Цѣна, или денежная форма товаровъ, какъ и ихъ форма цѣнности вообще, есть форма, отличная отъ ихъ видимой, реальной тѣлесной формы, есть, сѣбѣ-наравнѣ, только идеальная или мысленно-представляемая форма. Цѣнность желѣза, холста, пшеницы и т. д. существуетъ, хотя невидима, въ самихъ этихъ вещахъ; она выражается посредствомъ уравненія ихъ съ золотомъ, посредствомъ отношенія къ золоту, которое лишь, такъ сказать, витаетъ въ ихъ головахъ. Хранитель товаровъ долженъ, поэтому, одолжить имъ свой языкъ или прикрѣпить къ нимъ бумажный билетикъ, чтобы сообщить вѣнному міру ихъ цѣну ²¹⁾. Такъ

трудъ. Въ другомъ мѣстѣ я подробно доказывалъ плоскую утопичность «рабочихъ денегъ», при товарномъ производствѣ (I. с. р. 61 qq): здѣсь же замѣчу еще, что «рабочіе деньги» Оуэла, напр., столь же мало «деньги», какъ, положимъ, театральныя билеты. Оуэлъ предполагаетъ непосредственно общественный трудъ, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. У него рабочее свидѣтельство устанавливаетъ только индивидуальную долю производителя въ общемъ трудѣ и его индивидуальное право на часть общаго продукта, предназначенную для потребления. Но Оуэлъ и не думалъ предполагать товарное производство, и въ то же время стремиться къ тому, чтобы обойти его необходимыми условіями посредствомъ денежныхъ фокусовъ.

²¹⁾ Дикарь или полудикарь употребляетъ свой языкъ нѣсколько иначе. Капитанъ Ратту замѣчаетъ, напр., о жителяхъ западнаго берега Баффинава залива: «Въ этомъ случаѣ (при мѣнѣ продуктовъ) ... она лжуть ее (представленную имъ вещь) два раза языкомъ, послѣ чего, повидимому, считаютъ сдѣлку заключенной». Точно также у восточныхъ аскимосовъ всегда лжуть при мѣнѣ получаемую вещь. Если такимъ образомъ на Сѣверѣ органомъ присвоенія служить языкъ, то не удивительно, если на Югѣ брюхо считается органомъ накопленной собственности, и кафры судятъ о богатствѣ человѣка по родности его брюха. Кафры народъ очень смѣшленный, ибо въ то время, какъ офиціальныя отчеты 1864 г. о положеніи общественнаго здравія въ Англіи жалуются на недостатокъ въ пищѣ большей части рабочаго класса жиробразовательныхъ веществъ, нѣкій докторъ Паргеу, не тотъ

какъ выраженіе цѣнности товаровъ въ золотѣ является идеальнымъ, то для этой операціи можетъ быть употребляемо также лишь идеальное или мысленно представляемое золото. Каждый товаровладелецъ знаетъ, что онъ далеко еще не превратилъ своего товара въ золото, когда онъ его цѣнности придаѣлъ форму цѣны или мысленно представляемую денежную форму, и что ему не нужно ни одной крупинки реальнаго золота, чтобы милліонныя товарныя цѣнности оцѣнить въ золотѣ. Въ своей функціи мѣры цѣнности деньги, поэтому, служатъ въ качествѣ лишь мысленно представляемыхъ или идеальныхъ денегъ. Это обстоятельство породило самыя дикія теоріи ⁵²⁾. Но хотя для функціи мѣры цѣнности служатъ деньги, лишь мысленно представляемыя, цѣна зависитъ вполнѣ отъ реальнаго денежнаго матеріала. Цѣнность, т.-е. количество труда, содержащагося въ одной тоннѣ желѣза, выражается въ мысленно представляемомъ количествѣ денежнаго товара, которое содержитъ столько же труда. Стало быть, смотря по тому, служатъ ли мѣрой цѣнности золото, серебро или мѣдь, цѣнность тонны желѣза выражается въ совершенно различныхъ цѣнахъ или мысленно представляется въ совершенно различныхъ количествахъ золота, серебра или мѣди.

Если, поэтому, два различныхъ товара, напр., золото и серебро, служатъ одновременно мѣрами цѣнности, то всѣ товары имѣютъ два различныя выраженія для своихъ цѣнъ,—цѣну въ золотѣ и цѣну въ серебрѣ,—которые спокойно уживаются рядомъ, пока отношеніе цѣнности серебра и золота остается неизмѣннымъ, напр., 1:15. Но всякое измѣненіе этого отношенія цѣнности нарушаетъ также отношеніе между золотой и серебряной цѣнами товаровъ, чѣмъ практически доказывается, что двойственности мѣры цѣнности противорѣчатъ его функціи ⁵³⁾.

однако, который открылъ кровообращеніе, въ томъ же году составилъ себѣ состояніе посредствомъ шарлатанскихъ средствъ, обѣщавшихъ избавить буржуазію и аристократію отъ бремени излишняго жира

⁵²⁾ См. Karl Marx: Zur Kritik etc. «Theorien von der Masseinheit des Geldes» p. 53 sq.

⁵³⁾ Прим. ко 2 изд. «Тамъ, гдѣ золото и серебро фигурируютъ рядомъ, какъ установленныя закономъ деньги, т.-е. какъ мѣры цѣнности, попытка разсматривать ихъ какъ одно и то же вещество была напрасной. Предположить, что одинаковое рабочее время должно неизмѣнно овеществляться въ одинаковыхъ пропорціяхъ золота и серебра, значитъ въ сущности предположить, что серебро и золото одно и то же вещество, и что извѣстное количество менѣ дорогого металла, серебра, обрѣзаетъ неизмѣнную дробь неизвѣстнаго количества золота. Съ царствованія Эдуарда III до времени Георга II, исторія денегъ въ Англіи представляетъ непрерывный рядъ пертурбацій, вываиваемыхъ коллизіей между закономъ установленнымъ отношеніемъ цѣнности серебра и золота и колебаніями ихъ дѣйствительной цѣнности. То золото цѣнилось слишкомъ высоко, то серебро. Слишкомъ низко оцѣненный металлъ вымался изъ обращенія, превращался въ слатки и вывозился. Тогда отношеніе цѣнности обоихъ металловъ снова измѣнялось закономъ, но новая номинальная цѣнность скоро приходила съ дѣйствительнымъ отношеніемъ цѣнности въ тотъ же конфликтъ, что и старая. Даже въ наше время слабое и временное паденіе цѣнности золота сравнительно съ серебрянымъ, результатъ спроса на послѣднее въ Индіи и Китаѣ, вызвало во Франціи то же явленіе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, т.-е. вывозъ серебра и вытѣсненіе его изъ обращенія золотомъ.

Товары, цѣны которыхъ опредѣлены, представляются всѣ въ такой формѣ: a товара $A=x$ золота; b товара $B=y$ золота, c товара $C=z$ золота и т. д., гдѣ a , b , c представляютъ опредѣленные количества товаровъ A , B , C , а x , y , z —опредѣленные количества золота. Товарныя цѣнности, следовательно, превращены въ идеальныя количества золота различной величины, т.-е. несмотря на пестрое разнообразіе товарныхъ тѣлъ, въ одноименныя величины, въ величины золота. Какъ такія различныя величины золота, товарныя цѣнности сравниваются между собою, измѣряются другъ другомъ, и, такимъ образомъ, технически развивается необходимость отнести ихъ къ некоторому опредѣленному количеству золота, какъ къ ихъ единицѣ мѣры. Эта единица мѣры, посредствомъ далѣйшаго дѣленія на части, превращается въ масштабъ. Еще до своего превращенія въ деньги, золото, серебро, мѣль обладаютъ уже такимъ масштабомъ въ своихъ вѣсовыхъ дѣленіяхъ, такъ что, напр., единицей мѣры служитъ фунтъ, который въ одномъ направленіи дѣлится снова на унцы и т. д., а въ другомъ—складывается въ центнеры и т. д. ²⁴⁾ Поэтому, при всякомъ металлическомъ обращеніи существующія уже названія вѣсового масштаба являются также первоначальными названіями и для денежнаго масштаба или для масштаба цѣвъ.

Какъ мѣра цѣнности и какъ масштабъ цѣвъ, деньги выполняютъ двѣ совершенно различныя функціи. Мѣрой цѣнностей онѣ служатъ какъ общественное воплощеніе человѣческаго труда, масштабомъ же цѣвъ—какъ опредѣленное вѣсовое количество металла. Какъ мѣра цѣнности онѣ служатъ для того, чтобы цѣнности чрезвычайно разнообразныхъ товаровъ превратить въ цѣны, въ представляемые мысленно количества золота: какъ масштабъ цѣвъ—онѣ измѣряютъ эти количества золота. Посредствомъ мѣры цѣнности товары измѣряются какъ цѣнности; масштабъ же цѣвъ, наоборотъ, измѣряетъ различныя количества золота посредствомъ одного количества золота, а не цѣнность одного ко-

Въ теченіе 1855, 1856 и 1857 гг. ввозъ золота во Францію превзошелъ его вывозъ на 41.580.000 ф. ст., между тѣмъ какъ вывозъ серебра превзошелъ его ввозъ на 14.704.000. Дѣйствительно, въ странахъ, гдѣ оба металла суть законныя мѣры цѣнности и оба обязательны къ приему во всѣхъ платежахъ, т.-е. всякій можетъ производить свои платежи какъ угодно, по произволу, серебромъ или золотомъ, металлъ съ болѣе высокой цѣнностью приобретаетъ извѣстный лажъ и измѣряетъ свою цѣну, какъ и всякій другой товаръ, въ другомъ, слишкомъ высоко оцененномъ металлѣ, въ то время какъ этотъ послѣдній одинъ служитъ въ качествѣ мѣры цѣнности. Историческій опытъ въ этой области сводится просто къ тому, что тамъ, гдѣ два товара по закону выполняютъ функцію мѣры цѣнности, всегда фактически лишь одинъ играетъ эту роль». (Karl. Marx, I. с. р. 52, 53).

²⁴⁾ Прим. ко 2 над. Тотъ странный фактъ, что единица монетнаго масштаба въ Англіи, унцъ золота, не подраздѣлена на доли, объясняется слѣдующимъ образомъ: «Сначала монетная система у насъ была приспособлена исключительно къ употребленію одного серебра—поэтому одинъ унцъ серебра можетъ быть всегда подраздѣленъ на извѣстное число монетныхъ долей; позже въ монетную систему, исключительно приспособленную къ серебру, было введено золото, и вотъ оказывается, что унцъ золота не можетъ быть подраздѣленъ на извѣстное число долей. (MacLaren: «History of the Currency». London. 1858, p. 16).

личества золота посредством чего другого. Чтобы служить масштабом цѣнъ, какое-нибудь определенное вѣсовое количество золота должно быть фиксировано какъ единица мѣры. Здѣсь, какъ и при всѣхъ другихъ измѣреніяхъ «вѣсовыхъ» величинъ, прочность единицы мѣры имѣетъ рѣшающее значеніе. Поэтому, масштаб цѣнъ тѣмъ лучше выполняетъ свою функцію, чѣмъ неважнѣе одно и то же количество золота служить единицей мѣры. Съ другой стороны, мѣрой цѣности золота можетъ служить только потому, что и само оно продуктъ труда, т.-е. цѣнность, потенциально перемѣняая²⁴⁾.

Прежде всего ясно, что измѣненіе въ цѣнности золота не оказываетъ вреднаго вліянія на его функцію въ качествѣ масштаба цѣнъ. Какимъ бы ни были измѣненія цѣности золота, различныя количества его, какъ цѣнности, всегда остаются въ одинаковомъ взаимномъ отношеніи. Пусть цѣнность золота понизится на 1.000%,—12 унцъ золота все-таки будутъ обладать въ двѣнадцать разъ болѣею цѣнностью, чѣмъ одинъ унцъ, а при цѣвахъ дѣло идетъ только объ отношеніи различныхъ количествъ золота между собою. Такъ какъ, съ другой стороны, одинъ унцъ золота, съ пониженіемъ или повышеніемъ его цѣности, насколько не измѣняется своего вѣса, то столь же мало измѣняется и вѣсъ частей, на которыя онъ раздѣленъ, и поэтому золото, какъ постоянный масштаб цѣнъ, оказывать всегда тѣ же самыя услуги, какъ бы ни измѣнялась его цѣнность.

Измѣненіе цѣности золота не мѣшаетъ также ему функционировать въ качествѣ мѣры цѣности. Это измѣненіе постигаетъ одновременно всѣ товары и, следовательно, *ceteris paribus*, ихъ относительныя цѣнности остаются неизмѣнными, хотя онѣ теперь уже всѣ выражаются въ болѣе высокихъ или болѣе низкихъ цѣвахъ на золото, чѣмъ прежде.

Какъ при выраженіи цѣности одного товара въ потребительной цѣности другого товара, такъ и при оцѣнкѣ товаровъ на золото предполагается только, что въ данное время производство определеннаго количества золота стоитъ известнаго количества труда. Относительно движеній товарныхъ цѣнъ вообще остаются въ силѣ прежде развитые законы простого относительнаго выраженія цѣности.

При неизмѣнной цѣности денегъ всеобщее повышеніе товарныхъ цѣнъ можетъ наступить лишь при повышеніи товарныхъ цѣнностей; при неизмѣнности же товарныхъ цѣнностей—лишь, когда цѣнность денегъ падаетъ. Наоборотъ: при неизмѣнной цѣности денегъ всеобщее пониженіе товарныхъ цѣнъ можетъ наступить лишь при пониженіи товарныхъ цѣнностей; при неизмѣнныхъ же товарныхъ цѣнностяхъ—когда цѣнность денегъ поднимается. Поэтому, отнюдь не всегда повышеніе цѣности денегъ обуславливаетъ собою пропорціональное пониженіе товарныхъ цѣнъ, а пониженіе цѣнности денегъ—пропорціональное повышеніе товарныхъ цѣнъ. Это происходитъ лишь съ товарами, цѣнность кото-

²⁴⁾ Прям. ко 2 пзд. Въ англійскихъ сочиненіяхъ господствуетъ неслыханная путаница относительно понятій мѣрилы или мѣры цѣностей (*measure of value*) и масштаба цѣнъ (*standard of value*). Сама эти функціи и, поэтому, ихъ названія постоянно смѣшиваются.

рыхъ осталась неизмѣнной; такіе же товары, цѣнность которыхъ поднимается равномерно и одновременно съ цѣнностью денегъ, сохраняютъ тѣ же цѣны. Если же ихъ цѣнность поднимается медленнѣе или быстрѣе, чѣмъ цѣнность денегъ, то подъемъ или паденіе ихъ цѣнъ опредѣляется разницей между движеніемъ ихъ цѣнности и цѣнности денегъ, и т. д.

Возвратимся, однако, снова къ изслѣдованію формы цѣны.

Денежныя названія металлическаго разнѣвса мало-по-малу отдѣляются отъ ихъ первоначальныхъ вѣсовыхъ названій по различнымъ причинамъ, между которыми исторически рѣшающее вліяніе оказываютъ: 1) введеніе иностранныхъ денегъ у менѣ развитыхъ народовъ, — напр., въ древнемъ Римѣ серебряныя и золотыя монеты циркулировали сначала въ качествѣ иностранныхъ товаровъ. Названія этихъ иностранныхъ денегъ отличны отъ туземныхъ вѣсовыхъ названій. 2) Съ развитіемъ богатства менѣ благородный металлъ вытѣсняется какъ мѣра цѣнности болѣе благороднымъ, мѣдь — серебромъ, серебро — золотомъ, хотя эта послѣдовательность и противорѣчитъ всякой поэтической хронологіи⁸⁶⁾. Фунтъ, напр., былъ денежнымъ названіемъ дѣйствительно фунта серебра, но какъ только золото вытѣснило серебро какъ мѣру цѣнности, это названіе осталось, можетъ быть, за одной пятнадцатою ($\frac{1}{15}$) долей фунта золота и т. п., — въ зависимости отъ отношенія между цѣнностью золота и цѣнностью серебра. Фунтъ, какъ денежное названіе и фунтъ, какъ обыкновенное вѣсовое названіе золота, теперь не совпадаютъ⁸⁷⁾. 3) Продолжавшаяся цѣлая столѣтія поддѣлка монетъ государями, благодаря которой отъ первоначальнаго вѣса монетъ въ дѣйствительности остались одни лишь наименованія⁸⁸⁾.

Эти историческіе процессы придаютъ несовпаденію между денежными названіями разнѣвсовъ металла и обыкновенными вѣсовыми названіями характеръ чего-то бычваго (*Volksgewohnheit*). Такъ какъ денежный масштабъ, съ одной стороны, имѣетъ чисто условное значеніе, а съ другой — пуждается во всеобщемъ признаніи, то, въ концѣ-концовъ, онъ опредѣляется закономъ. Извѣстное вѣсовое количество благороднаго металла, напр., унцъ золота, официально раздѣляется на извѣстныя части, которыя получаютъ законныя наименованія: фунтъ, талеръ и т. п. Эта опредѣленная часть, которая и становится настоящей денежной единицей, въ свою очередь, дѣлится на другія доли съ законными наименованіями, шиллинги, пени и т. п.⁸⁹⁾. Теперь, какъ и прежде, масштабъ метал-

⁸⁶⁾ Впрочемъ улавливаемая послѣдовательность и не имѣетъ всеобщаго историческаго значенія.

⁸⁷⁾ Прим. ко 2 изд. Такъ англійскій фунтъ обозначаетъ теперь меньше одной трети своего первоначальнаго вѣса; шотландскій, доунъ, — лишь $\frac{1}{20}$; французскій *Livre* — $\frac{1}{10}$; испанскій *Maravedi* меньше $\frac{1}{1000}$; португальскій *Real* — еще гораздо меньшую дозу.

⁸⁸⁾ Прим. ко 2 изд. «Монеты, которыя теперь лишь идеальны, суть самыя старыя монеты всякой націи, и всѣ онѣ въ свое время были реальны; и потому, что онѣ были реальны, онѣ служили счетными деньгами». (Galiani: *Della Moneta*, I. c. p. 153).

⁸⁹⁾ Прим. ко 2 изд. Господинъ David Urquhart въ своихъ «*Familiar Words*», говоритъ о чудовищномъ (!) фактѣ, что въ настоящее время фунтъ (ф. ст.), англій-

лическихъ денегъ остаются опредѣленные вѣсовыя количества (разповѣсы) металла. Измѣняются только подраздѣленія и названія.

Цѣны или идеальныя количества золота, въ которыя превращаются цѣнности товаровъ, выражаются теперь, слѣдовательно, въ денежныхъ названіяхъ или въ призванныхъ закономъ счетныхъ названіяхъ золотого масштаба. Поэтому, вмѣсто того,—чтобы сказать: 1 кварталъ пшеницы—одному унцу золота, говорятъ: онъ равенъ 3 ф. 17 шил. 10^{1/2} пенсамъ. Товары своимъ денежнымъ названіемъ выражаютъ то, во что они цѣнятся, а деньги служатъ счетными деньгами, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить (фиксировать) вещь какъ цѣнность, т.-е. въ формѣ денегъ ⁶⁰).

Названіе какой либо вещи представляетъ нѣчто совершенно постороннее ей природѣ. Я еще ничего не знаю о человѣкѣ, если знаю, что онъ называется Яковомъ. Такимъ же образомъ въ денежномъ названіи—фунтъ, талеръ, фравкъ, дукатъ и т. п.—исчезаетъ всякій слѣдъ отношенія цѣнности. Путаница poplatit о таинственномъ смыслѣ этихъ каббалистическихъ знаковъ тѣмъ значителнѣе, что эти денежные названія выражаютъ и цѣнность товаровъ и одновременно—извѣстныя доли вѣсового количества металла, денежнаго масштаба ⁶¹). Съ другой стороны, необходимо, чтобы цѣнность, въ отличіе отъ пестраго разнообразія конкретныхъ предметовъ товарнаго міра, развилась въ подобную абстрактную (begriffslos) и вещную, но въ то же время простую и общественную форму ⁶²).

ская монетная единица, равенъ приблизительно $\frac{1}{4}$ унца золота, замѣчаетъ: «Это есть фальсификація мѣры, а не установленіе монетной единицы». Въ этомъ «фальшивомъ названіи» вѣса золота онъ видитъ, какъ и во всемъ прочемъ, фальсифицирующую руку цивилизаціи.

⁶⁰) Прим. ко 2 изд. «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляютъ деньги, онъ отвѣтилъ: для счета». (Athen. Delph. t. IV, 49 v. 2. ed. Schweighäuser, 1802).

⁶¹) Прим. ко 2 изд. «Такъ какъ деньги, какъ масштабъ цѣны, фигурируютъ подъ тѣми же счетными названіями, что и товарныя цѣны,—такъ, напр., одинъ унцъ золота, такъ же какъ и цѣнность одной тонны жельза, выражается въ 3 ф. 17 шил. 10^{1/2} пенс., то этихъ ихъ счетнымъ наименованіямъ дали названіе цѣны монеты. Отъ этого произошло удивительное представленіе, будто золото (или серебро) можетъ быть оцѣниваемо въ своемъ собственномъ матеріалѣ, безъ сравненія съ какими либо другими товаромъ, и что оно, въ отличіе отъ всехъ другихъ товаровъ, получаетъ отъ государства опредѣленную цѣну. Фиксацію счетныхъ наименованій опредѣленныхъ вѣсовыхъ количествъ золота смѣшали съ фиксаціей цѣнности этихъ количествъ». (Karl Marx, I. c. p. 52).

⁶²) Ср. «Theorien von der Masseinheit des Geldes» въ «Zur Kritik der pol. Oekon. etc.», p. 53 Sqq. Фантазіи относительно повышенія или пониженія «цѣны монеты», которая состоятъ въ томъ, что законныя денежные названія для закономъ опредѣленныхъ вѣсовыхъ частей золота или серебра должны быть государствомъ приурочены къ большимъ или меньшимъ вѣсовымъ частямъ и сообразно этому, напр., нѣз $\frac{1}{4}$ унца золота должно чеканиться по 20 шил., а 40,—эти фантазіи, поскольку онѣ не составляютъ неуклюжихъ финансовыхъ операцій, направленныхъ противъ государственныхъ и частныхъ кредиторовъ, а имѣютъ цѣлью экономическія «чудеса» столь исчерпывающимъ образомъ разобраны Petty въ «Quantulumcumque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax. 1682», что непосредственно слѣдовавшее за

Цѣна есть денежное названіе общественнаго въ товарѣ труда. Эквивалентности товара и того количества денегъ, названіе котораго есть цѣна товара, является, стало бытъ, тавтологіей ⁶²⁾, да и вообще относительное выраженіе цѣнности какого либо товара есть всегда выраженіе эквивалентности двухъ товаровъ. Но если цѣна, какъ показатель величины цѣнности товара, есть показатель его мѣнового отношенія къ деньгамъ, то изъ этого не слѣдуетъ обратное, т. е., что показатель его мѣнового отношенія къ деньгамъ есть обязательно и показатель величины его цѣнности. Предположимъ, что общественно необходимый трудъ одинаковой величины овеществляется въ 1 кварталъ пшеницы и 2 ф. стерл. (приблизительно $\frac{1}{2}$ унца золота); 2 ф. ст. суть, поэтому, денежное выраженіе величины цѣнности 1 кв. пшеницы, или его цѣна. Если теперь обстоятельства позволяютъ запрашивать за него 3 ф. ст. или заставляютъ отдавать за 1 ф. ст., то 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть слишкомъ большое или слишкомъ малое выраженіе для величины цѣнности пшеницы, но они все-таки составляютъ ея цѣну, такъ какъ, во-первыхъ, они ея форма цѣнности—деньги, а, во-вторыхъ,—показатель ея мѣнового отношенія къ деньгамъ. Разъ условія производства или производительная сила труда остаются тѣ же, то на производство одного квартала пшеницы должно быть потрачено такое же количество общественно необходимаго рабочаго времени, какъ и прежде. Это обстоятельство не зависить ни отъ воли производителя пшеницы, ни отъ воли другихъ товаровладѣльцевъ. Величина цѣнности товара выражаетъ, поэтому, необходимо присущее (имманентное) процессу созданія товара отношеніе его къ общественно необходимому рабочему времени. Съ превращеніемъ величины цѣнности въ цѣну это необходимое отношеніе является, какъ мѣновое отношеніе товара къ вѣи его существующему денежному товару. Но въ этомъ отношеніи можетъ выражаться, какъ дѣйствительная величина цѣнности товара, такъ и та превосходящая ее, или недостигающая ея величина, въ которой онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть реализованъ при отчужденіи. Возможность количественнаго несовпаденія между цѣной и величиной цѣнности, или уклоненіе цѣны отъ величины цѣнности, лежитъ, поэтому, въ самой формѣ цѣны. Это не составляетъ недостатка этой формы, а напротивъ, дѣлаетъ ее вполнѣ подходящей (адекватной) формой для способа производства, въ которомъ правило можетъ обнаруживаться только въ видѣ слѣдно дѣйствующаго средняго закона, выражающаго отсутствіе всякой правильности.

Форма цѣны допускаетъ, однако, возможность не только количественнаго несоотвѣстствія между величиной цѣнности и цѣной, т.-е. между величиной цѣнности и ея собственнымъ денежнымъ выраженіемъ, но можетъ еще таить въ себѣ ка-

кимъ, Sir Dudley North и John Locke, не говоря уже о позднѣйшихъ писателяхъ, могли только придать его мыслямъ болѣе плоское выраженіе. «Если бы богатство народа,—говорить онъ между прочимъ,—могло бы быть удешевлено правительственной прокламаціей, то было бы очень странно, что наше правительство давно не издавало таковой». (I. с. р. 36).

⁶²⁾ «Или же приходится согласиться, что цѣнность милліона въ деньгахъ стоитъ больше, чѣмъ такая же цѣнность въ товарахъ». (L. Trotsche, I. с. р. 922), т.-е. «что данная цѣнность стоитъ больше своей равной цѣнности».

чественное противорѣчіе, т.-е. тогда цѣна перестаетъ быть вообще выраженіемъ цѣнности, хотя деньги суть только денежная форма товаровъ. Вещи, которыя сами по себѣ не суть товары, напр., совѣсть, честь и т. п., могутъ стать продажными для ихъ владѣльцевъ и, такимъ образомъ, чрезъ свою цѣну, пріобрѣсти товарную форму. Вещь, слѣдовательно, можетъ формально имѣть цѣну, не обладая цѣнностью. Выраженіе цѣны становится здѣсь мнимымъ, какъ нѣкоторыя величины въ математикѣ. Съ другой стороны, и мнимая форма цѣны, какъ напр., цѣна необработанной земли, не имѣющей никакой цѣнности, такъ какъ въ ней не овеществленъ никакой человѣческій трудъ, можетъ таить въ себѣ дѣйствительное отношеніе цѣнности или производное отъ него отношеніе.

Какъ относительная форма цѣнности вообще, цѣна выражаетъ цѣнность какого либо товара, напр., одной тоны желѣза, тѣмъ, что определенное количество эквивалента, напр., унцъ золота, непосредственно обмѣнивается на желѣзо, между тѣмъ какъ обратное ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ мѣста. т.-е. желѣзо, съ своей стороны, не обмѣнивается непосредственно на золото. Поэтому, чтобы практически выполнять роль мѣновой цѣнности, товаръ долженъ сбросить съ себя свое естественное тѣло! и изъ лишь мысленно представляемаго золота превратиться въ реальное, хотя это «пресуппозитивеніе» можетъ прійтись ему болѣе солоно, чѣмъ гегелевскому «понятію» переходу изъ необходимости въ свободу, или омару сбрасываніе его скорлупы, или святому Іерониму совлеченіе съ себя ветхаго Адама ⁶⁴⁾). Рядомъ съ своимъ реальнымъ образомъ, напр., желѣза, товаръ можетъ обладать въ цѣнѣ идеальнымъ образомъ цѣнности или золотымъ образомъ, существующимъ лишь въ представленіи, но онъ не можетъ одновременно быть и дѣйствительнымъ золотомъ и дѣйствительнымъ желѣзомъ. Чтобы придать ему цѣну и отказаться отъ него ⁶⁵⁾), достаточно объявить его равнымъ идеальному золоту; но, чтобы онъ могъ сослужить для своего владѣльца службу всеобщаго эквивалента, онъ долженъ быть замѣненъ реальнымъ золотомъ. Если владѣлецъ желѣза, столкнувшись съ владѣльцемъ какого-нибудь жизнерадостнаго товара, сослался бы на цѣну желѣза, какъ на форму денегъ, то владѣлецъ жизнерадостнаго товара отвѣтилъ бы ему, какъ св. Пѣтръ отвѣтилъ на шебъ Данте, прочитавшему ему символъ вѣры:

«Assai bene è trascorsa
D'esta moneta già la lega e'l peso,
Ma dimmi se tu l'hai nella tua borsa» ⁶⁶⁾).

Форма цѣны подразумѣваетъ отчуждаемость товаровъ за деньги и необходимость этой отчуждаемости. Съ другой стороны, золото функціонируетъ какъ

⁶⁴⁾ Если Іерониму въ юности пришлось много бороться съ матеріальной плотью, какъ это показываетъ его борьба въ пустынѣ съ прекрасными женскими образами, то на старости лѣтъ ему приходилось бороться съ духовной плотью: «Я представилъ себя мысленно,—говоритъ онъ, напр.,—предъ лицомъ всемірнаго судіи». «Кто ты?» спрашиваетъ ижеіи гласъ. «Я христіанинъ». «Ты лжешь»—гремѣтъ всемірный судія—«ты только дидеронианецъ!»

⁶⁵⁾ Въ подлинникѣ непереводимая и нѣсколько темная игра словъ: «Für ihre Preisgebung genügt es, vorgestelltes Gold ihr gleichzusetzen». *Прим. ред. русск. перев.*

⁶⁶⁾ Възъ и составъ этой монеты хорошо навѣсты, но скажи мнѣ, имѣешь ли ты ее въ своемъ кошелькѣ?

идеальная мѣра цѣнности только потому, что въ мѣновомъ процессѣ оно уже обращается какъ денежный товаръ. Въ идеальной мѣрѣ цѣнности таятся, слѣдовательно, зловкая монета.

2. Средство обращенія.

а) Метаморфозъ или обращеніе товаровъ.

Мы видѣли, что мѣновой процессъ товаровъ заключаетъ въ себѣ противорѣчивыя и другъ друга исключаютія отношенія. Развитие товара не устраняетъ этихъ противорѣчій, но создаетъ форму, въ которой они могутъ двигаться. Это, впрочемъ, вообще единственный методъ для разрѣшенія дѣйствительныхъ противорѣчій. Напр., въ томъ, что одно тѣло постоянно падаетъ на другое и столь же постоянно удаляется отъ него, заключается противорѣчіе. Эллипсъ есть одна изъ формъ движенія, въ которой это противорѣчіе осуществляется и вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшается.

Поскольку мѣновой процессъ перемѣщаетъ товары изъ рукъ, гдѣ они являются непотребительными цѣнностями, въ руки, гдѣ они—потребительныя цѣнности, онъ представляетъ собой общественный обмѣнъ веществъ. Продуктъ одного вида полезнаго труда замѣщаетъ продуктъ другого вида полезнаго труда. Достигнувъ мѣста, гдѣ онъ служитъ потребительной цѣнностью, товаръ изъ сферы товарнаго обмѣна попадаетъ въ сферу потребления. Здѣсь насъ интересуетъ только первая сфера; поэтому мы должны рассмотреть весь процессъ со стороны его формы, т.-е. рассмотреть лишь измѣненіе формы или метаморфозъ товаровъ, посредствомъ котораго совершается общественный обмѣнъ веществъ.

Совершенно неудовлетворительное пониманіе этой перемѣны формъ, помимо невыясненности самаго понятія цѣнности, порождается тѣмъ, что всякое измѣненіе формы одного товара происходитъ въ процессѣ обмѣна двухъ товаровъ, изъ которыхъ одинъ—обыкновенный товаръ, а другой—товаръ денежный. Тѣ, кто останавливаются только на этомъ матеріальномъ моментѣ, на обмѣнѣ товара на золото, какъ-разъ и упускаютъ изъ виду то, что слѣдуетъ видѣть, а именно, что происходитъ съ формой. Они просматриваютъ тотъ фактъ, что золото, какъ простой товаръ, не есть деньги, и что другіе товары въ своихъ цѣнахъ выражаютъ себя самихъ въ золотѣ, какъ въ своей собственной денежной формѣ.

Товары вступаютъ не позолоченными, не подсахаренными, какъ природа ихъ родила—въ мѣновой процессъ. Этотъ процессъ производитъ раздвоеніе товара на товаръ и деньги, т.-е. порождаетъ вышнюю противоположность, въ которой товаръ выражаетъ внутреннюю присущую ему противоположность между потребительной цѣнностью и цѣнностью (мѣновой). Въ этой противоположности товары, какъ потребительныя цѣнности, противопоставляютъ себя деньгамъ, какъ мѣновой цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждая сторона этой противоположности есть товаръ, слѣдовательно—единство потребительной цѣнности и цѣнности. Но это единство различій представляется на взглядъ изъ двухъ полюсовъ въ обратномъ видѣ, и въ этомъ самомъ и выражается ихъ взаимоотношеніе. Товаръ, реально взятый, представляетъ собою потребительную цѣнность; его

бытіе же въ качествѣ цѣнности идеально проявляется въ цѣнѣ, которая выражаетъ отношеніе его къ противостоящему золоту, какъ къ реальному изображенію его цѣнности. Наоборотъ, золото имѣетъ значеніе лишь какъ овеществленіе цѣнности, деньги. Оно есть, поэтому, реальная мѣстовая цѣнность. Его же потребительная цѣнность проявляется только идеально, въ рядѣ относительныхъ выражений цѣнности, въ которомъ оно относится къ противостоящимъ товарамъ, какъ къ совокупности реальныхъ образовъ его потребительной цѣнности. Эти противоположныя формы товаровъ суть дѣйствительныя формы движенія ихъ мѣстового процесса.

Послѣдуемъ за какою либо товаровладѣльцемъ, напр., за нашимъ старымъ знакомымъ—ткачомъ, на сцену мѣстового процесса, на товарный рынокъ. Цѣна его товара, 20 арш. холста, опредѣлена: она равняется 2 ф. ст. Онъ обмѣниваетъ холстъ на 2 ф. ст. и, какъ человѣкъ стараго закала, снова обмѣниваетъ эти 2 ф. ст. на семейную библію, въ ту же цѣну. Холстъ, который для него только—товаръ, носитель цѣнности, отчуждается за деньги, образъ его цѣнности, и этотъ образъ снова отчуждается за другой товаръ, библію. Но эта послѣдняя войдетъ въ домъ ткача уже какъ потребительная цѣнность и будетъ тамъ удовлетворять потребности въ душевнаспасительномъ чтеніи. Мѣстовой процессъ, слѣдовательно, совершается въ двухъ противоположныхъ и другъ друга пополняющихъ метаморфозахъ: въ превращеніи товара въ деньги и въ обратномъ превращеніи денегъ въ товаръ ⁶³⁾). Моменты этого товарнаго метаморфоза, представляютъ въ то же время сдѣлки товаровладѣльца: продажу—обмѣнъ товара на деньги; покупку—обмѣнъ денегъ на товаръ, и совокупность этихъ двухъ актовъ: продажу для покупки.

Когда ткачъ взглянетъ на конечный результатъ торга, то увидитъ, что, вмѣсто холста, онъ обладаетъ библіей, вмѣсто своего первоначальнаго товара—другимъ товаромъ одинаковой цѣнности, но различной полезности. Подобнымъ же образомъ онъ приобретаетъ себѣ и другія средства существованія и производства. Съ его точки зрѣнія весь процессъ является механизмомъ обмѣна продукта его труда на продукты чужого труда, т.-е. обмѣна продуктовъ.

Мѣстовой процессъ товаровъ происходитъ, слѣдовательно, въ видѣ такого измѣненія формы:

Товаръ — Деньги — Товаръ
Т — Д — Т

По своему матеріальному содержанію это движеніе Т—Т есть обмѣнъ товара на товаръ, обмѣнъ вещей общественнаго труда, процессъ, который, создавъ извѣстный результатъ, въ немъ исчезаетъ.

Т—Д. Первый метаморфозъ товара или продажа. Перемѣненіе цѣнности товара изъ товарнаго тѣла въ тѣло золота есть, какъ и выразился въ другомъ мѣстѣ, salto mortale товара. Если оно не удастся, то въ наклаѣ оказывается, правда,

⁶³⁾ 'Εκ δὲ τούτου..... πῶρος ἀνταμείβεσθαι πάλιν τῷ αὐτῷ ὃ 'Πραχλῆτος, καὶ πῶρ ἀπ' αὐτῶν ὡσπερ χρυσὸν χρῆματα καὶ χρῆματα χρυσός. (F. Lassalle: «Die Philosophie Heracleitos des Dunkeln. Berlin 1858», Bd. I. p. 222). Примѣчаніе Лассалля къ этому мѣсту изъ Гераклита, p. 224, п. 3, неправильно опредѣляетъ деньги какъ простой знакъ цѣнности.

не товаръ, но товаровладѣлецъ. Общественное раздѣленіе труда дѣлаетъ его трудъ столь же одностороннимъ, сколь разностороння его потребности. Потому именно его продуктъ служить ему самому только какъ мѣсовая цѣнность. А всеобщую общественно-признанную эквивалентную форму онъ пріобрѣтаетъ лишь въ деньгахъ, деньги же находятся въ чужомъ парманѣ. Чтобы извлечь ихъ оттуда, товаръ прежде всего долженъ быть потребительной цѣнностью для владѣльца денегъ; потраченный на него трудъ долженъ быть, следовательно, потраченъ въ общественно-полезной формѣ или выдержать испытаніе какъ звено общественного раздѣленія труда. Но общественное раздѣленіе труда есть естественно разпавующійся производственный организмъ, нити котораго были вытканы и продолжаютъ ткаться за спиной у товаропроизводителей. Можетъ быть, товаръ есть продуктъ какой-либо новой отрасли труда, которая пылаетъ въ виду удовлетворять какую нибудь новую потребность или даже на свой страхъ стремится вновь создать таковую. Вчера—еще лишь одна изъ многихъ функцій одного и того же товаропроизводителя, какой-нибудь особенный частичный трудъ—сегодня, быть можетъ, разрываетъ эту связь, становится самостоятельнымъ и поэтому именно посылаетъ на рынокъ свой частичный продуктъ уже какъ самостоятельный товаръ, причемъ объективныя условія могутъ, разумеется, либо быть, либо не быть окончательно наравѣвшими для процесса такого отдѣленія. Данный продуктъ сегодня удовлетворяетъ какой либо общественной потребности; завтра, быть можетъ, онъ будетъ, дѣликомъ или частью, вытѣсненъ съ своего мѣста какимъ либо другимъ сходнымъ продуктомъ. Если даже какой нибудь трудъ, какъ напр., трудъ нашего ткача, является патентованнымъ звеномъ въ системѣ общественного раздѣленія труда, то это еще ни въ какомъ случаѣ не гарантируетъ потребительной цѣнности произведенныхъ именно этимъ ткачемъ 20 аршинъ холста. Если общественная потребность въ холстѣ, которая, какъ и все другое, имѣетъ свои границы, удовлетворена уже другими соперниками-ткачами, то продуктъ нашего пріятеля становится излишнимъ и потому бесполезнымъ. Даровому коню, правда, въ зубы не смотреть, но нашъ ткачъ вѣдь не для того пришелъ на рынокъ, чтобы дѣлать подарки. Предположимъ теперь, что потребительная цѣнность его продукта выдержала испытаніе, и что деньги притягиваются товаромъ. Спрашивается, сколько же денегъ притягивается имъ? Отвѣтъ уже предвосхищенъ въ цѣнѣ товара, показателѣ величины его цѣнности. Мы оставляемъ изъ сторонѣ возможные субъективныя ошибки въ расчетахъ товаровладѣльца, которыя на рынкѣ немедленно подвергаются объективному исправленію. Предполагается, что онъ на свой продуктъ затратилъ лишь среднее общественно-необходимое рабочее время. Цѣна товара есть, поэтому, только денежное наименованіе овеществленнаго въ немъ количества общественного труда. Но вотъ безъ позволенія и за спиной нашего ткача прежнія унаслѣдованныя отъ прошлаго условія производства холста радикально мѣняются. То, что вчера несомнѣнно являлось общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ для производства одного аршина холста, сегодня перестаетъ быть таковымъ, и владѣлецъ денегъ убѣдительно доказываетъ это ткачу цѣнами, объявленными различными его соперниками. На его несчастье, на свѣтѣ есть много ткачей. Допустимъ, наконецъ, что каждый находящійся на рынкѣ кусокъ холста содержать въ себѣ только обще-

ственно-необходимое рабочее время. Все-таки вся сумма кусковъ можетъ содержать въ себѣ излишнее затраченное рабочее время. Если желудокъ рынка не можетъ поглотить всего количества холста по нормальной цѣнѣ въ 2 шв.л. за аршинъ, то это доказываетъ, что въ формѣ труда ткачей холста потрачена слишкомъ большая часть общей суммы общественнаго рабочаго времени. Дѣйствіе отъ этого получается то же самое, какъ если бы каждый отдѣльный ткачъ на производство своего индивидуальнаго продукта потратилъ рабочаго времени больше общественно необходимаго. Здѣсь оправдывается нѣмецкая поговорка: «вмѣстѣ пойманъ, вмѣстѣ и повѣшенъ». Весь холстъ на рынкѣ считается, какъ одинъ товаръ, а каждый кусокъ—лишь какъ извѣстная часть его. И дѣйствительно, цѣнность каждого индивидуальнаго аршина есть также лишь овеществленіе того же самаго общественно-опредѣленнаго количества однороднаго человеческого труда.

Очевидно, товаръ любитъ деньги, но «the course of true love never does run smooth» *). Количественное расчлененіе общественнаго производственнаго организма, который являетъ свои *membra disjecta* въ системѣ раздѣленія труда, столь же стихійно и случайно, какъ и качественное. Наши товаровладельцы открываютъ, потому что то самое раздѣленіе труда, которое дѣлаетъ ихъ независимыми производителями, дѣлаетъ также независимыми отъ нихъ самихъ и общественный процессъ производства и ихъ отношенія въ этомъ процессѣ, и что независимость лишь другъ отъ друга дополняется тутъ системой всесторонней вѣнцы зависимости.

Раздѣленіе труда превращаетъ продуктъ труда въ товаръ и этимъ дѣлаетъ необходимымъ его превращеніе въ деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ успѣхъ этого пресуществленія дѣломъ чисто случайнымъ. Здѣсь однако мы должны рассмотреть это явленіе въ его чистомъ видѣ, т.-е. предположить, что оно совершается нормально. Впрочемъ, если оно вообще совершается, т.-е. если товаръ не совсѣмъ лишний на рынкѣ, то всегда происходитъ перемѣна его формы, хотя изъ ненормальныхъ случаяхъ при этомъ превращеніи субстанція—величина цѣнности—можетъ умаляться или увеличиваться.

Одному товаровладельцу золото замѣняетъ его товаръ, а другому—товаръ замѣняетъ его золото. Видимое явленіе состоитъ въ томъ, что товаръ и золото, 20 арш. холста и 2 фунта ст., обмѣниваются мѣстами, т.-е. состоятъ въ ихъ обмѣнѣ. Но на что товаръ обмѣнивается? На свое собственное всеобщее выраженіе цѣнности. А золото? На специальное выраженіе своей потребительной цѣнности. Почему золото выступать, по отношенію къ товарамъ, какъ деньги? Потому что цѣна товара или его денежное названіе, 2 ф. ст., обозначаетъ уже его отношеніе къ золоту, какъ къ деньгамъ. Съ товара сбрасывается его первоначальная товарная форма путемъ его отчужденія т.-е. въ тотъ моментъ, когда его потребительная цѣнность въ дѣйствительности притягиваетъ золото, идеально выраженное въ цѣнѣ товара. Реализація цѣны, или чисто идеальной формы цѣнности товара, есть, поэтому, вмѣстѣ съ тѣмъ и обратная реализація

*) «Настоящая любовь никогда не протекаетъ спокойно».

чисто идеальной потребительной цѣнности денегъ, т.-е. превращеніе товара въ деньги есть вмѣстѣ съ тѣмъ превращеніе денегъ въ товаръ. Единный процессъ является двустороннимъ процессомъ: съ точки зрѣнія товаровладельца—продажей, съ противоположной точки зрѣнія владельца денегъ—покупкой. Другими словами, всякая продажа есть покупка. Т—Д всегда вмѣстѣ съ тѣмъ Д—Т⁶⁶).

До сихъ поръ мы не знаемъ никакого другого экономического отношенія между людьми, кромѣ отношенія товаровладельцевъ—отношенія, въ которомъ они присваиваютъ себѣ чужой продуктъ труда, лишь отчуждая свой собственный. Поэтому, одному товаровладельцу можетъ противостоять другой только какъ владелецъ денегъ,—потому ли, что его продуктъ труда отъ природы обладаетъ денежной формой, слѣдовательно, есть денежный матеріалъ, какъ золото и т. п., или потому, что его собственный товаръ уже перемѣнилъ шкуру и сбросилъ съ себя первоначальную потребительную форму. Чтобы функционировать какъ деньги, золото, разумеется, должно въ какомъ нибудь пунктѣ вступить на товарный рынокъ. Этотъ пунктъ находится у самаго источника его производства, гдѣ оно, въ качествѣ непосредственнаго продукта труда, обмѣнивается на другіе продукты труда одинаковой цѣнности. Но съ этого момента оно уже постоянно представляетъ собою реализованныя цѣны товаровъ⁶⁷). Оставляя въ сторонѣ обмѣнъ золота на товаръ на мѣстѣ его производства, мы должны признать, что золото, находящееся въ рукахъ каждаго товаровладельца, есть вышняя сброшенная форма (*entäußerte Gestalt*) его отчужденнаго товара, продуктъ продажи или перваго товарнаго метаморфоза Т—Д⁶⁸). Золото стало идеальными деньгами или мѣрой цѣнности вслѣдствіе того, что всѣ товары измѣряли имъ свою цѣнность и такимъ образомъ сдѣлали его идеальной (представляемой) противоположностью своей потребительной формы, идеальнымъ образомъ своей цѣнности. Реальнымъ же деньгами оно становится вслѣдствіе того, что товары, благодаря своему постоянному и всеобщему отчужденію, дѣлаютъ его своей дѣйствительно вышней или превращенной потребительной формой и этимъ самымъ—дѣйствительнымъ образомъ своей цѣнности. Въ формѣ цѣнности, товаръ отрѣшается отъ всякаго слѣда своей естественной потребительной цѣнности и отъ того частнаго вида полезнаго труда, которому данный товаръ обязанъ своимъ происхожденіемъ, и превращается въ однообразную общественную матерію безразличнаго человеческого труда. Въ деньгахъ нельзя рассмотреть, какого рода товаръ превращенъ въ нихъ. Въ формѣ денегъ одинъ товаръ совершенно походить на другой. Деньги, слѣдовательно, могутъ быть и грязью, хотя грязь

⁶⁶) «Всякая продажа есть покупка» (*Dr. Quesnay: «Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans», Physiocrates, ed. Daire, I, Partie, Paris 1846, p. 170*) или какъ Quesnay говорить въ своихъ «*Maximes générales*». «Продавать—значитъ покупать».

⁶⁷) «Цѣна одного товара можетъ быть уплочена лишь цѣной другого товара». (*Mercier de la Rivière: «L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», Physiocrates, ed. Daire, II, Partie, p. 554*).

⁶⁸) «Чтобы имѣть деньги, надо сначала продать». (*l. c. p. 543*).

не есть деньги. Предположимъ, что тѣ двѣ золотыя монеты, за которыя нашъ ткачъ отдалъ свой товаръ, представляютъ собою превращенный видъ квартала ишеницы. Продажа холста, Т—Д, есть вмѣстѣ съ тѣмъ его покупка, Д—Т. Но продажей холста этотъ процессъ начинается такое движеніе, которое заканчивается его противоположностью, покупкой библии; покупкой же холста онъ заканчиваетъ движеніе, которое началось его противоположностью—продажей ишеницы. Т—Д (холстъ—деньги), эта первая фаза цикла Т—Д—Т (холстъ—деньги—библия), есть вмѣстѣ съ тѣмъ Д—Т (деньги—холстъ), т.-е. послѣдняя фаза другого движенія Т—Д—Т (ишеница—деньги—холстъ). Первый метаморфозъ какого либо товара, его превращеніе изъ товарной формы въ деньги, всегда есть вмѣстѣ съ тѣмъ второй, противоположный метаморфозъ какого либо другого товара, т.-е. его обратное превращеніе изъ денежной формы въ товаръ⁶⁹).

Д—Т. Второй или заключительный метаморфозъ товара: покупка.

— Какъ выраженіе во вѣѣ, какъ вѣѣшняя форма (*entäußerte Gestalt*) всѣхъ другихъ товаровъ или какъ продуктъ ихъ всеобщаго отчужденія, деньги представляютъ собою товаръ, отличающійся абсолютной отчуждаемостью. Деньги читаютъ всѣ цѣны справа налѣво и отражаются, такимъ образомъ, во всѣхъ товарныхъ тѣлахъ, какъ въ покорномъ матеріалѣ ихъ собственнаго товарнаго воплощенія. Въ то же время цѣны, эти любовные взоры, посылаемые деньгами товарамъ, указываютъ границы возможнаго для денегъ превращенія, а именно—ихъ собственное количество. Такъ какъ товары исчезаютъ въ процессѣ своего воплощенія въ деньги, то на деньгахъ незамѣтно, какимъ образомъ онѣ попали въ руки ихъ владѣльца, или что въ нихъ превратилось. Они не имѣютъ запаха—*non olet*, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Если, съ одной стороны, онѣ представляютъ проданный товаръ, то, съ другой, онѣ представляютъ собою товары, которые на нихъ можно купить⁷⁰).

Д—Т, покупка есть въ то же время и продажа, Т—Д; послѣдній метаморфозъ одного товара есть, слѣдовательно, первый метаморфозъ другого товара. Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библией, въ которую онъ снова превратилъ эти 2 ф. ст. Но продавецъ библии превращаетъ полученные отъ ткача 2 ф. ст. въ водку. Д—Т, заключительная фаза Т—Д—Т (холстъ—деньги—библия) есть вмѣстѣ съ тѣмъ Т—Д, первая фаза Т—Д—Т (библия—деньги—водка). Такъ какъ товаропроизводитель производитъ только одинъ товаръ, то онъ часто продаетъ его въ большихъ количествахъ, между тѣмъ какъ его многообразныя потребности заставляютъ его постоянно раздроблять реализованную цѣну или вырученную денежную сумму на многочисленныя покупки. Одна продажа, поэтому, разбивается на многочисленныя покупки раз-

⁶⁹) Исключеніе, какъ раньше было замѣчено, представляетъ производитель золота или серебра, нымѣнивающий свой продуктъ безъ предварительной продажи его.

⁷⁰) «Если деньги представляютъ въ нашихъ рукахъ вещь, которую мы можемъ желать купить, то онѣ представляютъ также тѣ вещи, которыя мы продали за эти деньги». (Mercier de la Rivière, l. c p. 586).

личныхъ товаровъ. Заключительный метаморфозъ одного товара образуетъ, такимъ образомъ, полную сумму первыхъ метаморфозовъ другихъ товаровъ.

Если мы рассмотримъ теперь полный метаморфозъ какого либо товара, напр., холста, то мы тотчасъ увидимъ, что онъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ в одно другое дополняющихъ движений, Т—Д и Д—Т. Эти два противоположные превращенія товара совершаются въ двухъ противоположныхъ общественныхъ процессахъ товаровладѣльца и выражаются въ двухъ противоположныхъ экономическихъ роляхъ его. Какъ дѣйствующее лицо въ актѣ продажи—онъ продавецъ, какъ дѣйствующее лицо въ актѣ купли—онъ покупатель. Но какъ въ каждомъ превращеніи товара обѣ его формы—товарная и денежная—существуютъ одновременно, только на противоположныхъ полюсахъ; такъ одному и тому же товаровладѣльцу, какъ продавцу, противостоитъ другой покупатель, и какъ покупателю—другой продавецъ. Какъ одинъ и тотъ же товаръ проходить послѣдовательно эти два противоположные превращенія,—изъ товара превращается въ деньги и изъ денегъ въ товаръ—такъ одинъ и тотъ же товаровладѣлецъ иѣняетъ роли продавца и покупателя. Это, такимъ образомъ, не постоянныя роли, а роли, поочередно переходящія, внутри товарнаго обращенія, отъ одного лица къ другому.

Полный метаморфозъ одного товара въ своей простѣйшей формѣ предполагаетъ четыре члена и трехъ дѣйствующихъ лицъ. Сначала деньги выступаютъ противъ товара, какъ образъ его цѣнности, которой по ту сторону, въ чужомъ карманѣ, обладаетъ вещественной и звонкой реальностью. Соответственно съ этимъ, товаровладѣльцу противостоитъ владѣлецъ денегъ. Какъ только товаръ превращенъ въ деньги, эти послѣдніе становятся его исчезающей эквивалентной формой, потребительная цѣнность или содержаніе которой существуетъ по ея сторону, въ другихъ товарныхъ тѣлахъ. Какъ конечный пунктъ перваго превращенія товара, деньги суть вмѣстѣ съ тѣмъ исходный пунктъ втораго. Такимъ образомъ, продавецъ въ первомъ актѣ становится покупателемъ во второмъ, гдѣ ему противостоитъ, въ качествѣ продавца, третій товаровладѣлецъ⁷¹⁾.

Обѣ противоположныя фазы движенія товарнаго метаморфоза образуютъ одинъ круговоротъ: товарная форма, отрѣшеніе отъ товарной формы, возвращеніе къ товарной формѣ. Конечно, и самъ товаръ является здѣсь съ противоположными чертами: въ исходномъ пунктѣ онъ неотребительная цѣнность для своего владѣльца, въ конечномъ пунктѣ—потребительная цѣнность для него. Такъ и деньги сначала являются какъ твердый кристаллъ цѣнности, въ который превратился товаръ, чтобы потомъ растаять и превратиться лишь въ его эквивалентную форму.

Эти два метаморфоза, которые образуютъ круговоротъ одного товара, образуютъ одновременно обратныя частичныя метаморфозы двухъ другихъ товаровъ. Одинъ и тотъ же товаръ (холстъ) открываетъ рядъ своихъ собственныхъ м-

⁷¹⁾ «На лицо, стало быть, четыре члена и три контрагента, въ которыхъ одинъ выступаетъ дважды». «Il y a donc quatre termes et trois contractants, dont l'un intervient deux fois» (Le Tresne, l. c. p. 908).

таморфозъ и заключаетъ общій метаморфозъ какого либо другого товара (пшеницы). Въ теченіе своего перваго превращенія, продажи, онъ играетъ эти двѣ роли собственной персоной. А какъ золотая куколка, въ которой онъ самъ проходить путь всякой тѣлѣнной плоти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваетъ первый метаморфозъ какого либо третьяго товара. Круговоротъ, циклъ, описываемый рядомъ метаморфозовъ всякаго товара, неразрывно сплетается съ круговоротами другихъ товаровъ. Весь процессъ въ его совокупности представляетъ собою обращеніе товаровъ.

Обращеніе товаровъ не только формально, но и по существу отличается отъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ. Стоитъ лишь бросить взглядъ назадъ, на весь изображенный нами процессъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Ткачъ безспорно промѣнявъ холстъ на библию, собственный товаръ на чужой; но это явленіе вѣрно только для него. Продавецъ библии, предпочитающій холодному горячее, не думалъ вовсе о томъ, что его библия будетъ вымѣнена на холстъ, какъ и ткачъ не знаетъ, что на его холстъ вымѣнена пшеница и т. д. Товаръ лица В замѣщаетъ товаръ лица А, но А и В вовсе не обмѣниваютъ взаимно своихъ товаровъ. Можетъ, конечно, случиться, что А и В дѣйствительно взаимно покупаютъ другъ у друга, но такой специальный случай нисколько не обуславливается общими условіями товарнаго обращенія. Во-первыхъ, здѣсь видно, какъ товарный обмѣнъ прорываетъ индивидуальныя и мѣстныя границы непосредственнаго обмѣна продуктовъ и развивается обмѣнъ веществъ человеческого труда. Съ другой стороны, развивается цѣлый кругъ отношеній, не поддающихся контролю участвующихъ въ процессѣ товарнаго обращенія лицъ, отношеній общественныхъ. Напримѣръ, ткачъ только потому можетъ продать холстъ, что крестьянинъ продалъ пшеницу, владѣлецъ библии можетъ погому только продать ее, что ткачъ продалъ холстъ; кабатчикъ—водку, потому что другой уже продалъ что-либо другое и т. д.

Поэтому, процессъ обращенія, въ отличіе отъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ, не прекращается съ перемѣной потребительными цѣностями мѣстъ или рукъ. Деньги не исчезаютъ отъ того, что онѣ въ концѣ-концовъ выпадаютъ изъ ряда превращеній одного товара. Онѣ всегда осаждаются на какомъ-нибудь освобожденномъ товарамъ мѣстѣ обращенія. Напр., въ общемъ метаморфозѣ холста: холстъ—деньги—библия—первымъ выходитъ изъ обращенія холстъ; его замѣщаютъ деньги; потомъ выходитъ изъ обращенія библия, деньги снова замѣщаютъ ее и т. д. Игакъ, при замѣщеніи одного товара другимъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ третьихъ рукахъ всегда остаются деньги ¹²⁾. При обращеніи постоянно выделяются деньги.

Не можетъ быть ничего налѣпѣе того догмата, по которому товарное обращеніе необходимо обуславливаетъ собою равновѣсіе между продажами и покупками, въ виду того, что почти каждая продажа есть покупка и наоборотъ. Если атимъ хотать сказать, что количество дѣйствительно совершенныхъ про-

¹²⁾ Прим. ко 2 изд. Какъ ни очевидно это явленіе, однако оно, болышей частью, не замѣчается эконоmistами и особенно вульгарными поклонниками свободы торговли.

дажъ равняется такому же количеству покупокъ, то это плоская тавтологія. Но этихъ хотятъ сказать, что продавецъ приводитъ на рынокъ своего собственного покупателя. Продажа и покупка есть тождественный актъ, какъ взаимное отношеніе между двумя полярно-противоположными лицами, — товаровладельцемъ и владѣльцемъ денегъ. Онѣ образуютъ два полярно-противоположные акта, какъ дѣйствія одного и того же лица. Изъ тождества продажи и покупки слѣдуетъ, поэтому, что товары становятся бесполезными, если брошенные въ алхимическую реторту обращенія они выходятъ оттуда не въ видѣ денегъ, т.-е. если они не продаются товаровладельцами, не покупаются владѣльцами денегъ. Указанное тождество предполагаетъ далѣе, что процессъ этотъ, если онъ успѣшно закончился, создаетъ остановочный пунктъ, составляющій періодъ въ жизни товара, могущій длиться болѣе или менѣе долго. Такъ какъ первый метаморфозъ есть одновременно продажа и покупка, то этотъ частичный процессъ есть выѣстъ съ тѣмъ самостоятельный процессъ. Покупатель платитъ товаръ, продавецъ — деньги, т.-е. товаръ, обладающій формой, дѣлающей его способнымъ къ обращенію, независимо отъ того, когда именно, раньше или позже, онъ снова явится на рынокъ. Никто не можетъ купить безъ того, чтобы нѣкто другой не продалъ; но никому не нужно непосредственно тутъ же покупать потому только, что онъ самъ продалъ. Товарное обращеніе тѣмъ именно разрываетъ временныя, истинныя и индивидуальныя рамки объема продуктовъ, что присущее послѣднему непосредственное тождество между отдачей своего продукта и полученіемъ въ объемъ за него чужого продукта оно рассказываетъ на двѣ противоположныя операціи — продажу и покупку. Эти самостоятельно выступающіе другъ противъ друга процессы образуютъ внутреннее единство, но въ то же время ихъ внутреннее единство проявляется во вѣннннхъ противоположностяхъ. Если вѣнннннн обособленіе внутренне несамостоятельныхъ, т. е. другъ друга дополняющихъ, процессовъ развивается до извѣстныхъ предѣловъ, то ихъ единство насильно прорывается наружу посредствомъ кризиса. Присущая товару противоположность потребительной цѣнности и цѣнности — частнаго труда, долженствующаго выѣстъ съ тѣмъ являться какъ непосредственно общественный трудъ, и особаго конкретнаго труда, который имѣетъ съ тѣмъ фигурируетъ лишь какъ абстрактный всеобщій трудъ, — олицетворенія вещей и овеществленія лицъ — это внутреннее, имманентное противорѣчіе получаетъ въ противоположностяхъ товарнаго метаморфоза свои развитыя формы движенія. Эти формы заключаютъ въ себѣ, поэтому, возможность, но только — возможность кризисовъ. Для превращенія этой возможности въ дѣйствительность требуется цѣлый рядъ условій, которыя въ рамкахъ простого товарнаго обращенія вовсе еще не существуютъ ⁷³⁾.

⁷³⁾ Ср. мои замѣчанія о Джемсѣ Миллѣ въ «Zur Kritik. etc.», р. 74—76. Два пункта характерны для метода экономической апологетики. Во первыхъ, отождествленіе товарнаго обращенія съ непосредственнымъ объемомъ продуктовъ — посредствомъ простого отвлеченія отъ ихъ различій. Во-вторыхъ, попытки отрицать противорѣчія капиталистическаго способа производства, подставляя на мѣсто капиталистическихъ отношеній простыя отношенія, вытекающія изъ товарнаго обра-

Въ качествѣ посредника при обращеніи товаровъ, деньги пріобрѣтають функцію средства обращенія.

б) Обращеніе денегъ.

Перемена формъ, въ которой совершается вещественный обмѣнъ продуктовъ труда, $T-D-T$, обуславливаетъ то, что одна и та же цѣнность представляетъ, въ качествѣ товара, исходный пунктъ этого процесса и, какъ товаръ же, возвращается обратно къ этому самому пункту. Такимъ образомъ, это движеніе товаровъ является круговоротомъ. Съ другой стороны, эта самая форма исключаетъ круговоротъ денегъ. Она имѣетъ своимъ результатомъ постоянное удаленіе денегъ отъ ихъ исходнаго пункта, а не возвращеніе ихъ къ нему. Пока продавецъ держитъ крѣпко въ своихъ рукахъ превращенную форму его товара, т.-е. деньги, до тѣхъ поръ товаръ находится еще въ стадіи перваго метаморфоза, или совершилъ лишь первую половину своего обращенія. Если процессъ, продажа для покупки, завершился, то и деньги снова удалены изъ рукъ своего первоначальнаго владѣльца. Правда, если ткачъ, послѣ покупки библіи, снова продаетъ холстъ, то и деньги опять возвращаются къ нему; но онѣ не возвращаются посредствомъ обращенія первыхъ 20 ар., которое, наоборотъ, перевело ихъ изъ рукъ ткача въ руки продавца библіи. Онѣ возвращаются только при возобновленіи или повтореніи того же самого процесса обращенія для новаго товара, и приводятъ къ тому же результату, что и прежде. Слѣдовательно, форма движенія, непосредственно придаваемая деньгамъ товарнымъ обращеніемъ, состоитъ въ постоянномъ удаленіи ихъ отъ исходнаго пункта; въ переходѣ ихъ изъ рукъ одного товаровладѣльца въ руки другого, въ денежномъ обращеніи (*circulancy, cours de la monnaie*).

Обращеніе денегъ состоитъ въ постоянномъ монотонномъ повтореніи одного и того же процесса. Товары всегда находятся на сторонѣ продавцовъ, деньги—на сторонѣ покупателей, какъ покупательное средство. Онѣ функционируютъ, какъ покупательное средство, реализуя цѣну товара. Реализуя ее, онѣ перемѣщаютъ товаръ изъ рукъ продавца въ руки покупателя, между тѣмъ какъ сами онѣ въ то же время удаляются изъ рукъ покупателя въ руки продавца, чтобы повторить тотъ же процессъ съ какими либо другими товаромъ. Происхожденіе этой односторонней формы движенія денегъ изъ двухсторонней формы товарнаго движенія скрыто отъ взоровъ наблюдателя. А въ то же время самая природа товарнаго обращенія порождаетъ противоположное представленіе. Правда, первый метаморфозъ товара представляется взору наблюдателя не только движеніемъ денегъ, но и собственнымъ движеніемъ товара, зато его второй метаморфозъ ка-

женія. Но товарное производство и товарное обращеніе суть явленія, принадлежащая самымъ различнымъ способамъ производства, хотя и въ различной степени. Поэтому, тотъ, кто знаетъ общія имъ абстрактныя категоріи товарнаго обращенія, ничего не знаетъ еще объ ихъ *differentia specifica*. Ни въ какой наукѣ, кромѣ политической экономіи, не господствуетъ въ такой мѣрѣ важничанье элементарными общими мѣстами. Напр., J. B. Say позволяетъ себѣ судить о кривизнахъ на томъ основаніи, что ему павѣстно, что товаръ есть продуктъ.

жется уже только движеніемъ денегъ. Въ первой половинѣ своего обращенія товаръ мѣняется мѣстомъ съ деньгами. Съ тѣмъ вмѣстѣ его потребительная форма прямо переходитъ изъ сферы обращенія въ сферу потребления ⁷⁴⁾. Его форма цѣности, или денежная маска, заняла ея мѣсто. Вторую половину обращенія онъ проходить уже не въ своей собственной натуральной оболочкѣ, а въ золотой. Представителямъ непрерывнаго движенія выступаютъ здѣсь уже всецѣло деньги, и то самое движеніе, которое для товара заключаетъ въ себѣ два противоположныхъ процесса, являясь движеніемъ денегъ, какъ таковое, всегда представляетъ лишь одинъ процессъ—мѣну денегъ мѣстами всякій разъ съ новымъ товаромъ. Результатъ товарнаго обращенія, т.-е. замѣщеніе однихъ товаровъ другими, представляется, поэтому, обусловливающимся не перемѣной ихъ собственныхъ формъ, а функціей денегъ, какъ такого средства обращенія, которое заставляетъ обращаться неподвижные сами по себѣ товары, перемѣщаетъ ихъ изъ рукъ, гдѣ они являются непотребительными цѣностями, въ руки, гдѣ они—потребительныя цѣности, и притомъ всегда въ направленіи, противоположномъ своему собственному движенію. Опѣ, деньги, постоянно удаляютъ товары изъ сферы обращенія тѣмъ, что сами постоянно занимаютъ ихъ мѣсто въ этой сферѣ и этимъ отдалляютъ себя отъ своего собственного исходнаго пункта. Поэтому, хотя въ дѣйствительности движеніе денегъ есть лишь выраженіе товарнаго обращенія, товарное обращеніе, наоборотъ, кажется только результатомъ денежнаго обращенія ⁷⁵⁾.

Съ другой стороны, деньги пріобрѣтаютъ функцію средства обращенія только потому, что онѣ представляютъ собою цѣность товаровъ, пріобрѣтшую самостоятельное бытіе. Движеніе денегъ какъ средства обращенія, есть, поэтому, въ дѣйствительности лишь движеніе формы самихъ товаровъ. Это послѣднее движеніе должно, поэтому, осязательно отражаться въ обращеніи денегъ. Такъ, напр., холстъ сначала превращаетъ свою форму цѣности въ свою денежную форму. Послѣдній членъ его перваго метаморфоза Т—Д, денежная форма, становится тогда первымъ членомъ его послѣдняго метаморфоза Д—Т, т.-е. его обратнаго превращенія въ библію. Но каждый изъ этихъ двухъ перемѣнъ формы совершается посредствомъ обмѣна между товаромъ и деньгами, черезъ ихъ взаимный обмѣнъ мѣстами. Одна въ тѣ же монеты попадаютъ въ руки продавца, какъ внѣшняя форма товара, и оставляютъ ихъ, какъ абсолютно годная къ отчужденію форма товара. Онѣ два раза мѣняютъ мѣсто. Первая метаморфоза холста приноситъ эти монеты въ карманъ ткача, вторая вновь извлекаетъ ихъ оттуда. Обѣ противоположныя перемѣны формы одного и того же товара ограждаются, слѣдовательно, въ двукратномъ перемѣщеніи денегъ въ противоположномъ направленіи.

Если, наоборотъ, имѣютъ мѣсто только односторонніе товарные метаморфозы,—

⁷⁴⁾ Если даже товаръ постоянно перепродается—явленіе, которое пока еще для насъ не существуетъ,—съ послѣдней окончательной продажей онъ все-таки переходитъ изъ сферы обращенія въ сферу потребления, чтобы тутъ служить средствомъ существованія для проваводства.

⁷⁵⁾ «Онѣ (деньги) не имѣютъ другого движенія, кромѣ того, которое имъ общено продуктами». (Le Trovpe, I, с. р. 885).

безразлично, только продажи ли или только покупки,—то одинъ и тѣ же деньги тоже перемѣняютъ мѣсто лишь одинъ разъ. Ихъ вторичная перемѣна мѣста всегда выражаетъ собой и второй метаморфозъ товара.—его обратное превращеніе изъ денегъ. Въ часто повторяющемся перемѣщеніи однихъ и тѣхъ же денегъ отражается не только рядъ метаморфозъ одного единичнаго товара, но также и сплетеніе безчисленныхъ метаморфозъ товарнаго міра вообще. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что все только что сказанное пригодно лишь для выясненія разсматриваемой здѣсь формы простаго товарнаго обращенія.

Каждый товаръ, при самомъ вступленіи своемъ въ сферу обращенія, при первой перемѣнѣ своей формы, выходитъ изъ обращенія, въ которое вступаютъ все новые и новые товары. Деньги, напротивъ, въ качествѣ средства обращенія, находятся постоянно въ сферѣ обращенія и безконечно тамъ шатаются. Является, поэтому, вопросъ, сколько денегъ поглощаетъ постоянно эта сфера?

Въ каждой данной странѣ ежедневно совершаются во множествѣ одновременные и, стало быть, параллельные односторонніе товарные метаморфозы, или, другими словами, съ одной стороны только продажа, а съ другой—только покупки. Въ своихъ цѣнахъ товары уже приравнены къ определеннымъ идеальнымъ количествамъ денегъ. А такъ какъ въ разсматриваемой здѣсь непосредственной формѣ обращенія товары и деньги постоянно выступаютъ другъ противъ друга тѣсно, одинъ на полнѣю продавца, другія—на полнѣю покупателя, то масса средствъ обращенія, необходимыхъ для процесса обращенія товаровъ, опредѣлена уже суммой цѣнъ товаровъ. Дѣйствительно деньги представляютъ собою лишь реальное выраженіе той суммы золота, которая ideally уже выражена въ суммѣ товарныхъ цѣнъ. Поэтому, равенство этихъ суммъ само собою подразумѣвается. Мы знаемъ, однако, что при неизмѣняемыхъ цѣнностяхъ товаровъ цѣны ихъ мѣняются съ измѣненіемъ цѣнности золота (денежнаго матеріала),—относительно возрастаютъ, когда она падаетъ, и падаютъ, когда она поднимается. Когда сумма товарныхъ цѣнъ такимъ образомъ поднимается или падаетъ, то въ равной мѣрѣ должна увеличиваться или уменьшаться и масса находящихся въ обращеніи денегъ. Источникъ измѣненія въ массѣ средствъ обращенія лежитъ здѣсь, конечно, въ самихъ деньгахъ, но не въ ихъ функціи, какъ средства обращенія, а въ ихъ функціи, какъ мѣрилы цѣнности. Сперва цѣны товаровъ мѣняются обратно-пропорціонально цѣнности денегъ, а потомъ масса средствъ обращенія измѣняется прямо пропорціонально цѣнамъ товаровъ. То же самое явленіе будетъ имѣть мѣсто, если, напр., не цѣнность золота повызится, а серебро замѣнитъ его въ качествѣ мѣрилы цѣнности, или не цѣнность серебра поднимется, а золото вытѣснитъ его изъ функціи мѣрилы цѣнности. Въ первомъ случаѣ должно циркулировать больше серебра, чѣмъ раньше золота, во второмъ—меньше золота, чѣмъ раньше серебра. Въ обоихъ случаяхъ измѣнится цѣнность денежнаго матеріала, т.-е. товара, функционирующаго какъ мѣрило цѣнности, измѣнится, поэтому, выраженіе товарной цѣнности посредствомъ цѣнъ, а, стало быть,—и масса обращающихся денегъ, служащихъ для реализаціи этихъ цѣнъ. Мы видѣли, что сфера обращенія товаровъ имѣетъ отверстіе, чрезъ которое вступаетъ въ нее золото (или серебро, словомъ, денежный матеріалъ), какъ

товаръ опредѣленной цѣнности. Эта цѣнность заранее предполагается при функционированіи денегъ, какъ мѣры цѣнности, а, слѣдовательно, и при опредѣленіи цѣны. И если, напр., понизится цѣнность самого мѣры цѣнности, то это прежде всего проявится въ измѣненіи цѣнъ тѣхъ товаровъ, которые, у источника производства благородныхъ металловъ, непосредственно обмѣниваются на нихъ, какъ на товары. Между тѣмъ большая часть другихъ товаровъ будетъ продолжать, особенно при менѣ развитомъ состояніи буржуазнаго общества, болѣе или менѣ долгое время оцѣниваться по старой, ставшей фиктивной, цѣнности денежнаго металла. Мало-по-малу, однако, одинъ товаръ заражаетъ другой черезъ свое отношеніе цѣнности къ нему: цѣны товаровъ, выраженныхъ въ золотѣ или серебрѣ, выравниваются сообразно цѣнности этихъ послѣднихъ. пока, наконецъ, всѣ товарныя цѣнности не начинаютъ оцѣниваться соответственно новой цѣнности денежнаго металла. Этотъ процессъ уравниванія сопровождается постояннымъ ростомъ количества драгоцѣнныхъ металловъ, которые появляются для замѣщенія товаровъ, прямо на нихъ вымѣниваемыхъ. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ исправленные цѣны товаровъ становятся всеобщими, т.-е. оцѣнка ихъ цѣнностей приравнивается къ новой пониженной—и до извѣстной степени продолжающей повышаться—цѣнности металла, увеличеніе количества его, необходимое для реализаціи этихъ новыхъ цѣнъ, оказывается уже совершившимся. Одностороннее наблюденіе фактовъ, послѣдовавшихъ за открытіемъ новыхъ источниковъ золота и серебра, привело въ XVII и особенно въ XVIII стол. къ ложному заключенію, будто цѣны товаровъ поднялись вслѣдствіе того, что большее количество золота и серебра стало функционировать какъ средство обращенія. Въ послѣдующемъ изложеніи цѣнность золота будетъ предполагаться уже данной, что на самомъ дѣлѣ и бываетъ въ моментъ установленія цѣнъ.

При этомъ предположеніи масса средствъ обращенія опредѣляется, слѣдовательно, суммой цѣнъ товаровъ, подлежащей реализаціи. Если мы предположимъ далѣе, что и цѣна каждаго товара дана, то сумма цѣнъ, очевидно, будетъ зависѣть отъ массы находящихся въ обращеніи товаровъ. Приходится очень мало ломать голову, чтобы понять, что если 1 кв. пшеницы стоятъ 2 ф. ст., то 100 кв. пшеницы стоятъ 200 ф. ст., 200 кв. 400 ф. ст. и т. д., т.-е., что съ возрастаніемъ массы пшеницы должна возрастать и масса денегъ, которыя при продажѣ мѣняются съ ней мѣстомъ.

Если же мы предположимъ массу товаровъ данной, то масса обращающихся денегъ колеблется вмѣстѣ съ колебаніями цѣнъ товаровъ. Она поднимается или понижается, потому что сумма товарныхъ цѣнъ, вслѣдствіе измѣненія этихъ послѣднихъ, увеличивается или уменьшается. При этомъ вовсе не необходимо, чтобы цѣны всѣхъ товаровъ одновременно поднимались или падали. Подъема цѣнъ извѣстнаго числа важнѣйшихъ товаровъ въ одномъ случаѣ, или пониженія ихъ въ другомъ, вполне достаточно для того, чтобы возвысить или понизить подлежащую реализаціи сумму цѣнъ всѣхъ находящихся въ обращеніи товаровъ. достаточно, слѣдовательно, также и для того, чтобы пустить въ обращеніе большее или меньшее количество денегъ. Отражаютъ ли перемѣны цѣнъ товаровъ дѣйствительное измѣненіе цѣнностей или простое колебаніе рыночныхъ цѣнъ,—вліяніе этого на массу средствъ обращенія остается то же.

Допустимъ, что дано нѣкоторое количество несвязанныхъ между собою, одновременно и рядомъ совершающихся продажъ или частныхъ метаморфозъ: напр., 1 кв. пшеницы, 20 арш. холста, 1 библія, 4 галлона водки. Если цѣна каждаго предмета 2 ф. ст., а вся подлежащая реализаціи сумма цѣвъ, слѣдовательно: 8 ф. ст., то въ обращение должна вступить денежная масса въ 8 ф. ст. Если же, наоборотъ, эти самые товары образуютъ звенья знакомаго намъ ряда метаморфозъ: 1 кв. пшеницы—2 ф. ст.—20 ар. холста—2 ф. ст.—1 библія 2 ф. ст.—4 галлона—2 ф. ст., то 2 ф. ст. заставляютъ циркулировать поочередно всѣ эти товары, реализуя поочередно же цѣну каждаго изъ нихъ, а слѣдовательно, и всю сумму цѣвъ въ 8 ф. ст., чтобы, въ концѣ-концовъ, успокоиться въ рукахъ кабатчика. Они, такимъ образомъ, совершаютъ четыре оборота. Это повторяющееся перемѣщеніе однихъ и тѣхъ же монетъ представляетъ собою двойную перемѣну формы товаровъ, ихъ движеніе чрезъ двѣ противоположныя стадіи обращенія и плетеніе метаморфозъ различныхъ товаровъ⁷⁶⁾. Противоположныя и одна другую дополняющія фазы, чрезъ которыя этотъ процессъ проходитъ, не могутъ совершаться одновременно, совпадать, а слѣдуютъ во времени одна за другой. Извѣстные промежутки времени служатъ, поэтому, мѣрой продолжительности процесса, или количество оборотовъ одной и той же монеты въ данный промежутокъ времени измѣряетъ быстроту денежнаго оборота. Процессъ обращенія вышеуказанныхъ четырехъ товаровъ продолжается, положимъ, одинъ день; тогда подлежащая реализаціи сумма цѣвъ составляетъ 8 ф. ст., количество оборотовъ одной и той же монеты въ теченіе одного дня—4, и масса обращающихся денегъ—2 ф. ст., или для процесса обращенія въ данный промежутокъ времени:

Сумма товарныхъ цѣвъ.	=	Количеству денегъ, служившихъ средствами обращенія.
Число оборотовъ одновременныхъ монетъ		

Этотъ законъ имѣетъ всеобщую силу. Процессъ обращенія какой-либо страны въ данный промежутокъ времени объемлетъ, правда, съ одной стороны, множество изолированныхъ, одновременныхъ и параллельныхъ продажъ (или покупокъ) или частныхъ метаморфозъ, въ которыхъ одна монета только одинъ разъ мѣняетъ мѣсто или совершаетъ только одинъ оборотъ; но, съ другой стороны, онъ объемлетъ множество частью совершающихся рядомъ, частью переплетающихся между собою болѣе или менѣе многочисленныхъ метаморфозъ или рядовъ, въ которыхъ одна и та же монета совершаетъ большее или меньшее количество оборотовъ. Однако, изъ общаго числа оборотовъ всѣхъ находящихся въ обращеніи одновременныхъ монетъ можно вывести среднее число оборотовъ отдѣльной монеты, или среднюю скорость денежнаго обращенія. Масса денегъ, которая, напр., въ началѣ дневнаго процесса обращенія брошена въ него, естественно опредѣляется суммой цѣвъ одновременно и рядомъ циркулирующихъ товаровъ. Но внутри процесса обращенія каждая монета

⁷⁶⁾ «Продукты приводятъ ихъ (деньги) въ движеніе и заставляютъ обращаться... Быстрота движенія ихъ (т. е. денегъ) замѣняетъ ихъ количество. Когда въ нихъ есть надобность, то онѣ только переходятъ изъ рукъ въ руки, ни минуты не останавливаясь» (Le Trovare, I. с. р. 915, 916).

становится, такъ сказать, отвѣтственной за другія. Если скорость обращенія одной увеличивается, то замедляется обращеніе другихъ или онѣ совсѣмъ выбрасываются изъ сферы обращенія, такъ какъ эта сфера можетъ поглотить только такую массу денегъ, которая, помноженная на среднее число оборотовъ отѣльных ея элементовъ, равняется суммѣ подлежащихъ реализаціи цѣнъ. Если, поэтому, количество оборотовъ каждой монеты возрастаетъ, то уменьшается циркулирующая масса ихъ. Если же количество оборотовъ уменьшается, то масса эта возрастаетъ. Такъ какъ количество денегъ, могущихъ функционировать какъ средства обращенія, при данной средней скорости оборотовъ, является величиной данной, то стоитъ только пустить въ обращеніе известное количество однофунтовыхъ банковыхъ билетовъ, чтобы выбросить изъ него такое же количество золотыхъ монетъ — фокусъ, хорошо знакомый всѣмъ бапкамъ.

Какъ въ денежномъ обращеніи вообще проявляется только процессъ обращенія товаровъ, т.-е. ихъ круговоротъ чрезъ противоположныя метаморфозы, такъ и въ скорости денежнаго обращенія проявляется лишь скорость перемѣны ими формъ, непрерывное сплетеніе метаморфозныхъ рядовъ, ускоренный обмѣнъ веществъ, быстрое исчезновеніе товаровъ изъ сферы обращенія и столь же быстрое замѣщеніе ихъ новыми. Въ быстротѣ денежнаго обращенія проявляется, слѣдовательно, живое текучее единство этихъ противоположныхъ и одна другую дополняющихъ фазъ, превращеніе потребительной формы въ форму цѣнности и обратное превращеніе формы цѣнности въ потребительную форму, или единство обоихъ процессовъ — продажи и покупки. Наоборотъ, въ замедленіи денежнаго обращенія проявляется раздѣленіе и антагонистическое обособленіе этихъ процессовъ въ самостоятельныя движенія, застой въ перемѣнѣ формъ, а потому и въ обмѣнѣ веществъ. Откуда берется этотъ застой, нельзя, конечно, усмотрѣть изъ самого обращенія. Въ этомъ послѣднемъ обнаруживается лишь само явленіе. Общераспространенная точка зрѣнія, которая замѣчаетъ, что деньги съ замедленіемъ ихъ оборота все менѣе часто появляются и исчезаютъ во всѣхъ пунктахъ периферіи обращенія, вполне естественно склоняется къ объясненію этого явленія недостаточнымъ количествомъ средствъ обращенія ⁷⁷⁾.

⁷⁷⁾ «Такъ какъ деньги составляютъ... общую мѣру покупки и продажи, то каждый, имѣющій что-нибудь продать и не находящій покупателя, склоненъ думать, что причина этого — недостатокъ денегъ въ королевствѣ или странѣ; отсюда общая жалоба на недостатокъ денегъ; но это большая ошибка... Чего желаютъ тѣ, которые кричатъ о деньгахъ?... Фермеръ жалуется... онъ думаетъ, что еслибы въ странѣ было больше денегъ, то его товары имѣли бы цѣну... Поэтому, онъ очевидно нуждается не въ деньгахъ, а въ цѣнѣ для своего хлѣба и скота, которые онъ хочетъ продать, но не можетъ... почему на его товаръ нѣтъ цѣны?... 1) Или потому что въ странѣ слишкомъ много хлѣба и скота, такъ что на рынокъ является много продавцовъ, такихъ же какъ онъ, и мало покупателей; или 2) существуетъ недостатокъ въ обычномъ вывозѣ за границу... или 3) потребленіе уменьшается, вслѣдствіе того, что, по бѣдности, люди не могутъ потреблять столько, сколько потребляли раньше. Слѣдовательно, не увеличеніе количества денегъ дастъ фермеру возможность продать его товары, а устраненіе одной изъ указанныхъ причинъ, которая и угнетаетъ рынокъ. Въ этомъ же смыслѣ не хватаетъ денегъ и купцу и лавочнику, т.-е. имъ недостаетъ сбыта для ихъ товаровъ, вслѣдствіе востоя рынка...

Итакъ, общее количество денегъ, функционирующихъ въ данный періодъ времени какъ средства обращенія, опредѣляется, съ одной стороны, суммой цѣвъ обращающихся товаровъ, съ другой—болѣе или менѣе быстрымъ теченіемъ ихъ антагонистическихъ процессовъ обращенія. отъ чего зависить, какая часть этой суммы цѣвъ можетъ быть реализована посредствомъ одной и той же монеты. Но сумма цѣвъ товаровъ зависить, какъ отъ массы ихъ, такъ и отъ цѣны каждаго товара. Эти три фактора: движеніе цѣвъ, масса обращающихся товаровъ и, наконецъ, быстрота обращенія денегъ—могутъ однако мѣняться въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ пропорціяхъ, а потому подлежащая реализаціи сумма цѣвъ, а, стало быть, и обуславливаемая ею масса средствъ обращенія, могутъ также испытывать многочисленныя комбинаціи. Мы здѣсь перечислимъ лишь тѣ, которыя имѣли наибольшее значеніе въ исторіи товарныхъ цѣвъ.

При неизмѣнности товарныхъ цѣвъ масса средствъ обращенія можетъ расти вслѣдствіе того, что масса обращающихся товаровъ возрастаетъ, или же скорость обращенія денегъ уменьшается, или же обѣ эти причины дѣйствуютъ вмѣстѣ. Съ уменьшеніемъ массы товаровъ или увеличеніемъ скорости обращенія масса средствъ обращенія въ этомъ случаѣ можетъ, наоборотъ, падать.

При всеобщемъ подъемѣ товарныхъ цѣвъ количество средствъ обращенія можетъ оставаться неизмѣннымъ, когда количество обращающихся товаровъ уменьшается въ той же пропорціи, въ которой ихъ цѣны увеличиваются, или когда быстрота обращенія денегъ возрастаетъ пропорціонально возрастанію цѣвъ, въ то время какъ количество обращающихся товаровъ остается прежнимъ. Масса средствъ обращенія можетъ уменьшаться, если масса товаровъ уменьшается, или скорость обращенія возрастаетъ—быстрѣе, чѣмъ цѣны.

При всеобщемъ паденіи товарныхъ цѣвъ масса средствъ обращенія можетъ остаться неизмѣнной, когда масса товаровъ возрастаетъ въ той же пропорціи, въ которой цѣны ихъ падаютъ, или скорость обращенія денегъ уменьшается пропорціонально паденію цѣвъ. Она можетъ возрастать, когда количество товаровъ увеличивается, или скорость обращенія уменьшается быстрѣе, чѣмъ падаютъ товарныя цѣны.

Варианціи этихъ различныхъ факторовъ могутъ взаимно компенсироваться, такъ что, несмотря на ихъ постоянныя колебанія, общая сумма подлежащихъ реализаціи цѣвъ товаровъ, а, слѣдовательно, и масса находящихся въ обращеніи денегъ будетъ оставаться постоянной. Поэтому мы находимъ, особенно

Нація больше всего процвѣтаетъ тогда, когда богатства переходятъ изъ рукъ въ руки». (Sir Dudley North: «Discourses upon Trade. Lond. 1691», p. 11—15 passim). Всѣ тарлатанскія измышленія Ноттеншванда основаны на предположеніи, что противорѣчія, вытекающія изъ природы товара и проявляющіяся, поэтому, въ товарномъ обращеніи могутъ быть устранены увеличеніемъ средствъ обращенія. Изъ того, что приписываніе востоя въ процессахъ производства и обращенія недостатку въ средствахъ обращенія основано на популярной иллюзіи, вовсе еще не слѣдуетъ обратное, т.-е. что дѣйствительный недостатокъ въ средствахъ обращенія, вслѣдствіе, напр., оффиціальнаго распоряженія относительно «regulation of currency» (регулюванія денежнаго обращенія), не можетъ съ своей стороны вызвать востоя.

при разсмотрѣніи болѣе длинныхъ періодовъ, гораздо болѣе постоянный средній уровень количества циркулирующихъ въ каждой странѣ денегъ и гораздо болѣе слабыя отклоненія отъ средняго уровня, чѣмъ этого можно было бы ожидать съ перваго взгляда,—за исключеніемъ, конечно, сильныхъ пертурбацій, періодически происходящихъ отъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, рѣже—отъ измѣненій въ самой цѣнности денегъ.

Законъ, что количество средствъ обращенія опредѣляется суммой цѣнъ находящихся въ обращеніи товаровъ и средней скоростью обращенія денегъ ⁷⁸⁾, можетъ быть выраженъ еще такъ: при данной суммѣ цѣнностей товаровъ и данной средней скорости ихъ метаморфозъ, количество находящихся въ обращеніи денегъ или денежнаго металла зависитъ отъ собственной цѣнности денегъ. Иллюзія, согласно которой, наоборотъ, товарныя цѣны опредѣляются массой средствъ обращенія, а послѣдняя, въ свою очередь, массой находящагося въ странѣ денежнаго матеріала ⁷⁹⁾,—эта иллюзія у ея первыхъ представителей опирается на

⁷⁸⁾ «Существуетъ извѣстная мѣра и количество денегъ, необходимыхъ для веденія торговли страны; большее же или меньшее количество, чѣмъ необходимо, вредятъ торговлѣ. Точно такъ же въ мелочной торговлѣ необходимо извѣстное количество фартинговъ (мѣдная монета) для размѣна серебряныхъ монетъ и особенно для расчетовъ, въ которыхъ болѣе мелкія серебряныя монеты уже недостаточны... Какъ количество фартинговъ, необходимыхъ для торговли, должно быть выведено изъ числа лицъ, частоты ихъ обмѣновъ и, главное, изъ цѣнности самыхъ мелкихъ серебряныхъ монетъ; точно такъ же и количество денегъ (золотой и серебряной монеты), необходимыхъ для нашей торговли, должно быть исчислено сообразно съ количествомъ размѣновъ и величинной платежей». (William Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 17). Теорія Юма была защищена противъ Дж. Стюарта и др. А. Юнгомъ въ его «Political Arithmetic. Lond. 1774», гдѣ имѣется особая глава: «Prices depend on quantity of money» (цѣны зависятъ отъ количества денегъ), p. 112 sqq. Я замѣтилъ въ «Zur Kritik etc. p. 149»: «Вопросъ о количестве циркулирующихъ денегъ онъ (А. Смитъ) молчаливо устраняетъ тѣмъ, что рассматриваетъ деньги совершенно неправильно, какъ простой товаръ. Это относится лишь къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ рассматриваетъ деньги ex officio. Случайно же, наприм., въ критикѣ прежнихъ системъ политической экономіи, онъ высказывается вѣрно: «Количество денегъ въ каждой странѣ регулируется цѣнностью товаровъ, которые они должны привести въ движеніе... Цѣнность предметовъ, ежегодно покупаемыхъ и продаваемыхъ въ странѣ, требуетъ извѣстнаго количества денегъ для своего обращенія и распредѣленія между потребителями, и не можетъ дать употребленія большому количеству ихъ. Каналъ обращенія необходимо приводитъ сумму, достаточную для своего пополненія, и никогда не вмѣщаетъ большаго количества». (Wealth of Nations, I. IV, ch. I). Подобнымъ же образомъ А. Смитъ ex officio начинаетъ свое сочиненіе о естественномъ раздѣленіи труда. Впослѣдствіи же, въ послѣдней книгѣ—объ источникахъ государственныхъ доходовъ, онъ импиходомъ повторяетъ объясненія, выставленныя его учителемъ А. Фергюсономъ противъ раздѣленія труда.

⁷⁹⁾ «Цѣны вещей поднимаются во всякой странѣ по мѣрѣ того, какъ въ народѣ возрастаетъ количество золота и серебра; слѣдовательно, если количество золота и серебра уменьшается въ странѣ, то и цѣны всѣхъ товаровъ понижаются соотвѣтственно этому уменьшенію денегъ». (Jacob Vanderlint: «Money answers all Things». Lond. 1734, p. 5). Внимательное сравненіе сочиненія Vanderlint'a и «Essays» Юма не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Юмъ знаетъ сочиненіе Vanderlint'a, впрочемъ весьма замѣчательное, и пользовался имъ. Мнѣніе, что

ту нелѣзную гипотезу, что въ процессѣ обращенія товары вступаютъ безъ цѣны, а деньги—безъ цѣпности, и что потому, въ этомъ процессѣ, нѣкоторая часть товарной кучи обмѣнивается на нѣкоторую часть металлической массы ⁶⁰⁾.

с) Монета. Знакъ цѣпности.

Изъ функціи денегъ, какъ средства обращенія, вытекаетъ ихъ монетная форма. Извѣстная вѣсовая часть золота, выраженная въ цѣнѣ или денежномъ

цѣнѣ опредѣляются количествомъ средствъ обращенія, мы находимъ также у Барбона и у многихъ другихъ писателей до него. «Никакого неудобства—говорить Vanderlint—не можетъ произойти отъ абсолютной свободы торговли, но, наоборотъ очень большая выгода... такъ какъ, если количество денегъ у какой-нибудь націи уменьшится, чему должны воспрепятствовать запрещенія, то тѣ націи, которыя получаютъ деньги, навѣрно найдутъ у себя всѣ вещи поднявшимися въ цѣнѣ, по мѣрѣ того какъ количество денегъ у нихъ возрастетъ... и продукты нашихъ мануфактуръ и др. вещи будутъ продаваться по такимъ умѣреннымъ цѣнамъ, что торговый балансъ обратится въ нашу пользу, и, такимъ образомъ, поглотитъ деньги обратно» (I. с. p. 44).

⁶⁰⁾ Что каждый отдѣльный товаръ, посредствомъ своей цѣны, составляетъ элементъ суммы цѣнъ обращающихся товаровъ,—это очевидно. Но совершенно непонятно, какимъ образомъ масса несоизмѣримыхъ между собою потребительныхъ цѣнъ можетъ обмѣниваться на находящуюся въ странѣ массу золота и серебра. Если весь мѣръ товаровъ фокусническимъ способомъ превратить въ одинъ единственный товаръ и каждый отдѣльный товаръ представить лишь въ видѣ нѣкоторой части совокупнаго товара, то получится такой красивый образчикъ вычисления: совокупный товаръ = x центи. золота, товаръ А = нѣкоторой части совокупнаго товара = такой же доль x центи. золота. Это вполнѣ откровенно и говоритъ Монтескье: «Если сравниваютъ количество золота и серебра, которое находится на землѣ, съ суммой товаровъ, находящихся на ней, то несомнѣнно, что каждый отдѣльный товаръ можетъ быть сравниваемъ съ нѣкоторой частью другого. Предположимъ, что на свѣтѣ нѣтъ только одинъ товаръ или только одинъ, который покупается, и что онъ дѣлится какъ деньги: тогда извѣстная часть этого товара будетъ соответствовать извѣстной части всей суммы денегъ; половина общей суммы товаровъ—половина общей суммы денегъ и т. д... Установленіе цѣны вещей всегда, по существу, зависитъ отъ отношенія между суммой вещей и суммой знаковъ». (Montesquieu, I. с. t. III, p. 12, 13). Относительно дальнѣйшаго развитія этой теоріи Рикардо, его ученикомъ Джамсомъ Миллемъ, лордомъ Оверстономъ и др. ср. «Zur Kritik u. v. w.», p. 140—146 и p. 150 seqq. Дж. Ст. Милль, со свойственной ему эклектической логикой, умѣетъ соединить мнѣніе своего отца, Дж. Милля, съ противоположнымъ мнѣніемъ. Если сравнить текстъ его компендіума: «Princ. of Pol. Econ.» съ предисловіемъ (къ перв. изд.), въ которомъ онъ самъ себя провозглашаетъ А. Смитомъ настоящаго времени, то не впадетъ чему большому удивляться—его ли наивности или наивности публики, которая, дѣйствительно, приняла его за новаго А. Смита, на котораго онъ похожъ, приблизительно, какъ генералъ Уильямъ Карскій на герцога Веллингтона. Незначительныя и малосодержательныя оригинальныя изслѣдованія Дж. Ст. Милля въ области политической экономіи находятся всѣ на лицѣ въ его появившейся въ 1844 г. книжечкѣ: «Some Unsettled Questions of Political Economy». Довѣкъ указывать прямо на связь между отсутствіемъ цѣпности у золота и серебра и опредѣленіемъ ихъ цѣпности посредствомъ количества. «Разъ человечество согласилось придать золоту и серебру воображаемую цѣпность..., то внутренняя цѣпность этихъ металловъ есть не что иное, какъ ихъ количество». «Some Considerations etc. 1691», Works, ed. 1777 vol. II, p. 15.

названія товара, должна въ процессъ обращенія явиться предъ пимъ, какъ одинъ и тотъ же кусокъ золота или какъ монета. Какъ и установленіе масштаба цѣнъ, чеканка монетъ есть дѣло государства. Въ различныхъ національныхъ мундиряхъ, которые носятъ золото и серебро какъ монеты, но которые они сбрасываютъ на всемірномъ рынкѣ, проявляется различіе между внутренней или національной сферой товарнаго обращенія и его всеобщей сферой—міровымъ рынкомъ.

Золотыя монеты и золотыя слитки, слѣдовательно, первоначально различаются лишь по внѣшнему виду, и золото способно къ постояннымъ превращеніямъ изъ одной формы въ другую⁸¹⁾. Путь изъ монетнаго двора есть вѣсть съ тѣмъ и дорога къ плавному тислу, такъ какъ золотыя монеты въ обращеніи болѣе или менѣе стираются. Наименованіе золотыхъ монетъ и ихъ вещество, ихъ номинальное содержаніе и ихъ реальное содержаніе начинаютъ, такимъ образомъ, разъединяться. Одноименныя золотыя монеты пріобрѣтаютъ различныя цѣнности, благодаря различію въ вѣсѣ. Золото, какъ средство обращенія, отклоняется отъ золота, какъ масштаба цѣнъ, и въ силу этого перестаетъ также быть дѣйствительнымъ эквивалентомъ товаровъ, цѣны которыхъ оно реализуетъ. Исторія этой путаницы составляетъ содержаніе монетной исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени до XVIII стол. Естественная тенденція процесса обращенія превращать золотую сущность монетъ въ золотой призракъ, или монету въ символъ ея оффиціального металлическаго содержанія, признана даже новѣйшими законодательствами, опредѣляющими ту степень потери металла, которая дѣлаетъ золотую монету негодной къ обращенію или демонетизируетъ ее.

Разъ денежный оборотъ самъ отдѣляетъ реальное содержаніе монетъ отъ ихъ номинальнаго содержанія, ихъ металлическую сущность отъ ихъ функціональной сущности, то онъ въ скрытомъ видѣ содержитъ уже въ себѣ возможность замѣнить металлическія деньги въ ихъ монетной функціи знаками, сдѣланными изъ другого матеріала или разными символами. Техническія препятствія для чеканки совсѣмъ мелкихъ вѣсовыхъ частей золота и серебра и то обстоятельство, что низшіе металлы первоначально служили мѣрой цѣнности вѣсто благородныхъ—серебро вѣсто золота, мѣдъ вѣсто серебра—и, поэтому, циркулировали въ качествѣ денегъ въ тотъ моментъ, когда ихъ развѣчивали болѣе благородный металл—эти обстоятельства исторически объясняютъ роль серебряныхъ

⁸¹⁾ Разумѣется, такія подробности, какъ монетная пошлина и т. п., лежатъ за пределами этого труда. Мнѣнію романтическаго сикофанта Адама Мюллера, который восхищается «великодушной щедростію», съ которой «англійское правительство чеканитъ даромъ монету» нельзя не противопоставить слѣдующаго взгляда сэра Dudley North'a: «Серебро и золото, подобно другимъ товарамъ, имѣютъ свои приливы и отливы. По призовѣ ихъ изъ Испаніи... они отправляются въ Тоуэръ и чеканятся. Черезъ короткое время можетъ явиться спросъ на слитки для вывоза. Если ихъ нѣтъ, если всѣ они превращены въ монету, что тогда дѣлать? Переплавить ихъ снова. Здѣсь нечего терять, такъ какъ чеканка ничего не стоитъ собственникамъ металла. Такимъ образомъ насильствуютъ надъ націей, вставляя ее платить за плетеніе соломъ, которая пойдетъ на кормъ осламъ. Если бы купцу (North былъ самъ однимъ изъ крупнѣйшихъ коммерсантовъ при Карлѣ II) приходилось платить за чеканку, то онъ не посылалъ бы своего серебра въ Тоуэръ безъ всякихъ размысленій, и деньги всегда цѣнились бы выше нечеканеннаго серебра» (North, l. c. p. 18).

и мѣдныхъ знаковъ, какъ замѣстителей золотыхъ монетъ. Они замѣщаютъ золото въ тѣхъ сферахъ обращенія, въ которыхъ монеты быстрѣ циркулируютъ, следовательно, и быстрѣ портятся, т.-е. тамъ, гдѣ покупки и продажи непрерывно возобновляются въ очень мелкихъ размѣрахъ. Чтобы помѣшать этимъ спутникамъ золота сомѣнь утвердиться на его мѣстѣ, законодательнымъ путемъ опредѣляются минимальныя суммы, въ которыхъ они должны быть обязательны къ приему при платежахъ вмѣсто золота. Особенныя сферы, въ которыхъ вращаются различные сорта монетъ, разумѣется, перекрѣпчиваются между собою. Размѣнная монета появляется рядомъ съ золотомъ для уплаты drobныхъ частей самой мелкой золотой монеты; золото постоянно вступаетъ въ сферу мелкаго обращенія, по такъ же постоянно выбрасывается оттуда посредствомъ размѣна на мелкую монету ⁸²).

Металлическое содержаніе серебряныхъ или мѣдныхъ монетъ произвольно установлено закономъ. Въ обращеніи онѣ еще скорѣ изнѣживаются, чѣмъ золотыя монеты. Ихъ монетная функція фактически становится, поэтому, совершенно независимой отъ ихъ вѣса, т.-е. отъ какой бы то ни было цѣнности. Монетное бытіе золота отдѣляется совершенно отъ субстанціи его цѣнности. Вещи почти безъ всякой цѣнности, бумажные билеты, могутъ, поэтому, функционировать вмѣсто него какъ монеты. Въ металлическихъ денежныхъ знакахъ чисто символическій ихъ характеръ еще до нѣкоторой степени скрытъ; въ бумажныхъ же деньгахъ онъ явственно выступаетъ наружу. Очевидно, *ce n'est que le premier pas qui coûte* (труденъ только первый шагъ).

Здѣсь рѣчь идетъ лишь о государственныхъ бумажныхъ деньгахъ съ придаточнымъ курсомъ. Онѣ вырастаютъ непосредственно изъ металлическаго обращенія. Кредитныя же деньги, наоборотъ, предполагаютъ такія отношенія, которыя находятся еще совершенно внѣ поля зрѣнія, открываемаго намъ простымъ товарнымъ обращеніемъ. Многоходомъ можно, однако, замѣтить, что подобно тому какъ бумажныя деньги въ собственномъ смыслѣ ведутъ свое начало отъ функціи денегъ какъ средства обращенія, такъ и кредитныя деньги имѣютъ свой естественный корень въ функціи денегъ какъ платежнаго средства ⁸³).

Бумажныя деньги, на которыхъ печатными знаками оттиснуты денеж-

⁸²) Если количество серебра не превышаетъ того, которое необходимо для мелкихъ платежей, то оно не можетъ быть собрано въ достаточно большомъ количествѣ для болѣе крупныхъ платежей... Употребленіе золота для крупныхъ платежей предполагаетъ также его употребленіе въ мелочной торговлѣ: тѣ, кто имѣютъ золотыя монеты, предлагаютъ ихъ при мелкихъ покупкахъ и получаютъ вмѣстѣ съ купленнымъ товаромъ нѣкоторое количество серебра въ видѣ сдачи. Такимъ образомъ, извѣстекъ серебра, который безъ этого могъ бы затруднить мелочную торговлю, разсѣивается въ общемъ обращеніи. Но если есть столько серебра, сколько нужно для мелкихъ платежей, не нуждающихся въ золотѣ, то мелочной торговецъ будетъ получать при мелкихъ покупкахъ серебро, которое тогда, по необходимости, скопится въ его рукахъ». (David Buchanan; «Inquiry into the Taxation and commercial Policy of Great Britain. Edinburg 1844», p. 248—249).

⁸³) Финансовый мандаринъ Wan-mao-in позволялъ себѣ разъ преподнести сыну неба проектъ, который имѣлъ скрытой цѣлью своей превращеніе китайскихъ государственныхъ ассигнацій въ размѣнные банкнотные билеты. Въ отчетѣ ассигнацион-

выя названія, напр., 1 ф. ст., 5 ф. ст., чисто вѣшнимъ образомъ бросаются государствомъ въ обращеніе. Поскольку онѣ циркулируютъ дѣйствительно вѣсто одноименныхъ денежныхъ суммъ, въ ихъ движеніи отражаются лишь законы денежнаго обращенія въ его чистомъ видѣ. Специфическій законъ, управляющій бумажно-денежнымъ обращеніемъ, можетъ быть лишь слѣдствіемъ отношенія этихъ денегъ къ золоту, представителями котораго онѣ являются. Этотъ законъ сводится къ тому, что выпускъ бумажныхъ денегъ долженъ ограничиваться количествомъ, въ которомъ символически выражаемое ими золото (или серебро) дѣйствительно должно было бы циркулировать. Правда, количество золота, которое можетъ быть поглощено сферой обращенія, колеблется около извѣстнаго средняго уровня; однако, въ каждой странѣ оно никогда не падаетъ ниже извѣстнаго минимума, который устанавливается опытомъ. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно мѣняетъ свои составныя части, т.-е. постоянно составляется изъ разныхъ золотыхъ монетъ, разумѣется ничего не мѣняетъ въ ея объемѣ и въ ея постоянномъ движеніи въ сферѣ обращенія. Она, поэтому, можетъ быть замѣнена бумажными символами. Если же, наоборотъ, всѣ каналы обращенія будутъ въ полной мѣрѣ ихъ способности въ поглощенію денегъ насыщены бумажными деньгами, то, вслѣдствіе колебаній въ товарномъ обращеніи, каналы эти могутъ переполниться до краевъ. Тогда терлется всякая мѣра. Если же бумажныя деньги переступаютъ установленныя границы, т.-е. то количество золотыхъ монетъ одинаковаго назначенія, которое могло бы циркулировать, то, помимо угрожающей имъ опасности потерять всякое довѣріе публики, онѣ въ товарномъ мѣрѣ начинаютъ представлять лишь то количество золота, которое опредѣляется присущими этому міру законами и которое только и можетъ быть представляемо бумажными знаками. Если, напр., каждый бумажный билетъ представляетъ, вѣсто одного унца золота, два унца, то фактически 1 ф. ст., напр., станетъ денежнымъ названіемъ, скажемъ приблизительно, $\frac{1}{8}$ унца золота, вѣсто $\frac{1}{4}$ унца. Дѣйствіе отъ этого получается такое же, какъ если бы золото измѣнилось въ своей функціи мѣрилы цѣнъ. Поэтому тѣ же самыя цѣнности, которыя раньше выражались въ цѣнѣ 1 ф. ст., выражаются теперь въ цѣнѣ 2 ф. ст.

Бумажныя деньги суть золотыя знаки или денежныя знаки. Ихъ отношеніе

наго комитета отъ апрѣля 1854 г. онъ получилъ за это порядочную годовую плату. Получилъ ли онъ также достодолжное количество ударовъ бамбуковой палкой, объ этомъ отчетъ умалчиваетъ. «Комитетъ»,—включаетъ отчетъ,—тщательно вѣзвѣсилъ его проектъ и находить, что въ немъ все расчитано на пользу купцовъ, безъ мыслишей выгоды для казны». («Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China. Aus dem Russischen von Dr. K. Abel und F. A. Meklenburg. Erster Band. Berlin 1858», p. 47 я.). О постоянной потерѣ въ всѣхъ золотыхъ монетъ при ихъ обращеніи одинъ «Governor» англійскаго банка говоритъ, въ качествѣ свидѣтеля предъ «House of Lords' Committee» (о «Bankacts») слѣдующее: «Каждый годъ новая категорія сувереновъ (не въ политическомъ смыслѣ: Sovereign есть названіе ф. ст.) становится слишкомъ легкой. Категорія, которая въ этомъ году считается полноѣнсовою, можетъ потерять въ обращеніи столько, что на слѣдующій годъ всѣмы повернутся въ другую сторону» (H. o. Lords' Committee 1848, p. 429).

съ товарнымъ цѣнностямъ состоятъ только въ томъ, что эти цѣнности идеально выражены въ тѣхъ же количествахъ золота, въ которыхъ онѣ бумажными деньгами выражаются чувственно символически. Бумажныя деньги представляютъ собою знаки цѣнности постольку лишь, поскольку онѣ представляютъ количества золота, которыя, какъ и всѣ другія товарныя количества, суть также и количества цѣнности ⁸²⁾.

Дозволительно, наконецъ, спросить, почему же золото можетъ быть замѣщаемо простыми не имѣющими цѣнности знаками? Но, какъ мы видѣли, оно такимъ образомъ замѣщается лишь постольку, поскольку его функція монеты, или средства обращенія, изолируется или обособляется. Правда, обособленіе этой функціи не имѣетъ мѣста для отдѣльныхъ золотыхъ монетъ, хотя оно и проявляется въ томъ фактѣ, что стертые монеты продолжаютъ циркулировать. Простыми монетами или простымъ средствомъ обращенія куски золота продолжаютъ быть лишь ронно до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно находятся въ оборотѣ. Но то, что не приложимо къ отдѣльнымъ золотымъ монетамъ, применимо къ той минимальной массѣ золота, которая можетъ быть замѣщаемъ бумажными деньгами. Эта масса находится постоянно въ сферѣ обращенія, непрерывно функционируетъ какъ средство обращенія и существуетъ, поэтому, исключительно лишь какъ носительница этой функціи. Ея движеніе представляетъ собою, следовательно, лишь непрерывный переходъ противоположныхъ процессовъ товарнаго метаморфоза $T-I-I$ одного въ другой; при этомъ форма цѣнности товаровъ появляется предъ товарами лишь для того, чтобы немедленно снова исчезнуть. Самостоятельное проявленіе мѣновой цѣнности товара продолжается здѣсь лишь одинъ быстро смѣняющійся моментъ: тотчасъ же одинъ товаръ опять замѣщается другимъ. Такимъ образомъ, достаточно одного символическаго существованія денегъ въ процессѣ, который постоянно удаляетъ ихъ изъ оцѣнокъ рукъ въ другія. Ихъ функціональное бытіе поглощаетъ, такъ сказать, ихъ матеріальное бытіе. Какъ преходяще-объективированное отраженіе товарныхъ цѣнъ, онѣ исполняютъ теперь лишь функцію своихъ собственныхъ знаковъ и могутъ, поэтому, быть дѣйствительно замѣнены знаками ⁸³⁾. Требуется только, чтобы

⁸²⁾ Прим. ко 2 изд. Какъ смутно понимаютъ даже самые лучшіе писатели по вопросу о деньгахъ ихъ природу и ихъ различныя функціи, показывается, напр., слѣдующее мѣсто въ Fullarton'a: «Что для внутреннихъ мѣновыхъ сдѣлокъ денежныя функціи, которыя теперь выполняютъ золотыя и серебряныя монеты, могли бы также хорошо быть выполняемы неразмѣнными билетами, не имѣющими другой цѣнности, кромѣ фиктивной и условной цѣнности, приписанной имъ вѣлѣніемъ закона, — это фактъ, котораго, по моему, нельзя отрицать. Такого рода цѣнность имѣла бы всѣ преимущества настоящей цѣнности и уступила бы даже необходимости въ металлической валютѣ, при одномъ лишь условіи, чтобы количество билетовъ держалось въ данныхъ предѣлахъ». (Fullarton: «Regulation of Currencies», 2 ed. London, 1845, p. 21). Следовательно, такъ какъ денежный товаръ можетъ быть замѣненъ въ обращеніи простыми знаками цѣнности, то объявляется излишней его роль какъ мѣры цѣнности и масштаба цѣнъ!

⁸³⁾ Изъ того, что золото и серебро, какъ монеты, или въ ихъ исключительной функціи средствъ обращенія становятся своими собственными знаками, Nicolas Barbon выводитъ прямо применительно къ «to raise money», т. е. количеству серебра,

денежный знакъ получаетъ объективное общественное признаніе, и бумажный символъ получаетъ такое признаніе путемъ принудительнаго курса. Это государственное принужденіе вынуждаетъ силу только въ предѣлахъ даннаго общественнаго цѣлаго т.-е. въ сферѣ внутренняго обращенія, но лишь здѣсь и функціи денегъ вполне исчерпываются ихъ ролью средства обращенія. Поэтому, бумажныя деньги могутъ лишь здѣсь вести существованіе, вытѣсняя образъ отдѣленное отъ нихъ металлической субстанціи и исключительно функціопольное.

3. Деньги.

Товаръ, который функціонируетъ какъ мѣра цѣнности, а, поэтому, непосредственно своимъ тѣломъ или чрезъ замѣстителей, также—какъ средство обращенія,—есть деньги. Золото (или серебро) есть поэтому деньги. Какъ деньги оно функціонируетъ, съ одной стороны, тамъ, гдѣ оно должно появляться въ своей золотой (или серебряной) плоти, слѣдовательно, какъ денежный товаръ, т. е. не какъ нѣчто исключительно идеальное, подобно мѣрѣ цѣнности, и не какъ нѣчто, могущее быть представляемымъ, подобно средству обращенія; съ другой стороны, оно функціонируетъ тамъ, гдѣ его функція, все равно, выполняется ли она имъ самимъ или его суррогатами, противопоставляетъ его, какъ единственное выраженіе цѣнности или какъ единственное инокѣ точное (адекватное) воплощеніе мѣновой цѣнности, всѣмъ другимъ товарамъ, какъ простымъ потребительнымъ цѣностямъ.

а) Накопленію сокровищъ.

Постоянный круговоротъ двухъ противоположныхъ товарныхъ метаморфозъ, или быстрые переходы продажи въ покупки, проявляется въ непрерывномъ движеніи денегъ или въ ихъ роли *perpetuum mobile* процесса обращенія. Они иммобилизуются, или, какъ говорить Boisguillebert, они превращаются изъ подвижности (*meuble*) въ недвижимость (*immeuble*), изъ монетъ въ деньги, какъ только метаморфозный рядъ прерывается, т.-е. продажа не пополняется слѣдующей за ней [покупкой].

При самомъ началѣ развитія товарнаго обращенія развиваются и необходимость и желаніе удержать продуктъ первой метаморфозы, т.-е. превращенную форму товара или его золотую оболочку ⁸⁶⁾. Товары въ такомъ случаѣ продаются не для того, чтобы купить другіе товары, а чтобы замѣнить товарную форму денежной формой. Изъ простаго посредствующаго момента при обмѣнѣ нѣществъ эта перемѣна формы становится цѣлью въ себѣ. Вытѣсненному

называемому грошомъ, дать названіе большаго количества серебра, напр., рубля и такимъ образомъ выплатить кредиторамъ грошъ вмѣсто рубля, «Монета, переходя чрезъ множество рукъ, стирается и терлеть въ вѣсѣ... При отдѣлкѣ обращаютъ вниманіе на ея названіе и на ея курсъ, а не на количество серебра. Металлъ становится деньгами лишь благодаря авторитету общественной власти». (N. Barban, l. c. p. 29, 30, 25).

⁸⁶⁾ «Богатство въ деньгахъ есть лишь... богатство въ продуктахъ, превращенныхъ въ деньги». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 557). «Цѣнность въ продуктахъ замѣнила только свою форму» (ib. p. 466).

образу товара не даютъ функционировать въ видѣ абсолютно отчуждаемой формы его или временно появляющейся и исчезающей денежной формы. Деньги, такимъ образомъ, превращаются въ своего рода окаменѣлость, въ сокровище. а продавецъ товара становится собирателемъ сокровищъ.

Именно въ начальномъ періодѣ товарнаго обращенія въ деньги превращается лишь излишекъ потребительныхъ цѣнностей. Золото и серебро становятся, такимъ образомъ, сами собою общественнымъ выраженіемъ излишка или богатства. Эта наивная форма собиранія сокровищъ увѣковѣчивается у народовъ, у которыхъ традиціонной и направленной на удовлетвореніе собственнаго потребленія формѣ производства соответствуетъ и строго очерченный кругъ потребностей. Такъ обстоитъ дѣло у азіатскихъ народовъ, а именно у индусовъ. Вандерлинтъ, который пишетъ, что цѣны товаровъ опредѣляются наличнымъ въ данной странѣ количествомъ золота и серебра, задается вопросомъ, почему индійскіе товары такъ дешевы. Потому, отвѣчаетъ онъ, что индусы зарываютъ свои деньги. Съ 1602—1734 г., замѣчаетъ онъ, они зарыли 150 милл. ф. ст. серебра, которое первоначально было привезено изъ Америки въ Европу ⁸¹⁾. Съ 1856—1866 г., т.-е. въ теченіе 10 лѣтъ, Англія вывезла въ Индію и Китай (металлы, вывезенный въ Китай, большей частью тоже перешелъ оттуда въ Индію) 120 милл. ф. ст. въ серебрѣ, которое было вымѣнено на австраійское золото.

При болѣе развитомъ товарномъ производствѣ каждый производитель товаровъ долженъ обезпечить себѣ *pexus tegum*, «общественный ручной залогъ» ⁸²⁾. Его потребности непрерывно возобновляются и требуютъ безпрестанной купли чужихъ товаровъ, между тѣмъ какъ производство и продажа его собственнаго товара требуютъ времени и зависятъ отъ разныхъ случайностей. Чтобы покупать, не продавая, онъ долженъ раньше продавать, не покупая. Эта операція, совершаемая въ общественныхъ размѣрахъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Однако на мѣстѣ своего производства благородные металлы обмѣниваются непосредственно на другіе товары. Здѣсь имѣетъ мѣсто продажа (со стороны товаровладѣльца) безъ покупки (со стороны владѣльца золота или серебра) ⁸³⁾. И дальнѣйшія продажи безъ слѣдующихъ за ними покупокъ содѣйствуютъ только дальнѣйшему распредѣленію благородныхъ металловъ между товаровладѣльцами. Такимъ образомъ, на всѣхъ пунктахъ обращенія образуются сокровища золота и серебра въ различныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ возможностью удерживать въ своихъ рукахъ товары какъ мѣновыя цѣнности или мѣновыя цѣнности какъ товары, пробуждается и страсть къ золоту. Съ расширеніемъ товарнаго обращенія возрастаетъ и могущество денегъ, этой всегда готовой, абсолютно-общественной формы богатства. «Золото есть дивная вещь! Кто

⁸¹⁾ «Именно благодаря этой практикѣ они отдаютъ свои продукты и мануфактуры произведенія по такимъ низкимъ цѣнамъ». (Vanderlint, l. c. p. 95, 96).

⁸²⁾ «Деньги, это залогъ». (John Beller: «Essays about the poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality. Lond 1669», p. 13).

⁸³⁾ Покупка, въ категорическомъ смыслѣ, предполагаетъ уже золото или серебро въ видѣ превращенной формы товаровъ, или въ видѣ продукта продажъ.

имъ владѣть, тотъ владѣть всѣмъ, чего онъ пожелаеть. Посредствомъ золота можно даже отправлять души въ рай». (Колумбъ, въ письмѣ съ Ямайки, 1503). Такъ какъ на деньгахъ не видно, чтѣ въ нихъ превращено, то въ деньги превращается все—товары и не товары. Все становится продажнымъ и покупнымъ. Товарное обращеніе становится великой общественной ретортой, куда все попадаетъ, чтобы снова появиться оттуда въ видѣ денежнаго кристалла. Этой алхиміи не могутъ противостоять даже реликвиі, не говоря уже о ментѣ грубыхъ *res sacrosanctae extra commercium hominum*⁹⁰⁾. Какъ въ деньгахъ исчезаютъ всякія качественныя различія товаровъ, такъ и онѣ, съ своей стороны, какъ радикальнѣйшій уравнитель (ювелирь), уничтожаютъ всякія различія⁹¹⁾. Но деньги

⁹⁰⁾ Генрихъ III, христіаннѣйшій король Франціи, похищаетъ у монастырей и т. п. реликвиі, чтобы превратить ихъ въ деньги. Известно, какую роль играетъ въ греческой исторіи расхищеніе сокровищъ дельфійскаго храма фокійцами. У древнихъ, какъ повѣстно, мѣстопробываніемъ бога товаровъ служили храмы. Они были «святыми банками». Финикійцы, народъ торговый *par excellence*, смотрѣли на деньги, какъ на высшее выраженіе всѣхъ вещей. Поэтому, было совершенно естественно, что дѣвы, отдававшіяся чужестранцамъ по время праздниковъ богини любви, жертвовали ей монеты, которыя онѣ получали въ видѣ вознагражденія за свои ласки.

⁹¹⁾

«Gold! yellow, glittering precious gold!

Thus much of this, will make black white; foul, fair:
Wrong, right; base, noble; old, young; coward, valiant.

.....What this, you gods! Why this

Will lug your priests and servants from your sides;
Pluck stoutmen's pillows from below their heads.

This yellow slave

Will knit and break religions; bless the accurs'd;

Make the hoar leprosy ador'd; place thieves

And give them title, knee and approbation

With senators of the bench; this is it,

That makes the wappen'd widow wed again

..... Come damned earth,

Thou common whore of mankind»,

(Shakespeare, *Timon of Athens*).

..... Золото! металлъ

Сверкающій, красивый, драгоценный...

Тутъ золота довольно для того,

Чтобы сдѣлать все чернѣйшее бѣлѣйшимъ,

Все гнусное—прекраснымъ, всякій грѣхъ—

Правдивостью, все низкое—высокимъ,

Трусливаго—отважнымъ храбрецомъ,

Все старое—и молодымъ, и свѣжимъ!

Къ чему же мнѣ, о боги, это все?

Безсмертные! къ чему? скажите. Это

Отъ старыхъ отгонитъ вашихъ слугъ,

Изъ-подъ головъ больныхъ подушки вырветъ.

Да, этотъ плутъ сверкающій начнетъ

И связывать, и расторгать обѣты,

Благословлять проклятое, людей

Ничь повергать предъ застарѣлой язвай,

Разбойниковъ почетомъ окружать,

сами товаръ, т.-е. вѣщная вещь, которая можетъ стать частной собственностью всякаго. Общественная сила становится, такимъ образомъ, индивидуальной силой частнаго лица. Античное общество влѣяло, поэтому, деньги, какъ ту монету, на которую разливается его экономическій и нравственный строй ⁹²). Современное общество, которое еще въ дѣтствѣ своемъ вытатило Плутоса за нозосы изъ нѣдръ земли ⁹³), привѣтствуетъ въ золотомъ Гралѣ блестящее воплощеніе своего основнаго жизненнаго начала.

Товаръ, какъ потребительная цѣнность, всегда удовлетворяетъ какой-нибудь особой потребности и представляетъ собой особый элементъ матеріальнаго богатства. Цѣнность же товара измѣряетъ степень его притягательной силы по отношенію ко всѣмъ элементамъ матеріальнаго богатства, и такимъ образомъ служить мѣрой общественнаго богатства его владѣльца. Для простаго товаровладѣльца, для товаровладѣльца—варвара, т.-е. даже для западно-европейскаго крестьянина цѣнность неотдѣлима отъ формы цѣнности, а, поэтому, умноженіе золота и серебрянаго сокровища есть для него умноженіе цѣнностей. Правда, цѣнность денегъ мѣняется вслѣдствіе измѣненія ихъ собственной цѣнности, или вслѣдствіе измѣненія цѣнности товаровъ. И это, однако, не мѣшаетъ, съ одной стороны, тому, чтобы 200 унцъ золота всегда содержали въ себѣ больше цѣнности, чѣмъ 100, 300—больше, чѣмъ 200 и т. д., а, съ другой—чтобы металлическая форма денегъ оставалась всеобщей эквивалентной формой всѣхъ товаровъ, непосредственно—общественнымъ воплощеніемъ всякаго человеческого труда. Стремленіе къ накопленію сокровищъ, по природѣ своей, не знаетъ никакой мѣры. Качественно, или по своей формѣ, деньги неограниченны, т.-е. служатъ всеобщимъ представителемъ матеріальнаго богатства, такъ какъ онѣ могутъ быть непосредственно превращены въ любой товаръ. Но вѣстѣ съ тѣмъ каждая реальная сумма денегъ количественно ограничена, и служитъ покупательнымъ средствомъ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Это противорѣчіе между количественной ограниченностью и качественной неограниченностью денегъ гонитъ постоянно собирателя сокровищъ вновь на сизифову работу накопленія. Онъ точно—завоеватель, который, съ каждой вновь завоеванной страной, завоевываетъ себѣ только новую границу.

Отличьямъ, колѣнопреклоненьемъ,
Сажая ихъ высоко, на скамьи
Сенаторовъ. Вдовѣ, давно отжившей,
Дастъ жениховъ...

.....
Ступай... проклятая всмля,
Наложница всесвѣтная...

(Шекспиръ, Тимонъ афинскій. Переводъ П. Вейнберга).

⁹²) «Деньги больше всего служатъ причиной плохихъ законовъ и плохихъ нравовъ среди людей; онѣ заводятъ ссоры въ городахъ и изгоняютъ обитателей изъ ихъ домовъ; это онѣ направляютъ самыя прекрасныя души на то, что есть самаго постыднаго и гибельнаго въ человѣкѣ и научаютъ ихъ всякую вещь превратить въ зло и нечестіе». (Sophocles, Antigone).

⁹³) «Εὐπλοῦτος τῆς πλεονεξίας ἀνάγειν ἐκ τῶν μολῶν τῆς γῆς αὐτὸν τὸν Πλούτωνα». (Athen. Deipnos., переведено въ текстѣ).

Чтобы удержать въ своихъ рукахъ золото какъ деньги и, поэтому, какъ элементъ образованія сокровищъ, ему не надо давать циркулировать или превращаться изъ покупательнаго средства въ предметъ потребления. Собиратель сокровищъ жертвуетъ, поэтому, денежному фетишу желаніями своей плоти. Онъ серьезно соблюдаетъ проповѣдь воздержанія. Съ другой стороны, онъ можетъ изъять изъ видѣ денегъ изъ обращенія только то, что самъ далъ ему въ видѣ товаровъ. Чѣмъ болѣе онъ производитъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ продавать. Трудолюбіе, воздержаніе и скупость составляютъ, поэтому, его главныя добродѣтели. Много продавать, мало покупать—таковъ итогъ его политической экономіи ⁹⁴⁾.

Рядомъ съ непосредственной формой сокровищъ существуетъ ихъ эстетическая форма, обладаніе золотыми и серебряными товарами. Оно растетъ съ возростаніемъ богатства буржуазнаго общества. «*Soyons riches ou paraissions riches*» *). Такъ образуется частью постоянно расширяющійся рынокъ для золота и серебра, рынокъ, независимый отъ ихъ денежной функціи, частью же—скрытый источникъ денегъ, изъ котораго особенно обильно черпаютъ во время общественныхъ кризисовъ.

Накопленіе сокровищъ выполнять различныя функціи въ экономіи металлическаго обращенія. Ближайшая его функція вытекаетъ изъ условій обращенія золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Мы видѣли, что съ постоянными колебаніями товарнаго обращенія въ объемѣ, цѣнахъ и скорости, количество находящихся изъ обращенія денегъ безпрерывно прибываетъ и убываетъ. Слѣдовательно, оно должно быть способно къ расширенію и сокращенію. То деньги должны притягиваться какъ монеты, то монеты должны отгаликиваться какъ деньги. Чтобы дѣйствительно находящаяся въ обращеніи денежная масса всегда соответствовала степени насыщенности сферы обращенія, количество наличнаго въ данной странѣ золота или серебра должно быть больше того количества ихъ, которое исполняетъ функцію монеты. Это условіе выполняется формой денегъ какъ сокровища. Резервуары сокровищъ служатъ одновременно приводными и отводными каналами для циркулирующихъ денегъ, которыя, поэтому, никогда не исполняютъ канальевъ своего обращенія ⁹⁵⁾.

⁹⁴⁾ «По возможности увеличить число продажновъ различныхъ товаровъ, по возможности уменьшить число покупателей,—вотъ къ чему сводится вся политическая экономія» (Vergil, I. c. p. 52).

* «Будемъ богаты или будемъ казаться богатыми» (Дидро).

⁹⁵⁾ «Для пропановства торговли націи требуется опредѣленная сумма извѣстныхъ денегъ, которая колеблется и бываетъ то больше, то меньше, сообразно требованіямъ обстоятельствъ. Эти приливы и отливы денегъ сами собою уравниваются, безъ помощи воедѣйствія политиковъ... Печи работаютъ попеременно: когда денегъ мало, чеканятъ слитки; когда мало слитковъ—плавятъ монету». (Sir D. North, I. c. p. 22) Джонъ Стюартъ Милль, бывшій долгое время чиновникомъ Остъ-Индской компаніи, подтверждаетъ, что въ Индіи серебряныя украшенія все еще служатъ непосредственно сокровищами. «Серебряныя украшенія выносятся на свѣтъ Божій и чеканятся въ монету, когда процентъ стоитъ высоко, и возвращаются обратно, когда онъ понижается». (J. St. Mill's Evidence. Repts. on Bankacts 1857, p. 2084). На основаніи одного парламентскаго документа отъ 1864 г. относительно ввоза и вы-

В) Платежное средство.

Въ разсматриваемой нами до сихъ поръ непосредственной формѣ товарнаго обращенія одна и та же величина цѣнности всегда представлялась въ двойномъ видѣ: какъ товаръ на одномъ полюсѣ, какъ деньги—на противоположномъ полюсѣ. Товаровладѣльцы вступали, поэтому, въ соприкосновеніе лишь какъ представители имѣющихся уже на лицо эквивалентовъ. Съ развитіемъ товарнаго обращенія развиваются, однако, такія условія, благодаря которымъ отчужденіе товаровъ отдѣляется во времени отъ реализаціи ихъ цѣвъ. Здѣсь достаточно указать на самыя простыя изъ этихъ условій. Одинъ родъ товаровъ требуетъ для своего производства большаго промежутка времени, другой—мелкаго; производство различныхъ товаровъ связано съ различными временами года. Одинъ товаръ родится на мѣстѣ своего рынка, другой долженъ путешествовать на отдаленный рынокъ. Одинъ товаровладѣлецъ можетъ, поэтому, выступить какъ продавецъ раньше, чѣмъ другой какъ покупатель. Если однѣ и тѣ же сдѣлки постоянно повторяются между одними и тѣми же лицами, то условія продажи регулируются условіями производства. Съ другой стороны, пользованіе извѣстнаго рода товаромъ, напр. домомъ, уступается на извѣстный срокъ, и въ такомъ случаѣ покупатель въ дѣйствительности получаетъ потребительную цѣнность товара лишь по истеченіи этого срока. Онъ, такимъ образомъ, покупаетъ его раньше, чѣмъ оплачиваетъ. Одинъ товаровладѣлецъ продаетъ наличный товаръ, другой покупаетъ лишь какъ представитель денегъ или какъ представитель будущихъ денегъ. Продавецъ становится кредиторомъ, покупатель должникомъ. Такъ какъ метаморфозы товаровъ или развитіе ихъ формы цѣнности здѣсь измѣняется, то и деньги получаютъ другую функцію: онѣ становятся платежнымъ средствомъ ⁹⁶⁾.

Роль кредитора или должника вытекаютъ здѣсь изъ простаго товарнаго обращенія. Измѣненіе его формы накладывается на продавца и покупателя эту новую печать. Поэтому, это—на первыхъ порахъ столь же преходящія роли, непознанныя попеременно одними и тѣми же лицами, какъ и роли продавца и покупателя. Однако, эта противоположность уже съ самаго начала не имѣетъ такого добродушнаго вида и способна къ большей кристаллизаціи ⁹⁷⁾. Но эти самыя

воза золота и серебра въ Индію, въ 1863 г. ввозъ золота и серебра превышалъ вывозъ на 19, 367, 764 ф. ст. За послѣдніи 8 лѣтъ до 1864 г. излишекъ ввоза надъ вывозомъ благородныхъ металловъ равнялся 109, 652, 917 ф. ст. Въ теченіе этого столѣтія въ Индію было отчеканено гораздо больше 200,000,000 ф. ст.

⁹⁶⁾ Лютеръ различаетъ деньги, какъ покупательное средство и какъ платежное средство. «Machest mir einen Zwilling aus dem Schadowacht, das lech hie nicht bezahlen und dort nicht kauffen kann». (Martin Luther: «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen. Wittenberg, 1540»).

⁹⁷⁾ Вотъ каковы были отношенія между кредиторами и должниками въ Англіи въ началѣ XVIII стол.: «Здѣсь въ Англію царствуетъ такой духъ жестокости между торговыми людьми, что ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ человеческомъ обществѣ, ни въ какой другой странѣ». («An Essay on Credit and the Bankrupt Act. London. 1707», p. 2).

рози (кредитора и должника) могут возникать и независимо от товарного обращения. Борьба классовъ, напр., въ античномъ мірѣ происходила, главнымъ образомъ, въ формѣ борьбы между кредиторами и должниками, и въ Римѣ она закончилась гибелью должника—псебея и замѣной его рабомъ. Въ средніе вѣка борьба закончилась паденіемъ феодальнаго должника, который потерялъ свое политическое могущество вѣсть съ его экономической основой. Впрочемъ, денежная форма—а отношеніе между кредиторомъ и должникомъ обладаетъ формою денежнаго отношенія—отражаетъ здѣсь только антагонизмъ глубже лежащихъ жизненныхъ условій хозяйства.

Возвратимся къ сферѣ товарнаго обращения. Одновременное появленіе эквивалентовъ, товара и денегъ, на обоихъ полюсахъ процесса продажи уже болѣе не происходитъ. Деньги функционируютъ теперь, во-первыхъ, какъ мѣрило цѣнности при опредѣленіи цѣны продаваемого товара. Цѣной его, установленной договоромъ, измѣряется обязательство покупателя, т.-е. та денежная сумма, которую онъ долженъ уплатить въ извѣстный срокъ. Во-вторыхъ, онѣ функционируютъ какъ идеальное покупательное средство. Хотя онѣ существуютъ лишь въ обществѣ покупателя уплатить ихъ, тѣмъ не менѣе онѣ содѣйствуютъ переходу товара изъ однихъ рукъ въ другія. Только по наступленіи срока уплаты платежное средство вступаетъ дѣйствительно въ обращеніе, т.-е. переходитъ изъ рукъ покупателя въ руки продавца. Средство обращенія превратилось въ сокровище, такъ какъ процессъ обращенія былъ прерванъ на первой своей фазѣ, или превращенная форма товара была изъята изъ обращенія. Платежное средство вступаетъ въ обращеніе, но лишь тогда, когда товаръ уже выступилъ изъ него. Деньги уже не служатъ больше посредниками въ процессѣ; онѣ самостоятельно заканчиваютъ его въ качествѣ абсолютнаго воплощенія мѣровой цѣнности или всеобщаго товара. Продавецъ превращаетъ товары въ деньги, чтобы при ихъ посредствѣ удовлетворить какой либо потребности, собиратель сокровищъ—чтобы сохранить товары въ денежной формѣ, покупатель-должникъ—чтобы быть въ состояніи заплатить. Если онъ не платитъ, его имущество подвергается принудительной продажѣ. Форма цѣнности товара, деньги, благодаря общественной необходимости, вытекающей изъ отношеній самаго процесса обращенія, становится теперь самостоятельной цѣлью продажи.

Покупатель превращаетъ обратно деньги въ товаръ прежде, чѣмъ онъ превратитъ товаръ въ деньги, т.-е. совершаетъ второй метаморфозъ раньше перваго. Товаръ продавца обращается, но реализуетъ свою цѣну лишь въ юридическомъ титулѣ, т.-е. въ правѣ на полученіе денегъ. Онъ превращается въ потребительную цѣнность прежде, чѣмъ въ деньги. Его первая метаморфоза совершается только впоследствии¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Прим. къ 2 изд. Слѣдующая цитата изъ моего сочиненія, появившагося въ 1859 г., уяснить, почему въ текстѣ я ничего не говорю о противоположной формѣ. «Наоборотъ, въ процессѣ Д—Т деньги, какъ дѣйствительное покупательное средство, могутъ получить вышнее бытіе, и такимъ образомъ цѣна товара можетъ быть реализована, прежде чѣмъ потребительная цѣнность денегъ реализуется или товаръ будетъ отчужденъ. Это, напр., ежедневно имѣетъ мѣсто при подпискахъ съ

Въ каждомъ данномъ періодѣ процесса обращенія срочныя обязательства представляютъ собою сумму цѣнъ товаровъ, продажа которыхъ вызвала эти обязательства. Необходимая для реализаціи этой суммы денежная масса прежде всего зависитъ отъ скорости обращенія платежныхъ средствъ. Она обуславливается двумя обстоятельствами: сѣпленіемъ отношеній между займодателями и должниками, такъ что, напр., А, получающій деньги отъ своего должника В, отдастъ ихъ своему кредитору С и т. д.,—и длиной промежутковъ между различными платежными сроками. Эта движущаяся цѣль платежей, или первыхъ метаморфозъ, происходящихъ позже, чѣмъ имъ слѣдовало бы при простомъ обмѣнѣ, существенно отличается отъ сплетенія метаморфозныхъ рядовъ, которое мы раньше изслѣдовали. Связь между продавцами и покупателями не только выражается въ движеніи средствъ обращенія, но она и рождается лишь въ самомъ денежномъ обращеніи и вмѣстѣ съ нимъ. Наоборотъ, движеніе платежнаго средства выражаетъ существовавшую уже до него общественную связь.

Одновременность и сосуществованіе продажныхъ сѣлокъ ограничиваютъ заѣмъ количества денежныхъ монетъ скоростью ихъ обращенія. Но онѣ, въ свою очередь, образуютъ новый рычагъ въ экономіи платежныхъ средствъ. Съ концентраціей платежей въ одномъ и томъ же мѣстѣ естественно развиваются особенныя учрежденія и методы для ихъ балансирования. Таковы были, напр., *virements*—переводы въ средневѣковомъ Ліонѣ. Долговые обязательства А на В, В на С, С на А и т. д. должны быть лишь сопоставлены, чтобы, въ извѣстной мѣрѣ, взаимно погасить одни другія, подобно тому, какъ положительныя и отрицательныя величины взаимно уничтожаютъ другъ друга. Остается только доплатить (сальдировать) разницу. Чѣмъ больше скопляется платежей, тѣмъ, сравнительно, меньше эта разница, а, слѣдовательно, и количество обращающихся платежныхъ средствъ.

Функция денегъ, какъ платежнаго средства, заключаетъ въ себѣ рѣзкое, ничѣмъ не смягченное противорѣчіе. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируютъ лишь идеальво, какъ счетныя деньги или мѣра цѣнности. Для дѣйствительнаго же совершенія платежей деньги являются не какъ средство обращенія, не какъ преходящая лишь и посредствующая форма обмѣна веществъ, но какъ индивидуальное воплощеніе общественнаго труда, какъ самостоятельное бытіе мѣновой цѣнности, какъ абсолютный товаръ. Противорѣчіе это обнаруживается въ тотъ моментъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, который пазывается денежнымъ кризисомъ⁹⁹). Послѣдній происходитъ только

предварительный уплатой (*Pränumeration*), а также въ той формѣ, въ которой англійское правительство скупаетъ въ Индіи опиумъ работавъ... Въ этихъ случаяхъ деньги все же функционируютъ лишь въ извѣстной намъ уже формѣ покупательнаго средства... Капиталъ, конечно, тоже авансируется въ формѣ денегъ; но его еще не видно на полѣ вѣнча простого обращенія». (*Zur Kritik etc.*, p. 119, 120).

⁹⁹) Денежный кризисъ, какъ онъ опредѣленъ въ текстѣ, т.-е. какъ особая фаза всякаго промышленнаго и торговаго кризиса, слѣдуетъ отличать отъ спеціального рода кризисовъ, которые тоже пазываются денежными, но которые могутъ возникать самостоятельно, и лишь въ свою очередь вліять на промышленность и тор-

тамъ, гдѣ непрерывно движущаяся цѣль платежей и искусственная система расчетов по нимъ вноси́тъ развиты. При общемъ разстройствѣ этого механизма—откуда бы оно ни пропущено—деньги внезапно и непосредственно обращаются изъ своей лишь идеальной формы счетныхъ денегъ въ звонкую монету. Онѣ уже не могутъ быть замѣнены обыкновенными товарами. Потребительная цѣнность товара обезцѣнивается, и его цѣнность исчезаетъ предъ его формой цѣнности. Еще недавно буржуа, упоенный своимъ благоденствіемъ и гордый своимъ просвѣщеніемъ объявлялъ деньги пустой мечтой. Только товаръ деньги!—кричалъ онъ.—Только деньги товаръ!—раздается теперь на міровомъ рынкѣ. Какъ усталый олень изнываетъ по свѣжей водѣ, такъ душа буржуа молитъ о деньгахъ—этомъ единственномъ богатствѣ ¹⁰⁰). Въ кризисѣ противоположности между товаромъ и формой его цѣнности,—деньгами, доступаетъ до абсолютнаго противорѣчія. Здѣсь, поэтому, и форма проявленія денегъ безразлична. Денежный голодъ остается тѣмъ же, приходится ли платить золотомъ или кредитными деньгами, напр., банковыми билетами ¹⁰¹).

Если мы рассмотримъ теперь общую сумму денегъ, находящихся въ данный періодъ времени въ обращеніи, то мы найдемъ, что, при данной скорости оборотовъ средствъ обращенія и платежныхъ средствъ, она равна суммѣ подлежащихъ реализаціи товарныхъ цѣвъ, плюсъ сумма срочныхъ платежей, минусъ взаимно уравнивающіяся платежи, минусъ, наконецъ, количество оборотовъ, которое одна и та же денежная монета совершаетъ поочередно, то въ качествѣ средства обращенія, то въ качествѣ платежнаго средства. Напр., крестьянинъ продаетъ свою овеницу за 2 ф. ст., которые, такимъ образомъ, служатъ сред-

ствомъ. Кризисы этого рода имѣютъ центромъ движенія денежный капиталъ и, поэтому, ихъ непосредственной сферой являются банки, биржа и ея сферы. (Прим. Маркса къ 3 изд.).

¹⁰⁰) «Этотъ быстрый переходъ отъ кредитной системы къ денежной присоединилъ теоретическій ужасъ къ практической паникѣ, и агенты обращенія трепещутъ предъ непроницаемой тайной своихъ собственныхъ отношеній» (Karl Marx I. c. p. 126). «Бѣдные сидятъ безъ работы, такъ какъ богатые не имѣютъ денегъ чтобы доставить имъ ее, хотя у нихъ есть та же самая земля и тѣ же самыя руки для производства жизненныхъ средствъ и одежды, какія у нихъ были раньше, и которыя, а не деньги составляютъ дѣйствительное богатство націи». (John Bellers: «Proposals for raising a Colledge of industry. Lond. 1896», p. 3).

¹⁰¹) Какъ показываютъ такими моментами «amis du commerce» показываетъ слѣдующее: «Въ одномъ изъ такихъ случаевъ (1839) одинъ старый жадный банкиръ (изъ Спити), находясь съ своимъ другомъ въ кабинетѣ, поднялъ доску конторки, предъ которой онъ сидѣлъ, и показалъ ему большую связку банковыхъ билетовъ, говоря при этомъ съ чрезвычайнымъ самодовольнымъ видомъ, что тутъ ихъ цѣлыхъ 600.000 ф. ст., которые онъ держитъ для того, чтобы поддержать недостатокъ въ деньгахъ (to make money tight), но что сегодня же, послѣ трехъ часовъ, онъ ихъ пуститъ всѣ въ ходъ». («The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. Lond. 1844», p. 81). Полуофициальный органъ, «The Observer», замѣчаетъ 24 апр. 1864: «Распространяются нѣкоторые странные слухи насчетъ тѣхъ средствъ къ которымъ прибѣгли, чтобы создать недостатокъ въ банковыхъ билетахъ... Хотя кажется чрезвычайно сомнительнымъ, чтобы дѣйствительно прибѣгли къ такимъ средствамъ, но слухи такъ всеобщы, что въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ упоминанія».

ством обращенія. При наступленіи срока платежа опъ ими уплачивается за холстъ, который ему когда-то продать въ долгъ ткачъ. Слѣдовательно, эти самые 2 ф. ст. фигурируютъ уже теперь какъ платежное средство. Ткачъ покупаетъ библію на наличныя—онъ снова фигурируетъ какъ средство обращенія, и т. д. Такимъ образомъ, даже при данныхъ цѣнахъ, данной скорости обращенія и данной экономіи платежей, масса денегъ, обращающихся въ теченіе извѣстнаго періода времени, напр., одного дня, уже болѣе не совпадаетъ съ массой обращающихся товаровъ. Обращаются деньги, представляющіе собою давно изъятые изъ обращенія товары; обращаются товары, эквиваленты которыхъ появятся лишь въ будущемъ. Съ другой стороны, долги, возникающіе въ извѣстный день, и долги, подлежащіе уплатѣ въ тотъ же день, тоже представляютъ собою величины, совершенно несимметричныя ¹⁰²⁾.

Кредитныя деньги свое происхожденіе ведутъ непосредственно отъ функций денегъ какъ платежнаго средства: долговыя обязательства за проданныя товары сами начинаютъ обращаться и переносить долговыя требованія. Съ другой стороны, съ расширеніемъ кредита расширяется и функція денегъ какъ платежнаго средства. Какъ таковое, онъ пріобрѣтаютъ особенную форму существованія: въ этой формѣ онъ обитаютъ въ сферѣ крупныхъ торговыхъ сделокъ, между тѣмъ какъ золотыя и серебряныя монеты отбѣляются, главнымъ образомъ, въ сферу мелочной торговли ¹⁰³⁾.

¹⁰²⁾ «Количество продажъ и покупокъ, совершенныхъ въ теченіе одного дня, не будетъ имѣть вліянія на количество денегъ, обращающихся въ этотъ самый день, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно выражается во множествѣ сделокъ на сумму денегъ, которая могутъ быть въ обращеніи въ послѣдующіе, болѣе или менѣе отдаленные, сроки. Нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы векселя или кредиты, открытый сегодня, имѣли какое-либо отношеніе къ количеству или продолжительности векселей, которые будутъ выданы завтра или кредитовъ, которыми завтра воспользуются; можетъ даже случиться, что многіе сегодняшніе векселя и кредиты совпадутъ со множествомъ обязательствъ, заключенныхъ въ самые разнобразные и совершенно неопредѣленные предшествующіе сроки; такъ, часто векселя 12-ти, 6-ти, 3-хъ и однодѣсячные совпадаютъ и реализуются въ одинъ опредѣленный день... «The Currency Question Reviewed; a letter to the Scotch people. By a Banker in England. Edinburgh 1845», p. 29, 30 passim).

¹⁰³⁾ Чтобы показать на примѣрѣ, какъ мало наличныхъ денегъ входятъ въ торговляя операциі въ собственномъ смыслѣ, мы приводимъ таблицу ежегодныхъ денежныхъ полученій и выдачъ одного изъ обширнѣйшихъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ (Morrison, Dillon & Co). Весь оборотъ его, который, въ 1856 г., простирался до многихъ мил. ф. ст., мы приведемъ для простоты къ суммѣ въ одинъ миллионъ:

Полученія.	ф. ст.	Выдачи.	ф. ст.
Срочные векселя банкировъ и купцовъ	533.596	Срочные векселя	302.674
Чеки банкировъ и т. д., платимыхъ по предъявленіи . . .	357.715	Чеки на лондонскихъ банкировъ	663.672
Билеты провинціальныхъ банковъ	9.627	Билеты англійскаго банка . .	22.743
Билеты англійскаго банка . .	68.554		

На известной ступени развитія и при известныхъ размѣрахъ товарнаго производства функція денегъ, какъ платежнаго средства, выходитъ за предѣлы сферы товарнаго обращенія. Она становится всеобщимъ товаромъ при всѣхъ сдѣлкахъ ¹⁰⁴⁾. Ренты, подати и т. п. превращаются изъ натуральныхъ повинностей въ денежные платежи. Въ какой мѣрѣ возможность такого превращенія обуславливается общимъ характеромъ процесса производства показываетъ, напр., двукратная неудачная попытка римской имперіи взимать всѣ сборы въ деньгахъ. Страшная нищета французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV, про которую такъ краснорѣчиво говорить Буагильберъ, маршалъ Вобанъ и др., происходила не только отъ высоты налоговъ, но и отъ превращенія натуральныхъ сборовъ въ денежные ¹⁰⁵⁾. Съ другой стороны, если натуральная форма поземельной ренты, лежащей въ Азіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ элементомъ государственныхъ налоговъ, покоится тамъ на производственныхъ отношеніяхъ, которые отличаются неподвижностью и неизмѣнностью естественныхъ условій, то эта форма взиманія сборовъ, въ свою очередь, поддерживаетъ старую форму производства. Она составляетъ одну изъ тайнъ самосохраненія Турецкаго государства. Если вѣтшія торговля Японіи, павязанная ей Европой, повлечетъ за собою превращеніе натуральной ренты въ денежную, то наступитъ конецъ ея образцовому земледѣлію. Узкія рамки экономическихъ условій существованія этой земледѣльческой культуры рухнутъ.

Въ каждой странѣ устанавливаются опредѣленные всеобщіе платежные сроки. Независимо отъ другихъ цикловъ воспроизведенія, они обуславливаются отчасти естественными условіями производства, сопряженными съ перемѣнами времени года. Ими регулируются также платежи, вытекающіе не прямо изъ обращенія товаровъ, напр. налоги, ренты и т. п. Колебанія въ денежной массѣ, нужной въ известные дни года для этихъ разсѣянныхъ по всей странѣ платежей, причиняютъ періодическія, но вполнѣ поверхностныя пертурбаціи въ экономіи платежныхъ средствъ ¹⁰⁶⁾. Изъ закона скорости обращенія платежныхъ

Полученія.		Выдачи.	
	ф. ст.		ф. ст.
Золото.	28.089	Золото.	9.427
Серебро и мѣдъ.	1.486		
Почтовые переводы.	933	Серебро и мѣдъ.	1.794
Общая сумма.	1.000.000	Общая сумма.	1.000.000

(Report from the Select Committee on the Bankacts. July 1858, p. LXXI).

¹⁰⁴⁾ Такъ какъ ходъ торговли изменился, и товаръ уже не обмѣнивается на товаръ, такъ какъ теперь уже не предлагаютъ и не берутъ, а продаютъ и платятъ—то всѣ сдѣлки... основываются теперь на денежныхъ цѣнахъ». (An Essay upon Publick Credit. 3-ed Lond. 1710, p. 8).

¹⁰⁵⁾ «Деньги стали палачами всего». Финансовое искусство—это «alambic, qui a fait évaporer une quantité effroyable de biens et de denrées pour faire ce fatal précis». «Деньги объявляютъ войну всему человѣческому роду». (Boisguillebert: «Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs», édit. Daire: «Economiastes financiers». Paris 1843, t. 1. p. 413, 419, 417).

¹⁰⁶⁾ Въ Духовъ день 1824 г.,—разсказываетъ г. Крэгъ парламентскому комитету 1826 г.—«въ Эдинбургѣ былъ такой огромный спросъ на банковые билеты, что

средствъ слѣдуетъ, что для всѣхъ періодическихъ платежей, каковы бы ни были ихъ источники, необходимая масса платежныхъ средствъ обратно-пропорціональна продолжительности платежныхъ періодовъ¹⁰⁷⁾.

Развитіе функціи денегъ какъ платежнаго средства вынуждаетъ накопленіе денегъ къ платежнымъ срокамъ подлежащихъ уплатѣ долговъ. Между тѣмъ какъ накопленіе сокровищъ, въ качествѣ самостоятельной формы обогащенія, исчезаетъ съ прогрессомъ буржуазнаго общества, указанная функція денегъ, наоборотъ, возрастаетъ вмѣстѣ съ нимъ и принимаетъ форму резервнаго фонда платежныхъ средствъ.

с) Всемирныя деньги.

Съ выступленіемъ изъ внутренней сферы обращенія деньги сбрасываютъ съ себя приобретенныя ими такъ мѣстныя формы мѣрыла цѣны, монеты, разнѣйшія монеты и знака цѣности, — и снова принимаютъ свою первоначальную форму слитковъ благороднаго металла. Во всемірной торговлѣ товары реализуютъ свои цѣности универсально. Ихъ самостоятельное выраженіе цѣности выступаетъ здѣсь, потому, противъ нихъ какъ всемірныя деньги. Только на міровомъ рынкѣ деньги функціонируютъ въ полномъ объемѣ какъ товаръ, натуральная форма котораго есть вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственная общественная форма воплощенія абстрактнаго человѣческаго труда. Форма ихъ существованія приходитъ въ полную точное соотвѣтствіе съ ихъ идеей, дѣлается ей адекватной.

Въ сферѣ внутренняго обращенія мѣрой цѣности, а, слѣдовательно, и день-

къ 11-ти часамъ уже не было ни одного билета въ нашемъ распоряженіи. Мы послали въ разные банкы съ просьбой одолжить ихъ, но не могли достать, и многія слѣлки могли быть совершены лишь при помощи доскутковъ бумаги. Въ 3 часа пополудни, однако, всѣ билеты вернулись обратно въ банкъ, откуда они вышли: они только перемѣнили руки». Хотя дѣйствительное обращеніе билетовъ въ Шотландіи, въ среднемъ, не достигаетъ 3 мил. ф. ст., однако въ различные платежные сроки, въ теченіе года, сумма всѣхъ банковыхъ билетовъ въ активѣ банкнотъ доходитъ до 7 мил. ф. ст. При этихъ случаяхъ билеты исполняютъ одну спеціальную функцію. по совершеніи которой они снова возвращаются въ тѣ банкы, откуда они взяты (John Fullarton: «Regulation of Currencies. 2nd. ed. Lond. 1845» p. 85 Nte). Чтобы понять это, надо прибавить, что въ Шотландіи, во время появленія сочиненія Fullarton'a, выдавались не вклады не чеки, а билеты.

¹⁰⁷⁾ На вопросъ: «Если бы понадобилось произвести уплату на 40 мил. въ годъ, хватало ли бы тѣхъ же самыхъ 6 мил. (золота) для такихъ оборотовъ, какіе требуется торговля?» Petty отвѣтилъ со своимъ обычнымъ мастерствомъ: «Я отвѣчаю — да. Если обороты будутъ совершаться въ короткіе промежутки, напр., еженеѣдно, какъ это бываеъ у бѣдныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые получаютъ и платятъ каждую субботу, — тогда для этой цѣли выслѣ достаточно будетъ $\frac{40}{12}$ частей одного милліона; но если эти періоды будутъ трехмѣсячныя, какъ у насъ обыкновенно платятъ ренту и собираютъ налоги, тогда потребуется 10 мил. Поэтому, если предположить, что платежи вообще производятся чрезъ смѣшанные періоды, отъ недѣльнаго періода до 13-ти недѣльнаго, тогда сложивъ 10 мил. съ $\frac{40}{12}$ мил. и раздѣливъ на 2, мы получимъ 5 $\frac{1}{2}$ мил. — сумму, достаточную для нашихъ оборотовъ». (William Petty: «Political Anatomy of Ireland. 1672», edit. Lond. 1691, p. 13, 14).

гамн, можетъ служить только одинъ товаръ. На всемірномъ же рынкѣ господствуетъ двойная мѣра цѣнности: золото и серебро ⁽¹⁰⁸⁾.

Всемірный деньги функционируютъ какъ всеобщее платежное средство, какъ всеобщее покупательное средство и какъ абсолютно общественное воплощеніе богатства вообще (universal wealth). Преобладающую роль играетъ ихъ функція

¹⁰⁸⁾ Это и показываетъ нецѣнность всякаго законодательства, предписывающаго національнымъ банкамъ принимать лишь тѣ благородные металлы, которые обращаются въ странѣ какъ деньги. Вѣдѣмъ, напр., вѣдѣсны «миллія препятствій», созданныя, такимъ образомъ, самими же англійскими банками. О крупныхъ историческихъ эпохахъ, отмѣченныхъ въ цѣнности золота и серебра, см. Karl Marx I. c. p. 136 sq. Прибавленіе ко 2 изд.: Сэръ Робертъ Пилъ въ своемъ банковомъ актѣ 1844 г. пытался помочь этимъ затрудненіямъ, позволявъ англійскому банку выпускать билеты подъ обезпеченіе серебряныхъ слитковъ, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы запасъ серебра никогда не превосходилъ одной четвертой части запаса золота. При этомъ цѣнность серебра оцѣнивается по его рыночной цѣнѣ (на золото) на лондонскомъ рынкѣ. (приб. къ 4 изд.—Мы теперь снова испытываемъ сильныя относительныя измѣненія въ цѣнности золота и серебра. 25 лѣтъ тому назадъ отношеніе цѣнностей золота и серебра=15½:1, теперь оно приблизительно=22:1, и серебро все еще продолжаетъ падать въ отношеніи къ золоту. Это есть, главнымъ образомъ, слѣдствіе переворота въ способѣ производства обоихъ металловъ. Прежде золото добывалось почти исключительно лишь промывкой золотосодержащихъ аллювиальныхъ пластовъ, продуктовъ выѣтриванія золотосодержащихъ горныхъ породъ. Теперь этотъ способъ уже недостаточенъ, и онъ вытѣсненъ другимъ, который раньше стоялъ на второмъ планѣ, хотя онъ хорошо былъ вѣдѣстенъ еще древнимъ (Diodor III. 12—14), именно—обработкой кварцевыхъ породъ. Съ другой стороны, не только были открыты на Западѣ Америки въ скалистыхъ горахъ новыя огромныя мѣстонахожденія серебра, но эти, а также мексиканскіе серебряныя рудники были сближены съ рынкомъ желѣзными дорогами: доставленіе туда новѣйшихъ машинъ и горючихъ матеріаловъ сдѣлало возможной добычу серебра въ наибольшихъ размѣрахъ и съ наименьшими издержками. Есть, однако, большія разницы въ томъ, какъ оба эти металла находятся въ рудныхъ породахъ. Золото большей частью находится въ самородномъ видѣ, но зато оно разсыяно въ кварцѣ очень мелкими крупинками; вся порода должна быть, поэтому, размельчена, и золото вымыто или вытянуто ртутью. На 1.000.000 граммъ кварца приходится 1—3, очень рѣдко 30—60 граммъ золота. Серебро рѣдко находится въ самородномъ видѣ, зато оно встрѣчается въ формѣ серебряныхъ рудъ, легко отдѣлимыхъ отъ окружающихъ ихъ горныхъ породъ и содержащихъ 40—90% серебра, или же оно въ меньшихъ пропорціяхъ содержится въ такихъ рудахъ, которыя сами по себѣ заслуживаютъ обработки, каковы мѣдныя, оловяныя и т. д. Изъ одного этого уже слѣдуетъ, что трудъ производства золота увеличился, трудъ же производства серебра значительно уменьшился, и что, поэтому, паденіе цѣнности послѣдняго вполне естественно. Этотъ упадокъ цѣнности выразился бы въ еще большемъ паденіи цѣны, если бы цѣна серебра и теперь еще не поддерживалась искусственно. Но серебряныя сокровища Америки лишь въ небольшой части открыты для разработки, такъ что есть всѣ основанія ожидать, что цѣнность серебра еще долго будетъ понижаться. Этому должно еще содѣйствовать относительное уменьшеніе потребности въ серебрѣ для предметовъ потребленія и роскоши, гдѣ оно замѣняется пакладнымъ товаромъ, аллюминіемъ и т. п. На основаніи этихъ данныхъ можно судить объ утолщенности биметаллистической идеи, что международный принудительный курсъ подвѣялъ бы серебро до стараго отношенія цѣнностей 1:15½. Скорѣе слѣдуетъ думать, что и на всемірномъ рынкѣ серебро все болѣе и болѣе лишится своего значенія въ качествѣ денегъ.—Ф. Э].

платежнаго средства для уравновѣшенія международныхъ балансовъ. Отсюда—возникъ меркантильной системы: торговый баланс! ¹⁰⁹⁾ Международнымъ покупательнымъ средствомъ золото и серебро являются, главнымъ образомъ, тогда, когда внезапно нарушается обычное равновѣсіе въ обмѣнѣ веществъ между различными націями. Наконецъ, абсолютно общественнымъ воплощеніемъ богатства онѣ являются тогда, когда рѣчь идетъ не о куплѣ и не о платежѣ, а о перемѣщеніи богатства изъ одной страны въ другую, и когда это перемѣщеніе въ товарной формѣ невозможно,—вслѣдствіе ли конъюнктуръ товарнаго рынка, или изъ-за самой цѣлы, которую преслѣдуетъ перенесеніе капитала ¹¹⁰⁾.

Какъ для внутренняго, такъ и для международнаго обращенія каждая страна нуждается въ резервномъ фондѣ. Функция денегъ какъ сокровища коренится, поэтому, частью въ ихъ функціи какъ внутренняго средства обращенія и платежа, частью въ ихъ функціи какъ всемірныхъ денегъ ^{111a)}. Для этой послѣдней роли требуется всегда дѣйствительный денежный товаръ, матеріальное золото и серебро, почему Джамсъ Стьюартъ и характеризуетъ золото и серебро, въ

¹⁰⁹⁾ Противники меркантильной системы, считающей уплату золотомъ или серебромъ торговаго баланса цѣлью всемірной торговли, сама совершенно не понимали функции всемірныхъ денегъ. Какимъ образомъ ложное представленіе о законѣ, управляющемъ количествомъ средствъ обращенія, лишь отражается въ фальшивомъ представленіи о международномъ движеніи благородныхъ металловъ, я подробно показавъ на примѣрѣ Рикардо (l. c. p. 150 sqq.). Его ложную теорію,—что «неблагопріятный торговый балансъ происходитъ всегда лишь вслѣдствіе приближенія средствъ обращенія... Вывозъ монеты производится вслѣдствіе ея дешевизны, и есть не слѣдствіе, а причина неблагоприятнаго баланса»,—можно найти у Барбона, который говоритъ: «Торговый балансъ, если таковой имѣется, не есть причина вывоза монеты за границу; онъ происходитъ отъ разницы въ цѣнности слитковъ въ разныхъ странахъ». (N. Barbon, l. c. p. 59, 60). Макъ-Куллохъ въ «The Literature of Political Economy, a classified catalogue. Lond. 1845» хвалитъ Барбона за это мнѣніе, но заботливо избѣгаетъ говорить о тѣхъ главныхъ формахъ, подъ которыми еще у Барбона появляются нѣкоторые предпосылки «Scitency principle». Некритичность и даже недобросовѣстность этого каталога проявляются особенно въ той части, гдѣ трактуется исторія теоріи денегъ, такъ какъ Макъ-Куллохъ излагаетъ вѣдь съ хвостомъ, какъ сифоантъ лорда Оверстона (ex-банкира Лойда), котораго онъ называетъ «facile princeps argentariorum» («беспорно, глава банкировъ»).

¹¹⁰⁾ Напр., при субсидіяхъ, денежныхъ займахъ для военныхъ цѣлей или для возобновленія платежей банками и т. п. цѣности могутъ потребоваться именно въ денежной формѣ.

^{110a)} Прим. къ 2 лад.: «По моему, нѣтъ лучшаго доказательства способности механизма резервныхъ фондовъ (boards) въ странахъ съ металлическимъ обращеніемъ покрывать всѣ необходимыя международныя платежи безъ всякой вѣмѣтной помощи со стороны общаго обращенія, какъ та легкость, съ которой Франція, едва оправившись отъ ударовъ иностраннаго вторженія, выплатила въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ контрибуцію въ 20 мил. ф. ст., потребовавшую союзниками, и притомъ, выплатила большую часть ея звонкой монетой, безъ малѣйшихъ вѣмѣстительствъ въ своей внутренней торговлѣ и даже безъ значительныхъ колебаній въ своемъ неслыханномъ курсѣ». (Fullarton, l. c. p. 191) [Къ 4 изд.—Еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ та легкость, съ которой опять-таки Франція въ 1871—1873 гг. была въ состояніи выплатить въ 30 мѣсяцевъ военное вознагражденіе въ десять разъ болѣе, и тоже въ значительной мѣрѣ—металлическими деньгами.—Ф. Э.].

отличіе отъ нихъ исключительно мѣстныхъ замѣстителей, прямо какъ money of the world (всемирныя деньги).

Потокъ золота и серебра имѣтъ двойное теченіе. Съ одной стороны, онъ изъ своихъ источниковъ устремляется на весь міровой рынокъ, гдѣ онъ, въ различныхъ размѣрахъ, воспринимается различными національными сферами обращенія, чтобы проникнуть въ ихъ внутренніе каналы обращенія, замѣстять тамъ стертые золотыя и серебряныя монеты, доставить матеріалъ для предметовъ роскоши и, наконецъ, застыть въ формѣ сокровищъ¹¹¹⁾. Это первое теченіе происходитъ путемъ прямого обмѣна овеществленнаго въ товарахъ національнаго труда на овеществленный въ благородныхъ металлахъ трудъ тѣхъ странъ, которыя производятъ золото и серебро. Съ другой стороны, золото и серебро непрерывно днпаются то въ одномъ, то въ другомъ направленіи между различными національными сферами обращенія, и это теченіе слѣдуетъ за непрерывными колебаніями вексельнаго курса¹¹²⁾.

Страны съ развитымъ буржуазнымъ производствомъ ограничиваютъ количество сокровищъ, сосредоточенныхъ въ банковыхъ резервуарахъ минимумомъ, требуемымъ ихъ спеціальной функціей¹¹³⁾. За нѣкоторыми исключеніями, рѣзкое переполненіе этихъ резервуаровъ выше ихъ средняго уровня указываетъ на застой въ товарномъ обращеніи или на перерывъ въ ходѣ товарныхъ метаморфозъ¹¹⁴⁾.

¹¹¹⁾ «Деньги распределяются между націями согласно ихъ потребностямъ въ нихъ... будучи всегда привлекаемы продуктами». (Le Trogne, l. c. p. 916). «Рудники, постоянно доставляющіе золото и серебро, даютъ ихъ достаточно для пополненія столь необходимаго баланса каждаго народа» (J. Vanderlint, l. c. p. 40).

¹¹²⁾ «Вексельные курсы поднимаются и падаютъ каждую недѣлю, и въ опредѣленные времена года бываютъ особенно благопріятны для одной націи, въ другія же времена—для другой» (N. Barbon, l. c. p. 39).

¹¹³⁾ Эти различныя функціи могутъ вступить въ опасный конфликтъ, если къ нимъ прибавляется функція развѣтнаго фонда для банковыхъ билетовъ.

¹¹⁴⁾ «Количество денегъ, превышающее то, которое абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капиталъ, и деньги приносятъ пользу страпѣ лишь постольку, поскольку онѣ перемѣщаются въ торговомъ оборотѣ или вводятся ради него» (John Bellers, l. c. p. 12): «Что было бы, если бы мы имѣли слишкомъ много денегъ? Мы могли бы болѣе вѣскія сплавить и превратить въ блюда въ серебряную и золотую посуду, или вывезти ихъ, какъ товаръ, туда, гдѣ она нужна или желательна, или отдать въ ростъ туда, гдѣ процентъ стоитъ высоко» (W. Petty: «Quantulumcumque», p. 39). «Деньги—это только жиръ полатыческаго тѣла: если ихъ слишкомъ много, то онѣ часто препятствуютъ его подвижности; если же слишкомъ мало, то дѣлаютъ его больнымъ... Какъ жиръ облегчаетъ движеніе мускуловъ, питаетъ въ случаѣ недостатка пищи, округляетъ формы и украшаетъ тѣло,—такъ и деньги ускорить дѣятельность государства, во время неурожая внутри способствуютъ привозу припасовъ извнѣ, регулируютъ счета... и украшаютъ все общество, впрочемъ,—пронически заключаетъ онъ,—преимущественно тѣхъ частныхъ лицъ, которыя имѣютъ ихъ въ изобиліи». (W. Petty: «Political anatomy of Ireland», p. 14).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Превращеніе денегъ въ капиталъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ.

1. Общая формула капитала.

Товарное обращеніе есть исходная точка капитала. Товарное производство и развитое товарное обращеніе, торговля, составляютъ историческія предпосылки возникновенія капитала. Мировая торговля и мировой рынокъ открываютъ собой въ XVI столѣтіи современную исторію капитала.

Если мы оставимъ въ сторонѣ вещественное содержаніе товарнаго обращенія, обмѣнъ различныхъ потребительныхъ цѣнностей, и будемъ разсматривать только экономическія формы, порождаемыя этимъ процессомъ, то въ качествѣ конечнаго продукта его мы найдемъ деньги. Этотъ конечный продуктъ товарнаго обращенія есть первая форма проявленія капитала.

Исторически капиталъ сначала вездѣ противопоставляется земельной собственности въ формѣ денегъ, денежнаго богатства, капитала торговаго и ростовщическаго¹⁾. Но намъ нѣтъ надобности обращаться къ прошедшему, къ исторіи возникновенія капитала для того, чтобы признать деньги первой формой его проявленія. То же самое происходитъ ежедневно на нашихъ глазахъ. Каждый новый капиталъ выступаетъ на сцену, т. е. на рынокъ, на товарный, рабочій или денежный рынокъ, прежде всего въ формѣ денегъ, и эти деньги, путемъ извѣстныхъ процессовъ, должны превратиться въ капиталъ.

Деньги, какъ деньги, и деньги, какъ капиталъ, сначала отличаются только своей различной формой обращенія.

Непосредственной формой товарнаго обращенія есть $T-D-T$, превращеніе товара въ деньги и обратное превращеніе денегъ въ товаръ, продажа для покупки. Но рядомъ съ этой формой мы находимъ вторую, совершенно отъ нея отличную, форму $D-T-D$, превращеніе денегъ въ товаръ и обратное превращеніе товара

¹⁾ Противоположность между властью земельной собственности, покоящеюся на личныхъ отношеніяхъ рабства и господства, и безличною властью денегъ ясно выражена въ двухъ французскихъ поговоркахъ: «Nulle terre sans seigneur». «L'argent n'a pas de maître». («Нѣтъ земли безъ господина»). («У денегъ нѣтъ хозяина»).

въ деньги, покупку для продажи. Деньги, которыя въ своемъ движеніи описываютъ этотъ послѣдній круговоротъ, превращаются въ капиталъ, становятся капиталомъ и уже по самому своему назначенію являются капиталомъ.

Разсмотримъ внимательнѣе обращеніе $D-T-D$. Оно, такъ же какъ и простое товарное обращеніе, проходитъ двѣ противоположныя фазы. Въ первой фазѣ, $D-T$, покупкѣ, деньги превращаются въ товаръ. Во второй фазѣ, $T-D$, продажѣ, товаръ опять превращается въ деньги. Единство обѣихъ фазъ выражается въ общемъ движеніи, въ которомъ деньги обмѣниваются на товаръ, а тотъ же товаръ опять обмѣнивается на деньги; товаръ покупаютъ для того, чтобы его продать, или, — если пренебречь формальнымъ различіемъ между покупкой и продажей, — на деньги покупаютъ товаръ, а на товаръ деньги ²⁾). Въ результатъ, который поглощаетъ собой весь процессъ, получается обмѣнъ денегъ на деньги, $D-D$. Если за 100 ф. ст. я покупаю 2.000 ф. хлопка, и эти 2.000 ф. хлопка перепродаю за 110 ф. ст., то въ результатъ я обмѣнялъ 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Конечно, очевидно, что процессъ обращенія $D-T-D$ представлялся бы пѣтлою безсодержательнымъ, если бы этотъ обходнымъ путемъ обмѣнивалась одна сумма денегъ на такую же самую сумму, напр., 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Гораздо проще и вѣрнѣе поступаетъ собиратель сокровищъ, который прячетъ свои 100 ф. ст. вмѣсто того, чтобы подвергать ихъ опасности обращенія. Съ другой стороны, продаетъ ли купецъ хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., за 110 ф. ст., или онъ принужденъ продать его за 100 и даже за 50 ф. ст., во всякомъ случаѣ деньги его описали своеобразное и оригинальное движеніе — движеніе совсѣмъ другого рода, чѣмъ при простомъ товарномъ обращеніи, напр., въ рукахъ кресьяпина, продающаго хлѣбъ и покупающаго на вырученные деньги платье. Намъ нужно сначала установить характерныя различія между двумя формами обращенія $D-T-D$ и $T-D-T$. При этомъ мы увидимъ также, какое различіе въ содержаніи скрывается подъ покровомъ этого формальнаго различія.

Разсмотримъ сначала, что есть общаго въ обѣихъ формахъ.

Оба цикла распадаются на тѣ же самыя двѣ противоположныя фазы, $T-D$, продажу, и $D-T$, покупку. Въ каждой изъ этихъ фазъ противопоставляются другъ другу тѣ же два вещественные элемента, товаръ и деньги, а также два лица съ тѣми же самыми экономическими ролями, покупатель и продавецъ. Каждый изъ этихъ круговоротовъ есть единство тѣхъ же самыхъ противоположныхъ фазъ, и каждый разъ единство это осуществляется посредствомъ появленія трехъ контрагентовъ, изъ которыхъ одинъ только продаетъ, другой только покупаетъ, третій же попеременно то покупаетъ, то продаетъ.

Но уже съ самаго начала оба круговорота, $T-D-T$ и $D-T-D$, отличаются одинъ отъ другого обратнымъ порядкомъ тѣхъ же самыхъ противоположныхъ

²⁾ «Avec de l'argent on achète des marchandises, et avec des marchandises on achète de l'argent» (На деньги покупаютъ товары и на товары деньги) (Mercier de la Rivière: «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», p. 543).

фазъ. Простое товарное обращеніе начинается продажей и кончается покупкой, обращеніе же денегъ, какъ капитала, начинается покупкой и кончается продажей. Тамъ товаръ, а здѣсь деньги составляютъ исходный и конечный пунктъ движенія. Въ первой формѣ посредникомъ въ общемъ оборотѣ служатъ деньги, во второй, наоборотъ, товаръ.

Въ обращеніи Т—Д—Т деньги въ конечномъ результатѣ превращаются въ товаръ, служащій потребителю цѣнностью. Такимъ образомъ, тутъ деньги окончательно издержаны. Въ обратной формѣ Д—Т—Д покупатель, напротивъ, издерживаетъ деньги, чтобы получить ихъ въ качествѣ продавца. При покупке товара онъ пускаетъ деньги въ обращеніе, чтобы потомъ извлечь ихъ опять продажей того же самаго товара. Онъ выпускаетъ деньги только съ задней мыслью—опять ими завладѣть. Деньги въ этомъ случаѣ только авансируются (wird... nur vorgeschossen)³⁾.

Въ формѣ Т—Д—Т тѣ же самыя монеты два раза мѣняютъ мѣсто. Продавецъ получаетъ ихъ отъ покупателя и отдаетъ ихъ другому продавцу. Весь процессъ, начинающійся полученіемъ денегъ за товаръ, оканчивается отдачею денегъ за товаръ. Въ формѣ же Д—Т—Д происходитъ какъ разъ обратное. Здѣсь тотъ же самый товаръ, а не тѣ же самыя монеты, два раза мѣняютъ мѣсто. Покупатель получаетъ его изъ рукъ продавца и отдаетъ его въ руки другого покупателя. Какъ въ простомъ товарномъ обращеніи въ результатѣ двукратнаго перемѣщенія тѣхъ же денегъ получается переходъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія, точно такъ же здѣсь двукратное перемѣщеніе того же самаго товара возвращаетъ деньги къ ихъ первому исходному пункту.

Возвращеніе денегъ къ ихъ исходному пункту не зависитъ отъ того, что товаръ проданъ дороже, чѣмъ онъ купленъ. Это обстоятельство вліяетъ только на величину возвращающейся суммы денегъ. Самый фактъ возвращенія денегъ происходитъ, какъ только товаръ опять проданъ, т. е. какъ только круговоротъ Д—Т—Д совершенно законченъ. Въ этомъ осязательная разница между обращеніемъ денегъ, какъ капитала, и ихъ обращеніемъ, какъ простыхъ денегъ.

Круговоротъ Т—Д—Т совершенно законченъ, какъ только продажа товара приноситъ деньги, которые опять отнимаются покупкой другого товара. Если же въ результатѣ получится все-таки возвращеніе денегъ къ ихъ исходному пункту, то это можетъ случиться только вслѣдствіе возобновленія или повторенія всего круговорота. Если я продаю квартиру шпешцы за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня 3 ф. ст. окончательно издержаны. Мнѣ до нихъ нѣтъ больше дѣла: онѣ принадлежатъ торговцу платьемъ. Когда я продаю второй квартиру шпешцы, деньги ко мнѣ возвращаются, но не вслѣдствіе первой сделки, а вслѣдствіе ея повторенія. Деньги опять отъ меня уйдутъ, какъ

³⁾ «When a thing is bought, in order to be sold again, the sum employed is called money advanced; when it is bought not to be sold, it may be said to be expended». (Когда предметъ купленъ съ тѣмъ, чтобы опять быть проданнымъ, суммы, затраченной на него, считается авансированной; если же онъ купленъ не для продажи, она можетъ считаться издержанной) (James Stenart: «Works etc. edited by General Sir James Stenart, his son». Lond. 1801, v. I. p. 274).

только вторая сдѣлка будетъ закончена, т. е., когда я опять куплю. Въ обращеніи Т—Д—Т трата денегъ, поэтому, не имѣетъ ничего общаго съ ихъ возвращеніемъ. Въ обращеніи же Д—Т—Д, напротивъ того, возвращеніе денегъ обусловливается самымъ способомъ траты ихъ. Если деньги не возвращаются—операция неудачна, или процессъ прерванъ и еще не законченъ, такъ какъ не достаетъ его второй фазы, продажи, дополняющей и завершающей покупку.

Круговоротъ Т—Д—Т имѣетъ исходной точкой товаръ и заканчивается другимъ товаромъ, который выходитъ изъ обращенія и становится предметомъ потребленія. Конечную цѣль его, слѣдовательно, составляетъ потребление, удовлетвореніе какой-нибудь потребности, однимъ словомъ, потребительная цѣнность. Круговоротъ же Д—Т—Д имѣетъ, напротивъ того, своей исходной точкой деньги и къ нимъ же возвращается. Его движущимъ мотивомъ и опредѣляющей цѣлью является, поэтому, мѣновая цѣнность.

Въ простомъ товарномъ обращеніи обѣ крайнія точки имѣютъ ту же экономическую форму. Обѣ онѣ представляютъ товаръ. И въ то же время онѣ—товары, равные по величинѣ цѣнности. Но онѣ представляютъ собой качественно различныя потребительныя цѣнности, напр., пшеницу и платье. Обмѣнъ продуктовъ, перемѣщеніе различныхъ предметовъ, въ которыхъ выражается общественный трудъ, составляетъ здѣсь содержаніе движенія. Совѣтъ не то видимъ мы въ обращеніи Д—Т—Д. На первый взглядъ оно, какъ тавтологическое, кажется лишенымъ содержанія и смысла. Оба крайнія члена имѣютъ ту же экономическую форму. Они оба представляютъ деньги, слѣдовательно, не суть качественно различныя потребительныя цѣнности, такъ какъ деньги представляютъ именно превращенную форму товаровъ, въ которой нѣтъ мѣста специфическимъ потребительнымъ цѣностямъ. Обмѣнивать сначала 100 ф. ст. на хлопокъ и потомъ тотъ же хлопокъ на 100 ф. ст., т. е. окольнымъ путемъ мѣнять деньги на деньги, то же самое на то же самое, представляется дѣломъ и безцѣльнымъ и пелѣвымъ⁴⁾. Одна сумма денегъ можетъ вообще отличаться отъ другой только

⁴⁾ «Никто не мѣняетъ деньги на деньги», говоритъ Mercier de la Rivière меркантилистамъ (I. с. р. 468). Въ одномъ сочиненіи, трактующемъ ex professo о «торговлѣ» и о «спекуляціи», мы находимъ слѣдующее: «Всякая торговля состоитъ въ обмѣнѣ различнаго рода вещей; выгода (для купца?) и происходитъ именно изъ этого различія. Не было бы никакой выгоды обмѣнивать фунтъ хлѣба на фунтъ хлѣба... отсюда выгодный контрастъ между торговлей и игрой, представляющей только обмѣнъ денегъ на деньги». (Th. Corbet: «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained. London, 1841», р. 5). Хотя Corbet и не видитъ, что Д—Д, т. е. обмѣнъ денегъ на деньги, представляетъ форму обращенія, характерную не только для торговаго капитала, но и для всякаго капитала, онъ, по крайней мѣрѣ, допускаетъ, что форма эта, имѣетъ съ игрой, свойственна одному роду торговли—спекуляціи. Но тутъ является Mac Culloch и находитъ, что покупка для продажи есть спекуляція, и что, такимъ образомъ, разница между спекуляціей и торговлей отпадаетъ. «Всякая сдѣлка, въ которой индивидуумъ покупаетъ продуктъ съ тѣмъ, чтобы опять перепродать его, есть въ дѣйствительности спекуляція» (Mac Culloch: A Dictionary practical etc. of Commerce. London 1847, р. 1058). Гораздо раньше Plato, пивдари амстердамской биржи: «Торговля есть игра (эта фраза заимствована у Locke), и

своей величиной. Процессъ $D—T—D$ обязанъ своимъ содержаніемъ не качественному различію его крайнихъ членовъ, такъ какъ они оба—деньги, а только ихъ количественному различію. Въ результатъ этого процесса изъ обращенія возникаетъ больше денегъ, чѣмъ сначала было въ него пушено. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., переируется, напр. за $100+10$ ф. ст., или за 110 ф. ст. Полная форма этого процесса есть, поэтому, $D—T—D'$, гдѣ $D' = D + \Delta D$, т. е. равняется первоначально затраченной суммѣ плюсъ иѣкоторое приращеніе. Это приращеніе или излишекъ сравнительно съ первоначальной цѣнностью я называю—прибавочной цѣнностью (Mehrwert, surplus-value). Первоначально авансированная цѣнность такимъ образомъ не только сохраняется въ обращеніи, но въ обращеніи измѣняется также ея величина: къ ней прибавляется иѣкоторая прибавочная цѣнность, или она возрастаетъ. И это-то движеніе и превращаетъ ее въ капиталъ.

Возможно также, что въ формѣ $T—D—T$ оба крайніе члена, напр., зерно и платье представляютъ различныя величины цѣнности. Крестьянинъ можетъ продать зерно выше его цѣнности или купить платье ниже его цѣнности. Онъ, съ своей стороны, можетъ быть обманутъ торговцемъ платья. Такое различіе цѣнности остается, однако, для этой формы обращенія чисто случайнымъ признакомъ. Отъ него эта форма не становится нелѣпницей, между тѣмъ какъ процессъ $D—T—D$ теряетъ свой смыслъ, когда оба крайніе члена, пшеница и платье, напр., эквивалентны. Равноцѣнность крайнихъ членовъ въ первомъ случаѣ есть, наоборотъ, необходимое условіе нормальнаго хода процесса.

Повтореніе или возобновленіе продажи для покупки, какъ и самый этотъ процессъ, выѣстъ свою мѣру и свою цѣль во вѣѣ его лежащемъ конечномъ результатѣ, т. е. въ потребленіи, въ удовлетвореніи опредѣленныхъ потребностей. Въ покупку же для продажи, напротивъ того, начало и конецъ тождественны: деньги, мѣвовая цѣнность. И вотъ почему это движеніе не имѣетъ конца. Конечно, D превратилось въ $D + \Delta D$, вмѣсто 100 ф. ст. получилось $100+10$. Но разсматриваемые только качественно, 110 ф. ст. представляютъ то же, что и 100 ф. ст., именно деньги. Количественно же 100 ф. ст. представляютъ ограниченную величину цѣнности, такъ же какъ и 110 ф. ст. Если 110 ф. ст. были издержаны какъ деньги, они вышли бы изъ своей роли. Они перестали бы быть капиталомъ. Изъятые изъ обращенія, они окаменѣваютъ въ видѣ сокровища, и къ нимъ не прибавится ни одного фартинга, хоть бы они и лежали до дня страшнаго суда. Разъ дѣло идетъ о возрастаніи цѣнности, то при такой утилизаціи денегъ по отношенію къ 110 ф. ст. существуетъ такая же потребность, какъ и по отношенію къ 100 ф. ст., такъ какъ обѣ эти суммы представляютъ только ограниченныя выраженія мѣвовой цѣнности и обѣ имѣютъ, слѣдовательно, одинаковое призваніе—приближаться къ абсолютному богатству посредствомъ увеличенія своихъ размѣровъ. Хотя на одинъ мо-

конечно нельзя выиграть, играя съ плщами. Если выигрывать постоянно и у всѣхъ, то приходилось бы, чтобы опять пачать игру, добровольно возвращать большую часть выигрыша». (Pinto: Traité de la Circulation et du Crédit. Amsterdam, 1771, p. 231).

ментъ первоначально затраченная цѣнность въ 100 ф. ст. и отличается отъ прибавочной цѣнности въ 10 ф. ст., которая прибавилась въ обращеніи, по разниці эта тотчасъ же снова расплывается. Въ концѣ процесса не появляется—на одной сторонѣ первоначальная цѣнность въ 100 ф. ст., а на другой—прибавочная цѣнность въ 10 ф. ст. Въ результатѣ является единая цѣнность въ 110 ф. ст., такъ же какъ первоначальная цѣнность въ 100 ф. ст. совершенно готовая къ тому, чтобы опять начать процессъ образованія новой цѣнности. Въ концѣ движенія вновь появляется его исходная точка—деньги³⁾. Конецъ каждаго отдѣльнаго круговорота, въ которомъ осуществляется покупка для продажи, самъ собой является началомъ новаго круговорота. Простое товарное обращеніе—продажа для покупки—служитъ средствомъ для достиженія конечной цѣли, лежащей внѣ обращенія, а именно для присвоенія потребительныхъ цѣнностей, т.-е. для удовлетворенія потребностей. Обращеніе же денегъ, какъ капитала, наоборотъ, является цѣлью самоцѣлюющей, такъ какъ при немъ употребленіе цѣнности происходитъ только внутри этого вѣчно возобновляющагося и равнаго себѣ движенія. Поэтому движеніе капитала ничѣмъ не ограничено⁴⁾.

³⁾ Капиталъ дѣлится... на первоначальный капиталъ и на прибыль—приращеніе капитала... хотя практика тотчасъ снова присоединяетъ эту прибыль къ капиталу и пускаетъ ее вмѣстѣ съ нимъ въ оборотъ». (F. Engels: «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie» in «Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx». Paris 1844, p. 99).

⁴⁾ Аристотель противопоставляетъ хрематистику экономикѣ. Экономика составляетъ его исходный пунктъ. Поскольку она составляетъ искусство приобрѣтенія, она ограничивается добычей предметовъ, необходимыхъ въ жизни и полезныхъ для домашняго хозяйства или для государства. «Истинное богатство (*ἡ ἀληθινὴ πλοῦτος*) состоитъ изъ такого рода потребительныхъ цѣнностей, такъ какъ количество такихъ предметовъ, достаточное для хорошей жизни, не безгранично. Но есть другого рода искусство приобрѣтенія, которое, преимущественно и по справедливости, можетъ быть названо хрематистикой, и благодаря которому повидимому не существуетъ никакой границы для богатства и для пользованія имъ. Товарная торговля (*ἡ χερηλική* означаетъ буквально мелочную торговлю, и Аристотель беретъ эту форму, потому что въ ней господствуетъ потребительная цѣнность) по природѣ своей не принадлежитъ къ хрематистикѣ, такъ какъ здѣсь обмѣнъ ограничивается предметами, необходимыми для нихъ самихъ (покупателя и продавца)». Поэтому, развиваясь онъ далѣе, первоначальной формой товарной торговли и была мѣновая торговля, при расширеніи которой необходимо появились деньги. Съ приобрѣтеніемъ денегъ мѣновая торговля необходимо должна была развиться въ *χηρλική*, въ товарную торговлю, а эта послѣдняя, въ противоположность ея собственной первоначальной тенденціи, развилась въ хрематистику, въ искусство дѣлать деньги. Хрематистика отличается отъ экономикѣ тѣмъ, что «для нея обращеніе есть источникъ богатства (*πικτικὴ χρημάτων... διὰ χρημάτων διαβολή*)». Она повидимому вращается вокругъ денегъ, такъ какъ деньги начало и конецъ подобнаго рода обмѣна (*τὸ ἄρ χονισμὸς στοιχεῖον καὶ πέρας τῆς ἀλλαγῆς ἐστίν*). Поэтому то богатство, къ которому стремится хрематистика, безгранично. Какъ каждое искусство, которому его цѣль служить по срехствомъ для чего либо другого, а самоцѣлюющей цѣлью, неограниченно въ своемъ стремленіи,—такъ какъ оно постоянно старается все болѣе и болѣе приблизиться къ ней, тогда какъ искусства, для которыхъ предметъ ихъ только средство къ достиженію цѣли, не безграничны, потому что сама внѣ ихъ стоящая цѣль полагаетъ имъ нѣкоторую границу,—точно такъ же и хрематистика не имѣетъ

Въ качествѣ сознательнаго носителя этого движенія владѣлецъ денегъ становится капиталистомъ. Его особа, или вѣрнѣе, его вариантъ становится исходной точкой денегъ, къ которой онѣ же и возвращаются обратно. Объективное содержаніе этого обращенія — возрастаніе цѣнности — составляетъ субъективную цѣль капиталиста. И лишь постольку, поскольку постоянно возрастающее присвоеніе абстрактнаго богатства составляетъ единственный побудительный мотивъ его дѣйствій, онъ функціонируетъ какъ капиталистъ, или какъ олицетворенный, оларенный волей и сознаниемъ, капиталъ. Потребительная цѣнность, — такимъ образомъ, нѣкогда не бывающа непосредственною цѣлью капиталиста ⁷⁾, какъ ею не бываетъ и единичный барышъ; такое значеніе для капиталиста имѣетъ только непрерывный процессъ приобрѣтенія прибыли ⁸⁾. Это абсолютное стремленіе къ обогащенію, эта страстная погоня за цѣнностью ⁹⁾ составляетъ свойство, общее капиталисту и собирателю сокровищъ. Но въ то время какъ собиратель сокровищъ, такъ сказать, только помѣшанный капиталистъ, капиталистъ является разумнымъ собирателемъ сокровищъ. Того непрерывнаго умноженія цѣнности, къ которому собиратель сокровищъ стремится, охраняя деньги отъ опасностей обращенія ¹⁰⁾, болѣе разумный капиталистъ достигаетъ тѣмъ, что онъ постоянно снова пускаетъ деньги въ обращеніе ^{10а)}.

Самостоятельныя формы, денежныя формы, которыя принимаетъ цѣнность товаровъ въ простомъ обращеніи, содѣйствуютъ лишь обмѣну товаровъ и нечего зачѣмъ въ конечномъ результатѣ движенія. Въ обращеніи же Д—Т—Д, напротивъ того, оба члена, товаръ и деньги, функціонируютъ только какъ различ-

граицы для своей цѣли, эта цѣль состоитъ въ абсолютномъ обогащеніи. Экономика имѣетъ предѣлы, но не хрематистика... первая имѣетъ цѣлью нѣчто отличное отъ денегъ, вторая же ихъ умноженіе... Слѣженіе обѣихъ формъ, тѣсно другъ съ другомъ переплетающихся, привело нѣкоторыхъ къ заключенію, что сохраненіе и безпредѣльное умноженіе денегъ составляетъ конечную цѣль экономики». (Aristoteles. *De Rep. edit. Bekker, lib. c. 8 and 9 passim*).

⁷⁾ «Товары (commodities—здѣсь въ смыслѣ потребительныхъ цѣнностей) не составляютъ конечной цѣли торгующаго капиталиста... конечная его цѣль деньги». (Th. Chalmers: *On Polit. Econ. etc. 2-nd edit. Lond. 1832, p. 166*).

⁸⁾ «Купецъ ни во что не цѣнитъ настоящую выгоду, онъ всегда имѣетъ въ виду будущую выгоду». (A. Genovesi: *Lezioni di Economia Civile* (1765). Изданіе итальянскихъ экономистовъ. *Castodi. Parte Moderna, t. VIII, p. 139*).

⁹⁾ «Неутолимая страсть къ прибыли, *auri sacra fames* всегда опредѣляетъ дѣятельность капиталиста». (Mac Culloch: *The Principles of Polit. Econ. London. 1830, p. 179*). Возврънне это, конечно, не мѣшаетъ тому же Mac Culloch'у и его соратникамъ въ теоретическихъ затрудненіяхъ, напр., при разсмотрѣніи перепроизводства, превращать того же самаго капиталиста въ добраго гражданина, для котораго важна только потребительная цѣнность, и у котораго даже развивается волевой аппетитъ къ сапогамъ, шляпамъ, яйцамъ, ситцамъ и другимъ совершенно домашнимъ образцамъ потребительной цѣнности.

¹⁰⁾ «Σωζειν» одно изъ характернѣйшихъ выраженій грековъ для накопленія сокровищъ. Точно такъ же англійское «to save» въ одно и то же время значить «спасать» и «сберегать».

^{10а)} «Та безконечность, которой вещи не достигаютъ въ поступательномъ движеніи, достигается ими въ обращеніи». (Gallani).

ныя формы существованія самой цѣнности, причемъ деньги являются общей, товаръ же особенной, такъ сказать, замаскированной формой ея существованія ¹¹⁾. Цѣнность постоянно переходитъ изъ одной формы въ другую, не теряясь въ этомъ движеніи, и превращается, такимъ образомъ, въ какого-то автомата. Если останавливаться на особенныхъ формахъ проявленія, которыя попеременно принимаетъ возрастающая цѣнность въ круговоротъ своей жизни, то придешь къ обычнымъ объясненіямъ: капиталъ—деньги, капиталъ—товаръ ¹²⁾. Въ дѣйствительности же цѣнность здѣсь становится субъектомъ процесса, въ которомъ она, вслѣдствіе постоянного попеременнаго появленія ея то въ формѣ денегъ, то въ формѣ товара, принимаетъ самую свою величину, отдѣляется въ качествѣ прибавочной цѣнности отъ себя самой, какъ отъ первоначальной цѣнности, т.-е. самовозрастаетъ. Ибо движеніе, въ которомъ къ цѣнности прибавляется прибавочная цѣнность, есть собственное движеніе цѣнности, ея возрастаніе есть самовозрастаніе. Цѣнность приобрѣла таинственную и скрытую способность порождать цѣнность въ силу того, что она сама есть цѣнность. Она рождаетъ живыхъ дѣтенышей, или, по крайней мѣрѣ, несетъ золотыя яйца.

Въ охарактеризованномъ выше процессѣ, цѣнность оказывается дѣятелемъ, постоянно выходящимъ изъ своихъ собственныхъ границъ: то принимая денежную и товарную форму, то сбрасывая ее, она при всѣхъ этихъ переменахъ сохраняетъ самое себя и растетъ и, въ силу этого, нуждается прежде всего въ самостоятельной формѣ, посредствомъ которой можетъ быть констатировано ея тождество съ ней самой. Только деньги представляютъ такую форму. Отъ, поэтому образуютъ исходную точку и конечную цѣль всякаго процесса возрастанія или самовозрастанія цѣнности. Она составляла 100 ф. ст., теперь она равняется 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги являются здѣсь только одной изъ формъ цѣнности, ибо цѣнность имѣетъ двѣ формы. Не принявъ формы товара, деньги не становятся капиталомъ. Деньги не выступаютъ здѣсь враждебно противъ товара, какъ при накопленіи сокровищъ. Капиталистъ знаетъ, что всѣ товары, какой бы затасканный видъ они ни имѣли и какой бы дурной запахъ они ни издавали, представляютъ деньги «по духу и истинѣ», что это, такъ сказать, еврей «внутренняго обрѣзанія» и къ тому же—чудодѣйственное средство изъ денегъ дѣлать еще больше денегъ.

Если въ простомъ обращеніи цѣнность товаровъ, противопоставляясь ихъ потребительной цѣнности, получаетъ въ лучшемъ случаѣ самостоятельную форму денегъ, то здѣсь она вдругъ является непрерывной, самодвижущейся субстанціей, для которой товаръ и деньги—только формы ея. Болѣе того. Вмѣсто того, чтобы представлять отношенія между товарами, теперь цѣнность вступаетъ, такъ сказать, въ частное отношеніе къ самой себѣ. Какъ первоначальная цѣнность.

¹¹⁾ «Не вещи составляютъ капиталъ, а цѣнность этихъ вещей». (J. B. Say; *Traité d'Econ. Polit.* 2-ème édit. Paris 1817. т. I, р. 428).

¹²⁾ «Деньги (currency) (!), употребленные съ производительною цѣлью, составляютъ капиталъ». (Mac Leod: «The Theory and Practice of Banking. London. 1855», v. I, с. 1). «Капиталъ это товары». (James. Mill: «Element of Pol. Econ. Lond. 1821», р. 74).

она отличается отъ себя самой, какъ отъ прибавочной цѣнности; тутъ два лица, но они «едино суть», ибо только чрезъ прибавочную цѣнность въ 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталомъ, а какъ только они стали капиталомъ, всякая разниа исчезаетъ, обѣ суммы составляютъ одну, 110 ф. ст.

Цѣнность становится, такимъ образомъ, цѣнностью развивающейся, деньгами непрерывно движущимися и, какъ таковыя,—капиталомъ. Она (цѣнность) выходитъ изъ обращенія, опять вступаетъ въ него, сохраняется и умножается въ этомъ процессѣ, выходитъ изъ него въ увеличенномъ видѣ и снова начинается тотъ же самый круговоротъ ¹²⁾. Д—Д', деньги, порождающіе деньги—money which begets money—такое опредѣленіе капитала въ устахъ его первыхъ толмачей—меркантилистовъ.

Покупка для продажи, или полицѣ, покупка для продажи по болѣе дорогой цѣнѣ, Д—Т—Д', кажется, правда, формой, свойственной только одного рода капиталу, торговому капиталу. Но и промышленный капиталъ также составляетъ деньги, превращающіеся въ товаръ, который, вслѣдствіе продажи, снова превращается въ большее количество денегъ. Акты, происходящіе между покупкой и продажей внѣ сферы обращенія, ввскольکو не измѣняютъ этой формы движенія. Наконецъ, въ ссудномъ (привносящемъ проценты) капиталѣ обращеніе Д—Т—Д' является сокращеннымъ. Результатъ здѣсь на лицо безъ посредствующаго звена, онъ выраженъ, такъ сказать, лапидарнымъ слогомъ, въ видѣ Д—Д', денегъ, равныхъ большому количеству денегъ, цѣнности, которая больше самой себя.

Итакъ, Д—Т—Д' представляетъ въ тѣйствительности всеобщую формулу капитала, каковымъ онъ непосредственно является въ сферѣ обращенія.

2. Противорѣчія общей формулы.

Форма обращенія, въ которой деньги превращаются въ капиталъ, противорѣчатъ всѣмъ ранѣе развитымъ законамъ о сущности товара, цѣнности, денегъ и самого обращенія. Отъ простого товарнаго обращенія ее отличаетъ обратный порядокъ тѣхъ же самыхъ двухъ противоположныхъ процессовъ—продажи и покупки. Какимъ же образомъ такая чисто формальная разниа производитъ магическую переиѣну въ приходѣ этихъ процессовъ?

Болѣе того, этотъ обратный порядокъ существуетъ только для одного изъ трехъ дѣловыхъ людей, вступающихъ во взаимную сдѣлку. Какъ капиталистъ, я покупаю товаръ у *A* и передаю его *B*, между тѣмъ какъ въ качествѣ простого владѣльца товара, я продаю товаръ *B*, а вѣтъмъ покупаю товаръ у *A*. Для *A* и *B* этой разницы не существуетъ. Они выступаютъ только покупателями или продавцами товаровъ. Я самъ являюсь по отношенію къ нимъ каждый разъ или владѣльцемъ денегъ, или владѣльцемъ товара, покупателемъ или продавцомъ, и, притомъ, въ обѣихъ сдѣлкахъ я выступаю, по отношенію къ одному лицу, только какъ покупатель, по отношенію къ другому, только

¹²⁾ «Капиталъ.... постоянная умножающаяся цѣнность» (Sismondi; Nouveaux Principes de l'Econ. Polit., t. I, p. 90).

какъ продавецъ; по отношенію къ первому—только какъ деньги, по отношенію ко второму—только какъ товаръ. Ни для одного изъ нихъ я не являюсь ни капиталомъ, ни капиталистомъ, ни представителемъ чего либо такого, что представляло бы нѣчто большее, нежели деньги или товаръ, или могло бы производить какое либо иное дѣйствіе, кромѣ того, которое свойственно деньгамъ или товару. Для меня покупокъ у *A* и продажа *B* составляютъ одинъ рядъ. Но связь между этими двумя актами существуетъ только для меня. *A* нѣтъ никакого дѣла до моей сдѣлки съ *B*, а *B* нѣтъ дѣла до моей сдѣлки съ *A*. Если бы я вздумалъ объяснять имъ свою особенную заслугу, состоящую въ перестановкѣ членовъ этого ряда, они бы мнѣ доказали, что я ошибаюсь относительно самого порядка актовъ, и что вся сдѣлка началась не покупкой и закончилась не продажей, а, наоборотъ, началась продажей и закончилась покупкой. И въ самомъ дѣлѣ, мой первый актъ,—покупка—былъ съ точки зрѣнія *A* продажей, а мой второй актъ,—продажа съ точки зрѣнія *B* былъ покупкой. Не довольствуясь этимъ, *A* и *B* заявляютъ, что весь этотъ порядокъ сдѣлокъ совершенно излишенъ и простая потѣха. *A* будетъ продавать товаръ непосредственно *B*, а *B* будетъ его покупать непосредственно у *A*. Т.-е., вся сдѣлка выводится къ одностороннему акту обыкновеннаго товарнаго обращенія, съ точки зрѣнія *A*—къ простой продажѣ, и съ точки зрѣнія *B*—къ простой покупкѣ. Такимъ образомъ, измѣненіе послѣдовательности ряда не вывело насъ изъ сферы простого товарнаго обращенія. Намъ остается разсмотрѣть, допускаетъ ли обращеніе по своей природѣ возрастаніе входящихъ въ него цѣнностей, а слѣдовательно, образование прибавочной цѣнности.

Разсмотримъ процессъ обращенія въ такой формѣ, въ которой онъ является простымъ обмѣномъ товаровъ. Таковымъ онъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оба владѣльца товаровъ покупаютъ другъ у друга товары, балансъ же ихъ взаимныхъ денежныхъ обязательствъ сводится въ срокъ платежа. Деньги служатъ здѣсь только счетными деньгами для выраженія цѣнности товаровъ въ ихъ цѣнѣ, но онѣ не противопоставляются товарамъ въ вещной формѣ. Поскольку дѣло идетъ о потребительной цѣнности ясно, что оба лица, участвующія въ обмѣнѣ, могутъ быть въ выигрышѣ. Оба отчуждаютъ товары, которые бесполезны для нихъ въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей и получаютъ товары, нужные имъ для употребленія. И польза эта можетъ быть и не единственной. *A*, продающій вино и покупающій хлѣбъ, производить, можетъ быть, болѣе вина чѣмъ въ то же самое рабочее время могъ бы его произвести крестьянинъ *B*, а крестьянинъ *B* производить въ то же самое рабочее время больше хлѣба, чѣмъ произвелъ бы его винодѣлъ *A*. *A* получаетъ, такимъ образомъ, за ту же мѣстовую цѣнность больше хлѣба, а *B* больше вина, чѣмъ безъ обмѣна, если бы каждый изъ нихъ долженъ былъ производить для самого себя хлѣбъ и вино. По отношенію къ потребительной цѣнности можно, такимъ образомъ, сказать, что «обмѣнъ есть сдѣлка, въ которой обѣ стороны выигрываютъ» ¹⁴⁾. Совсѣмъ не то съ мѣстовой

¹⁴⁾ «Обмѣнъ есть удивительная сдѣлка, въ которой оба контрагента выигрываютъ—всегда» (1), (Destutt de Tracy: Traité de la Volonté et de ses effets. Paris. 1826, p. 68). Та же книга впоследствии появилась подъ заглавіемъ «Traité d'Ec. Pol.».

цѣпностью. «Человѣкъ, у котораго много вина, но нѣтъ хлѣба, вступаетъ въ торгъ съ человѣкомъ, у котораго много хлѣба, но нѣтъ вина, и между ними происходитъ обмѣнъ пшеницы, цѣпностью въ 50, на вино, цѣпностью въ 50. Этотъ обмѣнъ не представляетъ увеличеніи мѣрной цѣпности ни для того, ни для другого контрагента, такъ какъ уже и до обмѣна каждый изъ нихъ обладалъ цѣпностью, равную той, которую онъ приобрѣлъ посредствомъ этой операціи» ¹⁵⁾. Ничто не измѣняется отъ того, что между товаровъ становятся деньги, какъ средство обращенія, и актъ покупки и актъ продажи непосредственно и осязательно отдѣляются одинъ отъ другого ¹⁶⁾. Цѣпность товаровъ выражена въ нихъ цѣпахъ равнѣ, чѣмъ они вступаютъ въ обращеніе; она является его предпосылкой а не результатомъ ¹⁷⁾.

Если разсматривать простое товарное обращеніе абстрактно, т. е. не принимать во вниманіе обстоятельствъ, не вытекающихъ изъ его имманентныхъ законовъ, то, кромѣ замѣны одной потребительной цѣпности другою, въ немъ происходитъ только метаморфоза, простое измѣненіе формы товара. Та же самая цѣпность, т. е. то же самое количество овеществленнаго общественнаго труда, остается въ рукахъ того же самаго владѣльца товаровъ, сначала въ видѣ его собственнаго товара, затѣмъ въ формѣ денегъ, въ которыя онъ превратился, наконецъ, въ формѣ товара, въ который опять превратились деньги. Это измѣненіе формы не заключаетъ въ себѣ никакого измѣненія величины цѣпности. Измѣненіе, которое претерпѣваетъ цѣпность самого товара въ этомъ процессѣ, ограничивается измѣненіемъ ея денежной формы. Она существуетъ сначала въ видѣ цѣпы имѣющагося для продажи товара, затѣмъ въ видѣ денежной суммы, которая уже была выражена въ цѣпѣ, наконецъ, въ видѣ цѣпы эквивалентнаго товара. Это измѣненіе формы само по себѣ столь же мало представляетъ измѣненіе величины цѣпности, какъ размѣнъ банкнотъ въ 5 ф. ст. на совершенно, полусовершенно и шиллинги. Поскольку, слѣдовательно, обращеніе товара обуславливаетъ лишь измѣненіе формы цѣпности его, оно обуславливаетъ если процессъ происходить въ чистомъ видѣ, обмѣнъ эквивалентовъ. И сама вульгарная экономія, въ силу этого, какъ ни мало она догадывается, что такое цѣпность, каждый разъ, когда она на свой ладъ стремится изучать это явленіе въ чистомъ видѣ, предполагаетъ, что спросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются, т. е. что дѣйствіе ихъ вообще прекращается. Если, такимъ образомъ, по отношенію къ потребительной цѣпности оба участника обмѣна могутъ выигрывать, то по отношенію къ мѣровой цѣпности оба выигрывать не могутъ. Здѣсь, наоборотъ, можно сказать: «гдѣ есть равенство, тамъ нѣтъ прибыли» ¹⁸⁾. Товары, правда, могутъ продаваться по цѣпамъ, отклоняющимся отъ ихъ цѣпности, но это отклоненіе является нарушеніемъ за-

¹⁵⁾ Mercier de la Rivière, l. c. p. 544.

¹⁶⁾ «Представляетъ ли одинъ изъ этихъ двухъ товаровъ деньги, или они оба «быкновенные» товары, само по себѣ совершенно безразлично». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 543).

¹⁷⁾ «Не контрагенты назначаютъ цѣпность: она уже опредѣлена до сдѣлки» (Le Trogne, p. 906).

¹⁸⁾ «Dove è egualità, non è lucro». (Galiani: «Della Moneta, въ Custodi: Parte Moderna, t. IV, p. 241).

кова обмѣна товаровъ ¹⁹⁾. Въ своемъ чистомъ видѣ обмѣнъ товаровъ есть обмѣнъ эквивалентовъ и, следовательно, не составляетъ средства обогащаться превращеніемъ цѣнности ²⁰⁾.

За попытками представить товарное обращеніе источникомъ прибавочной цѣнности скрывается, поэтому, по большей части *quid pro quo*, смѣшеніе цѣнности потребительной и мѣновой. Такъ, напр., мы читаемъ у Кондильяка: «Нѣтъ, будто при товарномъ обмѣнѣ обмѣниваютъ одну цѣнность на другую равную цѣнности. Наоборотъ, каждый изъ обоихъ контрагентовъ даетъ всегда меньшую цѣнность за большую... Въ самомъ дѣлѣ, если бы всегда обмѣнивались равныя цѣнности, то ни одинъ изъ контрагентовъ никогда не получалъ бы прибыли. Но оба они получаютъ прибыль, или должны, по крайней мѣрѣ, получать ее. Почему же это? Потому что вещи пѣтуютъ цѣнность лишь въ отношеніи къ нашимъ потребностямъ и, что больше для одного, будетъ меньше для другого и наоборотъ. ...Никто не считаетъ, что мы пускаемъ въ пролажу предметы, необходимые для нашего потребленія... Мы желаемъ отъ безполезную для насъ вещь, чтобы получить такую, которая намъ необходима; мы желаемъ отдать меньшее за большее. ...Естественно было судить, что въ обмѣнѣ даютъ одну цѣнность за другую, равную ей цѣнности, всякій разъ, когда каждый изъ обмѣниваемыхъ предметовъ по цѣнности равнялся такому же самому количеству денегъ. ...Но нужно принять въ расчетъ еще одно соображеніе; нужно знать, обмѣниваемъ ли мы оба нашъ излишекъ на необходимый предметъ» ²¹⁾. Мы видимъ, что Кондильякъ не только смѣшиваетъ потребительную и мѣтовую цѣнность, но по истинѣ ребячески на мѣсто общества съ развитымъ товарнымъ производствомъ подставляетъ такое общество, гдѣ производитель самъ производитъ свои средства существованія, а въ обращеніе пускаетъ только излишекъ надъ своимъ потребленіемъ ²²⁾. Однако, аргументъ Кондильяка часто повторяется современными экономистами именно тогда, когда имъ нужно представить разви-

¹⁹⁾ «Обмѣнъ становится невыгоднымъ для одной изъ сторонъ, когда какое нибудь постороннее обстоятельство уменьшаетъ или увеличиваетъ цѣну: равенство тогда нарушено, но нарушение происходитъ отъ этой посторонней причины, а не отъ обмѣна». (Le Trosne, I. c. p. 904).

²⁰⁾ «(Обмѣнъ по своей природѣ есть договоръ равенства, гдѣ на одну цѣнность даютъ равную ей цѣнность. Опъ, следовательно, не средство обогащенія, такъ какъ даютъ столько, сколько получаютъ». (Le Trosne, I. c. p. 903).

²¹⁾ Condillac: «Le Commerce et le Gouvernement» (1776). Edit. Daire et Molinari въ «Mélanges d'Economie Politique, Paris 1817», p. 267.

²²⁾ Le Trosne, поэтому, очень вѣрно возражаетъ своему другу Кондильяку «Въ организованномъ обществѣ нѣтъ никакого излишка». Въ то же время онъ поддразниваетъ его, замѣчая, что «если оба лица, участвующія въ обмѣнѣ, въ равной мѣрѣ получаютъ больше, чѣмъ отдаютъ, то оба они получаютъ равныя величины». Такъ какъ Кондильякъ не имѣетъ еще ни малѣйшаго предположенія о сущности мѣновой цѣнности, то онъ самый подходящій авторитетъ для господина профессора Вильгельма Рошера съ его ребяческими понятіями объ этомъ предметѣ. См. его: «Die Grundlegen der Nationalökonomie, Dritte Auflage. 1858».

тую форму товарнаго обмѣна, т. е. торговлю, источникомъ прибавочной цѣнности. «Торговля», говорятъ они, напр., «прибавляетъ къ продуктамъ цѣнность, такъ какъ тѣ же самые продукты имѣютъ больше цѣнности въ рукахъ потребителя, чѣмъ въ рукахъ произвостителя; поэтому, строго говоря (*strictly*), торговлю нужно разсматривать какъ актъ производства»²³). Но товары не оплачиваются дважды: одинъ разъ за ихъ потребительную цѣнность и другой разъ за ихъ цѣнность. Если потребительная цѣнность товара полезнѣе для покупателя, нежели для продавца, то денежная форма товара полезнѣе продавцу, чѣмъ покупателю. Въ противномъ случаѣ онъ не продавалъ бы товара. Точно также можно было бы сказать, что покупатель, строго говоря (*strictly*), исполняетъ «актъ производства», когда онъ превращается, напр., чулки куца въ деньги.

Когда обмѣниваются товары, или товары и деньги одинаковой мѣновой цѣнности, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекаетъ изъ обращенія больше цѣнности, нежели пустилъ въ него. Тогда не происходитъ никакого образованія прибавочной цѣнности. Въ чистомъ видѣ процессъ обращенія товаровъ обуславливаетъ собой обмѣнъ эквивалентовъ. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности процессъ этотъ происходитъ не въ чистомъ видѣ. Представимъ себѣ, поэтому, обмѣнъ не-эквивалентовъ.

Во всякомъ случаѣ, на товарномъ рынкѣ одинъ товаровладелецъ противостоитъ другому, и власть, которую эти лица имѣютъ другъ надъ другомъ, есть только власть ихъ товаровъ. Вещественное различіе товаровъ есть матеріальный мотивъ обмѣна и ставитъ товаровладельцевъ во взаимную зависимость: ни одинъ изъ нихъ не держитъ въ рукахъ предмета своей собственной потребности, и каждый держитъ предметъ потребности другого. Кромѣ этого вещественнаго различія товаровъ, какъ потребительныхъ цѣнностей, существуетъ только еще одно различіе между ними, различіе между ихъ естественной формой и ихъ превращенной формой, т. е. между товаромъ и деньгами. Точно также и товаровладельцы различаются между собой только какъ продавцы—владельцы товаровъ, и какъ покупатели—владельцы денегъ.

Предположимъ теперь, что вслѣдствіе какой-нибудь необъяснимой привилегіи продавцу удастся продать свой товаръ выше его цѣнности, за 110, когда онъ равноцѣненъ 100, т. е. съ номинальнымъ повышеніемъ цѣны на 10%. Продавецъ получаетъ, такимъ образомъ, прибавочную цѣнность въ 10. Но послѣ того, какъ онъ былъ продавцомъ, онъ становится покупателемъ. Онъ встрѣчаетъ теперь третьяго товаровладельца въ качествѣ продавца, который, съ своей стороны, пользуется привилегіей продавать товаръ на 10% дороже. Нашъ знакомый, какъ продавецъ, выигралъ 10% для того, чтобы проиграть ихъ, какъ покупатель²⁴). Въ результатъ въ дѣйствительности происходитъ то, что всѣ товаровладельцы продаютъ другъ другу свои товары на 10% выше ихъ цѣн-

²³) S. P. Newman: «Elements of Polit. Econ. Andover and New-York, 1835». p. 175.

²⁴) «Вслѣдствіе увеличенія номинальной цѣнности продукта... продавцы не обогащаются... такъ какъ то, что они выигрываютъ въ качествѣ продавцовъ, они снова терпятъ въ качествѣ покупателей». («The Essential Principles of the Wealth of Nations etc, London, 1797». p. 66).

ности, а это равносильно тому, что они продаютъ ихъ по дѣйствительной цѣнности. Такое всеобщее номинальное повышение цѣны товаровъ пропаводитъ то же дѣйствіе, какъ если бы цѣнность товаровъ опѣнивалась, напр., въ серебрѣ вмѣсто золота. Денежныя выраженія, т. е. цѣны товаровъ подиались бы, но ихъ отношенія цѣнности остались бы безъ измѣненія.

Предположимъ, наоборотъ, что покупатель имѣетъ привилегію покупать товары ниже ихъ цѣнности. Здѣсь почти лишнее напоминать, что покупатель, въ свою очередь, становится продавцомъ. Онъ былъ продавцомъ прежде, чѣмъ онъ сталъ покупателемъ. Онъ уже потерялъ 10% въ качествѣ продавца, прежде чѣмъ онъ выигралъ 10% въ качествѣ покупателя²⁵⁾. Все опять остается по старому.

Такимъ образомъ, созданіе прибавочной цѣнности и, стало быть, превращеніе денегъ въ капиталъ не можетъ быть объяснено ни тѣмъ, что продавцы продаютъ свои товары выше ихъ цѣнности, ни тѣмъ, что покупатели покупаютъ ихъ ниже цѣнности²⁶⁾.

Задача нисколько не упростится отъ того, что мы контрабандой введемъ въ наше объясненіе отношенія, чуждыя простому обращенію товаровъ, и скажемъ, напр., вмѣстѣ съ полковникомъ Торренсомъ: «Дѣйствительный спросъ состоитъ въ возможности для потребителей и ихъ склонности (!) непосредственнымъ или посредственнымъ обмѣномъ отдавать за товары извѣстную часть всѣхъ составныхъ частей капитала, большую, чѣмъ стоитъ ихъ производство»²⁷⁾. Въ обращеніи производители и потребители противостоятъ другъ другу только какъ продавцы и покупатели. Говорить, что прибавочная цѣнность для производителя происходитъ отъ того, что потребители платятъ за товары выше ихъ цѣнности, значить лишь въ замаскированномъ видѣ утверждать, что владѣлецъ товаровъ обладаетъ, въ качествѣ продавца, привилегіей продавать по сравнительно дорогой цѣнѣ. Продавецъ самъ произвелъ товаръ или заступаетъ мѣсто его производителя; но и покупатель точно также или самъ произвелъ товаръ, выраженный въ его деньгахъ, или заступаетъ мѣсто производителя этого товара. Такимъ образомъ, одинъ производитель противостоитъ другому. Отличаются они другъ отъ друга тѣмъ, что одинъ покупаетъ, а другой продаетъ. То обстоятельство, что товаровладелецъ, подъ именемъ производителя, продаетъ товары выше ихъ цѣнности, а подъ именемъ потребителя, платитъ за нихъ дороже, чѣмъ слѣдовало бы не подвигаетъ насъ ни на шагъ впередъ въ дѣлѣ объясненія прибавочной цѣнности²⁸⁾.

²⁵⁾ «Если кто-нибудь принужденъ отдать за 18 ливровъ такое количество продукта, которое стоитъ 24, то, когда онъ на тѣ же деньги будетъ покупать, онъ точно также за 18 ливровъ получитъ то, за что раньше платили 24». (Le Trovne, I. c. p. 897).

²⁶⁾ «Каждый продавецъ можетъ постоянно продавать свои товары дороже, только соглашаясь самъ постоянно платить дороже за товары другихъ продавцовъ; по той же привычкѣ каждый потребитель можетъ постоянно платить дешево за то, что онъ покупаетъ, только если онъ самъ подчинится подобному же пониженію цѣны предметовъ, которые онъ продаетъ». (Mercier de la Rivière, I. c. p. 555).

²⁷⁾ B. Torrens: «An Essay on the Production of Wealth». London 1821. p. 349.

²⁸⁾ «Идея о прибыли, уложенной потребителями, конечно, очень нехѣпа. Кто такіе потребители?» (G. Ramsay; «An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh. 1836». p. 184).

Послѣдовательные защитники той иллюзіи, что прибавочная цѣнность происходитъ отъ номинальнаго повышенія цѣны или изъ привилегіи продавца продавать товары слишкомъ дорого, предполагаютъ, поэтому, существованіе класса, который только покупаетъ, не продавая, слѣдовательно, только потребляетъ, ничего не производя. Съ той точки зрѣнія, на которой мы до сихъ поръ стояли, т. е. съ точки зрѣнія простого обращенія, существованіе такого класса еще необъяснимо. Но заглянемъ впередъ. Деньги, на которые этотъ классъ постоянно покупаетъ, должны притекать къ нему постоянно отъ самихъ товаровладѣльцевъ, безъ обмѣна, даромъ, въ силу какого-нибудь права или насилія. Продавать этому классу товары выше ихъ цѣнности—значить только обманнымъ путемъ оттягивать въ свою пользу часть даромъ отданныхъ денегъ ²⁹⁾. Такъ малоазійскіе города платили, напр., ежегодную денежную дань древнему Риму. На эти деньги Римъ покупалъ у нихъ товары и платилъ за нихъ дороже, чѣмъ слѣдовало. Малоазійцы надували римлянъ, отнимая у побѣдителей часть своей дани путемъ торговли. Тѣмъ не менше обманутыми все же оставались малоазійцы. Товары ихъ попрежнему оплачивались ихъ собственными деньгами. Это очень плохой методъ обогащенія или образованія прибавочной цѣнности.

Будемъ, поэтому, держаться въ границахъ обмѣна товаровъ, гдѣ продавцы являются покупателями, а покупатели продавцами. Затрудненіе наше происходитъ, можетъ быть, отъ того, что мы рассматривали людей не индивидуально, а принимали ихъ за олицетворенныя категоріи.

Товаровладѣлец *A* можетъ быть лопкомъ плутомъ и падуť своихъ товарищей *B* или *C*, между тѣмъ какъ они, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ отплатить ему тѣмъ же. *A* продаетъ вино, цѣностью въ 40 ф. ст. *B* и приобретаетъ въ обмѣнъ хлѣбъ, цѣностью въ 50 ф. ст. *A* превратилъ свои 40 ф. ст. въ 50 ф. ст., сдѣлавъ изъ меньшей суммы денегъ большую и превратилъ, такимъ образомъ, свой товаръ въ капиталъ. Рассмотримъ вопросъ ближе. До обмѣна мы имѣли на 40 ф. ст. вина въ рукахъ *A* и на 50 ф. ст. хлѣба въ рукахъ *B*, всего цѣностью въ 90 ф. ст. Послѣ обмѣна мы имѣемъ ту же самую общую цѣнность въ 90 ф. ст. Обращающаяся цѣнность не увеличилась ни на одинъ атомъ, но распредѣленіе ея между *A* и *B* измѣнилось. Придавку цѣнности (прибавочной цѣнности) на одной сторонѣ, на другой соответствуетъ нѣкоторое уменьшеніе цѣнности, т. е. на одной сторонѣ является плюсъ, а на другой минусъ. То же измѣненіе произошло бы и тогда, если бы *A*, не скрывая своего образа дѣйствія подъ маской обмѣна прямо укралъ у *B* 10 ф. ст. Сумма обращающихся цѣнностей, очевидно, не можетъ увеличиться вслѣдствіе измѣненія въ ихъ распредѣленіи, точно такъ же, какъ еврей не увеличиваетъ количе-

²⁹⁾ «Когда товаровладѣлец терпитъ отъ недостатка спроса, исужали г-нъ Мальтусъ посоветуетъ ему дать денегъ какому-нибудь другому лицу, чтобы тотъ могъ купить у него товары?»—спрашиваетъ одинъ негодующій рикардіанецъ Мальтуса, который, какъ и его ученикъ, поэтъ Чомерсъ (Chalmers), прославляетъ экономическое значеніе класса исключительныхъ покупателей или потребителей. См.: «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, p. 55.

ства благородныхъ металловъ въ странѣ тѣмъ, что продаетъ фартингъ времяъ королевы Анны за гинею. Весь классъ капиталистовъ данной страны въ его цѣломъ не можетъ наживаться на свой собственный счетъ ³⁰⁾.

Какъ бы мы ни взвораживались, дѣло нисколько не измѣняется. Если обмѣниваются эквиваленты, то не образуется никакой прибавочной цѣнности, если же обмѣниваются неэквиваленты, то тоже не образуется никакой прибавочной цѣнности ³¹⁾. Обращеніе или товарный обмѣнъ не создаетъ цѣнности ³²⁾.

Понятно, поэтому, почему въ нашемъ анализѣ основной формы капитала, формы, въ которой онъ опредѣляетъ собою экономическую организацію современнаго общества, мы пока оставляемъ безъ вниманія его популярныя, такъ сказать, допотопныя формы: торговый капиталъ и ростовщическій капиталъ.

Въ собственно торговомъ капиталѣ, т.-е. покупкѣ для продажи по болѣе высокой цѣвѣ, форма Д—Т—Д является въ наиболѣе чистомъ видѣ. Съ другой стороны, все его движеніе происходитъ внутри сферы обращенія. Но такъ какъ невозможно объяснить самымъ обращеніемъ превращеніе денегъ въ капиталъ, т.-е. образованіе прибавочной цѣнности, то торговый капиталъ является невозможнымъ, разъ обмѣниваются эквиваленты ³³⁾. И, поэтому, существованіе его можетъ быть объяснено только при допущеніи двусторонняго обмана покупающихъ и продающихъ товаропроизводителей становящимся между ними паразитомъ—купцомъ. Въ этомъ смыслѣ Франклинъ говоритъ: «Война есть грабежъ, а торговля—надувательство» ³⁴⁾. Для объясненія возрастанія торговаго

³⁰⁾ Destutt de Tracy, хотя и членъ института, а, можетъ быть, именно потому, былъ противоположнаго мнѣнія. Промышленные капиталисты, говоритъ онъ, получаютъ свою прибыль отъ того, что «они всѣ предметы продаютъ дороже, чѣмъ стоило ихъ производство. Но кому же они продаютъ ихъ? Во-первыхъ, другъ другу». (I. с. р. 239).

³¹⁾ «Обмѣнъ, происходящій между двумя равными цѣнностями, не увеличиваетъ и не уменьшаетъ суммы цѣнностей, падающихъ въ обществѣ. Обмѣнъ же двухъ неравныхъ цѣнностей... точно также не измѣняетъ суммы общественныхъ цѣнностей, хотя онъ прибавляетъ къ состоянію одного то, что отнимаетъ у другого». (J. B. Say, I. с. t. I, p. 434, 435). Say, относящійся, конечно, исполнѣ беззаботно къ выводамъ изъ этого предложенія, вѣнствуетъ его почти буквально у физиократовъ. Для характеристики того, какъ онъ для увеличенія своей собственной «цѣнности» эксплуатировалъ сочиненія этихъ писателей, въ его время почти забытыхъ, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Знаменитое положеніе monsieur Say: «On n'achète des produits qu'avec des produits»—продукты покупаются только на продукты (I. с. t. II p. 433) въ оригиналѣ у физиократовъ гласитъ: «Les produits ne se paient qu'avec des produits». (Le Trosne I. с. p. 399).

³²⁾ «Обмѣнъ не прибавляетъ къ продукту никакой цѣнности». (F. Wayland: «The Elements of Pol. Econ. Boston. 1853», p. 168).

³³⁾ «При господствѣ неизмѣнныхъ эквивалентовъ торговля была бы невозможна» (G. Ordye: «A. Treatise on polit. economy. New-York. 1851», p. 69). «Въ основаніи различія между реальной цѣнностью и мѣновой цѣнностью лежитъ тотъ фактъ, что цѣнность предмета отличается отъ такъ называемаго эквивалента, даваемого за него въ торговлѣ, т.-е. что этотъ эквивалентъ вовсе не есть эквивалентъ». (F. Engels, I. с. p. 96).

³⁴⁾ Benjamin Franklin: Works, vol II, edit. Sparks въ: «Positions to be examined concerning National Wealth».

капитала не простым надувательством товаропроизводителей требуется длинный рядъ промежуточныхъ членовъ, которые здѣсь, гдѣ въ основу нашихъ разсужденій положены товарное обращеніе и его простѣйшіе моменты, еще совершенно отсутствуютъ.

Все, что мы говорили о торговомъ капиталѣ, еще болѣе относится къ ростовщическому капиталу. Въ торговомъ капиталѣ крайніе члены, т.-е. деньги, брошенные на рынокъ и уничтоженные деньги, извлеченныя съ рынка, имѣютъ по крайней мѣрѣ, посредствующія звенья въ покупкѣ и продажѣ, въ движеніи обращенія. Въ ростовщическомъ же капиталѣ форма $D—T—D'$ является сокращенною до однихъ только крайнихъ членовъ, безъ промежуточного среднего, это $D—D'$, деньги, обмѣнивающіяся на большее количество денегъ; форма эта противорѣчитъ природѣ денегъ, и въ силу этого необъяснима съ точки зрѣнія товарнаго обмѣна. Аристотель, поэтому, говоритъ: «Такъ какъ хрематистика есть двойная наука, одной стороною относящаяся къ торговлѣ, а другой къ экономикѣ,—въ последнемъ отношеніи она необходима и заслуживаетъ похвалы, въ первомъ же отношеніи основана на обращеніи и по справедливости порицается (ибо она поконитъ не на природѣ вещей, а на взаимномъ обманѣ),—то ростовщичество съ полнымъ правомъ возбуждаетъ ненависть, потому что сами деньги служатъ здѣсь источникомъ приобрѣтенія и не употребляются для того, для чего онѣ были изобрѣтены. Деньги появились для обмѣна товаровъ, процентъ же дѣлаетъ изъ денегъ больше денегъ. Отсюда и его названіе (*τοκο*—процентъ и *приплодъ*). Ибо дѣти похожи на родителей. Но процентъ это деньги отъ денегъ, такъ что изъ всѣхъ промысловъ ростовщичество наиболѣе противно природѣ»³⁵).

Продолжая наше изслѣдованіе, мы найдемъ какъ торговый капиталъ, такъ и ростовщическій въ видѣ производныхъ формъ капитала и въ то же время мы увидимъ, почему исторически они появляются ранѣе современной основной формы капитала.

Такимъ образомъ выяснилось, что прибавочная цѣнность не можетъ произойти изъ обращенія, и что, поэтому, при ея образованіи за ея сущіюю должно происходить нѣчто такое, чего въ ней самой незамѣтно³⁶). Но можетъ ли прибавочная цѣнность произойти изъ чего нибудь другого, а не изъ обращенія? Обращеніе есть сумма всѣхъ товарныхъ отношеній между владельцами товаровъ. Въ обращеніи, товаровладелецъ находится еще въ отношеніи только къ своему собственному товару. Что касается цѣности товара, то отношеніе это ограничивается тѣмъ, что въ немъ, въ товарѣ содержится извѣстное количество собственнаго труда товаровладельца, измѣряемое по опредѣленнымъ общественнымъ законамъ. Это количество труда выражается въ величинѣ цѣности его товара, и такъ какъ величина цѣности выражается въ счетныхъ деньгахъ, то—въ цѣнѣ, напр., въ 10 ф. ст. Но трудъ его не овеществляется и въ цѣности товара, а въ излишкѣ сверхъ его цѣности, не выражается въ цѣнѣ=10, которая въ

³⁵) Arist. I. с. гл. 10.

³⁶) «Прибыль, при обыкновенныхъ условіяхъ рынка, не происходитъ изъ обмѣна. Если бы она не существовала ранѣе, ничто не могло бы создать ее послѣ этой сдѣлки». (Ramsay, I. с. p. 184).

то же самое время составляла бы и 11, т. е. не образуетъ цѣнности, которая была бы больше самой себя. Товаровладѣлец можетъ своимъ трудомъ создавать цѣнности, но не самовозрастающія цѣнности. Онъ можетъ возвысить цѣнность товара, прибавляя новымъ трудомъ къ существующей цѣнности новую цѣнность. напр., дѣлая изъ кожи сапогъ. Тотъ же самый матеріалъ имѣетъ теперь большую цѣнность, такъ какъ онъ содержитъ большее количество труда. Сапогъ, поэтому, имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ кожа, но цѣнность кожи въ сапогѣ осталась та же самая. Она не возрасла, во время производства сапогъ къ ней не приросла прибавочная цѣнность. Такимъ образомъ, товаропроизводитель, въ сферы обращенія, не входя въ соприкосновеніе съ другими товаровладѣльцами, не можетъ увеличивать цѣнность и потому не въ силахъ превращать деньги или товаръ въ капиталъ.

Капиталъ не можетъ, стало быть, происходить изъ обращенія, но онъ точно также не можетъ не происходить изъ обращенія. Онъ въ одно и то же время долженъ познаться въ обращеніи и не въ обращеніи.

Мы получаемъ, такимъ образомъ, двойной результатъ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ должно быть развито на основаніи имманентныхъ законовъ обмѣна товаровъ, а исходной точкой его долженъ быть взятъ обмѣнъ эквивалентовъ³⁷⁾. Нашъ владѣлецъ денегъ, представляющій еще только гусеницу капитализма, долженъ покупать товары по ихъ цѣнности, продавать ихъ тоже по цѣнности и все таки, въ концѣ процесса, извлекать изъ обращенія больше цѣнности, чѣмъ онъ въ него пустилъ. Превращеніе этой гусеницы въ бабочку должно происходить въ сферѣ обращенія и въ то же время не въ ней. Таковы условія задачи. *Hic Rhodus, hic salta!*

³⁷⁾ Сказанное нами, какъ пойметъ читатель, означаетъ только, что образованіе капитала должно быть возможно и тогда, когда цѣна товара равна цѣнности товара. Оно не можетъ быть объяснено отклоненіемъ товарныхъ цѣнъ отъ цѣнности товаровъ. Если цѣны въ дѣйствительности отклоняются отъ цѣнности, то нужно ихъ сначала привести къ послѣдней, т. е. не принимать въ расчетъ это обстоятельство, какъ чисто случайное, и имѣть прехъ собою феноменъ образованія капитала на основаніи товарнаго обмѣна въ его чистомъ видѣ, и въ изученіи этого явленія не путаться равными посторонними обстоятельствами, чуждыми основному процессу. Извѣстно, впрочемъ, что приведеніе это (цѣны къ цѣнности) не представляетъ ни въ какомъ случаѣ исключительно научнаго, методологическаго приѣма. Постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, ихъ повышеніе и пониженіе, покрываютъ одно другое, взаимно уничтожаются и сами приводятся къ средней цѣнѣ, какъ къ своей внутренней нормѣ. Эта средняя цѣна составляетъ путеводную звѣзду, напр., купца или промышленника въ каждомъ предпріятіи, охватывающемъ продолжительный промежутокъ времени. Онъ знаетъ, слѣдовательно, что, если рассматривать въ цѣломъ длинный промежутокъ времени, то товары никогда не продаются ни ниже, ни выше ихъ цѣны, а всегда по своей средней цѣнѣ. Если бы безпристрастное мышленіе было въ интересахъ капиталиста, то проблема образованія капитала представлялась бы ему въ слѣдующемъ видѣ: Какъ можетъ образоваться капиталъ при регулированіи цѣнъ средней цѣной, т. е. въ конечномъ счетѣ—цѣнностью товара? Я говорю «въ конечномъ счетѣ»,—такъ какъ среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ величиной цѣнности товаровъ, какъ это полагаютъ А. Смитъ, Рикардо и др.

3) Покупка и продажа рабочей силы.

Измѣненіе цѣнности денегъ, долженствующихъ превратиться въ капиталъ, не можетъ произойти въ нихъ самихъ, потому что, какъ покупательное и платежное средство, они реализуютъ только цѣну товара, который на нихъ покупаютъ или за который ими платятъ, и въ то же время, сохраняя свою собственную форму, какъ бы застываютъ на подобіе окаменѣлости въ данной величинѣ цѣнности³⁸⁾. Точно также измѣненіе, это не можетъ произойти изъ второго акта обращенія—перепродажи товара,—ибо этотъ актъ только превращаетъ товаръ изъ его естественной формы обратно въ денежную форму. Измѣненіе должно, слѣдовательно, совершаться съ товаромъ, который покупается въ первомъ актѣ Д—Т, но не съ цѣнностью этого товара, такъ какъ обмѣниваются эквиваленты, т. е. товаръ оплачивается по его цѣнности. Измѣненіе, такимъ образомъ, можетъ произойти только изъ потребительной цѣнности этого товара, какъ таковой, т. е. изъ его потребления. Для того, чтобы извлечь изъ потребления товара цѣнность, нашъ владѣлецъ денегъ долженъ быть настолько счастливъ, чтобы открыть внутри сферы обращенія, на рынкѣ, такой товаръ, потребительная цѣнность котораго обладала бы особеннымъ свойствомъ рождать цѣнность, товаръ, дѣйствительное потребление котораго само было бы овеществленіемъ труда и, стало бы, создавѣмъ цѣпности. И владѣлецъ денегъ дѣйствительно находитъ на рынкѣ такой специфическій товаръ—способность къ труду (Arbeitsvermogen) или рабочую силу.

Подъ рабочей силой или подъ способностью къ труду (Arbeitsvermogen) мы разумѣемъ сумму физическихъ и умственныхъ способностей, существующихъ въ живой плоти и живой личности человека, и приводимыхъ имъ въ движеніе всякій разъ, когда онъ производитъ какія нибудь потребительныя цѣнности.

Однако, для того, чтобы владѣлецъ денегъ находилъ на рынкѣ рабочую силу въ видѣ товара, должны быть заранѣе выполнены различныя условія. Объемъ товаровъ, самъ по себѣ, не содержитъ никакихъ отношеній зависимости, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ его собственной природы. При этомъ предположеніи рабочая сила можетъ появиться на рынкѣ въ качествѣ товара лишь постольку, поскольку и лишь потому, что владѣлецъ ея, лицо, рабочую силу котораго она представляетъ, самъ предлагаетъ или продаетъ ее. Для того, чтобы владѣлецъ ея могъ продать ее въ качествѣ товара, нужно, чтобы онъ могъ ею располагать, чтобы онъ былъ, слѣдовательно, свободнымъ собственникомъ своей рабочей силы, своей личности³⁹⁾. Онъ встрѣчается на рынкѣ съ владѣльцемъ денегъ, и они вступаютъ во взаимное отношеніе, какъ равноправные

³⁸⁾ «Въ формѣ денегъ... капиталъ не даетъ никакой прибыли». (Ricardo: Princ. of. Pol Econ., p. 267).

³⁹⁾ Въ реальныхъ энциклопедіяхъ классической древности можно встрѣтить безсмысленное утвержденіе, что въ древнемъ мірѣ капиталъ былъ вполне развитъ; «недоставало только свободного рабочаго и кредитныхъ учреждений». Моммзенъ въ своей «Römische Geschichte» впадаетъ въ такое же quid pro quo относительно Рима.

владѣльцы товаровъ, отличающіеся другъ отъ друга только тѣмъ, что одинъ изъ нихъ покупатель, а другой—продавецъ; оба, такимъ образомъ, суть юридически равныя лица. Чтобы отношеніе это продолжалось, владѣлецъ рабочей силы долженъ продавать ее всегда только на опредѣленное время, потому что, если онъ будетъ ее продавать всю цѣликомъ, разъ на всегда, то онъ продастъ самого себя, т. е. превратитъ себя изъ свободнаго человѣка въ раба, изъ владѣльца товара—въ товаръ. Какъ личность онъ долженъ всегда относиться къ своей рабочей силѣ, какъ къ своей собственности и, слѣдовательно, какъ къ своему товару, а это возможно для него только до тѣхъ поръ, пока онъ предоставляет ее лишь временно, на опредѣленный срокъ, въ пользованіе покупателя, отдаетъ ее для потребленія, т. е. отчуждая ее, не отказывается отъ права собственности на нее ⁴⁰⁾.

Второе существенное условіе, необходимое для того, чтобы владѣлецъ денегъ находилъ на рынкѣ рабочую силу въ видѣ товара, таково: владѣлецъ рабочей силы вмѣсто того, чтобы имѣть возможность продавать товары, въ которыхъ олицетвленъ его трудъ, долженъ быть наоборотъ, силой обстоятельствъ вынужденъ предлагать въ качествѣ товара свою рабочую силу, которая на лицо лишь вмѣстѣ съ его живой плотью и въ ней.

Для того, чтобы продавать товары, отличные отъ собственной рабочей силы, необходимо, конечно, обладать средствами производства, напр., сырымъ матеріаломъ, орудіями труда и т. д. Никто не можетъ дѣлать сапогъ безъ кожи. Кромѣ того производителю нужны средства существованія. Никто, даже авторъ

⁴⁰⁾ Различныя законодательства устанавливаютъ, поэтому, maximum продолжительности договора о трудѣ. Въ гражданскія уложенія народовъ, у которыхъ трудъ свободенъ, регулируютъ условія прекращенія контракта. Въ различныхъ странахъ, между прочимъ въ Мексикѣ, рабство скрыто подъ формою Peonage (до американской гражданской войны такъ было и въ отвоеванныхъ отъ Мексики территорияхъ; по существу такъ было и въ дупайскихъ княжествахъ до преобразованій Кувы). Путемъ ссудъ, которыя должны быть возвращены трудомъ и перелазутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, не только отдѣльный рабочий, но и его семейство фактически становятся собственностью другихъ лицъ и ихъ семействъ. Juarez уничтожилъ Peonage. Такъ называемый императоръ Максимиліанъ ввелъ его опять декретомъ, который въ палатѣ представителей въ Вашингтонѣ справедливо былъ названъ декретомъ о востановленіи рабства въ Мексикѣ. «Я могу отчуждать въ пользованіе другого на ограниченное время мои особенныя физическія и интеллектуальныя способности и возможную дѣятельность, такъ какъ послѣ этого ограниченія онъ становится лишь во вѣншее отношеніе къ моей личности въ ея цѣломъ и общемъ. Отчужденіемъ же всего моего времени въ формѣ конкретнаго труда и моего пропавшаго въ его цѣлостности бы сдѣлалъ собственностью другого самую сущность его, мою общую дѣятельность и дѣйствительность, мою личность». Въ оригиналѣ: «Von meinen besondern körperlichen und geistigen Geschicklichkeiten und Möglichkeiten der Thätigkeit kann ich... einen in der Zeit beschränkten Gebrauch an einen Andreu veräußern, weil sie nach dieser Beschränkung ein äusserliches Verhältniss zu meiner Totalität und Allgemeinheit erhalten. Durch die Veräußerung meiner ganzen durch die Arbeit konkreten Zeit und der Totalität meiner Production würde ich das Substanzielle derselben, meine allgemeine Thätigkeit und Wirklichkeit, meine Persönlichkeit zum Eigentum eines Andreu machen». Hegel. Philosophie des Rechts. Berlin 1840, p. 104, § 67.

музыки будущаго не можетъ питаться продуктами будущаго, не можетъ, такимъ образомъ, существовать потребительными цѣлностями, производство которыхъ еще незакончено; и теперь такъ же, какъ и въ первый день своего появленія на землѣ, человекъ долженъ каждый день потреблять, прежде чѣмъ онъ произведетъ и пока онъ производитъ. Если продукты производятся какъ товары, то они должны быть проданы послѣ того, какъ они произведены, и только послѣ продажи они могутъ удовлетворять потребности производителя. Во времени производства присоединяется еще время, необходимое для продажи.

Для превращенія денегъ въ капиталъ владѣлецъ денегъ долженъ, такимъ образомъ, найти на товарномъ рынкѣ свободнаго рабочаго, свободнаго въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны рабочій, являясь свободнымъ человекомъ, долженъ располагать своей рабочей силой, какъ своимъ собственнымъ товаромъ, съ другой стороны—у него не должно быть другихъ товаровъ для продажи, онъ долженъ быть свободнымъ отъ всего, свободнымъ отъ всякихъ предметовъ, необходимыхъ для оуществленія его рабочей силы.

Вопросъ, почему такой свободный рабочій сталкивается съ владѣльцемъ денегъ въ сферѣ обращенія, не интересуетъ послѣдняго: для него рабочій рынокъ есть только особое отдѣленіе товарнаго рынка. Пока указанный вопросъ и насъ интересуетъ столь же мало. Въ нашемъ теоретическомъ анализѣ мы такъ же держимся за этотъ фактъ, какъ владѣлецъ денегъ руководится имъ въ своемъ практическомъ поведеніи. Одно, впрочемъ, ясно: природа не создаетъ на одной сторонѣ владѣльцевъ товаровъ или денегъ, а на другой—только владѣльцевъ собственной рабочей силы. Отношеніе это не естественное, оно не есть также такое общественное отношеніе, которое было бы обще всѣмъ историческимъ періодамъ. Оно само, очевидно, результатъ предыдущаго историческаго развитія, продуктъ многихъ экономическихъ переворотовъ, гибели цѣлаго ряда болѣе древнихъ формаций общественнаго производства. —

И тѣ экономическія категоріи, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, носятъ на себѣ слѣды своего историческаго происхожденія. Существованіе продукта въ качествѣ товара объемлетъ собой извѣстные историческія условія. Чтобы стать товаромъ, продуктъ не долженъ быть произведенъ какъ непосредственное средство существованія для самого производителя. Если бы мы продолжали наше изслѣдованіе и спросили себя, при какихъ обстоятельствахъ всѣ или только большая часть продуктовъ принимаютъ форму товаровъ, то мы бы нашли, что это происходитъ только на основѣ совершенно специфическаго способа производства, а именно, капиталистическаго. Подобное изслѣдованіе не входитъ, однако, въ анализъ товара. Производство и обращеніе товаровъ могутъ происходить, хотя бы преобладающая масса продуктовъ служила для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, не превращаясь въ товаръ, и, такимъ образомъ, общественный процессъ производства отнюдь еще не во всей его глубинѣ и широтѣ управлялся бы мѣловой цѣпностью. Превращеніе продукта въ товаръ предполагаетъ такое раздѣленіе труда внутри общества, при которомъ расхожденіе потребительной и мѣловой цѣпности, еще только возникающее въ непосредственной мѣновой торговлѣ, является уже совершившимся фактомъ. Но эта сту-

лень развитія встрѣчается въ исторически различныхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ.

Если же мы будемъ разсматривать деньги, то мы увидимъ, что онѣ предполагаютъ извѣстное развитіе товарнаго обмена. Особая денежная форма, напр., простой эквивалентъ товаровъ, средство обращенія, платежное средство, сокровище, всемірный деньги, характеризуютъ различными своимъ распространеніемъ и относительнымъ преобладаніемъ той или иной функціи, различными ступенями общественнаго процесса производства. Однако опытъ показываетъ, что достаточно сравнительно слабо развитого товарнаго обращенія для образованія всѣхъ этихъ формъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ капиталомъ. Его историческія условія существованія вовсе не совпадаютъ съ товарнымъ и денежнымъ обращеніемъ. Онъ происходитъ только тамъ, гдѣ владѣлецъ средствъ производства и существованія находитъ на рынкѣ свободнаго рабочаго въ качествѣ продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условіе чревато цѣлымъ новымъ историческимъ міромъ. Капиталъ, поэтому, съ самаго начала знаменуетъ собою новую эпоху въ развитіи общественнаго процесса производства ⁴¹⁾.

Намъ нужно поближе рассмотретьъ этотъ своеобразный товаръ, т. е. рабочую силу. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ и она имѣетъ цѣнность ⁴²⁾. Чѣмъ же опредѣляется эта цѣнность?

Цѣнность рабочей силы, какъ и цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства, а, слѣдовательно, и для воспроизведенія этого специфическаго товара. Поскольку она есть цѣнность, сама рабочая сила представляетъ только опредѣленное количество овеществленнаго въ ней средняго общественнаго труда. Рабочая сила существуетъ только какъ способность живой личности человѣка. Производство первой, слѣдовательно, заранѣе предполагаетъ существованіе второй. Разъ живая личность на лицо, производство рабочей силы состоитъ въ ея воспроизведеніи, въ ея возстановленіи или въ поддержаніи ея жизни. Для поддержанія своей жизни личность пуждается въ извѣстномъ количествѣ средствъ существованія. Рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится, такимъ образомъ, къ рабочему времени, необходимому для производства этихъ средствъ существованія, или, другими словами, цѣнность рабочей силы есть цѣнность средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія жизни ея владѣльца. Но рабочая сила реализуется только въ своемъ обнаруженіи, проявляется только въ работѣ. При ея проявленіи, т. е. при работѣ тратится извѣстное количество человеческихъ мускуловъ, нервовъ, мозга и т. д., и это количество должно быть возстановлено. Эта усиленная трата требуетъ усиленнаго возста-

⁴¹⁾ Капиталистическая эпоха характеризуется, такимъ образомъ, тѣмъ, что рабочая сила приобретаетъ для самого рабочаго форму принадлежащаго ему товара, а трудъ его, слѣдовательно, форму наемнаго труда. Съ другой стороны, только съ этого момента товарная форма обобщается на всѣ продукты труда.

⁴²⁾ «Цѣнность или полезность (value or Worth) человѣка, точно такъ же, какъ и всякаго другого предмета, есть его цѣна, т. е. то, что даютъ за пользованіе его силой». Th. Hobbes: «Leviathan» въ «Works edit. Moleworth. London, 1839—1844», v. III, p. 76.

повленія ⁴³⁾. Если владѣлецъ рабочей силы работаетъ сегодня, онъ долженъ быть въ состояніи и завтра повторить этотъ процессъ при тѣхъ же условіяхъ въ отношеніи силы и здоровья. Количество средствъ существованія должно, поэтому, быть достаточно для того, чтобы поддержать нормальное существованіе рабочаго въ качествѣ трудящейся личности. Сами естественныя потребности, напр., пища, одежда, отопленіе, квартира и т. д. различны, смотря по климатическимъ и другимъ естественнымъ особенностямъ страны. Съ другой стороны, и размѣры такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей, такъ же какъ и способъ ихъ удовлетворенія, представляютъ продуктъ историческаго развитія и обусловлены, поэтому, по большей части, культурнымъ уровнемъ страны, а стало быть, между прочимъ, существеннымъ образомъ опредѣляются и тѣмъ, при какихъ условіяхъ и, слѣдовательно, съ какими привычками и жизненными требованіями образовался классъ свободныхъ рабочихъ ⁴⁴⁾. Въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы содержитъ, такимъ образомъ, въ себѣ элементы историческій и моральный. Но для определенной страны и въ определенный періодъ времени средний уровень необходимыхъ средствъ существованія является величиной данной.

Владѣлецъ рабочей силы смертенъ. Для того, чтобы его присутствіе на рынкѣ было непрерывнымъ, что является необходимой предпосылкой непрерывнаго превращенія денегъ въ капиталъ, продавецъ рабочей силы долженъ утѣковѣчивать себя, «какъ всякое живое существо утѣковѣчиваетъ себя—размноженіемъ» ⁴⁵⁾. Тѣ рабочія силы, которыя вслѣдствіе изнашиванія или смерти удаляются съ рынка, должны постоянно замѣщаться по меньшей мѣрѣ равнымъ числомъ рабочихъ силъ. Сумма средствъ существованія, необходимыхъ для производства рабочей силы, заключается, слѣдовательно, въ себѣ и средства существованія замѣстителей, т. е. дѣтей рабочихъ, и такимъ путемъ на товарномъ рынкѣ утѣковѣчивается эта раса своеобразныхъ товаровладѣльцевъ ⁴⁶⁾.

Для измѣненія общей человѣческой природы въ томъ смыслѣ, чтобы чело-
вѣкъ приобрѣлъ способность и ловкость въ какой-нибудь определенной отрасли труда, чтобы онъ сталъ развитой и специфической рабочей силой, требуется извѣстное образованіе или воспитаніе, которое, съ своей стороны, стоитъ большей или меньшей суммы товарныхъ эквивалентовъ. Эти издержки образованія измѣняются въ зависимости отъ степени сложности рабочей силы. Издержки обученія, чрезвычайно малыя, впрочемъ, для обыкновенной рабочей силы, входятъ, такимъ образомъ, въ составъ цѣнностей, издержанныхъ на ея производство.

⁴³⁾ Поэтому, древне-римскій *villicus*, находившійся въ качествѣ управителя во главѣ ямледвѣческихъ рабовъ, получалъ «болѣе скудный паекъ, такъ какъ трудъ его былъ легче труда рабовъ». (Th. Mommsen: *Röm. Geschichte* 1856., p. 810).

⁴⁴⁾ Ср. W. Th. Thornton *Overpopulation and its Remedy*. London, 1846..

⁴⁵⁾ Petty.

⁴⁶⁾ «Естественная цѣна его (труда) состоитъ въ такомъ количествѣ жизненныхъ средствъ и удобствъ, которое при данномъ климатѣ и данныхъ обычаяхъ страны, необходимо для поддержанія жизни рабочаго и позволяетъ ему воспитывать семью, достаточно большую для того, чтобы обезпечить рынку неуывающее предложеніе труда», R. Torrens: *An Essay on the external Corn Trade*. London, 1815., p. 6. Слово «трудъ» здѣсь неправильно употреблено вмѣсто рабочей силы.

Цѣнность рабочей силы сводится къ цѣнности определенной суммы средствъ существованія. Первая, поэтому, измѣняется пропорціонально второй, т. е. пропорціонально количеству рабочаго времени, необходимаго на производство средствъ существованія.

Часть средствъ существованія, напр., пищевыя средства, отопленіе и т. д. ежедневно вновь потребляются и должны ежедневно возобновляться. Другія средства существованія, напр., платье, мебель и т. д. потребляются въ болѣе продолжительные промежутки времени и, поэтому, должны возобновляться только черезъ болѣе продолжительные промежутки времени. Одни товары должны быть покупаемы или оплачиваемы ежедневно, другіе ежемѣсячно, каждыя три мѣсяца и т. д. Но какъ бы ни распределялась сумма этихъ издержекъ въ продолженіе, напр., одного года, она всегда должна возмѣщаться среднимъ доходомъ изъ дня въ день. Если бы количество товаровъ, ежедневно потребляемыхъ для производства рабочей силы = А, требуемыхъ ежемѣсячно = В, необходимыхъ каждыя 3 мѣсяца = С и т. д., то средній ежедневный расходъ этихъ товаровъ равнялся бы $\frac{365 A + 52 B + 4 C + \text{и т. д.}}{365}$. Если предположить, что въ этой массѣ

товаровъ, необходимыхъ среднимъ числомъ въ одинъ день, заключается 6 часовъ общественнаго труда, то въ рабочей силѣ ежедневно овеществляется половина средняго общественнаго труда или, другими словами, половина рабочаго дня нужна для ежедневнаго производства рабочей силы. Это количество труда, требующееся для ежедневнаго производства рабочей силы, составляетъ дневную цѣнность ея, или цѣнность ежедневно возстановляемой рабочей силы. Если половина средняго общественнаго труда выражается въ количествѣ золота въ 3 шиллинга или въ 1 талеръ, то одинъ талеръ есть цѣна, соответствующая дневной цѣнности рабочей силы. Если владѣлецъ рабочей силы продаетъ ее ежедневно за одинъ талеръ, то продажная цѣна рабочей силы равна ея цѣнности, и, по нашему предположенію, владѣлецъ денегъ, стремящійся къ превращенію своихъ талеровъ въ капиталъ, платитъ эту цѣнность.

Минимальный предѣлъ или крайняя граница цѣнности рабочей силы определяется цѣнностью того количества товаровъ, безъ ежедневнаго притока которыхъ носитель рабочей силы, человекъ, не можетъ возобновлять своего жизненнаго процесса, т. е. цѣнностью физически необходимыхъ средствъ существованія. Если цѣна рабочей силы опускается до этого минимума, то она опускается ниже своей цѣнности, такъ какъ она при этомъ можетъ поддерживаться и развиваться только въ самомъ жалкомъ видѣ. А между тѣмъ цѣнность каждаго товара определяется рабочимъ временемъ, потребнымъ для того, чтобы производить товаръ нормальнаго качества.

Чрезвычайно дешево съ сентиментальнымъ видомъ находятъ грубымъ это опредѣленіе цѣнности рабочей силы, вытекающее изъ природы вещей, и плакаться вмѣстѣ съ Росси, что «понять способность къ труду (*puissance de travail*), абстрагируя отъ средствъ существованія труда во время процесса производства,—это все равно, что понять призракъ (*être de raison*). Кто говоритъ: трудъ, способность къ труду (*Arbeitsvermögen*), тотъ въ то же самое время говоритъ о

рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ средствами существованія, о рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ заработной платой» ⁴⁷⁾. Кто говоритъ о способности къ труду (*Arbeitsvermögen*), не говоритъ еще о трудѣ, точно такъ же, какъ способность къ пищеваренію не есть еще само пищевареніе. Для послѣдняго нужно, какъ вѣстно, нѣчто большее, чѣмъ хорошій желудокъ. Кто говоритъ о способности къ труду или о рабочей силѣ (*Arbeitsvermögen*), не отвлекается отъ средствъ, необходимыхъ для ея существованія. Цѣнность этихъ средствъ существованія, напротивъ того, выражена въ цѣнности рабочей силы. Если она не продана, то она бесполезна для рабочаго, и тотъ фактъ, что рабочая сила требовала для своего пропитанія нѣкотораго количества средствъ существованія и постоянно вновь требуетъ ихъ для своего воспроизведенія, этотъ фактъ ощущается тогда рабочимъ какъ жестокая естественная необходимость. Онъ находитъ тогда вмѣстѣ съ Сисмонди, что «способность къ труду... ничто, если она непродана» ⁴⁸⁾.

Вслѣдствіе особенной природы этого специфическаго товара, т. е. рабочей силы, послѣ заключенія сдѣлки между покупателемъ и продавцомъ, потребительная ея цѣнность въ дѣйствительности еще не перешла въ руки покупателя. Цѣнность ея, такъ же какъ и цѣнность всякаго другого товара, была опредѣлена прежде, чѣмъ она вступила въ обращеніе, такъ какъ нѣкоторое количество общественнаго труда было напередъ издержано для производства рабочей силы, но ея потребительная цѣнность состоитъ только въ познѣйшемъ ея обнаруженіи. Отчужденіе силы и ея дѣйствительное проявленіе, т. е. ея бытіе въ качествѣ потребительной цѣнности, не совпадаютъ во времени. Но относительно такихъ товаровъ ⁴⁹⁾, у которыхъ формальное отчужденіе потребительной цѣнности продажей и ея дѣйствительное предоставленіе покупателю не совпадаютъ во времени, деньги покупателя функционируютъ, по большей части, какъ платежное средство. Во всѣхъ странахъ, съ капиталистическимъ способомъ производства, рабочая сила оплачивается послѣ того, какъ она уже функционировала въ продолженіе нѣкотораго времени, обозначеннаго въ контрактѣ, напр., въ концѣ каждой недѣли. Вездѣ, поэтому, рабочий ссужаетъ капиталисту потребительную цѣнность рабочей силы; онъ отдаетъ ее для потребленія покупателю, прежде чѣмъ онъ получилъ за нее плату; вездѣ, такимъ образомъ, рабочий оказываетъ кредитъ капиталисту. Что кредитъ этотъ не пустая выдумка, показываетъ не только потеря авансированной платы, происходящая въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталистъ оказывается несостоятельнымъ ⁵⁰⁾, но и цѣлый рядъ другихъ проявленій того

⁴⁷⁾ Rossi: «Cours d'Econ. Polit. Bruxelles, 1842», p. 370.

⁴⁸⁾ Sismondi: «Nouv. Princ etc.», t. I, p. 112.

⁴⁹⁾ «Всякій трудъ оплачивается по его окончаніи». (An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc., p. 104). «Коммерческій кредитъ долженъ быть начатымъ въ то время, когда рабочий, первая причина производства, могъ, благодаря своимъ сбереженіямъ, ожидать платы за свой трудъ до конца недѣли, двухъ недѣль, трехъ мѣсяцевъ и т. д.» (Ch. Ganih: «Des Systèmes de l'Econ. Polit. 2ème édit. Paris 1821», t. I, p. 150).

⁵⁰⁾ «Рабочій ссужаетъ свой трудъ; но, коварно прибавляетъ Шторхъ, онъ «ничѣмъ не рискуетъ» кромѣ «потери своего жалованья... типъ какъ рабочий не ссужаетъ ничего вещественнаго». (Storch: «Cours d'Econ. Polit. Pétersbourg 1815», t. II, p. 37).

же кредита, оказывающихъ болѣе продолжительное дѣйствіе⁵¹⁾. Однако, функціонируютъ ли деньги въ качествѣ покупательнаго или платежнаго средства,—это несколько не измѣняетъ сущности самого товарнаго обмѣна. Цѣна рабочей силы, такъ же какъ и наемная цѣна дома, устанавливается въ контрактѣ, хотя она реализуется только въ послѣдствіи. Рабочая сила продана, хотя она оплачивается только въ послѣдствіи. Для выяснѣя отчетливаго пониманія этого отношенія однако полезно на время предположить, что при продажѣ рабочей силы владѣлецъ ея каждый разъ тотчасъ же получаетъ выговоренную въ контрактѣ цѣну.

⁵¹⁾ Приведемъ примѣръ. Въ Лондонѣ существуютъ двоякаго рода булочники «full priced», продающіе хлѣбъ по полной его цѣнности, и «undersellers», продающіе его ниже этой цѣнности. Послѣдній классъ составляетъ болѣе $\frac{3}{4}$ общаго числа булочниковъ (р. XXXII въ «Report» правительственнаго комиссара Н. S. Tremenbeere о «Grievances complained of by the journeymen bakers etc. London, 1862»). Эти undersellers продаютъ почти всѣ безъ исключенія хлѣбъ, фальсифицированный примѣсью квасцовъ, мыла, поташу, извести, дербиширской каменной муки и тому подобнымъ пріятнымъ, питательнымъ и здоровымъ веществамъ. (См. цитированную выше Свѣдѣнія Книгу, также отчетъ «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и Dr. Hassall'a: «Adulterations Detected». 2nd edit. London, 1862). Sir John Gordon заявилъ предъ комитетомъ, что «въслѣдствіе этой фальсификаціи, бѣднякъ, живущій двумя фунтами хлѣба въ день, въ дѣйствительности не получаетъ теперь и четвертой части питательныхъ веществъ, не говоря уже о вредномъ вліяніи на его здоровье». Причину того, почему «большая часть рабочаго класса», хотя и хорошо освѣдомленная о фальсификаціи, продолжаетъ тѣмъ не менѣе покупать квасцы, каменную муку и т. д. Tremenbeere (l. c. p. XLVIII) видитъ въ томъ, что «для нихъ дѣло необходимости брать у булочника или у лавочника тотъ хлѣбъ, который имъ дадутъ». Такъ какъ имъ платятъ только въ концѣ недѣли, то «они только въ концѣ недѣли могутъ платить за хлѣбъ, потребленный ихъ семействами въ продолженіе недѣли»; и Tremenbeere прибавляетъ, ссылаясь на свидѣтельскія показанія: «извѣстно, что хлѣбъ съ такими примѣсями приготавливается специально для этого рода покупателей» (It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner). «Во многихъ англійскихъ (но еще болѣе въ шотландскихъ) земледѣльческихъ округахъ заработная плата выдается каждыя двѣ недѣли и даже еженѣдно. При такихъ долгихъ срокахъ уплаты земледѣльческій рабочій долженъ покупать свои товары въ кредитъ... Онъ долженъ платить болѣе высокія цѣны и фактически привязанъ къ той лавочкѣ, которая оказывать ему кредитъ. Такъ, напр., въ Horningham in Wilts, гдѣ плату выдаютъ помѣсячно, онъ за стоппъ той муки, которую вездѣ покупаютъ за 1 ш. 10 п., платитъ 2 ш. 4 п.» («Sixth Report» on «Public Health» by «The Medical Officer of the Privy Council etc. 1864», p. 264). «Рабочіе на ситцепечатныхъ въ Paisley и Kilmarlock (въ Западной Шотландіи) добились въ 1853 г. посредствомъ стачки пониженія платежнаго срока съ одного мѣсяца до двухъ недѣль». («Reports of the Inspectors of Factories for sistsok. 1853, p. 34). Какъ дальѣйшее милое порожденіе кредита, даваемого рабочимъ капиталисту, можно разсматривать методъ англійскихъ владѣльцевъ угольныхъ копей, гдѣ рабочій получаетъ плату лишь въ концѣ мѣсяца, въ промежуткахъ же получаетъ ссуды отъ капиталиста, часто товарами, за которые онъ долженъ платить выше ихъ рыночной цѣны (Trucksystem). «У владѣльцевъ угольныхъ копей существуетъ обычай платить жалованье рабочимъ разъ въ мѣсяцъ и ссужать имъ деньги въ концѣ каждой промежуточной недѣли. Ссуда выдается въ лавкѣ (а именно въ shop, т. е. въ лавкѣ, принадлежащей самому хозяину); они получаютъ деньги въ одномъ углу и отдають ихъ въ другомъ». («Childrens Employment Commission, III. Report. Lond. 1864». p. 38, n. 192).

Мы теперь знаемъ способъ опредѣленія цѣнности, которая уплачивается владѣльцемъ денегъ владѣльцу специфическаго товара, рабочей силы. Потребительная цѣнность, которую, въ свою очередь, получаетъ владѣлецъ денегъ въ обмѣнѣ, обнаруживается только въ ея дѣйствительномъ употребленіи, въ процессѣ потребленія рабочей силы. Всѣ предметы, необходимые для этого процесса, напр., сырой матеріалъ и т. д., владѣлецъ денегъ покупаетъ на товарномъ рынкѣ и оплачиваетъ по полной ихъ цѣнѣ. Процессъ потребленія рабочей силы есть въ то же самое время процессъ производства товаровъ и прибавочной цѣнности. Потребленіе рабочей силы, какъ и потребленіе всякаго другого товара, происходитъ въ рынокъ, въ сферы обращенія. Поэтому и мы оставимъ теперь эту шумную сферу, гдѣ все происходитъ на поверхности и на глазахъ у всѣхъ, и послѣдѣмъ за владѣльцемъ денегъ и владѣльцемъ рабочей силы въ тѣ скрытыя отъ постороннихъ глазъ мѣста, въ которыхъ намъ слѣдуетъ принять производно, тула, гдѣ посетитель встрѣчаетъ на порогѣ надписи: *No admittance except on business* (входъ постороннимъ лицамъ воспрещается). Здѣсь мы увидимъ не только, какъ капиталъ производить, но также и то, какъ онъ, капиталъ, производится. Здѣсь, наконецъ, долженъ раскрыться секретъ производства прибавочной цѣнности (*Piusmacherei*).

Сфера обращенія или товарнаго обмѣна, въ предѣлахъ которой происходитъ покупка и продажа рабочей силы, была въ дѣйствительности настоящимъ ядемомъ припрятанныхъ правъ человѣка. Здѣсь господствуютъ только свобода, равенство, собственность и Бентамъ. Свобода! Ибо покупатель и продавецъ товара, напримѣръ, рабочей силы, опредѣляются въ своихъ дѣйствіяхъ лишь своей свободной волей. Они заключаютъ договоры въ качествѣ свободныхъ равноправныхъ личностей. Контракты есть конечный результатъ, въ которомъ ихъ воли падаютъ себѣ общее юридическое выраженіе. Равенство! Ибо они вступаютъ въ отношенія другъ къ другу только какъ владѣльцы товаровъ и обвиняютъ эквиваленты на эквиваленты. Собственность! Ибо каждый распознаетъ только тѣмъ, что ему принадлежит. Бентамъ! Ибо каждый изъ нихъ заботится только о себѣ. Единственная сила, которая ихъ сводитъ другъ съ другомъ и ставитъ во взаимныя отношенія, это—ихъ эгоизмъ, ихъ личная выгода, ихъ частный интересъ. И именно потому, что каждый думаетъ только о себѣ и никто не думаетъ о другомъ, всѣ они въ силу предустановленной гармоніи вещей, или подъ покровительствомъ мудраго провидѣнія, творятъ взаимную выгоду, общее благо, общій интересъ.

При выходѣ изъ этой сферы простого обращенія или товарнаго обмѣна, изъ которой фритредеръ *vulgaris* черпаетъ свои воззрѣнія, понятія и критеріи для сужденія объ обществѣ, характеризующемся капиталомъ и наемнымъ трудомъ, въ фізіономіяхъ дѣйствующихъ лицъ нашей драмы происходитъ нѣкоторая перемѣна. Нашъ прежній владѣлецъ денегъ шествуетъ впередъ въ качествѣ капиталиста; владѣлецъ рабочей силы сдѣлается за нимъ, въ качествѣ его рабочаго; однопъ многозначительно улыбаются, съ видомъ вполне отдавнашагося своему дѣлу человека; другой пышетъ видъ робкій, колеблющійся, какъ человѣкъ, который продалъ на рынкѣ свою собственную шкуру, и которому собираются ее—лущить.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Производство абсолютной прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Процессъ труда и процессъ возрастанія капитала.

1) Процессъ труда.

Потребленіе рабочей силы это — самый трудъ. Покупатель рабочей силы потребляетъ ее, заставляя работать ея продавца. Послѣдній чрезъ это становится рабочей силой, проявляющейся въ дѣйствіи (actu), рабочимъ, тогда какъ прежде онъ представлялъ только рабочую силу въ возможности, потенциально (in potentia). Чтобы воплотить свой трудъ въ товарахъ, онъ долженъ прежде всего воплотить его въ потребительныхъ цѣностяхъ, въ предметахъ, служащихъ для удовлетворенія какихъ-либо потребностей. Капиталистъ, такимъ образомъ, заставляетъ рабочаго производить какую-нибудь особенную потребительную цѣнность, какой-нибудь опредѣленный товаръ. Производство потребительныхъ цѣнностей или благъ несколько не измѣняется въ своемъ существѣ отъ того, что оно совершается для капиталиста и подъ его контролемъ. Поэтому слѣдуетъ рассмотреть сначала процессъ труда независимо отъ какой бы то ни было опредѣленной общественной формы.

Трудъ есть прежде всего процессъ, происходящій между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ посредствомъ своей дѣятельности содѣйствуетъ обмѣну веществъ между собой и природой, регулируетъ и контролируетъ его. По отношенію къ данной природой матеріи (Naturstoff) онъ самъ выступаетъ какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе присущія его организму естественныя силы, руки, ноги, голову для того, чтобы присвоить себѣ матерію въ пригодной для него формѣ. Дѣйствуя въ этомъ процессѣ на вышнюю природу и измѣняя ее, онъ въ то же время измѣняетъ и свою собственную природу. Онъ развиваетъ дремлющія въ немъ силы и дѣлаетъ себѣ подвластную работу этихъ силъ. Мы не рассматриваемъ здѣсь животное первобытныхъ, инстинктивныхъ формъ труда. Сравнительно съ тѣмъ состояніемъ общества, въ которомъ рабочій выступаетъ на товарномъ рынкѣ въ качествѣ продавца своей собственной рабочей силы, тотъ періодъ, въ которомъ трудъ еще не отрѣшился отъ

своей первобытной инстинктивной формы, представляется временемъ допсторическимъ. Мы предполагаемъ въ нашемъ разсужденіи такое состояніе труда, въ которомъ онъ характеренъ исключительно для человѣка. Паукъ продѣлываетъ операціи, сходныя съ дѣйствіями ткача, а пчела можетъ пристыпать постройкой своихъ восковыхъ ячеекъ любого архитектора. Но есть что-то такое, что съ самаго начала отличаетъ самаго плохого архитектора отъ самой лучшей пчелы: человѣкъ, прежде чѣмъ сдѣлать ячейку изъ воска, уже построилъ ее въ головѣ. Въ концѣ процесса труда получается результатъ, который въ началѣ этого процесса существовалъ уже въ представленіи рабочаго, существовалъ такъ сказать, идеально. Человѣкъ не только измѣняетъ формы вещества, данного природой; онъ воплощаетъ также въ этомъ веществѣ свою сознательную цѣль, которая, какъ законъ, опредѣляетъ его способъ дѣйствія, и которой онъ долженъ подчинять свою волю. И подчиненіе это не является единичнымъ актомъ. Помимо напряженія тѣхъ органовъ, которые исполняютъ физическую работу, во все продолженіе труда необходима цѣлесообразная воля, проявляющаяся во вниманіи, и она необходима тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе трудъ по своему содержанію и по способу исполненія увлекаетъ рабочаго, чѣмъ менѣе рабочій наслаждается имъ, какъ свободной игрой своихъ физическихъ и духовныхъ силъ.

Процессъ труда заключаетъ въ себѣ слѣдующіе простые моменты: цѣлесообразную дѣятельность или самый трудъ, предметъ труда и средства труда.

Земля (экономически въ нее включается и вода), надѣляющая съ самаго начала человѣка пищей, готовыми средствами существованія, ¹⁾ является безъ всякаго его содѣйствія всеобщимъ объектомъ человеческого труда. Всѣ предметы, въ отношеніи которыхъ трудъ разрываетъ лишь или непосредственную связь съ землей, суть объекты труда, данные природой; таковы, напр., рыба, извлекаемая изъ ея стихій, воды; дерево, срубленное въ первобытномъ лѣсу; добытая изъ жилы руда. Но если объектъ труда самъ, такъ сказать, уже прошелъ чрезъ горнило предварительнаго труда, то мы называемъ его сырымъ матеріаломъ (сырьемъ), такова, напр., выломанная руда, которая затѣмъ промывается. Всякое сырье есть объектъ труда, но не всякій объектъ труда есть сырье. Сырьемъ объектъ труда бываетъ только тогда, когда онъ уже претерпѣлъ какое-нибудь измѣненіе посредствомъ труда.

Орудіе труда—это предметъ или совокупность предметовъ, которые рабочій ставитъ между собой и объектомъ труда, и которые служатъ проводниками его воздѣйствія на данные объекты труда. Онъ пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тѣлъ, чтобы соответственно своей цѣли

¹⁾ «Естественныя (spontaneous) произведенія земли, которыхъ имѣется ограниченное количество и которыя существуютъ совершенно независимо отъ руки человѣка, кажутся—какъ это и есть на самомъ дѣлѣ—данными самой природой, и могутъ быть уподоблены небольшой суммѣ денегъ, даваемой молодому человѣку, чтобы поставить его на путь самостоятельнаго заработка и дать ему возможность самому составить себѣ состояніе». (James Steuart: «Principles of Polit. Econ. edit. Dublin, 1770». т. I, p. 116).

заставить ихъ дѣйствовать какъ силы на другія тѣла ²⁾). Предметъ, которымъ рабочій овладѣваетъ непосредственно—мы оставляемъ въ сторонѣ простой захватъ готовыхъ средствъ существованія, плодовъ, напр., при которомъ члены тѣла сами служатъ орудіями труда—есть не объектъ труда, но орудіе труда. Итакъ, само данное природой вещество становится органомъ дѣятельности человека, органомъ, который онъ присоединяетъ къ своимъ собственнымъ органамъ, удлинняя, такимъ образомъ, вопреки библии, свое тѣло. Земля, которая является первоначальной кладовой его съѣстныхъ припасовъ, образуетъ также и первоначальный арсеналъ его орудій труда. Она доставляетъ ему, напримѣръ, камень, который служить ему для метанія, тренія, давленія, рѣзанія и т. д. Сама земля есть орудіе труда; но являясь орудіемъ труда въ земледѣліи, она гораздо предполагаетъ уже цѣлый рядъ другихъ орудій труда и относительно довольно высокое развитіе рабочей силы ³⁾. Если процессъ труда вообще хоть сколько-нибудь развитъ, онъ требуетъ уже обработанныхъ орудій труда. Въ древнѣйшихъ человеческихъ нещерахъ мы находимъ каменные орудія и каменное оружіе. Рядомъ съ обработаннымъ камнемъ, деревомъ, костями и раковинами главную роль въ началѣ человеческой исторіи, въ качествѣ орудій труда, играютъ домашнія прирученныя и, стало быть, уже нѣмѣнные трудомъ животныя ⁴⁾. Употребленіе и созданіе орудій труда, хотя и свойственное въ зародышѣ нѣкоторымъ животнымъ видамъ, характеризуетъ спеціально человеческій процессъ труда, и Франклинъ, поэтому, опредѣляетъ человека, какъ «*a toolmaking animal*», животное, дѣлающее орудія. Остатки древнихъ орудій труда имѣютъ для изученія исчезнувшихъ общественно-экономическихъ формаций такое же важное значеніе, какъ строеніе ископаемыхъ костей для изученія организмовъ исчезнувшихъ животныхъ видовъ. Экономическія эпохи различаются между собою не тѣмъ, что производится, а тѣмъ, какъ производится, какими орудіями труда. ⁵⁾ Орудія труда являются не только мѣриломъ развитія человеческой рабочей силы, но также и показателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ производится работа. Между самими орудіями труда механическія орудія труда, совокупность которыхъ можно назвать костной и мускульной системой

²⁾ «Разумъ столь же хитеръ, какъ и могущественъ. Хитрость вообще состоитъ въ той посредствующей дѣятельности, которая заставляетъ различные предметы, согласно ихъ собственной природѣ, дѣйствовать другъ на друга и подвергаетъ ихъ взаимному тренію, не вмѣшиваясь непосредственно въ этотъ процессъ, но тѣмъ не менѣе достигая выполненія своей цѣли» (Hegel: «Encyclopädie. Erster Theil. Die Logik» Berlin., 1840, p. 382).

³⁾ Въ своемъ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, жалкомъ сочиненіи: «*Théorie de l'Econ. Polit.* Paris 1819», Ganilh, возражая физиократамъ, перечисляетъ цѣлый рядъ трудовыхъ процессовъ, составляющихъ предпосылку земледѣлія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

⁴⁾ Въ своихъ «*Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses*» (1766) Тюрго хорошо выискиваетъ важность прирученныхъ животныхъ для начатковъ человеческой культуры.

⁵⁾ Изъ всѣхъ товаровъ предметы роскоши, въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ наименьшее значеніе для технологическаго сравненія различныхъ эпохъ производства.

производства, являются гораздо болѣе характерными отличительными признаками данной общественной эпохи производства, чѣмъ тѣ орудія труда, которыя служатъ только для сохраненія объекта труда, и совокупность которыхъ вообще можетъ быть названа сосудистой системой производства, какъ напр., трубы, бочки, корзинны, кувшины и т. д. Лишь въ химической фабрикаціи они начинаютъ играть важную роль ^{5a)}).

Кромѣ тѣхъ предметовъ, которые служатъ посредниками между трудомъ и его объектомъ и, поэтому, въ той или другой степени, суть проводники воздѣйствія, орудіями процесса труда, въ болѣе широкомъ смыслѣ, являются всѣ матеріальныя условія, вообще необходимыя для того, чтобы процессъ труда могъ совершаться. Онѣ не входятъ въ него непосредственно, но безъ нихъ онъ или вовсе не можетъ происходить, или происходить въ очень несовершенномъ видѣ. Такого рода всеобщимъ орудіемъ труда является опять таки сама земля, такъ какъ она даетъ рабочему *locus standi*, а процессу—его сферу дѣйствій (*field of employment*). Этого же рода орудія труда, являющіяся уже результатомъ труда, суть рабочія строенія, каналы, дороги и т. д.

Такимъ образомъ, въ процессѣ труда дѣятельность человека производитъ чрезъ посредство орудій труда гаранте намѣченное измѣненіе въ его объектѣ. Процессъ прекращается въ своемъ продуктѣ. Продуктъ процесса есть потребительная цѣнность, матерія, путемъ измѣненія формы приспособленная къ человѣческимъ потребностямъ. Трудъ соединился съ объектомъ труда. Онъ овеществился, а предметъ подвергся обработкѣ. То, что со стороны рабочаго проявляется въ формѣ движенія, со стороны продукта является въ формѣ бытія, въ состояніи покоя. Рабочій прялъ, а продуктъ есть пряжа.

Если разсматривать весь процессъ въ его цѣломъ съ точки зрѣнія результата процесса, т. е. продукта, тогда оба, орудія труда и объектъ труда, являются средствами производства ⁶⁾, а самый трудъ—производительнымъ трудомъ ⁷⁾).

Когда какая-нибудь потребительная цѣнность выходитъ въ видѣ продукта изъ процесса труда, то другія потребительныя цѣнности—продукты прежнихъ процессовъ труда—входятъ въ него въ качествѣ средствъ производства. Одна и та же потребительная цѣнность, представляющая продуктъ одного процесса труда, составляетъ въ другомъ средству производства. Продукты, поэтому, представляютъ не только результатъ, но въ то же время и условіе процесса труда.

^{5a)} Примѣчаніе ко второму изданію. Историческая наука до сихъ поръ очень мало познала развитіе матеріальнаго производства, и, стало быть, основу всякой общественной жизни и всякой дѣйствительной исторіи, но встали по крайней мѣрѣ доисторическія времена подверглись—на основаніи естественнаучныхъ, а не такъ называемыхъ историческихъ, изслѣдованій—раздѣленію, по матеріалу орудій и оружія, на каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ и желѣзный вѣкъ.

⁶⁾ Кажется парадоксальнымъ считать, напр. рыбу, которая еще не поймана, средствомъ производства для рыбной ловаи. Но до сихъ поръ еще не изобрѣтено искусство ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ она не водится.

⁷⁾ Это опредѣленіе производительнаго труда, сдѣланное съ точки зрѣнія простого процесса труда, совершенно недостаточно для характеристики капиталистическаго процесса производства.

За исключеніемъ добывающей (экстрактивной) промышленности, находящей свой объектъ труда въ природѣ: каковы: горное дѣло, охота, рыбная ловля и т. п. (земледѣіе) лишь постольку, поскольку оно ограничивается обработкой дѣйственной почвы), всѣ отрасли промышленности обрабатываютъ предметы, представляющие сырье, т. е. ранѣе уже проведенный сквозь фильтръ труда, уже обработанный объектъ труда, продуктъ предшествующаго труда. Для примѣра укажемъ сѣмена въ земледѣіи. Животныя и растенія, обыкновенно рассматриваемыя какъ естественные продукты, представляютъ въ современной своей формѣ не только продуктъ труда, скажемъ, прошлаго года, но также продуктъ превращенія, совершающагося въ продолженіе многихъ поколѣній подъ человѣческимъ контролемъ и благодаря труду людей. Что же касается орудій труда, въ узкомъ смыслѣ, то огромное большинство ихъ, даже на поверхностный изгль, обнаруживаетъ слѣды предшествующаго труда.

Сырье можетъ составлять главную субстанцію продукта или входить въ него только какъ вспомогательный матеріалъ. Вспомогательный матеріалъ можетъ потребляться орудіемъ труда, напр., уголь — паровой машиной, масло — колесомъ, сѣно — рабочей лошады; или онъ прибавляется къ сырию, чтобы произвести въ немъ матеріальное измѣненіе, напр., хлоръ — къ небѣленому полотну, уголь — къ желѣзу, краска — къ шерсти; или же онъ можетъ содѣйствовать самому процессу труда, напр., вещества, служашія для отопленія и освѣщенія мастерской. Разница между главнымъ и вспомогательнымъ матеріаломъ исчезаетъ въ настоящемъ химическомъ производствѣ, такъ какъ въ немъ ни одно изъ употребляемыхъ сырыхъ веществъ не появляется вновь въ качествѣ субстанціи окончательнаго продукта ^{а)}).

Такъ какъ каждый предметъ обладаетъ различными качествами и, поэтому, можетъ быть различныя полезныя примѣненія, то одинъ и тотъ же продуктъ можетъ служить сырымъ матеріаломъ для различныхъ процессовъ труда. Зерно, напр., составляетъ сырой матеріалъ для мельника, крахмального фабриканта, винокура, скотовода и т. д. Въ качествѣ сѣмянъ, оно становится сырымъ матеріаломъ своего собственнаго производства. Такъ уголь является продуктомъ горной промышленности и входитъ въ нее въ качествѣ средства производства.

Одинъ и тотъ же продуктъ въ одномъ и томъ же процессѣ труда можетъ служить и орудіемъ труда, и сырымъ матеріаломъ. При животноводствѣ (откармливаніи скота), напр., скотъ является въ одно и то же время и обрабатываемымъ сырымъ матеріаломъ, и средствомъ полученія удобренія.

Продуктъ, существующій уже въ готовой для потребленія формѣ, можетъ опять стать сырымъ матеріаломъ для другого продукта, напр., виноградъ представляетъ сырой матеріалъ вина. Или продуктъ даннаго процесса труда можетъ получаться въ формѣ, въ которой онъ годенъ опять лишь какъ сырой матеріалъ. Сырье въ такомъ состояніи называется полуфабрикатомъ ^{б)}), напр., хлопчатая бумага, нитки, прижа и т. д. Хотя первоначальный сырой мате-

^{а)} Шторхъ отличаетъ сырой матеріалъ, въ собственномъ смыслѣ, называемый имъ «matière», отъ вспомогательныхъ веществъ, называемыхъ имъ «matériaux». Cherbrier называетъ вспомогательныя вещества «matières instrumentales».

^{б)} Въ оригиналѣ прибавлено: und hiesse besser Stufenfabrikat. Прим. П. С.

риаль и представляет самъ по себѣ продуктъ. но онъ долженъ все-таки пройти еще дѣльную дѣйствицу различныхъ процессовъ, въ которыхъ онъ все въ новомъ и новомъ видѣ снова и снова функционируетъ, какъ сырье, вплоть до послѣдняго процесса труда, изъ котораго онъ выходитъ или въ видѣ готоваго средства существованія, или въ видѣ готоваго орудія труда.

Итакъ, мы видимъ: появленіе потребительной цѣнности въ видѣ сырого матеріала, орудія труда, или продукта вообщѣ зависитъ отъ ея опредѣленной функціи въ процессѣ труда, отъ того мѣста, которое она въ немъ занимаетъ, и съ переменною этого мѣста измѣняется и ея назначеніе.

Вступая какъ средства производства въ новый процессъ труда, продукты, такимъ образомъ, теряютъ характеръ продуктовъ. Они функционируютъ еще только, какъ матеріальные факторы живого труда. Прядильщикъ разсматриваетъ веретено только какъ орудіе, которымъ онъ прядетъ, а депъ только какъ объектъ, который онъ прядетъ. Конечно, нельзя прядть безъ матеріала для пряденія и безъ веретенъ. Существованіе этихъ продуктовъ, поэтому, предполагается при началѣ пряденія. Но для самаго этого процесса то обстоятельство, что депъ и веретена представляютъ продукты прошедшаго труда, совершенно безразлично, точно такъ же какъ для процесса питанія не имѣетъ никакого значенія то, что хлѣбъ есть продуктъ прошедшаго труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборотъ, въ процессѣ производства, средства производства только своими недостатками даютъ знать о томъ, что они суть продукты прошедшаго труда. Ножъ, который не рѣжетъ, пряжа, которая постоянно рвется, и т. д., живо напоминаютъ о своихъ производителяхъ—ножевщикѣ А и прядильщикѣ В. Въ удачномъ продуктѣ не сохраняется и слѣда участія прошедшаго труда въ созданіи потребительныхъ свойствъ даннаго продукта.

Машина, которая не работаетъ въ процессѣ труда, бесполезна. Притомъ она подпадаетъ подъ дѣйствіе разрушительныхъ силъ естественнаго обмѣна веществъ. Желѣзо ржавѣетъ, дерево гниетъ. Пряжа, которая не пошла на ткаанье или вязанье, становится испорченною хлопчатой бумагой. Живой трудъ доажетъ положить свою руку на эти предметы, воскресить ихъ изъ мертвыхъ, превратить ихъ изъ потенциальныхъ въ дѣйствительныя и дѣйствующія потребительныя цѣнности. Охваченные пламенемъ труда, превращенные въ его тѣло, призванные въ процессъ труда къ функціямъ, соответствующимъ ихъ назначенію и ихъ идеѣ, они хотя и потребляются, но потребляются цѣлесообразно, какъ элементы, образующіе новыя потребительныя цѣнности, новыя продукты, которые способны стать средствами существованія въ индивидуальномъ потребленіи, или средствами производства въ новомъ процессѣ труда.

Если, такимъ образомъ, существующіе въ наличности продукты являются не только результатами, но и условиями процесса труда, то, съ другой стороны, для сохраненія и дѣйствительнаго использования этихъ продуктовъ прошедшаго труда въ качестве потребительныхъ цѣнностей единственнымъ средствомъ является бросить ихъ въ процессъ труда, т. е. привести ихъ въ соприкосновеніе съ живымъ трудомъ.

Трудъ потребляетъ свои матеріальные элементы, свои предметы и свои

средства, поглощает их и является, такимъ образомъ, процессомъ потребления. Это производтельное потребление тѣмъ отличается отъ индивидуальнаго потребления, что въ послѣднемъ продукты потребляются, какъ средства существованія живого индивидуума, въ первомъ же, какъ средства существованія труда, какъ средства, необходимыя для проявленія дѣятельной рабочей силы личности. Продуктомъ индивидуальнаго потребления является, слѣдовательно, самъ потребитель, результатомъ же производтельнаго потребления—продуктъ, отличный отъ потребителя.

Поскольку орудія и предметъ труда сами уже суть продукты, трудъ потребляетъ продукты для того, чтобы создавать продукты, т. е. потреблять продукты, какъ средства производства продуктовъ. Но такъ какъ первоначально процессъ труда происходитъ только между человекомъ и землею, существующей безъ его содѣйствія, то въ этомъ процессѣ участвуютъ еще такія средства производства, которыя даются самой природою и вовсе не представляютъ соединенія матеріи съ человѣческимъ трудомъ.

Процессъ труда, выше представленный нами въ его простыхъ и абстрактныхъ моментахъ, есть цѣлесообразная дѣятельность, сводящаяся къ созданію потребительныхъ цѣнностей, приспособленіе матеріи къ человѣческимъ потребностямъ, всеобщее условіе обмѣна веществъ между человекомъ и природою, вѣчное естественное условіе человѣческой жизни. Въ силу этого, онъ независимъ отъ какихъ-либо формъ этой жизни, напротивъ того, онъ одинаково присущъ всѣмъ ея общественнымъ формамъ. Намъ, поэтому, не было надобности разсматривать рабочаго въ его отношеніи къ другимъ рабочимъ. Намъ достаточно было разсмотрѣть человека и его трудъ на одной сторонѣ и природу и матерію—на другой. Такъ же точно, какъ по вкусу пшеницы нельзя узнать, кто ее воздѣлывалъ, такъ и въ процессѣ труда не видно, при какихъ условіяхъ онъ совершается. Ничто не указываетъ на то, совершается ли онъ подъ жестокимъ бичомъ надсмотрщика рабовъ, или подъ заботливымъ глазомъ капиталиста, совершалъ ли его Цвинцинатъ, воздѣлывающій свои нѣсколько югеровъ, или дикарь, убивающій камнемъ дичь²⁾.

Но вернемся къ нашему капиталисту *in spe*. Мы оставили его послѣ того, какъ онъ купилъ на товарномъ рынкѣ всѣ факторы, необходимыя для процесса труда: предметные (объективные) факторы, или средства производства, и личный (субъективный) факторъ, или рабочую силу. Хитрымъ взоромъ знатока онъ высмотрѣлъ, выбралъ тѣ средства производства и ту рабочую силу, которыя нужны для его особаго предпріятія, прядильной, сапожной мастерской и т. д. Нашъ капиталистъ принимаетъ теперь за потребление купленныхъ имъ това-

²⁾ На этомъ въ высшей степени логическомъ основаніи полковникъ Торренсъ (Torrens) открылъ въ камнѣ дикаря начало капитала. «Въ первомъ камнѣ, который дикарь бросаетъ въ преслѣдуемую имъ дичь, въ первой палкѣ, которую онъ беретъ, чтобы бить плоды, которыхъ онъ не можетъ достать руками, мы видимъ присвоение одного предмета съ цѣлью пріобрѣтенія другого и открываемъ, такимъ образомъ, начало капитала». (R. Torrens: An Essay on the Production of Wealth etc. p. 70, 71). Этой первой палкой (Stock). вѣроятно, объясняется, почему по англійски Stock есть синонимъ капитала.

ровъ, т. е. онъ заставляеть носителя рабочей силы, рабочаго, потреблять посредствомъ своего труда средства производства. Общій характеръ процесса труда, разумеется, не измѣняется отъ того, что рабочій совершаетъ его для капиталиста, а не для самого себя. Точно также не можетъ измѣниться сразу извѣстный способъ приготовленія сапогъ или пряденія шерсти вслѣдствіе вѣнательства капиталиста. Капиталистъ сначала долженъ взять рабочую силу такою, какою онъ нашелъ ее на рынкѣ, а, стало, долженъ брать и трудъ такимъ, каковымъ онъ былъ въ тотъ періодъ, когда еще не было капитализмовъ. Преобразование самаго способа производства вслѣдствіе подчиненія труда капиталу происходитъ лишь позже и, поэтому, мы будемъ разсматривать его впоследствии.

Процессъ труда, представляющій въ то же время процессъ потребления капиталистомъ рабочей силы, характеризуется двумя своеобразными феноменами.

Рабочій трудится подъ контролемъ капиталиста, которому принадлежитъ его работа. Капиталистъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы работа производилась аккуратно, чтобы средства производства целесообразно потреблялись, чтобы сырой матеріалъ не тратился зря, чтобы съ орудіями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требуетъ самое употребленіе ихъ въ процессъ труда.

Во-вторыхъ, продуктъ есть собственность капиталиста, а не непосредственнаго производителя, не рабочаго. Капиталистъ оплачиваетъ, напр., дневную цѣнность рабочей силы. Такимъ образомъ, потребление ея, какъ и всякаго другого товара, напр., лошади, нанятой имъ на одинъ день, принадлежитъ ему въ продолженіе дня. Покупателю товара принадлежитъ пользованіе товаромъ, и владѣлецъ рабочей силы, отдавая свой трудъ, дѣйствительно отдаетъ только проданную имъ потребительную цѣнность. Съ того самаго момента, какъ онъ вступилъ въ мастерскую капиталиста, потребительная цѣнность его рабочей силы, а, слѣдовательно, пользованіе ею, т. е. трудъ, принадлежитъ капиталисту. Покупкою рабочей силы капиталистъ присоединилъ самый трудъ въ качествѣ живого бродяка къ тоже принадлежащимъ ему мертвымъ образовательнымъ элементамъ продукта. Съ его точки зрѣнія, процессъ труда есть только потребленіе купленного имъ товара—рабочей силы; но потреблять ее онъ можетъ только, присоединяя къ ней средства производства. Процессъ труда есть процессъ, происходящій между вещами, купленными капиталистомъ между принадлежащими ему вещами. Продуктъ этого процесса принадлежитъ, ему по такому же праву, какъ и продуктъ процесса броженія, происходящаго въ его винномъ погребѣ ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ «Продукты присваиваются прежде, чѣмъ они превращаются въ капиталъ; превращеніе это не избавляетъ ихъ отъ присвоенія». (Cherbulic: «Riche ou Pauvre, édit. Paris 1841», p. 53, 54). «Продавая свой трудъ за нѣкоторое количество средствъ существованія (аргювизионмент), пролетарій совершенно отказывается отъ всякаго участія въ продуктѣ. Присвоеніе продуктовъ остается такимъ же, какъ и прежде: оно нисколько не измѣняется вслѣдствіе вышеупомянутого договора. Продуктъ принадлежитъ исключительно капиталисту, доставившему сырье и средства существованія. Это есть строгое слѣдствіе закона присвоенія, основнымъ принципомъ котораго было, наоборотъ, исключительное право собственности каждаго ра-

2. Процессъ возрастанія капитала.

Продуктъ—собственность капиталиста—есть какаянибудь потребительная цѣнность, напр., пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, напр., составляютъ до нѣкоторой степени основаніе общественнаго прогресса, и хотя нашъ капиталистъ рѣшительный прогрессистъ, все-таки онъ фабрикуетъ сапоги не ради нихъ самихъ. Потребительная цѣнность вообще не представляетъ въ товарномъ производствѣ той вещи, «*qu'on aime pour lui-même*» (которую любятъ ради нея самой). Потребительныя цѣнности производятся здѣсь вообще лишь постольку, поскольку и лишь потому, что онѣ составляютъ матеріальный субстратъ, суть носители мѣстовой цѣнности. Нашъ капиталистъ заботится здѣсь о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, онъ хочетъ произвести такую потребительную цѣнность, которая имѣла бы мѣстовую цѣнность, предметъ, предназначенный для продажи, товаръ. А во-вторыхъ, онъ хочетъ произвести товаръ, цѣнность котораго была бы выше суммы цѣностей тѣхъ товаровъ, которые потребовались на его производство, т. е. средствъ производства и рабочей силы, на покупку которыхъ онъ израсходовалъ на товарномъ рынкѣ свои кровныя деньги. Онъ хочетъ произвести не только потребительную цѣнность, но и товаръ, не только потребительную цѣнность, но и цѣнность, и не только одну цѣнность, но и прибавочную цѣнность.

На самомъ дѣлѣ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о товарномъ производствѣ, то, очевидно, до сихъ поръ мы рассматривали только одну сторону этого процесса. Какъ самъ товаръ есть единство потребительной цѣнности и цѣнности, такъ и процессъ производства его долженъ быть единствомъ процесса труда и процесса образованія цѣнности.

Рассмотримъ же теперь процессъ производства также и какъ процессъ образованія цѣнности.

Мы знаемъ, что цѣнность каждого товара опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ его потребительной цѣнности труда, т. е. общественно необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ. Это относится и къ продукту, полученному капиталистомъ, какъ результатъ процесса труда. Намъ нужно, слѣдовательно, прежде всего вычислить овеществленное въ этомъ продуктѣ количество труда.

Предположимъ, что продуктъ этотъ пряжа.

Для производства пряжи сначала понадобился сырой матеріалъ, напр., 10 ф. хлопка. Излишне изслѣдовать намъ, какова цѣнность хлопка, такъ какъ капиталистъ купилъ его на рынкѣ по его цѣнности, напр., за 10 шил. Въ цѣнѣ хлопка уже заключается средній общественный трудъ, необходимый для

бочаго на его продуктъ». (ibid. p. 58) James Mill: «Elements of Pol. Econ. etc.» p. 70: «Если рабочіе работаютъ за плату, то капиталистъ является собственникомъ не только капитала (Милль имѣетъ въ виду средства производства) но также и труда (of the labour also). Если въ понятіе капитала включаютъ то, что выплачивается въ видѣ заработной платы, какъ это обыкновенно принято, то бессмысленно говорить о капиталѣ отдѣльно отъ труда. Слово капиталъ, въ этомъ смыслѣ, включаетъ въ себя и то и другое, и капиталъ, и трудъ».

его производства. Предположимъ далѣе, что веретень, который для насъ представляютъ и всѣ другія употреблявшіяся орудія труда, изнашивается на 2 шп. Если количество золота въ 12 шп. составляетъ продуктъ 24 часовъ труда или 2 рабочихъ дней, то изъ этого слѣдуетъ, что въ пряжѣ овеществлены 2 рабочихъ дня.

То обстоятельство, что хлопокъ измѣнилъ свою форму и потребленная часть веретень совершенно исчезла, не должно насъ сбивать съ толку. По общему закону цѣнности, 10 ф. пряжи, напр., эквивалентны 10 ф. хлопка и $\frac{1}{4}$ веретена, если цѣнность 40 ф. пряжи = цѣнности 40 ф. хлопка + цѣнность цѣлаго веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для производства обѣихъ частей этого уравненія. Въ этомъ случаѣ одно и то же рабочее время представлено разъ въ потребительной цѣнности пряжи и другой разъ въ потребительныхъ цѣнностяхъ хлопка и веретена. Для цѣнности, такимъ образомъ, совершенно безразлично, проявляется ли она въ пряжѣ, веретенѣ или хлопкѣ. То обстоятельство, что веретено и хлопокъ, вмѣсто того, чтобы спокойно лежать рядомъ, соединяются въ процессѣ пряденья, измѣняющемъ ихъ потребительныя формы и превращающемъ ихъ въ пряжу, влѣяетъ на ихъ цѣнность, не болѣе чѣмъ на нее могла бы повліять простая замѣна ихъ эквивалентнымъ количествомъ пряжи.

Рабочее время, требующееся для производства хлопка содержится въ пряжѣ, такъ какъ оно составляетъ часть рабочаго времени, требующагося для производства пряжи, сырой матеріалъ которой хлопокъ образуетъ. То же самое относится и къ рабочему времени, необходимому для производства веретень, безъ изнашиванія или потребленія которыхъ хлопокъ не можетъ быть превращенъ въ пряжу ¹¹⁾.

Итакъ, поскольку рѣчь идетъ о цѣнности пряжи, т. е. о рабочемъ времени, необходимомъ для ея производства, мы должны разсматривать различные отдѣльные, раздѣленные во времени и пространствѣ, процессы труда, которые должны быть продѣланы сначала для производства хлопка и веретень и затѣмъ для превращенія хлопка и веретень въ пряжу, какъ различные и послѣдовательныя фазы одного и того же процесса труда. Весь трудъ, содержащійся въ пряжѣ, есть прошедшій трудъ. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства составныхъ элементовъ пряжи, уже прошло и является, такъ сказать, временемъ давнопрошедшимъ (*Plusquamperfectum*), рабочее же время, непосредственно потраченное на заключительный процессъ пряденья, напротивъ того, ближе къ настоящему, является временемъ просто прошедшимъ (*Perfectum*), не имѣетъ никакого значенія. Если требуется опредѣленное количество труда, напр., 30 рабочихъ дней, для постройки дома, то общее количество овеществленнаго въ домѣ рабочаго времени нисколько не измѣняется отъ того, что тридцатый день вступилъ въ производство черезъ 29 дней послѣ перваго. И, такимъ образомъ, мы можемъ разсматривать рабочее время, заключающееся въ матеріалѣ

¹¹⁾ «На цѣнность влѣяетъ не только трудъ, приложенный непосредственно къ товарамъ, но также и трудъ, содержащійся въ вспомогательныхъ веществахъ, орудіяхъ и строеніяхъ, при участіи которыхъ совершается этотъ трудъ». (Ricardo I. c. p. 16).

и орудиях труда, как затраченное лишь в предыдущей стадіи процесса прядения, ранее того послѣдняго труда, который былъ приложенъ въ формѣ прядения.

Цѣнности средствъ производства, хлопка и веретень, выраженный въ пяти 12 шил., образуютъ, такимъ образомъ, составныя части цѣнности пряжи, или цѣнности продукта.

Но два условія должны быть при этомъ выполнены. Во-первыхъ, хлопокъ и веретена должны на самомъ дѣлѣ идти на производство потребительной цѣнности, въ нашемъ примѣрѣ—пряжи. Для цѣнности безразлично, какая потребительная цѣнность является ея носительницей, но какая-нибудь потребительная цѣнность должна быть таковой. Во-вторыхъ, предполагается, что отрицено было только необходимое при данныхъ общественныхъ условіяхъ производства рабочее время. Если бы только 1 ф. хлопка нуженъ былъ для приготовления 1 ф. пряжи, то только 1 ф. хлопка долженъ былъ бы быть потребленъ въ процессѣ образованія 1 ф. пряжи. То же самое относится и къ веретенамъ. Если бы нашему капиталисту пришла фантазія употреблять золотыя веретена вмѣсто желѣзныхъ, то все такъ въ цѣнность пряжи входилъ бы только общественно-необходимый трудъ, т. е. рабочее время, необходимое для производства желѣзныхъ веретень.

Мы знаемъ теперь, какую часть цѣнности пряжи составляютъ средства производства, хлопокъ и веретена. Она равняется 12 шил., или вѣщному выраженію 2 рабочихъ дней. Остается, слѣдовательно, узнать ту часть цѣнности, которую самый трудъ пряильщика прибавляетъ къ хлопку.

Мы должны разсматривать теперь этотъ трудъ съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ во время процесса труда. Тамъ мы разсматривали цѣлесообразную дѣятельность, состоящую въ превращеніи хлопка въ пряжу. Чѣмъ цѣлесообразнѣе трудъ, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, лучше пряжа. Трудъ пряильщика былъ специфически отличенъ отъ всякаго другого производительнаго труда, и это различіе проявлялось субъективно и объективно въ особенной цѣлѣ прядения, въ его особенномъ способѣ труда, въ особенной природѣ его средствъ производства, въ особенной потребительной цѣнности его продукта. Хлопокъ и веретена служатъ для труда, состоящаго въ пряденіи, средствами существованія, но изъ нихъ нельзя сдѣлать нарѣзныхъ пушекъ. Наоборотъ, поскольку трудъ пряильщика образуетъ цѣнность, т. е. является источникомъ цѣнности, онъ нисколько не отличается отъ труда сверляльщика, или, возьмемъ болѣе близкій примѣръ, отъ труда земледѣльца, воздѣлывающаго хлопчатникъ, и производителя веретень.—двухъ производителей, трудъ которыхъ реализованъ въ средствахъ производства пряжи. Только вслѣдствіе этого тождества воздѣлываніе хлопчатой бумаги, изготовленіе веретень и пряденіе и могутъ составить количественно различныя части одной и той же совокупной цѣнности—цѣнности пряжи. Здѣсь дѣло идетъ не о качествѣ, не о свойствахъ труда, а только о его количествѣ, которое очень легко учесть. Допустимъ, что пряденіе есть простой средній общественный трудъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что противоположное предположеніе нисколько не измѣняетъ дѣла.

Во время процесса труда, трудъ переходитъ постоянно изъ формы дѣятель-

ности въ форму бытія, изъ формы движенія въ вещьную форму (Gegenständlichkeit). По прошествіи одного часа то движеніе, изъ котораго состоитъ операція пряденья, выразилось въ извѣстномъ количествѣ пряжи, т. е. извѣстное количество труда, одинъ рабочій часъ овеществился въ хлопокъ. Мы говоримъ: рабочій часъ, т. е. имѣемъ въ виду трату жизненной силы прядильщика въ продолженіе одного часа, такъ какъ трудъ пряденья имѣетъ здѣсь значеніе лишь постольку, поскольку онъ представляетъ трату рабочей силы, а не потому, что онъ является специфическимъ трудомъ—пряденьемъ.

Рѣшающее значеніе имѣетъ, чтобы во все время процесса, т. е. превращенія хлопка въ пряжу, было потреблено только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальныхъ, т. е. среднихъ общественныхъ условіяхъ производства a фунтовъ хлопка превращаются въ продолженіе одного рабочаго часа въ b фунтовъ пряжи, то за двѣнадцатичасовой рабочій день считается только такой рабочій день, который превращаетъ $12 \times a$ фунтовъ хлопка въ $12 \times b$ фунтовъ пряжи. Ибо только общественно-необходимое рабочее время идетъ въ счетъ при образованіи цѣнности.

Здѣсь в сырой матеріалъ, и продуктъ, такъ же какъ и самый трудъ являются собою въ вномъ свѣтѣ, чѣмъ съ точки зрѣнія процесса труда въ собственномъ смыслѣ. Сырой матеріалъ имѣетъ здѣсь значеніе только въ силу того, что онъ впитываетъ въ себя опредѣленное количество труда. Этими впитываемымъ сырье, дѣйствительно, превратилось въ пряжу, потому что рабочая сила, приложенная къ нему, была потрачена въ формѣ пряденья. Но самый продуктъ, пряжа, теперь сужить только мѣриломъ труда, впитавшаго въ себя хлопокъ. Если въ продолженіе одного часа хлопка выпрядено $1\frac{2}{3}$ ф., или онъ превращенъ въ $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи, то 10 ф. пряжи впитали въ себя 6 рабочихъ часовъ. Опредѣленные, установленныя опытнымъ путемъ, количества продукта, представляютъ теперь, только опредѣленные количества труда, опредѣленные количества застывшаго рабочаго времени. Они только овеществленіе одного часа, двухъ часовъ, одного дня общественнаго труда.

То обстоятельство, что трудъ является именно въ видѣ операцій пряденья, что матеріалъ его есть хлопокъ, а продуктъ — пряжа, здѣсь такъ же безразлично, какъ и то, что предметъ труда самъ уже есть продуктъ, т. е. представляетъ сырье. Если бы рабочій былъ занятъ въ угольной копн, а не на прядильной фабрикѣ, то предметъ труда, уголь, былъ бы данъ природой. Тѣмъ не менѣе, извѣстное количество извлеченнаго изъ копн угля, напр., одинъ центнеръ, представлялъ бы опредѣленное количество впитаннаго углемъ труда.

При продажѣ рабочей силы предполагалось, что ея дневная цѣнность = 3 шилл., что въ этихъ 3 шилл. содержится 6 рабочихъ часовъ, и что, такимъ образомъ, это количество труда необходимо для производства средняго дневнаго количества средствъ существованія рабочаго. Если нашъ прядильщикъ превращаетъ въ продолженіе одного рабочаго часа $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка въ $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи¹²⁾, то въ 6 часовъ онъ превратитъ 10 ф. хлопка въ 10 ф. пряжи. (Тало быть, во время процесса пряденья хлопокъ впитываетъ 6 рабочихъ часовъ.

¹²⁾ Цифры взяты здѣсь совершенно произвольно.

То же самое рабочее время выражается въ количествѣ зозота = 3 шилл. Къ хлопку, такимъ образомъ, приденіемъ прибавлена цѣнность въ 3 шилл.

Разсмотримъ теперь совокупную цѣнность продукта, т. е. 10 ф. пряжи. Въ нихъ ошестствлены $2\frac{1}{2}$ рабочихъ дня: 2 рабочихъ дня содержится въ хлопкѣ и веретенахъ, и $\frac{1}{2}$ дня труда впитано во время процесса пряденія. Такое же количество труда выражается въ суммѣ зозота = 15 шилл. Полная цѣна 10 ф. пряжи составляетъ, такимъ образомъ, 15 шилл., цѣна же одного фунта пряжи — 1 шилл. 6 пенсовъ.

Нашъ капиталистъ смущенъ. Цѣнность продукта равна цѣнности авансированнаго капитала. Авансированная цѣнность не поумножилась, не произвела прибавочной цѣнности, и деньги, стало быть, не превратились въ капиталъ. Цѣна 10 ф. пряжи равна 15 шилл., и 15 шилл. были издержаны на товарномъ рынкѣ на образовательные элементы продукта или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопокъ, 2 шилл. на использованную массу веретенъ и 3 шилл. на рабочую силу. То обстоятельство, что цѣнность хлопка въ пряжѣ увеличилась, ничего не измѣняетъ, такъ какъ ея цѣнность представляетъ только сумму цѣнностей, распредѣлявшихся прежде между хлопкомъ, веретенами и рабочей силой, а изъ такого простаго сложения существующихъ цѣнностей не можетъ никогда произойти прибавочной цѣнности¹³⁾. Эти цѣнности теперь всѣ сконцентрированы въ одномъ предметѣ, но онѣ были точно такъ же сконцентрированы въ денежной суммѣ 15 шилл., прежде чѣмъ она распалась вслѣдствіе 3 покупокъ.

Самъ по себѣ результатъ этотъ не удивителенъ. Цѣнность одного фунта пряжи равна 1 шилл. 6 пенс., и за 10 ф. пряжи нашъ капиталистъ долженъ былъ бы на товарномъ рынкѣ заплатить 15 шилл. Купить ли онъ свой домъ готовымъ на рынкѣ, или будетъ его строить самъ, ни одна изъ этихъ операций не увеличитъ денегъ, потраченныхъ на приобретеніе дома.

Капиталистъ, который кое что смыслилъ въ вульгарной политической экономіи, скажетъ, пожалуй, что онъ затратилъ свои деньги съ намѣреніемъ получить къ нимъ въ некоторую прибавку. Но дорога въ адъ вымощена добрыми намѣреніями; у него могло бы точно также быть намѣреніе приобрести деньги, ничего не производя¹⁴⁾. Онъ начинаетъ грозить, что больше его уже не проведутъ. Впрямь онъ будетъ покупать товары готовыми на рынкѣ вмѣсто того,

¹³⁾ Это основное положеніе, на которомъ покоится ученіе физиократовъ о непроизводительности всякаго невземдѣльческаго труда, и оно неотраимо для экономиста — по спеціальности. «Этотъ способъ приписывать одной вещи цѣнность многихъ другихъ (напр., полотну потребленіе ткача), накладывать, такъ сказать, сложныя нѣсколько цѣнностей на одну ведетъ къ тому, что эта послѣдняя все надувается... Понятіе сложения очень хорошо (блуждаетъ) способъ образованія цѣны произведеній труда: эта цѣна есть сумма нѣсколькихъ цѣнностей потребленныхъ и сложенныхъ вмѣстѣ; но складывать не значить умножать». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 599).

¹⁴⁾ Такъ, напр., въ 1844—1847 г. онъ изыскалъ часть своего капитала на заводствѣ, чтобы просадить ихъ, спекулируя на желѣзнодорожныхъ акціяхъ. Такъ во время американской гражданской войны онъ закрывалъ фабрики и выбрасывалъ фабричнаго рабочаго на мостовую, чтобы играть на ливерпульской хлопчатобумажной биржѣ.

чтобы производить ихъ самому. Но если вся его братія—капиталисты—поступить такъ же, то откуда возьмется онъ товары на рынокъ? А денегъ онъ не можетъ быть. И вотъ онъ начинаетъ читать поученія. Надо де принять во вниманіе его воздержаніе. Вѣдь онъ могъ бы промотать свои 15 шилл. Вмѣсто этого онъ потребилъ ихъ производительнo и сдѣлалъ изъ нихъ пряжу. Но вѣдь за то,—говорятъ ему,—у него есть теперь пряжа вмѣсто угрызений совѣсти. Избави его Богъ сбѣгнѣть на роль собирателя сокровищъ, показавшаго уже намъ, къ чему приводитъ аскетизмъ. Притомъ, какъ говорить пословица, тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, и императоръ теряетъ свои права. Какова бы ни была заслуга его воздержанія, нѣтъ ничего, чѣмъ бы можно было особо ее оплатить, такъ какъ цѣнность продукта, выходящаго изъ процесса производства, только равна суммѣ вошедшихъ въ него товарныхъ цѣнностей. Пусть онъ успокоится на томъ, что добродѣтель вознаграждается добродѣтелью же. Но вмѣсто того, чтобы успокоиться на этомъ, капиталистъ становится навязчивымъ. Пряжа ему не пужна,—говоритъ онъ,—произвелъ онъ ее для продажи. Ему отвѣчаютъ на это: пусть онъ продастъ пряжу, или, что еще проще, пусть онъ впредь производитъ только предметы, необходимые для его собственного потребленія; кстати его домашній врачъ, Магъ Куллохъ, уже прописалъ ему этотъ рецептъ, какъ испытанное средство противъ эпидеміи передпроизводства. Но нашъ капиталистъ становится на дыбы. Развѣ рабочій могъ бы своими руками работать въ пустомъ пространствѣ, создавать продукты труда, товары, изъ ничего? Развѣ онъ, капиталистъ, не далъ рабочему матеріала, посредствомъ котораго и въ которомъ послѣдній только и можетъ воплотить свой трудъ? И такъ какъ большая часть общества состоитъ изъ подобныхъ бѣдняковъ, то развѣ своими средствами производства, своимъ хлопкомъ и своими веретенами онъ не оказалъ неизмѣримои услуги обществу и, въ особенности, рабочему, котораго онъ сверхъ того снабдилъ еще средствами существованія? Неужели онъ не долженъ поставить на счетъ эту услугу? Но—говорятъ ему—развѣ рабочій не оказалъ ему, въ свою очередь, услуги, превративъ веретена и хлопокъ въ пряжу? Кромѣ того, здѣсь дѣло не въ услугахъ¹⁵⁾. Услуга есть не что иное, какъ полезное дѣйствіе потребительной цѣнности, будетъ ли это товаръ или трудъ¹⁶⁾. Дѣло здѣсь въ мѣннов

¹⁵⁾ «Воспѣвай свои хвалы, наряжай и украшай... Но кто беретъ больше или лучше того, что онъ далъ, тотъ ростовщикъ, и онъ оказываетъ своему ближнему не услугу, а вредъ, какъ воръ и грабитель. Не все услуга и благодѣніе ближнему, что называется этимъ именемъ. Предубодѣй и предубодѣйка оказываютъ другъ другу услугу и удовольствіе. Рейтаръ (канцлерійскій солдатъ) оказываетъ поджигателю и убійцѣ рейтарскую услугу, помогая ему грабить по большимъ дорогамъ и нападать на людей и на помѣстья. Паписты оказываютъ нашимъ большую услугу тѣмъ, что они не всѣхъ топятъ, сжигаютъ, убиваютъ, не всѣмъ даютъ сгинѣть въ тюрьмахъ, а оставляютъ изъ которыхъ жить и нагоняютъ ихъ, или отвѣчаютъ у нихъ все имущество. Самъ диаволъ оказываетъ своимъ служителямъ громадную, неизмѣримую услугу... Въ конечномъ счетѣ, міръ переизобилуетъ большими превосходными ежедневными услугами и благодѣяніями». (Martin Luther: «An die Pfarherrn, wider den Wucher zu predigen etc. Wittenberg. 1540»).

¹⁶⁾ Я замѣчаю по этому поводу въ «Zur Kritik der Pol. Oek.» стр. 4 и др.: «Можно себѣ представить, какую «услугу» оказываетъ категория «услугъ» (service) экономистамъ въ родѣ J. B. Say и F. Bastiat».

цѣнности. Онъ заплатилъ рабочему цѣнность въ 3 шил. Рабочій вернулъ ему точный эквивалентъ въ прибавленной къ цѣнности хлѣбка цѣнности въ 3 шил., цѣнность пошла за цѣностью. Нашъ пріятель, только что такъ кичившійся своимъ капиталомъ, вдругъ принимаетъ непріязнательный видъ своего собственнаго рабочаго. Развѣ онъ самъ не работаетъ? Развѣ онъ не исполняетъ труда, состоящаго въ наблюденіи и высшемъ надзорѣ за прихильникомъ? Развѣ этотъ трудъ его не образуетъ также цѣнности? Его собственный надсмотрщикъ (*overlooker*) и его собственный управляющій (*manager*) пожимаютъ плечами. Но вотъ онъ уже съ веселой улыбкой принялъ опять свою прежнюю физиономію. Онъ дурачилъ насъ всѣмъ своими жалобамъ. Это все пустяки. Всѣ эти и подобные имъ пустыя увертки и безодержательныя реченія онъ предоставляетъ профессорамъ политической экономіи, которые за это собственно и получаютъ жалованье. Онъ же самъ человекъ практическій, который хотя и не всегда обдумываетъ то, что онъ говоритъ тогда, когда не обдумываетъ своихъ дѣлъ, но въ дѣлахъ всегда понимаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Присмотримся поближе къ этому. Дневная цѣнность рабочей силы составляла 3 шил., потому что въ ней самой ошествлена половина рабочаго дня, т. е. потому, что средства существованія, необходимыя ежедневно для производства рабочей силы, стоятъ полъ рабочаго дня. Но прошедшій трудъ, заключающійся въ рабочей силѣ и живой трудъ, который она можетъ выполнить, ея ежедневныя средства существованія и ея ежедневная трата—двѣ совершенно различныя величины. Первая опредѣляетъ ея мѣговую цѣнность, вторая составляетъ ея потребительную цѣнность. То обстоятельство, что для поддержанія жизни рабочаго въ продолженіе 24 часовъ нужно только полъ рабочаго дня, нисколько не мѣшаетъ ему работать цѣлый день. Цѣнность рабочей силы и ея эксплуатация въ процессъ труда, слѣдовательно, двѣ различныя величины. Это различіе въ цѣнности капиталистъ и имѣлъ въ виду, когда покупалъ рабочую силу. Ея полезное свойство, ея способность производить пряжу или сапоги было только *conditio sine qua non*: трудъ долженъ быть поддержанъ въ полезной формѣ для того, чтобы образовать цѣнность. Решающее значеніе имѣла здѣсь специфическая потребительная цѣнность этого товара, т. е. его способность быть источникомъ цѣнности, и притомъ—большаго количества цѣнности чѣмъ та цѣнность, которую онъ самъ имѣетъ. Въ этомъ и заключается специфическая услуга, которой капиталистъ ждетъ отъ рабочей силы. И при этомъ онъ поступаетъ сообразно съ вѣчными законами товарнаго обмена. Въ самомъ дѣлѣ, продавецъ рабочей силы, какъ и продавецъ всякаго другого товара, реализуетъ ея мѣговую цѣнность, отчуждая ея потребительную цѣнность. Онъ не можетъ получить одной, не отдавая другой. Потребительная цѣнность рабочей силы, самый трудъ такъ же мало принадлежитъ продавцу ея, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла—торговцу масломъ. Владелецъ денегъ уплатилъ дневную цѣнность рабочей силы; ему принадлежитъ, поэтому, потребленіе ея въ продолженіе одного дня, т. е. дневной трудъ. То обстоятельство, что дневное содержаніе рабочей силы стоитъ только полъ рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, т. е. работать цѣлый день, что, поэтому,

цѣнность, которую создаетъ ея потребленіе въ продолженіе одного дня, вдвое больше ея собственной цѣнности, составляетъ особую удачу покупателя, но ни въ какомъ случаѣ не составляетъ несправедливости по отношенію къ продавцу.

Нашъ капиталистъ предвидѣлъ этотъ казусъ, который возбуждаетъ въ немъ веселое настроеніе. Рабочій находитъ въ мастерской всѣ средства производства, необходимыя не только для шестичасоваго, но для двѣнадцатичасоваго процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали въ себя 6 рабочихъ часовъ и превращались въ 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка поглотятъ 12 рабочихъ часовъ и превратятся въ 20 ф. пряжи. Разсмотримъ теперь продуктъ удлиненнаго процесса труда. Въ 20 ф. пряжи ошестствено теперь 5 рабочихъ дней: 4 изъ потребленномъ хлопкѣ и веретевыхъ и 1, впитанный хлопкомъ во время процесса пряденья. Но денежное выраженіе 5 рабочихъ дней составляетъ 30 шилл. или 1 ф. ст. 10 шилл. Такова, слѣдовательно, цѣна 20 ф. пряжи. Футъ пряжи стоитъ теперь, какъ и раньше, 1 шил. 6 пенс. Но сумма цѣнностей товаровъ, пущенныхъ въ процессъ, составляла 27 шилл., а цѣнность пряжи составляетъ 30 шилл. Цѣнность продукта возрасла на $\frac{1}{3}$ сверхъ авансированной на ея производство цѣнности. Такимъ образомъ, 27 шилл. превратились въ 30 шилл. Они породили прибавочную цѣнность въ 3 шилл. Фокусъ наконецъ удался. Деньги превращены въ капиталъ.

Всѣ условія задачи рѣшены, и законы товарнаго обмѣна нисколько не нарушены. Эквивалентъ обмѣненъ на эквивалентъ. Капиталистъ, какъ покупатель, платитъ за каждый товаръ, т.-е. хлопокъ, веретена, рабочую силу, по ихъ цѣнности. Затѣмъ, онъ поступаетъ, какъ и всякій другой покупатель товаровъ, — онъ потребляетъ ихъ потребительную цѣнность. Процессъ потребленія рабочей силы, который есть въ то же время и процессъ производства товара, далъ продуктъ—20 ф. пряжи, цѣнностью въ 30 шилл. Капиталистъ снова отправляется на рынокъ, гдѣ онъ самъ ранее купилъ товаръ, чтобы теперь продать товаръ. Онъ продаетъ футъ пряжи по 1 шилл. 6 пенс., ни на одну полушку ниже и не выше ея цѣнности. И тѣмъ не менѣе, онъ извлекаетъ изъ обращенія на 3 шилл. больше того, что онъ первоначально пустилъ въ него. Весь этотъ процессъ, превращеніе денегъ въ капиталъ происходитъ и въ сферѣ обращенія и внѣ ея. Онъ происходитъ чрезъ посредство обращенія, такъ какъ обуславливается покупкой рабочей силы на товарномъ рынкѣ. Онъ происходитъ внѣ обращенія, такъ какъ послѣднее только подготавливаетъ процессъ возрастанія капитала, который происходитъ въ сферѣ производства. Такимъ образомъ, *«tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles»* *).

Превращая деньги въ товары, служащіе матеріальными образовательными элементами новаго продукта или факторами процесса труда, присоединяя къ ихъ мертвой вещной природѣ живую рабочую силу, капиталистъ превращаетъ цѣнность, т. е. прошедшій овеществленный мертвый трудъ, въ капиталъ, въ самовозрастающую цѣнность, въ одушевленное чудовище, которое начинаетъ «работать», точно подъ вліяніемъ движущей его любовной страсти.

*) Все къ лучшему въ семь лучшихъ изъ міровъ.

Если мы сравнимъ теперь процессъ образованія цѣнности и процессъ возрастанія капитала, то мы увидимъ, что послѣдній есть не что иное, какъ процессъ образованія цѣнности, продолженный далѣе извѣстнаго пункта. Если послѣдній продолжается только до того пункта, гдѣ оплаченная капиталистомъ цѣнность рабочей силы замѣняется новымъ эквивалентомъ, то это будетъ простой процессъ образованія цѣнности; если же онъ переходитъ за этотъ предѣлъ, то онъ становится процессомъ возрастанія капитала.

Если, далѣе, мы сравнимъ процессъ образованія цѣнности съ процессомъ труда, то увидимъ, что послѣдній состоитъ въ полезномъ трудѣ, производящемъ потребительныя цѣнности. Здѣсь процессъ этотъ разсматривается съ качественной стороны, со стороны его особаго способа, его цѣли и содержанія. Въ процессъ образованія цѣнности тотъ же самый процессъ труда представляется намъ со своей количественной стороны. Дѣло идетъ только о количествѣ времени, необходимомъ труду для его операнія, или о продолжительности того времени, въ которое рабочая сила тратится полезно. Здѣсь товары, входящіе въ процессъ труда, не выступаютъ болѣе функционально опредѣленными матеріальными факторами целесообразно дѣйствующей рабочей силы. Они идутъ въ счетъ лишь какъ опредѣленные количества овеществленнаго труда. Безразлично, заключается ли трудъ въ средствахъ производства или прибавляется рабочей силой, въ счетъ идетъ только его продолжительность. Онъ составляетъ столько-то дней, часовъ и т. д.

Но трудъ идетъ въ счетъ лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительныхъ цѣнностей, есть общественно необходимое время. Этимъ объемлются различныя условія. Рабочая сила должна функционировать при нормальныхъ условіяхъ. Если господствующимъ орудіемъ труда въ пряденьѣ является прядильная машина, то рабочему не должна быть дана въ руки бабья прялка. Хлопокъ долженъ быть хорошаго качества, а не хламомъ, который рвется каждую минуту. Безъ соблюденія этихъ условій рабочій употребитъ больше времени, чѣмъ общественно необходимо для производства одного фунта пряжи, но это излишнее время не способно образовать цѣнности или денегъ. Нормальный характеръ матеріальныхъ факторовъ труда зависить, однако, не отъ рабочаго, а отъ капиталиста. Дальнѣйшимъ условіемъ является еще нормальный характеръ самой рабочей силы. Въ той спеціальности, въ которой она примѣняется, она должна обладать среднюю степенью искусства, умѣлости и быстроты. Но нашъ капиталистъ купилъ на рабочемъ рынкѣ рабочую силу нормальнаго качества. Эта сила должна тратиться съ соблюденіемъ обычной средней мѣры напряженія труда, т. е. съ общественно-принятой интенсивностью. И капиталистъ такъ же заботливо слѣдитъ за этимъ, какъ и за тѣмъ, чтобы ни одна минута времени не растрачивалась даромъ, безъ труда. Онъ купилъ рабочую силу на опредѣленный срокъ, онъ желаетъ выручить свои издержки. Онъ не желаетъ, чтобы его обкрадывали. Наконецъ,—и для этого тотъ же самый господинъ платитъ свой собственный *code pénal*—сырой матеріалъ и орудія труда не должны быть потребляемы нецѣлесообразно, такъ какъ растроченный матеріалъ или расточенныя орудія труда представляютъ излишнее по-

траченныя количества овеществленнаго труда, а потому не идутъ въ счетъ при образованіи цѣнности продукта ¹⁷⁾).

Мы видимъ, что различіе между трудомъ, поскольку онъ создаетъ потребительную цѣнность, и тѣмъ же самымъ трудомъ, поскольку онъ создаетъ цѣнность, различіе которое мы установили ранѣе путемъ анализа товара, теперь предстаетъ передъ нами какъ различіе между разными сторонами процесса производства.

Какъ единство процесса труда и процесса образованія цѣнности, процессъ производства является процессомъ производства товаровъ; какъ единство процесса труда и процесса возрастанія капитала, онъ является капиталистическимъ процессомъ производства, капиталистической формой товарнаго производства.

Ранѣе было уже замѣчено, что для процесса возрастанія капитала совершенно безразлично, представляетъ ли присвоенный капиталистомъ трудъ простой средній общественный трудъ, или же это будетъ сложный трудъ, трудъ высшаго специфическаго качества. Трудъ, являющійся по сравненію съ среднимъ общественнымъ трудомъ высшимъ, болѣе сложнымъ трудомъ, есть проявленіе такой рабочей силы, на образованіе которой затрачено больше средствъ, производствъ которой стоитъ большаго количества труда, и которая, поэтому, имѣетъ высшую цѣнность, чѣмъ простая рабочая сила. Если цѣнность такой

¹⁷⁾ Это одно изъ обстоятельствъ, удорожающихъ производство, основанное на рабствѣ. Рабочій по мѣткому выраженію древнихъ, только какъ *instrumentum vocale* отличается здѣсь отъ животнаго, — *instrumentum semivocale* и отъ неодушевленнаго орудія труда, *instrumentum mutuum*. Но самъ рабъ даетъ чувствовать животнымъ и орудіямъ труда, что онъ не подобенъ имъ, что онъ человѣкъ. Въ дурномъ обращеніи съ нимъ и въ порчѣ ихъ *сop amore* онъ выражаетъ сознаніе своего собственного превосходства надъ ними. Поэтому экономическимъ принципомъ этого способа производства является употребленіе самыхъ грубыхъ, самыхъ неуклюжихъ орудій труда, такъ какъ вслѣдствіе своей неуклюжести они менѣе подвержены порчѣ. До начала гражданской войны въ рабовладѣльческихъ штатахъ, расположенныхъ у Мексиканскаго залива, употреблялись плуги старо-китайской конструкціи, вырывающіе землю какъ свиньи или кроты, но не разрывающіе и не переворачивающіе ее. Cp. J. C. Cairnes: «The Slave Power. London. 1862», p. 46 sqq. Въ своемъ «Sea Bord Slave States» Olmsted, между прочимъ, рассказываетъ: «Мнѣ показывали здѣсь орудія, которыхъ у насъ ни одинъ здравомыслящій чезовѣкъ не далъ бы наемному рабочему, такъ какъ ихъ тяжесть и неуклюжесть, я думаю, по крайней мѣрѣ, на десять процентовъ увеличиваютъ трудъ по сравненію съ тѣми орудіями, которыя обыкновенно употребляются у насъ. Но я увѣренъ, что, при грубомъ и небрежномъ обращеніи рабовъ съ орудіями, было бы не экономно употреблять орудія, болѣе легкія и менѣе грубыя; тѣ орудія, которыя мы съ выгодою для себя постоянно даемъ нашимъ рабочимъ, не просуществовали бы и дня на хлѣбныхъ поляхъ Виргиніи, хотя почва тамъ легче и не столь камениста, какъ у насъ. Такъ, на мой вопросъ, почему лошади вездѣ замѣнены мулами, мнѣ указали первую и, конечно, самую основательную причину, а именно, что лошади не могли бы сносить того обращенія, которому онѣ подвергаются со сторовы негровъ. Лошади надрываются или заунычиваются, тогда какъ мулы переносятъ градъ ударовъ, обходятся безъ пищ и не терпятъ отъ этого матеріальнаго ущерба. Они не простуживаются и не заболѣваютъ, когда къ нимъ относятся съ пренебреженіемъ и обременяютъ чрезмерной работой. Мнѣ незахѣло идти дальше той комнаты, гдѣ я пишу: изъ окна я вижу каждую минуту такое дурное обращеніе съ животными, за которое всякій фермеръ на сѣверѣ сейчасъ бы прогналъ своего работника».

силы выше, то за то она и проявляется въ высшемъ трудѣ и овеществляется, поэтому, въ равные промежутки времени, въ сравнительно высшихъ цѣнностяхъ. Какова бы, однако, ни была разница между трудомъ прядильщика и трудомъ ювелира, та доля труда, которая влѣтъ на возстановленіе ювелирнымъ рабочимъ цѣнности его собственной рабочей силы, качественно нисколько не отличается отъ той прибавочной доли труда, которой онъ создаетъ прибавочную цѣнность. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, прибавочная цѣнность порождается только количественнымъ излишкомъ труда, удлинениемъ того же самого процесса труда, въ одномъ примѣрѣ—процесса прядильнаго производства, въ другомъ—процесса ювелирнаго производства ¹⁸⁾.

Съ другой стороны, въ каждомъ процессѣ образованія цѣнности высшій трудъ всегда долженъ быть сведенъ къ среднему общественному труду, напр., одинъ день высшаго труда къ x дней простого труда ¹⁹⁾. Такимъ образомъ избѣгаютъ лишней операций и упрощаютъ анализъ предположеніемъ, что занимаемый капиталомъ рабочій исполняетъ простой средній общественный трудъ.

¹⁸⁾ Разница между сложнымъ и простымъ трудомъ («skilled» и «unskilled labour») частью основывается только на различіяхъ или, по крайней мѣрѣ, на различіяхъ, которыя уже давно не представляютъ ничего реального и, превратясь въ условности, держатся еще только по традиціи; частью же она основывается на болѣе безпомощномъ положеніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, вслѣдствіе котораго они менѣе другихъ могутъ заставлять предпринимателей оплачивать ихъ рабочую силу по ея цѣнности. Случайныя обстоятельства при этомъ играютъ такую большую роль, что одного и того же рода трудъ часто мѣняетъ свое мѣсто. Такъ, напр., тамъ, гдѣ физическое здоровье рабочаго класса плохо и относительно истощено, какъ это бываетъ во всѣхъ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ, грубыя работы, требующія большой мускульной силы, въ общемъ вытѣпляютъ болѣе тонкіе виды труда съ ихъ мѣста, и посаджены опускаются до степени простого труда, такъ, напр., трудъ bricklayer'a (кладчика кирпича) въ Англіи занимаетъ высшую ступень, чѣмъ трудъ ткача. Съ другой стороны, трудъ fustian cutter (работника, обрѣзывающаго ткань), хотя и требуетъ большого физическаго напряженія и, кромѣ того, чрезвычайно вреденъ, фигурируетъ какъ «простой» трудъ. Впрочемъ, не надо воображать, что такъ называемый «skilled labour» занимаетъ количественно значительное мѣсто въ національномъ трудѣ. Laing вычисляетъ, что въ Англіи (и Уэльсѣ) существованіе болѣе чѣмъ 11 милліоновъ душъ основывается на простомъ трудѣ. За вычетомъ одного милліона аристократовъ и полутора милліоновъ пауперовъ, бродягъ, преступниковъ, преституттокъ и т. д. изъ 18 милліоновъ населенія въ то время, когда онъ писалъ, остается 4.650.000 людей среднего класса, включая сюда мелкихъ рантье, служащихъ, писателей, художниковъ, школьныхъ учителей и т. д. Чтобы получить эти 4 2/3 милліона, онъ причисляетъ къ работающей части средняго класса, кромѣ банкировъ и т. д. всѣхъ лучше оплачиваемыхъ «фабричныхъ рабочихъ»! Даже bricklayers фигурируютъ у него въ «высшей категоріи» рабочихъ («potenzirte Arbeiter»). Послѣ этого все-таки остаются вышеупомянутые 11 милліоновъ (S. Laing: «National Distress etc. London. 1841»). «Большой классъ, который ничего не можетъ дать взаимно нищѣ кромѣ простого труда, составляетъ массу народа» (James Mill in Art. «Colony». Supplement to the Encyclop. Brit. 1831).

¹⁹⁾ «Когда говорятъ о трудѣ, какъ о мѣрѣ цѣнности, то непременно подразумеваютъ трудъ нѣвѣстнаго рода... отношеніе котораго къ другому роду труду легко можетъ быть определено» («Outlines of Polit. Economy. London. 1832», p. 22, 23).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Постоянный капиталъ и переменный капиталъ.

Различные факторы процесса труда принимаютъ различное участіе въ образованіи цѣнности продукта.

Рабочій придаетъ объекту труда новую цѣнность, прибавляя къ нему новое количество труда, каковы бы ни были содержаніе, цѣль и техническій характеръ этого труда. Съ другой стороны, въ видѣ составныхъ частей цѣнности продукта, мы вновь находимъ цѣнность потребленныхъ средствъ производства, напр., цѣнности хлопка и веретень—въ цѣнности пряжи. Цѣнность средствъ производства такимъ образомъ сохраняется перенесеніемъ ея на продуктъ. Это перенесеніе происходитъ во время превращенія средствъ производства въ продуктъ, въ процессѣ труда. Оно происходитъ посредствомъ труда. Но какимъ образомъ?

Рабочій не работаетъ двойнѣ въ одно и то же время—съ одной стороны, чтобы своимъ трудомъ прибавить къ хлопку цѣнность, а съ другой, чтобы сохранить старую цѣнность ял, что то же самое, чтобы перенести на продуктъ цѣнность обрабатываемаго хлопка и веретень, которыми онъ работаетъ. Онъ сохраняетъ прежнюю цѣнность простымъ прибавленіемъ новой цѣнности. Но такъ какъ прибавленіе новой цѣнности къ предмету труда и сохраненіе старой цѣнности въ продуктѣ представляютъ два совершенно различные результата, получаемые рабочимъ въ одно и то же время, хотя онъ только однажды работаетъ въ это время, то этотъ двойственный результатъ, очевидно, можетъ быть объясненъ только двойственностью труда рабочего. Въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени трудъ, одной своей стороною, долженъ создавать цѣнность, а другой—сохранять и переносить цѣнность.

Какимъ образомъ каждый рабочій прибавляетъ рабочее время, а, слѣдовательно, и цѣнность? Всегда—только въ формѣ своего спеціальнаго производительнаго труда. Прядильщикъ прибавляетъ рабочее время во время пряденья, ткачъ во время тканья, кузнецъ во время кованія. И только въ цѣлесообразной формѣ, въ которой они вообще прибавляютъ трудъ и, поэтому, новую цѣнность, только въ пряденьѣ, тканьѣ, кованіи—средства производства, хлопокъ и веретена, пряжа и ткацкій станокъ, желѣзо и наковальня становятся образовательными элементами продукта, новой потребительной цѣнности²⁰⁾. Старая форма ихъ потребительной цѣнности исчезаетъ, но только для того, чтобы воскреснуть въ новой формѣ потребительной цѣнности. При разсмотрѣніи процесса образованія цѣнности мы уже видѣли, что, поскольку потребительная цѣнность потребляется цѣлесообразно для производства новой потребительной цѣнности, рабочее время, необходимое для возстановленія неиспользованной потребительной цѣнности, составляетъ часть рабочего времени, необходимого для созданія новой потребительной цѣнности, составляетъ, слѣдовательно, рабочее

²⁰⁾ «Трудъ создаетъ новое твореніе на мѣсто исчезающаго». («An Essay on the Polit. Econ. of Nations. London, 1821» p. 13).

время, перенесенное съ потребленныхъ средствъ производства на новый продуктъ. Рабочій сохраняетъ, такимъ образомъ, цѣнность использованныхъ средствъ производства или переноситъ ее въ видѣ составной части цѣнности на продуктъ не прибавленіемъ своего труда вообще, но вслѣдствіе особеннаго полезнаго характера, вслѣдствіе специфически производительной формы этого добавочнаго труда. Въ качествѣ такой цѣлесообразной производительной дѣятельности, пряденья, тканья, ковки, трудъ однимъ своимъ прикосновеніемъ воскрешаетъ средства производства изъ мертвыхъ, дѣлаетъ ихъ живыми факторами процесса труда и, соединяясь съ ними, образуетъ продукты.

Если бы специфическимъ производительнымъ трудомъ рабочаго было не пряденье, то онъ не превращалъ бы хлопка въ пряжу и не переносилъ бы, такимъ образомъ, цѣнности хлопка и веретенъ въ пряжу. Если тотъ же самый рабочій мѣняетъ ремесло и становится столяромъ, то теперь такъ же, какъ и раньше, въ каждый рабочій день онъ прибавитъ цѣнность къ своему матеріалу. Онъ, слѣдовательно, прибавляетъ цѣнность своимъ трудомъ не поскольку этотъ трудъ сводится къ пряденью или столярному труду, а поскольку онъ представляетъ абстрактный общественный трудъ вообще; и опредѣленную величину цѣнности онъ прибавляетъ не въ силу особеннаго полезнаго содержанія его труда, но потому, что онъ продолжается опредѣленное время. Въ своемъ абстрактномъ общемъ качествѣ—затраты человеческой рабочей силы, трудъ прядильщика прибавляетъ къ цѣнности хлопка и веретенъ новую цѣнность; въ своемъ же конкретномъ, особенномъ, полезномъ качествѣ—процесса пряденья, онъ переноситъ цѣнность этихъ средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ, такимъ образомъ, ихъ цѣнность въ продуктѣ. Отсюда—двойственность результата этого труда, совершаемаго въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени.

Простой количественной задачей труда прибавляется новая цѣнность, вслѣдствіе же качества прибавленнаго труда прежняя цѣнность средствъ производства сохраняется въ продуктѣ. Это двухстороннее вліяніе одного и того же труда, вытекающее изъ его двойственного характера, осязательно сказывается въ различныхъ явленіяхъ.

Предположимъ, что, вслѣдствіе какого-нибудь изобрѣтенія, прядильщикъ теперь въ состояніи въ 6 часовъ выпрясть столько хлопка, сколько прежде въ 36 часовъ. Сила его труда, какъ цѣлесообразно-полезной, производительной дѣятельности, увеличилась въ 6 разъ. Продуктъ его въ 6 разъ больше: 36 ф. пряжи вмѣсто 6 ф. пряжи. Но 36 ф. хлопка впитываютъ въ себя теперь лишь столько рабочаго времени, сколько прежде впитывали 6 ф. Къ нимъ прибавляется въ 6 разъ меньше новаго труда, чѣмъ при прежнемъ способѣ, и, поэтому, только—шестая часть прежней цѣнности. Съ другой стороны, въ продуктѣ, въ 36 ф. пряжи находится теперь въ 6 разъ большая цѣнность хлопка. Во время 6 часовъ пряденья сохраняется и переносится на продуктъ въ 6 разъ большая цѣнность сырого матеріала, хотя къ этому самому сырому матеріалу прибавляется теперь въ 6 разъ меньшая новая цѣнность. Изъ этого видно, какъ то свойство, въ силу котораго трудъ, во время одного и того же нераздѣльнаго процесса, сохраняетъ цѣнность, существенно отличается отъ того

свойства, въ силу котораго онъ создаетъ цѣнность. Чѣмъ больше необходимое рабочее время, переходящее во время процесса пряденья на одно и то же количество хлопка, тѣмъ больше та новая цѣнность, которая прибавляется къ хлопку; но чѣмъ большее число фунтовъ пряжи выпрядено въ одно и то же рабочее время, тѣмъ больше та старая цѣнность, которая сохраняется въ продуктѣ.

Предположимъ, наоборотъ, что производительность прядильнаго труда не измѣнилась, что прядильщику нужно теперь, какъ и прежде, то же самое время для превращенія одного фунта хлопка въ пряжу. Но мѣновая цѣнность самого хлопка измѣнилась: цѣна его теперь въ 6 разъ больше или меньше его прежней цѣны. Въ обоихъ случаяхъ прядильщикъ продолжаетъ прибавлять то же количество рабочего времени къ тому же самому количеству хлопка, т. е. ту же самую цѣнность, и въ обоихъ случаяхъ онъ производитъ въ одно и то же время одно и то же количество пряжи. Однако цѣнность, которую онъ переноситъ съ хлопка на пряжу, т. е. на продуктъ, въ одномъ случаѣ въ 6 разъ меньше, а въ другомъ въ 6 разъ больше, чѣмъ прежде. То же самое происходитъ, когда орудія труда дорожаютъ или дешевѣютъ, но по прежнему оказываютъ тѣ же услуги въ процессѣ труда.

Если техническія условія процесса пряденья не измѣняются и точно также не измѣняется цѣнность средствъ производства, то прядильщикъ потребляетъ и теперь въ одинаковое рабочее время одинаковое количество сырого матеріала и машинъ, цѣнность которыхъ не измѣняется. Цѣнность, которую онъ сохраняетъ въ продуктѣ, прямо пропорціональна тогда новой цѣнности, которую онъ прибавляетъ. Въ двѣ недѣли онъ прибавляетъ къ продукту вдвое больше труда, чѣмъ въ одну недѣлю, а, слѣдовательно, и вдвое большую цѣнность; въ то же время онъ потребляетъ вдвое больше матеріала, имѣющаго вдвое большую цѣнность, изнашиваетъ вдвое больше машинъ, цѣнность которыхъ вдвое больше; такимъ образомъ, въ двухнедельномъ продуктѣ онъ сохраняетъ вдвое больше цѣнности, нежели въ недельномъ продуктѣ. При данныхъ неизмѣняющихся условіяхъ производства рабочій сохраняетъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ большую цѣнность онъ прибавляетъ, но онъ сохраняетъ большую цѣнность не потому, что онъ прибавляетъ большую цѣнность, а потому что онъ прибавляетъ ее при неизмѣняющихся и независимыхъ отъ его собственнаго труда условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ можно сказать, что рабочій всегда сохраняетъ прежнюю цѣнность въ той же пропорціи, въ какой онъ прибавляетъ новую цѣнность. Повысится ли цѣнность хлопка съ одного шиллинга до 2, или упадетъ до 6 пенсовъ, рабочій въ продуктѣ одного часа сохраняетъ всегда половину той цѣнности хлопка, — какъ бы послѣдняя ни измѣнилась, — которую онъ сохранитъ въ продуктѣ 2 часовъ. Если даже измѣняется производительность его собственнаго труда, если она увеличивается или уменьшается, то онъ, напр., въ одинъ рабочій часъ выпрядетъ больше или меньше хлопка, чѣмъ прежде и, соотвѣтственно съ этимъ, сохранитъ большую или меньшую цѣнность хлопка въ продуктѣ одного часа. Но при всемъ томъ, въ два рабочихъ часа онъ сохранитъ вдвое больше цѣнности, чѣмъ въ одинъ часъ.

Цѣнность, не говоря о ея чисто символическомъ выраженіи въ знакахъ цѣнности, существуетъ только въ потребительной цѣнности, въ вещи. (Человѣкъ самъ, разсматриваемый какъ простое бытіе рабочей силы, есть естественный предметъ, вещь, правда, живая и сознательная вещь, а самый трудъ есть вещное обнаруженіе этой силы). Поэтому, если гибнетъ потребительная цѣнность, то вмѣстѣ съ ней исчезаетъ и цѣнность. Средства производства не теряютъ одновременно со своей потребительной цѣнностью своей цѣнности, такъ какъ въ процессѣ труда они на самомъ дѣлѣ теряютъ только первоначальную форму своей потребительной цѣнности, чтобы пріобрѣсти въ продуктѣ форму другой потребительной цѣнности. Но, какъ ни важно для цѣнности существовать во образѣ какой-нибудь потребительной цѣнности, для нея, какъ показываетъ метаморфозъ товаровъ, совершенно безразлично, въ какой именно потребительной цѣнности она существуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ процессѣ труда цѣнность средствъ производства переходитъ на продуктъ лишь постольку, поскольку средства производства теряютъ вмѣстѣ со своей самостоятельной потребительной цѣнностью и свою мѣтовую цѣнность. Они отдаютъ продукту только ту цѣнность, которую они теряютъ какъ средства производства. Но въ этомъ отношеніи судьба различныхъ вещныхъ факторовъ процесса труда—различная.

Уголь, служащій для отопленія машины, исчезаетъ безслѣдно, такъ же какъ и масло, которымъ смазываютъ ось колеса и т. д. Краски и другія вспомогательныя вещества исчезаютъ, но проявляются въ свойствахъ продукта. Сырье образуетъ субстанцію продукта, но измѣняетъ свою форму. Сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества теряютъ, такимъ образомъ, ту самостоятельную форму, въ которой они вступили въ процессъ труда, какъ потребительныя цѣнности. Совѣтъ не то происходитъ съ настоящими орудіями труда. Инструментъ, машина, фабричное зданіе, сосудъ и т. д. служатъ въ процессѣ труда только до тѣхъ поръ, пока они сохраняютъ свою первоначальную форму, пока они каждый день въ прежней формѣ вновь вступаютъ въ процессъ труда. Какъ въ продолженіе своей жизни, т. е. во время процесса труда, они сохраняютъ относительно своего продукта самостоятельную форму, точно такъ же они сохраняютъ ее и послѣ своей смерти. Трупы машинъ, инструментовъ, мастерскихъ и т. д., продолжаютъ существовать еще отдѣльно отъ продукта, образованію котораго они содѣйствовали. Если мы ставимъ разсматривать весь періодъ, въ продолженіе котораго служитъ такое средство труда, со дня его вступленія въ мастерскую до того дня, когда его выбросятъ вонъ вмѣстѣ со всякимъ хламомъ, то убѣдимся, что въ теченіе этого періода его потребительная цѣнность окончательно поглощается трудомъ, и мѣтовая его цѣнность окончательно переходитъ на продуктъ. Если прядильная машина, напр., въ 10 лѣтъ отживаетъ свой вѣкъ, то во время десятилѣтняго процесса труда полная ея цѣнность переходитъ на десятилѣтній продуктъ. Періодъ жизни орудія труда охватываетъ, такимъ образомъ, большее или меньшее число постоянно вновь повторяющихся при его помощи процессовъ труда. И съ орудіемъ труда происходитъ то же, что и съ человѣкомъ. Каждый человѣкъ ежесуточно сокращаетъ свою жизнь на 24 часа. Но по вѣнжности ни одного человѣка нельзя точно опредѣлять, сколько дней его

жизни уже отошли къ мертвымъ. Это однако не мѣшаетъ страховымъ обществамъ дѣлать изъ средней жизни человѣка очень вѣрныя и, что гораздо существеннѣе, очень выгодныя заключенія. То же можно сказать и объ орудіяхъ труда. Изъ опыта извѣстно, какъ долго, въ среднемъ, можетъ прослужить орудіе труда, напр., извѣстнаго рода машина. Предположимъ, что ея потребительная цѣнность въ процессѣ труда существуетъ только 6 дней. Въ такомъ случаѣ она въ среднемъ теряетъ въ каждый рабочий день $\frac{1}{6}$ своей потребительной цѣнности и отдаетъ, повтому, $\frac{1}{6}$ своей цѣнности дневному продукту. Такимъ способомъ вычисляется изнашиваніе всѣхъ орудій труда, т. е. ежедневная трата ихъ потребительной цѣнности и соотвѣтствующій этой тратѣ переходъ ихъ цѣнности на продуктъ.

Итакъ, съ полною ясностью видно, что средство производства никогда не отдаетъ продукту больше цѣнности, чѣмъ оно ея теряетъ въ процессѣ труда отъ уничтоженія своей собственной потребительной цѣнности. Если бы ему нечего было терять въ цѣнности, т. е. если бы оно само не было продуктомъ челоѣческаго труда, то оно не могло бы передавать никакой цѣнности продукту. Оно бы служило для образованія потребительной цѣнности, не образуя мѣншой цѣнности. Такъ обстоитъ дѣло со всѣми средствами производства, которые даются природою безъ всякаго приложенія челоѣческаго труда: съ землей, водою, вѣтромъ, залежами желѣза, деревомъ въ первобытномъ лѣсу и т. д.

Здѣсь передъ нами выступаетъ другое интересное явленіе. Пусть цѣнность машины составляетъ, напр. 1000 ф. ст., и предположимъ, что она изнашивается въ 1000 дней. Въ этомъ случаѣ ежедневно $\frac{1}{1000}$ цѣнности машины переходитъ съ нея самой на ея дневной продуктъ. Въсѣтъ съ тѣмъ машина постоянно, хотя и съ убывающей жизненной силой, цѣлкомъ функционируетъ въ процессѣ труда. Мы видимъ, такимъ образомъ, что одинъ факторъ процесса труда, одно средство производства, входитъ цѣлкомъ въ процессъ труда, но только частью въ процессъ возрастанія цѣнности. Разница между процессомъ труда и процессомъ возрастанія цѣнности отражается здѣсь на ихъ матеріальныхъ факторахъ, въ силу чего одно и то же орудіе производства въ данномъ процессѣ производства какъ элементъ процесса труда влѣтъ въ счетъ—цѣлкомъ, а какъ элементъ образованія цѣнности—только частью²¹⁾.

²¹⁾ Мы говоримъ здѣсь не объ исправленіи орудій труда, машинъ, построекъ и т. д. Машина, которую починаютъ, функционируетъ не какъ орудіе труда, но какъ предметъ труда. Ею не работаютъ, но надъ ней работаютъ, чтобы починать ея потребительную цѣнность. Такія работы—починка—мы всегда можемъ для нашей цѣли считать включенными въ трудъ, необходимый для производства орудія труда. Въ текстѣ говорится о такомъ изнашиваніи, котораго никакой врачъ не можетъ назвѣчить и которое постепенно влечетъ за собой смерть, о «такого рода изнашиваніи, которое не можетъ быть по временамъ исправляемо и которое, если оно касается, напр., ножа, приводитъ послѣдній въ такое состояніе, что ножевщикъ говоритъ о немъ: онъ не стоитъ новаго клинка». Мы уже видѣли въ текстѣ, что машина, напр., входитъ цѣлкомъ въ каждый отдѣльный процессъ труда и только частью въ одновременно совершающійся процессъ возрастанія цѣнности. Повтому мы можемъ оцѣнить по достоинству нижеслѣдующее смѣшеніе понятій: «Рикардо гово-

Съ другой стороны, средство производства можетъ, наоборотъ, входить цѣлкомъ въ процессъ возрастанія цѣнности, хотя оно входить только частью въ процессъ труда. Предположимъ, что при пряденіи хлопка ежедневно изъ 115 ф. отпадаетъ 15 ф., которые не образуютъ пряжи, но составляютъ отбросъ (devils dust—чертову пыль). Однако, если этотъ отбросъ въ 15% нормаленъ, неразрывно связанный со средней выдѣлкой хлопка, то эти 15 ф. хлопка, не составляющіе элемента пряжи, входятъ такъ же въ цѣнность пряжи, какъ и цѣнность 100 ф., составляющихъ ее субстанцію. Потребительная цѣнность 15 ф. должна превратиться въ пыль, чтобы создать 100 ф. пряжи. Гибель указаннаго количества хлопка есть, такимъ образомъ, условіе производства пряжи, и потому именно и это количество такъ же передаетъ свою цѣнность пряжѣ. Это относится ко всѣмъ отбросамъ процесса труда, по крайней мѣрѣ, поскольку они, въ свою очередь, не образуютъ новыхъ средствъ производства и не составляютъ, поэтому, новыхъ потребительныхъ цѣнностей. Такъ, мы видимъ на Солихскихъ машинныхъ заводахъ Манчестера горы желѣзныхъ опилокъ, сѣзанныхъ въ видѣ стружекъ дякопическими машинами; вечеромъ эти обрѣзки переправляются на большихъ телегахъ на желѣзнодорожный заводъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро вновь вернуться на машинный заводъ въ видѣ массивнаго желѣза.

Средства производства переносятъ цѣнность на новую форму продукта лишь постольку, поскольку они во время процесса труда, въ своей прежней формѣ потребительной цѣнности теряютъ цѣнность. Максимумъ цѣнности, которую они могутъ потерять въ процессѣ труда, очевидно, ограниченъ первоначальной величиной цѣнности, съ которой они вступаютъ въ процессъ труда, или рабочимъ временемъ, необходимымъ для ихъ собственнаго производства. Поэтому, средства производства никогда не могутъ прибавить къ продукту цѣнность, большую той, которою они обладаютъ независимо отъ даннаго, совершающагося при ихъ участіи, процесса труда. Какъ бы велика ни была польза сырого матеріала, машины, средства производства, но если оно стоитъ 150 ф. ст., т. е. 500 рабочихъ дней, то оно никогда не прибавляетъ къ продукту, для образованія котораго оно служитъ, болѣе 150 ф. ст. Цѣнность его опредѣляется не процессомъ труда, въ который оно входитъ въ качествѣ средства производства, а процессомъ труда, изъ котораго оно выходитъ въ видѣ продукта. Въ процессѣ труда оно служитъ только какъ потребительная цѣнность, какъ вещь съ полезными свой-

рять о части труда машиностроительнаго рабочаго въ производствѣ чудочной машины», какъ содержащейся, напр., въ цѣнности пары чудокъ. «Между тѣмъ весь трудъ, который производитъ каждую отдѣльную пару чудокъ содержитъ весь трудъ машиностроителя, а не часть его; ибо одна машина дѣлаетъ много паръ, но ни одна пара не можетъ быть сдѣлана безъ помощи всѣхъ частей машины». («Observations on certain verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to Value, and to Demand and Supply. London. 1821», p. 54). Авторъ, необыкновенно самодовольный мудрецъ (wiseacre), въ своемъ смѣшеніи понятій и тѣмъ самымъ въ своей поземикѣ правъ лишь въ томъ смыслѣ, что ни Рикардо ни какой-нибудь другой эконоmistъ до или послѣ него ясно не разграничивали обѣ стороны труда и по-давпо не анализировали ихъ различную роль въ образованіи цѣнности.

ствами. Поэтому, если бы оно не обладало цѣнностью до своего вступленія въ процессъ труда, оно не отдавало бы въ немъ продукту никакой цѣнности ²¹⁾.

Въ то время, какъ производительный трудъ превращаетъ средства производства въ образовательные элементы новаго продукта, ихъ цѣнность переживаетъ нѣчто вродѣ переселенія душъ: она переходитъ изъ потребленнаго тѣла во вновь образовавшееся тѣло. Но это переселеніе душъ происходитъ какъ бы за спиной дѣйствительнаго труда. Рабочій не можетъ прибавлять новаго труда, а, слѣдовательно, создавать новую цѣнность, не сохраняя старыхъ цѣнностей: онъ всегда долженъ прибавлять трудъ въ опредѣленной полезной формѣ, и не можетъ прибавлять его въ полезной формѣ, не обращая продуктовъ въ средства производства новаго продукта и не перенося, такимъ образомъ, ихъ цѣнности на новый продуктъ. Сохранять цѣнность и тѣмъ самымъ прибавлять ее есть, такимъ образомъ, естественное свойство дѣйствующей рабочей силы, жпвого труда, даръ природы, ничего не стоящій рабочему, но приносящій очень много капиталисту, а именно сохраняющій для него наличную капитальную цѣнность ^{22*)}. Пока дѣла плутъ бойко, капиталистъ слишкомъ погруженъ въ

²¹⁾ Можно, поэтому, судить о педѣлой безвкусицѣ прѣсваго J. B. Say, выходящаго прибавочную цѣнность (процентъ, прибыль, ренту) изъ «*services productifs*» (производительныхъ услугъ), которыя средства производства: земля, орудія, кожа и т. д. оказываютъ въ процессѣ труда своею потребительною цѣнностью. Господинъ Wilhelm Roscher, который не упускаетъ случая старательно варегистировать разнаго рода апологетическія мысли, восклицаетъ: «J. B. Say совершенно вѣрно замѣчаетъ, *Traité, t. I, ch 4*: «Цѣнность, произведенная маслособойней, составляетъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, нѣчто новое, существенно отличное отъ труда, которымъ произведена была сама маслособойня». (I. с. р. 82. Note). Совершенно вѣрно! «Масло», произведенное на маслособойнѣ есть нѣчто совершенно отличное отъ труда, потраченнаго на постройку маслособойни. Подъ «цѣнностью» господинъ Roscher подразумѣваетъ такую штуку, какъ «масло», такъ какъ «масло» имѣетъ цѣнность; но такъ какъ въ природѣ находится горное масло, хотя его сравнительно и «не очень много», то онъ по этому поводу дѣлаетъ другое замѣчаніе: «Мѣновыя цѣнностей она (природа!) почти совсѣмъ не производитъ». У природы Рошера съ мѣновою цѣнностью происходитъ то же самое, что случилось у глупой дѣвушки съ ея ребенкомъ, который былъ «совсѣмъ маленькій». Тотъ же самый «ученый» («*savant sérieux*») замѣчаетъ еще при той же okazji: «Школа Рикардо стремится подвести и капиталъ подъ понятіе труда, разсматривая его какъ «сбереженный трудъ». Но это неудачная (!) идея, такъ какъ (!) владѣльцемъ капитала (!) все же (!) сдѣлано больше (!), чѣмъ простое (!) производство (?) и (??) сохраненіе его (кого?), а именно (?!?), воздержаніе отъ собственнаго наслажденія, за что онъ, напр. (!!!), требуетъ проценты» (I. с.). Какъ «удачно» выступилъ этотъ «анатомо-физиологическій методъ» политической экономіи, развивающій «цѣнность» назъ простого «требованія».

^{22*)} «Изъ всѣхъ средствъ земледѣльческаго производства человѣскій трудъ... есть то средство, отъ котораго больше всего должно ожидать возвращенія затраченнаго капитала (the re-payment of his capital). Другія два—съ одной стороны рабочей скотъ, съ другой—телега, плуги, заступы и т. п. ровно ничего не составляютъ безъ известной части перваго». (Edmund Burke: «Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795, edit. London 1800», p. 10).

производство прибавочной ценности, чтобы замѣчать этотъ бесплатный даръ труда. Насильственное прекращеніе процесса труда, кризисы дѣлаютъ его для капиталиста замѣтнымъ весьма чувствительно²³⁾).

Въ средствахъ производства вообще поглощается ихъ потребительная цѣнность, потребленіемъ которой трудъ образуетъ продукты. Цѣнность ихъ на самомъ дѣлѣ не потребляется²⁴⁾, а, слѣдовательно, не можетъ быть воспроизведена. Она сохраняется, но не вслѣдствіе совершающейся съ ней въ процессѣ труда какой либо операціи, а вслѣдствіе того, что потребительная цѣнность, во образѣ которой она первоначально существовала, хотя и исчезаетъ, но на самомъ дѣлѣ исчезаетъ, превращаясь въ другую потребительную цѣнность. Цѣнность средствъ производства появляется, поэтому, вновь въ цѣнности продукта, но она, строго говоря, не воспроизводится. Производится лишь новая потребительная цѣнность, въ которой прежняя мѣровая цѣнность вновь появляется²⁵⁾.

Совсѣмъ не то происходитъ съ субъективнымъ факторомъ процесса труда,—

²³⁾ Въ «Times'ѣ» отъ 26 ноября 1862 г. одинъ фабрикантъ, на прядильной фабрикѣ котораго занято 800 рабочихъ и потребляется ежедневно среднимъ числомъ 150 тюковъ остиндскаго пшени около 130 тюковъ американскаго хлопка, жалуется публичн на убытки, причиняемые ему ежегодно остановкой работъ на его фабрикѣ. Онъ исчисляетъ ихъ въ 6.000 ф. ст. Между этими издержками находятся такія статьи, которыя насъ не интересуютъ, напр., земельная рента, налоги, страховыя преміи, жалованье годовымъ рабочимъ, директору, бухгалтеру, инженеру и т. д. Затѣмъ онъ считаетъ на 150 ф. ст. угля, чтобы отъ поры до времени отапливать фабрику и изрѣдка приводить въ дѣйствіе паровыя машины, кромѣ того плату рабочимъ за этотъ случайный трудъ. Наконецъ, 1.200 ф. ст. за порчу машинъ, такъ какъ «погода и естественныя разрушительныя дѣтели не прекращаютъ своего дѣйствія потому, что паровыя машины перестали функционировать». При этомъ онъ замѣчаетъ, что сумма въ 1.200 ф. ст. такъ незначительна, потому что машины находятся уже въ довольно подержанномъ видѣ.

²⁴⁾ «Производительное потребленіе: когда потребленіе товара составляетъ часть процесса производства... въ такихъ случаяхъ имѣть потребленія цѣнности». S. P. Newman, I. c. p. 296.

²⁵⁾ Въ одномъ американскомъ руководствѣ, выдержавшемъ, быть можетъ, 20 изданій, мы читаемъ: «Все равно, въ какой формѣ капиталъ вновь появляется». Послѣ многословнаго перечисленія всевозможныхъ ингредиентов производства, цѣнность которыхъ вновь появляется въ продуктѣ, въ заключеніе говорится: «Различные роды пищи, одежды и жилища, необходимыя для существованія и комфорта человека, также претерпѣваютъ дѣлвенія. Они потребляются отъ времени до времени, и цѣнность ихъ вновь появляется въ его новой тѣлесной и умственной силѣ, составляющей новый капиталъ, который опять можетъ быть употребленъ на производство». (F. Weyland, I. c. p. 31, 32). Не говори уже о всѣхъ прочихъ страстяхъ, мы должны замѣтить, что не цѣна хлѣба, напр., снова появляется во вновь образовавшейся силѣ, но тѣ его элементы, которые образуютъ кровь. А какъ цѣнность этой силы вновь появляется, наоборотъ, не средства существованія, но ихъ цѣнность. Тѣ же средства существованія, если цѣнность ихъ и будетъ вдвое меньше—производить ровно столько же мускуловъ, костей и т. п., однимъ словомъ, ту же силу, но не силу одинаковой цѣнности. Это превращеніе «цѣности» въ «силу» и вся эта фарисейская неопредѣленность маскируетъ попытку, совершенно, впрочемъ, напрасную—объяснить прибавочную цѣнность простымъ возвращеніемъ авансированныхъ цѣнностей.

съ дѣйствующей рабочей силой. Въ то время какъ трудъ въ своей цѣлесообразной формѣ переноситъ цѣнность средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ ее въ немъ, каждый моментъ его движенія создаетъ добавочную цѣнность, новую цѣнность. Предположимъ, что процессъ производства прекращается въ тотъ моментъ, когда рабочій произвелъ эквивалентъ цѣнности своей собственной рабочей силы, когда онъ шестичасовымъ трудомъ, напримѣръ, прибавилъ цѣнность въ 3 шиллинга. Эта цѣнность составляетъ излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью его элементовъ, происходящихъ отъ средствъ производства. Это единственная новая цѣнность, возникшая въ этомъ процессѣ, единственная часть цѣнности продукта, произведенная самимъ этимъ процессомъ. Правда, она возмѣщаетъ лишь дефицитъ, авансированный капиталистомъ при покупкѣ рабочей силы и издержанный самимъ рабочимъ на средства существованія. Но отношенію къ издержаннымъ 3 шиллингамъ новая цѣнность въ 3 шиллинга только воспроизводитъ потраченные 3 шиллинга. Но ея воспроизведеніе есть реальное, а не кажущееся, какъ воспроизведеніе цѣнности средствъ производства. Замѣна одной цѣнности другой обуславливается здѣсь созданіемъ новой цѣнности.

Мы уже знаемъ, однако, что процессъ труда продолжается далѣе того момента, когда воспроизведеннымъ и прибавленнымъ къ предмету труда является лишь эквивалентъ цѣнности рабочей силы. Въмѣсто 6 часовъ, которыхъ для этого достаточно, процессъ труда продолжается, напримѣръ, 12 часовъ. Дѣйствительнымъ произведеніемъ рабочей силы не только воспроизводится ея собственная цѣнность, но производится еще излишекъ цѣнности. Эта прибавочная цѣнность образуетъ излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью потребленныхъ элементовъ продукта, т. е. средствъ производства и рабочей силы.

Указавъ различныя роли разныхъ факторовъ процесса труда въ образованіи цѣнности продукта, мы, на самомъ дѣлѣ, охарактеризовали и функціи различныхъ составныхъ частей капитала въ процессѣ его возрастанія. Излишекъ общей цѣнности продукта надъ суммой цѣнностей его составныхъ элементовъ есть та величина, которой возросшій капиталъ превосходитъ первоначально авансированную капитальную цѣнность. Средства производства на одной сторонѣ, рабочая сила на другой представляютъ только различныя формы существованія первоначальной капитальной цѣнности, отрѣшившейся отъ своей деженной формы и превратившейся въ факторы процесса труда.

Итакъ, та часть капитала, которая превращается въ средства производства, т. е. въ сырой матеріалъ, вспомогательныя вещества и орудія труда, не измѣняетъ величины своей цѣнности въ процессѣ производства. Я называю ее, поэтому, постоянной частью капитала или, короче, постояннымъ капиталомъ.

Наоборотъ, та часть капитала, которая превратилась въ рабочую силу, измѣняетъ свою цѣнность въ процессѣ производства. Она воспроизводитъ свой собственный эквивалентъ и излишекъ сверхъ него, прибавочную цѣнность, которая сама можетъ измѣняться, быть больше или меньше. Изъ постоянной величины эта часть капитала постоянно превращается въ переменную. Я называю ее, поэтому, переменной частью капитала или, короче, — переменнымъ ка-

питаюмъ. Тѣ самыя составныя части капитала, которыя съ точки зрѣнія процесса труда, различаются какъ объективные и субъективные факторы, какъ средства производства и рабочая сила, различаются, съ точки зрѣнія процесса возрастания цѣности, какъ капиталъ постоянный и капиталъ переменный.

Понятіе постоянного капитала ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ рѣзкихъ измѣненій въ цѣности его составныхъ частей. Предположимъ, что 1 фунтъ хлопка стоитъ сегодня 6 пенсовъ, и что, вслѣдствіе скуднаго сбора хлопка, цѣна его возвысится завтра до 1 шиллинга. Прежній хлопокъ, который продолжаетъ обрабатываться, былъ купленъ по цѣности въ 6 пенсовъ, но прибавляетъ теперь къ продукту цѣность въ 1 шиллингъ. А уже выпряденный и обращающійся на рынокъ въ видѣ пряжи хлопокъ, можетъ быть, точно такъ же прибавляетъ къ продукту цѣность вдвое большую сравнительно съ своей первоначальной. Мы видимъ однако, что эти измѣненія цѣности не зависятъ отъ возрастания цѣности хлопка въ самомъ процессѣ пряденія. Если бы прежній хлопокъ еще не вступалъ въ процессъ труда, то онъ могъ бы теперь быть опять проданъ по 1 шиллингу вмѣсто 6 пенсовъ. Наоборотъ, чѣмъ меньшее число процессовъ труда онъ прошелъ, тѣмъ этотъ результатъ вѣрнѣе. Спекулировать при такихъ измѣненіяхъ цѣностей на сыромъ матеріалѣ въ его наименѣе обработанной формѣ т. е. скорѣе на пряжѣ, чѣмъ на тканн, и на самомъ хлопкѣ скорѣе чѣмъ на пряжѣ—составляетъ, поэтому, законъ спекуляціи. Измѣненіе цѣности возникаетъ здѣсь въ томъ процессѣ, который производитъ хлопокъ, а не въ томъ процессѣ, въ которомъ онъ функционируетъ, какъ средство производства и, поэтому, какъ постоянный капиталъ. Цѣность товара, хотя и опредѣляется количествомъ содержащагося въ немъ труда, но опредѣленіе самого этого количества есть актъ общественный. Если измѣняется общественно необходимое для производства товара рабочее время—а то же самое количество хлопка, напримѣръ, при неблагопріятномъ урожаѣ представляетъ большее количество труда, чѣмъ при благопріятномъ,—то это отражается на старомъ товарѣ, плущемъ въ счетъ всегда какъ отдѣльная особь всего своего рода²⁰⁾, цѣность которой всегда опредѣляется общественно необходимымъ рабочимъ временемъ, т. е. трудомъ, необходимымъ при существующихъ именно въ настоящее время общественныхъ условіяхъ производства.

Цѣность служащихъ уже въ процессѣ производства орудій труда, машинъ и т. д., а, слѣдовательно, и та доля цѣности, которая передается ими продукту, можетъ измѣняться такъ же, какъ измѣняется цѣность сырья. Если вслѣдствіе какого-нибудь новаго изобрѣтенія данная машина можетъ быть воспроизведена съ меньшей затратой труда, то машина старой конструкторціи обезцѣнивается въ большей или меньшей мѣрѣ и переноситъ, поэтому, соответственно меньшую цѣность на продуктъ. Но и здѣсь измѣненіе цѣности произ-

²⁰⁾ «Всѣ продукты одного рода составляютъ собственно одну массу, цѣна которой опредѣляется огуломъ и безъ всякаго отношенія къ особеннымъ обстоятельствамъ». (Le Trogne, l. c. p. 893).

ходить въ того процесса производства, въ которомъ машина функционируетъ какъ средство производства. Въ этомъ процессѣ она никогда не отдаетъ цѣнности, большую, чѣмъ та, которую она имѣетъ независимо отъ этого процесса.

Какъ измѣненіе цѣнности средствъ производства не измѣняетъ ихъ свойства постоянного капитала, хотя бы это измѣненіе и производило на нихъ нѣкоторое дѣйствіе даже послѣ ихъ вступленія въ процессъ производства, такъ же точно измѣненіе отношенія между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ не затрагиваетъ ихъ функциональнаго различія. Технические условія процесса труда могутъ, напр., настолько измѣниться, что тамъ, гдѣ прежде 10 рабочихъ 10 дешевыми инструментами обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого матеріала, теперь 1 рабочий, съ помощью дорогой машины, обрабатываетъ въ 100 разъ большее количество сырого матеріала. Въ этомъ случаѣ постоянный капиталъ, т. е. сумма цѣнностей употребленныхъ средствъ производства, значительно возрастетъ, а переменная часть капитала, т. е. часть, авансированная на покупку рабочей силы, значительно падетъ. Это измѣненіе, однако, только измѣняетъ отношеніе между величиной постоянного и переменнаго капитала, или то отношеніе, въ которомъ весь капиталъ распадается на постоянную и переменную составныя части, но совсѣмъ не затрагиваетъ по существу различія между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Уровень прибавочной цѣнности.

1. Степень эксплуатаціи рабочей силы.

Прибавочная цѣнность, которую произвелъ авансированный капиталъ C въ процессѣ производства, или возрастаніе авансированной капиталъной цѣнности C , представляется намъ, прежде всего, въ видѣ излишка цѣнности продукта надъ суммой цѣнностей всѣхъ элементовъ его производства.

Капиталъ C распадается на двѣ части—денежную сумму c , идущую на средства производства, и другую денежную сумму v , издерживаемую на рабочую силу; c представляетъ часть цѣнности, превращенную въ постоянный капиталъ, а v часть, превращенную въ переменный капиталъ. Первоначально, слѣдовательно, $C = c + v$, напр., авансированный капиталъ въ 500 ф. ст. =

= $\overset{c}{410}$ ф. ст. + $\overset{v}{90}$ ф. ст. Въ концѣ процесса производства появляется товаръ, цѣнность котораго = $c + v + m$, гдѣ m есть прибавочная цѣнность,

напр., $\overset{c}{410}$ ф. ст. + $\overset{v}{90}$ ф. ст. + $\overset{m}{90}$ ф. ст. Первоначальный капиталъ C превратился въ C' , изъ 500 ф. ст.—въ 590 ф. ст. Разница между обоими = m , прибавочной цѣнности въ 90. Такъ какъ цѣнность элементовъ производства равна цѣнности авансированнаго капитала, то положеніе, что излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью его элементовъ производства равняется приросту аван-

справедливого капитала, или произведенной прибавочной стоимости, составляет настоящую тавтологию.

Однако, эта тавтология требует ближайшего определения. Съ стоимостью продукта сравнивается стоимость потребленных при его образовании элементов производства. Но мы уже видели, что часть употребленного постоянного капитала, состоящая из орудий труда, передает лишь часть своей стоимости продукту, тогда как другая часть продолжает существовать въ своей прежней формѣ. Такъ какъ послѣдняя не играетъ никакой роли въ образовании стоимости, то мы ее здѣсь не принимаемъ во вниманіе. Ничто не измѣнилось бы отъ того, что мы приняли бы ее въ расчетъ. Предположимъ, что $C = 410$ ф. ст. и состоитъ изъ сырого матеріала на 312 ф. ст., вспомогательныхъ веществъ на 44 ф. ст. и изнашиваемыхъ въ процессѣ труда машинъ на 54 ф. ст.; вся же стоимость примененныхъ при производствѣ машинъ составляетъ 1.054 ф. ст. Авансированной для производства стоимости продукта мы считаемъ лишь стоимость въ 54 ф. ст., которую машина, функционировавъ, теряетъ и въ силу этого передаетъ продукту. Если бы мы считали также и 1.000 ф. ст., продолжающихъ существовать въ своей прежней формѣ, въ видѣ паровой машины и т. д., то мы должны были бы ихъ считать на обѣихъ сторонахъ уравненія—на сторонѣ авансированной стоимости и на сторонѣ стоимости продукта ^{26a)}, и получили бы, такимъ образомъ, 1.500 ф. ст. и 1.590 ф. ст. Разница, или прибавочная стоимость, оставалась по-прежнему равной 90 ф. ст. Подъ постояннымъ капиталомъ, авансированнымъ на производство стоимости, мы подразумеваемъ, поэтому, тамъ гдѣ изъ контекста не вытекаетъ обратное, всегда лишь стоимость средствъ производства, потребленныхъ въ процессѣ производства.

Условившись относительно этого, вернемся къ формулѣ $C = c + v$, которая превращается въ $C' = \overbrace{c + v}^c + m$, въ силу чего C и становится C' . Мы знаемъ, что стоимость постоянного капитала только вновь появляется въ продуктѣ. Произведенная действительно вновь въ процессѣ стоимости продукта отличается, следовательно, отъ всей стоимости продукта, полученной изъ этого процесса. Поэтому, она не составляетъ, какъ это кажется на первый взглядъ,

$\overbrace{c + v + m}^c$ или $\overbrace{410 \text{ ф. ст.}}^c + \overbrace{90 \text{ ф. ст.}}^v + \overbrace{90 \text{ ф. ст.}}^m$, но $v + m$, или $\overbrace{90 \text{ ф. ст.}}^v + \overbrace{90 \text{ ф. ст.}}^m$, не 590 ф. ст., но 180 ф. ст. Если бы c , постоянный капиталъ, $= 0$, другими словами, если бы были такія отрасли промышленности, изъ которыхъ капиталистъ не долженъ былъ бы применять никакихъ созданныхъ трудомъ средствъ производства, ни сырого матеріала, ни вспомогательныхъ веществъ, ни рабочихъ инструментовъ, но имѣлъ бы дѣло только съ веще-

^{26a)} «Если мы считаемъ стоимость постоянного капитала, употребляемаго, какъ часть авансированной на производство суммы, то мы должны считать остающуюся (неавансированную) часть этого капитала въ концѣ года, какъ часть годового дохода». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ. 2—nd.» ed., London 1836), p. 269.

ствами, данными природой, и съ рабочей силой, то на продукт не переносилось бы ни одной доли постоянной цѣнности. Этотъ элементъ цѣнности продукта, въ нашемъ примѣрѣ 410 ф. ст., отдавая бы, по вновь произведенная цѣнность въ 180 ф. ст., содержащая 90 ф. ст. прибавочной цѣнности, оставалась столь же велика, какъ если бы с представляло, по своей цѣнности, наибольшую мыслимую величину. Мы имѣли бы $C = O + v = v$, C' , возросшій капиталъ, $= v + m$, и $C' - C$ по прежнему $= m$. Если бы, наоборотъ, $m = 0$, другими словами, если бы рабочая сила, цѣнность которой затрачивается въ видѣ переменнаго капитала, производила только эквивалентъ, то $C = c + v$ и C' (цѣнность продукта) $= c + v + O$, а потому $C = C'$. Авансированный капиталъ не возросъ бы.

На самомъ дѣлѣ мы уже знаемъ, что прибавочная цѣнность есть только слѣдствіе измѣненія цѣнности v , т. е. части капитала, превращенной въ рабочую силу, что, слѣдовательно, $v + m = v + \Delta v$ [$v +$ нѣкоторое приращеніе (Inkrement) v]. Но дѣйствительное измѣненіе цѣнности и пропорція этого измѣненія затѣмняются тѣмъ, что, вслѣдствіе возрастанія переменной составной части капитала, возрастаетъ и весь авансированный капиталъ. Онъ $= 500$ и становится $= 590$. Для чистаго анализа процесса мы должны совершенно отвлечься отъ той части цѣнности продукта, въ которой только вновь появляется постоянная капиталовая цѣнность, т. е. должны предположить постоянный капиталъ $C = O$ и, такимъ образомъ, примѣнять законъ математики, который пускается въ ходъ при оперированіи съ переменными и постоянными величинами въ тѣхъ случаяхъ, когда постоянная величина связана съ переменной только посредствомъ сложенія и вычитанія.

Другое затрудненіе вытекаетъ изъ первоначальной формы переменнаго капитала. Такъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ $C' = 410$ ф. ст. постоянного капитала $+ 90$ ф. ст. переменнаго капитала $+ 90$ ф. ст. прибавочной цѣнности. Но девяносто ф. ст. представляютъ нѣкоторую данную, т. е. постоянную величину и, поэтому, ни съ чѣмъ несообразно разсматривать ее какъ величину

переменную. Однако $\overset{v}{90}$ ф. ст., или 90 ф. ст. переменнаго капитала на самомъ дѣлѣ являются здѣсь только символомъ процесса, — движенія, проходящаго этой цѣностью. Часть капитала, авансированная на покупку рабочей силы, есть определенное количество овеществленнаго труда, слѣдовательно, постоянная величина цѣнности, такъ же какъ и цѣнность купленной рабочей силы. Но въ самомъ процессѣ производства на мѣсто затраченныхъ 90 ф. ст. выступаетъ дѣйствующая рабочая сила, на мѣсто мертвого — живой трудъ, на мѣсто величины, находящейся въ покоѣ — величина текущая, на мѣсто постоянной — переменная. Результатомъ является воспроизведеніе v плюсъ нѣкоторое приращеніе v . Съ точки зрѣнія капиталистическаго производства все это движеніе есть самопроизвольное движеніе первоначально постоянной цѣнности, превращенной въ рабочую силу. Въ активъ этой цѣнности записанъ весь процессъ и его результатъ. Если формула 90 ф. ст. переменнаго капитала, или само-

возрастающая ценность, кажется чѣмъ-то противорѣчивымъ, то эта противорѣчивость выражаетъ только присущее капиталистическому производству противорѣчіе.

Приравниваніе постоянного капитала къ 0 поражаетъ на первый взглядъ; тѣмъ не менѣе оно постоянно совершается въ повседневной жизни. Если хотѣть вычислить доходъ Англіи отъ хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего сбрасываютъ со счетовъ цѣну хлопка, уплаченную Соединеннымъ Штатамъ, Индіи и т. д., т. е. приравниваютъ къ 0 ту часть капитальной ценности, которая только вновь появляется въ продуктѣ.

Конечно, отношеніе прибавочной ценности не только къ той части капитала, изъ которой она непосредственно происходитъ и измѣненіе ценности которой она выражаетъ, но и ко всему затраченному капиталу имѣетъ большое экономическое значеніе. Мы, поэтому, обстоятельно разсматриваемъ это отношеніе въ третьей книгѣ *). Чтобы одна часть капитала возрасла вслѣдствіе своего превращенія въ рабочую силу, другая часть капитала должна быть превращена въ средства производства. Для того, чтобы функционировалъ переменный капиталъ, долженъ быть авансированъ постоянный капиталъ въ размѣрахъ, соответствующихъ опредѣленному техническому характеру данного процесса труда. Однако, то обстоятельство, что при химическомъ анализѣ употребляются реторты и другіе сосуды, нисколько не мѣшаетъ отыскиваться при самомъ анализѣ отъ существованія реторты. Поскольку созданіе ценности и измѣненіе ценности разсматриваются сами по себѣ, т. е. въ чистомъ видѣ, средства производства, эти матеріальные представители постоянного капитала, доставляютъ только матерію, въ которой должна обитать текучая сила, создающая ценность. Природа этого вещества, т. е. будетъ ли это хлопокъ или желѣзо, не имѣетъ ровно никакого значенія. Также безразлична и его ценность. Оно, вещество, только должно находиться въ достаточномъ количествѣ, чтобы во время процесса производства впитать подлежащее затратѣ количество труда. Разъ дана масса вещества, то повысится ли, понизится ли его ценность, или же оно не будетъ имѣть никакой ценности, какъ земля и море—процессъ образованія и измѣненія ценности этимъ нисколько не будетъ затронутъ **).

Итакъ, сначала мы предполагаемъ постоянный капиталъ равнымъ нулю. Авансированный капиталъ уменьшается, поэтому, съ $c + v$ до v , а ценность продукта $c + v + m$ до вновь произведенной ценности $v + m$. Если мы предположимъ, что вновь произведенная ценность = 180 ф. ст., въ которые выливается трудъ, продолжающійся во все время процесса производства, то, чтобы получить прибавочную ценность = 90 ф. ст., мы должны вычесть ценность переменнаго капитала = 90 ф. ст. Число 90 выразитъ абсолютную величину произведенной

*) Т. е. въ третьей томѣ.

**) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Само собою разумѣется, что, какъ говоритъ Лухрецій, «nil posse creari de nihilo», изъ ничего нельзя создать ничего. «Созданіе ценности» есть превращеніе рабочей силы въ трудъ. Рабочая же сила, въ свою очередь, есть прежде всего матерія, преобразованная въ человѣческій организмъ.

прибавочной цѣнности. Относительная же ея величина, т. е. пропорція, въ которой возросъ переменный капиталъ, очевидно, определяется отношеніемъ прибавочной цѣнности къ переменному капиталу, или выражается дробью $\frac{m}{v}$. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ оно выразится въ $\frac{90}{90} = 100\%$. Это относительное возрастаніе переменнаго капитала или относительную величину прибавочной цѣнности я называю уровнемъ прибавочной цѣнности (*Rate des Mehrwerthes*) ²⁸⁾.

Мы видимъ, что рабочій въ продолженіе одной части процесса труда производитъ только цѣнность своей рабочей силы, т. е. цѣнность необходимыхъ ему средствъ существованія. Такъ какъ онъ производитъ при условіяхъ производства, въ основѣ которыхъ лежитъ общественное раздѣленіе труда, то онъ производитъ не прямо свои средства существованія, онъ производитъ ихъ въ формѣ какого-нибудь спеціальнаго товара, напр., пряжи, т. е. производитъ цѣнность, равную цѣнности его средствъ существованія или тѣмъ деньгамъ, на которыя онъ ихъ покупаетъ. Та часть его рабочаго дня, которую онъ для этого употребляетъ, будетъ больше или меньше, смотря по цѣнности его среднихъ ежедневныхъ средствъ существованія или смотря по среднему дневному количеству рабочаго времени, необходимаго для ихъ производства. Если цѣнность его ежедневныхъ средствъ существованія въ среднемъ представляетъ 6 овеществленныхъ рабочихъ часовъ, то рабочій среднимъ числомъ долженъ работать ежедневно 6 часовъ, чтобы ихъ произвести. Если бы онъ работалъ не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, то все-таки онъ долженъ былъ бы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ среднемъ работать ту же самую часть дня, чтобы произвести цѣнность своей рабочей силы и, такимъ образомъ, приобрести средства существованія, необходимыя для поддержанія и воспроизведенія своей собственной жизни. Но такъ какъ въ ту часть рабочаго дня, когда онъ производитъ дневную цѣнность рабочей силы, напр., 3 шиллинга, онъ производитъ только эквивалентъ ея цѣности, уже уплаченной капиталистомъ ^{29а)}, и, такимъ образомъ, вновь созданною цѣнностью возмѣщаетъ только авансированную переменную капитальную цѣнность, то это производство цѣнности представляетъ только простое воспроизведеніе. Ту часть рабочаго дня, такимъ образомъ, когда происходитъ это воспроизведеніе, я называю необходимымъ рабочимъ временемъ, а трудъ, потраченный въ это время,—необходимымъ трудомъ ²⁹⁾:

²⁸⁾ Такъ же, какъ англичане говорятъ «уровень прибыли», «уровень процента» (*rate of profits*, *rate of interest*) и т. д. Въ III книгѣ мы увидимъ, что легко понять уровень прибыли, когда извѣстны законы прибавочной цѣнности. Обратимъ же путемъ нельзя понять ни l'un, ni l'autre.

^{29а)} [Примѣч. къ 3-му изд. Авторъ употребляетъ здѣсь обыденный экономическій языкъ. Напомнимъ, что на стр. 123—124 было указано, какъ на самомъ дѣлѣ не капиталистъ «осушаетъ» рабочаго, а наоборотъ, рабочій—капиталиста.—Ф. Э.].

²⁹⁾ До сихъ поръ мы употребляли въ этой книгѣ выраженіе «необходимое рабочее время» для обозначенія общественно необходимаго для производства товара рабочаго времени. Съ этого времени мы будемъ его также употреблять и для обозначенія рабочаго времени, необходимаго для производства специфическаго товара «рабочая сила». Употребленіе однихъ и тѣхъ же терминовъ *technici* въ различныхъ

необходимым для рабочего, так как этот труд независим от общественной формы процесса труда; необходимым для капиталиста и капиталистического мира, так как постоянное существование рабочего есть основа собственного бытия капитала.

Второй период процесса труда, в течение которого рабочий трудится уже за пределами необходимого труда, хотя и стоит ему труда, траты рабочей силы, но не образует для него, рабочего, никакой ценности. Он образует прибавочную ценность, которая дарит капиталиста всю прелесть улыбки творения, создаваемого из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным рабочим временем (*Surplusarbeitszeit*), а потраченный в течение этого времени труд — прибавочным трудом (*Mehrarbeit, surplus labour*). Насколько для понимания ценности вообще решающее значение иметь рассматривать ее лишь как застывшее рабочее время, только как овеществленный труд, настолько же для понимания прибавочной ценности важно рассматривать ее лишь как застывшее прибавочное рабочее время, как овеществленный прибавочный труд. Разные общественно-экономические формации, напр., рабское общество и общество, основанное на наемном труде ³⁰⁾, отличаются друг от друга лишь формой, в которой этот прибавочный труд выжимается у непосредственного производителя.

Так как ценность переменного капитала = ценности купленной на него рабочей силы, так как ценность этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, прибавочная же ценность, в свою очередь, определяется излишней частью рабочего дня, то отсюда вытекает нижеследующее положение: прибавочная ценность относится к переменному капиталу, как прибавочный труд к необходимому труду, или уровень прибавочной ценности = $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. Обе пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме, один раз в форме овеществленного, а другой раз в форме текущего или живого труда.

смыслах неудобно, но неизбежно во всякой науке. Его мы встречаем при изучении высшей и нижней математики.

³⁰⁾ Господин Вильгельм Фуксидиз *) Рошер открывает с истинно готтшевскою гениальностью, что если образование прибавочной ценности или прибавочного продукта и связанное с ним накопление в настоящее время плод «бережливости» капиталиста, «требующего за это, напр., процент», то, наоборот, «на самых низких ступенях культуры... сильнейшие принуждают слабейших к бережливости». (I. с. р. 78). Къ сбережению чего, труда или несуществующаго излишка продуктов? Радимъ съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ мы видимъ здѣсь апологетическій страхъ передъ добросовѣстнымъ анализомъ ценности и прибавочной ценности и передъ опаснымъ въ полицейскомъ отношеніи его результатомъ. Этотъ страхъ заставляетъ Рошера и компанію превращать все болѣе или менѣе приличные мотивы, которыми капиталистъ оправдываетъ присвоеніе прибавочной ценности, въ источники ея происхожденія.

*) Называя Рошера Фуксидомъ, Марксъ проиически намекаетъ на одно изъ первыхъ произведеній Рошера, посвященное знаменитому греческому исторіку.

Прим. П. С.

Уровень прибавочной цѣнности есть, поэтому, точное выраженіе степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ или рабочаго капиталистомъ ^{30a)}.

По нашему предположенію, цѣнность продукта была $\frac{c}{c+v} = 410 \text{ ф. ст.} + 90 \text{ ф. ст.} + 90 \text{ ф. ст.}$, авансированный же капиталъ $= 500 \text{ ф. ст.}$. Такъ какъ прибавочная цѣнность $= 90$, а авансированный капиталъ $= 500$, то, по обычному способу вычисленія, мы получили бы, что уровень прибавочной цѣнности (который обыкновенно смѣшиваютъ съ уровнемъ прибыли) $= 18\%$, процентъ, незначительность котораго троцула бы господина Сагеу и другихъ гармонистовъ. На самомъ дѣлѣ же уровень прибавочной цѣнности равенъ не $\frac{m}{c}$ или $\frac{m}{c+v}$, но $\frac{m}{v}$ слѣдовательно, не $\frac{90}{500}$, а $\frac{90}{90} = 100\%$, т. е. болѣе чѣмъ въ 5 разъ превышаетъ кажущуюся степень эксплуатаціи. Хотя въ данномъ случаѣ мы не знаемъ ни абсолютной величины рабочаго дня, ни періода процесса труда (день, недѣля и т. д.), ни, наконецъ, числа рабочихъ, которыхъ одновременно приводить въ движеніе переменный капиталъ въ 90 ф. ст., но всетаки уровень прибавочной цѣнности $\frac{m}{v}$, благодаря своей превращаемости въ $\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$, точно показываетъ намъ отношеніе между двумя составными частями рабочаго дня. Оно составляетъ 100% . Рабочій трудится, стало быть, въ нашемъ случаѣ, одну половину дня для себя, а другую для капиталиста.

Итакъ, методъ вычисленія уровня прибавочной цѣнности, вкратцѣ таковъ: мы беремъ всю цѣнность продукта и приравниваемъ еѣ постоянной капитальной цѣнности, только вповъ въ ней появляющуюся. Остаточная сумма цѣнности есть единственная цѣнность, дѣйствительно произведенная въ процессѣ производства товара. Если дана прибавочная цѣнность, то мы вычитаемъ ее изъ этой вповъ созданной цѣнности, чтобы найти переменный капиталъ. Мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ, если данъ переменный капиталъ, и мы хотимъ узнать прибавочную цѣнность. Если обѣ величины даны, то остается лишь совершить заключительное дѣйствіе, т. е. вычислить отношеніе прибавочной цѣнности къ переменному капиталу, $\frac{m}{v}$.

Какъ ни простъ этотъ методъ, все же намъ кажется умістнымъ приучить читателей посредствомъ нѣсколькихъ примѣровъ къ лежащему въ основаніи нашего метода и несправочному для нихъ способу пониманія.

^{30a)} Примѣч. ко 2-му изд. Уровень прибавочной цѣнности не можетъ служить выраженіемъ абсолютной величины эксплуатаціи рабочей силы, хотя онъ и служитъ точнымъ выраженіемъ степени ея эксплуатаціи. Если, напр., необходимый трудъ $= 5$ часамъ и прибавочный трудъ $= 5$ часамъ, то степень эксплуатаціи $= 100\%$. Величина же эксплуатаціи измѣняется здѣсь 5 часами. Если же необходимый трудъ $= 6$ часамъ и прибавочный трудъ $= 6$ часамъ, то степень эксплуатаціи остается равной 100% , тогда какъ величина эксплуатаціи увеличивается на 20% , съ 5 до 6 часовъ.

Возьмемъ для примѣра сначала прядильную фабрику съ 10.000 мюльныхъ веретенъ, на которой прядутъ пряжу № 32 изъ американскаго хлопка и производятъ еженедѣльно 1 ф. пряжи на веретено. Отбросы хлопка составляютъ 6%. Такимъ образомъ, 10.600 фунтовъ хлопка еженедѣльно превращаются въ 10.000 ф. пряжи и 600 ф. отброса. Въ апрѣлѣ 1871 г. этотъ хлопокъ стоилъ по $7\frac{1}{4}$ пенса фунтъ и, такимъ образомъ, 10.600 ф. стоили круглымъ счетомъ 342 ф. ст. 10.000 веретенъ, включая сюда прядильныя машины и паровую машину, обходились въ 1 ф. ст. на веретено, въ общемъ, такимъ образомъ, 10.000 ф. ст. Изнашиваніе ихъ составляетъ $10\% = 1.000$ ф. ст. или 20 ф. ст. еженедѣльно. Наемъ фабричнаго зданія стоитъ 300 ф. ст., или 6 ф. ст. въ недѣлю. Уголь [4 ф. въ часъ и на лошадиную силу, на 100 лошадиныхъ (индикаторныхъ) силъ и 60 часовъ въ недѣлю, включая сюда и отопленіе зданія] 11 тоннъ въ недѣлю, по 8 шиллинговъ 6 пенсовъ тонна, стоитъ круглымъ счетомъ $4\frac{1}{2}$ ф. ст. въ недѣлю; газъ—1 ф. ст. въ недѣлю, масло— $4\frac{1}{2}$ ф. ст. въ недѣлю. Итакъ, всѣ вспомогательныя вещества составляютъ 10 ф. ст. въ недѣлю. Постоянная часть цѣнности составляетъ, слѣдовательно, 378 ф. ст. въ недѣлю. Рабочая плата составляетъ 52 ф. ст. въ недѣлю. Цѣна пряжи= $12\frac{1}{4}$ пенсовъ за фунтъ, или цѣна 10.000 ф. = 510 ф. ст., прибавочная же цѣнность составляетъ, слѣдовательно, $510 - 430 = 80$ ф. Мы предполагаемъ постоянную часть цѣнности въ 378 ф. ст. = 0, такъ какъ она не участвуетъ въ еженедѣльномъ образо-

ваніи цѣнности. Остается произведенная за недѣлю цѣнность въ $132 = \overset{v}{52} + \overset{m}{80}$ ф. ст. Уровень прибавочной цѣнности, слѣдовательно, $= \frac{80}{132} = 153\frac{11}{13}\%$. При средней продолжительности рабочаго дня въ 10 часовъ получается: необходимаго труда $3\frac{11}{13}$ часа и прибавочнаго труда $6\frac{2}{13}$ часа ²¹⁾.

Яacobъ приводитъ для 1815 г. при цѣнѣ овсяницы въ 80 шиллинговъ за кварталъ и при среднемъ сборѣ въ 22 бушеля съ акра (т. е. 1 акръ приносить 11 ф. ст.), слѣдующій расчетъ, который, хотя и не совсѣмъ удовлетворителенъ, благодаря произведенному ранѣе взаимному погашенію различныхъ статей расхода и дохода, но годенъ для нашей цѣли.

Производство цѣнности на 1 акръ.

Сѣмена (пшеница) . . . 1 ф. ст. 9 ш.	Десятины, налоги, подати. 1 ф. ст. 1 ш.
Удобреніе 2 » » 10 »	Рента 1 » » 8 »
Заработная плата . . . 3 » » 10 »	Прибыль фермера и процентъ 1 » » 2 »
Итого . . . 7 ф. ст. 9 ш.	Итого . . . 3 ф. ст. 11 ш.

Прибавочная цѣнность, при томъ неизмѣнномъ предположеніи, что цѣна продукта = его цѣности, распределяется здѣсь между различными рубриками:

²¹⁾ Примѣч. ко 2-му изд. Приведенный въ первомъ изданіи примѣръ прядильной фабрики для 1860 г. содержалъ нѣсколько фактическихъ ошибокъ. Безусловно точныя числа, приведенныя въ текстѣ, доставлены мнѣ однимъ манчестерскимъ фабрикантомъ. Надо замѣтить, что въ Англіи старая лошадиная сила вычислялась по диаметру цилиндра, новая же вычисляется по дѣйствительной силѣ, указываемой индикаторомъ.

прибылью, процентомъ, десятиной и т. д. Эти рубрики для насъ теперь лишены интереса. Мы складываемъ ихъ вмѣстѣ и получаемъ прибавочную цѣнность въ 3 ф. ст. 11 ш. 3 ф. ст. 19 шл., потраченные на сѣмена и удобрение, мы, какъ постоянную часть капитала, приравниваемъ нулю. Остается авансированный перемѣнный капиталъ въ 3 ф. ст. 10 шл., вмѣсто которого произведена новая цѣнность въ 3 ф. ст. 10 ш. + 3 ф. ст. 11 ш. Такимъ образомъ, $\frac{m}{v} = \frac{3 \text{ ф. ст. 11 ш.}}{3 \text{ ф. ст. 10 ш.}}$, т. е. больше 100%. Рабочій употребляетъ болѣе половины своего рабочаго дня на производство прибавочной цѣнности, которую различные лица, подъ разными предлогами распределяютъ между собою ^{31а)}.

2. Выраженіе цѣнности продукта въ относительныхъ доляхъ самого продукта.

Вернемся теперь къ тому примѣру, который намъ показалъ, какъ капиталистъ изъ денегъ дѣлаетъ капиталъ. Необходимый трудъ его прядильщика составлялъ 6 часовъ, прибавочный трудъ—столько же, и степень эксплуатаціи рабочей силы такимъ образомъ=100%.

Продуктъ 12-часоваго рабочаго дня составляетъ 20 ф. пряжи цѣнностью въ 30 шл. Не менѣе $\frac{1}{10}$ цѣнности этой пряжи (24 шл.) образованы лишь вновь появляющеюся въ продуктѣ цѣнностью потребленныхъ средствъ производства (20 ф. хлопокъ на 20 шл., веретень и т. д. на 4 шл.) или состоятъ изъ постоянного капитала. Остальныя $\frac{2}{10}$ составляютъ образовавшуюся во время процесса пряденья новую цѣнность въ 6 шл., половина которыхъ замѣщаетъ авансированную дневную цѣнность рабочей силы, т. е. перемѣнный капиталъ, другая же половина образуетъ прибавочную цѣнность въ 3 шл. Общая цѣнность 20 ф. пряжи составляетъ, поэтому, слѣдующимъ образомъ:

$$\text{Цѣнность пряжи въ 30 ш.} = \overbrace{24 \text{ ш.}}^c + \overbrace{3 \text{ ш.}}^v + \overbrace{3 \text{ ш.}}^m$$

Такъ какъ эта совокупная цѣнность выражается въ совокупномъ продуктѣ =20 ф. пряжи, то и различные элементы цѣнности могутъ быть тоже представлены въ относительныхъ доляхъ продукта.

Если въ 20 ф. пряжи находится цѣнность въ 30 шл., то $\frac{1}{10}$ этой цѣнности, или ея постоянная часть въ 24 шл. заключена въ $\frac{1}{10}$ продукта или въ 16 ф. пряжи. Изъ нихъ $13\frac{1}{3}$ ф. представляютъ цѣнность сырого матеріала, т. е. выпраденнаго хлопка на 20 шл., а $2\frac{2}{3}$ ф.—цѣнность потребленныхъ вспомогательныхъ веществъ и орудій труда, веретень и т. д. на 4 шл.

$13\frac{1}{3}$ ф. пряжи представляютъ, слѣдовательно, весь выпраденный хлопокъ, содержащійся въ совокупномъ продуктѣ—20 ф. пряжи, т. е. сырой матеріалъ совокупнаго продукта, и ничего болѣе. Хотя въ нихъ находятся только $13\frac{1}{3}$ ф.

^{31а)} Приведенныя вычисленія служатъ только для иллюстраціи. Мы предполагали, что цѣны = цѣностямъ. Но въ III книгѣ мы увидимъ, что это уравненіе цѣны и цѣнностей, даже для среднихъ цѣнъ, совершается вовсе не такъ просто.

хлопка цѣнностью въ $13\frac{1}{2}$ шилл., но добавочная къ нимъ цѣнность въ $6\frac{2}{3}$ шилл. образуетъ эквивалентъ хлопка, содержащагося въ остальныхъ $6\frac{2}{3}$ ф. пряжи. Дѣло представляется такъ, какъ будто изъ этихъ $6\frac{2}{3}$ выщипать былъ бы весь хлопокъ и какъ будто хлопокъ всего продукта былъ бы сжать въ $13\frac{1}{2}$ ф. пряжи. Но за то они теперь не содержатъ ни атома цѣнности употребленныхъ въ дѣло вспомогательныхъ веществъ и орудій труда, ни атома созданной въ процессѣ пряденья новой цѣнности.

Точно также другіе $2\frac{2}{3}$ ф. пряжи, въ которыхъ содержится остатокъ постоянного капитала ($=4$ шилл.), представляютъ не что иное, какъ только цѣнность вспомогательныхъ веществъ и орудій труда, использованныхъ при производствѣ совокупнаго продукта—20 ф. пряжи.

Такимъ образомъ, $\frac{8}{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи, хотя и представляютъ разсматриваемые матеріально, въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей, въ качествѣ пряжи, продуктъ прядильнаго труда, подобно остальнымъ частямъ продукта, но разсматриваемая съ нашей точки зрѣнія не содержатъ прядильнаго труда, не заключаютъ въ себѣ труда, впитаннаго во время самаго процесса пряденья. Они какъ будто бы безъ пряденья превратились въ пряжу; какъ будто бы ихъ форма пряжи представляетъ чистый обманъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда капиталистъ продаетъ ихъ за 24 шилл. и на нихъ покупаетъ вновь свои средства производства, то становится яснымъ, что 16 ф. пряжи—только въ другомъ видѣ тотъ же хлопокъ, уголь и т. л.

Наоборотъ, остающіеся $\frac{2}{10}$ продукта или 4 ф. пряжи представляютъ теперь лишь новую цѣнность въ 6 шилл., произведенную во время двѣнадцатичасового процесса пряденья. Содержавшаяся въ нихъ цѣнность использованнаго сырого матеріала и орудій труда была уже вынотрошена изъ нихъ и заключена въ первые 16 ф. пряжи. Воплощенный въ 20 ф. пряжи прядильный трудъ сконцентрированъ въ $\frac{2}{10}$ продукта, какъ будто бы прядильщикъ произвелъ эти 4 ф. пряжи изъ воздуха или изъ такого хлопка и помощью такихъ перетень, которые были даны самой природой, безъ всякаго содѣйствія человѣческаго труда, и не прибавили, такимъ образомъ, къ продукту никакой цѣнности.

Въ 4 ф. пряжи, въ которыхъ содержится вся произведенная въ продолженіе дневного процесса пряденья цѣнность, одной половиной—2 ф.—представляетъ только эквивалентъ потребленной рабочей силы, т. е. переменный капиталъ въ 3 шилл., другими же 2 ф. пряжи—только прибавочная цѣнность въ 3 шилл.

Такъ какъ 12 часовъ труда ткача овеществляются въ 6 шилл., то въ цѣнности пряжи въ 30 шилл. овеществлено 60 рабочихъ часовъ. Они существуютъ въ 20 ф. пряжи, изъ которыхъ $\frac{8}{10}$, или 16 ф. пряжи, составляютъ матеріальное выраженіе 48 рабочихъ часовъ, предшествовавшихъ процессу пряденья, т. е. труда, овеществленнаго въ средствахъ производства пряжи, $\frac{2}{10}$ же, или 4 ф. пряжи, напротивъ,—матеріальное выраженіе 12 рабочихъ часовъ, затраченныхъ въ самомъ процессѣ пряденья.

Прежде мы уже видѣли, что цѣнность пряжи равна суммѣ, появившейся въ ея производствѣ новой цѣнности, плюсъ цѣнность, уже ранѣе существовавшая въ ея средствахъ производства. Теперь же мы видимъ, какъ функционально

или логически (begrifflich) различные составныя части цѣнности продукта могутъ быть представлены въ относительныхъ доляхъ самого продукта.

Это разложенье продукта—результата процесса производства—на количество продукта, представляющее только трудъ, содержащійся въ средствахъ производства, или постоянный капиталъ, на другое количество, въ которомъ содержится только необходимый трудъ, прибавленный въ процессъ производства, или переменный капиталъ, и на третье количество продукта, представляющее только прибавочный трудъ, прибавленный въ этомъ же самомъ процессѣ, или прибавочную цѣнность; такое разложенье очень просто, по въ то же время и весьма важно, какъ это покажетъ его дальнѣйшее приложеніе въ сложнымъ и еще неразрѣшеннымъ проблемамъ.

Мы разсматривали совокупный продуктъ, какъ готовый результатъ двѣнадцатичасового рабочаго дня. Но мы можемъ также прослѣдить его и въ процессѣ его образованія и все-таки представить частныя продукты въ видѣ функционально различныхъ частей продукта.

Прядильщикъ производитъ въ 12 часовъ 20 ф. пряжи, въ 1 часъ, слѣдовательно, $1\frac{2}{3}$ ф., а въ 8 часовъ $13\frac{1}{3}$ ф., т. е. часть продукта, равную всей цѣнности хлопка, выпрядаемаго въ продолженіе всего рабочаго дня. Точно такимъ же образомъ продуктъ слѣдующихъ 1 ч. 36 м. = $2\frac{2}{3}$ ф. пряжи и представляетъ, поэтому, цѣность орудій труда, использованныхъ въ теченіе 12 рабочихъ часовъ. Такимъ же образомъ въ слѣдующіе 1 ч. 12 м. прядильщикъ производитъ 2 ф. пряжи, цѣность, равную всей той цѣнности, которую онъ производитъ въ продолженіе 6 часовъ необходимаго труда. Наконецъ, въ послѣднія $\frac{1}{2}$ часа онъ точно также производитъ 2 ф. пряжи, цѣность которыхъ равна прибавочной цѣнности, произведенной его полудневымъ прибавочнымъ трудомъ. Этотъ способъ вычисленія служить англійскому фабриканту для домашняго обихода, и онъ сказалъ бы, напр., что въ первые 8 часовъ, или $\frac{2}{3}$ рабочаго дня, онъ покрываетъ только свои издержки на хлопокъ и т. д. Какъ мы видимъ, формула эта вѣрна, поскольку она — первая формула, только перенесенная изъ пространства, гдѣ готовыя части продукта лежатъ рядомъ, во время, гдѣ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ. Но эта формула можетъ также сопровождаться весьма варварскими представленіями, особенно въ такихъ головахъ, которыя, съ одной стороны, практически заинтересованы въ процессѣ образованія прибавочной цѣнности, съ другой же стороны, весьма заинтересованы и въ томъ, чтобы теоретически превратно понимать его. Такъ, можно вообразить, что нашъ прядильщикъ, напр., въ первые 8 часовъ своего рабочаго дня производитъ или возмѣщаетъ цѣность хлопка, въ слѣдующіе 1 часъ 36 минутъ—цѣность потребленныхъ орудій труда, въ слѣдующіе 1 часъ 12 минутъ—цѣность заработной платы, и только знаменитый «послѣдній» часъ посвящаетъ фабриканту, т. е. производству прибавочной цѣнности. Прядильщику, такимъ образомъ, приписывается двойное чудо: во-первыхъ, онъ производитъ хлопокъ, веретена, шаровую машину, уголь, масло и т. д. въ тотъ же самый моментъ, когда онъ ими прядетъ, и, во-вторыхъ, изъ одного рабочаго дня данной интенсивности онъ дѣлаетъ 5 такихъ дней. Въ нашемъ примѣрѣ производство сырого матеріала и орудій труда требуетъ $\frac{24}{6} = 4$ дѣ

шестнадцатичасовых рабочих дней, а их превращение в пряжу еще одного двенадцатичасового рабочего дня. Что тщетно вѣрить подобнымъ чудесамъ и что всегда находятся доктринеры-схоласты, готовые ихъ доказывать, объ этомъ свидѣтельствуесть слѣдующій историческій знаменитый примѣръ.

3. «Послѣдній часъ» Senior'a.

Въ одно прекрасное утро 1836 г. Nassau W. Senior, извѣстный своимъ экономическими познаніями и своимъ прекраснымъ слогомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ (Clauser *) среди англійскихъ экономистовъ, былъ приглашенъ изъ Оксфорда въ Манчестеръ, чтобы тамъ изучать политическую экономію, вмѣсто того, чтобы преподавать ее въ Оксфордѣ. Фабриканты избрали его борцомъ противъ незаконнаго изданнаго Factory Act (фабричнаго закона) и противъ шедшей еще далѣе десятичасовой агитаціи. Со своей обычной практической провицательностью они поняли, что господинъ профессоръ «wanted a good deal of finishing» (очень еще нуждается въ окончательной отѣлкѣ). Поэтому они выписали его изъ Манчестера. Профессоръ, съ своей стороны, двѣтисытымъ слогомъ наложилъ поученія, выслушанныя имъ отъ манчестерскихъ фабрикантовъ, въ памфлетѣ, озаглавленномъ: «Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture» **). London, 1837 **). Между прочимъ, мы находимъ тамъ слѣдующія поучительныя строки:

«При теперешнемъ законѣ ни одна фабрика, занимающая лицъ моложе 18 лѣтъ, не можетъ работать болѣе 11¹/₂ часовъ въ день, т. е. 12 часовъ въ продолженіе первыхъ 5 дней и 9 часовъ въ субботу. Между тѣмъ, нижеслѣдующій анализъ (1) показываетъ, что на такой фабрикѣ вся чистая прибыль происходитъ отъ послѣдняго часа. Фабрикантъ затрачиваетъ 100.000 фунт. стерл.— 80.000 фунт. стерл. на фабричныя зданія и машины, 20.000 на сырой матеріалъ и заработную плату. При условіи, что капиталъ дѣлаетъ одинъ оборотъ въ годъ, и что валовая прибыль составляетъ 15%, годовою оборотъ фабрики долженъ состоять изъ товаровъ, цѣнностью въ 115.000 фунт. стерл... Каждый изъ 23 получасовъ труда производитъ ежедневно ²/₁₁₃ или ¹/₁₁₃ этихъ 115.000 фунт. стерл. Изъ ²²/₁₁₃, составляющихъ всѣ 115.000 фунт. стерл. (constituting the whole 115.000 Pfd. st.), ²⁰/₁₁₃, т. е. 100.000 фунт. стерл. изъ 115.000 фунт. стерл. возмѣщаютъ только капиталъ; ¹/₁₁₃, или 5.000 фунт. стерл., изъ 15.000 фунт. стерл. валовой прибыли (!) возмѣщаютъ изнашиваніе фабрики и машинъ. Остатокъ ²/₁₁₃, т. е. 2 послѣднихъ получаса каждаго дня, производятъ чистую прибыль въ 10%. Если бы, поэтому, при неизмѣнныхъ цѣнахъ фабрика могла вмѣсто 11¹/₂ часовъ работать 13 часовъ, то, при увеличеніи оборотнаго капитала, приблизительно на 2.600 фунт. стерл., чистая прибыль увеличилась бы болѣе чѣмъ вдвое. Съ другой стороны, если бы число рабочихъ часовъ уменьшилось ежедневно на 1 часъ, то исчезла бы чистая прибыль, а съ уменьшеніемъ на 1¹/₂ часа и валовая прибыль» ³²).

* Псевдонимъ К. Неппа (1771—1854), занимательнаго и популярнаго, но крайне пошлаго нѣмецкаго романиста, теперь совершенно забытаго. Прим. Н. С.

** Письма о вліяніи фабричнаго закона на хлопчатобумажную промышленность.

³² Senior, l. c. p. 12, 13. Мы оставляемъ безъ вниманія нѣкоторые курьезы, безразличныя для нашей цѣли, какъ, напр., утвержденіе, что фабриканты причи-

И это господина профессоръ называетъ «анализомъ»! Если онъ дѣйствительно вѣрилъ воплю фабрикантовъ, что рабочіе лучшую часть дня тратятъ на производство, а, слѣдовательно, и воспроизведеніе или возмѣщеніе цѣнности зданій, машинъ, хлопка, угля и т. д., то всякій анализъ былъ совершенно излишенъ. Ему просто нужно было отвѣтить: Господа! если вы дадите работать 10 часовъ вмѣсто $11\frac{1}{2}$, то, при прочих равныхъ условіяхъ, ежедневное потребленіе машинъ, хлопка и т. д., уменьшится на $1\frac{1}{2}$ часа. Вы, слѣдовательно, выигрываете ровно столько, сколько вы теряете. Ваши рабочіе впродѣ будутъ тратить на $1\frac{1}{2}$ часа меньше на воспроизведеніе или возмѣщеніе затраченной капитальной цѣнности. Если же онъ не вѣрилъ имъ на слово, но въ качествѣ сѣдущаго человѣка считалъ необходимымъ анализъ, то онъ прежде всего долженъ былъ попросить господъ фабрикантовъ въ вопросѣ, исключительно касающемся отношенія чистой прибыли къ величинѣ рабочаго дня, не сваливать безъ разбора въ одну кучу, машины, зданія, сырой матеріалъ и трудъ, но согласовывать поставитъ на одной сторонѣ постоянный капиталъ, содержащійся въ фабричныхъ зданіяхъ, машинахъ, сыромъ матеріалѣ и т. д., а на другой—капиталъ, авансированный на заработную плату. Если бы тогда оказалось, что, по расчету фабриканта, рабочій въ $\frac{2}{3}$ часа или въ одинъ часъ воспроизводитъ или возмѣщаетъ заработную плату, то нашъ анализникъ долженъ былъ бы продолжать такъ:

Согласно вашему показанію, рабочій производитъ въ предпоследній часъ свою заработную плату, а въ послѣдній—вашу прибавочную цѣнность или чистую прибыль. Такъ какъ въ равные промежутки времени онъ производитъ

слиють вознагражденіе за потребленныя машины и т. д., т. е. за часть капитальной цѣнности, къ прибыли, бруто или нетто, грязной или чистой. Точно также мы не обращаемъ вниманія на точность или живость числовыхъ данныхъ. Что они не лучше, чѣмъ такъ-называемый «анализъ», доказалъ Leonhard Horner въ «A letter to Mr. Senior etc.», Lond. 1837. Leonhard Horner, одинокъ изъ Factory Inquiry Commissioners въ 1833 г. и фабричный инспекторъ, постигнѣ фабричный цензоръ, оклевалъ безсмертныя услуги англійскому рабочему классу. Всю овою жизнь онъ велъ неустанную борьбу не только съ овлобленными фабрикантами, но и съ министрами, для которыхъ было гораздо важнѣе считать «голоса» фабрикантовъ въ Палатѣ Общанъ, чѣмъ число часовъ «рабочихъ рукъ», трудящихся на фабрикахъ.

Прибавленіе къ примѣчанію 32. Помимо невѣрности, изложеніе Senior'a путанное. Вотъ что онъ собственно хотѣлъ сказать: фабрикантъ даетъ ежедневно работу рабочимъ въ продолженіи $11\frac{1}{2}$ или $12\frac{1}{2}$ часа. Рабочій годъ, какъ и каждый рабочій день, состоитъ изъ $11\frac{1}{2}$ или $12\frac{1}{2}$ получасовъ (помноженныхъ на число рабочихъ дней въ году). При такомъ предположеніи, $12\frac{1}{2}$ рабочихъ часа производятъ годовой продуктъ въ 115.000 фунт. стерл.; $\frac{1}{2}$ рабочаго часа производятъ $\frac{1}{23} \times 115.000$ фунт. стерл.; $20\frac{1}{2}$ рабочихъ часа производятъ $\frac{20}{23} \times 115.000$ фунт. стерл. = 100.000 фунт. стерл., т. е. они возмѣщаютъ только затраченный капиталъ. Остаются $\frac{2}{3}$ рабочихъ часа, которые производятъ $\frac{2}{23} \times 115.000$ фунт. стерл. = 15.000, т. е. валовую прибыль. Изъ этихъ $\frac{2}{3}$ рабочихъ часовъ, $\frac{1}{2}$ рабочаго часа производятъ $\frac{1}{23} \times 115.000$ фунт. стерл. = 5.000 фунт. стерл., т. е. возмѣщеніе изнашиванія фабрика и машинъ. Послѣдніе же два рабочихъ получаса, т. е. послѣдній рабочій часъ производятъ $\frac{2}{23} \times 115.000$ фунт. стерл. = 10.000 фунт. стерл., т. е. чистую прибыль. Въ приведенной нами въ текстѣ цитатѣ Senior превращаетъ послѣднія $\frac{2}{23}$ продукта въ части самого рабочаго дня.

равныя цѣнности, то продуктъ предпоследняго часа имѣть ту же цѣнность, что и продуктъ послѣдняго часа. Рабочій, кромѣ того, только до тѣхъ поръ производить цѣнность, пока онъ тратитъ трудъ, и количество его труда измѣряется его рабочимъ временемъ. Это послѣднее, по вашему показанію, составляетъ $11\frac{1}{2}$ часовъ въ день. Одну часть этихъ $11\frac{1}{2}$ часовъ онъ употребляетъ на возмѣщеніе или провозводство своей заработной платы, другую часть на провозводство вашей чистой прибыли. Больше онъ ничего не дѣлаетъ въ продолженіе рабочаго дня. Но такъ какъ, по вашему заявленію, его плата и доставленная имъ прибавочная цѣнность представляютъ равныя по величинѣ цѣнности, то, очевидно, онъ производитъ свою заработную плату въ $5\frac{3}{4}$ часа и вашу чистую прибыль въ остальные $5\frac{3}{4}$ часа. Такъ какъ, далѣе, цѣнность пряжи, произведенной въ два часа, равна цѣности его заработной платы плюсъ цѣнность вашей чистой прибыли, то эта цѣнность пряжи должна измѣряться $11\frac{1}{2}$ часами труда, т. е. продуктъ предпоследняго часа долженъ измѣряться $5\frac{3}{4}$ часа, и продуктъ послѣдняго часа—также. Мы дошли теперь до щекотливаго пункта, а потому—ухо востро! Предпоследній рабочій часъ есть обыкновенный рабочій часъ, такой же, какъ и первый, *ni plus, ni moins* (ни болѣе, ни менѣе). Какимъ же образомъ прядильщикъ можетъ въ одинъ рабочій часъ произвести пряжу, представляющую цѣнность $5\frac{3}{4}$ рабочихъ часовъ? На самомъ дѣлѣ онъ и не совершаетъ такого чуда. Потребительная цѣнность, которую онъ производитъ въ одинъ рабочій часъ, есть опредѣленное количество пряжи. Цѣнность этой пряжи измѣряется $5\frac{3}{4}$ рабочихъ часовъ, изъ которыхъ $4\frac{3}{4}$ содержатся, безъ всякаго съ его стороны содѣйствія, въ потребленныхъ въ продолженіе часа средствахъ производства: хлопкѣ, машинахъ и т. д., $\frac{1}{4}$ же, или одинъ часъ, прибавленъ имъ самимъ. Такъ какъ его заработная плата производится, такимъ образомъ, въ $5\frac{3}{4}$ часа, а пряжа, произведенная въ одинъ часъ пряденья, точно также содержитъ $5\frac{3}{4}$ рабочихъ часа, то нѣтъ никакого волшебства въ томъ, что цѣности, произведенная въ $5\frac{3}{4}$ часа его прядильнаго труда, равна цѣности продукта одного часа пряденья. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, что онъ тратитъ хоть одинъ атомъ времени своего рабочаго дня на воспроизведеніе или «возмѣщеніе» цѣности хлопка, машинъ и т. д. Вслѣдствіе того, что трудомъ своимъ онъ производитъ изъ хлопка и веретенъ пряжу, вслѣдствіе того, что онъ прядетъ, цѣнность хлопка и веретенъ сама переходитъ на пряжу. Это слѣдствіе качественной стороны его труда, а не количественной. Правда, въ одинъ часъ онъ перенесетъ больше цѣности хлопка и т. д. на пряжу, чѣмъ въ $\frac{1}{2}$ часа, но только потому, что въ 1 часъ онъ выпрядетъ больше хлопка, чѣмъ въ $\frac{1}{2}$ часа. Поймите, такимъ образомъ, что когда вы говорите, что рабочій производитъ въ предпоследній часъ цѣность своей заработной платы, а въ послѣдній чистую прибыль, то это только значить, что въ продуктѣ двухъ часовъ его рабочаго дня, будутъ ли они въ началѣ или въ концѣ, воплощено $11\frac{1}{2}$ часовъ труда, т. е. ровно столько же часовъ, сколько насчитывается въ его рабочемъ днѣ. А когда вы говорите, что въ первые $5\frac{3}{4}$ часа онъ производитъ свою заработную плату, а въ послѣдніе $5\frac{3}{4}$ часа вашу чистую прибыль, то это опять такъ значитъ только, что за первые $5\frac{3}{4}$

часа вы платите, а за послѣдніе $5\frac{3}{4}$ часа ничего не платите. Я говорю о платѣ за трудъ, вмѣсто платы за рабочую силу, чтобы говорить на вашемъ жаргонѣ (slang). Но если вы, господа, сравните отношеніе рабочаго времени, которое вы оплачиваете, къ тому рабочему времени, которое вы не оплачиваете, то вы найдете, что это есть отношеніе половины дня къ половинѣ дня, т. е. 100%, что во всякомъ случаѣ представляетъ весьма приличнѣйшій процентъ. Не подожмите также ни малѣйшему сомнѣнію, что если вы заставите своихъ «рабочія руки» работать 13 часовъ вмѣсто $11\frac{1}{2}$ и—что на васъ такъ изумительно похоже—взвѣсивъ $1\frac{1}{2}$ часа причислите къ прибавочному труду, то послѣдній возрастетъ съ $5\frac{3}{4}$ часа до $7\frac{1}{4}$ часа, а уровень прибавочной дѣятельности со 100% до $126\frac{2}{3}\%$. Но вы окажетесь слишкомъ болѣзненнымъ сангвиникомъ, если падѣетесь, что съ прибавленіемъ $1\frac{1}{2}$ часовъ она возрастетъ до 200% и даже болѣе чѣмъ до 200%, т. е. что она «болѣе чѣмъ удвоится». Съ другой стороны—что за чудная вещь человѣческое сердце, особенно, если чело-вѣкъ носить его въ своемъ кошелькѣ!—вы отчаянные несправедливы, если вы опасаетесь, что съ уменьшеніемъ рабочаго дня съ $11\frac{1}{2}$ часовъ до $10\frac{1}{2}$ часовъ исчезнетъ вся ваша чистая прибыль. Ничуть не бывало. При прочихъ равныхъ условіяхъ, прибавочный трудъ упадетъ съ $5\frac{3}{4}$ до $4\frac{3}{4}$ часа, что все еще дастъ вамъ значительный уровень прибавочной дѣятельности, а именно $82\frac{1}{2}\%$. Но роковой «послѣдній часъ», о которомъ вы рассказываете больше сказокъ, чѣмъ хиліасты о свѣтопреставленіи, это — «all bosh», совершенный вздоръ. Потеря его не лишитъ васъ «чистой прибыли», такъ же какъ записываемыя вами дѣти обоего пола не потеряютъ съ нимъ своей «душевной чистоты»^{32a)}.

^{32a)} Если Senior доказывалъ, что отъ «послѣдняго рабочаго часа» зависитъ чистая прибыль фабрикантовъ, существованіе англійской хлопчатобумажной промышленности, господство Англія на мировомъ рынкѣ, то Dr. Andrew Ure доказывалъ сверхъ того еще, что если дѣти и подростки моложе 18 лѣтъ, вмѣсто того чтобы работать полные 12 часовъ въ теплой и чистой нравственной атмосферѣ фабрики, вытаскиваются «однимъ часомъ» рывѣ въ холодный, непривѣтливый и распущенный вѣтшій міръ, то они отъ праздности и порока теряютъ свое душевное здравіе. Съ 1848 г. фабричные инспекторы въ своихъ полугодичныхъ «Reports» (отчетахъ) никогда не упускаютъ случая поддразнить фабрикантовъ «послѣднимъ часомъ», «роковымъ часомъ». Такъ, напр., Howell въ своемъ фабричномъ отчетѣ, отъ 31-го мая 1855 г., говоритъ: «Если бы слѣдующее остроумное вычисленіе (цитируется расчетъ Senior'a) было вѣрно, то каждая хлопчатобумажная фабрика въ Соед. Королевствѣ съ 1850 г. работала бы въ убытокъ». («Reports of the Insp. of Fact. for the half year ending 30 th. April. 1855» p. 19, 20). Когда въ 1848 г. десятичасовой билль прошелъ черезъ парламентъ, то фабриканты вынудили у нѣкоторыхъ рабочихъ, запятыхъ на сельскихъ льнопрядильныхъ фабрикахъ, разбросанныхъ между графствами Somerset и Dorset, петицію противъ этого билля, въ которой, между прочимъ, говорится: «Мы, просители—родители, думаемъ, что лишній праздный часъ будетъ имѣть послѣдствіемъ только деморализацію нашихъ дѣтей, такъ какъ праздность начала всякихъ пороковъ». На это фабричныя отчеты отъ 31 октября 1848 г. замѣчаютъ: «Атмосфера льнопрядильныхъ, въ которыхъ работаютъ дѣти этихъ добродѣтельныхъ и нѣжныхъ родителей, такъ пропитана пылью и волокнами

Когда действительно пробьет наш «последний час», то вспомните оксфордского профессора. А пока до более приятного свидания в лучшем мире! Addio »)... Тревожный сигнал Сеніоровскаго «последняго часа» былъ 15 апрѣля 1848 г. снова поданъ однимъ изъ главныхъ экономическихъ мандариновъ,

частицами сырого матеріала, что чрезвычайно непріятно провести въ преддверіи даже 10 минутъ, пребываніе тамъ сопровождается непрѣтнымъ ощущеніемъ, такъ какъ глаза, уши, ноздри, ротъ тотчасъ наполняются цѣлыми облаками пыльной пыли, отъ которой вѣтъ спасенія. Самый трудъ, вслѣдствіе лихорадочной быстроты машинъ, требуетъ неутомимой ловкости и постояннаго движенія подъ контролемъ неослабнаго вниманія; нѣсколько жесткимъ, поэтому, покажется всякому въ устахъ родителей слово «лѣность» по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ, которыхъ, за вычетомъ времени для принятія пищи, прикованы въ продолженіе полныхъ 10 часовъ къ подобному занятію, въ такой атмосферѣ... Эти дѣти работаютъ дольше, чѣмъ земледѣльскіе рабочіе въ сосѣднихъ деревняхъ... Подобныя безжалостныя обвиненія въ «праздности и порокахъ» должны быть вклеены какъ члѣстѣйшій савт (ханжество) и самое безстыльное лицемѣріе... Та часть публики, которая около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ была возмущена той самонадѣянностью, съ которой публично и серьезно заявляли, опираясь на санкцію высokaго авторитета, что вся «чистая прибыль» фабрикантовъ производится въ «последній часъ» и что, поэтому, уменьшеніе рабочаго дня на одинъ часъ уничтожило бы чистую прибыль,—эта часть публики, говоримъ мы, едва ли повѣритъ своимъ глазамъ, когда увидитъ, что оригинальное открытіе благихъ свойствъ «последняго часа» съ тѣхъ поръ настолько усовершенствовано, что объемлетъ собой вмѣстѣ съ прибылью также и «нравственность», такъ что, если продолжительность дѣтскаго труда будетъ уменьшена до полныхъ 10 часовъ, то вмѣстѣ съ чистой прибылью фабрикантовъ одновременно побѣдетъ въ черту и нравственность дѣтей, такъ какъ и та, и другая зависятъ отъ этого послѣдняго, этого рокового часа». («Reports of Inвр. of Fact. for 31 st. oct. 1848», p. 101). Это же самый фабричный отчетъ приводитъ вѣтшіе образчики «нравственности» и «добродѣтели» господъ фабрикантовъ, перечисляетъ всѣ промахи, уловки, приманки, угрозы, поддѣлки и т. п., которыя они употребляли, чтобы заставить немногихъ совершенно опустившихся рабочихъ подписывать подобныя петиціи. А потому эти петиціи преподносилась парламенту, какъ петиціи цѣлой отрасли промышленности, цѣлыхъ графствъ. Въ высшей степени характерно для современнаго состоянія такъ называемой экономической «науки», что ни самъ Senior, который къ чести своей выступилъ въслѣдствіи энергичнымъ защитникомъ фабричнаго законодательства, ни его первоначальные и позднѣйшіе противники не сумѣли раскрыть логическія ошибки, на которыхъ основано «оригинальное открытіе». Они апеллировали къ фактамъ и къ опыту,—по why и wherefore (какъ и почему) осталось для нихъ тайной.

²²⁾ Между тѣмъ господина профессоръ все-таки извлекъ нѣкоторую пользу изъ своей манчестерской поѣздки. Въ «Letters on the Factory Act» вся чистая прибыль, «барышъ» и «процентъ» и даже «something more» (нѣчто болѣе этого) являются отъ одного неоплаченнаго часа труда рабочаго! Однимъ только годомъ ранее, въ своихъ «Outlines of Political Economy», сочиненныхъ на потребу оксфордскихъ студіентовъ и образованныхъ фланктеровъ, (въ «открытіи», въ опроверженіе теоріи цѣнности Рикардо, выводящаго цѣнность изъ рабочаго времени, что источникъ прибыли въ трудѣ капиталиста, процентъ же въ его аскетизмѣ, въ его «вовдержаніи»). Басня эта была стара, но слово «Abstinence» (вовдержаніе) было ново. Господинъ Рошеръ вѣрно перевелъ его на нѣмецкій языкъ словомъ «Enthaltung». Но разные Wirth's, Schulze и прочіе Милхели, менѣе свѣдущіе въ латыни, превратили вовдержаніе въ монашескую добродѣтель—самоотреченіе (Entsagung).

Джемсомъ Вильсономъ, въ его полемикѣ противъ закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ.

4. Прибавочный продуктъ.

Ту часть продукта ($\frac{1}{10}$ 20 ф. пряжи или 2 ф. пряжи во второмъ нашемъ примѣрѣ), въ которой выражается прибавочная цѣнность, мы называемъ прибавочнымъ продуктомъ (Mehrprodukt, surplus produce, produit net). Какъ уровень прибавочной цѣнности опредѣляется ея отношеніемъ не ко всей суммѣ капитала, но только къ переменнѣйшей его части, такъ и величина прибавочнаго продукта опредѣляется его отношеніемъ не ко всему остальному продукту, но къ той части его, въ которой воплощается необходимый трудъ. Какъ производство прибавочной цѣнности есть опредѣляющая цѣль капиталистическаго производства, точно также и степень богатства измѣряется не абсолютной величиной продукта, но относительной величиной прибавочнаго продукта³⁴).

Сумма необходимаго труда и прибавочнаго труда, промежутковъ времени въ продолженіе которыхъ рабочіе производятъ цѣнность, возмѣщающую его рабочую силу, и цѣнность прибавочную, образуетъ абсолютную величину его рабочего времени—рабочій день (working day).

³⁴) «Для человѣка, обладающаго капиталомъ въ 20.000 ф. ст., прибыль котораго составляетъ ежегодно 2.000 ф. ст. было бы совершенно безразлично, занимаетъ ли его капиталъ 100 или 1.000 рабочихъ, продаются ли произведенные товары за 10.000 или за 20.000 ф. ст., при томъ предположеніи, что его прибыль во всѣхъ этихъ случаяхъ не падаетъ ниже 2.000 ф. ст. Развѣ не таковъ же реальный интересъ націи? Если предположить, что ея реальный чистый доходъ, ея рентны и прибыли не измѣняются, то ни малѣйшаго значенія не имѣетъ то обстоятельство, что нація состоитъ изъ 10 или 20 милліоновъ жителей». (Ricardo, l. c. p. 416). Еще задолго до Рикардо Arthur Young, фанатикъ прибавочнаго продукта, болтливый, лишенный всякаго критическаго духа писатель, слава котораго обратно пропорціональна его заслугамъ, между прочимъ, говорилъ: «Какую пользу вышло бы современное государство отъ цѣлой провинціи, почва которой воздѣлывалась бы по древне-римскому способу мелкими неявившимися крестьянами, хотя бы они и воздѣлывали ее наилучшимъ способомъ? Какую бы это вышло цѣль, кромѣ единственной цѣли производить людей («the mere purpose of breeding men»), что само по себѣ не имѣетъ никакой цѣли» («a most useless purpose»). Arthur Young: «Political Arithmetic etc, London 1774», p. 47.

Прибавленіе къ примѣч. 34. Сравненіе кажется «the strong inclination to represent net wealth as beneficial to the labouring class... though it is evidently not on account of being net» («сильная склонность изображать чистый доходъ выгоднымъ для рабочаго класса... хотя это происходитъ, очевидно, не по причинѣ его чистоты»). (Th. Hopkins: «On Rent of Land etc. London. 1823»; p. 126).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Рабочій день.

1. Предѣлы рабочего дня.

Мы исходили изъ того предположенія, что рабочая сила покупается и продается по ея цѣнности. Ея цѣнность, какъ и цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для ея производства. Если, слѣдовательно, производство необходимыхъ въ среднемъ ежедневно средствъ существованія рабочаго требуетъ 6 часовъ, то онъ долженъ работать среднимъ числомъ 6 часовъ въ день для того, чтобы ежедневно произвести свою рабочую силу, или чтобы воспроизвести цѣнность, полученную при ея продажѣ. Необходимая часть его рабочаго дня составляетъ въ этомъ случаѣ 6 часовъ и представляетъ, такимъ образомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, величину постоянную. Но этимъ еще не опредѣляется длина самого рабочаго дня.

Предположимъ, что линія $a\text{-----}b$ представляетъ продолжительность или длину необходимаго рабочаго времени, напр., 6 часовъ. Смотря по тому, будетъ ли трудъ продолженъ далѣе ab на 1,3, или 6 часовъ, мы получаемъ три различныя линіи:

Рабочій день I	Рабочій день II
$a\text{-----}b\text{-----}c$,	$a\text{-----}b\text{-----}c$
и Рабочій день III	
$a\text{-----}b\text{-----}c$,	

которыя представляютъ 3 различныхъ рабочихъ дня въ 7, 9 и 12 часовъ. Линія удлинненія bc представляетъ длину прибавочнаго труда. Такъ какъ рабочий день $= ab + bc$, или ac , то онъ измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ переменной величины bc ; а такъ какъ ab дано, то отношеніе bc къ ab всегда можетъ быть измѣрено. Оно составляетъ въ рабочемъ днѣ I $\frac{1}{3}$, въ рабочемъ днѣ II $\frac{2}{3}$ и въ рабочемъ днѣ III $\frac{6}{3}$ ab . Такъ какъ, далѣе, отношеніе:

$\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$ опредѣляетъ уровень прибавочной цѣнности, то послѣдній является даннымъ вмѣстѣ съ этимъ отношеніемъ. Онъ составляетъ въ трехъ различныхъ рабочихъ дняхъ соответственно $16\frac{2}{3}$, 50 и 100%. Наоборотъ, одинъ уровень прибавочной цѣнности не далѣе бы имѣетъ величины рабочаго дня. Если бы, напр., онъ былъ равенъ 100% то рабочий день могъ бы продолжаться 8, 10, 12 и т. д. часовъ. Онъ показывалъ бы только, что обѣ составныя части рабочаго дня, необходимый трудъ и прибавочный трудъ, равны по величинѣ, но не показывалъ бы, какъ велика каждая изъ этихъ частей.

Рабочій день есть, такимъ образомъ, величина не постоянная, а переменная. Одна изъ его частей, правда, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для постоянного воспроизведенія рабочаго, но его общая величина измѣняется съ измѣненіемъ длины или продолжительности прибавочнаго труда. Ра-

бочій день, слѣдовательно, хотя и подлежитъ опредѣленію, но самъ по себѣ есть величина неопредѣленная³⁵⁾.

Но хотя рабочий день, такимъ образомъ, представляетъ величину не опредѣленную, а текучую или переменную, съ другой стороны, измѣняться онъ можетъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Его минимальные предѣлы однако не поддаются опредѣленію. Правда, если мы предположимъ, что линія удлиненія въ или прибавочный трудъ=0, то мы получимъ минимальную границу, т. е. ту часть дня, которую рабочий необходимо долженъ работать для поддержанія своей жизни. Но при капиталистическомъ способѣ производства необходимый трудъ можетъ составлять только часть рабочего дня, и послѣдній, слѣдовательно, никогда не можетъ быть сокращенъ до этого minimum'a. Зато, наоборотъ, рабочий день имѣетъ максимальную границу. Онъ не можетъ быть продолженъ далѣе извѣстнаго предѣла. Эта максимальная граница опредѣляется двояко. Во-первыхъ, физическими предѣлами рабочей силы. Человѣкъ въ продолженіе естественнаго дня въ 24 часа можетъ тратить только опредѣленное количество своей жизненной силы. Такъ, лошадь изо дня въ день можетъ работать только по 8 часовъ. Въ продолженіе одной части дня рабочая сила должна отдыхать, спать, въ продолженіе другой части человѣкъ долженъ удовлетворять свои другія физическія потребности, питаться, умываться, одѣваться и т. д. Кромѣ этихъ чисто физическихъ границъ удлиненіе рабочего дня встрѣчаетъ еще и моральныя границы. Рабочему нужно время для удовлетворенія своихъ духовныхъ и общественныхъ потребностей, число и характеръ которыхъ опредѣляются общимъ уровнемъ культуры. Такимъ образомъ, измѣненія рабочего дня происходятъ въ рамкахъ физическихъ и социальныхъ условій. Но объѣты категоріи условій по своей природѣ чрезвычайно эластичны и даютъ широкій просторъ для варіацій. Такъ, мы встрѣчаемъ рабочий день въ 8, 10, 12, 14, 16, 18 часовъ, т. е. самой различной длины.

Капиталистъ купилъ рабочую силу по ея дневной цѣнности. Ему, поэтому, принадлежитъ ея потребительная цѣнность въ продолженіе одного рабочего дня. Онъ приобрѣлъ такимъ образомъ право заставлять рабочего работать на себя въ продолженіе одного дня. Но что такое рабочий день? ³⁶⁾ Во всякомъ случаѣ онъ меньше естественнаго дня. Однако насколько меньше? У капиталиста свое особенное мѣтѣніе относительно этой ultima Thule, этой необходимой границы рабочего дня. Въ качествѣ капиталиста онъ представляетъ только олицетворенный капиталъ. Душа его есть душа капитала. Капиталъ же имѣетъ одно только жизненное стремленіе,—это стремленіе возрастать, создавать прибавочную цѣнность, всасывать своюю постоянною частью, т. е. средствами производства, по воз-

³⁵⁾ «Рабочій день есть нѣчто неопредѣленное, онъ можетъ быть длинный, или короткий». «An Essay on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation etc. London, 1770», p. 73.

³⁶⁾ Этотъ вопросъ несравненно важнѣе, чѣмъ вопросъ сэра Robert'a Peel'a Бирмингемской торговой камерѣ: «What is a pound?» (что такое фунтъ стерл.), вопросъ, который могъ быть предложенъ только потому, что Peel понималъ природу денегъ не больше, чѣмъ бирмингемскіе «little shilling men».

возможности большее количество прибавочного труда ³⁷⁾. Капиталъ это мертвый трудъ, который, подобно вампиру, оживаетъ отъ всасыванія живого труда, и тѣмъ дольше живетъ, чѣмъ больше онъ его всасываетъ. Время, въ продолженіе котораго рабочій работаетъ, есть время, въ продолженіе котораго капиталистъ потребляетъ купленную имъ рабочую силу ³⁸⁾. Если рабочій потребляетъ для себя самого время, которымъ онъ располагаетъ, то онъ обкрадываетъ капиталиста ³⁹⁾.

Капиталистъ ссылается на законъ товарнаго обмѣна. Онъ, какъ и всякій другой покупатель, старается извлечь изъ погребительной цѣнности своего товара возможно большую пользу. Но тутъ вдругъ раздается голосъ рабочаго, котораго до сихъ поръ не слышно было за шумомъ и суматохой процесса производства:

Товаръ, который я тебѣ продалъ, отличается отъ всей остальной товарной чертой тѣмъ, что потребление его создаетъ цѣнность, и цѣнность большую, нежели онъ самъ стоитъ. По этой-то причинѣ ты и купилъ его. Что для тебя является производительнымъ помещеніемъ капитала, то для меня представляетъ излишнюю трату рабочей силы. Мы оба на рынкѣ знаемъ только одинъ законъ—законъ товарнаго обмѣна. Потребленіе товара принадлежитъ не продавцу, который его отчуждаетъ, но покупателю, который его приобретаетъ. Тебѣ, поэтому, и принадлежитъ потребленіе моей дневной рабочей силы. Но посредствомъ той цѣны, за которую я ее ежедневно продаю, я долженъ воспроизводить ее ежедневно и такимъ способомъ имѣть возможность снова и снова ее продавать. Не говоря уже объ естественномъ изнашиваніи моего организма вслѣдствіе старости и т. д., я долженъ быть способенъ работать завтра съ той же нормальной степенью силы бодрости и здоровья, что и сегодня. Ты проповѣдуешь мнѣ постоянно евангеліе «бережливости» и «воздержанія». Хорошо же! Какъ разумный, бережливый хозяинъ, я желаю беречь свое единственное достояніе, рабочую силу, и воздерживаться отъ всякаго безумнаго расточенія ея. Я желаю приводить ежедневно въ движеніе, превращать въ живой трудъ только такую часть ея, которая соответствовала бы нормальной продолжительности ея работы и здоровому ея развитію. Чрезмѣрнымъ удлиненіемъ рабочаго дня ты можешь въ одинъ день привести въ движеніе такое количество моей рабочей силы, котораго я не смогу возстановить въ 3 дня. Что ты выигрываешь въ трудѣ, то я теряю въ субстанціи труда. Употребленіе моей рабочей силы и расхищеніе ея—

³⁷⁾ «Задача капиталиста состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ затраченнаго капитала извлечь по возможности большее количество труда». («D'obtenir du capital dépeusé la plus forte somme de travail possible»). J. G. Courcelle-Seneuil: «Traité théorique et pratique des entreprises industrielles. 2-ème édit. Paris, 1857», p. 63.

³⁸⁾ «Потеря одного часа труда причиняетъ громадный убытокъ торговому государству. Употребленіе предметовъ роскоши чрезвычайно распространено между бѣдными рабочими населеніемъ этого королевства, въ особенности между промышленнымъ населеніемъ; на это они тратятъ свое время, а это представляетъ самое губительное потребленіе». «An Essay on Trade and Commerce etc.», p. 47 и 153.

³⁹⁾ «Если свободный работникъ хоть на мигу задумаетъ отдохнуть, лишняя экономія, съ безпокойствомъ слѣдящая за нимъ, утверждаетъ, что онъ ее обкрадываетъ». (N. Linguet: «Théorie des Lois Civiles etc. London 1767», t. II, p. 466).

двѣ совершенно разлѣчныя вещи. Если средній періодъ жизни средняго рабочаго при разумныхъ размѣрахъ труда составляетъ 30 лѣтъ, то цѣнность моей рабочей силы, за которую ты мнѣ изъ дня въ день платишь, составляетъ $\frac{1}{365 \times 30}$ или $\frac{1}{10950}$ всей ея цѣнности. Но если ты ее потребляешь въ 10 лѣтъ, то ты платишь мнѣ ежедневно $\frac{1}{10950}$ вмѣсто $\frac{1}{3650}$ всей ея цѣнности, т. е. только $\frac{1}{3}$ ея дневной цѣнности и крадешь у меня такимъ образомъ ежедневно $\frac{2}{3}$ цѣнности моего товара. Ты платишь мнѣ за дневную рабочую силу, тогда какъ потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарнаго обмѣна. Я требую, поэтому, нормальнаго рабочаго дня и требую его, обращаясь не къ твоему сердцу, такъ какъ въ денежныхъ дѣлахъ нѣтъ мѣста добродушію. Ты можешь быть образцовымъ гражданиномъ, состоишь, можетъ быть, членомъ общества покровительства животнымъ, ты, сверхъ того, можешь быть, славившись святостью своей жизни; но у того существа, которое ты представляешь относительно меня, нѣтъ сердца въ груди. Удары, которые тамъ слышатся, это бѣненіе моего собственнаго сердца. Я требую нормальнаго рабочаго дня, потому что я, какъ и всякій другой продавецъ, требую! цѣнности своего товара ⁴⁰⁾.

Какъ мы видимъ, помимо крайне эластическихъ границъ, изъ существа самаго товарнаго обмѣна не вытекаетъ для рабочаго дня никакихъ границъ; нѣтъ ихъ, стало быть, и для прибавочнаго труда. Капиталистъ осуществляетъ и защищаетъ свое право покупателя, удлиняя по возможности рабочій день и стараясь, насколько возможно, сдѣлать изъ одного рабочаго дня два. Съ другой стороны специфическая природа проданнаго товара заключаетъ въ себѣ границу потребления его покупателемъ, и рабочій защищаетъ свое право продавца, когда онъ желаетъ ограничить рабочій день определенной нормальной величиной. Здѣсь, такимъ образомъ, получается антиномія, право сталкивается съ правомъ, при чемъ оба они опираются на законъ товарнаго обмѣна. При столкновеніи двухъ равныхъ правъ, вопросъ рѣшается силой. Такимъ образомъ, въ исторіи капиталистическаго производства нормированіе рабочаго дня представляетъ борьбу за границы рабочаго дня,—борьбу между совокупнымъ капиталомъ, т. е. классомъ капиталистовъ, и совокупнымъ рабочимъ, т. е. классомъ рабочихъ.

2. Неутолимая жажда прибавочнаго труда. Фабрикантъ и бояринъ.

Капиталъ не избрѣлъ прибавочнаго труда. Вездѣ, гдѣ одна часть общества имѣетъ монополію на средства производства, рабочій, свободный или не свободный,

⁴⁰⁾ Во время большой стачки лондонскихъ builders (строительныхъ рабочихъ) 1860—1861 г. съ цѣлью сокращенія рабочаго дня до 9 часовъ комитетъ стачки опубликовалъ манифестъ почти такого же содержанія, какъ и рѣчь нашего рабочаго. Въ немъ не безъ irony указывается на то, что самый азыный изъ «building masters», нѣкій Sir M. Peto славится своей святостью. (Этотъ самый Peto послѣ 1867 г. копчилъ тѣмъ же, что и Струссберги!).

долженъ къ рабочему времени, необходимому для поддержанія его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, идущее на производство средствъ существованія для владѣльца средствъ производства ⁴¹⁾, будетъ ли этотъ владѣлец афинскій *холюс хахалос*, этрусскій теократъ, римскій гражданинъ (*civis romanus*), норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валахскій бояринъ, современный лэндлордъ или капиталистъ ⁴²⁾. Однако, въ то же время ясно, что, если въ данной общественно-экономической формациі преобладающую роль играетъ не мѣсовая, но потребительная цѣнность продукта, то прибавочный трудъ ограничивается болѣе или менѣе тѣснымъ кругомъ потребностей, и изъ самаго характера такого производства не вытекаетъ безграничная потребность въ прибавочномъ трудѣ. Поэтому, уже въ древности ужасающій чрезмѣрный трудъ мы видимъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о добычаніи мѣсовой цѣнности въ ея самостоятельной денежной формѣ, т. е. при производствѣ золота и серебра. Вынужденная работа черезъ силу, до смерти, составляетъ здѣсь оффиціальную форму чрезмѣрнаго труда. Стоить только прочесть объ этомъ у Діодора Сицилійскаго ⁴³⁾. Однако, это—явленія, исключительныя въ древнемъ мірѣ. Но какъ только народы, производство которыхъ движется еще въ сравнительно низкихъ формахъ рабскаго труда, барщины и т. д., вовлекаются на всемірный рынокъ съ господствующимъ на немъ капиталистическимъ способомъ производства, при которомъ продажа продуктовъ за границу становится преобладающимъ интересомъ, съ этого самаго момента къ варварскимъ ужасамъ рабства, крѣпостного права и т. д. прибавляются цивилизованные ужасы чрезмѣрнаго труда. Поэтому, трудъ негровъ въ южныхъ штатахъ Америки сохранялъ умѣренный и патріархальный характеръ до тѣхъ поръ, пока производство было, главнымъ образомъ, направлено на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей. Но по мѣрѣ того какъ вывозъ хлопка дѣлался жизненнымъ интересомъ этихъ штатовъ, чрезмѣрный трудъ негра и мѣстами поглощеніе его жизненныхъ силъ въ теченіе семи лѣтъ труда становились факторомъ цѣлой расчистанной на барышъ и учитывающей его системы. Рѣчь шла уже не о выколачиваніи изъ раба извѣстнаго количества полезныхъ продуктовъ, а о производствѣ прибавочной

⁴¹⁾ «Тѣ, которые трудятся... кормятъ на самомъ дѣлѣ и пенсіонеровъ, называемыхъ богатыми, и самихъ себя». (Edmund Burke, I. c. p. 2).

⁴²⁾ Niebuhr въ своей «*Römische Geschichte*» очень инстинктивно замѣчаетъ: «Нельзя не сознавать, что произведенія этрусковъ, поражающія насъ даже въ своихъ развалинахъ,—въ маленькихъ государствахъ, предполагаютъ существованіе феодальныхъ господъ и рабовъ». Гораздо глубже замѣчаніе Sismondi, что «брюссельскія кружева» предполагаютъ существованіе предпринимателей и наемныхъ рабочихъ.

⁴³⁾ «Нельзя безъ состраданія къ ихъ ужасной судьбѣ смотрѣть на этихъ несчастныхъ (рабочниковъ въ золотыхъ рудникахъ между Египтомъ, Эфиопіей и Аравіей), которые даже не могутъ ни содержать въ чистотѣ своего тѣла, ни прикрыть свою наготу. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго снисхожденія, ни малѣйшей пощады ни къ больнымъ, ни къ старикамъ, ни къ женской слабости. Всѣ должны работать, повуждаемые побоями, пока смерть не положитъ конца ихъ мученіямъ и бѣдствіямъ». Diod. Sic. «Историческая библіотека», книга 3, гл. 13.

цѣнности. То же самое происходило съ барщиннымъ трудомъ, напр., въ дунайскихъ княжествахъ.

Сравненіе жажды прибавочной цѣнности въ дунайскихъ княжествахъ съ таковою же жаждою въ англійскихъ фабрикахъ представляетъ особенный интересъ, такъ какъ прибавочный трудъ при барщинномъ трудѣ обладаетъ самостоятельной, осязательной формой.

Предположимъ, что въ рабочемъ днѣ считается 6 часовъ необходимаго труда и 6 часовъ прибавочнаго труда. Тогда свободный рабочий доставляетъ ежепедѣльно капиталисту 6×6 или 36 часовъ прибавочнаго труда. Это все равно, какъ еслибы онъ 3 дня въ недѣлю работалъ для себя и 3 дня въ недѣлю даромъ для капиталиста. Но этотъ прибавочный трудъ не имѣетъ видимой формы. Прибавочный трудъ и необходимый трудъ сливаются здѣсь воедино. То же самое отношеніе можно выразить, сказавъ, что рабочий въ каждую минуту 30 секундъ работаетъ для себя и 30 секундъ для капиталиста. Совсѣмъ не то съ барщиннымъ трудомъ. Необходимый трудъ, который, напр., исполняетъ валахъ-крестьянинъ для поддержанія своей собственной жизни, отдѣленъ отъ его прибавочнаго труда на боярина. Одинъ трудъ онъ исполняетъ на своемъ собственномъ полѣ, другой—на господскомъ. Обѣ части рабочаго времени существуютъ поэтому самостоятельно, одна рядомъ съ другой. Въ барщинной формѣ прибавочный трудъ строго отдѣленъ отъ необходимаго труда, но это различіе формъ проявленія нисколько, очевидно, не пмѣняетъ количественнаго отношенія прибавочнаго труда къ необходимому труду. Три дня прибавочнаго труда въ недѣлю остаются такими тремя днями труда, которые не образуютъ эквивалента для самого рабочаго, все равно, называется ли этотъ трудъ барщиннымъ или наемнымъ. Но у капиталиста жажда прибавочнаго труда проявляется въ стремленіи къ безмѣрному удлиненію рабочаго дня, у боярина же проще—въ непосредственной погонѣ за барщинными днями ⁴⁴⁾.

Въ дунайскихъ княжествахъ барщинный трудъ былъ связанъ съ натуральной рентой и другими придатками крѣпостного права; но онъ составлялъ самую крупную дань въ пользу господствующаго класса. Въ такихъ случаяхъ барщина рѣдко происходитъ изъ крѣпостного права, а, наоборотъ, крѣпостное право по большей части происходитъ изъ барщины ⁴⁵⁾. Такъ было въ румын-

⁴⁴⁾ Послѣдующій очеркъ относится къ тому состоянію румынскихъ княжествъ, въ которомъ они находились до переворота, происшедшаго въ нихъ послѣ Крымской войны.

⁴⁵⁾ (Примѣчаніе въ 3-му изд. Это точно также относится и въ Германіи и въ особенности къ той части Пруссіи, которая расположена на востокъ отъ Эльбы. Въ XV столѣтіи нѣмецкіе крестьяннцы, хотя и несъ извѣстныя повинности трудомъ и натурою, но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ были, по крайней мѣрѣ, фактически свободнымъ человекомъ. Нѣмецкіе колонисты въ Бранденбургѣ, Помераніи, Силезіи и Восточной Пруссіи признавались даже и юридически свободными. Побѣда, одержанная дворянами въ крестьянской войнѣ, положила этому конецъ. Не только побѣжденные южно-германскіе крестьяне стали опять крѣпостными, но уже съ половины XVI столѣтія свободные крестьяне Восточной Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи и Силезіи, а вскорѣ затѣмъ и Шлезвигъ-Гольштейна, были низведены до

скихъ княжествахъ. Ихъ первоначальный способъ производства основывался на общинной собственности, отличной однако отъ славянской и еще болѣе отъ нѣмцкой общинной формы. Одна часть земель самостоятельно воздѣлывалась членами общины, какъ свободная частная собственность, другая же часть — *ager publicus* — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого общественнаго труда служили частью запаснымъ фондомъ на случай неурожая и другихъ случайностей, частью же составляли государственный фондъ, шедшій на покрытие расходовъ по войнѣ, на религіозныя цѣли или на другія общественныя издержки. Съ теченіемъ времени военные и религіозные сановники узурпировали вмѣстѣ съ общинною землею и всѣ съ ней связанныя повинности. Работа свободныхъ поселенцевъ на ихъ общинномъ полѣ превратилась въ барщину на похитителей этой общинной земли. Вмѣстѣ съ этимъ развились отношенія крѣпостного права, но еще лишь фактически, а не юридически, пока, наконецъ, генераль Киселевъ, подъ предлогомъ уничтоженія крѣпостного состоянія, не возвелъ его въ законъ. Барщинный кодексъ, введенный въ 1831 г. Киселевымъ, былъ, конечно, продиктованъ самими помѣщиками. Киселевъ убилъ, такимъ образомъ, однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ: привлечь къ себѣ магнатовъ дунайскихъ княжествъ и приобрести одобреніе либеральныхъ кретинновъ всей Европы.

По «*Réglement organique*» (такъ называется этотъ барщинный кодексъ) каждый валахскій крестьянинъ, кромѣ массы подробно перечисленныхъ натуральныхъ повинностей, обязанъ по отношенію къ такъ называемому помѣщику: 1) 12 рабочими днями вообще; 2) однимъ днемъ полевой работы и 3) однимъ днемъ извоза дровъ, т. е. въ общемъ 14 днями въ году. Но съ глубокимъ пониманіемъ политической экономіи рабочий день принимается здѣсь не въ его обыкновенномъ смыслѣ, но какъ рабочий день, необходимый для полученія средняго дневнаго продукта, средній же дневной продуктъ опредѣляется столь хитрымъ способомъ, что даже цыцлонъ не справится съ нимъ въ 24 часа. Безъ обиняковъ, съ чисто русской врожденію, самъ регламентъ объясняетъ, что подъ 12 рабочими днями нужно понимать продуктъ ручнаго труда 36 дней, подъ однимъ днемъ полевой работы — 3 дня, и подъ однимъ днемъ извоза дровъ точно также втрое больше. Итого: 42 дня барщины. Сюда причисляется еще такъ называемая «*Jobagie*», т. е. услуги, оказываемыя землевладѣльцу въ экстраординарныхъ обстоятельствахъ. Каждая деревня должна поставить ежегодно опредѣленный контингентъ на «*Jobagie*», пропорціонально своему населенію. Эта добавочная барщина составляетъ для каждаго валахскаго крестьянина — по приблизительной оцѣнкѣ — 14 дней. Такимъ образомъ, обязательная барщина составляетъ 56 дней въ году. Но земледѣльческій годъ въ Валахіи, вслѣдствіе дурнаго климата, считается только въ 210 дней, изъ которыхъ 40 дней пропадаютъ какъ воскресные и праздничные дни и 30 дней срединимъ числомъ вслѣдствіе дурной погоды; въ общемъ отпадаетъ 70 дней. Остается 140 рабочихъ дней. Отношеніе барщиннаго труда къ необходимому труду, $\frac{56}{84}$ или 66 $\frac{2}{3}$ % составляетъ го-

положенія крѣпостныхъ. (Maurer, «Frohnhöfe». IV Bd.—Meitzen. «Der Boden des pr. Staats».—Hansen, «Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein»).—F. E.].

раздо менший уровень прибавочной ценности, нежели тот, который регулирует труд английских земледельческих или фабричных рабочих. Но это лишь только предписанный законом барщина. «*Réglement organique*» въ еще болѣе «либеральномъ» духѣ, чѣмъ английское фабричное законодательство сумѣлъ облегчить способъ своего собственного обхода. Слѣзавъ изъ 12 дней 54, онъ опредѣляетъ номинальный дневной трудъ или урокъ каждаго изъ 54 барщинныхъ дней опять такимъ образомъ, что нужно всегда доканчивать его въ слѣдующіе дни. Въ одинъ день должно, напр., быть вынуждено такое пространство, которое для этой операціи, особенно на мѣловыхъ поляхъ, требуетъ вдвое больше времени. Законный дневной трудъ или урокъ по нѣкоторымъ земледѣльческимъ работамъ поддается такому толкованію, при которомъ день начинается въ маѣ и кончается въ октябрѣ. Въ Молдавіи дѣйствуютъ правила еще болѣе суровыя: «12 дней барщины по *Réglement organique*», говорилъ одинъ опытный побѣдой помѣщикъ, «простираются до 365 дней въ году»⁴⁵⁾.

Если *Réglement organique* дунайскихъ княжествъ служилъ положительнымъ выраженіемъ неутолимой жажды прибавочной ценности, легализованной въ каждомъ его параграфѣ, то английскіе *Factory Acts* были отрицательнымъ выраженіемъ той же самой жажды. Эти законы обуздываютъ стремленіе капитала къ безграничному высасыванію рабочей силы, устанавливая принудительное ограниченіе рабочаго дня со стороны государства, и притомъ со стороны такого государства, которымъ управляютъ капиталисты и лэндорды. Помимо все усиливающагося и становящагося все болѣе и болѣе угрожающимъ рабочаго движенія, ограниченіе фабричнаго труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставляла вызывать гуано на англійскія поля. Та же самая слѣпая жажда наживы, которая въ одномъ случаѣ истощала поля, въ другомъ—стала подтачивать въ корнѣ жизненные силы націи. Периодическіе эпидеміи и уменьшеніе роста солдатъ въ Германіи и Франціи одинаково ясно говорили объ этомъ⁴⁶⁾.

⁴⁵⁾ Дальнѣйшія подробности объ этомъ можно найти у Е. К. Regnault въ «*Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes*». Paris 1855.

⁴⁶⁾ Въ общемъ и въ нѣкоторыхъ границахъ, если органическія существа превосходятъ средній размѣръ своего вида, то это служитъ признакомъ ихъ преуспѣванія. Что касается человека, то размѣръ его тѣла уменьшается, если его благосостояніе нарушено физическими или социальными условіями. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ существуетъ конскрипція, со времени введенія послѣдней, средний ростъ взрослыхъ мужчинъ и ихъ пригодность къ военной службѣ вообще уменьшается. До революціи (1789) minimum для инфантеріи во Франціи былъ 165 сантиметровъ; въ 1818 (законъ 10 марта)—157, послѣ закона 21 марта 1832—156 сантиметровъ; въ среднемъ болѣе половины были признаны во Франціи негодными къ военной службѣ вслѣдствіе недостаточнаго роста и физической слабости. Саксонская военная мѣра была въ 1780—178 сантиметровъ, теперь же она составляетъ 155. Въ Пруссіи она равна 157. По даннымъ, приводимымъ докторомъ Meyer'омъ въ *Bayrische Zeitung* отъ 9 мая 1862 и представляющимъ средній выводъ за 9 лѣтъ, въ Пруссіи изъ каждыхъ 1.000 рекрутъ 716 негодныхъ къ военной службѣ; 317 вслѣдствіе недостаточнаго роста и 399 вслѣдствіе физическихъ недостатковъ... Въ 1858 г. Берлинъ не могъ доставить своего ежегоднаго контингента: не хватало 156 чело-

Нынѣ (1867) дѣйствующій Factory Act 1850 г. раздѣляетъ среднимъ числомъ 10 часовъ въ недѣлю, именно для первыхъ 5 дней недѣли по 12 часовъ, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, — изъ этого времени $\frac{1}{2}$ часа законъ, впрочемъ, опредѣляетъ на завтракъ и 1 часъ на обѣдъ, такъ что остается $10\frac{1}{2}$ рабочихъ часовъ, — и 8 часовъ въ субботу, отъ 6 часовъ утра до 2 часовъ послѣ обѣда, изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ часа идетъ на завтракъ. Остается 60 рабочихъ часовъ, по $10\frac{1}{2}$ для первыхъ 5 дней и $7\frac{1}{2}$ для послѣдняго дня недѣли ⁴⁷⁾. За исполненіемъ закона наблюдаютъ особо назначенные фабричные инспектора, непосредственно подчиненные министерству внутреннихъ дѣлъ, инспектора, отчеты которыхъ каждыя полгода публикуются отъ имени парламента. Эти отчеты даютъ непрерывную и офиціальную статистику жажды прибавочнаго труда капиталистовъ.

Послушаемъ на минуту фабричныхъ инспекторовъ ⁴⁸⁾.

«Фабрикантъ, пускающійся на обманы, начинать работу на четверть часа, иногда меньше, иногда больше, ранѣе 6 часовъ утра и оканчивается ее на четверть часа, иногда меньше, иногда больше, позже 6 часовъ вечера. Онъ отнимаетъ 5 минутъ въ началѣ и 5 минутъ въ концѣ отъ того получаса, который назначенъ на завтракъ, и 10 минутъ въ началѣ и 10 минутъ въ концѣ отъ обѣденнаго часа. Въ субботу онъ работаетъ на четверть часа, иногда больше, иногда меньше, позже 2 часовъ. Такимъ образомъ онъ выгадываетъ:

До 6 часовъ утра	15 минутъ	Итого въ 5 дней: 300 минутъ.
Послѣ 6 часовъ вечера	15 »	
На времени завтрака	10 »	
На обѣденномъ времени	20 »	
	60 минутъ	

вѣкъ. (J. v. Liebig: «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie 1862, 7 Aufl.». Band I, p. 117, 118).

⁴⁷⁾ Исторія фабричнаго закона 1850 г. будетъ изложена ниже въ этой же главѣ.

⁴⁸⁾ Я только нѣмалка касаюсь періода отъ начала крупной промышленности въ Англіи до 1845; по этому вопросу я отсылаю читателя къ книгѣ: «Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Von Friedrich Engels. Leipzig 1845». Какъ глубоко появлялся Энгельсъ духъ капиталистическаго способа производства, показываютъ Factory Reports, Reports on Mines и т. д., появившіеся съ 1845 г.; а какъ поразительно онъ нарисовалъ подробности состоянія рабочаго класса, показываетъ самое поверхностное сравненіе его сочиненія съ офиціальными отчетами «Children's Employment Commission» (1863—67), опубликованными 18, 20 лѣтъ спустя. Эти послѣдніе говорятъ о тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ фабричное законодательство еще не было введено до 1862 г., отчасти и теперь еще не введено. Здѣсь, следовательно, въ условія, описанныя Энгельсомъ не были еще внесены ничѣмъ сколько-нибудь крупныя измѣненія. Свои примѣры я заимствую, главнымъ образомъ, изъ періода свободной торговли, наступившаго послѣ 48 года, изъ райскаго времени, о которомъ столько наболтали нѣмцамъ столь же крикливые, сколько убогіе въ научномъ отношеніи разносчики фритредерской мудрости. — Впрочемъ Англіи фигурируетъ здѣсь на первомъ планѣ только потому, что она классическій представитель капиталистическаго производства и что она одна только обладаетъ непрерывной офиціальною статистикою по интересующимъ насъ вопросамъ.

По субботам:

До 6 часовъ утра	15 минутъ	Выигрышъ за
На время завтрака	10 „	всю недѣлю:
Послѣ 2 часовъ	10 „	340 минутъ.

Или 5 часовъ 40 минутъ въ недѣлю, что умноженное на 50 рабочихъ недѣль, за вычетомъ 2 недѣль на праздники или случайный перерывъ работы, составляетъ 27 рабочихъ дней» ⁴⁹⁾.

«Если рабочий день удлиняется ежедневно на 5 минутъ долѣ нормальной продолжительности, то это составляетъ 22 рабочихъ дня въ году» ⁵⁰⁾. «Одинъ прибавочный часъ ежедневно, полученный отъ того, что урываютъ то тутъ, то тамъ нѣсколько минутъ, составляетъ изъ 12 годовыхъ мѣсяцевъ 13» ⁵¹⁾.

Кризисы, во время которыхъ производство прерывается и работаютъ только «короткое время», только нѣсколько дней въ недѣлю, конечно, нисколько не измѣняютъ стремленія къ удлинению рабочаго дня. Чѣмъ меньше дѣлается дѣлъ, тѣмъ больше должна быть прибыль отъ нихъ. Чѣмъ меньшее время можно работать, тѣмъ большее прибавочное время нужно работать. Такъ фабричные инспектора сообщаютъ о періодѣ кризиса съ 1857 до 1858 г.:

«Можно усмотрѣть непосредственность въ томъ, что чрезвычайный трудъ происходитъ въ такое время, когда торговля идетъ такъ плохо; но именно это то дурное состояніе ея и побуждаетъ безперемонныхъ людей къ излишествамъ; этимъ они обезпечиваютъ себѣ экстраординарную прибыль... «Въ то самое время», говорятъ Leonhard Horner, «когда 122 фабрики въ моемъ округѣ совершенно оставлены, 143 остановлены, а всѣ остальные работаютъ только короткое время, трудъ, превосходящій установленное закономъ время, продолжается» ⁵²⁾. «Хотя», говорятъ Howell, «въ большей части фабрикъ, вслѣдствіе плохого состоянія дѣлъ, работаютъ только половину времени, я получаю теперь не меньше жалобъ, чѣмъ прежде, на то, что $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ часа ежедневно утягиваются (snatched) у рабочихъ отъ установленныхъ закономъ перерывовъ для обѣда и отдыха» ⁵³⁾.

То же самое явленіе повторяется въ меньшихъ размѣрахъ во время ужаснаго хлопчатобумажнаго кризиса 1861—1865 г. ⁵⁴⁾.

«Если мы застаемъ рабочихъ за работой въ часы обѣда или въ какое-нибудь другое недозволенное закономъ время, то часто въ оправданіе приводится то, что рабочіе ни за что не хотятъ оставлять фабрику, и что даже нужно силой заставлять ихъ прерывать работу (чистку машинъ и т. д.), особенно въ субботу

⁴⁹⁾ «Suggestions etc. by Mr. L. Horner, Inspector of Factories», въ: «Factories Regulation Act, Ordered by the House of Commons to be printed 9. Aug. 1859» p. 4, 5.

⁵⁰⁾ «Reports of the Insp. of. Fact. for the half year, Oct. 1856», p. 35.

⁵¹⁾ «Reports etc. 30 th April 1858», p. 9.

⁵²⁾ «Reports etc». I. c. p. 43.

⁵³⁾ «Reports etc». I. c. p. 25.

⁵⁴⁾ «Reports etc. for the half year ending 30 th. April 1861». См. прибавленіе № 2; «Reports etc. 31st octob. 1862», p. 7, 52, 53. Нарушенія нормы становятся опять многочисленнѣе въ послѣдней половинѣ 1863 г. Ср. «Reports etc. eding 31 st octob. 1863», p. 7.

послѣ полуночи. Но если «руки» остаются на фабрикѣ послѣ остановки машинъ, то это происходитъ только оттого, что отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, т. е. въ дозволенное закономъ рабочее время, имъ не дается никакого перерыва для исполненія такого рода работъ»⁵⁵).

«Экстраординарная прибыль, доставляемая трудомъ, превышающимъ законное рабочее время, представляется многимъ фабрикантамъ слѣшкомъ большимъ искушениемъ, которому они не въ силахъ противостоять. Они всегда надѣются на счастье не быть застигнутыми и рассчитываютъ, что въ случаѣ, если бы ихъ и накрыли, ничтожность денежнаго штрафа и судебныхъ издержекъ обезпечиваетъ имъ еще довольно большую прибыль»⁵⁶). «Тамъ, гдѣ добавочное время получается отъ повторенія въ теченіе дня маленькихъ кражъ («a multiplication of small thefts»), инспектора встрѣчаютъ при доказываніи нарушенія на судѣ почти непреодолимые препятствія»⁵⁷). Фабричные инспектора называютъ эти «маленькія похищенія времени обѣда и отдыха рабочихъ», производимыя капиталомъ «petty pilferings of minutes», кражей минуты⁵⁸). «snatching a few minutes», урываніемъ минутъ⁵⁹), или же, выражаясь техническимъ языкомъ рабочихъ, «nibbling and cribbling at meal times»⁶⁰).

Какъ мы видимъ, образованіе прибавочной цѣнности прибавочнымъ трудомъ не составляетъ секрета въ этой атмосферѣ. «Если вы мнѣ позволите», гово-

55) «Reports etc. 31 st. Oct. 1860» p. 23. Съ какимъ фанатизмомъ сопротивляются, по показаніямъ фабрикантовъ предъ судомъ, ихъ «фабричныя руки» всякому перерыву фабричнаго труда, показывается слѣдующій курьезъ. Въ началѣ іюня 1836 г. къ судѣ въ Dewsbury (Yorkshire) поступили жалобы на нарушеніе фабричнаго закона 8 владѣльцами фабрикъ по близости Batley. Часть этихъ господъ были обвинены въ томъ, что они заставляли работать 5 мальчиковъ между 12 и 15 годами отъ 6 часовъ утра пятицы до 4 часовъ пополудни субботы, не давая имъ никакого отдыха кромѣ перерыва для принятія пищи и одного часа сна около полуночи. Эти дѣти должны были исполнять свой неустанный 30 часовый трудъ въ «Shoddy hole», какъ называется та берлога, гдѣ раздерегиваются шерстяныя тряпки и гдѣ цѣлое море пыли, отбросовъ и т. п. заставлялъ даже взрослыхъ рабочихъ постоянно выныривать платкомъ ротъ для защиты легкихъ. Обвиненные хозяева утверждали безъ присяги—какъ квакеры они были слѣшкомъ скрупулезно-религиозны для того, чтобы присягнуть,—что въ своемъ великомъ милосердіи они дали несчастнымъ дѣтямъ 4 часа сна, но что упрямые дѣти ни за что не хотѣли лечь въ постель. Господа квакеры были присуждены къ денежному штрафу въ 20 ф. ст. Дравденъ какъ бы предчувствовалъ этихъ квакерровъ, когда говорилъ:

«Fox full fraught in seeming sanctity,
That feared an oath, but like the devil would lie,
That look'd like Lent, and had the holy loaf,
And durst not sin! before he said his prayer!

(Лисаца, пренеполненная притворной святости, которая боится клятвы, ползаетъ какъ дьяволъ, которая съ величественнымъ видомъ набожно овирается кругомъ, и не смѣетъ согрѣшить, не прочитавъ молитвы).

⁵⁵) «Rep. etc. 31 Oct. 1856». p. 34.

⁵⁷) I. c. p. 35.

⁵⁸) I. c. p. 35.

⁵⁹) I. c.

⁶⁰) I. c.

рпль мнѣ одинъ очень почтенный фабрикантъ, «работать ежедневно 10 минутъ сверхъ дозволеннаго времени, то вы этимъ положите мнѣ въ карманъ ежегодно 1.000 ф. ст.» ⁶¹⁾. «Атомы времени суть элементы прибыли» ⁶²⁾.

Нѣтъ ничего болѣе характернаго въ этомъ отношеніи, какъ обозначеніе рабочихъ, работающих полное время, словами «full times» (полное время), и дѣтей моложе 13 лѣтъ, которые должны работать только 6 часовъ, словами «half times» (половинное время) ⁶³⁾. Рабочій здѣсь не болѣе какъ олицетворенное рабочее время. Всѣ индивидуальныя различія превращаются только въ различія между «полнорабочими» и «полурабочими».

III. Отрасли англійской промышленности безъ законныхъ границъ эксплуатаціи.

До сихъ поръ мы рассматривали стремленіе къ удлиненію рабочаго дня. эту жажду прибавочнаго труда, въ той области, гдѣ чрезмѣрные злоупотребленія капитала, не превзойденныя по словамъ одного буржуазнаго англійскаго экономиста жестокостью испанцевъ по отношенію къ краснокожимъ Америкъ ⁶⁴⁾, вызвали, наконецъ, необходимость обуздать его и посадить на цѣпь законодательнаго регулированія условій труда. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя отрасли промышленности, гдѣ высасыванье рабочей силы либо до сихъ поръ ничѣмъ не ограничено, либо еще недавно не было ограничено.

«Т. Broughton, суля графства, указывалъ, будучи президентомъ митинга, происходившаго въ думской залѣ Nottingham'a 14 января 1860 г., на тотъ фактъ, что среди части городского населенія, занятой производствомъ кружевъ, господствуютъ нищета и лишенія въ такой сильной степени, которая неизвѣстна остальному цивилизованному міру. Въ 2, 3, 4 часа утра дѣтей 9—10 лѣтъ отрываютъ отъ ихъ грязныхъ постелей и заставляютъ работать для одного только поддержанія существованія до 10, 11, 12 часовъ ночи. Они худѣютъ, съеживаются, черты лица у нихъ притупляются и все ихъ существо какъ бы цѣпляетъ, такъ что одинъ видъ ихъ ужасенъ. Намъ нисколько не удивляетъ, что г. Mallett и другіе фабриканты возстали противъ всякаго обсужденія этого предмета... Система эта, какъ ее описалъ Rev. Montagu Valpy, есть система

⁶¹⁾ I. c. p. 48.

⁶²⁾ «Moments are the elements of profit», «Rep. of the Insp. etc. 30 th April 1860», p. 56.

⁶³⁾ Выраженіе это имѣетъ официальное право гражданства, какъ на фабрикахъ, такъ и въ фабричныхъ отчетахъ.

⁶⁴⁾ «Алчность владѣльцевъ фабрикъ вставляетъ ихъ совершать, въ погоню за прибылью, жестокости, которые врядъ ли были превзойдены испанцами при завоеваніи Америки въ погоню за золотомъ». John Wade: «History of the Middle and Working Classes. 3d ed. Lond. 1835», p. 114. Теоретическая часть этой книги, ничто въ родѣ основаній политической экономіи, содержитъ оригинальныя мысли для своего времени, напр., о торговыхъ кризисахъ. Но историческая часть представляетъ безсознательный плагиатъ наъ сэра М. Eden'a: «History of the Poor. London. 1799».

безграничнаго рабства, рабства въ социальномъ, физическомъ, моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи... Что подумать о городѣ, который устраиваетъ митингъ для того, чтобы петиціонировать объ ограниченіи рабочаго дня для мужчяъ 18 часами!.. Мы пускаемся въ декламации противъ виргинскихъ и каролинскихъ плантаторовъ, но развѣ ихъ торговля неграми, со всѣми ужасами плетей и торгоа человѣческимъ мясомъ, ужаснѣе этого мелзняка закланія людей, совершающагося съ цѣлью изготовленія вуалей и воротниковъ для выгоды капиталистовъ»⁶⁵).

Гончарное производство (Pottery) Staffordshire'a составляло въ продолженіе послѣднихъ 22 лѣтъ предметъ трехъ парламентскихъ изслѣдованій. Результаты ихъ изложены въ отчетѣ T. Scriven'a отъ 1841 г., составленномъ для «Children's Employment Commissioners», въ отчетѣ д-ра Greenhow отъ 1860 г., опубликованномъ по распоряженію медицинскаго отдѣленія тайнаго совѣта (Privy Council) (Public Health, 3rd Report, I, 112—113), наконецъ, въ отчетѣ T. Longe отъ 1863 г. въ «First Report of the Children's Employment Commission» отъ 13 июня 1863 г. Для моей задачи совершенно достаточно заимствовать изъ отчетовъ 1860 и 1863 гг. нѣсколько показаній самихъ эксплуатируемыхъ дѣтей. По судьбѣ дѣтей можно судить о положеніи взрослыхъ, особенно женщинъ и дѣвушекъ, — въ такой отрасли промышленности, по сравненію съ которой бумагопридѣние и т. п. кажется очень пріятнымъ и здоровымъ занятіемъ⁶⁶).

Wilhelm Wood, 9 лѣтъ, «началъ работать, когда ему было 7 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Сначала онъ «ran moulds», т.-е. носилъ готовый товаръ въ сушильню и затѣмъ приносилъ обратно пустую форму. Въ продолженіе всей недѣли онъ ежедневно приходитъ въ 6 часовъ утра и прекращаетъ работу около 9 часовъ вечера. «Я работаю до 9 часовъ вечера ежедневно; такъ было, напр., послѣднія 7—8 недѣль». Итакъ, пятнадцатичасовой рабочій день для семилѣтняго ребенка! J. Murray, 12 лѣтъ, рассказываетъ: «I run mulds and turn jigger (верчу колесо). Я прихожу въ 6 часовъ, иногда въ 4 часа утра. Я работалъ всю послѣднюю ночь до 8 часовъ сегодняшняго утра. Я не ложился съ прошлой ночи. Кромѣ меня работало еще 8 или 9 другихъ мальчиковъ всю эту ночь напролетъ. Всѣ, кромѣ одного, опять пришли сегодня утромъ. Я получаю 3 шилл., 6 пенс. въ недѣлю. Не получаю я больше и тогда, когда работаю всю ночь напролетъ. На послѣдней недѣлѣ я работалъ двѣ ночи напролетъ». Fernyhough, десятилѣтній мальчикъ: «Я не всегда имѣю цѣлый часъ на обѣдъ, часто только полчаса: такъ, по четвергамъ, пятницамъ и субботахъ»⁶⁷).

Dr. Greenhow заявляетъ, что продолжительность жизни въ гончарныхъ округахъ Stock upon Trent и Wolstanton чрезвычайно коротка. Хотя въ округѣ Stock только 30, 6⁰/о, а Wolstanton только 30, 6⁰/о мужского населенія старше 20 лѣтъ занято въ гончарномъ дѣлѣ, все же въ первомъ округѣ больше половины, а во

⁶⁵) «London Daily Telegraph» отъ 17 января 1860 г.

⁶⁶) Ср. Engels «Lage etc». p. 249—51.

⁶⁷) «Children's Employment Commission. First Report etc. 1863», Appendix p. 16, 19, 18.

второмъ около $\frac{2}{3}$ смертныхъ случаевъ отъ грудныхъ болѣзней между мужчинами приходится на долю гончарныхъ рабочихъ. Dr Boothroyd, врачъ, практикующій въ Hanley, утверждаетъ съ своей стороны, что «каждое поколѣнiе гончаровъ мельче и слабѣ предыдущаго». Точно также другой врачъ, г. McBean, говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я 25 лѣтъ тому назадъ началъ свою практику между гончарами, бросающееся въ глаза вырожденiе этого класса сказалось въ прогрессирующемъ паденiи роста и вѣса». Эти показанiя заимствованы изъ отчета доктора Greenhow отъ 1860 г. ⁽⁶⁸⁾).

Изъ отчета комиссара отъ 1863 г. извлекаемъ слѣдующее: Dr. I. T. Arledge, главный врачъ больницы въ North Staffordshire, говоритъ. «Какъ классъ, гончары, мужчины и женщины... представляютъ физически и нравственно вырождающееся населенiе. Они вообще маленькаго роста, плохо сложены и часто у нихъ искривленная грудь. Они преждевременно старѣются и жизнь ихъ непродолжительна; они флегматичны и малокровны, слабость ихъ сложенiя проявляется въ упорной диспепсiи, разстройствѣ печени и почекъ и ревматизмѣ. Но въ особенности они подвержены груднымъ болѣзнямъ, напр., воспаленiю легкихъ (pneumonia), чахоткѣ (phthisis), бронхиту и астмѣ. Одна форма послѣдней свойственна имъ въ особенности и называема подъ названiемъ гончарной астмы или гончарной чахотки. Золотуха, поражающая желѣзы, кости и другiя части тѣла, есть болѣзнь больше чѣмъ $\frac{2}{3}$ гончаровъ. Если вырожденiе (degenerescence) населенiя этого округа не зашло еще гораздо дальше, то это только благодаря тому, что оно постоянно пополняется изъ сосѣднихъ деревень и вступаетъ въ браки съ болѣе здоровыми расами. Г-нъ Charles Pearson, незадолго до этого бывшiй врачомъ той же больницы, пишетъ между прочимъ въ письмѣ къ комиссару Longe: «Я могу говорить только на основанiи личнхъ наблюденiй, а не на основанiи статистическихъ данныхъ; но я долженъ замѣтить, что я часто виждъ негодованiемъ при видѣ этихъ бѣдныхъ дѣтей, здоровье которыхъ приносится въ жертву жадности ихъ родителей и работодателей». Онъ перечисляетъ причины болѣзней гончаровъ и заканчиваетъ свой перечень указанiемъ «Long Hours» («продолжительное рабочее время»). Отчетъ комиссiи выражаетъ надежду, что промышленность съ такимъ высокимъ положенiемъ не долго будетъ въ глазахъ всего мiра носить на себѣ позоръ того, что ея огромные успѣхи сопровождаются физическимъ вырожденiемъ, многообразными болѣзнями и преждевременною смертiю рабочаго населенiя, трудомъ и искусствомъ которыхъ были достигнуты такіе крупные результаты ⁽⁶⁹⁾» Все сказанное о гончарномъ производствѣ въ Англіи относится также къ этому производству въ Шотландiи ⁽⁷⁰⁾).

Производство спичекъ началось съ 1833 г., съ того времени, когда найденъ былъ способъ укрѣплять фосфоръ на самой палочкѣ. Съ 1845 г. оно быстро развилось въ Англіи, изъ густо населенныхъ частей Лондона перешло

⁽⁶⁸⁾ «Public Health. 3rd Report etc». p. 102, 104, 105.

⁽⁶⁹⁾ «Children's Employm. Commission. 1863», p. 24, 22 и XI.

⁽⁷⁰⁾ I. o. p. XLVII.

въ особеннѣи въ Манчестерѣ, Бриггсѣ, Ливерпулѣ, Бристолѣ, Норвичѣ, Ньюкастлѣ, Глазго. Вездѣ оно сопровождалось распространеніемъ судорожнаго сжатія челоустей, болѣзни, еще въ 1845 г. признанной однимъ вѣнскимъ врачомъ за специальную болѣзнь спичечныхъ рабочихъ. Половина этихъ рабочихъ дѣти, моложе 13, и юноши, моложе 18 лѣтъ. Вслѣдствіе своего вреднаго вліянія на здоровье и своей несправности, производство это пользуется такой дурной репутаціей, что только наиболѣе опустившаяся часть рабочаго класса, полуголодная вдовы и т. д. доставляютъ ему дѣтей, «оборванныхъ, оголодавшихъ, заброшенныхъ и невоспитанныхъ дѣтей»⁷¹⁾. Изъ свидѣтелей, допрошенныхъ комиссаромъ White'омъ (1863), 270 были моложе 19 лѣтъ, 50 моложе 10, 10—въ 8 лѣтнемъ возрастѣ и лишь 5—въ 6 лѣтнемъ. Рабочій день колеблется между 12, 14 и 15 часами; работаютъ ночью; нѣтъ опредѣленнаго времени для обѣда и завтрака; часто ѣдятъ въ самыхъ фабричныхъ зданіяхъ, гдѣ воздухъ отравленъ фосфоромъ. Данте нашелъ бы, что эти мануфактуры превосходятъ самые жестокіе ужасы его фантастическаго ада.

На обѣйныхъ фабрикахъ болѣе грубые сорта печатаются машинными, а болѣе тонкіе—руками (block printing). Самый оживленный сезонъ бываетъ между началомъ октября и концомъ апрѣля. Во время этого періода работа эта часто продолжается—и притомъ почти безъ прерыва—съ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера и даже дольше ночью.

J. Leach показываетъ: «Въ послѣднюю зиму (1862) изъ 19 дѣвушекъ 6 не пришли на работу, вслѣдствіе причиненныхъ чрезмѣрными трудомъ болѣзней. Чтобы онѣ не засыпали, я долженъ ихъ окричать». W. Duffy свидѣтельствуєтъ: «У дѣтей часто отъ усталости спянутъ глаза, мы и сами часто еле держимся». I. Lightbourne: «Мнѣ 13 лѣтъ... мы работали послѣднюю зиму до 9 часовъ вечера, а предыдущую до 10. Послѣднюю зиму почти каждый вечеръ ноги мои были такъ изранены, что я кричалъ отъ боли». G. Arpsden: «Вотъ этого моего мальчика, когда ему было 7 лѣтъ, я на спинѣ переносилъ черезъ сѣтѣгъ на фабрику и съ фабрики, и онъ работалъ по 16 часовъ!.. часто я становился на колѣни, чтобы покормить его, когда онъ стоялъ у машины, такъ какъ онъ не могъ оставить или остановить ее.» Smith, компаньонъ и управляющій одной фабрикой въ Манчестерѣ, говоритъ: «Мы работаемъ (онъ подразумѣваетъ наши «руки», которыя работаютъ на «насъ») безъ перерывовъ на обѣдъ и завтракъ, такъ что обычный рабочій день въ 10½ часовъ кончается въ 4½ часа послѣ обѣда, все же остальное есть сверхурочное время»⁷²⁾. (Интересно

⁷¹⁾ I. с. p. LIV.

⁷²⁾ Это выраженіе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ выраженію—прибавочный трудъ. Эти господа разсматриваютъ 10½ часовъ труда, какъ нормальный рабочій день, заключающій, слѣдовательно, также и нормальный прибавочный трудъ. Затѣмъ начинается «прибавочное время», которое оплачивается немного лучше. Мы впоследствии будемъ имѣть случаи видѣть, что употребленіе рабочей силы во время такъ называемаго нормальнаго рабочаго дня оплачивается ниже цѣнности, такъ что «сверхурочная работа» есть только хитрая уловка капиталиста, чтобы выжать больше «прибавочнаго труда», такой уловкой она, впрочемъ, остается даже и тогда, когда употребляемая во время «нормальнаго рабочаго дня» рабочая сила дѣйствительно оплачивается по ея полной цѣнности.

знать, въ самомъ ли дѣлѣ г-нъ Smith ни разу не бѣсть въ продолженіе 10½ часовъ?) «Мы (тотъ же самый Smith) рѣдко прекращаемъ работу ранѣе 6 часовъ вечера (онъ хочетъ сказать: потребление «нашихъ» человеческихъ машинъ), такъ что мы (iterum Crispinus) на самомъ дѣлѣ въ продолженіе всего года работаемъ сверхурочное время... Дѣти и взрослые (152 человека дѣтей и подростковъ моложе 18 лѣтъ и 140 взрослыхъ) работали одинаково въ продолженіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ среднимъ числомъ, по крайней мѣрѣ, 7 дней и 5 часовъ въ недѣлю или 78½ часовъ еженедѣльно. Для 6 недѣль, закончившихся 2-мъ мая этого года (1863), среднее число было больше,—оно составляло 8 дней или 84 часа въ недѣлю!» Но при всемъ томъ тотъ же господинъ Smith, столь увлекающійся употребленіемъ *pluralis majestatis*, прибавляетъ съ самодовольной улыбкой: «Машинный трудъ легокъ». А фабриканты, практикующіе Block Printing, въ свою очередь говорятъ: «Ручной трудъ здоровѣе машиннаго». Въ общемъ, господа фабриканты съ негодованіемъ возстаютъ противъ предложенія—оставлять машины, по крайней мѣрѣ, во время обѣда и завтрака. «Законы», говоритъ г-нъ Otteу, директоръ обойной фабрики въ Borough (въ Лондонѣ), «которые разрѣшали бы намъ работать отъ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера, были бы намъ (!) очень по душѣ, но часы, указанные въ Factory Act, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, для насъ (!) не годятся... Мы останавливаемъ наши машины во время обѣда (какое великодушіе!). Остановка эта причиняетъ самую ничтожную потерю бумаги и красокъ». «Но», прибавляетъ онъ съ сочувствіемъ, «я понимаю, что связывая съ этимъ потеря не праніе». Отчетъ коммисіи паниво полагаетъ, что опасенія нѣкоторыхъ «руководящихъ фирмъ» потерять время, т. е. время присвоенія чужого труда и такимъ образомъ «лишиться прибыли» не представляютъ достаточнаго основанія для того, чтобы «лишать обѣда» въ продолженіе 12—16 часовъ дѣтей моложе 13 лѣтъ и подростковъ моложе 18 лѣтъ, или давать его имъ такъ, какъ даютъ уголь в воду паровой машинѣ, мыло—шерсти, масло—козесу и т. д., т. е. во время самаго процесса производства, т.-е. какъ вспомогательный вещества даются орудіямъ труда⁷³⁾.

Ни одна отрасль промышленности въ Англіи (мы оставляемъ въ сторонѣ только еще развивающуюся машинную фабрикацію хлѣба) не сохранила столь древняго и даже—какъ это можно узнать, справившись съ поэтами временъ римской имперіи—дохристіанскаго способа производства, какъ хлѣбопеченіе. Но капиталу, какъ это уже ранѣе было замѣчено, на первыхъ порахъ совершенно безразлично, каковъ техническій характеръ процесса труда, которымъ онъ овладѣваетъ. Онъ беретъ его въ началѣ такимъ, каковыи онъ его находитъ.

Невѣроятная фальсификація хлѣба, въ особенности въ Лондонѣ, была впервые обнаружена комитетомъ Палаты Общпвъ, «о фальсификаціи пищевыхъ веществъ» (1855—56) и въ книгѣ доктора Nassal'я: «Adulterations detected⁷⁴⁾».

⁷³⁾ I. c. Evidence p. 123, 124, 125, 140 и LIV.

⁷⁴⁾ Мелко растертые квасцы или квасцы, смѣшанные съ солью, составляютъ нормальный предметъ торговли, который носитъ характерное названіе «baker's stuff» (порошокъ булочниковъ).

Слѣдствіемъ этихъ разоблаченій былъ законъ 6-го августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» (о предупрежденіи фальсификаціи пищи и напитковъ), законъ не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ онъ, конечно, соблюдаетъ величайшую деликатность по отношенію къ тѣмъ фритредерамъ (свободнымъ торговцамъ), желающимъ покупкой и продажей фальсифицированныхъ товаровъ «to turn an honest penny⁷⁵⁾», добыть депги честнымъ путемъ. Комитетъ самъ формулировалъ болѣе или менее наивно свое убѣжденіе, что свободная торговля означаетъ, главнымъ образомъ, торговлю фальсифицированными или, по остроумному выраженію англичанъ, «софистифицированными веществами». Въ самомъ дѣлѣ, такого рода «софистика» умѣетъ лучше Протагора превращать черное въ бѣлое и бѣлое въ черное и лучше адеатовъ ad oculos демонстрируетъ призрачность всего реального⁷⁶⁾.

Во всякомъ случаѣ комитетъ обратилъ вниманіе публики на ея «хлѣбъ насущный» и вмѣстѣ съ тѣмъ на хлѣбопечарный промыселъ. Въ то же самое время стали раздаваться на публичныхъ митингахъ и въ петиціяхъ парламенту жалобы лондонскихъ булочныхъ подмастерьевъ на чрезмѣрный трудъ и т. д. Жалобы эти были такъ настойчивы, что сэръ Н. S. Trementheere, членъ неоднократно упомянутой нами коммиссіи 1863 г., былъ назначенъ королевскимъ слѣдственнымъ комиссаромъ. Его отчетъ⁷⁷⁾ вмѣстѣ со свидѣтельскими показаніями взволновалъ публику, не сердце ея, конечно, а желудокъ. Твердый въ священномъ писаніи англичанинъ, хотя и зналъ, что человѣкъ, если онъ по Божію предопредѣленію не капиталистъ, не лэндлордъ, и не пользуется синекурой, долженъ въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой, но не зналъ, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ онъ долженъ съѣдать ежедневно извѣстное количество человѣческаго пота, смѣшаннаго съ гноемъ, наутинной, мертвыми тараканами, гнилыми нѣмецкими дрожжами, не говоря уже о квасцахъ, пескѣ и другихъ столь же пріятныхъ минеральныхъ при-

⁷⁵⁾ Сажа, какъ извѣстно, представляетъ очень энергическую форму углерода и составляетъ удобреніе, продаваемое англійскимъ фермерамъ капиталистамъ, занимающимся очисткою дымовыхъ трубъ. Въ 1862 году былъ возбужденъ процессъ, въ которомъ британскій «Jugumau» долженъ былъ рѣшить, представляетъ ли сажа, къ которой безъ вѣдома покупателя примѣшано 90% пыли и песку, «дѣйствительную» сажу въ коммерческомъ смыслѣ этого слова или «фальсифицированную» сажу въ «легальномъ» смыслѣ этого слова. «Amis du commerce» рѣшили, что это «дѣйствительная» коммерческая сажа, и отказали фермеру въ его жалобѣ, и кромѣ того онъ долженъ былъ еще заплатить судебныя издержки.

⁷⁶⁾ Въ статьѣ о «софистикаціяхъ» товаровъ французскій химикъ Chevallier насчитываетъ 600 съ чѣмъ-то предметовъ торговли, подвергающихся поддѣлкѣ; для многихъ изъ нихъ существуетъ 10, 20, 30 различныхъ способовъ поддѣлки. Онъ прибавляетъ, что онъ не знаетъ всѣхъ способовъ и упоминаетъ не всѣ тѣ, которые знаетъ. Для сахара онъ указываетъ 6 способовъ поддѣлки, для оливковаго масла 9, для коровьяго масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлѣба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже самые священные предметы не избѣгли этой судьбы. См. «Bunard de Card, de la falsification des substances sacramentelles. Paris 1856».

⁷⁷⁾ «Reports etc. relating to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc London 1862» и «Second Report etc. London 1863».

мѣсяхъ. Не церемонясь съ ея святѣйшествомъ, «свободной торговлей» (Freetrade), «свободное» хлѣбопеченіе подчинили надзору государственныхъ фабричныхъ инспекторовъ (въ концѣ парламентской сессіи 1863 г.); этимъ же самымъ парламентскимъ актомъ работа отъ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра была запрещена для пекарей-подмастерьевъ моложе 18 лѣтъ. Это постановленіе закона краснорѣчивѣе цѣлыхъ томовъ говорить о чрезвычайномъ трудѣ въ этомъ занятіи, отъ котораго вѣтъ на насъ такой патриархальностию.

Работа лондонскаго булочнаго подмастерья начинается обыкновенно въ 11 часовъ ночи. Въ это время онъ дѣлаетъ тѣсто,—чрезвычайно утомительный процессъ, продолжающійся отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа, смотря по количеству и по качеству тѣста. Затѣмъ онъ ложится на мѣсяльную доску, которая въ одно и то же время служить крышкой квашни, въ которой готовятъ тѣсто, и спитъ нѣсколько часовъ, подкладывая себѣ подъ голову мучной мѣшокъ и покрываясь другимъ мучнымъ мѣшкомъ. Послѣ этого начинается быстрая и непрекращающаяся въ продолженіе 4 часовъ работа, когда надо мѣсить, взвѣшивать, формировать, садить въ печь тѣсто, вынимать его изъ печи и т. д. Температура пекарни достигаетъ 75—90° и въ маленькихъ пекарняхъ скорѣе выше этого уровня, чѣмъ ниже. Когда приготовленіе хлѣба, булокъ и т. д. кончено, начинается распределеніе хлѣба, и значительная часть рабочихъ, послѣ тяжелаго ночного труда, разпоситъ днемъ въ корзинахъ хлѣбъ или развозитъ его въ тележкахъ изъ дома въ домъ, въ промежуткахъ же работаетъ иногда и въ пекарнѣ. Смотра по времени года и по размѣрамъ предпріятія работа кончается между 1 часомъ и 6 пополудни, въ то время какъ другая часть подмастерьевъ занята долго послѣ полудня въ пекарнѣ⁷⁸⁾. «Во время лондонскаго сезона подмастерья булочниковъ, продающихъ хлѣбъ по «полной» цѣнѣ въ Вестэндѣ, регулярно начинаютъ работать въ 11 часовъ ночи и заняты съ однимъ или двумя короткими перерывами до 8 часовъ слѣдующаго утра. Затѣмъ они до 4, 5, 6 и даже 7 часовъ заняты разноской хлѣба или иногда печеніемъ бисквитовъ въ пекарнѣ. По окончаніи работы они могутъ спать 6, часто же—только 5 или 4 часа. Въ пятницу работа всегда начинается раньше, положимъ, въ 10 часовъ вечера и продолжается безъ перерыва въ печеніи и разноскѣ до 8 часовъ вечера въ субботу, по большей же части до 4 или 5 часовъ ночи на воскресенье. Даже въ аристократическихъ булочныхъ, продающихъ хлѣбъ по «полной цѣнѣ», по воскресеньямъ есть 4 или 5 часовъ подготовительной работы для слѣдующаго дня... Подмастерья «underselling masters» (булочниковъ, продающихъ хлѣбъ ниже полной цѣны),—а они составляютъ, какъ выше было замѣчено, $\frac{3}{4}$ лондонскихъ булочниковъ,—работаютъ еще дольше, но ихъ трудъ почти ограниченъ пекарней, такъ какъ ихъ хозяева, за исключеніемъ доставокъ въ мелкія лавки, продаютъ только въ своей собственной лавкѣ. Къ концу недѣли,..... т. е. въ четвергъ, работа начинается здѣсь въ 10 часовъ ночи и продолжается съ небольшими только перерывами до поздней ночи на воскресенье»⁷⁹⁾.

⁷⁸⁾ I. c. First Report etc. p. VI.

⁷⁹⁾ I. c. p. LXXI.

Смыслъ образа дѣйствій «underselling masters» понятенъ даже и съ буржуазной точки зрѣнія: «неоплаченный трудъ подмастерьевъ (the unpaid labour of the men) служить основаніемъ ихъ конкуренціи» ⁸⁰⁾. А «full priced baker» (булочники, продающіе по полной цѣнѣ) обличаютъ передъ сѣдственной комиссіей своихъ «дешевыхъ» (underselling) конкурентовъ въ моровствѣ чужого труда и фальсификаціи. «Они процвѣтаютъ только въслѣдствіе того, что обманываютъ публику и выжимаютъ изъ своихъ рабочихъ 18 часовъ труда, оплачивая только 12 часовъ» ⁸¹⁾.

Фальсификація хлѣба и образованіе класса булочниковъ, продающихъ хлѣбъ ниже полной цѣны, относятся въ Англіи къ началу XVIII столѣтія, къ тому времени, когда пекарный промыселъ потерялъ свой цеховой характеръ, и когда за помпальнымъ булочникомъ выступилъ капиталистъ во образѣ мельника или торговца мукой ⁸²⁾. Этимъ было положено основаніе капиталистическому производству, безграничному удлиненію рабочаго дня и ночному труду, хотя даже въ Лондонѣ послѣдній начался въ серьезныхъ размѣрахъ только съ 1824 г. ⁸³⁾.

Изъ предыдущаго легко понять, почему отчетъ комиссіи причисляетъ булочныхъ подмастерьевъ къ рабочимъ, жизнь которыхъ коротка, которые, дѣтми счастливо избѣжавъ нормальной во всѣхъ слояхъ рабочаго класса смертности, рѣдко достигаютъ 42 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, хлѣбопекарный промыселъ всегда переполненъ кандидатами. Источникомъ предложенія этихъ «рабочихъ силъ» для Лондона являются Шотландія, западные земледѣльческіе округа Англіи и — Германія.

Въ 1858—1860 гг. булочные подмастерья организовали въ Ирландіи на свой собственный счетъ большіе митинги для агитаціи противъ ночного и воскреснаго труда. Публика, напр., на майскомъ митингѣ 1860 г. въ Дублинѣ, съ чисто ирландскою горячностью приняла ихъ сторону. Слѣдствіемъ этого движенія явилось успѣшное проведеніе исключительно дневного труда въ Wexford'ѣ, Kilkenny, Clonmel'ѣ, Waterford'ѣ и т. д. «Въ Limerick'ѣ, гдѣ мученія рабочихъ, какъ извѣстно, переходятъ всякія границы, движеніе не удалось въслѣдствіе оппозиціи хозяевъ-булочниковъ и особенно булочниковъ-мельниковъ. Примеръ Limerick'а повелъ къ движенію назадъ въ Ennis'ѣ и Tipperary. Въ Cork'ѣ, гдѣ общественное недовольство проявилось въ живѣйшей формѣ, хозяева свели на нѣтъ движеніе, воспользовавшись своей силой и выбросивъ под-

⁸⁰⁾ George Read: «The History of Baking. London. 1848», p. 16.

⁸¹⁾ Report (First) etc. Evidence. Показаніе «full priced baker». Cheeseman. p. 109

⁸²⁾ George Read l. c. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія официально объявлялись «Public Nuisances» (общественнымъ бѣдствіемъ) нѣсѣ факторы (посредники), вторгавшіеся во всевозможные промыслы. Такъ, напр., во время четвертой сессіи мировыхъ судовъ въ графствѣ Somerset Grand Jury подало въ нижнюю палату представленіе (presentment), въ которомъ между прочимъ сказано: «that these factors of Blackwell Hall are a Public Nuisance and Prejudice to the Clothing Trade and ought to be put down as a Nuisance» («эти факторы Blackwell Hall составляютъ общественное бѣдствіе и мѣшаютъ торговцѣ платьемъ и сукномъ; какъ это они должны быть уничтожены»). («The Case of our English Wool etc. London. 1685», p. 6, 7).

⁸³⁾ First Report etc. p. VIII.

мастеревъ на улицу. Въ Дублинѣ хозяева оказали рѣшительное сопротивленіе и пресѣдованіемъ подмастерьевъ, стоявшихъ во главѣ агитаціи, принудили остальныхъ рабочихъ къ уступкамъ и къ согласію на почной и воскресный трудъ» ⁸⁴). Комиссія вооруженнаго въ Ирландіи съ головы до ногъ англійскаго правительства жалостнымъ тономъ протестуетъ противъ безжалостныхъ хозяевъ-булочниковъ Дублина, Лимерика, Борка и т. д. «Комитетъ полагаетъ, что рабочіе часы ограничены законами природы, которыхъ нельзя безнаказанно нарушать. Принуждая своихъ рабочихъ угрозами прогнать ихъ къ нарушенію резніозныхъ убѣжденій, къ невинновенію законамъ страны и къ пренебреженію общественнымъ мнѣніемъ» (все это относится къ воскресному труду), «они сѣютъ вражду между капиталомъ и трудомъ и подають примѣръ, опасный для религіи, нравственности и общественного порядка... Комитетъ полагаетъ, что удлиненіе рабочаго дня дольше 12 часовъ есть узурпаторское посягательство на домашнюю и частную жизнь рабочаго, ведущее къ печальнымъ нравственнымъ результатамъ; оно мѣшаетъ ему исполнять свои семейныя обязанности сына, брата, мужа и отца. Трудъ свыше 12 часовъ имѣетъ тенденцію подтачивать здоровье рабочаго, ведетъ къ преждевременной старости и ранней смерти и эти самыя къ несчастію его семьи, которая лишается («are deprived») заботы и поддержки главы семейства въ такое время, когда это ей наиболѣе необходимо» ⁸⁵).

Оставимъ теперь Ирландію. По другую сторону канала, въ Шотландіи земледѣльческіе рабочіе жалуются на 13—14 часовой рабочей день въ довольно суровомъ климатѣ и еще съ добавочнымъ четырехчасовымъ трудомъ въ воскресенье (и это въ странѣ святителей субботы!) ⁸⁶), между тѣмъ какъ предъ лондонскимъ Grand Jury одновременно предстали 3 желѣзнодорожныхъ рабочихъ: одинъ кондукторъ, одинъ машинистъ и одинъ сгѣлочникъ (Signalgeber). Большое желѣзнодорожное крушеніе отравило на тотъ свѣтъ сотни пассажировъ. Причиной несчастія является небрежность желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Она всѣ въ одинъ голосъ показываютъ предъ присяжными, что 10, 12 лѣтъ тому назадъ трудъ ихъ продолжался только 8 часовъ въ день. За послѣдніе 5—6 лѣтъ его удлинилъ до 14, 18 и 20 часовъ, а при особенно оживленномъ нас-

⁸⁴) «Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for. 1861».

⁸⁵) I. c.

⁸⁶) Публичный митингъ земледѣльческихъ рабочихъ въ Lasswade, близъ Glasgow, 5 янв. 1866. (См. «Workman's Advocate» 13 янв. 1866). Образованіе съ конца 1865 г. традиціонновъ между земледѣльческими рабочими, сначала въ Шотландіи, есть историческое событіе. Въ одномъ изъ наиболѣе угнетенныхъ земледѣльческихъ округовъ Англіи, въ Buckinghamshire наемные рабочіе устроили въ мартѣ 1867 г. большую стачку съ цѣлью поднять нѣдѣльную плату съ 9—10 шил. до 12 шил. (Изъ предыдущаго видно, что движеніе англійскаго земледѣльческаго пролетаріата, совершенно подавленное со времени прекращенія его насильственныхъ демонстрацій послѣ 1830 г. и въ особенности же со времени введенія новаго закона о бѣднѣхъ, опять начинается въ шестидесятыхъ годахъ и, наконецъ, въ 1872 г. знаменуетъ собой новую эпоху въ жизни англійскаго рабочаго. Во II томѣ я возвращусь къ этому, такъ же какъ и къ появившимся послѣ 1867 г. синимъ книгамъ о положеніи англійскихъ сельскихъ рабочихъ. (Прибавленіе къ 3-му пед.).

сажирскомъ движеніи, какъ, напр., въ періоды увеселительныхъ поѣздовъ, рабочій день иногда продолжается безъ перерыва 40—50 часовъ. Они только обыкновенные люди, а не цыклопы; за извѣстными границами ихъ рабочая сила отказывается служить: они впадаютъ въ оцѣпеніе, мозгъ перестаетъ думать, глаза—видѣть. Вполнѣ «respectable British Jurymen» (присяжные) отвѣчаютъ вердиктомъ, предающимъ рабочихъ за «manslaughter» (непредумышленное убійство) уголовному суду. Въ милостивомъ прибавленіи онъ высказываетъ благочестивое пожеланіе, чтобы господа желѣзнодорожные магнаты впредь поступали расточительнѣе при покупкѣ необходимаго количества «рабочей силы» и проявляли большее «воздержаніе», или «самоотреченіе» или «бережливость» при высасываніи оплаченной рабочей силы ⁸⁷⁾).

Изъ нестрой толпы рабочихъ всѣхъ профессій, возрастовъ, половъ, которые осаждаютъ насъ назойливѣе, чѣмъ души убитыхъ Одиссея, и на лицахъ которыхъ даже безъ помощи синихъ книгъ, торчащихъ у нихъ подъ мышкой, съ перваго взгляда можно прочесть непосильный трудъ, мы выхватимъ еще двѣ фигуры, поразительный контрастъ которыхъ доказываетъ, что предъ капиталомъ всѣ люди равны. Мы говоримъ о модисткѣ и кузнецѣ.

Въ послѣднюю недѣлю юня 1863 г. всѣ лондонскія газеты напечатали статью съ сенсационнымъ заглавіемъ: «Death from simple Overwork» (смерть въслѣдствіе простаго переутомленія). Говорилось о смерти модистки Mary Anne Wolkley, 20 лѣтъ, работавшей въ очень почтенной придворной мастерской, которой заведывала дама съ мизымъ именемъ Элизы. Вновь открыта была старая, столь часто повторяющаяся, исторія ⁸⁸⁾, что эти дѣвушки работаютъ среднимъ числомъ 16½ часовъ, во время же сезона часто—30 часовъ безъ перерыва, причѣмъ для поддержанія ихъ истощенныхъ силъ имъ дается хересъ, портвейнъ,

⁸⁷⁾ «Reynold's Paper», Jan. 1866. Каждую недѣлю эта ежедневная газета публикуетъ подъ сенсационными заглавіями («sensational headings») въ родѣ: «Fearful and fatal accidents», «Appalling tragedies» и т. д. цѣлый списокъ новыхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ. Однѣмъ рабочимъ съ сѣверной стаффордширской дороги отвѣчаютъ на эти статьи: «Всякій знаетъ послѣдствія ослабленія вниманія машиниста и кочегара хоть на одну минуту. Но какъ же можетъ быть иначе при чрезвычайномъ удлинении труда, въ суровую погоду, безъ всякаго перерыва и отдыха? Возьмемъ для примѣра того, что ежедневно происходитъ, слѣдующій случай. Въ прошлый понедѣльникъ одинъ кочегаръ очень рано утромъ началъ свой дневной трудъ. Онъ закончилъ его черезъ 14 часовъ 15 минутъ. Не успѣлъ онъ даже выпить чаю, какъ его опять позвали на работу. Онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, проработать безъ перерыва 29 часовъ 15 минутъ. Весь его остальной трудъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ: въ среду 15 часовъ; въ четвергъ 15 часовъ 35 минутъ; въ пятницу 14½ часовъ; въ субботу 14 часовъ 10 минутъ; всего въ продолженіе недѣли 88 часовъ 40 минутъ. Представьте же себѣ его удивленіе, когда онъ получилъ плату только за 6 рабочихъ дней. Человѣкъ этотъ былъ новичкомъ и спросилъ, что подразумеваютъ подъ дневнымъ трудомъ? Отвѣтъ: 13 часовъ, т. е. 78 часовъ въ недѣлю. Но тогда гдѣ же плата за излишніе 10 часовъ 40 минутъ? Послѣ долгихъ препирательствъ онъ получилъ вознагражденіе въ 10 пенсовъ». I. c. № отъ 4 февраля 1866.

⁸⁸⁾ Ср. F. Engels I. c. p. 253, 254.

или кофе. И вотъ былъ самый разгаръ сезона. Нужно было наскоро изготovitъ благороднымъ леди бальные туалеты для бала, устраиваемаго въ честь только что привезенной принцессы Уэльской. Mary Anne Walkley работала безъ всякаго перерыва 26½ часонъ вышѣ съ другими 60 дѣвушками, по 30 душъ въ комнатѣ, которая едва содержала 1/3 необходимаго кубическаго содержанія воздуха. Ночью же онѣ подвое спали на одной кровати въ одной изъ тѣхъ вонючихъ ямъ, въ которыхъ спальни отгораживаются помощью досчатыхъ перегородокъ⁸⁹⁾ И это былъ одинъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Лондона. Mary Anne Walkley заболѣла въ пятницу и умерла въ воскресенье, не окончивъ даже, къ великому удивленію Madame Elise, послѣдняго туалета. Призванный слишкомъ поздно къ постели умирающей врачъ, г-нъ Keys, показавъ безъ обвиняемыхъ передъ «Coroner's Jury»: «Mary Anne Walkley умерла отъ слишкомъ продолжительнаго труда въ переполненномъ помѣщеніи и отъ спанія въ слишкомъ тѣсной, плохо вентилированной спальнѣ». Чтобы дать врачу урокъ свѣтскаго обращенія, «Coroner's Jury» заявило: «Покойная умерла отъ апоплексіи, но есть основаніе опасаться, что смерть ея была ускорена чрезмѣрнымъ трудомъ въ переполненной мастерской и т. д.». «Наши бѣлые рабы, — восклицалъ Morning Star, органъ фрѣдереовъ Кобдена и Брейта, — наши бѣлые рабы зарабатываются до смерти, гибнутъ и умираютъ тихо, безъ всякаго шума»⁹⁰⁾.

⁸⁹⁾ Dr. Letheby, врачъ, состоящій при Board of Health, заявилъ тогда: «Minimum для взрослыхъ 300 куб. фут. воздуха въ спальнѣ и 500 въ жилой комнатѣ». Dr. Richardson, старшій врачъ одного лондонскаго госпиталя, говоритъ: «Швей всякаго рода, модистки, портнихи и обыкновенныя швеи, страдаютъ отъ троякаго зла: чрезмѣрнаго труда, недостатка воздуха и недостатка питанія или плохого пищеvarенія. Въ общемъ этотъ родъ труда при всякихъ условіяхъ лучше подходитъ женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Но несчастье этого занятія состоитъ въ томъ, что оно, особенно въ столицѣ, монополизировано въ рукахъ какихъ нибудь 26 капиталистовъ, которые въ силу власти, происходящей изъ самого капитала (that spring from capital), выжимаютъ экономію изъ труда (force economy out of labour); онѣ хотятъ сказать, сокращаютъ издержки производства, расточая рабочую силу). Ихъ власть чувствуется на себѣ вся масса этихъ работницъ. Если какой-нибудь портнихѣ удастся найти себѣ маленькій кругъ заказчицъ, то конкуренція вынуждаетъ ее зарабатывать до смерти дома, чтобы сохранить его, и тѣмъ же самымъ чрезмѣрнымъ трудомъ она, по необходимости, должна обременять своихъ помощницъ. Если ея предпріятіе не удастся, или она не можетъ устроиться самостоятельно, то она обращается въ какое-нибудь заведеніе, гдѣ работы не меньше, но за то платятъ вѣрнѣе. Въ такомъ положеніи она становится истинной работницей, перебрасываемой туда и сюда каждой общественной волной; то она умираетъ съ голоду дома въ крошечной комнаткѣ, или близка къ этому; то изъ 24 часовъ она занята 15, 16, даже 18, въ атмосферѣ, которую едва можно переносить, и съ пищей, которая даже при хорошемъ качествѣ не перенаривается, вслѣдствіе отсутствія свѣжаго воздуха. Этими жертвами питаются чохотки, которыхъ происходитъ только отъ недостатковъ вдыхаемаго воздуха». (Dr. Richardson: «Work and Overwork» въ «Social Science Review», 18 июля 1863.).

⁹⁰⁾ Morning Star, 23 июня 1863. Times воспользовался этимъ случаемъ для защиты американскихъ рабовладѣльцевъ противъ Брейта и т. д. «Очень много изъ насъ, — говоритъ эта газета, — думаютъ, что до тѣхъ поръ, пока наши молодыя женщины зарабатываются до смерти, побуждаемы бичомъ голода, а не ударами

«Зарабатываются до смерти—такъ гласитъ порядокъ дня не только въ модныхъ мастерскихъ, но и въ тысячъ другихъ мѣстъ, во всякомъ мѣстѣ вообще, гдѣ дѣла идутъ хорошо... Возьмемъ для примѣра кузнеца. Если вѣрить поэтами, то нѣтъ болѣе веселаго, сильнаго и жизнерадостнаго человѣка, чѣмъ кузнецъ. Онъ встаетъ рано и уже до восхода солнца начинаетъ выбивать искры; онъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, какъ никто другой. Съ физической стороны онъ, дѣйствительно, находится при умѣренномъ трудѣ въ одномъ изъ лучшихъ человѣческихъ положеній. Но посѣдимъ за нимъ въ городѣ и посмотримъ, какой тяжелый трудъ ввалили на него, и какое мѣсто онъ занимаетъ въ таблицахъ смертности нашей страны. Въ Marylebone (одномъ изъ самыхъ большихъ кварталовъ Лондона) кузнецы умираютъ ежегодно въ пропорціи 31 человѣка на 1.000, или на 11 человѣкъ болѣе средней смертности взрослыхъ мужчинъ Англіи. Запятіе это, почти инстинктивное искусство человѣка, само по себѣ вполнѣ безобидное, ставовится, вслѣдствіе чрезмѣрнаго труда, разрушительнымъ для человѣка. Онъ можетъ сдѣлать столько-то ударовъ молотомъ въ день, пройти столько-то шаговъ, дышать столько-то разъ, исполнить столько-то труда и жить въ среднемъ, положимъ, 50 лѣтъ. Его заставляютъ сдѣлать на столько-то болѣе ударовъ, пройти на столько-то шаговъ болѣе, дышать настолько-то чаще и, въ общей сложности увеличить ежедневно на $\frac{1}{4}$ свою жизнедѣятельность. Онъ пытается дѣлать это и въ результатѣ оказывается, что въ продолженіе ограниченнаго періода времени онъ исполняетъ на $\frac{1}{4}$ болѣе работы, и умираетъ 37 лѣтъ вмѣсто 50»⁹¹⁾.

4. Дневной и ночной трудъ. Система смѣнъ.

Постоянный капиталъ, средства производства, существуютъ, съ точки зрѣнія процесса образованія прибавочной цѣнности, только для того, чтобы впитывать трудъ и съ каждой каплей труда—пропорціональное количество прибавочнаго труда. Если они этого не дѣлаютъ, то существованіе ихъ составляетъ отрицательную величину для капиталиста, такъ какъ въ продолженіе того

плети, мы едва ли имѣемъ право нападать съ огнемъ и мечомъ на тѣ семейства, которыя родились рабовладѣльцами и, по крайней мѣрѣ, хорошо кормятъ своихъ рабовъ и заставляютъ ихъ умѣренно работать» (Times, Juli, 2, 1863). Точно такимъ же образомъ «Standard», торійская газета, отдѣлала священника (Rev.) Newsham Hall: «Онъ отлучаетъ отъ церкви рабовладѣльцевъ, но молится съ тѣми добрыми людьми, которые заставляютъ кучеровъ и кондукторовъ лондонскихъ омнибусовъ и т. д. ежедневно работать 16 часовъ за собачью плату». Наконецъ заговорилъ оракулъ, Томасъ Карлейль, о которомъ я еще въ 1850 г. сказалъ: «Къ чорту гелій, остается только кулътъ». Въ коротенькой притчѣ онъ сводитъ единственное въ своемъ родѣ грандіозное событіе нашего времени, американскую гражданскую войну, къ тому, что сѣверный Петръ хочетъ раскроить черепъ южному Павлу за то, что Петръ напимаетъ своихъ рабочихъ «поденно», Павелъ же «пожизненно». (Macmillan's Magazine, Illus Americana in vice. Августъ, 1863). Такъ, наконецъ, допущу мысленный пувъръ торійскихъ симпатій къ городскому, но—упаси Боже!—не къ сельскому наемному рабочему. Основа этихъ симпатій—пѣжн ость къ рабству!

⁹¹⁾ Dr. Richardson l. c.

времени, когда они лежатъ безъ дѣла, они являются бесполезной затратой капитала; потеря эта становится величиной положительной, если остановка дѣлается необходимыми прибавочныя затраты для возобновленія процесса производства. Удлиненіе рабочаго дня, за естественные предѣлы дня, до поздней ночи, дѣйствуетъ только какъ палліативъ, только отчасти удовлетворяетъ вампирову жажду живой человѣческой крови. Присваивать трудъ въ продолженіе всѣхъ 24 часовъ есть, по тому, стремленіе, присущее капиталистическому производству. Но, такъ какъ физически невозможно непрерывно эксплуатировать днемъ и ночью однѣ и тѣ же рабочія силы, то для устраненія этого физическаго препятствія нужна смѣна рабочихъ силъ, потребляемыхъ днемъ и ночью, смѣна, допускающая различныя методы: напр., она можетъ быть устроена такъ, что одна часть рабочаго персонала одну пѣдлю работаетъ днемъ, а другую ночью и т. д. Извѣстно, что эта система смѣнъ, это перемѣнное хозяйство господствовало въ эпоху юношескаго расцвѣта англійской хлопчатобумажной промышленности и, между прочимъ, процвѣтаетъ еще и теперь въ бумаго-придѣльныхъ Московской губерніи. Какъ система, этотъ непрерывный 24 часовоі процессъ производства существуетъ во многихъ, до сихъ поръ еще «свободныхъ» отрасляхъ промышленности Великобританіи, между прочимъ, на домашнихъ печахъ, въ кузницахъ, сталепрокатныхъ и другихъ металлургическихъ предіриятіяхъ Англіи, Уэльса и Шотландіи. Процессъ труда охватываетъ здѣсь не только 24 часа 6 рабочихъ дней, но по большей части, и 24 часа воскресенья. Рабочіе состоятъ изъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ и дѣтей обоіаго пола. Возрастъ дѣтей и подростковъ объемлетъ всѣ промежуточные ступени, начиная съ 8 (въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ 6) лѣтъ и кончая 18⁹²⁾. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ женщины и дѣвушки работаютъ ночью вмѣстѣ съ мужскими персоналомъ⁹³⁾.

Помимо вреднаго вообще вліянія ночного труда⁹⁴⁾, непрерывный, дліищійся 24 часа, процессъ производства представляетъ очень удобный случай

⁹²⁾ «Children's Employment Commission». Third Report. Lond. 1864, p. IV, V, VI

⁹³⁾ «Какъ въ Staffordshire'ѣ, такъ и въ южномъ Уэльсѣ молодыя дѣвушки и женщины работаютъ въ каменноугольныхъ копяхъ не только днемъ, но и ночью. Въ отчетахъ, представляемыхъ парламенту, на это часто указывали, какъ на причину очень большого и общенравственнаго зла. Эти женщины, работающія вмѣстѣ съ мужчинами и едва отличающіяся отъ нихъ по одеждѣ, покрытыя грязью и копотью, подвергаются опасности извратить свой нравственный характеръ, вслѣдствіе потери чувства самоуваженія, которая необходимо слѣдуетъ за ихъ пежецкимъ занятіемъ». I. с. 194, p. XXVI. Cp. Fourth Report (1865) 61, p. XIII. То же самое и на стеклянныхъ заводахъ.

⁹⁴⁾ «Вполнѣ естественно,—замѣчается одинъ фабрикантъ стали, который употребляетъ дѣтей для ночной работы,—что дѣти, которыя работаютъ ночью, не могутъ имъ спать днемъ, ни найти порядочнаго отдыха, но непрерывно слоняются на слѣдующій день». I. с. Fourth Rep. 63, p. XIII. Относительно важности солнечнаго свѣта для поддержанія и развитія тѣла одинъ врачъ говоритъ слѣдующее: «Свѣтъ дѣйствуетъ и прямо на ткани тѣла, сообщая имъ твердость и эластичность. Мускулы животныхъ, лишениыя нормальнаго количества свѣта, становятся зубчатыми, неэластичными. Нормальная сила, вслѣдствіе недостатка возбуждающихъ

выходить за границы номинального рабочего дня. Напр., въ вышеупомянутыхъ, чрезвычайно утомительныхъ, отрасляхъ промышленности официальный рабочий день для каждаго рабочаго составляетъ 12 часовъ, все равно, днемъ или ночью. Но сверхурочный трудъ долѣ этого предѣла, выражаясь словами англійскаго официального отчета, во многихъ случаяхъ «поистинѣ ужасенъ» («truly fearful») ⁹⁵). «Человѣческій умъ,—говорится тамъ,—не можетъ представить себѣ той массы труда, которая, по показаніямъ свидѣтелей, исполняется мальчиками отъ 9 до 12 лѣтъ, и не прийти непременно къ заключенію, что это злоупотребленіе своей властью со стороны родителей и работодателей не должно быть долѣ терпимо» ⁹⁶).

«Система, заставляющая вообще мальчика работать поспѣвно днемъ и ночью, не идетъ къ позорному удлиненію рабочаго дня, какъ во время оживленія дѣлъ, такъ и при обыкновенномъ ходѣ ихъ. Это удлиненіе во многихъ случаяхъ не только жестоко, но прямо даже невѣроятно. Всегда, конечно, случается, что по той или другой причинѣ недостаетъ то тамъ, то здѣсь одного мальчика изъ сѣтны. Одинъ или нѣсколько находящихся на лицѣ мальчиковъ, которые уже окончили свой рабочий день, должны тогда занять мѣсто отсутствующихъ. Система эта такъ общенезвѣстна, что директоръ одной прокатной на мой вопросъ, какъ происходитъ замѣщеніе отсутствующихъ въ сѣтѣ мальчиковъ, отвѣтилъ: «Мнѣ конечно извѣстно, что вы это знаете сголъ же хорошо, какъ и я», и нисколько не постѣснился призвать указанный выше фактъ» ⁹⁷).

«Въ одной прокатной, гдѣ номинальный рабочий день продолжается съ 6 часовъ утра до 5½ вечера, одинъ мальчикъ работалъ каждую недѣлю 4 ночи, по крайней мѣрѣ до 8½ часовъ вечера слѣдующаго дня... и такъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ». «Другой работалъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ иногда 3 двѣнадцатичасовыя сѣтны подрядъ, а въ 10 лѣтнемъ возрастѣ 2 дня и двѣ ночи подрядъ». «Третій, теперь 10 лѣтъ, работалъ съ 6 часовъ утра до 12 часовъ ночи. трп ночи сразу и до 9 часовъ вечера остальные дни недѣли». «Четвер-

стимуловъ, теряетъ свой тонъ и все, что находится въ состояніи роста, чахнетъ.. Что касается дѣтей, то постоянный и обильный доступъ дневного свѣта и прямыхъ солнечныхъ лучей во время одной части дня существенно необходимъ для ихъ здоровья. Свѣтъ способствуетъ переработкѣ пищи въ хорошую пластическую кровь и уплотняетъ вновь образовавшіяся фибры. Точно также онъ дѣйствуетъ какъ возбуждающее средство на органы зрѣнія и этимъ вызываетъ большую дѣятельность различныхъ мозговыхъ функцій». Въ письмѣ къ слѣдственному комиссару White'y г-нъ W. Strange, старшій врачъ «General Hospital» въ Worcester'ѣ, изъ книги котораго «Здоровье», (1864) мы заимствовали это мѣсто, пишетъ: «Я прежде въ Lancashire'ѣ имѣлъ случай наблюдать дѣйствіе ночного труда на фабричныхъ дѣтей и, въ противность обычному завѣренію нѣкоторыхъ работодателей, я рѣшительно заявляю, что здоровье дѣтей отъ этого сильно страдало». (I. с. 284, p. 55). То обстоятельство, что подобные предметы вообще могутъ давать поводъ къ серьезнымъ препіяньмъ, лучше всего доказываетъ, какъ капиталистическое производство дѣйствуетъ на «мозговыя функціи» капиталистовъ и ихъ приспѣшниковъ.

⁹⁵) I. с. 57, p. XII.

⁹⁶) I. с. (4 th. Rep. 1865) 53, p. XII.

⁹⁷) I. с.

тый, теперь 13 лѣтъ, работалъ цѣлую недѣлю съ 6 часовъ пополудни до полудня слѣдующаго дня въ теченіе цѣлой недѣли, иногда же три смѣны подрядъ, напр., съ понедѣльника утра до вторника ночи». «Пятый, теперь 12 лѣтъ, работалъ на чугунопозитейномъ заводѣ въ Stavely съ 6 часовъ утра до 12 часовъ ночи въ продолженіе 2 недѣли; теперь онъ уже неспособенъ продолжать такую работу». George Allinsworth, 9 лѣтъ: «Я пришелъ сюда въ послѣднюю пятницу. На слѣдующій день мы должны были начать работу въ 3 часа утра. Я, поэтому, остался всю ночь здѣсь. Я живу въ 5 миляхъ отсюда. Я спалъ на полу, подставлявъ подъ себя кожаный передникъ и укрывшись курткой. Другіе 2 дня я приходилъ сюда въ 6 часовъ утра. Да! здѣсь жарко! Прежде чѣмъ прійти сюда я также работалъ въ теченіе цѣлаго года при доменной печи. Это былъ очень большой заводъ въ деревнѣ. Я начиналъ работу также въ субботу утромъ въ 3 часа; но я, по крайней мѣрѣ, могъ ходить домой спать, такъ какъ это было близко. Въ другіе дни я начиналъ работу въ 6 часовъ утра и кончалъ въ 6 или 7 часовъ вечера» и т. д. ¹⁸⁾).

18) I. с. р. XIII. Степень духовнаго развитія этихъ «рабочихъ силъ» естественно должна быть такою, какою она намъ представляется въ слѣдующихъ диалогахъ слѣдственного комиссара: «Jeremias Naupes, 12 лѣтъ... четырежды 4—восемь, но 4 четверки (4 fours)—16... Король для него тотъ, кто имѣетъ всѣ деньги и все золото (A King is him that has all the money and gold). У насъ есть король, говорятъ, что онъ королева, ее называютъ принцессой Александрой. Говорятъ, что она вышла замужъ за сына королевы. Принцесса—это мужчина». Wm. Turner, 12 лѣтъ: «Я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая страна, но ничего прежде о ней не зналъ». John Morris, 14 лѣтъ: «Я слышалъ, что Богъ сотворилъ міръ, и что всѣ люди потонули, кромѣ одного, я слышалъ, что этотъ человѣкъ былъ маленькой птичкой». William Smith, 15 лѣтъ: «Богъ сотворилъ мужчину; мужчина сдѣлалъ женщину». Edward Taylor, 15 лѣтъ: «Я ничего не знаю о Лондонѣ». Henry Matthewman, 17 лѣтъ: «Хожу иногда въ церковь... Имя человѣка, о которомъ они проповѣдуютъ, было нѣкій Іисусъ Христосъ, но я не могу назвать другихъ именъ и о немъ также ничего не могу сказать. Онъ не былъ умерщвленъ, а умеръ, какъ и всѣ люди. Онъ не былъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ другіе люди, такъ какъ онъ, нѣкоторымъ образомъ, былъ религіозенъ, а другіе не есть религіозны» («He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, and others is n't») (I. с. 74, р. XV). «Дьяволъ добрый человѣкъ. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ злой человѣкъ». («The devil is a good person. I don't know where he lives». «Christ was a wicked man.») Эта дѣвочка (10 лѣтъ) читала по складамъ слова God (Богъ) и Dog (собака) и не знала имени королевы». (Ch. Empl. Comm. V. Rep. 1866, р. 55, п. 278); Та же система, что въ металлургическихъ предпріятіяхъ, господствуетъ также и на стеклянныхъ и бумажныхъ фабрикахъ. На бумажныхъ фабрикахъ, гдѣ производится бумага машинами, почти нѣтъ трудъ есть общее правило для всѣхъ операцій, кромѣ сортировки тряпокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ночной трудъ смѣнами продолжается непрерывно отъ воскресенія ночи до 12 часовъ ночи слѣдующей субботы. Рабочій персоналъ дневной смѣны работаетъ 5 дней въ недѣлю по 12 часовъ и одинъ день 18 часовъ, а ночной смѣны — 5 ночей по 12 часовъ и одну—6 часовъ. Въ другихъ случаяхъ каждый смѣны работаетъ поочередно всѣ 24 часа. Одна смѣна работаетъ 6 часовъ въ понедѣльникъ и 18 въ субботу, чтобы пополнить 24 часа. Въ другихъ случаяхъ практикуется промежуточная система, въ которой всѣ рабочіе, приставленные къ машинѣ, дѣлающей бумагу, работаютъ всѣ дни недѣли отъ 15—16 часовъ. Эта си-

Послушаемъ теперь, какъ самъ капиталъ характеризуетъ эту систему двадцатичетырехчасового труда. Овъ, разумеется, обходитъ молчаніемъ извѣстнаго этой системы, злоупотребленіе ею, проявляющееся въ «жестокомъ и невѣроятномъ» удлиненіи рабочаго дня, а говоритъ только о системѣ въ ея «нормальной» формѣ.

«Господа Naylor и Vickers, фабриканты стали, занимающіе отъ 600 до 700 человекъ, между которыми только 10% моложе 18 лѣтъ, а изъ этихъ послѣднихъ опять таки только 20 мальчиковъ принадлежать къ почному персоналу, выражаются слѣдующимъ образомъ: «Мальчики ни въ какомъ случаѣ не страдаютъ отъ жары. Температура достигаетъ, вѣроятно, отъ 86° — 90° (по Фаренгейту)... Въ кузнечной и въ прокатной мастерскихъ руки работаютъ почтино день и ночь, по за то вся остальная работа производится только днемъ, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Въ кузницѣ работаютъ отъ 12 часовъ до 12. Нѣкоторыя руки работаютъ постоянно ночью, безъ сѣтны между дневнымъ и ночнымъ временемъ... Мы не находимъ, чтобы дневной или почной трудъ составлялъ какую-нибудь разницу для здоровья (господа Naylor и Vickers?), и, вѣроятно, люди лучше спятъ, когда они пользуются всегда однимъ и тѣмъ же періодомъ отдыха, чѣмъ если онъ мѣняется... Около 20 мальчиковъ моложе 18 лѣтъ работаютъ ночью съ мужскимъ персоналомъ... Мы не могли бы, конечно, существовать (not well do) безъ ночного труда мальчиковъ моложе 18 лѣтъ. Это повело бы къ увеличенію издержекъ производства. Трудно достать искусныя руки и хорошихъ руководителей цѣлыхъ отдѣленій, но мальчиковъ можно получать сколько угодно... Конечно, принимая во вниманіе незначительный процентъ употребляемыхъ нами мальчиковъ, ограниченіе почного труда для насъ имѣло бы мало значенія и интереса»⁹⁹⁾.

T. J. Ellis, представитель фирмы John Brown & Co, владѣющей сталелитейными заводами, на которомъ занято до 3.000 мужчинъ и подростковъ, и притомъ тяжелой работой по выдѣлкѣ жѣлѣза и стали «днемъ и ночью сѣтнами», заявляетъ, что при тяжелой работѣ по выдѣлкѣ стали

стема, говоритъ слѣдственный комиссаръ Lord, повидимому, соединяетъ въ себѣ всѣ бѣдствія двѣнадцатичасовой и двадцатичетырехчасовой сѣтны. Дѣти моложе 13 лѣтъ подростки моложе 18 лѣтъ и женщины работаютъ ночью при этой системѣ. Иногда, при двѣнадцатичасовой системѣ, они должны были, вслѣдствіе отсутствія рабочихъ, которые должны были ихъ сѣтнить, работать двѣ сѣтны сразу, т.-е. 24 часа. Свидѣтельскими показаніями доказано, что подростки часто работаютъ сверхурочное время, доходящее нерѣдко до 24 и даже 36 часовъ непрерывнаго труда. Въ «беспрерывномъ и непостоянномъ по своему содержанію» процессѣ главнаго цѣлаго отдѣленія, мы находимъ занятыми дѣвочекъ 12 лѣтъ, которыя въ продолженіе цѣлаго мѣсяца работаютъ ежедневно по 14 часовъ, «не имѣя никакого правильнаго перерыва или отдыха, кромѣ двухъ, много трехъ получасовыхъ перерывовъ для припѣтій пищи». На нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ отиѣненъ постоянный почной трудъ, работаютъ ужасно много сверхурочнаго времени и «часто въ самыхъ грязныхъ, самыхъ монотонныхъ процессахъ, совершающихся въ самой горячей атмосферѣ». (Children's Employment Commission. Report IV, 1865, p. XXXVII and XXXIX).

⁹⁹⁾ Fourth Report etc. 1865, 79, p. XVI.

одинъ или два мальчика приходится на двухъ мужчинъ. Въ ихъ предпріятіи насчитывается 500 мальчиковъ моложе 18 лѣтъ, и изъ нихъ около $\frac{1}{3}$, или 170, моложе 13 лѣтъ. Относительно предполагаемой реформы законодательства г-нъ Ellis говоритъ: «Я не думаю, чтобы было очень предосудительно (very objectionable) запретить лицамъ моложе 18 лѣтъ работать изъ 24 часовъ болѣе 12. Но я не думаю, чтобы можно было провести какую либо границу при употребленіи вами для ночного труда мальчиковъ старше 12 лѣтъ. Мы скорѣе примемъ законъ, вообще запрещающій намъ употреблять мальчиковъ моложе 13 или даже 15 лѣтъ, чѣмъ законъ, запрещающій намъ употреблять ночью тѣхъ мальчиковъ, которые у насъ уже есть. Мальчики, работающіе въ дневной сдѣлкѣ, должны также попеременно работать и въ ночной сдѣлкѣ, такъ какъ мужчины не могутъ непрерывно исполнять ночной трудъ: это разстроило бы ихъ здоровье. Но мы полагаемъ, что ночной трудъ, если онъ совершается съ недѣльнымъ перерывомъ, не причиняетъ никакого вреда. (Господа Naylor и Vickers полагали, сообразно съ интересами своего предпріятія, какъ разъ наоборотъ, что вреденъ не постоянный ночной трудъ, а ночной трудъ, периодически чередующійся съ дневнымъ). Мы находимъ, что люди, исполняющіе попеременно ночной трудъ, пользуются такимъ же крѣпкимъ здоровьемъ, какъ и тѣ, которые работаютъ только днемъ... Наши возраженія противъ запрещенія ночного труда мальчиковъ моложе 18 лѣтъ основываются только на томъ, что это увеличило-бы наши издержки; но это есть и единственное основаніе (вакой наивный принципъ)! Мы полагаемъ, что это увеличеніе было бы больше, чѣмъ могло бы перенести наше производство (the trade) безъ вреда для своего успѣха (as the trade with due regard to etc. could fearly bear! Какая фразеология!) Трудъ здѣсь рѣдокъ и могъ бы стать недостаточнымъ при подобномъ регулированіи» (т. е. Ellis, Brown et Co очутились бы въ фатальной необходимости оплачивать рабочую силу по полной цѣнности ¹⁰⁰).

«Стаде-и желѣзнодорожный заводъ Циклопъ» господъ Cammell et Co дѣйствуетъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ и описанный уже заводъ John Brown et Co. Директоръ-распорядитель этой фабрики, вручилъ свои письменныя показанія правительственному комиссару White'у, но потомъ счелъ нужнымъ утаить возвращенную ему для просмотра рукопись. Но у комиссара White'a хорошая память. Онъ очень хорошо помнитъ, что для этихъ господъ циклоповъ запрещеніе ночного труда дѣтей и подростковъ «невозможное дѣло: это все равно, что остановить заводъ»; между тѣмъ предпріятіе это насчитываетъ немногимъ болѣе 6% подростковъ моложе 18 лѣтъ и только 1% моложе 13 лѣтъ ¹⁰¹!

Г-нъ В. Е. Sanderson, представитель фирмы братья Sanderson и Б^o, властвующей сталелѣвительнымъ и желѣзнопровкатнымъ заводами въ Altercliffe, высказываетъ также свое мнѣніе по этому предмету: «Позъ запрещенія ночного труда подростковъ моложе 18 лѣтъ произошли бы большія затрудненія. Самое боль-

¹⁰⁰) I. с. 80, р. XVI.

¹⁰¹) I. с. 82, р. XVII.

шое затрудненіе—это увеличеніе издержекъ, которое непременно было бы вызвано замѣной дѣтскаго труда трудомъ взрослыхъ. Сколько бы это составило, я не могу сказать, но, вѣроятно, не такъ много, чтобы фабрикантъ могъ попыснѣть сталь; потеря пала бы, следовательно, на него одного, такъ какъ рабочіе (какой упрямый народъ!), конечно, отказались бы пестн ея». Г-нъ Sanderson не знаетъ, сколько онъ платитъ дѣтямъ, но «вѣроятно, это составляетъ отъ 4—5 шиллинговъ на душу въ недѣлю... Работа, исполняемая дѣтями, есть работа такого рода, что вообще («generally», конечно, не во всѣхъ «частныхъ» случаяхъ) для нея вполне достаточно силы подростковъ, и мы, следовательно, не изыскли бы никакой выгоды изъ употребленія большей силы мужьянъ для покрытія потери, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ металлъ очень тяжелъ. Мужьяны также были бы недовольны, если бы не имѣли въ своемъ распоряженіи мальчиковъ, такъ какъ взрослые менѣе послушны. Притомъ рабочему слѣдуетъ начинать работать мальчикомъ, чтобы изучитъ дѣло. При ограниченіи труда подростковъ только дневнымъ трудомъ цѣль эта не была бы достигнута». Но почему же это? Почему подростки не могутъ изучать дѣла днемъ? На чемъ это основано? «Потому что мужьяны, которые каждую недѣлю работаютъ попеременно то днемъ, то ночью, отдѣленные въ это время отъ подростковъ своей смѣны, потеряли бы половину той выгоды, которую они изъ нихъ изыскиваютъ. Руководство подростками идетъ въ счетъ части заработной платы этихъ подростковъ и даетъ, такимъ образомъ, рабочимъ возможность получать дешевле трудъ подростковъ. Каждый рабочій потерялъ бы половину своей прибыли». (Другими словами, господа Sanderson должны были бы уплачивать часть заработной платы взрослыхъ рабочихъ изъ собственного кармана, вмѣсто того, чтобы платить ее ночнымъ трудомъ подростковъ. Прибыль господъ Sanderson въ этомъ случаѣ нѣсколько бы упала, и въ этомъ для нихъ достаточное основаніе того, почему дѣти не могутъ изучать своего ремесла днемъ ¹⁰²⁾). Кроме того весь ночной трудъ палъ бы на взрослыхъ рабочихъ, которые теперь смѣняются дѣтями, и они бы этого не вынесли. Однимъ словомъ, затрудненія были бы такъ велики, что они привели бы къ совершенному прекращенію ночного труда. «Что же касается производства самой стали», говоритъ E. F. Sanderson, «то это не составило бы ни малѣйшей разницы, но!..» Но у господъ Sanderson есть другое дѣло, чѣмъ фабрикація стали. Производство стали есть только предлогъ для производства прибавочной стоимости. Плавильныя печи, прокатныя мастерскія и т. п., строенія, машины, желѣзо, уголь и т. д. имѣютъ еще другое назначеніе, кроме производства стали. Они существуютъ для поглощенія прибавочнаго труда, и поглощаютъ его, конечно, больше въ 24 часа, чѣмъ въ 12 часовъ. На самомъ дѣлѣ они по божескимъ и человѣческимъ законамъ даютъ Sanderson'амъ право на рабочее время извѣстнаго числа

¹⁰²⁾ «Въ наше время, столь сложное къ рефлексіи и къ резонированію, тотъ, кто не можетъ для всего, даже для самаго дурного и для самаго ложнаго, привести достаточное основаніе (einen guten Grund), не будетъ имѣть успѣха. Все, что на свѣтѣ испорчено, было испорчено на достаточномъ основаніи». (Hegel, I. с. р. 249).

рукъ въ продолженіе полныхъ 24 часовъ въ сутки; они теряютъ, такимъ образомъ, свой характеръ капитала, т. е. составляютъ чистый убытокъ для Sanderson'овъ, если ихъ функція — впитывать трудъ — прерывается. «Мы терпимъ бы тогда на дорогихъ машинахъ, которыя половину времени стояли бы безъ дѣла, и для той массы продуктовъ, которую мы можемъ доставлять при настоящей системѣ, мы должны были бы удвоить помѣщенія и машины, что удвоило бы издержки». Но почему именно эти Sanderson'ы заявляютъ притязанія на принадлегію предъ другими капиталистами, которые могутъ работать только днемъ, и строенія, машины, сырой матеріалъ которыхъ остаются, поэтому, ночью «безъ дѣйствія». «Правда», отбѣчаетъ Е. Е. Sanderson отъ имени всѣхъ Sanderson'овъ. «Правда, что эта потеря отъ бездѣйствія машинъ касается всѣхъ мануфактуръ, гдѣ работаютъ только днемъ. Но употребленіе плавильныхъ печей въ нашемъ случаѣ причинило бы экстраординарную потерю. Если поддерживать ихъ въ ходу, то тратится горючій матеріалъ (тогда какъ теперь тратится жизненный матеріалъ рабочихъ); если же остановить ихъ ходъ, то это повлечетъ за собой потерю времени, чтобы зажечь снова печи и достигнуть известной температуры (тогда какъ потеря времени сна даже восьмилѣтнихъ дѣтей составляетъ выигрышъ рабочаго времени для породы Sanderson'овъ), и сами печи пострадали бы отъ этой перемены температуры» (тогда какъ эти же печи несколько не страдаютъ отъ дневной и ночной сѣны труда) ¹⁰²).

¹⁰²) I. с. р. 85. Господа фабриканты стекла утверждали, что невозможно назначать дѣтямъ «опредѣленное время для принятія пищи», такъ какъ при этомъ печи терпятъ черезъ лучшеспусканіе значительное количество жара, что для фабрикантовъ было бы «чистою потерей» и растратывалось бы «совершенно даромъ». Подобныя же іереміады повторяютъ Ure, Senior, etc. и ихъ жалкіе иѣмецкіе повторильщики, вроде Рошера и др. На всѣ эти чувствительныя соображенія насчетъ «воздержанія», «самоотреченія» и «бережливости» капиталистовъ въ расходованіи своихъ денегъ и ихъ тамерлановской «расточительности» — въ расходованіи человеческой жизни слѣдственный коммиссаръ White отвѣчаетъ слѣдующее: «Всѣдствие установленія правильныхъ перерывовъ для принятія пищи, можетъ быть, и пропадетъ даромъ известное количество жара, сравнительно съ тѣмъ, которое тратится теперь; но одѣшное на деньги, оно ничтожно по сравненію съ потерей жизненной силы («the waste of animal power»), происходящей для королевства отъ того, что дѣти, находящаяся въ періодѣ роста и работающія на стеклянныхъ заводахъ, не имѣютъ ни минуты отдыха, чтобы надлежащимъ образомъ принять пищу и переварить ее». (I. с. р. XLV). И это «въ годъ прогресса», — 1865 годъ! Не говоря уже о тратѣ силъ, требующейся для того, чтобы поднимать и носить тяжести, каждый ребенокъ проходитъ на заводѣ, гдѣ выдѣлываютъ бутылки и flintglas, во время непрерывнаго процесса труда отъ 15—20 (англійскихъ) миль въ 6 часовъ! И трудъ этотъ часто продолжается отъ 14—15 часовъ! На многихъ изъ этихъ стеклянныхъ заводовъ, такъ же какъ и на московскихъ прядильныхъ фабрикахъ господствуетъ система шестичасовыхъ сѣнъ. «Въ продолженіе всей рабочей недѣли 6 часовъ — самый длинный періодъ непрерывнаго покоя; но отсюда надо еще вычесть время ходьбы на фабрику и съ фабрики, а также умыванье, одѣванье, принятіе пищи, для чего также нужно нѣкоторое время. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ остается самое незначительное время для отдыха. Дѣтямъ не остается времени для игры и пользованія свѣжимъ воздухомъ; для этого они должны урывать время отъ

5. Борьба за нормальный рабочий день. Принудительные законы объ удлинении рабочего дня съ середины XIV до конца XVII столѣтія.

«Что такое рабочий день?» Какъ велико то время, въ продолженіе котораго капиталъ можетъ потреблять оплаченную имъ дневную цѣнность рабочей силы? На сколько можетъ быть продолженъ рабочий день за тѣ предѣлы, которые необходимы для воспроизведенія самой рабочей силы? На эти вопросы капиталь, какъ мы видѣли, отвѣчаетъ: Рабочій день состоитъ изъ полныхъ 24 часовъ, за вычетомъ тѣхъ непогихъ часовъ отдыха, безъ которыхъ рабочая сила абсолютно не можетъ возобновить своего дѣйствія. Конечно, само собою разумѣется, что рабочий всю свою жизнь представляетъ только рабочую силу, что, потому, все то время, которымъ онъ можетъ располагать, естественно и по праву представляетъ рабочее время и предназначено, слѣдовательно, на образованіе прибавочной цѣнности. Время для образованія, для умственного развитія, для выполненія общественныхъ функций, для общенія съ себѣ подобными, для свободнаго развитія физическихъ и умственныхъ силъ, даже для празднованія воскресенья,—хотя бы это было въ страпѣ почитателей субботы ¹⁰⁴⁾—все это

сила, который такъ необходимъ дѣтямъ, столь напряженно работающимъ въ такой жаркой атмосферѣ... Даже этотъ короткій сонъ прерывается тѣмъ, что дѣти должны сами просыпаться ночью; днемъ же ихъ пробуждаетъ вѣшній шумъ». White приводитъ случаи, когда одинъ мальчикъ работалъ 36 часовъ сразу, и другіе случаи, когда мальчики 12 лѣтъ работаютъ до 2 часовъ ночи, а встѣмъ спать на заводѣ до 5 часовъ утра (3 часа!), послѣ чего опять начинаютъ свой дневной трудъ! «Та масса труда», говорятъ редакторы общаго отчета, Тгемпелера и Tufnell, «которую исполняютъ мальчики, дѣвушки и женщины въ продолженіе своего дневного или почного трудового урока («spell of labour»), просто баснословна». (I. с. XLIII и XLIV). Между тѣмъ, «преисполненный самоотреченія, капиталъ возвращается поздно домой изъ клуба, съ головою, отяжелѣвшей отъ портвейна, и идиотически напѣваетъ: «Britons never, never, shall be slaves!» (Никогда, никогда британцы не будутъ рабами!).

¹⁰⁴⁾ Въ Англіи, напр., и теперь еще въ разныхъ сельскихъ округахъ рабочіе приговариваются къ тюремному заключенію за нарушеніе святости субботняго дня трудомъ въ садикъ предъ своимъ домомъ. Но тотъ же самый рабочий наказывается за нарушеніе контракта, если онъ въ воскресенье не явится на металлическую, стеклинную или бумажную фабрику, даже изъ религіознаго чувства. Ортодоксальный парламентъ равнодушенъ къ оскверненію святости субботняго дня, когда оно происходитъ въ «процессѣ воярстанія цѣности» капитала. Въ запискѣ (августъ 1863), поданной парламенту, лондонскіе пошивщики, работающіе у торговцевъ рыбою и птицею, требуютъ отмены воскреснаго труда. Изъ этой записки видно, что трудъ ихъ въ продолженіе первыхъ 6 дней недѣли продолжается въ среднемъ 15 часовъ въ день, въ воскресенье же отъ 8—10 часовъ. Изъ этой же записки видно, что такой «воскресный трудъ» ободряется и поддерживается похотѣливыми гужманами изъ аристократическихъ ханжей Exeter Hall'я. Эти «святые», столь ревностные въ «снѣ (munda», доказываютъ свои христіанскія чувства той покрѣпостью, съ которой они переносятъ чрезвычайный трудъ, голодъ и лишенія третьихъ лицъ. Obsequium ventris istis (т. е. работникамъ) perniciosius est.

чистѣйшіе пустыни! Но при своемъ безпрерывномъ и слѣпому стремленію къ наживѣ, при своей возчѣй жадности къ прибавочному труду капиталъ бѣшено перескакиваетъ не только черезъ моральныя, но и черезъ чисто физическія максимальныя границы рабочаго дня. Онъ захватываетъ время, необходимое для роста, развитія и здороваго поддержанія тѣла. Онъ похищаетъ время, необходимое для пользованія свѣжимъ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Онъ урѣзываетъ время ѣды и присоединяетъ его, гдѣ только возможно, къ самому процессу производства: пища дается рабочему, какъ простому орудію производства, такъ же какъ уголь—паровому котлу, жиръ или масло—машинѣ. Онъ изводитъ время здороваго сна, необходимаго для накопленія, возобновленія и освѣженія жизненной силы, только до столькихъ часовъ оцѣпененія, безъ которыхъ абсолютно истощенный организмъ не могъ бы опять дѣйствовать. Здѣсь не нормальное поддержаніе рабочей силы ставитъ границы рабочему дню, а, наоборотъ, возможно большая дневная трата рабочей силы, какъ бы она ни была болѣзненна, пасивна и тяжела, опредѣляетъ собой время отдыха рабочаго. Капиталъ не заботится о продолжительности жизни рабочей силы. Его интересуетъ только maximum рабочей силы, могущей быть пущеной въ ходъ въ одинъ рабочий день. И онъ достигаетъ этой цѣли сокращеніемъ жизни рабочей силы, какъ хищникъ сельскій хозяинъ достигаетъ увеличенія доходности своей земли истощеніемъ плодородія почвы.

Капиталистическое производство, которое по существу своему является производствомъ прибавочной цѣнности, всасываніемъ прибавочнаго труда, ведетъ, вслѣдствіе удлиненія рабочаго дня, не только къ истощенію человѣческой рабочей силы, лишая ее нормальныхъ физическихъ и моральныхъ условій развитія и дѣйствія, — оно порождаетъ преждевременное истощеніе и преждевременную смерть самой рабочей силы ⁽¹⁰⁵⁾. Оно удлиняетъ время производительнаго труда рабочаго въ теченіе известнаго промежутка времени, сокращая продолжительность его жизни.

Но цѣнность рабочей силы заключается въ себѣ цѣнность товаровъ, необходимыхъ для воспроизведенія рабочаго или для размноженія рабочаго класса. Если, такимъ образомъ, противоестественное удлиненіе рабочаго дня, въ которому необходимымъ образомъ стремится капиталъ въ своемъ безпрерывномъ стремленіи къ самовозрастанію, сокращаетъ періодъ жизни отдѣльных рабочихъ и имѣетъ съ тѣмъ продолжительность дѣйствія ихъ рабочей силы, то необходима болѣе быстрая замѣна истрачиваемой рабочей силы, а слѣдовательно, должны увеличиться издержки ея производства, точно такъ же какъ ежедневно воспроизводимая часть цѣнности машины тѣмъ больше, чѣмъ быстрее она изнашивается. Такъ, повидному, интересъ самого капитала требуетъ нормальнаго рабочаго дня.

Рабовладѣлецъ покупаетъ своего рабочаго такъ же, какъ онъ покупаетъ свою лошадь. Имѣетъ съ рабомъ онъ тераетъ капиталъ, который можетъ быть возмѣщенъ только новыми издержками на невольничьемъ рынкѣ. Но «какимъ

⁽¹⁰⁵⁾ «Мы приводили уже въ нашихъ предыдущихъ отчетахъ мнѣніе нѣкоторыхъ опытныхъ фабрикантовъ, что великій трудъ..., конечно, имѣетъ тенденцію преждевременно истощать человѣческую рабочую силу», I. с. 64, р. XIII.

бы роковым и разрушительным образом ни влиял на человеческий организм рисовые поля Георгии, болота Миссисипи, тем не менее, это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы оно не могло быть вознаграждено благословенными разсадниками негров в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы составлять известного рода гарантию человеческого отношения к рабам, пока интерес господина связан с сохранением жизни рабов, превращаются, наоборот, в мотивы самого крайнего истощения жизненной силы раба, так как — раз он может быть всегда замещен свежим человеческим материалом — продолжительность его жизни становится менее важной, чем ее производительность. Поэтому, в странах, куда ввозят рабов, правилом рабовладельческого хозяйства является истина, что самая действительная экономия состоит в том, чтобы в возможно более короткое время выжимать из человеческого скота (human cattle) возможно большее количество труда. Именно при тропических культурах, где годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантации, жизнь негров самым безопасным образом приписывается в жертву наживы. Земледельцы Вест-Индии, уже цылые века колыбель сказочных богатств, пожрало миллионы жизней африканской расы. В настоящее время мы видим, что на Кубе, где доходы считаются миллионами и где плантаторы — князья, значительная часть невольников, не только получает самую грубую пищу и подвергается непрерывным изнурительным придиркам, но еще прямо губится ежегодно медленной пыткой, состоящей в чрезмерном труде и недостатке сна и отдыха»¹⁰⁶⁾.

Mutato nomine de te fabula narratur! Вместо работорговли читай — рабочий рынок. Вместо Кентукки и Виргинии — Ирландия и земледельческие округа Англии, Шотландии, Уэльса, вместо Африки — Германия! Мы уже видели, как чрезмерный труд опустошает ряды лондонских булочников, и тем не менее лондонский рабочий рынок всегда переполнен немецкими булочниками, кандидатами на тот свет. Гончарное производство, как мы видели, есть отрасль промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочего. Но терпите ли, поэтому, гончарное производство недостаток в рабочих? Josiah Wedgwood, изобретатель современного гончарного производства, сам по происхождению простой рабочий, заявил в 1785 г. предъ Палатой Общин, что во всем этом производстве занято от 15 до 20,000 человек¹⁰⁷⁾. В 1861 г. население городских только центров этой промышленности в Великобритании составляло 101,302. «Хлопчатобумажная промышленность существует 90 лет... В продолжение 3 поколений английской расы она пожрала 9 поколений хлопчатобумажных рабочих»¹⁰⁸⁾. Правда, в отдельные эпохи лихорадочного подъема на рабочем рынке замечался серьезный недостаток предложения, так, напр., в 1834 г. Но господа фабриканты предложили Poor Law Commissioners присылать «избыток населения» земледельческих округов на север, указывая

¹⁰⁶⁾ Cairns l. c. p. 110, 111.

¹⁰⁷⁾ John Ward: «History of the Borough of Stoke-upon-Trent. London 1843», p. 42.

¹⁰⁸⁾ Ричь Ferrand'a в «House of Commons» от 27 апреля 1863 г.

на то, что «фабриканты поглотить и потребовать его»¹⁰⁹). Это были их полные слова. «В Манчестеръ были назначены агенты съ согласія Poor Law Commissioners. Были изготовлены списки земледѣльческихъ рабочихъ и переданы этимъ агентамъ. Фабриканты отправились въ бюро, и, когда они выбрали то, что имъ было нужно, цѣлыя семейства были высланы съ юга Англіи. Эти транспорты людей были доставлены съ этикетками, какъ тюки товаровъ, по каналамъ и на телегахъ,—нѣкоторые плелись пѣшкомъ, многіе же зря, полу-голодные, блуждали по мануфактурнымъ округамъ. Это развилось въ настоящую отрасль торговли. Палата Общинъ едва повѣрить этому; эта правильная торговля, это барышничество человѣческимъ мясомъ развивалось до того, что люди покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерскими фабрикантамъ, такъ же правильно, какъ пегры—хлопчатобумажнымъ плантаторамъ южныхъ штатовъ... 1860 г. знаменуетъ собой апогей хлопчатобумажной промышленности... Опять чувствовался недостатокъ рукъ. Фабриканты опять обратились къ торговцамъ человѣческимъ мясомъ... и послѣдніе обогнали дюны Dorset'a, холмы Devon'a и равнины Wilts'a, но избыточное населеніе было уже поглощено». «Bury Guardian» жаловался, что послѣ заключенія англо-французскаго торговаго трактата могло бы быть поглощено еще 10,000 рукъ, и вскорѣ понадобится дальнѣйшія 30 или 40,000. Послѣ того, какъ агенты и субъ-агенты по торговлѣ человѣческимъ мясомъ обошли въ 1860 г. почти безрезультатно земледѣльческіе округа, «депутатія фабрикантовъ обратилась къ г-ну Villiers, президенту Poor Law Board, съ просьбой оиать разрѣшить привозъ бѣдныхъ дѣтей вѣ сиротъ изъ рабочихъ домовъ (Workhouses»¹¹⁰).

¹⁰⁹) «That the manufacturers would absorb it and use it up. Those were the very words used by the cotton manufacturers». l. c.

¹¹⁰) l. c. При всемъ своемъ желаніи угодить фабрикантамъ, Villiers былъ «закономъ» поставленъ въ такое положеніе, что долженъ былъ отклонить предложеніе фабрикантовъ. Эти господа достигли однако своей цѣли, благодаря податливости мѣстныхъ почтеннѣйшихъ о бѣдныхъ. Г-нъ А. Redgrave, фабричный инспекторъ, утверждаетъ, что на этотъ разъ система, по которой сироты и дѣти пауперовъ «закономъ» рассматриваются какъ ученики (apprentices) «не сопровождалась тѣмъ злоупотребленіемъ, какъ раньше»—(объ этихъ «злоупотребленіяхъ» ср. Engels l. c.). Въ одномъ случаѣ однако «произошло злоупотребленіе этой системой по отношенію къ двѣнадцати и молодымъ женщинамъ, которыя были перевезены изъ земледѣльческихъ округовъ Шотландіи въ Lancashire и Cheshire. По этой системѣ» фабрикантъ заключаетъ контрактъ на опредѣленный періодъ съ администраціей дома для приращенія бѣдныхъ. Онъ прокармливаетъ, одѣваетъ дѣтей, даетъ имъ квартиру и кромѣ того маленькую денежную прибавку. Слѣдующее замѣчаніе г-на Redgrave звучитъ особенно страшно, если принять во вниманіе, что даже среди періодовъ процвѣтанія англійской хлопчатобумажной промышленности 1860 годъ особенно выдѣляется, что тогда заработная плата была особенно высока, потому что необычайный спросъ на трудъ совпалъ съ обезлюденіемъ Ирландіи, съ безпримѣрнымъ выселеніемъ изъ англійскихъ и шотландскихъ земледѣльческихъ округовъ въ Австралію и въ Америку, съ положительнымъ уменьшеніемъ населенія въ нѣкоторыхъ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, происшедшимъ отчасти отъ истощенія живительной силы рабочихъ, отчасти же отъ того, что избыточное населеніе уже раньше было «сильно» торговцами человѣческимъ мясомъ. И, несмотря

Въ общемъ, опытъ обнаруживаетъ передъ капиталистомъ постоянное перенаселеніе, т. е. перенаселеніе, сравнительно съ существующей въ данную минуту потребностью стремящагося къ самовозрастанію капитала въ рабочихъ рукахъ, хотя бы перенаселеніе это и состояло изъ истощенныхъ, скоро вымирающихъ, быстро вытѣсняющихъ другъ друга, такъ сказать, скошенныхъ до наступленія зрѣлости человѣческихъ поколѣній ¹¹¹⁾. Конечно, съ другой стороны, опытъ показываетъ плутовому наблюдателю, какъ быстро и глубоко капиталистическое производство, которое, съ исторической точки зрѣнія, родилось лишь вчера, подточило корни народной связи, какъ вырожденіе промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ поглощеніемъ болѣе здороваго населенія деревень, и какъ даже сельскіе рабочіе начинаютъ вымирать, несмотря на свѣжій воздухъ и на полное господство среди нихъ начала «естественнаго подбора», дающаго развиваться только крѣпкимъ индивидуумамъ ¹¹²⁾.

на все это, Redgrave говоритъ: «Къ этому роду труда, (т. е. къ труду дѣтей изъ домовъ для приврѣнія бѣдныхъ) обращаются только тогда, когда нельзя найти другого труда, такъ какъ это дорогой трудъ (high priced labour). Обыкновенная заработная плата мальчика 13 лѣтъ составляетъ около 4 шиллинговъ въ недѣлю; по совершенно невозможно на 4 шилл. въ недѣлю приврѣвать, кормить, одѣвать, снабжать медицинскою помощью и соответствующимъ надзоромъ и еще давать маленькую денежную плату 50 или 100 мальчишкамъ (Rep. of the Insp. of Factories for 30 th April 1860». p. 27). Г-нъ Redgrave забываетъ намъ сказать, какъ самъ рабочий можетъ доставить все это своему мальчику на его заработную плату въ 4 шилл., если фабрикантъ не можетъ этого сдѣлать для 50 или 100 мальчишковъ, которые вѣкъ живутъ, питаются и пользуются присмотромъ. Для предупрежденія ложныхъ заключеній, которыя могутъ быть выведены изъ текста, я долженъ здѣсь замѣтить, что, со времени подниженія Factory Act 1850 г. съ его регулированіемъ рабочаго времени и т. д., англійская хлопчатобумажная промышленность должна разсматриваться какъ образцовая промышленность въ Англии. Англійскій хлопчатобумажный рабочий во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше своего континентальнаго собрата по профессіи. Прусскій фабричный рабочий работаетъ по крайней мѣрѣ на 10 часовъ въ недѣлю больше своего англійскаго соперника, если же онъ работаетъ дома на своемъ собственномъ ткацкомъ станкомъ, то добавочное рабочее время не знаетъ даже и этихъ предѣловъ». (Rep. of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1855» p. 103). Вышеупомянутый фабричный инспекторъ Redgrave ѣздилъ послѣ промышленной выставки 1851 г. на континентъ, спеціально во Францію и въ Пруссію, чтобы изучить тамошній фабричный бытъ. Онъ говоритъ слѣдующее о прусскомъ фабричномъ рабочемъ: «Онъ получаетъ плату, достаточную для пріобрѣтенія той простой пищи и того небольшого комфорта, къ которымъ онъ привыкъ и которыми довольствуется... Онъ живетъ хуже и работаетъ тяжелѣе, чѣмъ его англійскій соперникъ». (Rep. of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1853» p. 8').

¹¹¹⁾ «Рабочіе, исполняющіе чрезвычайный трудъ, умираютъ съ поразительною быстротой; но мѣста погибшихъ тотчасъ же опять заполняются, и частая смена лицъ нисколько не имѣняетъ общаго характера сцены». «England and America. London 1833», t. I 55. (E. G. Wakefield).

¹¹²⁾ См.: «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council. 1863», опубликованный въ Лондонѣ, въ 1864 г. Этотъ отчетъ говоритъ именно о земледѣльческихъ рабочихъ. «Графство Sutherland изображали какъ графство, въ которомъ сдѣланы были большія улучшенія, но новѣйшія изслѣдованія показали,

Капиталъ, имѣющій такія «основательныя причины» ограничающія сгражданіе окружающаго его рабочаго населенія, въ своей прагматикѣ такъ же не считается съ перспективой будущей гибели человечества, т.-е. немѣлкого его вымиранія, какъ съ возможностью паденія земли на солнце. При всякой аціи-перной спекуляціи каждый знаетъ, что когда-нибудь наступитъ гроза, но каждый надеется, что она коснется только его сосѣда, послѣ того какъ самъ онъ соберетъ и припрятаетъ въ вѣрное мѣстечко золотой дождь. *Après moi le déluge!*—таковъ девизъ всякаго капиталиста и всякой капиталистической націи. Капиталъ, поэтому, не обращаетъ вниманія на здоровье и продолжительность жизни рабочаго, если не выпущается къ этому обществомъ ¹¹³). На жалобы на физическое и умственное уродованіе, преждевременную смерть, пытку чрезмернаго труда онъ отвѣчаетъ: «*Sollte diese Qual uns quälen, da sie unsre Lust vermehrt*» [съ какой стати эти мученія будутъ насъ беспокоить, разъ они увеличиваютъ наше наслажденіе (прибыль)]? Но въ общемъ это даже и не зависитъ отъ доброй или злой воли отдѣльнаго капиталиста. Въ свободной конкуренціи имманентныя законы капиталистическаго производства даютъ знать о себѣ отдѣльному капиталисту, какъ принудительно дѣйствующіе вѣшніе законы ¹¹⁴).

что видѣсь въ округахъ, славившихся нѣкогда красотой населенія и храбростью «солдатъ», населеніе вырождалось въ тощую и уродливую расу. Въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ, на склонахъ холмовъ, вблизи моря лица дѣтей такіа худыя и блѣдныя, какія можно только встрѣтить еще въ гнилой атмосферѣ лондонскихъ «вакоуловъ» (Thornton, l. c. p. 74, 75). На самомъ дѣлѣ они похожи на тѣхъ «30.000 *galant Highlanders*» (бравыхъ шотландцевъ), которыхъ Глазго помѣщаетъ въ своихъ «*wynns*» и «*cloves*» вмѣстѣ съ проститутками и ворами.

¹¹³) «Хотя здоровье населенія и составляетъ очень важный элементъ національнаго капитала, однако, мы готовы, признаться, что капиталисты вовсе не расположены беречь и цѣнить это сокровище... Фабрикантовъ вынуждали обращать вниманіе на здоровье рабочихъ. («*Times*», 5 № 60 br. 1861), «Жители *West Riding*» сдѣлались суицидами для всего человечества... и здоровье рабочаго населенія при этомъ было принесено въ жертву, въ два поколѣнія вся раса вырождалась бы, еслибы не наступила реакція. Часы дѣтскаго труда были ограничены и т. д.» («*Report of the Registrar General for October 1861*»).

¹¹⁴) Мы видимъ, поэтому, напр., что въ началѣ 1863 г. 26 фримъ, владѣющихъ обширными гончарными заводами въ *Staffordshire*, — между ними также фирма *J. Wedgwood and Son*, — издѣлываютъ въ особой запискѣ «о насильственномъ вмешательствѣ государства». «Конкуренція съ другими капиталистами» дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ «добровольное» ограниченіе рабочаго времени дѣтей и т. д. «Какъ сильно мы ни жаждемъ о вышеупомянутомъ злѣ, его все же нельзя устранить какимъ-нибудь соглашеніемъ между фабрикантами... На основаніи всего сказаннаго, мы пришли къ убѣжденію, что «ребѣнокъ» призванъ не злѣе». «*Children's Emp. Comm. Rep. I 1863, p. 322*».

Прибавленіе къ примѣчанію 11-1. Недавнее прошлое представляетъ намъ гораздо болѣе поразительный примѣръ. Высота цѣны хлопца въ періодъ лихорадочной промышленной дѣятельности побудила владѣльцевъ мануфактуръ въ *Blackburn* сократить по общему соглашенію рабочее время на своихъ фабрикахъ на опредѣленный срокъ. Срокъ этотъ истекъ приблизительно въ концѣ ноября (1871). Между тѣмъ болѣе богатыя фабрики, соединяющія прядильное дѣло съ ткацкимъ, воспользовались этимъ сокращеніемъ производства для того, чтобы рас-

Установление нормального рабочего дня есть результат многовековой борьбы между капитализмом и рабочими. Но в истории этой борьбы мы видим два противоположных течения. Сравнимъ, напр., английское фабричное законодательство нашего времени съ английскими рабочими статутами отъ 14-го до второй половины 18-го столѣтія ¹¹⁵⁾. Тогда какъ современные фабричныя законы насильственно сокращаютъ рабочій день, старые статуты стараются насильственно его удлинитъ. Но во всякомъ случаѣ притизавія капитала въ эмбриональномъ его состояніи, когда онъ еще только образуется и когда онъ обезпечиваетъ себѣ свое право на всасываніе достаточнаго количества прибавочнаго труда не одну только силою экономическихъ условій, но и съ помощью государственной власти, являются очень и очень скромными по сравнению съ тѣми уступками, которыя онъ, вѣрча и сопротивляясь, долженъ дѣлать въ зрѣломъ возрастѣ. Нужны столѣтія для того, чтобы «свободный» рабочій, вълѣдствіе развитія капиталистическаго способа производства, добровольно соглашался, т.-е. былъ бы общественными условіями вынужденъ продавать все время своей дѣятельной жизни и даже самую свою способность къ труду (Arbeitsfähigkeit) за цѣну своихъ обыденныхъ средствъ существованія, свое право первородства за чечевичную похлебку. Поэтому, естественно, что то удлинненіе рабочаго дня, которое капиталъ старается съ половины 14-го до конца 17-го столѣтія влѣтнѣмъ государственной власти навязать взрослымъ рабочимъ, совпадаетъ приблизительно съ границами рабочаго времени, тамъ и сямъ указываемыми государствомъ во второй половинѣ 19-го столѣтія для превращенія дѣтской крови въ капиталъ. То, что теперь, напр., объявлено въ штатѣ Массачусеттс, до послѣдняго времени самымъ свободнымъ штатомъ сѣвероамериканской республики, закономъ предѣломъ труда дѣтей моложе 12 лѣтъ, составляло во второй половинѣ 17-го столѣтія въ Англіи нормальный рабочій день взрослыхъ ремесленниковъ, крѣпкихъ сельскихъ батраковъ и великановъ-кузнецовъ ¹¹⁶⁾.

шприть свое собственное и получить крупныя прибыли на счетъ мелкихъ мастеровъ. Въ крайней нуждѣ послѣдніе обратились къ фабричнымъ рабочимъ, приглашая ихъ вести серьезную агитацію за девятичасовой рабочій день и обѣщая съ своей стороны денежную поддержку для этой цѣли.

¹¹⁵⁾ Эти рабочіе статуты, которые мы одновременно находимъ во Франціи, Нидерландахъ и т. д., были формально отменены въ Англіи только въ 1813 г., послѣ того какъ на практикѣ они уже давно были устранены новыми условіями производства.

¹¹⁶⁾ «Ни одно дитя моложе 12 лѣтъ не должно быть принимаемо ни въ какомъ мануфактурномъ заведеніи больше 10 часовъ въ день». «General Statutes of Massachusetts. 63, ch. 12. (Эти постановленія были изданы между 1836 — 1858 г.). «Трудъ, исполняемый въ продолженіе 10 часовъ въ день, будетъ рассматриваться какъ законный дневной трудъ для всѣхъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, стекляннихъ и льянныхъ фабрикъ, а также для фабрикъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Въмѣстѣ съ этимъ предписывается, чтобы впредь ни одинъ малолѣтній, работающій на фабрикѣ, не былъ принуждаемъ къ труду болѣе 10 часовъ въ день или 60 час. въ недѣлю; впредь ни одинъ малолѣтній моложе 10 лѣтъ не долженъ быть допущенъ въ качествѣ рабочаго на какую-

Первый «Statute of Labourers» (23 Edward III. 1349) выдал своимъ поводомъ (не причиной, такъ какъ это законодательство продолжаетъ существовать цѣлыя вѣка послѣ того, какъ исчезъ поводъ) великую чуму, скосявившую население, такъ что, какъ говоритъ одинъ торійскій писатель, «трудность найти рабочихъ по умѣреннымъ цѣнамъ (т.-е. по цѣнамъ, предоставляющимъ ихъ хозяевамъ привлекное количество прибавочнаго труда) въ самомъ дѣлѣ стала невыносима» ¹¹⁷). Закономъ, поэтому, предписана была разумная рабочая плата, а также предѣлы рабочаго дня. Послѣдній пунктъ, который только и интересуетъ насъ здѣсь, повторяется въ статутѣ 1496 г. (при Генрихѣ VII). Рабочій день для всѣхъ ремесленниковъ (artificers) и земледѣльческихъ рабочихъ съ марта до сентября долженъ былъ тогда продолжаться—хотя это никогда не исполнялось—съ 5 часовъ утра до 7 или 8 вечера, но время, назначенное на ѣду, составляло: 1 часъ для завтрака. 1½ часа для обѣда и ¼ часа для ужина въ 4 часа, т.-е. ровно вдвое больше, чѣмъ по дѣйствующему нынѣ фабричному закону ¹¹⁸). Зимой работа должна была производиться съ 5 часовъ утра до сумерокъ, съ тѣми же перерывами. Статутъ Елизаветы отъ 1562 г. оставляетъ неизмѣнной длину рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ, «наняваемыхъ подневно и понедѣльно», но старается сократить свободные промежутки до 2½ часовъ лѣтомъ и до 2 часовъ зимой. Обѣдъ долженъ продолжаться 1 часъ, а «получасовой послѣобѣденный сонъ» долженъ быть разрѣшенъ только между половиной мая и половиной августа. За каждый часъ отсутствія изъ платы вычитается 1 пенни. Но на практикѣ условія были болѣе благосклонны для рабочихъ, чѣмъ на бумагѣ. Отецъ политическаго экономіи и, въ некоторомъ образомъ, изобрѣтатель статистики, William Petty, говоритъ въ одномъ сочиненіи, опубликованномъ пять въ послѣдней трети 17 столѣтія: «Рабочіе (labouring men, собственно въ то время земледѣльческіе рабочіе) работаютъ 10 часовъ въ день и 20 разъ въ недѣлю

побудъ фабрику». «State of New Jersey. An Act to limit the hours of labour etc., 61 и 2». (Законъ 11 марта 1855). «Малолѣтніе, достигшіе 12 лѣтнаго возраста и моложе 15 лѣтъ, могутъ быть занимаемы въ мануфактурныхъ заведеніяхъ не болѣе 11 часовъ въ день, и притомъ не ранѣе 5 ч. утра и не позже 7½ часовъ вечера». «Revised Statutes of the state of Rhode Island etc. ch. 39, § 23, 1 st. July 1857».

¹¹⁷) «Sophisms of Free Trade. 7 th. edit. Lond. 1850», p. 205. Тотъ же самый торіи прибавляетъ впрочемъ: «Парламентскіе акты, регулирующие заработную плату въ ущербъ работнику и въ выгоду работодателя, существовали въ теченіе долгаго періода въ 464 года. Но народонаселеніе расло. Законы эти стали, наконецъ, папашини и обременительными». (I. с. p. 206).

¹¹⁸) J. Wade справедливо замѣчаетъ по поводу этого статута: «Изъ статута 1496 г. слѣдуетъ, что пища составляла тогда эквивалентъ ½ дохода ремесленника и ¼ дохода земледѣльческаго рабочаго. Это свидѣтельствуетъ о болѣе независимости рабочихъ, чѣмъ та, которая господствуетъ теперь, когда пища какъ земледѣльческихъ, такъ и мануфактурныхъ рабочихъ составляетъ болѣе крупную долю ихъ заработной платы» (J. Wade, I. с. p. 24, 25 и 577). Достаточно бѣлаго взгляда на «Chronicon Pretiosum etc. By Bishop Fleetwood. 1-st edit. London 1707. 2 nd edit. London 1745», чтобы опровергнуть мнѣніе, что эта разница происходитъ отъ разницы въ цѣнѣ теперь и тогда между пищевыми средствами и одеждой.

принимают пищу, т. е. въ рабочие дни по 3 раза въ день, а по воскресеньямъ 2 раза. Изъ этого ясно, что если бы они постились по пятницамъ вечеромъ и употребляли на обѣдъ $1\frac{1}{2}$ часа, тогда какъ теперь они для этого употребляютъ 2 часа, отъ 11 до 1 часа пополудни, т. е. если бы они работали на $\frac{1}{20}$ больше и потребляли на $\frac{1}{20}$ меньше, то могла бы быть понижена ¹¹⁹⁾ вышеупомянутого налога ¹²⁰⁾. Развѣ докторъ Andrew Ure не былъ правъ, обзывая двѣнадцатичасовой быль 1833 г. возвратомъ въ вѣка тьмы? Правда, содержащіяся въ статутахъ и приводимыя Petty правила относятся также и къ «apprentices» (ученикамъ). Но въ какомъ положеніи находился дѣтскій трудъ еще въ концѣ 17 столѣтія, видно изъ слѣдующей жалобы: «Наши юноши, здѣсь въ Англіи, ничего не дѣлаютъ до поступленія въ ученики, и, поэтому, имъ, конечно, нужно много времени—7 лѣтъ, чтобы стать искусными рабочими». Германія, напротивъ того, прославляется за то, что тамъ дѣти съ колыбели уже «приучаются дѣлать хоть что-нибудь» ¹²⁰⁾.

Еще въ продолженіе большей части 18-го столѣтія, до эпохи крупной промышленности, капиталу не удалось въ Англіи, уплачивая недѣльную дѣвность рабочей силы, овладѣть всей недѣлей рабочаго. Исключеніе, однако, составляютъ земледѣльческіе рабочіе. То обстоятельство, что на четырехдневную плату они могли жить цѣлую недѣлю, не представлялось рабочимъ достаточнымъ

¹¹⁹⁾ W. Petty: Political Anatomy of Ireland. 1672. edit. 1691, p. 10.

¹²⁰⁾ «A Discourse on the Necessity of Encouraging Mechanick Industry. London 1669», p. 14. Масауэй, поддѣлавшій англійскую исторію въ интересахъ виговъ и буржуазіи, говоритъ слѣдующее: «Обычай заставлялъ преждевременно работать дѣтей господствовать въ 17 столѣтіи почти въ цѣлѣйшей изъ тогдашняго состоянія промышленности степеней. Въ Norwich'ѣ, центрѣ шерстяной промышленности, дѣти 6 лѣтъ считались способными къ труду. Разные писатели того времени—и между ними нѣкоторые, на которыхъ смотрѣли какъ на весьма благомыслящихъ—указываютъ съ «Exultation» (восторгомъ) на тотъ фактъ, что въ этомъ городѣ даже мальчики и дѣвочки свѣдаютъ богатство, превышающее на 12.000 ф. ст. въ годъ ихъ собственное содержаніе. Чѣмъ лучше мы изучаемъ исторію прошедшаго, тѣмъ болѣе мы находимъ основанія для опроверженія того мнѣнія, что нашъ вѣкъ породилъ новыя соціальныя бѣдствія. Что дѣйствительно ново, это просвѣщеніе, открывающее эти бѣдствія, и гуманность, являющаяся имъ». («History of England», v. I, p. 419). Масауэй могъ бы еще прибавить, что «необыкновенно благомыслящіе» amis du commerce въ 17 столѣтіи рассказываютъ съ «Exultation» о томъ, какъ въ одномъ рабочемъ домѣ въ Голландіи работало дѣти 4 лѣтъ, и что этотъ примѣръ практической добродѣтели («vertue mise en pratique») фигурируетъ во всѣхъ сочиненіяхъ гуманистовъ à la Масауэй до времени А. Санта Вѣрно, что съ появленіемъ мануфактуры, въ отличіе отъ ремесла, появляются и слѣды эксплуатаціи дѣтей, которая въ извѣстной степени всегда существовала у крестьянъ и тѣмъ болѣе развита у нихъ, чѣмъ тяжелѣе иго, тяготящее надъ ними. Тенденція капитала въ мануфактурный періодъ уже вполне явственна, но самые факты эксплуатаціи еще очень единичны, такъ же, какъ напр., рожденіе двуголовыхъ дѣтей. Поэтому, «amis du commerce», полные предчувствія ихъ будущаго значенія, съ «exultation» указываютъ на нихъ, какъ на особенно замѣчательные и достойные вниманія и подражанія. Тотъ же шотландскій сикофантъ и краснорѣчивый Масауэй прибавляетъ: «Мы теперь слышимъ только о регрессѣ, но дѣла же видимъ только прогрессъ». Что за глава, и въ особенности,—что за умъ!

основаніемъ работать и другіе два два на капиталиста. Одна часть англійскихъ законопослушателей, состоявшая въ услуженіи у капитала, бѣшено обвиняла рабочихъ за это упорство, другая же часть защищала рабочихъ. Послушаемъ, напр., полемику между Postlethwayt'омъ, торговый словарь котораго пользовался въ то время такой же славой, какъ въ настоящее время аналогичныя сочиненія Mac Culloch'a и Mac Gregor'a, и уже выше цитированнымъ авторомъ «Essay on Trade and Commerce»¹²¹⁾.

Postlethwayt гоноритъ между прочимъ: «Я не могу закончить этихъ краткихъ замѣтокъ, не указавъ на очень распространенную тривиальную фразу, что если рабочий (industrious poor) можетъ въ 5 дней добыть средства къ существованію, то онъ не хочетъ работать полныхъ 6 дней».

«Отсюда они заключаютъ, что необходимо налогами или какими-нибудь другими средствами произвести издорожаніе даже самыхъ необходимыхъ средствъ существованія, чтобы принудить ремесленника и мануфактурнаго рабочаго къ безпрерывному шестидневному труду въ недѣлю. Я прошу позволенія быть другого мнѣнія, чѣмъ эти великіе политики, отстаивающіе постоянное рабство рабочаго населенія этого королевства («the perpetual slavery of the working people»). Они забываютъ пословицу: «all work and no play» (сплошная работа безъ игры притупляетъ). Развѣ англичане не гордятся смысленностью и искусствомъ своихъ ремесленниковъ и мануфактурныхъ рабочихъ, доставившихъ англійскимъ товарамъ всеобщій кредитъ и славу? Что было причиной этого? Вѣроятно, не что иное какъ тѣ способы, которыми наши рабочіе умѣютъ развлекаться. Развѣ не притупилась бы ихъ смысленность, если бы они были вынуждены работать весь годъ по 6 дней въ недѣлю, постоянно исполняя одну и ту же работу; не превратило ли бы это ихъ изъ бодрыхъ и ловкихъ людей въ глупыхъ и вялыхъ? И развѣ, вслѣдствіе такого итѣчнаго рабства, наши рабочіе не потеряли бы своей репутаціи, вмѣсто того чтобы сохранить ее?.. Какого рода искусства въ работѣ могли бы мы ожидать отъ столь ужасно мучимыхъ животныхъ (hard driven animals)?.. Многіе изъ нихъ исполняютъ въ 4 дня столько работы, сколько французъ въ 5 или 6 дней. Но если англичане должны навсегда стать вычными животными, то надо опасаться, чтобы они, выродившись (degenerate), не пали еще ниже французовъ. Если вашъ народъ извѣстенъ своей военной храбростью, то развѣ мы не скажемъ, что, съ одной стороны, этимъ онъ

¹²¹⁾ Между обвинителями рабочихъ самымъ злобнымъ является упомянутый въ текстѣ анонимный авторъ сочиненія: «An Essay on Trade and Commerce containing Observations on Taxation etc. London 1770». Ранѣе онъ выступалъ уже въ своемъ сочиненіи: «Considerations on Taxation etc. London 1765». Къ этой категоріи надо причислить также вестерпимаго болтуна, настоящаго Половна въ статистикѣ, Arthur Young'a. Между защитниками рабочихъ выдаются: Jacob Vauderlint въ «Money answers all things. London 1734», «Rev. Nathaniel Forster, D. D. въ «An Enquiry in to the Causes of the Present Price of Provisions. London 1766», Dr Price, и въ особенности Postlethwayt, какъ въ прибавленіи къ его «Universal Dictionary of Trade and Commerce», такъ и въ «Great Britain's Commercial Interest explained and improved. 2nd edit. Lond. 1755». Самые факты констатируются многими другими современными писателями, между прочимъ, Josiah Tucker'омъ.

обязавъ хорошему англійскому ростбифу и пуддингу, а, съ другой стороны— не менѣе того конституціонному духу свободы? Почему же большая смысленность, энергія и искусство нашихъ ремесленниковъ и мануфактурныхъ рабочихъ не могутъ быть слѣдствіемъ той свободы, съ которой они развлекаются по сноему? Я надѣюсь, что они никогда впредь не лишатся ни этихъ привилегій, ни той хорошей обстановки жизни, изъ которой простекаетъ одинаково какъ ихъ неуклюжесть въ работѣ, такъ и ихъ храбрость!»¹²²⁾.

Авторъ «*Essay on Trade and Commerce*» отвѣчаетъ на это слѣдующе: «Если празднованіе седьмого дня недѣли считается божественнымъ установленіемъ, то изъ этого слѣдуетъ, что другіе дни недѣли принадлежать труду (онъ хотеть сказать—капиталу, какъ это сейчасъ будетъ видно), и нельзя назвать жестокимъ принужденіе къ исполненію этой божественной заповѣди... Что человѣчество вообще по природѣ своей склонно къ лѣни и празности, это мы узнаемъ изъ фатальнаго опыта поведенія нашей мануфактурной черни, которая въ среднемъ работаетъ не больше 4 дней въ недѣлю, за исключеніемъ случаевъ дороговизны средствъ существованія... Предположимъ, что бушель пшеницы составляетъ всѣ средства существованія рабочаго и стоитъ 5 шилл., и что рабочій своимъ трудомъ зарабатываетъ въ день 1 шиллингъ. Тогда ему нужно работать только 5 дней въ недѣлю, и только 4 дня, если бушель стоитъ 4 шилл. Но такъ какъ заработная плата въ нашемъ королевствѣ гораздо выше цѣны средствъ существованія, то мануфактурный рабочій, работающій 4 дня, обладаетъ излишкомъ денегъ, на который онъ живетъ празднo остальные дни недѣли... Я надѣюсь, что я достаточно сказалъ для того, чтобы выяснитъ, что умѣренный трудъ въ продолженіе 6 дней въ недѣлю не есть рабство. Наши земледѣльческіе рабочіе работаютъ такъ, и, по всѣмъ видимостямъ, они счастливѣйшіе между рабочими (*labouring poor*),¹²³⁾; голландцы же работаютъ столько же на мануфактурахъ и повидному очень счастливый народъ. Французы, если оставить въ сторонѣ ихъ многочисленные праздники, работаютъ столько же¹²⁴⁾... Но наша чернь вбѣла себѣ въ голову, что ей, какъ англичанамъ, принадлежитъ по праву рожденія привилегія быть свободнѣе и независимѣе рабочаго населенія всякой другой страны въ Европѣ. И мысль эта, пока она вліяетъ на храбрость создать, можетъ приносить нѣкоторую пользу. Но чѣмъ меньше проникнуты ею мануфактурные рабочіе, тѣмъ лучше для нихъ самихъ и для государства. Рабочіе никогда не должны были бы считать себя независимыми отъ своихъ начальниковъ («*independent of their superiors*»)... Чрезвычайно опасно поощрять скопища (*mobs*) въ такомъ коммерческомъ го-

¹²²⁾ Postlethwayt, l. c. «First Preliminary Discourse», p. 14.

¹²³⁾ «An Essay etc.». Онъ самъ рассказываетъ на стр. 96, въ чемъ состояло уже въ 1770 г. «счастье» англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ. «Ихъ рабочая сила («*their working power*») напряжена до крайней степени («*on the stretch*»); они не могутъ ни жить хуже, чѣмъ они теперь живутъ («*they cannot live cheaper than they do*»), ни работать тяжелѣе («*nor work harder*»).

¹²⁴⁾ Протестантизмъ уже потому играетъ важную роль въ гегемоніи капитала, что онъ превращаетъ почти всѣ традиціонныя правды въ будни.

«сударствѣ, какъ паше, гдѣ можетъ быть $\frac{1}{8}$ всего населенія имѣютъ очень мало собственности или вовсе ея не имѣютъ ¹²⁵⁾... Изъясненіе не будетъ полнымъ, пока наши промышленные бѣдняки не рѣшатся работать 6 дней за ту сумму, которую они теперь зарабатываютъ въ 4 дня» ¹²⁶⁾. Для этой цѣли, такъ же какъ «для искорененія лѣности, распутства и романтическихъ бредней о свободѣ», т. е. «для уменьшенія налога въ ползу бѣдныхъ, содѣйствія промышленному духу и пониженія цѣны труда въ мануфактурахъ», нашъ вѣрный слуга капитала предлагаетъ испытанное средство—запереть тѣхъ рабочихъ, которые живутъ на счетъ общественной благотворительности, словомъ, такъ называемыхъ пауперовъ, въ «идеальный рабочий домъ» (an ideal workhouse). «Такой домъ долженъ стать домомъ ужаса» («House of Terror») ¹²⁷⁾. Въ этомъ «домѣ ужаса», въ этомъ «идеальномъ Workhouse'а» работа должна продолжаться 14 часовъ, включая снуда, впрочемъ, время ѣды, такъ чтобы чистой работы было полныхъ 12 часовъ» ¹²⁸⁾.

12 рабочихъ часовъ въ день въ «идеальномъ Workhouse'ѣ», въ домѣ ужаса 1770 г.! Слутя 63 года, въ 1833 г., когда англійскій парламентъ ограничилъ въ 4 отрасли промышленности рабочий день дѣтей отъ 13—18 лѣтъ полными 12 часами, то казалось, что пробилъ послѣдній часъ англійской промышленности. Когда въ 1852 году Луи Бонапартъ, чтобы утвердиться въ буржуазномъ обществѣ, захотѣлъ измѣнить установленный закономъ рабочий день, то весь французскій народъ возопилъ въ одинъ голосъ. «Закономъ, сократившій рабочий день до 12 ч., есть единственное благо, которое осталось у насъ отъ законодательства республики» ¹²⁹⁾. Въ Цюрихѣ трудъ дѣтей, старше 10 лѣтъ, ограниченъ 12 часами; въ Ааргау въ 1862 г. трудъ дѣтей 13—16 лѣтъ былъ сокращенъ съ $12\frac{1}{2}$ до 12 часовъ; въ Австріи въ

¹²⁵⁾ «An Essay etc.», p. 15, 41, 96, 97, 55, 57.

¹²⁶⁾ I. с. p. 69. Jacob Vanderlint объяснилъ уже въ 1734 г., что весь секретъ жалобъ капиталистовъ на лѣность рабочаго населенія заключается просто въ томъ, что они хотѣли имѣть за ту же плату 6 рабочихъ дней вмѣсто 4.

¹²⁷⁾ I. с. p. 242: «Такой идеальный рабочий домъ долженъ быть сдѣланъ «домомъ ужаса», а не убѣжищемъ для бѣдныхъ, гдѣ ихъ кормятъ досыта, тепло и прилично одѣваютъ, и гдѣ они очень мало работаютъ».

¹²⁸⁾ «In this ideal Workhouse the poor shall work 14 hours in a day, allowing proper time for meals, in such manner that there shall remain 12 hours of neat labour» (I. с.) «Французы», говоритъ онъ, «смѣются надъ нашими восторженными виденіями о свободѣ». (I. с. p. 78).

¹²⁹⁾ «Они въ особенности возражали противъ работы свыше 12 часовъ въ день, потому что законъ, установившій предѣлы рабочаго дня, есть единственное благо, остающееся имъ отъ законодательства республики». (Rep. of Insp. of Fact. 31 st., Octob. 1856, p. 80). Французскій двѣнадцатичасовой законъ 5 сентября 1830 г., исправленное въ буржуазномъ смыслѣ изданіе декрета временнаго правительства 2 марта 1848 г., простирается на всѣ мастерскія безъ различія. До этого закона рабочий день во Франціи былъ неограниченъ. Онъ продолжался на фабрикахъ 14, 15 и болѣе часовъ. См. «Des classes ouvrières en France, pendant l'année 1848. Par M. Blanqui». Господи! Blanqui—экономистъ, а не революціонеръ—былъ уполномоченъ государствомъ изслѣдовать положенія рабочаго класса.

1860 г. для дѣтей между 14 и 16 годами также до 12 часовъ ¹³⁰⁾. «Какой прогрессъ съ 1770 г., захлебываясь отъ восторга, воскликнулъ бы Маколей?

«Домъ ужаса» для пауперовъ, о которомъ душа капитала только еще мечтала въ 1770 г., осуществился, немного лѣтъ спустя, въ видѣ громаднаго «рабочаго дома» для самыхъ мануфактурныхъ рабочихъ. Этотъ рабочій домъ назывался фабрикой. И на этотъ разъ идеаль блѣднѣлъ предъ дѣйствительностью.

6. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительное ограниченіе рабочаго времени силою закона. Англійское фабричное законодательство 1833—1864.

Послѣ того какъ капиталу понадобилась столѣтія, чтобы удлинитъ рабочій день до его нормальныхъ максимальныхъ предѣловъ и затѣмъ за эти предѣлы вплоть до границы, представляемой естественнымъ двѣнадцатичасовымъ днемъ ¹³¹⁾, съ появленіемъ на свѣтъ крупной промышленности въ послѣдней трети XVIII столѣтія началась бѣшеная скачка, напоминающая по своимъ опустошительнымъ дѣйствіямъ лавину. Всякія естественныя и бытовыя границы возраста, пола, дня и ночи были разрушены. Самыя понятія дня и ночи, по крестьянски простыя въ старыхъ статутахъ, стали столь расплывчатыми, что одинъ англійскій судья еще въ 1860 г. долженъ былъ проявить поистинѣ талмудическую пропавательность, чтобы объяснить, съ авторитетомъ «судебнаго рѣшенія» (urtheilskräftig), что такое день и что такое ночь ¹³²⁾. Капиталъ справлялъ свои оргіи.

¹³⁰⁾ Бельгія и по отношенію къ регулированію рабочаго дня оказывается образцовымъ буржуазнымъ государствомъ. Лордъ Howard de Welden, англійскій посланникъ въ Брюссель, сообщаетъ въ релортъ Foreign Office'у отъ 12 мая 1862 г.: «Министръ Rogier объяснилъ мнѣ, что ни общіе законы страны, ни мѣстные правила ни въ какомъ отношеніи не ограничиваютъ дѣтскаго труда, что послѣдніе 3 года правительство намѣревалось въ каждую сессію предложить палатамъ законъ по этому предмету; но оно всегда встрѣчало непреодолимое препятствіе въ томъ ревнивомъ страхѣ, съ которымъ палаты относятся ко всякому законодательству, противорѣчащему принципу полной свободы труда».

¹³¹⁾ «Безъ сомнѣнія, достойно сожалѣнія, что какой-нибудь классъ людей вынужденъ ежедневно панировать себя работою въ продолженіе 12 часовъ. Если къ этому прибавить время для принятія пищи и хожденія въ мастерскую и изъ мастерской, то это на самомъ дѣлѣ составитъ 14 часовъ изъ 24... Оставляя въ сторонѣ здоровье, никто, вѣдѣюсъ, не станетъ отрицать, что съ моральной точки зрѣнія такое полное поглощеніе времени рабочаго класса, безъ всякаго перерыва, съ 13 лѣтняго возраста, а въ «свободныхъ» отрасляхъ промышленности съ еще болѣе ранняго возраста, чрезвычайно вредно и составляетъ ужасное зло... Въ интересахъ общественной нравственности, для воспитанія здороваго населенія и для доставленія пародной массѣ возможности разумно пользоваться жизнью, необходимо стремиться къ тому, чтобы во всѣхъ отрасляхъ промышленности часть каждаго рабочаго дня оставалась для отдыха и досуга». (Leonhard Horner въ: «Insp. of Fact. Reports. 31 at Dec. 1841».)

¹³²⁾ См. «Judgment of Mr. J. H. Otway, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860».

Какъ только рабочий классъ, сперва оглушенный шумомъ производства, насколько пришелъ въ себя, началось его сопротивленіе, прежде всего на роднѣ крупной промышленности, въ Англіи. Однако, въ продолженіе трехъ десятилѣтій завоеванныя имъ уступки оставались чисто номинальными. Парламентъ пздаль 5 законовъ о трудѣ съ 1802—1833 г., по онъ остерегался вотировать хоть копейку на ихъ принудительное исполненіе, необходимый служебный персоналъ п т. д. ¹²³⁾. Законы эти оставались мертвой буквой. «Факты доказываютъ, что до закона 1833 г. дѣти и подростки изнурались работой («were worked») пѣлую почт., пѣлый день, или и то и другое *ad libitum*» ¹²⁴⁾.

Только со времени закона 1833 г., относящагося къ хлопчатобумажнымъ, шерстянымъ, льнянымъ и шелковымъ фабрикамъ, нормальный рабочий день существуетъ для современной промышленности. Ничто такъ ярко не характеризуетъ духъ капитала, какъ исторія англійскаго фабричнаго законодательства съ 1833—1864 г.!

Законъ 1833 г. объявляетъ, что обыкновенный рабочий день на фабрикѣ долженъ начинаться въ 5½ часовъ утра и кончаться въ 8½ часовъ вечера. Въ этихъ границахъ, т. е. въ періодъ въ 15 часовъ, законъ дозволяетъ употреблять подростковъ (т. е. лицъ между 13 и 18 годами) во всякое время дни, предполагая всегда, что каждое отдѣльное лицо будетъ работать не болѣе 12 часовъ въ продолженіе одного дня, за исключеніемъ извѣстныхъ и спеціально предусмотрѣнныхъ случаевъ. Отдѣлъ 6-ой этого закона постановляетъ, «что въ теченіе каждаго дня, каждому подростку, рабочее время котораго ограничено, должно быть предоставлено по крайней мѣрѣ 1½ часа для принятія пищи».

Работа дѣтей моложе 9 лѣтъ, за однимъ исключеніемъ, которое мы упомянемъ ниже, была запрещена, трудъ же дѣтей отъ 9—13 лѣтъ ограниченъ 8 часами ежедневно. Ночной трудъ, т. е. согласно этому закону, трудъ отъ 8½ вечера до 5½ часовъ утра, былъ запрещенъ для всѣхъ лицъ между 9 и 18 годами.

Законодатели были настолько далеки отъ того, чтобы посягать на свободное высасываніе капиталомъ рабочей силы взрослыхъ людей, или, по ихъ выраженію, на «свободу труда», что они изобрѣли спеціальную систему для предупрежденія такого возмутительнаго послѣдствія фабричнаго закона.

¹²³⁾ Очень характерно для режима Луи Филиппа, буржуазнаго короля, что единственный пзданный при немъ фабричный законъ 22 марта 1841 г. никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе. И законъ этотъ касается только дѣтскаго труда. Законъ этотъ устанавливаетъ 8 часовъ для дѣтей отъ 8—12 лѣтъ, 12 часовъ для дѣтей отъ 12—16 лѣтъ п т. д., со многими исключеніями, допускающими ночную работу даже для восьмилѣтнихъ дѣтей. Въ этой странѣ, гдѣ каждая мышъ находится подъ полицейскимъ управленіемъ, соблюденіе за рабочими и принужденіе къ его исполненію были предоставлены доброй волѣ разныхъ «amis du commerce». Только съ 1853 г. въ одинъ департаментъ — Département du Nord—былъ назначенъ правительственный инспекторъ на жалованьи. Не менѣе характерно для развитія французскаго общества вообще то обстоятельство, что законъ Луи Филиппа до 1848 г. оставался единственнымъ въ своемъ родѣ продуктомъ фабрики, опутывающей всю Францію сѣтями законовъ.

¹²⁴⁾ «Rep. of Inap. of Fact. 30 th. April 1880», p. 51.

«Самое большое зло фабричной системы, какъ она теперь организована», сказано въ первомъ отчетѣ центрального совѣта комиссіи отъ 25 іюня 1833 г., «состоитъ въ томъ, что она создаетъ необходимость растягивать рабочій день дѣтей до крайнихъ предѣловъ рабочаго дня взрослыхъ. Противъ этого зла единственнымъ средствомъ, помимо ограниченія труда взрослыхъ, которое породило бы зло, еще большее, чѣмъ нынѣ подлежащее устраненію, представляется планъ, состоящій въ употребленіи двойныхъ смѣнъ дѣтей». «Планъ» этотъ и былъ выполненъ подъ названіемъ смѣнной системы («System of Relay»; Relay по-англійски означаетъ то же, что и по французски: перемѣну почтовыхъ лошадей на различныхъ станціяхъ), такъ что, напр., съ 5^{1/2} часовъ утра до 1^{1/2} пополудни запрягается одна смѣна дѣтей между 9 и 13 годами, съ половины второго до половины девятого вечера другая и т. д.

Въ награду за то, что господа фабриканты самымъ наглымъ образомъ игнорировали всѣ законы относительно дѣтскаго труда, изданные въ послѣдніе 22 года, имъ и на этотъ разъ позволили пизюлю. Парламентъ постановилъ, что послѣ 1-го марта 1834 г. никто изъ дѣтей, моложе 11 лѣтъ, послѣ 1 марта 1835 г. никто изъ дѣтей, моложе 12 лѣтъ, и послѣ 1 марта 1836 г. никто изъ дѣтей, моложе 13 лѣтъ не долженъ работать на фабрикѣ больше 8 часовъ! Этотъ «либерализмъ», столь милостивый къ «капиталу», тѣмъ болѣе заслуживалъ признательности, что Dr. Farre, Sir A. Carlisle, Sir B. Brodie, Sir C. Bell, Mr. Guthrie и т. д., однимъ словомъ, извѣстнѣйшіе Physicians и surgeons (врачи и хирурги) Лондона, заявили въ своихъ свѣдѣтельскихъ показаніяхъ передъ Палатой Общія, что *periculum in mora* (въ промедленіи заключается опасность). Dr. Farre выразился еще болѣе рѣзко: «законодательство равно необходимо для предупрежденія смерти во всѣхъ видахъ, въ какихъ она можетъ быть преждевременно причинена, и, конечно, этотъ способъ (фабричный) долженъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ методовъ причиненія ея» ¹³⁵⁾. Тотъ же самый «реформированный» Парламентъ, который, изъ пѣжности къ господамъ фабрикантамъ, обрекалъ еще на долгіе годы дѣтей моложе 13 лѣтъ на адскій 72 часовой фабричный трудъ, наоборотъ, съ самаго начала запрещалъ плантаторамъ въ американоамериканскомъ актѣ, который, впрочемъ, также давалъ свободу точно по каплямъ, употреблять на работу всякаго раба-негра болѣе 45 часовъ въ недѣлю!

Но капиталъ, нисколько не умиловленный, началъ тогда многолѣтнюю и шумную агитацію. Она вращалась, главнымъ образомъ, вокругъ возраста той категоріи, которая, подъ названіемъ дѣтей, должна была работать только 8 часовъ и была подчинена извѣстнаго рода обязательному обученію. По капиталистической антропологии дѣтскій возрастъ прекращался на десятомъ или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, на одиннадцатомъ году. Чѣмъ болѣе приближался срокъ познанія вступленія въ силу фабричнаго закона, роковой 1836 годъ, тѣмъ болѣе бѣсно-

¹³⁵⁾ «Legislation is equally necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this must be viewed as a most cruel mode of inflicting it».

вазась кучка фабрикантовъ. Ей удалось на самомъ дѣлѣ такъ напугать правительство, что послѣднее предложило въ 1835 г. понизить предѣльный дѣтскій возрастъ съ 13 до 12 лѣтъ. Между тѣмъ давленіе извнѣ (pressure from without) становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ. И у Палаты Общинъ не хватало смѣлости. Она отказалась бросать 13-лѣтнихъ дѣтей больше чѣмъ на 8 часовъ въ день подъ колеса колесницы Джаггернаута—Капитала, и законъ 1833 г. получалъ полную силу. Онъ не подвергся никакимъ измѣненіямъ до іюня 1844 г.

Въ продолженіе десятилѣтія, когда онъ сначала только отчасти, а затѣмъ и всецѣло регулировалъ фабричный трудъ, официальные отчеты фабричныхъ инспекторовъ полны жалобъ на невозможность его осуществленія на практикѣ. Такъ какъ законъ 1833 г. предоставлялъ господамъ капиталистамъ право въ 15 часовой періодъ между 5½ ч. утра и 8½ ч. вечера во всякое время заставлять всякаго «подростка» или всякое «дѣтя» начинать, прерывать и кончать 12 часовой или 8 часовой трудъ, а также позволялъ назначать различнымъ лицамъ различные часы для принятія пищи, то эти господа вскорѣ изобрѣли новую «Relayssystem», по которой рабочіе лошади не мѣняются на опредѣленныхъ станціяхъ, но вновь запрягаются на различныхъ станціяхъ. Мы не останавливаемся здѣсь на предѣлахъ этой системы, такъ какъ еще должны вернуться къ ней впоследствии. Но съ перваго взгляда ясно, что она уничтожала весь фабричный законъ не только по духу, но и по буквѣ. Какъ могли фабричные инспектора вынуждать соблюденіе закономъ установленнаго времени для труда и принятія пищи при такой сложной отчетности относительно каждаго отдѣльнаго ребенка и подростка? Въ большей части фабрикъ опять стало безпачкавно царить прежнее жестокое безобразіе. На совѣщаніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ (1844) фабричные инспектора доказали невозможность какого бы то ни было контроля при вновь придуманной Relayssystem¹²⁶⁾. Между тѣмъ обстоятельства сильно измѣнились. Фабричные рабочіе, особенно съ 1838 г., сдѣлали 10-часовой билль своимъ экономическимъ лозунгомъ, какъ хартію (charter)—своимъ политическимъ. Даже часть фабрикантовъ, а именно тѣ, которые урегулировали свое производство согласно закону 1833 г., забрасывали парламентъ записками о безнравственной «конкуренціи» «вѣроломныхъ братьевъ», которымъ большее нахальство являлось болѣе благоприятныя мѣстныя условія позволяли нарушеніе закона. Притомъ, какъ бы сильно ни желали отдѣльные фабриканты дать полную волю своей жадности, ораторы и политическіе вожаки класса фабрикантовъ предписывали имъ другое поведеніе и другой языкъ по отношенію къ рабочимъ. Они предприняли тогда походъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ и нуждались для побѣды въ помощи рабочихъ. Они общались, поэтому, не только удвоенную порцію хлѣба, но и принятіе 10-часового билля при господствѣ тысячелѣтняго царства свободной торговли (Free Trade)¹²⁷⁾. Поэтому они совѣтъ не могли бороться противъ мѣропріятія, которое должно было только сдѣлать дѣйствительнымъ актъ 1833 г. Когда же на

¹²⁶⁾ «Rep. of Insp. of Fact. 31 st October 1849», p. 6.

¹²⁷⁾ «Rep. of Insp. of Fact. 31 st, Oct. 1848», p. 98.

самый священный интерес торіевъ—на поземельную ренту—надвинулась гроза, тогда они, наконецъ, разразились филантропическимъ громомъ и молніей противъ «безчестныхъ пріемовъ»¹³⁹⁾ своихъ враговъ.

Такъ появился на свѣтъ добавочный фабричный актъ 7-го іюля 1844 г. Онъ вступилъ въ силу 10-го сентября 1844 г. Онъ ставитъ подъ покровительство законовъ новую категорию рабочихъ, а именно женщинъ старше 18 лѣтъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ приравненъ къ подросткамъ: рабочее время ихъ ограничено 12 часами, ночной трудъ имъ запрещенъ и т. д. Въ первый разъ законодательство признало необходимость непосредственнаго и оффиціальнаго контроля также и за трудомъ совершеннолѣтнихъ. Въ фабричномъ отчетѣ 1844—1845 гг. говорится съ ироніей: «до нашего свѣдѣнія не дошло ни одного случая жалобы взрослыхъ женщинъ на это внимательство къ ихъ правамъ»¹³⁹⁾. Трудъ дѣтей моложе 13 лѣтъ былъ уменьшенъ до 6½, а при извѣстныхъ условіяхъ до 7 часовъ въ день¹⁴⁰⁾.

Для устраниенія злоупотребленій ложной «Relayssystem» законъ установилъ между прочимъ слѣдующія очень важныя детальныя правила: «Рабочій день для дѣтей и подростковъ считается съ того момента, когда какой-нибудь ребенокъ или подростокъ начинаетъ утромъ работать на фабрикѣ». Такъ что если *A* начинаетъ, напр., работать въ 8 часовъ, а *B* въ 10, то рабочій день *B* долженъ встать и кончаться въ тотъ же часъ, какъ и рабочій день *A*. Начало рабочего дня должно быть указываемо какими-нибудь общественными часами, напр., ближайшими желѣзнодорожными часами, съ которыми долженъ сообразоваться фабричный гудокъ. Фабрикантъ долженъ вывѣсить на фабрикѣ объявленіе, крупно напечатанное, въ которомъ обозначалось бы начало, конецъ и перерывы рабочего дня. Дѣти, начинающія свой трудъ до полудня, не должны быть употребляемы на работу послѣ 1 часа пополудня. Смѣна дѣтей послѣ полудня должна состоять изъ другихъ дѣтей, чѣмъ до полудня. 1½ часа для принятія пищи должны быть предоставлены всѣмъ огражденнымъ закономъ рабочимъ въ одно и тоже время дня, и по крайней мѣрѣ—одну часть до 3 часовъ пополудни. Дѣти или подростки не должны быть употребляемы на работу до 1 часу пополудни болѣе 5 часовъ безъ перерыва, по крайней мѣрѣ въ полчаса, для завтрака. Дѣти, подростки или женщины не должны во время принятія пищи оставаться въ мастерской, въ которой происходитъ какой-нибудь процессъ труда и т. д. Итакъ, мы видимъ: эти мелочныя правила, столь однообразно на военный ладъ по свистку регулирующія время, границы и перерывы труда, не были ни въ какомъ случаѣ продуктомъ парламентскихъ измышленій. Они выросли постепенно на почвѣ данныхъ экономическихъ условій, какъ естественные законы современнаго способа про-

¹³⁹⁾ Впрочемъ Leonhard Horner оффиціально употребляетъ выраженіе: «nefarious practices» (преступные приемы) («Reports of Insp. of Fact. 31-st October 1859», p. 7).

¹⁴⁰⁾ «Rep. etc. for 30 th. Sept. 1844», p. 15.

¹⁴¹⁾ Законъ этотъ разрѣшаетъ примѣнять трудъ дѣтей въ продолженіе 10 часовъ въ день, если они работаютъ не ежедневно, а черезъ день. Въ общемъ эта оговорка не имѣла никакого значенія.

изводства. Их формулирование, официальное признание и провозглашение государством были результатом продолжительной классовой борьбы. Одним из ближайших их последствий было то, что на практике рабочий день взрослых мужчин должен был быть подвергнут тем же ограничениям, так как в большинстве процессов производства нельзя обойтись без участия детей, подростков и женщин. Поэтому, в общем в период 1844—1847 гг. во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству, господствовал единообразный 12-часовой рабочий день.

Фабрики однако согласились на этот «шаг вперед» только потому, что был сделан вознаграждающий их «шаг назад». По их настоянию палата общин понизила с 9 до 8 лет минимальный возраст для подлежащих фабричной обработке детей, с целью обезопасить капитал принадлежавшее ему по божеским и человеческим законам прежде «добавочное предложение фабричных детей»¹⁴¹⁾.

Годы 1846—1847 составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных пошлин, уничтожение ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение принципа свободной торговли путеводной звездой законодательства! Одним словом, наступило тысячелетнее царство. С другой стороны, в те же самые годы чартистское движение и агитация в пользу десятичасового рабочего дня достигли своей высшей точки. Это движение шло себе союзников в дышавших мутью торж. Несмотря на фанатическое сопротивление целой армии сторонников свободной торговли, с Брайтоном и Кобденом во главе, десятичасовой билль, предмет столь долгих стремлений, прошел через парламент.

Новый фабричный акт 8-го июня 1847 г. постановлял, что с 1-го июля 1847 г. вступает предварительное сокращение рабочего дня «подростков» (с 13—18 лет) и всех работниц—до 11 час., с 1-го же мая 1848 г. вступает в силу окончательное ограничение их рабочего времени 10 часами. Во всем остальном закон этот представлял только простую поправку к законам 1833 и 1834 гг.

Капитал предпринял предварительную кампанию, чтобы воспрепятствовать полному осуществлению закона 1-го мая 1848 г. А именно сами рабочие должны были, якобы наученные опытом, помочь в разрушении своего собственного создания. Момент был ловко выбран. «Надо помнить, что вследствие ужасного кризиса 1846—1847 гг. среди фабричных рабочих господствовала ужасная нищета, так как многие фабрики работали только короткое время, некоторые же были совершенно остановлены. Значительная часть рабочих находилась, поэтому, в самом стесненном положении; многие были кругом в долгах. Поэтому, можно было почти с решительной уверенностью допустить, что они предпочтут более длинное рабочее время, чтобы

¹⁴¹⁾ «Так как уменьшение часов труда детей причинит привлечение к труду большого числа их, то полагали, что добавочное предложение детей (additional supply), от 8 до 9 лет покрывало бы увеличившийся на них спрос» (l. c. p. 13).

возмѣстятъ прошлыя потери, уплатить долги или выкупить свою мебель изъ ломбарда, замѣнить проданное имущество новымъ, приобрести новую одежду для себя самихъ и для своихъ семействъ ¹⁴²⁾. Господа фабриканты постарались увеличить естественное дѣйствіе этихъ обстоятельствъ всеобщимъ пониженіемъ заработной платы на 10%. Это произошло, такъ сказать, на торжествѣ освященія новой эры свободной торговли. Затѣмъ послѣдовало дальнѣйшее пониженіе на 8 1/2% при сокращеніи рабочаго дня до 11 часовъ и еще на столько же—при окончательномъ сокращеніи его до 10 часовъ. Итакъ, вездѣ, гдѣ только обстоятельства это позволяли, было произведено пониженіе заработной платы по крайней мѣрѣ на 25% ¹⁴³⁾. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ была организована среди рабочихъ агитація въ пользу отмены закона 1847 г. При этомъ не пренебрегали никакими средствами: обманомъ, соблазнами, угрозами. Но все было напрасно. Относительно полудюжины петицій, въ которыхъ рабочие жаловались на «притѣсненіе ихъ закономъ», петиціонеры сами заявили при устномъ допросѣ, что подписи ихъ были вынужденныя. «Они, конечно, терпятъ притѣсненія, но отъ кого-то другого, а не отъ фабричнаго закона» ¹⁴⁴⁾. Но если фабрикантамъ не удалось заставить рабочихъ говорить въ своемъ духѣ, то тѣмъ громче они сами кричали въ прессѣ и парламентѣ отъ имени рабочихъ. Они выставляли фабричныхъ инспекторовъ чѣмъ-то въ родѣ комиссаровъ конвента, которые безжалостно приносили несчастнаго рабочаго въ жертву своимъ бреднямъ объ усовершенствованіи міра. Но и этотъ маневръ не удался. Фабричный инспекторъ Leonhard Horner произвелъ самъ при содѣйствіи своихъ помощниковъ многочисленные допросы въ фабрикахъ Ланкашира. Около 70% допрошенныхъ рабочихъ высказались за 10 часовъ, значительный меньшій процентъ за 11 часовъ и только самое ничтожное меньшинство за прежніе 12 часовъ ¹⁴⁵⁾.

Другой «мирный» маневръ заключался въ томъ, чтобы заставлять взрослыхъ рабочихъ мужчинъ работать отъ 12 до 15 часовъ и затѣмъ указывать на этотъ фактъ, какъ на самое лучшее выраженіе самыхъ сокровенныхъ желаній пролетаріевъ. Но «немиосердный» фабричный инспекторъ Leonhard Horner былъ тутъ какъ тутъ. Большинство работавшихъ сверхъ установленнаго времени высказались за то, «что они предпочли бы работать 10 часовъ за меньшую плату,

¹⁴²⁾ Rep. of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1848, p. 16.

¹⁴³⁾ «Я констатировалъ, что у рабочихъ, получающихъ 10 шиллинговъ въ недѣлю, вычитывали 1 шилл., вслѣдствіе общаго пониженія заработной платы на 10%, и затѣмъ еще 1 шилл. 6 пенсовъ, по причинѣ сокращенія рабочаго времени, всего 2 шилл. 6 пенсовъ, и тѣмъ не менѣе большинство крѣпко держалось за 10 часовую бѣду» (l. с.).

¹⁴⁴⁾ «Подписывая петицію, я въ то же самое время заявилъ, что, дѣлая это, я поступаю дурно.—Почему же вы ее подписали?—Потому что въ случаѣ отказа меня бы выбросили на мостовую.—Проситель въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя «притѣсненнымъ», но вовсе не фабричнымъ закономъ». (l. с. p. 102).

¹⁴⁵⁾ l. с. p. 17. Въ округѣ Horner'a было такимъ образомъ допрошено 10,270 взрослыхъ рабочихъ мужчинъ на 181 фабрикѣ. Ихъ показанія можно найти въ приложеніи въ отчету фабричнаго инспектора за полугодіе, истекающее въ октябрѣ 1848 г. Эти свѣдѣтельскія показанія представляютъ и въ другихъ отношеніяхъ весьма цѣнный матеріалъ.

но у нихъ не было выбора: среди нихъ такъ много безработныхъ, столько придишниковъ прпуждены работать въ качествѣ простыхъ присучальщиковъ («pièces»), что если бы они отказались отъ болѣе продолжительнаго рабочаго времени, другіе тотчасъ же заняли бы ихъ мѣсто, такимъ образомъ для нихъ вопросъ сводился къ слѣдующему: или работать дольше, или остаться на мостовой» ¹⁴⁶⁾.

Предварительная кампанія капитала не удалась, и десятичасовой законъ вступилъ въ силу 1-го мая 1848 г. Между тѣмъ фіаско чартистской партіи, вожаки которой были арестованы, и организація которой была разрушена, пошатнуло въ англійскихъ рабочихъ вѣру въ свои собственныя силы. Вскорѣ послѣ этого парижская июньская революція и ея кровавое подавленіе соединили въ одинъ лагерь, какъ въ континентальной Европѣ, такъ и въ Англіи, всѣ фракціи господствующихъ классовъ, землевладѣльцевъ и капиталистовъ, биржевиковъ и лавочниковъ, протекціонистовъ и фритредеровъ, правительство и оппозицію, поповъ и вольнодумцевъ, молодыхъ блудницъ и старыхъ схищницъ. Всѣхъ ихъ объединялъ одинъ общій кличъ о спасеніи собственности, религіи, семьи, общества. Рабочій классъ вездѣ подвергся опалѣ и отлученію и былъ поставленъ подѣ дѣйствіе «loi des suspects» («законъ противъ неблагонадежныхъ»). Господамъ фабрикантамъ нечего было, поэтому, стѣсняться. Они открыто возстали не только противъ десятичасоваго закона, но и противъ всего законодательства, которое съ 1833 г. стремилось обуздать «свободное» высасываніе рабочей силы. Это было Proslavery Rebellion («бунтъ въ защиту рабства») въ миниатюрѣ, бунтъ, который поддерживался болѣе 2 лѣтъ, съ цинизмомъ, идущимъ напроломъ, съ террористической энергіей, тѣмъ болѣе что бунтующій капиталистъ рисковалъ только шкурой своихъ рабочихъ.

Для лучшаго пониманія нашего дальнѣйшаго изложенія нужно вспомнить, что фабричныя акты 1833, 1844 и 1847 гг. всѣ еще сохраняли силу закона, поскольку одинъ не измѣнялъ другого; что ни одинъ изъ нихъ не ограничивалъ труда взрослыхъ мужчинъ старше 18 лѣтъ, и что съ 1833 года 15-часовой періодъ отъ половины шестого утра до половины девятого вечера оставался законнымъ «днемъ», въ предѣлы котораго долженъ былъ укладываться сначала двѣнадцатичасовой, а затѣмъ десятичасовой трудъ подростковъ и женщинъ на основаніи постановленій закона.

Фабриканты начали тамъ и сямъ съ того, что отпустили часть, иногда даже половину, занятыхъ ими подростковъ и женщинъ и возстановили вмѣсто этого почти совсѣмъ уже забытый почвой трудъ взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. Десятичасовой законъ, говорили они, не предоставляетъ имъ другой альтернативы ¹⁴⁷⁾!

Второй шагъ былъ направленъ противъ установленныхъ закономъ перерывовъ для принятія пищи. Послушаемъ на этотъ счетъ фабричныхъ инспекторовъ: «Со времени ограниченія рабочихъ часовъ десятию часами, фабриканты

¹⁴⁶⁾ 1. с. Смотри собранія свѣдѣній Leonhard'омъ Horner'омъ показанія № 69, 70, 71, 72, 92, 93, и собранія помощникомъ инспектора А. № 51, 52, 58, 59, 62, 70 «Приложе нѣ». Одинъ изъ фабрикантовъ самъ тоже подиесь чистаго вина. См. № 14 послѣ № 265 1. с.

¹⁴⁷⁾ «Reports etc. for 31-st. October 1848», p. 133, 134.

утверждают, хотя на практикѣ они не доводятъ еще своего взгляда до его крайнихъ выводовъ, что когда работа продолжается, напр., съ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера, то они удовлетворяютъ предписаніямъ закона, давая 1 часъ для принятія пищи до 9 часовъ утра и $1\frac{1}{2}$ часа послѣ 7 часовъ вечера, т.-е. $1\frac{1}{2}$ часа. (Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они разрѣшаютъ теперь употреблять $1\frac{1}{2}$ часа или даже цѣлый часъ на обѣдъ, но утверждаютъ при этомъ, что они ни въ какомъ случаѣ не обязаны отдавать на это какую-нибудь часть $1\frac{1}{2}$ часовъ въ продолженіе десятичасового рабочаго дня»¹⁴⁸). Такимъ образомъ, господа фабриканты утверждали, что крайне точно формулированныя постановленія закона 1844 г. о времени для принятія пищи давали только позволеніе рабочимъ ѣсть и пить до прихода на фабрику и по уходѣ съ нея, т.-е. у себя дома! И почему бы въ самомъ дѣлѣ рабочимъ не обѣдать до 9 часовъ утра. Коронные юристы рѣшили однако, что предписанныя закономъ часы для принятія пищи «должны быть удержаны во время дѣйствительнаго рабочаго дня, и что противозаконно заставлять работать 10 часовъ сряду, съ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера безъ перерыва»¹⁴⁹).

Послѣ такихъ мирныхъ демонстрацій бунтующій капиталъ пустилъ въ ходъ средство, согласное съ буквой закона 1844 г., и, стало быть, легальное.

Хотя законъ 1844 г. запрещалъ употреблять послѣ 1 часа пополудни дѣтей 8—13 лѣтъ, которые были заняты до полудня, но онъ нисколько не регулировалъ $6\frac{1}{2}$ часового труда тѣхъ дѣтей, рабочее время которыхъ начиналось въ полдень или послѣ полудня. Восемилѣтнія дѣти могли, такимъ образомъ, быть занимаемы съ полудня до 1 часу, если ихъ рабочій день начинался въ полдень, одинъ часъ, съ 2 до 4 пополудни, 2 часа, и съ 5 до половины девятого вечера, $3\frac{1}{2}$ часа, всего на всего дозволенные закономъ $6\frac{1}{2}$ часовъ. Или еще лучше: чтобы трудъ ихъ совпадалъ съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ до $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера, фабриканты не давали имъ никакой работы до 2 часовъ, а затѣмъ держали ихъ на фабрикѣ безъ перерыва до $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера! Теперь откровенно признается, что вслѣдствіе жадности фабрикантовъ и ихъ желанія пускать свои машины въ ходъ болѣе 10 часовъ, въ послѣднее время вошло въ обычай въ Англіи заставлять работать дѣтей обою пола 8—13 лѣтъ до половины девятого вечера, послѣ удаленія съ фабрики всѣхъ женщинъ и подростковъ, только со взрослыми мужчинами»¹⁵⁰). Рабочіе и фабричные инспектора протестовали по моральнымъ и гигиеническимъ соображеніямъ. Но капиталъ отвѣчалъ:

«На годовую мою мон поступки
Пусть падаютъ. Я требую суда
Законопача—я требую уплаты
По векселю».

На самомъ дѣлѣ, по статистическому докладу нижней палаты 26 іюля 1850 г., несмотря на всѣ протесты, 15 іюля 1850 г. 3.742 человека дѣтей на 275 фабрикахъ подчинились этой «практикѣ»¹⁵¹). Мало того: рысѣй глазь

¹⁴⁸) «Reports etc. for 30 th April 1848», p. 47.

¹⁴⁹) «Reports etc. for 31st Oct. 1848», p. 130.

¹⁵⁰) «Reports etc.» l. c. p. 42.

¹⁵¹) «Reports etc. for 31-st Oct. 1850», p. 5, 6.

капитала открылъ, что хотя законъ 1844 г. не разрѣшаетъ работать до полудня 5 часовъ безъ перерыва по крайней мѣрѣ въ 30 минутъ—для подкрѣпленія силъ, но что ничего подобнаго онъ не предписываетъ для труда послѣ полудня. Онъ, поэтому, требовалъ и добился права не только пользоваться трудомъ восьмидѣльных дѣтей безъ перерыва съ 2—8½ вечера, но и заставлять ихъ голодать это время!

«Да, грудь его: такъ сказано въ роспискѣ» *)

Это цѣлкое чисто Шейлоковское наставленіе на буквы закона ⁽¹⁵²⁾ 1844 г., поскольку онъ регулируетъ дѣтскій трудъ, должно было, однако, только подготовить открытое возмущеніе противъ того же самаго закона, поскольку онъ регулируетъ трудъ «подростковъ и женщинъ». Вспомнимъ, что главною цѣлью и основнымъ содержаніемъ этого закона было уничтоженіе «ложной Relayssystem». Фабриканы начали свое возмущеніе съ простаго заявленія, что параграфы закона 1844 г., запрещающіе произвольное пользованіе трудомъ подростковъ и женщинъ въ любые короткіе промежутки 15 часового рабочаго дня, «оставались сравнительно безвредными (comparatively harmless), пока рабочее время было ограничено 12 часами. Но при десятичасовомъ законѣ они являются невыносимой несправедливостію» (hardship) ⁽¹⁵³⁾. Поэтому, фабриканты самымъ хладнокровнымъ образомъ заявили фабричнымъ инспекторамъ, что не станутъ обращать вниманія на буквы закона и своей собственной властью опять введутъ прежнюю систему ⁽¹⁵⁴⁾. Это соответствуетъ также в интересахъ самихъ вводимыхъ въ заблужденіе рабочихъ, ибо «дастъ возможность платить имъ большую заработную плату». «Это единственный возможный способъ при десятичасовомъ законѣ сохранить промышленное первенство Великобританіи» ⁽¹⁵⁵⁾. «Возможно, что нѣсколько трудно открыть неправильности при системѣ смѣны; но что за бѣда? (what of that?) Развѣ можно великіе промышленные интересы стравы считать за вещь второстепенную, ради того, чтобы избавить фабричныхъ

*) Эта и предшествующая цитаты заимствованы изъ «Шейлока» Шекспира (Пер. П. Вейнберга).

⁽¹⁵²⁾ Природа капитала остается та же самая, какъ въ его развитыхъ, такъ и въ его первичныхъ формахъ. Въ уложеніи, навязанномъ территоріи New-Mexico вліяніемъ рабовладѣльцевъ незадолго до начала американской гражданской войны, сказано: поскольку капиталистъ купилъ его рабочую силу, «рабочій есть его (капиталиста) деньги» («The labourer is his (the capitalist's) money»). Та же точка зрѣнія господствовала у римскихъ патриціевъ. Деньги, ссуженныя ими должнику плебею, черезъ средства существованія превращались въ плоть и кровь этихъ должниковъ. Эта «плоть и кровь» представляла, поэтому, «ихъ (патриціевъ) деньги». Отсюда законъ 10 таблицъ, вполнѣ въ духѣ Пейлока! Мы оставляемъ совершенно безъ разбора вопросъ о вѣрности гипотезы Linguet относительно того, что патриціи-кредиторы отъ поры до времени устраивали пиршества по ту сторону Тибра и угощали своихъ гостей варенымъ мясомъ должниковъ, равно какъ и степень вѣроятія гипотезы Dammier'a о христіанскомъ причащеніи.

⁽¹⁵³⁾ «Reports etc. for 30 th. Apr. 1848», p. 28.

⁽¹⁵⁴⁾ Между прочимъ, напр., филантропъ Ashworth въ своемъ квакерски отвратительномъ письмѣ къ Leonhard'u Horner'u. (Rep. Apr. 1849, p. 4).

⁽¹⁵⁵⁾ I. c. p. 131.

инспекторовъ и ихъ помощниковъ отъ нѣкотораго лишняго труда и безпокойства» (some little trouble)¹⁵⁶⁾?

Всѣ эти уловки не привели, разумеется, ни къ чему. Фабричные инспектора поступали по закону и вчиняли судебныя преслѣдованія. Но вскорѣ на министра внутреннихъ дѣлъ, сэра George Grey, посыпался цѣлый градъ петицій отъ фабрикантовъ, такъ что въ циркулярѣ отъ 5-го августа 1848 г. онъ предписалъ фабричнымъ инспекторамъ «вообще не преслѣдовать нарушенія буквы закона, если не будетъ ясно констатировано злоупотребленіе системой смѣны съ цѣлью заставить женщинъ и дѣтей работать больше 10 часовъ». Вслѣдъ за этимъ фабричный инспекторъ J. Stuart разрѣшилъ такъ называемую систему смѣны въ продолженіе 15 часового періода рабочаго дня во всей Шотландіи, гдѣ она вскорѣ стала процвѣтать попрежнему; напротивъ, англійскіе фабричные инспектора заявили, что министр не имѣетъ диктаторской власти отмѣнять законы и продолжали судебныя преслѣдованія противъ Proslavery rebels.

Но къ чему было привлеченіе къ суду, когда судебныя власти, такъ называемыя county magistrates¹⁵⁷⁾ постоянно оправдывали обвиняемыхъ? Въ этихъ судебныхъ случаяхъ господа фабриканты творили судъ надъ самими собой. Вотъ примѣръ. Нѣкій Eskrigge, представитель бумагопрядильной фирмы Kershaw, Lees and Co, представилъ фабричному инспектору своего округа планъ системы смѣны, предназначенный для его фабрики. Получивъ отказъ, онъ нѣкоторое время сидѣлъ смирно. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя какой-то субъектъ, по имени Робинзонъ, также бумагопрядильщикъ, если не Пятница, то во всякомъ случаѣ родственникъ Eskrigge, предсталъ предъ Borough Justices въ Стокпортѣ за введеніе у себя системы смѣны, тождественной съ выдуманной Eskrigge'емъ. Въ судѣ засѣдало четверо судей, изъ которыхъ трое были бумагопрядильные фабриканты и во главѣ ихъ—тотъ же неизбѣжный Eskrigge. Eskrigge оправдалъ Робинзона и объявилъ дозволенное Робинзону незапрещеннымъ и Eskrigge'у. Опираясь на свое собственное судебное рѣшеніе, онъ тотчасъ же ввелъ эту систему на своей собственной фабрикѣ¹⁵⁸⁾. Правда, уже самый состав этого суда былъ явнымъ нарушеніемъ закона¹⁵⁹⁾. «Противъ такого рода судебныхъ фарсовъ,—говоритъ фабричный инспекторъ Howell, —должны быть приняты мѣры... Или законы должны быть измѣнены соотвѣтственно такимъ судебнымъ рѣшеніямъ, или же предоставьте примѣненіе закона суду, менѣе подверженному ошиб-

¹⁵⁶⁾ I. c. p. 140.

¹⁵⁷⁾ Эти «county magistrates», «great unpaid», какъ называетъ ихъ W. Cobbett, представляютъ нѣчто вродѣ бесплатныхъ мировыхъ судей, назначаемыхъ изъ почетныхъ лицъ графства. Они составляютъ на самомъ дѣлѣ патримониальный судъ господствующихъ классовъ.

¹⁵⁸⁾ «Reports etc. for 30 th April 1849», p. 21, 22. Ср. подобные же примѣры ibid. p. 4, 5.

¹⁵⁹⁾ На основаніи закона 1 и 2 Wm. IV, с. 24, в. 10, извѣстнаго подъ названіемъ фабричнаго закона сэра John Hobhouse'a, запрещается всякому владѣльцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, или отцу, сыну и брату такого владѣльца исполнять обязанности мирового судьи по дѣламъ, касающимся нарушеній фабричнаго закона.

камъ и пусть онъ согласуетъ свои рѣшенія съ закономъ... во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Какъ всё ждуть платныхъ судей!» ¹⁶⁰⁾

Коронные юристы объявили толкованіе фабрикантами закона 1848 г. нелѣпнымъ, но спасители общества нисколько не были этимъ смущены. «Послѣ того, какъ я напрасно старался,—говоритъ Leonhard Horner,—10 преслѣдованіями въ 7 различныхъ судебныхъ округахъ выпудить исполненіе закона, и только въ одномъ случаѣ былъ поддержанъ судьями... я считаю всякое дальнѣйшее преслѣдованіе обхода закона безполезнымъ. Та часть закона, которая была составлена, чтобы создать единообразіе рабочихъ часовъ... не существуетъ болѣе въ Ланкаширѣ. Съ другой стороны, я со своими подчиненными не имѣю рѣшительно никакого средства убѣдиться, что на фабрикахъ, гдѣ господствуютъ такъ называемая система смѣнъ, подростки и женщины не работаютъ болѣе 10 часовъ... Въ концѣ апрѣля 1849 г. уже 114 фабрикъ въ моемъ округѣ работали по этому методу, и число ихъ съ поразительной быстротой увеличивается за послѣднее время. Въ общемъ онѣ работаютъ теперь 13½ часовъ, отъ 6 часовъ утра до 7½ вечера; въ нѣкоторыхъ случаяхъ 15 часовъ, съ 5½ утра до 8½ вечера» ¹⁶¹⁾. Уже въ декабрѣ 1848 г. Leonhard Horner имѣлъ списокъ 65 фабрикантовъ и 29 фабричныхъ надзирателей, заявившихъ единогласно, что никакая система инспекцій не можетъ при этой системѣ смѣнъ пресѣчь самый экстенсивный чрезмѣрный трудъ ¹⁶²⁾. Однихъ и тѣхъ же дѣтей и подростковъ передвигаютъ (shift) то изъ прядильной въ ткацкую и т. д., то въ продолженіе 15 часовъ съ одной фабрики на другую ¹⁶³⁾. Какъ контролировать систему, «которая злоупотребляетъ словомъ смѣна, чтобы съ безграничнымъ разнообразіемъ смѣнивать руки, какъ карты, и такъ передвигать часы ежедневнаго труда и отдыха для различныхъ лицъ, что однятъ и тотъ же полный ассортиментъ рукъ нивогда не работаетъ на томъ же самомъ мѣстѣ въ то же самое время» ¹⁶⁴⁾.

Но совершенно независимо отъ дѣйствительно чрезмѣрнаго труда, такъ называемая система смѣнъ повстаніи была такимъ порожденіемъ фантазіи капитала, котораго и Фурье никогда не превзошелъ въ своихъ юмористическихъ эскизахъ «*courtes séances*», съ тою только разницей, что здѣсь притяженіе (attraction) труда превратилось въ притяженіе капитала. Стоить только рассмотреть схемы фабрикантовъ, которыя благонамѣренная пресса называла образцами того, «чего могутъ достигъ разумная заботливость и методичность» («*what a reasonable degree of care and method can accomplish*»). Рабочій персоналъ подраздѣлялся иногда на 12—15 категорій, которыя, въ свою очередь, постоянно измѣнялись въ своемъ составѣ. Въ продолженіе 15-часового періода фабричнаго дня капиталъ притягивалъ рабочаго то на 30 минутъ, то на часъ и затѣмъ опять отталкивалъ его, чтобы потомъ снова привлечь на фабрику и

¹⁶⁰⁾ I. с.

¹⁶¹⁾ «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 5.

¹⁶²⁾ «Rep. etc. for 31-st Oct. 1849», p. 6.

¹⁶³⁾ «Rep. etc. for 30-th April 1849», p. 21.

¹⁶⁴⁾ «Rep. etc. 1 Dec. 1848», p. 95.

вновь вытолкнуть пзъ пня, гоняя и изматывая рабочаго въ эти клочки времени, но не выпускал его изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока онъ сполна не отдалъ 10 часовъ своего труда. Какъ на театральныхъ подмосткахъ тѣ же персонажи должны были попеременно появляться въ различныхъ сценахъ различныхъ актовъ. И какъ актеръ принадлежитъ сцѣ въ все продолженіе драмы, точно такъ же и тутъ рабочіе въ продолженіе 15 часовъ принадлежали фабриктъ, не считая времени хожденія на нее и обратно. Часы отдыха превращались, такимъ образомъ, въ часы вынужденной праздности, которая гонитъ молодого рабочаго въ кабакъ, а работницу въ публичный домъ. При каждой новой выдумкѣ капиталиста, направленной на поддержаніе въ движеніи его машины въ продолженіе 12 или 15 часовъ— безъ увеличенія рабочаго персонала, рабочій принужденъ былъ проглатывать свою пищу то въ одинъ клочокъ времени, то въ другой. Во время десятичасовой агитаціи фабриканты кричали, что рабочая сволочь, подаетъ петиціи въ надеждѣ получать 12 часовую заработную плату за 10 часовой трудъ. Теперь они перевернули медаль: теперь они платили 10 часовую заработную плату за рабочую силу, которая была въ ихъ распоряженіи въ теченіе 12 и 15 часовъ ¹⁶⁵⁾. «Dieses war des Pudels kern!» Это было, вѣстину, фабрикантское изданіе 10 часового закона! И авторы всего этого были тѣ же самые едвые, сочащіеся гуманностью сторонники свободной торговли, которые въ продолженіе десятилѣтней агитаціи противъ хлѣбныхъ помпнъ до копѣйки высчитывали рабочимъ, что, разъ ввозъ хлѣба будетъ свободенъ, то 10 часового труда при средствахъ, которыми располагаетъ англійская промышленность, вполне достаточно для обогащенія капиталистовъ ¹⁶⁶⁾.

Двухлѣтній бунтъ капитала увѣялся, наконецъ, рѣшеніемъ одного изъ 4 высшихъ судебныхъ мѣстъ Англій, Court of Exchequer. По поводу одного случая, дошедшаго до него, этотъ судъ 8 февраля 1850 г., рѣшилъ, что хотя фабриканты поступаютъ противъ смысла закона 1844 г., но самый этотъ законъ содержитъ извѣстныя слова, дѣлающія его безсмысленнымъ. «Этимъ рѣшеніемъ 10 часовой законъ былъ отиѣненъ» ¹⁶⁷⁾. Масса фабрикантовъ, которые до сихъ поръ опасались примѣнять систему смѣны къ подросткамъ и женщинамъ, теперь обѣими руками ухватились за нее ¹⁶⁸⁾.

Но послѣ этой, повидимому, окончательной побѣды капитала тотчасъ произошла коренная перемена въ противоположную сторону. До сихъ поръ ра-

¹⁶⁵⁾ См. «Reports etc. for 30 th. April 1849», p. 6 и подробное объясненіе «shifting system», данное фабричными инспекторами Howell'емъ и Saunders'омъ въ «Reports etc. for 31 st. Oct. 1849». См. также петицію королевъ духовенства Ashton'a и окрестностей, поданную весной 1849 г. противъ «shift system».

¹⁶⁶⁾ Ср. напр. «The factory Question and the Ten Hours Bill. By R. H. Greg. 1837».

¹⁶⁷⁾ F. Engels: «Die englische Zehnstundenbill» (въ издававшейся мною «Neue Rh. Zeitung. Politisch oekonomische Revue. Aprilheft 1850», p. 13). Тотъ же самый «высокій» судъ умудрился точно также во время американской гражданской войны нйти въ законѣ, направленномъ противъ вооруженія пиратскихъ кораблей, такую закорючку, которая совершенно до полной противоположности извращала его смыслъ.

¹⁶⁸⁾ «Rep. etc. for 30 th. April 1850».

бюрие оказывали только пассивное, хотя и ежедневно возобновляющееся, неукротимое сопротивление.—теперь они стали громко протестовать, и угрожать на митингах въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ. Такъ называемый 10-часовой законъ есть простое надувательство, парламентскій обманъ: онъ никогда въ дѣйствительности не существовалъ! Фабричные инспектора настоятельно предостерегали правительство, указывая, что классовый антагонизмъ достигъ неутрояннаго напряженія. Часть фабрикантовъ также роптала на то, что «благодаря противорѣчивымъ постановленіямъ судей господствуетъ совершенно ненормальное и анархическое положеніе вещей. Въ Йоркширѣ дѣйствуетъ одинъ законъ, въ Ланкаширѣ другой, въ какомъ нибудь приходѣ Ланкашера опять иной, и еще иной въ ближайшемъ его сосѣдствѣ. Фабриканты въ большихъ городахъ могутъ обходить законъ, по живущіе въ маленькихъ городахъ не находятъ необходимаго персонала для системы смѣнъ и того менѣе для передвиженія рабочихъ съ одной фабрики на другую и т. д.» Между тѣмъ равенство въ эксплуатаціи рабочей силы есть первое человѣческое право капитала.

При такихъ обстоятельствахъ состоялся между фабрикантами и рабочими компромиссъ, получившій парламентскую санкцію въ новомъ добавочномъ фабричномъ законѣ 5-го августа 1850 г. Для «подростковъ и женщинъ» рабочий день былъ удлинненъ въ первые 5 дней пехъли съ 10 до 10¹/₂ часовъ, въ субботу же ограниченъ 7¹/₂ часами. Работа должна производиться въ періодъ съ 6 часовъ утра до 6 ч. вечера ¹⁶²⁾, съ полуторачасовыми перерывами для пріянія пищи, которые должны быть даны одновременно, согласно постановленіямъ 1844 г. и т. д. Этимъ разъ навсегда былъ положенъ конецъ системѣ смѣнъ ¹⁷⁰⁾. Для дѣтскаго труда остался въ силѣ законъ 1844 г.

Одна категорія фабрикантовъ обезпечива себѣ и на этотъ разъ, какъ и прежде, особыя владѣльческія права (Seigneurialrechte) на дѣтей пролетаріевъ. Мы говоримъ о фабрикантахъ шелковыхъ издѣлій. Въ 1833 г. они грозно вопили, что если ихъ лишать свободы держать на работѣ ежедневно въ продолженіе 10 часовъ дѣтей всякаго возраста, то это все равно, что остановить ихъ фабрики» (if the liberty of working children of any age for 10 hours a day was taken away, it would stop their Werks). Имъ де невозможно покупать достаточное число дѣтей старше 13 лѣтъ. И они выпудили желательную имъ привилегію. Выставленный ими предлогъ оказался при дальнѣйшемъ изслѣдованіи чистѣйшей ложью ¹⁷¹⁾, что, однако, не помѣшало имъ въ продолженіе 10 лѣтъ прясть шелкъ по 10 часовъ въ день изъ крови маленькихъ дѣтей, которыхъ для исполненія ихъ работы приходилось ставить на стулья ¹⁷²⁾. За-

¹⁶²⁾ Зимой промежутокъ этотъ можетъ быть замѣненъ промежуткомъ отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера.

¹⁷⁰⁾ «Настоящій законъ (1850 г.) былъ компромиссомъ, въ силу котораго работники отказались отъ выгоды 10-часоваго закона, чтобы въ замѣнъ того получить установленіе единообразнаго времени начала и окончанія работы тѣхъ, трудъ которыхъ ограниченъ закономъ»; («Reports etc. for 30 th. April 1852», p. 14).

¹⁷¹⁾ «Reports etc. for 30 th. Sept. 1844», p. 13.

¹⁷²⁾ I. с.

конь 1844 г. правда, «лишилъ ихъ свободы» заставляя дѣтей моложе 11 лѣтъ работать долѣе 6 $\frac{1}{2}$ часовъ, но зато онъ обезпечилъ имъ привлекію употреблять на работу дѣтей между 11 и 13 годами ежедневно 10 часовъ и отменилъ обязательное для другихъ фабричныхъ дѣтей посѣщеніе школы. На этотъ разъ предлогомъ служило то, что «тонкость шелковой ткани требуетъ чрезвычайной нѣжности пальцевъ, которая достигается только раннимъ поступленіемъ на фабрику ¹⁷³⁾. Изъ-за нѣжности пальцевъ дѣтей отправляли на убой такъ же точно, какъ въ южной Россіи рога́тый скотъ бьютъ только ради шкуры и сала. Наконецъ, въ 1850 г. привилегія, дарованная имъ, была ограничена мастерскими для мотавія и сученія шелка; но для вознагражденія капитала, лишенаго своей «свободы», рабочее время дѣтей 11—13 лѣтъ было увеличено съ 10 часовъ до 10 $\frac{1}{2}$ подъ тѣмъ предлогомъ, что «трудъ на шелковыхъ фабрикахъ легче, чѣмъ на всѣхъ другихъ, и ни въ какомъ случаѣ не столь вреденъ для здоровья» ¹⁷⁴⁾. Официальное медицинское изслѣдованіе показало въпослѣдствіи, что, наоборотъ, средняя смертность въ округахъ шелкового производства исключительно высока и среди женской части населенія даже выше, чѣмъ въ хлопчатобумажныхъ округахъ Ланкашира» ¹⁷⁵⁾. Несмотря на

¹⁷³⁾ «The delicate texture of the fabric in which they were employed requiring a lightness of touch, only to be acquired by their early introduction to these factories». (1. с. р. 20).

¹⁷⁴⁾ «Reports etc. for 31 st. Oct. 1861», p. 26.

¹⁷⁵⁾ 1. с. р. 27. Въ общемъ рабочее населеніе, подчиненное фабричному закону, значительно поднялось въ физическомъ отношеніи. Всѣ медицинскія изслѣдованія единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ, и личныя наблюденія въ разные періоды также убѣдили меня въ этомъ. Тѣмъ не менѣе—даже помимо громаднаго процента смертности дѣтей въ первые годы жизни—официальные отчеты доктора Greenhow указываютъ на неблагоприятное состояніе здоровья въ фабричныхъ округахъ, по сравненію съ «земледѣльческими округами съ нормальнымъ состояніемъ здоровья». Приводимъ для доказательства слѣдующую таблицу изъ его отчета 1861 г.:

Процентъ взрослых муж- чинъ, занятыхъ на мануфакту- рахъ	Смертность отъ легочныхъ бо- лезней на каж- дые 100,000 мужчинъ.	Названія округовъ.	Смертность на каждыхъ 100,000 жен- щинъ.	Процентъ взрос- лыхъ жен- щинъ, заня- тыхъ на ману- фактурахъ.	Родъ занятій женщинъ.
14,9	598	Wigan.....	644	18,0	Хлопчат. бум.
42,6	708	Blackburn.....	734	34,9	тоже
37,3	547	Halifax.....	564	20,4	Шерстяное (Worsted)
41,9	611	Bradford.....	603	30,0	тоже
31,0	691	Macclesfield..	804	26,0	Шелковое
14,9	588	Leek.....	705	17,9	тоже
36,6	721	Stoke-upon- Trent.....	665	19,3	Гончарное
30,4	726	Woolstanton...	727	13,9	тоже
	305	Восемь здоровыхъ земледѣльче- скихъ округовъ.	340		

повторяемые каждые полгода протесты фабричных инспекторов, это безобразіе продолжается и до настоящего времени ¹⁷⁶⁾.

Законъ 1850 г. превратилъ для однихъ только «подростковъ и женщинъ» 15 часовой періодъ съ половины шестого утра до половины девятаго вечера, въ 12 часовой періодъ, съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Но законъ не измѣнилъ ничего для дѣтей, которыхъ все-таки можно было по-прежнему ставить на работу за полчаса до начала и 2½ часа по окончаніи этого періода, хотя общая продолжительность ихъ труда и не должна была превосходить 6½ часовъ. Во время обсужденія закона фабричные инспектора представили парламенту статистику безсовѣстныхъ злоупотребленій, порожденныхъ этой аномаліей. Но все это было напрасно. За указанной аномаліей скрывалось намереніе съ помощью дѣтей довести рабочій день взрослыхъ рабочихъ въ годы процвѣтанія до 15 часовъ. Опытъ слѣдующихъ 3 лѣтъ показалъ, что такая попытка непрямѣнно разбилась бы о сопротивление взрослыхъ рабочихъ мужинъ ¹⁷⁷⁾. Законъ 1850 г. былъ, поэтому, наконецъ, дополненъ въ 1853 г. запрещеніемъ «занимать дѣтей утромъ до начала и вечеромъ послѣ окончанія работы подростковъ и женщинъ». Съ этого момента фабричный законъ 1850 г. за немногими исключеніями, регулировалъ, въ подпадавшихъ подъ его дѣйствіе отрасляхъ промышленности рабочій день всѣхъ рабочихъ ¹⁷⁸⁾. Со времени обнародованія перваго фабричнаго закона въ этотъ годъ (1853) исполнилось полѣтъ ¹⁷⁹⁾.

Первоначальная сфера дѣйствія фабричнаго законодательства впервые была расширена изданіемъ «Printworks' Act'a» 1845 г. (закономъ о ситцепечатныхъ

¹⁷⁶⁾ Известно, съ какой неохотой англійскіе фритредеры отказались отъ покровительственной пошлины въ пользу шеджовой промышленности. Недостатокъ защиты противъ французскаго ввоза былъ возмещенъ беззащитностью англійскихъ фабричныхъ дѣтей.

¹⁷⁷⁾ «Reports etc. for 30 th. April 1853», p. 31.

¹⁷⁸⁾ Въ 1859 и 1860 гг., годы самаго высокаго процвѣтанія англійской хлопчатобумажной промышленности, нѣкоторые фабриканты старались предложеніемъ высокой заработной платы за прибавочное время побудить взрослыхъ рабочихъ мужинъ-придѣльщиковъ и т. д. къ удлиненію рабочаго дня. Но прядильщики, работающіе на ручныхъ станкахъ (Handmule), и работающіе на самодѣйствующихъ станкахъ (self-acting minders), положили конецъ этой опыткѣ вапской къ своимъ хозяевамъ, гдѣ они, между прочимъ, говорятъ: «Говоря напрямикъ, наша жизнь намъ въ тягость, и до тѣхъ поръ, пока мы остаемся почти 2 днями въ недѣлю (20 часовъ) додѣе другихъ рабочихъ прикованнымъ къ фабрикѣ, мы чувствуемъ себя настоящими илотами въ родной странѣ и упрекаемъ себя за то, что увѣковѣчиваемъ систему, вредную въ физическомъ и нравственномъ отношеніи намъ и нашему потомству... Поэтому мы почтительнѣе заявляемъ вамъ, что, начиная съ новаго года, мы не будемъ работать ни одной минуты долѣе 60 часовъ въ недѣлю, отъ 6 часовъ до 6, за вычетомъ законнаго перерыва въ 1½ часа». («Reports etc. for 30 th. April 1860», p. 30).

¹⁷⁹⁾ Относительно средствъ, доставляемыхъ текстомъ этого закона для его же собственнаго нарушенія, см. Parliamentary Return: «Factory Regulations Act'a» (6 апр. 1859) и въ нихъ предложеніе Leunhard'a Horner'a «Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent illegal working, now become very prevalent».

фабриках и т. д.). Неохота, съ которой капитал допустилъ новую «экстравагантность» (*extravagance*), чувствуется въ каждой строчкѣ этого закона! Онъ ограничиваетъ рабочій день дѣтей отъ 8—13 лѣтъ и женщинъ 16 часами, между 6 часами утра и 10 часами вечера, безъ всякаго установленнаго закономъ перерыва для принятія пищи. Онъ дозволяетъ мужчинамъ старше 13 лѣтъ морить работой сколько угодно, весь день и всю ночь безъ перерыва ¹⁸⁰⁾. Этотъ законъ—настоящій парламентскій выкидышъ ¹⁸¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, побѣдивъ въ крупныхъ отрасляхъ промышленности, являющихся кровными дѣтскими современнаго способа производства, принципъ вытѣсательства окончательно восторжествовалъ. Поразительное разнѣе этихъ отраслей промышленности съ 1853—1860 г., рядомъ съ физическимъ и нравственнымъ возрожденіемъ фабричныхъ рабочихъ, бросалось въ глаза даже самымъ слабымъ людямъ. Сами фабриканты, у которыхъ законодательное ограниченіе и регулированіе рабочаго дня было отвоевано шагъ за шагомъ въ полувѣковой гражданской волнѣ, съ хвастовствомъ указывали на контрастъ между ихъ отраслями промышленности и тѣми, которыя оставались еще «свободными» ¹⁸²⁾. Фарисеи «политической экономіи» провозгласили сознаніе необходимости законодательнаго регулированія рабочаго дня характеристическимъ новымъ завоеваніемъ ихъ «паузы» ¹⁸³⁾. Легко понять, что, послѣ того какъ фабричные магнаты подчинились неизбежности и примирились съ ней, сила сопротивленія капитала постепенно слабѣла, между тѣмъ какъ въ то же самое время наступательная сила рабочаго класса возрастала вмѣстѣ съ числомъ его союзниковъ изъ тѣхъ слоевъ общества, которые не были непосредственно заинтересованы въ борьбѣ. Отсюда—сравнительно быстрый прогрессъ съ 1860 г.

Красивыя и бѣлые заведенія ¹⁸⁴⁾ были подчинены въ 1860 г., кру-

¹⁸⁰⁾ «Въ послѣднее полугодіе (1857) дѣтей 8 лѣтъ и старше мучаютъ работой въ моемъ округѣ съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера». (*Reports etc. for 31 st. Oct. 1857*, p. 39).

¹⁸¹⁾ «*Printworks Act*» считается неудачнымъ закономъ, съ точки зрѣнія какъ воспитательныхъ, такъ и его охранительныхъ цѣлей». (*Reports etc. for 31 st. Oct. 1862*, p. 52).

¹⁸²⁾ Такъ напр. E. Potter въ письмѣ, помѣщенномъ въ *Times* отъ 24 марта 1863 г., *Times* напомнила ему о возмущеніи фабрикантовъ противъ 10 часового закона.

¹⁸³⁾ Между прочимъ W. Newmarch, сотрудникъ и издатель: «*History of Prices*» Тоокоа. Можно ли считать научнымъ прогрессомъ трусливый уступки общественному мнѣнію?

¹⁸⁴⁾ Законъ о бѣлыхъ и красивыхъ заведеніяхъ, изданный въ 1860 г., опредѣляетъ, что съ 1-го августа 1861 г. рабочій день долженъ быть предварительно ограниченъ 12 часами, съ 1-го же августа 1862 г. окончательно 10 часами, т. е. 10½ часами по буднямъ и 7½ часами по субботамъ. Но когда наступилъ 1-й полуполучный 1862 г. повторился старый фарсъ. Господа фабриканты обратились съ петиціей въ Парламентъ, въ которой просили разрѣшить 12 часовую рабочій день для женщинъ и подростковъ лишь еще на одинъ годъ... «При настоящемъ состояніи промышленности (но время хлопчатобумажнаго кризиса), говорили они, рабочіе получили бы громадную выгоду, если бы имъ было позволено работать ежедневно 12 часовъ и получать, такимъ образомъ, возможно большую заработную плату...

живныя и чулочные фабрики въ 1861 г. фабричному заводу 1850 г. Послѣдствіемъ перваго отчета «комиссіи о дѣтскомъ трудѣ» (1863), было то, что производство всевозможныхъ глиняныхъ пздѣлій (не только гончарное), спичекъ, пистоновъ, патроновъ, обойныхъ фабрики, мастерскія по обрѣзкѣ пѣпса (fustian cutting) и тѣ многочисленныя процессы, которые извѣстны подъ общимъ именемъ «finishing» (оковчательная аппретура), подверглись той же участи. Въ 1863 г. «бѣлизныя заведенія на открытомъ воздухѣ»¹⁸⁵) и чулочные были

Уже удалось было внести билль въ этомъ смыслѣ въ Нижнюю Палату, но онъ палъ вслѣдствіе агитациі рабочихъ въ бѣлизныхъ заведеніяхъ Шотландіи. («Report etc. for 31-st Oct. 1862», p. 14, 15). Разбитый, такимъ образомъ, самими рабочими, отъ имени которыхъ онъ пытался говорить, капиталъ открылъ, съ помощью юристическихъ очковъ, что законъ 1860 г.,—который, подобно всѣмъ парламентскимъ законамъ, надписанъ «въ защиту труда», составленъ въ запутанныхъ выраженіяхъ,—давалъ предлогъ исключить изъ числа лицъ, находящихся подъ его охраною, всѣхъ рабочихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «calenderers» и «finishers». Англійская юрисдикція, всегда готовая къ услугамъ капитала, санкціонировала посредствомъ учрежденія, извѣстнаго подъ названіемъ «Common Pleas», это крѣпководство. «Это возбудило большое недовольство среди рабочихъ; очень жаль, что ясное намѣреніе законодательства уничтожается подъ предлогомъ недостаточно ясной формулировки». (I. c. p. 18).

¹⁸⁵) Владѣльцы заведеній, бѣлизныхъ матеріалъ «на открытомъ воздухѣ», не подчинились закону 1860 г. «о бѣлизныхъ заведеніяхъ», благодаря ложному заявленію, что у нихъ нѣтъ почного труда женщинъ. Ложь была открыта фабричными инспекторами, и въ то же самое время петиціи рабочихъ показавши парламенту, что его представленія о пріятной и прохладной деревенской обстановкѣ, при которой происходитъ бѣленіе на открытомъ воздухѣ, не соответствуютъ дѣйствительности,—при этомъ воздушномъ бѣленіи употребляются сушильни, температура которыхъ достигаетъ отъ 90 до 100 градусовъ по Фаренгейту, и въ которыхъ работаютъ по преимуществу дѣвушки. «Cooling» (охлажденіе)—это техническій терминъ для выбѣганія изъ сушильни на свѣжій воздухъ. «Въ сушильняхъ 15 дѣвушекъ. Жара доходитъ до 80—90° Фаренгейта для полотна, до 100° и болѣе для батиста (cambrics). 12 дѣвушекъ утюжатъ и складываютъ (батисты и т. д.) въ маленькой комнатѣ, занимающей около 10 кв. футовъ, посреди которой находится печь. Дѣвушки стоятъ вокругъ этой печки, которая распространяетъ страшный жаръ во всѣ стороны, и быстро сушатъ батистъ для гладильницъ. Число часовъ для этихъ рукъ неограничено. Когда дѣла идутъ хорошо, онѣ работаютъ до 9 или до 12 часовъ ночи много дней сряду». (Reports etc. for 31 st. Oct. 1862», p. 56). Одинъ врачъ заявляетъ: «для охлажденія не назначено особыхъ часовъ; но когда температура становится слишкомъ невыносимой, или руки работницъ стываются грязными отъ пота, имъ разрѣшается выйти на нѣсколько минутъ... Мой опытъ при лѣченіи болѣзней этихъ работницъ заставляетъ меня утверждать, что состояніе ихъ здоровья гораздо хуже состоянія здоровья работницъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ (а капиталъ въ своихъ петиціяхъ Парламенту рисовалъ ихъ въ стилѣ Рубенса пышущими здоровьемъ!) Сильныя распространеныя между ними болѣзни суть: чахотка, бронхитъ, маточныя болѣзни, пестерія въ самой ужасной формѣ и ревматизмъ. Всѣ эти болѣзни происходятъ, по моему мнѣнію, прямо или косвенно отъ слишкомъ жаркой атмосферы мастерскихъ и отъ недостатка хорошей одежды, которая могла бы ихъ защищать отъ холоднаго и сырого почного воздуха при возвращеніи домой съ фабрики въ зимніе мѣсяцы». (I. c. p. 56, 57). Фабричные инспектора замѣчаютъ по поводу добавочнаго закона 1863 г., названнаго веселымъ владѣльцамъ «бѣли-

подчинены особенным законамъ, изъ которыхъ первый между прочимъ запрещаетъ ночной трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ (отъ 8 часовъ вечера до 6 часовъ утра), а второй работу булочныхъ подмастерьевъ, моложе 18 лѣтъ, между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще вернемся къ позднѣйшимъ предложеніямъ упомянутой коммисіи, которая грозить лишить «свободы» нѣкоторыя важнѣйшія отрасли англійской промышленности за исключеніемъ земледѣлія, рудниковъ и транспорта ^{185а}).

7. Борьба за нормальный рабочій день. Вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на другія страны.

Читатель помнитъ, что производство прибавочной цѣнности или извлеченіе прибавочнаго труда составляетъ специфическое содержаніе и опредѣляющую цѣль капиталистическаго производства, совершенно независимо отъ размѣненій въ самомъ способѣ производства, произтекающихъ изъ подчиненія труда капиталу. Онъ помнитъ также, что съ той точки зрѣнія, которую мы до сихъ поръ развивали, только самостоятельный и подпорванный рабочій въ качествѣ продавца товараступаетъ въ сдѣлку съ капиталистомъ. Если, поэтому, въ нашемъ историческомъ очеркѣ, съ одной стороны, современная промышленность а, съ другой стороны, трудъ физически и юридически несовершеннолѣтнихъ играютъ главную роль, то первая представляла для насъ только особенную сферу, второй же только особенно яркій примѣръ высасыванія труда. Не предвосхищая, однако, дальнѣйшихъ выводовъ, изъ внутренней связи историческихъ фактовъ мы можемъ вывести слѣдующее.

Во-первыхъ: въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ вода, паръ и машины раньше всего произвели переворотъ, въ первыхъ созданіяхъ современнаго способа производства, въ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, стремленіе капитала къ безграничному и безпощадному удлиненію рабочаго дня было прежде всего удовлетворено. Измѣненіе матеріальнаго способа производства и соответствовавшія ему

лепъ подъ открытымъ небомъ»: «Актъ этотъ не только не даетъ рабочимъ той выгоды, которую онъ долженъ имъ дать, но онъ формулированъ такимъ образомъ, что защита эта наступитъ только тогда, когда захватываютъ дѣтей и женщинъ послѣ 8 часовъ вечера, и даже тогда предписанный закономъ способъ доказыванія на судѣ обставленъ такими оговорками, что виновный всегда можетъ избѣгнуть наказанія» (I. с. р. 52). «Какъ актъ, преслѣдующій воспитательныя и гуманныя цѣли, онъ совершенно неудаченъ. Едва ли можно назвать гуманнымъ—доводятъ женщинъ и дѣтей или, что сводится къ тому же самому, принуждать ихъ работать по 14 часовъ въ сутки, иногда даже болѣе, съ перерывами для принятія пищи или безъ нихъ, какъ случится, безъ опредѣленной границы по отношенію къ возрасту, безъ различія пола и безъ всякаго соображенія относительно общественныхъ привычекъ, господствующихъ въ семействахъ той мѣстности, гдѣ расположены бѣднѣйшія населенія». («Reports etc. for 30 th. April 1863», p. 40).

^{185а}) [Примѣч. къ 2-му изд.] Съ 1866 г., когда я писалъ то, что находится въ текстѣ, опять наступила реакція.

перемѣны въ социальныхъ отношеніяхъ производителей ¹⁸⁶⁾ создаютъ сначала чрезвычайное расширеніе рабочаго дня и вызываютъ затѣмъ, въ видѣ реакціи, общественный контроль, направленный на ограниченіе и одностороннее регулированіе законодательнымъ путемъ рабочаго дня съ его перерывами. Контроль этотъ, такимъ образомъ, является въ теченіе половины XIX столѣтія только въ видѣ исключительнаго законодательства ¹⁸⁷⁾. Но лишь только оно завоевало первоначальную область господства новаго способа производства, оказалось, что тѣмъ временемъ не только многія другія отрасли промышленности подпали подъ настоящій фабричный режимъ, но и мануфактуры съ болѣе или менѣе устарѣлой техникой, какъ напр., гончарныя и стеклянныя заводы, такія старомодныя ремесла, какъ булочное, и даже, наконецъ, разбросанное, такъ называемое домашнее производство, напр., гвоздарное и т. д. ¹⁸⁸⁾, давно уже подчинились такой же капиталистической эксплуатаціи, какъ и фабрика. Законодательство было, поэтому, вынуждено постепенно отрѣшиться отъ своего исключительнаго характера или тамъ, гдѣ оно, какъ въ Англіи, развивается на римскій манеръ—казуистично, объявить по произволу всякій домъ, въ которомъ работаютъ, фабрикой (factory) ¹⁸⁹⁾.

Во-вторыхъ, исторія регулированія рабочаго дня въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства и продолжающаяся еще борьба за это регулированіе въ другихъ отрасляхъ ясно доказываютъ, что единичный рабочій, въ качествѣ «свободнаго продавца» своей рабочей силы, на извѣстной ступени капиталистическаго развитія, оказывается не въ силахъ сопротивляться натиску капитала. Установленіе нормальнаго рабочаго дня есть, слѣдовательно, результатъ продолжительной, болѣе или менѣе скрытой, гражданской войны между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ. Борьба эта началась въ области современной промышленности, и въ силу этого прежде всего она разыгрывается на родинѣ крупнаго производства, въ Англіи ¹⁹⁰⁾. Англійскіе фабричные рабочіе были первыми застрѣль-

¹⁸⁶⁾ «Поведеніе этихъ классовъ (капиталистовъ и рабочихъ) было слѣдствіемъ того положенія, въ которое каждый изъ нихъ былъ поставленъ». («Reports etc. for 31 st. Oct. 1848», p. 113).

¹⁸⁷⁾ «Отрасли, подчиненныя ограниченіямъ, представляли разнаго рода текстильныя производства, пользующіяся силою пара или воды. Для того, чтобы какое-нибудь производство подверглось инспекціи, требовалось два условія: во-1-хъ, чтобы въ немъ употреблялась сила пара или воды, и во-2-хъ, чтобы въ немъ обрабатывались нѣкакіе рода волокна». («Reports etc. for 31 st. October 1864», p. 8).

¹⁸⁸⁾ Чрезвычайно богатый матеріалъ о положеніи этой, такъ называемой, домашней промышленности мы находимъ въ послѣднихъ отчетахъ «Children's Employment Commission».

¹⁸⁹⁾ «Акты послѣдней сессіи (1864)... охватываютъ множество различныхъ производствъ, приемы въ которыхъ чрезвычайно различны; употребленіе механической силы пара для приведенія машинъ въ движеніе не является болѣе непроизвольнымъ условіемъ, какъ это было раньше, для того, чтобы промышленное заведеніе считалось фабрикой въ легальномъ смыслѣ этого слова». (Reports etc. for 31 st. Oct. 1863, p. 8).

¹⁹⁰⁾ Бельгія, этотъ рай континентальнаго либерализма, не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ этого движенія. Даже въ каменноугольныхъ копяхъ и въ метал-

щиками не только англійскаго, но и вообще современнаго рабочаго класса, в нихъ теоретики первые бросили перчатку теоретикамъ капитала ¹⁹¹⁾. Фабричный философъ Уге клеймилъ въ качествѣ неизгладимаго позорнаго пятна на англійскомъ рабочемъ классѣ то, что на своемъ знамени, выставленномъ противъ капитала, который мужественно боролся за «полную свободу труда», англійскій рабочій написалъ «рабство фабричныхъ законовъ» ¹⁹²⁾.

Франція медленно плетется по пятамъ Англіи. Для появленія на свѣтъ 12 часового закона ¹⁹³⁾, который гораздо несовершеннѣе своего англійскаго оригинала, понадобилась февральская революція. Тѣмъ не менѣе, французскій революціонный методъ обнаруживаетъ особыя свойственныя ему преимущества. Однимъ ударомъ онъ ликуетъ всѣмъ мастерскимъ и фабрикамъ безъ различія одиѣ и тѣ же границы рабочаго дня, между тѣмъ какъ англійское законодательство неохотно уступаетъ силѣ вещей то въ одномъ пунктѣ, то въ другомъ

лическихъ рудникахъ рабочіе безъ различія пола и возраста употребляются съ совершенною «свободой» во всякое время и въ продолженіе какого угодно времени. На каждую 1.000 занятыхъ въ этихъ производствахъ человѣкъ приходится 738 мужчинъ, 88 женщинъ, 135 мальчковъ и 44 дѣвочки моложе 16 лѣтъ; при доменныхъ печахъ и т. п. на каждую 1.000 мужчинъ приходится 140 женщинъ, 93 мальчковъ и 85 дѣвочекъ моложе 16 лѣтъ. Къ этому присоединяется низкая заработная плата и ужасную эксплуатацію зрѣлыхъ и незрѣлыхъ рабочихъ силъ, составляющая среднимъ числомъ 2 шиллинга 8 пенсовъ въ день для мужчинъ, 1 ш. 8 пенса для женщинъ, 1 ш. 2½ пенса для несовершеннолѣтнихъ. Но зато Бельгія въ 1863 г., сравнительно съ 1850 г. почти удвоила свой вывозъ угля, жѣлѣза и т. п., какъ по количеству, такъ и по цѣнности.

¹⁹¹⁾ Когда Robert Owen вскорѣ послѣ перваго десятилѣтія нашего вѣка не только теоретически отстаивалъ необходимость ограниченія рабочаго дня, но и дѣйствительно ввелъ 10-часовой день на своей фабрикѣ въ New-Lanark'ѣ, его попытка была осмѣяна и сочтена за коммунистическую утопію, точно такъ же какъ его «соединеніе производительнаго труда съ воспитаніемъ дѣтей», какъ и вызванный имъ къ жизни кооперативныя предпріятія рабочихъ. Въ настоящее время первая изъ этихъ утопій составляетъ фабричный законъ, вторая фигурируетъ какъ оффиціальная фраза во всѣхъ «Factory Acts», а третья служить даже для прикрытія всякаго рода реакціоннаго шараганства.

¹⁹²⁾ Uge, фр. перев. «Philosophie des Manufactures. Paris 1836, t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc».

¹⁹³⁾ Въ Compte Rendu «Международнаго статистическаго конгресса въ Парижѣ, въ 1855», между прочимъ сказано: «Французскій законъ, ограничивающій продолжительность дневнаго труда въ фабрикахъ и мастерскихъ 12 часами, не устанавливаетъ постоянныхъ опредѣленныхъ часовъ для этого труда; только для дѣтскаго труда предписывается періодъ между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому, часть фабрикантовъ пользуется правомъ, которое даетъ имъ это роковое умолчаніе, — вставлятъ работать сплошныя сутки за исключеніемъ, можетъ быть, воскресеній, безъ всякаго перерыва. Они для этого употребляютъ двѣ различныя сѣмьи рабочихъ, изъ которыхъ ни одна не остается въ мастерской болѣе 12 часовъ, между тѣмъ какъ работа въ введеніи продолжается день и ночь безъ перерыва. Требования закона удовлетворены, но удовлетворены ли также требованія гуманности? Не говори уже о срашающемъ влияніи ночнаго труда на человѣчскій организмъ», нельзя не упомянуть о «гибельномъ влияніи ночнаго сообщенія обонявъ половъ въ однихъ и тѣхъ же жалко освѣщенныхъ мастерскихъ».

и всегда легко может породить новую юридическую нескладницу, совершенно неподдающуюся распутыванию (*einem neuen juristischen Rattenkönig*)¹⁹⁴). Сь другой стороны, французскій законъ сразу провозглашаетъ въ формѣ общаго начала то, что въ Англіи было завоевано только для дѣтей, несовершеннолѣтнихъ и жепщинъ и лишь въ самое послѣднее время требуется какъ общій правовой принципъ¹⁹⁵).

Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ всякое самостоятельное рабочее движеніе оставалось парализованнымъ до тѣхъ поръ, пока рабство обезображивало одну часть республики. Бѣлокожій трудъ не можетъ амансипироваться тамъ, гдѣ чернокожій носитъ на себѣ позорное клеймо. Но на развалинахъ рабства тотчасъ же расцвѣла новая молодая жизнь. Первымъ плодомъ гражданской войны была агитація въ пользу восьмичасового рабочаго дня, которая семимильными шагами локомотива распространилась отъ Атлантическаго океана до Тихаго, отъ Новой Англіи до Калифорніи. Всеобщій рабочій конгрессъ въ Балтиморѣ (16 авг. 1866 г.) заявляетъ: «Первое и самое важное условіе въ настоящее время для освобожденія труда этой страны отъ капиталистическаго рабства есть изданіе такого закона, по которому 8 часовъ составляли бы нормальный рабочій день во всѣхъ штатахъ союза. Мы рѣшились употребить всѣ наши силы на то, чтобы достигнуть этого славнаго результата»¹⁹⁶). Одновременно съ этимъ (въ началѣ сентября 1866 г.) «Международный рабочій конгрессъ» въ Жевевѣ, по предложенію Лондонскаго генеральнаго совѣта, принялъ слѣдующее рѣшеніе: «Мы объявляемъ ограниченіе рабочаго дня предварительнымъ условіемъ, безъ котораго всѣ другія стремленія къ амансипаціи дождутся потеритъ крушеніе... Мы предлагаемъ 8 часовъ какъ легальную гравницу рабочаго дня».

¹⁹⁴) «Въ моемъ округѣ, напр., одинъ и тотъ же фабрикантъ въ одной и той же фабриктъ, какъ бѣлизникъ и красильникъ, подчиненъ «закопу о бѣлизникахъ и красильникахъ», какъ ситцепечатникъ—«Printwork's Act'y» и какъ finisher—«фабричному закону»... (Report of Mr. Baker in «Reports etc. for 31 st. Oct. 1861», p. 20). Перечисливъ разнличныя постановленія этихъ актовъ и вытекающія отсюда осложненія, Baker говоритъ: «Мы видимъ, какъ трудно обезпечить исполненіе этихъ 3 парламентскихъ актовъ, если фабриканту вздумается обходить законы». Но зато господамъ юристамъ обезпечивается такимъ путемъ постоянное существованіе процессовъ.

¹⁹⁵) Фабричные инспектора рѣшаются, наконецъ, сказать: «Эти возраженія (капитала противъ законодательнаго ограниченія рабочаго времени) должны пасть предъ широкимъ принципомъ правъ труда... есть время, когда прекращаются права хозяина на трудъ работника, когда время работника становится его собственнымъ временемъ, хотя бы силы его и не были еще истощены дневнымъ трудомъ». («Reports etc. for 31 st. Oct. 1862», p. 54).

¹⁹⁶) «Мы, рабочіе Dunkirk'a заявляемъ, что требующаяся при современной системѣ продолжительность рабочаго дня слишкомъ велика и не оставляетъ рабочему времени для отдыха и развитія; она низводитъ его до такой степени пораженія, которая не многимъ лучше рабства («a condition of servitude but little better than slavery») Поэтому, мы рѣшили, что 8 часовъ вполне достаточно для рабочаго дня, и это время должно быть признано за такое закономъ. Мы призываемъ на помощь печать, этотъ могущественный рычагъ... Всѣхъ тѣхъ, кто откажетъ намъ въ этомъ содѣйствіи, мы будемъ считать врагами реформы труда и правъ рабочихъ». (Постановленія рабочихъ Dunkirk'a, штатъ New-York, 1866).

Такимъ образомъ, рабочее движеніе, инстинктивно выросшее по обѣ стороны Атлантическаго океана изъ самыхъ условій производства, санкціонируетъ слова англійскаго фабричнаго инспектора R. J. Saunders'a: «Никакіе дальнѣйшіе шаги по пути общественныхъ реформъ не могутъ быть успѣшными. если предвѣрительно не будетъ ограниченъ рабочій день, и предписанный закономъ предѣлъ его не будетъ строго гарантированъ принужденіемъ»¹⁹⁷⁾.

Нужно сознаться, что нашъ рабочій выходитъ инымъ изъ процесса производства, чѣмъ онъ вступилъ въ него. На рынокъ онъ является владельцемъ тонара «рабочей силы» рядомъ съ другими товаровладельцами; одинъ товаровладелецъ противопоставляетъ другимъ товаровладельцамъ. Договоръ, по которому онъ продавалъ свою рабочую силу капиталисту, доказывалъ, такъ сказать, черво на бѣло, что онъ свободно распоряжается собою. По заключеніи слѣлки оказывается, что онъ вовсе не былъ «свободнымъ агентомъ», что время, на которое онъ можетъ продавать свою рабочую силу, есть время, на которое онъ принужденъ ее продавать¹⁹⁸⁾, что на самомъ дѣлѣ вампиръ, который сосетъ его, не перестаетъ сосать до тѣхъ поръ, «пока еще остается хоть мускулъ, хоть нервъ, хоть капля крови для высасыванія»¹⁹⁹⁾. Для «защиты» противъ своего змѣи-мучителя рабочіе должны сплотиться и, какъ классъ, вывести законъ, который являлся бы могуще ственнымъ общественнымъ прещеніемъ, не дающимъ имъ самимъ продавать себя и свое потомство по свободному договору съ капиталомъ на смерть и рабство²⁰⁰⁾. На мѣсто пышнаго каталога «неотъемлемыхъ правъ человека» здѣсь является скромная Magna Charta законодательнаго ограниченія рабочаго дня, которая, «наконецъ, выясняетъ, когда кончается время, которое рабочій продаетъ, и когда начинается время, принадлежащее ему самому»²⁰¹⁾. Quantum mutatus ab illo!

¹⁹⁷⁾ «Reports etc. for 31 st. Oct. 1848», p. 112.

¹⁹⁸⁾ Такой образъ дѣйствія (продѣлки капитала, напр., въ 1848—1850 гг.) кромѣ того неопровержимо доказали живость утвѣренія, столь часто повторяемаго, что рабочіе не нуждаются въ покровительствѣ, но что ихъ можно разсматривать какъ лицъ, свободно располагающихъ единственною своею собственностию, т. е. трудомъ рукъ своихъ и потомъ лица своего». («Reports etc. for 30 th. April 1850», p. 45). «Свободный трудъ, если его можно такъ назвать, даже и въ свободной странѣ требуетъ властной руки закона для своей защиты» («Reports etc. for 31 st. Oct. 1864», p. 34). «Позволить—это все равно что принудить... работать 14 часовъ въ день съ перерывами для безъ перерывовъ для принятія пищи и т. д.» («Reports etc. for 30 th. April 1863», p. 40).

¹⁹⁹⁾ Friedrich Engels, «Lage etc.», p. 5.

²⁰⁰⁾ Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя ему подчинены, 10-часовой бѣлизъ «спасъ рабочихъ отъ познаго вырожденія и охранилъ ихъ физическое здоровье». (Reports etc. for 31 st. Oct. 1859», p. 47). «Капиталъ (на фабрикахъ) никогда не можетъ поддерживать машины въ движеніи долѣе опредѣленнаго періода времени, не причиняя вреда здоровью и правдивости занятыхъ рабочихъ, а они находятъ въ такомъ положеніи, что не могутъ сами себя защищать». (I. c. p. 8).

²⁰¹⁾ «Еще большимъ благодѣніемъ является, наконецъ, ясно установленное различіе между собственнымъ временемъ рабочаго и временемъ его хозяина. Рабочій

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Уровень и масса прибавочной цѣнности.

Въ этой главѣ, какъ и прежде, мы предполагаемъ, что цѣнность рабочей силы, а, стало быть, и часть рабочаго дня, необходимая для воспроизведенія и поддержанія рабочей силы, есть величина данная, постоянная.

При такомъ предположеніи выстъ съ уровнемъ прибавочной цѣнности дана въ то же самое время и та масса ея, которую единичный рабочій доставляетъ капиталисту въ опредѣленный періодъ времени. Если, напр., необходимое рабочее время составляетъ 6 часовъ ежедневно, выраженныхъ въ количествѣ золота въ 3 шиллинга = 1 талеру, то 1 талеръ есть дневная цѣнность рабочей силы или авансированная на покупку рабочей силы капиталъная цѣнность. Если, далѣе, уровень прибавочной цѣнности составляетъ 100%, то этотъ переменный капиталъ въ 1 талеръ производитъ массу прибавочной цѣнности въ 1 талеръ, или рабочій доставляетъ ежедневно массу прибавочнаго труда въ 6 часовъ.

Но переменный капиталъ есть денежное выраженіе совокупной цѣнности всѣхъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ одновременно употребляетъ. Его цѣнность равна, слѣдовательно, средней цѣнности одной рабочей силы, помноженной на количество употребленныхъ рабочихъ силъ. При данной цѣнности рабочей силы величина переменнаго капитала, такимъ образомъ, прямо пропорціональна количеству одновременно занятыхъ рабочихъ. Если дневная цѣнность одной рабочей силы = 1 талеру, то нужно авансировать капиталъ въ 100 талеровъ, чтобы эксплуатировать 100, въ n талеровъ, чтобы эксплуатировать ежедневно n рабочихъ силъ.

Точно также, если переменный капиталъ въ 1 талеръ, т. е. дневная цѣнность одной рабочей силы, производитъ ежедневную прибавочную цѣнность въ 1 талеръ, то переменный капиталъ въ 100 талеровъ произведетъ ежедневную прибавочную цѣнность въ 100 талеровъ, а капиталъ въ n талеровъ — ежедневную прибавочную цѣнность въ 1 тал. $\times n$. Масса произведенной прибавочной цѣнности равна, слѣдовательно, прибавочной цѣнности, произведенной въ рабочій день каждого отдѣльнаго рабочаго, помноженной на число

знаетъ теперь, когда кончается продажное имъ время, и когда начинается его собственное время, и это вниманіе даетъ ему возможность располагать заработъ своими собственными минутами, соответственно своимъ нуждамъ». (I. с. р. 52). «Сдѣлавъ ихъ (рабочихъ) господами своего времени, они (фабричные законы) дали имъ нравственную энергию стремиться къ обладанію политической властью». (I. с. р. 47). Съ сдержанной ироніей и въ очень осторожныхъ выраженіяхъ фабричные инспектора намекаютъ въ своихъ отчетахъ, что настоящій 10-часовой законъ освободилъ также и капиталиста въ нѣкоторой степени отъ его первобытной грубости, которая дѣлала его голымъ воплощеніемъ капитала, и далъ ему время для нѣкотораго «образованія». Прежде «хозяева не имѣли времени ни для чего, кромѣ денегъ, рабочіе же не имѣли времени ни для чего, кромѣ труда». (I. с. р. 48).

занятых рабочих. Но, такъ какъ дѣлѣ, масса прибавочной цѣнности, произведенной каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, при данной цѣнности рабочей силы, определяется уровнемъ прибавочной цѣнности, то мы получаемъ слѣдующій законъ: масса (количество) произведенной прибавочной цѣнности равна величинѣ авансированнаго переменнаго капитала, помноженнаго на уровень прибавочной цѣнности, или она опредѣляется сложнымъ отношеніемъ между числомъ одновременно эксплуатируемыхъ однимъ и тѣмъ же капиталистомъ рабочихъ силъ и степенью эксплуатаціи каждой отдѣльной рабочей силы.

Если мы, такимъ образомъ, обозначимъ количество прибавочной цѣнности черезъ M , среднюю дневную прибавочную цѣнность, произведенную отдѣльнымъ рабочимъ, черезъ m , переменный капиталъ, ежедневно авансируемый на покупку каждой отдѣльной рабочей силы, черезъ v , общую сумму переменнаго капитала черезъ V , цѣнность средней рабочей силы черезъ k , степень ея эксплуатаціи черезъ $\frac{a'}{a}$ ($\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$) и количество занятыхъ рабочихъ черезъ n , то мы получимъ:

$$M = \left\{ \begin{array}{l} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n \end{array} \right.$$

Мы постоянно предполагаемъ, что не только цѣнность средней рабочей силы есть величина постоянная, но также, что занятые каждымъ отдѣльнымъ капиталистомъ рабочіе приравнены къ среднимъ рабочимъ. Бываютъ исключительные случаи, когда произведенная прибавочная цѣнность возрастаетъ не пропорціонально количеству эксплуатируемыхъ рабочихъ, по тогда и цѣнность рабочей силы не остается постоянной.

Въ производствѣ опредѣленной массы прибавочной цѣнности уменьшеніе одного фактора можетъ, такимъ образомъ, быть вознаграждено возрастаніемъ другого. Если переменный капиталъ уменьшается и одновременно въ той-же пропорціи увеличивается уровень прибавочной цѣнности, то масса произведенной прибавочной цѣнности остается безъ переменн. Если при прежде принятыхъ нами предположеніяхъ капиталистъ долженъ авансировать 100 талеровъ, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочихъ, и если уровень прибавочной цѣнности составляетъ 50%, то этотъ переменный капиталъ въ 100 доставляетъ прибавочную цѣнность въ 50 талеровъ, или въ 100×3 рабочихъ часовъ. Если уровень прибавочной цѣнности удваивается, или рабочий день удлиняется не съ 6 до 9, но съ 6 до 12 часовъ, то уменьшенный на половину переменный капиталъ въ 50 талеровъ точно также доставляетъ прибавочную цѣнность въ 50 талеровъ, или 50×6 рабочихъ часовъ. Уменьшеніе переменнаго капитала, слѣдовательно, можетъ быть вознаграждено пропорціональнымъ повышеніемъ степени эксплуатаціи рабочей силы, или уменьшеніе количества занятыхъ рабочихъ — пропорціональнымъ удлиненіемъ рабочаго дня. Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ границахъ — количество труда, которое можетъ быть выжато изъ рабочихъ, становится независимымъ отъ предложенія

рабочих рук²⁰²⁾). Уменьшение уровня прибавочной ценности, наоборот, не уменьшает массы прибавочной ценности, если пропорционально ему возрастает величина переменного капитала или количество занятых рабочих.

Тем не менее, такая замѣна числа рабочих или величины переменного капитала повышением уровня прибавочной ценности или удлинением рабочего дня нѣтъ границъ, дальше которыхъ она не можетъ идти. Какова бы ни была ценность рабочей силы, составляющая ли рабочее время, необходимое для поддержания рабочего 2 или 10 часовъ, общая ценность, которую одинъ рабочий можетъ изъ дня въ день производить, всегда меньше ценности, въ которой ошествлены 24 рабочихъ часа, меньше 12 шиллинговъ, или 4 талеровъ, если они составляютъ денежное выраженіе 24 ошественныхъ рабочихъ часовъ. При нашемъ прежнемъ предположеніи, по которому ежедневно необходимо 6 рабочихъ часовъ для воспроизведенія самой рабочей силы, или для возмѣщенія капитальной ценности, авансированной на ея покупку, переменный капиталъ въ 500 талеровъ, занимающій 500 рабочихъ, при уровнѣ прибавочной ценности въ 100%, или при 12 часовомъ рабочемъ днѣ, производитъ ежедневно прибавочную ценность въ 500 талеровъ или 6×500 рабочихъ часовъ. Капиталъ въ 100 талеровъ, занимающій 100 рабочихъ при уровнѣ прибавочной ценности въ 200%, или при 18 часовомъ рабочемъ днѣ, производитъ только количество прибавочной ценности въ 200 талеровъ или 12×100 рабочихъ часовъ. И общая ценность произведеннаго имъ продукта, т. е. эквивалентъ авансированнаго переменнаго капитала плюсъ прибавочная ценность, никогда въ среднемъ не можетъ достигнуть суммы въ 400 талеровъ или 24×100 рабочихъ часовъ. Абсолютный предѣлъ средняго рабочего дня, который, въ силу естественныхъ причинъ, всегда меньше 24 часовъ, составляетъ абсолютный предѣлъ для уменьшенія переменнаго капитала насчетъ повышенія уровня прибавочной ценности, или для уменьшенія числа эксплуатируемыхъ рабочихъ насчетъ повышенія степени эксплуатаціи рабочей силы. Этотъ очевидный законъ важенъ для объясненія многихъ явленій, вытекающихъ изъ той тенденціи капитала, — развитіе ея мы связываемъ впоследствии —, которая сводится къ возможно большому уменьшенію числа занимаемыхъ имъ рабочихъ, или переменнѣйшей его части, превращаемой въ рабочую силу, и которая находится въ противорѣчій съ другой тенденціей капитала — производить возможно большую массу прибавочной ценности. Наоборотъ, если количество занятой рабочей силы или величина переменнаго капитала увеличивается, во не пропорционально уменьшенію нормы прибавочной ценности, то уменьшается количество произведенной прибавочной ценности.

Изъ того, что масса или количество произведенной прибавочной ценности опредѣляется двумя факторами: уровнемъ прибавочной ценности и величиной

²⁰²⁾ Этотъ элементарный законъ повидному неизвестенъ господамъ представителямъ вулгарной экономіи. Эти Архимеды на пизанку воображаютъ, что въ опредѣленіи рыночной цѣны труда посредствомъ отношенія между спросомъ и предложениемъ они нашли необходимую имъ точку опоры, но не для того, чтобы перевернуть міръ, а чтобы остановить его.

авансированнаго переменнаго капитала—вытекаетъ третій законъ. Если даны уровень прибавочной цѣнности, или степень эксплуатаціи рабочей силы, а цѣнность рабочей силы, или величина необходимаго рабочаго времени, то само собою понятно, что, чѣмъ больше переменный капиталъ, тѣмъ больше произведенное количество цѣнности и прибавочной цѣнности. Если даны граница рабочаго дня, а также граница необходимаго его части, то масса цѣнности и прибавочной цѣнности, произведенной отдѣльнымъ капиталистомъ, зависитъ, очевидно, исключительно отъ той массы труда, которую онъ приводитъ въ движеніе. Масса же эта, при данныхъ условіяхъ, зависитъ отъ массы рабочей силы, или отъ числа рабочихъ, которыхъ капиталистъ эксплуатируетъ, число же ихъ, въ свою очередь, опредѣляется величиной авансированнаго имъ переменнаго капитала. При данномъ уровнѣ прибавочной цѣнности и при данной цѣнности рабочей силы произведенныя количества или массы прибавочной цѣнности прямо пропорціональны величинѣ авансированныхъ переменныхъ капиталовъ. Но мы знаемъ, что капиталистъ дѣлитъ свой капиталъ на двѣ части. Одну часть онъ издерживаетъ на средства производства. Это постоянная часть его капитала. Другую часть онъ превращаетъ въ живую рабочую силу. Эта часть составляетъ его переменный капиталъ. На основѣ одного и того же способа производства въ различныхъ отрасляхъ производства мы видимъ различное распаденіе капитала на постоянную и переменную составныя части. Въ одной и той же отрасли производства отношеніе это измѣняется съ измѣненіемъ технической основы и общественныхъ условій процесса производства. Но какъ бы ни распадался данный капиталъ на постоянную и переменную части, относителенъ ли послѣдняя къ первой какъ 1:2, 1:10 или 1: x , это ничуть не мѣняетъ только что установленнаго закона, такъ какъ цѣнность постоянного капитала, какъ намъ извѣстно изъ предыдущаго анализа, хотя и вновь появляется въ цѣнности продукта, но не входитъ въ новосозданный продуктъ, т. е. не участвуетъ въ образованіи этой новой цѣнности. Чтобы занять 1000 придильщиковъ, требуется, конечно, больше сырого матеріала, веретенъ и т. д., чѣмъ для того, чтобы занять 100. Однако, пусть цѣнность этихъ подлежащихъ привлеченію средствъ производства, повышается, падаетъ, остается безъ переменны, пусть она будетъ велика или мала, — при всемъ этомъ она не будетъ оказывать никакого вліянія на процессъ возрастанія цѣнности, производимой рабочими силами, приводящими въ движеніе средства производства. Вышеустановленный законъ принимаетъ, такимъ образомъ, слѣдующую форму: количества или массы цѣнности и прибавочной цѣнности, производимыя различными капиталами, при данной цѣнности и одинаковой степени эксплуатаціи рабочей силы, прямо пропорціональны величинѣ переменныхъ частей этихъ капиталовъ, т. е. ихъ составныхъ частей, превращенныхъ въ живую рабочую силу.

Законъ этотъ, повидимому, противорѣчитъ опыту, основанному на очевидности. Всякому извѣстно, что бумагопрядильщикъ, который затрачиваетъ относительно много постоянного и мало переменнаго капитала, не получаетъ вслѣдствіе этого меньше прибыли или прибавочной цѣнности, чѣмъ булочникъ, приводящій въ движеніе относительно много переменнаго и мало постоянного ка-

няла. Для рѣшенія этого кажущагося противорѣчія нужно еще много промежуточных членовъ, точно такъ же, какъ въ элементарной алгебрѣ нужны многіе промежуточные члены, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ можетъ представлять дѣйствительную величину. Хотя классическая экономія никогда не формулировала этого закона, но она инстинктивно за него держится, такъ какъ онъ вообще составляетъ необходимый выводъ изъ закона цѣнности. Насильственной абстракціей она старается спасти его отъ тѣхъ противорѣчій, которыя представляютъ явленія дѣйствительности. Впослѣдствіи мы увидимъ²⁰³⁾, какъ школа Рикардо спотыкнулась объ этотъ камень преткновенія. Вульгарная же экономія, которая «дѣйствительно такъ вичему и не научилась», здѣсь, какъ и вездѣ, настаиваетъ на видимости явленія и просматриваетъ его законъ. Она полагаетъ, въ противоположность Спеннозѣ, что «неизбѣжность есть достаточное основаніе».

Трудъ, приводимый изо дня въ день въ движеніе совокупнымъ капиталомъ какого-нибудь общества, можно разсматривать какъ одинъ единственный рабочий день. Если, напр., число рабочихъ составляетъ 1 миллионъ, а средній рабочий день одного рабочаго—10 часовъ, то общественный рабочий день состоитъ изъ 10 миллионныхъ часовъ. При данной длинѣ этого рабочаго дня—полагаются ли границы ему физическими или социальными условіями—масса прибавочной цѣнности можетъ увеличиваться только вслѣдствіе увеличенія числа рабочихъ, т. е. рабочаго населенія. Возрастаніе народонаселенія составляетъ здѣсь математическую границу производства прибавочной цѣнности совокупнымъ общественнымъ капиталомъ. Наоборотъ, при данной числѣ населенія, граница эта полагается возможнымъ удлиненіемъ рабочаго дня²⁰⁴⁾. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что законъ этотъ имѣетъ силу лишь по отношенію къ до сихъ поръ разсмотрѣнной формѣ прибавочной цѣнности.

Изъ предыдущаго разсмотрѣнія производства прибавочной цѣнности слѣдуетъ, что вовсе не любая сумма денегъ или цѣнностей можетъ быть превращена въ капиталъ; наоборотъ, для этого превращенія необходимо существованіе опредѣленнаго минимума денегъ или мѣновой цѣнности въ рукахъ отдѣльнаго владѣльца денегъ или товаровъ. Минимумъ переменнаго капитала есть стоимость или соответствующая издержкамъ производства цѣна (Kostenpreis) одной рабочей силы, затрачиваемой изо дня въ день въ теченіе года для добыванія прибавочной цѣнности. Если бы рабочий владѣлъ средствами производства и довольствовался жизнью рабочаго, то ему достаточно было-бы работать въ продолженіе промежутка, необходимого для воспроизведенія его средствъ существованія, скажемъ 8 часовъ въ

²⁰³⁾ Подробнѣе объ этомъ въ «четвертой книгѣ».

²⁰⁴⁾ «Трудъ, т. е. время, употребляемое обществомъ съ производительною цѣлью (that is the economic time of society), представляетъ опредѣленную величину, положимъ 10 часовъ въ день для каждаго изъ миллиона трудящихся, или 10 миллионныхъ часовъ... Капиталъ имѣетъ свой предѣлъ возрастанія. Предѣлъ этотъ можетъ во всякій данный періодъ быть достигнутъ посредствомъ эксплуатаціи всего того времени, которымъ общество располагаетъ для производительныхъ цѣлей» (In the actual extent of economic time employed. «An Essay on the Political Economy of Nations. London, 1821», p. 47, 49).

день. Ему тогда нужны были бы, следовательно, и средства производства лишь для 8 рабочих часов. Капиталистъ же, который кромѣ этихъ 8 часовъ заставляеть рабочаго исполнять, положимъ, еще четыре часа прибавочнаго труда, нуждается въ добавочной денежной суммѣ для пріобрѣтенія добавочныхъ средствъ производства. Но по нашему предположенію онъ долженъ былъ бы уже употреблять 2 рабочихъ, чтобы на ежедневную присваиваемую прибавочную цѣнность жить какъ рабочій, т. е. имѣть возможность удовлетворять свои необходимыя потребности. Въ этомъ случаѣ цѣлью его производства было бы простое поддержаніе жизни, а не увеличеніе богатства; между тѣмъ эта послѣдняя цѣль предполагается при капиталистическомъ производствѣ. Для того, чтобы жить только вдвое лучше обыкновеннаго рабочаго и превращать половину произведенной прибавочной цѣнности снова въ капиталъ, онъ долженъ былъ бы вмѣстѣ съ числомъ рабочихъ увеличить въ 8 разъ минимумъ авансированнаго капитала. Конечно, онъ можетъ такъ же, какъ и его рабочій, непосредственно трудомъ своихъ рукъ участвовать въ процессѣ производства, но тогда онъ представляетъ собой лишь нѣчто среднее между капиталистомъ и рабочимъ—«мелкаго хозяина». На извѣстной ступени развитія капиталистическаго производства необходимо, чтобы капиталистъ все то время, въ продолженіе котораго онъ функционируетъ какъ капиталистъ, т. е. какъ олицетворенный капиталъ, могъ употреблять для присвоенія чужого труда и контроля за нимъ и для продажи продуктовъ этого труда²⁰⁾. Средневѣковой цеховой строй стремился, ограничивая незначительнымъ максимумомъ число рабочихъ, которыхъ дозволялось занимать одному хозяину, насильственно воспрепятствовать превращенію мастера-ремесленника въ капиталиста. Владелецъ денегъ или товара только тогда превращается въ капиталиста, когда минимальная сумма, авансированная на производство, значительно выше средневѣковаго максимумъ. Здѣсь, какъ и въ естественныхъ наукахъ, подтверждается правильность закона, открытаго Гегелемъ

²⁰⁾ «Фермеръ не можетъ рассчитывать на свой собственный трудъ: если же онъ это дѣлаетъ, то я утверждаю, что онъ при этомъ теряетъ. Его занятіе должно заключаться въ наблюденіи за всѣми работами. Онъ долженъ наблюдать за своимъ молотильщикомъ, или плата послѣднему будетъ даромъ потеряна, а хлѣбъ не будетъ молотиться; онъ долженъ наблюдать за своими косарями, жнецами и т. д.; онъ всегда долженъ обходить кругомъ своихъ загородовъ; онъ постоянно долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы нигдѣ не было никакихъ упущеній, что неизбежно будетъ происходить, если онъ своимъ трудомъ будетъ прикованъ къ одному какому нибудь мѣсту». *An Enquiry into the Connection between the Price of Provisions, and the size of Farms etc. By a Farmer. London 1773*, p. 12. Сочиненіе это очень интересно. По нему можно научить генезису «фермера-капиталиста» или «фермера-купца» («capitalist-farmer» и «merchant farmer»), по usualному народному выраженію, и послушать его самовозвеличеніе насчетъ «мелкаго фермера» («small farmer»), для котораго дѣло идетъ лишь о поддержаніи своего существованія. «Классъ капиталистовъ сначала лишь отчасти, а затѣмъ и совершенно освобождается отъ необходимости ручнаго труда» (*Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations. By the Rev. Richard Jones. Hertford 1852. Lecture III*, p. 39).

въ его «Догмѣ» и гласящаго, что простыя количественныя измѣненія на низѣйшей ступени переходятъ въ качественныя различія ^{208a)}.

Мінімумъ той суммы цѣнностей, которою каждый отдѣльный владѣлецъ денегъ или товаровъ долженъ располагать для того, чтобы выкупиться въ качествѣ капиталиста, измѣняется на различныхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго производства и, на данной ступени, различается въ различныхъ отрасляхъ производства, въ зависимости отъ ихъ спеціальныхъ техническихъ условий. Нѣкоторыя отрасли производства уже въ самомъ началѣ капиталистическаго производства требуютъ такого мінімум'а капитала, котораго еще нѣтъ въ это время въ рукахъ отдѣльныхъ личностей. Это вызываетъ, съ одной стороны, государственныя субсидіи такимъ частнымъ лицамъ, какъ это было напр., во Франціи во времена Кольбера и какъ это практиковалось въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ вплоть до нашего времени, съ другой стороны, приводитъ къ образованію обществъ съ установленной закономъ монополіей по отношенію къ извѣстнымъ отраслямъ промышленности (и торговли ^{208b)}); эти общества суть предтечи современныхъ акціонерныхъ компаній.

Мы не останавливаемся на частностяхъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ отношеніи между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ въ теченіе процесса производства. Только нѣкоторые главнѣйшіе пункты необходимо здѣсь подчеркнуть.

Въ процессѣ производства капиталъ сталъ командовать надъ трудомъ, т. е. надъ дѣйствующей рабочей силой или надъ самимъ рабочимъ. Олицетворенный капиталъ, капиталистъ, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы рабочій исполнялъ свое дѣло старательно и съ должной степенью интенсивности.

Далѣе капиталъ развился въ принудительное отношеніе, заставляющее рабочій классъ производить больше труда, чѣмъ этого требуетъ тѣсный кругъ его собственныхъ жизненныхъ потребностей. Какъ производитель чужого труда, какъ насосъ, высасывающій прибавочный трудъ и эксплуатирующій рабочую силу, капиталъ превосходитъ по энергіи, безграничной силѣ и дѣй-

^{208a)} Молекулярная теорія современной химіи, научно развитая впервые Дораномъ и Жераромъ, основывается именно на этомъ законѣ! [Прибавленіе къ 3-му изданію]. — Мы считаемъ нужнымъ замѣтить для объясненія этого довольно темнаго приращенія читателямъ, незнакомымъ съ химіей, что авторъ говоритъ здѣсь объ углеводородистыхъ соединеніяхъ, сначала названныхъ въ 1843 г. Жераромъ «гомологическими рядами», изъ которыхъ каждый выѣтъ алгебраическую формулу, напр. рядъ параффинов — $C_n H_{2n+2}$; рядъ нормальныхъ алкоголей — $C_n H_{2n+2} O$; нормальныхъ жирныхъ кислотъ — $C_n H_{2n} O_2$, и т. д. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ посредствомъ простого количественнаго прибавленія CH_2 къ молекулярной формулѣ каждый разъ образуется качественно различное тѣло. О преувеличенномъ Марксомъ участіи Дорана и Жерара въ установленіи этого важнаго факта ср. Корр. «Entwicklung der Chemie, München, 1873», s. 709 и 716, и Schorlemmer «Rise and Progress of Organic Chemistry, London 1879», p. 54.—(Ф. Э.).

^{208b)} Martin Luther называетъ подобныя учрежденія «монопольными обществами» («Die Gesellschaft Monopollia»).

ствію всё прежнія системы производства, покоющіяся на непосредственном принужденіи въ труду.

Капиталъ подчиняетъ себѣ сначала трудъ при тѣхъ техническихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ его находитъ въ данный историческій періодъ. Онъ не измѣняетъ, поэтому, непосредственно способа производства. Производство прибавочной цѣнности въ той формѣ, въ которой мы его до сихъ поръ разсматривали, т.-е. посредствомъ простаго удлиненія рабочаго дня, являлось такимъ образомъ независимымъ отъ какой либо перемѣны въ самомъ способѣ производства. Оно было не менѣе дѣйствительно въ старомодной булочной, чѣмъ въ современной бумагопрядильной фабриктѣ.

Если мы разсматриваемъ процессъ производства съ точки зрѣнія процесса труда, то рабочій относится къ средствамъ производства не какъ къ капиталу, но какъ къ простымъ средствамъ и матеріаламъ его цѣлесообразной производительной дѣятельности. На кожевенномъ заводѣ, напр., онъ обращается со шкурами, какъ съ простыми объектами труда. Онъ мнетъ кожу не для капиталиста. Совсѣмъ не то, когда мы разсматриваемъ процессъ производства съ точки зрѣнія процесса образованія прибавочной цѣнности. Средства производства тотчасъ же превращаются въ средства впитыванія чужого труда. Теперь уже не рабочій употребляетъ средства производства, но, напротивъ того, средства производства употребляютъ рабочаго. Вмѣсто того, чтобы быть потребленными въ качествѣ матеріальныхъ элементовъ его производительной дѣятельности, они наоборотъ сами потребляютъ его въ качествѣ фермента ихъ собственнаго жизненнаго процесса; а жизненный процессъ капитала состоитъ только въ его движеніи въ качествѣ постоянно возрастающей цѣнности. Плавильныя печи и фабричныя зданія, которыя почью отдыхаютъ и не впитываютъ живого труда, составляютъ «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому, плавильныя печи и мастерскія своимъ существованіемъ уже означаютъ извѣстное «притязаніе на ночной трудъ» рабочихъ спать. Простое превращеніе денегъ въ матеріальные факторы процесса производства, въ средства производства, превращаетъ послѣднія въ юридическія, принудительно охраняемыя основанія пользоваться чужимъ трудомъ и чужимъ прибавочнымъ трудомъ. Слѣдующій прилѣтъ показываетъ, какъ отражается въ сознаніи капиталистовъ это свойственное капиталистическому производству и характеризующее его извращеніе истиннаго соотношенія между мертвымъ и живымъ трудомъ, между цѣнностью и создающей цѣнность силой. Во время вышеохарактеризованнаго бунта англійскихъ фабрикантовъ 1848—50 гг., директоръ льно-и бумагопрядильной фабрики фирмы Carlile, сыновья и С^о, въ Paisley, одной изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ фирмъ западной Шотландіи, которая съ 1752 г. изъ поколѣнія въ поколѣніе всегда принадлежала одной и той же фамиліи, — этотъ чрезвычайно интеллигентный джентльменъ написалъ въ «Glasgow Daily Mail» отъ 25 апр. 1849 г. письмо ²⁰⁷⁾ подъ заглавіемъ: «Система спѣнья», гдѣ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее невѣроятно наивное мѣсто: «Раз-

²⁰⁷⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 30 th April 1849», p. 59.

смотримъ тѣ бѣдствія, которыя произойдутъ отъ сокращенія рабочаго времени съ 12 до 10 часовъ... Они «сводятся» — къ самому серьезному ущербу для видовъ и собственности фабриканта. Если онъ (т. е. его «руки») раньше работалъ 12 часовъ, теперь же ограниченъ 10 часами, то каждая 12 машинъ или веретенъ его заведенія превращаются въ 10 («then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10»); если бы онъ пожелалъ продать свою фабрику, то они оцѣнивались бы только за 10, такъ что каждая фабрика во всей странѣ потеряла бы $\frac{1}{6}$ своей цѣнности²⁰⁸⁾.

Эта западно-шотландская голова съ унаслѣдованными капиталистическими мозгами до такой степени смѣшиваетъ цѣнность средствъ производства, веретенъ и т. д. съ ихъ капиталистическимъ свойствомъ самовозрастать, или поглощать ежедневно опредѣленное количество чужого дарового труда, что глава дома Carlile и Co воображаетъ въ самомъ дѣлѣ, будто при продажѣ его фабрики ему оплатятъ не только цѣнность веретенъ, но еще сверхъ того и ихъ самовозрастаніе, не только трудъ, содержащійся въ нихъ и необходимый для производства этого рода веретенъ, но и прибавочный трудъ, извлекаемый изъ храбрыхъ западныхъ шотландцевъ Paisley онъ ему ежедневно помогаютъ. Именно поэтому, думаетъ онъ, съ сокращеніемъ рабочаго дня на 2 часа продажная цѣна каждой 12 машинъ падаетъ до цѣны 10 машинъ!

²⁰⁸⁾ I. с. р. 60. Фабричный инспекторъ Stuart, самъ шотландецъ и, въ противоположность англійскимъ фабричнымъ инспекторамъ, раздѣляющій совершенно образъ мыслей капиталистовъ, заявляетъ категорически, что это письмо, которое онъ включилъ въ свой отчетъ, «представляетъ самое полезное сообщеніе, когда либо сдѣланное фабрикантами, употребляющими систему смѣны; оно главнымъ образомъ рассчитано на то, чтобы устранить предубѣжденія и сомнѣнія, существующія относительно этой системы».

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Производство относительной прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Понятіе относительной прибавочной цѣнности.

Ту часть рабочаго дня, которая производитъ только эквивалентъ оплачиваемой капиталомъ цѣнности рабочей силы, мы до сихъ поръ разсматривали какъ постоянную величину, каковой она на самомъ дѣлѣ и является при данныхъ условіяхъ производства, на опредѣленной ступени экономическаго развитія общества. Но сверхъ этого необходимаго рабочаго времени рабочій могъ работать еще 2, 3, 4, 6 и т. д. часовъ. Отъ величины этого удлиненія рабочаго времени зависѣлъ уровень прибавочной цѣнности и длина рабочаго дня. Если необходимое рабочее время было величиной постоянной, то весь рабочій день представлялъ, наоборотъ, величину переменную. Представимъ себѣ теперь рабочій день, величина котораго в раздѣленіе на необходимый трудъ и прибавочный трудъ даны. Линія ac , a _____ b _____ c , представляетъ, напр., двѣнадцатичасовой рабочій день, часть ab представляетъ 10 ч. необходимаго труда, часть bc —2 часа прибавочнаго труда. Спрашивается, какъ производство прибавочной стоимости можетъ быть увеличено, т. е. какъ можетъ быть удлиненъ прибавочный трудъ, безъ всякаго дальнѣйшаго удлиненія линіи ac или независимо отъ всякаго дальнѣйшаго удлиненія ея?

Несмотря на данныя границы линіи ac , часть bc , очевидно, можетъ быть удлинена, если не чрезъ удлиненіе за ея конечный пунктъ c , который есть выѣстъ съ тѣмъ конечный пунктъ и рабочаго дня ac , то чрезъ перемѣщеніе ея начального пункта b въ противоположномъ направленіи, ближе къ точкѣ a . Предположимъ, что часть $b'a$ _____ b _____ a _____ b' _____ b _____ c равна половинѣ bc , или представляетъ собою одну рабочую часть. Если теперь въ двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ ac точку b перемѣстить въ b' , то часть bc удлинится въ $b'c$, т. е. прибавочный трудъ возрастетъ на половину, съ двухъ часовъ до трехъ, хотя рабочій день по-прежнему будетъ составлять только 12 ч. Но такое удлиненіе прибавочнаго труда съ bc до $b'c$, съ 2 до 3 часовъ, оче-

виду, невозможно безъ одновременнаго сокращенія необходимаго труда съ ab , на $a'b'$, съ 10 до 9 ч. Удлиненію прибавочнаго труда соответствуетъ сокращеніе необходимаго труда, или часть рабочаго времени, которую до сихъ поръ рабочій фактически употреблялъ для себя, превращается теперь въ рабочее время для капиталиста. Измѣнилась, слѣдовательно, не длина рабочаго дня, а его раздѣленіе на необходимый и прибавочный трудъ.

Съ другой стороны, величина прибавочнаго труда, очевидно, дана сама собою, разъ даны величина рабочаго дня и цѣнность рабочей силы. Цѣнность рабочей силы, т. е. необходимое для ея производства рабочее время, опредѣляетъ рабочее время, необходимое для воспроизведенія ея цѣнности. Если рабочій часть выражается въ количествѣ золота, равномъ $\frac{1}{2}$ шиллинга или 6 пенсамъ; и если дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 5 шилл., то рабочій долженъ ежедневно работать по 10 ч., чтобы возмѣстить выплаченную ему капиталистомъ дневную цѣнность его рабочей силы или чтобы произвести эквивалентъ цѣнности его ежедневныхъ необходимыхъ средствъ существованія. Если дана цѣнность этихъ средствъ существованія, то дана и цѣнность его рабочей силы ¹⁾; а если дана цѣнность его рабочей силы, то дана и величина его необходимаго рабочаго времени. Величина же прибавочнаго труда получается вычитаніемъ необходимаго рабочаго времени изъ совокупнаго рабочаго дня. По вычитаніи десяти часовъ изъ двѣнадцати остаются два часа, и нельзя постигнуть, какимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ, прибавочный трудъ можетъ быть увеличенъ сверхъ этихъ двухъ часовъ. Положимъ, капиталистъ можетъ, вмѣсто 5 шилл. давать рабочему только $4\frac{1}{2}$ или еще меньше; тогда для воспроизведенія этой цѣнности въ $4\frac{1}{2}$ шилл. достаточно будетъ 9 рабочихъ часовъ, и слѣдовательно, изъ двѣнадцатичасоваго рабочаго дня на долю прибавочнаго труда придется вмѣсто двухъ три часа, а сама прибавочная цѣнность поднимется съ 1 шилл. до $1\frac{1}{2}$. Этотъ результатъ былъ бы однако достигнутъ посредствомъ пониженія заработной платы, идущаго ниже цѣнности рабочей силы. На $4\frac{1}{2}$ шилл., которые рабочій производитъ въ 9 часовъ, онъ можетъ приобрести средствъ существованія на $\frac{1}{10}$ меньше, чѣмъ прежде, и, такимъ образомъ, воспроизведеніе его рабочей силы будетъ совер-

¹⁾ Цѣнность средней дневной платы опредѣляется тѣмъ, что рабочій употребляетъ «для того, чтобы жить, работать и размножаться». (William Petty: «Political Anatomy of Ireland» 1672, p. 64). «Цѣна труда всегда опредѣляется цѣной необходимыхъ средствъ существованія. Рабочій не получаетъ должнаго, «если рабочая плата не позволяетъ ему поддерживать, соответственно его низкому званію и положенію, такое семейство, какое обыкновенно выпадаетъ на долю многихъ изъ нихъ». (L. Vanderlint, l. c. p. 15). «Простой рабочій, который имѣетъ только свои руки и свой промыселъ, не имѣетъ ровно ничего, если ему не удастся продать своего труда... Во всѣхъ родахъ труда заработная плата должна, поэтому, ограничиваться и дѣйствительно ограничивается тѣмъ, что необходимо рабочему для поддержания существованія». (Turgot: «Réflexions» etc. Oeuvres éd. Daire, t. I, p. 10). «Къ цѣнѣ необходимыхъ средствъ существованія и сводится въ дѣйствительности стоимость (the cost) производительнаго труда». (Malthus: «Inquiry into etc. Rent». Lond. 1815, p. 48 Note).

наться ненормально. Прибавочный труд здесь удлинится только благодаря нарушенію его нормальныхъ границъ; область его расширяется лишь благодаря узурпаторскому вторженію въ область необходимаго труда. Несмотря на важную роль, которую этотъ методъ играетъ въ дѣйствительномъ движеніи рабочей платы, здесь онъ устрояется нашимъ предположеніемъ, что товары, а, слѣдовательно, и рабочая сила, покупаются и продаются по ихъ полной цѣности. Разъ мы сдѣлали такое предположеніе, то рабочее время, необходимое для производства рабочей силы или для воспроизведенія ея цѣности, можетъ сокращаться уже не вслѣдствіе сокращенія заработной платы ниже цѣности рабочей силы, а лишь вслѣдствіе пониженія самой этой цѣности. При данной длинѣ рабочаго дня удлиненіе прибавочнаго труда должно происходить отъ сокращенія необходимаго рабочаго времени, а не наоборотъ — сокращеніе необходимаго рабочаго времени отъ увеличенія прибавочнаго труда. Въ нашемъ примѣрѣ цѣность рабочей силы должна дѣйствительно понизиться на $\frac{1}{10}$ для того, чтобы необходимое рабочее время тоже сократилось на $\frac{1}{10}$, т. е. съ 10 до 9 ч., и этимъ прибавочный трудъ удлинится бы съ 2 часовъ до 3.

Но такое пониженіе цѣности рабочей силы на $\frac{1}{10}$ требуетъ съ своей стороны, чтобы то же количество средствъ существованія, которое раньше производилось въ 10 ч., производилось теперь въ 9 ч. Это, однако, невозможно безъ увеличенія производительной силы труда. При данныхъ средствахъ производства сапожникъ, напр., можетъ дѣлать пару сапогъ въ одинъ двѣнадцатичасовой рабочей день. Для того, чтобы онъ могъ за это самое время сшить двѣ пары, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не можетъ удвоиться безъ измѣненія въ орудіяхъ его труда, или въ способѣ труда, или въ томъ и другомъ выстѣ. Долженъ, слѣдовательно, наступить переворотъ въ условіяхъ его труда, т. е. въ способѣ его производства, а, слѣдовательно, и въ самомъ процессѣ его труда. Подъ увеличеніемъ производительной силы труда мы здесь подразумеваемъ вообще такое измѣненіе въ процессѣ труда, благодаря которому общественно-необходимое для производства какого-либо товара время сокращается, а, слѣдовательно, меньшее количество труда приобретаетъ силу производить большее количество потребительной цѣности ²⁾. Поэтому, если при производствѣ прибавочной цѣности въ той формѣ, въ которой мы его разсматривали до сихъ поръ, способъ производства предполагался даннымъ, то, наоборотъ, для производства прибавочной цѣности посредствомъ превращенія необходимаго труда въ прибавочный ни въ какомъ случаѣ недостаточно того, чтобы капиталъ завладѣлъ процессомъ труда въ его унаслѣдованной отъ прошлаго или исторически данной формѣ и удлинилъ бы только его продолжительность. Капиталъ долженъ революціонизировать техническія и общественныя условія процесса труда, а, слѣдовательно, и самый способъ производства для того, чтобы поднять производи-

²⁾ «Улучшеніе производства означаетъ лишь открытіе новыхъ средствъ, посредствомъ которыхъ продуктъ можетъ быть произведенъ съ меньшимъ количествомъ людей, или (что то же самое) въ болѣе короткое время, чѣмъ прежде». Galiani l с. р. 159. «Экономія въ поддержкѣхъ производства есть не что иное, какъ экономія въ количествахъ труда, употребляемыхъ для производства». (Simond: «Études etc». т. I, р. 22).

тельную силу труда, посредствомъ подъема производительной силы труда понизить цѣнность рабочей силы и, такимъ образомъ, сократить необходимую для воспроизведенія этой цѣнности часть рабочаго дня. ⁴⁾

Прибавочную цѣнность, производимую посредствомъ удлиненія рабочаго дня, я называю абсолютной прибавочной цѣнностью; наоборотъ, прибавочную цѣнность, происходящую отъ сокращенія необходимаго рабочаго времени и соответственнаго измѣненія въ отношеніи величинъ обѣихъ составныхъ частей рабочаго дня — относительной прибавочной цѣнностью.

Для того, чтобы понизить цѣнность рабочей силы, повышеніе производительной силы труда должно охватить такія отрасли промышленности, продукты которыхъ опредѣляютъ цѣнность рабочей силы, т. е. или принадлежать къ кругу обычно употребляемыхъ средствъ существованія, или могутъ ихъ замѣнить. Цѣнность какого-либо товара опредѣляется, однако, не только количествомъ того труда, который придавъ ему послѣднюю его форму, но также и той массой труда, которая содержится въ средствахъ производства этого товара. Напр., цѣнность пары сапогъ опредѣляется не только трудомъ сапожника, но и цѣнностью кожи, смолы, дратвы и т. п. Поэтому, увеличеніе производительной силы и соответствующее удешевленіе товаровъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя доставляютъ вещественные элементы постоянного капитала, — орудія труда и сырье, — для производства необходимыхъ средствъ существованія, также понижаетъ цѣнность рабочей силы. Наоборотъ, повышеніе производительной силы труда въ отрасляхъ производства, которыя не доставляютъ ни необходимыхъ средствъ существованія, ни средствъ производства для ихъ приготовленія, не отражается на цѣнности рабочей силы.

Удешевленный товаръ понижаетъ цѣнность рабочей силы, разумѣется, лишь *pro tanto*, т. е. лишь въ той мѣрѣ, въ которой онъ участвуетъ въ воспроизведеніи рабочей силы. Рубашки, напр., суть необходимое средство существованія, но только одно изъ многихъ. Ихъ удешевленіе уменьшитъ только расходъ рабочаго на рубашки. Общая же сумма необходимыхъ средствъ существованія состоитъ только изъ различныхъ товаровъ, представляющихъ разные продукты особыхъ отраслей производства, и цѣнность каждаго такого товара образуетъ всегда лишь дробную часть цѣнности рабочей силы. Эта цѣнность уменьшается съ уменьшеніемъ необходимаго для нея воспроизведенія рабочаго времени, общее сокращеніе котораго равно суммѣ его сокращеній во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Мы здѣсь разсматриваемъ этотъ общій результатъ, какъ будто бы онъ былъ непосредственнымъ результатомъ и непосредственной цѣлью въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Когда одинъ какой-нибудь капиталистъ посредствомъ возвышенія производительной силы труда удешевляетъ, напр., рубашки, то при этомъ ему вовсе не непременно предносится въ качествѣ цѣли — пониженіе цѣнности рабочей силы, а, слѣдовательно, и необходимаго рабочаго времени; и лишь поскольку онъ, въ концѣ концовъ, все-таки содѣйствуетъ этой цѣли, онъ участвуетъ въ повышеніи общаго уровня прибавочной цѣнности ⁵⁾.

⁵⁾ «Когда фабрикантъ, посредствомъ усовершенствованія въ машинахъ, удваиваетъ свой продуктъ... онъ выигрываетъ (въ концѣ концовъ) лишь постольку, по-

4) Въ этомъ случаѣ и въ другихъ случаяхъ, когда капиталъ не увеличиваетъ, а уменьшаетъ количество труда, необходимого для производства, то цѣнность рабочей силы понижается, и цѣнность прибавочной цѣнности повышается. Но это не есть причина, по которой цѣнность прибавочной цѣнности повышается. Причина заключается въ томъ, что цѣнность прибавочной цѣнности повышается, когда цѣнность рабочей силы понижается, и наоборотъ.

Слѣдуетъ отличать общія и необходимыя тенденціи капитала отъ ихъ формъ проявленія.

Исслѣдованіе способовъ, какими внутренніе, имманентные законы капиталистическаго производства проявляются во вѣншемъ движеніи капитала, даютъ знать о себѣ людямъ въ качествѣ принудительныхъ законовъ конкуренціи и доходятъ, поэтому, до сознанія отдѣльнаго капиталиста въ видѣ движущихъ мотивовъ, — исслѣдованіе всего этого не составляетъ здѣсь нашей задачи. Само собой ясно, что научный анализъ конкуренціи возможенъ лишь тогда, когда понята внутренняя природа капитала, точно такъ же, какъ видимое движеніе небесныхъ тѣлъ понятно только тому, кто знаетъ дѣйствительное, непосредственно не усматриваемое ихъ движеніе. Однако, для пониманія производства относительной прибавочной цѣнности и лишь на основаніи добытыхъ уже результатовъ, слѣдуетъ здѣсь же замѣтить слѣдующее.

Если одинъ рабочій часъ выражается въ количествѣ золота, равномъ $\frac{1}{2}$ шилл. или 6 пенса, то двѣнадцатичасовой день производить цѣнность въ 6 шилл. Предположимъ, что при данной производительной силѣ труда въ эти 12 час. готовятся 12 штукъ какого-либо товара. Цѣнность употребленныхъ для каждой штуки средствъ производства, — сырыхъ матеріаловъ и т. п., — пусть равняется $\frac{1}{2}$ шилл., при этихъ условіяхъ одна штука стоитъ 1 шилл., а именно: $\frac{1}{2}$ шилл. представляетъ цѣнность средствъ производства, а $\frac{1}{2}$ шилл. — вновь созданную при ихъ помощи цѣнность. Теперь представимъ себѣ, что какому-нибудь капиталисту удалось удвоить производительность труда, такъ что онъ въ двѣнадцатичасовой рабочій день производитъ теперь вмѣсто 12—24 штуки этого самаго товара. При одинаковой цѣнности средствъ производства цѣнность отдѣльной штуки товара теперь понизится до 9 пенсовъ, а именно 6 пенс. на возмѣщеніе цѣнности средствъ производства и 3 пенс. на вновь прибавленную посредствомъ послѣдней работы цѣнность. Несмотря на удвоенную производительность труда, рабочій день по-прежнему создаетъ новую цѣнность только въ 6 шилл., которая, однако, теперь выражается въ двойномъ количествѣ продуктовъ. На каждую отдѣльную штуку приходится, поэтому, только $\frac{1}{24}$, вмѣсто $\frac{1}{12}$ этой общей цѣнности, т. е. 3 п. вмѣсто 6 п., или, что одно и то же, къ средствамъ производства каждой отдѣльной штуки, при превращеніи ихъ въ продуктъ, прибавляется теперь половина рабочаго часа, вмѣсто прежняго цѣлаго часа. Индивидуальная цѣнность этого товара, слѣдовательно, ниже его общественной цѣнности, т. е. товаръ этотъ стоитъ меньше рабочаго времени, чѣмъ огромная масса того же самаго товара, произведеннаго при среднихъ общественныхъ условіяхъ. Штука этого товара въ среднемъ стоитъ 1 шилл., или представляетъ 2 часа общественнаго труда; при неизмѣнномъ же способѣ производства она стоитъ только 9 пенсовъ, или содержитъ лишь $1\frac{1}{2}$ рабочихъ часа. Но дѣйствительная цѣнность какого-либо товара есть не индивидуальная его цѣнность, а общественная, т. е. она измѣряется не тѣмъ

сколько ему вслѣдствіе этого удастся дешеветь одѣвать работника... и такимъ образомъ поддерживать на рабочаго меньшую, чѣмъ прежде, часть общаго вѣдоваго дохода». (Ramsay, l. c. p. 168).

рабочимъ временемъ, которое товаръ въ отдѣльных случаяхъ фактически стоитъ производителю, а общественно необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ. Поэтому, если капиталистъ, примѣнившій новый способъ, продаетъ свои товары по общественной цѣнности въ 1 шилл., то онъ ихъ продаетъ на 3 п. выше ихъ индивидуальной цѣнности и реализуетъ, такимъ образомъ, излишнюю прибавочную цѣнность въ 3 п. Съ другой стороны, двѣнадцатичасовой рабочій день теперь для него выражается въ 24 штукахъ товара, вмѣсто прежнихъ 12. Для того, слѣдовательно, чтобы продать продуктъ одного рабочаго дня ему нуженъ теперь двойной сбытъ или вдвое большій рынокъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ его товары завоевуютъ большій рынокъ только посредствомъ пониженія ихъ цѣны. Онъ, поэтому, будетъ ихъ продавать выше ихъ индивидуальной цѣнности, но ниже общественной, положимъ по 10 п. за штуку. Такимъ образомъ, на каждой штукѣ онъ зарабатываетъ лишней прибавочной цѣнности на 1 п. Это увеличеніе прибавочной цѣнности будетъ для него мѣсто мѣсто во всякомъ случаѣ, принадлежать ли или не принадлежать его товары къ необходимымъ средствамъ существованія, т. е. участвуютъ ли они или не участвуютъ, какъ опредѣляющій факторъ, въ общей цѣнности рабочей силы. Стало бытъ и независимо отъ этого послѣдняго обстоятельства, у каждаго отдѣльнаго капиталиста существуетъ мотивъ для удешевленія товаровъ посредствомъ повышенія производительной силы труда.

Впрочемъ, даже и въ этомъ случаѣ увеличенное производство прибавочной цѣнности вытекаетъ изъ сокращенія необходимаго рабочаго времени и соответствующаго удлиненія прибавочнаго труда ²⁴⁾. Положимъ, необходимое рабочее время составляетъ 10 часовъ, или дневная цѣнность рабочей силы есть 5 шилл.; прибавочный трудъ составляетъ 2 ч., а ежедневно производимая прибавочная цѣнность—1 шилл. Но нашъ капиталистъ производитъ теперь 24 штуки, которыя онъ продаетъ по 10 пенс. за штуку, или всѣ выѣстъ за 20 шилл. Такъ какъ цѣнность средствъ производства равняется 12 шилл., то $14\frac{2}{3}$ штуки товара возмѣщаютъ лишь авансированный постоянный капиталъ. Двѣнадцатичасовой рабочій день выражается въ остальныхъ $9\frac{3}{4}$ штукахъ. Такъ какъ цѣна рабочей силы = 5 шилл., то въ 6 штукахъ выражается необходимое рабочее время, а въ $3\frac{3}{4}$ штукахъ—прибавочный трудъ. Отношеніе между необходимымъ трудомъ и прибавочнымъ, которое прежде = 5 : 1, теперь составляетъ только 5 : 3. Тотъ же самый результатъ получается и слѣдующимъ образомъ: цѣнность продукта двѣнадцатичасоваго рабочаго дня равняется 20 шилл. Изъ нихъ 12 шилл. приходятся на цѣнность средствъ производства, которая лишь вновь появляется въ цѣнности продукта. Остаются, слѣдовательно, 8 шилл.,

²⁴⁾ «Прибыль, получаемая человекомъ, зависитъ не отъ того, что онъ можетъ распоряжаться продуктомъ чужого труда, а отъ того, что онъ можетъ распоряжаться самимъ этимъ трудомъ. Если онъ можетъ продавать свои товары по болѣе высокой цѣнѣ въ то время, какъ плата его рабочимъ остается безъ измѣненія, то онъ, очевидно, въ выигрышѣ... Меньшая часть того, что онъ производитъ теперь, недостаточна—для поддержанія хода производства, а, слѣдовательно, большая часть идетъ въ его собственную пользу». («Outlines of Polit. Econ. London 1832», p. 49, 50).

въ качествѣ денежнаго выраженія цѣнности, въ которой воплотился рабочій день. Это денежное выраженіе выше денежнаго выраженія средняго общественнаго труда, 12 часовъ котораго выражаются лишь въ 6 шилл. Трудъ исключительный по своей производительной силѣ дѣйствуетъ какъ умноженный (потенцированный) трудъ, или въ одинаковые промежутки времени создаетъ болѣешую цѣнность, чѣмъ однородный съ нимъ средній общественный трудъ. Но нашъ капиталистъ по прежнему платитъ только 5 шилл. за дневную цѣнность рабочей силы. Рабочему для воспроизведенія этой цѣнности требуется теперь, слѣдовательно, только $7\frac{1}{2}$ часа вмѣсто прежнихъ 10 ч. Его прибавочный трудъ возрастаетъ, поэтому, на $2\frac{1}{2}$ часа, а производимая имъ прибавочная цѣнность — съ 1 шилл. на 3 шилл. Капиталистъ, примѣняющій улучшенный способъ производства, присвоиваетъ себѣ, слѣдовательно, большую часть рабочаго дня въ видѣ прибавочнаго труда, чѣмъ другіе капиталисты въ этой самой отрасли. Онъ дѣлаетъ въ этомъ частномъ случаѣ то, что капиталъ при производствѣ относительной прибавочной цѣнности дѣлаетъ вообще. За то, съ другой стороны, всякая извѣстная прибавочная цѣнность исчезаетъ, какъ только новый способъ производства становится всеобщимъ и вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ разница между индивидуальной цѣнностью дешевле производимыхъ товаровъ и ихъ общественной цѣнностью. Тотъ же самый законъ опредѣленія цѣнности рабочимъ временемъ, который капиталисту, примѣняющему новый способъ производства, даетъ себѣ знать въ формѣ необходимости продавать товары ниже ихъ общественной цѣнности, въ качествѣ принудительнаго закона конкуренціи заставляетъ его соперниковъ ввозить и у себя этотъ улучшенный способъ производства ⁴⁾. Общій уровень прибавочной цѣнности затрагивается, слѣдовательно, всѣмъ этимъ процессомъ лишь тогда, когда повышение производительной силы труда захватываетъ такіе отрасли труда и удешевляетъ такіе товары, которые входятъ въ кругъ необходимыхъ средствъ существованія, т. е. составляютъ элементы цѣнности рабочей силы.

Цѣнность товаровъ обратно пропорціональна производительной силѣ труда. Въ такомъ же отношеніи къ ней находится и цѣнность рабочей силы, такъ какъ эта цѣнность опредѣляется цѣнностью товаровъ. Напротивъ того, относительная прибавочная цѣнность прямо пропорціональна производительной силѣ труда. Она повышается съ увеличеніемъ и падаетъ съ уменьшеніемъ производительной силы труда. Средній общественный рабочій день въ 12 ч., при неизмѣнной цѣнности денегъ, производитъ постоянно тотъ же продуктъ въ 6 шилл., какъ бы ни распределялась эта сумма цѣнности между эквивалентомъ

⁴⁾ «Если мой сосѣдъ, производя болѣе съ меньшимъ количествомъ труда, можетъ продавать дешево, то я долженъ стараться продавать такъ же дешево, какъ и онъ. Такимъ образомъ, всякій новый приемъ, инструментъ или машина, исполняющіе извѣстное дѣло съ меньшимъ количествомъ рукъ, порождаютъ въ другихъ соревнованіе и вынуждаютъ ихъ, въ нѣкоторомъ роцѣ, или употребить тотъ же самый приемъ, инструментъ или машину, или изобрѣсти что-нибудь, равносильное имъ, для того, чтобы все производители находились въ одинаковыхъ условіяхъ, и чтобы никто не могъ продавать дешевле своего сосѣда». («The Advantages of the Eastindia Trade to England. Lond. 1720», p. 67).

цѣнности рабочей силы и прибавочной цѣнностью. Но если, вслѣдствіе повышенія производительной силы труда, цѣнность дневныхъ средствъ существованія падаетъ, и дневная цѣнность рабочей силы понижается, съ 5 шилл. до 3 шилл., то прибавочная цѣнность возрастаетъ съ 1 шилл. до 3 шилл. Для воспроизведенія цѣнности рабочей силы раньше нужны были 10 рабочихъ часовъ, а теперь только 6 ч.; 4 рабочихъ часа стали свободными и могутъ быть присоединены къ области прибавочнаго труда. Поэтому, имманентное, необходимо присущее капиталу, стремленіе и его постоянная тенденція состоятъ въ томъ, чтобы подымать производительную силу труда, дабы этимъ удешевлять товары, а чрезъ удешевленіе товаровъ—удешевлять и самаго рабочаго ⁶⁾.

Абсолютная цѣнность товара сама по себѣ совершенно безразлична для производящаго его капиталиста. Его интересуетъ только заключающаяся въ ней прибавочная цѣнность, которая можетъ быть реализована въ продажѣ; реализація прибавочной цѣнности объемлетъ собой и возмѣщеніе авансированной цѣнности. Но такъ какъ относительная прибавочная цѣнность возрастаетъ прямо пропорціонально развитію производительной силы труда, между тѣмъ какъ цѣнность товаровъ измѣняется обратно пропорціонально этому же самому развитію, т. е. падаетъ вмѣстѣ съ нимъ и такъ какъ, поэтому, одинъ и тотъ же процессъ удешевляетъ товары и увеличиваетъ содержащуюся въ нихъ прибавочную цѣнность,—то это обстоятельство разрѣшаетъ загадку, заключающуюся въ томъ, что капиталистъ, котораго интересуетъ только производство мѣновой цѣнности, постоянно въ то же время стремится къ пониженію мѣновой цѣнности товаровъ,—противорѣчіе, которымъ одинъ изъ основателей политической экономіи, Quesnay, мучилъ своихъ противниковъ, и на которое они такъ и не отвѣтили ему. «Вы согласны, говоритъ Quesnay, что чѣмъ болѣе можно, безъ ущерба для производства, сѣкономить на издержкахъ или избѣжать дорого стоящей работы при фабрикаціи промышленныхъ продуктовъ, тѣмъ такая экономія выгоднѣе, такъ какъ она уменьшаетъ цѣну продукта. И несмотря на это вы думаете, что производство богатства, которое происходитъ отъ работъ промышленниковъ, состоятъ въ увеличеніи мѣновой цѣнности ихъ произведеній ⁶⁾».

⁶⁾ «Въ какой мѣрѣ уменьшаются расходы рабочаго, въ такой же точно мѣрѣ будетъ уменьшаться и получаемая имъ заработная плата, если промышленность въ это время будетъ свободна отъ всякихъ стѣсненій. (*Considerations concerning taking off the Bounty on Corn exported etc. Lond. 1752*), р. 7). «Интересы промышленности требуютъ, чтобы хлѣбъ и другіе всѣ припасы были, по возможности, дешевле; ибо все, что дѣлаетъ ихъ дорогими, непременно дѣлаетъ также дорогими и трудъ... Во всѣхъ странахъ, гдѣ промышленность не подвержена стѣсненіямъ, цѣны живыхъ припасовъ должны взятъ на цѣну труда. Эта послѣдняя всегда будетъ уменьшаться съ удешевленіемъ необходимыхъ средствъ существованія» (I. с. р. 3). «Рабочая плата падаетъ въ той самой мѣрѣ, въ какой возрастаютъ производительныя силы. Машинны, правда, удешевляютъ средства существованія, но онѣ также удешевляютъ трудъ». (*A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation. London 1834*, р. 27).

⁶⁾ «Il s'en convient que plus on peut, sans préjudice, épargner de frais ou de travaux dispendieux dans la fabrication des ouvrages des artisans, plus cette épargne est profitable par la diminution des prix de ces ouvrages. Cependant ils croient que la

Такимъ образомъ, экономія труда посредствомъ развитія его производительной силы ⁷⁾ нисколько не имѣетъ своей цѣлью въ капиталистическомъ производствѣ сокращенія рабочаго дня. Она стремится лишь къ сокращенію рабочаго времени, необходимаго для производства извѣстнаго количества товара. То обстоятельство, что рабочій при повышеніи производительной силы труда производитъ въ одинъ часъ, напр., въ 10 разъ больше товаровъ, слѣдовательно, на каждую штуку товара употребляетъ въ 10 разъ меньше рабочаго времени, чѣмъ прежде, нисколько не мѣшаетъ заставлять его работать по-прежнему 12 часовъ и въ эти 12 ч. производить 1.200 штукъ, вмѣсто прежнихъ 120. Больше того: его рабочій день можетъ даже стать длиннѣе, такъ что теперь въ 14 ч. онъ будетъ производить 1.400 штукъ и т. д. Поэтому, у экономистовъ въ родѣ Макъ-Куллоха, Уге, Сениора и tutti quanti можно на одной страницѣ прочесть, что рабочій долженъ быть благодаренъ капиталу за развитіе производительной силы труда, такъ какъ оно сокращаетъ необходимое рабочее время, а на ближайшей страницѣ—что онъ эту благодарность долженъ доказать на дѣлѣ, работая 15 ч. вмѣсто прежнихъ 10. Въ сферѣ капиталистическаго производства развитіе производительной силы труда имѣетъ цѣлью сокращать ту часть рабочаго дня, которую рабочій долженъ трудиться на себя, чтобы тѣмъ самымъ удлинитъ другую часть рабочаго дня, въ продолженіе котораго онъ можетъ работать даромъ на капиталиста. Насколько этотъ результатъ можетъ быть достигаемъ и безъ удешевленія товаровъ, покажетъ изслѣдованіе нѣкоторыхъ особенныхъ методовъ производства относительной прибавочной цѣнности, къ которымъ мы теперь переходимъ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Кооперация.

Капиталистическое производство, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности начинается только тогда, когда одинъ и тотъ же индивидуальный капиталъ занимается одновременно болѣе или менѣе крупное число рабочихъ; когда, слѣдовательно, процессъ труда расширяетъ свой объемъ и производитъ продуктъ въ количественно значительномъ масштабѣ. Одновременная дѣятельность большого

production de richesse qui résulte des travaux des artisans consiste dans l'augmentation de la valeur vénale de leurs ouvrages» (Quesnay: «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans»: p. 188, 189).

⁷⁾ «Эти спекуляторы, столь экономные по отношенію къ труду рабочихъ, которымъ имъ приходится платить». (J. N. Bidant: «Du Monopole qui s'établit dans les arts industrielles et le commerce. Paris 1828», p. 13). «Предприниматель будетъ всегда стремиться экономизировать время и трудъ». (Dugald Stewart: Works ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, v. III, 1855, «Lectures on Polit. Econ.» p. 318). «Ихъ (капиталистовъ) интересъ заключается въ томъ, чтобы производительныя силы употребляемыхъ ими рабочихъ были на сколько возможно больше. Поэтому, ихъ вниманіе направлено постоянно и почти исключительно на увеличеніе производительной силы труда». (H. Jones, l. c. Lecture III).

числа рабочихъ въ одномъ помещеніи (или, если угодно, на одномъ и томъ же полѣ труда), для производства того же самого товара и подъ командой одного и того же капиталиста и исторически и логически (begrifflich) является исходной точкой капиталистическаго производства. По отношенію къ самому способу производства, мануфактура, напр., въ началѣ отличалась отъ цехового ремесла почти исключительно только большимъ количествомъ рабочихъ, занимаемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же капиталомъ. Она была просто расширенной мастерской цехового мастера.

Итакъ, разница сперва является только количественной. Мы vimos, что масса прибавочной цѣнности, которую производитъ данный капиталъ, равна прибавочной цѣнности, доставляемой отдельнымъ рабочимъ, помноженной на число одновременно занятыхъ рабочихъ. Это число само по себѣ ничего не измѣняетъ въ уровнѣ прибавочной цѣнности или въ степени эксплуатаціи рабочей силы, а по отношенію къ производству товарной цѣнности вообще всякія качественныя измѣненія въ процессѣ труда, повидимому, совершенно безразличны. Это вытекаетъ изъ природы цѣнности. Если одинъ двѣнадцатичасовой рабочий день овеществляется въ 6 шиллинговъ, то 1.200 такихъ рабочихъ дней овеществятся въ 6 шилл. $\times$ 1.200. Въ одномъ случаѣ въ продуктъ воплотилось 12×1.000 рабочихъ часовъ, въ другомъ—только 12. При производствѣ цѣнностей множество всегда идетъ въ счетъ, какъ множество единицъ. Для производства цѣнности не составляетъ, поэтому, никакой разницы, работаютъ ли 1.200 рабочихъ раздѣльно или вмѣстѣ, объединенные подъ командой одного и того же капитала.

Тѣмъ не менѣе, въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣетъ мѣсто и нѣкоторое измѣненіе. Овеществленный въ цѣнности трудъ есть трудъ средняго общественнаго качества, т. е. проявленіе средней рабочей силы. Но средняя величина существуетъ всегда только, какъ среднее изъ многихъ различныхъ особей одного и того же рода. Въ каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий, Петръ или Павелъ, уклоняется больше или меньше отъ средняго рабочаго. Эти индивидуальные отклоненія, которыя на математическомъ языкѣ называются «погрѣшностями», уравниваются и исчезаютъ, какъ только въ счетъ идетъ значительное число рабочихъ. Знаменитый софистъ и сикофантъ Эмундъ Беркъ, опираясь на свой личный опытъ изъ качествъ фермера, увѣряетъ даже, что уже «въ такой небольшой артели (peloton)», какъ 5 земледѣльческихъ рабочихъ, исчезаетъ всякая индивидуальная разница въ работѣ; такъ что любые 5 взрослыхъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, работая вмѣстѣ въ опредѣленное время, произведутъ ровно столько же, сколько любые 5 другихъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ^{*)}. Какъ бы то ни было, ясно только, что совокупный рабочий

*) «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существуетъ большая разница между цѣнностью труда одного человѣка и цѣнностью труда другого человѣка, въ зависимости отъ силы, ловкости и добросовѣстности въ трудѣ. Но, по личному опыту, я вполне увѣренъ, что любые пять человѣкъ, сообща, исполняютъ количество труда, которое исполняютъ всякіе другіе пять человѣкъ того возраста, о которомъ я говорилъ выше, это значитъ, что между пятью такими работниками одинъ обладаетъ всеми

день большого числа одновременно занятых рабочих, раздѣляемый на число рабочихъ, есть самъ по себѣ средній общественный рабочій день. Предположимъ, напр., что рабочій день одного рабочаго составляетъ 12 ч., тогда рабочій день 12 одновременно занятыхъ рабочихъ составитъ совокупный рабочій день въ 144 часа, и хотя работа каждаго изъ этой дюжины людей больше или меньше уклоняется отъ средняго общественнаго труда, и каждый, поэтому, употребляетъ для одной и той же работы больше или меньше времени, однако, рабочій день каждаго, въ качествѣ двѣнадцатой доли совокупнаго рабочаго дня въ 144 часа, представляетъ средній общественный день. Для капиталиста же, который занимаетъ дюжину рабочихъ, рабочій день существуетъ, какъ коллективный рабочій день всей дюжины рабочихъ. Рабочій день каждаго отдѣльнаго рабочаго существуетъ для него только какъ дробная часть коллективнаго рабочаго дня, совершенно независимо отъ того, производятъ ли эти 12 человекъ послѣдовательныя примыкающія другъ къ другу операціи, или же ихъ работы связаны между собой лишь постольку, поскольку они всѣ работаютъ на одного и того же капиталиста. Но если, напротивъ того, эти 12 рабочихъ будутъ по-двое работать на мелкихъ хозяевъ, то лишь случайно каждый отдѣльный хозяинъ можетъ произвести ту же самую массу цѣнностей и реализовать, такимъ образомъ, одинаковый общій уровень прибавочной цѣнности, ибо въ этомъ случаѣ будутъ имѣть мѣсто индивидуальныя отклоненія отъ средней. Если рабочій тратитъ значительно больше времени для производства какого-либо товара, чѣмъ это общественно необходимо, и, такимъ образомъ, необходимое для него индивидуально рабочее время значительно уклоняется отъ общественно необходимаго или средняго рабочаго времени, то его трудъ не считается за средній трудъ, его рабочая сила не считается за среднюю рабочую силу. Она или вовсе не будетъ продана или будетъ продана ниже средней цѣнности рабочей силы. Поэтому, известный минимумъ трудовой умѣлости всегда предполагается, и мы позже увидимъ, что капиталистическое производство находитъ средства измѣрять этотъ минимумъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ минимумъ уклоняется отъ средней величины, хотя предпринима-телю приходится оплачивать все-таки среднюю рабочую силу. Поэтому, изъ шести мелкихъ хозяевъ, одинъ извлечетъ больше, другой меньше общаго уровня прибавочной цѣнности. Эти неравенства взаимно уравниваются, для всего общества, но не для отдѣльных мелкихъ хозяевъ. Законъ возрастанія цѣнности вообще реализуется вполне для отдѣльнаго производителя лишь тогда, когда онъ производитъ какъ капиталистъ, занимающій одновременно много рабочихъ, т. е. когда онъ съ самаго начала приводитъ въ движеніе средній общественный трудъ²⁾.

качествами хорошаго работника, одинъ—плохого, остальные трое—средняго, составляя переходъ отъ перваго къ послѣднему. Такимъ образомъ, даже такая маленькая группа, какъ пять человекъ, дастъ вамъ всегда и вполне то, что вообще: пять человекъ могутъ пропавести». (E. Burke, I. c. p. 16). Ср. также Quételet о среднемъ индивидуумѣ.

²⁾ Господинъ профессор Рошерь полагаетъ, что онъ открылъ, что одна швея которая работаетъ у госпожи профессорши въ теченіе двухъ дней, исполняетъ боль-

Но и при неизмѣняемыхъ пріемахъ труда одновременное употребленіе большого числа рабочихъ производить дѣлю революцію въ матеріальныхъ условіяхъ процесса труда. Строенія, въ которыхъ работаютъ много лицъ вмѣстѣ, склады для сырыхъ матеріаловъ и т. п., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащіе для многихъ лицъ одновременно или поочередно, словомъ—извѣстная часть средствъ производства потребляется теперь въ процессѣ труда сообща. Съ одной стороны, мѣровая цѣнность товаровъ и, слѣдовательно, средствъ производства въ томъ числѣ, нисколько не увеличивается вслѣдствіе усиленной утилизаціи ихъ потребительной цѣнности. Съ другой стороны, растетъ объемъ потребляемыхъ сообща средствъ производства. Комната, въ которой работаетъ 20 ткачей съ ихъ 20 станками, должна быть просторнѣе, чѣмъ комната одного независимаго ткача съ двумя подмастерьями. Но постройка мастерской для 20 человекъ стоитъ меньше труда, чѣмъ постройка 10 мастерскихъ, изъ которыхъ каждая рассчитана на двухъ человекъ. И, такимъ образомъ, вообще цѣнность концентрированныхъ въ цѣлыхъ массахъ и сообща принимаемыхъ средствъ производства возрастаетъ непропорціонально ихъ объему и извлекаемой изъ нихъ пользѣ. Сообща употребляемая средства производства переносятъ на каждый отдѣльный продуктъ меньшую долю своей цѣнности; отчасти потому, что общая цѣнность, которую они передаютъ, одновременно распределяется на большую массу продуктовъ; отчасти же вслѣдствіе того, что въ сравненіи съ единичными средствами производства, они вступаютъ въ производство, хотя и съ абсолютно большей, но, по отношенію къ сферѣ ихъ дѣйствій, съ относительно меньшей цѣнностью. Съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается извѣстная часть цѣнности постоянного капитала, и, въ силу этого, пропорціонально величинѣ этой части, понижается и общая цѣнность товара. Это производитъ такое дѣйствіе какъ будто бы средства производства товара стали производиться дешевле. Такая экономія въ употребленіи средствъ производства вытекаетъ только изъ ихъ совместнаго потребленія въ процессѣ труда многихъ рабочихъ. И средствамъ производства эта роль—условіи общественнаго труда или общественныхъ условій труда, въ отличіе отъ разрозненныхъ и, относительно, болѣе дорогихъ средствъ производства одиночныхъ самостоятельныхъ рабочихъ или мелкихъ хозяйствъ,—достается даже и тогда, когда многіе рабочіе трудятся не сообща, а лишь вмѣстѣ въ одномъ помѣщеніи, т. е. соединены только пространственно. Извѣстная часть средствъ производства получаетъ такой общественный характеръ раньше, чѣмъ его приобретаетъ самый процессъ труда.

Экономію въ средствахъ производства слѣдуетъ вообще разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, поскольку она содѣйствуетъ удешевленію товаровъ, и, въ силу этого, понижаетъ цѣнность рабочей силы; во-вторыхъ, поскольку она измѣняетъ отношеніе между прибавочной цѣнностью и вѣщимъ авансированнымъ капиталомъ, т. е. цѣнностью его постоянныхъ и переменныхъ частей.

шею количество работы, чѣмъ двѣ швенъ въ теченіе одного дня. Лучше было бы, если бы господинъ профессоръ свои наблюденія надъ капиталистическимъ процессомъ производства производить не въ дѣтской и не при такихъ условіяхъ, гдѣ недостаетъ главнаго дѣйствующаго лица, т. е. капиталиста.

Этот послѣдній пунктъ будетъ разбираться только въ первомъ отдѣлѣ третьей книги этого сочиненія, гдѣ мы, ради связи, изложимъ и кое что, относящееся уже къ предмету настоящей первой книги. Ходъ нашего анализа требуетъ такого раздѣленія предмета на двое, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, соответствуетъ и духу капиталистическаго производства. Такъ какъ въ капиталистическомъ производствѣ условія труда выступаютъ самостоятельно по отношенію къ рабочему, то и въ экономіи является особой операцией, которая не касается рабочаго и, поэтому, отдѣлена отъ методовъ повышенія его личной производительности.

Форма труда, при которой много рабочихъ плапомерно, рядомъ и совместно другъ съ другомъ, работаютъ въ одномъ и томъ же или различныхъ, но связанныхъ между собою процессахъ труда, называется коопераціей ¹⁰⁾.

Какъ наступательная сила кавалерійскаго аскадрона или сила сопротивленія пѣхотнаго полка существенно отличается отъ суммы индивидуальныхъ силъ наступленія и сопротивленія, развиваемыхъ каждымъ отдѣльнымъ кавалеристомъ и пѣхотинцемъ, — точно также и механическая сумма силъ отдѣльныхъ рабочихъ отличается отъ общественной силы, которая развивается ими, когда множество рукъ одновременно и сообща занято въ одной и той же нераздѣльной операцион, состоящей, напр., въ поднятіи какой либо тяжести, верченіи тяжелаго ворота или устраниеніи съ пути какого-либо препятствія ¹¹⁾. Въ такихъ случаяхъ работа комбинированнаго труда либо вовсе не могла бы быть выполнена одиначными рабочими, либо могла бы быть исполнена ими или въ болѣе большой промежутокъ времени, или лишь въ неполной мѣрѣ. Вѣдь, здѣсь дѣло не только въ повышеніи, посредствомъ коопераціи, индивидуальной производительной силы, но и въ созданіи новой производительной силы, которая должна быть по существу массовой силой ^{11a)}.

Но и помимо новой силы, которая образуется отъ сліянія многихъ силъ въ одну совокупную силу, при болѣешиствѣ производительныхъ работъ уже одинъ фактъ общественнаго соприкосновенія или контакта вызываетъ соревнованіе и своеобразное возбужденіе духа (*animal spirits*), которыя возвышаютъ производительность отдѣльныхъ рабочихъ, такъ что дюжина лицъ вмѣстѣ произведутъ въ одинаковый рабочий день въ 144 часа гораздо болѣеіи обшій продуктъ, чѣмъ 12 отдѣльныхъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый работаетъ 12 часовъ, или чѣмъ одинъ рабочий въ 12 послѣдовательныхъ дней ¹²⁾. Это про-

¹⁰⁾ «*Concours de forces*» (Взаимное содѣйствіе силъ). Destutt de Tracy, l. c. p. 78.

¹¹⁾ «Существуетъ множество операций столь простыхъ, что ихъ нельзя раздѣлить на части и нельзя выполнить безъ коопераціи большого числа рукъ. Таково, напр., поднятіе тяжелаго бревна съ тѣмъ, чтобы положить его на повозку, словомъ, всякое дѣло, которое не можетъ быть сдѣлано безъ одновременнаго участія множества рукъ въ одномъ и томъ же необходимомъ занятіи». (E. G. Wakefield: «*A View of the Art of Colonization*, London 1849», p. 168).

^{11a)} «Въ то время, какъ одинъ человѣкъ не можетъ поднять тяжести, вѣсомъ въ цѣлую тонну, а 10 человѣкъ должны для этого напрягать всѣ свои силы, — сто человѣкъ сдѣлаютъ это, дѣйствуя каждый лишь однимъ пальцемъ». (John Bellers: «*Proposals for raising a college of industry*. London 1696», p. 21).

¹²⁾ «При этомъ (т. е., когда одно и то же количество рабочихъ употребляется однимъ фермеромъ для обработки 300 акровъ, вмѣсто того, чтобы работать у 10

исходятъ отъ того, что человѣкъ по природѣ своей, если не политическое, какъ думаетъ Аристотель ¹³⁾, то во всякомъ случаѣ общественное животное.

Хотя многіе рабочіе одновременно исполняютъ сообща одну и ту же, или однородную операцію, однако индивидуальныя работы отдельныхъ рабочихъ, какъ части общаго труда, могутъ представлять различныя фазы самого процесса труда, черезъ которыя предметъ труда, благодаря коопераціи, проходитъ скорѣе, чѣмъ при изолированномъ трудѣ. Такъ, напр., когда каменщики образуютъ цѣпь для передачи по лѣсамъ кирпичей на верхъ какой-либо постройки, каждый изъ нихъ производитъ одну и ту же работу, но тѣмъ не менѣе отдельные ихъ операціи образуютъ здѣсь послѣдовательныя части одной общей операціи, особыя фазы, которыя каждый кирпичъ долженъ пройти въ процессѣ труда, и которыя лишь при помощи 24 рукъ коллективнаго рабочаго проходятъ скорѣе, чѣмъ при помощи двухъ рукъ единичнаго рабочаго, которому пришлось бы подниматься и пускаться по лѣсамъ ¹⁴⁾. Предметъ труда проходитъ здѣсь, слѣдовательно, то же самое пространство въ болѣе короткое время. Съ другой стороны комбинируемый трудъ мы видимъ и тогда, когда, напр., приступаютъ къ постройкѣ дома одновременно съ разныхъ концовъ, хотя и здѣсь кооперирующіе рабочіе дѣлаютъ одну и ту же или однородную операцію. Сложный (комбинируемый) рабочій день изъ 144 часовъ, охватывающій предметъ труда со многихъ сторонъ,—такъ какъ сложный (комбинируемый) или совокупный рабочій имѣетъ глаза и руки спереди и сзади и, до известной степени, одаренъ всездѣшностію,—производитъ совокупный продуктъ скорѣе, чѣмъ 12 двѣнадцатичасовыхъ рабочихъ дней болѣе или менѣе изолированныхъ рабочихъ, которые могутъ взяться за свою работу лишь односторонне. При этихъ усло-

арендаторовъ, имѣющихъ каждый по 30 акровъ) такое количество работниковъ представляетъ еще одно преимущество, которое легко поймутъ лишь практическіе люди; естественно каждому кажется, что 3 относится къ 12, какъ 1 : 4, но на практикѣ это не совсѣмъ такъ. Во время жатвы и при другихъ подобныхъ работахъ, когда приходится спѣшить, дѣло идетъ быстрѣе и лучше, если работаютъ много рукъ сразу. При жатвѣ, напр., 2 погонщика, 2 нагрузчика, 2 косца, 2 нагребальщика и нѣсколько человѣкъ при стогахъ или на гумнѣ, дѣлаютъ вдвое больше работы, чѣмъ то же самое число рукъ, разбѣянныхъ по разнымъ хозяйствамъ». (*An Enquiry in to the Connection between the present price of provisions and the size of farms. By a Farmer. Lond. 1773.* p. 7, 8).

¹³⁾ Опредѣленіе Аристотеля, собственно говоря, означаетъ, что человѣкъ, по самой природѣ своей, есть членъ городской общины («полиса»). Для древне-классическаго міра это опредѣленіе столь же характерно, какъ опредѣленіе Франклина, что человѣкъ по природѣ есть производитель орудій, характерно для янки.

¹⁴⁾ «On doit encore remarquer que cette division partielle du travail peut se faire quand même les ouvriers sont occupés d'une même besogne. Des maçons par exemple, occupés de faire passer de mains en mains des briques à un échafaudage supérieur, font tous la même besogne et pourtant il existe parmi eux une espèce de division de travail, qui consiste en ce que chacun d'eux fait passer la brique par un espace donné, et que tous ensemble la font parvenir beaucoup plus promptement à l'endroit marqué qu'ils ne feraient si chacun d'eux portait sa brique séparément jusqu'à l'échafaudage supérieur». (F. Skarbek: «Théorie des richesses sociales. 2-ème éd. Paris, 1848», t. I, p. 97, 98).

вияхъ, различныя пространственно раздѣленные части продукта созрѣваютъ, такъ сказать, въ одно и то же время.

Мы подчеркивали, что многіе работники, дополняющіе другъ друга, производятъ одну и ту же или однородную работу, потому что эта простѣйшая форма совѣстнаго труда играетъ большую роль и въ самой совершенной формѣ кооператива. При сложномъ процессѣ труда одна уже масса совѣстно работающихъ людей позволяетъ распределять различныя операціи между различными рабочими, совершать ихъ, поэтому, одновременно и этимъ сокращать необходимое для приготовленія всего продукта рабочее время ¹⁵⁾.

Во многихъ отрасляхъ производства бываютъ критическіе моменты, т. е. опредѣляемые самой природой данного процесса труда періоды, въ теченіе которыхъ извѣстные результаты труда должны обязательно быть достигнуты. Если, напр., требуется остричь стадо овецъ или сжать нѣсколько десятковъ, то количество и качество продукта зависитъ отъ того, будетъ ли операція начата и закончена въ извѣстное время. Промежутокъ времени, который можетъ продолжаться процессъ труда, здѣсь точно предписанъ самой природой, подобно тому, какъ онъ предписанъ, напр., при ловлѣ сельдей. Одиночный рабочій изъ одного дня можетъ выкормить только одинъ рабочій день, положимъ, въ 12 часовъ, но кооперація 100, напр., человекъ расширитъ одинъ двѣнадцатичасовой день въ рабочій день изъ 1.200 часовъ. Краткость рабочего періода вознаграждается здѣсь величиною той массы труда, которая въ рѣшительную минуту выбрасывается на поле производства. Своевременность эффекта зависитъ здѣсь отъ одновременности въ примѣненіи многихъ комбинированныхъ рабочихъ дней, а разитръ этого полезнаго эффекта—отъ числа рабочихъ; послѣднее, однако, всегда бываетъ меньше числа рабочихъ, которые, трудясь каждый отдѣльно, могли бы въ тотъ же промежутокъ времени выполнить ту же работу ¹⁶⁾. Именно благодаря недостатку кооператива этого рода, на западѣ Соединенныхъ Штатовъ ежегодно пропадаетъ масса хлѣба, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Остѣ-Индіи, гдѣ англійское владычество разрушило древній общинный строй, ежегодно расточается масса хлопка ¹⁷⁾.

¹⁵⁾ «Когда дѣло идетъ объ исполненіи сложной работы, многія вещи должны исполняться одновременно. Одинъ дѣлаетъ одну работу въ то время, какъ другой дѣлаетъ другую, и всѣ содѣйствуютъ достиженію результата, котораго не могъ бы достигнуть одинъ человекъ. Одинъ гребетъ, между тѣмъ какъ другой правитъ, а третій выбрасываетъ сѣть или бросаетъ въ рыбу острогу, и ловятъ, такимъ образомъ, имѣютъ успѣхъ, который былъ бы невозможенъ безъ этого взаимнаго содѣйствія». (Destutt de Tracy, I. c.).

¹⁶⁾ «Выполненіе его (земледѣльческаго труда) въ критическій моментъ имѣетъ громадную важность» (An Inquiry in to the Connection between the present price etc., p. 9). «Въ земледѣліи нѣтъ другого болѣе важнаго фактора, чѣмъ время». (Liebig: «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft. 1856», p. 23).

¹⁷⁾ «Важнѣйшее зло, котораго едва ли кто могъ ожидать въ странѣ, выводящей больше живого труда, чѣмъ какая либо другая страна въ мірѣ, за исключеніемъ развѣ Китая и Англіи, состоитъ въ невозможности добыть достаточное число рукъ для очистки хлопка. Вслѣдствіе этого громадная масса жатвы остается вовсе не собранною, а другая часть подбрасывается съ земли, когда она уже обмолота, потеряла свой цѣль и сгнила. Такимъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія ра-

Съ одной стороны, кооперація позволяет раздвигать пространственную сферу труда; вавѣстныхъ предпріятія, какъ осушка земель, орошеніе, устройство плотинъ, грунтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ и т. п., нуждаются въ ней уже изслѣдствіе одного пространственнаго положенія предмета труда. Съ другой стороны, она позволяет пространственное суженіе области труда, по сравненію съ разбѣрами производства. Это сокращеніе пространственной сферы труда при одновременномъ расширеніи сферы его дѣйствія, вслѣдствіе чего избѣгается цѣлая масса напрасныхъ издержекъ (*faux frais*), происходитъ отъ скопленія (конгломерациі) рабочихъ, отъ сближенія различныхъ процессовъ труда и отъ концентраціи средствъ производства ¹⁸⁾.

По сравненію съ одинаковой суммой одиночныхъ индивидуальныхъ рабочихъ дней, сложный (комбинированный) рабочий день производитъ большую массу потребительной цѣнности и уменьшаетъ, поэтому, рабочее время, необходимое для полученія извѣстнаго полезнаго эффекта. Безразлично, отъ чего приобретаетъ онъ въ каждомъ частномъ случаѣ эту увеличенную производительную силу, отъ того ли, что онъ повышаетъ механическую силу труда, или расширяетъ пространственную сферу его дѣйствія, или сокращаетъ пространственное поле производства, по сравненію съ разбѣрами производства; отъ того ли, что въ критическій моментъ онъ въ темное время пускаетъ въ ходъ много труда, или возбуждаетъ соревнованіе между отдѣльными рабочими и напругаетъ ихъ душевную энергію; или придаетъ однобразнымъ дѣйствіямъ многихъ работниковъ характеръ непрерывности и многосторонности; или экономизируетъ средства производства, благодаря совмѣстному пользованію ими; или, наконецъ, придаетъ индивидуальному труду характеръ средняго общественнаго труда. Все это безразлично въ томъ смыслѣ, что при всѣхъ этихъ условіяхъ «специфическая производительная сила сложнаго (комбинированнаго) рабочаго дня есть не что иное какъ общественная производительная сила труда или производительная сила общественнаго труда. Она вытекаетъ изъ самого факта коопераціи. Въ цѣлесообразной совмѣстной работѣ съ другими рабочіи выходятъ изъ ограниченныхъ рамокъ своей индивидуальности и развиваютъ свои родовыя качества и способности ¹⁹⁾.

бочимъ въ нужное время, повѣдыватель хлопна вынужденъ терпѣть потерю значительной части той жатвы, которой Англія дожидается съ такимъ нетерпѣніемъ». (*Bengal Hurcru. By-Monthly Overland Summary of News, 22 July 1861*).

¹⁸⁾ «Съ прогрессомъ земледѣлческой культуры, весь тотъ капиталъ и тотъ трудъ, (или, можетъ быть, больше), которые раньше эксплуатировали 500 акровъ, теперь концентрируются для болѣе тщательной обработки на 100 акрахъ». Хотя «относительно количества употребляемыхъ капитала и труда, пространство сконцентрировалось, тѣмъ не менѣе сфера производства расширилась, если сравнить ее со сферой производства, занимавшейся и обработывавшей раньше однимъ единственнымъ и независимымъ производителемъ». (*R. Jones: «An Essay on the Distribution of Wealth. On Rent. Lond. 1831», p. 191*).

¹⁹⁾ «Сила единичнаго человѣка ничтожна, но соединеніе многихъ незначительныхъ силъ образуетъ общую силу, которая больше ихъ суммъ, такъ что простымъ фактомъ своего соединенія онѣ могутъ уменьшить время и увеличить сферу своей дѣятельности» (*G. R. Carli, прим. къ P. Verri, l. c. t. XV, p. 196*).

Если рабочіе вообще не могут непосредственно трудиться сообща, не находясь вмѣстѣ, и если, поэтому, соединеніе ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ есть обязательное условіе ихъ коопераціи,—то наемные рабочіе могутъ кооперировать только тогда, когда ихъ одновременно употребляетъ одинъ и тотъ же капиталъ, одинъ и тотъ же капиталистъ, т. е. когда онъ одновременно покупаетъ ихъ рабочую силу. Поэтому совокупная цѣнность этой рабочей силы или известная сумма заработной платы за день, пѣдѣлю и т. п. должна быть соединена въ карманѣ капиталиста, прежде чѣмъ сами рабочія силы будутъ соединены въ процессѣ производства. Единовременная оплата 300 рабочихъ, даже за одинъ только день труда, требуетъ большаго капитала, чѣмъ ежедневная оплата небольшого числа рабочихъ въ теченіе цѣлаго года. Поэтому, число кооперирующихся рабочихъ, или степень развитія коопераціи, зависитъ прежде всего отъ величины того капитала, который отдѣльный капиталистъ можетъ предварительно выложить на покупку рабочей силы, т. е. отъ размѣровъ, въ которыхъ одинъ капиталистъ можетъ располагать средствами существованія многихъ рабочихъ.

Съ постояннымъ капиталомъ дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ съ переменнымъ. Предварительная затрата, напр., на сырой матеріалъ въ 30 разъ больше для одного капиталиста, занимающаго 300 рабочихъ, чѣмъ для каждаго изъ 30 капиталистовъ, занимающихъ по 10 рабочихъ. Размѣры цѣнности и матеріальная масса сообща употребляемыхъ средствъ труда возрастаютъ, правда, не въ той же самой степени, въ которой возрастаетъ количество занятыхъ рабочихъ, но они все-таки возрастаютъ значительно. Концентрація большихъ массъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ составляетъ, такимъ образомъ, матеріальное условіе коопераціи наемныхъ рабочихъ, а объемъ коопераціи или размѣры производства зависятъ отъ степени этой концентраціи.

Первоначально наличность известнаго минимума индивидуальнаго капитала являлась необходимой для того, чтобы одновременно эксплуатиремыхъ рабочихъ, и, слѣдовательно, массы производимой прибавочной цѣнности хватало—освободить самого предпринимателя отъ физическаго труда, т. е. было бы достаточно для превращенія мелкаго мастера въ капиталиста и для формальнаго созданія экономическаго отношенія, именуемаго капиталомъ. Теперь же, изъ дальѣйшемъ развитіи, этотъ минимумъ индивидуальнаго капитала является матеріальнымъ условіемъ для превращенія многихъ разрозненныхъ и взаимно независимыхъ индивидуальныхъ процессовъ труда въ одинъ сложный (комбинированный) общественный процессъ труда.

Точно также и господство капитала надъ трудомъ первоначально являлось лишь формальнымъ слѣдствіемъ того, что рабочій, вмѣсто того, чтобы работать на себя, сталъ работать для капиталиста, а слѣдовательно, и поелъ его командой. Съ развитіемъ же коопераціи многихъ рабочихъ правящая роль капитала преобразуется въ необходимое условіе исполненія самого процесса труда, въ дѣйствительное условіе производства. Начальство капиталиста на полѣ производства становится теперь столь же неизбѣжнымъ, какъ начальство генерала на полѣ сраженія.

Всякая непосредственно общественная или совѣстная работа въ большихъ размѣрахъ требуетъ большаго или меньшаго руководства, которое устанавливается гармонію индивидуальныхъ дѣйствій и выполняетъ общія функціи, вытекающія изъ движенія совокупнаго производительнаго организма, поскольку оно отлично отъ движенія его самостоятельныхъ органовъ. Отдѣльный скрипачъ самъ движируетъ собой, оркестръ же нуждается въ капельмейстерѣ. Эта функція управленія, надзора и согласованія отдѣльныхъ дѣйствій становится функціей капитала, какъ только подчиненный ему трудъ становится кооперативнымъ. Въ качествѣ специфической функціи капитала, функція управленія приобретаетъ специфическія отличительныя черты.

Прежде всего побудительнымъ мотивомъ и опредѣляющей цѣлью капиталистическаго процесса производства является возможно большее самовозрастаніе цѣнности капитала ²⁰⁾, т. е. возможно большее производство прибавочной цѣнности и, слѣдовательно, возможно большая эксплуатація рабочей силы капиталомъ. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа одновременно занятыхъ рабочихъ, возрастаетъ и ихъ сопротивленіе, и, слѣдовательно, по необходимости, и обратное давленіе капитала, направленное на преодоленіе этого сопротивленія. Управленіе капиталиста не есть только особенная функція, вытекающая изъ природы общественнаго процесса труда и ему свойственная; оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ функцію эксплуатаціи общественнаго процесса труда, и, въ качествѣ таковой, обуславливается неизбежнымъ антагонизмомъ между эксплуататоромъ и матеріаломъ его эксплуатаціи. Точно также, — съ возрастаніемъ размѣровъ средствъ производства, представляющихъ для рабочаго чужую собственность, — возрастаетъ и необходимость контроля надъ ихъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ ²¹⁾. Далѣе, — кооперация важныхъ рабочихъ есть лишь простой результатъ дѣйствія капитала, ихъ одновременно занимающаго. Сочетаніе ихъ функцій и ихъ единство въ качествѣ совокупнаго производительнаго организма, такъ сказать, лежитъ въ самихъ рабочихъ, въ капиталѣ, который ихъ сводитъ въоедино и держитъ вмѣстѣ. Взаимная связь ихъ индивидуальныхъ работъ является для нихъ, поэтому, въ идѣ, — планомъ капиталиста, а на практикѣ — авторитетомъ капиталиста, властью чужой воли, подчиняющей ихъ дѣятельность своей цѣли.

²⁰⁾ «Прибыль... есть единственная цѣль промышленности». («Profits... is the sole end of trade». J. Vanderlint, l. c. p. 11).

²¹⁾ Англійская филистерская газета Spectator отъ 3 июня 1866 г. сообщаетъ, что послѣ введенія чего-то въ родѣ товарищества между капиталомъ и рабочими въ «wirework company of Manchester», «первымъ результатомъ было внезапное уменьшеніе порчи инструментовъ и т. п., такъ какъ рабочіе скоро увидѣли, что нѣтъ, какъ и всякому другому хозяину, незачѣмъ портить своей собственности; а бесполезная порча инструментовъ и т. п., послѣ неосторожныхъ договоровъ, есть, можетъ быть, главнѣйшій источникъ потерь для промышленнаго предпринимателя». Эта самая газета находитъ слѣдующій основной недостатокъ въ рочдельскихъ кооперативныхъ опытахъ: «Они показали, что рабочія ассоціаціи могутъ съ успѣхомъ управлять магазинами, фабриками и промышленными предпріятіями почти всякаго рода, и въ то же время они чрезвычайно улучшили положеніе рабочихъ; но!... но они не оставили никакого замѣтнаго мѣста для капиталиста». Quel horreur!

Если, поэтому, капиталистическое управление, по содержанию своему, двойственно, благодаря двойственности самого управляемого процесса производства, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда, направленный на производство какого-либо продукта, а с другой — процесс создания капиталом прибавочной ценности, — то по форме это управление всегда является деспотическим. С развитием кооперации в больших размерах этот деспотизм развивается свои особые формы. Как капиталист прежде всего избавляется от ручного труда, лишь только его капитал достигает той минимальной величины, с которой и начинается настоящее капиталистическое производство, — так теперь он и эту функцию непосредственного непрерывного надзора за отдельными рабочими и рабочими группами уступает наемным рабочим особого рода. Как военная армия, так и рабочая масса, действующая сообща под начальством одного капиталиста, тоже пуждается в промышленных офицерах (управляющих, *managers*) и унтер-офицерах (надсмотрщиках, *foremen, overlookers, contremaitres*), которые, в продолжение процесса труда командуют от имени капитала. Труд, состоящий в высшем надзоре, становится их исключительной функцией. При сравнении способа производства независимых земледельцев или самостоятельных ремесленников, с основанным на рабстве хозяйством плантаторов, экономисты причисляют этот труд надзора к *faux frais* производства^{21a)}. Напротив того, при исследовании капиталистического способа производства, они отождествляют эту функцию управления, поскольку она вытекает из природы совместного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она обуславливается капиталистическим, а следовательно — антагонистическим характером этого процесса²²⁾. Капиталист не потому является капиталистом, что он — руководитель промышленности, а наоборот, — он становится руководителем промышленности именно потому, что он капиталист. Главное начальство в промышленности становится атрибутом капитала, как в феодальную эпоху начальство на войнѣ и на судѣ было атрибутом помещельной собственности^{22a)}.

^{21a)} Объявив, что «*superintendence of labour*» составляет главную характерную черту рабовладельческого хозяйства в южных штатах Сѣверной Америки, профессор Cairnes продолжает: «Земледѣлец — собственник (Сѣвера), «присваивающій себѣ весь продукт своей земли, не пуждается ни въ какомъ другомъ побужденіи къ труду. Всякій надзоръ здѣсь совершенно лишень». (Cairnes, I. c. p. 48, 49).

²¹⁾ Sir James Steuart, который вообще удивительно зорко схватывает характерныя общественныя особенности разныхъ способовъ производства, замѣчаетъ: «Почему же предпріятія частныхъ лицъ подрываются крупными промышленными предпріятіями, какъ не потому, что эти послѣднія приближаются гораздо болѣе простому режиму рабства?» (*Princ. of Pol. Econ.*, Lond. 1767, v. I. p. 167, 168).

^{22a)} О. Контъ и его школа могли бы, поэтому, такъ же хорошо доказывать явную необходимость феодальныхъ бароновъ, какъ они доказывали необходимость господъ капиталистовъ.

Рабочій только до тѣхъ поръ—собственникъ своей рабочей силы, пока онъ, какъ продавецъ ея, договаривается о цѣнѣ ея съ капиталистомъ, и онъ можетъ прозвать только то, чѣмъ обладаетъ, т. е. свою индивидуальную, единичную рабочую силу. Это отношеніе нисколько не измѣняется отъ того обстоятельства, что капиталистъ покупаетъ, вмѣсто одной, сто рабочихъ силъ, и, вмѣсто договора съ однимъ рабочимъ, заключаетъ его со ста независимыми другъ отъ друга работниками. Онъ можетъ занять эти 100 рабочихъ, и не заставляя ихъ непременно кооперировать. Капиталистъ, поэтому, оплачиваетъ цѣнность ста самостоятельныхъ рабочихъ силъ, но сложной (комбинированной) рабочей силы сотня рабочихъ опять не оплачивается. Какъ независимыя личности, рабочіе представляютъ собою одиночекъ, вступающихъ въ отношеніе къ одному и тому же капиталу, но не между собою. Ихъ кооперація начинается только въ процессѣ труда, но въ процессѣ труда они уже перестаютъ принадлежать себѣ самимъ. Съ момента вступленія въ него, они дѣлаются принадлежностью капитала. Какъ кооперирующіе люди, какъ члены одного дѣятельнаго механизма, они сами составляютъ только особую форму существованія капитала. Поэтому, производительная сила, которую рабочій развиваетъ въ качествѣ общественнаго рабочаго, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, какъ только рабочіе поставлены въ извѣстныя, опредѣленныя условія. И капиталъ ставитъ ихъ въ эти условія. Такъ какъ общественная производительная сила труда ничего не стоитъ капиталисту, и такъ какъ, съ другой стороны, она не развивается рабочимъ прежде, чѣмъ самый его трудъ начинаетъ принадлежать капиталу, то, поэтому, она является, какъ производительная сила, которой капиталъ издѣбегъ отъ природы, какъ его вымашетная производительная сила.

Въ колоссальныхъ размѣрахъ обнаруживается дѣйствіе простой коопераціи въ гигантскихъ сооруженіяхъ древнихъ азіатскихъ народовъ, египтянъ, ассирийцевъ и т. д. «Въ древнія времена случалось, что у этихъ азіатскихъ государствъ, послѣ покрытія ихъ гражданскихъ и военныхъ расходовъ, оказывался излишекъ средствъ существованія, который они могли употребить на предметы роскоши или на полезныя работы. Власть располагать руками почти всего неземледѣльческаго населенія и исключительное право монарха и жрецовъ на этотъ излишекъ давали имъ возможность сооружать тѣ могучіе памятники, которыми они покрыли цѣлыя страны. При постановкѣ колоссальныхъ статуй и перенесеніи огромныхъ массъ, передвиженіе которыхъ приводитъ въ изумленіе, употреблялся самый расточительнымъ образомъ исключительно одинъ лишь человеческій трудъ. Множество рабочихъ и концентрація ихъ успій были достаточны для этихъ предпріятій. Такъ мы видимъ, какъ изъ глубины океана поднимаются могучіе коралловые рифы и образуютъ острова и материкъ, хотя каждое индивидуальное отложеніе (depository) и его виновникъ.—жалко-ничтожны и заслуживаютъ только презрѣнія. Неземледѣльческіе рабочіе какой-либо азіатской монархіи могли внести въ дѣло мало что, кромѣ своихъ индивидуальныхъ физическихъ успій, но ихъ сила заключалась въ ихъ числѣ; а власть управленія этими массами создала гигантскія сооруженія. Концентрація въ однихъ или въ

немногих руках средств существованія рабочих дѣлава возможнымъ такия предприятия» ²³⁾. Эта власть азіатскихъ и египетскихъ царей, атруссскихъ теократовъ и т. д. въ современномъ обществѣ принадлежитъ капиталисту, — безразлично, выступаетъ ли онъ въ качествѣ отдѣльнаго капиталиста или, какъ въ акціонерныхъ обществахъ, въ качествѣ капиталиста коллективнаго.

Кооперация въ процессѣ труда, въ томъ видѣ какъ мы ее находимъ въ началѣ человѣческой культуры у охотничьихъ народовъ ^{23а)} или въ индійскихъ земледѣльческихъ общинахъ, основана, съ одной стороны, на общинномъ владѣніи средствами производства, а съ другой стороны, — на томъ фактѣ, что отдѣльный индивидуумъ еще не разорвалъ цуповины, привязывающей его къ племени или общинѣ, и приврѣпленъ къ нимъ такъ же прочно, какъ отдѣльная пчела къ своему улью. И то и другое отличаетъ эту кооперацию отъ кооперации капиталистической. Спорадическое примѣненіе кооперации въ обширныхъ размѣрахъ въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ повѣйшихъ колоніяхъ основывается на непосредственныхъ отношеніяхъ господства, съ одной стороны, подчиненія, съ другой, чаще же всего — прямо на рабствѣ. Капиталистическая же форма кооперации, наоборотъ, заранѣе предполагаетъ свободнаго наемнаго рабочаго, продающаго капиталу свою рабочую силу. Исторически, однако, форма эта развивается въ противоположность къ крестьянскому хозяйству и независимому ремеслу, — все равно, обладаетъ ли это послѣднее цеховой организаціей или нѣтъ ²⁴⁾. По отношенію къ нимъ капиталистическая кооперация является не какъ особая историческая форма кооперации, но, наоборотъ, самая кооперация есть лишь особая историческая форма, свойственная капиталистическому способу производства и составляющая его специфическое отличіе отъ другихъ способовъ производства.

Какъ развиваемая, благодаря кооперации, общественная производительная сила труда является въ качествѣ производительной силы капитала, такъ точно и самая кооперация является, какъ специфическая форма капиталистического способа производства, въ отличіе отъ процесса производства отдѣльныхъ независимыхъ работниковъ или даже мелкихъ хозяевъ. Это есть то первое измѣненіе, которому подвергается процессъ труда, вслѣдствіе подчиненія его капиталу. Это измѣненіе происходитъ само собою, стихійно. Одновременное занятіе большого числа наемныхъ рабочихъ, составляющее его предпосылку, является исходной точкой капиталистического производства, совпа-

²³⁾ R. Jones: «Textbook of Lectures etc., p. 77, 78. Древне-ассирійскія, египетскія и т. п. собранія Лондона и др. главныхъ европейскихъ городовъ дѣлаютъ насъ какъ бы очевидцами этихъ кооперативныхъ процессовъ труда.

^{23а)} Linguet, пожалуй, не совсѣмъ неправъ, когда онъ въ своей «Théorie des Lois civiles» утверждаетъ, что охота представляетъ первую форму кооперации, а охота на человѣка (война) — первую форму охоты.

²⁴⁾ Мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесло — оба, частью служившія основаніемъ феодальнаго способа производства, частью же появившіися послѣ его распаденія, рядомъ съ капиталистическимъ производствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляли экономическую основу античнаго общества въ его лучшее время, т. е. послѣ разложенія первоначальнаго общиннаго землевладѣнія, но прежде чѣмъ рабство серьезно овладѣло производствомъ.

дающей съ самимъ существованіемъ капитала. Если, поэтому, съ одной стороны, капиталистическій способъ производства исторически необходимъ для превращенія процесса труда въ общественный процессъ, то, съ другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляетъ собой методъ, применяемый капиталомъ съ цѣлью болѣе прибыльной эксплуатаціи процесса труда посредствомъ повышения его производительной силы.

Въ своей простой формѣ, которую мы до сихъ поръ разсматривали, кооперация совпадаетъ съ крупнымъ производствомъ, но не представляетъ въ этомъ видѣ никакой прочной характеристической формы особенной эпохи въ развитіи капиталистическаго способа производства. Пожалуй, приблизительно такое значеніе она имѣетъ для зачатковъ мануфактуры, еще не далеко ушедшихъ отъ ремесла ²⁵⁾, да для той формы крупнаго земледѣлія, которая соотвѣтствуетъ мануфактурному періоду и существенно отличается отъ крестьянскаго хозяйства лишь числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ и размѣрами концентрированныхъ средствъ производства. Простая кооперация всюду представляетъ господствующую форму въ такихъ отрасляхъ производства, въ которыхъ капиталъ производить въ большихъ размѣрахъ, но ни раздѣленіе труда, ни примѣненіе машинъ не играютъ еще значительной роли.

Кооперация остается основной формой капиталистическаго способа производства и тогда, когда ея простѣйшій видъ представляетъ собой уже лишь особую форму кооперации на ряду съ другими болѣе развитыми ея формами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Раздѣленіе труда и мануфактура.

1. Двойное происхожденіе мануфактуры.

Кооперация, покоящаяся на раздѣленіи труда, создала себѣ классическое выраженіе въ мануфактурѣ. Какъ характеристическая форма капиталистическаго процесса производства, она господствуетъ въ теченіе собственно мануфактурнаго періода, который тянется приблизительно со средины XVI-го столѣтія вплоть до послѣдней трети восемнадцатаго.

Мануфактура возникаетъ двойнымъ образомъ.

Работники разнородныхъ, самостоятельныхъ ремеслъ, черезъ руки которыхъ проходитъ какой-либо продуктъ, прежде чѣмъ стать совершенно готовымъ, соединяются въ одной мастерской, подъ командой одного и того же капиталиста. Такъ, напр., экипажъ былъ прежде коллективнымъ продуктомъ работы значительнаго числа независимыхъ ремесленниковъ, какъ то каретника,

²⁵⁾ «Развѣ соединенное искусство, трудолюбіе и соревнованіе многихъ рабочихъ, работающихъ вмѣстѣ одну и ту же работу, не есть истинный способъ двигать впередъ эту работу? И развѣ Англія могла бы какимъ либо другимъ способомъ довести до такой степени совершенства свою шерстяную мануфактуру?» (Berkeley: «The Querist». Lond. 1750, p. 56, § 521).

сѣдельщика, портного, слесаря, портупейнаго мастера, токаря, обойщика, стекольщика, маляра, лакировщика, золотильщика и др. Экипажная мануфактура соединяетъ всѣхъ этихъ различныхъ ремесленниковъ въ одной мастерской, гдѣ они одновременно работаютъ другъ для друга. Правда, нельзя золотить карету прежде, чѣмъ она сдѣлана; но если одновременно дѣлаются много каретъ, то одни части ея могутъ всегда краситься, въ то время какъ другія части будутъ проходить какія-либо болѣе равныя фазы процесса производства. До сихъ поръ мы все еще стоимъ на почвѣ простой кооперацин, находящей свой человѣческій и вещный матеріалъ въ готовомъ видѣ. Но скоро въ ней совершается существенное измѣненіе. Портной, слесарь, токарь и др., которые заняты только приготовленіемъ экипажей, мало-по-малу теряютъ привычку и способность заниматься своимъ старымъ ремесломъ въ полномъ его объемѣ. Съ другой стороны, ихъ трудъ, который теперь сталъ болѣе одностороннимъ, приобретаетъ самую пѣлесообразную форму для ихъ суженой сферы дѣятельности. Первоначально экипажная мануфактура являлась соединеніемъ (компаніей) самостоятельныхъ ремеселъ. Но мало-по-малу она становится разложениемъ экипажнаго производства на его различные отдѣльныя операціи; изъ нихъ каждая кристаллизуется въ исключительную функцію одного рабочаго, а совокупность всѣхъ производится союзомъ этихъ частичныхъ работниковъ (*Theilarbeiter*). Суконная мануфактура и пѣлый рядъ другихъ мануфактуръ возникли тѣмъ же путемъ соединенія различныхъ ремеселъ подъ командой одного и того же капитала ²⁶⁾.

Мануфактура, однако, возникаетъ и противоположнымъ путемъ. Многіе ремесленники, которые производятъ одинъ и тотъ же или однородный продуктъ, напр., бумагу, шрифтъ, иглы, — занимаются одновременно однимъ и тѣмъ же капиталомъ въ одной и той же мастерской. Это есть кооперация въ ея простѣйшей формѣ. Каждый изъ этихъ ремесленниковъ (можетъ быть, съ однимъ или двумя подмастерьями) изготовляетъ весь предметъ и, слѣдовательно, совершаетъ по порядку всѣ различныя, необходимыя для его изготовленія, операціи. Онъ продолжаетъ работать своимъ старымъ ремесленнымъ способомъ.

²⁶⁾ Чтобы указать болѣе современный примѣръ образованія мануфактуры, приводимъ слѣдующую цитату: «Шелкопряденье и шелкоткачество» въ Люпѣ и Нимѣ производится совершенно патриархальнымъ способомъ; эта промышленность занимаетъ много женщинъ и дѣтей, но она не истощаетъ ихъ и не портитъ; она оставляетъ ихъ въ ихъ прекрасныхъ долинахъ Дромы, Вара, Иаеры, Воклюзы, гдѣ они выводятъ шелковичныхъ червей и разматываютъ ихъ коконы; иногда она не переходитъ въ типъ настоящей фабрики. Чтобы быть соблюденнымъ... принципъ раздѣленія труда приписываетъ здѣсь спеціальныя реформы. Между рабочими находятся и сортировщицы, и мотальщицы, и сучальщицы, и красильщицы и ткачи; но они не соединены въ одномъ помѣщеніи и не зависятъ отъ одного и того же хозяина; всѣ они независимы». (A. Blanqui: «Compt d'Escom. Industrielle. Recueilli par A. Blaise. Paris (1838—39)», p. 79). Съ тѣхъ поръ, какъ Бланки написалъ эти строки, различные невзвѣсныя рабочія части уже оказались соединенными на фабрикахъ. [Къ 4 изд. — А съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ написалъ это замѣчаніе, на этихъ фабрикахъ утвердился паровой станокъ, который быстро вытѣсняетъ ручной ткацкій станокъ. Шелковая промышленность Крефельда могла бы тоже кое-что разсказать объ этомъ. — Ф. Э.].

Между тѣмъ, внѣшнія обстоятельства скоро заставляютъ его шире воспользо-ваться сосредоточеніемъ рабочихъ въ одномъ помѣщеніи и одновременно- ностью работъ. Напр., къ извѣстному сроку требуется доставить значительное ко- личество готового товара. Работа тогда распределяется. Въмѣсто того, чтобы одному и тому же ремесленнику данать продѣлывать послѣдовательно всѣ различныя опе- рации, ихъ отрываютъ, изолируютъ, пространственно раздѣляютъ одну отъ дру- гой, ввѣряютъ каждую особому ремесленнику, и всѣ онѣ совместно и одновре- менно исполняются кооперирующими ремесленниками. Это случайное распреде- ление повторяется, обнаруживаетъ свойственный ему выгоды и мало-по-малу укрѣпляется и превращается въ систематическое раздѣленіе труда. Изъ инди- видуальнаго продукта одного самостоятельнаго ремесленника, совершающаго раз- ныя операции, товаръ превращается въ общественный продуктъ союза ремеслен- никовъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ постоянно одну и ту же частичную операцию. Тѣ же самыя операции, которыя слѣвались одна съ другой, какъ по- слѣдовательныя работы нѣмецкаго цехового производителя бумаги, въ голланд- ской писчебумажной мануфактурѣ превратились въ самостоятельныя, совершаю- щіяся параллельно, частичныя операции многихъ кооперирующихъ рабочихъ. Нюрнбергскій цеховой игольный мастеръ составляетъ основной элементъ англій- ской игольной мануфактуры. Но въ то время, какъ каждый изъ цеховыхъ игольных мастеровъ продѣлывалъ цѣлый рядъ,—можетъ быть, 20 различныхъ операций, одну за другой,—здесь каждый изъ 20 игольных мастеровъ исполняетъ одинъ рядомъ съ другимъ только одну изъ 20 операций, которыя, на осно- ваніи дальнѣйшихъ опытовъ, еще больше раскалываются, изолируются и пре- вращаются въ исключительныя, самостоятельныя функціи отдѣльных рабочихъ.

Итакъ, способъ происхожденія мануфактуры, путь ея развитія изъ ремесла, является двойственнымъ. Съ одной стороны, она происходитъ изъ комбинаціи разно- родныхъ, самостоятельныхъ ремеселъ, которыя настолько теряютъ свою само- стоятельность и становятся односторонними, что начинаютъ представлять собою лишь одна другую дополняющія частичныя операции въ процессѣ производства одного и того же товара. Съ другой стороны, она развивается изъ кооперации одно- родныхъ ремесленниковъ, раскалывая одно и то же индивидуальное ремесло на его различныя частныя операции, а эти послѣднія изолируя и обособляя до такой степени, что каждая изъ нихъ становится исключительной функціей осо- бого рабочаго. Съ одной стороны, слѣдовательно, мануфактура вводитъ въ про- цессъ производства раздѣленіе труда, или развиваетъ его дальше; а съ другой— она соединяетъ ремесла, которыя прежде были раздѣлены. Какова бы, однако, ни была ея исходная точка въ каждомъ частномъ случаѣ, конечная форма ея всегда—одна и та же: это—производственный механизмъ, органы котораго— люди.

Для правильнаго пониманія роли раздѣленія труда въ мануфактурѣ надле- житъ постоянно имѣть въ виду слѣдующіе существенные пункты. Прежде всего, аналитическое раздѣленіе процесса производства на его особенныя фазы здѣсь совершенно совпадаетъ съ разложеніемъ ремесленной дѣятельности на ея различ- ныя частичныя операции. Будетъ ли эта дѣятельность сложной или простой, она

всегда остается ремесленной и зависитъ, поэтому, отъ силы, ловкости, быстроты и увѣренности отдѣльнаго рабочаго при употребленіи имъ своего ручнаго инструмента. Ремесло продолжаетъ тутъ оставаться основаніемъ. Такое узкое техническое основаніе устраиваетъ всякій дѣйствительно научный анализъ процесса производства, такъ какъ каждый частичный процессъ, чрезъ который проходить продуктъ, долженъ быть выполненъ въ качествѣ частичной операціи (Theilarbeit) ремесленника. Именно потому, что ремесленная ловкость остается тутъ основаніемъ процесса производства, каждый отдѣльный рабочій приучивается исключительно къ одной частичной функціи, и его рабочая сила превращается въ пожизненный органъ этой функціи. Наконецъ, это раздѣленіе труда представляетъ собою особый родъ коопераціи, и многія изъ его выгодныхъ сторонъ вытекаютъ изъ существа коопераціи, какъ таковой, а не изъ особеннаго характера именно этой частной формы ея.

2. Частичный рабочій и его орудіе.

Если мы поближе присмотримся къ дѣлу, то мы прежде всего замѣтимъ, что рабочій, который всю свою жизнь исполняетъ одну и ту же простую операцію, превращаетъ все тѣло свое въ автоматическій односторонній органъ этой операціи, а потому тратитъ на исполненіе ея меньше времени, чѣмъ ремесленникъ, который выполняетъ попеременно цѣлый рядъ операцій. Комбинированный совокупный рабочій, образующій живой механизмъ мануфактуры, состоитъ весь изъ такихъ одностороннихъ частичныхъ рабочихъ. Поэтому, сравнительно съ самостоятельнымъ ремесломъ, мануфактура производитъ больше въ меньшій промежутокъ времени, или, другими словами, увеличиваетъ производительную силу труда ²⁷⁾. Точно также и методы частичныхъ операцій совершенствуются, какъ только эти операціи становятся обособленными и исключительными функціями одного лица.

Постоянное повтореніе одной и той же ограниченной дѣятельности и сосредоточеніе вниманія на этой ограниченной задачѣ изучаетъ достигать желаемого полезнаго эффекта съ наименьшей затратой силъ. А такъ какъ въ однихъ и тѣхъ же мануфактурахъ всегда одновременно вѣсть живутъ и работаютъ различныя рабочія поколѣнія, то приобретенныя указаннымъ образомъ техническіе приемы и навыки скорѣе укрѣпляются, накапливаются и передаются отъ однихъ къ другимъ ²⁸⁾.

Мануфактура дѣйствительно создаетъ виртуозныхъ частичныхъ рабочихъ, воспроизводя внутри мастерской и систематически доводя до самаго крайняго выраженія то раздѣленіе труда, которое она находитъ въ обществѣ. Съ другой стороны, это превращеніе частичнаго труда въ жизненную профессію человѣка соответствуетъ стремленію прежнихъ обществъ дѣлать промышленныя занятія

²⁷⁾ «Чѣмъ болѣе сложная мануфактурная работа расщепляется между различными ремесленниками, тѣмъ лучше, скорѣе и съ меньшей потерей времени и труда идетъ дѣло». (The Advantages of the East India Trade. London, 1720, p. 71).

²⁸⁾ «Легкій трудъ есть передаваемое искусство». (Th. Hodgskin l. c. p. 125).

наслѣдственнымъ, облекать ихъ въ неподвижныя кастовыя или цеховыя формы, паперекоръ тѣмъ историческимъ условіямъ, которыя порождали измѣнчивость человѣческой личности, не мирившуюся съ кастовымъ строемъ. Касты и цехи—порожденіе того же самаго закона природы, который управляетъ дифференціаціей растений и животныхъ на виды и разновидности, съ той только разницей, что на извѣстной ступени развитія наслѣдственность кастъ или монополія цеховъ декретируется, какъ общественный законъ²⁹⁾. «Кисей, выдѣлываемая въ Даккѣ, по тонкости, сырцу и другія матеріи Короманделя, по красотѣ и прочности красокъ не были еще никогда превзойдены. Однако, эти матеріи производятся безъ капитала, безъ машинъ, безъ раздѣленія труда, и вообще безъ тѣхъ средствъ, которыя доставляютъ столько преимуществъ европейской фабрикаціи. Индійскій ткачъ представляетъ собою изолированнаго индивидуума, который по заказу приготовляетъ ткань на станкѣ самаго простаго устройства, часто состоящемъ просто изъ деревянныхъ, грубо сложенныхъ плетокъ. У него даже нѣтъ никакого аппарата для натягиванія основы; станокъ остается всегда растянутымъ по всю длину и вслѣдствіе этого столь нескладенъ и великъ, что для него не находится мѣста въ жилищѣ производителя, который, потому, долженъ исполнять свою работу на открытомъ воздухѣ, гдѣ каждая неблагоприятная перемена погоды прерываетъ ее»³⁰⁾. Своей виртуозностью плетущъ, какъ и плетущъ, обязанъ исключительно специальнымъ навыкамъ, накопленнымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и передаваемымъ отъ отца къ сыну. И, тѣмъ не менѣе, въ сравненіи съ большинствомъ мануфактурныхъ рабочихъ, такой индійскій ткачъ производитъ очень сложную работу.

Ремесленникъ, выполняющій одинъ за другимъ различныя частичныя процессы, составляющіе производство какого либо предмета, долженъ постоянно мѣнять то мѣсто, то инструменты. Переходъ отъ одной операціи къ другой прерываетъ теченіе его работы и образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ поры въ его рабочемъ днѣ. Эти поры сжимаются, какъ только онъ цѣлый день непрерывно продѣлываетъ одну и ту же операцію; другими словами, онъ исчезаетъ по мѣрѣ

²⁹⁾ «Искусства также... достигли въ Египтѣ значительной степени совершенства. Ибо только въ одной этой странѣ ремесленники не имѣли права вторгаться въ дѣла другихъ классовъ гражданъ, а должны были заниматься исключительно только тѣмъ ремесломъ, которое по закону принадлежало наслѣдственно ихъ роду... У другихъ народовъ бываетъ, что ремесленники удѣляютъ свое вниманіе слишкомъ большому количеству предметовъ. То они пробуютъ заниматься земледѣліемъ, то бросаются въ торговлю, то занимаются двумя или тремя ремеслами варазъ... Въ свободныхъ государствахъ они часто бѣгаютъ на народные собранія... Въ Египтѣ, наоборотъ, ремесленникъ подвергается тяжелымъ накладамъ, если онъ выѣшивается въ государственныя дѣла, или занимается варазъ нѣсколькими ремеслами. Такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ имъ прилежно заниматься своимъ дѣломъ... Кроме того, унаслѣдовавъ много правилъ отъ своихъ предковъ, они ревностно заботятся еще о новыхъ усовершенствованіяхъ». (Diodorus Siculus: «Историческая бібліотека» I. I, с. 44).

³⁰⁾ «Historical and descriptive Account of Brit. India etc. by Hugh Murray, James Wilson, etc.» Edinburgh 1832, т. II, р. 419.—Въ индійскомъ ткацкомъ станкѣ основа натягивается вертикально.

того какъ уменьшается разнообразіе производимыхъ операцій. Повышеніе производительности вытекаетъ здѣсь или изъ большей затраты рабочей силы въ данный промежутокъ времени, т. е. изъ роста интенсивности труда, или изъ уменьшенія непроизводительной траты рабочей силы. Излишняя трата силы, которая требуется при всякомъ переходѣ отъ покоя къ движенію, исчезаетъ вслѣдствіе большой продолжительности разъ достигнутой скорости работы. Но, съ другой стороны, это постоянно однообразной работы ослабляетъ силу и напряженіе духа, который въ разнообразіи труда находитъ себѣ отдыхъ и вѣстную подбадривающую прелесть.

Производительность труда зависитъ не только отъ виртуозности рабочаго, но и отъ степени совершенства его инструментовъ. Различнаго рода инструменты, какъ то. рѣзущіе, сверлящіе, ударяющіе, толкающіе и т. п., употребляются въ различныхъ процессахъ труда; и кромѣ того, въ одномъ и томъ же процессѣ одинъ и тотъ же инструментъ имѣетъ различныя назначенія. Но какъ только различныя операціи одного процесса труда отдѣляются одна отъ другой, и каждая частичная операція получаетъ въ рукахъ частичнаго рабочаго наиболѣе соответствующую себѣ назначенію, а, слѣдовательно, исключительную форму, — становятся необходимыми и соответственныя измѣненія въ инструментахъ, служившихъ прежде для нѣсколькихъ различныхъ цѣлей заразъ. Направленіе, въ которомъ должны происходить эти измѣненія формъ инструментовъ, указываетъ опытъ, т. е. наблюденія надъ тѣмъ затрудненіями, которыми предстаетъ старая, неизмѣненная форма. Эта дифференціація рабочихъ инструментовъ, въ силу которой инструменты одного рода получаютъ особыя прочныя формы сообразно каждому частному назначенію, и ихъ спеціализація, въ силу которой всякій такой частичный инструментъ проявляетъ свое полное дѣйствіе лишь въ рукахъ спеціализированныхъ частичныхъ рабочихъ, характеризуютъ мануфактуру. Въ одномъ Бирмингемѣ производится около 500 сортовъ молотовъ, изъ которыхъ иной сортъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ не только для особеннаго процесса производства, но и для различныхъ операцій въ одномъ и томъ же процессѣ. Мануфактурный періодъ упрощаетъ, улучшаетъ и разнообразитъ орудія труда путемъ приспособленія ихъ къ спеціальнымъ и исключительнымъ функциямъ частичныхъ работниковъ ³¹⁾. Тѣмъ самымъ онъ создаетъ одно изъ матеріальныхъ условій появ-

³¹⁾ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи видовъ», составившемъ эпоху въ естествознаніи, замѣчаетъ относительно естественныхъ органовъ растеній и животныхъ слѣдующее: «До тѣхъ поръ пока одинъ и тотъ же органъ долженъ исполнять различныя функціи, основаніе для его измѣняемости заключается, можетъ быть, въ томъ, что естественный подборъ въ этомъ случаѣ съ меньшей тщательностью сохраняетъ или уничтожаетъ всякое уклоненіе его формы отъ primitivной формы, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда органъ предназначенъ лишь для одной опредѣленной функціи. Такъ, напр., вожи, назначенныя для рѣзанія всякаго рода вещей, могутъ быть приблизительно одинаковой формы; между тѣмъ какъ инструментъ, назначенный лишь для одного опредѣленнаго употребленія, для всякаго другого употребленія долженъ обладать и другой формой».

левія машины, такъ какъ машина есть не что иное, какъ комбинація простыхъ инструментовъ.

Детальный рабочий и его инструментъ образуютъ простые составные элементы мануфактуры. Обратимся теперь къ ея общему строю.

3. Двѣ основныя формы мануфактуры: разнородная или гетерогенная мануфактура и мануфактура органическая.

Строй мануфактуры является намъ двѣ основныя формы, которыя, хотя и переплетаются иногда одна съ другою, но, по существу, представляются двумя различными видами и, въ частности, играютъ совершенно различныя роли въ позднѣйшемъ превращеніи мануфактуры въ крупную машинную индустрію. Этотъ двойственный характеръ вытекаетъ изъ природы самаго продукта. Послѣдній получаетъ свою окончательную, готовую форму или посредствомъ простого механическаго соединенія самостоятельныхъ частичныхъ продуктовъ, или посредствомъ послѣдовательнаго ряда связанныхъ между собой процессовъ и манипуляцій.

Локомотивъ, напр., состоитъ болѣе чѣмъ изъ 5000 самостоятельныхъ частей. Онъ, впрочемъ, не можетъ служить примѣромъ настоящей мануфактуры перваго рода, такъ какъ онъ уже есть порожденіе крупной промышленности. Но возьмемъ часы, на которыхъ William Petty иллюстрируетъ мануфактурное раздѣленіе труда. Изъ индивидуальнаго произведенія какаго-нибудь юнребергскаго часовщика, часы превратились въ общественный продуктъ многихъ частичныхъ работниковъ, каковы: Rohwerkmacher *), изготовитель часовыхъ пружинъ (Uhrfeder), изготовитель циферблатовъ, изготовитель спиральныхъ пружинъ, Steinlochmacher, Rubinhebelmacher, изготовитель стрѣлокъ, изготовитель часовыхъ коробокъ, изготовитель винтовъ, золотильщикъ, — со многими подраздѣленіями, какъ напр.: дѣлающій колеса (причемъ жѣдные колеса и стальные колеса производятся опять таки различными лицами), Triebmacher, Zeigewerkmacher, acheveur de pignon (укрѣпляетъ колеса, полируетъ facettes и пр.), Zapfenmacher, planteur de finissage (дѣлаетъ часовыя гири, вставляетъ различные механизмы и колеса) finisseur de barillet (вырѣзаетъ зубцы, даетъ надлежащую ширину отверстіямъ), Hemmungmacher, Steigradmacher, изготовитель маятниковъ, Paquettemacher (das Rückwerk, посредствомъ котораго регулируются часы), planteur d'échappement (настоящій Hemmungmacher); потомъ repasseur de barillet, полировщикъ стальныхъ частей, полировщикъ колесъ, полировщикъ винтовъ, рисовальщикъ цифръ, Blattmacher (наводитъ эмаль на жѣло), fabricant de pendants (дѣлающій лишь кольцо къ часовой коробкѣ), finisseur de charnière (вставляетъ жѣдный штафтъ въ средину коробки и пр.), faiseur de secret (дѣлающій ту пружину, отъ дѣйствія которой отскакиваетъ

*) Мы оставляемъ здѣсь безъ перевода многія изъ французскихъ и нѣмецкихъ названій, для которыхъ не могли (да врядъ ли они и существуютъ) подыскать подходящія русскія названія. Самъ авторъ тоже оставилъ безъ перевода рядъ французскихъ названій. Прим. перев.

крышка часовъ, гравёръ, ciseleur, позпровщикъ часовыхъ коробокъ и пр., и пр.; наконецъ, *gerasseur*, который собираетъ часы въ одно цѣлое и пускаетъ ихъ въ ходъ. Лишь немногія части часовъ проходятъ чрезъ различныя руки, и всѣ эти *members disjoints* впервые собираются воедино въ тѣхъ рукахъ, которые составляютъ изъ нихъ одинъ цѣлый организмъ. При такомъ чисто вышнемъ отношеніи готового продукта къ его разнороднымъ элементамъ, въ производствѣ часовъ, какъ и всѣхъ другихъ подобныхъ продуктовъ, соединеніе (комбинація) частичныхъ рабочихъ въ одной мастерской остается явленіемъ еще чисто случайнымъ. Частичныя работы могутъ производиться какъ самостоятельныя ремесла; такъ именно и дѣлается въ Вадтскомъ и Невшательскомъ кантонахъ, между тѣмъ какъ, напр., въ Женевѣ мы видимъ большія часовыя мануфактуры, т. е. непосредственную кооперацію частичныхъ рабочихъ подъ начальствомъ капитала. Но и въ послѣднемъ случаѣ циферблаты, пружины и коробки рѣдко готовятся на самой мануфактурѣ. Комбинированный мануфактурный способъ производства здѣсь лишь при исключительныхъ условіяхъ прибыленъ, такъ какъ между работниками, желающими работать на дому, конкуренція обыкновенно оказывается неисчислимою; и кромѣ того, расчлененіе производства на массу разнородныхъ процессовъ допускаетъ лишь въ незначительныхъ размѣрахъ общее пользованіе рабочими орудіями и др. средствами производства; наконецъ, при разбросанной фабрикаціи капиталистъ не долженъ тратить на постройку зданій и т. п. ²²⁾ Однако, положеніе этихъ частичныхъ рабочихъ, работающихъ хотя на дому, но для капиталиста (*Fabricant, établisseur*), совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе самостоятельныхъ ремесленниковъ, работающихъ для своихъ собственныхъ заказчиковъ ²³⁾.

Второй родъ мануфактуры, ея наиболѣе совершенная форма, производитъ такіе продукты, которые, до полнаго своего изготовленія, проходятъ чрезъ мно-

²²⁾ Женевѣ въ 1854 г. произвелъ 80,000 часовъ, что не составляетъ и пятой части всего производства часовъ Невшательскаго кантона. *Chaux-de-Fonds*, который можно рассматривать какъ одну единую мануфактуру часовъ, производитъ одинъ ежегодно вдвое больше, чѣмъ Женевѣ. Съ 1850 до 1861 г. Женевѣ изготовила 750,000 часовъ. См.: «Report from Geneva on the Watch-Trade» въ «Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. N. 6. 1863». Если отсутствіе связи между процессами, на которые распадается производство механически составленныхъ продуктовъ, само по себѣ затрудняетъ превращеніе такихъ мануфактуръ въ крупное машинное производство, то въ производствѣ часовъ къ этому присоединяются еще два препятствія, а именно: малая величина и деликатность ихъ составныхъ частей и ихъ характеръ предметовъ роскоши, вслѣдствіе чего они представляютъ значительное разнообразіе сортовъ; напр., въ лучшихъ лондонскихъ фирмахъ въ теченіе цѣлаго года едва изготовляютъ дюжину совершенно одинаковыхъ часовъ. Часовая фабрика *Vacheron et Constantin*, которая съ успѣхомъ употребляетъ машины, изготовляетъ не больше 3—4 сортовъ, отличающихся между собою по формѣ и величинѣ.

²³⁾ На часовомъ дѣлѣ, этомъ классическомъ примѣрѣ разнородной мануфактуры, можно очень точно изучить вышеупомянутыя дифференціацію и специализацію инструментовъ труда, вытекающую изъ положенія ремесленной дѣятельности.

тія, связанная между собою, фазы развитія, чрезъ цѣлый рядъ постепенныхъ процессовъ: такъ, напр., въ игольной мануфактурѣ проволока проходитъ чрезъ руки 72 и даже 92 частичныхъ работниковъ.

Поскольку такого рода мануфактура соединяетъ раздѣленные первоначально ремесла, она уменьшаетъ пространственное раздѣленіе между частными фазами производства данного продукта. Время, необходимое для перехода его изъ одной стадіи въ другую, сокращается, равно какъ и трудъ, требуемый этими переходами²⁴⁾. Такимъ образомъ, въ сравненіи съ ремесломъ увеличивается производительная сила труда, и этотъ выигрышъ вытекаетъ именно изъ общаго кооперативнаго строя мануфактуры. Съ другой стороны, свойственный мануфактурѣ принципъ раздѣленія труда обуславливаетъ собою изолированіе различныхъ фазъ производства, которыя становятся самостоятельными по отношенію другъ къ другу, превращаясь въ отдѣльныя независимыя частичныя работы ремесленного характера. Установленіе и поддержаніе связи между этими изолированными функциями требуетъ постояннаго перехода продукта изъ однихъ рукъ въ другія и изъ одного процесса въ другой. Съ точки зрѣнія крупной индустріи, это обстоятельство, знаменуя собой узость мануфактурнаго способа производства, является характернымъ и убыточнымъ недостаткомъ, присущимъ самому принципу мануфактуры²⁵⁾.

Если мы будемъ разсматривать опредѣленное количество сырого матеріала, — напр., извѣстное количество трипья въ пшечубажной мануфактурѣ, или проволоки въ игольной мануфактурѣ, — то мы увидимъ, что, прежде чѣмъ принять свою окончательную форму, матеріалъ этотъ долженъ пройти, въ рукахъ различныхъ частичныхъ рабочихъ, цѣлый рядъ послѣдовательныхъ фазъ производства. Если же, напротивъ того, разсматривать мастерскую, какъ одинъ совокупный организмъ, то сырой матеріалъ сразу и одновременно находится во всѣхъ фазахъ своего производства. Одной частью своихъ многочисленныхъ, вооруженныхъ инструментами рукъ соединенный рабочій, составленный изъ отдѣльныхъ частичныхъ рабочихъ, тянетъ проволоку, между тѣмъ какъ другими руками и инструментами онъ одновременно выпрямляетъ ее, третьими рѣшетъ, заостряетъ и т. п. Различные постепенно совершающіеся процессы изъ послѣдовательныхъ во времени становятся здѣсь одновременными, сосуществующими въ пространствѣ. Это позволяетъ получать въ данный промежутокъ времени большее количество готового товара²⁶⁾. Правда эта одновременность вытекаетъ изъ общей

²⁴⁾ «Когда люди такъ близко живутъ другъ отъ друга, на перевозку должно теряться меньше времени». («The advantages of the East India Trade», p. 106).

²⁵⁾ «Изолированіе различныхъ стадій мануфактуры, протекающее отъ приписанія ручного труда, значительно увеличиваетъ издержки производства; причемъ главная потеря происходитъ отъ траты времени на переходы отъ одного процесса къ другому». («The Industry of Nations. Lond. 1885», Part. II, p. 200).

²⁶⁾ «Оно (раздѣленіе труда) производитъ также экономію во времени, раздѣляя производство на различныя части, которыя могутъ исполняться одновременно... При одновременномъ исполненіи различныхъ операций, которыя одинъ индивидуумъ долженъ былъ бы совершать каждую отдѣльно, получается возможность произво-

кооперативной формы совокупного процесса; однако, мануфактура не только находит условия кооперации уже готовыми, но частью сама же впервые создает их посредством расчленения ремесленной деятельности. Сь другой стороны, этой общественной организации процесса труда она достигает лишь тѣмъ, что приковываетъ каждого рабочаго къ одной и той же частичной операци.

Такъ какъ частичный продуктъ каждого частичнаго рабочаго представляетъ лишь особую стадію въ развитіи одного и того же конечнаго продукта, то каждый рабочій или группа рабочихъ доставляютъ другимъ сырой матеріалъ для ихъ работы. Результатъ труда одного рабочаго образуетъ исходный пунктъ труда другого. Одинъ рабочій, слѣдовательно, здѣсь непосредственно занимаетъ другого. Рабочее время, необходимое для достиженія наміченнаго полезнаго эффекта, опредѣляется въ каждомъ частичномъ процессѣ опытнымъ путемъ; совокупный механизмъ мануфактуры основывается на томъ предположеніи, что въ данный промежутокъ рабочаго времени достигается данный результатъ. Только при этомъ условіи, различные, дополняющіе другъ друга, процессы труда могутъ совершаться непрерывно, одновременно и рядомъ другъ сь другомъ. Ясно, что эта непосредственная зависимость работъ, а, слѣдовательно, и рабочихъ другъ отъ друга заставляетъ каждого отдѣльнаго работника употреблять на свою функцию только дѣйствительно необходимое рабочее время, вслѣдствіе чего трудъ обнаруживаетъ здѣсь такую непрерывность, правильность, такое единообразие, такой порядокъ ²⁷⁾ и, особенно, такую интенсивность, какихъ мы не находимъ ни въ независимомъ ремеслѣ, ни даже въ простой коопераци. Затрата на производство товара только общественно необходимаго рабочаго времени—при извлеченномъ товарномъ производствѣ—вынуждается лишь чисто вышнимъ образомъ, путемъ давленія конкуренціи, тѣмъ что, выражаясь поверхностно, каждый отдѣльный производитель долженъ продавать свой товаръ по рыночной цѣнѣ. Напротивъ того, въ мануфактурѣ, производство даннаго количества продукта въ опредѣленное рабочее время становится техническимъ закономъ самого процесса производства ²⁸⁾.

Однако, различные операци требуютъ для своего выполненія неравныхъ промежутковъ времени и доставляютъ въ одинаковые промежутки времени неодинаковыя количества частичныхъ продуктовъ. Поэтому, чтобы одни и тѣ же рабочіе изо дня въ день совершали однѣ и тѣ же операци, различными операциями должно быть занимаемо различное число рабочихъ. Напр., въ словолитнѣ, гдѣ литейщикъ выливаетъ въ часъ 2.000 буавъ, отбивальщикъ отбиваетъ 4.000,

дуть, напр., множество совершенно отдѣльныхъ буавокъ въ такое количество времени, которое требуется на то, чтобы обрѣзать или заострить одну только буавку». (Dugald Steward, l. c. p. 319).

²⁷⁾ «Чѣмъ разнообразіе составъ рабочихъ на какой-нибудь мануфактурѣ... тѣмъ больше порядка и правильности въ каждомъ дѣлѣ, тѣмъ меньше времени и труда оно требуетъ». («The Advantages etc.», p. 68).

²⁸⁾ Впрочемъ, во многихъ отрасляхъ мануфактурнаго производства достигается этого результата не вполне, такъ какъ оно не умѣетъ точно контролировать общія химическія и физическія условія процесса производства.

а полпровщикъ ползуреть 8.000,—на каждаго полпровщика должно быть двое отбивальщиковъ и четверо литейщиковъ. Здѣсь мы снова видимъ принципъ коопераціи въ его простѣйшей формѣ,—т. е. одновременное занятіе многихъ работниковъ однороднымъ дѣломъ; но теперь этотъ принципъ является передъ нами какъ выраженіе нѣкотораго органическаго отношенія. Итакъ, мануфактурное раздѣленіе труда не только упрощаетъ и разнобразитъ качественно различные органы общественно-коллективнаго рабочаго, но создаетъ еще математически опредѣленные отношенія между количественными размѣрами этихъ органовъ, т. е. для относительнаго числа рабочихъ или для относительной величины рабочихъ группъ, исполняющихъ каждую отдѣльную функцію. Вместе съ качественнымъ расчлененіемъ общественного процесса труда, оно развиваетъ также его количественный строй и его пропорціональность.

Разъ наиболее рациональная при данныхъ размѣрахъ производства, относительная численность различныхъ группъ частичныхъ рабочихъ опредѣлена на основаніи опыта,—расширеніе этихъ размѣровъ возможно уже только посредствомъ относительнаго увеличенія каждой отдѣльной группы рабочихъ³⁹). Къ этому еще присоединяется, что одинъ и тотъ же индивидуумъ можетъ исполнять извѣстныя работы одинаково хорошо,—будутъ ли онѣ производиться въ большихъ или въ малыхъ размѣрахъ; таковы, напр., трудъ высшаго надзора, перемѣщеніе частичныхъ продуктовъ изъ одной фазы производства въ другую и т. п. Обособить эти функціи какъ самостоятельныя или присовоить ихъ особымъ рабочимъ становится, поэтому, выгоднымъ лишь съ увеличеніемъ числа занятыхъ рабочихъ; но это увеличеніе должно тогда тотчасъ въ соотвѣтствующемъ объемѣ охватить всѣ группы рабочихъ.

Каждая отдѣльная группа,—извѣстное число рабочихъ, исполняющихъ одну или часть частичную функцію,—состоитъ изъ однородныхъ элементовъ и образуетъ особый органъ совокупнаго механизма. Однако, въ различныхъ мануфактурахъ и группа рабочихъ составляетъ расчлененный рабочій организмъ, между тѣмъ какъ совокупный механизмъ образуется лишь посредствомъ повторенія или умноженія этихъ элементарныхъ производительныхъ организмовъ. Возьмемъ, напр., мануфактуру бутылокъ. Она распадается на три существенно различающіяся между собой фазы. Во-первыхъ—подготовительная фаза, заключающаяся въ приготовленіи стекляннаго состава, т. е. въ смѣшиваніи песку, извести и т. п., и въ расплавленіи этого состава въ жидкую стеклянную массу⁴⁰). Въ этой

³⁹) «Разъ опытъ научилъ раздѣлять извѣстную фабрикацію на частичныя операціи наиболее выгоднымъ образомъ, соотвѣтственно особой природѣ продукта каждой мануфактуры, а равно опредѣлять число рабочихъ, необходимыхъ для этой мануфактуры,—всѣ введенія, которыя не будутъ занимать рабочаго персонала, составляющаго точное кратное вышеуказаннаго числа, будутъ пропадать съ большими издержками... Это есть одна изъ причинъ колоссальнаго объема промышленности введеній». (Ch. Babbage: «On the Economy of Machinery». Lond. 1832, ch. XXI. p. 172, 173).

⁴⁰) Въ Англіи плавильная печь совершенно отдѣлена отъ той печи, въ которой содержится расплавленное уже стекло, во время его обработки; въ Бельгіи же одинъ и та же печь служить для обеихъ этихъ процессовъ.

первой фазѣ заняты различныя частичныя рабочіе, такъ же какъ и въ заключительной фазѣ, т. е. въ удаленіи бутылокъ изъ сушильной печи, сортировкѣ ихъ, упаковкѣ и т. п. Между этими двумя фазами, посредникъ, находится фабрикація стекла въ собственномъ смыслѣ или обработка жидкой стеклянной массы. У одного и того же отверстія печи, содержащей жидкую массу, работаетъ группа рабочихъ, называемая въ Англіи «hole» (дыра), и состоящая изъ одного bottle maker (дѣлателя бутылокъ) или finisher, одного blower (выдувальщика), одного gatherer, одного putter или whetter of и одного taker. Эти пять частичныхъ рабочихъ образуютъ пять отдѣльныхъ органовъ одного и того же рабочего тѣла, которое можетъ дѣйствовать только какъ единое цѣлое, т. е. посредствомъ непосредственной коопераціи этихъ пяти человекъ. Если одного изъ пяти членовъ недостаетъ, то все тѣло оказывается парализованнымъ. Но одна и та же стеклоплавильная печь имѣетъ нѣсколько отверстій,—въ Англіи, напр., отъ 4 до 6,—въ каждой изъ которыхъ содержится глиняный плавильный тигль съ жидкимъ стекломъ, дающій занятіе особой рабочей группѣ пятичленнаго состава. Расчлененіе каждой отдѣльной группы основывается здѣсь непосредственно на раздѣленіи труда; между тѣмъ какъ различныя однородныя группы связываются между собой простой коопераціей, въ силу которой, путемъ совместнаго пользованія, болѣе экономно потребляется одно изъ средствъ производства, т. е. въ данномъ случаѣ стеклоплавильная печь. Такая печь съ ея 4—6 группами образуетъ стеклянную мастерскую; стеклянная же мануфактура (заводъ) охватываетъ нѣсколько такихъ мастерскихъ, и кромѣ того заведеніи и рабочихъ, функціи которыхъ составляютъ подготовительныя и заключительныя фазы производства.

Наконецъ, мануфактура, подобно тому какъ она происходитъ частью изъ комбинаціи различныхъ ремеслъ, сама можетъ развиваться въ сочетаніе (комбинацію) различныхъ мануфактуръ. Напр., крупныя англійскіе стеклянные заводы фабрикуютъ сами свои глиняные плавильные тигли, потому что отъ ихъ достоинства существенно зависить качество продукта. Такимъ образомъ, здѣсь мануфактура, производящая данный продуктъ, сочетается съ мануфактурой, производящей его средство производства. Мануфактура продукта можетъ быть также соединена съ такими мануфактурами, въ которыхъ этотъ продуктъ служить сырымъ матеріаломъ или съ продуктами которыхъ онъ потомъ соединяется. Такъ, напр., мануфактура англійскаго бѣлаго хрустала часто комбинируется съ мануфактурой шлифованія стекла или даже съ затупно-шпательной мануфактурой, продукты которой употребляются какъ оправы для различныхъ стеклянныхъ предметовъ. Различныя комбинированныя мануфактуры образуютъ тогда пространственно болѣе или менѣе раздѣленныя части одной совокупной мануфактуры, представляя, въ то же время, независимыя другъ отъ друга процессы производства, каждый со своимъ собственнымъ раздѣленіемъ труда. Несмотря на различныя выгоды, представляемыя комбинированной мануфактурой, она, однако не пріобрѣтаетъ настоящаго техническаго единства до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ существовать на своемъ собственномъ мануфактурномъ основаніи. Такое единство возникаетъ лишь при превращеніи мануфактуры въ машинное производство.

Мануфактурный періодъ, который въ качествѣ своего ясно сознавшаго принципа провозглашаетъ уменьшеніе (необходимаго для производства товаровъ рабочаго времени ⁴¹⁾), развиваетъ спорадически также употребленіе машинъ, особенно въ нѣкоторыхъ простыхъ первоначальныхъ процессахъ, которые приходится выполнять только въ большихъ размѣрахъ и съ большой тратой силъ. Такъ, напр., на пшечубуажныхъ мануфактурахъ рано стали употребляться особыя мельницы для размельченія тряпокъ; а на металлургическихъ заводахъ—механическія толчеи для раздробленія руды ⁴²⁾. Самая первичная форма всякой машины передана намъ римской имперіей въ лицѣ водяной мельницы ⁴³⁾. Ремесленный періодъ завѣщалъ также великія открытія: компасъ, порохъ, книгопечатаніе и автоматическіе часы. Въ общемъ, однако, машина въ мануфактурный періодъ играетъ только ту побочную роль, которую Адамъ Смитъ отводитъ ей рядомъ съ раздѣленіемъ труда ⁴⁴⁾. Очень важнымъ становится спорадическое употребленіе машинъ въ XVII стол., такъ какъ онѣ доставили великимъ математикамъ того времени практическую точку приложенія и стимулъ для созданія современной механики.

Специфической машиной мануфактурнаго періода остается самъ коллективный рабочий, скомбинированный изъ многихъ частичныхъ работниковъ. Различныя операціи, которыя производитель одного товара исполняетъ поочередно въ продолженіе всего процесса труда, и которыя переплетаются между собой, требуютъ съ его стороны очень разнородныхъ успій. Въ одной операціи онъ долженъ развить больше силы, въ другой проявить больше ловкости, въ третьей—больше техническаго вниманія и т. д., а между тѣмъ одинъ и тотъ же индивидуумъ не обладаетъ всѣми этими качествами въ равной мѣрѣ. Послѣ того, какъ раздѣляются, изолируются и обособляются различныя операціи,—раздѣляются, класси-

⁴¹⁾ Это можно, между прочимъ, усмотрѣть изъ сочиненія слѣдующихъ авторовъ: W. Petty, John Bellers, Andrew Yarranton, автора «The Advantages of the East India Trade» и J. Vanderlint.

⁴²⁾ Еще въ концѣ XVI-го столѣтія во Франціи для раздробленія и промыванія руды употреблялись ступки и рѣшета.

⁴³⁾ Всю исторію развитія машины можно прослѣдить на исторіи мукомольныхъ мельницъ. По англійски фабрика все еще называется mill—мельницей. Въ нѣмецкихъ технологическихъ сочиненіяхъ первыхъ десятилѣтій XIX-го стол. выраженіе «Mühle» употребляется еще не только для тѣхъ машинъ, которыя приводятъ въ движеніе силами природы, но и для всѣхъ мануфактуръ, которыя употребляютъ какіе бы то ни было машинообразные аппараты.

⁴⁴⁾ Адамъ Смитъ, какъ это будетъ указано подробнѣе въ четвертой книгѣ *) этого сочиненія, не установилъ ни одного новаго положенія относительно раздѣленія труда. Но для него въ качествѣ обобщающаго эконоμиста мануфактурнаго періода характерно это удареніе, съ которымъ онъ говоритъ о раздѣленіи труда. Подчиненная роль, которую онъ отводитъ машинамъ, вызвала, въ началѣ развитія крупной промышленности, возраженія со стороны Lauderdale'я, а въ эпоху большаго развитія ея—со стороны Уге. А. Смитъ смѣшиваетъ также дифференціацію инструментовъ труда, въ которой играли очень дѣятельную роль сами частичные рабочие мануфактуры,—съ вобрѣтеніемъ машинъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ изобрѣтателями фигурируютъ не мануфактурные рабочіе, а ученые, ремесленники и даже земледѣльцы (Brindley) и др.

*) Четвертая книга или четвертый томъ «Капитала» до сихъ поръ не выданъ. Прим. Н. С.

фиксируются и группируются по своим преобладающим качествам и сами рабочие. Таким образом, если природные особенности рабочих образуют основу, на которой вырастает разделение труда, то мануфактура, раз утвердившись, развивает те рабочие силы, которые, по своим природным свойствам, годятся только для односторонних специальных функций. Совокупный рабочий обладает в силу этого всеми производительными качествами в одинаковой степени виртуозности и, в то же время, расходует их самым экономным образом, так как все свои органы, индивидуализированные в отдельных рабочих или рабочих группах, он употребляет исключительно для их специальных функций⁴⁵). Односторонность и даже неохотности частичного рабочего становятся его преимуществами, раз он превращается в часть совокупного, коллективного рабочего⁴⁶). Привычка к односторонней функции превращает его в орган этой функции, действующий с естественной точностью, между тем как весь строй совокупного механизма составляет частичного рабочего работать с машинной правильностью⁴⁷).

Так как различные функции коллективного рабочего бывают более простыми или более сложными, более низкими или более высокими, то и органы его, т. е. индивидуализированные рабочие силы, требуют тоже различной степени подготовки и, поэтому, обладают различной ценностью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочей силы, которой соответствует целая лестница заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приурочивается к одной единственной функции и на всю жизнь к ней прикрѣпляется, то, с другой стороны, различные рабочие операции точно также приспособляются к вышеуказанной иерархии природных и приобретенных качеств⁴⁸). Каждый процесс производства требует, однако, и та-

⁴⁵) «Когда производство сложного продукта разделяется на множество различных операций, каждая из которых требует различной степени ловкости и силы, то хозяин мануфактуры может всегда достать такое количество силы и искусства, которое точно соответствует каждой операции. Если бы же, наоборот, весь продукт должен был быть сделан одним рабочим, то последний должен был бы обладать достаточным искусством для тонких операций и достаточной силой для тяжелых». (Ch. Babbage, l. c. ch. XIX).

⁴⁶) Напр., одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. и.

⁴⁷) На вопрос съездившего комиссара, — каким образом поддерживается внимание к труду между работающими подростками, Wm. Marshall, главно-управляющий одной стеклянной мануфактурой, совершенно верно ответил: «Они не могут относиться небрежно к своему делу; раз они начали, они должны продолжать; они представляют из себя не более как части машины». (Child. Empl. Comm. Fourth Report, 1865, p. 247).

⁴⁸) D-r Уге в своем апофеозе крупной промышленности гораздо отчетливее схватывает характерные особенности мануфактуры, чем предшествовавшие ему экономисты, лишённые его полемического интереса, и даже чем его современник, напр. Babbage, который превосходит его как математик и механик, но который рассматривает крупную индустрию, собственно говоря, лишь с точки зрения мануфактуры. Уге замечает: «Приурочение рабочих к отдельным операциям составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он изображает это разделение, как «приспособление разных работ к различным

ких простых операций, на которыя от природы способен каждый человек; но эти простые операции теперь тоже освобождаются от своей подвижной связи съ болѣе содержательными моментами дѣятельности и застываютъ въ исключительныя функціи.

Поэтому мануфактура въ каждомъ ремеслѣ, которое она захватываетъ, создаетъ классъ такъ называемыхъ необученныхъ или неискусныхъ (*ungeschulte Arbeiter*), которыхъ прежде ремесленное производство вовсе не знало. Развивая до виртуозности какую-нибудь одну, обособленную до полной односторонности, специальность насчетъ всѣхъ остальныхъ способностей, мануфактура начинаетъ даже превращать въ специальность и самое отсутствіе всякаго развитія. Рядомъ съ іерархической лѣстницей, выступаетъ на сцену простое дѣленіе рабочихъ на искусныхъ и неискусныхъ. Для послѣднихъ вовсе не требуется никакихъ издержекъ на обученіе, а для первыхъ онѣ, вслѣдствіе упрощенія функцій, понижаются въ сравненіи съ издержками на обученіе ремесленника. Въ обоихъ случаяхъ понижается цѣнность рабочей силы ⁴⁹⁾. Исключенія изъ этого встрѣчаются лишь постольку, поскольку разложеніе процесса труда порождаетъ нѣкоторыя новыя сложныя функціи, которыя при ремесленномъ производствѣ вовсе не существовали или существовали не въ такихъ размѣрахъ. Относительное пониженіе цѣпности рабочей силы, происходящее отъ исчезновенія или уменьшенія издержекъ на обученіе, непосредственно обуславливаетъ собой болѣе значительное возрастаніе цѣпности капитала, ибо все, что сокращаетъ время, необходимое для воспроизведенія рабочей силы, развиваетъ область прибавочнаго труда.

4. Раздѣленіе труда внутри мануфактуры и раздѣленіе труда внутри общества.

Мы разсматривали сначала происхожденіе мануфактуры, потомъ ея простыя элементы,—частичнаго рабочаго и его орудіе,—и наконецъ, ея совокупный механизмъ. Теперь мы кратко разсмотримъ отношеніе между мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда и общественнымъ его раздѣленіемъ, составляющимъ общую основу всякаго товарнаго производства.

Если имѣть въ виду только самый трудъ, то раздѣленіе производства на его крупныя роды, земледѣіе, индустрію и пр., можно назвать общимъ раздѣленіемъ труда (*Teilung der Arbeit im Allgemeinen*); раздѣленіе этихъ родовъ производства на виды и разновидности—частнымъ раздѣленіемъ труда (*Teilung der Arbeit im Besonderen*); а раздѣленіе труда внутри мастерской—единичнымъ раздѣленіемъ труда (*Teilung der Arbeit im Einzelnen*) ⁵⁰⁾.

индивидуальнымъ способностямъ» и, наконецъ, всю мануфактурную систему онъ характеризуетъ, какъ «систему градацій, по степени умѣлости», какъ «раздѣленіе труда, соответственно различнымъ степенямъ ловкости» и т. д. (*Ure, Philos. of Manuf.*, p. 19—23, *passim*).

⁴⁹⁾ «Рабочій, совершенствуясь вслѣдствіе постоянного занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ, становится... болѣе дешевымъ». *Ure*, l. c. p. 19.

⁵⁰⁾ «Раздѣленіе труда начинается съ раздѣленія разнородѣвшихъ профессій и продолжается вплоть до того раздѣленія, при которомъ многіе работники раздѣляютъ

Раздѣленіе труда въ обществѣ и соответствующее ему ограниченіе отдѣльных личностей особыми сферами занятій развивается, подобно мануфактурному раздѣленію труда, изъ двухъ противоположныхъ исходныхъ точекъ. Внутри семьи ⁽³⁰⁴⁾ и въ расширенной семьѣ,—родъ—стихійно возникаетъ естественное раздѣленіе труда изъ различій пола и возраста, слѣдовательно, на чисто физиологической основѣ, которая расширяется въ своемъ содержаніи съ расширеніемъ общественной среды, съ увеличеніемъ народонаселенія и, особенно, съ возникновеніемъ столкновеній между различными племенами и порабощеніемъ одного племени другимъ. Съ другой стороны, какъ я уже раньше замѣтилъ, обмѣнъ продуктовъ зарождается сначала тамъ, гдѣ различныя семьи, племена, общества входятъ между собою въ сношенія, такъ какъ въ началѣ культуры самостоятельно выступаютъ другъ противъ друга не частныя лица, а семьи, племена и т. п. Различныя человѣческія общества находятъ въ окружающей ихъ природѣ различныя средства производства и существованія. Отсюда различія въ ихъ способахъ производства, образѣ жизни и продуктахъ. Эти-то естественныя, стихійныя различія и вызываютъ, при соприкосновеніи различныхъ общественныхъ единицъ между собою, взаимный обмѣнъ продуктовъ и, вслѣдствіе этого, превращеніе продуктовъ въ товары. Обмѣнъ не создаетъ различія сферъ производства, но только приводитъ эти различныя сферы во взаимныя отношенія и, такимъ образомъ, превращаетъ ихъ въ болѣе или менѣе зависимыя одна отъ другой отрасли совокупнаго общественнаго производства. Здѣсь общественное раздѣленіе труда возникаетъ путемъ обмѣна между первоначально-различными, но независимыми одна отъ другой сферами производства. Тамъ же, гдѣ исходную точку образуетъ физиологическое раздѣленіе труда, особые органы одного, непосредственно соединеннаго дѣла отдѣляются другъ отъ друга, распадаются,—главный толчокъ этому процессу распаденія даетъ обмѣнъ товаровъ съ чужими общинами,—и становятся настолько самостоятельными, насколько дальнѣйшая связь между отдѣльными видами труда опредѣляется уже лишь обмѣномъ продуктовъ въ товарной формѣ. Такимъ образомъ,

жду собою приготовленіе одного и того же продукта, какъ это бываетъ въ мануфактурѣ». (Storch: «Cours d'Econ. Pol.» парижское изданіе, t. I, p. 173). «У народовъ, достигшихъ нѣкоторой степени цивилизаціи, мы встрѣчаемъ три рода раздѣленія промышленности: первый родъ, который мы назовемъ общимъ, приводитъ къ различію производителей на земледѣльцевъ, мануфактуристовъ и торговцевъ; онъ относится къ тремъ главнымъ вѣтвямъ національной промышленности. Второй родъ, который можно назвать специальнымъ, есть раздѣленіе каждаго рода промышленности на виды... наконецъ третье раздѣленіе промышленности, которое слѣдовало бы назвать раздѣленіемъ работы или раздѣленіемъ труда въ собственномъ смыслѣ, есть раздѣленіе, устанавливающееся въ отдѣльныхъ ремеслахъ... устанавливающееся въ большей части мануфактуръ и мастерскихъ». (Skarbeck l. c. p. 84, 85).

⁽³⁰⁴⁾ Прим. къ 3 изд.—Позднѣйшія, весьма основательныя, изслѣдованія первобытнаго состоянія человѣчества убѣдили автора, что не семья развилась въ родъ, а наоборотъ—родъ былъ первоначальной, стихійной формой човѣческаго общества, основаннаго на кровномъ родствѣ, и что многоразличныя формы семьи развились уже потомъ, съ развитіемъ родовыхъ увѣ. Ф. Э.

въ одномъ случаѣ самостоятельныя прежде единицы теряютъ свою самостоятельность, въ другомъ—несамостоятельныя единицы приобретаютъ самостоятельность.

Основой всякаго развитого, обусловливаемого обмѣномъ товаровъ, раздѣленія труда, является отлѣненіе города отъ деревни⁶¹⁾. Можно сказать, что вся экономическая исторія общества сводится къ движенію этого противоположенія, на которомъ мы, однако, здѣсь долѣе не будемъ останавливаться.

Какъ для раздѣленія труда внутри мануфактуры матеріальной предпосылкой является извѣстное число одновременно занятыхъ рабочихъ, точно также и раздѣленіе труда внутри обществъ предполагаетъ извѣстную величину и извѣстную плотность народонаселенія, эти моменты играютъ здѣсь ту же роль, что и агломерация рабочихъ въ одной мастерской⁶²⁾. Впрочемъ, эта плотность есть нѣчто относительное. Сравнительно мало населенная страна съ развитыми средствами сообщеній обладаетъ болѣе густымъ населеніемъ, чѣмъ болѣе населенная страна съ неразвитыми средствами сообщеній. Въ этомъ смыслѣ, напр., сѣверные штаты Американскаго Союза гуще заселены, чѣмъ Индія⁶³⁾.

Такъ какъ товарное производство и товарное обращеніе составляютъ всеобщую предпосылку капиталистическаго способа производства, то для мануфактурнаго раздѣленія труда необходимо, чтобы раздѣленіе труда внутри общества достигло уже извѣстнаго развитія. И, наоборотъ, мануфактурное раздѣленіе труда дѣйствуетъ въ свою очередь на общественное раздѣленіе труда, развивая и умножая его. Но мѣръ дифференціаціи рабочихъ инструментовъ, все болѣе и болѣе дифференцируются и тѣ отрасли промышленности, которыя занимаются ихъ производствомъ⁶⁴⁾. Если мануфактурный способъ производства захватываетъ какое либо ремесло, которое до сихъ поръ было связано съ другимъ производствомъ, какъ главное или побочное, и производилось однимъ и тѣмъ же производителемъ,—то немедленно наступаетъ раздѣленіе и взаимное

⁶¹⁾ Sir James Steuart лучше, чѣмъ кто либо другой, изложилъ этотъ пунктъ. Насколько его сочиненіе, появившееся за 10 лѣтъ до «Wealth of Nations», теперь мало извѣстно, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что поклонники Мальтуса даже не знаютъ, что въ первомъ изданіи его сочиненія о населеніи, за исключеніемъ чисто декламаторской части, все остальное списано Мальтусомъ изъ Стюарта, да изъ сочиненій ионовъ Wallace и Townsend.

⁶²⁾ «Извѣстная густота населенія необходима для развитія социальныхъ отношеній въ той комбинаціи силъ, посредствомъ которой увеличивается продуктъ труда». (James Mill I. c. p. 50). «Съ увеличеніемъ количества рабочихъ, производительная сила общества возрастаетъ пропорціонально этому увеличенію, помноженіемъ на дѣйствія раздѣленія труда». (Th. Hodgskin I. c. p. 125, 126).

⁶³⁾ Съ 1861 г., вслѣдствіе громаднаго спроса на хлопчатую бумагу, въ нѣкоторыхъ густонаселенныхъ округахъ Ост-Индіи производство хлопка было расширено насчетъ производства риса. Вслѣдствіе этого возникъ частичный голодъ, такъ какъ за недостаткомъ въ средствахъ сообщеній, т.-е. въ силу отсутствія физической связи, неурожай риса въ одномъ округѣ не могъ быть возмѣщенъ своевременнымъ подвозомъ изъ другого округа.

⁶⁴⁾ Такъ, производство ткацкихъ челноковъ уже въ XVII-мъ стол. составляло въ Голландіи особенную отрасль промышленности.

обособление этих ремесел. Если же мануфактурное производство захватывает какую-нибудь отдельную ступень въ производствѣ какого-либо товара, то всѣ различныя ступени производства этого товара превращаются въ различные независимыя промыслы. Мы уже указывали, что тамъ, гдѣ продуктъ представляетъ лишь механически составленное изъ частичныхъ продуктовъ цѣлое, различныя частичныя операціи могутъ снова превратиться въ самостоятельныя ремесла. Для того, чтобы болѣе полно провести раздѣленіе труда въ мануфактурѣ, данную отрасль производства раскладываютъ на различныя, частью совершенно новыя, мануфактуры, соответственно разнообразію употребляемаго ею сырого матеріала, или сообразно различнымъ формамъ, которыя можетъ принять одинъ и тотъ же сырой матеріалъ. Такъ напр., уже въ первой половинѣ XVIII-го стол., въ одной Франціи производилось свыше 100 разнообразныхъ шелковыхъ матерій, а въ Авиньонѣ, напр., законъ объявлялъ, что «каждый ученикъ долженъ посвятить себя только одному какому-нибудь роду производства и не долженъ обучаться приготовленію многихъ родовъ матерій». Территориальное раздѣленіе труда, которое приурочиваетъ извѣстныя отрасли производства къ извѣстнымъ округамъ страны, получило новый толчокъ въ мануфактурномъ способѣ производства, который эксплуатируетъ всякаго рода особенности³⁴⁾. Богатый матеріалъ для раздѣленія труда внутри общества доставило мануфактурному періоду расширеніе всемірнаго рынка и колоніальная система, которыя принадлежать къ числу общихъ историческихъ условій широкаго общественаго раздѣленія труда. Здѣсь не мѣсто доказывать, какъ это раздѣленіе захватывается, рядомъ съ экономической, и всѣ другія сферы общества, вслѣдъ за основапіемъ для того развитія спеціализаціи или ремесленничества, для того раздробленія человѣка, которое еще у учителя А. Смита, А. Фергюсона исторгло восклицаніе: «Мы составляемъ націю илотовъ и между нами нѣтъ больше свободныхъ людей»³⁵⁾.

Несмотря, однако, на множество апологій и связующихъ нитей между раздѣленіемъ труда внутри общества и его раздѣленіемъ внутри мастерской, между ними существуетъ разница не только въ степени, но и по существу. Безспорно, наиболѣе полно эта апалогія обнаруживается тамъ, гдѣ существуетъ нѣкоторая внутренняя связь, соединяющая между собою различныя отрасли промышленности. Скотоводъ, напр., производитъ шкуры; кожевникъ превращаетъ эти шкуры въ кожу; сапожникъ передѣлываетъ кожу въ сапоги. Каждый изъ предшествовавшихъ сапожнику производителей производитъ полуфабрикатъ, а послѣдняя готовая форма—сапоги представляетъ комбинированный продуктъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ работъ. Къ этому надо прибавить тѣ разнообразныя отрасли труда, которыя доставляютъ средства производства скотоводу, кожевнику и

³⁴⁾ «Развъ шерстяное производство Англіи не раздѣлено на различныя части для отраслей, сообразно съ особенностями тѣхъ мѣстъ, гдѣ пропаводятся тѣ или другіе продукты; тонкія сукна пропаводятся въ Сомерсетширѣ, грубыя сукна въ Йоркширѣ, long ells—въ Эксетерѣ, soies—въ Салдбурѣ, крепны—въ Норвичѣ, понтыки—въ Кендалѣ, одѣяла—въ Whitney, и т. д.» (Berkeley: «The Querist» 1750, § 520).

³⁵⁾ A. Ferguson: «History of Civil Society»; Edinb. 1750, Part. IV, sect. II, p. 285.

сапожнику. Можно вообразить себѣ, выйдѣть съ А. Смитомъ, что это общественное раздѣленіе труда отличается отъ мануфактурнаго лишь субъективно, т. е. лишь въ глазахъ наблюдателя, который въ одномъ случаѣ охватываетъ однимъ взглядомъ всѣ разнообразныя частичныя операціи, совершающіяся рядомъ, на относительно тѣсномъ пространствѣ, между тѣмъ, какъ въ другомъ случаѣ, разсѣяніе этихъ операцій по большому пространству и значительное количество занятыхъ въ каждой отдѣльной отрасли работниковъ заслоняютъ отъ него ихъ взаимную связь ³¹⁾ Но что же устанавливаетъ эту связь между независимыми отраслями труда скотовода, кожевника, сапожника? Тотъ фактъ, что ихъ продукты суть товары. Что, наоборотъ, характеризуетъ мануфактурное раздѣленіе труда? То, что частичный работникъ производитъ продукты, не являющіеся товарами ³²⁾. Только коллективный продуктъ всѣхъ частичныхъ рабочихъ превращается въ товаръ ^{33a)}. Раздѣленіе труда внутри общества

³¹⁾ Въ настоящихъ мануфактурахъ, говоритъ онъ, раздѣленіе труда кажется болѣе значительнымъ потому, что «работники, занятые во всѣхъ отдѣльныхъ операціяхъ одного дѣла, часто могутъ быть соединены въ одной мастерской, гдѣ артель можетъ ихъ видѣть всѣхъ сразу. Наоборотъ, въ тѣхъ громадныхъ мануфактурахъ (!), которыя производятъ предметы потребленія для всей народной массы, каждая отрасль производства занимаетъ такое громадное число рабочихъ, что невозможно соединить ихъ всѣхъ въ одной и той же мастерской... раздѣленіе труда здѣсь не такъ легко наблюдать». (A. Smith: «Wealth of Nations», b. I. ch. I). Знаменитое мѣсто той же самой главы, которое начинается словами: «Взгляните въ самой цивилизованной и дѣйствующей странѣ на домашнюю обстановку самого простаго работника или поденщика»... и т. д., и расписываетъ далѣе, какимъ образомъ многочисленныя, разнообразныя отрасли промышленности всѣ выйдѣть удовлетворяютъ потребности самаго обыкновеннаго рабочаго,—почти буквально заимствовано изъ «Remarks» B. de Mandeville'я къ его сочиненію: «Fable of the Bees, or Private Vices, Publik Benefita». (Первое изданіе безъ примѣчаній въ 1706 г.; съ примѣчаніями—въ 1714 г.).

³²⁾ «Здѣсь не существуетъ болѣе ничего, что могло бы быть названо естественнымъ вознагражденіемъ индивидуальнаго труда. Каждый рабочій производить лишь нѣкоторую часть дѣлаго; а такъ какъ каждая часть сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности или полезности, то здѣсь нѣтъ ничего, что работникъ могъ бы схватить и о чемъ онъ могъ бы сказать: «это мое произведеніе, и его беру себѣ». («Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825». p. 25). Авторъ этого превосходнаго сочиненія—выщелитированный Th. Hodgskin.

^{33a)} Прим. къ 2-му изд.—Это различіе между мануфактурнымъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда янки весьма наглядно познали на практикѣ. Однимъ изъ новыхъ налоговъ, придуманныхъ въ Вашингтонѣ во время гражданской войны, былъ 6% налогъ на «всѣ продукты промышленности». На вопросъ: что такое промышленный продуктъ? законодатель отвѣчаетъ: вещь произведена, когда она сдѣлана (when it is made), а сдѣлана она, когда она уже совсѣмъ готова для продажи. Теперь приведемъ одинъ примѣръ изъ многихъ. На мануфактурахъ Нью-Йорка и Филадельфіи вонтики раньше «дѣлались» со всеми ихъ принадлежностями. Но такъ какъ вонтики составляютъ mixture compositum многихъ, совершенно отдѣльныхъ составныхъ частей, то онѣ, эти составныя части, мало по малу превратились въ продукты независимыхъ другъ отъ друга и производимыхъ въ разныхъ мѣстахъ отраслей. Эти частичныя продукты входятъ теперь, въ качествѣ самостоятельныхъ товаровъ, въ мануфактуру вонтиковъ, которая только собираетъ ихъ въ

обуславливается покупкой и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными операциями в мануфактурѣ обуславливается продажей различных рабочих силъ одному и тому же капиталисту, употребляющему ихъ какъ комбинируемую рабочую силу. Мануфактурное раздѣленіе труда предполагаетъ концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталиста, общественное же раздѣленіе труда предполагаетъ раздробленіе средствъ производства между многими, другъ отъ друга независимыми, товаропроизводителями. Въ то время, какъ въ мануфактурѣ желѣзный законъ относительнаго числа или пропорціональности приурочиваетъ опредѣленные массы рабочихъ къ опредѣленнымъ функциямъ, — въ распределеніи товаропроизводителей и ихъ средствъ производства между различными отраслями общественнаго труда господствуетъ произволъ и случай. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся придти въ состояніе равновѣсія: съ одной стороны, каждый товаропроизводитель долженъ всегда производить какую-либо потребительную цѣнность, а, следовательно, долженъ удовлетворять какой-либо особой общественной потребности, объемъ же этихъ потребностей количественно различенъ, и особенная внутренняя связь сплетаетъ различные массы потребностей въ одну естественную систему; съ другой стороны, законъ цѣнности товаровъ опредѣляетъ, какую долю всего находящагося въ его распоряженіи рабочаго времени общество можетъ издержать на производство каждаго отдѣльнаго рода товара. Но эта постоянная тенденція различныхъ сферъ производства — придти во взаимное равновѣсіе — проявляется лишь какъ реакція противъ постояннаго нарушенія этого равновѣсія. То правило, которое, въ раздѣленіи труда внутри мастерской, исполняется а priori и цѣлесообразно, въ раздѣленіи труда внутри общества дѣйствуетъ только а posteriori, какъ внутренняя, нѣмая, естественная необходимость, пересиливающая безпорядочный произволъ товаропроизводителей, необходимость, знать о которой даетъ лишь барометръ рыночныхъ цѣвъ. Мануфактурное раздѣленіе труда предполагаетъ безусловный авторитетъ капиталиста надъ людьми, которые составляютъ лишь простые органы принадлежащаго ему общаго механизма, общественное же раздѣленіе труда противопоставляетъ другъ другу независимыхъ товаропроизводителей, не признающихъ никакого другого авторитета, кромѣ авторитета конкуренціи, никакой другой силы, кромѣ давленія, оказываемаго на нихъ ихъ взаимными интересами, подобно тому, какъ въ животномъ царствѣ *bellum omnium contra omnes* обуславливаетъ собой такъ или иначе сохраненіе видовъ. Поэтому то же самое буржуазное сознаніе, которое мануфактурное раздѣленіе труда, пожизненно приковывающее рабочаго къ одной детальной операціи, и безусловное подчиненіе частныхъ работниковъ капиталу прославляетъ какъ нѣкую организацію труда, уве-

одно цѣлое. Люди называли такіе продукты «сборными предметами» (*assembled articles*), — названіе, котораго они вполне заслуживали, такъ какъ они служили своего рода «собрательными» налогомъ. Такъ зонтики «собирали», во первыхъ, 6% съ цѣны каждаго своего отдѣльнаго элемента, а потомъ снова 6% съ цѣны цѣлаго зонтика.

личивающую его производительную силу, — столь же громко влиять всякій сознательный общественный контроль и всякое регулирование общественного производственного процесса как посягательство на неприкосновенный права собственности, на свободу и самоопредѣляющуюся «гениальность» индивидуального капиталиста. Чрезвычайно характерно, что восторженные апологеты фабричной системы не могут сказать ничего болѣе сильнаго против общественной организаціи труда, какъ то, что такая организація превратила бы все общество въ одну сплошную фабрику!

Если въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, анархія общественнаго раздѣленія труда и деспотизмъ мануфактурнаго раздѣленія труда взаимно обуславливаютъ другъ друга, то, наоборотъ, прежнія общественныя формы, гдѣ обособленіе промысловъ развивается естественнымъ путемъ, потомъ кристаллизуется и, наконецъ, закрѣпляется путемъ закона, — съ одной стороны представляютъ намъ картину плановой и подчиненной авторитету организаціи общественнаго труда; съ другой же стороны, либо совершенно не знаютъ раздѣленія труда внутри мастерской, либо допускаютъ его въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, либо развиваютъ его лишь спорадически и случайно¹²⁹⁾.

Такъ, напр., первобытныя мелкія индійскія общины, отчасти еще продолжающія существовать до сихъ поръ, основываются на общинномъ владѣніи землей, на непосредственномъ соединеніи земледѣлія и ремесла, и на опредѣленной системѣ раздѣленія труда, которая служитъ какъ бы руководящимъ планомъ и образцомъ при основаніи новыхъ общинъ. Каждая изъ такихъ общинъ образуетъ самоувлѣющее производственное цѣлое, область производства котораго колеблется между 100 и нѣсколькими тысячами акровъ. Главная масса продуктовъ производится для потребностей самой общины, а не въ качествѣ товаровъ, а потому и самое производство не зависитъ здѣсь отъ обуславливаемаго товарнымъ обмѣномъ раздѣленія труда во всемъ индійскомъ обществѣ. Только избытокъ продуктовъ преуращается въ товары, и то отчасти — лишь въ рукахъ государства, которому съ незапамятныхъ временъ достается часть продуктовъ въ видѣ натуральной ренты. Въ различныхъ частяхъ Индіи существуютъ различныя формы общины. Въ простѣйшей формѣ, община обрабатываетъ сообща свою землю и раздѣляетъ продукты между своими членами; пряденьемъ же, тканьемъ и т. п. каждая семья занимается отдѣльно, какъ домашнимъ побочнымъ промысломъ. Рядомъ съ этой массой, занимающейся однороднымъ трудомъ, мы находимъ: «главнаго обывателя» или старшину, соединяющаго въ одномъ своемъ лицѣ судью, полицейскую власть и сборщика податей; бухгалтера, ведущаго отчетность по земледѣлію, и кадастрирующаго и

¹²⁹⁾ «Можно приять... за общее правило, что чѣмъ менѣе авторитетъ управляетъ раздѣленіемъ труда внутри общества, тѣмъ болѣе раздѣленіе труда развивается внутри мастерской, и тѣмъ болѣе оно подчиняется тамъ авторитету отдѣльнаго лица. Такимъ образомъ, роль авторитета въ мастерской обратно пропорціональна роли его въ обществѣ. (Karl Marx l. c. p. 130, 131).

регистрирующего все, что касается земледѣлія; третье должностное лицо, которое преслѣдуетъ преступниковъ, защищаетъ и провожаетъ отъ одной деревни до другой вностранныхъ путешественниковъ; пограничнаго сторожа, охраняющаго границы общины отъ сосѣдней общины; надзирателя за водоемами, который распределяетъ воду изъ общественнаго водохранилища для пужды земледѣлія; брамина, исполняющаго функціи религіознаго культа; школьнаго учителя, который на песокѣ обучаетъ дѣтей общины читать и писать; календарнаго брамина, въ качествѣ астролога опредѣляющаго время посѣва и жатвы, а также благопріятныя и неблагопріятныя часы для всякихъ отдѣльныхъ земледѣльческихъ работъ; кузнеца и плотника, которые наготовляютъ и поправляютъ всѣ земледѣльческія орудія; гончара, приготовляющаго всякую посуду для деревни; цирюльника; лицо, стирающее и чистящее одежду; серебряныхъ дѣлъ мастера и, наконецъ, кое гдѣ также поэта, который въ однихъ общинахъ исполняетъ также роль серебряныхъ дѣлъ мастера, въ другихъ—школьнаго учителя. Эта дюжина лицъ содержится на счетъ всей общины. Когда населеніе возрастаетъ, то на необработанной землѣ основывается новая община по образцу старой. Въ этомъ общинномъ механизмѣ мы видимъ плановѣрное раздѣленіе труда; но мануфактурное раздѣленіе труда здѣсь невозможно, такъ какъ потребность въ кузнецахъ, столярахъ и т. д. остается неизмѣнной, и самое большее, въ зависимости отъ величины деревни, вмѣсто одного ихъ имѣется двое или трое ⁶⁰⁾. Законъ, регулирующий раздѣленіе труда въ общинѣ, дѣйствуетъ здѣсь съ непрееркаемой силой физическаго закона; въ то же самое время каждый отдѣльный ремесленникъ, кузнецъ и пр., исполняетъ, хотя и традиціоннымъ способомъ, но самостоятельно, безъ подчиненія какому-либо авторитету, всѣ относящіяся къ его спеціальности функціи. Простой производительный организмъ этихъ самодовлѣющихъ общинъ, воспроизводящихся постоянно въ той же самой формѣ и снова появляющихся, послѣ каждаго случайнаго разрушенія, на старомъ мѣстѣ и полѣ старымъ названіемъ ⁶¹⁾,—даетъ ключъ къ загадкѣ, заключающейся въ неизмѣнности азіатскихъ обществъ, которая составляетъ такой контрастъ съ постояннымъ разрушеніемъ и новообразованіемъ азіатскихъ государствъ и непрерывной смѣной правителей и династій. Структура хозяйственныхъ элементовъ, лежащихъ въ основѣ этихъ обществъ, совсѣмъ не испытываетъ на себѣ дѣйствія бурь, разыгрывающихся въ надземной сферѣ политическихъ отношеній.

⁶⁰⁾ Lieut. Col. Mark Wilks: «Historical Sketches of the South of India. Lond. 1810—1817», т. I, р. 118—20. Хорошій обзоръ различныхъ формъ индійской общины можно найти въ сочиненіи George Campbell'я «Modern India. London 1852».

⁶¹⁾ «Въ этихъ простыхъ формахъ быта... обитатели страны живутъ съ незапамятныхъ временъ. Границы деревень очень рѣдко измѣнялись; и хотя сами деревни бывали иногда разорены и даже опустошаемы войной, голодомъ и повальными болѣзнями, тѣмъ не менѣе, то же самое названіе, тѣ же самыя границы, тѣ же самыя интересы и даже тѣ же самыя семейства продолжали существовать въ вѣка въ вѣкъ. Обитатели мало беспокоятся о крушеніяхъ и раздѣленіяхъ царствъ: развѣ деревня остается дѣла, они не заботятся, къ какому государству она причисляется, или какому монарху она подчинена; ея внутренняя экономія остается безъ пережвѣтъ». (Th. Stamford Raffles, late Lieut. Gov. of Java: «The History of Java. Lond. 1817», т. II, р. 285).

Цеховые уставы, какъ мы уже равнѣе замѣтили, планомѣрно препятствовали превращенію ремесленнаго мастера въ капиталиста, посредствомъ строгаго ограниченія числа подмастерьевъ, которое отдѣльный цеховой мастеръ могъ держать. Точно также подмастерьевъ онъ могъ занимать исключительно тѣмъ ремесломъ, въ которомъ самъ былъ мастеромъ. Цехи ревниво ограждали производство отъ захватовъ со стороны купеческаго капитала, — этой единственной свободной формы капитала, существовавшей рядомъ съ цехомъ. Купецъ могъ покупать всѣ товары, но не трудъ, какъ товаръ. Онъ былъ терпимъ лишь какъ скупщикъ (Verleger) ремесленныхъ продуктовъ. Если вышешія обстоятельства вызвали дальнѣйшее раздѣленіе труда, существующіе цехи распались на разповидности, или рядомъ со старыми цехами отлагались новые; но различныя ремесла никогда не соединялись въ одной мастерской. Поэтому, цеховая организація, хотя свойственный ей раздѣленіе, изолированіе и развитіе промышленныхъ занятій составляютъ необходимыя условія мануфактурнаго періода, была несовмѣстна съ мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда. Вообще, при цеховомъ строѣ работникъ и его средства производства оставались соединенными другъ съ другомъ, какъ улитка — со своей раковиной, и такимъ образомъ этому строю не доставало первой основы мануфактуры, т. е. отдѣленія отъ рабочихъ средствъ производства, въ самостоятельной формѣ капитала.

Тогда какъ раздѣленіе труда внутри цѣлаго общества, — все равно, обуславливается ли оно обмѣномъ товаровъ или нѣтъ — оказывается свойственнымъ самымъ различнымъ общественно-экономическимъ формаціямъ, мануфактурное раздѣленіе труда есть совершенно специфическое созданіе капиталистическаго способа производства.

5. Капиталистическій характеръ мануфактуры.

Значительное число рабочихъ, соединенныхъ подъ командой одного и того же капитала, составляетъ естественный исходный пунктъ, какъ коопераціи вообще, такъ и мануфактуры. И наоборотъ: мануфактурное раздѣленіе труда дѣлаетъ ростъ числа занимаемыхъ рабочихъ технической необходимостью. То минимальное число рабочихъ, которое отдѣльный капиталистъ долженъ занимать, предписывается ему теперь существующимъ уже раздѣленіемъ труда. Съ другой стороны, выгоды дальнѣйшаго раздѣленія труда обуславливаются дальнѣйшимъ увеличеніемъ числа рабочихъ; а это увеличеніе, какъ мы видѣли, осуществимо лишь въ кратныхъ числахъ. Съ увеличеніемъ же перемѣнной части капитала, должна возрастать и постоянная его часть, т. е. не только размѣръ общихъ условій производства — строеній, печей и т. п., но и сырой матеріалъ — и притомъ въ еще большей пропорціи, чѣмъ число рабочихъ. Масса сырого матеріала, потребляемая въ данное время даннымъ числомъ рабочихъ, возрастаетъ въ той же самой пропорціи, въ какой возрастаетъ производительная сила труда послѣдствіемъ его раздѣленія. Поэтому, и возрастаніе минимума капитала въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ или возрастающее превращеніе обще-

ственных средств существования и производства в капитал есть закон, вытекающий из технического характера мануфактуры ⁶²).

В мануфактурѣ, какъ и въ простой коопераціи, функционирующий рабочий организмъ представляетъ лишь особую форму существованія капитала. Общественный механизмъ производства, составленный изъ многихъ индивидуальных, частичныхъ рабочихъ, принадлежитъ капиталисту. Вытекающая изъ комбинаціи работъ производительная сила является, поэтому, какъ производительная сила капитала. Настоящая мануфактура не только ставитъ подъ команду и дисциплину капитала рабочего, бывшего прежде самостоятельнымъ, но создаетъ еще іерархическое расчлененіе между самими рабочими. Въ то время какъ простая кооперация, въ общемъ, оставляетъ почти безъ измѣненія способъ труда отдѣльнаго рабочего, мануфактура производитъ въ немъ полный переворотъ и овладѣвается индивидуальной рабочей силой въ самомъ ея корнѣ. Она казѣнитъ рабочего, превращаетъ его въ какого-то урода, чисто оранжерейнымъ путемъ вызывая въ немъ развитіе детальныхъ навыковъ и подавляя цѣлый міръ производительныхъ склонностей и способностей; она поступаетъ совершенно такъ, какъ скотопромышленники Ла-Платы, которые убиваютъ цѣлое животное ради одной его шкуры или сала. Не только особая частичная операція распределяется между различными индивидуумами, но и самъ индивидуумъ раздробляется, превращаясь въ автоматическое колесо, исполняющее одну частичную работу ⁶³; такимъ образомъ, онъ осуществляетъ нелѣпую басню Меленія Агриппы, изображающую человека, какъ простую часть его же собственного тѣла ⁶⁴). Первоначально рабочий продавалъ свою рабочую силу капиталу потому, что у него не доставало матеріальныхъ средствъ для производства товара, теперь же его индивидуальная рабочая сила сама отказывается служить, если она не продана капиталу. Она можетъ функционировать только въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя наступаютъ лишь послѣ того, какъ она уже продана, т. е. осуществляются въ мастерской капиталиста. По своимъ естественнымъ свойствамъ лишешный способности производить какую-нибудь самостоятельную работу, мануфактурный рабочий развиваетъ производительную дѣятельность уже только въ качествѣ

⁶²) «Недостаточно, чтобы въ обществѣ находился капиталъ, (слѣдовало бы сказать: средства существованія и производства), необходимый для дальнѣйшаго подраздѣленія ремесла, необходимо еще, чтобы этотъ капиталъ скопился въ рукахъ предпринимателей въ достаточно значительныхъ массахъ, такъ чтобы они были способны вести производство въ широкыхъ размѣрахъ... Чѣмъ болѣе раздѣленіе труда увеличивается, тѣмъ больше капитала требуетъ постоянное занятіе одного и того же числа рабочихъ—на приобрѣтеніе рабочихъ орудій, сырого матеріала и пр.» (Storch: «Cours d'Econ. Polit.», Парижское изданіе т. I, р. 250, 251). «Концентрація средствъ производства и раздѣленія труда столь же пераздѣльны другъ отъ друга, какъ пераздѣльны между собою, въ области политической, концентрація общественной власти и раздѣленіе частныхъ интересовъ». (Karl Marx I, с. р. 134).

⁶³) Dugald Stewart называетъ мануфактурныхъ рабочихъ: «живые автоматы... употребляемые для исполненія деталей извѣстнаго труда». (I, с. р. 318).

⁶⁴) У коралловъ каждый индивидуумъ представляетъ дѣйствительно желудокъ цѣлой группы. Но онъ доставляетъ ей пищу, а не отнимаетъ ея у нея, подобно римскому патрицію.

придатка или принадлежности мастерской капиталиста ⁶⁵⁾. Какъ у избраннаго народа было написано на лбу, что онъ собственности еговы, такъ и раздѣленіе труда накладывается на мануфактурнаго рабочаго клеймо, указующее, что онъ собственности капиталиста.

Знанія, пониманіе и воля, проявляемыя, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, самостоятельнымъ земледѣльцемъ или ремесленникомъ, — подобно тому, какъ дикарь все свое военное искусство проявляетъ въ формѣ личной хитрости, — теперь требуются лишь для веденія всей мастерской, какъ цѣлаго. Духовныя силы, управляющія производствомъ, разрастаются на одномъ пунктѣ, именно потому, что во многихъ пунктахъ онъ совершенно исчезаютъ. То, что теряютъ частныя рабочіе, концентрируется независимо отъ нихъ — въ капиталѣ ⁶⁶⁾. Такимъ образомъ, мануфактурное раздѣленіе труда противопоставляетъ рабочимъ духовныя силы, управляющія матеріальнымъ процессомъ производства, въ качествѣ чужой собственности и господствующей надъ ними власти. Процессъ разъединенія начинается въ простой коопераціи, гдѣ капиталистъ представляетъ, по отношенію къ отдѣльнымъ рабочимъ, въ своемъ лицѣ единство и волю общественнаго рабочаго организма. Процессъ этотъ продолжается въ мануфактурѣ, которая уродуетъ рабочаго, превращая его въ часть самого себя, въ частнаго рабочаго. Наконецъ, развитіе завершается въ крупной промышленности, которая отдѣляетъ науку въ качествѣ самостоятельной производственной силы отъ труда и заставляетъ ее служить капиталу ⁶⁷⁾.

Въ мануфактурѣ обогащеніе коллективнаго рабочаго, — а въ силу этого и капитала, — общественной производительной силой обуславливается объединеніемъ рабочихъ индивидуальными производительными силами. «Невѣжество есть мать какъ промышленности, такъ и суевѣрія. Разсудокъ и воображеніе могутъ заблуждаться, но привычка двигать рукой или ногой не зависятъ ни отъ разсудка, ни отъ воображенія. Поэтому, и мануфактуры наиболѣе процвѣтаютъ тамъ, гдѣ люди всего болѣе умѣютъ отрѣшиться отъ духовной работы, и гдѣ мастерская, такимъ образомъ, можетъ быть разсматриваема какъ машина, отдѣльными частями которой являются люди» ⁶⁸⁾. И дѣйствительно, въ срединѣ 18-го

⁶⁵⁾ «Работникъ, имѣющій въ своихъ рукахъ цѣлое ремесло, можетъ гдѣ угодно исполнять свой промыселъ и приобретать, такимъ образомъ, средства къ существованію; другой же (мануфактурный) есть только аксессуаръ, который, отдѣленный отъ своихъ собратьевъ, не имѣетъ ни способности, ни независимости и принужденъ соглашаться на вселчскія условія, которыя угодно будетъ ему предложить» (Storch. I. c. edit. Petersb. 1815, т. I, p. 204).

⁶⁶⁾ A. Ferguson, I. c. p. 281: «Одинъ можетъ выиграть то, что теряетъ другой».

⁶⁷⁾ «Человѣкъ науки и проповодительный работникъ раздѣлены одинъ отъ другого большимъ разстояніемъ, и наука, вмѣсто того, чтобы увеличивать въ рукахъ работника его собственную проповодительскую силу и для его собственной пользы, почти неадъ выступила противъ него... Знаніе становится инструментомъ, который можетъ быть отдѣленъ отъ труда и противопоставленъ ему» (W. Thompson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London 1824», p. 274).

⁶⁸⁾ A. Ferguson I. c. p. 280.

столятія нѣкоторыя мануфактуры всего охотѣе употребляли, для нѣкоторыхъ простыхъ операцій, составлявшихъ, однако, фабричную тайну, полуидіотствъ⁶⁹⁾.

«Умственные способности огромнаго большинства людей, говоритъ А. Смитъ, развиваются, всегда неизбѣжно исходя изъ повседневныхъ занятій и нѣ ихъ почвѣ. Человѣкъ, который всю свою жизнь тратитъ на продолжаніе немногихъ простыхъ операцій... не имѣетъ случая упражнять свой умъ... Онъ обыкновенно становится тупымъ и невѣжественнымъ, насколько это вообще возможно для человѣческаго созданія». Изобразивъ тупость частичнаго рабочаго, Смитъ продолжаетъ: «Однообразіе его неподвижной жизни естественно губитъ и силу его души... Оно разрушаетъ даже энергію его тѣла и дѣлаетъ его неспособнымъ къ сколько-нибудь продолжительному и энергическому употребленію своихъ силъ, иначе какъ въ той детальной работѣ, къ которой его приучили. Его искусство въ его специальной отрасли пріобрѣтается, слѣдовательно, насчетъ другихъ его интеллектуальныхъ, соціальныхъ и воинскихъ качествъ. Но, въ каждомъ промышленномъ и цивилизованномъ обществѣ, въ это состояніе необходимо должено впасть всякій работающій бѣднякъ (the labouring poor), т. е. огромное большинство народа»⁷⁰⁾. Чтобы помѣнять такому полному калѣченію народныхъ массъ, происходящему отъ раздѣленія труда, А. Смитъ рекомендуетъ народное образованіе на счетъ государства, хотя и въ осторожно отмѣренныхъ, гомеопатическихъ дозахъ. Противъ этого вопіетъ послѣдовательно полемизируетъ французскій переводчикъ и комментаторъ Смита G. Garnier, который, при первой имперіи, естественно вынулъ изъ севатора. Народное образованіе противорѣчитъ основнымъ законамъ раздѣленія труда, и одобрить его—значитъ «осудить всю нашу общественную систему». «Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, и это раздѣленіе между физическимъ и умственнымъ трудомъ⁷¹⁾ становится все яснѣе и все рѣшительнѣе по мѣрѣ того, какъ общество становится богаче (Garnier употребляетъ терминъ «общество» для капитала, земельной собственности и ихъ государства). Подобно всякому другому, и это раздѣленіе труда есть слѣдствіе прошедшаго и причина будущаго прогресса... Должно ли правительство препятствовать этому раздѣленію труда и задерживать его естественное развитіе? Должно ли оно употреблять часть своихъ

⁶⁹⁾ J. D. Tuckett: «A History of the Past and Present State of the labouring Population. Lond. 1846». т. I, p. 149).

⁷⁰⁾ A. Smith: «Wealth of Nations». В. V, ch. I, art. II. Какъ ученикъ А. Фергюсона, указавшаго всѣ вредныя послѣдствія раздѣленія труда, А. Смитъ совершенно ясно понималъ этотъ вопросъ. Въ самомъ вступленіи къ своему сочиненію, гдѣ онъ ex professo прославляетъ раздѣленіе труда, онъ лишь мимоходомъ указываетъ на него, какъ на источникъ общественнаго неравенства. Только въ 5-й книгѣ, о государственныхъ доходахъ, онъ воспроизводитъ взгляды Фергюсона. Въ своей «Misére de la Philosophie» я выяснилъ историческое соотношеніе между Фергюсономъ, А. Смитомъ, Лемонтъ и Сэемъ, какъ критиками раздѣленія труда. Тамъ же я впервые охарактеризовалъ мануфактурное раздѣленіе труда, какъ специфическую форму капиталистическаго способа производства (I. с. p. 122 sq.).

⁷¹⁾ Фергюсонъ уже сказалъ (I. с. p. 281): «Въ нашъ вѣкъ, когда все раздѣляется, искусство мыслить, пожалуй, тоже становится особымъ ремесломъ».

средствъ на опытъ, имѣющій цѣлью смѣшать и спутать двѣ категоріи труда, которыя сами стремятся къ раздѣленію и разъединенію? ⁷²⁾

Нѣкоторое духовное и физическое урохованіе неразрывно связано даже съ раздѣленіемъ труда внутри общества. Но такъ какъ мануфактурный періодъ проводить общественное расчлененіе различныхъ отраслей труда гораздо дальше, и такъ какъ, съ другой стороны, этотъ періодъ, со спеціально ему свойственнымъ способомъ раздѣленія труда, впервые захватываетъ индивидуума въ самомъ жизненномъ его корнѣ, то онъ также впервые даетъ матеріалъ и толчокъ для развитія промышленной патологіи ⁷³⁾.

«Подраздѣлять человека, значить казнить его, если онъ заслуживаетъ смертной казни, и убивать его, если онъ ея не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда есть убійство народа» ⁷⁴⁾.

Кооперация, покоящаяся на раздѣленіи труда, или мануфактура представляетъ, въ началѣ своего развитія, стихійно выросшую форму. Но какъ только она приобретаетъ нѣкоторую прочность и широту, она превращается въ сознательную, планомѣрную и систематическую форму капиталистическаго способа производства. Исторія настоящей мануфактуры показываетъ намъ, какъ собственное ей раздѣленіе труда сначала путемъ чисто практическаго опыта, какъ бы за спиной дѣйствующихъ лицъ, выливается въ наиболѣе удобныя для него формы; а потомъ уже стремится, подобно цеховому ремеслу, закрѣпить разъ найденную форму, сдѣлать ее традиціонной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно удерживаетъ ее въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Если такая форма измѣняется сколько-нибудь существенно, а не только въ мелочахъ, то всегда—лишь въслѣдствіе революціи въ орудіяхъ труда. Что же касается новѣйшей мануфактуры,—я не говорю здѣсь о крупной промышленности, основанной на примѣненіи машинъ,—то или она, какъ, напр., производство платьевъ, находитъ свои dis-

⁷²⁾ G. Garnier, t. V его перевода, p. 4—5.

⁷³⁾ Ramazzini, профессоръ практической медицины въ Падуѣ, обнаружилъ въ 1713 г. свое сочиненіе: «De morbis artificum», переведенное въ 1781 г. на французскій языкъ, и перепечатанное въ 1841 г. въ «Encyclopédie des Sciences Médicales. 7-me Dist. Auteurs Classiques». Періодъ крупной промышленности, весьма естественно, еще болѣе расширилъ его каталогъ болѣзней рабочихъ. См., между прочимъ, «Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Par le Dr. A. Fonterel. Paris 1858» и «Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind. 6 Bände. Ulm 1860». Въ 1854 г. Society of Arts назначило комиссію для изслѣдованія промышленной патологіи. Списокъ документовъ, собранныхъ этой комиссіей, можно найти въ каталогѣ «Twickenham Economie Museum». Очень важны также оффиціальныя «Reports on Public Health». См. также Eduard Reich, M. D.: «Ueber die Entartung des Menschen». Erlangen 1868.

⁷⁴⁾ «To subdivide a man is to execute him, if he deserves the sentence, to assassinate him if he does not... the subdivision of labour is the assassination of a people». D. Urquhart: «Familiar Words. London 1855», p. 119. Герцель имѣлъ чрезвычайно еретическіе взгляды на раздѣленіе труда. «Подъ образованными людьми сѣдуютъ прежде всего понимать людей, которые умѣютъ дѣлать все то, что дѣлаютъ другие», говоритъ онъ въ своей философіи права.

jestą membra готовыми въ тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ она возникаетъ, такъ что ей остается только собрать ихъ воедино, или же въ данной отрасли (какъ, напр., въ переплетномъ дѣлѣ) привычки раздѣленія труда ясенъ самъ по себѣ и тогда приходится только различныя операціи ремесленного производства приурочить исключительно къ опредѣленнымъ отдѣльнымъ рабочимъ. Опыта одной пѣтли болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы въ такихъ случаяхъ опредѣлять числовую пропорцію рабочихъ, необходимыхъ для каждой функціи ⁷⁵⁾. —

Посредствомъ расчлененія ремесленной дѣятельности, спеціализаціи орудія труда, образованія частичныхъ рабочихъ, ихъ группировки и соединенія въ одинъ совокупный механизмъ, — мануфактурное раздѣленіе труда создаетъ качественное расчлененіе и количественную пропорціональность общественныхъ процессовъ производства, т. е. опредѣленную организацію общественнаго труда, и тѣмъ самымъ развиваетъ новую производительную силу труда, общественную. Какъ специфически-капиталистическая форма общественнаго процесса производства, — а при данныхъ историческихъ основаніяхъ оно и могло развиваться только въ капиталистической формѣ, — раздѣленіе труда есть только особый методъ производства относительной прибавочной цѣнности, особый способъ повышать на счетъ рабочаго самовозрастаніе цѣнности капитала, т. е. увеличивать на его счетъ то, что обыкновенно называютъ общественнымъ богатствомъ, «Wealth of Nations» и т. д. Мануфактурное раздѣленіе труда не только развиваетъ общественную производительную силу труда въ пользу капиталиста, вмѣсто того, чтобы развивать ее въ пользу рабочаго, оно еще уродуетъ индивидуальнаго рабочаго. Оно создаетъ новыя условія господства капитала надъ трудомъ. Поэтому, если оно, съ одной стороны, является историческимъ прогрессомъ и необходимымъ моментомъ въ процессѣ экономическаго развитія общества, то, съ другой стороны, оно же является средствомъ цивилизованной и утонченной эксплуатаціи.

Политическая экономія, которая, какъ особая наука, появляется лишь въ мануфактурный періодъ, рассматриваетъ общественное раздѣленіе труда вообще только съ точки зрѣнія мануфактурнаго раздѣленія труда ⁷⁶⁾, т. е. какъ средство при помощи одного и того же количества труда производить больше товаровъ и, такимъ образомъ, удешевлять эти товары и ускорять накопленіе капитала. Въ прямую противоположность такому исключительному подчеркиванію количественной стороны и мѣровой цѣнности, писатели классической древности

⁷⁵⁾ Добродушная вѣра въ изобрѣтательность, которую отдѣльный капиталистъ якобы а priori проявляетъ при раздѣленіи труда, встрѣчается еще только у нѣмецкихъ профессоровъ, вроде, напр., Г. Рошера, который изъ благодарности капиталисту за то, что изъ его юпитерской головы раздѣленіе труда выходитъ совершенно готовымъ, называетъ ему «diverse Arbeitslöhne» (различныя рабочія платы). Большее или меньшее примѣненіе раздѣленія труда зависитъ отъ длины кошелька, а не отъ степени гениальности.

⁷⁶⁾ Писатели болѣе ранніе, каковы Petty, анонимный авторъ «Advantages of the East India Trade» etc. являе, чѣмъ Адамъ Смитъ, устанавливають капиталистическій характеръ мануфактурнаго раздѣленія труда.

занимаются исключительно качественной стороной и потребительной цѣнностью⁷⁷⁾. Вслѣдствіе раздѣленія отраслей общественнаго производства, изготовленіе товаровъ улучшается; люди съ различными стремленіями и талантами избираютъ себѣ различныя сферы дѣятельности⁷⁸⁾, и, наконецъ, безъ нѣкотораго суженія задачи нельзя произвести ничего крупнаго⁷⁹⁾. Такимъ образомъ, благодаря раздѣленію труда, улучшается и продуктъ, и производитель. Если античные писатели полнѣе упоминаютъ и о возрастаніи массы продукта, то только въ смыслѣ умноженія потребительной цѣнности. Ни однимъ словомъ у нихъ не упоминается мѣровая цѣнность, удешевленіе товаровъ. Эта точка зрѣнія на продуктъ, какъ на потребительную цѣнность, господствуетъ какъ у Платона⁸⁰⁾,

⁷⁷⁾ Исключеніе между повѣдшими авторами представляютъ нѣкоторые писатели XVIII-го стол., какъ Bessaria и James Harris, которые, относительно раздѣленія труда, почти только повторяютъ древнихъ. Такъ Bessaria говоритъ: «Изъ опыта навѣстно всякому, что, при примѣненіи умственныхъ и физическихъ силъ постоянно къ производству однихъ и тѣхъ же продуктовъ, эти послѣдніе производятся легче, въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждый сталъ бы производить всѣ нужныя ему вещи самъ... Люди раздѣляются, такимъ образомъ, на различныя классы и состоянія, для общей и ихъ личной пользы». (Cesare Bessaria: «Elementi di Econ. Publica», ed. Custodi, Part. Moderna, t. XI, p. 28) James Harris, впоследствии Earl of Malmesbury, знаменитый своими «Diaries» (дневникомъ) о пребываніи въ Петербургѣ посломъ, говоритъ самъ въ примѣчаніи къ своему «Dialogue concerning Happiness. Lond. 1741», перепечатанному потомъ въ «Three Treatises etc. 3 ed. Lond. 1772»: «Аргументація, которой я пользуюсь для доказательства естественности общества, (основаннаго именпо на «раздѣленіи занятій»), цѣлкомъ ваята изъ второй книги Республики Платона».

⁷⁸⁾ Такъ мы читаемъ въ Одиссѣй XIV, 228: «Люди не сходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое» (перев. Жуковскаго), а Архилохъ у Секста Эмпирика говоритъ: «Одно дѣло веселитъ сердце одного, другое—другого».

⁷⁹⁾ «Много дѣлъ знаешь, но каждое плохо». Πολλὰ ἡπίστατο ἔργα, καὶ ὅς ἡπίστατο πάντα. Афинянинъ, въ качествѣ товаропроизводителя, чувствовалъ свое превосходство надъ спартапцемъ, такъ какъ послѣдній на войнѣ могъ, правда, располагать людьми, но не деньгами,—какъ это, по словамъ Фукидида, говоритъ Периклъ въ своей рѣчи, которой онъ возбуждалъ афинянъ къ пелопонесской войнѣ: «Люди, работающіе сами, готовы скорѣе сами воевать съ непріятелемъ, чѣмъ жертвовать для этого имуществомъ». (Thuc. I. 1. c. 141). Тамъ же менѣе, въ матеріальномъ производствѣ, для афинянъ оставалось идеаломъ довать себѣ, автаркія (αὐταρκεία), которая противопоставляется раздѣленію труда. «Ибо благо и довольство происходятъ изъ одного источника». При этомъ должно принять въ соображеніе, что во время паденія 30 тирановъ не было даже и 5000 афинянъ, не имѣвшихъ повсемельной собственности.

⁸⁰⁾ Платонъ выводитъ раздѣленіе труда внутри общества изъ разносторонности потребностей индивидуума и односторонности его дарованій. Основная точка зрѣнія его состоитъ въ томъ, что работникъ долженъ приспособляться къ дѣлу, а не дѣло къ нему, что неизбежно, если онъ занимается нѣсколькими ремеслами сразу, т. е. когда то или другое изъ нихъ служить для него лишь побочнымъ ремесломъ. «Ибо онъ не желаетъ, чтобы дѣло выжидало досуга производителя, наоборотъ, необходимо, чтобы тотъ, кто производитъ какую-нибудь работу, совершалъ ее не между дѣломъ. Это необходимо. Оттого-то все производится легче, въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, когда человѣкъ дѣлаетъ что-либо одно, по склонности и въ удобное для того время, свободный отъ всѣхъ другихъ занятій» (Rep. I. 2 ed. Balter, Orelli etc.). То же самое говорятъ и Фукидидъ (I. c. c. 142): «Морское дѣло есть такое же

который разделение труда кладет в основание общественного разделения условий, и у Ксенофонта⁸¹⁾, который, со своим характерно-буржуазным инстинктом уже приближается к пониманию разделения труда внутри мастерской. Республика Платона, — поскольку разделение труда фигурирует в ней в качестве творческого принципа государства, — представляет лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя: Египет представлялся образцом промышленного государства не только Платону, но и другим его современникам, напр., Изократу⁸²⁾, и удерживал это значение даже для греков времени римской империи⁸³⁾.

искусство, как и всякое другое, и поэтому оно не может быть исполняемо при случае, как побочное занятие, наоборот, все другое при нем должно быть только побочным занятием. Если работа, говорит Платон, будет допущена работника, то критический момент производства будет часто пропускаться и продукт будет портиться. «Он совершенно потерял удобное для дела время». Эту платоновскую идею мы снова встречаем в протесте английских владельцев фабрик против того параграфа фабричного акта, который устанавливает для всех работников определенные часы принятия пищи. Их дело не может приспособиться к рабочим, ибо «ни одна из операций, исполняемых в их заведениях, — окуривание, промывание, катание, дощенье, крашение, — не может быть остановлена в любой момент, без риска ущерба для производства... Обязательное установление одного обдуманного часа для всех рабочих могло бы иногда подвергнуть дорогие товары риску испортиться, вследствие незаконченности тех или других операций». *Le platonisme ou va-t-il se nicher!*

⁸¹⁾ Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя приятно не только потому, что это большой почет, но и потому еще, что эти кушанья гораздо вкуснее других. «И в этом нет ничего удивительного, ибо как всякий искусства особенно совершенен в больших городах, точно также и царские искусства совершенны особенно особыми способами. В маленьких городах один и тот же ремесленник делает постель, двери, плуги, столы; часто он же добывает стропы и дома, и очень доволен, если находит достаточно заказчиков для поддержания своего существования. Совершенно невозможно, чтобы человек, исполняющий такое множество дел, исполнял их все хорошо. В больших же городах, где каждый ремесленник находит много покупателей, и одного ремесла достаточно для того, чтобы прокормить занимающегося им человека. Часто даже один ремесленник не занимается всем своим ремеслом в целом, но один, напр., изготавливает мужские башмаки, другой женские. Местами даже один человек живет шитьем, другой кройкой башмаков; один только кроит платье, другой сшивает вместе выкроенные части. Понятно, что человек, исполняющий самый простой труд, исполняет его безупречно наилучшим образом. То же самое относится и к художному искусству» (Хоп. Сугор. I. VIII, с. 2). Здесь имеется в виду исключительно качество потребительной ценности, хотя и Ксенофонт уже знает, что размеры разделения труда зависят от широты рынка.

⁸²⁾ «Он (Бузирис) разделил всех на особые касты... и повелел, чтобы один и тот же люди постоянно занимались одинаковым делом; ибо он знал, что те, кто меняют свои занятия, ни одного из них не делают основательно; те же, кто постоянно остаются при одном и тех же занятиях, исполняют каждое из них совершеннейшим образом. И действительно, мы видим, что они (египтяне) в искусствах и ремеслах превосходят своих соперников больше, чем мастер превосходит неспециалиста; законы же, поддерживающие царскую власть и другие государственные учреждения, столь совершенны у них, что знаменитые философы, которые говорят об египетских порядках, восхваляют государственное устройство Египта преимущественно перед всеми другими». (Isocr. Busiris, с. 8).

⁸³⁾ Сравни Diod. Siculus.

Въ продолженіе настоящаго мануфактурнаго періода, т. е. періода, когда мануфактура представляетъ господствующую форму капиталистическаго способа производства, полное осуществленіе ея собственныхъ тенденцій встрѣчаетъ препятствія со многихъ сторонъ. Хотя она, какъ мы видѣли, рядомъ съ іерархическимъ расчлененіемъ рабочихъ, создаетъ простое раздѣленіе на искусныхъ и неискусныхъ работниковъ, однако, число послѣднихъ, благодаря преобладающему вліянію первыхъ, остается очень ограниченнымъ. Хотя она приурочиваетъ отдѣльныя операциі къ различнымъ степенямъ зрѣлости, силы и развитія своихъ живыхъ органовъ труда, и наталкивается, такимъ образомъ, капиталъ на производительную эксплуатацію женщинъ и дѣтей,—однако, эта тенденція въ общемъ разбивается о народныя привычки и сопротивленіе работниковъ-мужчинъ. Хотя разложеніе ремесленной дѣятельности понижаетъ издержки на обученіе рабочихъ, а, слѣдовательно, и ихъ цѣнность, тѣмъ не менѣе, для болѣе трудныхъ частичныхъ работъ требуется довольно продолжительное обученіе, и даже тамъ, гдѣ оно въ сущности становится излишнимъ, оно ревниво отстаивается и поддерживается рабочими. Такъ, напр., въ Англіи мы находимъ laws of apprenticeship, съ ихъ семилѣтнимъ срокомъ ученичества, въ полной силѣ до самаго конца мануфактурнаго періода, и только крупная промышленность выбросила ихъ за бортъ. Такъ какъ ремесленные навыки остаются главнымъ основаніемъ мануфактуры, а функционирующій въ ней совокупный механизмъ не обладаетъ независимымъ отъ самихъ рабочихъ объективнымъ остономъ, то капиталу приходится постоянно бороться съ неповиновеніемъ рабочихъ. «Слабость человѣческой природы, склоняющая милѣйшій Уге, такъ велика, что, чѣмъ искуснѣе рабочій, тѣмъ онъ своевольнѣе, и тѣмъ труднѣе справиться съ нимъ и тѣмъ тяжелѣе ущербъ, наносимый его вздорными причудами совокупному механизму» ⁸⁴⁾. Въ продолженіе всего мануфактурнаго періода слышались, поэтому, жалобы на недисциплинированность рабочихъ ⁸⁵⁾. И если бы мы даже не имѣли свидѣтельствъ писателей той эпохи, то одни уже простые факты, что, начиная съ XVI-го столѣтія вплоть до развитія крупной промышленности, капиталу не удалось завладѣть всѣми рабочимъ временемъ мануфактурныхъ рабочихъ; что мануфактуры вообще недовольны, что, вмѣстѣ съ передвиженіями, эмиграціей и иммиграціей рабочихъ, онѣ вынуждены перемѣщать свое мѣстопробываніе изъ однихъ странъ въ другія,—одни уже эти факты, говоримъ мы, свидѣтельствовали бы не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ цѣлыя библіотеки. «Порядокъ, такъ или иначе, долженъ быть водворенъ», восклицаетъ въ 1770 г. неоднократно цитированный нами авторъ книги «Essay on Trade and commerce». «Порядокъ!»—вырывается снова чрезъ 66 лѣтъ изъ устъ д-ра Andrew Ure; «порядка» неоставало въ мануфактурѣ, основанной «на схоластическомъ догматѣ раздѣленія труда» и «Аркрайтъ создалъ этотъ порядокъ».

⁸⁴⁾ Ure, I. c. p. 20.

⁸⁵⁾ Все, сказанное въ текстѣ, относится гораздо больше къ Англіи, чѣмъ къ Франціи, и больше къ Франціи, чѣмъ къ Голландіи.

Въ то же время мануфактура не могла ни овладѣть общественнымъ производствомъ во всемъ его объемѣ, ни перевернуть его до основанія. Точно красивый шпиль, она вѣчала широкое экономическое знаніе городского ремесла и селъской домашней промышленности. Но ея собственный техническій базисъ былъ узокъ, и на извѣстной ступени развитія онъ оказался въ противорѣчіи съ созданными ею же самой потребностями производства.

Одною изъ наиболѣе совершенныхъ формъ мануфактуры были заведенія для производства самихъ орудій труда и, въ частности, употреблявшихся уже тогда сложныхъ механическихъ аппаратовъ. «Такая мастерская,—говоритъ Уге—являла взору образецъ многообразнаго раздѣленія труда. Буравъ, напильникъ, токарный станокъ—каждый имѣлъ своихъ особыхъ рабочихъ, іерархически распределенныхъ по степени ихъ искусности». Этотъ продуктъ мануфактурнаго раздѣленія труда произвелъ въ свою очередь машины. Введеніе машинъ упразднило ремесленную дѣятельность, какъ руководящій принципъ общественнаго производства. Такимъ образомъ, съ одной стороны, машины смести техническую основу пожитвеннаго прикрѣпленія рабочаго къ одной частичной функціи, но зато, съ другой стороны, съ паденіемъ этого принципа, рушились и тѣ преграды, которыя онъ еще ставилъ господству капитала.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Машины и крупная промышленность.

1. Развитіе машинъ.

Джонъ Стюартъ Милль, въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи» говоритъ: «сомнительно, облегчили ли всѣ сдѣланныя до сихъ поръ механическія изобрѣтенія дневной трудъ хотя бы одного человѣческаго существа» ⁸⁰⁾. Но это и не есть цѣль машинъ, примѣняемыхъ на капиталистическомъ основаніи. Подобно всякому другому средству развитія производительной силы труда, онѣ должны удешевлять товары и сокращать ту часть рабочаго дня, которую рабочій употребляетъ на себя, и этимъ удлинять ту его часть, которую рабочій отдаетъ даромъ капиталисту. Онѣ служатъ средствомъ для производства прибавочной стоимости.

Въ мануфактурѣ исходной точкой переворота въ способъ производства является рабочая сила, въ крупной же промышленности—орудіе труда. Поэтому, прежде всего надо изслѣдовать, какимъ образомъ орудіе труда превращается изъ инструмента въ машину, или чѣмъ отличается машина отъ ремесленного инструмента. Попятно, здѣсь рѣчь идетъ лишь о крупныхъ общихъ чертахъ, характеризующихъ эти двѣ категоріи, такъ какъ эпохи въ исторіи общества такъ

⁸⁰⁾ «It is questionable, if all the mechanical inventions yet made have lightened the day's toil of any human being». Миллю слѣдовало бы сказать: «of any human being not fed by other peoples' labour», такъ какъ машины безспорно увеличивая число вѣтныхъ людей, предающихся ничтогодѣланію.

же мало поддаются абстрактно-безусловному разграниченію, какъ и эпохи въ исторіи земной коры.

Математики и механики, мнѣніе которыхъ повторяютъ и нѣкоторые англійскіе экономисты, считаютъ инструментъ простой машиной, а машину—сложнымъ инструментомъ. Они не видятъ между ними никакого различія по существу и называютъ машинами даже простыя механическія средства, какъ рычагъ, наклонная плоскость, винтъ, клинъ и т. п. ⁸⁷⁾. И дѣйствительно, каждая машина состоитъ изъ этихъ простыхъ средствъ, какъ бы они ни были скомбинированы и замаскированы. Однако, съ экономической точки зрѣнія это опредѣленіе совершенно непригодно, такъ какъ ему недостаетъ историческаго элемента. Съ другой стороны, различіе между инструментомъ и машиной хотятъ видѣть въ томъ, что движущей силой инструмента служитъ человекъ, движущей же силой машины является отличная отъ человѣка сила природы, напр. животное, вода, вѣтеръ и т. п. ⁸⁸⁾. При этомъ опредѣленіи, запраженный быками плугъ, принадлежащій самымъ различнымъ эпохамъ производства, будетъ машиной, а круговой станокъ (Circular Loom), Клауссена, который, приводимый въ движеніе рукой одного рабочаго, дѣлаетъ 96,000 петель въ минуту, будетъ простымъ орудіемъ или инструментомъ. Мало того, этотъ самый loom будетъ инструментомъ, если онъ приводится въ движеніе рукой, и машиной—если приводится въ движеніе паромъ. Такъ какъ примѣненіе животной силы есть одно изъ самыхъ древнихъ изобрѣтеній человѣчества, то изъ упомянутой характеристики машины вытекало бы, что машинное производство въ дѣйствительности предшествовало ремесленному. Когда въ 1735 г. John Wyalт возмѣщая о своей прядильной машинѣ, а съ ней вмѣстѣ о промышленной революціи 18-го стол., онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ, что эту машину, вмѣсто человѣка, приводитъ въ движеніе оселъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ его изобрѣтеніи эта роль и выпадала на долю осла. Его программа гласила: машина «для того, чтобы прясть безъ пальцевъ» ⁸⁹⁾.

⁸⁷⁾ См. напр., «Course of Mathematics» Hutton'a.

⁸⁸⁾ «Съ этой точки зрѣнія можетъ быть проведена точная граница между инструментомъ и машиной: лопата, долото, молотъ и т. д., системы рычаговъ и винтовъ, для которыхъ, какъ бы искусно они ни были сдѣланы, движущей силой служатъ человекъ... всѣ эти предметы подходятъ подъ понятіе инструмента; между тѣмъ, какъ плугъ съ движущей его животной силой, вѣтренныя и др. мельницы должны быть причислены къ машинамъ». (Wilhelm Schulz: «Die Bewegung der Produktion. Zürich 1843», p. 38). Во многихъ отношеніяхъ сочиненіе это достойно похвалы.

⁸⁹⁾ Еще до него, кажется, впервые въ Италіи, при приденіи употреблялись машины, хотя очень несовершенныя. Критическая исторія технологіи вообще показывала бы, какъ мало любое изъ изобрѣтеній 18-го стол. принадлежитъ одному лицу. До сихъ поръ не существуетъ еще ни одного такого сочиненія. Дарвинъ направилъ интересъ изслѣдователей на естественную технологію, т. е. на развитіе животныхъ и растительныхъ органовъ, играющихъ роль орудій производства въ жизни растений и животныхъ. Не заслуживаетъ ли такого же вниманія исторія развитія производственныхъ органовъ общественнаго человѣка, этихъ матеріальныхъ основъ каждой данной общественной организаціи? И развѣ такую исторію не легче было

Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, передаточного механизма и, наконец, исполнительного механизма, или собственно рабочей машины. Двигательный механизм действует как движущая сила всей машины. Он или сам порождает свою двигательную силу, как паровая машина, calorическая машина, электро-магнитная машина и т. п., или получает импульс к движению извне, от какой либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крылья ветряной мельницы от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, безконечных ремней и всякого рода промежуточных приспособлений и снарядов, регулирует движение, изменяет, где нужно, его форму, превращая его, напр., из перпендикулярного в круговое, переносят и распределяют его на различные части исполнительного механизма. Оби эти части машины, двигатель и передаточный механизм, существуют только для того, чтобы сообщать рабочей машине движение, посредством которого она овладевает предметом труда и целесообразно изменяет его. Последняя часть машины, т. е. рабочая машина или исполнительный механизм, произвела промышленную революцию в 18-м стол. Да и теперь еще она служит исходной точкой в процессе превращения какого-либо ремесленного или мануфактурного производства в машинное.

Если мы присмотримся ближе к рабочей машине или исполнительному механизму, то в общем найдем в ней, хотя часто и в очень измененной форме, те же самые аппараты и инструменты, которыми работают ремесленники и мануфактурный рабочий; но из ручных инструментов человека они превратились в механические инструменты машины. При этом, или вся машина представляет собою лишь новое, более или менее измененное, механическое издание старого ручного инструмента, как, напр., механический ткацкий станок⁹⁰⁾; или же приложения к остову рабочей машины отдельные органы оказываются нашими старыми знакомыми, как, напр., ве-

бы написать, так как, по выражению Vico, человеческая история тем отличается от естественной истории, что одна сделана нами, другая же нами не сделана? Технология разоблачает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а с тем вместе и его общественные жизненные отношения и вытекающие из них духовные представления. Даже всякая история религии, не принимающая во внимание этого материального базиса — лишена критического основания. Конечно, гораздо легче посредством аппарата найти вечную сущность религиозных представлений, чем наоборот, т. е. из данных реальных отношений вывести их религиозные формы. Последний метод есть единственный материалистический, а потому — единственный научный метод. Недостатки абстрактного естественно-научного материализма, игнорирующего исторический процесс, сказываются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, как только они отваживаются выйти за пределы своей специальности.

⁹⁰⁾ В первоначальной форме механического ткацкого станка может быть сразу узнать старинный ткацкий станок. Существенно измененный он является только в своей новейшей форме.

ретену у прядельной машины, спицы у чулочной машины, пилы у лѣсопилныхъ машинъ, ножи у рѣзальной машины и т. п. Отличіе этихъ инструментовъ отъ самаго тѣла рабочей машины проявляется даже и въ ихъ происхожденіи. А именно, по большей части, они производятся еще ремесленнымъ или мануфактурнымъ способомъ, и потомъ прикрѣпляются къ корпусу рабочей машины, произведенной машиннымъ способомъ ⁹¹⁾. Итакъ, вспомогательный механизмъ или рабочая машина это—такой механизмъ, который, по полученіи соответствующаго движенія, исполняетъ своими инструментами тѣ же самыя операціи, которыя раньше, подобными же инструментами, исполняли рабочіи. Исходитъ ли при этомъ движущая сила отъ человѣка, или опять таки отъ машины—это обстоятельство ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Какъ только орудіе или инструментъ въ собственномъ смыслѣ слова перешелъ изъ рукъ человѣка къ механизму, машина замѣнила собой простой инструментъ. Различіе между орудіемъ и машиной немедленно бросается въ глаза даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ продолжаетъ еще оставаться первымъ двигателемъ. Количество рабочихъ инструментовъ, которымъ человѣкъ можетъ одновременно дѣйствовать, ограничено числомъ его естественныхъ орудій производства, т. е. числомъ органовъ его тѣла. Въ Германіи дѣлали когда-то попытку поручить одному рабочему двигать два прядельныхъ колеса, т. е. заставляли его работать одновременно обѣими руками и обѣими ногами. Но это требовало слишкомъ большаго напряженія. Потомъ была изобрѣтена ступальная прялка съ двумя веретенами; но прядельщики-виртуозы, которые умѣли одновременно пристъ двѣ нитки, попадались столь же рѣдко, какъ двуголовые люди. Между тѣмъ, Жерпу, уже съ самаго начала своего появленія работалъ на 12—18 веретенъ, чулочная машина вяжетъ заразъ 1000 спицъ и т. д. Такимъ образомъ, количество инструментовъ, которымъ одновременно работаетъ одна рабочая машина, съ самаго же начала оказывается несравненнымъ отъ тѣхъ органическихъ рамокъ, въ которыя поставленъ ручной инструментъ рабочаго.

На нѣкоторыхъ инструментахъ, различіе между человѣкомъ, какъ простой двигательной силой, и человѣкомъ, какъ работникомъ, исполняющимъ особую, специальную функцію, представляется въ чувственно-осозательной формѣ. Напр., при работѣ на прялкѣ, пока дѣйствуетъ только какъ двигательная сила, между тѣмъ какъ рука, дѣйствующая у веретена, шплетъ и сучитъ волну, т. е. выполняетъ самую операцію пряденія. Вотъ эта-то послѣдняя часть ремесленного инструмента прежде всего и захватывается промышленной революціей, предоставляя человѣку на первое время, рядомъ съ новой работой наблюденія за машиной и исправленія своими руками ея ошибокъ, чисто механическую роль двигателя. Наоборотъ, тѣ орудія, при которыхъ человѣкъ съ

⁹¹⁾ Только приблизительно съ 1850 г., инструменты рабочихъ машинъ начинаютъ въ Англіи все болѣе и болѣе готовиться машиннымъ способомъ, хотя не тѣми самыми фабрикантами, которые производятъ машины. Машинами для изготовленія такихъ механическихъ орудій служатъ, напр., *automatic bobbin-making engine*, *card-setting engine*, машины для изготовленія различныхъ веретенъ, и проч.

самого начала игралъ лишь роль простой двигательной силы, — такую роль онъ играетъ, напр. — при вращеніи мельничнаго вала ⁹²⁾, при насосахъ, при раздуванні мѣховъ, при толченіи въ ступѣ и пр., — прежде всего вызываютъ примѣненіе животныхъ, воды и вѣтра ⁹³⁾, въ качествѣ движущихъ силъ. Многіе изъ этихъ инструментовъ развиваются въ машины въ теченіе мануфактурнаго періода, а спорадически даже раньше, но они не революціонируютъ способа производства. Тотъ фактъ, что они, даже въ своей ремесленной формѣ, представляютъ собою машины, — обнаруживается въ періодъ крупной промышленности. Такъ, напр., насосы, посредствомъ которыхъ голландцы въ 1836—37 гг. выкачали Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенныхъ насосовъ, только поршни въ нихъ приводились въ движеніе не человѣческими руками, а огромными паровыми машинами. Обыкновенный и крайне несовершенный кузнечный мѣхъ, посредствомъ простого соединенія его рычага съ паровой машиной еще и теперь иногда превращается въ Англіи въ механическій раздувательный мѣхъ. Даже сама паровая машина, въ томъ видѣ, въ которомъ она была изобрѣтена въ концѣ 17-го стол. и продолжала существовать до начала 80-хъ годовъ 18-го стол. ⁹⁴⁾, не вызвала никакой промышленной революціи. Дѣло происходило наоборотъ: а именно созданіе рабочихъ машинъ по необходимости революціонировало паровую машину. Какъ только человѣкъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать инструментомъ на предметъ труда, начинаетъ дѣйствовать лишь въ качествѣ двигательной силы на исполнительный механизмъ, то тотъ фактъ, что носителями двигательной силы являются человѣческія мышцы, является уже совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, и человѣкъ можетъ быть замѣненъ вѣтромъ, водой, паромъ и т. п. Это, разумѣется, не устраиваетъ того, что такая замѣна часто требуетъ большихъ техническихъ измѣненій въ механизмѣ, первоначально конструированномъ исключительно для человѣческой двигательной силы. Въ настоящее время, всѣ машины, которыми

⁹²⁾ Моисей-Египтянинъ говоритъ: «Не завязывайте волу рта, когда онъ молотитъ». Напротивъ того, христіанско-германскіе филантропы накладывали своимъ крѣпостнымъ, которыхъ они употребляли какъ двигательную силу для размалыванія зерна, большое деревянное кольцо на шею для того, чтобы они не могли поднести муки рукой ко рту.

⁹³⁾ Частію недостатокъ естественной водной силы, частію борьба съ избыткомъ всякой другой воды, заставляли голландцевъ примѣнить вѣтеръ въ качествѣ двигательной силы. Самыя вѣтряныя мельницы были заимствованы ими изъ Германіи, гдѣ это изобрѣтеніе вызвало мизій споръ между дворянствомъ, духовенствомъ и императоромъ относительно того, кому же изъ нихъ тронъ «принадлежитъ» вѣтеръ. Въ Германіи воздухъ дѣлалъ человѣка чужой собственностью («Luft macht eigen»), въ Голландіи же вѣтеръ освободилъ людей. Онъ поработилъ, — по голландца, а почву для голландца, отвоевавъ ее у моря. Еще въ 1836 г. въ Голландіи были въ ходу 12.000 вѣтряныхъ мельницъ въ 6.000 лошадиныхъ силъ, которыя охраняли двѣ трети ихъ земли отъ обратнаго превращенія въ топи.

⁹⁴⁾ Она, правда, была уже значительно улучшена Watt'омъ въ его первой, такъ называемой паровой машинѣ простого дѣйствія; но въ этой формѣ она оставалась лишь простой подъёмной машиной для воды и маточнаго разсола.

приходится еще прокладывать себѣ дорогу.—какъ швейныя машины, машины для приготовленія хлѣба и пр.,—если онѣ только заранѣе уже въ силу своего назначенія не должны имѣть крупные размѣры, приспособляются разомъ и къ человѣческой и къ чисто механической силѣ.

Машина, отъ которой исходить промышленная революція, замѣняетъ рабочаго, оперирующаго при помощи одного лишь инструмента, механизмомъ, который заранѣе работаетъ цѣлой массой одинаковыхъ или однородныхъ инструментовъ, и приводится въ движеніе одной двигательной силой какой бы то ни было формы ⁹⁵). Но сирена машина является передъ нами только еще въ видѣ простаго элемента машиннаго производства.

Увеличеніе размѣровъ рабочей машины и количества ея одновременно дѣйствующихъ инструментовъ требуетъ болѣе крупнаго двигательнаго механизма. а этотъ механизмъ, для того, чтобы осилить свое собственное сопротивленіе, нуждается въ двигательной силѣ, болѣе могущественной, чѣмъ человѣческая, не говоря уже о томъ, что человѣкъ является инструментомъ, способнымъ лишь очень несовершенно развивать однообразное и непрерывное движеніе. Разъ человѣкъ дѣйствуетъ уже только какъ простая двигательная сила, а на мѣсто рабочаго инструмента является рабочая машина — силы природы могутъ вполне замѣнить человѣка и какъ двигательную силу. Изъ всѣхъ значительныхъ двигательныхъ силъ, завѣщанныхъ мануфактурнымъ періодомъ, лошадиная сила была самой неудовлетворительной, частью вслѣдствіе того, что лошадь обладаетъ своей собственной головой, частью же, вслѣдствіе ея дороговизны и ограниченной примѣнимости ея на фабрикахъ, въ качествѣ двигательной силы ⁹⁶). Тѣмъ не менѣе, въ младенчествѣ крупной промышлен-

⁹⁵) «Соединеніе всѣхъ этихъ инструментовъ, приводимыхъ въ движеніе однимъ и тѣмъ же двигателемъ, составляетъ машину». (Babbage I. c.)

⁹⁶) Въ январѣ 1861 г. John C. Morton прочелъ въ Society of Arts рефератъ о «силахъ, употребляемыхъ въ земледѣліи». Между прочимъ, тамъ говорится слѣдующее: «Каждое улучшеніе, содѣйствующее единообразію почвы, расширять приложимость паровой машины, какъ источника чисто механической силы... Нельзя обойтись безъ лошадиной силы тамъ, гдѣ кривыя изгороди и др. препятствія мѣшаютъ однообразнымъ движеніямъ. Эти препятствія все болѣе и болѣе исчезаютъ. Въ операціяхъ, которыя требуютъ большаго воли, чѣмъ физической силы, единственной приложимой является человѣческая сила, непрерывно управляемая человѣческимъ умомъ». Мортонъ затѣмъ приводитъ паровую силу, лошадиную силу и человѣческую силу къ единицѣ мѣры, обыкновенно употребляемой при измѣреніи силы паровыхъ машинъ, т. е. къ силѣ, способной поднять, въ одну минуту, 33.000 фунтовъ на одинъ футъ, — вычисляетъ пѣдержки на паровую лошадиную силу, при употребленіи паровой машины—въ 3 пенса за часъ, а при употребленіи лошади—въ 5½ п. Далѣе: лошадь, безъ вреда для ея здоровья, можетъ работать изо дня въ день только по 8 часовъ въ сутки. При производствѣ полевыхъ работъ при помощи паровой машины, количество лошадей въ теченіе всего года можетъ быть уменьшено, по крайней мѣрѣ, на 3 на каждыя 7 лошадей, причемъ расходы на машину не будутъ превышать расходовъ на содержаніе этихъ 3 лошадей въ теченіе тѣхъ 3—4 мѣсяцевъ въ году, въ продолженіе которыхъ онѣ собственно и работаютъ настоящимъ образомъ. Наконецъ во всѣхъ земледѣльческихъ операціяхъ, гдѣ только можетъ быть употребляема паровая сила, она улучшаетъ качество про-

ности эта сила часто употребляется, какъ это видно, помимо волеи тогдашнихъ агрономовъ, изъ до сихъ поръ сохранившагося выраженія механической силы въ лошадиной силѣ. Вѣтеръ былъ слишкомъ непостояненъ и плохо поддавался контролю; кромѣ того, примѣненіе водяной силы въ теченіе мануфактурнаго періода еще преобладало въ Англіи, — на этой родинѣ крупной промышленности. Еще въ 17-омъ стол. была сдѣлана попытка приводить въ движеніе два бѣгуна и два постава посредствомъ одного водяного колеса. Но послѣдовавшее вслѣдствіе этого увеличеніе размѣровъ передаточнаго механизма наткнулось на недостаточность двигательной силы падающей воды, и это обстоятельство, между прочимъ, повело къ болѣе точному изслѣдованію законовъ тренія. Точно также неоднобразное дѣйствіе двигательной силы въ тогдашнихъ мельницахъ, которыя приводились въ движеніе ударомъ и тягой, при помощи коромыселъ, — создало теорію и практическое примѣненіе махового колеса ⁹⁷⁾, которое позднѣе стало играть такую важную роль въ крупной промышленности. Такимъ путемъ мануфактурный періодъ создавалъ научные и технические элементы крупной промышленности. Прялка «Тростль» Аркрайта изначала приводилась въ движеніе водой. Но и употребленіе воды, въ качествѣ главной силы, было связано съ различными затрудненіями. Ее нельзя было увеличивать по произволу; нельзя было по желанію пополнять ея недостатокъ; иногда она вовсе исчезала, и прежде всего она имѣла чисто мѣстный характеръ ⁹⁸⁾. Только съ изобрѣтеніемъ второй машины Уатта, такъ называемой паровой машины двойнаго дѣйствія, былъ найденъ первый двигатель, который самъ, потребляя уголь и воду, порождаетъ свою двигательную силу, и сила котораго находится вполнѣ подъ контролемъ человека. Будучи подвижнымъ и служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ движенія, будучи двигателемъ городскимъ, а не деревенскимъ, какъ водяное колесо, онъ позволяетъ концентрировать производство въ городахъ, между тѣмъ какъ водяное колесо разсѣивало промышленность по всей странѣ ⁹⁹⁾. Наконецъ, онъ допускаетъ

двукратна, въ сравненіи съ продуктомъ, получаемымъ при помощи лошадиной силы. Для того, чтобы исполнить работу паровой машины, должны работать 66 рабочихъ, стоящихъ вмѣстѣ 15 шилл. въ часъ; а чтобы исполнить работу лошадей, требуется 32 работника, стоящихъ 8 шилл. въ часъ.

⁹⁷⁾ Faulbehr 1625, De Caus 1688.

⁹⁸⁾ Новѣйшее изобрѣтеніе—турбины освобождаютъ промышленную эксплуатацію водяной силы отъ многихъ прежнихъ оковъ.

⁹⁹⁾ «Въ первое время существованія мануфактуръ, занимавшихся обработкой волокнистыхъ веществъ, мѣсто нахожденія мануфактуры зависѣло отъ существованія потока, силы паденія котораго было бы достаточно для приведенія въ движеніе водяного колеса; и хотя устройство водяныхъ фабрикъ нанесло первый ударъ системѣ домашнего производства, однако такіе фабрики, по необходимости расположенныя на потокахъ, и часто на значительныхъ расстояніяхъ одна отъ другой, представляли элементъ скорѣе сельской, чѣмъ городской промышленности. И только послѣ введенія сила пара на мѣсто силы падающей воды, фабрики могли сосредоточиться въ городахъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ вода и уголь, необходимы для производства пара, находятся въ достаточномъ количествѣ. Паровая машина есть мать мануфактурныхъ городовъ». (A. Redgrave въ «Reports of the Insp. of Fact. 30 April 1866», p. 36).

универсальное техническое примѣненіе и сравнительно очень мало подчиненъ тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ. Великій геній Уатта виденъ изъ его объясненій при полученіи имъ, въ апрѣлѣ 1784 г., патента, объясненій, въ которыхъ его паровая машина изображается не только какъ изобрѣтеніе для извѣстныхъ, определенныхъ цѣлей, но какъ общій агентъ крупной промышленности. Онъ намекаетъ здѣсь, между прочимъ, на такія примѣненія, изъ которыхъ нѣкоторые,—какъ, напр., паровой молотъ,—были введены болѣе, чѣмъ полустолѣтіе спустя. Однако онъ сомнѣвался, возможно ли будетъ примѣнять паровую машину къ мореходству. Его преемники Boulton и Watt выставили въ 1851 г., на лондонской промышленной выставкѣ, самую колоссальную машину для океанскихъ пароходовъ.

Только послѣ того, какъ инструменты превратились изъ орудій человѣческаго организма въ орудія механическаго аппарата, т. е. исполнительнаго механизма, только тогда и двигательный механизмъ получилъ самостоятельную, вполне эманципированную отъ человѣческой силы, форму. И вмѣстѣ съ этимъ, та отдѣльная рабочая машина, которую мы до сихъ поръ разсматривали, преводится до степени простого элемента машиннаго производства. Одна двигательная машина можетъ теперь приводить въ движеніе одновременно нѣсколько рабочихъ машинъ. Съ увеличеніемъ же числа одновременно приводимыхъ въ движеніе рабочихъ машинъ, увеличивается въ свою очередь и двигательная машина, а передаточный механизмъ разрастается въ сложный аппаратъ.

При разсмотрѣніи машиннаго производства слѣдуетъ различать два явленія: кооперацию многихъ однородныхъ машинъ и систему машинъ.

Въ одномъ случаѣ, весь продуктъ выдѣлывается одной рабочей машиной. Она одна продѣлываетъ всѣ тѣ различныя операціи, которыя раньше исполнялъ одинъ ремесленникъ при помощи своего инструмента,—напр., ткачъ при помощи ткацкого станка,—или нѣсколько ремесленниковъ послѣдовательно, при помощи различныхъ инструментовъ,—все равно, работали ли эти ремесленники самостоятельно, или поочередно, какъ звенья мануфактуры¹⁰⁰⁾. Такъ, напр., въ новѣйшей мануфактурѣ конвертовъ одинъ работникъ фальцовалъ, при помощи фальцовки, бумагу; другой намазывалъ края клеемъ; третій отгибалъ клапанъ, на которомъ вытискивается девизъ или виньетка; четвертый оттискивалъ самую виньетку и т. д.; причемъ для каждой изъ этихъ частичныхъ операцій, каждый отдѣльный конвертъ долженъ былъ переходить изъ рукъ въ руки. Одна машина для приготовленія конвертовъ исполняетъ всѣ эти операціи заразъ и приготовить 3000 и больше конвертовъ въ часъ. Американ-

¹⁰⁰⁾ Съ точки зрѣнія мануфактурнаго раздѣленія труда, ткачество вовсе не было простымъ, а скорѣе сложнымъ ремесленнымъ трудомъ; и, по этому, механическій ткацкій станокъ есть машина, исполняющая разнообразныя операціи. Вообще не вѣрно то представленіе, будто новѣйшая машинная система первоначально овладѣла такими операціями, которыя были раньше упрощены мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда. Пряденье и ткачество были въ продолженіе мануфактурнаго періода подраздѣлены на новыя роды, а инструменты ихъ усовершенствованы и варіированы, но самъ процессъ труда, вѣсколько не раздѣленный, оставался ремесленнымъ. Исходной точкой машины является вообще не трудъ, а орудіе труда.

ская машина для изготовления бумажных картузовъ, выставленная на лондонской промышленной выставкѣ 1862 г., рѣжетъ бумагу, складываетъ ее, склеиваетъ и такимъ образомъ производитъ 300 картузовъ въ минуту. Весь процессъ, который въ мануфактурѣ былъ раздѣленъ и выполнялся послѣдовательно цѣлымъ рядомъ работниковъ, здѣсь выполняется одной рабочей машиной, дѣйствующей посредствомъ комбинаціи различныхъ инструментовъ. Представляетъ ли такая рабочая машина собою лишь механическое воспроизведеніе одного сложнаго ручнаго инструмента, или комбинацію разнородныхъ простыхъ инструментовъ, обособленныхъ мануфактурой,—во всякомъ случаѣ на фабрикѣ, т. е. въ мастерской, основанной на машинномъ производствѣ, каждый разъ передъ нами снова выступаетъ простая кооперация, и прежде всего (рабочихъ мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ) именно какъ пространственная конгломерация однородныхъ и одновременно вмѣстѣ дѣйствующихъ рабочихъ машинъ или исполнительныхъ механизмовъ. Такъ, напр., ткацкая фабрика образуется существованіемъ въ одномъ зданіи многихъ механическихъ ткацкихъ станковъ; а фабрика одежды — существованіемъ швейныхъ машинъ. Но здѣсь существуетъ техническое единство, такъ эти многія рабочія машины получаютъ свое движеніе одновременно и равномерно отъ одного общаго первоначальнаго двигателя, посредствомъ передаточнаго механизма, отчасти также общаго имъ всѣмъ, такъ какъ каждая изъ нихъ приводится въ движеніе лишь особенной шестерней изъ общаго передаточнаго механизма. Какъ инструменты составляютъ лишь органы одной рабочей машины, такъ же точно и многія рабочія машины образуютъ лишь однородные органы одного и того же двигательнаго механизма.

Настоящая же система машинъ занимаетъ мѣсто отдельной самостоятельной машины впервые лишь тамъ, гдѣ предметъ труда долженъ проходить цѣлый рядъ связанныхъ между собой, послѣдовательныхъ процессовъ, выполняемыхъ цѣлою цѣнью разнородныхъ, но другъ друга дополняющихъ рабочихъ машинъ.

Свойственная мануфактурѣ кооперация, основанная на раздѣленіи труда, появляется здѣсь снова, но теперь она уже является комбинаціей частичныхъ рабочихъ машинъ. Специфическіе инструменты различныхъ частичныхъ рабочихъ, — какъ-ковы, напр., на шерстяной мануфактурѣ инструменты шерстобита, шерсточе-сальщика, шерстопрядильщика и пр., — превращаются здѣсь въ инструменты отдельныхъ рабочихъ машинъ, изъ которыхъ каждая составляетъ особый органъ для особой функціи въ цѣлой системѣ комбинированныхъ рабочихъ машинъ. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ система машинъ впервые вводится, сама мануфактура доставляетъ этой системѣ естественное основаніе дѣленія, а, слѣдовательно, и организація производственнаго процесса ¹⁰¹⁾. Однако немедленно

¹⁰¹⁾ До вступленія періода крупной промышленности, шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англіи. Поэтому, въ продолженіе первой половины 18-го стол., большая часть опытовъ примѣненія машинъ была сдѣлана именно въ ней. Опытомъ, добытымъ относительно обработки шерсти, воспользо-

проявляется и одно существенное различіе между мануфактурнымъ и машиннымъ производствомъ. Въ мануфактурѣ рабочіе должны, отдѣльно или группами, выполнять каждый особый частичный процессъ своими инструментами. Если рабочий и приурочивается здѣсь къ процессу, то процессъ, съ своей стороны, оказывается раньше приспособленнымъ къ рабочему. Этотъ субъективный принципъ раздѣленія труда отпадетъ при машинномъ способѣ производства. Общій процессъ разлагается здѣсь объективно, самъ по себѣ (an und für sich) на свои составныя фазы, и проблема выполнения каждаго частичнаго процесса и соединенія частичныхъ процессовъ разрѣшается применениемъ механики, химіи и т. д. ¹⁰²⁾), причемъ, разумѣется, теоретическая концепція процесса, какъ и раньше, должна быть усовершенствована посредствомъ практическаго опыта, добытаго въ самомъ крупномъ производствѣ. Каждая частичная машина доставляетъ другой, слѣдующей за ней, частичной машинѣ сырой матеріалъ; а такъ какъ всѣ онѣ дѣйствуютъ одновременно, то, поэтому, и продуктъ непрерывно находится и на различныхъ ступеняхъ процесса своего созиданія и въ переходѣ изъ одной фазы производства въ другую. Какъ въ мануфактурѣ непосредственная кооперація частичныхъ рабочихъ создаетъ извѣстное количественное отношеніе между особыми рабочими группами, такъ и въ расчлененной системѣ машинъ постоянная зависимость между отдѣльными частичными машинами создаетъ извѣстное опредѣленное отношеніе между ихъ числомъ, ихъ размѣрами и скоростью. Комбинированная рабочая машина, составляющая теперь расчлененную систему отдѣльныхъ разнородныхъ рабочихъ машинъ и группъ такихъ машинъ, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непрерывнѣе выполняемый ею общій процессъ, т. е. чѣмъ съ меньшими перерывами сырой матеріалъ доходитъ отъ первой фазы до послѣдней фазы, чѣмъ больше, слѣдовательно, эти переходы совершаются, — вмѣсто человѣческихъ рукъ, — посред-

лось хлопчатобумажное производство, такъ какъ техническая обработка хлопка требуетъ менѣе трудныхъ подготовительныхъ работъ, а потомъ, въ свою очередь, механическая шерстяная индустрія развилась, опираясь на опытъ механической обработки хлопчатой бумаги. Отдѣльные элементы шерстяной мануфактуры, — какъ, напр., чесаніе шерсти, — подчинены фабричному режиму лишь въ послѣдніа десятилѣтія. «Приложеніе механической силы къ чесанію шерсти... практикующееся въ большихъ размѣрахъ со времени введенія чесальной машины, въ особенности, — чесальной машины Листера, имѣло своимъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ то, что чрезвычайно значительное число рабочихъ оказалось безъ работы. Раньше шерсть расчесывалась ручнымъ способомъ, большей частью на дому у чесальщика. Теперь же она расчесывается на фабрикѣ, и ручной трудъ устраненъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особыхъ сортовъ ткани, для которыхъ еще предпочтается шерсть, расчесанная рукой. Многіе изъ ручныхъ чесальщиковъ нашли занятія на фабрикахъ; но продуктъ ихъ труда такъ ничтоженъ, въ сравненіи съ продуктомъ доставляемымъ машиной, что не могутъ быть и вопроса объ употребленіи ихъ труда въ большихъ размѣрахъ». («Rep. of Insp. of Fact., for 31 st. Oct. 1856», p. 16).

¹⁰²⁾ «Принципъ автоматической (фабричной) системы состоитъ, слѣдовательно.. въ замѣнѣ раздѣленія или расчлененія труда между рабочими разложеніемъ процесса производства на его составные элементы». (Ure, l. c. p. 20).

ством самой машины. Если, поэтому, изолирование отдельных процессов производства составляет в мануфактурѣ принципъ, вытекающій изъ самаго раздѣленія труда, то въ развитой фабрикѣ господствуетъ, наоборотъ, принципъ непрерывности (*Kontinuität*) отдельныхъ частныхъ процессовъ.

Система машинъ,—основывается ли она на простой коопераціи однородныхъ рабочихъ машинъ, какъ въ ткацествѣ, или на комбинаціи разнородныхъ, какъ въ пряденіи,—является сама по себѣ большимъ автоматомъ, разъ она приводится въ движеніе посредствомъ перваго двигателя, который самъ порождаетъ свое движеніе. Можетъ, однако, случиться, что система въ цѣломъ приводится въ движеніе, напр., паровой машиной, а отдѣльныя рабочія машины пугаются еще въ извѣстныхъ движеніяхъ рабочихъ, какъ это было, напр., съ мулей (*mule*) до введенія *selfacting mule* (самопрядки) или до сихъ поръ продолжается въ тонкопряденіи; или нѣкоторыя части машины, для выполненія своихъ операций, должны, подобно инструменту, направляться рабочимъ, какъ это, напр., было въ машиностроительномъ производствѣ, до превращенія *slide rest* (точный аппаратъ) въ самодѣйствующій аппаратъ (*selfactor*). Какъ скоро машина исполняетъ всѣ движенія, необходимыя для обработки сырого материала, безъ всякой человѣческой помощи, и ея работа нуждается лишь въ нѣкоторыхъ поправкахъ со стороны человѣка, мы имѣемъ передъ собой автоматическую систему машинъ, которая, впрочемъ, способна къ дальнѣйшему развитію въ своихъ частностяхъ; такъ, напр., аппаратъ, автоматически останавливающій прядильную машину, какъ только оборвется одна нитка, а также *selfacting stop*, останавливающій усовершенствованный паровой ткацкій станокъ, какъ только уточная нить вся смоталась со шпульки челнока, представляютъ изобрѣтенія самаго недавняго времени. Современная писчебумажная фабрика можетъ служить примѣромъ непрерывности производства и проведенія автоматическаго принципа. На писчебумажномъ производствѣ можно вообще очень удобно въ деталяхъ изучить какъ различіе между разными способами производства, основанное на различіи въ средствахъ производства, такъ и связь различныхъ общественно-производственныхъ отношеній съ различными способами производства: старинное нѣмецкое бумагодѣлательное производство представляетъ намъ образецъ ремесленного производства въ этой отрасли; Голландія 17-го и Франція 18-го вѣка являютъ образцы настоящей мануфактуры, а современная Англія представляетъ примѣръ автоматической фабрикаціи; кромѣ того, въ Китаѣ и Индіи существуютъ еще двѣ различныя древнеазиатскія формы этой промышленности.

Расчлененная система рабочихъ машинъ, получающихъ свое движеніе, при посредствѣ передаточнаго механизма, лишь отъ одного центрального автомата, есть наиболѣе развитая форма машиннаго производства. Здѣсь на мѣсто отдѣльной машины выступаетъ механическое чудовище, тѣло котораго занимаетъ цѣлая фабричная зданія, и демоническая сила котораго, вначалѣ еще не замѣтная въ почти торжественно-размѣренномъ движеніи его исполнительныхъ членовъ, прорывается наружу въ злорадно-бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ рабочихъ органовъ въ собственномъ смыслѣ.

Мюли, паровыя машины и т. п. существовало прежде, чѣмъ появились рабочіи, исключительная специальность котораго состоитъ въ фабрикаціи мюли, паровыхъ машинъ и т. п., точно также, какъ человекъ носилъ платье раньше, чѣмъ явились портные. Но изобрѣтенія Vaucanson'a, Arkwright'a, Watt'a и др. могли быть осуществлены лишь благодаря тому, что эти изобрѣтатели нашли значительное количество подготовленныхъ мануфактурнымъ періодомъ искусныхъ механическихъ рабочихъ. Одна часть этихъ рабочихъ состояла изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ различныхъ профессій, другая часть была соединена въ мануфактурѣ, гдѣ, какъ уже было упомянуто, раздѣленіе труда господствовало съ особой строгостью. Съ умноженіемъ числа изобрѣтеній и увеличеніемъ спроса на вновь изобрѣтенныя машины, стало все болѣе и болѣе развиваться, съ одной стороны, разложеніе фабрикаціи машинъ на многочисленныя самостоятельныя отрасли, а съ другой—раздѣленіе труда внутри машиностроительныхъ мануфактуръ. Такимъ образомъ, здѣсь мануфактура является передъ нами какъ непосредственное техническое основаніе крупной промышленности. Мануфактура произвела машины, посредствомъ которыхъ крупная промышленность упразднила ремесленный и мануфактурный способъ производства въ тѣхъ сферахъ промышленности, которыми она сперва завладѣла. Слѣдовательно, машинное производство выросло естественнымъ путемъ на матеріальномъ основаніи, не соответствовавшемъ его будущему развитію. На извѣстной степени развитія оно вынуждено было само произвести революцію въ томъ основаніи, которое оно сначала нашло готовымъ, а потомъ расширило въ его старой формѣ,—и создать себѣ новое основаніе, соответствующее его собственному способу производства. Какъ отдѣльная машина остается жалкимъ карликомъ, пока она приводится въ движеніе исключительно человекомъ, какъ система машинъ не можетъ свободно развиваться, пока традиціонныя двигательныя силы — животныя, вѣтеръ и вода — не уступаютъ своего мѣста паровой машинѣ;—такъ точно и крупная промышленность является парализованной и не въ силахъ развиваться до тѣхъ поръ, пока ея характеристическое средство производства, т. е. сама машина продолжаетъ въ своемъ существованіи зависѣть отъ человѣческой силы и человѣческаго искусства, т. е. отъ мускульнаго развитія, вѣрности взгляда и ловкости рукъ, съ которыми частичный рабочій въ мануфактурѣ или ремесленникъ управляетъ своими карликовыми инструментами. Помимо того, что машины, вслѣдствіе такого способа ихъ происхожденія, обходятся очень дорого—и это обстоятельство руководитъ капиталомъ, какъ сознательный мотивъ,—дальнѣйшее расширеніе машинной индустріи, а также вторженіе машины въ другія отрасли зависитъ здѣсь исключительно отъ возрастанія такой категоріи рабочихъ, которая, вслѣдствіе полупролетарскаго характера ихъ труда, можетъ увеличиваться лишь постепенно, а не вдругъ. На извѣстной ступени развитія, крупная промышленность приходитъ и въ техническое противорѣчіе со своимъ ремесленно мануфактурнымъ основаніемъ. Увеличеніе размѣровъ двигательной машины, передаточнаго механизма и исполнительныхъ механизмовъ, увеличеніе сложности, разнообразія и регулярности составныхъ частей исполнительныхъ механизмовъ по мѣрѣ того, какъ они всѣ

болѣе и болѣе удаляются отъ своихъ ремесленныхъ образцовъ, которые первоначально всецѣло опредѣляютъ ихъ устройство и принимаютъ свободную форму, обусловливаемую лишь ихъ механической задачей ¹⁰³⁾, развитіе автоматической системы, и все болѣе и болѣе неизбежное введеніе другихъ, труднѣе поддающихся обработкѣ, матеріаловъ, — напр. желѣза вмѣсто дерева, — вотъ тѣ естественно выросшія задачи, разрѣшеніе которыхъ повсюду наткнулось на субъективныя рамки, и даже комбинированный рабочій персоналъ мануфактуры могъ лишь раздвинуть, но не сломать эти субъективныя рамки. Такія машины, какъ, напр., новѣйшій печатный станокъ, новѣйшій паровой ткацкій станокъ и новѣйшая кардъ-машина (Kardmaschine), не могли быть созданы мануфактурой.

Переворотъ въ способѣ производства въ одной какой либо сферѣ промышленности обусловливаетъ такой же переворотъ и въ другихъ сферахъ. Особенно это относится къ такимъ отраслямъ промышленности, которыя пахотятся во взаимной зависимости, переплетаясь между собою какъ фазы одного общаго процесса, хотя общественное раздѣленіе труда настолько изолировало ихъ, что каждая изъ нихъ производитъ самостоятельный товаръ. Такъ, машинное пряденіе сдѣлало необходимымъ и машинное ткачество, а оба вмѣстѣ обусловили собой механическо-химическую революцію въ бѣлизномъ, красильномъ и ситцепечатномъ производствахъ. Такъ, съ другой стороны, революція въ пряденьѣ хлопчатой бумаги вызвала изобрѣтеніе gin'a, машины для отдѣленія хлопчатобумажныхъ волоконъ отъ сѣмянъ, послѣ чего только и сдѣлалось возможнымъ развитіе хлопчатобумажнаго производства въ требуемыхъ нашимъ временемъ огромныхъ размѣрахъ ¹⁰⁴⁾. А революція въ способахъ производства промышленности и земледѣлія вынудила также революцію въ общихъ условіяхъ общественнаго процесса производства, т. е. въ средствахъ сообщенія и транспорта.

¹⁰³⁾ Механическій ткацкій станокъ, въ своей первоначальной формѣ, сдѣланъ, главнымъ образомъ, изъ дерева, въ своей же новѣйшей, усовершенствованной — почти исключительно изъ желѣза. Въ какой мѣрѣ старинная форма орудія труда вліяетъ на его новую форму. показывается, между прочимъ, поверхностное сравненіе новѣйшаго парового ткацкаго станка со старымъ, изъ новѣйшихъ рядувальныхъ инструментовъ (Blasinstrumente) на чугуноплавильныхъ заводахъ съ прежнимъ безпомощнымъ механическимъ воспроизведеніемъ обыкновеннаго кузнечнаго жѣла; но убѣдительно всего, можетъ быть, сравненіе теперешняго локомотива съ первоначальнымъ, имѣвшимъ на самомъ дѣлѣ двѣ ноги, которыя онъ, подобно лошади, поднималъ попеременно. Только вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія механики и по мѣрѣ накопленія болѣе значительнаго опыта, форма рабочей машины стала вполнѣ опредѣляться механическимъ принципомъ, и потому окончательно амплифицировалась отъ формы прежняго инструмента, выдупляясь теперь въ машину.

¹⁰⁴⁾ Cottongin, изобрѣтенный янки Eli Whitney, до самаго послѣдняго времени претерпѣлъ, въ существенныхъ своихъ чертахъ, меньше переменъ, чѣмъ какая бы то ни было другая машина 18-го стол. Только въ послѣднее десятилѣтіе (до 1867 г.) другой американецъ, Emery въ Алябани, New-York, вытѣснилъ машину Whitney'a другимъ узученымъ, столь же простымъ, какъ и дѣйствительнымъ, приспособленіемъ.

Какъ средства сообщеній и транспорта того общества, которое, по выраженію Фурье, вращалось вокругъ мелкаго земледѣлія съ его подсобной домашней промышленностью и городского ремесла, совершенно не могли больше удовлетворять производственнымъ потребностямъ мануфактурнаго періода, съ его широкимъ общественнымъ раздѣленіемъ труда, съ его концентраціей средствъ труда и самихъ рабочихъ, наконецъ, съ его колоніальными рынками—а потому и дѣйствительно были совершенно преобразованы,—точно также и доставшіяся отъ мануфактурнаго періода средства сообщеній и перевозки скоро превратились въ невыносимые тормазы для крупной промышленности, съ ея лихорадочной быстротой, съ ея массовымъ разбѣгомъ производства, съ ея постояннымъ перебрисываніемъ капиталовъ и рабочихъ изъ одной сферы производства въ другія и съ создаваемымъ ею новымъ отношеніемъ на мировомъ рынкѣ. Поимамъ полнаго переворота въ парусномъ судостроеніи, средства сообщеній и перевозки были мало-по-малу приспособлены къ способу производства крупной промышленности посредствомъ цѣлой системы рѣчныхъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, океанскихъ пароходовъ и телеграфовъ. Огромныя же массы желѣза, которыя пришлось теперь ковать, сваривать, рѣзать, сверлить и отливать, требовали, съ своей стороны, такихъ циклопическихъ машинъ, создать которыя мануфактурное машиностроеніе оказывалось совершенно безсильнымъ.

Поэтому, крупная промышленность должна была овладѣть характеристическимъ для нея орудіемъ производства, т. е. самой машиной, и начать производить машины посредствомъ машинъ же. И тогда только она впервые создала себѣ надлежащее, ей адекватное техническое основаніе и стала на собственные ноги. Съ возрастаніемъ машиннаго производства въ продолженіе первыхъ десятилѣтій 19-го стол., машина дѣйствительно постепенно завладѣла фабрикаціей рабочихъ машинъ. Однако, только въ послѣднія десятилѣтія огромное желѣзнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали къ жизни тѣ циклопическія машины, которыя служатъ для постройки первыхъ двигателей.

Существѣннѣйшимъ производственнымъ условіемъ для фабрикаціи машинъ, посредствомъ машинъ, былъ двигатель, способный развивать силу въ любой степени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко поддающийся контролю. Такой двигатель существовалъ уже въ формѣ паровой машины. Но въ то же время необходимо было производить машиннымъ способомъ нужныя для отдѣльныхъ частей машины строго геометрическія формы, линіи, круги, цилиндры, конусы и шары. Эту проблему разрѣшилъ, въ первомъ десятилѣтіи 19-го стол., Henry Maudsley изобрѣтеніемъ Slide-rest, который вскорѣ былъ превращенъ въ автоматическій аппаратъ, и въ преобразованной формѣ былъ примѣненъ не только къ токарному станку, для котораго онъ первоначально назначался, но и ко всѣмъ другимъ машиностроительнымъ машинамъ. Это механическое приспособленіе замѣняло собою не какой либо отдѣльный инструментъ, а самую человѣческую руку, которая создаетъ опредѣленныя формы, прилагая въ извѣстномъ направленіи и направляя рѣзущіе инструменты и т. п., на обрабатываемый матеріалъ,—напр. на кусокъ желѣза. Такимъ образомъ удалось производить геометрически правильныя формы отдѣльныхъ машинныхъ частей съ такой сте-

пелю легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность никогда не может доставить рукъ самаго ловкаго и искуснаго рабочаго» ¹⁰²⁾.

Если мы въ машинѣ, служащей для машиностроительныхъ цѣлей, рассмотримъ ту часть, которая составляетъ рабочую машину въ собственномъ смыслѣ, то мы въ ней найдемъ старый ремесленный инструментъ, только въ нѣсколько увеличенномъ размѣрѣ. Такъ, напр., дѣйствующая часть сверлильной машины есть огромный буравъ, который приводится въ движеніе паровой машиной, и безъ котораго цилиндры большихъ паровыхъ машинъ и гидравлическихъ прессовъ не могли бы быть сдѣланы. Механическій токарный станокъ представляетъ гигантское воспроизведеніе обыкновеннаго ножного токарнаго станка; стругальная машина есть желѣзный столяръ, обрабатывающій желѣзо тѣмъ же самымъ инструментомъ, которымъ столяръ обрабатываетъ дерево; инструментъ, рѣжущій на лондонскихъ корабельныхъ верфяхъ желѣзо на пластинки для обшивки кораблей, представляетъ гигантскую бритву; инструментъ рѣзальной машины, которая рѣжетъ желѣзо, какъ ножницы портного — сукно, есть чудовищныя ножницы; а паровой молотъ дѣйствуетъ головкой обыкновеннаго молота, только такого вѣса, что самъ Торъ не могъ бы его раскатать ¹⁰³⁾. Одинъ изъ такихъ паровыхъ молотовъ, изобрѣтеніе Nasmyth'a, вѣситъ больше 6 тоннъ и падаетъ перпендикулярно съ высоты 7 футовъ на наковальню вѣсомъ въ 36 тоннъ. Онъ, играючи, превращаетъ въ порошокъ гранитную глыбу, и въ то же время способенъ вбивать гвозди въ мягкое дерево послѣдовательными легкими ударами ¹⁰⁴⁾.

Орудія труда пріобрѣтаютъ въ машинахъ такую матеріальную форму, которая обуславливаетъ замѣну человѣческой силы силой природы и рутинныхъ приемовъ, почерпнутыхъ изъ опыта, — сознательнымъ примѣненіемъ естествознанія. Въ мануфактурѣ расчлененіе общественнаго процесса труда является еще чисто субъективнымъ, представляя простую комбинацію частныхъ рабочихъ; въ системѣ машинъ крупная промышленность создаетъ вполне объективный производственный организмъ, съ которымъ рабочій сталкивается, какъ съ готовымъ матеріальнымъ условіемъ производства. Въ простой коопераціи, и даже въ коопераціи, специализированной посредствомъ раздѣленія труда, выгнѣсненіе изолированнаго рабочаго коллективнымъ, обобществленнымъ рабочимъ представляется

¹⁰²⁾ «The Industry of Nations. Lond. 1855», Part. II, p. 239. Тамъ же говорится: «Какъ ни просто и незначительно, повидимому, этотъ придатокъ къ станку, мы думаемъ, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что его вліяніе на улучшеніе и распространеніе машинъ было столь же велико, какъ вліяніе улучшеній, произведенныхъ Уаттомъ въ самой паровой машинѣ. Введеніе его привело сразу къ усовершенствованію и удешевленію всякаго рода машинъ, и дало толчокъ къ полнымъ изобрѣтеніямъ и улучшеніямъ».

¹⁰³⁾ Въ Лондонѣ одна изъ такихъ машинъ для выковки paddle-wheels shafts носитъ названіе «Тора». Она выковываетъ желѣзный стержень въ 16½ тоннъ вѣсомъ, съ такой же легкостью, какъ кузнецъ — подкову.

¹⁰⁴⁾ Тѣ обрабатывающія дерево машины, которыми могутъ быть примѣнены и при производствѣ въ небольшихъ размѣрахъ, суть большей частью американскія изобрѣтенія.

все еще болѣе или менѣе случайнымъ. Машина же, за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ будетъ упомянуто позже, функционируетъ лишь въ рукахъ непосредственно обобществленнаго или совиѣтнаго труда. Такимъ образомъ, кооперативный характеръ процесса труда становится теперь технической необходимостью, предписываемой природою самаго орудія труда.

2. Цѣнность, переносимая машиной на продуктъ.

Мы видѣли, что производительныя силы, вытекающія изъ коопераціи и раздѣленія труда, ничего капиталу не стоятъ. Онѣ представляютъ естественныя силы общественнаго труда. Естественныя силы, какъ, напр., паръ, вода и др., примѣняемыя къ производительнымъ процессамъ, тоже ничего не стоятъ. Но, какъ человеку нужны легкія для дыханія, такъ ему нужно и «созданіе человеческой руки» для производительнаго потребленія этихъ естественныхъ силъ. Водяное колесо необходимо для эксплуатаціи двигательной силы воды; паровая машина—для эксплуатаціи эластичности пара. Относительно науки можно сказать то же самое, что и относительно естественныхъ силъ. Законъ отклоненія магнитной стрѣлки подъ дѣйствіемъ электрическаго тока, или намагничиванье желѣза отъ дѣйствія тока, разъ они открыты,—не стоятъ уже ни гроша¹⁰⁴⁾. Но для эксплуатаціи этихъ законовъ въ телеграфномъ дѣлѣ и т. п. нуженъ дорогой и сложный аппаратъ. Инструментъ, какъ мы видѣли, не вытѣсняется машиной. Изъ карликоваго инструмента человеческого организма, оявъ, расширяясь въ объемъ и числѣ, превращается въ орудіе созданнаго человекомъ механизма. Капиталъ заставляетъ теперь рабочаго работать не ручнымъ инструментомъ, а машиной, которая сама несетъ на себѣ свои орудія. Если, поэтому, съ перваго же взгляда ясно, что крупная промышленность, воспользовавшись для процесса производства огромными естественными силами и естествознаніемъ, должна была сильно поднять производительность труда,—то изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что эта увеличенная производительная сила не покупается увеличенной тратой труда.

Подобно всякой другой изъ составныхъ частей постоянного капитала, машина сама не создаетъ никакой цѣнности, она лишь передаетъ свою собственную цѣнность продукту, для производства котораго служить. Поскольку она имѣетъ цѣнность и поскольку, поэтому, она переноситъ ее на продуктъ, постольку она и образуетъ составную часть цѣнности этого послѣдняго. Въмѣсто того, чтобы удешевлять его, она дѣлаетъ его дороже—пропорціонально ея собственной цѣн-

¹⁰⁴⁾ Наука вообще не стоитъ капиталисту «ничего», что насколько не мѣшаетъ ему эксплуатировать ее. Капиталъ присваиваетъ «чужую» науку, точно такъ же, какъ и чужой трудъ. Но «капиталистическое» присвоеніе и «личное» присвоеніе и науки, и матеріальнаго богатства — двѣ совершенно различныя вещи. Самъ Др. Уге жалуется на грубое незнакомство своихъ мыльных фабрикантовъ, эксплуатирующихъ машины, съ механикой; а Либихъ рассказываетъ много о поразительномъ невѣжествѣ англійскихъ химическихъ фабрикантовъ въ химіи.

ности. Нетрудно замѣтить, что машина и система машинъ — эти характеристическія орудія труда крупной промышленности — стоятъ несравненно больше, чѣмъ орудія труда ремесленного и мануфактурнаго производства.

Прежде всего надо замѣтить, что машина всегда входитъ цѣликомъ въ процессъ труда, и только — частью въ процессъ образованія стоимости. Она никогда не прибавляетъ стоимости больше, чѣмъ сама, въ среднемъ, теряетъ отъ своего изнашивания. Существуетъ, поэтому, большая разница между стоимостью машины и той частью ея стоимости, которая периодически переносится съ нея на продуктъ. Существуетъ большая разница между машиной — какъ элементомъ образованія стоимости, и машиной — какъ элементомъ производства продукта. Чѣмъ больше періодъ, въ продолженіе котораго данная машина служить въ одномъ и томъ же процессѣ труда, тѣмъ больше эта разница. Правда, мы видѣли, что и всякое вообще настоящее орудіе труда, или инструментъ, всегда входитъ цѣликомъ въ процессъ труда и всегда лишь частью, соответственно ихъ среднему ежедневному изнашиванію, въ процессъ образованія стоимости. Однако, эта разница между пользованіемъ (*Benutzung*) и использованіемъ или изнашиваніемъ (*Abnutzung*) гораздо больше у машины, чѣмъ у инструмента, такъ какъ построенная изъ болѣе крѣпкаго матеріала, она долѣе служитъ, а употребленіе ея, регулируемое строго научными законами, дѣлаетъ возможной большую экономію въ расходованіи ея составныхъ частей и ея средствъ потребленія (топлива и др.); и, наконецъ, поле производства у нея несравненно шире, чѣмъ у простаго инструмента. Если мы вычтемъ, какъ изъ машины, такъ и изъ инструмента, среднія ежедневныя издержки на нихъ, т. е. ту часть стоимости, которую они передаютъ продукту своимъ ежедневнымъ изнашиваніемъ и потребленіемъ вспомогательныхъ матеріаловъ, какъ то масла, угля и др., — то окажется, что они дѣйствуютъ даромъ, совершенно такъ, какъ естественныя силы, существующія безъ содѣйствія человѣческаго труда. Во сколько больше размѣръ производительной дѣятельности машины въ сравненіи съ производительной дѣятельностью инструмента, во столько больше и ея даровая служба въ сравненіи съ даровой службой инструмента. Только въ крупной промышленности человѣкъ научается заставлять работать даромъ, въ большихъ размѣрахъ, подобно силамъ природы, продуктъ своего прошлаго, уже овеществленнаго труда ¹⁰⁹⁾.

¹⁰⁹⁾ Рикардо иногда такъ исключительно обращаетъ свое вниманіе на это именно дѣйствіе машинъ (впрочемъ, столь же мало разнѣваемое имъ, какъ и общее различіе между процессомъ образованія стоимости), что при случаѣ совершенно забываетъ ту часть стоимости, которую машина переноситъ на продуктъ, и отождествляетъ ее совершенно съ силами природы. Такъ, напр., онъ говоритъ: «Адамъ Смитъ лигдѣ не оцениваетъ слишкомъ низко услуги, оказываемыя намъ машинами и силами природы, но очень точно различаетъ природу стоимости, которую онѣ прибавляютъ къ продукту... такъ какъ онѣ исполняютъ свою работу даромъ, то помощь, которую онѣ намъ оказываютъ, не прибавляетъ ничего къ мгновенной стоимости». (Ric. I. c. p. 336, 337). Замѣчаніе Рикардо, разумѣется, вполне справедливо, поскольку оно направлено противъ J. B. Say, который выдумываетъ, что машины оказываютъ «услугу», состоящую въ созданіи стоимости, образующей часть прибыли капиталиста.

Изучение кооперации и мануфактуры показало намъ, что въкоторыя общія условія производства, здания и т. п., при общемъ потребленіи тратятся болѣе экономно, чѣмъ при разрозненномъ потребленіи изолированныхъ рабочихъ, и, следовательно, менѣе удорожаютъ продуктъ. При машинномъ производствѣ не только корпусъ рабочей машины потребляется сообща ея многочисленными инструментами, но и одна и та же двигательная машина, вмѣстѣ съ частью передаточнаго механизма, потребляется совмѣстно многими рабочими машинами.

При данной разницѣ между цѣнностью машинъ и той частью цѣнности, которую онѣ ежедневно переносятъ на продуктъ, степень, въ которой эта часть цѣнности возвышаетъ цѣну продукта, ближайшимъ образомъ зависитъ отъ объема продукта, т.-е. какъ бы отъ его поверхности. Въ лекціи, опубликованной въ 1858 г., Ваупез изъ Блэкборна высчитываетъ, что «каждая реальная ^{109а)} механическая лошадиная сила приводитъ въ движеніе 450 автоматическихъ веретенъ съ принадлежностями, или 200 *throstles*, или 15 ткацкихъ станковъ для 40 *inch cloth*, вмѣстѣ съ приспособленіями для натягиванія основы, шлихтованія и т. д.» Въ первомъ случаѣ дневныя издержки одной паровой лошадиной силы и изнашиваніе машинъ, приводимыхъ ею въ движеніе, распределяются на дневной продуктъ 450 *mulespindles*; во второмъ— на продуктъ 200 *throstlespindles*; въ третьихъ— на продуктъ 15 механическихъ ткацкихъ станковъ.—такъ что на унцъ пряжи или на аршинъ ткани переносится очень незначительная часть цѣнности. То же самое можно сказать о вышеприведенномъ примѣрѣ парового молота. Такъ какъ его дневное изнашиваніе, его потребленіе угля и т. д. распределяются на огромныя массы желѣза, которая онѣ ежедневно выковываютъ, то на каждый центнеръ желѣза

^{109а)} (Примѣч. въ 3-му изд.— Одна «лошадиная сила» равна силѣ 33,000 футофунтовъ въ минуту, т. е. силѣ, которая въ 1 минуту поднимаетъ 33,000 фунтовъ на 1 футъ (англійскій), или 1 фунтъ на 33,000 футовъ. Объ этой лошадиной силѣ здѣсь и говорится. Но на обыкновенномъ коммерческомъ языкѣ, и кое гдѣ въ цитатахъ этой книги различаются «номинальныя» и «коммерческія» или «индикаторныя» лошадиныя силы одной и той же машины. Старинная или номинальная лошадиная сила исчислялась исключительно по движенію поршня и диаметру цилиндра, причемъ давленіе пара и скорость движенія поршня не принимались совершенно во вниманіе. Фактически это означаетъ, что известная паровая машина вмѣстѣ, положимъ, 50 лошадиныхъ силъ, если она движется съ тѣмъ же слабымъ давленіемъ пара и незначительной скоростью движенія поршня, какъ во времена Бультона и Уатта. Оба послѣдніе фактора, однако, съ тѣхъ поръ возрасли въ огромной мѣрѣ. Для измѣренія той механической силы, которую теперь въ действительности развиваетъ какая либо машина, былъ изобрѣтенъ индикаторъ, показывающій давленіе пара. Скорость же движенія поршня легко опредѣляется. Такимъ образомъ мѣра «индикаторныхъ» или «коммерческихъ» лошадиныхъ силъ какой-либо машины представляетъ математическую формулу, одновременно принимающую въ расчетъ діаметръ цилиндра, высоту подъема поршня, скорость поршня и давленіе пара, и указывающую, какое кратное число 33,000 футофунтовъ въ минуту машина действительно развиваетъ. Поэтому, одна номинальная лошадиная сила въ действительности можетъ доставлять 3, 4 и даже 5 индикаторныхъ или действительныхъ лошадиныхъ силъ.—Это необходимо было указать для пониманія различныхъ дальнѣйшихъ цитатъ.—Ф. Э.].

приходится лишь незначительная часть ценности, которая была бы очень велика, если бы этот циклонический инструмент вколачивалъ только маленькіе гвозди.

При данномъ кругѣ дѣятельности рабочей машины, т. е. при данномъ количествѣ ея инструментовъ, или, если дѣло идетъ о ея силѣ, при данномъ ихъ объемѣ, величина продукта зависитъ отъ скорости, съ которой она дѣйствуетъ, т. е. отъ скорости вращенія веретенъ, или отъ количества ударовъ, производимыхъ молотомъ въ единицу времени. Многие изъ этихъ колоссальныхъ молотовъ дѣлаютъ 70 ударовъ въ минуту, а патентованная кузнечная машина Ryder'a, употребляющая паровой молотъ маленькихъ размѣровъ дляковки веретенъ, дѣлаетъ 700 ударовъ въ минуту.

Разъ дана та пропорція, въ которой машина переноситъ свою ценность на продуктъ, величина этой части ценности зависитъ отъ величины ценности самой машины ¹¹⁰⁾. Чѣмъ меньше труда она сама содержитъ, тѣмъ меньше ценности она переноситъ на продуктъ; чѣмъ меньше ценности она передаетъ продукту, тѣмъ она производительнѣе, и тѣмъ болѣе служба, оказываемая ею, приближается къ службѣ силъ природы. Машинное же производство машинъ уменьшаетъ ихъ ценность, въ отношеніи къ ихъ размѣру и къ ихъ дѣйствию.

Сравнительный анализъ цѣнъ товаровъ, производимыхъ ремесленнымъ или мануфактурнымъ способомъ, и цѣнъ этихъ же товаровъ, какъ машинныхъ продуктовъ, въ общемъ приводитъ къ тому результату, что при машинномъ продуктѣ составная часть ценности, передаваемая орудіемъ труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается. Это значитъ, что ея абсолютная величина падаетъ, но ея величина по отношенію къ общей ценности продукта.—напр., фунта пряжи,—растетъ ¹¹¹⁾.

¹¹⁰⁾ Читатель, круговоръ котораго ограниченъ капиталистическими представлѣніями, долженъ естественно удивляться, что здѣсь нѣтъ рѣчи о «процентѣ», который машина прибавляетъ къ продукту, соразмѣрно своей капитальной ценности. Легко, однако, понять, что такъ какъ машина, какъ и всякая другая составная часть постоянного капитала, вовсе не создаетъ новой ценности, то она не можетъ прибавить никакой ценности и подъ названіемъ «процента». Ясно, даѣе, что здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о производствѣ прибавочной ценности, нельзя ни одной части ея предположить а priori подъ названіемъ «процента». Въ 3-й книгѣ этого сочиненія мы разъяснимъ капиталистическій способъ расчета прибыли, который *primo facie* (на первый взглядъ) кажется нелѣпнымъ и противорѣчающимъ законамъ образованія ценности.

¹¹¹⁾ Эта составная часть ценности, прибавляемая машинами, понижается абсолютно и относительно тамъ, гдѣ онѣ вытѣсняють лошадей, или вообще рабочихъ животныхъ, которыя употребляются лишь, какъ двигательная сила, а не какъ машины, производящія обмѣнъ веществъ. Кстати, Декартъ, опредѣляя животныхъ, какъ простые машины, раздѣляетъ точку зрѣнія мануфактурнаго періода, въ противоположность точкѣ зрѣнія среднихъ вѣковъ, когда на животныхъ смотрѣли какъ на помощниковъ человека. Эту точку зрѣнія защищалъ позже ф. Галлеръ въ своемъ сочиненіи: «*Restauration der Staatswissenschaft*». Что Декартъ, точно такъ же какъ Бэконъ, рассматривалъ перемѣну въ способѣ производства и практическое господство человека надъ природой, какъ результатъ новаго метода мышленія, показываетъ его «*Discours sur la méthode*», гдѣ мы читаемъ: «Возможно

Ясно, что если производство какой либо машины стоит столько же труда, сколько примѣненіе ея потомъ сберегаетъ, то въ дѣйствительности происходитъ лишь простое переимѣненіе труда, т. е. общая сумма труда, необходимаго для производства товара, не уменьшается, или, другими словами, производительная сила труда не увеличивается. Однако, разница между трудомъ, потраченнымъ на машину, и трудомъ, который она сберегаетъ, или степень ея производительности, очевидно, не зависитъ отъ разницы между ея собственной цѣнностью и цѣнностью того инструмента, который она замѣщаетъ. Эта разница продолжаетъ существовать до тѣхъ поръ, пока трудъ, потраченный на машину, а, слѣдовательно, и та часть цѣнности, которая передается продукту,—остается меньше той цѣнности, которую рабочий со своими инструментами придаетъ предмету труда. Поэтому производительность машины измѣняется той степенью, въ которой машина замѣщаетъ человѣческую рабочую силу. По г. Baupen'у на 450 автоматическихкихъ веретенъ съ машинными для предварительныхъ операций, приводимыми въ движеніе одной паровой лошадиной силой, приходится $2\frac{1}{2}$ рабочихъ ¹¹²⁾; такъ что $2\frac{1}{2}$ рабочихъ, при 10 часовомъ рабочемъ днѣ, помощью одной selfacting mule spindle, прядутъ 12 унцій пряжи (средняго номера) въ день, а въ недѣлю— $365\frac{5}{8}$ фунта. При своемъ превращеніи въ пряжу, 366 ф. хлопка (для простоты мы не обращаемъ вниманія на отбросъ) поглощаютъ, слѣдовательно, лишь 150 рабочихъ часовъ или 15 десятичасовыхъ рабочихъ дней; между тѣмъ какъ при помощи ручной прялки, когда ручной придвижникъ производитъ въ 60 часовъ 13 унцій пряжи, это же самое количество хлопка поглотило бы 2700 десятичасовыхъ рабочихъ дней или 27,000 рабочихъ часовъ ¹¹³⁾. Тамъ, гдѣ старый

(посредствомъ введеннаго вмѣ въ философію метода) дойти до знаній, крайне полезныхъ въ жизни, и, вмѣсто той умозрительной философіи, которую преподають въ школахъ, можно найти практическую философію, посредствомъ которой, — зная силу и дѣйствіе огня, воды, воздуха, звѣздъ и всѣхъ другихъ, окружающихъ насъ тѣлъ, такъ же точно, какъ мы знаемъ ремесла нашихъ работниковъ,—мы могли бы такимъ же способомъ употребить ихъ для цѣлей, для которыхъ они годны, и благодаря этому стать вполнѣ господами и обладателями природы и способствовать улучшенію челоѣческой жизни». Въ предисловіи къ «Discourse prop Trade» сэра Dudley North'a (1691) говорится, что методъ Декарта, примѣненный къ политической экономіи, началъ освобождать ее отъ старинныхъ басенъ и суевѣрныхъ представленій о деньгахъ, торговлѣ и пр. Въ общемъ же, ранніе англійскіе экономисты принимаютъ къ философіи Бэкона и Гоббса, между тѣмъ какъ впоследствии «философомъ» хат'филдъ политической экономіи для Англіи, Франціи и Италіи сталъ Локкъ.

¹¹²⁾ По годовому отчету Эссенской торговой палаты (окт. 1863) сталелитейный заводъ Круппа въ 1862 г. производилъ при помощи 161 плавильной, казильной и цементной печи, 32 паровыхъ машинъ (въ 1800 г. во всемъ Манчестерѣ дѣйствовало приблизительно такое же число паровыхъ машинъ) и 14 паровыхъ молотовъ (представляющихъ вмѣстѣ 1236 лошадиныхъ силъ), 49 кузнечныхъ горновъ, 203 рабочихъ машинъ и около 2400 рабочихъ—13 милліоновъ фунтовъ литей стали. Значитъ тутъ на 1 лошадиную силу приходится меньше 2 рабочихъ.

¹¹³⁾ Babbage высчиталъ, что на Явѣ одинъ процессъ приданья увеличиваетъ цѣнность хлопка почти на 117%. Въ то же самое время (въ 1832 г.) въ Англіи—общая цѣнность, прибавляемая трудомъ и машинами къ хлопку, при тонкомъ пряденіи равнялась 33% цѣнности сырого матеріала. (On the Economy of Machinery, p. 214).

способъ blockprinting, или ручная набивка ситца, замѣненъ машиннымъ способомъ, одна машина, при помощи одного работника или мальчика, печатаетъ въ часъ столько же четырехцвѣтнаго ситца, сколько раньше печатали 200 человекъ ¹¹⁴⁾. До 1793 г., когда Eli Whitney изобрѣлъ cottongin, отдѣленіе одного фунта хлопка отъ сѣмянъ требовало, въ среднемъ, одного рабочаго дня. Вслѣдствіе его изобрѣтенія одна негритянка могла въ день очищать 100 ф.; а съ тѣхъ поръ производительность этой машины еще значительно увеличена. Фунтъ хлопковыхъ волоконъ, производимыхъ прежде за 50 центовъ фунтъ, позже сталъ продаваться за 10 ц. съ большей чѣмъ прежде прибылью, т. е. со включеніемъ большого количества неоплаченнаго труда. Въ Индіи для очищенія волоконъ отъ сѣмянъ употребляется инструментъ, наполовину представляющій машину и называемый Chugca; при помощи его одинъ работникъ и одна работница могутъ очищать въ день 28 ф. При помощи же «хурка», изобрѣтенной докторомъ Форбесомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ взрослый рабочій съ мальчикомъ очищаютъ 250 ф.; тамъ же, гдѣ, напр., быки, паръ или вода употребляются въ качествѣ двигательной силы, для этой машины требуется только нѣсколько мальчиковъ или дѣвочекъ, въ качествѣ feeders (рукъ, подкладывающихъ матеріалъ въ машину). 16 такихъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе волами, выполняютъ ежедневно работу, которая раньше требовала средняго ежедневнаго труда 750 человекъ ¹¹⁵⁾.

Какъ уже было замѣчено, паровая машина при паровомъ плугѣ совершаетъ въ одинъ часъ, за 3 пенса или $\frac{1}{4}$ шилл., столько работы, сколько 66 чел. за 15 шилл. въ часъ. Я возвращаюсь къ этому примѣру, чтобы предупредить ложное толкованіе. А именно, эти 15 шилл. ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою денежнаго выраженія всего труда, придавнаго 66 рабочими въ теченіе часа: если отношеніе между прибавочнымъ трудомъ и необходимымъ трудомъ составляетъ 100%, то эти 66 рабочихъ производятъ въ 1 часъ цѣнность въ 30 шилл., хотя въ одномъ эквивалентѣ, который они получаютъ за свой трудъ, т. е. въ 15 шилл., выражаются только 33 рабочихъ часа. Итакъ, если, положимъ, машина стоитъ столько же, но сколько, напр., обходится годовая плата 150 вытѣсненныхъ ею рабочихъ, т. е. напр., 3000 ф. ст., то эти 3000 ф. ст. ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою денежнаго выраженія всего того труда, который 150 рабочихъ совершили и придали своему предмету труда; въ этой суммѣ выражается только та часть ихъ годового труда, за которую они получаютъ плату. Напротивъ того, если машина стоитъ 3000 ф. ст., то эти 3000 ф. ст. выражаютъ собою весь трудъ, потраченный на ея производ-ство, каково бы ни было отношеніе между частью этого труда, идущей на плату рабочимъ, и частью, образующей прибавочную цѣнность для капиталиста. Поэтому, если машина и стоитъ столько же, сколько стоитъ замѣняемая ею ра-

¹¹⁴⁾ При машинномъ печатаніи, кромѣ того, дѣлается экономія въ краскѣ.

¹¹⁵⁾ Ср. «Paper read by Dr. Watson, Reporter on Products to the Government of India. before the Society of Arts, 17 Apr. 1860».

бочая сила, то овеществленный въ ней самой трудъ всегда гораздо меньше того живого труда, который она замѣщаетъ собою ¹¹⁸⁾.

Если разсматривать машину исключительно какъ средство удешевленія продукта, то ея примѣненіе опредѣляется тѣмъ, что трудъ, потраченный на ея собственное производство, долженъ быть меньше того труда, который замѣняется ея примѣненіемъ. Для капиталиста, однако, границы примѣненія машинъ еще уже. Такъ какъ онъ оплачиваетъ не употребляемый имъ трудъ, а лишь цѣнность употребляемой имъ рабочей силы, то границы примѣненія машинъ для него опредѣляются разницей между цѣнностью машины и цѣнностью замѣняемой ею рабочей силы. Такъ какъ рабочій день распадается на трудъ необходимый и прибавочный въ чрезвычайно различныхъ пропорціяхъ не только въ различныхъ странахъ, но и въ одной и той же странѣ въ различные періоды, или—въ продолженіе одного и того же періода—въ различныхъ отрасляхъ промышленности; такъ какъ, кромѣ того, дѣйствительная заработная плата иногда падаетъ ниже цѣнности рабочей силы, а иногда поднимается выше ея, то и разница между цѣной машины и цѣной рабочей силы, которая должна быть замѣщена машиной, можетъ сильно колебаться даже въ томъ случаѣ, когда разница между количествомъ труда, необходимаго для производства машины, и общимъ количествомъ замѣщеннаго ею труда—не измѣняется ¹¹⁹⁾. Для самого же капиталиста только первая разница опредѣляетъ издержки производства товара, и только она оказываетъ на него принудительное вліяніе властными законами конкуренціи. Поэтому, теперь въ Англіи изобрѣтаются машины, которыя примѣняются только въ Сѣверной Америкѣ; точно такъ же, какъ въ 16-мъ и 17-мъ стол. Германія изобрѣтала машины, которыя примѣнялись только въ Голландіи, или какъ многія изъ французскихъ изобрѣтеній 18-го стол. эксплуатировались только въ Англіи. Сами машины производятъ въ болѣе развитыхъ странахъ, своимъ примѣненіемъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности такой избытокъ труда (*redundancy of labour*, говоритъ Рикардо) въ другихъ отрасляхъ труда, что здѣсь паденіе заработной платы ниже цѣнности рабочей силы, препятствуетъ употребленію машинъ и дѣлаетъ его излишнимъ, часто даже невозможнымъ, съ точки зрѣнія капитала, прибыль котораго безъ того вытекаетъ изъ уменьшенія не примѣняемаго, а оплачиваемаго труда. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской шерстяной мануфактуры дѣтскій трудъ, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, сильно сократился, и кое-гдѣ даже почти совсѣмъ вытѣсненъ. А почему? Фабричный законъ принудилъ занимать двѣ смѣны дѣтей, изъ которыхъ одна работаетъ 6 часовъ, другая—4 ч., или обѣ въ среднемъ только по 5 ч. Но родители не хотятъ продавать этихъ *half-times* (полурабочихъ) дешевле, чѣмъ раньше они продавали

¹¹⁸⁾ «Эти нѣмны дѣтели (машины) представляютъ собою продуктъ гораздо меньшаго труда, чѣмъ тотъ, который они замѣщаютъ, хотя бы денежная цѣнность ихъ и была ему равна» (Ricardo I. c. p. 40).

¹¹⁹⁾ Прии. во 2 пад. Въ коммунистическомъ обществѣ машины имѣли бы, поэтому, совсѣмъ другое поле примѣненія, чѣмъ въ обществѣ буржуазномъ.

full-times (полуврабочих). Отсюда — значит half-times машинист ¹¹⁷⁾. До запрещения работы женщин и детей (моложе 10 лет) в рудниках, капиталъ находилъ столь согласнымъ съ своимъ моральнымъ кодексомъ, а главное, со своимъ грессбухомъ, — заставлять голыхъ женщинъ и дѣвушекъ, часто связанныхъ вѣстѣ съ мужчинами, работать въ угольныхъ и др. кояхъ, что лишь послѣ этого запрещенія онъ обратился къ машинистамъ. Янки изобрѣли машину для разбиванія камня. Англичане не примѣняютъ ея, такъ какъ «голяки» («wretch» — у англійскихъ экономистовъ специальное названіе земледѣльческихъ рабочихъ), исполняющіе эту работу, получаютъ плату за такую ничтожную часть своего труда, что примѣненіе машинъ только удорожило бы для капиталистовъ производство ¹¹⁸⁾. Въ Англіи, при бичевой тагѣ по каналамъ ¹¹⁹⁾, иногда употребляются еще женщины вѣсто лошадей, потому что трудъ, необходимый для производства лошадей и машинъ, представляетъ собою математически опредѣленную величину, между тѣмъ какъ тотъ трудъ, который нуженъ для содержанія женщинъ «избыточнаго населенія», виже всякаго расчета. Поэтому, нигдѣ нѣтъ такого безстыднаго расточенія человѣческой силы на всякій вздоръ, какъ именно въ Англіи, въ этой странѣ машинъ.

3. Ближайшія дѣйствія машиннаго способа производства на рабочихъ.

Исходнымъ пунктомъ крупнои промышленности является, какъ было уже нами указано, переворотъ въ средствахъ труда, а революціонированныя средства труда получаютъ свое наиболѣе развитое выраженіе въ расчлененной системѣ машинъ на фабрикахъ. Прежде чѣмъ мы узнаемъ, какъ въ этотъ объективный организмъ вводится человѣческій матеріалъ, рассмотримъ нѣкоторыя общія дѣйствія этого переворота на самаго рабочаго.

а) Присвоеніе капиталомъ добавочныхъ рабочихъ силъ. Женскій и дѣтскій трудъ.

Поскольку машины дѣлаютъ мускульную силу излишней, онѣ становятся средствомъ для примѣненія рабочихъ безъ мускульной силы, или съ недостаточнымъ тѣлеснымъ развитіемъ, но съ болѣе гибкими членами. Женскій и дѣт-

¹¹⁷⁾ «Предприниматели не безъ основанія хотѣли удерживать смѣны дѣтей моложе 13 лѣтъ... Дѣйствительно, одинъ классъ фабрикантовъ, прядильщики шерсти, рѣдко употребляютъ дѣтей моложе 13 лѣтъ т.е. half-times. Они ввели всякаго рода новыя и усовершенствованныя машины, позволяющія имъ обходиться безъ дѣтей (т.е. дѣтей моложе 13 л.). Для примѣра подобнаго уменьшенія числа дѣтей, я упомяну одинъ процессъ труда, гдѣ, съ помощью одного аппарата, называемаго piecing machine, трудъ 6 или 4 half-times, сообразно особенностямъ каждой машины, можетъ быть исполненъ подросткомъ (старше 13 л.)... Система half-times способствовала изобрѣтенію piecing machine». (Reports of Insp. Factories for 31 Oct. 1858).

¹¹⁸⁾ «Машинъ... часто не могутъ быть примѣняемы, до тѣхъ поръ, пока трудъ (онъ подразумѣваетъ рабочую плату) не возрастетъ въ цѣнѣ». (Ricardo I. c. p. 579).

¹¹⁹⁾ См. «Report of the Social Science Congress at Edinburgh. Octob. 1863».

скій трудъ былъ поэтому первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машины. Такимъ образомъ, машины, эти грандіозные по своему значенію замѣстители труда и рабочихъ, тотчасъ превратились въ средства—увеличивать число наемныхъ рабочихъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ рабочей семьи, безъ различія пола и возраста, непосредственному владычеству капитала. Обязательный трудъ на капиталистовъ вторгся не только на мѣсто дѣтскихъ игръ, но оттѣснилъ собой также свободный трудъ въ домашнемъ кругу, трудъ, исполняемый, въ предѣлахъ семейно-нравственнаго общенія, для нуждъ самой семьи ¹²⁰⁾.

Цѣнность рабочей силы опредѣлялась рабочимъ временемъ, необходимымъ для поддержанія не только самого взрослого рабочаго, но и всей рабочей семьи. Машины, выбрасывая всѣхъ членовъ рабочей семьи на рабочий рынокъ, раскладываютъ цѣнность рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому онѣ понижаютъ эту цѣнность. Покупка, напр., рабочей силы семьи, раздробленной на 4 единицы, стоитъ, можетъ быть, дороже, чѣмъ стоила прежде покупка рабочей силы одного главы семьи, но за то теперь, вмѣсто одного, является 4 рабочихъ дня, и цѣна рабочей силы падаетъ въ той пропорціи, въ которой прибавочный трудъ четырехъ душъ больше прибавочнаго труда одного человѣка. Чтобы одно семейство могло жить, четыре человѣка должны доставлять капиталисту не только трудъ, но и прибавочный трудъ. Такимъ образомъ, машины расширяютъ съ самаго начала, вмѣстѣ съ человѣческимъ матеріаломъ эксплуатаціи, этимъ настоящимъ попріемъ капиталистической эксплуатаціи ¹²¹⁾, и самую степень послѣдней.

¹²⁰⁾ Dr. Edward Smith былъ посланъ англійскимъ правительствомъ во время хлопчатобумажнаго кризиса, сопровождавшаго американскую гражданскую войну, въ Ланкаширъ, Чеширъ и др. мѣста, для изслѣдованія гигиеническаго состоянія хлопчатобумажныхъ рабочихъ. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что въ гигиеническомъ отношеніи кризисъ, кромѣ того, что онъ удалилъ рабочихъ изъ фабричной атмосферы, имѣетъ еще и многія другія преимущества. Жены рабочихъ находятъ по его словамъ теперь необходимый досугъ для кормленія дѣтей грудью, вмѣсто того, чтобы отравлять ихъ Godfrey's Cordial'emъ (опіатомъ); онѣ приобрѣли время научиться стряпать». Къ несчастью, это умѣнье стряпать совпало съ такимъ временемъ, когда имъ нечего ѣсть. Во всякомъ случаѣ, изъ этого видно, какъ капиталъ уаурипировалъ въ пользу своего самовозрастанія семейный трудъ, необходимый для самаго потребленія семьи. Точно также кризисомъ воспользовались, чтобы въ спеціальныхъ школахъ научить дочерей рабочихъ шитью. Потребовались—цѣлая революція въ Америкѣ и мировой кризисъ, чтобы рабочія дѣвушки, которыя прядаютъ для всего свѣта, научились шить!

¹²¹⁾ «Численное возрастаніе рабочихъ было велико, вслѣдствіе возрастающаго замѣщенія мужчинъ—женщинами, и, въ особенности, труда взрослыхъ—дѣтскимъ трудомъ. Взрослый мужчина, плата которому колебалась между 18 и 45 шилл. въ недѣлю, теперь замѣщенъ тремя дѣвочками 13-ти лѣтнаго возраста, съ платой отъ 6 до 8 шилл.» (Th. de Quincey: The Logic of Politic. Econ. Lond. 1845, выписка къ стр. 147). Такъ какъ нѣкоторые семейныя обязанности, какъ уходъ за дѣтьми и кормленіе ихъ, нельзя совершенно упустить, то матери семействъ, конфискованныя капиталомъ, вынуждены нанимать кого-нибудь, кто бы, болѣе или менѣе, вымѣнилъ ихъ. Домашнія работы, шитье, починка и т. п., должны быть замѣнены покупкой готоваго товара. Уменьшенію затраты домашнего труда соот-

Машины преобразуют также до основания формальное выражение капиталистических отношений, т. е. договор между рабочим и капиталистом. На основѣ товарнаго обмена предполагается, что капиталистъ и рабочій вступаютъ во взаимныя отношенія, какъ свободныя личности, какъ независимыя товаро-владѣльцы: одинъ является владѣльцемъ денегъ и средствъ производства, другой—владѣльцемъ рабочей силы. Но теперь капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или женщинъ. Раньше рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которой онъ распоряжался въ качествѣ формально-свободной личности. Теперь онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ становится работоторговцемъ ¹²²⁾. Спросъ на дѣтскій трудъ часто и по формѣ бываетъ сходенъ съ тѣмъ спросомъ на трудъ рабовъ-негровъ, который мы встрѣчаемъ въ объявленіяхъ американскихъ газетъ. «Мое вниманіе,—говоритъ, напр., одинъ англійскій фабричный инспекторъ,—было привлечено объявленіемъ въ мѣстной газетѣ одного изъ значительнѣйшихъ мануфактурныхъ городовъ моего округа, которое дословно гласило такъ: «требуется 12—20 мальчиковъ, которые по наружному виду могутъ сойти за 13-лѣтнихъ. Плата 4 шилл. въ недѣлю. Справиться и т. д.» ¹²³⁾. Слова: «которые по наружному виду могутъ сойти за 13-лѣтнихъ» объясняются тѣмъ, что по фабричному закону дѣти моложе 13 л. могутъ работать только 6 часовъ. Оффициально признанный врачъ (certifying surgeon) долженъ удостовѣрить возрастъ. Фабрикантъ поэтому ищетъ такихъ мальчиковъ, которые имѣ-

вѣтствуютъ, поэтому, увеличеніе денежныхъ расходовъ. Расходы рабочей семьи, такимъ образомъ, возрастаютъ и уравниваются увеличенію доходовъ. Прибавимъ къ этому, что экономія и цѣлесообразность въ пользованіи и приготовленіи жизненныхъ средствъ становятся невозможными для рабочихъ,—по поводу всѣхъ этихъ фактовъ, скрываемыхъ оффициальной политической экономіей, можно найти богатый матеріалъ въ «Reports» фабричныхъ инспекторовъ, «Children's Employment Commission» и, въ особенности, въ «Reports on Public Health».

¹²²⁾ Въ противоположность тому замѣчательному факту, что ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда на англійскихъ фабрикахъ было завоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами,—въ послѣднихъ отчетахъ «Children's Employment Commission» мы находимъ еще поистинѣ возмутительныя и совершенно рабовладѣльчески-торгашескія черты въ отношеніи родителей—рабочихъ къ труду своихъ дѣтей. А капиталистическіе фарисеи, какъ это видно изъ тѣхъ же «Reports», обвиняютъ это, ими же самими созданное, утѣковчиваемое и эксплуатируемое звѣрство, которое они въ другихъ случаяхъ называютъ «свободой труда». «Дѣтскій трудъ былъ призванъ на помощь... даже для добычанія пшеничнаго хлѣба; безъ силъ, чтобы выдержать такой огромный трудъ, безъ подготовки для направленія своей будущей жизни,—дѣти были брошены въ положеніе, физически разрушающее и нравственно развращающее. Еврейскій историкъ, по поводу разрушенія Іерусалима Титомъ, замѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ подвергся такому жестокому разрушенію, а вѣ то, что одна безчеловѣчная мать принесла въ жертву собственнаго сына, для утоленія мученій ужаснаго голода.» «Public Economy Concentrated, Carlisle 1833», р. 56. Въ «Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse» (31 мая 1837) докторъ Perrot говоритъ: «Нищета иногда порождаетъ у отцовъ семейства возмутительный духъ спекуляціи собственными дѣтьми, и къ директорамъ фабрикъ часто пристають съ просьбой принять на работу дѣтей, даже и не достигшихъ еще того возраста, въ которомъ малолѣтніе обычно допускаются на фабрику».

¹²³⁾ A. Rodgrave въ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. October 1858», р. 40, 41

сотъ видъ уже тринадцатилѣтнихъ. Поражавшее иногда въ англійской статистикѣ послѣднихъ 20 лѣтъ внезапное уменьшеніе числа занимаемыхъ фабрикантами дѣтей моложе 13 лѣтъ было, по словамъ самихъ фабричныхъ инспекторовъ, большей частью дѣломъ certifying surgeons, которые, въ угоду эксплуататорскимъ похотямъ капиталистовъ и потребности родителей въ наживѣ насчетъ продаваемыхъ дѣтей, передвигали возрастъ дѣтей. Въ пресловутомъ лондонскомъ кварталѣ Bethnal Green каждый понедѣльникъ и вторникъ, по утрамъ, происходитъ торгъ на открытой улицѣ: дѣти обоюго пола, начиная съ 9-лѣтняго возраста, сами отдають себя въ наемъ на лондонскія шелковыя мануфактуры. «Обыкновенныя условія—1 шил. 8 п. въ недѣлю (которые принадлежатъ родителямъ) и 2 пенса для меня самого, не считая чая». Условіе имѣеть силу только въ теченіе недѣли. Сцены и разговоры на этомъ торжищѣ просто возмутительны ¹²⁴⁾. Въ Англіи все еще случается, что женщины «берутъ мальчиковъ изъ рабочихъ домовъ и продають ихъ первому встрѣчному покупателю за 2 шил. 6 пенс. въ недѣлю» ¹²⁵⁾. Вопреки закону, въ Великобританіи, по крайней мѣрѣ, 2.000 мальчиковъ все еще продаются своими родителями, въ качествѣ живыхъ машинъ для чистки трубъ (хотя машины для этой цѣли уже существуютъ) ¹²⁶⁾. Совершенный машинами переворотъ въ правовыхъ отношеніяхъ между покупателемъ и продавцомъ рабочей силы, отнявшій у всей сдѣлки даже видимость договора между свободными людьми, дажь въ послѣдствіи англійскому парламенту юридическое оправданіе для государственнаго вмешательства въ фабричный режимъ. Каждый разъ, когда фабричный законъ ограничиваетъ дѣтскій трудъ 6-ю часами въ какихъ-нибудь отрасляхъ промышленности, до тѣхъ поръ еще не затронутыхъ охранительнымъ законодательствомъ, тотчасъ снова поднимаются вопли фабрикантовъ на то, что часть родителей извлекаютъ своихъ дѣтей изъ наказанныхъ фабричнымъ закономъ промышленныхъ заведеній только для того, чтобы продать ихъ въ такіе, гдѣ еще господствуетъ «свобода труда», т. е., гдѣ дѣти, моложе 13 лѣтъ, вынуждаются работать такъ же, какъ взрослые, и гдѣ, слѣдовательно, ихъ трудъ можетъ быть дороже проданъ. Но такъ какъ капиталъ, по природѣ своей, левеллеръ (уравниватель), т. е. требуетъ, какъ своего прирожденнаго права, равенства условій эксплуатаціи для всѣхъ сферъ производства, то законодательное ограниченіе дѣтскаго труда въ одной отрасли промышленности становится причиной его ограниченія и въ другихъ.

Мы уже раньше указывали на физическую порчу дѣтей, подростковъ и женщинъ, которыхъ машина подчиняетъ эксплуатаціи капитала, сначала прямо, въ фабрикахъ, возникающихъ на основѣ машиннаго производства, а потомъ и косвенно, во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности. Поэтому здѣсь мы остановимся лишь на одномъ пунктѣ, на ужасной смертности дѣтей рабочихъ въ первые годы ихъ жизни. Въ Англіи существуютъ 16 регистраціонныхъ окру-

¹²⁴⁾ «Children's Employment Commission. V. Report. London. 1866», p. 81, n. 31. [Къ 4 над.—Шелковой промышленности въ Bethnal Green теперь уже почти не существуетъ.—Ф. Э.]

¹²⁵⁾ «Childr. Employm. III. Report. Lond. 1864», p. 53, n. 15.

¹²⁶⁾ I. c. V. Report, p. XXIII, n. 137.

гопъ, въ которыхъ на 100.000 дѣтей моложе одного года приходится, среднимъ числомъ, только 9.000 смертныхъ случаевъ (въ одномъ округѣ даже только 7.047); въ 24 округахъ болѣе 10.000, но менѣе 11.000; въ 39 округахъ выше 11.000, но менѣе 12.000; въ 48—выше 12.000, но ниже 13.000; въ 22—выше 20.000; въ 25—выше 21.000; въ 17—выше 22.000; въ 11—выше 23.000; въ Hoo, Wolverhampton, Ashton-under Lyne и Preston—выше 24.000; въ Nottingham, Stockport и Bradford—выше 25.000; въ Wisbeach—26.000 и въ Манчестерѣ—26.125 ¹²⁷). Такой высокій процентъ смертности, какъ показало официальное санитарное изслѣдованіе 1861 г., помимо мѣстныхъ условій, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ занятій матерей внѣ дома и происходящаго отсюда пренебреженія судьбой дѣтей и плохого съ ними обращенія,—между прочимъ, отъ несоотвѣстнаго и недостаточнаго питанія, пичканія одурманивающими веществами и т. п.; къ этому надо прибавить естественное отчужденіе матерей отъ своихъ дѣтей и, какъ его слѣдствіе, намѣренное недокормливаніе и отравленіе дѣтей ¹²⁸). Въ такихъ земледѣльческихъ округахъ, «гдѣ женщины наименѣе заняты,—и процентъ смертности наименьшій» ¹²⁹). Актетная коммиссія 1861 г. дала, однако, неожиданный результатъ, а именно она обнаружила, что въ нѣкоторыхъ чисто земледѣльческихъ округахъ, расположенныхъ по берегу Нѣмецкаго моря, процентъ смертности дѣтей моложе одного года почти достигаетъ цифры смертности въ самыхъ худшихъ фабричныхъ округахъ. Д-ру Julian Hunter'у было поэтому поручено изслѣдовать это явленіе на мѣстѣ. Его отчетъ присоединенъ къ «VI Report on Public Health» ¹³⁰). До сихъ поръ предполагали, что дѣтей поражаетъ малярія и другія болѣзни, свойственныя низменнымъ и болотистымъ мѣстамъ. Изслѣдованіе показало какъ разъ противоположное, а именно, «что та самая причина, которая уничтожаетъ малярію, т. е. превращеніе въ плодородную пашню почвы, представляющей зимою болото, лѣтомъ—скудная пастбища, вызывало и необыкновенную смертность грудныхъ дѣтей» ¹³¹). 70 практикующихъ врачей, которыхъ допросилъ въ этихъ округахъ д-ръ Hunter, обнаружили «замѣчательное единодушіе» относительно этого пункта. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ перепоротомъ въ земледѣліи тамъ была введена и промышленная система. «Замужнія женщины, работающія цѣлыми партіями или артелями, совмѣстно съ дѣвушками и молодыми людьми, поставляются лицомъ, называемымъ «gangmaster»; онъ наанимаетъ цѣлыя артели и отдаетъ ихъ за извѣстную сумму въ распоряженіе фермеру. Эти артели

¹²⁷) «Sixth Report on Public Health. Lond. 1864», p. 34.

¹²⁸) «Оно (ислѣдованіе 1861 г.)... показало, что, съ одной стороны, при обстоятельствахъ, о которыхъ мы говоримъ, дѣти гибнутъ отъ небрежнаго и безпорядочнаго ухода, происходящаго отъ занятій ихъ матерей, а съ другой—и сами матери мало-по-малу ожесточаются до такой степени, что ихъ нисколько не огорчаетъ смерть ихъ дѣтей, а иногда онѣ даже прямо принимаютъ мѣры, чтобы ускорить ее». (I. с.).

¹²⁹) I. с., p. 454.

¹³⁰) I. с. p. 454—563. «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

¹³¹) I. с. p. 35 и p. 455, 456.

часто откочевывают на много миль от своих деревень. Утром и вечером их можно встрѣтить на дорогахъ. Женщины одѣты въ короткія юбки и соответствующія кофты, обуты въ сапоги и иногда даже носятъ штаны; по виду онѣ очень сильны и здоровы, но испорчены пошедшей въ привычку распущенностью и мало думаютъ о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя обрушиваются, благодаря ихъ любви къ такой дѣятельной и независимой жизни, на гибнущихъ дома дѣтей» ¹³²⁾. Въ явленія фабричныхъ округовъ, между прочимъ, замаскированное дѣтоубійство и ичканіе дѣтей опиатами,—повторяются здѣсь въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ ¹³³⁾. «Все, что я знаю о злѣ, причиняемомъ всякаго рода промышленными занятіями взрослыхъ женщинъ», говоритъ д-ръ Simond, врачъ-консультантъ англійскаго Privy Council и главный редакторъ отчетовъ о «Public Health», «должно оправдать мое глубокое отвращеніе къ жельскому труду» ¹³⁴⁾. «Это будетъ дѣйствительнымъ счастьемъ для фабричныхъ округовъ Англіи», восклицаетъ фабричный инспекторъ R. Baker въ одномъ официальном отчетѣ, «если каждой замужней женщинѣ, имѣющей семью, будетъ воспрещено работать на какой бы то ни было фабрикѣ» ¹³⁵⁾.

Моральное калѣченіе, происходящее отъ капиталистической эксплуатациіи женскаго и дѣтскаго труда, съ такой полнотою описано Ф. Энгельсомъ, въ его книгѣ «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», и другими писателями, что мнѣ достаточно здѣсь простого напоминанія объ этомъ фактѣ. Но уместное одичавіе, искусственно произвольное превращеніемъ незрѣлаго человѣка въ простую машину для фабрикаціи прибавочной цѣнности и рѣзко отличающееся отъ того естественнаго невѣжества, которое оставляетъ умъ невоздѣланнымъ, не губя его способности къ развитію, его естественнаго плодородія,—это описаніе заставило, наконецъ, даже англійскій парламентъ провозгласить элементарное образованіе обязательнымъ условіемъ для «производительнаго» употребленія дѣтей моложе 14-ти лѣтъ, во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричному закону. Духъ капиталистическаго производства явно сказывается: въ нерешливой редакціи такъ-называемыхъ статей о воспитаніи въ фабричномъ законѣ; въ томъ отсутствіи всякаго контрольно-административнаго механизма, которое дѣлаетъ это обязательное обученіе, въ большинствѣ случаевъ, фиктивнымъ; въ оппозиціи фабрикантовъ даже и противъ этого закона и въ ихъ уверткахъ и продѣлкахъ съ цѣлью обхода его. «Законодательная власть одна

¹³²⁾ I. с. p. 456.

¹³³⁾ Въ Англіи, какъ въ фабричныхъ округахъ, такъ и въ сельскихъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется употребленіе опиума взрослыми рабочими и работницами. «Развить продажу опиума... составляетъ главную цѣль нѣкоторыхъ предпринимчивыхъ крупныхъ торговцевъ. Для дробистовъ опиумъ—главный товаръ» (I. с. p. 459). Грудныя дѣтя, принимающія опиумъ, «съжигаются и превращаются въ маленькихъ старичковъ или въ маленькихъ обезьянъ» (I. с. p. 460). Вотъ какъ Китай и Индія мстятъ Англіи!

¹³⁴⁾ I. с. p. 37.

¹³⁵⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 59. Этотъ фабричный инспекторъ былъ раньше врачомъ.

заслуживает порицания, такъ какъ она издала обманчивый законъ (delusive law), который, заботясь съ виду о воспитаніи дѣтей, на самомъ дѣлѣ не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній, какимъ образомъ обезпечить достиженіе этой цѣли. Законъ опредѣляетъ только, что дѣти каждый день, въ теченіе опредѣленнаго времени (3 часа), должны быть заперты въ четырехъ стѣнахъ помѣщенія, именуемаго школою, и что тѣ, у которыхъ дѣти работаютъ, должны ежедневно получать удостовѣреніе въ томъ, что они учатся, отъ лица, подписывающагося учителемъ или учительницей» ¹²⁶⁾. До изданія въ 1844 г. измѣненнаго фабричнаго закона вѣрѣдко бывали случаи, что свидѣтельства о посѣщеніи школы учитель или учительница, за безграмотностью, подписывали крестомъ. «При посѣщеніи мною одной школы, которая выдавала такіа свидѣтельства, я до того былъ пораженъ невѣжествомъ учителя, что спросилъ его: «Скажите, пожалуйста, вы умѣете читать?»—«Ih jeh, Ebbes (summat)», отвѣтилъ онъ. Въ свое оправданіе, онъ прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ, я знаю больше, чѣмъ мои ученики». Во время подготовленія закона 1844 г., фабричные инспектора доносили о жалкомъ состояніи учреждений, называемыхъ школами, свидѣтельства которыхъ они должны были призывать, по закону, въполнѣ достаточными. Все, чего они достигли, состояло въ томъ, что съ 1844 г. — цифры въ школьныхъ свидѣтельствахъ, а также имя и фамилія учителя должны были писаться собственноручно этимъ послѣднимъ» ¹²⁷⁾. Шотландскій фабричный инспекторъ, sir John Kincaid, сообщаетъ подобныя же факты на основаніи своего служебнаго опыта. «Первая школа, которую мы посѣтили, содержалась пѣкной Mrs. Алл Killin. Когда я предложилъ ей написать свое имя, она сразу же сдѣлала ошибку, начавъ съ буквы С, но тотчасъ же поправила-ся, сказавъ, что ея имя начинается съ буквы К. При просмотрѣ ея подписей въ книгѣ школьныхъ свидѣтельствъ, я, однако, замѣтилъ, что она подписывается различно и что почеркъ ея не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ ея неспособности учить. Она и сама призналась, что не умѣетъ вести своего журнала... Въ другой школѣ я нашелъ, что школьная комната имѣетъ всего 15 футовъ въ длину и 10 въ ширину, и въ этомъ помѣщеніи входило 75 дѣтей, которыя выкрикивали что-то неудобопонятное» ¹²⁸⁾. «Но не только въ этихъ жалкихъ труппахъ дѣти получаютъ школьныя свидѣтельства, не получая никакого школьнаго образованія; есть много школъ, гдѣ учитель человекъ свѣдующій, и несмотря на это всѣ его усилія почти дѣловымъ разбиваются о страшное смѣшеніе дѣтей всякаго возраста, начиная съ 3-хъ-лѣтняго. Его доходъ, нищенскій въ лучшемъ случаѣ, зависить вполнѣ отъ количества пенсовъ, получаемыхъ имъ отъ учениковъ, т. е. зависить, следовательно, отъ числа дѣтей, какое только можно набить въ одну комнату. Къ этому надо еще прибавить нищенскую школьную мебельровку, отсутствіе книгъ и другихъ учебныхъ пособій, и удручающее дѣйствіе спертаго и отвратительнаго воздуха на самихъ дѣтей. Я былъ во многихъ

¹²⁶⁾ Leonhard Horner въ «Rep. of Insp. of Fact. for 30 th. June 1857», p. 17.

¹²⁷⁾ id. въ «Rep. of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1855». p. 18, 19.

¹²⁸⁾ Sir John Kincaid въ «Rep. of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1858», p. 31, 32.

такихъ школахъ, гдѣ я видѣлъ массу дѣтей, которыя абсолютно ничего не дѣлали; и это считается посѣщеніемъ школы и удостоверяется въ качествѣ такового, и такія дѣти фигурируютъ въ официальной статистикѣ, какъ получившія образованіе! (educated)»¹³⁹⁾. Въ Шотландіи фабриканты стараются не держать дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу. «Это вполне достаточно доказываетъ сильное нерасположеніе фабрикантовъ противъ статей объ обязательномъ обученіи»¹⁴⁰⁾. Особенно отвратительно обнаруживается это на ситцепечатныхъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, трудъ въ которыхъ регулируется особымъ фабричнымъ закономъ. По опредѣленію этого закона «на подобную фабрику можетъ быть принятъ только такой ребенокъ, который уже посѣщалъ школу, но крайней мѣрѣ, въ теченіе 30 дней и не меньше 150 часовъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, непосредственно предшествующихъ первому дню его поступленія на фабрику. Въ продолженіе же своей работы въ этихъ заведеніяхъ, онъ долженъ также посѣщать школу въ теченіе 30 дней или 150 часовъ въ продолженіе каждаго полугодія. Посѣщеніе школы должно происходить между 8 час. утра и 6 час. пополудни. Посѣщеніе, даящееся меньше $2\frac{1}{2}$ или больше 5 часовъ въ одинъ день, не должно входить въ счетъ обязательныхъ 150 час. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, дѣти посѣщаютъ школу до и послѣ обѣда, въ теченіе 30 дней, по 5 часовъ въ день; по истеченіи же 30 дней, когда требуемая закономъ общая сумма 150 час. достигнута, когда дѣти, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, окончили свою книгу, они возвращаются въ заведеніе, гдѣ и остаются 6 мѣсяцевъ, до наступленія новаго срока обязательнаго посѣщенія школы, когда они снова возвращаются въ нее до новаго «окончанія своей книги» и т. д.... Многія дѣти, посѣщавшія, такимъ образомъ, школу въ теченіе предписанныхъ 150 час., при возвращеніи въ школу, послѣ 6-ти мѣсячнаго пребыванія на фабрикѣ, знаютъ столько же, сколько знали въ самомъ началѣ... Они, разумеется, забываютъ все, чему научаются въ предыдущее посѣщеніе школы. Въ другихъ ситцепечатныхъ посѣщеніе школы находится въ полной зависимости отъ потребностей фабрики. Требуемое количество часовъ получается, въ теченіе каждаго полугодія, посредствомъ зачета 3—5 часовыхъ посѣщеній, которыя распределяются, можетъ быть, болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ. Напр., одинъ день школа посѣщается отъ 8 до 11 часовъ утра, въ другой разъ—отъ часу до четырехъ пополудни, послѣ чего ребенокъ нѣсколько дней вовсе не является въ школу; затѣмъ вдругъ снова приходитъ отъ 3 до 6 час. пополудни; въ теченіе 3—4 дней или недѣли онъ является въ школу аккуратно,—потомъ снова исчезаетъ недѣли на три или на мѣсяцъ, опять является на нѣсколько часовъ въ кое-какіе незанятые дни, когда фабрикантъ въ немъ случайно не нуждается. Такимъ образомъ, ребенка гоняютъ (buffet) изъ школы на фабрику, изъ фабрики въ школу, пока не наберется требуемыхъ 150 часовъ»¹⁴¹⁾. Присоединяя подавляющее число женщинъ и дѣтей къ рабочему

¹³⁹⁾ Leonhard Horner въ «Rep. etc. for 31 st. Oct. 1857», p. 17, 18.

¹⁴⁰⁾ Sir J. Kincaid, Rep. Insp. Fact. 31 st. Oct. 1856, p. 66.

¹⁴¹⁾ A. Redgrave въ «Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1857», p. 41. 42. Въ тѣхъ отрасляхъ англійской промышленности, въ которыхъ данно господствуетъ

персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое мужчина-работник въ мануфактурѣ еще оказывалъ деспотизму капитала ¹⁴²).

в) Удлиненіе рабочаго дня.

Если машина представляет собою наиболѣе могущественное средство увеличенія производительности труда, т. е. средство сокращенія рабочаго времени, необходимаго для производства какого-либо товара, то, какъ посетительница капитала, она становится, въ непосредственно захватываемыхъ ею отрасляхъ промышленности, сильнѣйшимъ средствомъ удлиненія рабочаго дня, удлиненія, идущаго дальше всякихъ естественныхъ предѣловъ. Съ одной стороны, она, создавая новыя условія, позволяющія капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденціи; съ другой стороны, она порождаетъ новые мотивы, поддерживающіе въ немъ неутолимую жажду чужого труда.

Прежде всего, машина превращаетъ движеніе и дѣятельность орудія труда въ вѣчно самостоятельное по отношенію къ рабочему. Орудіе труда становится само по себѣ промышленнымъ *perpetuum mobile*, которое производило бы непрерывно, еслибы не встрѣчало нѣкоторыхъ естественныхъ границъ и препятствій въ своихъ помощникахъ-людяхъ, въ слабости ихъ тѣла и въ ихъ своеобразіи. Автоматъ этотъ—капиталъ, и, въ качествѣ такового, онъ совершенно проникнутъ сознаніемъ и волей капиталиста, одушевленъ стремленіемъ довести сопротивление эластической, т. е. растяжимой человеческой природы до минимальныхъ размѣровъ ¹⁴³). Это сопротивление и безъ того ослаблено кажущейся легкостью труда при машинѣ и болѣею гибкостью и поатлзливостью женщинъ и дѣтей ¹⁴⁴).

фабричный законъ (не *Print Work's Act*, о которомъ говорится въ текстѣ), препятствія противъ обязательнаго обученія въ послѣдніе годы нѣсколько преодолены. Въ отрасляхъ же, не подчиненныхъ фабричному закону, совершенно еще господствуютъ взгляды стекольнаго заводчика J. Geddes'a, который такъ поучалъ сѣдственнаго комиссара White: «Насколько я понимаю, большее образованіе, которое, въ послѣдніе годы, получаетъ одна часть рабочаго сословія,—составляетъ зло. Оно опасно, такъ какъ дѣлаетъ рабочихъ слишкомъ независимыми». (*Children's Empl. Commission. IV. Report. Lond. 1865*, p. 253).

¹⁴²) Г-нъ Е., фабрикантъ, сообщилъ мнѣ, что у него при механическихъ ткацкихъ станкахъ работаютъ исключительно женщины: онъ отдаетъ предпочтеніе замужнимъ женщинамъ, особенно такимъ, у которыхъ дома имѣются семейства, содержимыя ими: онъ гораздо внимательнѣе и послушнѣе, чѣмъ незамужнія, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добыть необходимыя средства для существованія. Такимъ образомъ, добродѣтели, специфическія добродѣтели женщинъ, обращаются ой'ю вредъ, а вся нравственная и нѣжная сторона ихъ природы становится средствомъ ихъ порабощенія и источникомъ страданій». (*Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, 15 March. Lond. 1844*, p. 20).

¹⁴³) «Со времени всеобщаго введенія дорого стоящихъ машинъ, человекъ былъ принужденъ работать значительно выше своихъ среднихъ силъ». (*Robert Owen Observations on the effects of the manufacturing system. 2 ed. London 1817*).

¹⁴⁴) Англичане, которые охотно принимаютъ первую эмпирическую форму обнаруженія какого-нибудь явленія и его причину, объясняютъ продолжительное рабочее

Производительность машинъ, какъ мы видѣли, обратно пропорціональна дозѣ цѣнности, переносимой ею на продуктъ. Чѣмъ длиннѣе періодъ ея функціонирования, тѣмъ больше масса продуктовъ, на которую распределяется прибавляемая ею цѣнность, и тѣмъ меньше та часть цѣнности, которую она придаетъ каждому отдѣльному товару. Періодъ же активной жизни машины определяется, очевидно, жизнью рабочаго дня или продолжительностью дневного процесса труда, помноженной на общее число дней, въ теченіе которыхъ этотъ процессъ повторяется.

Изнашиваніе машины вовсе не соотвѣтствуетъ съ математической точностью времени пользованія ею. Но даже если предположить такое соотвѣстствіе, машина, работающая $7\frac{1}{2}$ лѣтъ, по 16 часовъ ежедневно, обнищаетъ столь же значительный періодъ производства, и къ общему продукту прибавляетъ не меньше цѣнности, чѣмъ та же машина, работающая 15 лѣтъ, по 8 часовъ ежедневно. Только въ первомъ случаѣ цѣнность машины воспроизводится вдвое быстрее, чѣмъ во второмъ, а капиталъ поглощается въ $7\frac{1}{2}$ лѣтъ столько же прибавочнаго труда, сколько прежде въ 15 лѣтъ.

Матеріальное изнашиваніе машинъ бываетъ двухъ родовъ. Во-первыхъ, машины портятся отъ употребленія, какъ монеты стираются при обращеніи, вторыхъ, отъ неупотребленія, — какъ мечъ отъ бездѣйствія ржавеетъ въ ножнахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ становится добычей стихій. Изнашиваніе перваго рода, болѣе или менѣе, прямо пропорціонально употребленію машинъ, а послѣдняго — въ известной степени ему обратно пропорціонально ¹⁴⁵⁾.

Но, кромѣ матеріальной порчи, машина подвергается еще, такъ сказать, и моральной порчѣ. Она теряетъ въ своей мѣнливой цѣнности по мѣрѣ того, какъ машины одинаковой съ нею конструціи начинаютъ воспроизводиться дешевле, или лучшія машины вступаютъ съ ней въ конкуренцію ¹⁴⁶⁾. Въ обоихъ слу-

время на фабрикахъ — громадными, чисто продскими похищеніями, произведенными капиталомъ, при введеніи фабричной системы въ пріютахъ для сиротъ и нищихъ, вследствие чего онъ поглотилъ совершенно лишній воля человеческій матеріалъ. Такъ, напр. Fielden, самъ англійскій фабрикантъ, говоритъ: «Очевидно, что продолжительное рабочее время происходитъ отъ того обстоятельства, что количество безпріютныхъ (destitute) дѣтей, доставленное изъ разныхъ частей страны, было столь велико, что хозяева стали вполнѣ независимы отъ рабочихъ рукъ; пользуясь жалкимъ положеніемъ человеческого матеріала, полученнаго такимъ путемъ, они возвели продолжительный трудъ въ обычай и потомъ очень легко могли навязать его и своимъ сосѣдямъ». (J. Fielden: «The Curse of the Factory System. Lond. 1836», p. 11). Относительно женскаго труда фабричный инспекторъ Saunders говоритъ въ фабричномъ отчетѣ 1814 г.: «Между работницами есть женщины, которыя многія недѣли подъ рядъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, работаютъ съ 6 ч. утра до 12 ч. ночи, съ перерывомъ для принятія пищи меньше чѣмъ въ два часа, такъ что въ продолженіе 5 дней въ недѣлю изъ 24-хъ часовъ нѣтъ ежедневно остаются только 6 на ходьбу туда и обратно и на отдыхъ въ постели».

¹⁴⁵⁾ «Вредъ... привычный бездѣйствіемъ машины ее подавляющимъ и тонкимъ металлическимъ частямъ». Уго I. с. p. 28.

¹⁴⁶⁾ Упомянутый уже нами «Manchester Spinner» (Times, 26, Nov. 1862) говоритъ: «эта сумма (т. е. сумма, назначенная на вознагражденіе за изнашиваніе

чаяхъ, какъ бы машина ни была юва и крѣпка, цѣнность ея опредѣляется уже не тѣмъ количествомъ рабочаго времени, которое фактически изъ нея воплощено, а тѣмъ, которое необходимо для ея воспроизведенія или для воспроизведенія лучшихъ машинъ. Она въ такомъ случаѣ оказывается, болѣе или менѣе, обезцѣненной. Чѣмъ короче періодъ, въ теченіе котораго воспроизводится общая цѣнность машинъ, тѣмъ меньше опасность моральнаго изнашиванія, а чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ короче этотъ періодъ. При первоначальномъ введеніи въ какую нибудь отрасль производства машинъ, на сцену являются «дни за другими» новые методы для болѣе дешеваго ихъ воспроизведенія ⁽¹⁴⁷⁾ и улучшенія, затрагивающія не только какія нибудь частности, но весь механизмъ. Поэтому, въ первый періодъ дѣятельности машинъ этотъ специальный мотивъ въ пользу удлиненія рабочаго дня дѣйствуетъ съ особенной силой ⁽¹⁴⁸⁾.

При прочих неизмѣняемыхъ условіяхъ и при данномъ размѣрѣ рабочаго дня, эксплуатация удвоеннаго числа рабочихъ требуетъ удвоенія какъ той части постоянного капитала, которая вложена въ машины и строенія, такъ и той, которая вложена въ сырой матеріалъ, вспомогательныя вещества и т. п. Съ удлиненіемъ же рабочаго дня, расширяется размѣръ производства, между тѣмъ, какъ часть капитала, вложенная въ строенія и машины, остается безъ измѣненія ⁽¹⁴⁹⁾. При этомъ, поэтому, возрастаетъ не только прибавочная цѣнность, но и уменьшаются необходимыя на ея добываніе издержки. Правда, это происходитъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, при всякомъ удлиненіи рабочаго дня, но въ данномъ случаѣ это имѣетъ особенно крупное значеніе, такъ какъ здѣсь часть капитала, превращаемая въ средства труда, вообще играетъ болѣе важную роль. ⁽¹⁵⁰⁾ Развитие машиннаго производства превращаетъ постоянно возрастающую

машинъ) назначаются также на покрытіе потерь, происходящихъ отъ замѣны однихъ машинъ, прежде чѣмъ онѣ окупать себя, другими, болѣе новой и совершенной конструкціи».

⁽¹⁴⁷⁾ «Въ общемъ считается, что построить одну единственную машину по новой модели стоитъ изъ пять разъ дороже, чѣмъ произвести рядъ машинъ по одной и той же модели». (Babbage l. c. p. 349).

⁽¹⁴⁸⁾ «Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ производствѣ тюля было сдѣлано такъ много улучшеній и столь значительныхъ, что хорошо сохранившіяся машина, стоявшая первоначально 1.200 ф. ст., чрезъ нѣсколько лѣтъ продавалась за 60 ф. ст... улучшенія слѣдовали одно за другимъ съ такой быстротой, что машины оставались незаконченными въ рукахъ ихъ строителей, такъ какъ онѣ успѣвали старѣть, вслѣдствіе какого-нибудь болѣе удачнаго изобрѣтенія». Въ это бурное время фабриканты тюля растянули первоначальный восьмичасовой рабочій день до 24 часовъ, съ двумя смѣнами рабочихъ (l. c. p. 233).

⁽¹⁴⁹⁾ «Очевидно, что при рыночныхъ приливахъ и отливахъ, при колебаніяхъ расширяющагося и сокращающагося спроса, постоянно могутъ случиться обстоятельства, при которыхъ капиталистъ вложить добавочный оборотный капиталъ, безъ увеличенія основнаго капитала... если добавочное количество сырого матеріала можетъ быть обработано, безъ добавочной траты на строенія и машины». (В. Тортена: «On Wages and Combinations, Lond. 1834», p. 63).

⁽¹⁵⁰⁾ Изложенное въ текствѣ обстоятельство упомянуто лишь ради полноты, такъ какъ уровень прибыли, т. е. отношеніе прибавочной цѣнности къ совокупному авансированному капиталу, я рассматриваю только въ третьей книгѣ.

часть капитала въ такую форму, въ которой она, съ одной стороны, постоянно можетъ быть эксплуатируема для созанія прибавочной цѣнности, а съ другой — теряетъ потребительную и мѣстовую цѣнность. лишь только прерывается ея связь съ живымъ трудомъ. «Когда земледѣлецъ», поучаетъ профессора Nassau W. Senior'a г. Ashworth, англійскій хлопчатобумажный магнатъ, — «когда земледѣлецъ бросаетъ свою лопату, то онъ на это время дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 18 пенсовъ. Если же одинъ изъ нашихъ людей (т. е. изъ фабричныхъ рабочихъ) покидаетъ фабрику, то онъ дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 100.000 ф. ст.»¹³¹⁾. Подумайте только: сдѣлать «безполезнымъ», хотя бы на одно мгновеніе, капиталъ, стоявшій 100.000 ф. ст.! Это, дѣйствительно, вопіющая вещь, что кто нибудь изъ «нашихъ людей» вообще оставляетъ когда либо фабрику! И наученный Ashworth'омъ, Senior соглашается, что постоянно расширяющіеся размѣры машиннаго производства дѣлають «желательнымъ» постоянное удлиненіе рабочаго дня¹³²⁾.

Машина производить относительно прибавочную цѣнность не только тѣмъ, что прямо понижаетъ цѣнность рабочей силы и косвенно удешевляетъ ее удешевленіемъ необходимыхъ для ея воспроизведенія товаровъ, но еще и тѣмъ, что, при спорадическомъ своемъ введеніи, машины превращаютъ трудъ, употребляемый ихъ владѣльцемъ, въ потенцированный, т. е. высококачественный трудъ, и подымаетъ общественную цѣнность машиннаго продукта выше его индивидуальной цѣнности и, такимъ образомъ, даетъ капиталисту возможность возмѣщать дневную цѣнность рабочей силы меньшей частью цѣнности дневного продукта. Въ продолженіе этого переходнаго періода, когда машинное производство составляетъ своего рода монополию, прибыли достигаютъ чрезвычайныхъ размѣровъ, и капиталистъ старается основательно использовать этотъ «медовый мѣсяцъ» посредствомъ возможно большаго удлиненія рабочаго дня. Огромный барышъ порождаетъ алчность къ еще большому барышу.

По мѣрѣ того, какъ въ данной отрасли промышленности машина входитъ въ общее употребленіе, общественная цѣнность машиннаго продукта понижается до его индивидуальной цѣнности, и вступаютъ въ силу законы, согласно которымъ прибавочная цѣнность происходитъ не отъ тѣхъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ замѣстилъ машиной, а, наоборотъ — отъ тѣхъ, которыя работаютъ при машинѣ. Прибавочная цѣнность происходитъ только отъ переменной части капитала,

¹³¹⁾ Senior: «Letters on the Factory Act, Lond. 1837», p. 13, 14.

¹³²⁾ «Если отношеніе между основнымъ капиталомъ и оборотнымъ составляетъ крупную величину, то это обстоятельство дѣлаетъ желательнымъ удлиненіе рабочаго дня». Съ возрастающимъ размѣромъ машинъ и т. д. «мотивы къ удлиненію рабочаго дня становятся болѣе настоятельными, такъ какъ это единственное средство сдѣлать прибыльнымъ большую величину постоянного капитала». (I. с. p. 11—13). «На фабрикахъ имѣются различныя расходы, которые остаются безъ измѣненія, работаетъ ли фабрика больше или меньше времени, таковы, напр.—рента за строенія, мѣстные и общіе налоги, страхованіе отъ огня, заработная плата различнымъ постояннымъ рабочимъ, почта машинъ, —рядомъ съ другими издержками, отношеніе которыхъ къ прибыли уменьшается соразмѣрно расширенію производства». («Reports of the Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 19).

имы видѣли, что масса прибавочной цѣнности опредѣляется двумя факторами: уровнем прибавочной цѣнности и числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ. При данной длѣнѣ рабочаго дня, уровень прибавочной цѣнности опредѣляется отношеніемъ, въ которомъ рабочій день распадается на необходимый и прибавочный трудъ. Число же одновременно занятыхъ рабочихъ, съ своей стороны, зависитъ отъ отношенія между переменнѣй частью капитала и постоянной. Иско, однако, что какъ бы машинное производство ни расширяло, посредствомъ увеличенія производительности труда, прибавочный трудъ насчетъ необходимаго труда, — оно достигаетъ этого результата лишь уменьшеніемъ числа занимаемыхъ даннымъ капиталомъ рабочихъ. Оно превращаетъ въ машины, т. е. въ постоянный капиталъ, не производящій никакой прибавочной цѣнности, часть капитала, бывшаго прежде переменнымъ, т. е. превращающагося въ живую рабочую силу. Изъ двухъ, напр., рабочихъ невозможно выжать столько же прибавочной цѣнности, сколько изъ 24. Если каждый изъ 24 рабочихъ, на 12 часовъ работы, доставляетъ только одинъ часъ прибавочнаго труда, то вмѣстѣ они доставляютъ 24 часа прибавочнаго труда; между тѣмъ, какъ весь совокупный трудъ двухъ челѣкъ составляетъ всего 24 часа. Такимъ образомъ, въ приложеніи машинъ съ цѣлью производства прибавочной цѣнности заключается внутреннее (имманентное) противорѣчіе. Оно состоитъ въ томъ, что изъ двухъ факторовъ прибавочной цѣнности, доставляемой капиталомъ данной величины, машины увеличиваютъ одинъ факторъ — уровень прибавочной цѣнности — лишь путемъ уменьшенія другого фактора — числа рабочихъ. Это внутреннее противорѣчіе выступаетъ наружу, когда, съ распространеніемъ машинъ въ какой либо отрасли производства, цѣнность товара, произведеннаго машиной, становится регулирующей общественной цѣнностью всѣхъ товаровъ этого рода. И именно оно, это противорѣчіе, заставляетъ капиталиста инстинктивно¹⁵³⁾ стремиться къ крайнему удлиненію рабочаго дня для того, чтобы возмѣстить относительное уменьшеніе числа эксплуатируемыхъ рабочихъ увеличеніемъ не только относительнаго, но и абсолютнаго прибавочнаго труда.

Если, такимъ образомъ, капиталистическое примѣненіе машинъ, съ одной стороны, создаетъ новые могущественные мотивы для безпредѣльнаго удлиненія рабочаго дня и преобразуетъ самый способъ труда и характеръ общественнаго рабочаго организма, сламывая всякое сопротивление, направленное противъ этой тенденціи, то, съ другой стороны, оно производитъ — частью посредствомъ подчиненія капиталу недоступныхъ ему прежде слоевъ рабочаго населенія, частью освобожденіемъ вытѣсненныхъ машинами рабочихъ силъ — избыточное рабочее населеніе¹⁵⁴⁾, которое вынуждено повиноваться велѣніямъ, диктуемымъ ему капиталомъ. Отсюда то замѣчательное въ исторіи современной

¹⁵³⁾ Почему это внутреннее противорѣчіе не сознается ни отдѣльными капиталистами, ни ограниченной нѣзъ кругозоромъ политической экономіей, это мы увидимъ въ первыхъ главахъ третьей книги.

¹⁵⁴⁾ Одна изъ величайшихъ заслугъ Рикардо (и Сисмонди) состоитъ въ томъ, что они рассматривали машины не только, какъ средства производства товаровъ, но и какъ причину «*redundant population*» (избыточнаго населенія).

промышленности явление, что машина разрушает всякія моральныя и физическія границы рабочаго дня; отсюда тотъ экономическій парадоксъ, что могущественнѣйшее средство для сокращенія рабочаго времени становится самымъ дѣйствительнымъ средствомъ превращенія всей жизни рабочаго и его семьи въ рабочее время, находящееся въ распоряженіи капитала для увеличенія его цѣнности. «Если бы,— мечталъ Аристотель, этотъ величайшій мыслитель древности,—если бы каждое орудіе труда могло, по приказанію или собственному побужденію, само выполнять свою функцію, подобно тому, какъ творенія Дедала двигались сами собою, или какъ треножки Гепеста производили сами собою священный трудъ; если бы, напр., ткацкіе челноки сами ткали,—то мастеру не нужны были бы подмастерья, а господину—рабы»¹²³⁾. А Антипаросъ, греческій поэтъ времени Цицерона, приветствовалъ изобрѣтеніе водяной мельницы,—этой элементарной формы всѣхъ производительныхъ машинъ—провозглашая ее освободительницей рабынь и восстановительницей золотого вѣка¹²⁴⁾. «Язычники! да, язычники!» Они, какъ открылъ умный Бація, и до него еще болѣе умный Макъ-Куллохъ, рѣшительно ничего не смыслили въ политической экономіи и христіанствѣ, Они, между прочимъ, не понимали, что машина есть избѣннѣе средство удлинненія рабочаго дня. Они оправдывали рабство однихъ, какъ средство для познанаго человѣческаго развитія другихъ. Но до того, чтобы проповѣдывать рабство массъ для превращенія немногихъ грубыхъ, полуобразованныхъ выскочекъ въ eminent spinners, extensive sausage makers и influential shoe black dealers («выдающихся прядильныхъ фабрикантовъ», «крупныхъ колбасниковъ» и «влиятельныхъ фабрикантовъ ваксы»),—до этого они еще не доходили: имъ недоставало специфически христіанскихъ чувствъ.

¹²³⁾ F. Bieker: «Die Philosophie des Aristoteles». T. II. Berlin 1842, p. 408.

¹²⁴⁾ Привожу здѣсь переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный графомъ Штольбергомъ, такъ какъ они, какъ и прежнія цитаты о раздѣленіи труда, характеризуютъ противоположность между древнимъ и новымъ воззрѣніемъ:

«Schonet der mahlenden Hand, o Müllerinnen, und schlafe!
Sanft! es verkünde der Hahn euch den Morgen umsonst!
Duo hat die Arbeit der Mädchen den Nymphen befohlen,
Und itzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,
Dass die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen,
Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steins.
Lasset uns leben das Leben der Väter, und lasset uns der Gaben
Arbeitslos uns freuen, welche die Göttin uns schenkt!»

(«Gedichte aus dem Griechischen übersetzt von Christian Graf zu Stolberg. Hamburg 1782»).

(«Дайте отдыхъ своимъ рукамъ, работницы, и спите мирно! Пусть пѣтухъ напрасно воевать вамъ наступленіе дни! Део поручилъ работу дѣвушкамъ пшеницы, и пшеницы теперь быстро скачутъ по колесамъ. Приведенныя въ движеніе ося катятся со своими спицами и своимъ движеніемъ вращаютъ тяжелый жерновъ. Будемъ же жить жизнью отцовъ, и безъ труда наслаждаться дарами, которые шлетъ вамъ богиня»).

о) Интенсификация труда.

Безграничное удлинение рабочего дня, производимое машинами в руках капитала, приводит потом, как мы видели, к реакции со стороны общества, самым основным существованием которого угрожает такое удлинение. Отсюда — установление законом нормального рабочего дня. На основе нормального рабочего дня получает особенно важное значение явление, которое мы встречали уже и раньше, — а именно: интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной ценности речь шла об экстенсивной величине труда, при чем степень интенсивности или напряженности его считалась как бы заранее известной. Нам предстоит теперь изследовать превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собою разумеется, что с развитием машин и накоплением опыта в специальном классе рабочих при машинах, скорость, а, следовательно, и интенсивность труда естественно увеличиваются. Так, в Англии, в течение полустолетия, увеличение рабочего дня идет рука об руку с ростом интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, где должно идти не о преходящих пароксизмах, а о правильном, изо дня в день повторяющемся, однообразном труде, — неизбежно должна явиться поворотная точка, с которой дальнейшее удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают одно другое, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением интенсивности труда, и, наоборот, повышение интенсивности труда лишь — с сокращением рабочего дня. Как только постепенно растущее недовольство рабочего класса заставило государство насильно сократить рабочее время и, прежде всего, ввести нормальный рабочий день на настоящих фабриках, — т.-е. с того момента, когда раз навсегда возможность увеличения производства прибавочной ценности посредством удлинения рабочего дня была отрицана, капитал бросился, со всей энергией и с полным сознанием, на производство относительной прибавочной ценности посредством ускоренного развития машинной системы. Одновременно с этим происходит изменение в характере относительной прибавочной ценности. Метод производства относительной прибавочной ценности в общем состоит в том, чтобы, с помощью усиления производительной силы труда, сделать рабочего способным, с одинаковой тратой труда, производить в одинаковый промежуток времени больше продуктов. Однако же рабочее время прибавляет к общему продукту ту же самую ценность, что и прежде, хотя эта измененная трудовая ценность теперь выражается в большем количестве потребительных ценностей, вследствие чего ценность отдельного товара падает. Но совсем другое происходит при насильственном сокращении рабочего дня. Страшный толчок, который оно дает развитию производительной силы и экономизированию условий производства, заставляет рабочего расходовать в один и тот же промежуток времени больше труда, повышает напряжение рабочей силы, плотнее наполняет поры рабочего времени, т.-е. заставляет рабочего конденсировать свой труд в такой мере, которая мо-

жетъ быть достигнута только въ рамкахъ сокращеннаго рабочаго дня. Эта сжатая въ предѣлы данной единицы времени большая масса труда разсматривается какъ большее количество труда, чѣмъ оно и является на самомъ дѣлѣ. Рядомъ съ измѣреніемъ рабочаго времени, какъ «экстенсивной величины», на сцену выступаетъ степень ея уплотненія¹⁸⁷⁾. Болѣе интенсивный часъ 10-ти часового рабочаго дня содержитъ въ себѣ теперь столько же, или даже больше труда, т. е. израсходованной рабочей силы, чѣмъ болѣе пористый часъ 12-ти часового рабочаго дня. Его продуктъ содержитъ такую же, или даже большую цѣнность, чѣмъ продуктъ болѣе пористыхъ $1\frac{1}{2}$ часа. Помимо увеличенія относительной прибавочной цѣнности, вслѣдствіе увеличенія производительности труда, теперь, напр., $3\frac{1}{2}$ часа прибавочнаго труда на $6\frac{1}{2}$, необходимаго, даютъ капиталисту ту же массу цѣнностей, какую прежде давали 4 часа прибавочнаго на 8 часовъ необходимаго труда.

Теперь спрашивается, какимъ образомъ трудъ можетъ интенсифицироваться?

Первое слѣдствіе сокращенія рабочаго дня вытекаетъ изъ того очевиднаго закона, что производительная способность рабочей силы обратно пропорціональна времени ея дѣятельности. Въ силу этого, въ извѣстныхъ границахъ, насколько тернется во времени проявленія силы, настолько же выигрывается въ ея степени. Но, чтобы рабочій дѣйствительно тружился усиленнѣе.—объ этомъ заботится капиталъ посредствомъ метода оплаты¹⁸⁸⁾. Въ мануфактурахъ.—напр., въ гончарномъ производствѣ, гдѣ машины не играютъ никакой, или почти никакой роли.—введеніе фабричнаго закона съ полной убѣдительностью доказало, что одно уже сокращеніе рабочаго дня поразительно увеличиваетъ правильность, единообразіе, порядокъ, непрерывность и энергію труда¹⁸⁹⁾. Этотъ результатъ казался, однако, сомнительнымъ на настоящихъ фабрикахъ, такъ какъ зависимость рабочаго отъ непрерывнаго и однообразнаго хода машинъ даннымъ давно создала здѣсь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда въ 1844 г. обсуждался вопросъ о сокращеніи рабочаго дня ниже 12-ти часовъ, фабриканты почти единодушно заявили, что «ихъ надсмотрщики наблюдаютъ въ различныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, чтобы руки не теряли времени», что «степень бдительности и внимательности рабочихъ (*the extent of vigilance and attention on the part of the workmen*) едва ли поддается дальнѣйшему повышенію», и, —предполагая всѣ остальные условія, какъ то ходъ машинъ и т. п.,

¹⁸⁷⁾ Разумѣется, интенсивность труда въ различныхъ отрасляхъ производства неодинакова. Эти различія частью уравниваются, какъ уже показало А. Смитъ, второстепенными условіями, свойственными каждому отдѣльному роду труда. Но вліяніе на рабочее время, какъ на мѣру цѣнности, этими различіями оказывается лишь постольку, поскольку интенсивныя и экстенсивныя величины представляются противоположными и взаимно исключаящими выраженіями одного и того же количества труда.

¹⁸⁸⁾ Въ особенности, посредствомъ поштучной платы. Форма эта будетъ вслѣдована въ шестомъ отдѣлѣ.

¹⁸⁹⁾ См. «Reports of Insp. of Fact. for 30 th. Oct. 1865».

постоянными—«было бы всеобществом въ благоустроенныхъ фабрикахъ ждать какихъ-либо значительныхъ результатовъ отъ увеличенія внимательности и т. п. свойствъ рабочихъ» ¹⁶⁰⁾. Это утверждение было опровергнуто опытами. Р. Гарднеръ на своихъ двухъ большихъ фабрикахъ въ Престонѣ ввелъ 20 апрѣля 1844 г. 11-ти часовою рабочій день, вмѣсто 12-ти часового. Приблизительно черезъ годъ оказалось, что «было получено то же самое количество продукта при тѣхъ же самыхъ издержкахъ, и все рабочіе въ 11 ч. зарабатывали ровно столько, сколько равны въ 12 ч.» ¹⁶¹⁾. Я обложу здѣсь опыты, сдѣланные въ прядильняхъ и чесальняхъ, потому что они были связаны съ увеличеніемъ скорости машинъ (на 20%). За то въ ткацкомъ отдѣленіи, гдѣ въ томъ жеткутъ крайне разнообразныя сорта легкихъ узорчатыхъ матерій, не произошло никакихъ перемѣнъ въ объективныхъ условіяхъ производства. А результатъ былъ такой: «Съ 6-го января по 20-ое апрѣля 1844 г., при 12 часовомъ рабочемъ днѣ, каждый рабочій зарабатывалъ въ недѣлю среднимъ числомъ 10 шилл. 1½ пенса; съ 20 апрѣля по 28 іюня 1844 г., при 11 часовомъ рабочемъ днѣ, средній недѣльный заработокъ рабочаго составлялъ 10 ш. 3½ п.» ¹⁶²⁾. Въ этомъ случаѣ въ теченіе 11-ти часовъ производилось больше, чѣмъ раньше въ 12 ч., —исключительно вслѣдствіе большей и болѣе равномерной выдержки рабочихъ и экономіи времени. Въ то время, какъ рабочій получалъ ту же плату и выигрывалъ часть свободнаго времени, капиталистъ получалъ то же самое количество продуктовъ и на расходахъ: на уголь, газъ и т. п. дѣлалъ сбереженіе на одинъ часъ. Подобные опыты и съ одинаковымъ успѣхомъ были произведены на фабрикахъ г-дъ Porrocks и Jасson ¹⁶³⁾

Какъ только сокращеніе рабочаго дня, которое прежде всего создаетъ субъективныя условія для конденсаціи труда, т.-е. создаетъ способность рабочаго расходовать больше силы въ теченіе даннаго промежутка времени, вводится сялоу закона, машина въ рукахъ капитала становится объективнымъ и систематически прилѣгаемымъ средствомъ для выжиманія большаго количества труда въ данный промежутокъ времени. Это производится двоякимъ способомъ: во-1-хъ, путемъ увеличенія скорости машинъ, во-2-хъ, путемъ увеличенія размѣровъ механизма, при которомъ работаетъ одинъ рабочій, т.-е. черезъ расширеніе поля его труда. Улучшенія въ устройствѣ машинъ необходимы частью для произведенія большаго давленія на рабочаго, частью же они сами собой сопровождаютъ повышеніе интенсивности труда, такъ какъ опредѣленные границы рабо-

¹⁶⁰⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30 th April 1845», p. 20, 21.

¹⁶¹⁾ I. с. p. 19. Такъ какъ почтупная плата осталась неизмѣнною, то величина недѣльной платы возмѣла отъ количества продукта.

¹⁶²⁾ I. с. p. 22.

¹⁶³⁾ I. с. p. 21. Моральный элементъ игралъ очень значительную роль въ вышеупомянутыхъ опытахъ. «Мы,—объяснили рабочіе фабричному инспектору,—мы работаемъ болѣе усердно, такъ какъ имѣемъ постоянно въ виду награду—возможность раньше уйти; вся фабрика, отъ самыхъ малыхъ до самыхъ старыхъ рабочихъ, пропитана бодрымъ и дѣятельнымъ духомъ, и мы можемъ легко помогать другъ другу» (I. с.).

чаго дня вставляють капиталиста считать каждый пени въ издержкахъ производства. Улучшеніе паровой машины увеличиваетъ число ударовъ ся поршня въ минуту и позволяетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ большей экономіи силы, приводить въ движеніе тѣмъ же двигателемъ болѣе обширный механизмъ съ такимъ же или даже съ меньшимъ расходомъ угля. Улучшеніе передаточнаго механизма уменьшаетъ треніе и—чѣмъ современныя машины такъ наглядно отличаются отъ старыхъ—низводитъ діаметръ и вѣсъ большихъ и малыхъ валовъ до минимума, постоянно еще понижаящагося. Наконецъ, улучшения въ исполнительныхъ механизмахъ уменьшаютъ, при увеличеніи ихъ скорости и расширеніи дѣятельности, ихъ объемъ,—какъ въ новѣйшемъ паровомъ ткацкомъ станкѣ,—или увеличиваютъ, вмѣстѣ съ корпусомъ, объемъ и число его рабочихъ инструментовъ,—напр., въ прядильной машинѣ,—или увеличиваютъ подвижность этихъ инструментовъ посредствомъ незамѣтныхъ деталейныхъ измѣненій; такого рода улучшения увеличили, напр., въ среднѣ 50-хъ годовъ на $\frac{1}{2}$ скорость веретень въ selfacting-mule.

Сокращеніе рабочаго дня до 12 часовъ произведено въ Англіи въ 1832 г. Уже въ 1836 г. одинъ англійскій фабрикантъ объявилъ: «Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, трудъ на фабрикахъ сильно возросъ, вслѣдствіе большей внимательности и дѣятельности, требуемой отъ рабочаго значительно увеличившейся быстротой машинъ»¹⁶⁴⁾. Въ 1844 г. лордъ Этли, ланѣ графъ Шефтсбери, сдѣлалъ въ палатѣ общинъ слѣдующее, основанное на документахъ, сообщеніе:

«Трудъ рабочихъ, занятыхъ въ фабричныхъ процессахъ, теперь въ три раза больше, чѣмъ при введеніи этихъ операцій. Машины безспорно выполнили трудъ, который потребовалъ бы жидъ и мускуловъ милліоновъ людей, но за то онѣ также изумительно (prodigiously) увеличили трудъ тѣхъ людей, которыхъ онѣ подчинили своему страшному движенію... Трудъ, состоящій въ хожденіи за двумя мялками, въ теченіе 12 часовъ, для производства пряжи № 40, составлялъ въ 1825 г. 8 милъ ходьбы. Въ 1832 г., равстояніе, которое приходилось дѣлать при хожденіи за двумя мялками въ теченіе 12 ч., для полученія того же №, равнялось въ среднемъ 20 миллямъ, а часто и больше. Въ 1825 г. прядильщикъ, въ теченіе 12 часовъ, долженъ былъ сдѣлать 820 выдергиваній (stretches) на каждой машинѣ, что для двухъ машинъ составляетъ общую сумму въ 1.640. Въ 1832 г. прядильщику, въ теченіе 12 ч., приходилось дѣлать на каждой машинѣ 2.200 выдергиваній, на обѣихъ — 4.400; въ 1844 г.—на каждой машинѣ 2 400, на обѣихъ—4.800; въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется еще большая масса труда (amount of labour)... У меня въ рукахъ другой документъ 1842 г., доказывающій, что трудъ прогрессивно увеличивается не только потому, что надо проходить большее разстояніе, но еще вслѣдствіе того, что увеличивается количество производимыхъ товаровъ, въ то время какъ количество рукъ пропорціонально уменьшается; и, даѣе, вслѣд-

¹⁶⁴⁾ John Fielden l. c. p. 32.

ствие того, что часто придется плохой хлопок, который требует больше труда... В каждом отделении тоже произошло значительное увеличение количества труда. Один человек совершает теперь ту работу, которая прежде раздвигалась между двумя... В ткацком дѣлѣ, гдѣ занято большое число людей, большей частью женщинъ, трудъ въ послѣдніе годы возросъ на полныхъ 10% вследствие возрастанія скорости машинъ. Въ 1838 г. въ недѣлю выпрядалось 18.000 мотковъ (balks), въ 1843 г. уже 21.000. Въ 1819 г. число picks при паровомъ ткацкомъ станкѣ было 60 въ минуту, въ 1842 г. оно достигло 140, что показываетъ сильное возрастаніе труда» ¹⁶⁵).

Въ виду этой удивительной интенсивности, которой трудъ, подъ вліяніемъ закона о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, достигъ еще въ 1844 г., заявленіе англійскихъ фабрикантовъ, что дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ направленіи невозможенъ, и что, поэтому, всякое дальнѣйшее сокращеніе рабочаго времени тождественно съ пониженіемъ производства, повидному, было основательнымъ. Что правильность этихъ увѣреній была лишь кажущаяся, лучше всего доказывается одновременными заявленіями неугомимаго цензора фабрикантовъ, фабричнаго инспектора Леонарда Горнера.

«Такъ какъ количество производимыхъ продуктовъ, главнымъ образомъ, регулируется быстротой хода машинъ, то въ интересахъ фабрикантовъ довести эту быстроту до крайней степени, которая только совместима съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: сохраненіе машинъ отъ слишкомъ быстрой порчи, поддержаніе качества производимыхъ продуктовъ на извѣстномъ уровнѣ, и способность рабочаго идти вровень съ машинами, не напрягаясь свыше той мѣры, при которой онъ можетъ еще непрерывно работать. Часто случается, что фабрикантъ въ поспѣшности слишкомъ ускорить ходъ машины. Тогда поломки и низкое качество продукта болѣе чѣмъ перевѣсятъ эту скорость, и фабрикантъ будетъ вынужденъ умирить ходъ машины. Поэтому, такъ какъ дѣятельный и предусмотрительный фабрикантъ всегда сумѣетъ опредѣлить возможный (максимумъ), я заключаю, что невозможно въ 11 часовъ произвести столько же, сколько въ 12 ч. Я, кромѣ того полагаю, что рабочій, работающій поштучно, напрягаетъ свои силы до крайности, поскольку онъ можетъ непрерывно выдерживать данную степень интенсивности труда» ¹⁶⁶). Горнеръ изъ этого заключилъ, вопреки опытамъ Гарднера и др., что дальнѣйшее сокращеніе 12-ти часового рабочаго дня должно уменьшить количество продукта ¹⁶⁷). Десять лѣтъ спустя онъ самъ цитировалъ эти сомнѣнія, выска-

¹⁶⁵) Lord Ashley l. c. p. 6—9 passim. Мюли, которыми управляютъ рабочей, попеременно движутся назадъ и впередъ; когда онѣ удаляются, мотки вытягиваются въ удлинненные нитки. Присучальщикъ долженъ уловить моментъ приближенія каретки для того, чтобы присучить оборвавшіяся нити или оборвать неудавшіяся. Вычисленія, цитированныя лордомъ Эшли, сдѣланы были математикомъ, котораго онъ съ этой спеціальной цѣлью послалъ въ Манчестеръ. Слѣдуетъ замѣтить также, что выше рѣчь идетъ о придиличникахъ, которые управляютъ двумя, расположенными одна противъ другой, мюлями.

¹⁶⁶) «Reports of Insp. of Fact. or. 30 th. April 1845», p. 20.

¹⁶⁷) l. c. p. 22.

запавъ въ 1845 г., въ доказательство того, насколько онъ тогда еще не понималъ вѣдущести машины и человѣческой рабочей силы, которая обѣ равномерно напрягаются до крайней степени, вслѣдствіе обязательнаго сокращенія рабочаго дня.

Перейдемъ теперь къ періоду послѣ введенія въ 1847 году 10-ти часового рабочаго дня на англійскихъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикахъ.

«Скорость веретенъ возрасла въ throstles на 500, а въ mules на 1.000 оборотовъ въ минуту, т. е. скорость первыхъ, которые въ 1839 г. производили 4.500 оборотовъ въ минуту, достигла теперь (1862) 5.000, а скорость вторыхъ, производившихъ 5.000 оборотовъ, достигла теперь 6.000. Это значитъ, что въ первомъ случаѣ скорость увеличилась на $\frac{1}{10}$, а во второмъ на $\frac{1}{5}$ ¹⁶⁸⁾. Jas. Nasmyth, знаменитый гражданскій инженеръ Patricroft'a близъ Манчестера, выяснилъ въ 1852 г., въ письмѣ къ Леонарду Горнеру, улучшенія, произведенныя въ паровой машинѣ между 1848—1852 г. Замѣтивъ, что паровая лошадиная сила,—которая въ официальной фабричной статистикѣ все еще опредѣляется по ея дѣйствию въ 1828 г. ¹⁶⁹⁾, въ сущности является только номинальной и можетъ служить лишь показателемъ (Index) дѣйствительной силы, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что паровыя машины одинаковаго вѣса, часто даже почти тождественныя, въ которыхъ только сдѣланы новѣйшія улучшенія, выполняютъ въ среднемъ на 50% больше труда, чѣмъ прежде, и что во многихъ случаяхъ тождественныя паровыя машины, развивавшія въ то время, когда скорость ихъ была ограничена 220 футами въ минуту, 50 лошадиныхъ силъ, теперь развиваютъ ихъ больше 100 съ меньшимъ расходомъ угля... Новѣйшая паровая машина, съ той же самой номинальной лошадиной силой, дѣйствуетъ съ большимъ напряженіемъ, чѣмъ прежде, благодаря улучшенію въ ея устройствѣ, уменьшенію объема и иному устройству котла и т. д.... Поэтому, хотя, по отношенію къ номинальной лошадиной силѣ, теперь занято то же число рукъ, что и прежде, но по отношенію къ рабочимъ машинамъ число уменьшилось» ¹⁷⁰⁾. Въ 1850 г. на фабрикахъ Соединеннаго королевства дѣйствовало 134.217 номинальных лошадиныхъ силъ, приводившихъ въ движеніе 25.638.716 веретенъ и 301.495 ткацкихъ станковъ. Въ 1856 г. число веретенъ и ткацкихъ станковъ было 33 503.580 и 369.205. Если бы требуемая для нихъ лошадиная сила оставалась та же, что въ 1850 г., то въ 1856 г. надо было бы 175.000 лоша-

¹⁶⁸⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 62.

¹⁶⁹⁾ Это замѣнилось, начиная съ «Parliamentary Return» 1862 г. Здѣсь уже является дѣйствительная паровая лошадиная сила новѣйшихъ паровыхъ машинъ и водяныхъ колесъ вѣсто номинальной (см. прим. 109, стр. 315). Точно также и сучильныя веретена (Dobblerspinden) не смѣшаны съ простыми (какъ въ «Returns» 1839, 1850 и 1856). Далѣе, для шерстяныхъ фабрикъ прибавлено число «gigs», введено различіе между пеньковыми и джутовыми фабриками, съ одной стороны, и льняными—съ другой; наконецъ, въ первый разъ введено въ отчетъ чудочно-вызвальное пропалождство.

¹⁷⁰⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1856», p. 11.

динныхъ силъ. На самомъ же дѣлѣ, по официальнымъ даннымъ, ихъ было всего 161.435, т. е. слишкомъ на 10.000 лошадиныхъ силъ меньше того, сколько бы потребовалось по расчету 1850 г. ¹⁷¹⁾. «Изъ данныхъ послѣдней официальной статистики 1856 г. явствуется, что фабричная система страшно быстро распространяется; что количество рукъ, по отношенію къ машинамъ уменьшилось; что паровыя машины, вслѣдствіе экономіи въ силѣ и другихъ улучшеній, приводятъ въ движеніе машины большаго вѣса и что увеличеніе количества продукта достигается усовершенствованіемъ рабочихъ орудій, измѣненіемъ способовъ фабрикаціи, увеличеніемъ быстроты машинъ и многими другими средствами» ¹⁷²⁾. «Крупныя усовершенствованія, сдѣланныя во всякаго рода машинахъ, сильно возвысили ихъ производительность. Безъ всякаго сомнѣнія, сокращеніе рабочаго дня вызвало эти усовершенствованія. Эти послѣдствія, и болѣе интенсивное напряженіе рабочаго, повело къ тому, что въ теченіе уменьшеннаго (на 2 часа или на $\frac{1}{6}$) рабочаго дня продукта производилось, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько прежде въ теченіе болѣе долгаго дня» ¹⁷³⁾.

Какъ сильно возросло обогащеніе фабрикантовъ вслѣдствіе болѣе интенсивной эксплуатаціи рабочей силы, показываетъ уже одно то обстоятельство, что среднее возрастаніе числа англійскихъ хлопчатобумажныхъ и др. фабрикъ, выраженное въ ‰, съ 1838—1850 гг. составляло ежегодно 32‰, а съ 1850—1856 уже 86‰.

Какъ ни былъ великъ прогрессъ англійской промышленности въ теченіе 8 лѣтъ—съ 1848 по 1856 г.—при господствѣ 10-ти часового рабочаго дня, но онъ былъ еще далеко превзойденъ въ слѣдующій 6-ти лѣтній періодъ, съ 1856 по 1862 г. Въ шелковомъ производствѣ, напр., въ 1856 г. было 1.093.799 веретенъ, въ 1862—1.388.544; ткацкихъ станковъ въ 1856 г. было 9.260, въ 1862—10.709. Наоборотъ, рабочихъ въ 1856 г. было 56.131, а въ 1862—52.429. Это означаетъ увеличеніе количества веретенъ на 26,9‰ и ткацкихъ станковъ на 15,6‰, при одновременномъ уменьшеніи числа рабочихъ на 7‰! Въ 1850 г. на шерстяныхъ фабрикахъ дѣйствовало 875.830 веретенъ, въ 1856—1.324.549 (увеличеніе на 21,2‰), а въ 1862 г.—1.289.172 (уменьшеніе на 2,7‰). Если же не считать сучильныхъ веретенъ (Dublirspindeln), фигурирующихъ въ отчетѣ 1856 и отсутствующихъ въ отчетѣ 1862, то количество веретенъ съ 1856 г. почти не измѣнилось. Но во многихъ случаяхъ скорость веретенъ и ткацкихъ станковъ съ 1850 г. удвоилась. Количество паровыхъ ткацкихъ станковъ на шерстяныхъ фабрикахъ въ 1850 г. было 32.617, въ 1856—38.956, а въ 1862—43.048. При нихъ работали: въ 1850 г.—79.437 человекъ, въ 1856 г.—87.794 и въ 1862 г.—86.063; но въ этомъ числѣ дѣтей моложе 14 лѣтъ было: въ 1850 г.—9.956, въ 1856 г.—11.228 и въ 1862—13.178. Слѣдовательно, несмотря на увеличеніе числа ткацкихъ

¹⁷¹⁾ 1. с. р. 14. 15.

¹⁷²⁾ 1. с. р. 20.

¹⁷³⁾ «Reports etc. for 31 st. Oct. 1858», p. 9. 10. Ср. «Reports etc. for 30 Apr. 1860», p. 30 sqq.

станковъ въ 1862 г., сравнительно съ 1856 г., общее число занятыхъ рабочихъ уменьшилось, число же эксплуатируемыхъ дѣтей увеличилось ¹⁷⁴⁾.

27-го апрѣля 1863 г. членъ парламента Feggald сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе въ палатѣ общины: «Делегаты рабочихъ 16-ти округовъ Ланкашира и Чешира, по уполномочію которыхъ я говорю, сообщили мнѣ, что трудъ на фабрикахъ, вслѣдствіе улучшенія машинъ, постоянно возрастаетъ. Тамъ, гдѣ прежде одинъ рабочій съ подручнымъ управлялъ двумя ткацкими станками, теперь безъ подручнаго онъ управляетъ тремя, и нерѣдко даже четырьмя и т. д. 12-ти часовой трудъ, какъ видно изъ сообщенныхъ фактовъ, втискивается теперь въ 10 часовъ. Изъ этого видно, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ за послѣдніе годы увеличился трудъ фабричныхъ рабочихъ» ¹⁷⁵⁾.

Поэтому, хотя фабричные инспектора неустанно, и съ полнымъ правомъ, восхваляютъ результаты фабричныхъ законовъ 1844 и 1850 гг., однако, они признаютъ, что сокращеніе рабочаго дня породило интенсификацію труда, разрушительную для здоровья рабочихъ, т. е. подрывающую самую рабочую силу. «Въ болыпинствѣ хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ и т. п. фабрикъ пестоящее возбужденіе, необходимое для работы на машинахъ, движеніе которыхъ такъ необычайно ускорилось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, было одной изъ причинъ чрезвычайной смертности отъ легочныхъ болѣзней, какъ доказалъ д-ръ Greenhow въ своемъ достойномъ удивленія послѣднемъ отчетѣ» ¹⁷⁶⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тенденція капитала вознаграждать себя, коль скоро у него закономъ отнята возможность дальнѣйшаго увеличенія рабочаго дня, систематическимъ повышеніемъ степени интенсивности труда и превращеніемъ всякаго улучшенія въ машинахъ въ средство для большаго высасыванія рабочей силы, — должна скоро опять привести къ такому поворотному пункту, съ котораго новое сокращеніе рабочаго дня станетъ неизбежнымъ ¹⁷⁷⁾. Съ другой стороны, стремительное развитіе англійской промышленности съ 1848 г. до настоящаго времени, т. е. въ эпоху 10-ти часового рабочаго дня, далеко превосходитъ развитіе ея съ 1838 до 1847, т. е. въ эпоху двѣнадцатичасоваго рабочаго дня, какъ это послѣднее, въ свою очередь, превосходитъ ея развитіе

¹⁷⁴⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 100 и 130.

¹⁷⁵⁾ Посредствомъ новѣйшаго пароваго ткацкаго станка одинъ рабочій на двухъ станкахъ производитъ теперь, работая 60 часовъ въ недѣлю, 26 штукъ известнаго рода ткани, опредѣленной длины и ширины, между тѣмъ, какъ на старомъ станкѣ онъ такихъ кусковъ могъ производить только четыре. Издержки на ткань такого куска уже съ начала 1856 г. упали съ 2 шил. 9 пенс. до 5 1/2 пенса.

Примѣч. ко 2-му изд. «30 лѣтъ тому назадъ (1811) отъ одного рабочаго съ тремя подручными требовали, чтобы онъ наблюдалъ только за двумя шутелями съ 300—324 веретенами. Теперь (конецъ 1871 г.) онъ, съ пятью подручными, долженъ наблюдать за шутелями, число веретенъ которыхъ равняется 2200, и производить, по меньшей мѣрѣ, въ семь разъ больше пряжи, чѣмъ въ 1811 г.» (Фабричный инспекторъ Alexander Redgrave, въ «Journal of the Soc. of Arts, Jan. 5. 1872».)

¹⁷⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1861», p. 25, 26.

¹⁷⁷⁾ Въ настоящее время (1867) между фабричными рабочими Ланкашира началась агитація въ пользу 8-ми часового рабочаго дня.

за полстолѣтїе, прошедшее послѣ введенія фабричной системы, т. е. въ эпоху неограниченнаго рабочаго дня ⁽¹⁷⁸⁾).

⁽¹⁷⁸⁾ Слѣдующія немногія цифры показываютъ прогрессъ настоящихъ фабрикъ въ Соед. королевствѣ съ 1848 года:

	Количе- ство вывоза 1848 г.	Количе- ство вывоза 1851 г.	Количе- ство вывоза 1860 г.	Количе- ство вывоза 1865 г.
Хлопчатобумажное произ- водство:				
Хлопчатобумажн. пряжа	фунтовъ. 135.831.162	фунтовъ. 143.966.106	фунтовъ. 197.343.655	фунтовъ. 103.751.455
Бумага для шитья	—	4.392.176	6.297.554	4.648.611
	ардвѣ. 1.091.373.930	ардвѣ. 1.543.161.789	ардвѣ. 2.776.218.427	ардвѣ. 2.015.237.851
Хлопчатобумажн. ткани. Льняное и пеньковое производство:				
Пряжа	фунтовъ. 11.722.182	фунтовъ. 18.841.326	фунтовъ. 31.210.612	фунтовъ. 36.777.334
Ткани	ардвѣ. 88.901.519	ардвѣ. 129.106.753	ардвѣ. 143.996.773	ардвѣ. 247.012.529
Шелковое производство:				
Пряжа и нитки	фунтовъ. 466.825	фунтовъ. 462.513	фунтовъ. 897.402	фунтовъ. 812.589
Ткани	—	ардвѣ. 1.181.455	ардвѣ. 1.307.293	ардвѣ. 2.869.837
Шерстяное производство:				
Шерстяной пряжи	—	фунтовъ. 14.670.880	фунтовъ. 27.533.968	фунтовъ. 31.669.267
Ткани	—	ардвѣ. 241.120.973	ардвѣ. 190.381.537	ардвѣ. 278.837.438
	Цѣнность вывоза 1848 г.	Цѣнность вывоза 1851 г.	Цѣнность вывоза 1860 г.	Цѣнность вывоза 1865 г.
Хлопчатобумажное произ- водство:				
Хлопчатобумажн. пряжа	фунтовъ ст. 5.927.831	фунтовъ ст. 6.634.026	фунтовъ ст. 9.870.875	фунтовъ ст. 10.351.049
Ткани	16.753.369	23.454.810	42.141.505	46.903.796
Льняное и пеньковое производство:				
Пряжа	493.449	951.426	1.801.272	2.505.497
Ткани	2.802.749	4.107.396	4.804.803	9.155.318
Шелковое производство:				
Основная пряжа	77.789	195.380	918.342	768.067
Ткани	—	1.130.398	1.587.303	1.409.221
Шерстяное производство:				
Пряжи суконная и камволь- ная	776.975	1.484.544	3.843.450	5.424.017
Ткани	5.733.828	8.377.183	12.156.998	20.102.259

(См. въ Свинихъ книгахъ: «Statistical Abstract for the U. Kingd.» № 8 и № 13. Lond. 1861 и 1866).

Въ Ланкаширѣ число фабрикъ между 1839 и 1850 гг. увеличилось только на 4%, между 1850 и 1856 на 19%, между 1856 и 1862 на 33%; между тѣмъ, какъ въ оба однопятилѣтніе періоды число занятыхъ лицъ абсолютно возрасло, относительно же понижалось. Ср. Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862, p. 63. Въ Ланкаширѣ преобладастъ хлопчатобумажное производство. Какое мѣсто оно занимаетъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ вообще, видно изъ того, что изъ общаго числа текстильныхъ фабрикъ въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи и Ирландіи хлопчатобумажныя составляютъ 45,2%; изъ всѣхъ веретель на долю обрабатывающихъ хлопокъ приходится 83,3%; изъ всѣхъ паровыхъ ткацкихъ станковъ—81,4%; изъ всѣхъ паровыхъ лошадиныхъ силъ—72,6% и изъ общаго числа занятыхъ лицъ—58,2% (l. c. p. 62, 63).

4. Фабрика.

Въ началѣ этой главы мы изслѣдовали тѣло фабрики, расчлененную систему машинъ. Потомъ мы узнали, какъ машины увеличиваютъ человѣческій матеріалъ эксплоатациі капитала присвоеніемъ женскаго и дѣтскаго труда, какъ онѣ захватываютъ всю жизнь рабочаго чрезмѣрнымъ уилиненіемъ рабочаго дня, и какъ, наконецъ, ихъ усовершенствованіе, позволяющее производить огромныя, растущія массы продукта въ все болѣе и болѣе короткое время служить систематическимъ средствомъ для того, чтобы въ данную единицу времени приводить въ движеніе больше труда, или для того, чтобы болѣе интенсивно эксплоатировать рабочую силу. Теперь мы обратимся къ фабрикѣ въ ея цѣломъ, и притомъ къ наиболѣе совершенной формѣ этого цѣлаго.

Д-ръ Уге, Пивдаръ автоматической фабрики, опредѣляетъ ее, съ одной стороны, какъ «кооперацию различныхъ разрядовъ рабочихъ, взрослыхъ и дѣтей, которые съ ловкостью и прилежаніемъ наблюдаютъ за системой производительныхъ машинъ, непрерывно приводимыхъ въ движеніе центральной силой (первымъ двигателемъ)», съ другой стороны, какъ «огромный автоматъ, составленный изъ множества механическихъ и сознательныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ согласіи и безъ перерыва для производства одного и того же предмета, такъ что всѣ эти органы подчиняются одной двигательной силѣ, которая движетъ сама себя». Оба эти опредѣленія ни въ какомъ случаѣ не тождественны. Въ первомъ—комбинированный совокупный (коллективный) рабочій, или общественный рабочій организмъ является правящимъ субъектомъ, а механическій автоматъ—объектомъ; во второмъ же автоматъ самъ является субъектомъ, а рабочіе составляютъ только сознательные органы, приуроченные къ его безсознательнымъ органамъ и съ ними вмѣстѣ подчиненные центральной движущей силѣ. Первая характеристика годна для всѣхъ возможныхъ примѣненій машинъ въ крупныхъ размѣрахъ; вторая обрисовываетъ ихъ капиталистическое примѣненіе, и, такимъ образомъ,—повѣйшую фабричную систему. Уге, поэтому, любитъ изображать центральную машину, приводящую фабрику въ движеніе, не только автоматомъ, но и автократомъ. «Въ этихъ огромныхъ мастерскихъ благотѣльная сила пара собираетъ вокругъ себя міриады подданныхъ» ¹⁷⁹⁾.

Вмѣстѣ съ рабочими инструментами и виртуозность управленія ими переходитъ отъ рабочаго къ машинѣ. Производительность инструмента становится независимой отъ личныхъ предѣловъ человѣческой рабочей силы. Этимъ подрывается техническое основаніе, на которомъ покоится раздѣленіе труда въ мануфактурѣ. Вмѣсто характеризующей послѣднюю іерархіи специализированныхъ рабочихъ, на автоматической фабрикѣ выступаетъ, поэтому, тенденція къ уравниванію или нивелированію всѣхъ видовъ того труда, который должны выполнять помощники машинъ ¹⁸⁰⁾; вмѣсто искусственно созданныхъ различій между

¹⁷⁹⁾ Ure, I. c. p. 8.

¹⁸⁰⁾ I. c. p. 31. Ср. Karl Marx. Misère etc., p. 140, 141.

частичными рабочими, преобладающее значение получают естественные различия возраста и пола.

Поскольку на автоматической фабрике возрождается разделение труда, оно прежде всего является распределением рабочих по разным специальным машинам, и распределение масс рабочих, — не составляющих, однако, резко разделенных групп, — по различным отделениям фабрики, где все они работают при ряде однородных рабочих машин, т. е. где они связаны между собой лишь простой кооперацией. Разделенные группы мануфактуры замещены здесь сочетанием главного рабочего с несколькими помощниками. Основное различие между рабочими состоит тут в том, что одни действительно работают при самых рабочих машинах (сюда относятся некоторые рабочие, занимающиеся толкой движущей машины и наблюдением за ней) а другие являются простыми подручными этих рабочих или чернорабочими (это почти исключительно дети). К этим подручным принадлежат, больше или меньше, все «feeders» (которые только снабжают машины рабочим материалом). Рядом с этими главными разрядами, существует еще количественно незначительный персонал, занятый наблюдением за всеми машинами и их поправкой: инженеры, механики, столары и др. Это высший, отчасти научно-образованный, отчасти ремесленный рабочий класс, находящийся вне круга фабричных рабочих и лишь присоединенный к нему ¹⁸¹⁾. Это разделение труда есть чисто техническое.

Всякая работа при машине требует со стороны рабочего некоторой подготовки с детства, для того, чтобы он научился приспособлять свои собственные движения к однообразно-непрерывным движениям автомата. Поскольку все машины фабрики в их совокупности сами составляют систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и кооперация, основанная на этой системе, требует распределения разнообразных рабочих групп по разнородным машинам. Но машинное производство увеличивает необходимость закреплять, как в мануфактурах, это подразделение постоянным приучением одних и тех же рабочих к одним и тем же функциям ¹⁸²⁾. Так как общий ход фабрики зависит не от рабочего, а

¹⁸¹⁾ Характерно для памфлетного статистического обмана, доказать который можно было бы до частности включительно, — что английское фабричное законодательство положительно исключает рабочих, упомянутых в тексте на последнем месте, из сферы своего действия, как не принадлежащих к числу фабричных рабочих; а, с другой стороны, обпародованные парламентом «Returns» также положительно причисляют к фабричным рабочим не только инженеров, механиков и т. п., но и управляющих фабриками, прикащиков, размыльных, смотрителей складов, упаковщиков и т. д., — короче, всех, за исключением самого владельца фабрики.

¹⁸²⁾ Уге с этим соглашается. Он говорит, что рабочий «в крайности» может быть, по желанию управляющего, перемещен от одной машины к другой и торжествующе восклицает: «такого рода перемещения стоят в открытом противоречии со старой рутинной, которая раздвигает труд, для задач одного рабочего — приготовление головок к булавкам, задачей же другого — их заострение» Уге следовало бы заняться вопросом, почему эта «старая рутина» покидается на автоматической фабрике только «в крайности?».

отъ машины, то возможна постоянная перебивка въ пересоватъ безъ перерыва въ процессъ труда. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого служить система смѣвъ (Relaisystem), которая была пущена въ ходъ во время англійскаго фабрикантскаго бунта въ 1848—1850 гг. Наконецъ, быстрота, съ которой человѣкъ въ юношескомъ возрастѣ научается работать при машинѣ, также устраняетъ необходимость воспитывать особый классъ такихъ рабочихъ, которые были бы исключительно рабочими, занятыми при машинахъ ¹⁸³⁾. Что же касается до работы простыхъ рабочихъ на фабрикѣ, то частью она можетъ быть исполняема малыми ¹⁸⁴⁾, частью же, вслѣдствіе своей простоты, допускаетъ быструю и постоянную смѣну лицъ, обремененныхъ этой работой.

Хотя машина технически выбрасываетъ за бортъ старую систему раздѣленія труда, однако эта система продолжаетъ влечать свое существованіе и на фабрикѣ, сначала, какъ традиція мануфактуры, а потомъ—систематически воспроизводимая и укрѣпляемая капиталомъ въ еще болѣе отвратительной формѣ, какъ средство эксплуатаціи рабочей силы. Пожизненная специальность управленія частичнымъ инструментомъ превращается въ пожизненную же спеціальность служенія детальной машинѣ. Машиной не пользуются, ею злоупотребляютъ для превращенія самого рабочаго съ ранняго дѣтства въ частицу частичной машины ¹⁸⁵⁾. Такимъ способомъ не только издержки на его собственное

¹⁸³⁾ Когда бываетъ недостатокъ въ людяхъ,—какъ, напр., во время американской гражданской войны,—тогда буржуа, въ видѣ исключенія, употребляютъ фабричныхъ рабочихъ на самыя грубыя работы—на устройство дорогъ и т. п. Англійскіе «ateliers nationaux» (національныя мастерскія) 1862 г. и послѣдующихъ годовъ для безработныхъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ, тѣмъ отличались отъ французскихъ 1848 г., что въ послѣднихъ рабочіе насчетъ государства производили непроизводительныя работы, въ первыхъ же они исполняли, къ выгдѣ буржуа, производительныя городскія работы дешевле даже обыкновенныхъ рабочихъ, съ которыми они, такимъ образомъ, принуждены были конкурировать. «Физическое здоровье и видъ рабочихъ съ хлопчатобумажныхъ фабрикъ несомнѣнно улучшился. Это я приписываю, что касается мужчинъ, запитіямъ на волюмъ воздуха, на общественной работѣ». (Рѣчь здѣсь идетъ о престонокскихъ фабричныхъ рабочихъ, занимавшихся осушеніемъ болота «Preston Moor»). «Rep. of Insp. of Factories for Oct. 1865», p. 59).

¹⁸⁴⁾ Приобрѣтъ: различные механическіе аппараты, которые были введены на шерстистыхъ фабрикахъ для замѣны дѣтскаго труда послѣ изданія закона 1844 г. Когда дѣтямъ самихъ фабрикантовъ придется проходить «школу» простыхъ рабочихъ на фабрикѣ, то развитіе этой почти петропуготой отрасли механики приметъ замѣчательные размѣры. «Едва ли найдется другая такая же опасная машина, какъ selfacting-mule. Большая часть несчастій случается съ дѣтьми, и именно вслѣдствіе того, что во время хода машины они подползаютъ подъ нее, чтобы мести полъ. Многіе «winders» (мюльщики) были привлекаемы (фабричными инспекторами) въ суду и присуждаемы къ штрафу за подобныя проступки, но безъ всякой пользы для дѣла. Если бы строители машинъ изобрѣли машину для пометанія, употребленіе которой устранило бы необходимость для дѣтей подползать подъ машину, то это было бы счастливымъ дополненіемъ нашихъ охранительныхъ мѣръ». («Reports of Insp. of Factories for 31 st. Oct. 1866», p. 63).

¹⁸⁵⁾ Послѣ этого можно одѣнать прямо баснословную идею Прудона, который «строить» машины не какъ снѣтъ орудій труда, но какъ снѣтъ отдѣльныхъ частичныхъ работъ для самихъ рабочихъ.

воспроизведение значительно уменьшаются, но вместе съ тѣмъ его безпомощная зависимость отъ фабричнаго цѣлаго, и слѣдовательно—отъ капиталиста выливается въ законченную и совершенную форму. Здѣсь, какъ и вездѣ, необходимо различать между увеличеніемъ производительности, происходящимъ отъ развитія общественнаго процесса труда, и увеличеніемъ производительности, происходящимъ отъ капиталистической эксплуатаціи этого процесса.

Въ мануфактурѣ и въ ремеслѣ рабочій вставляетъ орудіе труда служить себѣ, на фабрикѣ же онъ самъ служитъ машинѣ. Тамъ—движеніе орудія труда исходитъ отъ него, здѣсь—онъ слѣдуетъ за его движеніемъ. Въ мануфактурѣ рабочіе образуютъ члены одного живого организма, на фабрикѣ—мертвый механизмъ существуетъ независимо отъ нихъ: они присоединяются къ этому мертвому механизму, какъ его живые придатки. «Удручающее однообразіе безконечнаго труда, все снова и снова повторяющаго одинъ и тотъ же механическій процессъ, похоже на работу Сизифа, и тяжесть труда, подобно камню Сизифа, постоянно вновь возвращается къ истомленному рабочему» ¹⁸⁶). Напрягая до крайности нервную систему, машинный трудъ въ тоже время подавляетъ многостороннюю игру мышцъ и налагаетъ свою властную руку на всякую свободную тѣлесную и духовную дѣятельность ¹⁸⁷). Даже самое облегченіе труда становится средствомъ для пытки; машина не освобождаетъ рабочаго отъ труда, она лишаетъ его трудъ всякаго содержанія; всякое капиталистическое производство,—поскольку оно есть не только процессъ труда, но и процессъ созданія прибавочной цѣнности,—характеризуется тѣмъ, что условія труда примѣняютъ рабочаго, а не онъ—условія труда. Но только машинное производство придаетъ этому извращенному отношенію технически-осозательную реальность. Благодаря своему превращенію въ автомата, орудіе труда во время самаго процесса труда, выступаетъ противъ рабочаго какъ капиталъ, какъ мертвый трудъ, который господствуетъ надъ живой рабочей силой и высасываетъ ее. Отдѣленіе духовныхъ связей процесса производства отъ ручнаго труда и превращеніе ихъ въ силы, посредствомъ которыхъ капиталъ правитъ трудомъ, окончательно завершается, какъ мы это уже и раньше указывали, въ крупной промышленности, покоящейся на машинномъ фундаментѣ. Специальное искусство отдѣльнаго, лишенаго всякаго содержанія, машиннаго рабочаго исчезаетъ, какъ жалкая и мелкая подробность, передъ наукой, передъ огромными силами природы и передъ общественнымъ массовымъ трудомъ, воплощенными въ машинной системѣ, и составляющими, вместе съ ней, могущество «хозяина» (master). Этотъ хо-

¹⁸⁶) F. Engels, «Lage etc.», p. 217. Даже такой, совершенно ординарный оптимистическій фритредеръ, какъ г-нъ Моллиарі, замѣчаетъ: «Человѣкъ, наблюдая, въ теченіе 15 часовъ ежедневно за однообразнымъ движеніемъ какой-либо машины, истощается скорбью, чѣмъ тогда, когда онъ въ теченіе того же времени упражняетъ свою физическую силу. Этотъ трудъ наблюденія, который, можетъ быть, служилъ бы полезной гимнастикой для ума, если бы онъ не былъ слишкомъ продолжителенъ, раврушаетъ, въ концѣ концовъ, своей чрезмерностью и умъ и самое тѣло.» (G. de Molinari: «Etudes Economiques». Paris 1864).

¹⁸⁷) F. Engels I. c. p. 216.

заны, въ мозгу котораго неразрывно срослись понятія о машинѣ и о его монополіи на нее, въ случаѣ конфликта со своими «руками», бросаетъ имъ такіа презрительныя слова: «фабричныя рабочіе должны для своей пользы помнить, что ихъ трудъ въ дѣйствительности есть очень низкій родъ труда; что никакой другой трудъ не усваивается легче и, сравнительно съ качествомъ, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать въ болѣе короткое время и въ большемъ изобиліи, посредствомъ вѣдкаго обученія ему наименѣе опытныхъ лицъ. Машинны хозяина играютъ въ дѣйствительности гораздо болѣе важную роль въ дѣлѣ производства, чѣмъ работа и искусство рабочаго, которое требуетъ лишь шестимѣсячнаго обученія и которому можетъ научиться всякій крестьянскій батракъ» ¹⁸⁸).

Техническое подчиненіе рабочихъ однообразному ходу орудій труда и характерное для фабрики образованіе дѣлаго рабочаго организма изъ индивидуумовъ обонхъ половъ и различнѣйшихъ возрастовъ создаетъ казарменную дисциплину, которая превращается въ настоящій фабричный режимъ. Оно исполнѣ развиваетъ уже упомянутый нами трудъ надзора, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣленіе рабочихъ на занимающихся ручнымъ трудомъ и на надзирающихъ за нимъ, на промышленныхъ рядовыхъ и промышленныхъ унтеръ-офицеровъ. «Главная трудность на автоматической фабрикѣ заключалась въ дисциплинѣ, необходимой для того, чтобы отучить людей отъ ихъ привычной беспорядочности въ трудѣ, и совершенно приспособить ихъ къ неспѣшной правильности огромнаго автомата. Но изобрѣтеніе дисциплинарнаго кодекса, соответствующаго нуждамъ и быстротѣ автоматической системы и успѣшное примѣненіе его,—это было геркулесовскимъ подвигомъ; и это—благородное дѣло Аркрайта! Даже теперь еще, когда эта система уже окончательно организовалась, почти невозможно найти между рабочими, достигшими уже возмужалаго возраста, полезныхъ помощниковъ для автоматической системы» ¹⁸⁹). Фабричный кодексъ,—въ которомъ капиталъ, частноправными вѣзвѣіями и самовластно, формулируетъ свое самодержавіе надъ рабочими, не прибѣгая къ столь вообще излюбленной буржуазіей системѣ раздѣленія властей и къ еще болѣе излюбленной ею представительной системѣ,—представляетъ собою лишь капиталистическую карикатуру того общественнаго регулированія процесса труда, которое необходимо при коопераціи въ крупныхъ размѣрахъ и при употребленіи сообща средствъ производства и, въ особенности, машинъ. Вмѣсто кнута надсмотрщика за рабами является штрафная книга надзирателя за рабочими. Всѣ наказанія естественно превращаются въ денежныя штрафы и вычеты изъ платы и, благодаря законодательной изобрѣта-

¹⁸⁸) «The Master Spinners' and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee. Manchester 1854», р. 17. Мы послѣ увидимъ, что «Master» поетъ другую пѣсню, какъ только ему угрожаетъ потеря его «живыхъ» автоматовъ.

¹⁸⁹) Уре J. с. р. 15. Кто знакомъ съ біографіею Аркрайта, никогда не наградить этого гениальнаго цирюльниковапитетомъ «благородный» Изъ всѣхъ великихъ изобрѣтателей XVIII-го стол., онъ бесспорно былъ величайшій воръ чужихъ изобрѣтеній и самый полный субъектъ.

тельности фабричных. Ликурговъ, нарушение законовъ ставится для фабрикантовъ пожалуй еще болѣе прибыльнымъ, чѣмъ соблюденіе ихъ ¹⁹⁰⁾.

¹⁹⁰⁾ «Рабство, которымъ буржуазія сковала пролетаріатъ, имѣя не проявляется такъ явно, какъ въ фабричной системѣ. Здѣсь всякая свобода превращается и юридически и фактически. Рабочій долженъ въ 5½ часовъ утра быть на фабрикѣ; если онъ приходитъ на нѣсколько минутъ позже, его штрафуютъ, если онъ приходитъ на 10 минутъ позже—его вовсе не пускаютъ до завтрака, и онъ теряетъ плату за четверть дня. Онъ долженъ по командѣ встать, пить и спать... Деспотическій гудокъ зоветъ его съ постели, зоветъ его отъ завтрака и обѣда. А что дѣлается на фабрикѣ? Здѣсь фабрикантъ—неограниченный законодатель. Онъ издаетъ фабричные регламенты, какіе ему вдумаются, онъ помѣняетъ свой кодексъ и дѣлаетъ къ нему прибавленія по своему произволу; и какую бы глупость онъ ни придумалъ, судья всегда говоритъ рабочему: такъ какъ вы добровольно согласились на эти условія, то вы должны ихъ теперь исполнять... Эти рабочіе осуждены съ девятилѣтняго возраста до самой смерти жить подъ нравственною и физическою палкою» (F. Engels I. с. р. 217 sq.). Я поясню двумя примѣрами, что «говорятъ судьи». Одинъ случай произошелъ въ Шеффальдѣ въ концѣ 1866 г. Одинъ рабочій нанялся тамъ на фабрику металлическихъ педальей на 2 года. Всѣмъ дѣломъ какой-то ссоры съ фабрикантомъ онъ оставилъ фабрику и объявилъ, что больше у него ни въ какомъ случаѣ работать не будетъ. Обвиненный въ нарушеніи контракта, рабочій былъ присужденъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. (Если фабрикантъ нарушаетъ контрактъ, то онъ можетъ быть привлеченъ къ ответственности только въ гражданскомъ порядкѣ и рискуетъ лишь денежными штрафами). По выходѣ изъ тюрьмы онъ получилъ отъ того же фабриканта приглашеніе вновь поступить къ нему на фабрику, согласно старому контракту. Рабочій отвѣтилъ: Нѣтъ. Онъ де отсидѣлъ уже за нарушеніе контракта. Фабрикантъ пожаловался снова, и судъ снова присудилъ рабочаго къ наказанію, хотя одинъ изъ судей—Mr. Shee—открыто наивалъ это юридической чудовищностью—возможность періодически подвергать одного и того же человѣка, въ продолженіе всей его жизни, наказанію за одинъ и тотъ же проступокъ или преступленіе. Этотъ приговоръ былъ проиженъ не какими нибудь «Great Unpaid», провинциальными «Dogberties», а въ Лондонѣ, однимъ изъ высшихъ судовъ. [Къ 4-му изд.—Этого теперь уже пять. За исключеніемъ немногихъ случаевъ,—напр., когда дѣло идетъ о работѣ на общественныхъ газовыхъ заводахъ,—въ Англіи теперь нарушеніе контракта рабочій уравниваетъ въ правахъ съ предпринимателемъ и можетъ быть привлеченъ лишь къ гражданской ответственности.—Ф. Э.]. Другой случай произошелъ въ Wiltshire въ концѣ ноября 1863 г. Около 30 работницъ, занятыхъ механическимъ ткачествомъ у сухоилаго фабриканта Haggarr'a на Leower's Mill, Westbury Leigh, устроили стачку вслѣдствіе того, что этотъ Haggarr имѣлъ такое обыкновеніе за опоздыванія по утрамъ вычитывать у нихъ изъ платы 6 пенсовъ за 2 минуты, 1 шилл. за 3 минуты и 1 шилл. 9 п. за 10 минутъ. Это, при 9 шил. въ часъ, составляетъ 4 ф. ст. 10 шилл. въ день, между тѣмъ какъ средняя годовая плата ихъ никогда не превышаетъ 10—15 шилл. въ недѣлю. Haggarr поставилъ также одного парня, чтобы тотъ воевалъ трубою фабричные часы, что тотъ иногда дѣлалъ самъ даже раньше 6 часовъ утра и если «руки» не являлись моментально, когда онъ прекращалъ трубить—ворота запирались и опоздавшія штрафовались; а такъ какъ на фабрикѣ не было часовъ, то несчастныя «руки» находились во власти молодого часового, называемаго Haggarr'омъ. «Руки», устроившія «стачку», матери семействъ и дѣвушки, объявили, что онѣ готовы опять взяться за работу, если часовой будетъ замѣненъ часами и будетъ введено болѣе рациональное распisanіе штрафовъ. Haggarr привлекъ къ суду 13 женщинъ и дѣвушекъ за нарушеніе контракта.

Мы отмѣчаемъ здѣсь только матеріальныя условія, при которыхъ выполняется фабричный трудъ. Всѣ органы чувствъ одновременно страдаютъ отъ искусственно возвышенной температуры, отъ воздуха, насыщеннаго частичками сырыхъ матеріаловъ, отъ оглушительнаго шума и т. д.,—не говоря уже объ опасностяхъ для жизни между разставленными машинами, которыя, съ правильностью временъ года, доставляютъ свои промышленные бюллетени убитыхъ и раненыхъ ^{190а)}. Сбереженіе общественныхъ средствъ производ-

Они были присуждены каждая въ 6 п. штрафа и 2 шил. 6 п. судебныхъ издержекъ, при громкомъ пегодованіи публики. Наггир'а пѣз суда толпа народа провожала свистками. Одна изъ любимѣйшихъ операцій фабрикантовъ состоитъ въ томъ, чтобы вычитатьъ изъ платы наживывать рабочихъ за плохое качество даннаго имъ матеріала. Этотъ методъ вызывалъ въ 1866 г. общую стачку въ англійскихъ гончарныхъ округахъ. Отчеты «Ch. Employ. Commis.» (1863—1866) приводятъ случаи, когда, вслѣдствіе штрафовъ, рабочіе не только ничего не получали за свою работу, но еще оставались должниками своихъ снѣтельныхъ хозяевъ. Поучительныя черты для характеристики остроумія фабричныхъ автократовъ въ дѣлѣ вычетовъ изъ жалованья обнаружили также послѣдній хлопчатобумажный кризисъ. «Мнѣ самому», говоритъ фабричный инспекторъ R. Baker, «пришло недавно возбуждать судебное преслѣдованіе противъ одного хлопчатобумажнаго фабриканта за то, что въ это тяжелое и мучительное время онъ вычелъ у нѣкоторыхъ, работающихъ у него «молодыхъ» (старше 13 л.) рабочихъ, по 10 пенс. за врачебное свидѣтельство о возрастѣ, стоявшее ему только 6 п., между тѣмъ какъ законъ дозволяетъ вычеты за него только 3 п., а обычный вовсе не допускаетъ никакихъ вычетовъ... Другой фабрикантъ съ этой же цѣлью, чтобы не приходить въ столкновеніе съ закономъ, налагаетъ на каждого бѣднаго ребенка, работающаго на него, 1 шил., въ видѣ пошрины за обученіе искусству и таинству пріесть, какъ только докторское свидѣтельство объявляетъ его достаточно вѣрнымъ для этого ванія. Такимъ образомъ, существуютъ невидимыя теченія, которымъ надо знать для того, чтобы понять столь чрезвычайныя явленія, какъ стачки въ такое время, какъ теперешнее» (рѣчь пдетъ о стачкѣ ткачей при машинахъ, на фабрикѣ въ Darwen, въ іюні 1863). «Reports of Insp. of Fact. for 30 April 1863», р. 50, 51. (Фабричные отчеты идутъ всегда дальше ихъ официальнаго числа).

^{190а)} Законы для охраны противъ опасныхъ машинъ не остались безъ хорошихъ результатовъ. «Но... теперь существуютъ новые источники несчастныхъ случаевъ, которые не существовали 20 л. тому назадъ, а именно—увеличенная скорость машинъ. Колеса, валы, перетеса и ткацкіе станки двигаются теперь съ увеличенной и постоянно увеличиваеюся силой; пальцы должны теперь быстрее и вѣрнѣ схватить разрывающую нитку; при медленности или неосторожности, они рискуютъ погибнуть... Большое число несчастныхъ случаевъ происходитъ вслѣдствіе рвенія, съ которымъ рабочіе хотятъ скорѣе окончить свою работу. Надо помнить, что для фабрикантовъ въ высшей степени важно держать свои машины въ постоянномъ движеніи, т. е. непрерывно производить пряжу и ткани. Каждая минутная остановка есть потеря не только движущей силы, но и продукта. Поэтому, надсмотрщики, заинтересованные въ количествѣ продукта, не могутъ не гнуть рабочихъ и не заставлять ихъ поддерживать машины въ движеніи. Это не менѣе важно и для самихъ рабочихъ, получающихъ плату съ вѣсу или поштучно. Вслѣдствіе этого, хотя на большинствѣ фабрикъ запрещена чистка машинъ во время ихъ хода,—на практикѣ это всегда дѣлается. Это одно обстоятельство причинило, въ теченіе послѣднихъ 6 мѣсяцевъ, 906 несчастныхъ случаевъ... Хотя машины чистятся ежедневно, но, большей частью, по субботамъ происходитъ основательная

ства,—которое впервые воплоти созрываетъ въ теплицахъ фабричной системы,—становится въ рукахъ капитала вмѣстѣ съ тѣмъ систематическимъ похищеніемъ жизненныхъ условій рабочаго во время работы, т. е. грабежомъ пространства, воздуха, свѣта и предохранительныхъ средствъ противъ опасныхъ для жизни или здоровья процессовъ производства, при чемъ уже не можетъ быть и рѣчи о приспособленіяхъ для удобства рабочихъ¹⁹¹⁾. Развѣ не правъ Фурье, называющій фабрики «смягченной каторгой»¹⁹²⁾?

5. Борьба между рабочими и машинами.

Борьба между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ начинается тогда, когда устанавливается самое отношеніе, именуемое капиталомъ. Она свирѣпствуетъ въ теченіе всего мануфактурнаго періода¹⁹³⁾. Но лишь съ введеніемъ

чистка, и дѣлается она обыкновенно, когда машины находятся въ движеніи... За эту операцію не платится, и поэтому рабочіе стараются скорѣе отдѣлаться отъ нея. Вслѣдствіе этого и число несчастныхъ случаевъ по пятницамъ, и особенно по субботамъ, гораздо больше, чѣмъ въ остальные дни недели. Въ пятницу излишекъ несчастныхъ случаевъ, противъ средняго числа ихъ за первые 4 дня недѣли, до стигаетъ 12%, а въ субботу этотъ излишекъ, противъ средняго числа за первыхъ 5 дней, составляетъ 25%. Если же принять въ расчетъ, что по субботамъ работаютъ только 7½ часовъ, а въ остальные дни 10½—то излишекъ составитъ больше 65%». («Reports of Insp. of Fact. for etc. 31 st. Oct. 1866. London 1867», p. 9, 15, 16, 17).

¹⁹¹⁾ Въ первомъ отдѣлѣ третьей книги (т. е. третьяго тома) я разскажу о походахъ, предпринятыхъ въ послѣднее время англійскими фабрикантами противъ статей фабричнаго закона, защищающихъ члены «рукъ» отъ машинъ, угрожающихъ жизни. Здѣсь достаточно будетъ привести выписку изъ одного оффиціального отчета фабричнаго инспектора Леонарда Горпера: «Я слышалъ непростительно-легкомысленные отзывы фабрикантовъ о нѣкоторыхъ несчастныхъ случаяхъ; такъ, напр., потеря пальца считается мелочью. Жпанъ и будущность рабочаго до такой степени зависятъ отъ его пальцевъ, что потеря ихъ составляетъ для него крайне серьезное событіе. Когда я слышу такую бессмысленную болтовню, я задаю такой вопросъ: «Положимъ, вамъ нуженъ лишній рабочий, и двое предлагаютъ вамъ свои услуги; но всѣхъ другихъ отношеній оба одинаково способны, но у одного нѣтъ большого или указательнаго пальцевъ,—котораго же нѣтъ ни въ выборѣ?» На минуты не колеблясь они признаются, что отдадутъ предпочтеніе рабочему, у котораго всѣ пальцы цѣлы... Эти господа фабриканты имѣютъ ложное предубѣжденіе противъ того, что они называютъ псевдо-филантропическимъ законодательствомъ». (Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1855.) Эти господа—народъ «смѣтливый», и щедромъ они ощущаютъ мятежу рабовладѣльцевъ.

¹⁹²⁾ На фабрикахъ, которыя давно уже подчинены фабричному закону, съ его обязательнымъ ограниченіемъ рабочаго времени и другими правилами, исчезли многія изъ прежнихъ дурныхъ условій. Самыя усовершенствованія машинъ, добйдя до нѣвѣстной степени, требуютъ «лучшаго устройства фабричныхъ зданій», полезнаго для рабочихъ. (Ср. «Reports etc. for 31 st. Oct. 1863», p. 109).

¹⁹³⁾ См. между прочимъ, John Houghton: «Husbandry and Trade improved Lond. 1727». «The Advantages of the East India Trade 1720», John Bellers l. c. «Къ несчастію, хозяева и рабочіе находятся въ постоянной войнѣ между собою. Неправильная цѣль первыхъ—получать работу по возможности дешевле; и для достиженія этого, они не стѣсняются употреблять всевозможныя хитрости, между тѣмъ какъ

машинъ рабочій начинаетъ бороться противъ самаго средства труда, противъ этой матеріальной формы существованія капитала. Онъ возстаетъ противъ этой опредѣленной формы средствъ производства, какъ матеріальной основы капиталистическаго способа производства.

Почти вся Европа пережила въ теченіе 17-го столѣтія рабочія возмущенія противъ машины для тканья лентъ и галуновъ, такъ называемой *Vandmühle* (ленточная мельница; называется также шнурочной мельницей—*Schnurmühle* или *Mühlenstuhl*¹⁹⁴). Въ концѣ первой трети 17-го стол. одна ленточная машина, устроенная какимъ-то голландцемъ близъ Лондона и дѣйствовавшая хорошо, пала жертвой возмущенія черни. Еще въ началѣ 18-го стол. водяныя тѣсопильныя машины въ Англіи лишъ съ трудомъ преодолѣли народное сопротивленіе, поддерживавшееся парламентомъ. Когда *Everet*, въ 1758 г., построилъ первую машину для стрижки овецъ, приводимую въ движеніе водой, то 100.000 человекъ, лишившихся изъ за нея работы, подошли къ ней. Противъ *scribbling mills* и чесальныхъ машинъ Аркрайта подали петицію парламенту 50.000 рабочихъ, до тѣхъ поръ жившихъ чесаніемъ шерсти. Массо-

рабочіе пользуются всякимъ представляющимъслучаеиъ, чтобы требовать отъ хозяевъ лучшихъ условій». *Inquiry into the causes of the Present High Prices of Provisions*. 1767, р. 61, 62. (Авторъ *Rev. Nathaniel Forster* стоитъ всецѣло на сторонѣ рабочихъ).

¹⁹⁴) *Vandmühle* была изобрѣтена въ Германіи. Итальянскій аббатъ *Lancellotti* въ сочиненіи, появившемся въ 1636 г. въ Венеціи, рассказываетъ: «Антонъ Мюллеръ изъ Данцига, около 50 л. тому назадъ (авторъ писалъ въ 1579 г.), видѣлъ въ Данцигѣ очень искусную машину, которая одновременно приготовляетъ 4—6 тканей; но такъ какъ городской совѣтъ опасался, что это изобрѣтеніе можетъ превратить массу рабочихъ въ лѣншихъ, то онъ запретилъ вводить его въ употребленіе, а изобрѣтателя велѣлъ тайно задушить или утопить». Въ Лейденѣ та же самая машина была впервые примѣнена только въ 1629 г. Бунты ткачей заставили магистратъ сначала запретить ее; потомъ, различными постановленіями генеральныхъ штатовъ, отъ 1623 г., 1639 г. и др. годовъ, употребленіе ея было ограничено; наконецъ, по тѣмъ же условіямъ, оно было дозволено постановленіемъ отъ 15 Декабря 1661 г. «Около 20 л. тому назадъ,» говоритъ *Voelker* («*Inst. Pol.* 1663») о введеніи ленточной машины въ Лейденъ, «въ этомъ городѣ былъ изобрѣтенъ ткацкій станокъ, помощью котораго одинъ работникъ могъ приготовить ткани въ большемъ количествѣ, и съ большей легкостью, чѣмъ въ одинаковое время нѣсколько другихъ ткачей безъ такого станка. Но это привело къ жалобамъ и неудовольствіямъ со стороны ткачей и въ концѣ концовъ употребленіе станка было воспрещено магистратомъ». Та же самая машина была запрещена въ Кёльнѣ, въ 1676 г., и въ то же время ея введеніе въ Англію привело рабочія волненія. Императорскимъ указомъ отъ 19 февраля 1685 г. употребленіе ея было воспрещено во всей Германіи. Въ Гамбургѣ она была, по повелѣнію магистрата, публично сожжена. Карлъ VI возобновилъ 9 февраля 1719 г. указъ 1685 г., а въ курфиршествѣ Саксонскомъ употребленіе ея было допущено лишь въ 1765 г. Эта машина, надѣлавшая столько шума, въ дѣйствительности была предшественницей прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, т. е. промышленной революціи 18-го стол. Благодаря ей, совершенно неопытные въ ткацкомъ искусствѣ юноши могли, двигая туда и сюда стержнемъ, приводить въ движеніе весь станокъ, со всѣмъ его челнокомъ. и, въ своей усовершенствованной формѣ, она пропаводила одновременно 40—50 штукъ.

выя разрушенія машинъ въ английскихъ мануфактурныхъ округахъ, въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ 19-го стол.,—бывшія слѣдствіемъ введенія въ употребленіе парового ткацкаго станка и павѣстныя подъ названіемъ движенія луддитовъ дали анти-якобинскому министерству Sidmouth'a, Castlereagh'a и др. предлогъ для самыхъ реакціонныхъ насильственныхъ мѣръ. Необходимо извѣстное время и павѣстный опытъ, чтобы рабочій научился отличать машину отъ капиталистическаго ея примѣненія и переносить свои нападки съ матеріальныхъ средствъ производства на общественную форму ихъ эксплуатаціи ¹⁹⁵⁾.

Борьба за величину заработной платы въ мануфактурахъ предполагаетъ уже существованіе мануфактуры и ни въ какомъ случаѣ не направлена противъ него. Поскольку въ дѣйствительности велась борьба противъ созданія мануфактуръ, ее вели не наемные рабочіе, а цеховые мастера и привилегированные города. Поэтому писатели мануфактурнаго періода видѣли въ раздѣленіи труда средство возможнаго замѣщенія рабочихъ, а не дѣйствительнаго ихъ вытѣсненія. Это разлiчiе бросается само въ глаза. Когда, напр., говорятъ, что въ Англіи потребовалось бы сто милліоновъ человѣкъ для превращенія въ пряжу при помощи старой самопрялки того количества хлопчатой бумаги, которое теперь, помощью машинъ, прядутъ 500.000 человѣкъ,—то это, конечно, не значитъ, что машины дѣйствительно замѣстили эти милліоны людей, которыхъ нѣкогда не существовало. Это только значитъ, что потребовалось бы много милліоновъ рабочихъ для замѣщенія придиравыхъ машинъ. Но когда говорятъ, что паровой ткацкій станокъ выбросилъ въ Англію на улицу 800.000 ткачей, то рѣчь идетъ не о существующихъ машинахъ, которыя должны были бы быть замѣщены извѣстнымъ количествомъ рабочихъ, но о существующемъ числѣ рабочихъ, которое фактически было замѣщено или вытѣснено машиной. Въ теченіе мануфактурнаго періода ремесленный способъ продолжалъ служить основаніемъ производства, хотя въ мануфактурѣ прежде единое ремесло уже подверглось раздробленію. Новые колоніальные рынки не могли быть снабжаемы при томъ, сравнительно маломъ, числѣ рабочихъ, которое досталось новому времени по наследству отъ среднихъ вѣковъ, и настоящія мануфактуры открыли новое поприще производительности сельскому населенію, прогнанному съ земли, благодаря разложенію феодальнаго поземельнаго строя. Поэтому тогда-то обнаруживалась, главнымъ образомъ, положительная сторона кооперации и раздѣленія труда въ мастерской, состоящая въ томъ, что они повышаютъ производительность уже занятыхъ рабочихъ ¹⁹⁶⁾. Правда, во многихъ странахъ еще задолго до періода

¹⁹⁵⁾ Въ первобытныхъ мануфактурахъ и теперь еще иногда повторяются грублыя формы возмущеній рабочихъ противъ машинъ. Такой характеръ носятъ, напр., возмущеніе значильниковъ въ Шеффилдѣ, въ 1865 г.

¹⁹⁶⁾ Sir James Stuart тоже понимаетъ дѣйствіе машинъ совершенно въ этомъ смыслѣ. «Я рассматриваю машины, какъ возможное средство для увеличенія количества рабочихъ, которыхъ не надо кормить... Чѣмъ дѣйствіе, производимое машинами, отличается отъ дѣйствія, производимаго появленіемъ новыхъ жителей?» (франц. переводъ, т. I, (I, гл. XIX). Гораздо паче Петти, который говоритъ, что машины замѣняютъ «подлгамію». Эта точка зрѣнія годится развѣ лишь для нѣко-

крупной промышленности кооперация и соединение средств труда въ руках немногихъ, въ приложеніи къ земледѣлію вызвали крупныя, внезапныя и насильственные перевороты въ способъ производства, а слѣдовательно—и въ условія жизни и въ средствахъ существованія земледѣльческаго населенія. Но эта борьба первоначально происходила скорѣе между крупными и мелкими поземельными собственниками, чѣмъ между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Съ другой стороны, поскольку работники вытѣсняются средствами производства—овцами, лошадьми и т. п.,—акты непосредственнаго насилія составляютъ необходимую предпосылку промышленной революціи. Сначала рабочіе были прогнаны съ земли, а потомъ явились овцы. И только это расхищеніе земли въ большомъ масштабѣ, какъ оно практиковалось въ Англіи, подготовило почву для крупнаго сельскаго хозяйства ^{196a)}. Вначалѣ, поэтому, преобразование сельскаго хозяйства пошло на себѣ вишіе признаки скорѣе политической, чѣмъ экономической революціи.

Орудіе труда, въ лицѣ машины, становится тотчасъ конкурентомъ самого рабочаго ¹⁹⁷⁾. Самовозрастаніе дѣйности капитала при помощи машинъ находитъ въ прямомъ отношеніи къ числу рабочихъ, условія существованія которыхъ оно, это самовозрастаніе, равнѣ уничтожаетъ. Вся система капиталистическаго производства основана на томъ, что рабочій продаетъ свою рабочую силу какъ товаръ. Раздѣленіе труда дѣлаетъ эту рабочую силу крайне однойсторонней, обращая ее въ совершенно спеціальное искусство управленія частичнымъ рабочимъ инструментомъ. Поэтому, какъ только управленіе инструментомъ переходитъ къ машинѣ, мгновенная дѣйность рабочей силы уничтожается вмѣстѣ съ ея потребительной дѣйностью. Рабочій, какъ потерявшая курсъ ассигнація, не можетъ себѣ найти покупателей. Часть рабочаго класса, которую машина такимъ образомъ превращаетъ въ излишнее населеніе, т. е. въ населеніе, непосредственно болѣе не нужное для капиталистической эксплуатаціи, — частью погибаетъ въ неравной борьбѣ стараго ремесленнаго и мануфактурнаго производства противъ машиннаго, частью же—наводняется въ наиболѣе доступныя отрасли промышленности, переполняетъ рабочій

торыхъ частей Соед. Штатовъ. Напротивъ того: «машинъ очень рѣдко могутъ быть съ успѣхомъ употреблены для сокращенія труда отдѣльнаго рабочаго: больше времени потерялось бы на ихъ постройку, чѣмъ выигралось бы при ихъ примѣненіи. Онѣ дѣйствительно полезны только тогда, когда дѣйствуютъ массовымъ образомъ, когда одна машина можетъ помочь работѣ тысячи людей; поэтому онѣ болѣе всего въ употребленіи въ наиболѣе густо населенныхъ странахъ: гдѣ болѣе дѣятельнѣе, тамъ и болѣе машинъ. Употребленіе ихъ вызывается не недостаткомъ въ людяхъ, а легкостью, съ какою ихъ можно заставить работать большими массами». (Piercy Ravenstone: «Thoughts on the Funding System and its Effects. Lond. 1824», p. 15)

^{196a)} [Къ 4-му пад.—Это можно сказать и о Германіи. Тамъ, гдѣ въ Германіи существуетъ крупное сельское хозяйство, и именно на востокѣ, оно стало возможнымъ лишь вълѣдствіе «обсвѣженія крестьянъ» (Bauernlegen), начавшагося съ 16-го стол., въ частности съ 1648 г. Ф. Э.]

¹⁹⁷⁾ «Машины и трудъ находятся въ постоянномъ соперничествѣ» (Ricardo, I. c. p. 479).

рынокъ и производить, такимъ образомъ, цѣну рабочей силы ниже ея цѣнности. Есть люди, которые полагаютъ, будто большимъ утѣшеніемъ для этихъ пауперизованныхъ рабочихъ служить частью то, что страданія ихъ «временныя» («a temporary inconvenience»), частью же то, что машины лишь постепенно овладѣваютъ всемъ полемъ производства, вслѣдствіе чего уменьшаются и размѣры и интенсивность ихъ разрушительнаго дѣйствія. Но эти два утѣшенія взаимно побижаютъ другъ друга. Тамъ, гдѣ машина постепенно охватываетъ какую либо отрасль производства, она производитъ хроническую нищету въ конкурирующихъ съ нею слояхъ рабочаго населенія. Тамъ же, гдѣ переходъ совершается быстро, дѣйствіе ея имѣетъ массовый и острый характеръ. Всемирная исторія не представляетъ много болѣе возмутительнаго зрѣлища, чѣмъ постепенная медленная агонія англійскихъ ручныхъ хлопчатобумажныхъ ткачей, тянувшаяся цѣлыя десятилѣтія и завершившаяся, наконецъ, въ 1838 г. Многие изъ нихъ умерли голодной смертью, многіе долго влчили существованіе со своими семьями на $2\frac{1}{2}$ пенса въ день ¹⁹⁸⁾. Напротивъ того, въ Остѣ-Индіи англійскія хлопчатобумажныя машины произвели острое дѣйствіе. Тамашній генералъ-губернаторъ констатировалъ въ 1834—1835 гг., что: «бѣдствіе это врядъ ли имѣетъ себѣ аналогію въ исторіи торговли. Равнины Индіи бѣдѣютъ костюми хлопчатобумажныхъ ткачей». Разумѣется, поскольку эти ткачи оставили сію временную юдоль и переселились въ вѣчность, постольку и машины произвели лишь «временныя страданія». Впрочемъ, это «временное» дѣйствіе машинъ тянется постоянно, такъ какъ онѣ постоянно захватываютъ все новыя и новыя отрасли производства. Самостоятельный и независимый характеръ, который капиталистическій способъ производства придаетъ вообще условіямъ и продукту труда въ отношеніи къ рабочему, развивается, поэтому съ появленіемъ машинъ до полной противоположности, до антагонизма ¹⁹⁹⁾. Потому-то только съ маши-

¹⁹⁸⁾ Конкуренція между ручнымъ и машиннымъ тканьемъ была протянута въ Англіи до паденія въ 1833 г. закона о бѣдныхъ тѣмъ, что рабочая плата, упавшая гораздо ниже минимума, дополнялась вспомошествованіями отъ приходовъ. Свещ. М^{ръ} Turner былъ въ 1827 г. пасторомъ въ Wilmslow, въ Чеширѣ, въ мануфактурномъ округѣ. Вопросы комитета по эмиграціи и отвѣты М^{ра} Turner'a показываютъ, чѣмъ поддерживалась борьба человѣческаго труда противъ машинъ. *Вопросъ*: не вытѣсняло ли употребленіе паровыхъ ткацкихъ станковъ ручныя ткацкія станки? *Отвѣтъ*: Безъ сомнѣнія; и оно бы ихъ еще больше вытѣсняло, если бы ручныя ткачи не были въ состояніи соглашаться на пониженіе платы. *Вопросъ*: Но, явля, соглашаясь на это, они получаютъ плату, недостаточную для жизни, и для пополненія этого недостатка они ищутъ помощи отъ прихода? *Отвѣтъ*: Да, и дѣйствительно соперничество между паровыми и ручными ткацкими станками поддерживается цаломъ въ пользу бѣдныхъ.—Такимъ образомъ, упивающій пауперизмъ или эмиграція—вотъ тѣ выгоды, которыя трудящіеся получаютъ отъ введенія машинъ. Изъ уважаемыхъ и до известной степени, независимыхъ ремесленниковъ, они превращаются въ несчастныхъ босаковъ, живущихъ упивательнымъ хлѣбомъ благотворительности. И это у нихъ называется «временными затрудненіями». («A. Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation. Lond. 1834», p. 29).

¹⁹⁹⁾ «Тѣ же самыя причины, которыя могутъ увеличивать доходъ страны [т. е. какъ Рикардо въ томъ же мѣстѣ объяснить, доходы земледельцевъ и капиталистовъ,

щам впервые является въ исторіи грубое возмущеніе рабочихъ противъ орудія труда.

Орудіе труда убиваетъ рабочаго. Это прямое противорѣчіе проявляется, конечно, особенно осязательно каждый разъ, когда вновь введенная машина вступаетъ въ конкуренцію съ традиціоннымъ ремесленнымъ или мануфактурнымъ производствомъ. Но и внутри самой крупной индустріи постоянное улучшение машинъ и развитіе автоматической системы оказываютъ аналогичное дѣйствіе. «Постоянной цѣлью улучшенія машинъ является уменьшеніе ручного труда или замѣна въ производительной цѣпи фабрики человѣческаго аппарата—желѣзнымъ»²⁰⁰). «Примѣненіе паровой или водяной силы къ машинамъ, которыя до сихъ поръ приводились въ движеніе руками, случается каждый день... Мелкія улучшения въ машинахъ, которыя имѣютъ цѣлью экономію двигательной силы, улучшение падѣлія, увеличеніе производства въ одинаковое время, вытѣсненіе дѣтей, женщинъ или мужчинъ—такія улучшения производятся постоянно, и хотя съ виду они незначительны, тѣмъ не менѣе они влекутъ за собой важные результаты»²⁰¹). «Повсюду, гдѣ работа требуетъ много ловкости и точности, ее стараются, по возможности, скорѣе взять изъ рукъ рабочаго, слишкомъ искуснаго и часто скловнаго ко всякаго рода неправильностямъ, и положить ее на особый механизмъ, который дѣйствуетъ съ такой правильностью, что ребенокъ можетъ за нимъ наблюдать»²⁰²). «Въ автоматической системѣ талантъ рабочаго прогрессивно вытѣсняется»²⁰³). «Посредствомъ улучшенія машинъ достигается не только уменьшеніе числа взрослыхъ рабочихъ, занятыхъ для полученія дан-

Wealth (богатствъ) которыхъ, съ экономической точки зрѣнія, — богатству вообще (Wealth of the Nation)], могутъ въ то же время сдѣлать населеніе слишкомъ многочисленнымъ и ухудшить положеніе рабочаго». (Ricardo l. c. p. 469). «Постоянная цѣль и тенденція всякаго усовершенствованія машинъ состоятъ въ дѣйствительности въ томъ, чтобы совершенно отдѣлаться отъ труда чловѣка или уменьшить его цѣну посредствомъ замѣщенія труда взрослыхъ рабочихъ трудомъ женщинъ и дѣтей, или путемъ замѣны искусныхъ рабочихъ чернорабочими» (Ure)

²⁰⁰) «Reports of Insp. of Fact. 31 st. Oct. 1858», p. 43.

²⁰¹) «Reports etc. 31 st Oct. 1856», p. 15.

²⁰²) Ure, l. c. p. 19. «Громадная выгода машинъ въ кнѣпичномъ производствѣ состоитъ въ томъ, что предприниматель становится совершенно независимымъ отъ искусныхъ рабочихъ». (Ch. Empl. Comn. V. Report. Lond. 1866, p. 180, n. 46).

Прим. ко 2-му изд.—А. Starrok, главноуправляющій машиннымъ отдѣленіемъ «Great Northern Railway», высказался слѣдующимъ образомъ по поводу постройки машинъ (локомотивовъ и др.): «Дорого стоящіе (expensive) англійскіе рабочіе съ каждымъ днемъ все меньше и меньше требуются. Производство увеличивается чрезъ примѣненіе улучшенныхъ инструментовъ, а эти инструменты, съ своей стороны, управляются болѣе низкимъ классомъ рабочихъ... Прежде всѣ части паровыхъ машинъ, по необходимости, производились искусными рабочими, теперь же эти самыя части производятся менѣе искуснымъ трудомъ, по съ помощью хорошихъ инструментовъ... Подъ инструментами я понимаю машины, употребляемыя при постройкѣ машинъ». («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence n. 17, 862 и 17, 863. London 1867»).

²⁰³) Ure, l. c. p. 20.

ного результата, но и замѣщеніе одного класса рабочихъ другими, болѣе искусныхъ менѣе искусными, взрослыхъ—дѣтьми, мужчинами—женщинами. Въ эти перемѣны вызываютъ постоянныя колебанія въ уровнѣ заработной платы» ²⁰⁴⁾. «Машины непрерывно выбрасываютъ изъ фабрики взрослыхъ рабочихъ» ²⁰⁵⁾. Чрезвычайная эластичность машинной системы вслѣдствіе накопленія практическаго опыта, вслѣдствіе уже достигнутаго размѣра механическихъ средствъ и постоянного прогресса техники,—сказалась со всей силой въ бурномъ натискѣ машиннаго производства, происшедшемъ подъ давленіемъ сокращенія рабочаго дня. Но кто могъ въ 1860 г., во время наивысшаго процвѣтанія англійской хлопчатобумажной промышленности, подозревать тѣ, быстро слѣдующія одно за другимъ, улучшенія въ машинахъ и то вытѣсненіе ручного труда, которыя въ послѣдующіе три года были вызваны американскою междоусобною войной? Здѣсь довольно привести насчетъ этого пункта нѣсколько примѣровъ изъ officialныхъ отчетовъ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ. Одинъ манчестерскій фабрикантъ заявилъ: «Вмѣсто 75 чесальныхъ машинъ, намъ теперь нужно только 12, для полученія товара въ такомъ же количествѣ и въ такомъ же, если не лучшемъ, качествѣ... Экономія на заработной платѣ составляетъ 10 ф. ст. еженедѣльно, на хлопчатобумажномъ отбросѣ—до 10⁰/о». На одной манчестерской тонкопрядильнѣ «ускореніемъ движенія и введеніемъ автоматически совершающихся (selfacting) процессовъ было достигнуто уменьшеніе рабочаго персонала въ одномъ отдѣленіи на $\frac{1}{4}$, въ другомъ—больше чѣмъ на половину; между тѣмъ какъ машина, введенная вмѣсто второй чесальной машины (karding-machine), значительно уменьшила число рукъ въ чесальнѣ». Другая прядильная фабрика рассчитываетъ свою общую экономію «рукъ» въ 10⁰/о. Гг. Gilmore, прядильные фабриканты въ Манчестерѣ, объявили: «Въ нашемъ отдѣленіи для чистки хлопка мы считаемъ экономію на «рукахъ» и рабочей платѣ, слѣдующую вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ, въ цѣлую треть... въ jask frame и drawing frame room—около трети на издержкахъ и на рукахъ. въ прядильномъ отдѣленіи около $\frac{1}{3}$ на издержкахъ. Но это еще не все: наша пряжа поступаетъ теперь къ ткачу въ столь улучшенномъ видѣ, благодаря примѣненію новыхъ машинъ, что она даетъ больше ткани и лучшаго качества, чѣмъ прежняя машинная пряжа» ²⁰⁶⁾. Фабричный инспекторъ А. Redgrave прибавляетъ къ этому: «Уменьшеніе числа рабочихъ, при увеличеніи производства, быстро идетъ впередъ; на шерстяныхъ фабрикахъ недавно снова началось сокращеніе рукъ, которое еще продолжается. Нѣсколько дней тому назадъ одинъ школьный учитель, живущій близъ Рочдэля, сказалъ мнѣ, что сильное уменьшеніе числа ученицъ въ школахъ для дѣвочекъ происходитъ не только отъ вліянія кризиса, но и отъ измѣненій въ машинахъ шерстяныхъ фабрикъ, вслѣдствіе чего среднимъ числомъ вытѣснено 70 полурабочихъ» («halftimes») ²⁰⁷⁾.

²⁰⁴⁾ I. c. p. 321.

²⁰⁵⁾ I. c. p. 23.

²⁰⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1863», p. 108 sqq.

²⁰⁷⁾ I. c. p. 109. Быстрое усовершенствованіе машинъ во время хлопчатобумажнаго кризиса дозволило англійскимъ фабрикантамъ, послѣ окончанія американской

Слѣдующая таблица показываетъ общій результатъ механическихъ улучшеній, введенныхъ въ англійской хлопчатобумажной промышленности подъ вліяніемъ американской гражданской войны:

	Число фабрикъ.		
	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англія и Уэльсъ	2.046	2.715	2.405
Шотландія	152	163	131
Ирландія	12	9	13
Соед. Королевство	2.210	2.887	2.549

	Число паровыхъ ткацкихъ станковъ.		
	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англія и Уэльсъ	275.590	368.125	344.719
Шотландія	21.624	30.110	31.864
Ирландія	1.633	1.757	2.746
Соед. Королевство	298.847	399.992	379.329

	Число веретенъ.		
	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англія и Уэльсъ	25.818.576	29.352.152	30.478.228
Шотландія	2.041.129	1.915.393	1.397.546
Ирландія	150.512	119.944	124.240
Соед. Королевство	28.010.217	30.387.494	32.000.014

	Число занятыхъ рабочихъ.		
	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англія и Уэльсъ	341.170	407.598	357.052
Шотландія	34.698	41.237	39.809
Ирландія	3.315	2.734	4.203
Соед. Королевство	379.213	451.569	401.064

Съ 1861 до 1868 исчезло, такимъ образомъ, 338 хлопчатобумажныхъ фабрикъ, т. е. большій, по размѣрамъ и производительности, машинный аппаратъ сосредоточился въ рукахъ меньшаго числа капиталистовъ. Число паровыхъ ткацкихъ станковъ уменьшилось на 20.663, но продуктъ ихъ въ то же время увеличился, такъ что усовершенствованный ткацкій станокъ теперь производитъ больше продукта, чѣмъ старый станокъ. Наконецъ, число веретенъ возрасло на 1.612.541, въ то время, какъ число занятыхъ рабочихъ уменьшилось на 50.505. «Временная» нужда, которую обрушилъ на рабочихъ хлопчатобумажный кризисъ, была, такимъ образомъ, увеличена и закрѣплена быстрымъ и безостановочнымъ прогрессомъ машинной системы.

гражданской войны, тотчасъ вновь переполнить всемірный рынокъ. Уже въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ 1866 г. ткани почти не находили сбыта. Тогда началась отсылка товаровъ на комиссію въ Китай и Индію, что, разумѣется, сдѣлало переполненіе («glut») еще болѣе интенсивнымъ. Въ началѣ 1867 г. фабриканты прибѣгли къ своему обычному средству—къ пониженію заработной платы на 5%. Рабочіе воспротивились и объявили—теоретически они были совершенно правы—что единственное средство—сократить время работы, т. е. довести до 4 дней въ недѣлю. Послѣ долгаго сопротивленія самозванцые промышленные вожди должны были согласиться на это, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ пониженіемъ платы на 5%, а въ нѣкоторыхъ безъ нея.

Машина, однако, действует не только как всепальный конкурент, который постоянно стремится сдѣлать наемнаго рабочаго «излишнимъ». Капиталъ громкогласно и сознательно провозглашаетъ ее силой, враждебной рабочему, и какъ таковую онъ ее и употребляетъ. Она становится самымъ могущественнымъ боевымъ оружіемъ для подавленія періодическихъ рабочихъ возстаній, стачекъ и т. п. возмущеній противъ самодержавія капитала ²⁰⁸). По Гаскелю паровая машина сдѣлалась съ самаго начала антагонистомъ «человѣческой силы»: она дала капиталисту возможность сокрушить возраставшія требованія рабочихъ, которыя угрожали довести до кризиса только что возникшую фабричную систему ²⁰⁹). Можно было бы написать цѣлую исторію открытій, сдѣланныхъ съ 1830 г. и введенныхъ исключительно въ качествѣ боевыхъ средствъ капитала противъ возмущеній рабочихъ. Мы напомнимъ только *self-acting-mule*, такъ какъ она открываетъ собою новую эпоху исторіи въ автоматической системѣ ²¹⁰).

Въ своихъ показаніяхъ предъ комиссіей для изслѣдованія *Trade Unions*, *Nasmuth*, изобрѣтатель парового молота, сообщилъ объ улучшеніяхъ въ машинахъ, сдѣланныхъ имъ вслѣдствіе одной большой и продолжительной стачки машиностроительныхъ рабочихъ въ 1851 г.: «Отличительной чертой нашихъ новѣйшихъ механическихъ усовершенствованій служить введеніе самодействующихъ машинъ для производства инструментовъ. Трудъ, который приходится дѣлать всякому рабочему при машинѣ, и который можетъ исполнять всякій подростокъ, состоитъ не въ томъ, чтобы самому работать, а лишь въ томъ, чтобы наблюдать за прекрасной работой машины. Весь классъ рабочихъ, исключительно зависящихъ отъ своего искусства, теперь устранивъ. Раньше я занималъ четырехъ подростковъ на каждого мастера,—механика, но, благодаря новымъ механическимъ комбинаціямъ, я уменьшилъ число взрослыхъ рабочихъ съ 1,500 до 750. Слѣдствіемъ этого было значительное увеличеніе моей прибыли». Уте говоритъ объ одной машинѣ для печатанія красками на свѣцпечатяхъ: «Наконецъ, капиталисты начали искать средствъ освободиться отъ этого невыносимаго рабства (т. е. отъ тягостныхъ для нихъ условій договора, требуемыхъ рабочими) призывавъ на помощь науку, и скоро ихъ заковныя права,—права головы надъ другими частями тѣла были возстановлены». Вотъ что онъ говоритъ объ одномъ изобрѣтеніи для шлихтованія основы, изобрѣтеніи, непосредственный поводъ къ которому дала стачка: «Орда недовольныхъ, шип-

²⁰⁸) «Отношенія между хозяевами и рабочими на стеклянныхъ и бутылочныхъ заводахъ представляютъ нѣтъ себя хроническую стачку». Отсюда происходитъ быстрое развитіе производства прессованнаго стекла, въ которомъ главныя операціи исполняются машинами. Одна фирма въ Пьюкеттѣ, которая прежде производила ежегодно 350.000 фунт. дутаго стекла, производитъ теперь вмѣсто этого 3.000.500 ф. прессованнаго стекла. (*Ch. Empl. Comm. IV. Rep. 1865*, p. 262, 263).

²⁰⁹) Gaskell: «*The Manufacturing Population of England. Lond. 1833*», p. 3, 4.

²¹⁰) Нѣкоторые чрезвычайно важныя примѣненія машинъ при машиностроеніи изображалъ Fairbairn, побуждаемый къ тому стачками на его собственномъ машинномъ заводѣ.

шая себя непобедимой за старыми укреплёнными раздѣленіи труда, увидѣла себя атакованной съ фланга, а свои старыя орудія защиты уничтоженными новѣйшей тактикой механическаго производства. Она должна была сдаться на милость и немилость побѣдителя». А объ изобрѣтеніи self-acting-mule Уге высказывается такъ: «Она была призвана возстановить порядокъ между промышленными классами... Это изобрѣтеніе подтверждаетъ развитую уже нами доктрину, что капиталъ, заставивъ науку служить себѣ, вынуждаетъ у бунтующаго труда покорность»²¹¹⁾. Хотя книга Уге появилась въ 1835 г., т. е. въ то время, когда фабричная система была еще сравнительно мало развита, однако, она остается классическимъ выраженіемъ фабричнаго духа, не только по своему откровенному пинизму, но и по той наивности, съ которой она разбалтываетъ явныя противорѣчія капиталистическаго мозга. Развивъ, напр., вышеупомянутую «доктрину», что капиталъ, при помощи науки, взятой имъ на жолованье, «постоянно вынуждаетъ покорность у бунтующаго труда», онъ выражаетъ удивленіе, «что съ извѣстной стороны обвиняють механико-физическую науку въ томъ, что она отдала себя въ распоряженіе деспотизму богатыхъ фабрикантовъ и превратилась въ орудіе угнетенія бѣдныхъ классовъ». Наговоривъ съ три короба о пользѣ быстрого развитія машинъ для рабочихъ, онъ ихъ предостерегаетъ, что онѣ своими противозаконными дѣйствіями, стачками и т. п. ускоряютъ развитіе машинъ. «Такія возмущенія, говоритъ онъ, выказываютъ самую жалкую человеческую близорукость, ту близорукость, которая дѣлаетъ человѣка своимъ собственнымъ палачомъ». Нѣсколькими страницами раньше говорится противоположное: «Безъ этихъ столкновеній и насильственныхъ перерывовъ, причиняемыхъ ошибочнымъ взглядами рабочихъ, фабричная система развивалась бы гораздо быстрее и съ большей пользою для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ». Потомъ онъ снова восклицаетъ: «Къ счастью для фабричныхъ округовъ Великобританіи, усовершенствованія въ механикѣ происходятъ лишь постепенно». «Несправедливо, говорятъ онъ, обвинять машины въ томъ, что онѣ понижаютъ плату взрослыхъ рабочихъ, вытѣсняя часть ихъ, вслѣдствіе чего предложеніе труда превосходитъ потребность въ немъ. Вѣдь въ этихъ случаяхъ увеличивается спросъ на дѣтскій трудъ, и тѣмъ еще болѣе увеличивается доходъ взрослыхъ». Этотъ самый утѣшитель защищается, съ другой стороны, низкую заработную плату дѣтей тѣмъ, что «она мѣшаетъ родителямъ посылать своихъ дѣтей на фабрику въ слишкомъ раннемъ возрастѣ». Вся его книга представляетъ собою апологію безпредѣльнаго рабочаго дня, и законъ, запрещающій мучить дѣтей моложе 13-ти-лѣтняго возраста болѣе 12-ти часовъ въ день, напоминаетъ его либеральной душѣ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ. Это не мѣшаетъ, однако, ему приглашать фабричныхъ рабочихъ воздать хвалу Провидѣнію за то, что посредствомъ машинъ «оно создало имъ досугъ для размышленій о никогда не умирающихъ интересахъ»²¹²⁾.

²¹¹⁾ Уге, I. с. р. 368, 7, 370, 280, 321, 281, 475.

²¹²⁾ Уге, I. с. р. 368, 7, 370, 280, 321, 281, 475.

6. Теорія компенсаціи въ примѣненіи къ рабочимъ, вытѣсняемымъ машинами.

Цѣлый рядъ буржуазныхъ экономистовъ, — какъ Джэксъ Милль, Макъ Куллохъ, Торренсъ, Сениоръ, Джонъ Стюартъ Милль и др. — утверждаютъ, что всѣ машины, вытѣсняя рабочихъ, всегда освобождаютъ въ то же время капиталъ, который снова даетъ занятія этимъ же вытѣсненнымъ рабочимъ ²¹³⁾.

Предположимъ, что капиталъ употребляетъ 100 рабочихъ, напр., на обойной фабрикѣ, платя каждому 30 ф. ст. въ годъ. Переменный капиталъ его простирается, слѣдовательно, до 3.000 ф. ст. Положимъ, онъ отпускаетъ 50 рабочихъ, а остальныхъ 50 рабочихъ занимаетъ при помощи машинъ, стоющихъ ему 1.500 ф. ст. Для простоты расчета, мы не принимаемъ во вниманіе строеній, угля и т. п. Предположимъ далѣе, что сырой матеріалъ, поглощаемый ежегодно, стоитъ по-прежнему 3.000 ф. ст. ²¹⁴⁾. Спрашивается, «освободился» ли, благодаря этой комбинаціи, какой-нибудь капиталъ? При старомъ способѣ производствъ, вся употребленная сумма равнялась 6.000 ф. ст., и состояла на половину изъ постоянного и на половину изъ переменнаго капитала. Теперь же она состоитъ изъ 4.500 ф. ст. (3.000 въ сыромъ матеріалѣ и 1.500 въ машинахъ) постоянного и 1.500 переменнаго капитала. Въмѣсто половины, переменная или превращенная въ живую рабочую силу часть капитала составляетъ теперь лишь $\frac{1}{4}$ всего капитала. Капиталъ здѣсь не освобождается, а связывается, принимая такую форму, въ которой онъ перестаетъ обмѣниваться на рабочую силу, т. е. происходитъ превращеніе переменнаго капитала въ постоянный. При неизмѣнности всѣхъ другихъ условій, капиталъ въ 6.000 ф. ст. не можетъ уже теперь занимать болѣе чѣмъ 50 рабочихъ. Съ каждымъ усовершенствованіемъ машинъ, онъ даетъ работу меньшему числу рабочихъ. Если вновь введенныя машины стоятъ меньше той суммы, на которую онъ вытѣснилъ рабочихъ и рабочіе инструменты, т. е. вмѣсто 1.500 ф., положимъ, 1.000 ф., то въ постоянный капиталъ превращается переменный капиталъ въ 1.000 ф., между тѣмъ какъ капиталъ въ 500 ф. становится свободнымъ. Этотъ послѣдній капиталъ, при томъ же размѣрѣ годовой платы, составляетъ фондъ для занятія 16 рабочихъ, — въ то время какъ отпущено ихъ было 50, — и даже менѣе чѣмъ 16 рабочихъ, такъ какъ часть этой суммы нужно опять превратить въ постоянный капиталъ, и слѣдовательно, только часть ихъ можетъ быть превращена въ рабочую силу.

Но допустимъ даже, что приготовленіе новыхъ машинъ даетъ занятія большому числу рабочихъ-механиковъ. Развѣ это будетъ компенсаціей для выброшенныхъ на мостовую обойщиковъ? Въ лучшемъ случаѣ, производство машинъ все таки занимаетъ число рабочихъ меньшее, чѣмъ то, которое вытѣсняется ихъ примѣненіемъ. Сумма въ 1.500 ф. ст., раньше представлявшая собою одну

²¹³⁾ Рикардо первоначально раздѣлялъ этотъ взглядъ, но потомъ, со свойственнымъ ему научнымъ безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ, открыто отказался отъ него. См. I. с. гл. XXXI. «О машинахъ».

²¹⁴⁾ NB. Я привожу иллюстрацію совершенно во вкусѣ вышепозванныхъ экономистовъ.

только заработную плату отпущенных обойщиков, теперь, въ видѣ машинъ, представляеть: 1) цѣнность потребныхъ для ихъ постройки средствъ производства; 2) заработную плату строящихъ ихъ механиковъ; 3) приходящуюся на долю ихъ фабриканта прибавочную цѣнность. Далѣе: машина, разъ она готова, не должна быть возобновляема вплоть до самой своей смерти. Слѣдовательно, чтобы давать постоянную работу прибавочному часу механиковъ, всѣ фабриканты обоевъ должны, одинъ за другимъ, замѣщать рабочихъ машинами.

Въ дѣйствительности, наши апологеты пѣютъ въ виду вовсе не такой способъ освобожденія капитала. Они говорятъ о средствахъ существованія освобожденныхъ рабочихъ. Нельзя отрицать, что, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ машины не только освобождаютъ 50 рабочихъ, и дѣлаютъ ихъ «запасными» (*disponibel*), но въ то же время и уничтожаютъ ихъ связь со средствами существованія цѣпью въ 1.500 ф. ст., «освобождая», такимъ образомъ, эти средства существованія. Простой и отнюдь не новый фактъ, что машины освобождаютъ рабочаго отъ средствъ существованія, на языкѣ экономистовъ означаетъ, что машины освобождаютъ средства существованія для рабочаго или превращаютъ ихъ въ капиталъ, употребляемый для того, чтобы дать имъ занятія. Какъ видимъ, все зависитъ отъ способа выраженія: *potius molliore licet mala* *).

По этой теоріи, средства существованія цѣпью въ 1.500 ф. ст. были капиталомъ, создававшимъ прибавочную цѣнность трудомъ 50 уволенныхъ обойщиковъ. Этотъ капиталъ терять, слѣдовательно, свои занятія, какъ только эти 50 рабочихъ получаютъ свободу, и онъ не можетъ успокоиться, пока не найдетъ новаго «помѣщенія», гдѣ сказанные 50 рабочихъ могли бы его снова производительно потреблять. Раньше или позже, значитъ, капиталъ и рабочіе должны снова встрѣтиться, и тогда послѣдуетъ компенсация. Страданія рабочихъ, вытѣсняемыхъ машинами, столь же, значитъ, преходящи, какъ богатства міра сего.

Средства существованія на 1.500 ф. ст. никогда не противостояли въ качествѣ капитала отпущеннымъ рабочимъ. Какъ капиталъ имъ противостояли только тѣ 1.500 ф. ст., которые теперь обращены въ машины. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти 1.500 ф. ст. представляли ту часть ежегодно производившихся 50-ю уволенными рабочими обоевъ, которую они получали отъ своего нанимателя какъ заработную плату, только въ формѣ денегъ, а не натурой. На эти обои, превращенные въ 1.500 ф. ст., они покупаютъ жизненные средства цѣпью въ ту же сумму. Поэтому для нихъ эти послѣднія являлись не какъ капиталъ, а какъ товаръ, и сами они относятся къ нимъ не какъ наемные рабочіе, а какъ покупатели. То обстоятельство, что машина «освободила» ихъ отъ покупательнаго средства, превращаетъ ихъ изъ покупателей въ не-покупателей. Отсюда уменьшеніе спроса на потребляемые ими товары. *Voilà tout*. Если это уменьшеніе спроса не уравновѣшивается увеличеніемъ его съ какой либо другой стороны, то рыночная цѣна

*) Довольительно наименованіями смягчать зло.

этих товаров падает. Если это продолжается долго и въ больших размѣрахъ, то происходитъ перемѣщеніе рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ данныхъ товаровъ. Часть капитала, которая прежде производила необходимыя средства существованія, будетъ теперь воспроизводиться въ какой либо другой формѣ. Въ случаѣ паденія рыночныхъ цѣнъ и перемѣщенія капитала, рабочіе, занятые въ производствѣ необходимыхъ средствъ существованія, «освобождаются» отъ части своей платы. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы доказать, что машина, освобождая рабочихъ отъ средствъ существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ эти послѣднія въ капиталъ, могущій быть употребленнымъ для занятія рабочихъ, господинъ апологетъ, помощью испытаннаго закона спроса и предложенія, наоборотъ, доказываетъ, что машина выбрасываетъ рабочихъ на мостовую не только изъ той отрасли производства, въ которой она введена, но и изъ тѣхъ, въ которыхъ она не вводится.

Дѣйствительные факты, облачаемые экономическимъ оптимизмомъ въ совершенно неважѣющій костюмъ, таковы: вытѣсненные машиною рабочіе выбрасываются изъ мастерской на рабочій рынокъ и увеличиваютъ собою число уже находящихся тамъ, въ распоряженіи капиталистической эксплуатаціи, рабочихъ силъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ будетъ показано, что это дѣйствіе машинъ, которое намъ представляютъ какъ компенсацію для рабочаго класса, есть сущій бичъ для него. Здѣсь замѣтимъ лишь слѣдующее: выброшенные изъ какой либо отрасли промышленности рабочіе могутъ, конечно, искать занятій въ какой либо другой отрасли. Если они находятъ таковыя, и, такимъ образомъ, связь между ними и освобожденными вмѣстѣ съ ними средствами существованія восстанавливается, то это происходитъ при помощи новаго капитала, ищущаго помѣщенія, но ни въ какомъ случаѣ не благодаря капиталу, уже раньше функционировавшему и теперь превращенному въ машины. Но даже и въ этомъ случаѣ, какъ плохи ихъ шансы! Искалѣченные раздѣленіемъ труда, эти бѣдняги виѣ своей прежней трудовой сферы, имѣютъ столь мало дѣяности, что для нихъ доступны лишь нѣкоторые низшія и, поэтому, постоянно переполненные и недостаточно оплачиваемыя отрасли труда²¹⁵). Кроме того, каждая отрасль промышленности ежегодно притягиваетъ къ себѣ новый человѣческій потокъ, доставляющій ей контингентъ рабочихъ силъ, необходимыхъ для правильного пополненія убыли и для регулярнаго удовлетворенія потребности въ рабочей силѣ, происходящей отъ дальнѣйшаго развитія данной отрасли. Но какъ только машины освобождаютъ часть рабочихъ, до тѣхъ поръ занятыхъ въ извѣстной отрасли промышленно-

²¹⁵) Одинъ рикардіанецъ замѣчаетъ по этому поводу, опровергая прѣсныя пошлости Ж. Б. Сая: «При развитіи раздѣленія труда, ловкость рабочихъ примѣнима только въ той спеціальной отрасли, въ которой они обучались; они сами составляютъ родъ машины. Поэтому абсолютно ничего не поможетъ попугайская болтовня, что вещи имѣютъ стремленіе къ извѣстному уровню. Мы должны осмотрѣться кругомъ насъ, и тогда мы увидимъ, что они долго не могутъ достигнуть своего уровня и что если они его находятъ, то оказывается, что уровень ниже, чѣмъ онъ былъ при началѣ процесса». («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc. Lond. 1841, p. 72).

сти, то и резервный отрядъ вновь перераспредѣляется и поглощается другими отраслями труда, между тѣмъ какъ первоначальныя жертвы большей частью опускаются и гибнутъ въ переходное время.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что машины сами по себѣ не отвѣтственны за «освобожденіе» рабочихъ отъ средствъ существованія. Онѣ удешевляютъ и увеличиваютъ продуктъ въ той отрасли, которую онѣ захватываютъ, и оставляютъ на первое время безъ измѣненія массу средствъ существованія, производимыхъ другими отраслями промышленности. Слѣдовательно, и послѣ ихъ введенія общество владѣетъ такимъ же или даже большимъ количествомъ жизненныхъ средствъ для замѣщенныхъ рабочихъ, совершенно независимо отъ той огромной части годового продукта, которая расточается неработниками. И въ этомъ-то и состоитъ роіпде экономической апологетики! Противорѣчій и антагонизма, неразрѣзныхъ съ капиталистическимъ приложеніемъ машинъ, не существуетъ, такъ какъ они порождаются не самими машинами, а капиталистическимъ ихъ приложеніемъ! Такъ какъ машина сама по себѣ сокращаетъ рабочее время, а капиталистическое ея примѣненіе удлинняетъ его; такъ какъ сама по себѣ она облегчаетъ трудъ, а при капиталистическомъ производствѣ повышаетъ его интенсивность, такъ какъ сама по себѣ она представляетъ побѣду человѣка надъ природой, а капиталистически примѣненная—подчиняетъ человѣка природѣ; такъ какъ сама по себѣ она увеличиваетъ богатство производителя, капиталистически же примѣненная—превращаетъ его въ наупера и т. д.,—то буржуазный экономистъ просто заявляетъ: разсмотрѣніе машинной системы въ ея чистомъ видѣ съ полной ясностью доказываетъ, что всѣ эти вопіющія противорѣчія, суть только обманчивая видимость, сами же по себѣ, а, слѣдовательно, и въ теоріи, вовсе не существуютъ. Такимъ образомъ онъ избавляетъ себя отъ дальнѣйшихъ головоломныхъ мыслей, и сверхъ того еще изображаетъ своего противника дуракомъ, борющимся будто бы не противъ капиталистическаго приложенія машинъ, а противъ нихъ самихъ.

Правда, буржуазный экономистъ не отрицаетъ, что при употребленіи машинъ дѣйствительно иногда происходятъ временныя неудобства. Но когда и гдѣ же бываетъ медаль безъ оборотной стороны? Другого, не капиталистическаго пользованія машинами для него не существуетъ. Эксплуатація рабочаго посредствомъ машины для него, слѣдовательно, тождественна съ эксплуатаціей машины рабочимъ. Кто, поэтому, раскрываетъ дѣйствительную сущность капиталистическаго примѣненія машинъ, тотъ вовсе не желаетъ ихъ примѣненія, тотъ противникъ соціальнаго прогресса! ²¹⁶⁾ Это вполнѣ напоминаетъ разсужденія

²¹⁶⁾ Одинъ изъ виртуозовъ въ этомъ претенціозномъ кретянствѣ, между прочимъ, Макъ-Куллохъ. «Если выгодно», говоритъ онъ съ аффектированной наивностью восьмилѣтняго ребенка, «развить ловкость рабочаго до того, чтобы онъ былъ способенъ производить постоянно возрастающее количество товаровъ съ тѣмъ же или меньшимъ количествомъ труда, то должно быть выгодно также, чтобы онъ пользовался такими машинами, которыя бы возможно болѣе способствовали ему въ достиженіи этого результата» (Mac Culloch: «Princ. of Pol. Econ. Lond. 1830», p. 166).

знаменитого головорѣза Bill Sykes: «Господа присяжные! Этимъ коммивояжерамъ горло было дѣйствительно перерѣзано, но въ этомъ фактѣ виновать не я, а ножъ. Неужели же вамъ изъ за такихъ временныхъ неудобствъ отыгнать употребленіе ножа? Подумайте только! Что стало бы съ земледѣліемъ и ремеслами безъ ножа? Развѣ онъ не спасаетъ нѣ рукахъ хирурга и не поучаетъ въ рукахъ автрома? Развѣ онъ не прекрасный помощникъ при веселыхъ пирахъ? Уничтожьте ножи и вы отбросите насъ въ глубочайшее варварство»^{236а}).

Хотя машины обязательно вытѣсняютъ рабочихъ изъ тѣхъ отраслей труда, куда онѣ введены, однако онѣ могутъ вызвать увеличеніе занятій въ другихъ отрасляхъ. Но это дѣйствіе не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемой теоріей компенсаціи. Такъ какъ всякій продуктъ машины, напр., аршинъ машинной ткани, дешевле вытѣсненнаго имъ однороднаго продукта ручного труда, то отсюда слѣдуетъ абсолютный законъ: если общее количество продукта, произведеннаго машиннымъ способомъ, остается равнымъ общему количеству замѣщеннаго имъ ремесленнаго или мануфактурнаго продукта, то общая сумма предлагаемаго труда уменьшается. Тотъ прибавочный трудъ, который нуженъ для производства самихъ средствъ труда—машинъ, угля и т. п., долженъ быть меньше того труда, который сберегается вслѣдствіе употребленія этихъ машинъ. Въ противномъ случаѣ продуктъ машины былъ бы столь же дорогъ, или даже дороже продукта ручного труда. Но на самомъ дѣлѣ общая масса какого-либо машиннаго продукта, произведеннаго уменьшеннымъ числомъ рабочихъ, далеко превосходитъ общую массу вытѣсненнаго продукта ремесленнаго производства. Положимъ, что 400.000 аршинъ машинной ткани производится меньшимъ количествомъ рабочихъ, чѣмъ 100.000 арш. ручной ткани. Въ учетверенномъ продуктѣ заключается и въ четыре раза больше сырого матеріала. Производство сырого матеріала должно, поэтому, учетвериться. Что же касается до потребленныхъ средствъ труда, строеній, угля, машинъ и т. п., то предѣлы, въ которыхъ можетъ возрасти требуемый для ихъ производства добавочный трудъ, мѣняется сообразно разницѣ между массою машиннаго продукта и той массой ручного продукта, которая можетъ быть произведена тѣмъ же числомъ рабочихъ.

Поэтому, съ расширеніемъ машиннаго производства въ одной отрасли промышленности увеличивается производство и въ другихъ отрасляхъ, которыя доставляютъ первой ея средства производства. Насколько, вслѣдствіе этого, возрастаетъ число занятыхъ рабочихъ, зависитъ, при данной длинѣ рабочаго дня и интенсивности труда, отъ состава употребляемаго капитала, т. е. отъ отношенія между его постоянной и переменной частями. Это отношеніе, въ свою очередь, сильно колеблется въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ машины уже охватили или охватываютъ данное производство. Число людей, осужденныхъ работать въ угольныхъ кояхъ и рудникахъ, сильно возросло съ развитіемъ англійскаго машиннаго производства, хотя это возрастаніе было въ по-

^{236 а}) «Изобрѣтатель прядильной машины раззорилъ Индію, что однако насъ очень мало трогаетъ». А. Thiers, «De la Propriété». Г. Тьеръ сѣшивааетъ здѣсь прядильную машину съ механическимъ ткацкимъ станкомъ, «что однако насъ очень мало трогаетъ».

сѣднія десятилѣтія замедлено примѣненіемъ въ горномъ дѣлѣ новыхъ машинъ ²¹⁷⁾. Вмѣстѣ съ машиной является на свѣтъ новый видъ рабочихъ — производителей машинъ. Мы уже знаемъ, что машинное производство все больше и больше завладѣваетъ и этой отраслью производства ²¹⁸⁾. Что же касается, даѣе, сырого матеріала ²¹⁹⁾, то не подлежитъ, напр., никакому сомнѣнію, что стремительное развитіе бумагопряденія дало огромный толчокъ культурѣ хлопка въ Соединенныхъ Штатахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только дѣйствовало съ чисто оранжерейной быстротой ростъ африканской работорговли, но сдѣлало выращиваніе негровъ главнымъ занятіемъ такъ называемыхъ пограничныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Когда въ 1790 г. было произведено въ Соединенныхъ Штатахъ первый перепись (перепись) невольниковъ, то число рабовъ было 697.000, а въ 1861 г. ихъ уже было около 4 милліоновъ. Съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что расцвѣтъ механической шерстяной промышленности вызывалъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ преобразованиемъ пахатной земли въ пастбища для овецъ, массовое изгнаніе «излишнихъ» земледѣльческихъ рабочихъ. Ирландія и теперь еще переживаетъ этотъ процессъ, низводя свое умевшившееся уже почти наполовину съ 1845 г. населеніе до уровня, точно соответствующаго потребностямъ ея лэндлордовъ и гг. англійскихъ шерстяныхъ фабрикантовъ.

Если машина захватываетъ первую или промежуточныя ступени процесса, которая какой либо предметъ [труда] долженъ пройти до достиженія своей окончательной формы, то, вмѣстѣ съ рабочимъ матеріаломъ, увеличивается и спросъ на трудъ въ тѣхъ ремесленныхъ или мануфактурныхъ отрасляхъ, которые пользуются этимъ машиннымъ продуктомъ. Напр., машинное пряденіе доставляло пряжу такъ дешево и въ такомъ большомъ количествѣ, что ручныя ткачи могли на первыхъ порахъ работать полное время, не увеличивая своихъ издержекъ. Такимъ образомъ, доходъ ихъ возрасталъ ²²⁰⁾. Отсюда боль-

²¹⁷⁾ По переписи 1861 г. (Vol. II. Lond. 1863) число рабочихъ, занятыхъ въ угольныхъ копяхъ, въ Англіи и Уэльсѣ, составило 246. 613, изъ которыхъ 73.545 моложе и 173.067 старше 20 лѣтъ. Къ первой рубрикѣ принадлежатъ 835 дѣтей отъ 5 до 10 л., 30.701—отъ 10 до 15 л., 42.010—отъ 15 до 19 лѣтъ. Число лицъ, занятыхъ въ желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ, оловянныхъ и другихъ рудникахъ, простиралось до 319.222 человѣкъ.

²¹⁸⁾ Въ Англіи и Уэльсѣ, въ 1861 г. производствомъ машинъ занимались 60.807 человекъ, включая сюда фабрикантовъ, ихъ прикащиковъ и др., т. е. всѣхъ агентовъ и торговцевъ въ этомъ дѣлѣ. Наоборотъ, сюда не включены производители мелкихъ машинъ, какъ швейныхъ и т. п., а также производители инструментовъ для рабочихъ машинъ, какъ веретенъ и т. п. Число всѣхъ гражданскихъ инженеровъ составляетъ 3.329.

²¹⁹⁾ Такъ какъ желѣзо есть одинъ изъ важнѣйшихъ сырыхъ матеріаловъ, то замѣтимъ здѣсь, что въ 1861 г., въ Англіи и Уэльсѣ, было 125,771 человекъ, занятыхъ выплавкой желѣза; изъ нихъ 123.430 мужчинъ и 2.341 женщина. Между первыми 30,810 моложе и 92.620 старше 20 лѣтъ.

²²⁰⁾ Семья изъ 4 взрослыхъ лицъ (бумаго-ткачей) и двухъ дѣтей, въ качествѣ winders получала, въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, 4 ф. ст. въ недѣлю при 10 ти часовомъ рабочемъ днѣ; при очень большомъ спросѣ на трудъ

шой притокъ рабочихъ къ производству хлопчатобумажныхъ тканей, пока, наконецъ, 800.000 хлопчатобумажныхъ ткачей, вызванныхъ къ жизни въ Англіи такими машинами, какъ Jenny, Throstle и Mule, не были, въ свою очередь, убиты паровымъ ткацкимъ станкомъ. Точно также при обществ. машинномъ производствѣ матерій для платья, возрастало число портныхъ, портнихъ, швей и т. п., пока на сцену не появилась швейная машина.

Соответственно возрастанію массы сырыхъ матеріаловъ, полуфабрикатовъ, рабочихъ инструментовъ и т. п., доставляемыхъ машиннымъ производствомъ съ сравнительно меньшимъ числомъ рабочихъ, — обработка этихъ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ раскладывается на многочисленные подвиды, т. е. возрастаетъ разнообразіе отраслей общественнаго производства. Машинное производство развиваетъ общественное раздѣленіе труда несравненно больше, чѣмъ мануфактурное, потому что первое въ несравненно большей степени, чѣмъ второе, увеличиваетъ производительную силу захваченныхъ имъ отраслей промышленности.

Близжайшій результатъ машиннаго производства состоитъ въ томъ, что увеличивается прибавочная цѣнность и, вѣсть съ тѣмъ, та масса продукта, въ которой она реализуется, а слѣдовательно, вѣсть съ веществомъ, поглощаемымъ классомъ капиталистовъ и его прислыми, увеличивается и этотъ общественный слой. Возрастаніе его богатства, сопровождаемое постояннымъ относительнымъ уменьшеніемъ числа рабочихъ, занятыхъ производствомъ предметовъ первой необходимости, создаетъ, одновременно съ новыми потребностями въ роскоши, и новые средства для ихъ удовлетворенія. Большая часть общественного продукта превращается въ избыточный продуктъ, большая часть этого послѣдняго воспроизводится и потребляется въ болѣе утонченныхъ и разнообразныхъ формахъ. Другими словами: производство предметовъ роскоши возрастаетъ²²¹⁾. Уточеніе и болѣе многообразіе продуктовъ порождается также новыми отношеніями на мировомъ рынкѣ, создаваемыми крупной промышленностью. Не только увеличивается болѣе количество заграничныхъ предметовъ непосредственнаго потребленія на туземный продуктъ, но и большая масса сырья, разныхъ ингредиентов, полуфабрикатовъ заграничнаго происхожденія и т. п. вступаетъ въ туземную промышленность въ качествѣ средствъ производства. Вѣсть съ этими отношеніями, возникающими на аренѣ мирового рынка, возрастаетъ и спросъ на трудъ въ сферѣ транспорта, и эта сфера распадается на многочисленные новые подвиды²²²⁾.

Увеличеніе средствъ производства и существованія при относительномъ уменьшеніи числа рабочихъ, нужнаго для ихъ производства, даетъ толчокъ расширенію труда въ такихъ отрасляхъ, продукты которыхъ, какъ напр., ка-

они могли зарабатывать и больше... Прежде они всегда терпѣли отъ недостаточнаго предложенія пряжи» (Gaskell. I. c. p. 24—27).

²²¹⁾ Ф. Энгельсъ въ «Lage etc.» констатируетъ жалкое положеніе большей части плебейскихъ производителей предметовъ роскоши. Многочисленные новые данныя, доказывающія то же самое, можно найти въ отчетахъ «Childr. Empl. Comm».

²²²⁾ Въ 1861 г. въ Англіи и Уэльсѣ было 94.665 моряковъ, занятыхъ въ торговомъ флотѣ.

палы, доки, тунели, мосты и т. п., приносят плоды лишь въ отдаленномъ будущемъ. Прямо на основѣ машиннаго производства или на основѣ соответствующаго ему общаго промышленнаго переворота, развиваются совершенно новыя отрасли промышленности, а, слѣдовательно, новыя сферы приложенія труда. Однако, мѣсто, занимаемое ими въ общемъ производствѣ, незначительно даже въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Число занимаемыхъ ими рабочихъ прямо пропорціонально постоянно воспроизводящейся потребности въ грубѣйшемъ ручномъ трудѣ. Какъ на главнѣйшія отрасли промышленности этого рода можно теперь указать на газовое производство, телеграфію, фотографію, парохозяйство, желѣзныя дороги. По переписи 1861 г. (для Англіи и Уэльса) газовымъ производствомъ (добываніе газа, производство механическихъ аппаратовъ, агенты газовыхъ обществъ и т. п.) занималось 15.211 человекъ; при телеграфѣ работаютъ—2.399, фотографіей занимались—2.366, парохозяйственной службой—3.570 и на желѣзныхъ дорогахъ—70.599, въ числѣ которыхъ находится около 28.000 болѣе или менѣе постоянно занятыхъ «необученныхъ» землекоповъ рядомъ со всѣмъ административнымъ и коммерческимъ персоналомъ. Такимъ образомъ, общее число лицъ въ этихъ пяти новыхъ отрасляхъ промышленности составляетъ 94.145.

Накопецъ, необыкновенно усилившаяся производительность въ сферѣ крупной промышленности, сопровождаемая въ тому же болѣе интенсивной и экстенсивной эксплуатацией рабочей силы во всѣхъ другихъ сферахъ производства, позволяеть употреблять все болѣе и болѣе часть рабочаго класса непроизводительно, воспроизводя, такимъ образомъ, все въ большихъ и большихъ массахъ прежнихъ домашнихъ рабовъ подъ названіемъ «служащаго класса» (прислуги), т. е. слугъ, горничныхъ, лакеевъ и т. д. По переписи 1861 г. все народонаселеніе Англіи и Уэльса составляло 20.066.244 человека, изъ которыхъ 9.776.259 мужчинъ и 10.289.965 женщинъ. Если изъ этого числа исключить всѣхъ неспособныхъ къ труду по старости или по молодости, всѣхъ «непроизводительныхъ» женщинъ, подростковъ и дѣтей, затѣмъ «идеологическія» профессіи, какъ, напр., агентовъ правительства, духовенство, юристовъ, войско и т. п., дажѣ всѣхъ тѣхъ, исключительное занятіе которыхъ состоитъ въ потребленіи чужого труда въ формѣ поземельной ренты, процентовъ и т. п., наконецъ пауперовъ, бродягъ, преступниковъ и т. д., то остается, круглымъ счетомъ, 8 милліоновъ человекъ обоего пола и различныхъ возрастовъ, включая сюда и капиталистовъ, функционярующихъ въ производствѣ, торговлѣ, биржевомъ дѣлѣ (Finanz) и т. д. Изъ этихъ 8 милл. приходится на:

Сельскохозяйственныхъ рабочихъ (со включеніемъ наставовъ, батраковъ и батрачекъ, живущихъ у фермеровъ).....	1.098.261 чел.
---	----------------

Всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на хлопчатобумажныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шелковыхъ, джутовыхъ, механически-вязальныхъ и кружевныхъ фабрикахъ.....	642.607 > ²²³⁾
---	---------------------------

Всѣхъ занятыхъ въ угольныхъ копяхъ и рудникахъ.....	565.835 >
---	-----------

²²³⁾ Изъ нихъ только 177,569 мужчинъ старше 13 лѣтъ.

Всѣхъ занятыхъ на металлургическихъ заводахъ (домновыя печи, прокатныя мастерскія и т. д.) и металлическихъ мануфактурахъ всякаго рода..... 396.998 > ²²⁴⁾

Прислуги..... 1.208.648 > ²²⁵⁾

Сложивъ число всѣхъ занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ съ числомъ персонала угольныхъ копей и металлическихъ рудниковъ, мы получимъ 1.208.442; сложивъ же первое число съ числомъ персонала металлургическихъ заводовъ и мануфактуръ, мы получимъ въ общемъ 1.039.605, т. е. въ обоихъ случаяхъ меньше числа современныхъ домашнихъ рабовъ. Что за ободряющій душу результатъ капиталистической эксплуатаціи машинъ!

7. Отталкиваніе и притяженіе рабочихъ, какъ слѣдствіе развитія машиннаго производства. Кризисы въ хлопчатобумажной промышленности.

Всѣ вѣтняемые представители политической экономіи соглашаются, что введеніе новыхъ машинъ дѣйствуетъ какъ чума на рабочихъ тѣхъ традиционныхъ ремеслъ и мануфактуръ, съ которыми машина прежде всего вступаетъ въ конкуренцію. Всѣ они оплакиваютъ рабство фабричныхъ рабочихъ. Но каковъ тотъ козырь, который они пускаютъ въ ходъ? Онъ состоитъ въ томъ, что машины, послѣ ужасовъ, характеризующихъ періодъ ихъ введенія и развитія, въ концѣ концовъ увеличиваютъ, а не уменьшаютъ число рабочихъ рабовъ! Да, политическая экономія упивается отвратительной теоремой, гласящей, что даже основанная на машинномъ производствѣ, фабрика, послѣ нѣкотораго періода роста, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго «переходнаго времени», мучить на своей работѣ большее число рабочихъ, чѣмъ то, которое первоначально было выброшено ею на мостовую! ²²⁶⁾.

²²⁴⁾ Изъ нихъ женскаго пола 30,501.

²²⁵⁾ Изъ нихъ мужчинъ 137,447. Изъ этого числа 1,208,648 исключены всѣ лица, не служащія у частныхъ лицъ.

Прим. ко 2-му изд. Съ 1861 до 1870 г. число мужской прислуги почти удвоилось. Оно возрасло до 267, 671. Въ 1847 г. было 2.694 сторожежъ дичи (въ аристократическихъ охотничьихъ паркахъ); въ 1869 г. ихъ уже было 4.921. Молодые дѣвушки, служащія у лондонскихъ мелкихъ буржуа, на народномъ языкѣ называются «little slaveys», маленькими рабынями.

²²⁶⁾ Gailh, наоборотъ, считаетъ конечнымъ результатомъ машиннаго производства абсолютное уменьшеніе числа рабочихъ-рабовъ, насчетъ которыхъ живетъ и питается растущее число «gens honnêtes», развивающихъ свою извѣстную «perfectibilité perfectible». Хотя онъ совсѣмъ не понимаетъ движенія производства, все-таки онъ чувствуетъ, что машины весьма роковое учрежденіе, разв введеніе ихъ превращаетъ трудящихся рабочихъ въ вшицъ, между тѣмъ какъ дальнѣйшее развитіе создаетъ большее число рабочихъ рабовъ, чѣмъ сколько онъ первоначально убилъ. Крѣпкимъ его точкой зрѣнія можно выразить только его собственными словами: «Les classes, condamnées à produire et à consommer diminuent, et les classes qui dirigent le travail, qui soulagent et éclairent toute la population, se multiplient... et s'approprient tous les bienfaits qui résultent de la diminution des frais du travail, de l'abondance des productions et du bon marché des

Однако, примѣры нѣкоторыхъ англійскихъ суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ показываютъ, что на извѣстной ступени развитія чрезвычайное расширение фабричной системы можетъ быть связано не только съ относительнымъ, но и съ абсолютнымъ уменьшеніемъ числа занятыхъ рабочихъ. Въ 1860 г., когда, по распоряженію парламента, былъ предпринятъ спеціальныи перепись всѣхъ фабрикъ Соед. Королевства, фабричные округа Ланкашира, Чешира и Юркшира, подчиненные фабричному инспектору R. Baker'у насчитывали 652 фабрики; изъ нихъ 570 имѣли 85.622 паровыхъ ткацкихъ станковъ, 6.819.146 веретенъ (за исключеніемъ сучильныхъ); 27.439 лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ и 1.390 въ водяныхъ колесахъ; лицъ, работавшихъ на этихъ фабрикахъ, было 94.119. Въ 1865 г. эти самыя фабрики имѣли: 95.163 ткацкихъ станка, 7.025.031 веретено, 28.925 лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ и 1.445 въ водяныхъ колесахъ, а число занятыхъ на нихъ лицъ составляло—88.913. Слѣдовательно, съ 1860 до 1865 г. ростъ этихъ фабрикъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: число паровыхъ ткацкихъ станковъ увеличилось на 11%, число веретенъ—на 3%, паровая сила—на 5%, между тѣмъ, какъ число рабочихъ въ то же время сократилось на 6,5% ²²¹⁾. Отъ 1852 до 1862 г. происходилъ значительный ростъ англійскаго шерстяного производства, между тѣмъ какъ число занятыхъ въ этомъ производствѣ рабочихъ осталось почти неизмѣннымъ. «Это показываетъ, въ какихъ большихъ размѣрахъ вновь введенныя машины вытѣснили трудъ предыдущихъ періодовъ» ²²²⁾. Во многихъ случаяхъ увеличеніе числа занятыхъ

consummations. Dans cette direction, l'espèce humaine s'élève aux plus hautes conceptions du génie, pénètre dans les profondeurs mystérieuses de la religion, établit des principes salutaires de la morale les lois tutélaires de la liberté et du pouvoir, de l'obéissance et de la justice, du devoir et de l'humanité». [«Классы, осужденныя на производство и потребление, уменьшаются, а классы, управляющіе трудомъ, утѣшающіе и просвѣщающіе весь народъ, умножаются... и присвоиваютъ себѣ всѣ блага, произтекающія отъ уменьшенія издержекъ труда, изобилія продуктовъ и ихъ дешевизны. Въ этомъ направленіи родъ человѣчскій вывывается до высочайшихъ концепцій генія, проникаетъ въ сокровенныя глубины религіи, утверждаетъ спасительныя принципы морали (состоящіе въ «присвоеніи себѣ всѣхъ благъ и т. д.?), и покровительственные законы свободы (свободы для «классовъ, осужденныхъ на производство») и власти, послушанія и справедливости, долга и человѣчности.]. Эта табарарина находится въ «Des systèmes d'Economie Politique etc. Par M. Ch. Ganiel». 2 éd. Paris 1821, t. II. p. 224. Cp. ib. p. 212.

²²¹⁾ «Reports of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1865», p. 585 d. Одновременно, однако, была создана и матеріальная основа для занятія возрастающаго числа рабочихъ во образъ 110 новыхъ фабрикъ съ 11.625 паровыми ткацкими станками, 628.755 веретенами, 2.695 паровыми и водяными лошадиными силами (i. o.).

²²²⁾ «Reports etc. for 31 oct. 1862», p. 79.

Прим. ко 2-му выд. Въ концѣ декабря 1871 г. фабричный инспекторъ А. Redgrave въ лекціи, читанной въ Брадфордѣ, въ «New Mechanics Institution», сказалъ слѣдующее: «Что меня недавно особенно поразило, это совершенно неизвѣстный видъ шерстяныхъ фабрикъ. Раньше онѣ были переполнены жевцами и дѣтьми, теперь, кажется, машины дѣлаютъ все. На мой вопросъ по этому поводу одинъ фабрикантъ далъ мнѣ слѣдующее объясненіе: «При старой системѣ у меня работало 63 человѣка; послѣ же введенія усовершенствованныхъ машинъ я пазвель

фабричных рабочих является лишь кажущимся, т. е. оно вызывается не расширением уже существующаго машиннаго производства, а постепенным присоединеніемъ къ нему разныхъ побочныхъ отраслей. Напр., «увеличеніе механическихъ ткацкихъ станковъ и числа работающихъ на нихъ фабричныхъ рабочихъ съ 1838 г. до 1858 произошло на англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ просто вслѣдствіе расширенія этой отрасли промышленности; на другихъ же фабрикахъ это увеличеніе произошло, наоборотъ, вслѣдствіе новаго примѣненія паровой силы къ тканью ковровъ, лентъ, холста и т. п., которое раньше производилось мускульной силой людей» ²²⁹⁾. Увеличеніе этихъ фабричныхъ рабочихъ выражало, слѣдовательно, лишь уменьшеніе общаго числа занятыхъ рабочихъ. Мы здѣсь оставляемъ совершенно въ сторонѣ и то, что вездѣ, за исключеніемъ металлическихъ фабрикъ, преобладающимъ элементомъ въ фабричномъ персоналѣ являются подростки (молочае 18 л.), женщины и дѣти.

Каково бы, однако, ни было число рабочихъ, фактически вытѣсненное или потенциально замѣщенное машиннымъ производствомъ, — понятно, что, съ возрастаніемъ послѣдняго, выражающимся въ ростѣ числа фабрикъ, или расширеніи ихъ размѣровъ, число фабричныхъ рабочихъ, въ концѣ концовъ, можетъ быть больше числа замѣщаемыхъ мануфактурныхъ рабочихъ или ремесленниковъ. Положимъ, ежедневнаго употребляемаго капитала въ 500 ф. ст. при старомъ способѣ производства состоитъ, напр., изъ $\frac{2}{3}$ постояннаго и $\frac{1}{3}$ переменнаго капитала, т. е. 200 ф. ст. вложены въ средства производства и 300 ф. въ рабочую силу, положимъ, по 1 ф. ст. на рабочаго. Со введеніемъ машинъ составъ совокупнаго капитала измѣняется. Теперь онъ распадается, напр., на $\frac{4}{5}$ постояннаго и $\frac{1}{5}$ переменнаго капитала, или на рабочую силу употребляется только 100 ф. ст. Слѣдовательно, $\frac{2}{3}$ рабочихъ, которые до сихъ поръ были заняты, теперь увольняются. Если это фабричное производство расширяется и затрачиваемый капиталъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, возрастаетъ съ 500 на 1.500, то и тогда въ немъ будутъ заняты 300 рабочихъ, т. е. столько же, сколько и до промышленнаго переворота. Если, далѣе, употребляемый капиталъ возрастетъ до 2.000, то будутъ заняты 400 рабочихъ, т. е. на $\frac{1}{3}$ больше, чѣмъ при старомъ способѣ производства. Абсолютно число употребляемыхъ рабочихъ возрасло на 100, но относительно, т. е. по отношенію ко всему авансированному капиталу, оно уменьшилось на 800, такъ какъ при старомъ способѣ производства капиталъ въ 2.000 ф. ст. далъ бы занятія 1.200 рабочимъ, вмѣсто 400. Слѣдовательно, относительное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ совершенно совмѣстимо съ абсолютнымъ его возрастаніемъ. Мы выше предположили, что, съ возрастаніемъ общаго капитала, взаимное отношеніе его составныхъ частей остается постояннымъ, такъ какъ и условія производства не измѣняются. Но мы уже знаемъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ въ машинной системѣ, постоянная часть капитала, заключающаяся въ машинахъ, сырыхъ матеріалахъ и т. п., возрастаетъ, въ то время какъ переменная часть, затрачиваемая на рабочую силу, уменьшается. Точно также мы

число своихъ «рукъ» до 33; въ самое послѣднее время, вслѣдствіе новыхъ большихъ измѣненій, я былъ въ состояніи уменьшить ихъ съ 33 до 13».

²²⁹⁾ «Reports etc. for 31 st Oct. 1856», p. 16.

знаемъ, что ни при какомъ другомъ способѣ производства усовершенствованія не являются столь постоянными, а, слѣдовательно, взаимное отношеніе частей общаго капитала нигдѣ не бываетъ столь измѣнчивымъ, какъ здѣсь. Но эти постоянныя измѣненія также постоянно прерываются періодами спокойствія и простымъ количественнымъ расширеніемъ на данномъ техническомъ основаніи. Благодаря этому, число занятыхъ рабочихъ возрастаетъ. Такъ, напр., въ 1835 г. число всѣхъ рабочихъ на хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ фабрикахъ Соединеннаго Королевства составляло лишь 354.684, между тѣмъ какъ въ 1861 г. число однихъ ткачей (обоихъ пола и различнѣйшихъ возрастовъ, начиная съ 8-ми лѣтняго), работающихъ на паровыхъ станкахъ, составляло 230.654. Правда, этотъ ростъ окажется не столь значительнымъ, если мы вспомнимъ, что еще въ 1838 г. число англійскихъ ручныхъ хлопчатобумажныхъ ткачей съ семействами, работавшими съ ними, составляло 800.000 ²³⁰⁾, не считая совершенно тѣхъ, которые были вытѣснены въ Азію и на европейскомъ континентѣ.

Въ немногихъ замѣчаніяхъ, которыя должны быть сдѣланы еще насчетъ этого пункта, мы коснемся, отчасти съ чисто фактической стороны, отношеній, до которыхъ наше теоретическое изложеніе еще не довело насъ.

До тѣхъ поръ, пока машинное производство расширяется въ какой-либо отрасли промышленности насчетъ ремесленного или мануфактурнаго, успѣхъ его настолько же вѣренъ, насколько вѣрна, положимъ, побѣда арміи, вооруженной игольчатыми ружьями, надъ арміей стрѣлковъ изъ лука. Этотъ первый періодъ, когда машина только начинаетъ завоевывать себѣ сферу дѣйствія, имѣетъ важное, рѣшающее значеніе, въ виду чрезвычайной прибыли, которая производится при помощи машинъ. Эта прибыль не только сама по себѣ образуетъ источникъ ускореннаго накопленія, но еще постоянно притягиваетъ къ особо прибыльной сферѣ производства крупную долю добавочнаго общественнаго капитала, постоянно вновь образующагося и выпускающаго новыхъ помѣщеній. Особенности перваго періода «бури и натиска» повторяются въ тѣхъ отрасляхъ производства, куда вновь вводятся машины. Но, какъ только фабричная система достигла въ своемъ развитіи извѣстной широты и извѣстной зрѣлости; какъ только ея техническая основа, т. е. машины, производятся, машиннымъ же способомъ; какъ только въ добываніи угля и желѣза, а также въ способѣ обработки металловъ и въ транспортномъ дѣлѣ произошли перевороты; вообще, какъ только созданы общія условія производства, соответствующія крупной промышленности, — съ этого момента машинный способъ производства приобретаетъ извѣстную эластичность, способность къ быстрому расширенію, предѣлы которому ставятся лишь сырымъ матеріаломъ и рынкомъ

²³⁰⁾ «Страданія ручныхъ ткачей (хлопчатой бумаги и матерій съ примѣсью ея) были предметомъ изслѣдованія королевской комиссіи, но, хотя бѣдствія ихъ были признаны и о нихъ сожалѣли, улучшеніе (!) ихъ положенія было предоставлено случаю и времени, и можно надѣяться, что эти страданія теперь (черезъ 20 лѣтъ!) почти (nearly) исчезли, чему, по всей вѣроятности, способствовало современное громадное распространеніе паровыхъ ткацкихъ станковъ». (Rep. Insp. Fact. 31 oct. 1856. p. 15).

сбытъ. Съ одной стороны, машины прямо увеличиваютъ количество сырья, напр., cottongin увеличила производство хлопка ²²¹⁾. Съ другой стороны, дешевизна машиннаго продукта и преобразованная система транспорта и сообщений служатъ орудіемъ для завоеванія иностранныхъ рынковъ. Машины превращаютъ эти рынки въ мѣста производства сырья для себя, разоряя ремесленное производство данныхъ странъ. Такъ, напр., Остъ-Индія была вынуждена производить для Великобританіи хлопокъ, шерсть, пеньку, джутъ, индиго и т. п. ²²²⁾. Постоянное «превращеніе» части рабочихъ въ «лишнихъ» въ странахъ съ крупной промышленностью дѣлаетъ необходимой искусственно порождаемую эмиграцію и колонизацію чужихъ странъ, которыя превращаются въ мѣста производства сырья для метрополіи, — такъ, напр., Австралія превратилась въ поставщицу шерсти ²²³⁾. Создается новое, согласованное съ пространственнымъ распределеніемъ машиннаго производства, международное раздѣленіе труда, которое превращаетъ одну часть земного шара въ преимущественно земледѣльческую область. Эта революція совпадаетъ съ переворотами въ земледѣліи, которые здѣсь еще не могутъ быть обсуждаемы ²²⁴⁾.

По почину Гладстона, палата общинъ предписала, 17-го февраля 1867 г., собрать статистическія данныя о ввозѣ въ Соединенное Королевство и вывозѣ изъ него, съ 1831 до 1866 г., всякаго рода зерна и муки. Въ слѣдующей таблицѣ (см. стр. 373) мы представляемъ сводку добытыхъ данныхъ. Мука приведена въ кварталы зернового хлѣба:

²²¹⁾ Другіе методы, посредствомъ которыхъ машины вліяютъ на производство сырьяхъ матеріаловъ, будутъ укаваны въ третьей книгѣ.

²²²⁾ Вывозъ хлопка изъ Индіи въ Великобританію:

1846 г. 34.540.143 фунта; 1860 г. 204.141.168 ф.; 1865 г. 445.947.600 ф.

Вывозъ шерсти изъ Индіи въ Великобританію:

1846 г. 4.570.581 ф.; 1860 г. 20.214.173 ф.; 1865 г. 20.679.111 ф.

²²³⁾ Вывозъ шерсти съ мыса Доброй Надежды въ Великобританію:

1846 г. 2.958.457 ф.; 1860 г. 16.574.345 ф.; 1865 г. 29.920.623 ф.

Вывозъ шерсти изъ Австраліи въ Великобританію:

1846 г. 21.789.346 ф.; 1860 г. 59.166.616 ф.; 1865 г. 109.734.261 ф.

²²⁴⁾ Самое экономическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ есть продуктъ европейской, вѣрнѣе, англійской крупной промышленности. Сѣверо-Американскіе штаты надо рассматривать даже въ современномъ (1866 г.) ихъ видѣ, все еще какъ европейскія колоніи [Къ 4-му изд.—Съ тѣхъ поръ они стали второй промышленной страной на свѣтѣ, не считая еще потерявъ, однако, свой колониальный характеръ.—Ф. Э.]

Вывозъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію:

1846 г. 401.949.393 фун.; 1852 г. 765.630.544 фун.; 1859 г. 961.707.264 фун.; 1860 г. 1.115.890.608 фунт.

Вывозъ всякаго рода зерна и т. п. изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію:

	1850 г.	1862 г.
Пшеницы	16.202.312 центн.	41.033.503 центн.
Ячменя	3.669.653 »	6.624.800 »
Овса	3.174.801 »	4.426.994 »
Ржи	388.749 »	7.108 »
Пшеничной муки	3.819.440 »	7.207.113 »
Гречихи	1.054 »	19.571 »
Маниса	5.473.161 »	11.694.818 »
Веге или Bigg (родъ ячменя)	2.039 »	7.675 »
Гороху	811.620 »	1.024.722 »
Бобовъ	1.822.972 »	2.037.137 »
Общій ввозъ	34.365.801 »	74.083.351 »

Пятилѣтніе періоды и 1866 годъ.

	1831—1835.	1836—1840.	1841—1845.	1846—1850.	1851—1855.	1856—1860.	1861—1865.	1866.
Ежегодно въ среднемъ:								
Ввозъ въ кварталахъ	1.096.373	2.389.729	2.843.865	8.776.552	8.345.237	10.912.612	15.009.871	16.457.340
Вывозъ „	225.363	251.770	139.056	155.461	307.491	341.150	302.754	216.318
Перевѣсъ средней цифры ввоза надъ вывозомъ	871.110	2.137.959	2.704.809	8.621.091	8.037.746	10.572.462	14.740.117	16.241.123
Среднее годовое народонасе- леніе въ каждомъ періодѣ . .	24.621.107	25.929.507	27.262.569	27.797.598	27.572.923	28.391.544	29.381.460	29.935.404
Среднее количество хлѣба въ кварталахъ, приходящееся еже- годно на каждого индивидуума въ излишка ввоза надъ ту- земнымъ производствомъ, при равномѣрномъ распредѣленіи между всѣми жителями	0,036	0,082	0,099	0,310	0,291	0,372	0,543	0,543

Эта громадная, дающая себя знать въ толчкахъ, растяжимость фабричнаго производства и его зависимость отъ мірового рынка необходимо порождаютъ лихорадочное производство въ слѣдующее за производственной горячкой переносиленіе рынковъ, сокращеніе которыхъ производить наравнѣ. Промышленная жизнь, такимъ образомъ, превращается въ послѣдовательный рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризиса и зстоя. Неизбѣжность и неустойчивость, которыми машинное производство подвергаетъ трудъ, а, слѣдовательно, и судьбу рабочаго, дѣлаются нормальными, когда наступаетъ эта періодичность промышленнаго цикла. За исключеніемъ періодовъ процвѣтанія, между капиталистами свирѣпствуютъ отчаянная борьба за нѣхъ индивидуальныя доли участія на рынкѣ. Это участіе прямо пропорціонально дешезинѣ продукта. Кромѣ вызываемаго этимъ соперничества въ примѣненіи замѣщающихъ рабочую силу усовершенствованныхъ машинъ и новыхъ методовъ производства, — каждый разъ наступаетъ такой моментъ, когда предприниматели стремятся достигнуть удешевленія товаровъ посредствомъ давленія на заработную плату, низводящаго ее ниже цѣнности рабочей силы²⁴⁵).

Возрастаніе числа фабричныхъ рабочихъ обуславливается, слѣдовательно, относительно болѣе быстрымъ возрастаніемъ совокупнаго капитала, помѣщеннаго въ фабричныя предпріятія. Но этотъ процессъ въ дѣйствительности совершается лишь постольку, поскольку происходятъ указанные приливы и отливы промышлен-

²⁴⁵) Въ воззваніи рабочихъ, выброшенныхъ на улицу посредствомъ «lockout's» лестерскими башмачными фабрикантами, воззваніи, обращенномъ къ «Trade Societies of England», въ юлѣ 1866 г., между прочимъ, говорится: «Лѣтъ 20 тому назадъ сапожное дѣло въ Лестерѣ (Leicester) претерпѣло переворотъ, состоявшій въ замѣнѣ шитья скрѣпленіемъ гвоздями. Тогда можно было имѣть хороший заработокъ. Вскорѣ это новое дѣло сильно распространилось. Началась сильная конкуренція между различными фирмами, стремившимися непрерывно производить наиболѣе нѣзкий товаръ. Вскорѣ, однако, послѣ этого возникла конкуренція гораздо худшаго рода, именно одна фирма старалась побить другую болѣе дешевой цѣной (undersell). Вредныя послѣдствія скоро сказались въ пониженіи заработной платы; и такъ стремительно было это паденіе цѣны труда, что многія фирмы теперь платятъ уже лишь половину первоначальной платы. Тѣмъ не менѣе, хотя заработная плата падаетъ все ниже и ниже, прибыль, кажется, при всякомъ такомъ пониженіи, возрастаетъ». — Даже неблагоприятныя періоды промышленности пользуются фабриканты, чтобы крайнимъ пониженіемъ заработной платы, т. е. простымъ воровствомъ необходимыхъ средствъ существованія рабочихъ, добывать себѣ чрезвычайную прибыль. Вотъ примѣръ. Дѣло идетъ о кривизнѣ шелкоткачества въ Coventry. «Издъ показаній, полученныхъ мною какъ отъ фабрикантовъ, такъ и отъ рабочихъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что заработная плата повысилась въ болѣешемъ размѣрѣ, чѣмъ это было вынуждено конкуренціей заграничныхъ фабрикантовъ. Большинство ткачей работаетъ за плату, сокращенную на 30—40%. Кусокъ ленты, за которую ткачи 5 лѣтъ тому назадъ получали 6—7 шилл., даетъ ему теперь только 4 шилл. 3 пенса, или 3 шилл. 6 пенс.; другая работа, которая раньше оплачивалась 4 шилл. и 4 пенс. 3 пенс., оплачивается теперь только 2 шилл. или 2 шилл. 3 пенс. Заработная плата поднялась болѣе, чѣмъ нужно для оживленія спроса на продуктъ. Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ сортовъ лентъ пониженіе заработной платы не сопровождалось никакимъ пониженіемъ въ цѣнѣ товара» (Отчетъ коммиссара F. D. Longe въ «Ch. Emp. Com. V. Rep. 1866», p. 114, п. 1)

ного цикла, и лишь въ связи съ имп. Кромѣ того, онъ постоянно прерывается прогрессомъ техники, который то замѣщаетъ рабочихъ потенциально, то вытѣсняетъ ихъ фактически. Эти качественныя измѣненія въ машинномъ производствѣ постоянно удаляютъ рабочихъ съ фабрикъ или запираютъ двери предъ новымъ потокомъ промышленныхъ рекрутовъ, между тѣмъ какъ простое количественное расширение фабрикъ поглощаетъ вмѣстѣ съ выброшенными и свѣжіе кадры рабочихъ. Рабочіе, такимъ образомъ, непрестанно то притягиваются, то отталкиваются, перебрасываются туда и сюда, и все это сопровождается постоянными измѣненіями въ возрастѣ, полѣ и умѣлости вербуемыхъ рабочихъ.

Участь фабричныхъ рабочихъ представится вамъ всего нагляднѣе, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на судьбы англійской хлопчатобумажной промышленности. Съ 1770 г. до 1815 г., хлопчатобумажная промышленность находится въ угнетенномъ положеніи или въ застоѣ въ теченіе 5 лѣтъ. Въ продолженіе этого перваго 45-ти-лѣтняго періода англійскіе фабриканты пользовались монополіей въ примѣненіи машинъ и эксплуатаціи мірового рынка. Далѣе, съ 1815 года до 1821 г. положеніе было стѣсненное; 1822 и 1823 гг. были годами процвѣтанія; 1824 г.—отмѣна закона противъ коалицій, всеобщее и крупное расширеніе фабрикъ; 1825 г.—кризисъ; 1826—страшная нищета и возстаніе среди хлопчатобумажныхъ рабочихъ; 1827 г.—легкое улучшеніе; 1828 г.—большое увеличеніе количества паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза; въ 1829 г.—вывозъ, особенно въ Индію, превосходитъ вывозъ всѣхъ предыдущихъ годовъ; въ 1830 г.—переполненіе рынковъ, сильная нужда; 1831—1833—стѣсненное положеніе продолжается, ость-индская кампанія лишается монополіи на торговлю съ восточной Азіей (Индіей и Китаемъ); 1834 г.—крупный ростъ фабрикъ и машиннаго производства, недостатокъ въ рабочихъ, новый законъ о бѣдныхъ вызываетъ выселеніе сельскихъ рабочихъ въ фабричныя округа, очищеніе сельскихъ графствъ отъ дѣтей, торговлю бѣлыми рабами; 1835 г.—сильное процвѣтаніе промышленности и одновременно—ручные бумаготкачи доведены до голодной смерти; 1836 г.—сильное процвѣтаніе; 1837 и 1838 гг.—стѣсненное положеніе и кризисъ; 1839 г.—снова оживленіе; 1840 г.—сильная депрессія, возстаніе, вышаташество вооруженной силы; 1841—1842 гг.—страшныя страданія фабричныхъ рабочихъ. Въ 1842 г. фабриканты отпускаютъ рабочихъ съ фабрикъ, чтобы этимъ вынудить отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Рабочіе тысячами устремляются въ Йоркширъ, откуда они прогоняются войсками, а предводители ихъ отдаются въ Ланкаширъ подъ судъ. 1843 г.—сильная нужда; 1844 г.—снова оживленіе; 1845 г.—сильное процвѣтаніе; 1846 г.—сначала продолжается подъемъ, потомъ являються признаки реакціи. Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ. 1847 г.—кризисъ, всеобщее пониженіе заработной платы на 10% и болѣе во славу «big loaf» *). 1848 г.—стѣсненное положеніе продолжается, Манчестеръ находится подъ военной охраной; 1849 г.—снова оживленіе; 1850 г.—процвѣтаніе; 1851 г.—паденіе товарныхъ цѣнъ, низкая за-

*) «Хлѣбъ огромныхъ размѣровъ», который фабриканты обѣщали рабочимъ во время агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ.

работная плата, частыя стачки; 1852 г.—начало улучшенія, стачки продолжаются, фабриканты угрожаютъ ввозомъ иностранныхъ рабочихъ; 1853 г.—возрастающій вывозъ, восьмидесячная стачка и сильная нужда въ Престонѣ; 1854 г.—процвѣтаніе, переполненіе рынковъ; 1855 г.—изъ Соед. Штатовъ Канады, съ восточно-азиатскихъ рынковъ приходятъ свѣдѣнія о банкротствахъ; 1856 г.—сильное процвѣтаніе; 1857 г.—кризисъ; 1858 г.—улучшеніе; 1859 г.—сильное процвѣтаніе, ростъ числа фабрикъ; 1860 г.—апогей англійской хлопчатобумажной промышленности: индійскіе, австралійскіе и другіе рынки въ это время такъ наводнены, что они вилоть до 1863 г. едва поглотили весь запасъ; торговый договоръ съ Франціей, огромный ростъ числа фабрикъ и машиннаго производства; 1861 г.—нѣкоторое время продолжается подъемъ, потомъ начинается реакція, американская гражданская война, недостатокъ въ хлопкѣ; 1862—1863 гг.—полное крушеніе.

Исторія хлопчатобумажнаго кризиса или «голода» слишкомъ характерна, чтобы не остановиться на ней на минуту. Изъ свѣдѣнныхъ выше указаній относительно состоянія міроваго рынка съ 1860 до 1861 г. можно видѣть, что недостатокъ хлопка пришелся фабрикантамъ кстату и отчасти былъ имъ даже выгоденъ. Фактъ этотъ былъ признанъ въ отчетахъ малчестерской торговой палаты, заявленъ въ парламентѣ Пальмерстономъ и Дербі, наконецъ, подтвержденъ событіями²³⁶). Въ 1861 г. между 2.887 хлопчатобумажными фабриками Соединеннаго Королевства было, конечно, не мало и мелкихъ. По отчету фабричнаго инспектора A. Redgrave, къ району котораго изъ 2.887 фабрикъ принадлежали 2.109, изъ нихъ 392, или 19⁰/₁₀, употребляли меньше 10 паровыхъ лошадиныхъ силъ каждая; 345 или 16⁰/₁₀ отъ 10 до 20, 1372—20 и больше²³⁷). Большинство мелкихъ фабрикъ были ткацкія, основанныя въ періодъ процвѣтанія, съ 1858 г., большей частью спекулянтами, изъ которыхъ одни доставляли пряжу, другой машины, третій строенія, и находились въ рукахъ бывшихъ мастеровъ или другихъ людей безъ средствъ. Эти мелкіе фабриканты, правда, большей частью разорились. Но ту же участь приготовилъ бы имъ и торговый кризисъ, которому теперь не далъ развиваться хлопчатобумажный голодъ. Хотя число этихъ мелкихъ фабрикантовъ составляло цѣлую 1¹/₃ общаго числа фабрикантовъ, но ихъ фабрики представляли собой несравненно меньшую часть всего капитала, помѣщеннаго въ хлопчатобумажной промышленности. Что касается до размѣровъ кризиса, то, по достовѣрной оцѣнкѣ, въ октябрѣ 1862 г. не работало 60,3⁰/₁₀ веретенъ и 58⁰/₁₀ ткацкихъ станковъ. Эти числа относятся ко всей названной отрасли промышленности; соответствующія числа, относящіяся къ отдѣльнымъ округамъ, разумѣется, чрезвычайно колеблются. Только очень немногія фабрики работали полное время (60 часовъ въ недѣлю), остальные работали съ перерывами. Даже для тѣхъ рабочихъ, которые работали полное время и по обычной сдѣльной платѣ, величина недѣльнаго заработка все таки уменьшилась вслѣдствіе замѣны лучшихъ сортовъ хлопка худшими, Sea-Island'a египетскимъ

²³⁶) Ср. «Reports of Insp. for 31 st. oct. 1862», p. 30.

²³⁷) I. c. p. 19.

(въ тонкопряденіи), американскаго и египетскаго суратскихъ (остъ-индскихъ), и чистаго хлопка—смѣсъ изъ отбросовъ хлопка съ суратомъ. Болѣе короткое волокно сурата, его нечистота, большая ломкость его нитей, замѣна крахмала при шпиктованіи основы всякаго рода тяжелыми ингредиентами и т. д. уменьшили скорость хода машинъ или число ткацкихъ станковъ, которыми можетъ завѣдывать одинъ ткачъ, увеличили трудъ, благодаря неправильному ходу машинъ, и, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ массы продукта, уменьшили сдѣльную плату. При употребленіи сурата и при полной работѣ потери рабочаго простирались до 20, 30 и болѣе процентовъ. Но большинство фабрикантовъ сократило и сдѣльную плату на 5, 7½ и 10%. Можно поэтому представить себѣ положеніе тѣхъ, которые работали только 3, 3½, 4 дня въ недѣлю или лишь 6 часовъ въ день. Когда въ 1863 г. наступило уже относительное улучшеніе, недѣльный заработокъ ткача, прядильщика и т. п. составлялъ 3 шилл. 4 пенса, 3 ш. 10 п., 4 ш. 6 п., 5 ш. 1 п. и т. д. ²³⁹⁾). Даже при этомъ мучительномъ для рабочихъ положеніи вещей изобрѣтательный духъ фабрикантовъ не дремалъ, поскольку дѣло касалось вычетовъ изъ платы. Эти вычеты налагались въ качествѣ штрафовъ за нехочеты продукта, въ которыхъ были виноваты плохое качество хлопка, дурныя машины и т. п. Тамъ же, гдѣ фабрикантъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ коттеджей рабочаго, онъ самъ уплачивалъ себѣ квартирную плату вычетомъ изъ заработной платы. Фабричный инспекторъ Redgrave рассказываетъ о selfacting minders (работіе, управляющіе двумя автоматическими мюлями), «которые къ концу двухнедѣльной полной работы зарабатывали 8 шилл. 11 пенс.; изъ этой суммы вычиталась квартирная плата, изъ которой фабрикантъ, однако, возвращалъ половину въ видѣ подарка, такъ что мюльщики приносили домой полныхъ 6 шилл. 11 п. Недѣльный заработокъ ткача за послѣдніе мѣсяцы 1862 г. былъ часто не выше 2 ш. 6 п.» ²⁴⁰⁾). Квартирная плата часто вычиталась изъ заработка даже тогда, когда рабочіе работали лишь короткое время ²⁴¹⁾). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ланкашира разразилось нѣчто въ родѣ голоднаго мора! Однако, характернѣе всего этого было то, что революція процесса производства производилась насчетъ рабочаго. Учпнялись настоящіе эксперименты in cogroge villi, подобные производимымъ анатомами на лягушкахъ. «Хотя я, — говоритъ фабричный инспекторъ Redgrave, — указалъ дѣйствительныя заработки рабочихъ на многихъ фабрикахъ, однако, не слѣдуетъ заключить изъ этого, что они получали эту сумму каждую недѣлю. Доходы рабочихъ подвергались самымъ сильнымъ колебаніямъ вслѣдствіе постояннаго экспериментированія («experimentalizing») фабрикантовъ... Ихъ заработки повышались и понижались съ качествомъ хлопчатобумажной смѣси: то они отклонялись отъ своей нормальной величины только на 15%, то, черезъ одну-двѣ недѣли сокращались на 50, 60%» ²⁴¹⁾). Эти эксперименты дѣлались не только

²³⁹⁾ «Reports of Fact. for 31 st. Okt. 1865», p. 41—45

²⁴⁰⁾ «Reports etc. 31 st. Oct. 1863», p. 41, 42.

²⁴¹⁾ 1. с. p. 51.

²⁴¹⁾ 1. с. p. 50, 51.

на счет средств существованія рабочих: рабочіе платились всѣми пятью чувствами. «Тѣ, которые занимаются чистой хлопкой, сообщаютъ мнѣ, что отъ невыносимаго запаха имъ дѣлается душно... Запнмающимся въ помѣщеніяхъ для чесанія и производства этихъ смѣсей пыль и грязь забиваются во всѣ отверстія головы, производя кашель и затрудняя дыханіе... Вслѣдствіе короткости волоковъ, въ пряжу при шпиктованіи прибавляютъ множество разныхъ веществъ, а именно разныхъ суррогатовъ вмѣсто прежде употреблявшейся муки. Отъ этого у ткачей происходитъ тошнота и диспепсія. Благодаря пыли господствуетъ бронхитъ, а также воспаленіе гортаней. Потому появляется кака-то на-кожная болѣзнь вслѣдствіе раздраженія кожи содержащеюся въ суратѣ грязью». Съ другой стороны, суррогаты муки, увеличивающіе въсь пряжи, были настоящей находкой для гг. фабрикантовъ. «Благодаря имъ, 15 ф. сырого матеріала даютъ 26 ф. ткани» ²⁴²). Въ отчетѣ фабричныхъ инспекторовъ отъ 30 апрѣля 1864 г. мы читаемъ: «Промышленность эксплуатируетъ теперь эти вспомога-тельные средства въ размѣрахъ, по истинѣ неприличныхъ. Мнѣ извѣстно изъ авторитетнаго источника, что восьмифунтовая ткань готовится изъ 5¼ ф. хлопчатой бумаги и 2¾ ф. клею. Другая ткань, иѣдающая 5¼ ф., содержитъ 2 ф. клею. Это обыкновенные шертинги для экспорта. Въ другихъ сортахъ иногда прибавляется 50% клею, такъ что фабриканты могутъ хвастать, и дѣй-ствительно хвастаютъ тѣмъ, что они богатыютъ отъ продажи ткани дешевле того, что стоитъ номинально содержащаяся въ ней пряжа» ²⁴³). Но рабочимъ приходилось страдать не только отъ экспериментовъ фабрикантовъ на фабрикахъ и муниципалитетовъ вѣдѣ фабрикъ, не только отъ пониженія заработной платы и безработицы, отъ нищеты и милостыни, отъ восхваленій по ихъ адресу лордовъ и членовъ палаты общины. «Несчастныя женщины, лишившіяся занятій вслѣдствіе хлопчатобумажнаго кризиса, стали отбросомъ общества и оста-лись таковыми... Число молодыхъ проститутокъ увеличилось въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ» ²⁴⁴).

Такимъ образомъ въ первые 45 лѣтъ жизни англійской хлопчатобумаж-ной промышленности, отъ 1770 по 1815 г., мы находимъ только 5 лѣтъ кризиса и застоя, по этотъ періодъ былъ эпохой ея міровой монополіи. Второй 48-лѣт-ній періодъ, съ 1815 по 1863 г., насчитываетъ лишь 20 лѣтъ оживленія и процвѣтанія на 28 лѣтъ угнетеннаго состоянія и застоя. Съ 1815 по 1830 г. пачинается конкуренція съ континентальной Европой и Соединенными Штатами. Съ 1833 г. азіатскіе рынки насильственно расширяются цѣной «разрушенія че-ловѣческой расы». Со времени отмены хлѣбныхъ законовъ, съ 1846 по 1863 г., на 8 лѣтъ среднего оживленія и процвѣтанія приходится 9 лѣтъ депрессіи и застоя. Каково было положеніе взрослыхъ мужскихъ хлопчатобумажныхъ ра-

²⁴²) 1. с. р. 62, 63.

²⁴³) «Reports etc. 30 th April 1861», p. 27.

²⁴⁴) Изъ письма Chief Constable Harris изъ Вольтона въ «Reports of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1865», p. 61, 62.

бочихъ даже въ эпоху процвѣтанія, можно видѣть изъ приводимаго ниже примѣчанія ²⁴⁵⁾.

8. Переворотъ, произведенный крупной промышленностью въ мануфактурѣ, ремеслѣ и домашнемъ производствѣ.

а) Уничтоженіе кооперации, основанной на ремесленномъ производствѣ и раздѣленіи труда.

Мы видѣли, какъ машинное производство разрушаетъ кооперацию, покоящуюся на ремеслѣ, и мануфактуру, основанную на ремесленномъ раздѣленіи труда. Примеромъ перваго рода можетъ служить жатвенная машина, которая замѣстила собою кооперацию жнецовъ. Поразительный примѣръ другого рода представляетъ машина для фабрикаціи швейныхъ иглокъ. По А. Смиту въ его время 10 человѣкъ, благодаря раздѣленію труда, приготавливали въ день свыше 48.000 иглокъ. Теперь одна машина производитъ ихъ 145.000 въ 11-ти-часовой рабочей день. Одна жевшица или дѣвушка наблюдаетъ въ среднемъ за четырьмя такими машинами и производитъ, слѣдовательно, при помощи машинъ ежедневно около 600.000, и въ недѣлю свыше 3.000.000 иглокъ ²⁴⁶⁾. По-скольку отдѣльный исполнительный механизмъ или рабочая машина стано-

²⁴⁵⁾ Въ одномъ воззваніи, выпущенномъ весной 1863 г. хлопчатобумажными рабочими въ пользу образованія эмиграціоннаго общества, между прочимъ, говорится: «Мало кто станетъ теперь отрицать абсолютную необходимость значительной эмиграціи фабричныхъ рабочихъ; но слѣдующіе факты доказываютъ, что и во всякое время безъ постоянного эмиграціоннаго потока, при обычныхъ условіяхъ, намъ невозможно поддерживать наше положеніе. Въ 1814 г. официальная цѣнность (которая есть лишь показатель количества) вывезенныхъ хлопчатобумажныхъ нитѣй равнялась 17.665.378 ф. ст., дѣйствительная же рыночная ихъ цѣнность равнялась 20.070.824 ф. ст. Въ 1858 г. официальная цѣнность вывезенныхъ хлопчатобумажныхъ нитѣй составила 182.221.681 ф. ст., а ихъ дѣйствительная рыночная цѣнность только 43.001.322 ф. ст., такъ что удешевленное количество дало немногимъ больше двойного эквивалента. Этотъ результатъ, столь разорительный для страны вообще и для фабричныхъ рабочихъ въ особенности, былъ вызванъ различными дѣйствовавшими въ одноиъ и томъ же направленіи причинами. Одной изъ главныхъ бросающихся въ глаза причинъ является неизбежная необходимость избыточнаго числа рабочихъ силъ, безъ котораго эта отрасль промышленности, подѣ страхомъ разоренія, не можетъ обойтись, такъ какъ она нуждается въ постоянно расширяющемся рынкѣ. Наши хлопчатобумажныя фабрики могутъ перестать дѣйствовать, вследствие періодическихъ востоевъ въ торговлѣ, которые, при настоящей ея организаціи, столь же неизбежны, какъ сама смерть. Но наоборотъ, духъ человѣка не останавливается. Хотя въ послѣдніи 25 лѣтъ оставило страну, по самой низкой оцѣнкѣ, 6 милліоновъ человѣкъ, однако, вследствие постоянного замѣщенія рабочихъ въ видахъ удешевленія продукта, значительный процентъ взрослыхъ мужчинъ, даже во время наивысшаго процвѣтанія, лишены возможности найти на фабрикахъ какинъ-либо занятія на какихъ бы то ни было условіяхъ». («Reports of Insp. of Fact. 30 April 1863», p. 51, 52). Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, какъ гг. фабриканты, во время хлопчатобумажной катастрофы, старались помѣшать эмиграціи фабричныхъ рабочихъ всѣми средствами, даже при помощи государственной власти.

²⁴⁶⁾ «Ch. Empl. Comm. IV. Report 1864», p. 108, и 447.

вится на мѣсто кооперація или мануфактуры, она сама можетъ еще служить основаніемъ для новаго ремесленного производства. Однако это возрожденіе ремесленного производства на машинномъ фундаментѣ составляетъ лишь переходную ступень къ фабричной системѣ, которая дѣйствительно появляется каждый разъ, какъ только механическая двигательная сила, паръ или вода, замѣняютъ человѣческіе мускулы при приведеніи въ движеніе машины. Спорадически, тоже въ видѣ переходной ступени, мелкое производство можетъ функционировать при помощи механической двигательной силы, нанимая паръ, какъ это, напр., дѣлается на нѣкоторыхъ мануфактурахъ Бирмингэма, или употребляя небольшія calorific machines, какъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ткацкаго производства и т. д. ²⁴⁷⁾ Въ шелкоткацествѣ Ковентри стихійно возникъ и протекъ экспериментъ, состоявшій въ устройствѣ такъ называемыхъ Cottage Factories (фабрики въ коттеджахъ). Посреди выстроенныхъ квадратами рядовъ коттеджей, былъ такъ называемый Engine house для паровой машины, соединяющейся посредствомъ стержней съ ткацкими станками въ коттеджахъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ паръ нанимается, напр., по 2^{1/2} шил. со станка. Эта рента за паръ уплачивалась ежедневно, все равно работали ли станки или нѣтъ. Каждый коттедж имѣлъ 2—6 ткацкихъ станковъ, принадлежавшихъ рабочимъ и взятыхъ въ кредитъ или наемъ. Борьба между коттеджной фабрикой и пастбищной длилась 12 л. Она закончилась полнымъ разореніемъ всѣхъ 300 коттеджныхъ фабрикъ ²⁴⁸⁾. Тѣ вновь возникшія въ послѣднія десятилѣтія отрасли промышленности, въ которыхъ сама природа производственного процесса не требовала съ самаго начала производства въ широкихъ размѣрахъ, какъ, напр., фабрикація конвертовъ, стальныхъ перьевъ и т. п.,—правильно проходили сначала стадію ремесленного, потомъ мануфактурнаго производства, какъ короткія переходныя фазы, приводившія къ фабричному способу производства. Эти метаморфозы встрѣчаютъ наибольшія трудности тамъ, гдѣ мануфактурное производство какого-либо предмета представляетъ не послѣдовательный рядъ эволюціонныхъ, а нѣкоторое множество несвязанныхъ между собою процессовъ. Это, напр., составляетъ большое препятствіе для развитія машинной фабрикаціи стальныхъ перьевъ. Однако, и здѣсь уже, около 15 лѣтъ тому назадъ, былъ изобрѣтенъ автоматъ, который однимъ ударомъ выполняетъ 6 отдѣльныхъ операцій. Въ 1820 г. ремесло производило первые 12 дюймовъ стальныхъ перьевъ за 7 фунт. 4 шил., мануфактура въ 1830 г. за 8 шил., а фабрика при оптовой продажѣ поставяетъ ихъ теперь за 2—6 пенсовъ ²⁴⁹⁾.

²⁴⁷⁾ Въ Соединенныхъ Штатахъ такого рода воспринятое ремесленное производство на машинномъ основаніи встрѣчается часто. Вслѣдствіе этого концентрація, при необходимомъ переходѣ къ фабричному производству, совершается тамъ семимильными шагами, по сравненію съ континентальной Европой и даже съ Англіей.

²⁴⁸⁾ Ср. «Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865», p. 61.

²⁴⁹⁾ Г-нъ Gillot учредилъ въ Бирмингэмѣ первую мануфактуру стальныхъ перьевъ въ большихъ размѣрахъ. Уже въ 1851 г. она производила свыше 180 милліоновъ перьевъ и потребовала ежегодно 120 тоннъ стальной жести. Бирмингэмъ, монополизировавшій эту индустрію въ Соед. Королевствѣ, производитъ теперь ежегодно милліарды стальныхъ перьевъ. Число занятыхъ этимъ производствомъ людей, по переписи 1861 г., простиралось до 1.428, изъ которыхъ 1.268 работниковъ, работающихъ съ 5-ти лѣтняго возраста.

в) Обратное влияние фабричной системы на мануфактуру и домашнее производство.

Съ развитіемъ фабричной системы и сопровождающаго ее переворота въ сельскомъ хозяйствѣ не только расширяются размѣры производства во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, но и самый характеръ ихъ измѣняется. Принципъ машинной системы, состоящій въ томъ, чтобы разлагать процессъ производства на его составныя фазы и разрѣшать являющіяся такимъ образомъ задачи посредствомъ примѣненія механики, химіи и вообще естествознанія—этотъ принципъ вездѣ становится опредѣляющимъ началомъ. Машинны, поэтому, вторгаются въ мануфактуры, замѣняя собою то одинъ частичный процессъ, то другой. Прочное, какъ бы кристаллическое расчлененіе мануфактуры, вытекавшее изъ прежняго раздѣленія труда, разлагается такимъ образомъ, уступая мѣсто постояннымъ перемѣнамъ. Кромѣ того, составъ совокупнаго рабочаго или комбинированнаго рабочаго персонала претерпѣваетъ коренное измѣненіе. Въ противоположность мануфактурному періоду, планъ раздѣленія труда основывается теперь на, примѣненіи женскаго труда, труда дѣтей всѣхъ возрастовъ, труда необученныхъ рабочихъ, гдѣ это только возможно, словомъ на примѣненіи дешеваго труда, «cheap labour», по характерному англійскому выраженію. Это относится не только ко всякаго рода крупнымъ производствамъ, употребляютъ ли они машины или нѣтъ, но и къ кустарной или домашней промышленности, производится ли она въ частныхъ квартирахъ или въ небольшихъ мастерскихъ. Эта, такъ-называемая, современная домашняя промышленность, кромѣ названія, не имѣетъ ничего общаго со старинной, которая предполагала независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и, прежде всего, отдѣльный домъ рабочей семьи. Теперь домашняя промышленность превращается во влѣнное отдѣленіе фабрики, мануфактуры или товарнаго склада. Кромѣ фабричныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которыхъ онъ пристрастивно концентрируетъ большими массами и которыми онъ непосредственно командуетъ, капиталъ, посредствомъ невидимыхъ нитей, приводитъ въ движеніе еще другую армію разсѣянныхъ въ большихъ городахъ и деревняхъ домашнихъ рабочихъ. Примѣромъ этого можетъ служить рубашечная фабрика гг. Tillie въ Лондовдерри, въ Ирландіи, которая занимаетъ 1.000 фабричныхъ рабочихъ и 9.000 разсѣянныхъ по деревнямъ домашнихъ рабочихъ ²³⁰⁾.

Эксплуатація дешевыхъ и незрѣлыхъ рабочихъ силъ практикуется въ современной мануфактурѣ еще съ большимъ цинизмомъ, чѣмъ на настоящихъ фабрикахъ вслѣдствіе того, что техническое основаніе послѣдней, замѣщеніе мускульной силы машинами и легкость труда, большей частью отсутствуютъ въ первой; кромѣ того, женскій или неокрѣпшій еще организмъ подвергается тамъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти дѣйствію ядовитыхъ веществъ и т. п. Въ такъ-называемой домашней промышленности эта эксплуатація проявляется еще большее безстыдство, чѣмъ даже въ мануфактурѣ, вслѣдствіе того, что способность рабочихъ къ сопротивленію уменьшается съ ихъ раздѣленіемъ и что цѣлый рядъ хитрыхъ паразитовъ втискивается между дѣйствительнымъ работо-

²³⁰⁾ «Ch. Empl. Comm. II. Rep. 1864», p. LXVIII. n. 415.

дателямъ и рабочими. Кромѣ того: домашней промышленности нездѣ приходится бороться съ машиннымъ или, по крайней мѣрѣ, съ мануфактурнымъ производствомъ въ той же самой отрасли, а бѣдность рабочихъ лишаетъ ихъ необходимыхъ условій труда, достаточнаго помѣщенія, свѣта, воздуха и т. п.; нерегулярность занятій и заработка здѣсь увеличивается и, наконецъ, конкуренція между рабочими по необходимости достигаетъ своего максимума въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ для всѣхъ, ставшихъ, благодаря торжеству крупной промышленности и крупнаго земледѣлія, «излишними». Экономизированіе средствъ производства, впервые систематически организованное машинной системой и изначала сопровождаемое безпощаднымъ расточеніемъ рабочей силы и хищническими отношеніемъ къ нормальнымъ условіямъ трудовой дѣятельности, теперь тѣмъ оострѣннѣе обнаруживаетъ свою антагонистическую и челоуѣкоубійственную сторону, чѣмъ меньше въ данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническое основаніе комбинированныхъ трудовыхъ процессовъ.

с) Современная мануфактура.

Я хочу на нѣсколькихъ примѣрахъ разъяснить вышеустановленные положенія. Съ многочисленными доказательствами ихъ читатель, впрочемъ, уже познакомился въ отдѣлѣ о рабочемъ днѣ. Металлургическія мануфактуры въ Бирмингемѣ употребляютъ, большей частью—для очень тяжелыхъ работъ, 30.000 дѣтей и подростковъ и 10.000 женщинъ. Они здѣсь занимаются въ вреднѣхъ для здоровья мѣднотейныхъ заведеніяхъ, на пуговичныхъ фабрикахъ, глазированіемъ, газываніемъ и лакированіемъ ²⁵¹⁾. Чрезмѣрность труда для взрослыхъ и дѣтей обезпечила за различными лондонскими газетными и книжными типографіями славное прозвище «бойни» ²⁵²⁾. Подобный же чрезмѣрный трудъ, жертвами котораго являются женщины, дѣвушки и дѣти, наблюдается и въ перешитныхъ заведеніяхъ. Тяжелъ также трудъ подростковъ на канатныхъ фабрикахъ; въ соляномъ промыслѣ, свѣчныхъ и другихъ химическихъ мануфактурахъ работаютъ по ночамъ, а въ шезкоткацкихъ заведеніяхъ, не пользующихся механической силой, подростки употребляютъ для убійственной работы вращенія ткацкихъ станковъ ²⁵³⁾. Одна изъ самыхъ безобразныхъ, грязныхъ и плохооплачиваемыхъ работъ, для которой употребляются преимущественно молодые дѣвушки и женщины, это—сортировка тряпокъ. Извѣстно, что Великобританія, кромѣ огромной массы ея собственныхъ тряпокъ, служитъ еще складочнымъ мѣстомъ по тряпичной торговлѣ всего міра. Тряпки стекаются въ нее изъ Японіи, отдаленнѣйшихъ государствъ южной Америки и Канарскихъ острововъ. Главными, однако, источниками снабженія являются Германія, Франція, Россія, Италія, Египетъ, Турція, Бельгія и Голландія. Тряпки эти служатъ для удобренія, фабрикаціи набивки (для матрацовъ), Schoddy (искусственной шерсти) и сырымъ матеріаломъ при фабрикаціи бумаги. Сортировщицы являются

²⁵¹⁾ Въ Шеффилдѣ дѣти занимаются даже лichenіемъ.

²⁵²⁾ «Ch. Empl. Comm. V. Rep. 1866», р. 3, п. 24, р. 6, п. 55, 56, р. 7. п. 59, 60.

²⁵³⁾ I. с. р. 113, 115, п. 6—7. Комиссаръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что если вообще машина замѣщаетъ челоуѣка, то здѣсь подростокъ буквально замѣщаетъ машину.

передатчиками оспы и других заразных болѣзней, первыми жертвами которых онѣ сами падаютъ ²⁵³⁾. Блассическимъ примѣромъ чрезвычайно тяжелаго и неподходящаго труда, всегда сопровождаемаго грубымъ насиліемъ рабочихъ, съ самаго нѣжнаго возраста пожираемыхъ капиталомъ, можетъ служить рядомъ съ рудниками и каменноугольными копями, еще кирпичное производство, въ которомъ вновь изобрѣтенныя машины пока (1860) лишь нѣрѣдка употребляются въ Англіи. Съ мая по сентябрь работа длится съ 5 ч. утра до 8 вечера, а тамъ, гдѣ сушка производится на вольномъ воздухѣ, часто даже съ 4 ч. утра до 9 вечера. Рабочій день съ 5 ч. утра до 7 вечера считается «сокращеннымъ», «умѣреннымъ». Дѣти обоего пола начинаютъ работать съ 6-ти и даже 4-хъ лѣтняго возраста. Они работаютъ то же число часовъ, часто даже больше, чѣмъ взрослые. Работа тяжелая, а лѣтняя жара еще увеличиваетъ утомленіе. Напр., на одномъ кирпичномъ заводѣ въ Mosley 24-хъ лѣтняя дѣвушка выдѣлывала въ день 2.000 кирпичей при помощи двухъ подростковъ-дѣвочекъ, которыя таскали глину и складывали кирпичи. Эти дѣвочки ежедневно вытягиваютъ 10 тоннъ глины по скользкимъ краямъ лмы и изъ глубины 30 футовъ и протаскиваютъ ее на разстояніи 210 футовъ. «Невозможно для ребенка пройти чистилище кирпичнаго завода, не подвергаясь сильному нравственному паденію... безобразный языкъ, который они слышатъ съ самаго нѣжнаго возраста; отвратительныя, безстыдныя и безпутныя привычки, среди которыхъ они вырастаютъ повѣждами и звѣрѣютъ, дѣлаютъ ихъ на всю дальнѣйшую жизнь безпутными, безнравственными и распущенными... Страшнымъ источникомъ деморализаціи служатъ жилища. Каждый формирующій (обученный рабочій этого промысла и глава рабочей артели) даетъ своей артели изъ 7 человекъ помещеніе и столъ въ своей хижинѣ или коттеджѣ. Принадлежать ли они къ его семьѣ или нѣтъ, все равно—мужчины, подростки, дѣвушки спятъ всѣ въ этой хижинѣ, которая состоитъ обыкновенно изъ двухъ, рѣдко изъ трехъ комнатъ въ уровень съ землею и съ недостаточной вентиляціей. Рабочіе физически такъ истощаются вслѣдствіе сильной испарины въ теченіе дня, что ни гигиеническія правила, ни чистота, ни благопристойность не соблюдаются. Многія изъ этихъ хижинъ могутъ служить настоящими образцами безпорядка, грязи и пыли... Самое худшее зло системы, употребляющей молодыхъ дѣвушекъ на такого рода работы, состоитъ въ томъ, что фактически она связываетъ ихъ судьбу на всю жизнь съ самымъ негоднымъ сбродомъ. Онѣ превращаются въ грубыхъ, дерзкихъ на языкъ уличныхъ парней («rough, foul-mouthed»), прежде чѣмъ природа научитъ ихъ, что онѣ—женщины. Одѣтыя въ жалкія лохмотья, съ оголенными значительно выше коленъ ногами, съ лицомъ и волосами въ грязи, онѣ научаются относиться съ презрѣніемъ ко всякому чувству приличія и стыда. Въ обѣденное время онѣ лежатъ распростертыми на лужайкахъ или глядятъ на парней, кушающихся въ сосѣднемъ каналѣ. Когда, наконецъ, ихъ тяжелый дневной трудъ кончается, онѣ одѣваются подучше и сопровождаютъ мужчинъ въ полпивныя». Что во всемъ этомъ классѣ съ самаго

²⁵³⁾ См. отчетъ о триничной торговлѣ и многочисленные примѣры: «Public Health. VIII. Report. Lond. 1866». Appendix, p. 196—208.

дѣтства, господствуетъ самое отчаянное пьянство, вполне естественно. Хуже всего то, что кирпичники сами въ себѣ отчаяваются. Вы, сэръ, сказали одинъ изъ лучшихъ между ними канзупу (священнику) изъ Southallfield'a, можете съ тѣмъ же успѣхомъ попытаться подлѣть и исправить дьявола, какъ и кирпичника!» (You might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!) ²³⁴⁾).

О капиталистическомъ экономизированіи средствъ труда въ современныхъ мануфактурахъ (подъ которыми здѣсь подразумѣваются всякія крупныя мастерскія, кромѣ фабрикъ въ собственномъ смыслѣ) богатѣйшій офиціальный матеріалъ можно найти въ IV (1861) и VI (1864) «Отчетахъ о народномъ здравіи» («Public Health Report»). Описанія мастерскихъ, особенно лондонскихъ типографій, превосходятъ все то, что фантазія нашихъ романистовъ могла бы выдумать самаго сквернаго. Вліяніе этихъ мастерскихъ на здоровье рабочихъ само собою понятно. Докторъ Simon, старшій медицинскій чиновникъ Privy Council и офиціальный редакторъ «Public Health Reports», между прочимъ говоритъ: «Въ своемъ четвертомъ отчетѣ (1863) я указалъ, какъ рабочимъ практически невозможно отстаивать свое право на здоровье, т. е. добиваться того, чтобы, каково бы ни было дѣло, для котораго ихъ собрали, предприниматель освободилъ ихъ трудъ, насколько это отъ него зависитъ, отъ всякихъ нездоровыхъ условий, какихъ только возможно избѣгнуть. Я доказалъ также, что будучи практически не въ состояніи завоевать себѣ это право на здоровье, рабочіе не могутъ и получить какое-либо дѣйствительное содѣйствіе со стороны чиновъ санитарнаго управленія... жизнь десятковъ тысячъ рабочихъ и работницъ безъ всякой пользы коверкается теперь и сокращается вслѣдствіе безконечныхъ физическихъ страданій, которыя вызываются однимъ лишь профессиональнымъ ихъ трудомъ ²³⁵⁾». Для иллюстраціи вліянія помѣщеній мастерскихъ на здоровье рабочихъ, д-ръ Simon даетъ слѣдующую таблицу смертности:

Число лицъ всѣхъ возрастовъ, которыя заняты въ названныхъ отрасляхъ производства.	Различныя отрасли, производящія вліяніе на здоровье.	Цифра смертности на 100.000 чел., въ названныхъ отрасляхъ производства, по возрастамъ.		
		Отъ 25 до 35 лѣтъ.	Отъ 35 до 45 лѣтъ.	Отъ 45 до 55 л.
958.265	Земледѣліе въ Англіи и Уэльсѣ	743	805	1.145
22.301 мужчинъ, 12.379 женщинъ, 13.803	Лондонск. портные	958	1.262	2.093
	Лондонск. типограф. щики	894	1.747	2.367 ²³⁶⁾ .

²³⁴⁾ «Childr. Empl. Comm. V. Report. 1866», XVI, n. 96—97 и p. 130, n. 39—61. Ср. также ib. III. Rep. 1864, p. 48, 56.

²³⁵⁾ «Public Health», VI. Rep. Lond. 1864, p. 31.

²³⁶⁾ I. с. p. 30. Д-ръ Simon замѣчаетъ, что смертность среди лондонскихъ портныхъ и типографскихъ рабочихъ въ возрастѣ отъ 25 до 35 лѣтъ, въ дѣйствительности гораздо выше, такъ какъ ихъ предприниматели получаютъ значительное число молодыхъ людей до 30-ти-лѣтняго возраста изъ деревни въ качествѣ «учениковъ» и «improvers» (желающіе усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ). Эти послѣдніе фигурируютъ въ переписи какъ лондонцы и увеличиваютъ число душъ при численіи равнѣра лондонской смертности, не прибавляя соотвѣстнаго числа смертныхъ случаевъ. Значительная часть изъ нихъ возвращаются въ деревню, особенно когда ихъ постигаетъ серьезная болѣзнь.

д) Современное домашнее производство.

Я обращаюсь теперь къ такъ называемому домашнему производству. Чтобы получить представление объ этой сферѣ капиталистической эксплуатаціи, вырисовывающейся на заднемъ планѣ крупной промышленности, и объ ея ужасахъ, достаточно рассмотреть, напр., совѣмъ идиллическое повидному гвоздарное производство, которое ютится въ отдаленныхъ деревняхъ Англіи²³⁷⁾. Здѣсь мы удовольствуемся нѣсколькими примѣрами изъ такихъ отраслей, какъ производство кружевъ и плетеніе соломенныхъ надбѣлій, которыя или вовсе еще не употребляютъ машинъ, или конкурируютъ съ машиннымъ и мануфактурнымъ производствомъ.

Изъ 150.000 человекъ, занятыхъ въ кружевномъ производствѣ, 10.000 подчинены фабричному закону 1861 г. Огромное большинство остальныхъ 140.000 составляютъ женщины, подростки и дѣти обоего пола, между тѣмъ какъ мужской полъ здѣсь лишь слабо представленъ. Состояніе здоровья этого «дешевого» матеріала для эксплуатаціи видно изъ слѣдующаго сопоставленія д-ра Труетана, врача при главной лѣчебницѣ (General Dispensary) въ Ноттингамѣ. Изъ 686 пациентокъ, кружевницъ, большей частью въ возрастѣ отъ 17 до 24 лѣтъ, было чахоточныхъ:

Въ 1852 г. 1 на 45	въ 1855 г. 1 на 18	въ 1858 г. 1 на 15
» 1853 » 1 » 28	» 1856 » 1 » 15	» 1859 » 1 » 9
» 1854 » 1 » 17	» 1857 » 1 » 13	» 1860 » 1 » 8
		» 1861 » 1 » 8 ²³⁸⁾

Это прогрессивное возрастаніе процента чахоточныхъ должно, кажется, подѣйствовать и на наиболѣе оптимистическихъ прогрессистовъ и живыхъ *) нѣмецкихъ разносчиковъ фритредерской мудрости. Фабричный законъ 1861 года регулируетъ самое производство кружевъ, поскольку оно совершается при помощи машинъ, а это составляетъ общее правило въ Англіи. Отрасли, которыя мы здѣсь кратко рассматриваемъ, — и лишь въ отношеніи къ такъ называемымъ домашнимъ рабочимъ, а не къ рабочимъ, сосредоточеннымъ въ мануфактурахъ, магазинахъ и т. п., — распадутся на двѣ категоріи: 1) на finishing (т. е. окончательное обдѣлываніе кружевъ, производимыхъ машиннымъ способомъ — эта категорія въ свою очередь распадается на множество подраздѣленій), 2) вязаніе кружевъ.

Lace finishing производится на дому либо въ такъ называемыхъ «Mistresses Houses» (домохозяйекъ), либо въ частныхъ квартирахъ женщинъ, которыя работаютъ однѣ или со своими дѣтьми. Женщины, содержащія «Mistresses Houses», сами бѣдны. Мастерская составляетъ часть ихъ частной квартиры. Онѣ полу-

²³⁷⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о кованыхъ гвоздяхъ, приготовляемыхъ ручнымъ способомъ, а не о машинныхъ гвоздяхъ. См. «Childr. Empl. Comm. III, Reports», p. XI, p. XIX, n. 125—130, p. 58, n. 11, p. 114, n. 487, p. 137, n. 674.

²³⁸⁾ «Childr. Empl. Comm. II. Report», p. XXII, n. 166.

*) Въ оригиналѣ непереводаемое слово: *Iügenfachendsten*, заключающее въ себѣ намекъ на *Fäuscher'n*, одного изъ главнѣйшихъ нѣмецкихъ фритредеровъ 50-хъ и 60-хъ гг. *Прим. ред. русск. перев.*

чают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д., и занимают женщин, девушек и детей, в числе, зависящем от размеров их компании и от колебаний рыночного спроса. Число занятых работников колеблется между 20 и 40 в одних мастерских и между 10 и 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать, это—6 лет; но многие начинают еще раньше, до пяти лет. Обыкновенное рабочее время длится от 8 ч. утра до 8 ч. вечера, с перерывом в 1½ часа для пищи, которая принимается неправильно и часто в тех же самых вонючих дырах, где производится работа. Когда дѣла идут хорошо, работа часто продолжается с 8 ч. утра (иногда с 6) до 10, 11 и 12 ч. ночи. В английских казармах для всякого солдата полагается 500—600 куб. футов воздуха, в военных лазаретах—1.200. А в этих рабочих дырах приходится по 67—100 куб. ф. на человека. В то же время газовое освещение поглощает еще кислород воздуха. Чтобы держать кружева в чистоте, дети часто должны снимать башмаки даже зимою, хотя пол сделан из кирпича или плитняка. «В Ноттингаме нередко можно видеть 14—20 детей, набитых вѣсть в маленькой комнате, не больше, может быть, 12 футов в квадрате, занятых в течение 15 часов из суток работой, которая, будучи сама по себе изнурительна своей наводящей тоску монотонностью, исполняется при всевозможных вредных для здоровья условиях... Даже самые маленькія дети работают с напряженным вниманием и поразительной быстротой, не позволяя почти никогда своим пальцам отдохнуть или двигаться медленно. Когда к ним обращаются с вопросами, они не поднимают глазъ от работы, опасаясь потерять хотя бы минуту». «Длинная палка» служить в руках «хозяев» средством возбужденія к труду, тѣмъ болѣе необходимымъ, чѣмъ болѣе удлиняется рабочее время. «Дети мало-по-малу утомляются и становятся беспокойными, какъ птицы, къ концу ихъ долгой и однообразной работы, утомительной для глазъ и изнурительной вследствие однообразнаго положенія, въ которомъ находится тѣло. Это настоящій рабскій трудъ» (Their work is like slavery).²⁵⁹⁾ Гдѣ женщины работают со своими детьми на дому, въ современном смыслѣ этого слова, т. е. въ одной нанятой комнатѣ, часто на чердакѣ, тамъ встрѣчаются условія, если это только возможно, еще худшія. Этого рода работа раздается на домъ на пространствѣ 80 миль въ окрестностяхъ Ноттингама. Когда ребенокъ, работающій въ магазинѣ, оставляетъ его въ 9—10 час. вечера, то часто ему даютъ еще работу съ собою, которую онъ долженъ сдѣлать дома. Капиталистическій фарисей, устами одного изъ своихъ наемныхъ слугъ провозноситъ, разумеется, при этомъ традиціонную фразу: «Это для матери», хотя онъ очень хорошо знаетъ, что одному ребенку придется тоже сидѣть надъ работой, помогая матери²⁶⁰⁾.

Вязаніе кружевъ производится, главнымъ образомъ, въ двухъ английскихъ земледѣльческихъ округахъ, въ кружежномъ округѣ Noniton, на пространствѣ

²⁵⁹⁾ «Childr. Empl. Comm. II. Report 1864», p. XIX, XX, XXI.

²⁶⁰⁾ I. c. p. XX, XXVI.

20—30 миль по южному берегу Девоншира, со включеніем нѣкоторыхъ мѣстъ Сѣвернаго Девона (North-Devon), и въ другомъ районѣ, который обнимаетъ большую часть графствъ Букингама, Бадфорда, Нортгамптона и сосѣднія части Оксфордшира и Гуттингдоншира.

Коттаджи земледѣльческихъ поленщиковъ служатъ почти всегда и мастерскими. Многіе мануфактуристы занимаютъ болѣе 3.000 такихъ домашнихъ рабочихъ, преимущественно дѣтей и подростковъ, исключительно женскаго пола. Условія, описанныя при характеристикѣ lace finishing, повторяются и здѣсь. Только вмѣсто «Mistresses houses» здѣсь являются «lace schools» (школы вязанія кружевъ), содержащія бѣдными женщинами въ своихъ хижинахъ. Съ 4 лѣтъ, иногда и ранѣе, до 12 или 15 л. дѣти работаютъ въ этихъ школахъ. Въ теченіе перваго года младшія работаютъ отъ 4 до 8 часовъ въ день, а потомъ съ 6 час. утра до 8—10 вечера. «Комнаты, въ общемъ, представляютъ собою обыкновенныя жилища помѣщенія мелкихъ коттаджей; каминъ въ нихъ закрытъ, чтобы не было тяги воздуха; обитатели, часто и зимою, согрѣваются лишь собственной животной теплотой. Въ другихъ случаяхъ эти такъ называемыя школьныя комнаты походятъ на маленькія кладовыя безъ печки... Переполненность этихъ дыръ и происходящая отсюда порча воздуха часто доходятъ до крайней степени. Къ этому надо прибавить вредное вліяніе водосточныхъ, отхожихъ мѣстъ, гниющихъ веществъ и другихъ нечистотъ, обыкновенно обрѣтающихся у входа въ эти маленькіе коттаджи». Относительно помѣщеній сказано: «Въ одной школѣ вязанія кружевъ находятся 18 дѣвушекъ и хозяйка; воздуха имѣется по 35 куб. футовъ на человѣка. Въ другой, гдѣ невыносимая вонь, находится 18 чел. и по 24½ куб. ф. воздуха на человѣка. Въ этой промышленности занимаютъ работой и дѣтей въ возрастѣ 2—2½ лѣтъ»²⁶¹⁾.

Тамъ, гдѣ въ сельскихъ графствахъ Букингама и Бадфорда кончается вязанье кружевъ, начинается плетеніе соломенныхъ издѣлій. Оно распространяется на большую часть Гертфордшира и на западныя и сѣверныя части Эссекса. Въ 1861 г. плетеніемъ соломы и приготовленіемъ соломенныхъ шляпъ были заняты 40.043 человѣка, изъ которыхъ 3.815 чел. мужчинъ всякаго возраста, а остальные—женскаго пола, притомъ 14,913 моложе 20 лѣтъ, въ томъ числѣ 7.000 дѣтей. Мѣсто кружевныхъ школъ занимаютъ здѣсь «straw plait schools» (школы плетенія соломы). Дѣти начинаютъ здѣсь обучаться плетенію соломы съ 4-хъ лѣтъ, иногда даже между 3 и 4 годами. Воспитанія, разумеется, они не получаютъ никакого. Дѣти сами называютъ элементарныя школы «natural schools», (естественныя школы) въ отличіе отъ тѣхъ кровопийственныхъ заведеній, въ которыхъ ихъ просто держатъ для изготавленія задаваемого имъ ихъ изголодавшимися матерями урока, большей частью—30 ярдовъ въ день. Эти матери часто заставляютъ ихъ и потомъ еще дома работать до 10, 11, 12 час. ночи. Солома рѣжетъ имъ пальцы и губы, которыми они постоянно смачиваютъ ее. По общему мнѣнію всѣхъ оффиціальныхъ врачей Лондона, режущему х-ромъ Баллардомъ, 300 куб. ф. составляютъ минимальное про-

²⁶¹⁾ I. c. p. XXIX, XXX.

страшество на человека в спальню или рабочей комнаты. В школах же плетения соломы помещения еще меньше, чем в кружевных школах, а именно, на человека приходится $12\frac{2}{3}$, 17, $18\frac{1}{2}$ и до 22 куб. футов. «Наименьший из этих чисел, говорит комиссар White, представляют помещения вдвое меньше того, которое занимал бы ребенок, упакованный в коробку, объемом в три куб. фута». Такова жизнь, которой наслаждаются дети до 12 или 14 лет. Голодные и одинокие родители думают только о том, чтобы выколотить из детей возможно больше труда. Выросши, дети, естественно, не обращают на родителей никакого внимания и бросают их. «Нить ничего удивительного, если невежество и пороки изобилуют в народонаселении, таким образом воспитанном... Нравственность его стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеют незаконных детей, и многие рожают в таком незрелом еще возрасте, что сами знатоки уголовной статистики приходят в недоумение» ²⁶²). И родной этих образцовых семей является Англия, эта образцовая христианская страна Европы, как называется ее бесомнительно компетентный в подобных вопросах граф Монталамбер!

Заработная плата, жалкая вообще в этих отраслях промышленности (максимальная, встречающаяся в виде исключения плата детей, занятых плетением соломы, составляет 3 шилл.), низводится еще значительно ниже своей номинальной величины вследствие преобладания в кружевном производстве trucksystem (плата товарам) ²⁶³).

е) Переход от современной мануфактуры и домашнего производства к крупной индустрии. Ускорение этой революции применением фабричных законов к этим способам производства.

Удешевление рабочей силы посредством простого злоупотребления женским и детским трудом, простого несоблюдения всех нормальных условий жизни и труда и посредством грубой эксплуатации сверхурочного и ночного труда, наталкивается, наконец, на известные естественные границы, которых нельзя перейти; на них же наталкивается основанное на таком хищничестве удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Как только этот предельный пункт, наконец, достигнут,—а это продолжается долго,—бысть час введения машин и быстрого превращения современного домашнего производства (а также мануфактуры) в фабричное производство.

Самый болючий пример этого движения представляет производство «Waring Apparel» (принадлежности одежды). По классификации «Childr. Empl. Comm.» эта отрасль промышленности охватывает собою приготовление соломенных и дамских шляп, кашюмонов, рубашек, портняжный промысел, milliners и dressmakers ²⁶⁴), швей, корсетниц, перчаточников, сапожников и много

²⁶¹) I. c. p. XL, XLI.

²⁶²) «Child. Empl. Comm. I. Rep. 1863», p. 185.

²⁶⁴) Millinery—собственно означает производство головных уборов, однако сюда относятся и те работницы, которые готовят дамские пальто и манты; dressmakers же вполне тождественны с нашими модистками (Putzmacherinnen).

мелких отраслей, какъ приготовленіе галстукѣвъ, воротничковъ и т. п. Женскій персоналъ, занятый въ этихъ отрасляхъ, въ Англіи и Уэльсѣ, составлялъ въ 1861 г., 586.298 чел., изъ которыхъ, по меньшей мѣрѣ, 115.242 были моложе 20 л., 16.650 моложе 15. Число этихъ работницъ во всемъ Соед. Королевствѣ въ 1861 г. равнялось 750,334. Число занятыхъ въ шляпномъ, сапожномъ, перчаточномъ и портняжномъ производствѣ мужчинъ въ Англіи и Уэльсѣ за то же время было 437.969, изъ которыхъ 14.964 были моложе 15 л., 89.285 отъ 15 до 20 л., 333.117 старше 20 л. Въ это число не входятъ многія относящіяся сюда мелкія отрасли. Возьмемъ однако только эти извѣстныя намъ цифры, и мы найдемъ для одной Англіи съ Уэльсомъ, по переписи 1861 г., сумму въ 1.024.277 лицъ, т. е. почти столько же, сколько поглощаетъ земледѣліе и скотоводство. Такимъ образомъ мы начинаемъ понимать, для чего машины точно волшебствомъ производятъ такую огромную массу продуктовъ и содѣйствуютъ «освобожденію» такихъ огромныхъ массъ рабочихъ.

Производствомъ принадлежностей одежды занимаются во 1 хъ мануфактуры, строй которыхъ лишь воспроизводитъ то раздѣленіе труда, *tembra disiecta* котораго онъ нашёлъ уже готовыми; потомъ — мелкіе ремесленники-хозяева, которые однако уже не работаютъ для индивидуальныхъ потребителей, какъ прежде, но для мануфактуръ и магазиновъ, такъ что часто цѣлыя города и округа занимаются исключительно такими отраслями, какъ производство сапогъ и т. п.: наконецъ, этимъ же производствомъ занимаются такъ называемые домашніе рабочіе, которые образуютъ внѣшнія отдѣленія мануфактуръ, магазиновъ и даже мелкихъ мастерскихъ ⁷⁸⁸. Сырой матеріалъ, полуфабрикаты и т. п. доставляетъ крупная промышленность, массу же дешеваго человеческого матеріала (*tailable à merci et miséricorde*) состоитъ изъ «освобожденныхъ» крупной промышленностью и крупнымъ земледѣліемъ. Этого рода мануфактуры обязаны своими происхожденіемъ потребности капиталиста лѣпить постоянно подъ руками мобилизованную армію, соответствующую всѣмъ возможнымъ колебаніямъ рыночнаго спроса ⁷⁸⁹. Эти мануфактуры допускали, однако, существованіе рядомъ съ собою разсѣянаго ремесленнаго и домашняго производства, которое и составляло ихъ основаніе. Огромное производство прибавочной цѣпности, рядомъ съ прогрессивнымъ удешевленіемъ продуктовъ, происходило и происходитъ и въ этихъ отрасляхъ труда, главнымъ образомъ, отъ минимальнаго размѣра рабочей платы, едва достаточной для жалкаго прозябанія и сопровождаемой возможнымъ для человѣка максимумомъ рабочаго времени. Именно дешевиана человеческого пота и крови, превращенныхъ въ товары, расширила и продолжаетъ расширять сбытъ, а для Англіи въ частности — колониальный рынокъ,

⁷⁸⁸ Англійское *millinery* и *dressmaking* производится большей частью въ помѣщеніяхъ предпринимателей, либо живущихъ на мѣстахъ постоянными работницами, либо пришлыми поденщицами.

⁷⁸⁹ Коммиссаръ White посѣтилъ одну мануфактуру военнаго платья, въ которой работало отъ 1.000 до 1.200 чел. почти исключительно женскаго пола; одну сапожную мануфактуру съ 1.300 чел., изъ которыхъ почти половина состояла изъ дѣтей и подростковъ и т. д. (*Child. Empl. Comm. II. Rep.*, p. XVII, n. 319).

гдѣ къ тому же господствуютъ англійскіе привычки и вкусы. Наконецъ, наступилъ поворотный моментъ, когда основаніе старой методы, т. е. простая и жестокая эксплуатация рабочаго матеріала, сопровождаемая болѣе или менѣе систематически развитымъ раздѣленіемъ труда, оказалась уже недостаточнымъ для возрастающаго рынка и еще быстрѣе возрастающей конкуренціи капиталистовъ. Чась пришествія машины пробилъ. И революціонной машиной, которая сразу рѣшаетъ вопросъ и равномерно охватываетъ всѣ безчисленныя отрасли этой сферы производства, изготовленіе шляпъ, портняжный, сапожный, швейный и т. п. промыслы, оказалась—швейная машина.

Ея непосредственное вліяніе на рабочихъ приблизительно совпадаетъ съ тѣмъ, какое оказываетъ всякая машина, заставляющая въ періодъ крупной промышленности новыми отраслями производства. Слишкомъ везрѣзныя дѣти устраняются; плата рабочимъ при машинахъ увеличивается сравнительно съ платой домашнихъ рабочихъ, многіе изъ которыхъ принадлежатъ къ «бѣднѣйшимъ между бѣдныхъ» («the poorest of the poor»). Заработокъ лучше поставленныхъ ремесленниковъ, съ которыми машина вступаетъ въ конкуренцію, понижается. Рабочими при новыхъ машинахъ служатъ исключительно дѣвушки и молодыя жевальцы. При помощи механической силы онѣ уничтожаютъ монополию мужского труда въ болѣе тяжелыхъ работахъ и изгоняютъ изъ болѣе легкихъ старухъ и маленькихъ дѣтей. Побѣдоносная конкуренція изгоняетъ наиболѣе слабыхъ ремесленниковъ. Ужасающее участіе случаевъ голодной смерти (death from starvation) за послѣднее десятилѣтіе происходитъ въ Лондонѣ параллельно съ расширеніемъ машиннаго шитья²⁶⁷⁾. Новые работницы на швейной машинѣ которую онѣ приводятъ въ движеніе руками и ногами или только руками, сидятъ или стоя, смотря по тяжести, величинѣ и спеціальности машины, эти работницы расходуютъ огромную рабочую силу. Занятіе это становится вреднымъ для здоровья вслѣдствіе продолжительности работы, хотя она обыкновенно бываетъ короче, чѣмъ при старой системѣ. Вездѣ, гдѣ швейная машина проникаетъ въ безъ того тѣсныя и переполненные мастерскія, сапожныя, корсетныя, шляпныя и т. п., вредныя для здоровья вліянія тѣсноты еще увеличиваются. «Впечатлѣніе, говоритъ комиссаръ Лордъ, которое получается при входѣ въ низкую комнату, гдѣ работаютъ на машинахъ вмѣстѣ 30—40 человекъ, невыносимо... Жара, частью исходящая отъ газовой печки для нагрѣванія утюговъ, ужасна... Когда въ такихъ мастерскихъ существуетъ даже такъ-называемое умѣренное рабочее время, т. е. работаютъ съ 8-ми ч. утра до 6-ти вечера, всетаки каждый день аккучатно падаютъ въ обморокъ 3—4 человека²⁶⁸⁾.

Переворотъ въ общественномъ способѣ производства, это необходимое по-

²⁶⁷⁾ Вотъ примѣръ. 26 февраля 1864 г. еженедѣльный отчетъ о смертности Registrar General (генеральнаго регистратора) отиѣтилъ 5 случаевъ голодной смерти. Въ тотъ же самый день «Times» сообщилъ о новомъ случаѣ голодной смерти. Шесть жертвъ голодной смерти за одну недѣлю!

²⁶⁸⁾ «Child. Empl. Comm., II. Rep. 1864, p. LXVII, n. 406—9, p. 84, n. 124, p. LXXIII, n. 441, p. 66, n. 6, p. 84, n. 126, p. 78, n. 83, p. 76, n. 69, p. LXXII, n. 433.

слѣдствіе преобразованія орудій производства, совершается при посредствѣ цѣлаго ряда переходныхъ формъ. Эти послѣднія мѣняются сообразно размѣрамъ, въ которыхъ швейная машина захватываетъ ту или другую отрасль промышленности, и сообразно времени, какое она для этого употребляетъ, а также сообразно съ тѣмъ положеніемъ рабочихъ, которое существовало при ея появленіи, съ преобладаніемъ мануфактурнаго, ремесленнаго или домашняго производства, съ наемными цѣнами на мастерскія ²⁶⁹⁾ и т. д. Въ производствѣ дамскихъ нарядовъ, напр., гдѣ трудъ большей частью уже раньше былъ организованъ, преимущественно въ формѣ простой кооперациі, швейная машина сначала образуетъ лишь новый факторъ мануфактурнаго производства. Въ портняжномъ, сапожномъ, рубашечномъ и т. п. промыслахъ перекрещиваются всѣ формы. Здѣсь—постоящее фабричное производство. Тамъ—посредники получаютъ сырой матеріалъ отъ капиталиста en chef и группируютъ въ «каморкахъ» или на «чердакахъ» 10—50 и больше наемныхъ рабочихъ, занятыхъ на швейной машинѣ. Наконецъ, какъ это вообще случается, когда машина не составляетъ звѣна цѣлой расчлененной системы и можетъ быть примѣняема и будучи маленькой по своимъ размѣрамъ, ремесленники или домашніе рабочіе, при помощи собственной семьи или немногихъ наемныхъ рабочихъ, пользуются принадлежащими имъ самыми швейными машинами ²⁷⁰⁾. Въ Англіи фактически теперь преобладаетъ такая система: капиталистъ концентрируетъ въ своихъ помѣщеніяхъ большое число машинъ, а для окончательной обработки, раздаетъ машинный продуктъ цѣлой арміи рабочихъ, занятыхъ у себя на дому ²⁷¹⁾.

Пестрота переходныхъ формъ не скрадываетъ, однако, тенденціи къ превращенію въ настоящее фабричное производство. Тенденція эта питается и поддерживается самымъ характеромъ швейной машины, разнообразная примѣняемость которой толкаетъ къ соединенію въ одномъ помѣщеніи и подъ командой одного капиталиста отраслей производства, бывшихъ прежде раздѣльными; этому же содѣйствуетъ и то обстоятельство, что нѣкоторыя предварительныя операціи плетъ—наматываніе и т. п., удобнѣе проводить тамъ, гдѣ находится машина; наконецъ, къ тому же приводитъ неизбежная экспроприація ремесленниковъ и домашнихъ работниковъ, работающихъ на собственныхъ машинахъ. Эта судьба отчасти уже постигла ихъ. Постоянно возрастающая масса вложеннаго въ швейныя машины капитала ²⁷²⁾ подстрекаетъ къ расширенію производства и вызываетъ застой въ сбытѣ, которые служатъ сигналомъ для продажи машинъ домашними рабочими. Перепроизводство самихъ машинъ застав-

²⁶⁹⁾ «Наемная плата за мастерскія играетъ важную роль. Такъ какъ въ Лондонѣ она очень высока, то именно тамъ старая система раздачи работы мелкими предпринимателямъ и отдѣльнымъ семействомъ дольше всего держалась и раньше всего къ ней вернулись вновь» (I. с. р. 83, п. 123.. Последнее замѣчаніе этой цитаты относится исключительно къ сапожному дѣлу.

²⁷⁰⁾ Это не встрѣчается въ перчаточномъ производствѣ и т. п., гдѣ положеніе рабочихъ едва отличается отъ положенія пауперовъ.

²⁷¹⁾ I. с. р. 2, п. 122.

²⁷²⁾ Въ одномъ лестерскомъ сапожномъ предпріятіи, работающемъ октисовый товаръ, уже въ 1864 г. примѣнилось 800 швейныхъ машинъ.

лаетъ вуждающихся въ сбытъ производителей отдавать ихъ понедѣльно на прокатъ, чѣмъ создается убійственная для мелкихъ собственниковъ машинъ конкуренція ²⁷³⁾. Все еще продолжающіяся перемѣны въ конструкціи машинъ и удешевленіе ихъ также постоянно обезцѣниваетъ старые экземпляры и дѣлаетъ употребленіе ихъ выгоднымъ лишь въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, покупающихъ ихъ массами по низкимъ, дешевымъ цѣнамъ. Наконецъ, замѣненіе челоѣка паровой машиной наноситъ и здѣсь, какъ при всѣхъ подобныхъ персворотахъ, послѣдній ударъ. Примѣненіе паровой силы спачала наталкивается здѣсь на чисто техническія препятствія—качаніе машинъ, трудность управлять быстротой ея движенія, быстрая порча болѣе легкихъ машинъ и т. п., но все это такія препятствія, которыя опытъ скоро научаетъ устранять ²⁷⁴⁾. Если, съ одной стороны, концентрація многихъ машинъ въ крупныхъ мануфактурахъ приводитъ къ примѣненію паровой силы, то, съ другой—конкуренція пара съ челоѣческими мускулами ускоряетъ концентрацію рабочихъ и исполнительныхъ механизмовъ на большихъ фабрикахъ. Такъ Англія, въ колоссальной сферѣ производства принадлежностей одежды («weaving apparel»), какъ и въ большей части другихъ производствъ, переживаетъ теперь періодъ перехода мануфактурнаго, ремесленного и домашняго производства въ фабричное, послѣ того, какъ всѣ дофабричныя формы совершенно переродились, разлѣжились и всказались подъ вліяніемъ крупной промышленности, и потому уже давно развили въ своихъ пѣдрахъ и даже довели до крайностей всѣ чудовищности машинной системы, не усвоивъ себѣ положительныхъ элементовъ, элементовъ ея прогрессивнаго развитія ²⁷⁵⁾.

Эта стихійно совершающаяся промышленная революція искусственно ускоряется распространеніемъ фабричныхъ законовъ на всѣ отрасли производства, гдѣ работаютъ женщины, подростки и дѣти. Принудительное опредѣленіе продолжительности рабочаго дня, начала и конца работъ и отдыха, система смѣны для дѣтей, запрещеніе работы дѣтей моложе извѣстнаго возраста и т. п.—все это вынуждаетъ съ одной стороны, расширеніе примѣненія машинъ ²⁷⁶⁾ и за-

²⁷³⁾ I. с. 84, п. 124.

²⁷⁴⁾ Такъ обстоило дѣло въ военно-обмундировочномъ депо въ Лондонѣ, на рубашечной фабрикѣ Tillie and Henderson въ Лондондерри, на фабрикѣ платьевъ фирмы Tait въ Лимерикѣ, занимающей 1.200 «рукъ».

²⁷⁵⁾ «Тенденція къ фабричному производству» (I. с. р. LXVII). «Эта отрасль промышленности находится теперь вся въ переходномъ состояніи и претерпѣваетъ тѣ же самыя измѣненія, которыя происходили въ производствѣ кружевъ, ткацествъ и др.» (I. с. п. 405). «Полная революція» (I. с. р. XLVI, п. 318). Во время «Childr. Empl. Comm.» 1840 г. производство чулокъ было еще ручнымъ трудомъ. Послѣ 1846 г. въ этомъ производствѣ были введены различныя машины, которыя теперь приводятся въ движеніе паромъ. Общее число занятыхъ въ чулочнo-вязальномъ производствѣ лицъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ, начиная съ трехлѣтняго, было въ 1863 г. около 129.000. Изъ этого числа, по Parliamentary Return отъ 11 февраля 1862 г., только 4.063 были подчинены фабричному закону.

²⁷⁶⁾ Такъ, напр., относительно гончарнаго дѣла фирма Cochrane «Britain Pottery, Glasgow» сообщаетъ: «Чтобы получать прежнее количество продукта, мы прибѣгаемъ къ усиленному употребленію машинъ, при которыхъ состоятъ необу-

мѣну мускуловъ, въ качествѣ двигательной силы, паромъ ^{***}), а съ другой — съ цѣлью выиграть на помѣщеніи то, что теряется во времени — производить расширеніе совмѣстнаго пользованія средствами производства, печами, строениями и т. п., т. е., словомъ, концентрація средствъ производства и соответственное сосредоточеніе (конгломерация) рабочихъ. Главная жалоба, страстно повторяемая предпринимателями каждой мануфактурной отрасли, когда ей угрожаетъ примѣненіе фабричныхъ законовъ, въ сущности сводится къ тому, что въ такомъ случаѣ необходимо будетъ затрачивать большій капиталъ для поддержанія дѣла въ прежнихъ размѣрахъ. Что же касается до промежуточныхъ формъ между мануфактурой и домашнимъ производствомъ и этого послѣдняго, то почва уходитъ у нихъ изъ подъ ногъ съ ограниченіемъ рабочаго дня и дѣтскаго труда. Безграницная эксплуатація дешевой рабочей силы составляетъ единственную основу, на которую опирается ихъ способность къ конкуренціи.

Существенное условіе фабричнаго производства, особенно подчиненнаго закону о максимальномъ рабочемъ днѣ, есть нормальная обезпеченность опредѣленнаго результата, т. е. производство извѣстнаго количества товара или полученіе желательнаго полезнаго эффекта въ данный промежутокъ времени. Закономъ установленные промежутки ограниченаго рабочаго дня предполагаютъ далѣе возможность внезапныхъ и періодическихъ пріостановокъ въ работѣ безъ ущерба для находящагося въ процессѣ производства продукта. Эта обезпеченность результата и возможность перерывовъ, разумеется, легче достижимы въ механическихъ производствахъ, чѣмъ тамъ, гдѣ играютъ роль химическіе и физическіе процессы, какъ, напр., въ гончарномъ, бѣлизномъ, красильномъ, пекарномъ дѣлѣ и въ большинствѣ металлургическихъ мануфактуръ. При привычкѣ къ халатному пользованію неограниченнымъ рабочимъ днемъ и ночнымъ трудомъ и къ безграницному расточенію человеческой жизни, на всякое стихійное препятствіе смотрятъ, какъ на вѣчный «естественный предѣлъ» производства, его же не преѣдешь. Но врядъ ли какой нибудь ядъ столь вѣрно убиваетъ наѣкомыхъ, какъ фабричный законъ такого рода «вѣчные предѣлы». Никто громче не кричалъ о «невозможностяхъ», чѣмъ господа гончарные фабриканты. Въ 1864 г. имъ былъ навязанъ фабричный законъ, а черезъ 16 мѣсяцевъ исчезли уже всѣ невозможности. Вызванные фабричнымъ закономъ усовершенствованные способы приготовленія гончарной массы путемъ давленія вмѣсто испаренія, новой конструкции печи для сушки необожженныхъ предметовъ и т. п. представляютъ собою событія чрезвычайной важности въ гончарномъ искусствѣ и обозначаютъ столь важный прогрессъ, каковаго не знало все предшествующее столѣтіе... Температура печей была значительно понижена при значительномъ же уменьшеніи

ченные рабочіе, и каждый день убѣждаетъ насъ, что мы при этомъ можемъ производить гораздо больше, чѣмъ при старой системѣ. («Reports of Insp. of Fact-31 Oct. 1865, p. 13»). «Фабричный законъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ дальнѣйшее введеніе машинъ» (I. с. p. 13, 14).

***) Такъ, напр., послѣ введенія фабричнаго закона въ гончарномъ дѣлѣ, ручное вращеніе (handmowed jiggers) было большей частью замѣнено механическимъ (power jiggers).

расходовъ на топливо и болѣе быстрою дѣйствию на продуктъ»²⁷⁸). Вопреки всякимъ пророчествамъ, поднялись не издержки производства или стоимость глиняныхъ пахѣлій, а масса продукта, такъ что годовой вывозъ, съ декабря 1864 г. до декабря 1865 г., далъ излишекъ цѣности въ 138.628 ф. ст. противъ средняго вывоза предшествовавшихъ трехъ лѣтъ. Въ фабрикаціи спичекъ считалось закономъ природы, что подростки, даже проглатывая пилу, должны окушать спичечныя палочки въ теплый фосфорный составъ, ядовитые пары котораго ударяли имъ прямо въ носъ. Выпуждая экономизировать время, фабричный законъ (1864) вызвалъ изобрѣтеніе «dipping machine» (машинка для погруженія дерева въ фосфоръ), пары изъ которой не могутъ доходить до рабочаго²⁷⁹). Такъ и теперь относительно неподчиненной еще фабричному закону кружевной мануфактуры утверждаютъ, что время для принятія пищи не можетъ быть регулярно въ виду неодинаковости промежутка, необходимаго на просушку различныхъ матеріаловъ для кружевъ и колеблющагося отъ трехъ минутъ до одного часа. На это коммиссары «Children's Employment Comm.» отвѣчаютъ: «Условія здѣсь совершенно такія же, какъ въ фабрикаціи обоихъ. Нѣкоторые изъ главныхъ фабрикантовъ усердно увѣрали, что природа употребляемыхъ матеріаловъ и разпородность процессовъ, которые они проходятъ, не позволяютъ, безъ большихъ потерь, никакихъ внезапныхъ остановокъ работы для принятія пищи... Въ силу 6-го пункта 6-го отдѣла Factory Act's Extension Act (1864) имъ была дана 18-ти мѣсячная отсрочка въ примѣненіи закона, по истеченіи которой они должны будутъ ввести предписываемыя фабричнымъ закономъ паузы»²⁸⁰). Какъ только законъ получилъ парламентскую санкцію, гг. фабриканты немедленно открыли, что «неудобства, которыхъ мы ожидали отъ введенія закона, не послѣдовали. Мы не видимъ никакого вреднаго вліянія на производство. Въ дѣйствительности мы производимъ за то же самое время больше»²⁸¹). Итакъ, англійскій парламентъ, который никакъ не тожеть быть заподозрѣнъ въ гениальности, пришелъ путемъ опыта къ тому заключенію, что принудительный законъ можетъ просто декретировать исчезновеніе всякихъ такъ называемыхъ естественныхъ препятствій, представляемыхъ производствомъ ограниченію и регулированію рабочаго дня. Поэтому, при введеніи въ какойнибудь отрасли производства фабричнаго закона дается срокъ, отъ 6 до 18 мѣсяцевъ, въ теченіе котораго фабрикантъ, какъ тамъ себѣ знаетъ, долженъ устранить всякія техническія препятствія. Слова Мирабо: «Impossible? Ne me dites jamais ce bête de mot!»—примѣнимы именно къ современной технологіи. Но ускоряя развитіе матеріальныхъ элементовъ, необходимыхъ для превращенія мануфактурнаго производства въ фа-

²⁷⁸) «Rep. Insp. Fact. 31 Oct. 1865», p. 96 и 127.

²⁷⁹) Введеніе этой и другихъ машинъ въ фабрикаціи спичекъ повело къ тому, что въ одномъ отдѣленіи спичечной фабрики 230 молодыхъ людей были замѣнены 32-мя подростками и дѣвушками. Эта экономія въ числѣ рабочихъ была въ 1865 г. проведена еще дальше, благодаря примѣненію паровой силы.

²⁸⁰) «Childr. Empl. Comm. II. Rep. 1864», p. IX, n. 60.

²⁸¹) «Reports of Insp. of Fact. 31 oct. 1865», p. 22.

бричное, фабричные законы ускоряют вместе съ тѣмъ гибель мелкихъ мастеровъ и концентрацію капитала, такъ какъ дѣлаютъ необходимыми большія затраты его ²⁰²).

Новымъ чисто техническимъ и техническимъ путемъ устранимыхъ препятствій, регулированіе рабочаго дня наталкивается на неправильныя привычки самихъ рабочихъ, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ система задѣльной поштучной платы, и потеря одной части дня или недѣля можетъ быть возмѣщена дополнительной или ночной работой, — метода, доводящій взрослага рабочаго до извѣренія и совершенно подтачивающій силы его незрѣлыхъ и жепскихъ товарищей ²⁰³). Хотя эта беспорядочность въ расходованіи рабочей силы представляетъ собою стихійно-грубую реакцію противъ скуки монотонной работы, однако въ несравненно большой степени она является результатомъ анархіи самаго производства, которал, въ свою очередь, опять таки предполагаетъ необузданную аксиуатацию рабочей силы капиталомъ. Рядомъ со всеобщими періодическими превратностями промышленныхъ цикловъ и особыми рыночными колебаніями въ каждой отрасли промышленности являются еще такъ называемыя сезонныя колебанія, вытекающія либо изъ періодичности удобныхъ для судоходства временъ года, либо изъ моды, либо изъ внезапности большихъ и подлежащихъ въ самое короткое время выполненію заказовъ. Эти внезапные заказы распространяются вместе съ желѣзными дорогами и телеграфомъ. Расширеніе желѣзнодорожной сѣти по всей странѣ, — говорить, напр., одинъ лондонскій фабрикантъ, — очень усилило обычай краткосрочныхъ заказовъ. Оптовые торговцы Глазго, Манчестера и Эдинбурга обращаются теперь каждыя 14 дней въ крупныя оптовые склады Сити, которымъ мы доставляемъ товары. Вѣсто того, чтобы прямо покупать въ складахъ, какъ это было раньше, они дѣлаютъ заказы (даютъ ордера), которые должны быть немедленно выполнены. Въ прежніе годы мы всегда могли во время тихаго спроса приготовить товаръ для ближайшаго сезона, но теперь никто не можетъ предвидѣть, какъ будетъ дѣйствительный спросъ ²⁰⁴).

На фабрикахъ и мануфактурахъ, не подчиненныхъ еще фабричному закону,

²⁰²) «Необходимыя улучшенія... не могутъ быть произведены во многихъ старыхъ мануфактурахъ безъ ватраты капитала, превышающаго средства многихъ выѣшнихъ владѣльцевъ... Временная дезорганизация обязательно сопутствуетъ введенію фабричнаго производства. Размѣры этой дезорганизации прямо пропорціональны размѣрамъ тѣхъ неустойчивъ, которыя подлежатъ устраненію фабричнымъ закономъ» (I. с. p. 96, 97).

²⁰³) Въ доменныхъ печахъ, напр. «къ концу недѣли рабочій день вездѣ сильно удлинняется, извѣдствіе обычая праздновать понедѣльникъ, а также часть или весь вторникъ» («Childr. Empl. Comm. III. Rep.» p. VI). «Мелкіе хозяева работаютъ вообще очень перегруженно. Они теряютъ 2—3 дня, а потомъ работаютъ всю ночь, чтобы наверстать потерянное... Они всегда записываютъ своихъ собственныхъ дѣтей, если имѣютъ таковыхъ» (I. с. p. VII). «Они неаккуратно начинаютъ работу въ расчетъ на возможность наверстать потерянное, работая больше времени» (I. с. p. XVIII). «Въ Бирмингемѣ теряется масса времени... одинъ день вовсе не работаютъ, другой — чрезъ пень колоду» (I. с. p. XI).

²⁰⁴) «Childr. Empl. Comm. IV. Rep.», p. XXXII, XXXIII.

периодически, въ теченіе такъ называемыхъ сезонныхъ, и неправильно—въслѣдствіе заказовъ, являющихся толчками, господствуетъ повсѣдневъ ужасная снѣхурочная работа. Во вѣшнихъ отдѣленіяхъ фабрики, мануфактуры и магазины, въ сферѣ домашняго производства, и безъ того совершенно нерегулярнаго в относително сырого матеріала и заказовъ находящагося въ полной зависимости отъ капризовъ капиталиста, который тутъ не связанъ никакими соображеніями насчетъ эксплуатации строеній, машинъ и т. п. и абсолютно ничѣмъ кромѣ шкуры самихъ рабочихъ не рискуетъ, — въ этой сферѣ систематически и постоянно вырабатывается готовая къ услугамъ резервная промышленная армія, которая въ теченіе одной части года губится самымъ безобразнымъ каторжнымъ трудомъ, а въ теченіе другой—лишается челоѣческаго образа въслѣдствіе безработицы. «Предприниматели —говорятъ «Childr. Empl. Comm.»—эксплуатируютъ обычную нерегулярность домашняго труда, чтобы доводить его, въ моменты экстренныхъ заказовъ, до 11, 12, 2 часовъ ночи, втрѣе—до какого угодно часа, какъ гласитъ ходячая фраза, и это въ помѣщеніяхъ, «гдѣ вонь способна свалить васъ съ ногъ (the stench is enough to knock you down). Вы кое какъ доходите до двери и открываете ее, но вы содрогаетесь и не можете идти дальше»²⁸⁵⁾. «Наши предприниматели большіе чудаки,—сказалъ одинъ изъ выслушанныхъ свидѣтелей, сапожникъ,—они думаютъ, что мальчику нисколько не вредитъ, если онъ въ теченіе полугода работаетъ до изнеможенія, а въ теченіе другой половинны почти вынужденъ шлаться безъ дѣла»²⁸⁶⁾.

Подобно техническимъ препятствіямъ, и эти такъ называемые «промысловые обычаи» («usages which have grown with the growth of trade») провозглашались и провозглашаются заинтересованными капиталистами «естественными предѣлами» производства. Такомъ былъ излюбленный вопль хлопчатобумажныхъ лордовъ въ то время, когда нѣ въпервыѣ сталъ угрожать фабричный законъ. Хотя ихъ отрасль промышленности больше всякой другой находится въ зависимости отъ міроваго рынка и, поэтому, отъ судоходства, однако опытъ совершенно опровергъ ихъ. Съ тѣхъ поръ всякая ссылка на «торговныя препятствія» разсматривается англійскими фабричными инспекторами какъ пустой предлогъ²⁸⁷⁾. Основательныя и добросовѣстные изслѣдованія «Childr. Empl. Comm.» доказываютъ фактически, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства урегулированіе рабочаго дня только равномернѣе распредѣлитъ на весь годъ массу уже употребляющагося труда²⁸⁸⁾; что оно есть первая раціональная

²⁸⁵⁾ «Childr. Empl. Comm. IV. Rep.», p. XXXV, n. 235 и 237.

²⁸⁶⁾ l. c. p. 127, n. 56.

²⁸⁷⁾ «Что касается до убытковъ, которые они терпятъ въслѣдствіе несвоевременнаго исполненія ихъ заказовъ, то я припоминаю, что это было излюбленнымъ аргументомъ фабрикантовъ въ 1832 и 1833 гг. Все, что теперь можно сказать въ пользу этого аргумента, не имѣетъ той силы, которую оно имѣло тогда, когда паровое судоходство еще не уменьшило на половину всякія разстоянія и не установило новыхъ условій транспорта. Если этотъ аргументъ и тогда не выдерживалъ критики, то теперь онъ и подавно его не выдерживаетъ» («Reports of Insp. of Fact. 31 st. Oct. 1862» p. 54, 55).

²⁸⁸⁾ «Childr. Empl. Comm. IV Rep.», XVIII, n. 118.

узда для челоѣкоубійственныхъ, безодержательныхъ и не соответствующихъ существу крупной промышленности капризовъ моды ²⁸⁹⁾; что развитіе океаническаго судоходства и другихъ средствъ сообщенія вообще устранило собственно техническое основаніе сезонной работы ²⁹⁰⁾ и что, наконецъ, всѣ другія условія, которыхъ будто бы нельзя контролировать, устриваются болѣе обширными помѣщеніями, прибавочными машинными, увеличеніемъ числа одновременно занятыхъ рабочихъ ²⁹¹⁾ и обратными излініемъ, которое всѣ эти явленія оказываютъ на систему крупной торговли ²⁹²⁾. Однако капиталъ, какъ онъ всюдократно заявлялъ устами своихъ представителей, идетъ на такія перемены «лишь подъ давленіемъ всеобщаго парламентскаго акта» ²⁹³⁾, который принудительной силой закона регулируетъ рабочій день.

9. Фабричное законодательство (санитарныя мѣры и правила о воспитаніи). Всеобщее распространеніе его въ Англіи.

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздѣйствіе общества на стихійно развившійся строй его производственнаго процесса, есть, какъ мы видѣли, столь же естественный продуктъ крупной про-

²⁸⁹⁾ Еще въ 1699 г. John Bellott замѣтилъ, что «колебанія моды увеличиваютъ число бѣдняковъ. Они производятъ огромное двойное зло: 1) рабочіе страдаютъ явной отъ отсутствія работы, такъ какъ торговцы и хозяева ткацкихъ мастерскихъ не рѣшаются тратить свои капиталы, чтобы доставлять работу своимъ людямъ, до наступленія весны, когда они узнаютъ, какая будетъ мода; 2) весной постоянныхъ рабочихъ не хватаетъ, и хозяева вынуждены прибѣгать къ посторонней помощи, чтобы быть въ состояніи удовлетворить всю торговлю королевства въ теченіе четверти или половины года. Результатомъ этого бываетъ то, что лѣтомъ деревни лишены земледѣльцевъ, другія ремесла—рабочихъ рукъ, а явкою города большей частью переполнены нищими; не желающіе же нищенствовать умираютъ съ голоду». («Essays about the Poor, Manufactures etc», p. 19).

²⁹⁰⁾ «Childr. Empl. Comm. V. Rep.», p. 171. n. 31.

²⁹¹⁾ Такъ, напр., нѣкоторые экспортные торговцы Брэдфорда свидѣтельствуютъ: «Ясно, что при этихъ условіяхъ совершенно излишне заставлять дѣтей работать въ магазинахъ дольше, чѣмъ съ 8 час. утра до 7 или 7½ ч. вечера. Это только вопросъ нѣкотораго добавочнаго расхода и добавочнаго числа рабочихъ рукъ. [Дѣти вовсе не должны были бы работать такъ поздно по ночамъ, если бы нѣкоторые хозяева не были скредны; лишняя машина стоить всего 16 или 18 ф. ст.].. Всѣ затрудненія происходятъ отъ недостатка приспособленій и помѣщеній». (I. c. p. 171, n. 31, 36 и 38).

²⁹²⁾ Одинъ лондонскій фабрикантъ, который вообще считаетъ регулированіе рабочаго дня средствомъ для защиты не только рабочихъ противъ фабрикантовъ, но и самихъ фабрикантовъ противъ крупныхъ торговцевъ, говоритъ слѣдующее: «Насъ стѣсняютъ экспортеры, которые, напр., желаютъ отправить товаръ на парусномъ суднѣ, и въ то же время привезти его на мѣсто къ извѣстному сроку, т. е. положить въ свой карманъ разницу между фрахтами на парусномъ суднѣ и на паровомъ; или пъ двухъ пароходовъ выбираютъ тотъ, который раньше уходитъ, для того, чтобы прійти на иностранный рынокъ раньше другихъ конкурентовъ (I. c.).

²⁹³⁾ «Этого можно было бы избѣгнуть,—говоритъ одинъ фабрикантъ,—дѣловъ расширенія мастерскихъ, подъ давленіемъ общаго парламентскаго закона» (I. c. p. X, n. 38).

мышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграфъ. Прежде, чѣмъ изслѣдовать постепенное подчиненіе всѣхъ отраслей англійской промышленности фабричному законодательству, сдѣлаетъ кратко упомянуть еще о нѣкоторыхъ его постановленіяхъ, не относящихся къ продолжительности рабочаго дня.

Содержаніе санитарныхъ правилъ, помимо ихъ редакціи, которая облегчаетъ капиталисту ихъ обходъ, чрезвычайно скудно и въ сущности ограничивается предписаніями насчетъ бѣзвѣія стѣнъ и нѣкоторыми другими мѣрами поддержанія чистоты, вентилляціей и защитой отъ опасныхъ машинъ. Въ третьей книгѣ мы вернемся къ фанатической борьбѣ фабрикантовъ противъ постановленія, напязывающаго имъ ничтожный расходъ для защиты органовъ рабочихъ отъ гибели или увѣчья. Здѣсь еще разъ блестяще подтверждается фритредерскій догматъ, гласящій, что въ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ интересовъ, каждый содѣйствуетъ общему благу, преслѣдуя свою личную пользу. Довольно будетъ одного примѣра. Извѣстно, что за послѣдній двадцатилѣтній періодъ въ Ирландіи очень возрасло производство льна и съ нимъ — и число *scutching mills* (льнотрепальныхъ заведеній). Въ 1864 г. тамъ было 1.800 такихъ заведеній. Периодически, осенью и зимой, преимущественно молодые люди и женщины, сыновья, дочери и жены сосѣднихъ мелкихъ фермеровъ, люди совершенно незнакомые съ машинами, отрываются отъ полевыхъ работъ для работы на *scutching mills*, гдѣ они занимаются снабженіемъ трепальныхъ машинъ льномъ. Несчастные случаи, которые здѣсь происходятъ, по числу и интенсивности, совершенно безпримѣрны къ исторіи машиннаго производства. Одна такая фабрика въ Кильдинавѣ (около Корка) насчитывала съ 1852 до 1856 г. шесть смертныхъ случаевъ и 60 случаевъ тяжелыхъ увѣчій; всѣ эти несчастія могли бы быть предупреждены самыми простыми приспособленіями, цѣной въ нѣсколько шиллинговъ. Д-ръ Уайтъ, фабричный врачъ въ *Dowpatrick*, заявлялъ въ официальномъ отчетѣ отъ 15 декабря 1865 г. слѣдующее: «Несчастные случаи на *scutching mills* прямо ужасны. Во многихъ случаяхъ цѣлая четверть тѣла отрывается отъ туловища. Послѣдствіемъ ранъ бываетъ обыкновенно смерть или полное калѣчество. Увеличеніе числа фабрикъ увеличить, разумеется, и число этихъ страшныхъ случаевъ. Я убѣжденъ, что посредствомъ надлежащаго правительственнаго надзора за *scutching mills* большая часть этихъ человѣческихъ жертвъ можетъ быть избѣгнута» ²⁹⁴). Что можетъ лучше характеризовать капиталистическій способъ производства, чѣмъ эта необходимость принудительнымъ государственнымъ закономъ навязывать ему самыя простыя санитарныя и предохранительныя мѣры? «Фабричный актъ 1864 г. выдѣлалъ и вычистилъ болѣе 200 гонимыхъ мастерскихъ, которыя въ теченіе 20 лѣтъ или даже вовсе воздерживались отъ этихъ операцій (вотъ каково «воздержаніе» капитала!) Въ этихъ заведеніяхъ скучены 27.800 рабочихъ, во время чрезмѣрной дневной, а часто и ночной работы, рабочихъ, дышащихъ зловоннымъ воздухомъ, благодаря которому производство, само по себѣ срав-

²⁹⁴) I. c. p. XV, p. 72 sqq.

онительно безвредное, песеть съ собой болѣзни и смерть.²⁹⁵⁾ Этотъ законъ улучшилъ значительно вентиляцію»²⁹⁶⁾). Вѣсть съ тѣмъ эта сторона фабричнаго законодательства ярко показала, какъ капиталистическій способъ производства, по самому существу своему, за извѣстными предѣлами не мирится ни съ какимъ раціональнымъ улучшеніемъ. Неоднократно уже было замѣчено, что англійскіе врачи единогласно считаютъ 500 куб. ф. воздуха на человѣка едва достаточнымъ минимумомъ при постоянной работѣ. Но, если фабричный законъ косвенно, благодаря своимъ обязательнымъ правиламъ, ускоряетъ превращеніе мелкихъ мастерскихъ въ фабрики и, такимъ образомъ, косвенно же, посягаетъ на право собственности мелкихъ капиталистовъ и обезпечиваетъ крупнымъ монополию,—то предписанія закона о необходимомъ на каждого рабочаго количествѣ воздуха въ мастерскихъ уже прямо однимъ ударомъ уничтожило бы тысячи мелкихъ капиталистовъ. Это значило бы поразить капиталистическое производство въ самомъ корнѣ, посягнувъ на самовозрастаніе (Selbstverwerthung) капитала, (безразлично, крупнаго или мелкаго), при помощи «свободной» покупки и потребленія рабочей силы. Поэтому фабричное законодательство па суетъ предъ этими 500 куб. ф. воздуха. Санитарныя власти, коммисіи по изслѣдованію промышленности, фабричные инспектора, все неустанно повторяютъ мысль о необходимости 500 к. ф. воздуха и о невозможности навязать ихъ капиталу. Такимъ образомъ они фактически провозглашаютъ чашотку и другія легочныя болѣзни рабочаго условіемъ существованія капитала²⁹⁷⁾.

Какъ ни убого въ цѣломъ были параграфы фабричнаго закона относительно воспитанія малолѣтнихъ рабочихъ, они всетаки объявили элементарное образованіе обязательнымъ условіемъ для употребленія дѣтскаго труда²⁹⁷⁾. Ихъ усѣихъ впервые доказалъ возможность соединенія обученія и гимнастики²⁹⁸⁾ съ физическимъ трудомъ, слѣдовательно, и физическаго труда съ

²⁹⁵⁾ «Reports of Insp. of Fact 31 oct. 1865», p. 127.

²⁹⁶⁾ Опытомъ установлено, что средній здоровый человѣкъ потребляетъ 25 куб. дюймовъ воздуха при каждомъ вдыханіи средней интенсивности и дѣлаетъ около 20 дыханій въ минуту. По этому расчету человѣкъ въ теченіе 24 часовъ потребляетъ 720.000 куб. дюймовъ или почти 416 куб. футовъ воздуха. Извѣстно, однако, что воздухъ, который разъ вдохнули, не можетъ больше служить для этого процесса, прежде чѣмъ онъ не очистится въ великой мастерской природы. По опытамъ, произведеннымъ Валентиномъ и Брунперомъ, здоровый человѣкъ, повидному, выдыхаетъ въ часъ приблизительно 1.300 куб. дюймовъ угольной кислоты; изъ этого слѣдуетъ, что легкія въ 24 часа выбрасываютъ приблизительно 8 унцій угля. «Каждый человѣкъ», говоритъ Гексли, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ 800 куб. ф. воздуха».

²⁹⁷⁾ По англійскому фабричному закону родители не могутъ посылать своихъ дѣтей моложе 14 л. на фабрики, «походящіяся подъ контролемъ», не давая имъ одновременно элементарнаго образованія. Фабрикантъ отвѣчаетъ за соблюденіе этого закона. «Обученіе фабричныхъ дѣтей обязательно и есть условіе работы» («Rep. of. Insp. of. Fact. 31 oct. 1863», p. 111).

²⁹⁸⁾ О превосходныхъ результатахъ соединенія гимнастики (для юношей и военныхъ упражненій) съ обязательнымъ обученіемъ дѣтей на фабрикахъ и въ школахъ для бѣдныхъ см. рѣш. N. W. Senior'a на 7-омъ ежегодномъ конгрессѣ

обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора скоро узнали из свидетельских показаний школьных учителей, что фабричные дети, хотя они учатся по времени вдвое меньше обыкновенных учеников, успевают столько же и часто даже больше. «Дѣло очень просто. Тотъ, кто проводить въ школъ лишь полдня, постоянно свѣжъ и почти всегда готовъ и способенъ учиться. Система поперемяннаго занятія учениемъ и физическимъ трудомъ дѣлаетъ каждое изъ этихъ занятій отдыхомъ отъ другого и, следовательно, гораздо болѣе пригодна для дѣтей, чѣмъ однообразныя занятія однимъ какии-нибудь дѣломъ. Мальчикъ, который съ ранняго утра сидитъ въ школъ, къ тому же въ лѣтнюю жару, ни въ какомъ случаѣ не можетъ соперничать съ другимъ мальчикомъ, который приходитъ бодрый и веселый со своей работы» ²⁰⁹). Болѣе подробныя данныя объ этомъ предметѣ можно найти въ рѣчи Сениора на социологическомъ конгрессѣ въ Единбургѣ, въ 1863 г. Онъ въ ней, между прочимъ, показываетъ также, какъ односторонній, непродуцируемый и продолжительный школьный день учениковъ высшихъ и среднихъ классовъ бесполезно увеличиваетъ трудъ учителей «и въ то же время заставляетъ дѣтей тратить время, здоровье и энергію, не только безъ пользы, но положительно во вредъ себѣ» ²¹⁰). Въ фабричной системѣ, какъ болѣе подробно можно это прослѣдить на Робертѣ Оуэнѣ (Owen), выросъ зародышъ воспитанія будущаго, которое для всѣхъ дѣтей выше извѣстнаго возраста соединить производительный трудъ съ обучениемъ и гимнастикой, и это будетъ не только методомъ повышения общественнаго производства, но и единственнымъ методомъ созданія всесторонне развитаго челоѣка.

Мы видѣли, что крупная промышленность въ своей капиталистической формѣ, технически упростила мануфактурный способъ раздѣленія труда съ

«National Association for the Promotion of Social Science» въ «Report of Proceedings etc. Lond. 1863», стр. 63, 64; а также отчетъ фабричныхъ инспекторовъ за 31 окт. 1865 г., p. 118, 119, 120, 126 итд.

²⁰⁹) «Reports of Insp. of Fact». I. c. p. 118. Одинъ павильонъ фабрикантъ шелковыхъ матерій сказалъ слѣдственикому комиссару «Childr. Emp. Comm.»: «Я вполне убѣжденъ, что настоящій секретъ образованія хорошихъ работниковъ заключается въ соединеніи работы и обученія въ дѣтскомъ возрастѣ. Разумѣется, работа не должна быть ни слишкомъ тяжелой, ни противной, ни нездоровой. Я желаю бы, чтобы мои собственныя дѣти работали и играли въ видѣ отдыха отъ школьныхъ занятій» («Childr. Emp. Comm. V. Rep.», p. 82, п. 36).

²¹⁰) Senior I. c. p. 66. Какъ крупная промышленность, на извѣстной ступени развитія производящая переворотъ въ матеріальномъ способѣ производства и въ общественно-производственныхъ отношеніяхъ, совершаетъ переворотъ и въ умахъ, поразительно показываетъ сравненіе рѣчи Сениора въ 1863 году съ его филиппикой противъ фабричнаго закона въ 1833 г., или сравненіе между взглядами упомянутаго конгресса и тѣмъ фактомъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Англій бѣдными родителями все еще запрещено, подъ страхомъ голодной смерти, обучать своихъ дѣтей. Такъ, напр., въ Сомерсетширѣ, по донесенію Snell's, въ обычаѣ, что всякій желающій получить вспоможеніе отъ прихода, долженъ ваять своихъ дѣтей въ школы. Такъ Wollaston, священникъ въ Feltham'ѣ, приводитъ случаи, когда нѣкоторымъ семьямъ было отказано во всякой приходской помощи за то, «что онѣ посылаютъ своихъ дѣтей въ школу»!

его пожизненным прикрѣпленіемъ всего человѣка къ одной детальной операціи, тѣмъ не менѣе воспронизвала его въ еще болѣе чудовищныхъ размѣрахъ. На настоящей фабрикѣ это достигается посредствомъ превращенія рабочаго въ одаренную сознаніемъ принадлежность детальной машины, въ другихъ же формахъ производства отчасти посредствомъ спорадическаго употребленія машинъ и машиннаго труда ³⁰¹⁾, отчасти же посредствомъ введенія жевскаго, дѣтскаго и неискускаго труда въ качествѣ новой основы раздѣленія труда. Противорѣчіе между мануфактурнымъ способомъ раздѣленія труда и природой крупной промышленности прорывается насильственно. Между прочимъ, оно проявляется въ томъ ужасномъ фактѣ, что большинствомъ дѣтей, работающихъ на современныхъ фабрикахъ и мануфактурахъ, прикованныя съ самаго пѣжнаго возраста къ самымъ простымъ манипуляціямъ, пѣлые годы эксплуатируются, не получая никакой работѣ, благодаря которой они могли бы потомъ быть пригодными хотя бы на этой же самой фабрикѣ или мануфактурѣ. Въ англійскихъ типографіяхъ, напр., раньше существовалъ соответствующій системѣ старой мануфактуры и ремесленного производства переходъ учениковъ отъ болѣе легкихъ къ болѣе сложнымъ работамъ. Они проходили курсъ ученія, пока не становились готовыми типографчиками. Умѣнье читать и писать было необходимымъ условіемъ ремесла. Все это измѣнилось съ появленіемъ печатной машины. Эта послѣдняя занимаетъ двоякаго рода рабочихъ.—взрослаго рабочаго, заведующаго машиной, и подростка при машинѣ, большей частью 11—17 лѣтъ, обязанность которыхъ заключается исключительно въ томъ, чтобы подкладывать въ машину чистые листы бумаги или вынимать изъ нея уже отпечатанные. Эту скучную работу они производятъ, особенно въ Лондонѣ, 14, 15, 16 часовъ безъ перерыва, въ теченіе нѣкоторыхъ дней нехѣли, и часто 36 часовъ подрядъ съ двухчасовымъ лишь перерывомъ для ѣды и сна! ³⁰²⁾. Большая часть изъ нихъ не умѣетъ читать, и обыкновенно это—совершенно одичавшія и искалѣченные существа. Чтобы сдѣлать ихъ способными къ пхъ работѣ, не требуется абсолютно никакого интеллектуальнаго воспитанія; они имѣютъ мало случаевъ упражнять свою умѣлость и еще меньше—свой умъ; плата ихъ, хотя до нѣкоторой степени высокая для подростковъ,

³⁰¹⁾ Тамъ, гдѣ ремесленные машины, приводимыя въ движеніе человѣческой силой, прямо или косвенно конкурируютъ съ машинами болѣе развитыми и потому уже предполагающими механическую двигательную силу,—тамъ, совершается крупная перемѣна въ отношеніи къ рабочему, который приводитъ машину въ движеніе. Сначала паровая машина замѣщала этого рабочаго; въ этомъ же случаѣ онъ ее долженъ замѣщать. Напряженіе и трата его рабочей силы тогда огромны, особенно для подростковъ, осужденныхъ на эту пытку! Такъ комиссаръ Лонге написалъ въ Coventry и его окрестностяхъ мальчиковъ 10—15 лѣтъ, употребляемыхъ для верченія ленточнаго станка, не говоря уже о болѣе юныхъ дѣтяхъ, которые вертѣли станки меньшихъ размѣровъ. «Это необыкновенно трудная работа; мальчикъ играетъ роль простаго замѣстителя паровой силы». («Childr. Empl. Comm. V. Rep. 1866», p. 114, n. 6). Объ ужасныхъ послѣдствіяхъ «этой системы работъ», какъ называетъ это официальный отчетъ, л. с. яв.

³⁰²⁾ л. с. p. 3, n. 24.

не возрастает по мере того, как они сами вырастают, и большинство из них не имеет никаких шансов на занятие более доходного и ответственного поста заведующего машиной, так как на каждую машину приходится лишь один заведующий и нередко четыре подростка»³⁰³). Как только они становятся слишком взрослыми для своей детской работы, т. е. около 17 лет, их прогоняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки приспособить их к каким-либо другим занятиям разбились об их невежество, грубость, физическое и духовное падение.

То, что верно относительно мануфактурного способа разделения труда в мастерской, верно и относительно разделения его в обществе. Пока ремесло и мануфактура являются всеобщим основанием общественного производства, подчинение производителя одной исключительной отрасли производства, уничтожение первоначального разнообразия в его деятельности³⁰⁴) представляет необходимый момент исторического развития. На основе этого обособления всякая отрасль производства эмпирически находит свойственную ей техническую форму, медленно совершенствует ее и быстро кристаллизует ее, как только достигнута извѣстная ступень развития. Измѣненіе время от времени еще вносятся, помимо новаго рабочаго матеріала, доставаемого торговлей, постепеннымъ преобразованиемъ рабочаго инструмента. Но и этотъ инструментъ, разъ опытнымъ путемъ найдена соотвѣтствующая для него форма, тоже застываетъ въ ней, какъ это доказывается переходомъ его часто, въ теченіе вѣковъ, отъ одного поколѣнія къ другому. Интересно, что до самаго XVIII-го столѣтія ремесла назывались *mysteries*, *mystères*, таинствами³⁰⁵), въ которыя могъ проникнуть лишь эмпирически и профессионально посвященный человѣкъ. Крупная индустрія сорвала завѣсу, которая скрывала отъ людей ихъ собственный общественный процессъ производства и дѣлала тайной даже для посвященнаго въ одну отрасль производства всѣ остальные, стихійно обособившіяся другъ отъ друга, отрасли. Ея принципъ, состоящій въ томъ, чтобы разлагать каждый процессъ на его составные элементы независимо отъ выполненія ихъ рукой человѣка, создалъ всю современную научную технологию. Пестрая, съ

³⁰³) I. с. р. 7, п. 60.

³⁰⁴) «По словамъ *Statistical Account*, въ верхней Шотландіи когда-то можно было встрѣчать множество пастуховъ и крестьянъ съ женами и дѣтьми, обутихъ въ башмаки, которые они сами шили изъ кожи, ими же самими выдѣланной, одѣтыхъ въ платья, до которыхъ не дотронулась чужая рука, матеріалъ которыхъ сдѣланъ изъ шерсти, ими самими выстиранной или изъ льна, ими самими выдѣланнаго. Въ приготовленіе платья едва ли входилъ какой либо покупной предметъ, кромѣ шила, иглы, наперстка и въ которыхъ, очень немногихъ, желѣзныхъ частей инструментовъ, употребляемыхъ при тканьи. Краски добывались самими женщинами изъ деревьевъ, кустовъ, травъ и т. п.» (*Dugald Stewart, «Works, ed. Hamilton, vol. III», p. 327—28*).

³⁰⁵) Въ знаменитомъ «*Livre des métiers*» Etienne'a Boileau между прочимъ предписывается, чтобы подмастерье, при приѣмѣ его въ мастера, давалъ клятву «братски любить своихъ братьевъ, поддерживать ихъ, добровольно не выдавать ремесленныхъ тайнъ и даже, въ интересъ всей корпораціи, не обращать вниманіе покупателя на недостатки чужихъ товаровъ съ цѣлью подчеркнуть преимущества своихъ».

виду безсвязных и окаменѣлыхъ формы общественнаго процесса производства распались на сознательно плановѣрные и систематически, сообразно получаемому полезному эффекту, обособленныя приращенія естествознанія. Технологія открыла также тѣ нѣсколько великихъ основныхъ формъ движенія, въ которыхъ, несмотря на все разнообразіе употребляемыхъ инструментовъ, совершается обязательно всякая производительная дѣятельность человѣческаго тѣла, подобно тому, какъ механика, при всей сложности дѣйствующихъ въ промышленности механизмовъ, ясно видитъ въ нихъ постоянное повтореніе простыхъ «машинъ». Современная индустрія никогда не считаетъ и не разсматриваетъ форму какого-либо процесса производства какъ окончательную. Техническое основаніе ея является такимъ образомъ революціоннымъ, между тѣмъ какъ всѣ раньше существовавшіе способы покоились на фундаментѣ, по существу своему консервативномъ ³⁰⁴⁾. Посредствомъ машинъ, химическихъ процессовъ и другихъ методовъ она постоянно производитъ перевороты въ техническихъ основахъ производства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ функціяхъ рабочихъ и въ общественныхъ комбинаціяхъ процессовъ труда. Этими она также постоянно революціонаруетъ раздѣленіе труда внутри общества и непрерывно перебрасываетъ массы капиталовъ и рабочихъ изъ одной отрасли производства въ другую. Природа крупной промышленности обуславливаетъ поэтому перемѣну труда, постоянную смѣну функцій (*Fluss der Function*) и всестороннюю подвижность рабочаго. Съ другой стороны, въ своей капиталистической формѣ, она воспроизводитъ старое раздѣленіе труда съ его застывшими спеціальностями. Мы видимъ, какъ это абсолютное противорѣчіе разрушаетъ всякій покой, всякую устойчивость и увѣренность въ положеніи рабочаго, постоянно угрожая ему вырвать изъ рукъ, вмѣстѣ съ орудіемъ труда,—и средства существованія ³⁰⁵⁾ и схлѣпать его самого излишнимъ вмѣстѣ съ его детальной функціей; мы знаемъ также, какъ это противорѣчіе разыгрывается въ непрерывномъ заклиніи рабочаго класса на алтарѣ промышленности, въ безграничномъ расточеніи рабочихъ силъ и въ тѣхъ опустошеніяхъ, которыя несетъ съ собой анархія общественнаго производства. Это отрицательная сторона процесса. Но если тутъ постоянныя перемѣны въ сферѣ труда даютъ знать о себѣ лишь какъ всемогущій законъ природы, кото-

³⁰⁴⁾ «Буржуазія не можетъ существовать, не революціонируя постоянно орудій труда, а этии самымъ и условій производства, т. е. всѣхъ общественныхъ отношеній. Наоборотъ, первымъ условіемъ существованія всѣхъ прежнихъ промышленныхъ классовъ было неизмѣнное сохраненіе старыхъ способовъ производства. Постоянное преобразование производства, непрерывное колебаніе всѣхъ общественныхъ условій, вѣчная неуверенность и движеніе — отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предыдущихъ. Всѣ установившіяся, заржавѣвшія отношенія съ нѣхъ святой традиціонно-почитаемыхъ представленій и взглядовъ разрушаются, всѣ вновь образуемыя быстро становятся устарѣвшими, не успѣвая застыть въ прочныя формы. Все сословное и прочное испаряется, все святое профанируется, и люди, наконецъ вынуждаются трезво смотрѣть на свое положеніе и на свои взаимныя отношенія». (F. Engels und Karl Marx: «Manifest der Kommunistischen Partei. Lond. 1848», p. 5)

³⁰⁵⁾ «Вы отнимаете у меня жизнь, когда отнимаете у меня мои средства къ существованію». (Шекспир).

рый действуетъ съ слѣпопаразитической силой такого закона, патакивающегося вездѣ на препятствія ³⁰⁸⁾, то сама крупная промышленность своимъ катастрофами дѣлаетъ для себя вопросомъ жизни и смерти—признать постоянныя перемѣны въ сферѣ труда, и, поэтому, возможно большую разносторонность рабочихъ всеобщимъ закономъ общественнаго производства и приспособить общественныя условия къ нормальному осуществленію этого закона. Она дѣлаетъ вопросомъ жизни и смерти замѣну чудовищнаго порядка, при которомъ жалкое резервное рабочее населеніе держится въ запасѣ для мѣняющихся потребностей капитала въ эксплуатаціи, такимъ строемъ, при которомъ каждый человѣкъ становится безусловно годнымъ для разныхъ мѣняющихся потребностей общества въ трудѣ; при которомъ частичный индивидуумъ, простой носитель детальной общественной функціи, замѣняется всесторонне развитымъ индивидуумомъ, упражняющимъ различныя общественныя функціи, какъ одно другое снѣпаящія занятія личности. Одинъ изъ моментовъ этого преобразовательнаго процесса, стихійно развившійся на почвѣ крупной промышленности, составляютъ политехническія и агрономическія школы; другой—основаніе «профессиональныхъ школъ», въ которыхъ дѣти рабочихъ получаютъ въкоторыя познанія въ технологіи и практическомъ примѣненіи различныхъ инструментовъ. Если фабричное законодательство, въ качествѣ вырванной съ трудомъ у капитала первой уступки, соединило элементарное обученіе съ фабричною работою, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неизбежное завоеваніе рабочимъ классомъ политическаго господства завоюетъ въ школахъ для рабочихъ мѣсто теоретическому и практическому обученію технологіи. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что капиталистическая форма производства и соответствующія ей экономическія условия, въ которыхъ поставлены рабочіе, находятся въ діаметральномъ противорѣчій съ такими преобразовательными ферментами и съ ихъ цѣлью, заключающейся въ уничтоженіи стараго раздѣленія труда. Развѣтіе противорѣчій какой-либо исторически данной формы производства есть однако единственный историческій путь для ея разложенія и преобразования. «Ne sutor ultra crepidam!»—это plus ultra ремесленной мудрости стало ужасной глупостью съ того момента, когда часовыхъ дѣлъ мастеръ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину, цирюльникъ Аркрайтъ—прядильную машину, ювелирный рабочій Фультонъ—пароходъ ³⁰⁹⁾.

³⁰⁸⁾ Одинъ французскій рабочій, по возвращеніи изъ Санъ-Франциско, писалъ: «Я бы никогда не повѣрилъ, что годенъ на всѣ тѣ работы, которыми я практиковать въ Калифорніи. Я твердо былъ убѣжденъ, что, кромѣ типографскаго дѣла, я ни на что больше не гожусь... Но попалъ въ среду авантюристовъ, мѣняющихъ свое ремесло легче, чѣмъ свою рубашку,—признаюсь!—я поступалъ какъ всѣ другіе. Такъ какъ работа въ рудникахъ оказалась недостаточно выгодной, то я ее бросилъ и перебрался въ городъ, гдѣ я поочередно былъ типографщикомъ, кровельщикомъ, литейщикомъ, и въ свинца и т. д. Имѣя за собой такой опытъ, убѣдившій меня, что я гожусь на всякія работы, я чувствую себя менѣе молчаливымъ и болѣе человѣкомъ». (A Corbon: «De l'enseignement professionnel». 2ème éd. p. 50).

³⁰⁹⁾ John Bellers, настоящій феноменъ въ исторіи политической экономіи, починалъ съ полной истинности еще въ концѣ 17-го стол. необходимость уничтоженія

Поскольку фабричное законодательство регулирует работу на фабриках, мануфактурах и т. п., это является прежде всего простым вмешательством въ права капитала на эксплуатацію труда. Наоборотъ, всякое регулирование такъ называемаго домашняго труда ³¹⁰⁾ немедленно представляется какъ прямое посягательство на patria potestas, т. е., выражаясь современнымъ языкомъ, на родительскую власть, а это уже такой шагъ, предъ которымъ ибжный и чувствительный англійскій парламентъ долго останавливался съ содроганіемъ. Сила дѣйствительности заставила, однако, наконецъ, признать, что крупная промышленность сама разрушаетъ—вмѣстѣ съ экономическимъ основаніемъ прежняго семейнаго строя и соотвѣствующаго ему семейнаго труда—и старинныя семейныя отношенія. Должно было быть провозглашено право дѣтей. «Къ несчастію», говорится въ заключительномъ отчетѣ «Childr. Empl. Comm.» 1866 г., «дѣти обоего пола, какъ явствуютъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, пугаются въ защитѣ, главнымъ образомъ, противъ своихъ собственныхъ родителей». Система безграничной эксплуатаціи дѣтскаго труда вообще и домашняго вхъ труда въ особенности «поддерживается произвольной и безпощадной властью, которой родители безконтрольно и безгранично пользуются относительно своихъ молодыхъ и ибжныхъ отпрысковъ... Родители не должны обладать абсолютной властью превращать своихъ дѣтей въ простые машины для выколачиванія извѣстнаго недѣльнаго заработка... Дѣти и подростки имѣютъ право на защиту законодательства противъ злоупотребленій родительской властью, которая преждевременно подрываютъ ихъ физическую силу и низводятъ ихъ на очень низкій моральный и интеллектуальный уровень» ³¹¹⁾. Однако не злоупотребленіе родительской властью создало эту прямую или косвенную эксплуатацію капиталомъ неарбной рабочей силы, а, наоборотъ—капиталистическій способъ эксплуатаціи вызвалъ злоупотребленіе родительской властью уничтоженіемъ соотвѣствующаго этой власти экономическаго строя. Какъ ни ужасно, какъ ни отвратительно разрушеніе внутри капиталистической системы стариннаго семейнаго строя, тѣмъ не менѣе крупная промышленность, посредствомъ той рѣшаю-

теперешняго воспитанія и раздѣленія труда, вызывающаго гипертрофію и атрофію на обоихъ концахъ общества, хотя и въ противоположномъ направленіи. Опъ, между прочимъ, говоритъ: «Правдная наука немногимъ лучше науки о правдоности... Физическій трудъ есть первоначальное божіе установленіе... Трудъ также необходимъ для поддержанія тѣлеснаго здоровья, какъ паша для поддержанія жизни; ибо тѣ несприятности, которыхъ чловѣкъ избѣгаетъ при ничегонеделаніи, обрушатся на него въ видѣ болѣзни (for what pains a man saves by Ease, he will find in Disease)... Трудъ прибавляетъ масло въ лампу жизни, а мысль зажигаетъ ее... Пустой дѣтскій трудъ (пророческая вылазка противъ Базедова и его современныхъ повторальщиковъ) оставляетъ дѣтскій умъ пустымъ» («Proposals for raising a Colledge of Industry of all useful Trades and Husbandry. Lond, 1696», p. 12, 14, 18).

³¹⁰⁾ Это относится, впрочемъ, и къ работѣ въ мелкихъ мастерскихъ, какъ мы это видѣли на кружевной мануфактурѣ и плетеніи содомы, и какъ это болѣе ясно можно было бы показать на металлическихъ мануфактурахъ Шеффилда, Бринн-тама и др.

³¹¹⁾ «Childr. Empl. Comm. V. Rep.», p. XXV, n. 162 и II. Rep., p. XXXVIII, n. 281, 289, p. XXXV, n. 191.

шей роли, которую она возлагает на женщин, подростков и детей обоого пола в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага, создает новую экономическую основу для более высокой формы семьи и для более высоких отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нельзя считать христианско-германскую форму семьи абсолютной, как и древнеримскую, древне-греческую или восточную формы, которые, впрочем, образуют последовательные ступени цѣлаго исторического ряда развитія. Точно также и составленіе комбинированнаго рабочаго цѣрсоваля изъ лицъ обоого пола в самомъ различнаго возраста, хотя въ своей стихійной и грубой капиталистической формѣ, въ которой рабочій существуетъ для процесса производства, а не процессъ производства для рабочаго, оно и представляетъ заразительный источникъ разврата и рабства.—при соответствующихъ условіяхъ должно, наоборотъ, слѣзаться источникомъ развитія человеческой личности ³¹²⁾.

Необходимость обобщенія фабричнаго законодательства, превращеніе его изъ исключительнаго закона для прядильныхъ и ткацкихъ заведеній,—этихъ первообразовъ всякаго машиннаго производства,—въ законъ для всякаго рода общественнаго производства вытекаетъ, какъ мы это видѣли, изъ историческаго развитія крупной промышленности. На заднемъ планѣ ея мануфактура, ремесло и домашнее производство совершенно мѣняютъ свои традиціонныя формы,—мануфактура постоянно превращается въ фабрику, ремесло—въ мануфактуру, наконецъ, сферы ремесленнаго и домашняго производства въ сравнительно короткое время превращаются въ жалкія труппы, гдѣ свободно разгуливаютъ всѣ ужасы капиталистической эксплуатаціи. Два обстоятельства имѣютъ рѣшающее значеніе: во первыхъ постоянно вновь повторяющееся явленіе, что капиталъ, какъ только онъ подпадаетъ подъ контроль государства въ одномъ пунктѣ общественной периферіи, старается тѣмъ полнѣе вознаградить себя на другихъ пунктахъ ³¹³⁾; во вторыхъ вопль самихъ капиталистовъ о равенствѣ условій конкуренціи, т. е. объ одинаковыхъ границахъ для капиталистической эксплуатаціи ³¹⁴⁾. Послушаемъ сердечныя изліянія объ этомъ гг. фабрикантовъ. Гг. W. Cooksley (фабриканы гвоздей, цѣпей и т. п. въ Бристолѣ) добровольно подчинили свое предпріятіе предписаніямъ фабричнаго закона. «Такъ какъ старая, неурегулированная система продолжаетъ существовать въ соседнихъ заведеніяхъ, то они имѣютъ непріятность видѣть, какъ работающіе у нихъ подростки заманиваются (enticed) въ какое-нибудь другое заведеніе для продолженія работы послѣ 6 часовъ вечера». «Это—совершенно естественно заявляютъ наши фабриканты—несправедливо и убыточно для насъ, такъ какъ поглощается часть силы этихъ подростковъ, прибыль отъ которой всецѣло должна бы принадлежать намъ» ³¹⁵⁾.

³¹²⁾ «Фабричный трудъ можетъ быть столь же чистымъ и хорошо обставленнымъ, а, вѣроятно, даже и лучше, какъ и домашній трудъ», (Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865, p. 127).

³¹³⁾ I. c. p. 27, 32.

³¹⁴⁾ Массу доказательствъ этого можно найти въ «Rep. of Insp. of Fact».

³¹⁵⁾ Childr. Empl. Comm. V. Rep., p., X. n. 35.

I. Simpson (фабрикантъ коробокъ и бумажныхъ мѣшковъ въ Лондонѣ) являлъ комиссарамъ «Childr. Empl. Comm.», что «онъ готовъ подписать любую петицію о введеніи фабричнаго закона. При теперешнихъ условіяхъ онъ всегда чувствуетъ безпокойство по вечерамъ» («he always felt restless at night»), послѣ закрытія его мастерской, при мысли, что другіе заставляютъ дѣтей больше работать и выхватываютъ у него изъ подъ носа заказы»³¹⁶). «Было бы несправедливо въ отношеніи къ крупнымъ фабрикантамъ», говорить въ своемъ резюмѣ «Childr. Empl. Comm.», «подчинить ихъ фабрики фабричному закону, въ то время, какъ въ ихъ же отрасляхъ производства мелкихъ предпріятія не подвергаются никакому законодательному ограниченію рабочаго времени. Помимо несправедливости отъ неравенства въ условіяхъ конкуренціи, вслѣдствіе изыятія мелкихъ мастерскихъ отъ регулированія рабочаго времени, для крупныхъ фабрикантовъ ущербъ будетъ еще въ томъ, что предложеніе женскаго и дѣтскаго труда отхлынетъ отъ нихъ къ пазавленнымъ отъ подчиненія фабричному закону мастерскимъ. Наконецъ, это послужитъ толчкомъ къ размноженію мелкихъ мастерскихъ, которыя почти всѣ безъ исключенія представляютъ наименѣе благопріятныя условія для здоровья, удобствъ, воспитанія и общаго подъема рабочихъ»³¹⁷).

Въ своемъ заключительномъ отчетѣ «Children's Employment Commission» предлагаетъ подчинить фабричному закону свыше 1.400,000 дѣтей, подростковъ и женщинъ, изъ которыхъ приблизительно половина эксплуатируется мелкимъ и домашнимъ производствомъ³¹⁸). «Если, говоритъ коммиссія, парламентъ приметъ наше предложеніе во всемъ его объемѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое законодательство будетъ имѣть самое благотворное вліяніе не только на молодыхъ и слабыхъ, которыхъ оно прежде всего касается, но и на еще большую массу взрослыхъ рабочихъ, которые прямо (женщины) или косвенно (мужчины) подпадутъ подъ его дѣйствіе. Оно павяжетъ имъ правильное и умѣренное рабочее время; оно сохранитъ и умножитъ запасъ физич-

³¹⁶) I. c. p. IX. п. 23.

³¹⁷) I. c. p. XXV, п. 165—167. Ср. относительно преимуществъ крупнаго производства въ сравненіи съ мелкимъ: «Childr. Empl. Comm. III. Rep.» p. 13, п. 144, p. 25, п. 121, p. 26, п. 125, p. 27, п. 140 и др.

³¹⁸) Отрасли промышленности, которыя должны быть наказаны фабричнымъ законодательствомъ, суть: мануфактура кружевъ, чужое производство, плетеніе соломъ, приготовленіе одежды съ его многочисленными отраслями, выдѣлка искусственныхъ цвѣтовъ, приготовленіе башмаковъ, шляпъ и перчатокъ, портняжное дѣло, всѣ металлургическія предпріятія отъ доменныхъ печей до фабрикъ иголокъ и т. п., бумажныя фабрики, стеклянныя мануфактуры, табачныя мануфактуры, резиновое производство, фабрикація шпатокъ (для ткаль), ткацкія ковровыя, античныя мануфактуры, фабрикація веретенъ и шпудекъ, типографское дѣло, переплетное дѣло, торговля письменными принадлежностями (Stationery. Сюда относится приготовленіе бумажныхъ портфелей, картъ, чернилъ и т. п.), казенное производство, литейныя издѣлія, кирпичныя заводы, шелковыя мануфактуры, солеварни, фабрики свѣчныхъ свѣчей, производство цемента, сахарное производство, приготовленіе сухарей, различныя деревянныя и другія разнородныя работы.

ческой силы, от которой такъ сильно зависить благополучіе самихъ рабочихъ и всей страны; оно защититъ подрастающее поколѣніе отъ переутомленія въ равнѣиъ возрастахъ, подтачивающихъ организмъ, приводящаго его къ преждевременному истощенію; наконецъ, оно предоставитъ дѣтямъ возможность получать, по крайней мѣрѣ до 13 лѣтъ, элементарное образованіе и этимъ положить конецъ невѣроятному невѣжеству, которое такъ вѣрно изображено въ отчетахъ комиссіи и о которомъ нельзя подумать безъ истинной скорби и безъ глубокаго чувства національнаго униженія»²¹⁹⁾. Торійское министерство возвѣстило въ тронной рѣчи отъ 5-го февраля 1867 г., что оно формулировало близъ соответственно предложенію комиссіи по изслѣдованію промышленностип²²⁰⁾. На это ему потребовался цѣлый двадцатипятилѣтній экспериментъ in corpore vili! Дѣло въ томъ, что уже въ 1840 г. была назначена парламентомъ комиссія для изслѣдованія дѣтскаго труда. Отчетъ ея отъ 1842 г. раскрылъ, по словамъ Н. Сеніора, «ужасную картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистовъ и родителей, нищеты, вырожденія и разстройства дѣтей и поиростовъ, когда-либо видѣнную свѣтомъ... Можно было бы подумать, что отчетъ описываетъ ужасы давно прошедшей эпохи. Но къ сожалѣнію имѣются свѣдѣнія, что эти ужасы до сихъ поръ продолжаютъ въ столь же вѣстесивной формѣ какъ и раньше. Одна брошюра, обнародованная Гарвикомъ два года тому назадъ, удостовѣряетъ, что злоупотребленія, заклеянные въ 1842 г., вполнѣ процвѣтаютъ и теперь (1863)... Этотъ отчетъ (отъ 1842 г.) пролежалъ безъ вниманія 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ позволили стать родителями нынѣшняго поколѣнія дѣтями, выросшимъ безъ малѣйшаго представленія о томъ, что мы называемъ моралью, о школьномъ образованіи, религін или естественной семейной любви»²²¹⁾.

Между тѣмъ соотношеніе общественныхъ силъ измѣнилось. Парламентъ не осмѣлился отклонить требованія комиссіи 1863 г., какъ въ свое время онъ отклонилъ требованія комиссіи 1842 г. Поэтому, уже въ 1864 г., когда комиссія обнародовала лишь часть своего отчета, были подчинены законамъ, существовавшимъ для текстильной промышленности, производство земляныхъ издѣлій (со включеніемъ гончарнаго дѣла), фабрикація обоевъ, спичекъ, патроновъ, капсулъ, а также стрижка бархата. Въ тронной рѣчи отъ 5-го февраля 1867 г., тогдашній торійскій кабинетъ возвѣстилъ дѣльшійше близки,

²¹⁹⁾ I. c. p. XXV; п. 169.

²²⁰⁾ Factory Acts Extension Act прошелъ 12 августа 1867 г. Онъ касается всѣхъ металлолитейныхъ, кузнечныхъ и металлообрабатывающихъ извѣденій, со включеніемъ машинныхъ заводовъ, дальше—стеклянныхъ, бумажныхъ, гуттаперчевыхъ, каучуковыхъ и табачныхъ мануфактуръ, типографій, переплетныхъ заведеній, наконецъ, вообще мастерскихъ, въ которыхъ работаетъ больше 50 человекъ.—Hours of Labour Regulations Act (законъ, регулирующий рабочее время), прошедшій 17 августа 1867 г., касается болѣе мелкихъ мастерскихъ и такъ называемаго домашняго производства.

Къ этимъ законамъ, къ новому Mining Act 1872 г. и др. я вернусь во II томѣ.

²²¹⁾ Senior, Social Science Congress, p. 55, 56.

основанные на заключительныхъ предположеніяхъ комиссіи, которая между тѣмъ закончила въ 1866 г., свой трудъ.

15 августа 1867 г. Factory Acts Extension Act получалъ королевское утвержденіе, а 21 августа получалъ его Workshop's Act; первый актъ регулируетъ крупныя отрасли производства, послѣдній—мелкія.

Factory Acts Extension Act регулируетъ трудъ на доменныхъ печахъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ, литейныхъ, машиностроительныхъ и иныхъ металлургическихъ заводахъ, на резиновыхъ, бумажныхъ, стеклянныхъ, табачныхъ фабрикахъ, въ типографіяхъ, въ переплетныхъ заведеніяхъ и вообще во всякихъ промышленныхъ заведеніяхъ такого рода, въ которыхъ 50 или больше человекъ работаютъ совместно, по меньшей мѣрѣ,—въ теченіе 100 дней въ году.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ объемѣ сферы дѣйствія этого закона, мы приводимъ нѣкоторыя устанавливаемые имъ опредѣленія:

«Подъ ремесломъ подразумѣвается (въ этомъ законѣ) всякая ручная работа, которая производится какъ профессіа или въ цѣляхъ заработка, и состоитъ въ приготовленіи какого-нибудь предмета, или части его, въ измѣненіе его, украшеніи, исправленіи или приданіи ему окончательнаго вида.

«Мастерской называется какой-либо домъ или опредѣленное пространство, крытое или подъ открытымъ небомъ, въ которомъ какое-нибудь «ремесло» производится ребенкомъ, подросткомъ или женщиной и въ которое тотъ, кто занимаетъ работой такого ребенка, подростка или женщину, имѣетъ право входа и контроля.

«Быть занимаемымъ работою значитъ работать въ какомъ-нибудь «ремеслѣ», за плату или безъ платы, подъ управленіемъ мастера или родителей, о чемъ ниже постановляется подробнѣе.

«Подъ словомъ родители подразумѣваются: отецъ, мать, опекунъ или другое лицо, которое имѣетъ право опеки или контроля надъ какимъ-либо... ребенкомъ или подросткомъ».

Параграфъ 7, опредѣляющій наказаніе за занятіе, вопреки правиламъ закона, дѣтей, подростковъ и женщинъ налагаетъ денежный штрафъ не только на собственника мастерской, будетъ ли то одинъ изъ родителей или нѣтъ, но и «на родителей или другихъ лицъ, которые имѣютъ подъ своей опекой ребенка, подростка или женщину, или извлекаютъ непосредственную выгоду изъ ихъ работы».

Factory Acts Extension Act, относящійся къ крупнымъ заведеніямъ, значительно ниже фабричнаго акта вълѣдствіе пѣлой массы жалобъ и исключеній и трусливыхъ компромиссовъ съ капиталистами.

Workshops' Regulation Act, жалкій во всѣхъ своихъ подробностяхъ, остался мертвой буквой въ рукахъ уполномоченныхъ на его исполненіе городскихъ и мѣстныхъ властей. Когда парламентъ, въ 1871 г., лишилъ ихъ этого полномочія и передалъ его фабричнымъ инспекторамъ, районъ дѣятельности которыхъ сразу увеличился на 100.000 мастерскихъ (между ними однихъ кирпичныхъ заводовъ было 300), то персоналъ инспекціи былъ съ удивительною

заботливостью увеличенъ лишь на восемь помощниковъ, между тѣмъ какъ онъ даже и раньше былъ слишкомъ незначителенъ ²²¹⁾.

Такимъ образомъ въ англійскомъ законодательствѣ 1867 г., поражаетъ, съ одной стороны, необходимость для парламента господствующихъ классовъ согласиться въ принципѣ на столь чрезвычайныя и широкія мѣры противъ захватовъ капиталистической эксплуатаціи, а съ другой стороны—позовичатость этихъ мѣръ, неохота и mala fides, съ которыми парламентъ провелъ и осуществлялъ ихъ.

Комиссія 1862 г. предложила также новыя мѣры для урегулированія горнопромышленности, отрасли производства, отличающейся отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ ней интересы земельныхъ собственниковъ и промышленныхъ капиталистовъ идутъ рука объ руку. Противоположность этихъ интересовъ благоприятствовала фабричному законодательству; отсутствія этой противоположности достаточно для объясненія медленности и вслѣдствіи ухищреній, ставшихъ на пути къ охранѣ горнорабочихъ.

Комиссія 1840 г. сдѣлала такія ужасныя и возмутительныя разоблаченія и вызвала такой скандалъ на всю Европу, что парламентъ вынужденъ былъ облегчить свою совѣсть изданіемъ Mining Act 1842 г., который ограничился запрещеніемъ ночной работы для женщинъ и для дѣтей моложе 10 лѣтъ.

Затѣмъ, въ 1860 г., появился Mines' Inspection Act, въ силу котораго копи и рудники подпадаютъ надзору специально для того назначенныхъ чиновниковъ, а дѣти между 10 и 12 годами допускаются тамъ работать только въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ школьное свидѣтельство или посѣщаютъ школу въ теченіе извѣстнаго числа часовъ. Этотъ актъ всецѣло остался мертвой буквой, вслѣдствіе до смѣшного ничтожнаго числа назначенныхъ инспекторовъ, незначительности предоставленныхъ имъ правъ и другихъ причинъ, которыя выяснятся для насъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Одной изъ послѣднихъ сшихъ книгъ о горнопромышленности является «Report from the Select Committee on Mines, together with... Evidence, 23 July 1866». Это произведеніе комитета, избраннаго палатой общинъ и уполномоченнаго приглашать и выслушивать свидѣтелей, представляетъ собою толстый томъ in folio, въ которомъ самъ «Report» занимаетъ только пять строкъ, заявляющихъ, что комитетъ ничего не можетъ сказать и что слѣдуетъ допросить еще свидѣтелей!

Способъ допроса свидѣтелей напоминаетъ cross examinations (перекрестный допросъ) въ англійскихъ судахъ, гдѣ адвокат наглыми и умопомрачительными, вкривъ и вкосъ задаваемыми, вопросами стремится сбить съ толку свидѣтеля и извратить его слова. Роль адвокатовъ играютъ здѣсь сами парламентскіе слѣдователи, между которыми находятся собственники и эксплуататоры

²²¹⁾ Персоналъ фабричной инспекціи состоялъ изъ 2 инспекторовъ, 2 помощниковъ инспектора и 41 субъ-инспектора. Еще восемь субъ-инспекторовъ были назначены въ 1871 г. Общая сумма расходовъ, вызванныхъ принятіемъ фабричныхъ законовъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, составляла въ 1871—1872 гг. лишь 25,347 ф. ст., включая сюда и судебныя издержки при процессахъ противъ нарушеній закона.

рудниковъ, свидѣтелями же являются большей частью рабочіе изъ каменноугольныхъ копей. Весь этотъ фарсъ слишкомъ характеренъ для духа капитала, чтобы не привести здѣсь нѣсколько выдержекъ. Для большей легкости обзора я привожу результаты изслѣдованія и т. д. по рубрикамъ. Напоминаю, что вопросъ и обязательный отвѣтъ въ англійскихъ свѣдѣніяхъ нумерованы и что свидѣтели, показанія которыхъ здѣсь цитируются, суть рабочіе въ каменноугольныхъ копахъ.

1) Работа въ коняхъ подростковъ, начиная съ десятилѣтняго возраста. Работа, вмѣстѣ съ ходьбой туда и обратно, продолжается обыкновенно 14—15 часовъ, взрѣдка и больше, съ 3, 4, 5 часовъ утра до 4 и 5 часовъ вечера (н. 6, 452, 83). Взрослые рабочіе работаютъ въ двѣ сѣтны, или по 8 часовъ, но такихъ сѣтъ не существуетъ для подростковъ, чтобы сэкономить на издержкахъ (н. 80, 203, 204). Младшія дѣти главнымъ образомъ употребляются для открыванія и закрыванія дверей въ различныхъ отдѣленіяхъ кони, болѣе взрослые для болѣе тяжелой работы, какова перевозка угля и т. п. (н. 122, 739, 1747). Продолжительная работа подъ землей тянется до 18-ти и 22-хъ лѣтняго возраста, когда наступаетъ переходъ къ рудничной работѣ въ собственномъ смыслѣ (н. 161). Дѣти и подростки несутъ теперь болѣе тяжелый трудъ, чѣмъ когда либо раньше (н. 16, 63—67). Рабочіе въ копахъ требуютъ почти единогласно парламентскаго акта для запрещенія рудничной работы дѣтей до 14-ти лѣтъ. Но вотъ Hussey Vivian (самъ горнопромышленникъ) спрашиваетъ: «Не обусловливается ли это требованіе болѣе или меньшей бѣдностью родителей?»—А. Мг. Вруссъ прибавляетъ: «Не было ли бы жестокостью, разъ отецъ умеръ или искалѣченъ, отнять у семьи этотъ ресурсъ? Между тѣмъ законъ долженъ имѣть всеобщее значеніе,—хотите ли вы, поэтому, во всѣхъ случаяхъ запретить работу подъ землей дѣтямъ моложе 14-ти лѣтъ?»—Отвѣтъ: «Во всѣхъ случаяхъ» (н. 107—110).—Vivian: «Если работа въ коняхъ будетъ запрещена дѣтямъ моложе 14-ти лѣтъ, то не будутъ ли тогда родители посылать дѣтей на фабрики и т. п.?»—Отвѣтъ: «По общему правилу—нѣтъ» (н. 174).—Рабочіе: «Отворять и затворять двери кажется легкимъ дѣломъ. Въ дѣйствительности же это очень мучительное занятіе. Не говоря уже о постоянномъ сквозномъ вѣтрѣ, дѣти находятся точно въ плѣну, какъ будто бы они сидѣли въ тюремной камерѣ».—Vivian: «Не могутъ ли дѣти читать, находясь у дверей, если они имѣютъ свѣчку?»—Отв.: «Во первыхъ свѣчки имъ для этого пришлось бы покупать; кромѣ того, имъ бы этого не позволили. Они находятся тамъ, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, они должны исполнять извѣстную обязанность. И никогда не видѣлъ, чтобы какой-нибудь подростокъ читалъ въ кони» (н. 141—60).

2) Воспитаніе: горнорабочіе требуютъ закона объ обязательномъ обученіи дѣтей, какъ это существуетъ относительно фабрикъ. Они объявляютъ чисто призрачнымъ параграфъ закона 1860 г., по которому для употребленія на работу дѣтей отъ 10-ти до 12 лѣтъ требуется школьное свидѣтельство. «Уголовный» допросъ капиталистическихъ слѣдователей становится здѣсь поистинѣ забавнымъ (н. 115). «Противъ кого этотъ законъ болѣе нуженъ, противъ ро-

интелей или противъ предпринимателей?—Противъ тѣхъ и другихъ» (п. 116). «Противъ кого больше?—Какъ мнѣ на это отвѣтить?» (п. 137). «Проявляютъ ли предприниматели какое либо желаніе приспособить рабочее время къ посѣщенію школы?—«Иногда» (п. 211).

«Полняютъ ли горнорабочіе какъ вѣбудь потомъ свое воспитаніе?—Въ общемъ они становятся хуже: они приобретаютъ скверныя привычки, предаются пьянству, вѣрѣ и т. п. и окончательно опускаются» (п. 109). «Почему не посылать дѣтей въ вечерніе классы?—Въ большинствѣ каменноугольныхъ округовъ ихъ не существуетъ. Но главное дѣло въ томъ, что отъ чрезмѣрной работы дѣти такъ изнурены, что глаза у нихъ слипаются отъ усталости». «Слѣдовательно—заклѣчуягъ буржуа—вы противъ обученія?—Отнюдѣ вѣтъ; но... и т. д.» (п. 443). «Не обязаны ли собственники копей по закону 1860 г. требовать школьныхъ свидѣтельствъ при приѣмѣ на работу дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ?—По закону—да, но предприниматели не исполняютъ закона» (п. 444). «По вашему мнѣнію, эти параграфы не вездѣ соблюдаются?—Они нигдѣ не соблюдаются» (п. 717). «Интересуются ли горнорабочіе вопросомъ о воспитаніи?—Огромное большинство ихъ интересуется» (п. 718). «Забоятся ли они о соблюденіи этого закона?—Въ огромномъ большинствѣ» (п. 720). «Почему они не заставляютъ исполнять его?—Нной рабочій и хотѣлъ бы не допускать мальчиковъ безъ школьныхъ свидѣтельствъ, по онъ за это сдѣлался бы отмѣченнымъ (a marked man)» (п. 721). «Кѣмъ отмѣченнымъ?—Своимъ предпринимателемъ» (п. 722). «Вы, вѣдь, не думаете, что предприниматель станетъ преслѣдовать человека за его повиновеніе закону?—Нѣтъ, я думаю, что онъ это сдѣлаетъ».—(п. 723). «Почему рабочіе не отказываются употреблять такихъ мальчиковъ?—Это не предоставлено на ихъ выборъ» (п. 1634). «Вы требуете внимательства парламента?—Если необходимо предпринять что-нибудь дѣйствительное для воспитанія дѣтей горнорабочихъ, то необходимо сдѣлать это путемъ наданія парламентскаго акта» (п. 1636). «Необходимо это для дѣтей всѣхъ рабочихъ Великобританіи или для дѣтей горнорабочихъ?—Я нахожусь здѣсь, чтобы гонорить отъ имени горнорабочихъ» (п. 1638). «Зачѣмъ отличать дѣтей горнорабочихъ отъ другихъ?—Потому что они составляютъ исключеніе» (п. 1639). «Въ какомъ отношеніи?—Въ физическомъ» (п. 1640). «Почему обученіе необходимо для нихъ, чѣмъ для мальчиковъ другихъ классовъ?—Я не говорю, что оно для нихъ необходимо, но вслѣдствіе чрезмѣрности ихъ труда въ копяхъ они имѣютъ меньше шансовъ получить образованіе въ дневныхъ и воскресныхъ школахъ» (п. 1644). «Не правда ли, о такихъ вопросахъ нельзя разсуждать абсолютно?» (п. 1646). «Достаточно ли школъ въ округахъ?—Нѣтъ» (п. 1647). «Если государство потребуетъ, чтобы каждый ребенокъ посылался въ школу, откуда возьмутся школы для всѣхъ дѣтей?—Я думаю, что, разъ это будетъ необходимо, школы возникнутъ сами собой. Значительное большинство, не только дѣтей, но и взрослыхъ горнорабочихъ не умѣетъ ни читать, ни писать» (п. 705, 726).

3) Трудъ женщинъ. Работницы съ 1842 г., правда, не употребляются больше для работъ подъ землей, но употребляются на землѣ для нагрузки угля, для

тасканія чаповъ къ каналамъ и желѣзнодорожнымъ вагонамъ, сортировки угля и т. д. Употребленіе женскаго труда значительно увеличилось за послѣдніе 3—4 года (п. 1727). Это большей частью жены, вдовы и дочери горнорабочихъ, отъ двѣнадцати лѣтъ до 50-ти лѣтъ и 60-ти лѣтъ возраста (п. 645, 1779) (п. 648). «Что думаютъ горнорабочіе объ употребленіи женщинъ на горныя работы?—Они осуждаютъ его вообще». «Почему?—Они считаютъ это униженіемъ для женскаго пола... Женщины носятъ тамъ платье, похожее на мужское. Во многихъ случаяхъ заглушается всякій стыдъ. Многія женщины курятъ. Работа вѣдь столь же грязна, какъ и работа въ самыхъ коняхъ. Къ тому же многія изъ нихъ замужнія женщины, которыя, работая, не могутъ исполнять своихъ домашнихъ обязанностей» (п. 651 и сл.) (п. 709). «Могутъ ли вдовы находить какое-либо другое занятіе, столь же прибыльное (8—10 шиллинговъ въ недѣлю)?—Я ничего не могу сказать на счетъ этого» (п. 710). «И несмотря на это вы готовы (что за каменное сердце!) лишить ихъ этого средства къ жизни?—Вполнѣ» (п. 1715). «Чѣмъ объяснить такую рѣшимость?—Мы, горнорабочіе, питаемъ слишкомъ большое уваженіе къ прекрасному полу, чтобы равнодушно видѣть его осужденнымъ на работу въ угольныхъ коняхъ... эта работа большей частью очень тяжела. Многія изъ этихъ дѣвушекъ поднимаютъ въ день до 10 тоннъ» (п. 1732). «Думаете ли вы, что работницы, работающія въ коняхъ, безпачастивѣе тѣхъ, которыя работаютъ на фабрикахъ?—Процентъ испорченныхъ больше, чѣмъ между фабричными дѣвушками» (п. 1733). «Но вы вѣдь недовольны и состояніемъ нравственности на фабрикахъ?—Нѣтъ» (п. 1734). «Хотѣли ли бы вы запретить женскій трудъ и на фабрикахъ?—Нѣтъ, я этого не хочу» (п. 1735). «Почему нѣтъ?—Она для женскаго пола почетнѣе и подходяще» (п. 1736). «Все-таки вы полагаете, что онъ вреденъ для нравственности?—Нѣтъ, далеко не такъ, какъ работа въ коняхъ. Кромѣ того, я говорю не только съ нравственной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія физической и социальной. Социальная деградация дѣвушекъ въ коняхъ плачевная и крайняя. Когда эти дѣвушки становятся женами горнорабочихъ, мужья ихъ глубоко страдаютъ отъ этой деградации, которая гонитъ ихъ изъ дому въ кабакъ» (п. 1737). «Но развѣ нельзя этого самого сказать о женщинахъ, работающихъ въ желѣзномъ производствѣ?—Я не могу говорить о другихъ отрасляхъ производства» (п. 1740). «Какая же однако разница между женщинами, работающими въ желѣзномъ производствѣ и тѣми, которыя работаютъ въ коняхъ?—Я этимъ вопросомъ не занимаюсь» (п. 1741). «Можете ли вы открыть какую-нибудь разницу между этими двумя классами?—Я не могу сказать ничего достовѣрнаго объ этомъ, но, посредствомъ хожденія изъ дому въ домъ, я убѣдился въ постыдномъ положеіи вещей въ нашемъ округѣ» (п. 1750). «Не желали ли бы вы устранить трудъ женщинъ отовсюду, гдѣ это ихъ унижаетъ?—Да... лучшія чувства дѣтей должны имѣть своимъ источникомъ материнское воспитаніе» (п. 1751). «Но вѣдь это относится и къ женщинамъ, работающимъ въ земледѣіи?—Тамъ работа продолжается только два сезона, у насъ же онѣ работаютъ всѣ четыре сезона, часто днемъ и ночью, промокшія до костей, что разслабляетъ

организмъ и подрываетъ здоровье» (н. 1753). «Вы этого вопроса (о женскомъ трудѣ) не изучали спеціально?—Я наблюдалъ то, что происходитъ кругомъ меня, и могу сказать, что я видѣлъ не нашелъ ничего, подобнаго женскому труду въ коняхъ. Это мужская работа, и работа для сильнаго мужчины. Лучшая часть горнорабочихъ, которые стараются возвысить въ себѣ челоуѣка, вмѣсто того, чтобы найти какую либо поддержку у своихъ женъ, опускаются благодаря имъ еще ниже». Послѣ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ перекрестныхъ допросовъ со стороны гг. буржуа, секретъ ихъ «состраданія» ко вдовамъ, бѣднымъ семьямъ и т. п. выплылъ наружу: «Собственникъ копн назначаетъ главными управляющими извѣстныхъ джентльменовъ, политика которыхъ, съ цѣлью заслужить одобреніе своего начальства, заключается въ томъ, чтобы все поставить на возможно болѣе экономную ногу: двушки получаютъ пенно отъ 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенса, между тѣмъ какъ мужчинамъ пришлось бы платить 2 ш. 6 п.» (н. 1816).

4) Жюри для осмотра мертвыхъ тѣлъ (н. 360). «Довольны ли рабочіе въ вашихъ округахъ слѣдствіемъ коронера (Coroners inquest) по поводу несчастныхъ случаевъ?—Нѣтъ, они недовольны» (н. 861). «Почему нѣтъ?—Потому именно, что въ жюри назначаютъ людей, ничего не понимающихъ въ горномъ дѣлѣ. Рабочіе никогда не привлекаются, развѣ въ качествѣ свидѣтелей. Вообще берутъ собѣсныхъ лавочниковъ, находящихся подъ вліяніемъ владѣльцевъ копей, ихъ покупателей, и даже не понимающихъ техническихъ выраженій свидѣтелей. Мы требуемъ, чтобы горнорабочіе входили въ составъ жюри. Обыкновенно приговоры находятъ въ противорѣчіи съ показаніями свидѣтелей» (н. 378). «Развѣ жюри не безпристрастны?—Да» (н. 379). «А рабочіе будутъ безпристрастны?—Я не вижу никакой причины, почему бы имъ не быть безпристрастными. Они знакомы съ дѣломъ» (н. 380). «Но не будутъ ли они склонны произносить слишкомъ суровые приговоры въ интересахъ рабочихъ?—Нѣтъ, я не думаю этого».

5) Фальсификація мѣръ и вѣсовъ и т. п. Рабочіе требуютъ, чтобы расплата производилась ежедѣльно, а не развѣ въ двѣ недѣли; чтобы уголь принимался по вѣсу, а не по мѣрѣ; чтобы были приняты мѣры противъ фальшивыхъ вѣсовъ и т. д. (н. 1071). «Если чаны увеличиваются обманнымъ образомъ, то вѣдь рабочій можетъ оставить копь, предупредивъ объ этомъ за 14 дней?—Но если онъ перейдетъ на другое мѣсто, то онъ найдетъ тамъ то же самое» (н. 1072). «Но онъ можетъ же оставить мѣсто, гдѣ поступаютъ несправедливо?—Вездѣ дѣлается то же самое» (1073). «Но рабочій можетъ оставить мѣсто, предупредивъ объ этомъ за 14 дней?—Да». Ну и ладио!

6) Инспекція копей. Рабочіе страдаютъ не только отъ взрывовъ газовъ (н. 234 и сл.). «Мы имѣемъ полное основаніе жаловаться и на плохую вентиляцію въ копяхъ, гдѣ люди едва могутъ дышать; они вслѣдствіе этого становятся неспособными ни на какое другое дѣло. Такъ, напр., именно въ настоящее время, въ томъ отдѣленіи, гдѣ я работаю, смрадный воздухъ сдѣлалъ многихъ больными на цѣлыя недѣли. Въ главныхъ проходахъ воздуха, большей частью, довольно, но его недостаетъ именно въ мѣстахъ, гдѣ мы ра-

ботаемъ. Если рабочій вздумаетъ пожаловаться на счетъ вентиляціи инспектору, то онъ упольнится и становится «отыѣченнымъ» человѣкомъ, который уже не пойдетъ нигдѣ работы. «Mining inspecting Act» 1860 г. есть простой доскутокъ бумаги. Инспекторъ—число инспекторовъ слишкомъ незначительно,—дѣлаетъ, можетъ быть, разъ въ семь лѣтъ формальное посѣщеніе копи. Нашъ инспекторъ совсѣмъ неспособный, семидесятилѣтній человѣкъ, который завѣдуетъ болѣе чѣмъ 130 каменноугольными копиями. Вместе съ большимъ количествомъ инспекторовъ требуются и субъ-инспектора» (п. 280). «Правительство, слѣдовательно, должно содержать такую армію инспекторовъ, чтобы они могли дѣлать все само, безъ указанія самихъ рабочихъ? — Это невозможно; но для собиранія свѣдѣній они сами должны являться въ копи» (п. 285). «Не думаете ли вы, что результатомъ всего этого будетъ переложеніе отыѣченности (!) за вентиляцію и проч. съ владѣльцевъ копей на правительственныхъ чиновниковъ?— Ни въ какомъ случаѣ; нѣ дѣло должно состоять въ томъ, чтобы вынуждать исполненіе существующихъ уже законовъ» (п. 294). «Когда вы говорили о субъ-инспекторахъ, подразумѣвали ли вы подъ этимъ людей съ меньшимъ содержаніемъ и низшаго званія, чѣмъ теперешніе инспектора?—Я ни въ какомъ случаѣ не желаю низшихъ чиновъ, если вы можете дать лучшее положеніе» (п. 295). «Желаете ли вы побольше инспекторовъ или болѣе низкій классъ людей въ качествѣ инспекторовъ?—Мы нуждаемся въ людяхъ, которые сами бы вращались въ копияхъ и не дрожали бы за свою собственную шкуру» (п. 296). «Еслибы исполнили ваше желаніе относительно инспекторовъ низшаго сорта, то не представляла ли бы опасности ихъ недостаточная умѣлость и т. п.?— Нѣтъ; дѣло правительства назначить подходящихъ людей». Такого рода допросъ надобѣлъ, наконецъ, и самому президенту комиссіи. «Вы хотите, вставляя оныхъ, практическихъ людей, которые бы сами наблюдали за копиями и доносили инспектору, чтобы этотъ послѣдній могъ тогда примѣнять свои болѣе высокія познанія?» (п. 531). «Не потребуешь ли вентиляція всѣхъ этихъ старыхъ копей слишкомъ большихъ расходовъ?—Да, расходы, пожалуй, возросли бы, но человеческая жизнь была бы охранена» (п. 581). Одинъ горнорабочій протестуетъ противъ 17-го параграфа закона 1860 г. «Теперь, говоритъ онъ, если инспекторъ находитъ какое-либо отдѣленіе копи въ невозможномъ для работъ состояніи, то онъ долженъ извѣстить объ этомъ владѣльца копи и министра внутреннихъ дѣлъ; послѣ этого владѣльцу дается 20 дней на размышленіе; къ концу этихъ 20 дней онъ можетъ отклонить всякое измѣненіе. Но если онъ это дѣлаетъ, то долженъ написать министру внутреннихъ дѣлъ и предложить ему пять горныхъ инженеровъ, изъ которыхъ министръ выбираетъ экспертовъ. Мы утверждаемъ, что въ такомъ случаѣ владѣлецъ копи самъ назначаетъ своихъ судей» (п. 586). Буржуазный экзаменаторъ, самъ владѣлецъ копи, вставляетъ: «Это чисто умозрительное возраженіе» (п. 588). «Вы, значитъ, очень невысоко оцѣниваете честность горныхъ инженеровъ?—Я говорю, что это неправильно и несправедливо» (п. 589). «Не обладаютъ ли горные инженеры въ нѣкоторомъ родѣ общественнымъ званіемъ, которое подымаетъ ихъ рѣшеніе выше приписываемой вамъ имъ партійности?—Я отказываюсь отвѣчать на

вопросъ о личномъ характерѣ этихъ людей. Я увѣренъ, что во многихъ случаяхъ они поступаютъ очень пристрастно и что такая власть должна быть у нихъ отнята тамъ, гдѣ на карту ставятся человѣческія жизни». Тотъ же буржуа имѣетъ безстыдство спросить: «Не думаете ли вы, что и владѣльцы копей терпятъ убытки отъ взрывовъ?»—Наконецъ (п. 1042): «Не можете ли вы, рабочіе, сами взять въ руки свои интересы, не призывая на помощь правительства?—Нѣтъ».

Въ 1866 г. въ Великобританіи было 3.217 каменноугольныхъ копей и 12 инспекторовъ. Одинъ владѣлецъ копъ изъ Йоркшира (Times 25 января 1867 г.) самъ вычисляетъ, что, помимо чисто бюрократическихъ занятій инспекторовъ, поглощающихъ у нихъ все время, каждая копь можетъ быть осматрѣна лишь разъ въ 10 лѣтъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если катастрофы въ послѣднее время (особенно въ 1866 и 1867 гг.) увеличились и по числу, и по своимъ размѣрамъ (иногда онѣ сопровождаются 200—300 человѣческими жертвами). Таковы прелести «свободнаго» капиталистическаго производства.

Во всякомъ случаѣ, актъ 1873 г., какъ ни велики его недостатки, есть первый законъ, регулирующий рабочее время дѣтей въ коняхъ и возлагающій на эксплуататоровъ и владѣльцевъ копей въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственность за такъ называемые несчастные случаи.

Королевская коммиссія 1867 г. для изслѣдованія труда дѣтей, подростковъ и женщинъ въ землѣдѣліи обнаруживала нѣсколько очень важныхъ отчетовъ. Были сдѣланы различныя попытки примѣненія къ землѣдѣлію принциповъ фабричнаго законодательства въ измѣненной формѣ, но до сихъ поръ все онѣ терпѣли позистую неудачу. На что я долженъ обратить здѣсь вниманіе—такъ это на существованіе непреодолимой тенденціи ко всеобщему примѣненію этихъ принциповъ.

Если обобщеніе фабричнаго законодательства, какъ матеріальнаго и духовнаго средства защиты рабочаго класса, стало неизбежнымъ, то это законодательство, въ свою очередь, на что уже было указано выше, обобщаетъ и ускоряетъ превращеніе разсѣянныхъ мелкихъ процессовъ труда въ комбинированные процессы труда въ крупныхъ, общественныхъ размѣрахъ, т. е. обобщаетъ и ускоряетъ процессъ концентраціи капитала и единодержавіе фабричнаго режима. Оно разрушаетъ старинныя и переходныя формы, за которыми господство капитала отчасти еще прячется и замѣняетъ ихъ прямымъ и открытымъ его господствомъ. Этими оно обобщаетъ также и прямую борьбу противъ этого господства. Вынужденъ въ каждой отдѣльной мастерской единообразіе, правильность, порядокъ и экономію, оно, благодаря огромному толчку къ развитію техники, даваемому ограниченіемъ и урегулированіемъ рабочаго дня, умножаетъ аварію и катастрофы капиталистическаго производства, взятаго въ цѣломъ, увеличиваетъ интенсивность труда и конкуренцію машинъ съ рабочими. Упраздняя мелкое производство и домашнюю промышленность, оно уничтожаетъ послѣднія убѣжища «излишнихъ» и этими самымъ существовавшій до сихъ поръ предохранительный клапанъ всего общественнаго механизма. Вместе съ матеріальными условіями и общественной концентраціей процесса производства оно раз-

вивает до полной зрѣлости противорѣчія и антагонизмы капиталистической фирмы этого процесса, а слѣдовательно — и элементы для созданія новаго общества и силы для коренного преобразованія стараго ²³⁾.

10. Крупная промышленность и земледѣліе.

Переворотъ, производимый крупной промышленностью въ земледѣліи и въ общественныхъ отношеніяхъ ея производственныхъ дѣателей, можетъ быть изложенъ лишь позже. Здѣсь же достаточно будетъ кратко предвосхитить нѣкоторые результаты позднѣйшаго изложенія. Если употребленіе машинъ въ земледѣліи большей частью свободно отъ того физическаго вреда, который оно при-

²²⁾ Робертъ Оувинъ, отецъ кооперативныхъ фабрикъ и потребителныхъ обществъ, который, однако, какъ мы это уже замѣтили, отнюдь не раздѣлялъ иллюзіи слѣдующихъ подражателей насчетъ вначенія этихъ изобретенныхъ преобразовательныхъ попытокъ, не только практически исходилъ изъ фабричной системы въ своихъ опытахъ, но и теоретически провозглашалъ ее исходной точкой социальной революціи. Г. Vissering, профессоръ политической экономіи въ Лейденскомъ университетѣ, пишетъ, какъ будто догадываясь объ этомъ, такъ какъ въ своемъ «Handboek van Praktische Staatshuishoudkunde». 1860—62, воспроизводящемъ въ самой подлежащей формѣ всѣ плоскости вульгарной экономіи, онъ защищаетъ ремесленное производство противъ крупной промышленности. — [Къ 4-му изданію. — «Новая юридическая мѣшаница» *], созданная англійскимъ законодательствомъ посредствомъ другъ другу противорѣчащихъ Factory Acts, Factory Extension Act и Workshop Act, стала наконецъ невыносима и потому въ Factory and Workshop Act, 1878 г. явился на свѣтъ кодификація всего фабричнаго законодательства. Подробная критика нынѣ дѣйствующаго англійскаго промышленнаго кодекса не можетъ быть, разумеется, здѣсь дана. Достаточно будетъ слѣдующихъ замѣчаній. Актъ этотъ обнимаетъ: 1) Текстильные фабрики. Здѣсь почти все остается по старому: дѣти старше 10 лѣтъ могутъ работать ежедневно 5 1/2 часовъ, или 6 ч., за то въ субботу вовсе не работаютъ; подростки и женщины работаютъ — по 10 ч. въ теченіе пяти дней, а въ субботу не больше 6 1/2. — 2) Всѣ остальные фабрики. Здѣсь постановленія болѣе опредѣленны чѣмъ прежде, однако все же вымѣются кое какія, благоприятныя для капиталиста, исключенія, которые, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть еще расширены. — 3) Work-hops — мастерскія. Относительно нихъ повторяется приблизительно то же самое, что было въ прежнемъ актѣ; но поскольку въ нихъ работаютъ дѣти, подростки и женщины, мастерскія почти приравнены къ текстильнымъ фабрикамъ, съ нѣкоторыми однако облегченіями въ частности. — 4) Мастерскія, въ которыхъ не работаютъ ни дѣти, ни подростки, а лишь лица обоего пола старше 18-ти лѣтъ; для этой категоріи существуютъ еще дальнѣйшія облегченія. — 5) Domestic workshops — домашнія мастерскія, въ которыхъ работаютъ лишь члены семьи въ собственной квартирѣ семьи. Относительно нихъ дѣйствуютъ еще болѣе вѣстичныя правила и одновременно такое ограниченіе, по которому инспекторъ, безъ особаго министерскаго или судебнаго разрѣшенія, можетъ посѣщать лишь такія помѣщенія, которые не служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жилищамъ помѣщеніями, и, наконецъ, полная свобода для пестенія, въ семьѣ, соловьями и кружевъ и шитья перчатокъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ этотъ актъ все-таки представляетъ, рядомъ съ швейцарскимъ федеральнымъ фабричнымъ закономъ 23 марта 1877 г., самый лучший законъ въ этой области. Сравненіе этого закона съ упомянутымъ швейцарскимъ федеральнымъ закономъ представляетъ особый интересъ, такъ оно весьма наглядно показываетъ преимущества и недостатки обоихъ законодательныхъ методовъ — англійскаго «историческаго» метода, создающаго нормы по конкретнымъ поводамъ, вассоеваніямъ, и континентальнаго, болѣе обобщающаго метода, основаннаго на традиціяхъ французской революціи. Изъ сожалѣнія, англійскій кодексъ, въ примѣненіи къ мастерскимъ, все еще остается «мертвой буквой» изъ-за недостаточности инспекторскаго персонала. — Ф. З.]

²³⁾ Въ оригиналѣ: Dr. Neue juristische Rattenkönig — «новый юридическій мышь король». Крысы и мышь называются въ немъ, соединенными (до 27 издѣянія) животными. Прил. П. С.

чиняетъ фабричнымъ рабочимъ ³²³⁾, то въ смыслъ созданія «избыточныхъ» людей оно дѣйствуетъ за то здѣсь еще питается и встрѣчаетъ еще меньше сопротивленія, какъ мы это покажемъ въслѣдствіи болѣе подробно. Въ графствахъ Кембриджъ и Суффолкъ, напр., площадь обрабатываемой земли въ послѣдніе годы сильно расширилась, между тѣмъ какъ сельское населеніе за этотъ самый періодъ уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. Въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки земледѣльческія машины пока замѣщаютъ рабочихъ лишь потенциально (virtuell), т. е. онѣ позволяютъ производителю обрабатывать большую площадь, но не прогоняютъ уже занятыхъ въ дѣйствительности рабочихъ. Въ Англіи и Уэльсѣ число занятыхъ въ производствѣ земледѣльческихъ машинъ было, въ 1861 г., 1.034, между тѣмъ какъ число земледѣльческихъ рабочихъ, занятыхъ при паровыхъ и рабочихъ машинахъ, было лишь 1.295.

Въ сферѣ земледѣлія крупное производство дѣйствуетъ наиболѣе революціоннымъ образомъ, поскольку оно разрушаетъ оплотъ стараго общества, «крестьянина-земледѣльца» (Bauer) и подмываетъ его наемнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ, потребность социальнаго переустройства и социальные антагонизмы, царящіе въ городѣ, распространяются и на деревню. Мѣсто рутиннаго и нерациональнаго способа производства занимаетъ сознателное, технологическое примѣненіе науки. Капиталистическій способъ производства окончательно разрываетъ родственную связь, соединявшую земледѣліе и мануфактуру въ ихъ дѣтствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создаетъ матеріальныя условія для новаго, высшаго синтеза, для союза земледѣлія и промышленности на основѣ ихъ антагонистически выработавшихся формъ. Съ постоянно возрастающимъ перенѣсомъ городского населенія, которое капиталистическое производство скопляется въ большихъ центрахъ, оно, съ одной стороны, накапливаетъ историческую двигательную силу общества, а съ другой—препятствуетъ обмѣну веществъ между человекомъ и землей, т. е. возвращенію человекомъ земли того, что онъ беретъ отъ нея въ видѣ пищи и одежды, слѣдовательно—лишаетъ почву необходимаго условія ея устойчиваго плодородія. Тѣмъ самымъ оно разрушаетъ физическое здоровье городскихъ рабочихъ и духовную жизнь сельскихъ ³²⁴⁾. Но, разрушая стихійно и безсознательно развившіяся условія этого обмѣна веществъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждаетъ его систематическое возстановленіе въ качествѣ закона, управляющаго общественнымъ производствомъ и въ формѣ, соответствующей полному развитію человечества, въ формѣ такому развитію являющейся. Въ земледѣліи, какъ и въ мануфактурѣ, капиталистическое преобразованіе

³²³⁾ Подробное описаніе употребляемыхъ въ англійскомъ земледѣліи машинъ можно найти въ «Die landwirthschaftlichen Gerathe und Maschinen Englands von Dr. W. Hamn. 2 Aufl. 1856». Въ своемъ очеркѣ историческаго развитія англійскаго земледѣлія Hamn слѣдуетъ слишкомъ некритически Леопсу де Лаверию [Къ 4-му изд.—Теперь, разумеется, это сочиненіе уже устарѣло.—Ф. Э.].

³²⁴⁾ «Вы раздѣляете народъ на два враждебныхъ лагеря—грубую деревенщину и слабосильныхъ карликовъ. Божо мой! Нація, раздѣленная на земледѣльческіе и промышленные классы, считаетъ себя вполнѣ здоровой и даже провозглашаетъ себя просвѣщенной и цивилизованной, не вопреки, а въслѣдствіе этого самаго чудовищнаго, неестественнаго раздѣленія!» (David Urquhart, I. c. p. 119). Это мѣсто показываетъ одновременно и силу и слабость такого рода критики, которая умѣетъ судить и осуждать современность, но не способна ее понимать.

производства есть въ тоже время мартирологъ производителей, орудіе труда является зѣсь средствомъ порабощенія, эксплуатаціи и пауперизаціи рабочаго, а общественная комбинація процесса труда—ограниженнымъ подавленіемъ его живой личности, ея свободы и самостоятельности. Разстѣяние сельскихъ рабочихъ по большимъ пространствамъ слабитъ ихъ силу сопротивленія, между тѣмъ какъ у городскихъ рабочихъ концентрація ихъ увеличиваетъ эту силу. Какъ въ городской промышленности, такъ и въ современномъ земледѣліи повышение производительной силы и большая подвижность труда покупаются цѣной разрушенія и истощенія самой рабочей силы. И всякій прогрессъ капиталистическаго земледѣлія есть не только прогрессъ въ искусствѣ грабить рабочаго, но имѣетъ съ тѣмъ и прогрессъ въ искусствѣ распахивать почву, а всякій прогрессъ въ усиленіи на время плодородія земли есть вытѣсъ съ тѣмъ прогрессъ въ дѣлѣ разрушенія постоянныхъ источниковъ этого плодородія. Чѣмъ болѣе какая-либо страна, напр. Соед. Шт. Сѣв. Америки, въ своемъ развитіи исходитъ отъ крупнаго производства, тѣмъ скорѣе происходитъ этотъ разрушительный процессъ³²³). Такимъ образомъ, капиталистическое производство, развивая технику и концентрацію общественнаго процесса производства, но въ тоже время подтачиваетъ самые источники всякаго богатства: землю и работника.

³²³) Ср. Liebig: Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie 7 Auflage 1862*, особенно въ первомъ томѣ «Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaus». Раскрытіе, съ научной точки зрѣнія, отрицательной стороны современнаго сельскаго хозяйства составляетъ одну изъ безсмертныхъ заслугъ Либиха. Его историческіе обзоры развитія агрикультуры, хотя заключаютъ нѣкоторые грубые ошибки, бросили не мало свѣта на вопросы этой области. Остается пожалѣть, что онъ пытается высказывать наобумъ нѣкоторые взгляды, вродѣ, напр., слѣдующаго: «Циркуляція воздуха внутри пористыхъ частей земли совершается тѣмъ дѣйствіемъ, чѣмъ чаще землю пашутъ и чѣмъ совершеннѣе ея измѣзаченіе, чѣмъ болѣе увеличивается и обновляется та почвенная поверхность, на которую воздухъ долженъ дѣйствовать, но легко понять, что излишекъ продукта земли не можетъ быть пропорціоналенъ затраченному на нее труду, а возрастаетъ въ гораздо меньшей пропорціи. Этотъ законъ—прибавляетъ Либихъ—былъ впервые провозглашенъ Дж. Ст. Миллемъ въ его сочиненіи Основанія политической экономіи, т. 1, стр. 17, въ слѣдующихъ словахъ: «Продуктъ земли, при прочихъ равныхъ условіяхъ, возрастаетъ въ меньшей пропорціи чѣмъ число занятыхъ на ней рабочихъ—таковъ общій законъ сельскохозяйственнаго производствъ». (Милль повторяетъ здѣсь, въ неутвержденной формулировкѣ, законъ Рикардо; но, такъ какъ уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ шло въ Англіи постоянно рядомъ съ прогрессомъ земледѣлія, то законъ, найденный въ Англіи и для Англіи, не былъ бы примѣнимъ, по крайней мѣрѣ, въ Англіи). «Отрицать довольно замѣчательное, прибавляетъ Либихъ, такъ какъ Милль не зналъ конституціоннаго имъ явленія» (Liebig l. c. Bd I, p. 143, Note). Помимо неправильнаго толкованія слова «трудъ», подъ которымъ Либихъ понимаетъ нечто другое, чѣмъ политическая экономія, во всякомъ случаѣ «довольно замѣчательно», что онъ дѣлаетъ Дж. Ст. Милля первымъ провозвѣстникомъ теоріи, которую Джеймсъ Андерсонъ впервые обнаружилъ во времена Ад. Смита и потомъ повторилъ во многихъ сочиненіяхъ до начала востановаго столѣтія, которую Милль, вообще мастеръ на плагиаты (вся его теорія населенія представляетъ безстыдный плагиатъ), присвоилъ себѣ въ 1815 г., которую Уэстъ (West) развили одновременно съ Андерсономъ, но независимо отъ него, которую Рикардо, въ 1817 г., привелъ въ гармонію съ общей теоріей цѣности, которая съ тѣхъ поръ подъ его именемъ обошла весь міръ, которую въ 1820 г. вульгаризировалъ Джеймсъ Милль (отецъ Дж. Ст. Милля) и которая, наконецъ, въ качествѣ превратившагося въ общее мѣсто школьнаго догмата, была, между прочимъ, повторена и Дж. Ст. Миллемъ. Неоспоримо, что Дж. Ст. Милль обязанъ своимъ во всякомъ случаѣ «замѣчательнымъ» авторитетомъ почти исключительно подобнымъ qui pro quo.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Производство абсолютной и относительной прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Абсолютная и относительная прибавочная цѣнность.

Мы рассматривали процессъ труда сначала абстрактно (см. пятую главу), независимо отъ его историческихъ формъ, какъ процессъ между человекомъ и природой. Мы говорили тамъ: «если рассматривать весь процессъ труда съ точки зрѣнія его результата, тогда оба, орудія труда и объектъ труда, являются средствами производства, а самый трудъ—производительнымъ трудомъ». Въ примѣчаніи же седьмомъ (7) мы прибавили: «это опредѣленіе производительнаго труда, даваемое съ точки зрѣнія простого процесса труда, ни въ какомъ случаѣ не достаточно для капиталистическаго процесса производства». Здѣсь мы должны развить это болѣе подробно.

Поскольку процессъ труда является чистого индивидуальнымъ, постольку одинъ в тотъ же рабочій соединяетъ всѣ функціи, которыя потомъ раздѣляются. Въ индивидуальномъ присвоеніи предметовъ природы для своихъ жизненныхъ цѣлей онъ контролируетъ себя самого; въослѣдствіи же его контролируютъ. Каждый отдѣльный человекъ не можетъ вліять на природу, не приводя въ дѣйствіе своихъ собственныхъ мускуловъ, подъ контролемъ своего собственнаго мозга. Какъ въ системѣ природы голова и руки нераздѣльны, точно такъ же въ процессѣ труда соединяются умственный трудъ и ручной трудъ. Позднѣе они раздѣляются и становятся враждебными противоположностями. Продуктъ превращается вообще изъ непосредственнаго продукта индивидуальнаго производителя въ общественный, въ коллективный продуктъ совокупнаго рабочаго, т. е. комбинированнаго рабочаго персонала, члены котораго ближе или дальше отстоятъ отъ обрабатываемаго объекта. Съ кооперативнымъ характеромъ самого процесса труда необходимо расширяется, поэтому, и понятіе о производительномъ трудѣ и носителѣ его, производительномъ рабочемъ. Теперь уже нѣтъ необходимости касаться руками обрабатываемаго объекта; чтобы работать производительно, достаточно быть органомъ совокупнаго рабочаго, исполнять какую нибудь изъ его отдѣльныхъ функцій. Вышеприведенное первоначальное опредѣленіе производительнаго труда, вытекающее изъ природы самаго матеріальнаго производства, остается всегда вѣрнымъ для совокупнаго рабочаго, рассматрив-

ваемого какъ собирательная единица, но оно не приложимо уже къ каждому изъ его членовъ, взятому въ отдѣльности.

Но, съ другой стороны, понятіе о производительномъ трудѣ суживается. Капиталистическое производство есть не только производство товаровъ, оно по своему существу есть производство прибавочной цѣнности. Рабочій производит не для себя, но для капитала. Недостаточно поэтому, чтобы рабочій вообще производилъ: онъ долженъ производить прибавочную цѣнность. Только тотъ рабочій производитель, который производитъ прибавочную цѣнность для капиталиста, или служить для самовозрастанія капитала. Если выбирать примѣръ въ сферы матеріальнаго производства, то школьный учитель является производительнымъ рабочимъ тогда, когда онъ не только обрабатываетъ головы ребятъ, но когда онъ и самъ зарабатываетъ ради обогащенія предпринимателя. То обстоятельство, что послѣдній вложилъ свой капиталъ въ учебную фабрику, а не въ колбасную, несколько не мѣняетъ дѣла. Понятіе о производительномъ работникѣ отнюдь не объемлетъ собой только отношенія между дѣятельностью и полезнымъ эффектомъ, между работникомъ и продуктомъ труда, но и специфическое, исторически возникшее, общественное отношеніе производства, дѣлающее работника непосредственнымъ орудіемъ возрастанія капитала. Быть производительнымъ работникомъ, поэтому, не счастье, а бѣда. Въ четвертой книгѣ того сочиненія *), гдѣ разсматривается исторія теорій, мы увидимъ, что классическая политическая экономія всегда считала производство прибавочной цѣнности характернымъ и рѣшающимъ признакомъ производительнаго работника. Съ ея представленіемъ о приростѣ прибавочной цѣнности измѣняется поэтому и ея опредѣленіе производительнаго работника. Физіократы, напр., считают только земледѣльческій трудъ производительнымъ, такъ какъ только онъ якобы доставляетъ прибавочную цѣнность. Но, вѣдь, для физіократовъ и прибавочная цѣнность существуетъ исключительно въ формѣ земельной ренты.

Удлинненіе рабочаго дня за тотъ предѣлъ, когда рабочій производитъ только эквивалентъ цѣнности своей рабочей силы, и присвоеніе этого прибавочнаго труда капиталомъ, это и есть производство абсолютной прибавочной цѣнности. Оно составляетъ всеобщее основаніе капиталистической системы и исходный пунктъ производства относительной прибавочной цѣнности. При немъ рабочій день изначала является раздѣленнымъ на двѣ части: необходимый трудъ и прибавочный трудъ. Для удлинненія прибавочнаго труда необходимый трудъ сокращаютъ такими методами, посредствомъ которыхъ эквивалентъ заработной платы производится въ меньшее время. При производствѣ абсолютной прибавочной цѣнности дѣло идетъ только о длинѣ рабочаго дня, производство же относительной прибавочной цѣнности производить полный переворотъ въ техническихъ процессахъ труда и въ общественныхъ группировкахъ.

Оно предполагаетъ специфически-капиталистическій способъ производства, который, со своими методами, средствами и условіями самъ стихійно возникаетъ и развивается лишь на основѣ формальнаго подчиненія труда капиталу. На мѣсто формальнаго теперь является реальное подчиненіе труда капиталу.

*) Т. е. въ четвертомъ, еще не опубликованномъ, томѣ «Капитала». *Прим. П. С.*

Достаточно простого указанія на промежуточные или убулочныя формы (Zwitterformen), при которых прибавочный трудъ не высасывается изъ производителя непосредственнымъ принужденіемъ, но въ тоже время нѣтъ еще формальнаго подчиненія труда капиталу. Капиталъ здѣсь не овладѣлъ еще непосредственно самымъ процессомъ труда. Рядомъ съ самостоятельными производителями, которые традиціоннымъ, отъ предковъ унаслѣдованнымъ способомъ занимаются ремеслами и земледѣльствомъ, является ростовщикъ или купецъ, ростовщическій или торговый капиталъ, который, подобно паразиту, высасываетъ ихъ. Преобладаніе этой формы эксплуатаціи въ обществѣ исключаетъ капиталистическій способъ производства, въ которому эта форма, съ другой стороны, какъ мы это видимъ изъ позднее средневѣковье, можетъ составлять переходную ступень. Наконецъ, какъ это видно на примѣрѣ современнаго домашняго производства (Hausarbeit), извѣстныя промежуточные формы мѣстами возникаютъ и на заднемъ фонѣ крупной промышленности, правда, съ совершенно измѣненной физіономіей.

Если для производства абсолютной прибавочной цѣнности достаточно лишь формальнаго подчиненія труда капиталу, напр., чтобы ремесленника, которые раньше работали на самихъ себя, или въ качествѣ подмастерьевъ на цѣхового мастера, теперь въ качествѣ наемныхъ рабочихъ поступили подъ непосредственный контроль капиталиста, то, съ другой стороны, мы имѣемъ, какъ способы производства относительной прибавочной цѣнности составляютъ въ то же самое время и способы производства абсолютной прибавочной стоимости. Безграничное удлинненіе рабочаго дня явилось передъ нами, какъ кровавое порожденіе крупной промышленности. Вообще специфически капиталистическій способъ производства перестаетъ быть только способомъ производства относительной прибавочной цѣнности, какъ только онъ овладѣваетъ цѣлою отраслью промышленности или, еще больше—всеми важнѣйшими отраслями промышленности. Онъ становится тогда всеобщей господствующей въ обществѣ формой процесса производства. Какъ особый способъ производства относительной прибавочной цѣнности онъ дѣйствуетъ еще лишь постольку, поскольку, во 1-хъ, онъ подчиняетъ капиталу отрасли промышленности, до сихъ поръ лишь формально ему подчиненныя, т. е., такъ сказать, какъ пропагандистъ; во 2-хъ, поскольку, измѣняя методы производства, онъ постоянно революціонизируетъ отрасли промышленности, уже подпавшія подъ его власть.

Съ извѣстной точки зрѣнія различіе между абсолютной и относительной прибавочной цѣнностью кажется вообще призрачнымъ. Относительная прибавочная цѣнность абсолютна, потому что она требуетъ абсолютнаго удлинненія рабочаго дня сверхъ времени, необходимаго для существованія самого рабочаго. Абсолютная прибавочная цѣнность относительна, потому что она обуславливаетъ собой такое развитіе производительности труда, которое позволяетъ ограничить частью рабочаго дня необходимое рабочее время. Но если имѣть въ виду движеніе прибавочной цѣнности, то этотъ призракъ тождества исчезаетъ. Разъ капиталистическое производство установилось и стало всеобщимъ способомъ производства, различіе между абсолютной и относительной прибавочной цѣнностью даетъ знать о себѣ какъ только дѣло будетъ идти о повышеніи вообще

уровня прибавочной ценности. Предположивъ, что рабочая сила оплачивается по ея ценности, мы приходимъ къ слѣдующей альтернативѣ. При данной производительности труда и нормальной степени его интенсивности уровень прибавочной ценности можетъ быть повышаемъ только путемъ абсолютнаго удлиненія рабочаго дня; съ другой стороны, при данныхъ границахъ рабочаго дня уровень прибавочной ценности можетъ быть повышаема только посредствомъ относительнаго измѣненія величины его составныхъ частей, т. е. необходимаго труда и прибавочнаго труда, что, въ свою очередь—если плата не опускается ниже ценности рабочей силы—предполагаетъ измѣненіе въ производительности или интенсивности труда.

Если рабочему нужно все его время для производства средствъ существованія, необходимыхъ для него самого и для его семейства, то у него не остается времени работать даромъ для третьихъ лицъ. Безъ известной степени производительности труда у рабочаго нѣтъ такого свободнаго времени, безъ избытка времени не существуетъ прибавочнаго труда, а слѣдовательно нѣтъ и капиталистовъ, но нѣтъ также ни рабовладѣльцевъ, ни феодалныхъ бароновъ, сломомъ, нѣтъ класса крупныхъ собственниковъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, объ естественномъ основаніи прибавочной ценности можно говорить только въ томъ самомъ общемъ смыслѣ, что не существуетъ абсолютнаго естественнаго препятствія, которое мѣшало бы кому-нибудь сбросить съ себя и переложить на другого трудъ, необходимый для поддержанія существованія, точно такъ же какъ нѣтъ абсолютныхъ естественныхъ препятствій, мѣшающихъ однимъ людямъ употреблять въ пищу мясо другихъ ^{1а)}. Съ этой стихійной производительностью труда не должно ни въ какомъ случаѣ связывать, какъ это иногда дѣлается, мистическихъ представленій. Только когда люди выходятъ изъ своего первобытнаго зѣфирнаго состоянія, когда трудъ ихъ, слѣдовательно, уже до известной степени обобществляется, только тогда являются отношенія, при которыхъ прибавочный трудъ однихъ становится условіемъ существованія другихъ. Въ началѣ культурной жизни достигнутая производительная сила труда незначительна, но также незначительны и потребности, которыя развиваются вмѣстѣ со средствами удовлетворенія и въ зависимости отъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время та часть общества, которая живетъ чужимъ трудомъ, чрезвычайно еще мала въ сравненіи съ массой непосредственныхъ производителей. Съ прогрессомъ общественной производительной силы труда часть эта возрастаетъ абсолютно и относительно ²⁾. Отношеніе, именую-

¹⁾ «Самое существованіе хозяевъ-капиталистовъ, какъ отдѣльнаго класса, зависитъ отъ производительности промышленности» (Ramsay I. с. р. 206). «Если бы труда каждого человека было достаточно только для производства его собственныхъ средствъ существованія, то не могло бы быть собственности». (Ravenstone I. с. р. 14, 15).

^{1а)} По недавно сдѣланному вычисленію въ разныхъ уже послѣдовавшихъ мѣстахъ земли живетъ еще по крайней мѣрѣ четыре милліона каннибаловъ.

²⁾ «У индійцевъ Америки почти все принадлежитъ земледѣльцу, 99 частей изъ 100 приходятся на долю труда; въ Англіи земледѣлецъ былъ можетъ не получать и ^{2/3}». («The Advantages of the East India Trade etc» p. 73).

мое капиталомъ, возникаетъ, впрочемъ, на экономической почвѣ, составляющей продуктъ продолжительнаго процесса развитія. Существующая производительность труда, служащая основаніемъ и исходнымъ пунктомъ капиталистическаго производства, есть даръ не природы, но исторіи, обнимающей тысячи вѣковъ.

Помимо большаго или меньшаго разнітія общественнаго производства, производительность труда зависитъ отъ естественныхъ условій. Они всѣ могутъ быть сведены къ природѣ самого человѣка, расѣ и т. д., или къ окружающей его природѣ. Внѣшнія условія природы съ экономической точки зрѣнія распадаются на двѣ большія группы: естественныя богатства, воплощенные въ средствахъ существованія, т. е. плодородіе почвы, обильныя рыбой воды и т. д., и естественныя богатства, воплощенные въ средствахъ труда, какъ-то водяная сила, судоходныя рѣки, лѣсъ, металлы, уголь и т. д. Въ началѣ цивилизаціи рѣшающее значеніе имѣетъ первый, а на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія второй родъ естественныхъ богатствъ. Достаточно сравнить, напр., Англію съ Индіей, или въ древнемъ мірѣ Аравію и Коринѣ съ побережьемъ Черваго моря.

Чѣмъ меньше число естественныхъ потребностей, которыя абсолютно требуютъ удовлетворенія, и чѣмъ болѣе естественное плодородіе почвы, а климатъ благоприятенъ, тѣмъ меньше рабочее время, необходимое для поддержанія и воспроизведенія жизни производителя, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, можетъ быть излишекъ его труда для другихъ, сравнительно съ его трудомъ для самого себя. Такъ уже Діодоръ говоритъ о древнихъ египтянахъ: «Совершенно невѣроятно, какъ мало труда и расходовъ причиняетъ имъ воспитаніе дѣтей. Они готовятъ для нихъ первую попавшуюся простую пищу; онѣ даютъ имъ ту нижнюю часть папируса, которую можно жарить на огнѣ, и корни и стебли болотныхъ растений, частью въ сыромъ, частью въ вареномъ и жареномъ видѣ. Большинство дѣтей ходитъ босикомъ и безъ одежды, такъ какъ климатъ тамъ очень мягкій. Поэтому дѣтя, пока подростетъ, стоить своимъ родителямъ не болѣе 20 драхмъ. Этими, главнымъ образомъ, объясняется многочисленность населенія въ Египтѣ и то, что тамъ могли быть произведены такіе большіе сооруженія» ³⁾. Но великія сооруженія древняго Египта менѣе зависѣли отъ численности его населенія, чѣмъ отъ тѣхъ разнѣровъ, въ которыхъ трудъ этого населенія былъ «свободенъ» для другихъ. Какъ индивидуальныя рабочія могутъ доставлять тѣмъ болѣе прибавочнаго труда, чѣмъ меньше его необходимое рабочее время, точно такъ же, чѣмъ меньше та часть рабочаго населенія, которая занята производствомъ необходимыхъ средствъ существованія, тѣмъ болѣе та часть его, которую можно располагать для другихъ работъ.

Разъ существуетъ капиталистическое производство, величина прибавочнаго труда, при прочихъ равныхъ условіяхъ и при данной продолжительности рабочаго дня, измѣняется въ зависимости отъ естественныхъ условій труда, въ томъ числѣ и отъ плодородія почвы. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ обратнаго, что наиболѣе плодородная почва всего болѣе благоприятствуетъ росту капиталистическаго способа производства. Послѣднее предполагаетъ господство

³⁾ Diodor l. c., I, c. 80.

человѣка надъ природой. Слишкомъ расточительная природа «ведетъ человѣка, какъ мать ведетъ дитя на помочахъ». Она не дѣлаетъ его собственное развитіе естественною необходимостью ⁴⁾. Родина капитала не въ тропическомъ климатѣ съ роскошною растительностью, а въ умѣренномъ поясѣ. Не абсолютное плодородіе почвы, но ея дифференціація, разнообразіе ея естественныхъ продуктовъ составляетъ естественное основаніе общественнаго раздѣленія труда; она разнообразіемъ окружающихъ человѣка естественныхъ условий побуждаетъ его разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы труда. Необходимость устанавливать общественный контроль надъ той или другой силой природы, вести ей точный счетъ, посредствомъ крупныхъ сооружений рукъ человеческихъ присваивать или покорять ее себѣ играетъ рѣшающую роль въ исторіи промышленности. Таково было, напр., урегулированіе воды въ Египтѣ ⁵⁾, Ломбардія, Голландія и т. д., или въ Индіи и Персіи, гдѣ орошеніе посредствомъ искусственныхъ каналовъ снабжаетъ почву не только необходимою водою, но доставляетъ еще ей выѣстъ съ тѣмъ и минеральное удобреніе съ горъ. Въ канализаціи заключался секретъ процвѣтанія промышленности въ Испаніи и Сициліи во времена арабскаго владычества ⁶⁾.

Благопріятныя естественныя условія создаютъ всегда только возможность, но никогда не—реальное существованіе прибавочнаго труда, а, стало быть, и прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта. Различіе естественныхъ условій труда сказывается въ томъ, что одно и то же количество труда въ раз-

⁴⁾ «Первое (естественныя богатства), будучи болѣе благороднымъ и выгоднымъ, дѣлаетъ народъ безпечнымъ, гордымъ и преданнымъ изнѣществу, между тѣмъ какъ второе усиливаетъ дѣятельность, развиваетъ литературу, искусства и политику». («*England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure. Written by Thomas Mun. of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun. Lond. 1669, p. 181, 182.*»). «Я также не могу представить себѣ большаго несчастія для народа, какъ быть брошеннымъ въ такую мѣстность, гдѣ земля въ крупныхъ раздѣлахъ производитъ пищу и средства существованія безъ приложенія труда, и гдѣ климатъ требуетъ или допускаетъ мало яботы объ одеждѣ.... можетъ быть противоположная крайность. Почва, неспособная производить при посредствѣ труда, такъ же дурна, какъ и почва, произволящая въ изобиліи безъ всякаго труда». (*An Inquiry into the Present High Price of Provisions. Lond. 1767, p. 10.*)

⁵⁾ Необходимость вычислять періоды движенія Нила создала египетскую астрономію и выѣстъ съ нею господство касты жрецовъ въ качествѣ руководителей земледѣлія. «Солнцестояніе—это то время года, когда вода въ Нилѣ начинаетъ прибывать; его египтяне должны были наблюдать съ особеннымъ вниманіемъ... Имъ необходимо было опредѣлить этотъ тропическій годъ, чтобы подлежащимъ образомъ расположить свои земледѣльческія работы. Поэтому они должны были искать на небѣ видимаго знака его возвращенія». (Cuvier: «*Discours sur les révolutions du globe*» éd. Hoefer. Paris 1863, p. 141).

⁶⁾ Регулированіе притока воды было однимъ изъ матеріальныхъ основаній власти правительствъ надъ мелкими, разрозненными производственными органами Индіи. Магометанскіе владетели Индіи понимали это лучше, чѣмъ ихъ англійскіе преемники. Стоитъ только вспомнить голодъ 1866 г., стоившій жизни болѣе чѣмъ милліону индусовъ Орисскаго округа, въ Бенгальскомъ президентствѣ.

личныхъ странахъ удовлетворяетъ различное количество потребностей ⁷⁾, что, следовательно, при прочихъ аналогичныхъ условіяхъ необходимое рабочее время бываетъ различно. На прибавочный трудъ это различіе дѣйствуетъ только какъ естественная граница, опредѣляя тотъ пунктъ, съ котораго можетъ начинаться работа для другихъ. Но мѣръ того, какъ промышленность идетъ впередъ, эта естественная граница отодвигается назадъ. Въ западноевропейскомъ обществѣ, гдѣ рабочій только прибавочнымъ трудомъ покупаетъ себѣ позволеніе работать для собственнаго существованія, легко себѣ вообразить, что доставленіе прибавочнаго продукта есть природное свойство человеческого труда ⁸⁾. Но возьмемъ, напр., жителей восточныхъ острововъ азіатскаго архипелага, гдѣ само растеніе въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ. «Когда жители, пробуравивъ отверстіе въ деревѣ, убѣждаются, что сердцевина сибла, они срубаютъ дерево и дѣлятъ его на много частей; сердцевину выскабливаютъ, смѣшиваютъ съ водой, которую отцѣживаютъ, и получаютъ вполнѣ годную къ употребленію саговую муку. Одно дерево обыкновенно даетъ до 300 ф. и можетъ давать до 500—600 ф. Такимъ образомъ, тамъ идутъ въ лѣсъ и рѣжутъ себѣ хлѣбъ, какъ у насъ въ лѣсу рубятъ дрова для отопленія» ⁹⁾. Предположимъ, что такому восточноазиатскому хлѣбопашу нужно 12 рабочихъ часовъ въ недѣлю для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Непосредственный даръ, который даетъ ему природа,—это большое количество досуга. Для того, чтобы онъ употреблялъ его произвольно для самого себя, необходимы цѣлый рядъ историческихъ условій, для того же, чтобы онъ тратилъ его на прибавочный трудъ для другихъ лицъ, необходимо внѣшнее принужденіе. Если бы тамъ было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы, можетъ быть, работать 6 дней въ недѣлю, чтобы присвоивать въ свою пользу продуктъ одного рабочего дня. Щедрость природы не объясняетъ, почему онъ теперь работаетъ 6 дней въ недѣлю, или почему онъ даетъ 5 дней прибавочнаго труда. Она объясняетъ только, почему его необходимое рабочее время ограничено однимъ днемъ въ не-

⁷⁾ «Нѣтъ двухъ странъ, которыя доставляли бы одинаковое количество предметовъ, необходимыхъ для жизни, съ одинаковымъ изобиліемъ и съ однимъ и тѣмъ же количествомъ труда. Потребности человека увеличиваются или уменьшаются, соответственно суровости или умѣренности климата, въ которомъ онъ живетъ. Развитыя, следовательно, въ которыхъ жители различныхъ странъ принуждены по необходимости вести свое производство, не могутъ быть одинаковыми; невозможно также опредѣлять степень этого различія чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ степенью тепла и холода. Отсюда можно вывести то общее заключеніе, что количество труда, необходимаго для опредѣленнаго количества людей, больше въ холодномъ климатѣ и меньше въ тепломъ; въ первомъ не только человекъ больше нуждается въ одеждѣ, но и земля нуждается въ большей обработкѣ, чѣмъ во второмъ». («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest. Lond. 1750», р. 60). Авторъ этого анонимнаго сочиненія, составившаго эпоху—J. Massey. Юмъ заимствовалъ отсюда свою теорію процента.

⁸⁾ «Каждый трудъ долженъ (это, повидимому, тоже принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ гражданина) давать избытокъ». (Proudhon).

⁹⁾ F. Shouw: «Die Erde, die Pflanze und der Mensch.» 2 Aufl. Leipzig, 1854 р. 148.

дѣлю. Но его прибавочный продуктъ ни въ какомъ случаѣ не происходитъ изъ врожденнаго человѣческому труду таиннаго свойства.

И естественныя, и общественныя, исторически развившіяся, производительныя силы труда кажутся производительными силами капитала, который ими распоряжается какъ своими.

Рикардо никогда и не задумывается надъ происхожденіемъ прибавочной цѣнности. Онъ разсматриваетъ ее какъ нѣчто присущее капиталистическому способу производства, которое въ его глазахъ представляетъ естественную форму общественнаго производства. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ о производительности труда, онъ вѣсть въ ней не причину бытія прибавочной цѣнности, но только причину, опредѣляющую ея величину. Школа его, напротивъ того, громко объявила производительную силу труда причиной происхожденія прибыли (читай: прибавочной цѣнности). Это во всякомъ случаѣ шагъ впередъ по отношенію къ меркантилистамъ, которые, въ свою очередь, выводили излишекъ цѣны продуктовъ надъ издержками ихъ производства изъ объема, т. е. изъ продажи ихъ выше цѣнности. Но при всемъ томъ и школа Рикардо обходила только задачу, но не рѣшала ея. И въ самомъ дѣлѣ, вѣрный вѣстникъ подсказалъ буржуазнымъ экономистамъ, что опасно слишкомъ углубляться въ жгучій вопросъ о происхожденіи прибавочной цѣнности. Но что сказать, когда полстолѣтія послѣ Рикардо Дж. Ст. Милль съ чувствомъ собственного достоинства констатируетъ свое превосходство надъ меркантилистами и плохо повторяетъ жалкія увертки первыхъ вульгаризаторовъ Рикардо?

Милль говоритъ: «Причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ необходимо для его содержанія». Пока это все старая пѣсня; но, желая прибавить и свое собственное слово, Милль продолжаетъ: «Или, измѣняя форму положенія, мы скажемъ: причина, почему капиталъ даетъ прибыль, состоитъ въ томъ, что пища, одежда, сырой матеріалъ и орудія труда существуютъ дольше того времени, которое необходимо для ихъ производства». Милль смѣшиваетъ здѣсь продолжительность рабочаго времени съ продолжительностью существованія его продуктовъ. Съ этой точки зрѣнія булочникъ, продукты котораго существуютъ только одинъ день, никогда не могъ бы извлекать изъ своихъ наемныхъ рабочихъ такую же прибыль, какъ машиностроитель, продукты котораго существуютъ 20 лѣтъ и болѣе. Конечно, если бы гнѣзда держались не дольше того времени, которое необходимо для ихъ постройки, то птицы должны были бы обходиться безъ гнѣздъ.

Утвердивъ эту основную истину, Милль устанавливаетъ затѣмъ свое происхожденіе надъ меркантилистами: «Мы видимъ, такимъ образомъ, что прибыль происходитъ не изъ случайностей объема, но вытекаетъ изъ производительной силы труда: общая прибыль страны всегда опредѣляется производительной силой труда, независимой отъ того, происходитъ ли объемъ или нѣтъ. Если бы не было никакого раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но все-таки прибыль была бы». Здѣсь, такимъ образомъ, объемъ, покупка и продажа, общія условія капиталистическаго производства, составляютъ простую случайность, и прибыль существуетъ безъ покупки и продажи рабочей силы!

Далѣе: «Если вся совокупность рабочихъ какой-нибудь страны производить на 20% больше своей заработной платы, то прибыли будутъ составлять 20%, какова бы ни была высота товарныхъ цѣлъ». Съ одной стороны это чрезвычайно удачная тавтологія, такъ какъ если рабочіе производятъ для своихъ капиталистовъ прибавочную цѣнность въ 20%, то прибыль относится къ суммѣ заработной платы рабочихъ какъ 20 : 100. Съ другой стороны абсолютно неверно, что прибыли «составятъ 20%». Они будутъ меньше, такъ какъ прибыли обыкновенно рассчитываются на всю сумму авансированнаго капитала. Капиталистъ авансировалъ, напр., 500 ф. ст., изъ нихъ 400 ф. ст. на средства производства и 100 ф. ст. на заработную плату; предположимъ, что уровень прибавочной цѣнности составляетъ 20%; уровень прибыли будетъ тогда 20 : 500, т. е. 4%, а не 20%.

Далѣе слѣдуетъ блестящій образчикъ того, какъ Милль рассматриваетъ различныя историческія формы общественнаго производства. «Я вездѣ предполагаю существующій порядокъ вещей, который, за весьма немногими исключеніями, господствуетъ вездѣ, т. е. я предполагаю, что капиталистъ авансируетъ всѣ издержки, включая и плату рабочему». Странный оптический обманъ—видѣть всюду строй, который до сихъ поръ только въ видѣ исключенія господствуетъ на земномъ шарѣ! Но далѣе, Милль охотно допускаетъ, что «не абсолютно необходимо, чтобы такъ происходило». Напротивъ того, «рабочій могъ бы выжидать уплаты даже всей своей заработной платы, пока не закончитъ своей работы, если бы у него были средства, необходимыя для поддержанія его жизни въ этотъ промежутокъ времени. Но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы до павѣстной степени капиталистомъ, помѣстившимъ капиталъ въ предпріятіе и доставившимъ часть фонда, необходимаго для его веденія». Съ такимъ же правомъ Милль могъ бы сказать, что рабочій, который авансируетъ для себя не только средства существованія, но и средства труда, на самомъ дѣлѣ является своимъ собственнымъ наемнымъ рабочимъ, или что американскій земледѣлецъ есть свой собственный рабъ, отправляющій барщину на самого себя, а не на барина.

Показавъ намъ съ полпой ясностью, что капиталистическое производство все-таки существовало бы, даже когда оно не существовало, Милль настолько послѣдователенъ, что доказываетъ, какъ оно не существуетъ даже тогда, когда оно существуетъ. «И даже въ предыдущемъ случаѣ (когда капиталистъ снабжаетъ наемнаго рабочаго всеми средствами существованія) рабочій можетъ быть разсматриваемъ съ этой точки зрѣнія (т. е. какъ капиталистъ), такъ какъ, если онъ отдаетъ свой трудъ ниже рыночной цѣны (!), то можно считать, что онъ какъ бы ссужалъ разницу (?) своему предпринимателю и т. д.»^{9a}). Въ экономической дѣйствительности рабочій даромъ ссужаетъ свой трудъ капиталисту въ продолженіе недѣли и т. д., чтобы въ концѣ недѣли и т. д. получить его рыночную цѣну; это дѣлаетъ рабочаго по Миллю капиталистомъ! На плоской равнинѣ даже кучи земли кажутся холмами; плоскость современной буржуазіи можно измѣрить духовной высотой ея «великихъ умовъ».

^{9a}) J. St. Mill, «Principles of Political Economy, Lond. 1868», p. 252—53, passim.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Измѣненія въ величинѣ цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности.

Цѣнность рабочей силы определяется цѣнностью обычно необходимыхъ средствъ существованія средняго рабочаго. Масса этихъ средствъ существованія—хотя форма ихъ и можетъ измѣниться—въ давнюю эпоху и въ данномъ обществѣ есть нѣчто данное и должна, поэтому, быть, рассматриваема какъ величина постоянная. Измѣняется лишь цѣнность этой массы. Въ опредѣленіи цѣнности рабочей силы участвуютъ два другіе фактора: съ одной стороны, издержки на ея развитіе, измѣняющіяся вѣстѣ со способомъ производства; съ другой стороны—естественныя различія рабочей силы, т. е. мужская или женская, зрѣлая или незрѣлая. Потребленіе этихъ различныхъ рабочихъ силъ, опять-таки обусловленное способомъ производства, опредѣляетъ крупную разницу въ издержкахъ воспроизведенія рабочей силы и въ цѣнности зрѣлаго работника-мужчины. Однако, оба фактора исключены въ слѣдующемъ анализѣ ⁹²⁾.

Мы предполагаемъ, 1) что товары продаются по ихъ цѣнности, 2) что цѣна рабочей силы можетъ случайно подняться выше ея цѣнности, но никогда не опускается ниже ея.

Дѣлая такіе предположенія, мы находимъ, что относительныя величины цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности обуславливаются тремя обстоятельствами: 1) продолжительностью рабочаго дня, или экстенсивной величиной труда; 2) нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, т. е. затрагивъ опредѣленнаго количества труда въ опредѣленное время; 3) наконецъ, производительной силой труда; это значить, что соответственно степени развитія условій производства, одно и то же количество труда въ одно и то же время доставляетъ большее или меньшее количество продукта. Различныя комбинаціи, очевидно, возможны, смотря по тому, будетъ ли одинъ изъ этихъ трехъ факторовъ величиной постоянной, а два другихъ—переменной, или два постоянными и одинъ—переменнымъ, или, наконецъ, всѣ три одновременно являются переменными величинами. Эти комбинаціи становятся еще многообразнѣе въ силу того, что при одновременномъ измѣненіи различныхъ факторовъ, величина и направленіе измѣненій могутъ быть различны. Мы рассмотримъ только главнѣйшія комбинаціи.

1. Величина рабочаго дня и интенсивность труда постоянны (даны), переменнѣйшей является производительная сила труда.

При этомъ предположеніи цѣнность рабочей силы и прибавочная цѣнность опредѣляются тремя законами.

Во-1-хъ: рабочий день данной величины всегда выражается въ одной и той

⁹²⁾ Случай, рассмотрѣнный на стр. 250—251, здѣсь, конечно, также исключается (Примѣч. къ 3-му изд. Ф. Э.).

же произведенной цѣнности (Werthproduct), какъ бы ни мѣнялась производительность труда и вмѣстѣ съ ней масса продуктовъ, а, поэтому, и цѣна отдѣльнаго товара.

Цѣнность, произведенная въ 12-часовой рабочей день, равна, напр., 6 шилл., хотя масса произведенныхъ потребительныхъ цѣнностей пзмѣняется съ производительною силой труда; цѣнность въ 6 шилл. распределяется, слѣдовательно, на большее или меньшее количество товаровъ.

Во-2-хъ: цѣнности рабочей силы и прибавочная цѣнность пзмѣняются въ обратномъ направленіи. Измѣненіе производительной силы труда, ея увеличеніе или уменьшеніе, дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи на цѣнность рабочей силы и въ прямомъ на прибавочную цѣнность.

Цѣнность, произведенная въ 12-часовой рабочей день, есть величина постоянная, напр., 6 шилл. Эта постоянная величина равна суммѣ прибавочной цѣнности, плюсъ цѣнность рабочей силы, каковую цѣнность рабочей замѣщаетъ эквивалентомъ. Само собою разумѣется, что изъ двухъ частей постоянной величины ни одна не можетъ увеличиваться безъ того, чтобы не уменьшалась другая. Цѣнность рабочей силы не можетъ подняться съ 3 шилл. до 4 безъ того, чтобы прибавочная цѣнность не упала съ 3 шилл. до 2, а прибавочная цѣнность не можетъ повыситься съ 3 до 4 шилл. безъ того, чтобы цѣнность рабочей силы не упала съ 3 шилл. до 2. При этихъ условіяхъ, слѣдовательно, невозможно никакое взмѣненіе абсолютной величины, — ни цѣнности рабочей силы, ни прибавочной цѣнности, безъ одновременнаго измѣненія ихъ относительной или пропорціональной величины. Невозможно, чтобы они одновременно падали или повышались.

Цѣнность рабочей силы, кромѣ того, не можетъ падать, а, слѣдовательно, прибавочная цѣнность повышаться, безъ увеличенія производительной силы труда; въ вышеприведенномъ случаѣ, напр., цѣнность рабочей силы не можетъ упасть съ 3 до 2 шилл., если повышеніе производительной силы труда не слѣдуетъ возможнымъ производить въ 4 часа то же количество средствъ существованія, которое прежде требовало для своего производства 6 часовъ. Наоборотъ, цѣнность рабочей силы не можетъ подняться съ 3 до 4 шилл., если не упадетъ производительная сила труда, т. е. если не будетъ требоваться уже 8 часовъ для производства той же самой массы средствъ существованія, для которой раньше достаточно было 6 часовъ. Отсюда слѣдуетъ, что увеличеніе производительности труда повышаетъ цѣнность рабочей силы и вмѣстѣ съ тѣмъ повышаетъ прибавочную цѣнность, тогда какъ, наоборотъ, уменьшеніе производительности повышаетъ цѣнность рабочей силы и понижаетъ прибавочную цѣнность.

При формулированіи этого закона Рикардо просмотрѣлъ одно обстоятельство. Хотя измѣненіе величины прибавочной цѣнности или прибавочнаго труда и обуславливаетъ обратное измѣненіе цѣнности рабочей силы или необходимаго труда, но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что они измѣняются въ той же пропорціи. Они увеличиваются или уменьшаются на одну и ту же величину. По отношенію, въ которомъ увеличивается или уменьшается каждая

часть произведеннаго продукта или рабочаго дня зависить отъ того первоначальнаго распада, которое существовало до измѣненій въ производительной силѣ труда. Если цѣнность рабочей силы составляла 4 шилл. или необходимое рабочее время—8 часовъ, прибавочная же цѣнность 2 шилл. или прибавочное время—4 часа, и если, вслѣдствіе увеличившейся производительности труда, цѣнность рабочей силы падаетъ до 3 шилл., или необходимое рабочее время до 6 часовъ, то прибавочная цѣнность повышается до 3 шилл. или прибавочный трудъ возрастаетъ до 6 часовъ. Та же самая величина въ 2 часа или 1 шилл. тамъ прибавляется, здѣсь отнимается. Но пропорціональное измѣненіе величины на обѣихъ сторонахъ различно. Въ то время какъ цѣнность рабочей силы понижается съ 4 до 3 шилл., слѣдовательно, на $\frac{1}{4}$ или на 25%, прибавочная цѣнность повышается съ 2 до 3 шилл., т. е. на $\frac{1}{2}$ или 50%. Отсюда слѣдуетъ, что пропорціональное увеличеніе или уменьшеніе прибавочной цѣнности вслѣдствіе даннаго измѣненія въ производительной силѣ труда тѣмъ больше или тѣмъ меньше, чѣмъ больше или чѣмъ меньше была первоначально часть рабочаго дня, получающая свое выраженіе въ прибавочной цѣнности.

Въ 3-хъ: увеличеніе или уменьшеніе прибавочной цѣнности есть всегда слѣдствіе и никогда не является причиной увеличенія или уменьшенія цѣнности рабочей силы ¹⁰⁾.

Такъ какъ рабочій день есть величина постоянная и выражается въ постоянной величинѣ цѣнности, такъ какъ каждому измѣненію величины прибавочной цѣнности соотвѣтствуетъ обратное измѣненіе величины цѣнности рабочей силы, и такъ какъ цѣнность рабочей силы можетъ измѣняться только съ измѣненіемъ производительной силы труда, то, при этихъ условіяхъ, очевидно, что каждое измѣненіе величины прибавочной цѣнности происходитъ отъ обратнаго измѣненія величины цѣнности рабочей силы. Если мы, поэтому, видимъ, что никакое абсолютное измѣненіе величины цѣнности рабочей силы и прибавочной цѣнности невозможно безъ измѣненія ихъ относительной величины, то изъ этого теперь слѣдуетъ, что никакое измѣненіе ихъ относительной величины цѣнности невозможно безъ измѣненія абсолютной величины цѣнности рабочей силы.

По третьему закону измѣненіе величины прибавочной цѣнности предпола-

¹⁰⁾ Къ этому третьему закону Mac Culloch между прочимъ слѣдуетъ добавить, что прибавочная цѣнность можетъ повышаться безъ паденія цѣнности рабочей силы, вслѣдствіе уничтоженія налоговъ, которые капиталистъ прежде платилъ. Уничтоженіе подобныхъ налоговъ рѣшительно нисколько не пачиваетъ того количества прибавочной цѣнности, которое промышленный капиталистъ непосредственно выкачиваетъ изъ рабочаго. Оно измѣняетъ только отношеніе между той частью прибавочной цѣнности, которую онъ владеть въ свой собственный карманъ, и той, которую онъ долженъ уступать третьимъ лицамъ. Такимъ образомъ, отношенія между цѣнностью рабочей силы и прибавочной цѣнностью, оно нисколько не пачиваетъ. Исключеніе Mac Culloch'a доказываетъ, такимъ образомъ, только его собственное непониманіе правила,—несчастье, которое съ нимъ такъ же часто случается при популяризаціи Рикардо, какъ съ J. B. Say при популяризаціи А. Смита.

гаетъ движеніе цѣнности рабочей силы, причисленное измѣненіемъ производительной силы труда. Границы этого измѣненія опредѣляются новой границей цѣнности рабочей силы. Но даже если обстоятельства позволяютъ дѣйствовать этому закону, все-таки могутъ происходить промежуточные движенія. Если, напр., вслѣдствіе увеличенія производительной силы труда, цѣнность рабочей силы падаетъ съ 4 шилл. до 3, или необходимое рабочее время съ 8 часовъ до 6, то цѣна рабочей силы можетъ упасть только до 3 шилл. 8 пенсовъ. 3 шилл. 6 п., 3 шилл. 2 п. и т. д. п., слѣдовательно, прибавочная цѣнность поднимается только до 3 шилл. 4 п., 3 шилл. 6 п., 3 шилл. 10 п. и т. д. Стеневъ пониженія, минимальная граница котораго составляетъ 3 шилл., зависитъ отъ этого относительнаго вѣса, который бросается съ одной стороны—давленіемъ капитала, съ другой стороны сопротивленіемъ рабочихъ на чашку вѣсовъ.

Цѣнность рабочей силы опредѣляется цѣнностью опредѣленнаго количества средствъ существованія. Съ производительной силой труда измѣняется цѣнность этихъ средствъ существованія, но не ихъ масса. Сама эта масса можетъ, при повышеніи производительной силы труда, возрасти одновременно и въ одной и той же пропорціи для рабочаго и для капиталиста—безъ какого бы то ни было измѣненія относительной величины цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности. Если первоначальная цѣнность рабочей силы равна 3 шилл., а необходимое рабочее время составляетъ 6 часовъ, если прибавочная цѣнность также равна 3 шилл., или прибавочный трудъ также составляетъ 6 часовъ, то удвоеніе производительной силы труда, при томъ же самомъ раздѣленіи рабочаго дня, не произвело бы никакого измѣненія въ цѣнѣ рабочей силы и въ прибавочной цѣнности. И та и другая—выражались бы только въ удвоенномъ, но—соотвѣтственно съ этимъ—и удешевленномъ количествѣ потребительныхъ цѣнностей. Хотя цѣна рабочей силы и осталась бы неизмѣнной все-таки она поднялась бы выше своей цѣнности. Если бы, однако, цѣна рабочей силы не упала до минимальной границы ея новой цѣнности въ $1\frac{1}{2}$ шилл., но до 2 шилл. 10 пенс., 2 шилл. 6 пенс. и т. д., то эта падающая цѣна все-таки представляла бы еще возрастающую массу средствъ существованія. Цѣна рабочей силы могла бы такимъ образомъ, при увеличивающейся производительной силѣ труда, постоянно падать одновременно съ постояннымъ возрастаніемъ массы средствъ существованія рабочаго. Относительно же, т.-е. сравнительно съ прибавочной цѣнностью, цѣнность рабочей силы постоянно понижалась бы и, такимъ образомъ, увеличивалась бы пропасть между условіями жизни рабочаго и капиталиста ¹¹⁾.

Рикардо первый строго формулировалъ три вышеприведенные закона. Неоднородность его изложенія состоитъ въ томъ, 1) что тѣ особенныя условія, въ пре-

¹¹⁾ «Когда происходитъ измѣненіе въ производительности индустріи, в одно и тоже данное количество труда и капитала производятъ больше или меньше, то относительная величина (proportion) заработной платы можетъ чувствительно измѣняться, тогда какъ количество, представляемое этой величиной, остается тоже самое; или количество можетъ измѣняться, тогда какъ относительная величина остается неизмѣнной», («*Outlines of Political Economy etc.*», p. 67),

дѣлахъ которыхъ законы это дѣйствительны, онъ разсматриваетъ, какъ сами собою понятныя, всеобщія и исключительныя условія капиталистическаго производства; онъ не хочетъ знать никакого измѣненія ни въ длитѣ рабочаго дня, ни въ интенсивности труда, такъ что для него производительность труда оказывается единственнымъ переменнымъ факторомъ. 2) Но,—и это «но» въ гораздо большей степени искажаетъ его анализъ,—онъ, подобно другимъ экономистамъ, не послѣдуетъ прибавочной цѣнности, какъ таковой, т.-е. независимо отъ ея особенныхъ формъ, прибыли, земельной ренты и т. д. Поэтому, онъ смѣшиваетъ въ одну кучу законы, управляющіе уровнемъ прибавочной цѣнности съ законами уровня прибыли. Какъ было уже сказано, уровень прибыли есть отношеніе прибавочной цѣнности ко всему авансированному капиталу, уровень же прибавочной цѣнности есть отношеніе прибавочной цѣнности только къ переменной части этого капитала. Предположимъ что капиталъ въ 500 ф. ст. (C) дѣлится на сырой матеріалъ, средства труда и т. д., цѣнностью въ общемъ въ 400 ф. ст. (c) и на 100 ф. ст. заработной платы (v); что прибавочная цѣнность кромѣ того = 100 ф. ст. (m). Тогда уровень прибавочной цѣнности $m = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{100 \text{ ф. ст.}} = 100\%$. Уровень же прибыли $\frac{m}{C} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{500 \text{ ф. ст.}} = 20\%$. Кромѣ того ясно, что уровень прибыли можетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не вліяютъ на уровень прибавочной цѣнности. Впослѣдствіи, въ 3-ей книгѣ этого сочиненія *), я докажу, что одинъ и тотъ же уровень прибавочной цѣнности можетъ выражаться въ различныхъ уровняхъ прибыли, и различные уровни прибавочной цѣнности, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ выражаться въ одномъ и томъ же уровнѣ прибыли.

II. Рабочій день и производительность труда постоянны, переменная является интенсивность труда.

Возрастающая интенсивность труда предполагаетъ увеличенную затрату труда въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Болѣе интенсивный рабочій день воплощается, поэтому, въ большемъ количествѣ продуктовъ, чѣмъ менѣе интенсивный день съ однимъ и тѣмъ же числомъ часовъ. Правда, и съ увеличеніемъ производительной силы труда одинъ и тотъ же рабочій день также доставляетъ больше продуктовъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ понижается цѣнность отдѣльнаго продукта, потому что онъ стоитъ меньше труда, чѣмъ прежде, въ первомъ же случаѣ она не пзмѣняется, такъ какъ продуктъ теперь, какъ и раньше, стоитъ того же самаго количества труда. Количество продуктовъ увеличивается здѣсь безъ паденія ихъ цѣны. Съ ихъ количествомъ возрастаетъ и сумма ихъ цѣнъ, тогда какъ тамъ та же самая сумма цѣнностей выражается только въ увеличенной массѣ продуктовъ. При одинаковомъ числѣ часовъ болѣе интенсивный рабочій день воплощается, такимъ образомъ, въ большей цѣнности, т.-е. при неизмѣняющейся цѣнности денегъ,—въ боль-

*) Т.-е. въ третьемъ томѣ «Капитала».
КАПИТАЛЪ.

шей суммѣ денегъ. Цѣнность продукта труда измѣняется вмѣстѣ съ отклоненіями его интенсивности отъ нормальной общественной степени ея. Одинъ и тотъ же рабочій день выражается, слѣдовательно, не въ постоянной, какъ прежде, а въ переменной цѣнности, болѣе интенсивный 12-часовой рабочій день, напр., въ 7 шилл., 8 шилл. и т. д. вмѣсто 6 шилл., какъ 12-часовой рабочій день обыкновенной интенсивности. Ясно слѣдующее: если цѣнность продукта рабочаго дня измѣняется приблизительно съ 6 до 8 шилл., то обѣ части этой цѣнности, цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность, могутъ одновременно возрастать, въ равной или неравной степени. Цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность могутъ обѣ подняться въ одно и то же время съ 3 до 4 шилл., если цѣнность продукта поднялась съ 6 до 8 шилл. Повышеніе цѣны рабочей силы не заключаетъ въ себѣ необходимо повышенія ея цѣны выше ея цѣнности. Оно можетъ, наоборотъ, сопровождаться паденіемъ ея цѣнности. Это случается всегда, когда повышеніе цѣны рабочей силы не вознаграждаетъ ея ускоренной траты или изнашиванія.

Извѣстно, что, за незначительными исключеніями, измѣненіе производительности труда тогда только производить измѣненіе величины цѣнности рабочей силы, а слѣдовательно, и величины прибавочной цѣнности, когда продукты этихъ отраслей промышленности входятъ въ кругъ обычнаго потребленія рабочихъ. Здѣсь же эта граница отпадаетъ. Измѣняется ли величина труда экстенсивно или интенсивно, этому измѣненію его величины соответствуетъ измѣненіе въ величинѣ цѣнности продукта, независимо отъ природы товара, въ которомъ эта цѣнность выражается.

Если бы интенсивность труда повысилась одновременно и равномерно во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то новая высшая степень интенсивности стала бы обыкновенной нормальной общественной степенью интенсивности и перестала-бы тогда идти въ счетъ какъ экстенсивная величина. Между тѣмъ даже тогда средняя степень интенсивности труда у различныхъ націй была бы различна, и это измѣняло бы примѣненіе закона цѣнности къ различнымъ національнымъ рабочимъ днямъ. Болѣе интенсивный рабочій день одной націи получаетъ болѣе значительное денежное выраженіе, чѣмъ менѣе интенсивный—другой націи ¹²⁾.

III. Производительная сила и интенсивность труда постоянной, переменнымъ является рабочій день.

Рабочій день можетъ измѣняться въ двухъ направленіяхъ: онъ можетъ быть сокращаемъ или удлиняемъ.

¹²⁾ «При прочих равныхъ условіяхъ англійскій мануфактурный можетъ пустить въ оборотъ значительно большую сумму труда въ данный періодъ времени, чѣмъ иностраннѣй, настолько большую, что она можетъ уравновѣсить разницу рабочаго времени, составляющаго въ Англіи 60 часовъ въ недѣлю, въ другихъ же странахъ 72 или 80 часовъ». («Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1885,» p. 65). Большее законодательное сокращеніе рабочаго дня на континентальныхъ фабрикахъ было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для уменьшенія этой разницы между континентальнымъ и англійскимъ рабочимъ часомъ.

Исходя изъ выставленныхъ выше предположеній, мы можемъ установить слѣдующіе законы:

1) Рабочій день воплощается, прямо пропорціонально своей продолжительности, въ большей или меньшей цѣнности, которая такимъ образомъ является переменной, а не постоянной.

2) Всякое измѣненіе въ отношеніи между прибавочной цѣнностью и цѣнностью рабочей силы происходитъ отъ измѣненія абсолютной величины прибавочнаго труда и, стало быть, прибавочной цѣнности.

3) Абсолютная цѣнность рабочей силы можетъ измѣняться лишь въ силу реакціи, производимой удлиненіемъ прибавочнаго труда на степень изнашиванія этой рабочей силы. Такимъ образомъ, всякое движеніе ея абсолютной цѣнности является всегда слѣдствіемъ и никогда не есть причина движенія величины прибавочной цѣнности.

1) Сокращеніе рабочаго дня при данныхъ условіяхъ, т. е. при неизмѣняющейся производительности и интенсивности труда, оставляетъ безъ измѣненія цѣнность рабочей силы, а, слѣдовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращаетъ прибавочный трудъ и прибавочную цѣнность. Съ паденіемъ абсолютной величины послѣдней падаетъ также и ея относительная величина, т. е. ея величина сравнительно съ неизмѣняющеюся величиной цѣнности рабочей силы. Буржуазіа могъ бы возмѣститъ свои убытки только пониженіемъ ея цѣны за предѣлы ея цѣнности.

Всѣ традиціонныя фразы противъ сокращенія рабочаго дня предполагаютъ, что явленіе это происходитъ при указанныхъ здѣсь обстоятельствахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, наоборотъ, измѣненіе производительности и интенсивности труда или предшествуетъ сокращенію рабочаго дня, или непосредственно за нимъ слѣдуетъ ¹³⁾.

II) Удлиненіе рабочаго дня. Пусть необходимое рабочее время составляетъ 6 часовъ, или цѣнность рабочей силы 3 шилл., точно также прибавочный трудъ— 6 часовъ, или прибавочная цѣнность 3 шилл. Общая величина рабочаго дня составляетъ тогда 12 часовъ и выражается въ цѣнности продукта въ 6 шилл. Если рабочій день удлинится на 2 часа, цѣна же рабочей силы остается безъ перемѣны, то выйдетъ съ абсолютной возрастаетъ и относительная величина прибавочной цѣнности. Хотя величина цѣнности рабочей силы абсолютно и не измѣняется, относительно она падаетъ. При условіяхъ перваго случая относительная величина цѣнности рабочей силы не могла измѣняться безъ измѣненія абсолютной ея величины. Здѣсь же, напротивъ того, относительное измѣненіе величины цѣнности рабочей силы есть результатъ абсолютнаго измѣненія величины прибавочной цѣнности.

Такъ какъ цѣнность продукта, въ которой выражается рабочій день, возрастаетъ выйдетъ съ его собственнымъ удлиненіемъ, то цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность могутъ одновременно увеличиваться, получая равное или

¹³⁾ «Есть обстоятельства, уравнивающія это и выведенныя на свѣтъ Божій 10-часовымъ закономъ». («Reports of Insp. of Fact. for 1 st. December 1848», p. 7).

первое приращеніе. Это одновременное возрастаніе возможно, слѣдовательно, въ двухъ случаяхъ: при абсолютномъ удлиненіи рабочаго дня и при возрастающей интенсивности труда безъ такого удлиненія.

При болѣе длинномъ рабочемъ днѣ цѣна рабочей силы можетъ упасть ниже ея цѣнности, хотя номинально она не пзмѣнится или даже повысится. Дневная цѣнность рабочей силы опредѣляется, какъ мы помнимъ, среднею нормальною продолжительностью или нормальнымъ періодомъ жизни рабочаго и соответствующимъ нормальнымъ для человѣческой природы превращеніемъ жизненной субстанціи въ движеніе¹⁴⁾. До нѣвѣстнаго предѣла большая трата рабочей силы, неразрывно связанная съ удлиненіемъ рабочаго дня, можетъ быть вознаграждена болѣе широкимъ возстановленіемъ ея. Но за тѣмъ этого предѣла трата рабочей силы возрастаетъ по геометрической прогрессіи, и въ то же самое время разрушаются всѣ нормальныя условія воспроизведенія и дѣятельнаго приращенія рабочей силы. Цѣна рабочей силы и степень ея эксплуатаціи перестаютъ быть соизмѣримыми величинами.

IV. Одновременныя измѣненія въ продолжительности, производительности силъ и интенсивности труда.

Здѣсь очевидно возможно большое число комбинацій. Два фактора могутъ измѣняться и одинъ оставаться постояннымъ или всѣ три могутъ одновременно измѣняться. Они могутъ измѣняться въ одинаковой или неодинаковой степени, въ одномъ и томъ же или противоположномъ направленіи, измѣненія ихъ могутъ, поэтому, частью или цѣлкомъ взаимно уничтожаться. Но анализъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, послѣ объясненій, приведенныхъ подъ пунктами I, II и III, чрезвычайно легокъ. Результатъ всякой возможной комбинаціи выясняется при разсмотрѣніи по порядку каждаго изъ факторовъ, какъ перемѣннаго, другихъ же какъ постоянныхъ. Мы поэтому здѣсь останавливаемся только на двухъ важныхъ случаяхъ.

1) Уменьшеніе производительной силы труда съ одновременнымъ удлиненіемъ рабочаго дня.

Если мы здѣсь говоримъ объ уменьшающейся производительности труда, то это касается тѣхъ отраслей труда, продукты которыхъ опредѣляютъ цѣнность рабочей силы, т. е., напр., уменьшающейся производительности труда вслѣдствіе увеличивающагося неплодородія почвы въ соответствующаго взлорожанія земледѣльческихъ продуктовъ. Предположимъ, что рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, произведенная въ день цѣнность составляетъ 6 шиллинговъ, изъ которыхъ половина возмѣщаетъ цѣнность рабочей силы, другая же половина образуетъ прибавочную цѣнность. Рабочій день распадается, такимъ образомъ, на

¹⁴⁾ «Сумма труда, произведеннаго человѣкомъ въ продолженіе 24 часовъ, можетъ быть приблизительно опредѣлена, если разсмотрѣть химическія измѣненія, происшедшія въ его организмѣ; измѣненія формы матеріи указываютъ на предшествующую дѣятельность динамической силы». (Grove: «On the Correlation of Physical Forces»).

6 часовъ необходимаго труда и 6 часовъ прибавочнаго труда. Въслѣдствіе вздорожанія земледѣльческихъ продуктовъ цѣнность рабочей силы поднялась, положижъ, съ 3 до 4 шиллинговъ и необходимое рабочее время, слѣдовательно, съ 6 до 8 часовъ. Если рабочий день остается безъ перемѣны, то прибавочный трудъ падаетъ съ 6 до 4 часовъ, а прибавочная цѣнность съ 3 шилл. до 2. Если рабочий день удлинняется на 2 часа, т. е. съ 12 часовъ до 14, то прибавочный трудъ остается 6 часовъ, прибавочная цѣнность 3 шилл.; но величина ея падаетъ въ сравненіи съ цѣнностью рабочей силы, измѣряемой необходимымъ трудомъ. Если рабочий день удлинняется на 4 часа, съ 12 часовъ до 16, то относительныя величины прибавочной цѣнности и цѣнности рабочей силы, прибавочнаго труда и необходимаго труда не измѣняются, но абсолютная величина прибавочной цѣнности возрастаетъ съ 3 до 4 шилл., величина же прибавочнаго труда съ 6 до 8 часовъ, т. е. на $\frac{1}{3}$ или 33 $\frac{1}{3}$ %. При уменьшающейся производительной силѣ труда и одновременномъ удлинненіи рабочаго дня абсолютная величина прибавочной цѣнности можетъ, слѣдовательно, оставаться безъ перемѣны, тогда какъ относительная величина ея падаетъ; ея относительная величина можетъ оставаться безъ перемѣны, тогда какъ абсолютная величина возрастаетъ, и наоборотъ степени удлинненія обѣ могутъ возрастать.

Въ періодъ времени между 1799 и 1815 г.г. повышеніе цѣнъ на средства существованія въ Англіи привело къ номинальному повышенію заработной платы, хотя дѣйствительная заработная плата, выраженная въ средствахъ существованія, пала. Отсюда Уэстъ и Рикардо заключили, что уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда причинило бы пониженіе уровня прибавочной цѣнности, и сдѣлали это существующее только въ ихъ фантазіи предположеніе исходнымъ пунктомъ важнаго анализа относительной величины заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но, благодаря повышенію интенсивности труда и вынужденному удлинненію рабочаго времени, прибавочная цѣнность возрасла тогда абсолютно и относительно. Это былъ періодъ, когда безграничное удлинненіе рабочаго дня приобрѣло права гражданства¹⁴⁾, періодъ, спеціально характеризуемый ускореннымъ возрастаніемъ капитала съ одной стороны, пауперизма съ другой¹⁵⁾.

¹⁴⁾ «Хлѣбъ и трудъ рѣдко идутъ совершенно рука объ руку, по есть песочныя предѣлы, за которыми они не могутъ быть раздѣлены. Что же касается необыкновенныхъ усилій, которыя дѣлаетъ рабочий классъ въ періоды дороговизны, ведущихъ за собой паденіе заработной платы, констатируемое показаніями (а именно, предъ Parliamentary Committees of Inquiry 1814—1815), то они очень похвальны со стороны отѣльныхъ лицъ и, конечно, благоприятствуютъ возрастанію капитала. Но ни одинъ гуманнѣйшій человѣкъ не пожелаетъ видѣть ихъ постоянными и неослабляющими. Они замѣчательны какъ временное облегченіе; но если бы они постоянно дѣйствовали, то получился бы такой же результатъ, какъ еслибы населеніе страны равножалось до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ размѣрами доступной ему націи» (Malthus: «Inquiry into the Nature and Progress of Rent. Lond 1815», p. 48 Note). То обстоятельство, что Мальтусъ напираетъ на удлинненіе рабочаго дня, на которое онъ непосредственно обращалъ вниманіе и въ другихъ мѣстахъ своего памфлета, тогда какъ Рикардо и другіе, несмотря на вопіющіе фак-

2) Увеличеніе интенсивности и производительной силы труда съ одновременнымъ сокращеніемъ рабочаго дня.

Повышеніе производительной силы труда и возрастаніе интенсивности его въ одномъ направленіи дѣйствуютъ односторонне. Обѣ увеличиваютъ массу продуктовъ, добываемыхъ въ извѣстный промежутокъ времени. Обѣ сокращаютъ, следовательно, ту часть рабочаго дня, которая необходима рабочему для производства своихъ средствъ существованія или ихъ эквивалента. Абсолютная минимальная граница рабочаго дня вообще образуется этой необходимой составною частью его, которая обладаетъ сокращаемостью. Если бы весь рабочій день сократился до этой части, то исчезъ бы прибавочный трудъ, что невозможно при капиталистическомъ режимѣ. Уничтоженіе капиталистической формы производства даетъ возможность ограничить рабочій день только необходимымъ трудомъ. Но область послѣдняго, при прочихъ равныхъ условіяхъ, расширилась бы, съ одной стороны, потому, что условія жизни рабочаго стали бы богаче и его жизненными потребности выше; съ другой стороны, часть теперешняго прибавочнаго труда считалась бы за необходимый, а именно, та часть труда, которая необходима для образованія общественнаго фонда резервовъ и накопленія.

Чѣмъ болѣе возрастаетъ производительная сила труда, тѣмъ болѣе можетъ быть сокращаемъ рабочій день, а чѣмъ болѣе сокращается рабочій день, тѣмъ болѣе можетъ возрастать интенсивность труда. Съ общественной точки зрѣнія производительность труда возрастаетъ съ его экономіей. Послѣдняя объемлетъ не только экономію средствъ производства, но и устраненіе всякаго безполезнаго труда. Тогда какъ въ каждомъ индивидуальномъ предпріятіи капиталистическій способъ производства вынуждаетъ экономію, свойственная ему анархическая система конкуренціи порождаетъ безграничную трату общественныхъ средствъ производства и рабочихъ силъ при наличности громаднаго множества функцій, нѣмъ неизбѣжныхъ, но по существу излишнихъ.

ты, кладя въ основаніе всѣхъ своихъ изслѣдованій постоянную величину рабочаго дня, это обстоятельство дѣлаетъ честь Мальтусу. Но консервативные интересы, ходомъ которыхъ былъ Мальтусъ, мѣшали ему видѣть, что чрезвычайное удлиненіе рабочаго дня вмѣстѣ съ необыкновеннымъ развитіемъ машинъ и эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда должны дѣлать «излишней» значительную часть рабочаго класса, въ особенности съ превращеніемъ связаннаго съ войной спроса и англійской монополіи на мировомъ рынкѣ. Было, конечно, гораздо удобнѣе и гораздо болѣе соответствовало интересамъ господствующихъ классовъ, которые Мальтусъ считалъ чисто плодородническими, объяснить это «избыточное населеніе» вѣчными законами природы, чѣмъ историческими естественными законами капиталистическаго производства.

^{1a)} «Главная причина возрастанія капитала во время войны проходила отъ большихъ успѣховъ, а, можетъ быть, и еще большихъ лишеній рабочаго класса, самаго многочисленнаго въ каждомъ обществѣ. Большее число женщинъ и дѣтей было вынуждено пуждой записаться производительнымъ трудомъ; прежніе же рабочіе, по той же причинѣ, припуждены были посвящать большую часть своего времени увеличенію производства». («Essays on Political Econ., in Which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress. London 1830», p. 248).

При данной интенсивности и производительной силѣ труда, часть общественнаго рабочаго дня, необходимаго для матеріальнаго производства, тѣмъ короче, часть же времени, остающаяся для свободной, умственной и общественной, дѣятельности личностей, тѣмъ больше, чѣмъ равномернѣе распределяется трудъ между всеми способными въ труду членами общества, чѣмъ менѣе одинъ слой общества можетъ свалить на другой естественную необходимость труда. Абсолютной границею сокращенія рабочаго дня въ этомъ направленіи является всеобщность труда. Въ капиталистическомъ обществѣ свободное время для одного класса создается путемъ превращенія всей жизни массъ въ сплошное рабочее время.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Различныя формулы для уровня прибавочной цѣнности.

Мы видѣли, что уровень прибавочной цѣнности выражается формулами:

$$I) \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Переменный капиталъ}} \left(\frac{m}{v} \right) = \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Цѣнность рабочей силы}} = \frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Необходимый трудъ}}.$$

Первыя двѣ формулы выражаютъ въ формѣ отношенія цѣнностей то, что третья выражаетъ въ формѣ отношенія тѣхъ промежутковъ времени, въ которые эти цѣнности производятся. Эти другъ друга замѣняющія формулы обладаютъ полной логической строгостью. Поэтому мы находимъ ихъ, правда, по существу уже выраженными, но отнюдь еще не сознательно выработанными въ классической политической экономіи. Но зато въ ней мы встречаемся съ слѣдующими производными формулами.

$$II) \frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Рабочій день}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Цѣнность продукта}} = \frac{\text{Прибавочный продуктъ}}{\text{Совокупный продуктъ}}.$$

Одна и та же пропорція здѣсь попеременно выражена въ формѣ отношенія рабочихъ періодовъ, въ формѣ отношенія цѣнностей, въ которыхъ рабочіе періоды воплощаются, и въ формѣ продуктовъ, въ которыхъ эти цѣнности существуютъ. Конечно, мы предполагаемъ, что подъ цѣнностью продукта надо понимать только цѣнность, произведенную въ рабочій день и что постоянная часть цѣнности продукта исключается.

Во всѣхъ этихъ формулахъ дѣйствительная степень эксплуатаціи труда или уровень прибавочной цѣнности выраженъ чѣтко. Пусть рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ. По другимъ даннымъ нашего прежняго примѣра въ этомъ случаѣ дѣйствительная степень эксплуатаціи труда выражается въ пропорціяхъ:

$$\frac{6 \text{ часовъ прибавочнаго труда}}{6 \text{ часовъ необходимаго труда}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность въ 3 шилл.}}{\text{Переменный капиталъ въ 3 шилл.}} = 100\%.$$

По формуламъ же II) мы получаемъ, наоборотъ:

$$\frac{6 \text{ часовъ прибавочнаго труда}}{\text{Рабочій день въ 12 часовъ}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность въ 3 шилл.}}{\text{Произведенная цѣнность въ 6 шилл.}} = 50\%.$$

Эти производныя формулы выражаютъ на самомъ дѣлѣ пропорцію, въ ко-

торой рабочій день или цѣнность его продукта дѣлятся между капиталистомъ и его рабочимъ. Поэтому, если принимать ихъ за непосредственные выражения степени самовозрастанія капитала, то получается невѣрный законъ: прибавочный трудъ или прибавочная цѣнность никогда не могутъ достигать 100% ¹⁷⁾. Такъ какъ прибавочный трудъ всегда составляетъ только вѣкоторую дробь рабочаго дня, или прибавочная цѣнность всегда только вѣкоторую дробь всей произведенной цѣнности, то прибавочный трудъ непремѣнно всегда меньше рабочаго дня или прибавочная цѣнность всегда меньше произведенной цѣнности. А чтобы отнестись другъ къ другу, какъ $\frac{100}{100}$ они должны были бы быть равны.

Чтобы прибавочный трудъ могъ поглотить весь рабочій день (здесь рѣчь идетъ о среднемъ рабочемъ или рабочей недѣлѣ, рабочаго года и т. д.), необходимый трудъ долженъ быть доведенъ до нуля. Но если исчезнетъ необходимый трудъ, то исчезнетъ также и прибавочный трудъ, такъ какъ послѣдній есть только функція перваго. Пропорція

$$\frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Рабочій день}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Вся произведенная цѣнность}}$$

не можетъ, следовательно, никогда достигнуть предѣла $\frac{100}{100}$ и еще меньше подниматься до $\frac{100 + X}{100}$. Но это не относится къ уровню прибавочной цѣнности или къ дѣйствительной степени эксплуатаціи труда. Возьмемъ, напр., расчетъ L. de Lavergne, по которой англійскій земледѣльческій рабочій получаетъ $\frac{1}{4}$, капиталистъ же (фермеръ), $\frac{3}{4}$ продукта ¹⁸⁾ или его цѣнности, независимо

¹⁷⁾ Такъ напр. въ «Dritter Brief an v. Kirchman von Rodbertus. Widerlegung der Ricardo'schen Theorie von der Grundrente und Begründung einer neuen Renten-theorie. Berlin 1851». Я впоследствии вернусь къ этому сочиненію, которое, несмотря на ложную теорію земельной ренты, проникаетъ въ сущность капиталистическаго производства. — [Примѣч. къ 3-му изд. — Мы видимъ, какъ благосклонно отзывался Марксъ о своихъ предшественникахъ, когда онъ находилъ у нихъ дѣйствительный прогрессъ, вѣрную новую мысль. Позднѣйшее опубликованіе писемъ Родбертуса къ Rud. Meyer'у нѣсколько съузили вышеприведенную оцѣнку. Тамъ сказано: «Нужно спасти капиталъ не только отъ труда, но и отъ самого себя, а это на самомъ дѣлѣ лучше всего можетъ быть сдѣлано тогда, когда мы будемъ разсматривать дѣятельность капиталиста-предпринимателя какъ народно-и государственно-хозяйственную функцію, ввѣренную ему, благодаря владѣнію капиталомъ, а его прибыль, какъ форму жалованья, такъ какъ мы еще не знаемъ другой соціальной организаціи. Жалованье можетъ быть регулируемо и понижаемо, если оно отнимаетъ слишкомъ много у заработной платы. Такъ можно отразить нападеніе Маркса на общество — какъ бы я назвалъ его книгу... Вообще книга Маркса есть не столько исследование о капиталѣ, сколько полемика противъ современной его формы, которую онъ смѣшиваетъ съ самымъ понятіемъ капитала, отчего и происходятъ его заблужденія». («Briefe etc. von Dr. Rodbertus-Jagetzow, herausgg. von Dr. Rud. Meyer, Berlin, 1881», I, Bd. p. 111, 48. Brief von Rodbertus.) — [Въ подобныхъ идеологическихъ общихъ мѣстахъ теряется смѣлый по истинѣ размахъ «Соціальныхъ писемъ» Родбертуса. Ф. Э].

¹⁸⁾ Та часть продукта, которая только возмѣщаетъ затраченный постоянный капиталъ, разумѣется, исключена при этомъ расчетѣ. — L. de Lavergne, сѣтливый поклонникъ Англіи, даетъ скорѣе слишкомъ низкое, чѣмъ слишкомъ высокое отношеніе.

отъ того, какъ потомъ распределяется эта добыча между капиталистомъ и земельнымъ собственникомъ и т. д. Прибавочный трудъ англійскаго сельскаго рабочаго относится въ этомъ случаѣ къ его необходимому труду какъ 3:1, т. е. степень эксплуатаціи = 300%.

Школьный методъ разсматривать рабочій день, какъ постоянную величину, былъ подтвержденъ примѣненіемъ формулъ II), такъ какъ здѣсь прибавочный трудъ всегда сравнивается съ рабочимъ днемъ данной величины. То же самое происходитъ, если имѣть въ виду исключительно дѣлежъ произведенной цѣнности. Рабочій день, который уже овеществляетъ въ данной цѣнности, есть всегда рабочій день, имѣющій опредѣленные границы.

Выраженіе прибавочной цѣнности и цѣнности рабочей силы въ видѣ дробей произведенной цѣнности—способъ выраженія, который вытекаетъ изъ самаго капиталистическаго способа производства и значеніе котораго раскрывается намъ въ послѣдствіи—скрадываетъ специфическій характеръ отношенія, именуемаго капиталомъ, а именно объемъ переменнаго капитала на живую рабочую силу и соответствующее устраненіе рабочаго отъ права на продуктъ. Въмѣсто этого выступаетъ ложная видимость товарищескаго отношенія, въ силу котораго рабочій и капиталистъ дѣлятъ продуктъ, сообразно участию различныхъ факторовъ въ его образованіи¹⁹⁾.

Впрочемъ формулы II) всегда могутъ быть обратно превращены въ формулу I. Если у насъ есть, напр.

Прибавочный трудъ въ 6 часовъ
Рабочій день въ 12 часовъ

то необходимое рабочее время = рабочему
дню въ 12 часовъ минусъ прибавочный трудъ въ 6 часовъ, и мы получаемъ:
Прибавочный трудъ въ 6 часовъ = $\frac{100}{100}$
Необходимый трудъ въ 6 часовъ = $\frac{100}{100}$

Третья формула, которую я при случаѣ уже предвосхищаль:

III. $\frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Цѣнность рабочей силы}} = \frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Необходимый трудъ}} = \frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{Оплаченный трудъ}}$

Недоразумѣніе, къ которому могла дать поводъ формула $\frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{Оплаченный трудъ}}$

будто капиталистъ оплачиваетъ трудъ, а не рабочую силу, исчезаетъ послѣ объясненій, приведенныхъ нами выше.

Формула $\frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{Оплаченный трудъ}}$ есть только популярное выраженіе формулы

$\frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Необходимый трудъ}}$ Капиталистъ оплачиваетъ цѣнность или, вѣрнѣе, цѣну

¹⁹⁾ Такъ какъ всѣ развитыя формы капиталистическаго процесса производства представляютъ форму коопераціи, то, конечно, нѣтъ ничего болѣе легкаго, чѣмъ, отвлекаясь отъ ихъ специфически антагонистическаго характера, превращать ихъ силою своей фантазіи въ свободныя формы ассоціаціи, какъ это и дѣлаетъ графъ А. de Laborde въ «De l'Esprit de l'Association dans tous les intérêts de la Communauté. Paris. 1818». Явни Н. Carey продвигаетъ этотъ фокусъ съ тѣмъ же успѣхомъ при случаѣ даже по отношенію къ условіямъ, господствующимъ въ системѣ рабочаго труда.

рабочей силы, не вполне совпадающую съ ней, и получаетъ въ обмѣнъ распоряженіе самой живой рабочей силой. Пользованіе этой рабочей силой распадается на два періода. Въ продолженіе одного періода рабочій производитъ только цѣнность—цѣнности его рабочей силы, т. е. только эквивалентъ. Вмѣсто зависящей отъ цѣны рабочей силы капиталистъ получаетъ, такимъ образомъ, продуктъ такой же цѣны, какъ будто бы онъ купилъ продуктъ готовымъ на рынкѣ. Въ періодъ прибавочнаго труда, наоборотъ, пользованіе рабочей силой образуетъ цѣнность для капиталиста, за которую ему не приходится отдавать никакой цѣнности²⁰⁾. Тутъ живая рабочая сила достается ему даромъ. Въ этомъ смыслѣ прибавочный трудъ можетъ быть названъ неоплаченнымъ трудомъ.

Капиталъ означаетъ, такимъ образомъ, не только главенство (*Kommando*) надъ трудомъ какъ говоритъ А. Смитъ; онъ, по своему существу, есть главенство надъ неоплаченнымъ трудомъ. Всякая прибавочная цѣнность, въ какую бы особенную форму—прибыли, процента, ренты и т. д., она впоследствии ни кристаллизовалась, есть по своей субстанціи матеріальное воплощеніе неоплаченного рабочаго времени. Такая самовозрастанія капитала цѣнностью сводится къ распоряженію опредѣленнымъ количествомъ чужого неоплаченного труда.

²⁰⁾ Хотя физиократы не проникли еще въ тайны прибавочной цѣнности, все-таки и для нихъ было ясно, что она «составляетъ богатство независимое, которымъ можно располагать, и которое онъ (владѣлецъ) продаетъ, не купивъ». (Turgot: «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», p. 11).

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Заработная плата.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Превращеніе цѣнности или цѣны рабочей силы въ заработную плату.

На поверхности буржуазнаго общества плата рабочаго является въ видѣ цѣны труда, опредѣленнаго количества денегъ, уплачиваемаго за опредѣленное количество труда. Здѣсь говорить о цѣнности труда и денежное выраженіе ея называютъ необходимой или естественной цѣной труда. Съ другой стороны, рѣчь идетъ здѣсь о рыночныхъ цѣнахъ труда, т. е. о цѣнахъ, колеблющихся выше или ниже необходимой цѣны.

Но что такое цѣнность товара? Объективная форма затраченнаго при его произведеніи общественнаго труда. А чѣмъ мѣримъ мы величину цѣнности товара? Величиной содержащагося въ немъ труда. Чѣмъ опредѣляется, поэтому, цѣнность, напр., 12-часоваго рабочаго дня? 12-ю рабочими часами, содержащимися въ 12-часовомъ рабочемъ днѣ, что составляетъ безсмысленную тавтологію ²¹⁾.

Чтобы быть продаваемымъ на рынкѣ какъ товаръ, трудъ долженъ во вся-

²¹⁾ «Рикардо довольно остроумно обходить затрудненіе, которое на первый взглядъ грозитъ опровергнуть его доктрину, что цѣнность зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на производство. Если строго держаться этого принципа, то изъ него слѣдуетъ, что цѣнность труда зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на его производство, что, очевидно, представляетъ нелѣпость. Поэтому, посредствомъ искуснаго оборота Рикардо ставитъ цѣнность труда въ зависимость отъ количества труда, необходимаго для производства заработной платы, или, выражаясь его собственными словами, онъ утверждаетъ, что цѣнность труда мѣрится количествомъ труда, необходимаго для производства заработной платы; а подъ этимъ онъ подразумеваетъ количество труда, необходимаго для производства денегъ или товаровъ, получаемыхъ рабочимъ. Это все равно, что сказать, что цѣнность платы мѣрится не количествомъ труда, потраченнаго на его производство, но количествомъ труда, потраченнаго на производство серебра, на которое обмѣнивается плата». («A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value» p. 50, 51).

комъ случаѣ существовать ранѣе, чѣмъ онъ продается. Но если бы рабочій могъ дать ему самостоятельное существованіе, то онъ продавалъ бы товаръ, а не трудъ ²²⁾).

Оставляя въ сторонѣ эти противорѣчія, непосредственный обмѣнъ денегъ, т. е. овеществленнаго труда, на живой трудъ, или упразднялъ бы законъ цѣнности, который развивается свободно именно только на основѣ капиталистическаго производства, или упразднялъ бы само капиталистическое производство, покоящееся именно на наемномъ трудѣ. Рабочій день въ 12 часовъ выражается, напр., въ денежной цѣнности въ 6 шиллинговъ. Если обмѣниваются эквиваленты,—рабочій получаетъ за 12-ти-часовой трудъ 6 шилл. Цѣна его труда тогда равна цѣнѣ его продукта. Въ такомъ случаѣ онъ не производитъ прибавочной цѣнности для покупателя его труда, 6 шиллинговъ не превращаются въ капиталъ, исчезаетъ самая основа капиталистическаго производства. Но именно на этой основѣ онъ и продаетъ свой трудъ, и трудъ его является наемнымъ трудомъ. Или же онъ получаетъ за 12 часовъ менѣе 6 шилл., т. е. менѣе 12 часовъ труда. 12 часовъ труда обмѣниваются на 10, 6 и т. д. часовъ труда. Такое уравненіе неравныхъ величинъ не только уничтожаетъ опредѣленіе цѣнности, но его даже невозможно выразить или формулировать, какъ законъ: это само себя уничтожающее противорѣчіе ²³⁾).

Объясненіе обмѣна большаго количества труда на меньшее различіемъ формы труда, т. е. тѣмъ, что въ одномъ случаѣ онъ является овеществленнымъ, а въ другомъ живымъ ²⁴⁾, не ведетъ ни къ чему. Оно тѣмъ негнѣе, что цѣнность товара опредѣляется не количествомъ дѣйствительно въ немъ овеществленнаго, но количествомъ необходимаго для его производства живого труда. Предположимъ, что товаръ представляетъ 6 рабочихъ часовъ. Если будутъ сдѣланы изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ онъ можетъ быть произведенъ въ

²²⁾ «Если вы называете трудъ товаромъ, то онъ не представляетъ, подобно другимъ, товара, произведеннаго ранѣе съ цѣлью обмѣна и затѣмъ принесеннаго на рынокъ, гдѣ онъ долженъ обмѣниваться на другіе товары, соответственно количеству каждаго изъ нихъ, могущему одновременно находиться на рынкѣ: трудъ создается въ тотъ моментъ, когда онъ принесенъ на рынокъ: можно даже скорѣе сказать, что онъ принесенъ на рынокъ ранѣе, чѣмъ онъ созданъ». («Observations on some verbal disputes etc.», p. 75, 76).

²³⁾ «Если рассматривать трудъ какъ товаръ, а капиталъ,—продуктъ труда,—какъ другой товаръ, то, если цѣнности этихъ двухъ товаровъ опредѣляются равными количествами труда, данное количество труда будетъ обмѣниваться... на такое количество капитала, которое было произведено такимъ же количествомъ труда; предыдущій трудъ будетъ обмѣниваться... на такое же количество настоящаго труда. Но цѣность труда по отношенію къ другимъ товарамъ... не опредѣляется равными количествами труда». (E. G. Wakefield въ его над. Ад. Смитъ «Wealth of Nations», Lond. 1836, v. I, p. 231 Note).

²⁴⁾ «Нужно было согласиться (еще одно паданіе «Contrat Social»), что всякій разъ, когда онъ будетъ обмѣнивать трудъ, уже произведенный, на трудъ, который еще долженъ быть совершенъ, послѣдній (капиталистъ) будетъ получить большую цѣнность, чѣмъ первый (рабочій)». [Simonde (т. е. Sismondi): «De la Richesse Commerciale. Genève 1803», t. I, p. 37].

3 часа, то понизится также на половину цѣнность произведеннаго уже товара. Онъ представляетъ теперь 3 часа вмѣсто прежнихъ 6 часовъ необходимаго общественнаго труда. Такимъ образомъ величина цѣнности товара опредѣляется не его объективной формой, а количествомъ труда, необходимаго для его производства.

На самомъ дѣлѣ на товарномъ рынкѣ владѣльцу денегъ противостоитъ непосредственный трудъ, рабочій. И послѣдній продаетъ свою рабочую силу. Какъ только трудъ его дѣйствительно начинается, онъ уже болѣе не принадлежитъ ему, а, слѣдовательно, не можетъ быть имъ болѣе проданъ. Трудъ есть субстанція и иманентное мѣрило цѣнности, но самъ онъ не имѣетъ цѣнности²⁵⁾.

Въ выраженіи: «цѣнность труда» понятіе цѣнности не только совершенно исчезаетъ, но даже превращается въ свою противоположность. Это мнимое выраженіе, какъ, напр., цѣнность земли. Однако эти мнимыя выраженія вытекаютъ изъ самихъ производственныхъ отношеній. Это—категоріи для формъ проявленія существенныхъ отношеній. Что вещи въ своемъ проявленіи часто представляются въ превратномъ видѣ, извѣстно почти во всѣхъ наукахъ, кромѣ политической экономіи²⁶⁾.

Классическая политическая экономія заимствовала безъ дальнѣйшей критики изъ повседневной жизни категорію «цѣны труда», чтобы уже затѣмъ задаться вопросомъ, какъ опредѣляется эта цѣна. Она скоро замѣтила, что измѣненіе отношенія между спросомъ и предложеніемъ ничего не объясняетъ въ цѣнѣ труда, какъ и всякаго другого товара, кромѣ ея измѣненія, т. е. колебанія рыночныхъ цѣнъ ниже или выше извѣстной величины. Если спросъ и предложеніе взаимно уравниваются, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прекращаются колебанія цѣнъ. Но тогда спросъ и предложеніе перестаютъ что

²⁵⁾ «Трудъ, исключительная мѣра цѣнности... создаетъ всякаго богатства, не есть товаръ». (Th. Hodgskin I. c. p. 186).

²⁶⁾ Называть подобныя выраженія простыми поэтическими вольностями (*licentia poetica*) значить обнаруживать безсиліе анализа. На фразу Прудона: «Говорятъ, что трудъ имѣетъ цѣнность не потому, что онъ самъ по себѣ есть товаръ, но вследствие того, что въ немъ предполагаются цѣнности въ скрытомъ состояніи. Цѣнность труда есть выраженіе фигуральное» и т. д. я замѣтилъ: «Въ трудѣ-товарѣ, ликующемъ поразительную реальность, онъ видитъ только грамматическій эликсиръ. Такимъ образомъ все современное общество, основанное на трудѣ-товарѣ, отнынѣ основано только на поэтической вольности, на фигуральномъ выраженіи. Если общество хочетъ «устранить всѣ неустройства» (*éliminer tous les inconvénients*), которыя его мучатъ, то пусть оно вычеркнетъ всѣ неблагозвучныя выраженія, пусть оно замѣнитъ явныя; а для этого ему нужно только обратиться къ Академіи съ просьбой выпустить новое изданіе ея словаря». (K. Marx: *Misère de la Philosophie*, p. 34, 35). Еще удобнѣе, конечно, ничего не подразумѣвать подъ цѣнностью. Тогда можно приписать къ этой категоріи все безъ разбора. Мы видимъ это напр. у J. B. Say. Что такое «цѣнность» (*Valeur*). Отвѣтъ: «Это то, во что вещь цѣнится (*vaut*), а что такое «цѣна»? Отвѣтъ: «Цѣнность вещи, выраженная въ деньгахъ». А почему «трудъ земли... имѣетъ цѣнность?—Потому что его оцѣниваютъ». Такимъ образомъ цѣнность есть то, во что вещь цѣнится, а земля имѣетъ «цѣнность», потому что она цѣнится «выражена въ деньгахъ». Это во всякомъ случаѣ очень простой способъ объясненія why и wherefore (отчего и почему) вещей.

либо объяснять. Цѣна труда, когда спросъ и предложеніе взаимно уравниваются, есть его естественная цѣна, опредѣляемая независимо отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, и она именно явилась искомымъ предметомъ научнаго анализа. Когда же разсматривали болѣе длинные періоды колебаній рыночной цѣны, напр., годъ, то находили, что ея повышеніе и пониженіе уравниваются до средней величины, составляющей нѣкоторую постоянную. Эта средняя величина должна конечно опредѣляться иначе, чѣмъ уравнивающимися между собой отклоненія отъ нея. Эта цѣна, стоящая надъ случайными рыночными цѣнами труда и регулирующая ихъ, «необходимая цѣна» (физиократы) или «естественная цѣна» (А. Смитъ) можетъ, какъ и у другихъ товаровъ, быть только выраженной въ деньгахъ цѣнностью труда. Такъ политическая экономія полагала проникнуть отъ случайныхъ цѣнъ труда къ его цѣнности. Какъ и для другихъ товаровъ, эта цѣнность опредѣлялась затѣмъ издержками производства. Но что такое издержки производства—рабочаго, т. е. издержки, потребныя для производства или воспроизведенія самого рабочаго? Этимъ вопросомъ политическая экономія безсознательно подмѣнила первоначальный, такъ какъ, занимаясь издержками производства труда, какъ такового она, вертѣлась въ кругѣ и не двигалась съ мѣста. То, что она, такимъ образомъ, называетъ цѣнностью труда (value of labour), есть на самомъ дѣлѣ цѣнность рабочей силы, существующей въ рабочемъ и отличающейся отъ своей функціи, труда, такъ же, какъ машина отличается отъ своихъ операций. Занимаясь различіемъ между рыночными цѣнами труда и его такъ называемой цѣнностью, отношеніемъ этой цѣнности къ уровню прибыли, къ производимымъ трудомъ товарнымъ цѣностямъ и т. д., никогда нельзя было открыть, что ходъ анализа ведетъ не только отъ рыночныхъ цѣнъ труда къ его мнимой цѣнности, но и къ сведенію цѣнности труда въ свою очередь къ цѣнности рабочей силы. Это непониманіе результатовъ своего собственнаго анализа, принятіе безъ всякой критики категорій «цѣнность труда», «естественная цѣна труда» и т. д., за послѣдствія адекватныя выраженія разсматриваемаго отношенія цѣнности, запутали классическую политическую экономію, какъ мы увидимъ впоследствии, въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, давъ въ то же самое время вульгарной экономіи вѣрный операціонный базисъ для ея плоскихъ разсужденій, принципиально признающихъ только видимость явленій, а не ихъ существо.

Разсмотримъ сначала, какъ цѣнность и цѣна рабочей силы выражаются въ превращенной формѣ заработной платы.

Мы знаемъ, что дневная цѣнность рабочей силы расчитывается сообразно извѣстной продолжительности жизни рабочаго, которой соответствуетъ извѣстная продолжительность рабочаго дня. Предположимъ, что обычный рабочій день составляетъ 12 часовъ, а дневная цѣнность рабочей силы 3 шиллинга, т. е. денежное выраженіе цѣнности 6 рабочихъ часовъ. Если рабочій получаетъ 3 шиллинга, то онъ получаетъ цѣнность своей рабочей силы, функционирующей въ продолженіе 12 часовъ. Если эта дневная цѣнность рабочей силы будетъ признава цѣнностью дневного труда, то получится формула: 12-часовой трудъ имѣетъ цѣнность въ 3 шиллинга. Цѣнность рабочей силы опредѣляетъ, та-

кимъ образомъ, цѣнность труда или, выражая это въ деньгахъ, его необходимую цѣну. Если же цѣна рабочей силы отклоняется отъ ея цѣнности, то точно также цѣна труда отклоняется отъ его такъ называемой цѣнности.

Такъ какъ цѣнность труда есть только ирраціональное выраженіе для цѣнности рабочей силы, то само собою разумѣется, что цѣнность труда всегда должна быть меньше цѣнности произведенной ею цѣнности, такъ какъ капиталистъ всегда заставляетъ рабочую силу функционировать дольше, чѣмъ это необходимо для воспроизведенія ея собственной цѣнности. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ цѣнность рабочей силы, функционирующей 12 часовъ, составляетъ 3 шиллинга, цѣнность, для воспроизведенія которой нужно 6 часовъ. Продуктъ же ея имѣетъ цѣнность въ 6 шилл., такъ какъ въ дѣйствительности она функционируетъ 12 часовъ, произведенная же ею цѣнность зависитъ не отъ ея собственной цѣнности, а отъ продолжительности ея функции. Получается, такимъ образомъ, вслѣдствіе на первый взглядъ результатъ, что трудъ, создающій цѣнность въ 6 шилл., имѣетъ цѣнность въ 3 шилл.²⁷⁾

Мы видимъ далѣе, что цѣнность въ 3 шилл. въ которой выражена оплаченная часть рабочаго дня, т. е. 6-часовой трудъ, является цѣнностью или цѣной всего 12 часового рабочаго дня, содержащаго и 6 неоплаченныхъ часовъ. Форма заработной платы уничтожаетъ, слѣдовательно, всякій слѣдъ раздѣленія рабочаго дня на необходимый трудъ и прибавочный трудъ, на оплаченный трудъ и неоплаченный трудъ. Весь трудъ кажется оплаченнымъ трудомъ. При барщинномъ трудѣ трудъ крестьянина на самого себя и его принудительный трудъ на помѣщика различаются между собой совершенно осязательно во времени и пространствѣ. При рабскомъ трудѣ даже та часть рабочаго дня, въ теченіе которой рабъ возмѣщаетъ только цѣность своихъ собственныхъ средствъ существованія и когда онъ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ работаетъ на самого себя, кажется трудомъ на его господина. Весь его трудъ представляется въ видѣ неоплаченнаго труда²⁸⁾. При наемномъ трудѣ, наоборотъ, даже прибавочный или неоплаченный трудъ представляется въ видѣ оплаченнаго. Въ одномъ случаѣ отношеніе собственности скрадываетъ трудъ раба на себя самого, въ другомъ—денежное отношеніе скрадываетъ даровой трудъ наемнаго рабочаго.

Нетрудно, поѣтому, понять громадную важность превращенія цѣнности в цѣну рабочей силы въ форму заработной платы или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой формѣ проявленія, которая дѣлаетъ дѣйствительное отно-

²⁷⁾ Ср. «Zur Kritik der politischen Oekonomie», p. 40, гдѣ я заявляю, что при рассмотрѣніи капитала должна быть рѣшена слѣдующая проблема: «Какимъ образомъ производство на основѣ мѣновой цѣнности, опредѣляемой только рабочимъ временемъ, ведетъ къ тому, что мѣновой цѣностью труда меньше мѣновой цѣнности его продукта?»

²⁸⁾ Morning Star, до глупости наивный лондонскій органъ фронтредерства, увѣрялъ все время американской гражданской войны съ полнымъ нравственнымъ поглованіемъ, что въ «Конфедерированныхъ (т. е. Южныхъ) Штатахъ» («Confederate States») негры работаютъ совершенно даромъ. Ему бы слѣдовало лучше сравнить дневную стоимость содержанія такого негра съ издержками, напр., на свободнаго рабочаго East End'a въ Лондонѣ.

шеніе невѣдмымъ и показываетъ прямо противоположное, покоятся всѣ правовыя представленія рабочаго и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ его иллюзіи относительно свободы, всѣ апологетическія увертки вульгарной экономіи.

Если всемірной исторіи нужно было много времени, чтобы проникнуть въ тайну заработной платы, то вѣтъ, наоборотъ, ничего легче, какъ понять необходимость, *raison d'être* этой формы явленія

Обмѣнъ между капиталомъ и трудомъ представляется на первый взглядъ тѣмъ же самымъ, какъ покупка и продажа всякаго другого товара. Покупатель даетъ опредѣленную сумму денегъ, продавецъ—товаръ, отличный отъ денегъ. Юридическое сознаніе видитъ здѣсь, самое большее, различіе въ содержаніи, выражающееся въ юридически эквивалентныхъ формулахъ: *Do ut des, do ut facias, facio ut des et facio ut facias* (я даю для того, чтобы ты давалъ, я даю для того, чтобы ты дѣлалъ, я дѣлаю для того, чтобы ты давалъ, я дѣлаю для того, чтобы ты дѣлалъ).

Далѣе, такъ какъ мѣновая цѣнность и потребительная цѣнность сами по себѣ суть величины несоизмѣримыя, то выраженія «цѣнность труда», «цѣна труда» кажутся не болѣе ирраціональными, чѣмъ выраженія «цѣнность хлопка», «цѣна хлопка». Надо еще прибавить, что рабочему платятъ уже послѣ того, какъ онъ далъ свой трудъ. Въ своей функціи платежнаго средства деньги уже впоследствии реализуютъ цѣнность или цѣну доставленнаго товара, въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, цѣнность или цѣну доставленнаго труда. Наконецъ, «потребительная цѣнность», которую рабочій отдаетъ капиталисту, есть на самомъ дѣлѣ не его рабочая сила, но ея функція, опредѣленный полезный трудъ, трудъ портного, сапожника, прядильщика и т. д. То обстоятельство, что тотъ же самый трудъ, съ другой стороны, есть всеобщій элементъ, образующій цѣнность, это свойство, которымъ трудъ отличается отъ всѣхъ другихъ товаровъ, выходитъ изъ предѣловъ обыкновеннаго сознанія.

Если мы станемъ на точку зрѣнія рабочаго, который получаетъ за 12-часовой трудъ, продуктъ, напр., 6-часового труда, положимъ 3 шилл., то для него на самомъ дѣлѣ его 12-часовой трудъ есть покупательное средство на 3 шилл. Цѣнность его рабочей силы можетъ мѣняться вѣстѣ съ цѣнностью его обычныхъ средствъ существованія отъ 3 до 4 шилл., или отъ 3 до 2 шилл., или, при неизмѣняющейся цѣнности рабочей силы, цѣна ея можетъ, вслѣдствіе измѣнявшагося отношенія между спросомъ и предложеніемъ, подняться до 4 шилл., или упасть до 2 шилл., но онъ всегда отдаетъ 12 рабочихъ часовъ. Всякое измѣненіе въ величинѣ эквивалента, который онъ получаетъ, кажется ему, поэтому, вспрямъ измѣненіемъ цѣнности или цѣны его 12 рабочихъ часовъ. Это обстоятельство побудило, наоборотъ, Ад. Смита, разсматривающаго рабочій день, какъ величину постоянную ²⁹⁾, утверждать, что цѣнность труда постоянна, хотя цѣнность средствъ существованія измѣняется и

²⁹⁾ Ад. Смитъ только случайно, по поводу задѣльной платы, намекаетъ на неизмѣненіе въ рабочемъ днѣ.

одинъ и тотъ же рабочій день выражается поэтому для рабочаго въ большей или меньшей суммѣ денегъ.

Если мы, съ другой стороны, возьмемъ капиталиста, то онъ хочетъ получить возможно больше труда за возможно меньшую сумму денегъ. Практически его, поэтому, интересуетъ только разница между цѣной рабочей силы и цѣнностью, которую создаетъ ея функционированіе. Но онъ старается всѣ товары покупать по возможности дешевле и объясняетъ себѣ неадѣ свою прибыль простымъ надувательствомъ, покупкой ниже и продажей выше цѣнности. Ему никогда не приходитъ на умъ, что если бы такая вещь, какъ цѣнность труда, дѣйствительно существовала, и если бы онъ дѣйствительно оплачивалъ эту цѣнность, то не существовало бы никакого капитала, и его деньги не превратились бы въ капиталъ.

Къ тому же дѣйствительное движеніе заработной платы обнаруживаетъ явленія, которыя какъ будто доказываютъ, что оплачивается не цѣнность рабочей силы, но цѣнность ея функционированія, т. е. самаго труда. Эти явленія могутъ быть сведены къ двумъ большимъ классамъ. Во-1-хъ, измѣненія заработной платы въ связи съ измѣненіями продолжительности рабочаго дня. Можно было бы также правильно заключить, что оплачивается цѣнность не самой машины, а ея операций, такъ какъ стоитъ дороже нанять машину на недѣлю, чѣмъ на день. Во-2-хъ, индивидуальная разница въ заработной платѣ различныхъ рабочихъ, исполняющихъ одну и ту же функцію. Такія же индивидуальныя разлчія усматриваются, не давая никакого повода къ иллюзіямъ, и въ системѣ рабства, гдѣ продается совершенно свободно, безъ всякихъ прикрасъ и околнчностей, сама рабочая сила. Но выгода отъ рабочей силы качествомъ выше средней, или убытокъ отъ рабочей силы качествомъ ниже средней, въ системѣ рабскаго труда достаются на долю рабовладѣльца, въ системѣ же наемнаго труда—на долю самого рабочаго, такъ какъ его рабочая сила въ одномъ случаѣ продается имъ самимъ, въ другомъ—третьимъ лицомъ.

Впрочемъ, относительно такихъ формъ явленій, какъ «цѣнность и цѣна труда» или «заработная плата», въ отличіе отъ того болѣе существеннаго отношенія, которое въ этихъ формахъ проявляется, т. е. отъ цѣнности и цѣны рабочей силы, можно сказать то же самое, что и о всѣхъ формахъ явленій и ихъ скрытой основѣ. Формы воспроизводятся непосредственно, самопроизвольно, какъ ходячія мыслительныя формы, основа же ихъ должна быть еще открыта наукой. Классическая политическая экономія болѣе или менѣе подходитъ къ дѣйствительной сущности дѣла, но не формулируетъ ея сознательно. Она не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока находится въ своей буржуазной шкурѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Повременная плата.

Заработная плата сама, въ свою очередь, принимаетъ самыя разнообразныя формы, о чемъ намъ не говорятъ учебники политической экономіи, пренебрегающіе въ своемъ грубомъ пристрастіи къ матеріи всякими различіями формы.

Изображеніе всѣхъ этихъ формъ относится къ спеціальному ученію о заработной платѣ и не относится, поэтому, къ задачѣ настоящаго сочиненія. Здѣсь же мы вкратцѣ разберемъ двѣ господствующія основныя формы.

Продажа рабочей силы происходитъ, какъ мы уже знаемъ, всегда на опредѣленный періодъ времени. Превращенная форма, въ которой непосредственно выражается дневная, недѣльная и т. д. цѣнность рабочей силы, есть поэтому форма «повременной платы», т. е. плата подневная и т. д.

Нужно прежде всего замѣтить, что законы измѣненія величинъ цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности, изложенные въ пятнадцатой главѣ, путемъ простого измѣненія формы превращаются въ законы заработной платы. Точно также разница между мѣстовой цѣнностью рабочей силы и количествомъ средствъ существованія, въ которыхъ эта цѣнность превращается, теперь представляется въ видѣ разницы между номинальной и реальной заработной платой. Было бы бесполезно повторить относительно формы проявленія то, что было уже развито относительно существенной формы. Мы ограничиваемся, поэтому, немногими пунктами, характеризующими повременную плату.

Денежная сумма ²⁰⁾, которую рабочій получаетъ за свой дневной, недѣльный трудъ и т. д., составляетъ сумму его номинальной или оцѣненной по цѣнности заработной платы. Но ясно, что соотвѣтственно дѣлѣ рабочаго дня, т. е. соотвѣтственно доставляемому имъ ежедневно количеству труда, одна и та же подневная, понедѣльная плата и т. д. можетъ представлять чрезвычайно различныя цѣны труда, т. е. чрезвычайно различныя денежныя суммы за одно и то же количество труда ²¹⁾. При платѣ по времени, такимъ образомъ, опять нужно отличать общую сумму заработной платы, подневной, понедѣльной платы и т. д. отъ цѣны труда. Но какъ найти эту цѣну, т. е. денежную цѣнность даннаго количества труда? Средняя цѣна труда получается при дѣленіи средней дневной цѣнности рабочей силы на число часовъ средняго рабочаго дня. Если, напр., дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 3 шилл., т. е. цѣнность продукта 6 рабочихъ часовъ, а рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, то цѣна одного рабочаго часа $= \frac{3 \text{ шилл.}}{12} = 3 \text{ пенса.}$ Найденная такимъ образомъ цѣна рабочаго часа служить единицей мѣры для цѣны труда.

Отсюда слѣдуетъ, что подневная, понедѣльная плата и т. д. можетъ оставаться та же самая, хотя цѣна труда будетъ постоянно понижаться. Если, напр., обычный рабочій день состоялъ изъ 10 часовъ и дневная цѣнность рабочей силы составляла 3 шилл., то цѣна одного рабочаго часа $= 3\frac{1}{2}$ пенса.; она понижается до 3 пенса., если рабочій день удлинится до 12 часовъ, и до $2\frac{1}{2}$ пенса., если онъ удлинится до 15 часовъ. Но дневная или недѣльная плата тѣмъ не менѣе не измѣняется. Наоборотъ, дневная или недѣльная плата можетъ повыситься, хотя цѣна труда останется постоянной или даже понижается. Если, напр., ра-

²⁰⁾ Цѣнность денегъ всюду предполагается здѣсь постоянной.

²¹⁾ «Цѣна труда есть сумма, уплаченная за данное количество труда» (Sir Edward West: «Price of Corn and Wages of Labour. Lond. 1826», p. 67). West, авторъ апонимнаго сочиненія, составившаго эпоху въ исторіи политической экономіи: «Essay on the Application of Capital to Land. By a Fellow of Univ. College of Oxford. Lond.

Рабочій день состоитъ изъ 10 часовъ, а дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 3 шилл., то цѣна одного рабочаго часа $= 3\frac{3}{4}$ пенс. Если рабочій, вслѣдствіе увеличенія работы и при неизмѣняющейся цѣнѣ труда, работаетъ 12 часовъ, то его дневная плата повышается до 3 шилл. $7\frac{1}{4}$ пенс. безъ измѣненія въ цѣнѣ труда. Тотъ же самый результатъ получился бы, если бы вмѣсто астенсивной величины труда увеличилась его пентенсивная величина ³²⁾. Увеличеніе номинальной почасовой или почасовой платы можетъ, поэтому, сопровождаться неизмѣняющейся или повыжающейся цѣной труда. То же относится и къ доходамъ рабочей семьи, если количество труда, доставляемое главною семье, увеличивается еще трудомъ другихъ членовъ семьи. Существуютъ, такимъ образомъ, методы для пониженія цѣвы труда ³³⁾, независящие отъ номинальнаго уменьшенія почасовой или почасовой платы.

Отсюда вытекаетъ слѣдующій всеобщій законъ: если дано количество дневного, почасоваго труда и т. д., то почасовая или почасовая плата зависитъ отъ цѣвы труда, которая, въ свою очередь, мѣняется или съ цѣнностью рабочей силы, или съ отклоненіями ея цѣвы отъ цѣнности. Если же дана, напротивъ, цѣна труда, то почасовая или почасовая плата зависитъ отъ количества дневного или почасоваго труда.

Единица мѣры повременной платы, т. е. цѣна рабочаго часа, есть частное отъ дѣленія дневной цѣнности рабочей силы на число часовъ обычнаго рабочаго дня. Если послѣдній равенъ 12 часамъ, а дневная цѣнность рабочей силы 3 шилл., т. е. цѣнности продукта 6 рабочихъ часовъ, то цѣна рабочаго часа при этихъ условіяхъ составляетъ 3 пенс., произведенная же цѣнность—6 пенс. Если же рабочій занятъ менѣе 12 часовъ ежедневно (или менѣе 6 дней въ недѣлю), напр., 6 или 8 часовъ, то при этой цѣнѣ труда онъ получаетъ только

³²⁾ «Плата за трудъ зависитъ отъ цѣвы труда и отъ количества совершеннаго труда... Повышеніе платы за трудъ не предполагаетъ неизмѣнно увеличенія цѣвы труда. Вслѣдствіе болѣе усиленнаго занятія (from fuller employment) и большихъ усилий, плата за трудъ можетъ значительно возрасти, между тѣмъ, какъ цѣна труда будетъ оставаться та же самая» (West, l. c. p. 67, 68 и 112). West, впрочемъ, отдѣляется банальными фразами отъ главнаго вопроса: какъ опредѣляется «цѣна труда» («price of labour»).

³³⁾ Самый фанатическій представитель промышленной буржуазіи XVIII столѣтія, авторъ цитируемаго нами чаета «Essay on Trade and Commerce», совершенно вѣрно понимаетъ это, хотя онъ очень неясно излагаетъ этотъ предметъ: «Количество труда, а не цѣна его (подъ ней авторъ разумѣетъ номинальную дневную или почасовую плату), опредѣляется цѣною съѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ потребленія: если вы понизите цѣну предметовъ необходимости, вы, конечно, понизите цѣну соотвѣстственнаго количества труда... Хотяже мануфактуръ знаютъ, что есть различные пути повышенія и пониженія цѣвы труда безъ измѣненія его номинальнаго количества» (l. c. p. 48 и 61). N. W. Senior въ своихъ «Three Lectures on the Rate of Wages. Lond. 1830», пользуясь статьей West'a, но, не указывая ея, между прочимъ, говоритъ: «Рабочій заинтересованъ преимущественно въ суммѣ заработной платы» (p. 14). Такимъ образомъ, рабочій заинтересованъ преимущественно въ томъ, что онъ получаетъ въ номинальной суммѣ платы, а не въ томъ, что онъ отдаетъ, не въ количествѣ труда!

2 или $1\frac{1}{2}$ шилл. подневной платы ³⁴⁾). Такъ какъ по предположенію онъ долженъ работать въ среднемъ 6 часовъ въ день, чтобы произвести только подневную плату, соответствующую цѣнности его рабочей силы, и такъ какъ по тому же самому предположенію онъ каждый часъ работаетъ только полчаса для самого себя, полчаса же на капиталиста, то ясно, что онъ не можетъ получить цѣнности, равной продукту 6 часовъ труда, работая менѣе 12 часовъ. Если мы прежде видѣли разрушительныя послѣдствія чрезмѣрнаго труда (Ueberarbeit), то здѣсь мы открываемъ источники страданій, происходящихъ для рабочаго отъ недостаточнаго труда (Unterbeschäftigung).

Если часовая плата установлена такимъ образомъ, что капиталистъ не обязывается уплачивать подневную или понедѣльную плату, но оплачиваетъ только рабочіе часы, въ продолженіе которыхъ ему угодно занимать рабочаго, то онъ можетъ занимать его менѣе того времени, которое первоначально служило основаніемъ опредѣленія часовой платы или единицы мѣры для цѣны труда. Такъ какъ эта единица мѣры опредѣляется отношеніемъ:

$$\frac{\text{Дневная цѣнность рабочей силы}}{\text{Рабочій день даннаго числа часовъ}},$$

то она естественно теряетъ всякій смыслъ, если рабочій день перестаетъ насчитывать въ себѣ опредѣленное число часовъ. Уничтожается связь между оплаченнымъ и неоплаченнымъ трудомъ. Капиталистъ можетъ теперь выжимать изъ рабочаго известное количество прибавочнаго труда, не предоставляя ему рабочаго времени, необходимаго для поддержанія его собственнаго существованія. Онъ можетъ уничтожить всякую правильность занятій и, сообразно со своимъ удобствамъ, произволомъ и интересомъ въ данный моментъ чередовать самый чудовищный чрезмѣрный трудъ съ относительной или полной безработицей. Онъ можетъ ненормально удлинить рабочій день подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уплачиваетъ «нормальную цѣну труда», не давая никакого соответствующаго вознагражденія рабочему. Отсюда—въ высшей степени рациональное возмущеніе (1860) лондонскихъ рабочихъ, завятыхъ въ строительномъ дѣлѣ, противъ попытки капиталистовъ навязать имъ часовую плату. Законодательное ограниченіе рабочаго дня казается предѣлъ подобному безобразію; но, конечно, оно бессильно противъ недостаточнаго заработка, вытекающаго изъ конкуренціи машинъ, изъ измѣненій въ качествахъ нанятыхъ рабочихъ, изъ частичныхъ и всеобщихъ кризисовъ.

При возрастающей подневной или понедѣльной платѣ цѣна труда номинально можетъ остаться постоянной и тѣмъ не менѣе опуститься ниже своего нормальнаго уровня. Это происходитъ всякій разъ, когда при постоянной цѣнѣ труда, или рабочаго часа, рабочій день удлинняется сверхъ его обычной продолжительности.

³⁴⁾ Дѣйствіе подобнаго ненормальнаго недостатка занятій существенно отличается отъ дѣйствія всеобщаго законодательнаго сокращенія рабочаго дня. Первое не имѣетъ ничего общаго съ абсолютной продолжительностью рабочаго дня и можетъ наступить какъ при 15-ти-часовомъ рабочемъ днѣ, такъ и при 6-ти-часовомъ. Нормальная цѣна труда въ первомъ случаѣ рассчитана на то, что рабочій работаетъ, среднимъ числомъ, 15 часовъ въ день, а во второмъ на то, что онъ работаетъ 6 часовъ. Это равносильно тому, что въ одномъ случаѣ онъ занятъ только $7\frac{1}{2}$, а въ другомъ только 3 часа..

Если в дробь Дневная цѣнность рабочей силы увеличивается знаменатель, то
Рабочій день

числитель увеличивается еще быстрѣе. Цѣнность рабочей силы, вслѣдствіе ея потребленія, возрастаетъ вмѣстѣ съ продолжительностью ея функций и даже въ болѣе быстрой пропорціи, чѣмъ приращеніе времени ея функціонирования. Во многихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ господствуетъ повременная плата, стихійно, безъ законодательныхъ границъ рабочаго дня, развился обычай, что рабочій день только до извѣстнаго предѣла, напр., до окончанія 10-го часа, считается нормальнымъ («normal working day», «the day's work», «the regular hours of work»). За этимъ предѣломъ рабочее время образуетъ сверхурочное время (overtime) и оплачивается выше (extra pay), хотя часто въ пропорціи до сибиряшней маленькой, причемъ единицей мѣры тоже служитъ часъ.³⁵⁾ Нормальный рабочій день существуетъ здѣсь, какъ дробь дѣйствительнаго рабочаго дня, и послѣдній часто въ теченіе цѣлаго года продолжается дольше перваго³⁶⁾. Возрастаніе цѣны труда вмѣстѣ съ удлинненіемъ рабочаго дня за извѣстный нормальный предѣлъ приводитъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ отрасляхъ промышленности къ тому, что ввѣкая цѣна труда во время такъ называемаго нормальнаго времени вынуждаетъ рабочаго, если онъ желаетъ вообще получать достаточную заработную плату, работать сверхурочное время, которое оплачивается выше,³⁷⁾. Законодательное ограниченіе рабочаго дня полагаетъ предѣлу этому удовольствію³⁸⁾.

³⁵⁾ Рѣзультъ платы за сверхурочное время (въ проаводствѣ кружевъ) такъ ничтоженъ, — $\frac{1}{2}$ пенса и т. д. въ часъ, что онъ составляетъ рѣзкій контрастъ тому громадному вреду, который работа эта причиняетъ здоровью и жизненной силѣ рабочихъ... Незначительная прибавка, заработанная такимъ образомъ, часто должна быть поддержана на чрезвычайныя подкрѣпляющія средства» («Childr. Empl. Comm.» II Rep. p. XVI. n. 117).

³⁶⁾ Напр. на обычныхъ фабрикахъ до послѣдняго введенія фабричнаго закона. «Мы работаемъ безъ перерывовъ для припята піицы, такъ что 10 $\frac{1}{2}$ часовъ дневной трудъ кончается въ 5 часовъ дня; все же дальнѣйшее есть сверхурочное время, рѣдко копчющеся равнѣ 8 часовъ вечера, такъ что въ дѣйствительности мы въ продолженіе цѣлаго года работаемъ сверхурочное время». (Mr. Smith's Evidence въ «Childr. Empl. Comm. I Rep., p. 125).

³⁷⁾ Напр. въ шотландскихъ бѣлавыняхъ. «Въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи въ этой отрасли промышленности (до введенія фабричнаго закона 1862 г.) практиковалась система сверхурочнаго времени, т. е. 10 часовъ считались нормальнымъ рабочимъ днемъ. За это рабочій получалъ 1 шилл. 2 пенса. Но къ этому ежедневно прибавлялось сверхурочное время въ 3 или 4 часа, которое оплачивалось по 3 пенса въ часъ. Вотъ сдѣлствіе этой системы: если рабочій работалъ только нормальное время, то онъ не могъ заработать болѣе 8 шилл. въ недѣлю. Безъ сверхурочной работы ему не хватало бы заработной платы». («Reports of Insp. of Fact. 3rd th April 1863», p. 10). «Добавочная плата за сверхурочное время есть искушеніе, которому рабочіе не могутъ противостоять». (Rep. of Insp. of Fact. 30 th April 1918, p. 5). Въ переплетномъ дѣлѣ въ лондонскомъ City являто очень много молодыхъ дѣвушекъ отъ 14—15 лѣтъ, и именно по ученическому контракту, предписывающему опредѣленные часы труда. Тѣмъ не менѣе послѣднюю недѣлю каждаго мѣсяца онѣ работаютъ до 10, 11, 12 и 1 часа ночи вмѣстѣ со взрослыми рабочими въ очень смѣшанномъ обществѣ. «Хозяева соблазняютъ ихъ добавочной платой на хорошій ужинъ, который онѣ берутъ въ соседнемъ трактирѣ. Равнодушность, развивающаяся при этомъ среди этихъ «young immortals»» («Childr. Empl. Comm.» V, Rep., p. 49, n. 191), возмѣщается тѣмъ, что онѣ переплетаютъ много библій и лусеопасительныхъ книгъ.

³⁸⁾ См. «Reports of Insp. of Fact. 30-th April 1863», I. с. Лондонскіе рабочіе, занятые въ строительномъ дѣлѣ, очень вѣрно оцѣнили положеніе вещей, когда они

Общезвѣстный фактъ, что тѣмъ длиннѣе въ какой-нибудь отрасли промышленности рабочій день, тѣмъ ниже заработная плата ³⁹⁾. Фабричный инспекторъ А. Redgrave иллюстрируетъ это сравнительнымъ обзоромъ 20-ти лѣтняго періода отъ 1839—1859, изъ котораго видно, что въ фабрикахъ, подчиненныхъ 10-ти часовому закону, заработная плата поднималась, тогда какъ въ фабрикахъ, гдѣ работаютъ отъ 14 до 15 часовъ въ день, она пала ⁴⁰⁾.

Изъ закона, что «при данной цѣнѣ труда дневная или почасовая плата зависитъ отъ количества доставленнаго труда», прежде всего слѣдуетъ, что тѣмъ ниже цѣна труда, тѣмъ больше должно быть количество труда, или тѣмъ длиннѣе рабочій день—для того, чтобы рабочій могъ обезпечить себѣ хоть жалкую среднюю плату. Низкая цѣна труда какъ бы поощряетъ къ удлинению рабочаго времени ⁴¹⁾.

Наоборотъ, удлиненіе рабочаго времени, въ свою очередь, производитъ паденіе цѣны труда и этихъ почасовой или почасовой платы.

Изъ опредѣленія цѣны труда отношеніемъ Дневная цѣнность рабочей силы

Рабочій день данного числа часовъ вытекаетъ, что простое удлиненіе рабочаго дня понижаетъ цѣну труда, если не является никакого возмѣщенія. Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя позволяютъ капиталисту удлинять на продолжительный срокъ рабочій день, сначала позволяютъ ему и въ концѣ концовъ принуждаютъ его—понижать также номинально цѣну труда до тѣхъ поръ, пока не понизится общая цѣна увеличеннаго числа часовъ, слѣдовательно, дневная или почасовая плата. Здѣсь достаточно указать на два обстоятельства. Если одинъ человѣкъ исполняетъ работу 1½ или 2 человѣкъ, то возрастаетъ предложеніе труда, хотя бы даже предположеніе рабочихъ силъ, находящихся на рынкѣ, оставалось постояннымъ. Являющаяся вслѣдствіе этого конкуренція между рабочими даетъ возможность капиталисту понижать цѣну труда. тогда какъ, съ другой стороны, падающая

выявили, во время большой стачки-локаута 1860 г., что они согласны на плату по часамъ только при двухъ условіяхъ: 1) чтобы выѣстъ съ цѣной рабочаго часа былъ установленъ нормальный рабочій день въ 9 или 10 часовъ и чтобы цѣна одного часа 10-часового рабочаго дня была больше цѣны одного часа 9-ти часового дня; 2) чтобы каждый часъ сверхъ нормальнаго дня оплачивался въ качествѣ сверхурочнаго времени относительно дороже.

«Замѣчательная вещь, что тамъ, гдѣ продолжительный рабочій день составляетъ общее правило, существуетъ также и низкая плата». («Rep. of Insp. of Fact. 31st Oct. 1863», p. 9). «Трудъ, вознаграждаемый скуднымъ количествомъ пищи, по большей части продолжается чрезвычайно долго». («Public Health, Sixth Rep. 1864», p. 15).

³⁹⁾ «Reports of Insp. of Fact. 30th April 1860», p. 31, 32.

⁴¹⁾ Напр. рабочіе, приготовляющіе гвозди ручнымъ способомъ, въ Англіи должны, вслѣдствіе низкой цѣны труда, работать 15 часовъ въ день, чтобы заработать самую ничтожную почасовую плату. «Много, много часовъ въ день долженъ онъ тяжело работать, чтобы выработать 11 пенс. или 1 шилл.; а въ нихъ надо еще вычесть отъ 2½—3 пенс. на порчу инструментовъ, топливо и на отбросъ желѣза». («Child. Emp. Comm. III Rep.», p. 136, п. 671). Женщины въ такое же рабочее время вырабатываютъ только 5 шилл. въ недѣлю (l. c. p. 137, п. 674).

цѣна труда, наоборотъ, даетъ ему возможность еще болѣе увеличивать рабочее время ⁴²⁾. Но вскорѣ это право располагать ненормальнымъ, т. е. превышающимъ средній общественный уровень, количествомъ неоплаченного труда, становится средствомъ конкуренціи между самими капиталистами. Одну часть цѣны товара составляетъ цѣна труда. Неоплаченная часть цѣны труда можетъ и не входить въ счетъ цѣны товара. Она можетъ быть подарена покупателю товара. Это первый шагъ, къ которому ведетъ конкуренція. Второй шагъ, къ которому она вынуждаетъ, это исключеніе изъ продажной цѣны товара, по крайней мѣрѣ, еще и части ненормальной прибавочной цѣнности, произведенной удлинениемъ рабочаго дня. Такимъ путемъ сначала образуется спорадически и затѣмъ постепенно упрочивается чрезвычайно низкая цѣна товара, которая съ этого времени становится постояннымъ основаніемъ жалкой заработной платы при чрезмѣрномъ трудѣ, аналогично тому, что и первоначально такая плата являлась продуктомъ подобныхъ же условий. Мы только намѣчаемъ это движеніе, такъ какъ анализъ конкуренціи не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Пусть на минуту слово будетъ предоставлено самому капиталисту. «Въ Бирмингемѣ конкуренція между хозяевами такъ велика, что нѣкоторые изъ насъ принуждены поступать въ качествѣ предпринимателей такъ, какъ они вообще стыдятся бы поступать; а тѣмъ не менѣе такимъ образомъ не получается больше денегъ (and yet no more money is made); только публика получаетъ всю выгоду отъ этого» ⁴³⁾. Вспомнимъ, что въ Лондонѣ есть два сорта булочниковъ, изъ которыхъ одни продаютъ хлѣбъ по полной цѣнѣ (the «fullpriced» bakers), другіе же ниже его нормальной цѣны («the underpriced», «the undersellers»). «Fullpriced» доносятъ на своихъ конкурентовъ парламентской слѣдственной комиссіи. «Они существуютъ, только обманывая, во 1-хъ, публику (фальсификаціей товара), а, во 2-хъ, выжимая изъ своихъ рабочихъ 18 рабочихъ часовъ за плату 12-ти часового труда... Неоплаченный трудъ (the unpaid labour) ихъ рабочихъ даетъ имъ возможность выдерживать конкуренцію... Конкуренція между хозяевами-булочниками есть причина трудности устроенія ночного труда. Продающій хлѣбъ ниже его цѣны, которая измѣняется вмѣстѣ съ цѣною муки, вознаграждаетъ себя за убытки, выжимая больше труда изъ своихъ рабочихъ. Если я буду извлекать только 12 часовъ труда изъ моихъ рабочихъ, мой же сосѣдъ, напротивъ того, 18 или 20, то онъ побѣдитъ меня на продажной цѣнѣ. Если бы рабочіе могли настоять на платѣ за добавочное время, то этимъ скоро былъ бы положенъ конецъ подобному маневру... Большая часть рабочихъ, занятыхъ у булочниковъ, продающихъ ниже нормальной цѣны, — иностранцы, подростки и другіе

⁴²⁾ Если бы фабричный рабочій, напр., отказался работать указанное значительное число часовъ, онъ тотчасъ же былъ бы замѣненъ другимъ рабочимъ, согласнымъ работать какое угодно время, и былъ бы, такимъ образомъ, лишень занятія» («Reports of Insp. of Fact 31 st. Oct. 1848». Evidence p. 39, n. 58). «Если одинъ человѣкъ исполняетъ работу двухъ, ...уровень прибыли обыкновенно повышается... вслѣдствіе добавочнаго предложенія труда, уменьшившаго его цѣну». (Senior l. c. p. 14).

⁴³⁾ «Childr. Empl. Comm.» III Rep. Evidence p. 66, n. 22.

лица, принужденны довольствоваться почти любой заработной платой, которую они могут получать» ⁴⁴⁾.

Эта іереміада интересна также и тѣмъ, что она показываетъ, что только видимость производственныхъ отношеній отражается въ головѣ капиталиста. Капиталистъ не знаетъ, что даже нормальная цѣна труда содержитъ известное количество неоплаченного труда, и что именно этотъ неоплаченный и трудъ есть нормальный источникъ его прибыли. Категория прибавочнаго времени и прибавочнаго труда вообще для него не существуетъ, такъ какъ для него она входитъ въ нормальный рабочий день, и онъ предполагаетъ, что оплачиваетъ послѣдній въ поделной платѣ. Но добавочное время, т. е. удлиненіе рабочаго дня за предѣлъ, соответствующій обычной цѣнѣ труда, существуетъ для него. Противъ своего конкуррента, продающаго по цѣнѣ ниже нормальной, онъ даже настаиваетъ на добавочной платѣ (extra pay) за это добавочное время. Тутъ опять-таки не знаетъ, что эта добавочная плата точно также заключаетъ въ себѣ неоплаченный трудъ, какъ и цѣна обыкновеннаго рабочаго часа. Напр. цѣна одного часа 12-ти часового рабочаго дня составляетъ 3 пенс., т. е. цѣнность продукта $\frac{1}{3}$ рабочаго часа, цѣна же добавочнаго рабочаго часа — 4 пенс., т. е. цѣнность продукта $\frac{2}{3}$ рабочаго часа. Въ первомъ случаѣ капиталистъ присваиваетъ себѣ безъ оплаты половину рабочаго часа, во второмъ — $\frac{1}{3}$.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Задѣльная плата.

Задѣльная или поштучная плата есть не что иное, какъ превращенная форма повременной платы, точно такъ же, какъ повременная плата есть превращенная форма цѣнности или цѣны рабочей силы. При поштучной платѣ на первый взглядъ кажется, будто продаваемая рабочими потребительная цѣнность есть не функція его рабочей силы, т. е. не живой трудъ, но трудъ уже овеществленный въ продуктъ, и будто цѣна этого труда опредѣляется не дробью

Дневная цѣнность рабочей силы

Рабочій день опредѣленнаго числа часовъ

какъ при повременной платѣ, но производительной способностью (Leistungsfähigkeit) производителя ⁴⁵⁾.

⁴⁴⁾ Report etc. relative to the Grievances complained of by the journey-men bakers. Lond. 1842», р. LII и ib. Evidence, п. 479, 359, 27. Тѣмъ не менѣе и fullpriced булочники, какъ уже было упомянуто ранѣе и какъ это привнелтъ даже ихъ защитникъ Bennet, заставляютъ также своихъ рабочихъ «начинать работу въ 11 часовъ вечера или еще раньше и достигаютъ ее часто до 7 часовъ слѣдующаго вечера» (l. c. p. 22).

⁴⁵⁾ Система задѣльной платы отмѣчаетъ эпоху въ исторіи рабочаго класса; она составляетъ переходную ступень между положеніемъ простыхъ поденщиковъ, зависящихъ отъ воли капиталиста и положеніемъ кооперативныхъ ремесленниковъ; эта ступень въ далекомъ будущемъ должна соединить рабочаго и капиталиста въ одномъ лицѣ. Задѣльные рабочие фактически сами себѣ господа, если даже они и

Но увѣренность въ этой видимости прежде всего должна была бы быть связана поколеблена тѣмъ фактомъ, что обѣ формы заработной платы существуютъ одновременно и рядомъ въ однихъ и тѣхъ же отрасляхъ промышленности. Напримѣръ, «лондонскіе наборщики работаютъ обыкновенно задѣльно, плата же по времени составляетъ у нихъ исключеніе; въ провинціи же, наоборотъ, наборщики получаютъ обыкновенно плату по времени, задѣльная же плата для нихъ составляетъ исключеніе. Корабельные плотники въ лондонской гавани получаютъ задѣльную плату, во всѣхъ же остальныхъ англійскихъ гаваняхъ плату по времени» ⁴⁶⁾. Въ однихъ и тѣхъ же лондонскихъ сѣдельныхъ мастерскихъ часто за одинъ и тотъ же трудъ французы получаютъ плату задѣльно, англичане же по времени. Въ настоящихъ фабрикахъ, гдѣ задѣльная или поштучная плата вообще господствуетъ, нѣкоторыя функціи по техническимъ причинамъ не поддаются такому измѣренію и потому оплачиваются по времени ⁴⁷⁾. По существу однако ясно, что различныя формы заработной платы нисколько не измѣняютъ ея сущности, хотя одна форма можетъ быть болѣе чѣмъ другая благопріятна развитію капиталистическаго производства.

Предположимъ, что обыкновенный рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, изъ которыхъ 6 оплачены и 6 не оплачены. Произведенная въ этотъ день цѣнность равна 6 шилл. и, стало-быть, продуктъ одного рабочаго часа—6 пенс. Положимъ, что обычно установлено, что рабочій, работающій со среднею степенью интенсивности и ловкости и, следовательно, употребляющій лишь обществено-необходимое для производства товара время, въ 12 часовъ производить 24 штуки товара, которыя могутъ быть или отдѣльными товарными единицами, или составлять измѣримыя части одного сплошнаго продукта. Такимъ образомъ цѣнность этихъ 24 штукъ, за вычетомъ содержащейся въ нихъ по-

работаютъ съ капиталомъ своихъ предпринимателей». (John Watts: «Trade Societies and Strikes, Machinery and Cooperative Societies». Manchester 1865, p. 52. 53). Я цитирую здѣсь это сочиненіе, потому что оно представляетъ настоящую кладку для всѣхъ давно уже прогнанныхъ аналогетическихъ общихъ мѣстъ. Этотъ «самый господинъ Watts былъ прежде овеинстомъ и опубликовалъ въ 1842 г. другое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Facts and Fictions of Political Economy», гдѣ онъ между прочимъ говоритъ, что собственность (property) есть грабежъ (robbery). Но то было ужъ очень давно

⁴⁶⁾ T. J. Dunning: «Trade's Unions and Strikes. Lond. 1860», 22.

⁴⁷⁾ Одновременное существованіе рядомъ этихъ двухъ формъ заработной платы благопріятствуетъ мошенничеству фабрикантовъ: «На фабрикѣ валято 400 человѣкъ, изъ которыхъ половина работаетъ поштучно и непосредственно заинтересована работать дальше. Другіе 200 получаютъ поденную плату, работаютъ такъ же долго, какъ и первые и ничего не получаютъ за добавочное время... Трудъ этихъ 200 человѣкъ въ продолженіе получаса въ день равняется 50 часамъ труда одного человѣка, изъ 6/10 пѣдельнаго труда одного человѣка и составляетъ положительный выигрышъ предпринимателя». («Reports of Insp. of Fact. 31 st October 1860», p. 9). «Чрезмѣрный трудъ въ значительной степени преобладаетъ, и въ большинствѣ случаевъ онъ соединяется съ безопасностью, обезпечиваемой самымъ закономъ фабриканту, который не поддается риску быть открытымъ и наказаннымъ. Въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ отчетовъ я указывалъ... на тотъ вредъ, который терпятъ всѣ рабочіе, получающіе не поштучную, но попоштиную плату». Leonhard Horner въ «Reports of Insp. of Fact. 30 th April 1859», p. 8, 9.

стоянной части капитала, составляет 6 шилл., цѣнность же каждой отдѣльной штуки 3 пенс. Рабочій получаетъ за штуку $1\frac{1}{2}$ пенс. и зарабатываетъ такимъ образомъ въ 12 часовъ 3 шилл. Какъ при платѣ по времени совершенно безразлично, примемъ ли мы, что рабочій работаетъ 6 часовъ для себя и 6 для капиталиста, или въ каждый часъ одну половину для себя, а другую для капиталиста, точно также безразлично и здѣсь, примемъ ли мы, что каждая отдѣльная штука на половину оплачена и на половину не оплачена, или, что цѣна 12 штукъ составляетъ только эквивалентъ цѣнности рабочей силы, тогда какъ въ другихъ 12 штукахъ воплощается прибавочная цѣнность.

Форма задѣльной или поштучной платы такъ же пераціональна, какъ и форма повременной платы. Тогда какъ, напр., 2 штуки товара, за вычетомъ цѣнности потребленныхъ въ нихъ средствъ производства, имѣютъ цѣнность въ 6 пенсовъ, составляя продуктъ одного рабочего часа, рабочій получаетъ за нихъ цѣну въ 3 пенс. Задѣльная плата дѣйствительно не выражаетъ непосредственно никакого отношенія цѣнности. Здѣсь не измѣряется цѣнность штуки воплощеннымъ въ ней рабочимъ временемъ, но, наоборотъ, затраченный рабочимъ трудъ измѣряется количествомъ произведенныхъ имъ штукъ товара. При повременной платѣ трудъ измѣряется его непосредственной продолжительностью, при задѣльной платѣ — количествомъ продуктовъ, въ которыхъ сгущенъ трудъ, продолжавшійся извѣстный промежутокъ ⁴⁸⁾. Цѣна самого рабочего времени определяется, следовательно, уравненіемъ: цѣнность дневного труда = дневной цѣнности рабочей силы. Задѣльная или поштучная плата есть, следовательно, только видоизмѣненная форма повременной платы.

Разсмотримъ теперь нѣсколько поближе характеристическія особенности задѣльной платы.

Качество труда контролируется здѣсь самымъ его продуктомъ, который долженъ обладать средней добротой, чтобы поштучная цѣна могла быть вполне оплачена. Поштучная или задѣльная плата съ этой стороны становится ужаснѣйшимъ источникомъ вычетовъ изъ платы и капиталистическихъ плутовей.

Она даетъ капиталисту совершенно опредѣленное мѣрило интенсивности труда. Только рабочее время, воплощенное въ заранѣе опредѣленномъ и установленномъ опытомъ количествѣ товаровъ, считается общественно необходимымъ рабочимъ временемъ и оплачивается, какъ таковое. Въ большихъ портняжныхъ мастерскихъ Лондона извѣстная штука работы, напр. жилетъ и т. д., называется часомъ, получасомъ и т. д., считая часъ по 6 пенс. Изъ практики извѣстна величина среднего продукта одного часа. При новыхъ модахъ, пошивкахъ и т. д. возникаютъ споры между предпринимателемъ и рабочимъ, относительно того, равняется ли извѣстная штука труда часу и т. д. до тѣхъ поръ, пока и здѣсь опытъ не постановитъ окончательнаго рѣшенія. То же самое происходитъ и въ лондонскихъ мебельныхъ мастерскихъ и т. д. Если рабочій не

⁴⁸⁾ «Заработную плату можно измѣрять двумя способами: или продолжительностью труда, или его продуктомъ». (*Abbrégé élémentaire des principes de l'Econ. Pol. Paris 1796*, p. 32). Авторъ этого анонимнаго сочиненія G. Garnier.

обладает среднюю производительностью и не может, поэтому, производить определенного *minimum'a* дневного продукта, то ему отказывают⁴⁹⁾.

Такъ какъ качество и интенсивность труда здѣсь контролируются самой формой заработной платы, то становится излишней значительная часть надзора за работой. Поэтому, форма эта составляет основание какъ прежде описаннаго современнаго домашняго производства, такъ и іерархически расчлененной системы эксплуатаціи и притѣсненія. Последняя имѣетъ двѣ основныя формы. Задѣльная плата облегчаетъ съ одной стороны вторженіе паразитовъ между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ, барышничество трудомъ (*Untervergachlung der Arbeit, sobletting of labour*). Прибыль посредниковъ получается исключительно изъ разницы между цѣной труда, которую платитъ капиталистъ и той частью этой цѣны, которую они дѣйствительно даютъ рабочему⁵⁰⁾. Система эта въ Англіи носитъ характеристическое званіе «*Sweating System*» (система выжиманія пота). Съ другой стороны задѣльная плата даетъ возможность капиталисту заключать контрактъ съ главнымъ рабочимъ, въ мануфактурѣ—съ главой группы, въ рудникахъ—съ рудокопомъ и т. д., на фабрикѣ съ настоящимъ рабочимъ при машинѣ, относительно извѣстной задѣльной платы, и за эту цѣну главный рабочій самъ беретъ на вербовку себѣ помощниковъ и оплачивать ихъ. Эксплуатація рабочихъ капиталистомъ осуществляется здѣсь при посредствѣ эксплуатаціи рабочаго рабочимъ⁵¹⁾.

Разъ существуетъ задѣльная плата, то, конечно, личный интересъ рабочаго побуждаетъ его валягать по возможности интенсивнѣе свою рабочую силу, что облегчаетъ капиталисту повышеніе нормальной степени интенсивности^{51a)}. Точно

⁴⁹⁾ «Прядильщикъ получаетъ извѣстный вѣсъ хлопка, и онъ долженъ доставить черезъ определенное время вѣсто этого даннаго вѣса вѣсокъ или пряжи нѣвѣстной степени тонкости, и плату онъ получаетъ соответственно количеству фунтовъ доставленнаго имъ продукта. Если его работа по качеству не удовлетворительна, то потеря отъ этого падаетъ на него; если онъ доставляетъ количество, меньшее *minimum'a*, назначеннаго для даннаго времени, ему отказываютъ и берутъ болѣе искуснаго рабочаго». (Ure, I. c. p. 317).

⁵⁰⁾ «Когда работа проходитъ черезъ многія руки и каждый беретъ свою долю прибыли и только послѣдній доставляетъ самый предметъ, тогда плата, получаемая работницей, самая жалкая». («*Childr. Empl. Comm.*». II Rep. p. LXX, п. 424).

⁵¹⁾ Даже апологеты Wats замѣчаютъ: «Было бы большимъ улучшеніемъ въ системѣ поштучной платы, если бы всѣ рабочіе, ваватые каковоинибудь работой, были участниками въ договорѣ, каждый соответственно своей ловкости, вѣсто того, что одинъ человекъ заинтересованъ въ добавочномъ трудѣ своихъ товарищей для своей собственной выгоды» (I. c. p. 53). Относительно гнусностей этой системы см. «*Childr. Empl. Comm.*», Rep. III, p. 66, п. 22, p. 11, п. 124, p. XI, п. 13, 53, 59 и т. д.

^{51a)} Очень часто этому естественному результату стараются содѣйствовать искусственно. Напр., въ *Engineering Trade* въ Лондонѣ, обыкновенно прибѣгаютъ къ такой уловкѣ, что капиталистъ выбираетъ управляющимъ нѣвѣстной группой рабочихъ человека значительной силы и ловкости. Онъ платитъ ему каждые три мѣсяца или въ другіе сроки добавочное жалованье съ условіемъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы побудить всѣхъ другихъ рабочихъ, получающихъ только обыкновенную плату, къ крайнему усердію... Это безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментариевъ объясняетъ жалобу класса капиталистовъ на то, что «*Trade's Unions* парализ-

также при этом личный интерес рабочего требует удлинения рабочего дня, так как таким путем повышается его почасовая или почасовая плата³²⁾. Тогда наступает та реакция, которую мы описывали для повременной платы, не говоря уже о том, что удлинение рабочего дня, даже при постоянной почасовой плате, по существу заключает в себя понижение цены труда.

При повременной плате господствуют, за немногими исключениями, равная заработная плата за одну и ту же функцию. При почасовой же плате цена рабочего времени, хотя и измеряется определенным количеством продуктов, по дневной и почасовой плате, напротив того, изменяется в зависимости от индивидуального различия рабочих, из которых один в данное время доставляет только минимум продукта, другой среднее количество, третий больше среднего количества. По отношению к действительному доходу здесь замечается, следовательно, большая разница, соответственно различию в ловкости, силе, энергии, постоянстве и т. д. отдельных рабочих³³⁾. Но это конечно, ничего не изменяет в общем отношении между капиталом и наемным трудом. Во первых, индивидуальные различия выравниваются для целой мастерской: последняя доставляет в определенное рабочее время средний продукт, и совокупная заработная плата составляет среднюю плату в этой отрасли промышленности. Во вторых, отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью не изменяется, так как индивидуальной платой каждого отдельного рабочего соответствует индивидуально им доставленное количество прибавочной стоимости. Но давая более широкий простор индивидуальности, почасовая плата стремится, с одной стороны, к развитию в рабочих индивидуальности и вместе с этим чувства свободы, самостоятельности, контроля за собой, а с другой—к развитию конкуренции между ними. Она имеет, поэтому, тенденцию вместе с повышением индивидуальной заработной платы выше среднего

звать деятельность, большую ловкость и рабочую силу» («stinting the action, superior skill and working power»). (Dunning, I. c. p. 22, 23). Так как автор сам рабочий и состоит секретарем одного тред-юниона, то это заявление могло бы показаться преувеличением. Но стоит посмотреть напр. «highly respectable», агрономическую энциклопедию J. C. Morton'a, статью «Labourer», где этот метод рекомендует «формерам», как самый испытанный.

³²⁾ «Все те, которые получают почасовую плату, получают выгоду от нарушения законных границ труда. Что касается готовности работать сверхурочное время, то мы встречаем ее главным образом у женщин, работающих в качестве ткачих и мотальщиц». (Rep. of Insp. of Fact. 30 th April 1858, p. 9). «Эта система почасовой платы, столь выгодная для капиталиста, стремится прямо к тому, чтобы побуждать молодого гончара к чрезвычайному труду в продолжение 4 или 5 лет, когда он работает почасово по очень низкой расценке. Это одна из главных причин, которой можно приписать физическое вырождение гончаров». («Childr. Empl. Comm.», I Rep. p. XIII).

³³⁾ «Там, где в каком-нибудь промысле существует почасовая плата за труд по столько-то за штуку..., сумма платы может быть существенно различная... Но при почасовом труде высота платы обыкновенно однообразная... и признана обоими и предпринимателем и рабочим, как мера платы в данном промысле для среднего рабочего». (Dunning I. c. p. 17).

уровня, попижать самый этот уровень. Но тамъ, гдѣ задѣльная плата давно уже укрѣпилась и стала традиціонной и гдѣ повиженіе ея представляло поэтому особенныя затрудненія, тамъ хозяева, въ видѣ исключенія, прибѣгали къ насильственному превращенію ея въ повременную плату. Противъ этого, напр., была направлена въ 1860 г. большая стачка лепточниковъ въ Coventry²⁴⁾. Задѣльная плата является, наконецъ, главной опорой прежде описанной системы оплаты по часамъ²⁵⁾.

Изъ предыдущаго изложенія слѣдуетъ, что задѣльная или поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Хотя она и не представляетъ ничего новаго—задѣльная плата официально фигурируетъ рядомъ съ платой по времени, между прочимъ, во французскихъ и англійскихъ рабочихъ статутахъ 14-го столѣтія—она получаетъ значительное распространеніе лишь въ собственно мануфактурный періодъ. Въ періодъ бури и натиска (*Sturm-und Drangperiode*) крупной промышленности, именно съ 1797 до 1815 г., она служитъ рычагомъ для удлиненія рабочаго времени и для пониженія заработной платы. Очень важный матеріалъ для движенія заработной платы въ этотъ періодъ мы находимъ въ Сивнхъ книгахъ: «*Report and Evidence from the select Committee on Petitions respecting the Corn Laws*» (Парламентская сессія 1813—1814) и «*Reports from the Lords' Committee on the State of the Growth, Commerce and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto*» (Сессія 1814—1815). Здѣсь мы находимъ документальныя доказательства повиженія цѣны труда съ начала анти-якобинской

²⁴⁾ «Трудъ ремесленныхъ подмастерьевъ опредѣляется или подневно, или поштучно (*à la journée ou à la pièce*)... Мастера приблизительно знаютъ, сколько могутъ выработать ежедневно рабочіе въ каждомъ промыслѣ, и платятъ имъ часто соответственно количеству выполненнаго труда; такимъ образомъ эти подмастерья въ свомъ собственномъ интересѣ работаютъ сколько могутъ безъ всякаго особаго присмотра». (Cantillon: «*Essai sur la Nature du Commerce en Général*». Amst. Ed. 1756, p. 185 и 202. Первое изданіе появилось въ 1755). Такимъ образомъ, уже Cantillon, у котораго Quesnay, Sir James Steuart и A. Smith обязаны заимствовать, изображать поштучную плату, какъ выдѣляющую форму повременной платы. Французское изданіе Cantillon'a на титулѣ названо переводомъ съ англійскаго; однако, англійское изданіе: «*The Analysis of Trade, Commerce etc. by Philip Cantillon, late of the City of London, Merchant*» не только появилось позднѣе (въ 1759 г.), но по своему содержанію оказывается позднѣйшей переработкой. Такъ напр., во французскомъ изданіи еще не упоминается Нуме, между тѣмъ какъ въ англійскомъ, наоборотъ, едва фигурируетъ Petty. Англійское изданіе имѣетъ меньшее теоретическое значеніе, но зато содержитъ различныя подробности относительно англійской торговли, торговли сѣтками и т. д., не имѣющіяся во французскомъ текстѣ. Слова въ заглавіи англійскаго изданія: «*Taken chiefly from the Manuscript of very ingenious Gentle man decea sed, and adapted etc*» являються, поэтому, болѣе чѣмъ простою факціей, обычной въ то время.

²⁵⁾ «Сколько разъ видѣли мы, что въ нѣкоторыхъ мастерскихъ принимаютъ гораздо больше рабочихъ, чѣмъ ихъ можетъ быть взято? Часто, предвидя случайную работу, иногда даже воображаемую, принимаютъ рабочихъ: такъ какъ имъ платятъ поштучно, то этого не считаютъ рискованнымъ, такъ какъ потеря времени падаетъ на безработныхъ» (H. Grégoir: «*Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles*». Bruxelles 1865, p. 9).

войны. Въ ткацествѣ, напр., задѣльная плата такъ упала, что, несмотря на очень удлинненный рабочій день, дневная плата оказалась ниже, чѣмъ прежде. «Дѣйствительный доходъ ткача гораздо меньше прежняго; его превосходство надъ обыкновеннымъ рабочимъ, которое вначалѣ было очень велико, почти совсѣмъ исчезло. Въ самомъ дѣлѣ, разница въ платѣ за искусный и обыкновенный трудъ теперь гораздо менѣе значительна, чѣмъ въ какой бы то ни было предшествующій періодъ»⁵⁶⁾. Какъ мало принесла пользы земледѣльческому пролетариату повышенная при задѣльной платѣ интенсивность и продолжительность труда, показываетъ слѣдующее мѣсто, заимствованное изъ подробнаго сочиненія въ защиту лэндлордовъ и фермеровъ: «Значительно большая часть земледѣльческихъ работъ исполняется людьми, нанятыми подневно или задѣльно. Ихъ задѣльная плата составляетъ около 12 шилл.; хотя и можно предположить, что при поштучной платѣ, благодаря большому поощренію къ труду, рабочій зарабатываетъ на 1 шилл. или даже на 2 шилл. больше, чѣмъ при повѣдѣльной платѣ, но все таки, при вычисленіи всего его дохода, мы находимъ, что лишеніе занятій въ теченіе года уравниваетъ этотъ излишекъ... Далѣе можно вообще установить, что плата этихъ людей находится въ извѣстномъ отношеніи къ цѣнѣ необходимыхъ средствъ существованія, такъ что мужичина съ двумя дѣтьми въ состояніи поддерживать семью, не прибѣгая къ помощи прихода»⁵⁷⁾. Мальтусъ замѣтилъ тогда относительно фактовъ, опубликованныхъ Парламентомъ: «Призваться, я смотрю съ неудовольствіемъ на значительное распространеніе практикы задѣльной платы. Дѣйствительно тяжелый трудъ въ 12 или 14 часовъ въ сутки, продолжающійся длинныя періоды—это черезчуръ много для человѣка»⁵⁸⁾.

Въ мастерскихъ, подчиненныхъ фабричнымъ законамъ, задѣльная плата становится общимъ правиломъ, такъ какъ тамъ капиталъ можетъ раздвигать рабочій день лишь интенсивно⁵⁹⁾.

Съ возмѣненіемъ производительности труда одно и то же количество продукта выражаетъ различное рабочее время. Такимъ образомъ, измѣняется также и задѣльная плата, такъ какъ она выражаетъ только цѣну опредѣленнаго рабочаго времени. Въ нашемъ вышеприведенномъ примѣрѣ въ 12 часовъ произведено было 24 штуки, цѣнность же произведенная въ эти 12 часовъ, составляла 6 шилл., дневная цѣнность рабочей силы 3 шилл., цѣна рабочаго часа 3 пенса, плата же за одну штуку $1\frac{1}{2}$ пенса. Въ одной штукѣ заключалось $\frac{1}{2}$ рабочаго часа. Но если, вслѣдствіе удвоенной производительности труда, тотъ же самый рабочій день будетъ давать 48 штукъ вмѣсто 24, то, при прочих равныхъ условіяхъ, поштучная плата понизится съ $1\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ шилл., такъ какъ каждая штука представляетъ теперь $\frac{1}{4}$ рабочаго часа вмѣсто половины. $24 \times 1\frac{1}{2}$ пенса = 3 шилл., такъ же какъ $48 \times \frac{3}{4}$ пенса = 3 шилл.

⁵⁶⁾ «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain. London 1815», p. 48.

⁵⁷⁾ «A Defence of the Landowners and Farmers of Great Britain Lond. 1814», p. 4, 5.

⁵⁸⁾ Malthus, «Inquiry into the Nature etc. of Rent., London 1815».

⁵⁹⁾ «Пштучно оплачиваемые рабочіе составляютъ, вѣроятно, $\frac{4}{5}$ всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ». (Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1858, p. 9).

Другими словами: задѣльная или поштучная плата подвергается пониженію въ той же пропорціи, въ которой возрастаетъ количество произведенныхъ въ то же самое время штукъ ⁶⁰⁾, т. е. уменьшается рабочее время, затрачиваемое на одну штуку. Это измѣненіе поштучной платы, хотя и чисто номинальное, вызываетъ постоянныя столкновенія между капиталистомъ и рабочими или потому, что капиталистъ пользуется этимъ предлогомъ, чтобы дѣйствительно понизить цѣну труда, или потому, что повышеніе производительности труда сопровождается и повышеніемъ интенсивности послѣдняго; или же еще и потому, что рабочіи принимаютъ въ серіозъ видимость задѣльной платы и мнѣтъ, будто оплачиваютъ его продуктъ, а не его рабочую силу, и, поэтому, сопротивляются такому пониженію платы, которому не соответствуетъ пониженіе продажной цѣны товаровъ. «Рабочіе зорко слѣдятъ за цѣной сырого матеріала и цѣной фабрикатовъ и, такимъ образомъ, всегда въ состояніи точно вычислить прибыль своихъ хозяевъ» ⁶¹⁾. Такое притязаніе капиталъ по справедливости отвергаетъ, какъ грубое заблужденіе относительно существа наемнаго труда ⁶²⁾. Онъ возмущается противъ претензіи взимать налогъ съ промышленнаго прогресса и не обинуясь заявляетъ, что вообще производительность труда отнюдь не касается рабочихъ ⁶³⁾.

⁶⁰⁾ «Измѣряютъ точно производительную силу его прядильной машины и уменьшаютъ размѣръ платы за трудъ, произведенный этой машиной, хотя и не пропорціонально увеличенію ея производительной силы». (Ure l. c. p. 317). Ure самъ беретъ нападѣ послѣднее апологетическое замѣчаніе. Онъ допускаетъ, что при увеличеніи производительной силы вслѣдствіе введенія Mule, напр., отъ этого увеличенія является нѣкоторый добавочный трудъ. Трудъ, слѣдовательно, не уменьшается въ той мѣрѣ, въ какой увеличивается его производительность. Далѣе онъ говоритъ: «Это возрастаніе увеличиваетъ производительную силу машины на $\frac{1}{6}$. Но въ этомъ случаѣ размѣръ платы прядильщика не останется прежнимъ; однако, такъ какъ размѣръ его платы не будетъ уменьшенъ на $\frac{1}{6}$, то улучшеніе это увеличитъ его доходъ за то же число часовъ» — но, но — «предыдущее изложеніе требуетъ нѣкоторой поправки..... изъ добавочныхъ 6 пенсовъ прядильщика надо вычесть добавочныя надѣржки на увеличеніе числа его несовершеннѣйшихъ помощниковъ, сопровождающееся вытѣсненіемъ части взрослыхъ рабочихъ» (l. c. p. 321); а это уже ни въ какомъ случаѣ не выражаетъ тенденціи къ повышенію заработной платы.

⁶¹⁾ H. Fawcett: «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London, 1865, p. 178.

⁶²⁾ Въ лондонскомъ Standard'ѣ отъ 26 октября мы находимъ отчетъ о процессѣ фирмы John Bright et Co передъ рочдальскимъ судомъ, «привлекшей къ суду Carpet Weavers Trades Union (союзъ ткачей ковровъ) за вastrащиваніе членовъ. Компаньоны Bright'a ввели новую машину, которая въ то же самое время и съ тѣмъ же самымъ количествомъ труда производитъ 240 ярдовъ ковра вмѣсто прежнихъ 160 ярдовъ. Рабочіе не имѣютъ никакого права требовать какой-нибудь доли прибыли, происшедшей отъ того, что ихъ предприниматель употребилъ свой капиталъ на механическія усовершенствованія. Въ виду этого господъ Bright предложилъ повысить размѣръ платы съ $1\frac{1}{2}$ пенсовъ за ярдъ до 1 пенса, что оставляетъ безъ перемены заработокъ рабочихъ за то же количество труда. Было произведено лишь номинальное уменьшеніе, о которомъ рабочіе не были, какъ увѣряютъ, предупреждены».

⁶³⁾ «Trades Unions въ своемъ стремленіи поддерживать заработную плату стараются принимать участіе въ прибыли, происходящей отъ употребленія улучшенныхъ машинъ! (Quelle horreur!)... они требуютъ болѣе высокой платы, такъ какъ трудъ сокращается... другими словами, они стремятся установить налогъ на промышленныя улучшенія». («On Combination of Trades. New Edit. Lond. 1834», p. 42).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Національныя различія въ заработной платѣ.

Въ пятнадцатой главѣ мы занимались различными комбинаціями, которыя могутъ произвести измѣненіе абсолютной или относительной (т. е. по сравненію съ прибавочной цѣнностью) величины цѣнности рабочей силы, тогда какъ, съ другой стороны, количество средствъ существованія, въ которыхъ реализуется цѣна рабочей силы, въ свою очередь, совершаетъ различныя движенія, независимыя отъ измѣненій этой цѣны ⁶⁴⁾. Какъ уже было замѣчено, простой переходъ цѣнности или цѣны рабочей силы въ экзотерическую форму заработной платы превращаетъ всѣ эти законы въ законы движенія заработной платы. То, что въ сферѣ этого движенія является измѣняющеюся комбинаціей, то можетъ для разныхъ странъ представлять одновременныя различія національных заработныхъ платъ. При сравненіи національныхъ заработныхъ платъ надо, слѣдовательно, извѣстить всѣ моменты, опредѣляющіе измѣненіе величины цѣнности рабочей силы: цѣну и размѣръ естественныхъ и исторически развившихся насущныхъ жизненныхъ потребностей, издержки на воспитаніе рабочаго, роль женскаго и дѣтскаго труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже при самомъ поверхностномъ сравненіи необходимо сначала свести среднюю дневную плату въ одномъ и томъ же производствѣ въ различныхъ странахъ къ рабочему дню одинаковой величины. После такого уравниванія дневной платы повременная плата должна быть опять-таки перенесена на задѣльную или почасную плату, такъ какъ только послѣдняя является мѣриломъ какъ производительности, такъ и интенсивной величины труда.

Въ каждой странѣ существуетъ извѣстная средняя интенсивность труда, опускаясь ниже которой трудъ, потраченный на производство товара, становится больше общественно необходимаго и, поэтому, не можетъ идти въ счетъ, какъ трудъ нормальнаго качества. Только степень интенсивности, поднимающаяся выше средней національной, измѣняется въ данной странѣ мѣру цѣнности простою продолжительностью рабочего времени. Но не то происходитъ на мировомъ рынкѣ, составными частями котораго являются отдѣльныя страны. Средняя интенсивность труда измѣняется въ каждой странѣ: въ одной она больше, въ другой меньше. Эти среднія національныя величины образуютъ, такимъ образомъ, лѣтвицу, единицу измѣренія которой составляетъ средняя интенсивность всеобщаго, т. е. мирового труда. По сравненію съ менѣе интенсивнымъ, болѣе интенсивный національный трудъ производитъ то же самое время большую цѣнность, выражающуюся въ большемъ количествѣ денегъ.

Но еще сильнѣе измѣняется въ своемъ международномъ примѣненіи законъ

⁶⁴⁾ «Невѣрно будетъ, если мы скажемъ, что заработная плата (здѣсь рѣчь идетъ о ея цѣнѣ) повысилась, если рабочіе приобретаютъ больше продуктовъ, но по цѣнѣ дешевой цѣнѣ». (David Buchanan въ своемъ изданіи «Wealth etc.» A. Smith' v. I, p. 417 Note).

цѣнности въслѣдствіе того, что на міровомъ рынкѣ болѣе производительный національный трудъ считается также и за болѣе интенсивный всегда, когда болѣе производительная нація не вынуждается конкуренціей понижать продажную цѣну своего товара до его цѣнности.

Въ той мѣрѣ, въ какой въ странѣ развито капиталистическое производство, въ той же самой мѣрѣ въ ней національная производительность и интенсивность труда возвышаются надъ международнымъ уровнемъ ^{64a)}. Различныя количества товаровъ одного и того же рода, которыя въ различныхъ странахъ производятся въ одинаковое рабочее время, имѣютъ, слѣдовательно, неравную международную цѣнность, выраженную въ различныхъ цѣнахъ, т. е. въ различныхъ денежныхъ суммахъ, сообразно различнымъ международнымъ цѣностямъ. Относительная цѣнность денегъ будетъ, слѣдовательно, меньше у націй съ болѣе развитымъ капиталистическимъ способомъ производства, чѣмъ у націй съ менѣе развитымъ. Отсюда слѣдуетъ, что номинальная заработная плата, т. е. эквивалентъ рабочей силы, выраженный въ деньгахъ, точно также будетъ выше у первой націи, чѣмъ у второй; но изъ этого ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать, что это относится также и къ дѣйствительной платѣ, т. е. къ средствамъ существованія, предоставляемымъ въ распоряженіе рабочего.

Но даже помимо этого относительнаго различія цѣнности денегъ въ различныхъ странахъ, мы часто находимъ, что дневная плата, недельная и т. д. у первой націи выше, чѣмъ у второй, между тѣмъ какъ относительная цѣна труда, т. е. цѣна труда по отношенію какъ къ прибавочной цѣнности, такъ и къ цѣнѣ продукта у второй націи выше, чѣмъ у первой ⁶⁵⁾.

J. W. Cowell, членъ фабричной комиссіи 1833 г., пришелъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія прядильнаго производства, къ заключенію, что «въ Англіи плата по существу ниже для фабриканта, чѣмъ на континентѣ, хотя для рабочаго она можетъ быть и выше». (Ure, p. 314). Англіійскій фабричный

^{64a)} Въ другомъ мѣстѣ мы изслѣдуемъ, какія обстоятельства, по отношенію къ производительности, могутъ видоизмѣнять этотъ законъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности.

⁶⁵⁾ Полемику противъ Ад. Смита, James Anderson вѣщаетъ: «Достоинно также вниманія, что, хотя видимая цѣна труда обыкновенно ниже въ бѣдныхъ странахъ, гдѣ продукты земли и хлѣбъ вообще дешевле, но фактически реальная цѣна тамъ выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ плата, которую платятъ подневно рабочему, по есть дѣйствительная цѣна труда, хотя и составляетъ его видимую цѣну. Реальная цѣна есть то, во что дѣйствительно обходится предпринимателю известное количество совершеннаго труда; разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, трудъ почти во всѣхъ случаяхъ дешевле въ богатыхъ странахъ, чѣмъ въ бѣднѣйшихъ, хотя цѣна хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ обыкновенно выше въ послѣднихъ, чѣмъ въ первыхъ... Трудъ одѣвается подневно въ Шотландіи гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи... Поштучный трудъ обыкновенно дешевле въ Англіи» (James Anderson: «Observations on the means exciting a spirit of National Industry etc. Edinb. 1777», p. 350, 351). Наоборотъ, иная заработная плата, съ своей стороны, производитъ удорожаніе труда. «Трудъ дороже въ Ирландіи, чѣмъ въ Англіи... такъ какъ плата тамъ соответственно ниже». (№ 2079 въ Royal Commission on Railways, Minutes. 1867).

инспекторъ Alexander Redgrave, въ фабричномъ отчетѣ отъ 31-го октября 1866 г., на основаніи сопоставленія англійскихъ статистическихъ данныхъ съ данными континентальныхъ государствъ, доказываетъ, что, несмотря на болѣе низкую плату и болѣе продолжительное рабочее время, континентальный трудъ, сравнительно съ продуктомъ, дороже англійскаго. Одинъ англичанинъ, директоръ (manager) бумагопрядильной фабрики въ Ольденбургѣ, говоритъ, что тамъ рабочее время продолжается съ 5½ часовъ утра до 8 вечера, включая и субботу, и что тамошніе рабочіе при англійскихъ надзирателяхъ за работой въ это время производить гораздо меньше продукта, чѣмъ англичане въ продолженіе 10 часовъ, а подъ присмотромъ надзирателей иѣмцевъ—еще и того меньше. Заработная плата здѣсь гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 50%, но число рукъ по отношенію къ машинамъ гораздо больше; во многихъ отдѣленіяхъ оно относится къ англійскому какъ 5:3. Redgrave даетъ очень подробныя данныя о русскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Цифры доставлены ему англичаниномъ, директоромъ (manager), недавно еще тамъ занимавшимся. На этой русской почвѣ, столь пазобилующей всякаго рода безобразіями, всѣ старые ужасы младенческаго періода англійскаго фабричнаго производства пахотятся въ позвонъ разбиты. Управляющіе, конечно, англичане, такъ какъ туземный русскій капиталистъ не годится для веденія фабричнаго дѣла. Несмотря на изнѣженный трудъ, на непрерывный дневной и ночной трудъ, на постоянно низкую заработную плату, русскіе фабриканты прозябаютъ лишь благодаря запретительнымъ пошлинамъ на иностранные товары. Въ заключеніе я приведу даваемую Redgrave'омъ сравнительную таблицу средняго числа веретенъ на фабрику и на прядильница въ различныхъ странахъ Европы. Redgrave самъ замѣчаетъ, что цифры эти онъ собиралъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что съ тѣхъ поръ разиѣръ фабрикъ и число веретенъ на рабочаго возрасли въ Англіи. Но онъ предполагаетъ также и относительно одинаковый прогрессъ въ перечисленныхъ ниже континентальныхъ странахъ, такъ что числовыя данныя сохраняютъ свою сравнимость.

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ВЕРЕТЕНЪ НА ФАБРИКУ.

Въ Англіи	12.600
Въ Швейцаріи	8.000
Въ Австріи	7.000
Въ Саксоніи	4.500
Въ Бельгіи	4.000
Во Франціи	1.500
Въ Пруссіи	1.500

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ВЕРЕТЕНЪ НА ЧЕЛОВѢКА.

Во Франціи	14
Въ Россіи	28
Въ Пруссіи	37
Въ Баваріи	46

Въ Австріи	49
Въ Бельгіи	50
Въ Саксоніи	50
Въ меклкихъ германскихъ государствахъ	55
Въ Швейцаріи	55
Въ Великобританіи	74

«Сравненіе это», говоритъ Redgrave, «вмѣстѣ другихъ причинъ въ томъ отношеніи особенно неблагопріятно для Великобританіи, что тамъ существуетъ большое число фабрикъ, въ которыхъ машинное ткачество соединено съ прядениемъ, между тѣмъ при расчетѣ не вычтено ни одного человѣка, приходящагося на ткацкіе станки, востранныя же фабрики—почти исключительно прядильни. Если бы мы могли точно сравнивать равныя величины, то я могъ бы насчитать въ своемъ округѣ много бумагопрядильныхъ фабрикъ, въ которыхъ одинъ мужичица (minder) и двѣ его помощницы управляютъ 2.200 веретенъ и производятъ ежедневно 220 фунтовъ пряжи, длиною въ 400 (англійскихъ) миль». (Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1866, p. 31—37 passim).

Мы знаемъ, что въ Восточной Европѣ, такъ же какъ и въ Азіи, англійскія компаніи взяли на себя постройку желѣзныхъ дорогъ и при этомъ, рядомъ съ мѣстными рабочими, занимаютъ извѣстное число англичанъ. Они были вынуждены практической необходимостью считаться съ національными различіями интенсивности труда, но это не привело ихъ никакого убытка. Опытъ ихъ показываетъ, что если даже высота заработной платы болѣе или менѣе соответствуетъ средней интенсивности труда, то относительная цѣна труда (по отношенію къ продукту) въ общемъ движется въ противоположномъ направленіи.

Въ «Опытѣ объ уровнѣ заработной платы»⁶⁶⁾, одномъ изъ своихъ первыхъ экономическихъ сочиненій, Н. Сареу старается доказать, что различныя національныя заработныя платы прямо пропорціональны степени производительности національнаго рабочаго дня, для того, чтобы изъ этого международнаго отношенія вывести заключеніе, что заработная плата вообще повышается или падаетъ пропорціонально производительности труда. Весь нашъ анализъ производства прибавочной цѣнности доказываетъ нецѣлность этого вывода, и онъ доказывалъ бы это, если бы даже Сареу въ свою очередь доказалъ свою посылку, вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію нагромождать безъ разбора статистическій матеріалъ, собранный поверхностно и безъ критики. Но что всего лучше: Сареу вовсе не утверждаетъ, что дѣло въ дѣйствительности происходитъ такъ, какъ это должно было бы быть по теоріи. А именно государственное вниманіе изиратило естественныя экономическія отношенія. Нужно, поэтому, вычислять національную заработную плату такъ, какъ будто часть ея, приходящаяся на долю государства въ формѣ налоговъ, приходится на долю самого рабочаго. Господинъ Сареу долженъ былъ бы подумать о томъ, не составляютъ

⁶⁶⁾ «Essay on the Rate of Wages: With an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World. Philadelphia 1865».

ли «государственные расходы» сами «естественныхъ плодовъ» капиталистическаго развитія? Разсужденіе это вполнѣ достойно автора, который сначала объявляетъ капиталистическія производственныя отношенія вѣчными законами природы и разума, свободное и гармоническое дѣйствіе которыхъ нарушается лишь государственнымъ вмѣшательствомъ, а затѣмъ открываетъ, что дьявольское вліяніе Англіи на міровомъ рынкѣ, вліяніе, которое, повидимому, не вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства—дѣлаетъ необходимымъ государственное вмѣшательство, а, именно, огражденіе этихъ законовъ природы и разума государствомъ, т. е., другими словами, протекціонную систему. Далѣе онъ открываетъ, что теоремы Рикардо и др., которыя формулируютъ существующія общественныя противоположности и противорѣчія, не составляютъ идеальнаго продукта дѣйствительнаго экономическаго движенія, но что, наоборотъ, дѣйствительныя противорѣчія капиталистическаго производства въ Англіи и другихъ мѣстахъ составляютъ результатъ теоріи Рикардо и другихъ! Онъ открываетъ, наконецъ, что въ конечномъ счетѣ торговля уничтожаетъ природныя красоты и гармоніи капиталистическаго способа производства. Еще одинъ шагъ, и онъ, можетъ быть, откроетъ, что единственное зло капиталистическаго производства есть самъ капиталъ. Только человѣкъ съ такимъ чудовищнымъ отсутствіемъ чувства критики и съ такой низкопробной (*de faux aloi*) ученостью удостоился того, чтобы несмотря на свою протекціонистскую ересь, стать тайнымъ источникомъ гармонической мудрости какаго-нибудь Bastiat и всѣхъ прочихъ современныхъ оптимистовъ фритредерскаго толка.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Процессъ накопленія капитала.

Превращеніе извѣстной суммы денегъ въ средства производства и рабочую силу есть первое движеніе, продѣлываемое цѣнностью, предназначенной функционировать какъ капиталъ. Оно происходитъ на рынкѣ, въ сферѣ обращенія. Вторая фаза этого движенія, процессъ производства, заканчивается, какъ только средства производства являются превращенными въ товары, цѣнность которыхъ превосходитъ цѣнность ихъ составныхъ частей, т. е. содержитъ первоначально аннотированный капиталъ плюсъ некоторую прибавочную цѣнность. Тогда-то эти товары должны быть вновь брошены въ сферу обращенія. Необходимо ихъ продать, реализовать ихъ цѣнность въ деньгахъ, деньги же опять превратить въ капиталъ и такъ постоянно возобновлять весь этотъ процессъ сначала. Этотъ круговоротъ, проходящій послѣдовательно однѣ и тѣ же фазы, и составляетъ обращеніе капитала.

Продажа капиталистомъ своего товара и превращеніе большей части полученныхъ такимъ образомъ денегъ въ капиталъ является первымъ условіемъ накопленія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предполагаемъ, что капиталъ нормально совершаетъ процессъ своего обращенія. Подробный анализъ этого процесса относится ко второй книгѣ *).

Капиталистъ, который производитъ прибавочную цѣнность, т. е. выкачиваетъ непосредственно изъ рабочихъ неоплаченный трудъ и овеществляетъ его въ товарѣ, хотя и является первымъ присвоителемъ прибавочной цѣности, но отнюдь не послѣднимъ ея собственникомъ. Онъ долженъ дѣлиться ею съ другими капиталистами, исполняющими другія функціи въ общественномъ процессѣ производства, съ землевладельцами и т. д. Прибавочная цѣнность распадается, поэтому, на различныя части. Эти части распределяются между различными категоріями лицъ и принимаютъ при этомъ самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя формы, каковы: прибыль, процентъ, торговая прибыль, поземельная рента и т. д. Всѣ эти превращенныя формы прибавочной цѣности могутъ быть рассмотрѣны лишь въ третьей книгѣ **).

Здѣсь мы предполагаемъ такимъ образомъ, съ одной стороны, что капита-

*) Т. е. ко II тому. *Прим. II. С.*

**) Т. е. въ III томѣ. *Прим. II. С.*

листъ, производящій товаръ, продаетъ его по цѣнности, и не останавливается уже болѣе на его возвращеніи на товарный рынокъ, т. е. ни на различныхъ формахъ, которыя принимаетъ капиталъ въ сферѣ обращенія, ни на скрытыхъ въ нихъ конкретныхъ условіяхъ воспроизведенія. Съ другой стороны, мы разсматриваемъ капиталистическаго производителя, какъ владѣльца всей прибавочной цѣнности, или, если угодно, какъ представителя всѣхъ его соучастниковъ въ добычѣ. Такимъ образомъ, здѣсь мы разсматриваемъ накопленіе прежде всего абстрактно, т. е. какъ простой моментъ непосредственнаго процесса производства.

Поскольку, впрочемъ, накопленіе происходитъ, капиталисту удастся продавать произведенные товары и обратно превращать въ капиталъ вырученные за нихъ деньги. Далѣе, дѣленіе прибавочной цѣнности на различныя части ничего не измѣняетъ ни въ ея природѣ, ни въ тѣхъ необходимыхъ условіяхъ, при которыхъ она становится элементомъ накопленія. Какова бы ни была та доля прибавочной цѣнности, которую капиталистическій производитель присваиваетъ себѣ или уступаетъ другимъ, первоначально онъ присваиваетъ ее себѣ всю цѣликомъ. Такимъ образомъ то, что мы предполагаемъ въ нашемъ изложеніи процесса накопленія, предполагается и при дѣйствительномъ процессѣ. Съ другой стороны, дробленіе прибавочной цѣнности и посредствующее движеніе обращенія затемняютъ простую основную форму процесса накопленія. Чистый анализъ его требуетъ, поэтому, чтобы мы пока оставили въ сторонѣ всѣ явленія, скрывающія внутреннюю игру его механизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Простое воспроизведеніе.

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, онъ долженъ быть непрерывнымъ, или періодически проходить сызнова все тѣ же стадіи. Какъ общество не можетъ перестать потреблять, точно также оно не можетъ перестать и производить. Поэтому, разсматриваемый въ его непрерывной связи и въ постоянномъ потокѣ своего возобновленія, каждый общественный процессъ производства въ то же самое время есть процессъ воспроизведенія.

Условія производства являются въ то же время и условіями воспроизведенія. Никакое общество не можетъ постоянно производить, т. е. воспроизводить, не превращая постоянно извѣстной части своихъ продуктовъ въ средства производства или элементы новаго производства. При прочихъ равныхъ условіяхъ данное общество тогда только воспроизводитъ или поддерживаетъ свое богатство на томъ же уровнѣ, когда оно въ теченіе года, напр., заимствуетъ *in natura* потребленныя средства производства, т. е. орудія труда, сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества, равнымъ количествомъ новыхъ экземпляровъ, отдѣляемыхъ отъ общей массы годового продукта и снова присоединяемыхъ къ процессу производства. Извѣстное количество годового продукта принадлежитъ,

сѣдовательно, производству. Предназначенное съ самаго начала для производительнаго потребленія, оно является, по большей части, въ такихъ естественныхъ формахъ, которыя сами по себѣ исключаютъ индивидуальное потребленіе.

Если производство приняло капиталистическую форму, то и воспроизведеніе происходитъ въ той же формѣ. Подобно тому, какъ въ капиталистическомъ производствѣ процессъ труда является лишь средствомъ образованія прибавочной цѣнности, точно также и воспроизведеніе служитъ только средствомъ воспроизводить авансированную цѣнность въ видѣ капитала, т. е. какъ самовозрастающую цѣнность. Маска или роль капиталиста приурочивается къ данной личности только потому, что деньги этой личности постоянно функционируютъ какъ капиталъ. Если, напр., сумма въ 100 ф. ст., авансированная въ этомъ году, превратилась въ капиталъ и произвела 20 ф. ст. прибавочной цѣнности, то она должна въ слѣдующемъ году и т. д. повторять ту же операцію. Какъ періодическое приращеніе цѣнности капитала, или какъ періодическій плодъ дѣйствующаго или движущагося капитала, прибавочная цѣнность приобретаетъ форму дохода (revenue), происходящаго отъ капитала ¹⁾.

Если этотъ доходъ служитъ капиталисту только въ видѣ потребительнаго фонда, или если онъ такъ же періодически потребляется, какъ и приобретается, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, происходитъ только простое воспроизведеніе. Хотя послѣднее является лишь простымъ повтореніемъ процесса производства въ томъ же размѣрѣ, но это простое повтореніе или непрерывность процесса придаетъ ему нѣкоторыя новыя черты, или, вѣрнѣе, уничтожаетъ кажущіеся признаки, дѣлающіе изъ него лишь изолированный процессъ.

Процессъ производства начинается покупкой рабочей силы на опредѣленное время; и этотъ вводный актъ повторяется постоянно по истеченіи того срока, на который проданъ трудъ, а, сѣдовательно, и — періода производства, т. е. недѣли, мѣсяца и т. д. Плату, однако, рабочій получаетъ лишь тогда, когда его рабочая сила уже произвела свое дѣйствіе и реализовала въ товарахъ и свою собственную цѣнность, и прибавочную цѣнность. Онъ производитъ, сѣдовательно, не только прибавочную цѣнность, которую мы рассматривали только какъ потребительный фондъ капиталиста, но и фондъ своей собственной оплаты, т. е. переменный капиталъ, прежде чѣмъ этотъ послѣдній возвращается къ нему въ видѣ заработной платы; и только до тѣхъ поръ, пока рабочій воспроизводитъ переменный капиталъ, ему даютъ занятіе. Отсюда упомянутая въ шестнадцатой главѣ подъ цифрой II формула экономистовъ, изображающая заработную плату, какъ долю

¹⁾ «Богатство, потребляющіе продукты чужого труда, поручаютъ ихъ только посредствомъ акта обмѣна (покупки товаровъ). Поэтому, казалось бы, что она подвергается риску скораго истощенія своего резервнаго фонда... Но, благодаря общественному строю, богатство получило силу быть воспроизводимымъ посредствомъ чужого труда... Богатство, такъ же какъ и трудъ, и съ помощью труда приносить ежегодный плодъ, который можетъ быть ежегодно же уплчтсженъ, причеъъ богачъ отъ этого не бѣднѣетъ. Этотъ плодъ есть доходъ (revenue), доставляемый капиталомъ» (Sismondi: «Nouv. Princ. d'Econ. Pol.» t. I, p. 81, 82).

смаго продукта²⁾. Часть продукта, постоянно воспроизводимого рабочимъ, постоянно возвращается къ нему въ видѣ заработной платы. Правда, капиталистъ уплачиваетъ ему цѣнность товара деньгами, но эти деньги представляютъ только превращенную форму продукта труда. Въ то время, какъ рабочій превращаетъ часть средствъ производства въ продуктъ, часть его прежняго продукта обратно превращается въ деньги. Его сегодняшняя работа или работа слѣдующаго полугодія оплачивается его работой прошедшей недѣли или послѣдняго полугодія. Иллюзія, порожаемая денежной формой, исчезаетъ, какъ только вмѣсто отдѣльныхъ капиталистовъ и отдѣльныхъ рабочихъ мы будемъ разсматривать классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Классъ капиталистовъ даетъ постоянно рабочему классу подѣломъ денегъ чеки на извѣстную часть продукта, произведеннаго рабочими и присвоеннаго капиталистами. Рабочій классъ отдаетъ также постоянно эти чеки классу капиталистовъ, получая отъ него, такимъ образомъ, обратно причитающуюся ему часть его собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируютъ сущность сдѣлки.

И такъ, переменный капиталъ^{2а)} есть лишь особая историческая форма проявленія фонда средствъ существованія или рабочаго фонда, который необходимъ рабочему для поддержанія своей жизни и воспроизведенія и который, при всѣхъ системахъ общественнаго производства, рабочій долженъ постоянно самъ производить и воспроизводить. Рабочій фондъ лишь потому притекаетъ къ нему постоянно въ формѣ платежныхъ средствъ за его трудъ, что его собственный продуктъ постоянно удаляется отъ него въ формѣ капитала. Но то, что рабочій фондъ является именно въ такой формѣ, ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что капиталистъ авансируетъ рабочему его же собственный овеществленный трудъ³⁾. Возьмемъ барщиннаго крестьянина. Онъ работаетъ собственными средствами производства, на собственной пашнѣ, положимъ, 3 дня въ недѣлю. Три остальные дня онъ отбываетъ барщину на господскомъ полѣ. Онъ постоянно воспроизводитъ свой собственный рабочій фондъ, который по отношенію къ нему никогда не принимаетъ формы платежныхъ средствъ за трудъ, авансированныхъ третьимъ лицомъ. Но зато его даровой принудительный трудъ никогда не принимаетъ формы добровольнаго и оплачиваемаго труда. Если завтра помѣщикъ завладѣетъ его пашнею, его рабочимъ скотомъ, его сѣменами, однимъ словомъ, всѣми средствами производства крѣпостного, то съ этого времени крестьянинъ будетъ вынужденъ продавать помѣщику свою рабочую силу. При

²⁾ «Зарачотную плату, какъ и прибыль, надо разсматривать какъ реальныя части готоваго продукта». (Ramsay I. c. p. 142). «Часть продукта, приходящаяся на долю рабочаго въ формѣ заработной платы». (J. Mill: «Eléments etc.» Перев. Parisot, Paris 1823, p. 34).

^{2а)} Переменный капиталъ разсматривается здѣсь лишь какъ фондъ, изъ котораго оплачивается заработная плата. Известно, что въ дѣйствительности онъ дѣлается переменнымъ лишь съ момента, когда покупаемая на него рабочая сила функционируетъ уже въ процессѣ производства.

³⁾ «Когда капиталъ употребляется на ссуду рабочимъ въ видѣ вѣхъ заработной платы, то онъ не прибавляетъ ничего къ фонду для поддержки труда». (Cazeneuve въ примѣчаніи къ своему изд. Мальтуса: «Definitions in Polit Econ. London 1853», p. 22).

прочихъ равныхъ условіяхъ онъ будетъ теперь, какъ и прежде, работать 6 дней въ недѣлю, 3 дня для себя и 3 дня для бывшаго помѣщика, ставшаго теперь капиталистомъ. Онъ будетъ и теперь, какъ прежде, потреблять средства производства, какъ средства производства, перенося ихъ цѣнность на продуктъ. Извѣстная часть продукта, какъ и раньше, пойдетъ на воспроизведеніе. Но такъ же, какъ крѣпостной трудъ приметъ теперь форму наемнаго труда, такъ и рабочій фондъ, производимый и воспроизводимый крѣпостнымъ крестьянникомъ, приметъ форму капитала, авансироваема рабочему помѣщикомъ. Буржуазный экономистъ, ограниченный умъ котораго не въ состояніи отбѣлнить форму проявленія отъ ея содержанія, закрываетъ глаза передъ тѣмъ фактомъ, что даже и теперь еще на всемъ земномъ шарѣ рабочій фондъ только въ видѣ исключенія является въ формѣ капитала ⁴⁾.

Правда, какъ только мы будемъ разсматривать капиталистическій процессъ производства въ его непрерывномъ возобновленіи, переменный капиталъ терять значеніе простой цѣности ^{4а)}, авансироваемой изъ собственного фонда капиталиста. Долженъ же этотъ процессъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь начинаться. Съ точки зрѣнія, до сихъ поръ нами занимаемой, поэтому, является вѣроятнымъ, что капиталистъ когда-нибудь слѣзлся владѣльцемъ денегъ, первоначальное накопленіе которыхъ произошло независимо отъ присвоенія чужого неоплаченного труда, и съ этими деньгами могъ явиться на рынокъ въ качествѣ покупателя рабочей силы. Впрочемъ, уже одна непрерывность капиталистическаго процесса производства порождаетъ еще другія странныя переменныя, касающіяся не только переменной части капитала, но и всего капитала въ его совокупности. Если, напр., прибавочная цѣнность, періодически производимая капиталомъ въ 1.000 ф. ст., составляетъ 200 ф. ст., и эта прибавочная цѣнность ежегодно потребляется, то ясно, что послѣ пятилѣтняго повторенія этого самаго процесса сумма потребленной прибавочной цѣнности $= 5 \times 200$, или равна первоначально авансированной капиталовой цѣнности въ 1.000 ф. ст. Если годичная прибавочная цѣнность потребляется только частью, напр., только половина, то тотъ же самый результатъ получится послѣ десятилѣтняго повторенія процесса производства, ибо $10 \times 100 = 1.000$. Вообще—авансированная капиталовая цѣнность, раздѣленная на ежегодно потребляемую прибавочную цѣнность, даетъ число лѣтъ или количество періодовъ воспроизведенія, по истеченіи которыхъ первоначально затраченный капиталистомъ капиталъ оказывается поддержаннымъ и, слѣдовательно, псезнувшимъ. Представленіе капиталиста, будто онъ потребляетъ продуктъ чужого неоплаченного труда, т. е. прибавочную цѣн-

⁴⁾ «Средства существованія рабочихъ не авансируются имъ капиталистами даже на одной четверти пространства земного шара». (Richard Jones: «Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations». Hertford 1852, p. 16).

^{4а)} «Хотя плата, которую получаетъ мануфактурный рабочій, и авансируется ему хозяиномъ, тѣмъ не менѣе рабочій ничего не стоитъ своему хозяину, потому что тотъ возвращаетъ себѣ съ прибыткомъ эти издержки въ видѣ увеличенной цѣнности предмета, къ которому трудъ рабочаго былъ приложенъ». (A. Smith. l. c. Book II, ch. III, p. 311).

ность, и сохраняет первоначальную капитальную цѣнность, абсолютно ничего не измѣняетъ въ фактической обстановкѣ. По истеченіи известнаго числа лѣтъ принадлежащая ему капитальная цѣнность равна суммѣ прибавочной цѣнности, присвоенной имъ безъ эквивалента за то же число лѣтъ, потребленная же имъ сумма цѣнности равна первоначальной капитальной цѣнности. Правда, у него имѣется въ рукахъ капиталъ, величина котораго не измѣнилась и часть котораго, напр. зданія, машины, и т. д., уже была налицо, когда капиталистъ приступилъ къ дѣлу. Но рѣчь идетъ здѣсь о цѣнности капитала, а не о его матеріальныхъ составныхъ частяхъ. Если кто-нибудь изстратилъ все свое имущество, надѣлавъ долговъ, сумма которыхъ равняется цѣнности этого имущества, то все имущество и выражаетъ собою только общую сумму его долговъ. Точно также, если капиталистъ потребилъ эквивалентъ своего авансированнаго капитала, то цѣнность этого капитала выражаетъ собою только общую сумму безвозмездно присвоенной имъ прибавочной цѣнности. Ни одного атома его прежняго капитала больше не существуетъ.

Итакъ, совершенно независимо отъ всякаго накопленія, каждый капиталъ послѣ болѣе или менѣе долгаго періода, вслѣдствіе одной лишь непрерывности процесса производства или воспроизведенія, необходимо превращается въ накопленный капиталъ или капитализированную прибавочную цѣнность. Если даже при вступленіи въ процессъ производства капиталъ этотъ и составлялъ личнымъ трудомъ заработанную собственность лица его употребляющаго, все-таки, рано или поздно, онъ будетъ представлять собою цѣнность, присвоенную безъ эквивалента, или неоплаченный чужой трудъ, овеществленный въ денежной или какой-нибудь другой формѣ.

Въ четвертой главѣ мы видѣли, что для превращенія денегъ въ капиталъ недостаточно одного существованія производства цѣнности и обращенія товаровъ. Прежде всего должны противостоять другъ другу, какъ покупатели и продавцы, на одной сторонѣ владѣльцы цѣнностей или денегъ, на другой—владѣльцы субстанціи, создающей цѣнность; здѣсь владѣльцы средствъ производства и существованія, тамъ владѣльцы одной лишь рабочей силы. Отдѣленіе продукта труда отъ самаго труда, объективныхъ условій труда отъ субъективной рабочей силы было, слѣдовательно, фактически даннымъ основаніемъ, исходной точкой капиталистическаго процесса производства.

Но то, что въ началѣ являлось только исходной точкой, то, вслѣдствіе одной лишь непрерывности процесса, т. е. простого воспроизведенія, постоянно вновь производится и увѣковѣчивается какъ подлинный результатъ самого капиталистическаго производства. Съ одной стороны, для капиталиста процессъ производства постоянно превращаетъ матеріальное богатство въ капиталъ, въ средства производства прибавочной цѣнности и въ средства потребленія. Съ другой стороны, рабочей постоянно выходитъ изъ процесса производства такимъ же, какимъ вступилъ въ него, т. е. личнымъ источникомъ богатства, но лишенымъ всѣхъ средствъ реализовать его для себя. Такъ какъ до его вступленія въ процессъ производства его собственный трудъ сталъ чуждымъ ему самому, оказался присвоеннымъ капиталомъ и приуроченнымъ къ капиталу, то трудъ этотъ овеществляется постоянно

въ продолженіе процесса въ чужомъ продуктѣ. А такъ какъ процессъ производства есть въ то же самое время и процессъ потребленія рабочей силы капиталистомъ, то продуктъ рабочаго постоянно превращается не только въ товаръ, но и въ капиталъ, т. е. въ цѣнность, высасывающую силу, ее создающую, въ средства существованія, на которыя покупаются люди, и въ средства производства, которыя примѣняютъ производитель^{а)}. Такимъ образомъ рабочій самъ постоянно производитъ объективное богатство какъ капиталъ, какъ чуждую ему, господствующую надъ нимъ и эксплуатирующую его силу, капиталистъ же производитъ также постоянно рабочую силу, какъ субъективный, абстрактный источникъ богатства, отдѣленный отъ собственныхъ средствъ осуществленія и овещественія, существующій лишь въ тѣлѣ рабочаго,—однимъ словомъ, производить паемиаго рабочаго^{б)}. Это постоянное воспроизведеніе или увѣковѣченіе рабочаго составляетъ *conditio sine qua non* капиталистическаго производства.

Потребленіе рабочаго бываетъ двоякаго рода. Въ самомъ производствѣ онъ потребляетъ своимъ трудомъ средства производства и превращаетъ ихъ въ продукты, превышающіе своей цѣпостью цѣнность авансированнаго капитала. Это его производительное потребленіе; оно въ то же самое время является и потребленіемъ его рабочей силы капиталистомъ, купившимъ ее. Съ другой стороны, рабочій употребляетъ деньги, уплаченные ему капиталистомъ за его рабочую силу, на средства существованія; это его индивидуальное потребленіе. Производительное и индивидуальное потребленіе рабочаго такимъ образомъ совершенно различны. Въ первомъ случаѣ рабочій дѣйствуетъ какъ двигательная сила капитала и принадлежитъ капиталисту; во второмъ онъ принадлежитъ самому себѣ и исполняетъ жизненные функціи въ процессѣ производства. Результатомъ перваго является жизнь капиталиста, результатомъ же второго жизни самого рабочаго.

При разсмотрѣніи «рабочаго дня» п т. д. мы, между прочимъ, видѣли, что часто рабочій бываетъ принужденъ дѣлать свое индивидуальное потребленіе лишь эпизодомъ процесса производства. Въ этомъ случаѣ онъ получаетъ средства существованія лишь настолько, чтобы поддержать дѣятельность своей рабочей силы, подобно тому какъ дѣятельность паровой машины поддерживаютъ углемъ и водой, а колеса смазываютъ масломъ. Его средства потребленія становятся тогда простыми средствами потребленія орудій производства, а его ин-

^{а)} Это особенно замѣчательное свойство производительнаго потребленія. То, что потребляется производительно, есть капиталъ и становится капиталомъ вслѣдствіе потребленія». (James Mill I. с. р. 242). Однако Джеймсъ Милль не попалъ даже на слѣдъ этого «особенно замѣчательнаго свойства».

^{б)} «Конечно справедливо, что первоначальное введеніе мануфактурнаго производства даетъ занятіе многимъ бѣднымъ, но они не перестаютъ оставаться таковыми, развитіе же этого производства создаетъ много бѣдныхъ». (Reasons for a limited Exportation of Wool, Lond. 1677, р. 19). «Теперь фермеры нецѣнно утверждаютъ, что они содержатъ бѣдныхъ. Въ дѣйствительности же бѣдные содержатся въ иищетахъ». («Reasons for the late Increase of the Poor Rates: or a comparative view of the prices of labour and provisions. Lond 1777», р. 37).

индивидуальное потребленіе прямо производительнымъ потребленіемъ. Но это является лишь злоупотребленіемъ, несущественнымъ для капиталистическаго процесса производства ⁷⁾ 7а).

Дѣло представится совѣтъ въ иномъ видѣ, если мы будемъ разсматривать не отдѣльнаго капиталиста и отдѣльнаго рабочаго, а классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ, и не изолированный процессъ производства товара, а капиталистическій процессъ производства въ его движеніи и въ его полномъ общественномъ объемѣ.—Превращая часть своего капитала въ рабочую силу, капиталистъ этимъ увеличиваетъ цѣнность всего своего капитала. Однимъ ударомъ онъ убиваетъ двухъ мухъ. Онъ получаетъ выгоду не только отъ того, что онъ беретъ отъ рабочаго, но и отъ того, что онъ ему даетъ. Капиталь, отчуждаемый въ обмѣнъ на рабочую силу, превращается въ средства существованія, потребленіе которыхъ служитъ для воспроизведенія мышцъ, нервовъ, костей, мозга различныхъ рабочихъ и для произведенія на свѣтъ новыхъ рабочихъ. Въ предѣлахъ безусловно необходимаго индивидуальное потребленіе рабочаго класса есть обратное превращеніе средствъ существованія, отчужденныхъ капиталомъ для покупки рабочей силы, въ новыя рабочія силы, годныя для эксплуатаціи ихъ капиталомъ. Это—производство и воспроизведеніе самаго необходимаго для капиталиста средства производства, самаго рабочаго. Итакъ, индивидуальное потребленіе рабочаго, происходитъ ли оно внутри или внѣ мастерской, фабрики и т. д., въ рамкахъ или внѣ рамокъ процесса труда, есть лишь одинъ моментъ производства и воспроизведенія капитала, такъ же какъ чистка машинъ, производится ли она во время процесса труда, или въ опредѣленные паузы. Дѣло не измѣняется оттого, что индивидуальное потребленіе рабочаго производится имъ для самого себя, а не въ угоду капиталисту. Точно также потребленіе рабочаго скота не перестаетъ быть необходимымъ моментомъ процесса производства оттого, что скотъ самъ потребляетъ то, что онъ пожираетъ. Постоянное поддержаніе и воспроизведеніе рабочаго класса является постояннымъ условіемъ воспроизведенія капитала. Выполненіе этого условія капиталистъ можетъ спокойно предоставить стремленію рабочихъ къ само-сохраненію и разможевію. Онъ заботится лишь о томъ, чтобы ихъ индивидуальное потребленіе ограничивалось, по возможности, самымъ необходимымъ, и безконечно далекъ отъ той южно-американской грубости, которая принуждаетъ рабочаго къ потребленію болѣе питательныхъ пищевыхъ веществъ вмѣсто меніе питательныхъ ⁸⁾.

⁷⁾ Rossi не защищалъ бы съ такимъ жаромъ этотъ пунктъ, если бы дѣйствительно проникъ въ тайну «productive consumption».

^{7а)} Экономисты, считающіе нормальнымъ подобное совпаденіе потребленія индивидуальнаго и потребленія производительнаго, неизбежно должны ставить средства существованія рабочаго въ одинъ рядъ съ вспомогательными веществами, каковы масло, уголь и т. д., которые потребляются орудіями труда и въ силу этого составляютъ одинъ изъ элементовъ производительнаго капитала. Rossi возмущается противъ этой классификаціи, забывая, что если средства существованія не входятъ въ составъ производительнаго капитала, то самъ рабочий входитъ въ него.

⁸⁾ «Рабочіе въ копияхъ Ю. Америки, ежедневное запятіе (можетъ быть, самое тяжелое въ мірѣ) которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы вытаскивать изъ глубины въ

Поэтому, капиталисты и его идеологи, экономисты, считают производительною только ту часть индивидуального потребления рабочих, которая служить для увеличения рабочего класса, и, стало быть, на самом дѣлѣ, должна быть потреблена для того, чтобы капиталъ могъ потреблять рабочую силу; все, что рабочий сверхъ этого потребляетъ для своего удовольствія, есть непроизводительное потребление⁹⁾. Если бы накопленіе капитала вызывало повышеніе заработной платы и, такимъ образомъ, увеличеніе средствъ потребления рабочего безъ большаго потребления рабочей силы капиталомъ, то этотъ добавочный капиталъ былъ бы потребленъ непроизводительно¹⁰⁾. Въ самомъ дѣлѣ, индивидуальное потребление рабочего для него самого непроизводительно, такъ какъ оно воспроизводитъ лишь индивидуума, имѣющаго потребности; оно производительно для капиталиста и для государства, такъ какъ оно представляетъ производство силы, создающей чужое богатство¹¹⁾.

Съ общественной точки зрѣнія, рабочий классъ, такимъ образомъ, даже внѣ непосредственнаго процесса труда, составляетъ такую же принадлежность капитала, какъ и мертвое орудіе труда. Даже его индивидуальное потребление въ извѣстныхъ предѣлахъ является лишь однимъ изъ моментовъ процесса воспроизведенія капитала. Но самый этотъ процессъ заботится о томъ, чтобы эти одаренныя сознаніемъ орудія производства не убѣжали, удаляя постоянно ихъ собственный продуктъ отъ нихъ полюса къ противоположному полюсу капитала. Индивидуальное потребление заботится, съ одной стороны, о ихъ собственномъ сохраненіи и воспроизведеніи; съ другой стороны, благодаря потребленію средствъ существованія, оно влечетъ за собой постоянное появленіе рабочихъ на рынкѣ труда. Римскій невольникъ былъ цѣпями привязанъ къ своему владѣльцу, наемнаго же рабочего связываютъ съ его хозяиномъ невидимыя нити. Призракъ его независимости поддерживается лишь постоянной смѣной индивидуальныхъ хозяевъ-наимателей и *fictio juris* контракта.

Въ прежнія времена капиталъ, въ случаяхъ, когда это ему казалось нужнымъ, облакалъ свои права собственности на свободнаго рабочего въ принуди-

450 фут. на собственныхъ плечахъ грузъ руды, тяжестью отъ 180 до 200 фунтовъ, питаются исключительно хлѣбомъ и бобами; они бы даже предпочли питаться однимъ хлѣбомъ, но хозяева ихъ находятъ, что, питаясь однимъ хлѣбомъ, они не въ состояніи будутъ такъ усильно работать; хозяева обращаются съ ними какъ съ лошадьми, принуждая ихъ питаться бобами; бобы сравнительно обильнѣе костяной золой, чѣмъ хлѣбъ». (Liebig l. c. 1 Theil, p. 191, Примѣчаніе).

⁹⁾ James Mill l. c. p. 238 sqq.

¹⁰⁾ «Если цѣна труда подымется такъ высоко, что, несмотря на приращеніе капитала, нельзя употребить въ дѣло больше труда, то я скажу, что это приращеніе капитала потребляется непроизводительно». (Ricardo l. c. p. 163).

¹¹⁾ «Единственнымъ производительнымъ потребленіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова является потребленіе или разрушеніе богатства (оно подразумѣваетъ здѣсь потребленіе средствъ производства) капиталистомъ съ цѣлью воспроизведенія... Рабочій... есть производительный потребитель для того лица, которое его употребляетъ, и для государства, въ, собственно говоря, не для самого себя». (Malthus «Definitions etc.», p. 30).

тельные законы. Такъ напр., до 1815 г. въ Англіи строго была запрещена эмиграція машиностроительныхъ рабочихъ.

Въ воспроизведеніи рабочаго класса заключается также передача и накопленіе искусства и навыковъ отъ одного поколѣнія къ другому ¹²⁾. Насколько капиталистъ считаетъ существованіе такого класса искусныхъ рабочихъ однимъ изъ приваляжающихъ ему условій производства и въ дѣйствительности разсматриваетъ ихъ какъ реальное воплощеніе перемѣнаго капитала, замѣчается тогда, когда какой либо кризисъ угрожаетъ ему ихъ потерей. Вслѣдствіе американской гражданской войны и сопровождавшаго ее хлопчатобумажнаго кризиса большинство рабочихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ Ланкашира и т. д. было, какъ извѣстно, выброшено на улицу. Изъ среды самого рабочаго класса и другихъ слоевъ общества раздался тогда призывъ къ государственной помощи или добровольной національной подпискѣ въ пользу эмиграціи «лишнихъ рабочихъ» въ англійскія колоніи или въ Соединенные Штаты. Тогда «Times» (4 марта 1863 г.) опубликовала письмо Edmund'a Potter'a, бывшего президента манчестерской торговой палаты. Это письмо очень основательно было названо въ палатѣ общины «манифестомъ фабрикантовъ» ¹³⁾. Мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя типичныя мѣста, въ которыхъ формулируются безъ прикрасъ права капитала на рабочую силу.

«Хлопчатобумажнымъ рабочимъ надлежитъ сказать, что число ихъ на рынкѣ слишкомъ велико... что его, можетъ быть, слѣдовало бы уменьшить на третью, и тогда спросъ на остальные двѣ трети окажется нормальнымъ... Общественное мнѣніе требуетъ эмиграціи... Хозяинъ (т. е. хлопчатобумажный фабрикантъ) не можетъ видѣть равнодушно удаченіе запаса рабочихъ, онъ считаетъ это столь же несправедливымъ, какъ и неправильнымъ... Если предполагается поддерживать эмиграцію изъ общественныхъ фондовъ, то фабрикантъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, право требовать, чтобы его выслушали, а можетъ быть, и имѣетъ право протестовать». Тотъ же Potter доказываетъ далѣе, какъ полезна хлопчатобумажная промышленность, какъ «она несомнѣнно отвлекла населеніе изъ Ирландіи и изъ англійскихъ земледѣльческихъ округовъ»; какихъ громадныхъ размѣровъ она достигла и какъ въ 1860 г. составляла $\frac{5}{13}$ всей вывозной торговли Англіи; какъ, наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ она снова значительно разовьется, вслѣдствіе расширенія рынковъ, особенно въ Індіи, и вынужденія достаточнаго «ввоза хлопка по 6 пенсовъ за фунтъ». Онъ продолжаетъ затѣмъ: «Время—одинъ, два, три года,—можетъ быть произведено необходимое количество... И тогда я хотѣлъ бы спросить, заслуживаетъ ли эта промышленность поддержки, стоитъ ли труда содержать въ порядкѣ ея машины (т. е. живыя рабочія машины) и не безумчѣе ли это безуміе думать о томъ, чтобы отказаться отъ нихъ! И

¹²⁾ «Искусство рабочихъ это единственная вещь, о которой можно сказать, что она накоплена и впередъ подготовлена... Накопленіе и сохраненіе искуснаго труда, эта важнѣйшая операція, совершается по отношенію къ массѣ рабочихъ безъ участія какого бы то ни было капитала». (Hodgskin: «Labour Defended etc.», p. 13).

¹³⁾ «That letter might be looked upon as the manifesto of the manufacturers re. Ferrand: предложение о Cotton famine, Записки пал. общ. 27 апр. 1863).

такъ думаю. Я согласенъ, что рабочіе не составляютъ собственности («I allow that the workers are not a property») Ланкашпиръ и хозяевъ; но они составляютъ силу изъ обоихъ; они представляютъ духовную и вышколенную силу, которую нельзя замѣнить въ одно покоемъ; другія же машины, напротивъ, которыми рабочіе работаютъ. («the mere machinery which they work»), могутъ быть большею частью легко и даже съ выгодой замѣнены и улучшены въ теченіе года¹¹⁾. Поощряйте или позволяйте эмиграцію рабочей силы, и что же тогда будетъ съ капиталистомъ? («Encourage or allow the working power to emigrate, and what of the capitalist?» Этотъ ударъ въ сердце напоминаетъ гофмаршала Казьба)... Снимите слѣпки рабочихъ, и основной капиталъ въ значительной степени потеряетъ свою цѣнность, а оборотный капиталъ не въ состояніи будетъ выдержать борьбу при скудномъ предложеніи труда низшаго качества... Намъ говорятъ, что сами рабочіе хотятъ эмиграціи. Это очень естественно съ ихъ стороны... Уменьшите, сократите хлопчатобумажное производство, отнимая у него рабочую силу (by taking away its working power), уменьшая расходы на заработную плату, положимъ, на $\frac{1}{3}$ или 5 милліоновъ, и что станется тогда съ классомъ, ближайшимъ къ рабочимъ, т. е. съ классомъ мелкихъ торговцевъ? Что станется съ поземельной рентой, съ платой за наемъ коттеджей?... Что станется съ мелкимъ фермеромъ, домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ? Скажите, возможно ли придумать проектъ болѣе убійственный для всѣхъ классовъ страны, чѣмъ этотъ планъ, ослабляющій націю вывозомъ ея лучшихъ фабричныхъ рабочихъ и пониженіемъ цѣнности самой производительной части капитала и богатства?» «Я предлагаю заемъ въ 5 или 6 милліоновъ, разложенный на 2—3 года, подъ управленіемъ специальныхъ комиссаровъ, подчиненныхъ администраціи для призрѣнія бѣдныхъ въ хлопчатобумажныхъ округахъ, на основаніи особыхъ опредѣленій закона, съ публичнымъ принудительнымъ трудомъ для поддержанія нравственнаго достоинства лицъ, содержащихся милостыней... Что можетъ быть хуже для землевладѣльцевъ или хозяевъ («can anything be worse for landowners or masters»), чѣмъ лишиться своихъ лучшихъ рабочихъ и деморализовать и смутить остальныхъ идеею шп-

¹¹⁾ Мы уже знаемъ, что тотъ же капиталъ поетъ другую пѣсню при обычныхъ условіяхъ, когда рѣчь идетъ о пониженіи заработной платы. Хозяева заявляютъ тогда всѣ единогласно (см. отд. четвертый, стр. 347): «фабричные рабочіе должны для своей пользы помнить, что ихъ трудъ въ дѣйствительности есть очень низкій родъ труда; что никакой другой трудъ не усваивается легче и, сравнительно съ качествомъ, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать въ болѣе короткое время и въ большемъ изобиліи, посредствомъ краткаго обученія ему наименѣе опытныхъ лицъ. Машины хозяина играютъ въ дѣйствительности гораздо болѣе важную роль въ дѣлѣ производства, чѣмъ работа и искусство рабочего, которое требуетъ лишь шестимѣсячнаго обученія и которому можетъ научиться всякій крестьянскій батракъ».

¹²⁾ Въ обычное время капиталистъ, наоборотъ, говоритъ, что рабочіе не были бы голодны, деморализованы и недовольны, если бы у нихъ было достаточно разсудительности для того, чтобы уменьшать число своихъ рукъ съ цѣлью повышенія цѣны труда.

роковъ, опустошительной эмиграціи, и кровопусканіемъ цѣнности и капитала, произведенными надъ цѣлою провинціей?»

Potter, избранный выразитель хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, различаетъ двоякаго рода «машинны», одинаково принадлежащія фабриканту, изъ которыхъ одніе стоятъ у него на фабрикѣ, другія же по ночамъ и по воскресеньямъ обитаютъ внѣ фабрики въ коттеджахъ. Одніе мертвыя, другія живыя. Мертвыя машинны не только ежедневно портятся и теряютъ цѣнность, но, вслѣдствіе постоянныхъ техническихъ усовершенствованій, большая часть ихъ такъ скоро старѣетъ, что съ выгодой и въ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть замѣнена новыми. Живыя же машинны, наоборотъ, совершенствуются тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше онѣ служатъ, тѣмъ больше изъ поколѣнія въ поколѣніе накапливается въ нихъ искусство. «Times», между прочимъ, отвѣчаетъ фабричнымъ магнатамъ слѣдующее:

«Господинъ Potter такъ проникнутъ убѣжденіемъ въ необходимости и безусловной важности хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, что для поддержанія этого класса и увѣковѣченія его профессіи онъ готовъ засадить насѣвно въ громадный нравственный рабочій домъ полъ-милліона рабочихъ. Заслуживаетъ ли эта отрасль промышленности поддержки?—спрашиваетъ г. Potter. Конечно, всѣми достойными средствами,—отвѣчаемъ мы. Стоитъ ли вѣбтаться о сохраненіи въ порядкѣ машинъ?—опять спрашиваетъ г. Potter. Здѣсь мы становимся въ тупикъ. Подъ машиннами Potter подразумѣваетъ человѣческія машинны; онъ увѣреть, что не намѣренъ разсматривать ихъ какъ полную собственность фабрикантовъ. Мы должны сознаться, что мы не считаемъ «заслуживающимъ труда» или хотя бы возможнымъ поддерживать человѣческія машинны въ порядкѣ, т. е. держать ихъ въ заперти, смазывать пока онѣ иповь не понадобятся? Человѣческія машинны обладаютъ способностью ржавѣть во время бездѣйствія, сколько бы ихъ ни чистили и ни смазывали. Притомъ человѣческія машинны, какъ видно съ перваго взгляда, способны самопроизвольно разводить пары и взрывать. или неистовствовать въ большихъ городахъ въ пляскѣ св. Витта. Пусть, какъ говоритъ г. Potter, для воспроизведенія рабочихъ потребуется болѣе продолжительное время, но, имѣя подъ руками машинистовъ и деньги, мы во всякое время найдемъ дѣятельныхъ, крѣпкихъ, прилежныхъ людей изъ которыхъ можемъ сдѣлать гораздо больше фабричныхъ мастеровъ, чѣмъ когда-либо можно будетъ употребить... Г. Potter толкуетъ о возрожденіи промышленности черезъ 1, 2, 3 года и требуетъ отъ насъ, чтобы мы не поощряли или даже не разрѣшали эмиграціи рабочей силы! Онъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что рабочіе хотятъ эмигрировать, но онъ полагаетъ, что надія, вопреки ихъ желанію, должна запереть въ хлопчатобумажные округа эти пол-милліона рабочихъ и 700 000 человѣкъ, судьба которыхъ съ ними связана и что, кромѣ того, она должна—неизбѣжное слѣдствіе этой мѣры—силою подавить ихъ псудовольствіе, содержать ихъ милостыней, и все это съ той единственной мыслью, что когда пибудь они могутъ повадиться хлопчатобумажнымъ фабрикантамъ... Но настало время, когда великое общественное мѣщеніе

этих островов (т. е. Великобритавіи) должно, наконецъ, что-нибудь сдѣлать для спасенія этой «рабочей силы» отъ тѣхъ, кто хочетъ обращаться съ ней какъ съ углемъ, желѣзомъ или хлопкомъ» (to save this «working power» from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton») ¹⁵⁾.

Статья «Times'a» оказалась только jeu d'esprit. «Большое общественное мнѣніе» на самомъ дѣлѣ исполнѣ раздѣляло мнѣніе Potter'a, что фабричные рабочіе составляютъ движимую принадлежность фабрикъ. Ихъ эмиграціи воспрещали ¹⁶⁾. Рабочихъ заперли въ «нравственный рабочій домъ» хлопчатобумажныхъ округовъ и они по-прежнему составляютъ «силу» (the strength) хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ Ланкашира).

Капиталистическій процессъ производства воспроизводитъ, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ ходомъ отдѣленіе рабочей силы отъ условій труда. Онъ воспроизводитъ и увеличиваетъ этимъ самымъ условія эксплуатаціи рабочаго. Онъ постоянно вынуждаетъ рабочаго продавать свою рабочую силу для того, чтобы жить, а капиталисту даетъ возможность покупать ее, чтобы обогащаться ¹⁷⁾. Теперь уже не простой случай противопоставлять на товарномъ рынкѣ капиталиста и рабочаго, какъ покупателя и продавца. Механизмъ самаго процесса постоянно выбрасываетъ одного на товарный рынокъ въ качествѣ продавца своей рабочей силы и постоянно превращаетъ его же собственный продуктъ въ покупательное средство въ рукахъ другого. Дѣйствительно, рабочій принадлежитъ капиталу прежде, чѣмъ онъ себя продалъ капиталисту. Его экономическая крѣпостная зависимость ¹⁸⁾ въ одно и то же время и обусловливается и

¹⁵⁾ Times, 24 March 1863.

¹⁶⁾ Парламентъ не вотировалъ на одного фартинга на эмиграцію, по издавъ законы, упомощивавшіе муниципалитеты держать рабочихъ между жизнью и смертью, или, говоря иначе, эксплуатировать ихъ, не уплачивая имъ нормальной заработной платы. Когда же, спустя три года, появился падежъ скота, парламентъ грубо нарушилъ парламентскій этикетъ и тотчасъ же вотировалъ милліоны для вознагражденія ипполонеровъ—землѣдѣльцевъ. Фермеры которыхъ и безъ того нисколько не пострадали, благодаря повышенію цѣны мяса. Звѣрскій ревъ земледѣльцевъ при открытіи парламента въ 1866 г. показавъ, что не падо быть чудесомъ, чтобы поклоняться кичовѣ Сабалѣ, или Юпитеромъ, чтобы превратиться въ быка.

¹⁷⁾ «Рабочій требовалъ средствъ существованія, хозяинъ требовалъ труда для получения барыша». (Sismondi I. c. p. 91).

¹⁸⁾ Въ графствѣ Durham существуетъ грубо-крестьянская форма этой крѣпостной зависимости. Это одно изъ немногихъ графствъ, гдѣ условія не обезпечиваютъ фермеру безусловнаго права собственности на земледѣльческихъ рабочихъ. Горнопромышленность даетъ послѣднимъ возможность выбора занятій. Фермеры въ этомъ графствѣ, вопреки общему правилу, снимаютъ лишь такіе земли, на которыхъ пахотятся коттеджи для рабочихъ. Плата за иемъ коттеджа составляетъ часть заработной платы. Эти коттеджи называются «hinds houses» (дома батраковъ). Они сдаются рабочимъ на явѣстныхъ феодальныхъ условіяхъ, по договору, называемому «bondage» (крѣпостная зависимость) и обязывающему, напр., рабочаго, въ случаѣ, если онъ самъ нанятъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, поставитъ за себя свою дочь и т. д. Самъ рабочій называется bondaman, крѣпостной. Эти отношенія раскрываютъ намъ также еще съ новой стороны и индивидуальное потребленіе рабочаго, а, именно, показываютъ, что оно есть потребленіе для капитала, или про-

маскируется періодическимъ возобновленіемъ этого акта самопродажи, перемѣной его индивидуальныхъ хозяевъ и колебаніямъ рыночной цѣны труда ¹⁹⁾.

Такимъ образомъ, капиталистическій процессъ производства, рассматриваемый какъ нечто связанное, или какъ процессъ воспроизведенія, производить не только товары, не только прибавочную цѣнность, но кромѣ того производить и воспроизводить и самое отношеніе, именуемое капиталомъ, т. е. съ одной стороны—капиталиста, съ другой—наемнаго рабочаго ²⁰⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ.

1. Капиталистическій процессъ производства въ расширяющихся размѣрахъ. Превращеніе законовъ собственности товарнаго производства въ законы капиталистическаго присвоенія.

Прежде нашему разсмотрѣнію подлежало, какъ прибавочная цѣнность образуется изъ капитала, теперь мы должны изслѣдовать, какъ капиталъ образуется изъ прибавочной цѣнности. Употребленіе прибавочной цѣнности, какъ капитала, или обратное превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ называется накопленіемъ капитала ²¹⁾.

Разсмотримъ сначала это явленіе съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста. Придѣльный фабрикантъ, напр., авансировалъ капиталъ въ 10.000 ф. ст., изъ которыхъ четыре пятыхъ составляютъ хлопокъ, машины и т. д., остальная же пятая—заработную плату. Онъ производитъ ежегодно 240.000 ф. пряжи, цѣнностью въ

неводительное потребленіе. «Любопытно видѣть, какъ даже какъ этихъ bondsmen'овъ считается за доходъ ихъ расчетливыхъ повелителей... Фермеры не позволяютъ строить во всей окрестности другихъ отхожихъ мѣстъ, кромѣ своихъ собственныхъ и не отступаютъ въ этомъ отношеніи ни за что отъ своихъ владѣльческихъ правъ». («Public Health: VII Rep. 1864», p. 188).

¹⁹⁾ Напоминаю, что при дѣтскомъ трудѣ и т. д. исчезаетъ даже формальный характеръ самопродажи.

²⁰⁾ «Капиталъ предполагаетъ наемный трудъ, наемный же трудъ предполагаетъ капиталъ. Они другъ друга обусловливаютъ, другъ друга порождаютъ. Производитъ ли рабочій на хлопчатобумажной фабрикѣ однѣ только бумажныя матеріи? Нѣтъ, онъ производитъ капиталъ. Онъ производитъ цѣнности, которыя вновь служатъ для того, чтобы командовать его трудомъ и посредствомъ послѣдняго производить новыя цѣнности». (Karl Marx: «Lohnarbeit und Kapital» въ N. Rh. Z. № 266, 7 April 1849). Статьи, напечатанныя подъ этимъ заглавіемъ въ «Neue Rheinische Zeitung», составляютъ отрывки изъ лекцій, которыя я читалъ по этому вопросу въ Брюсселѣ въ 1847 г. въ нѣмецкомъ рабочемъ союзѣ, и печатаніе которыхъ было прервано февральской революціей.

²¹⁾ «Накопленіе есть употребленіе части дохода, въ качествѣ капитала». (Malthus: «Definitions etc.» ed. Cazenove p. 11) «Превращеніе дохода въ капиталъ». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ. 2nd ed, Lond. 1836», p. 319).

12.000 ф. ст. При уровнѣ прибавочной цѣнности въ 100%, прибавочная цѣнность заключается въ прибавочномъ продуктѣ или въ чистомъ продуктѣ въ 40.000 ф. пражм., т. е. въ шестой части валового продукта цѣнностью въ 2.000 ф. ст., которая реализована при продажѣ. Сумма цѣнности въ 2.000 ф. ст. есть лишь сумма цѣнности въ 2.000 ф. ст. На обаяніе, ни зрѣніе не обнаруживаютъ намъ, что эти деньги—прибавочная цѣнность. Свойство цѣнности, какъ прибавочной цѣнности, говорить намъ о томъ, какъ получить ее владѣлецъ, но нисколько не измѣняетъ природы цѣнности или денегъ.

Чтобы превратить въ капиталъ эту новую сумму въ 2.000 ф. ст. предельный фабрикантъ, слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, авансируетъ четыре пятыхъ этихъ денегъ на покупку хлопка и т. д., и одну пятую на покупку новыхъ предельныхъ рабочихъ, которые найдутъ на рынкѣ средства существованія, цѣность коихъ капиталистъ авансировалъ имъ. Тогда въ предѣлахъ будетъ функционировать новый капиталъ въ 2.000 ф. ст. и принеситъ въ свою очередь прибавочную цѣнность въ 400 ф. ст.

Капитальная цѣнность первоначально была авансирована въ денежной формѣ; прибавочная же цѣнность, напротивъ, существуетъ съ самаго начала какъ цѣнность определенной части валового продукта. Когда этотъ продуктъ проданъ, превратился въ деньги, капитальная цѣнность снова приобретаетъ свою первоначальную форму, прибавочная же цѣнность принимаетъ свою первоначальную форму бытія. Съ этого момента, однако, и капитальная цѣнность, и прибавочная цѣнность, обѣ представляютъ денежные суммы, и ихъ обратное превращеніе въ капиталъ совершается тѣмъ же самымъ порядкомъ. Капиталистъ авансируетъ и ту и другую на покупку товаровъ, которые даютъ ему возможность снова начать изготовленіе товаровъ и къ тому же на этотъ разъ въ расширенныхъ размѣрахъ. Но чтобы купить эти товары, онъ долженъ найти ихъ на рынкѣ.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что онъ поставилъ на рынокъ весь свой годичный продуктъ, какъ это дѣлаютъ и другіе капиталисты со своими товарами. Но прежде, чѣмъ эти товары появились на рынкѣ, они уже находились въ годичномъ фондѣ производства, т. е. въ общей суммѣ всевозможныхъ предметовъ, въ которые въ теченіе года превращается общая сумма отдѣльныхъ капиталовъ или весь общественный капиталъ и изъ котораго каждый отдѣльный капиталистъ владѣетъ только извѣстной долей. Рыночная сдѣлка лишь перемѣщаетъ изъ рукъ въ руки отдѣльныя составныя части годового производства, но онѣ не въ состояніи ни увеличить общее годовое производство, ни измѣнить природу произведенныхъ предметовъ. И, потому, употребленіе, которое можетъ быть сдѣлано изъ общаго ежегоднаго продукта, зависитъ отъ его собственного состава, но никакъ не отъ его обращенія.

Прежде всего годичное производство должно доставить всѣ тѣ предметы (потребительныя цѣнности), которые нужны для возстановленія матеріальныхъ составныхъ частей капитала, потребленныхъ въ продолженіе года. За вычетомъ этой части остается чистый или прибавочный продуктъ, въ которомъ заключается прибавочная цѣнность. Изъ чего же состоитъ этотъ прибавочный продуктъ? Быть можетъ, изъ предметовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія

потребностей и прихотей класса капиталистовъ, и, слѣдовательно, входящихъ въ потребительный фондъ послѣднихъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то прибавочная цѣнность проглатывалась бы вся безъ остатка и происходило бы лишь простое воспроизведеніе.

Для того, чтобы накоплять, нужно превращать часть прибавочной цѣнности въ капиталъ. Но, не дѣлая чудесъ, можно превращать въ капиталъ лишь такіе предметы, которые могутъ быть употреблены въ процессѣ труда, т. е. средства производства и сверхъ того предметы, при помощи которыхъ можетъ содержать себя рабочій, т. е. средства существованія. Извѣстная часть прибавочнаго труда должна, слѣдовательно, быть употреблена на созданіе добавочныхъ средствъ производства и существованія сверхъ того количества, которое было необходимо для возмѣщенія авансированнаго капитала. Однимъ словомъ, прибавочная цѣнность только потому можетъ быть превращена въ капиталъ, что прибавочный продуктъ, цѣнность котораго она представляетъ, содержитъ уже матеріальныя составныя части новаго капитала ^{21а)}.

Чтобы фактически заставить эти составныя части капитала функционировать какъ капиталъ, классу капиталистовъ необходимъ добавочный трудъ. Но если эксплуатация занятыхъ уже рабочихъ не увеличивается ни экстенсивно, ни интенсивно, то на работу должны быть поставлены добавочныя рабочія силы. Объ этомъ позаботился уже самый механизмъ капиталистическаго производства, который воспроизводитъ рабочій классъ, какъ классъ зависящій отъ заработной платы, и обычная плата котораго достаточна не только для обезпеченія его существованія, но и для его размноженія. Капиталисту остается только къ добавочнымъ средствамъ производства, содержащимся уже въ годовомъ производствѣ, присоединить эту добавочную рабочую силу разныхъ возрастовъ, ежегодно доставляемую ему рабочимъ классомъ, и превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ — готово. Разсматриваемое конкретно, накопленіе сводится къ воспроизведенію капитала во все болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Круговоротъ простаго воспроизведенія измѣняется и превращается, по выраженію Сисмонди, въ спираль ^{21б)}.

Вернемся теперь къ нашему примѣру. Это старая исторія: Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Якова и т. д. Первоначальный капиталъ въ 10.000 ф. ст. даетъ прибавочную цѣнность въ 2.000 ф. ст., которая капитализируется. Новый капиталъ въ 2.000 ф. ст. производитъ прибавочную цѣнность въ 400 ф. ст., которая опять капитализируется, т. е. превращается въ другой

^{21а)} Мы отвлекаемся здѣсь отъ вышней торговли, посредствомъ которой нація можетъ превращать предметы роскоши въ средства производства или существованія и наоборотъ. Чтобы понять предметъ изслѣдованія въ его чистомъ видѣ безъ мешающихъ побочныхъ обстоятельствъ, мы должны здѣсь разсматривать весь торговый міръ какъ одну націю, предполагая при этомъ, что капиталистическое производство утвердилось вездѣ и захватило всѣ отрасли промышленности.

^{21б)} Принадлежащій Сисмонди анализъ накопленія значительно страдаетъ отъ того, что онъ слишкомъ полагается на фразу: «Превращеніе дохода (revenue) въ капиталъ», и не выпкаетъ въ матеріальныя условія этой операціи.

добавочный капиталъ, производящій новую прибавочную цѣнность въ 80 ф. ст. и т. д.

Здѣсь мы не принимаемъ въ расчетъ той части прибавочной цѣнности, которую потребляетъ самъ капиталистъ. Не интересуетъ насъ въ данный моментъ и то, присоединяется ли добавочный капиталъ къ первоначальному капиталу, или первый отдѣльно отъ второго самостоятельно производитъ прибавочную цѣнность; эксплуатируетъ ли его тотъ же самый капиталистъ, который его накопилъ, или онъ передаетъ его другому. Мы только не должны забывать, что рядомъ съ вновь образовавшимся капиталомъ первоначальный капиталъ продолжаетъ воспроизводиться и производить прибавочную цѣнность, и что это вѣрно для всякаго накопленнаго капитала по отношенію къ произведенному имъ добавочному капиталу.

Первоначальный капиталъ образовался вслѣдствіе авансированія 10,000 ф. ст. Откуда же взялъ эти деньги ихъ владѣлецъ? Онъ приобрѣлъ ихъ личнымъ трудомъ, или трудомъ своихъ предковъ!—отвѣчаютъ въ одинъ голосъ главари политической экономіи^{21с)}, и дѣйствительно, это предположеніе кажется единственнымъ, согласующимся съ законами товарнаго производства.

Совсѣмъ не то съ добавочнымъ капиталомъ въ 2,000 ф. ст. Процессъ его происхожденія намъ очень хорошо извѣстенъ. Это капитализированная прибавочная цѣнность. Съ самаго начала въ немъ нѣтъ ни одного атома цѣнности, которая не происходила бы отъ неоплаченного чужого труда. Средства производства, въ которыхъ воплощается добавочная рабочая сила, какъ и средства существованія, на которыя она содержится, суть только интегральныя части прибавочнаго продукта, похищаемого ежегодно въ видѣ данн классомъ капиталистовъ у рабочаго класса. Если даже классъ капиталистовъ на извѣстную часть этой данн и покупаетъ у рабочаго класса добавочную рабочую силу и оплачиваетъ ее даже по полной ея цѣнѣ, такъ что эквивалентъ обмѣнивается на эквивалентъ, то все-таки это—извѣстный образъ дѣйствіи завоевателя, покупающаго товары у побѣжденных на ихъ собственные, у нихъ же похищенные, деньги.

Если добавочный капиталъ употребляется въ дѣло его собственнымъ производителемъ, то, во-первыхъ, этотъ послѣдній долженъ продолжать увеличивать цѣнность первоначальнаго капитала и къ тому же покупать продуктъ своего прежняго труда за большее количество труда, чѣмъ онъ стоилъ. Разматриваемый какъ сдѣлка между классомъ капиталистовъ и рабочимъ классомъ процессъ этотъ не измѣняется отъ того, что добавочные рабочіе оплачиваются неоплаченнымъ трудомъ уже занятыхъ рабочихъ. Капиталистъ, можетъ быть, превратитъ добавочный капиталъ въ машину, которая выброситъ на мостовую производителя добавочнаго капитала, замѣнивъ его нѣсколькими дѣтьми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочій классъ въ этомъ году произведетъ своимъ добавочнымъ трудомъ капиталъ, который на слѣдующій годъ дастъ

^{21с)} «Первоначальный трудъ, которому его капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ» Sismondi l. c. éd. Paris, t. I, p. 109.

занятіе добавочному труду²²⁾). Это и называется: производить капиталомъ капиталъ.

Сумма цѣнностей въ 10.000 ф. ст. авансированная капиталистомъ и принадлежащая ему, въ силу его «первоначальнаго труда», составляетъ предпосылку накопленія перваго добавочнаго капитала въ 2.000 ф. ст. Предпосылкой же втораго добавочнаго капитала въ 400 ф. ст. является, напротивъ того, не что иное какъ предыдущее накопленіе первыхъ 2.000 ф. ст., капитализированную прибавочную цѣнность которыхъ они представляютъ. Право собственности на прошлый неоплаченный трудъ является теперь единственнымъ условіемъ настоящаго присвоенія живого неоплаченного труда въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ. Чѣмъ болѣе капиталистъ накопилъ, тѣмъ болѣе можетъ онъ накапливать.

Поскольку прибавочная цѣнность, изъ которой состоитъ добавочный капиталъ № I, была результатомъ покупки рабочей силы долею первоначальнаго капитала, покупки, соответствующей законамъ товарнаго обмѣна и, съ юридической точки зрѣнія, предполагающей только свободное распоряженіе своей силой со стороны рабочаго и своими цѣнностями со стороны владѣльца денегъ или товаровъ; поскольку добавочный капиталъ № II и т. д. есть только результатъ добавочнаго капитала № I, а, потому,—слѣдствіе очерченнаго выше перваго отношенія; поскольку каждая единичная сдѣлка постоянно соотвѣтствуетъ закону товарнаго обмѣна, капиталистъ постоянно покупаетъ рабочую силу, а рабочій постоянно ее продаетъ, и допустимъ даже, но ея избыточной цѣнности,—поскольку, очевидно, законъ присвоенія или частной собственности, покоящійся на товарномъ производствѣ и товарномъ обращеніи, въ силу своей собственной, внутренней, неизбежной діалектики превращается въ прямую свою противоположность. Обмѣнъ эквивалентовъ, въ которомъ состояла первоначальная сдѣлка, до такой степени искажился, что обмѣнъ происходитъ только по виду, такъ какъ, во-первыхъ, часть капитала, обмѣниваемая на рабочую силу, составляетъ только часть присвоеннаго безъ эквивалента продукта чужого труда, и во-вторыхъ, она должна быть не только возмѣщена ея производителемъ-рабочимъ, но возвращена съ новою прибавкою. Отношеніе обмѣна между капиталистомъ и рабочимъ представляетъ, такимъ образомъ, только чужую видимость, свойственную процессу обращенія, лишь форму, чуждую самаго содержанія и только затемняющую его. Постоянная купля и продажа рабочей силы это—форма. Содержаніе же состоитъ въ томъ, что капиталистъ постоянно обмѣниваетъ часть чужого, уже овеществленнаго труда, присвоеннаго имъ безъ эквивалента на большее количество чужого живого труда. Первоначально право собственности являлось основаннымъ на личномъ трудѣ. По крайней мѣрѣ это слѣдовало признавать, такъ какъ противоположались другъ другу равноправные владѣльцы товаровъ, и средствомъ присвоенія чужого товара являлось—

²²⁾ «Трудъ создаетъ капиталъ, прежде чѣмъ капиталъ прилагаетъ къ дѣлу трудъ». (Labour creates capital, before capital employs labour). E. G. Wakefield «England and America, London 1833» v. II, p. 110.

только отчужденіе своего собственнаго товара, который можно было создать только трудомъ. Теперь же собственность для капиталиста является правомъ присвоенія чужого неоплаченного труда или его продукта, для рабочаго же она означаетъ невозможность присвоить себѣ свой собственный продуктъ. Отдѣленіе собственности отъ труда становится необходимымъ слѣдствіемъ закона, исходной точкой котораго было повидимому ихъ тождество ²³⁾.

Какой бы злой насмѣшкой надъ первоначальными законами товарнаго производства ни казался капиталистическій способъ присвоенія, всегакъ онъ вытекаетъ не изъ нарушенія этихъ законовъ, а наоборотъ, изъ ихъ примѣненія. Блгзый ретроспективный взглядъ на послѣдовательныя фазы движенія, конечнымъ пунктомъ котораго является капиталистическое накопленіе, еще разъ явственно покажетъ намъ все это.

Сперва мы впадали, что первоначальное превращеніе извѣстной суммы цѣнности въ капиталъ происходитъ безусловно сообразно законамъ обмѣна. Одна договаривающаяся сторона продаетъ свою рабочую силу, другая покупаетъ ее. Первый контрагентъ получаетъ цѣнность своего товара, потребительная цѣнность котораго—трудъ въ силу этого отчуждается другому. Тогда послѣдній превращаетъ уже принадлежащія ему средства производства помощью труда, также ему принадлежащаго, въ новый продуктъ, который тоже по праву принадлежитъ ему.

Цѣнность этого продукта заключаетъ въ себѣ: во-первыхъ, цѣнность потребленныхъ средствъ производства. Полезный трудъ не можетъ потребить этихъ средствъ производства, безъ того, чтобы не перенести ихъ цѣнности на новый продуктъ; но чтобы быть годной для продажи, рабочая сила должна доставлять полезный трудъ въ той отрасли промышленности, къ которой она должна быть приложена. Цѣнность новаго продукта содержитъ дагѣе: эквивалентъ цѣнности рабочей силы и нѣкоторую прибавочную цѣнность, и именно потому, что рабочая сила, продаваемая на извѣстное время, на день, недѣлю и т. д. имѣетъ цѣнность, меньшую цѣнности, создаваемой потребленіемъ этой рабочей силы за данное время. Но рабочему уплатили мѣговую цѣнность его рабочей силы, и этимъ самымъ онъ продалъ и ея потребительную цѣнность, какъ это бываетъ при всякой покупкѣ и продажѣ.

То обстоятельство, что этотъ особенный товаръ—рабочая сила—имѣетъ своеобразную потребительную цѣнность, заключающуюся въ томъ, что онъ доставляетъ трудъ и, слѣдовательно, создаетъ цѣнность, не можетъ измѣнить всеобщаго закона товарнаго производства. Если, поэтому, сумма цѣнности, авансированная на рабочую плату, не только сама находится въ продуктѣ, но еще находится въ немъ увеличенною на извѣстную прибавочную цѣнность, то это происходитъ не отъ обогориванія покупщикомъ продавца, который по-

²³⁾ Право собственности капиталиста на продуктъ чужого труда есть прямое слѣдствіе закона присвоенія, основнымъ принципомъ котораго, наоборотъ, было исключительное право собственности каждаго рабочаго на продуктъ его собственнаго труда (Cherbuliez: «Riches ou Pauvre. Paris 1841», p. 58, гдѣ, однако, это диалектическое превращеніе неправильно равноито).

лучше цѣнность своего товара, но исключительно отъ потребления этого товара покупателями.

Законъ обмена обуславливаетъ лишь равенство мѣновыхъ цѣнностей, воплощенныхъ въ обмениваемыхъ товарахъ. Онъ даже напередъ предполагаетъ различіе ихъ потребительныхъ цѣнностей и не имѣетъ абсолютно никакого отношенія къ ихъ потребленію, которое начинается лишь тогда, когда сдѣлка заключена и исполнена.

Первоначальное превращеніе денегъ въ капиталъ совершается, слѣдовательно, въ полномъ согласіи съ экономическими законами товарнаго производства и вытекающимъ изъ нихъ правомъ собственности. Но, несмотря на это, оно приводитъ къ слѣдующему результату:

1) Продуктъ принадлежитъ капиталисту, а не рабочему;

2) Цѣнность этого продукта, кромѣ цѣнности авансированнаго капитала, содержитъ въ себѣ прибавочную цѣнность, стовшую рабочему труда, капиталисту же—ничего, и тѣмъ не менѣе становящуюся законной собственностью капиталиста;

3) Рабочій поддерживаетъ свою рабочую силу и можетъ ее снова продать, если найдетъ покупателя.

Простое воспроизведеніе есть только періодическое повтореніе этой первой операціи; каждый разъ деньги снова превращаются въ капиталъ. Законъ, слѣдовательно, здѣсь не нарушается, но, наоборотъ находитъ возможность постоянного своего проявленія. «Plusieurs échanges successifs n'ont fait du dernier que le représentant du premier». Sismondi l. c. p. 705. («Нѣсколько послѣдовательныхъ обменовъ лишь сдѣлали послѣдній представителемъ перваго»).

Однако мы уже видѣли, что простого воспроизведенія достаточно для того, чтобы придать общему другой характеръ этой первой операціи, поскольку мы разсматриваемъ ее какъ изолированное явленіе. «Parmi ceux, qui se partagent le revenu national, les uns y acquièrent chaque année un nouveau droit par un nouveau travail, les autres y ont acquis antérieurement un droit permanent par un travail primitif». Sismondi, l. c. p. III. («Среди тѣхъ, которые дѣлятъ между собой національный доходъ, одни (рабочіе) приобрѣтаютъ каждый годъ посредствомъ новаго труда новое право, другіе (капиталисты) уже предварительно приобрѣли посредствомъ первоначальнаго труда постоянное право»). Область труда, какъ извѣстно, является не единственной областью, въ которой первоизводство совершается чудеса.

Ничто въ сущности не измѣняется, когда простое воспроизведеніе замѣняется воспроизведеніемъ въ расширенныхъ размѣрахъ, т. е. накопленіемъ. Въ первомъ случаѣ капиталистъ потребляетъ всю прибавочную цѣнность, во-второмъ онъ обнаруживаетъ гражданскую добродѣтель, потребляя только часть и превращая остальное въ деньги.

Прибавочная цѣнность есть его собственность и никогда не принадлежала никому другому. Если онъ авансируетъ ее на производство, то онъ поступаетъ такъ, какъ въ первый день своего появленія на рынкѣ, т. е. даетъ ссуду изъ своего собственнаго фонда. То обстоятельство, что этотъ фондъ на этотъ разъ

происходить изъ неоплаченного труда его рабочихъ, абсолютно ничего не измѣняется. Если рабочій В находитъ занятіе вслѣдствіе того, что рабочій А произвелъ прибавочную цѣнность, то, во-первыхъ, у А, произведшаго эту прибавочную цѣнность, не было удержанъ ни одинъ грошъ изъ законной цѣны его товара, а во-вторыхъ, эта сдѣлка вовсе не касается рабочаго В. Чего В требуетъ и чего онъ вправѣ требовать, такъ это—лишь, чтобы капиталистъ платилъ ему цѣнность его рабочей силы. «Tous deux gagnaient encore; l'ouvrier parce qu'on lui avançait les fruits de son travail [слѣдовало бы сказать: du travail gratuit d'autres ouvriers] avant qu'il fût fait [слѣдовало бы сказать: avant que le sien ait porté de fruit]; le maître, parce que le travail de cet ouvrier valait plus que le salaire» [слѣдовало бы сказать: produisait plus de valeur que celle de son salaire] (Sismondi, I. c. p. 135). («Оба были еще въ выигрышъ; рабочій, потому что ему авансировали продукты его труда [слѣдовало бы сказать: неоплаченный трудъ другихъ рабочихъ], прежде, чѣмъ они произведены, [слѣдовало бы сказать: прежде чѣмъ его трудъ произвелъ продуктъ]; хозяинъ, потому что продуктъ этого рабочаго стоилъ больше, чѣмъ его плата [слѣдовало бы сказать: производилъ цѣнность большую, чѣмъ его плата].»

Правда, дѣло представляется совершенно иначе, когда мы разсматриваемъ капиталистическое производство въ непрерывномъ его возобновленіи, и, отъѣмъ отдѣльнаго капиталиста и отдѣльнаго рабочаго, обращаемъ вниманіе на весь классъ капиталистовъ съ одной стороны и весь рабочій классъ съ другой. Но при этомъ мы будемъ прилагать масштабъ, совершенно чуждый товарному производству.

Въ товарномъ производствѣ противостоятъ другъ другу, независимо одинъ отъ другого, только продавецъ и покупатель. Взаимныя ихъ отношенія кончаются съ истеченіемъ срока условленнаго въ договорѣ. Если сдѣлка повторяется, то уже—вслѣдствіе новаго договора, не имѣющаго ничего общаго съ предыдущимъ; и только—случайность, если снова тотъ же самый покупатель сталкивается съ тѣмъ же самымъ продавцемъ.

Такимъ образомъ, если обсуждать товарное производство или какое-нибудь относящееся къ нему явленіе на основаніи его собственныхъ экономическихъ законовъ, то мы должны разсматривать каждый мѣстовой актъ отдѣльно, въ связи его, какъ съ предыдущимъ такъ и съ послѣдующимъ актомъ обмѣна. А такъ какъ акты покупки и продажи происходятъ только между отдѣльными индивидуумами, то неосновательно искать въ нихъ отношеній между цѣлыми общественными классами.

Какой бы длинный рядъ періодическихъ воспроизведеній и предшественующихъ накопленій ни прошелъ выпѣ функционирующій капиталъ, онъ всегда сохраняетъ свою первоначальную дѣятельность. До тѣхъ поръ, пока при каждомъ актѣ обмѣна, взятомъ въ отдѣльности, соблюдаются законы обмѣна, способъ присвоенія можетъ претерпѣть полный переворотъ, нисколько не нарушая права собственности, свойственнаго товарному производству. Это самое право остается въ силѣ, какъ въ началѣ, когда продуктъ принадлежитъ производителю, который, обмѣнивая эквивалентъ на эквивалентъ, можетъ обогащаться

лишь своимъ собственнымъ трудомъ, такъ и въ капиталистическій періодъ, когда общественное богатство въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ становится собственностью тѣхъ, которые въ состояніи постоянно присваивать себѣ неоплаченный трудъ другихъ людей.

Этотъ результатъ становится неизбежнымъ, лишь только рабочая сила свободно продается какъ товаръ самимъ рабочимъ. Но только съ этого момента товарное производство обобщается и становится типичною формою производства; только съ этого времени каждый продуктъ съ самаго начала производится для продажи и все произведенное богатство проходить черезъ обращеніе. Только тамъ, гдѣ наемный трудъ составляетъ основаніе товарнаго производства, послѣднее становится обязательною общественной формою производства, и только тамъ и развертываются всѣ его скрытыя силы. Говорить, что вступленіе наемнаго труда искажаетъ товарное производство, значить утверждать, что товарное производство, чтобы остаться неискаженнымъ, должно остановиться въ своемъ развитіи. Но мѣръ того, какъ товарное производство, въ силу своихъ имманентныхъ законовъ, развивается въ капиталистическое производство,—законы собственности, свойственные товарному производству, также превращаются въ законы капиталистическаго присвоенія²⁴⁾.

Мы видѣли, что даже при простомъ воспроизведеніи, весь авансированный капиталъ, каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, превращается въ накопленный капиталъ или въ капитализированную прибавочную цѣнность. Но въ потокѣ производства каждый первоначально авансированный капиталъ вообще становится безконечно малой величиной (*magnitudo evanesceps* въ математическомъ смыслѣ) въ сравненіи съ непосредственно накопленным капиталомъ, т. е. съ прибавочной цѣпностью или прибавочнымъ продуктомъ, превращеннымъ обратно въ капиталъ—безразлично, функционируетъ ли онъ въ рукахъ того, кто его накопилъ, или перешелъ въ другія руки. Политическая экономія, поэтому, изображаетъ вообще капиталъ какъ «накопленное богатство» (превращенную прибавочную цѣпность или доходъ), «вновь употребляемое на производство прибавочной цѣпности»²⁵⁾, а капиталиста какъ «владѣльца прибавочнаго продукта»²⁶⁾.

То же самое возрѣніе получаетъ лишь другую форму въ выраженіи, что весь наличный капиталъ есть накопленный или капитализированный процентъ, такъ какъ процентъ представляетъ только дробь прибавочной цѣпности²⁷⁾.

²⁴⁾ Слѣдуетъ поэтому удивляться хитроумію Прудона, который хочетъ уничтожить капиталистическую собственность, противопоставивъ ей вѣчные законы собственности товарнаго производства!

²⁵⁾ «Capital, viz: accumulated wealth employed with a view to profit». Malthus l. c. «Capital... consists of wealth saved from revenue and used with a view to profit». (B. Jones: «An Introductory Lecture on Polit. Econ. Lond. 1833», p. 16).

²⁶⁾ «The possessors of surplus produce or capital». («The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russel. Lond. 1821»).

²⁷⁾ «Капиталъ со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала до такой степени возростъ, что богатство всего свѣта, приносящее доходъ, уже давнымъ давно представляетъ процентъ на капиталъ». (London Economist, 19 July, 1859). «Экономистъ», право, слишкомъ умѣренъ. Слѣдѣ по стоимъ д-ра Price, онъ могъ бы доказывать точнымъ вычисленіемъ, что слѣдовало бы присоединить другія планеты къ земному шару для того, чтобы сдѣлать его вполнѣ пригоднымъ—воздать должное капиталу.

2. Ошибочное пониманіе расширеннаго воспроизведенія въ политической экономіи.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе точнымъ признакамъ накопленія или обратнаго превращенія прибавочной цѣнности въ капиталъ, намъ необходимо устранить двусмысленность, порожденную классической политической экономіей.

Какъ товары, покупаемые капиталистомъ на извѣстную часть прибавочной цѣнности для его собственнаго потребленія, не служатъ для него ни средствомъ производства, ни средствомъ производства прибавочной цѣнности, точно также и трудъ, покупаемый имъ для удовлетворенія своихъ естественныхъ и общественныхъ потребностей, не есть производительный трудъ. Въмѣсто того, чтобы покупкою этихъ товаровъ и труда превращать прибавочную цѣнность въ капиталъ, онъ, наоборотъ, издерживаетъ ее или расходуетъ ее въ качествѣ дохода. Въ противовѣстъ старо-диоранскому направленію, которое, по вѣрному замѣчанію Гегеля, «состоитъ въ потребленіи наличнаго» и особенно выражается въ роскоши личныхъ услугъ, для буржуазной политической экономіи имѣло рѣшающее значеніе провозгласить накопленіе капитала первымъ гражданскимъ долгомъ и неустанно проповѣдовать: нельзя накоплять, если сѣдять весь доходъ, вмѣсто того, чтобы часть его расходовать на покупку добавочныхъ производительныхъ рабочихъ, которые производятъ больше, чѣмъ сами стоятъ. Съ другой стороны, ей нужно было вести полемику противъ народнаго предразсудка, который смѣшиваетъ капиталистическое производство съ образованіемъ сокровищъ²⁸⁾ и мнить, поэтому, что накопленное богатство тождественно съ богатствомъ, спасеннымъ отъ разрушенія въ данной его натуральной формѣ, т. е. съ изъятымъ изъ употребленія или изъ обращенія. Но изъятіе денегъ изъ обращенія—это прямая противоположность ихъ превращенію въ капиталъ, накопленіе же товаровъ какъ собраніе сокровищъ—чистое безуміе^{28а)}. Накопленіе товаровъ въ большихъ массахъ есть слѣдствіе застоя въ обращеніи или перепроизводства²⁹⁾. Правда, въ народномъ представленіи картина, съ одной стороны, медленно потребляемыхъ богатствъ, накопленныхъ богачами въ

²⁸⁾ «Никто изъ современныхъ экономистовъ не можетъ подъ сбереженіемъ (saving) понимать простое припрятываніе (hoarding). Но, помимо этого уякаго в недостаточнаго способа, нельзя придумать лучшаго примѣненія слова «сбереженіе» по отношенію къ національному богатству, чѣмъ то, которое отпривляется отъ различнаго употребленія того, что сберегается, и которое основывается на реальномъ различіи родовъ труда, поддерживаемыхъ этимъ сбереженіемъ». (Malthus I. c. p. 38, 39).

^{28а)} Такъ у Бальзака, который такъ основательно изучилъ всѣ отгѣнки скупости, старый ростовщикъ Гобсекъ впадаетъ уже въ старческое дѣтство, когда начинаетъ собирать себѣ кладъ изъ накопленныхъ товаровъ.

²⁹⁾ «Accumulation of stocks... non exchange... overproduction». (Th. Corbet. I. c. p. 14. («Накопленіе товаровъ... застой въ сбытѣ... перепроизводство»).

³⁰⁾ Въ этомъ смыслѣ Неккеръ говоритъ о «предметахъ роскоши и расточительности», «накопленіе которыхъ возрасло отъ времени» и которые «законами обществѣ сосредоточены въ рукахъ одного единственнаго общественнаго класса». *Œuvres de M. Necker. Paris et Lausanne 1787, t. II: «De l'administration de la France», p. 291.*

формъ погребительнаго фонда и, съ другой стороны, образованіе запаса, явленіе, которое свойственно всѣмъ способамъ производства и на которомъ мы еще остановимся при анализѣ процесса обращенія, слѣдуютъ какъ бы въ одинъ образъ.

Классическая политическая экономія, слѣдовательно, совершенно права, когда она считаетъ потребленіе прибавочнаго продукта производительными рабочими, вмѣсто непродовольственныхъ, характеристическимъ моментомъ процесса накопленія. Но здѣсь же начинается и ея заблужденіе. Ад. Смитъ ввелъ въ моду изображать накопленіе только какъ потребленіе прибавочнаго продукта производительными рабочими, или капитализацію прибавочной цѣнности какъ простое превращеніе ея въ рабочую силу. Послушаемъ, напр., Рикардо: «Конечно, всѣ продукты страны потребляются; но громадная разница, потребляются ли они тѣми, кто воспроизводитъ новыя цѣнности, или же тѣми, кто ихъ не воспроизводитъ. Когда мы говоримъ, что доходъ сбереженъ и прибавленъ къ капиталу, то мы подразумеваемъ ту часть дохода, прибавленную къ капиталу, которая потребляется производительными, а не непродовольственными рабочими. Предположеніе, что капиталъ увеличивается отъ непотребленія (Nicht-Konsum), представляетъ величайшее заблужденіе»³⁰⁾. Нѣтъ большаго заблужденія, чѣмъ то, которое повторяютъ за Ад. Смитомъ Рикардо и всѣ его послѣдователи и которое гласитъ, что, «та часть дохода, которая, какъ говорятъ, прибавляется къ капиталу, потребляется производительными рабочими». По этому представленію всякая прибавочная цѣнность, которая превращается въ капиталъ, превращается въ переменный капиталъ. Между тѣмъ она дѣлится, какъ и первоначально авансированная цѣнность, на постоянный капиталъ и переменный капиталъ, т. е. на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила есть та форма, въ которой переменный капиталъ существуетъ въ процессѣ производства. Въ этомъ процессѣ она сама потребляется капиталистомъ. Своею функціей—трудомъ—она потребляетъ средства производства. Въ то же самое время деньги, уплаченные при покупкѣ рабочей силы, превращаются въ средства существованія, которыя потребляются не «производительнымъ трудомъ», а «производительными рабочими». Ад. Смитъ посредствомъ совершенно превратнаго анализа приходитъ къ тому нелѣпому выводу, что если даже каждый индивидуальный капиталъ и дѣлится на постоянную и переменную составныя части, то общественный капиталъ превращается только въ переменный капиталъ, или расходуется только въ видѣ рабочей платы. Напр. фабрикантъ сукна превращаетъ 2.000 ф. ст. въ капиталъ. Одну часть денегъ онъ затрачиваетъ на покупку тканей, другую на покупку шерстяной пражы, машинъ и т. д. Но тѣ, у кого онъ покупаетъ шерсть и машины, также частью полученныхъ денегъ оплачиваютъ трудъ и т. д., пока всѣ 2.000 ф. ст. не будутъ издержаны на рабочую плату, или пока весь продуктъ, который представляютъ эти 2.000 ф. ст. не будетъ потребленъ производительными рабочими. Мы видимъ, что вся сила этого аргумента заключается въ словахъ «и т. д.», которыми отсылаютъ насъ отъ Пон-

³⁰⁾ Ricardo l. c. p. 163. Примѣчаніе.

тія къ Пилату. Дѣйствительно Ад. Смитъ обрываетъ послѣдованіе какъ разъ тамъ, гдѣ начинаются его трудности³¹⁾).

Пока мы выдемъ въ виду только фондъ общаго ежегоднаго производства, ежегодный процессъ воспроизведенія совершенно повятенъ. Но всѣ составныя части годового производства должны поступить на товарный рынокъ, и здѣсь то и начинаются трудности. Движенія единичныхъ капиталовъ и индивидуальныхъ доходовъ скрещиваются, смѣшиваются, теряются во всеобщемъ перемѣшеніи,—т. е. въ обращеніи общественнаго богатства,—которое затуманиваетъ взоръ и представляетъ весьма запутанныя задачи для изслѣдованій. Въ третьемъ отдѣлѣ второй книги *) я дамъ анализъ дѣйствительнаго процесса. Большая заслуга физиократовъ состоитъ въ томъ, что они въ своемъ «Tableau économi-que» въ первый разъ попытались представить картину годового производства въ той формѣ, въ какой оно выходитъ изъ обращенія³²⁾).

Само собою, впрочемъ, разумеется, что политическая экономія не преминула воспользоваться въ интересахъ класса капиталистовъ теоріей Ад. Смита, утверждающей, что вся часть превращенная въ капиталъ, чистаго продукта, потребляется рабочимъ классомъ.

3. Дѣленіе прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ, Теорія воздержанія.

Въ предыдущей главѣ мы разсматривали прибавочную цѣнность или, что то же самое, прибавочный продуктъ, только какъ индивидуальный потребительный фондъ капиталиста, въ этой же главѣ до сихъ поръ только какъ фондъ накопленія. Но она не представляетъ ни того ни другого фонда, а—оба

³¹⁾ Несмотря на свою «Логикъ» Дж. Ст. Милль нигдѣ даже и не замѣчаетъ столь ошибочнаго анализа своихъ предшественниковъ: между тѣмъ даже при буржуазномъ горизонтѣ, только съ точки зрѣнія спеціалиста, этотъ анализъ безусловно требуетъ поправки. Вездѣ Милль съ школьнымъ догматизмомъ повторяетъ логическую путаницу своихъ учителей. Напримѣръ: «Самый капиталъ послѣ длинной процедуры совершенно превращается въ заработную плату, и когда онъ возобновляется при продажѣ продуктовъ, онъ все-таки снова дѣлается заработной платой».

*) Т. е. во второмъ томѣ. П. С.

³²⁾ Въ изображеніи процесса воспроизведенія, а, слѣдовательно, и накопленія А. Смитъ во многихъ отношеніяхъ не только не двинулся впередъ, но рѣшительно пошелъ назадъ въ сравненіи со своими предшественниками, особенно съ физиократами. Съ его заблужденіемъ, упомянутымъ въ текстѣ, находится въ связи поистинѣ беснованный догматъ, также отъ него унаслѣдованный политической экономіей, что цѣна товаровъ состоитъ изъ заработной платы, дохода (процента) и земельной ренты, т. е. только изъ заработной платы и прибавочной цѣнности. Исходя изъ этого основанія, Шторхъ по крайней мѣрѣ наивно сознаетъ: «Il est impossible de résoudre le prix nécessaire dans les éléments les plus simples». (Storch J. c. Petersb. Edit. 1815, t. I, p. 140. Note. «Невозможно разложить необходимую цѣну на ея простѣйшіе элементы»). Хороша экономическая наука, которая заявляетъ, что невозможно разложить цѣну товаровъ на ея простѣйшіе элементы. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ третьемъ отдѣлѣ второй и въ седьмомъ отдѣлѣ третьей книги. (Т. е. второго и третьего тома. П. С.).

виѣсть. Одна часть прибавочной цѣнности потребляется ²³⁾ капиталистомъ, какъ доходъ, другая употребляется, какъ капиталъ или накопляется.

При данной массѣ прибавочной цѣнности одна изъ этихъ частей тѣмъ больше, чѣмъ меньше другая. При прочихъ равныхъ условіяхъ, отношеніе, въ которомъ происходитъ это дѣленіе, опредѣляетъ величину накопленія. Но произволить это дѣленіе владѣлецъ прибавочной цѣнности—капиталистъ. Оно представляетъ, слѣдовательно, актъ его личной воли. О той части собранной имъ дани, которую онъ накопляетъ, говорится, что онъ ее сберегаетъ, на томъ основаніи, что онъ не продаетъ ея, т. е., потому что онъ исполняетъ свою функцию капиталиста—функцию, состоящую въ самообогащеніи.

Лишь постольку, поскольку капиталистъ представляетъ олицетворенный капиталъ, онъ имѣетъ историческое значеніе и то историческое право на существованіе, которое, по остроумному замѣчанію Лихновскаго, не имѣетъ числа *). Лишь постольку преходящая необходимость его собственнаго существованія заключается въ преходящей же необходимости капиталистическаго способа производства. Но постольку же и побудительнымъ мотивомъ его дѣйствій служить не потребительная дѣятельность и потребление, а ищовая цѣнность и ея увеличеніе. Какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, онъ безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства и, слѣдовательно, къ развитію общественныхъ производительныхъ силъ и къ созданію матеріальныхъ условій производства, которыя одиѣ только и могутъ составить реальное основаніе болѣе высокой общественной формы, основнымъ принципомъ своимъ признающей полное и свободное развитіе каждаго индивидуума. Только какъ олицетвореніе капитала капиталистъ заслуживаетъ почтенія. Въ этой своей роли онъ раздѣляетъ съ собирателемъ сокровищъ абсолютную жажду обогащенія. Но что у того является индивидуальной маніей, то у капиталиста есть дѣйствіе общественнаго механизма, въ которомъ онъ составляетъ только одно колесо. Кромѣ того развитіе капиталистическаго производства дѣлаетъ необходимымъ постоянное увеличеніе капитала. вложеннаго въ промышленное предпріятіе, а конкуренція повелительно диктуетъ каждому индивидуальному капиталисту законы, присущіе капиталистическому способу производства, какъ вѣщныя принудительныя законы. Оно принуждаетъ его постоянно расширять свой капиталъ, чтобы сохранить его, увеличивать же его онъ можетъ только посредствомъ прогрессивнаго накопленія.

²³⁾ Читатель замѣтитъ, что слово доходъ (revenue) употребляется здѣсь въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, для обозначенія прибавочной цѣнности, какъ періодическаго плода капитала, во-вторыхъ, для обозначенія той части этого плода, которая періодически потребляется капиталистомъ или присоединяется къ его потребительному фонду. Я сохраняю этотъ двоякій смыслъ, такъ какъ онъ соответствуетъ употребленію термина у англійскихъ и французскихъ экономистовъ.

*) Въ подлинникѣ: *das, wie der geistreiche Lichnowsky sagt, keinen Datum nicht hat*. Соль этого проныческаго замѣчанія состоитъ, между прочимъ, въ безграмотности, отмѣченной нами курсивомъ. Лихновскій—консервативный депутатъ франфуртскаго національнаго собранія, павшій жертвой знаменитаго политическаго убійства.

Поскольку, слѣдовательно, всё его дѣйствіе и все его бездѣйствіе составляютъ лишь функцію одареннаго въ его лицѣ волей и сознаниемъ капитала, — его собственное личное потребление представляется ему посягательствомъ на накопленіе капитала, подобно тому какъ, напр., въ итальянской бухгалтеріи личныя издержки записываются въ дебетъ капиталиста по отношенію къ капиталу. Накопленіе есть завоеваніе міра общественного богатства. Вѣсть съ массой эксплуатируемаго человѣческаго матеріала оно расширяетъ прямое и косвенное господство капиталиста ²⁴⁾.

Но первородный грѣхъ дѣйствуетъ вездѣ. Съ развитіемъ капиталистическаго способа производства, съ ростомъ накопленія и богатства капиталистъ перестаетъ быть простымъ воплощеніемъ капитала. Онъ чувствуетъ «человѣческую слабость» къ своей плоти и становится настолько образованъ, что осмѣиваетъ, какъ предрасудокъ, аскетизмъ старомоднаго собирателя сокровищъ. Въ то время какъ классическій капиталистъ считаетъ индивидуальное потребление прегрѣ-

²⁴⁾ Въ ростовщикѣ, этой старомодной, но всегда возрождающейся формѣ капиталиста, Лютеръ очень наглядно изображаетъ властолюбіе, какъ элементъ стремленія къ обогащенію *apud saecula saeculorum*. «Язычники могли заключить на основаніи разума, что ростовщикъ четырехжды воръ и разбойникъ. Мы же, хрістіане, такъ ихъ почитаемъ, что едва не молимы за нихъ ради ихъ денегъ... Кто грабитъ, воруетъ, отнимаетъ пищу у другого, тотъ такой же убійца (насколько это отъ него зависитъ), какъ если бы онъ заморилъ кого-нибудь голодомъ или погубилъ окончательно. Все это и дѣлаетъ ростовщикъ, и однако онъ преспокойно сидитъ на своемъ креслѣ, хотя по справедливости онъ долженъ бы висѣть на висѣлицѣ, гдѣ бы его пожирало столько воронъ, сколько онъ украсть золотыхъ, если бы только нашлось на немъ столько мяса, чтобы всѣ вороны могли имъ подѣлиться. Мелкихъ воронъ вѣшаютъ... Мелкіе воры сидятъ въ тюрьмахъ, крупныя же воры щеголяютъ въ золотѣ и шелку... Поэтому вѣтъ на землѣ алчѣйшаго врага челоуѣчества (кромя развѣ дьявола), чѣмъ скряга и ростовщикъ, ибо онъ хочетъ быть Богомъ надъ всѣми людьми. Турки, воины, тираны, все это тоже алчные люди, но они все таки даютъ людямъ жить и сознаніе, что они алчные люди и враги; они могутъ, даже должны иногда жалѣть нѣкоторыхъ людей, ростовщикъ же или скряга хочетъ, чтобы весь міръ для него погибалъ отъ голода, жажды, стужи и печали, всѣ сколько ихъ ни есть, лишь бы онъ одиу имѣлъ все, чтобы вслѣдъ все получалъ изъ его рукъ, какъ отъ Бога, и оставался бы вѣчнымъ его вѣрноподданымъ. Онъ хочетъ носить мапію, золотыя цѣпи, кольца, мить рожу, слыть паломникомъ, важнѣмъ челоуѣкомъ... Ростовщикъ, это большое, огромное чудовище, волкъ, истребляющій все, хуже Какуса, Горгоны или Антуса. И однако онъ парижается и хочетъ быть паломникомъ, чтобы никто не видѣлъ, куда пропадаютъ быки, которыхъ онъ затаскиваетъ вадомъ въ свое логовище. Но Горкудесъ долженъ услышать крикъ быковъ и заключенныхъ, отыскать Какуса, даже между скалами и утесами, и освободить быковъ отъ злодѣя. Ибо Какусомъ называется злодѣй, паломникъ ростовщикъ, который воруетъ, грабитъ и пожираетъ все. И все таки онъ какъ будто ничего не дѣлалъ дурнаго, и никто даже не можетъ обвинить его, ибо онъ тащаль быковъ вадомъ въ свое логовище, и по слѣдамъ ихъ можно думать, что они давно выпущены. Такъ и ростовщикъ хочетъ обмануть весь свѣтъ, показать будто онъ приноситъ пользу и даетъ міру быковъ, которыхъ онъ тащитъ къ собѣ и пожираетъ. И если колесуютъ и обезглавливаютъ разбойниковъ и убійцъ, то во сколько разъ больше слѣдовало бы колесовать, нѣгать, проклинать и обезглавливать всѣхъ ростовщиковъ». (Martin Luther l. c.).

шеніемъ противъ своей функціи и клеймить «воздержаніе» отъ накопленія, современный капиталистъ способенъ видѣть въ накопленіи «отреченіе» отъ личныхъ наслажденій. «Zwei Seelen wohnen, ach, in seiner Brust, die eine will sich von der andern trennen!». («Ахъ, двѣ души живутъ въ его груди, и одна хочетъ разстаться съ другой!»)

Въ началѣ капиталистическаго способа производства—а каждый капиталистическій выскочка индивидуально проходитъ черезъ эту историческую стадию—жажда обогащенія и скупость являются абсолютно господствующими страстями. Но прогрессъ капиталистическаго производства создаетъ не только цѣлый міръ наслажденій, онъ открываетъ, вмѣстѣ со спекуляціей и кредитомъ, тысячи источниковъ быстраго обогащенія. На вѣзвѣстной ступени развитія условная степень расточительности, которая въ то же время служитъ средствомъ оказательства богатства и, слѣдовательно, средствомъ поддержанія кредита, становится даже коммерческой необходимостью для «несчастливаго» капиталиста. Роскошь входитъ въ издержки представительства капитала. Притомъ капиталистъ обогащается, подобно собирателю сокровищъ, не соотвѣтственно своему личному труду или личному воздержанію отъ потребленія, а лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ высасываетъ чужую рабочую силу и выпущдастъ рабочихъ къ отреченію отъ всѣхъ жизненныхъ наслажденій. Хотя, поэтому, расточительность капиталиста никогда не имѣетъ характера той bona fide расточительности, которая отличаетъ разгульнаго феодала, и за нею даже всегда скрывается скорѣе самое грязное ссражничество и самый мелочный расчетъ, тѣмъ не менѣе эта расточительность всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ накопленіемъ, при чемъ оно вовсе не идетъ обязательно въ ущербъ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ благородной душѣ капиталиста развивается фаустовскій разладъ между стремленіемъ къ накопленію и стремленіемъ къ наслажденію.

«Промышленная исторія Манчестера», говорится въ одной брошюрѣ, опубликованной въ 1795 г. докторомъ Аikin'омъ, «можетъ быть раздѣлена на четыре періода. Въ первый періодъ фабриканы принуждены были тяжело бороться за поддержаніе своей жизни». Они въ особенности обогащались обраблываніемъ родителей, которые доставляли имъ своихъ дѣтей въ качествѣ учениковъ (apprentices) и платили за это очень дорого, яжду тѣмъ какъ хозяева морили ученика голодухой. Съ другой стороны, средняя прибыль была низка и накопленіе требовало большой бережливости. Фабриканы жили, какъ собиратели сокровищъ и не потребляли даже процентовъ со своего капитала. «Во второмъ періодѣ они начали пріобрѣтать маленькія состоянія, по все еще работали также усиленно, какъ и прежде», ибо, вѣдь, непосредственная эксплуатація труда стоитъ труда, какъ это знаетъ всякій надсмотрщикъ надъ рабами. «и жили все еще такъ же воздержно, какъ и прежде»... Въ третьемъ періодѣ началась роскошь и операціи стали расширяться, благодаря посылкѣ конныхъ коммивояжеровъ для полученія заказовъ во всѣ города королевства, гдѣ проходили ярмарки. Но всей вѣроятности, до 1690 г. почти или даже вовсе не было капиталовъ отъ 3.000 до 4.000 ф. ст., пріобрѣтенныхъ въ промышленности. Однако уже около этого времени, или нѣсколько позднѣе, промышленники

успѣли накопить деньги и стали строить каменные дома, вмѣсто деревянныхъ или глиняныхъ... Еще въ первыя десятилѣтія XVIII-го столѣтія манчестерскій фабрикантъ, который вздумалъ угостить своихъ гостей пинтой иностраннаго пива, вызвалъ толки сосѣдей, укориженно качавшихъ головой». До появленія машинъ, фабриканты, собираясь въ трактирахъ, никогда не тратили больше 6 пенсовъ за стаканъ пива и 1 пенса за свертокъ табаку. Только въ 1758 г. въ первый разъ увидѣли «одно лицо, участвующее въ промышленности, развѣжающимъ въ собственномъ экипажѣ», и это составило эпоху. Четвертый періодъ, «послѣдняя треть XVIII-го столѣтія», характеризуется «большой роскошью и расточительностью, которая допиралась процвѣтаніемъ промышленности»²⁵⁾. Что сказалъ бы добрый D-r Aikin, если бы онъ въ настоящее время воскресъ изъ мертвыхъ въ Манчестерѣ!

Накопайте, накопайте! Вотъ Моисей и пророки! «Промышленность составляетъ матеріалъ, который бережливость накопляетъ»²⁶⁾. Поэтому сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно большую часть прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта въ капиталъ! Накопленіе для накопленія, производство для производства,—въ этой формулѣ классическая экономія выразила историческое призваніе буржуазнаго періода. Она ни на минуту не обольщалась насчетъ мучительности родовъ богатства²⁷⁾, но что пользы — въ жалобахъ на историческую необходимость? Если пролетарія классическая экономія рассматривала, какъ машину для производства прибавочной цѣнности, то и капиталистъ представлялся ей только машиной для превращенія этой прибавочной цѣнности въ прибавочный капиталъ. Она съ глубочайшей серьезностью смотритъ на его историческую функцію. Чтобы оградить капиталиста отъ зловерной внутренней борьбы между влеченіемъ къ наслажденію и влеченіемъ къ обогащенію, Мальтусъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ этого столѣтія, защищалъ раздѣленіе труда, которое дѣло накопленія предоставляло бы капиталисту, дѣйствительно занимающемуся производствомъ, дѣло же расточенія другимъ участникамъ прибавочной цѣнности, поземельной аристократіи, иппамъ, пользующимся государственными или церковными доходами и т. д. Въ высшей степени важно, по его словамъ, «отдѣлить страсть къ расходованію отъ страсти къ накопленію» («the passion for expenditure and the passion for accumulation»²⁸⁾). Господа капиталисты, данно уже превратившіеся въ свѣтскихъ жуировъ, наслаждающихся жизнью, возопили. Какъ!—восклицалъ одинъ ихъ защитникъ, рикардіанецъ.—господина Мальтусъ проповѣдуетъ высокую поземельную ренту, высокіе

²⁵⁾ Dr. Aikin: «Descriptions of the Country from 30 to 40 miles round Manchester. Lond. 1795», p. 182 sqq.

²⁶⁾ A. Smith l. c. b. III ch. III.

²⁷⁾ Даже J. B Say говорить: «Сбереженія богатыхъ дѣлаются насчетъ бѣдныхъ». «Римскій пролетарій жилъ почти исключительно насчетъ общества... Почти можно сказать, что современное общество живетъ насчетъ пролетаріевъ, на счетъ той части, которую оно беретъ у нихъ изъ платы за трудъ». (Sismondi, «Etudes etc». t. I, p. 24).

²⁸⁾ Malthus l. c. p. 319, 320.

налоги и т. д. для того, чтобы непроеводительные потребители вѣчно стимулировали промышленников! Конечно, производство, производство въ постоянно расширяющихся размѣрахъ, таковъ лозунгъ, но «подобный процессъ (непроеводительное потребление) гораздо болѣе тормозитъ производство, чѣмъ поощряетъ его. При томъ, не совсѣмъ справедливо (nor is it quite fair) поддерживать известное число лицъ въ праздности лишь для того, чтобы прижимать другихъ, изъ характера которыхъ можно заключить («who are likely, from their characters»), что и они могли бы съ пользой функционировать, если бы ихъ заставили функционировать»³⁹⁾. Однако хотя онъ и считаетъ несправедливымъ побуждать промышленнаго капиталиста къ накопленію, силная жиръ съ его супа, въ тоже самое время онъ считаетъ необходимымъ свести плату рабочаго до возможнаго minimum'a, «чтобы поддерживать въ немъ трудолюбіе». При этомъ онъ ни на минуту не скрываетъ, что присвоеніе неоплаченнаго труда составляетъ тайну созданія прибавочной цѣнности. «Усиленный спросъ на трудъ со стороны рабочихъ показываетъ лишь ихъ склонность брать меньше изъ ихъ собственнаго продукта для себя и предоставлять большую долю своимъ предпринимателямъ: и если говорить, что это производить glut (переполненіе рынка, перепроизводство), вслѣдствіе уменьшенія потребления (со стороны рабочихъ), то я на это могу лишь отвѣтить, что (перепроизводство) glut есть синонимъ высокой прибыли»⁴⁰⁾.

Ученое пренебреженіе о томъ, какъ распределить наиболѣе выгодно для накопленія выхвату изъ рабочаго добычу между промышленнымъ капиталистомъ и празднымъ землевладѣльцемъ, прекратилась передъ июльской революціей. Вскорѣ послѣ этого лондонскій городской пролетаріатъ ударилъ въ набатъ, а сельскій пролетаріатъ въ Англіи пустилъ краснаго пѣтуха. По сю сторону канала процвѣталъ овенизмъ, по ту сторону сентъ-симонизмъ и фурьеризмъ. Часъ вульгарной политической экономіи пробилъ. Какъ разъ за годъ до того, какъ Nassau W. Senior открылъ въ Манчестерѣ, что прибыль капиталиста (со включеніемъ процента) есть продуктъ неоплаченнаго «последняго двѣнадцатаго рабочаго часа», онъ возвѣстилъ міру другое свое открытіе. «Я», торжественно сказалъ онъ, «я замѣняю слово капиталъ, разсматриваемый какъ орудіе производства, словомъ «воздержаніе» (Abstinence)⁴¹⁾. Безподобный обращикъ «открытій» вуль-

³⁹⁾ «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand etc.» p. 67.

⁴⁰⁾ I. с. p. 50.

⁴¹⁾ Senior: «Principes fondamentaux de l'Econ. Pol.» trad. Arrivabene. Paris 1836, p. 308. Но этого было уже слишкомъ для послѣдователей старой классической школы. «Господинъ Senior замѣняетъ выраженіе: трудъ и капиталъ, выраженіемъ: трудъ и воздержаніе... Воздержаніе есть простое отрицаніе. Не воздержаніе, а потребление капитала, употребляемаго произвательно, составляетъ источникъ прибыли». (John Cazenove I. с. p. 130, Note). Дж. Ст. Милль, напротивъ, съ одной стороны, выписываетъ теорію прибыли Рикардо, съ другой—принимаетъ «remuneration of abstinence». (награду за воздержаніе) Senior'a. Насколько чуждо ему Герцезевское противорѣчіе, истинный источникъ всякой діалектики, настолько же онъ чувствуетъ себя дома въ плоскихъ противорѣчіяхъ.

Прибавленіе ко 2-му изд. Вульгарные экономисты никогда и не подумали о томъ, что всякое человѣческое дѣйствіе можно представить какъ «воздержаніе» отъ

гарной экономіи! Она замѣняетъ экономическую категорію спокантской фразой. *Voilà tout*. «Когда дикарь дѣлаетъ лукъ», поучаетъ Senior, «онъ, занимается производствомъ, по это не есть «воздержаніе». Это намъ объясняетъ, какъ и почему при ранѣ бывшихъ общественныхъ условіяхъ средства труда производились «безъ воздержанія» со стороны капиталиста. «Чѣмъ больше общество прогрессируетъ, тѣмъ больше воздержанія оно требуетъ» ⁴²⁾, отъ тѣхъ, которые занимаются промышленностью, состоящей въ присвоеніи чужого труда и его продуктовъ. Всѣ условія процесса труда превращаются съ этого времени въ различные способы воздержанія капиталиста. Хлѣбныя зерна не только сѣются, но и заставляются, благодаря воздержанію капиталиста! Вину даютъ время перебродить — благодаря воздержанію капиталиста ⁴³⁾! Капиталистъ обкрадываетъ свою собственную плоть, «ссушая рабочаго орудіями производства» (!), т. е., другими словами, онъ превращаетъ ихъ въ капиталъ, присоединяя къ нимъ рабочую силу, вмѣсто того, чтобы самому сѣсть эти паровыя машины, хлопъкъ, желѣзныя дороги, удобреніе, ломовыхъ лошадей или, по ребяческому представленію вульгарной экономіи, промотать «ихъ дѣйность» на предметы роскоши и другія средства потребленія ⁴⁴⁾. Какимъ образомъ можетъ это сдѣлать классъ капиталистовъ—остается до сихъ поръ упрямно сохраняемой тайной вульгарной экономіи. Словомъ, міръ только и существуетъ благодаря самобичеванію капиталиста, этого современнаго послѣдователя Вишну. Не только накопленіе, даже простое «сохраненіе капитала требуетъ постоянныхъ усилій для того, чтобы устоять передъ искушеніемъ потратить его» ⁴⁵⁾. Такимъ образомъ простая гуманность, очевидно, повелѣваетъ избавить капиталиста отъ мучений и искушенія, такимъ же способомъ, какимъ еще недавно рабовладѣльцы Георгіи, благодаря уничтоженію рабства, были избавлены отъ мучительной дилеммы: промотать ли на шампанское весь прибавочный продуктъ, выколоченный изъ негровъ-невольниковъ, или же вновь превратить часть его въ негровъ и землю.

его противоположности. Быть—значитъ воздерживаться отъ пощенія, ходить—воздерживаться отъ стоянія; работа—воздержаніе отъ правды, праздность—воздержаніе отъ работы и т. д. Этими господамъ слѣдовало бы подумать надъ изреченіемъ Спинозы: *Determinatio est negatio*.

⁴²⁾ Senior l. c. p. 342.

⁴³⁾ «Никто не станетъ сѣять своей пшеницы и не дастъ ей пролежать въ землѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, и никто не оставитъ своего вина въ погребѣ вмѣсто того, чтобы сразу потратить эти продукты или ихъ эквиваленты, если не рассчитываетъ получить добавочную цѣнность». (Scrope: «Polit. Econ». edit A. Potter, New-York 1841, p. 133, 134).

⁴⁴⁾ «Это лишеніе, на которое обрѣкаетъ себя капиталистъ, ссушая рабочему свои орудія производства, вмѣсто того, чтобы воспользоваться ихъ цѣнностью для собственнаго употребленія и удовольствія». (G. de Molinari l. c. p. 49). «Ссушать» есть испытанный аффемвизъ вульгарной экономіи, позволяющій ей отождествлять пламеннаго рабочаго, эксплуатируемаго промышленнымъ капиталистомъ, съ самымъ промышленнымъ капиталистомъ, берущимъ въ залпы у капиталистовъ, ссушающихъ деньги.

⁴⁵⁾ «Сохраненіе капитала требуетъ... постоянныхъ усилій, чтобы противостоять искушенію потратить его». (Courceuil-Senelles l. c. p. 57).

Въ самыхъ различныхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ происходитъ не только простое воспроизведеніе, но и воспроизведеніе въ расширяющихся размѣрахъ, правда, въ различной степени. Прогрессивно возрастаетъ производство и потребленіе, и, слѣдовательно, большее количество продукта превращается въ средства производства. Но этотъ процессъ не является накопленіемъ капитала и не составляетъ, поэтому, функціи капиталиста до тѣхъ поръ, пока рабочему его средства производства, а слѣдовательно, и его продуктъ, и его средства существованія не противостоятъ въ формѣ капитала ⁴⁶⁾. Недавно умершій Richard Jones, преемникъ Мальтуса на кафедрѣ политической экономіи въ оxfordской коллегіи въ Haileybury, хорошо выясняетъ это на двухъ крупныхъ фактахъ. Такъ какъ наибольшая часть индійскаго населенія состоитъ изъ крестьянъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство, то ихъ продукты, ихъ средства труда и существованія никогда не существуютъ «въ формѣ» («in the shape») фонда, сбереженнаго изъ чужого дохода (saved from Revenue) в прошлаго поэтому предварительный процессъ накопленія («a previous process of accumulation» ⁴⁷⁾). Съ другой стороны, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ англійское господство всего менѣе разложило старую систему, безземельные рабочіе получаютъ работу прямо отъ вельможъ, которые получаютъ часть земледѣльческаго прибавочнаго продукта въ видѣ даней или поземельной ренты. Одна часть этого продукта потребляется вельможами въ натуральномъ видѣ, другая часть превращается для нихъ рабочими въ предметы роскоши и иные предметы потребленія, остатокъ же составляетъ плату рабочимъ, которые сами являются собственниками своихъ орудій труда. Производство и воспроизведеніе въ расширяющихся размѣрахъ идутъ здѣсь своимъ чередомъ безъ всякаго вышаташества пресловутаго чудотворца, этого рыцаря печальнаго образа, «воздерживающагося» капиталиста.

4. Обстоятельства, опредѣляющія размѣръ накопленія, независимо отъ раздѣленія прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ: степень эксплуатаціи рабочей силы. — Производительная сила труда. — Возрастающая разница между потребляемымъ и потребляемымъ капиталомъ — Величина авансированнаго капитала.

Если дано отношеніе, въ которомъ прибавочная цѣнность дѣлится на капиталъ и доходъ, то величина накопляемаго капитала, очевидно, зависить отъ

⁴⁶⁾ Особые виды дохода, которые болѣе всего содѣйствуютъ увеличенію національнаго капитала, измѣняются въ различныхъ стадіяхъ развитія, и поэтому совершенно различны у народовъ, занимающихъ различныя мѣста въ процессѣ этого развитія. Прибыль... на раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія представляетъ незначительный источникъ накопленія, сравнительно съ заработной платой и рентой... Когда силы національной промышленности дѣйствительно значительно развились, то относительное значеніе прибыли, какъ источника накопленія, возрастаетъ». (Richard Jones: «Textbook etc.» p. 16, 21).

⁴⁷⁾ I. с. p. 36 84. [Къ 4-му изд.—Должно быть здѣсь опечатка, такъ какъ эта цитата не была найдена въ указанномъ Марксомъ сочиненіи. Ф. Э.].

абсолютной величины прибавочной цѣнности. Допустимъ, что 80% капиталъ-заврываются, а 20% потребляются; тогда накопленный капиталъ составитъ 2.400 ф. ст., или 1.200 ф. ст., смотря по тому, составляетъ ли совокупная прибавочная цѣнность 3.000 или 1.500 ф. ст. Поэтому въ опредѣленіи величины накопленія участвуютъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя опредѣляютъ массу прибавочной цѣнности. Здѣсь мы еще разъ рассмотримъ ихъ всѣ вкѣстѣ, но лишь настолько, насколько онѣ представляютъ намъ съ новыхъ сторонъ явленія накопленія.

Напомнимъ, что уровень прибавочной цѣнности прежде всего зависитъ отъ степени эксплуатаціи рабочей силы. Политическая экономія придаетъ этой роли такое значеніе, что при случаѣ отождествляетъ ускореніе накопленія вслѣдствіе повышенія производительности труда съ его ускореніемъ вслѣдствіе увеличенія эксплуатаціи рабочихъ ⁴⁶⁾. Въ отдѣлѣ о производствѣ прибавочной цѣнности мы постоянно предполагали, что заработная плата, по крайней мѣрѣ, равна цѣнности рабочей силы. Но насильственное низведеніе заработной платы ниже уровня этой цѣнности играетъ на практикѣ слишкомъ важную роль для того, чтобы мы не остановились пѣскольکو на немъ. Оно превращаетъ фактически, въ извѣстныхъ предѣлахъ, необходимый потребительный фондъ рабочаго въ фондъ накопленія капитала.

«Заработная плата,—говоритъ Дж. Ст. Милль,—вовсе не имѣетъ производительной силы: это лишь цѣна производительной силы; заработная плата, рядомъ съ трудомъ, такъ же мало содѣйствуетъ товарному производству, какъ и цѣна самихъ машинъ. Если бы можно было получать трудъ, не покупая его, то заработная плата была бы лишней» ⁴⁷⁾. Но еслибы рабочіе могли питаться воздухомъ, то ихъ нельзя было бы купить ни за какую цѣну. Ихъ нулевая стоимость составляетъ, слѣдовательно, предѣлъ въ математическомъ смыслѣ: она всегда есть нѣчто недостижимое, хотя къ ней постоянно можно приближаться. Постоянная тенденція капитала состоитъ въ низведеніи рабочихъ до такого экономическаго небытія. Часто мною цитируемый писатель XVIII-го столѣтія, авторъ «*Essay on Trade and Commerce*», разоблачаетъ лишь самую современную тайну англійскаго капитала, когда говоритъ, что историческая ладья Англіи состоитъ въ пониженіи заработной платы до французскаго и голландскаго

⁴⁶⁾ Рикардо говоритъ: «Въ различныхъ стадіяхъ общественнаго развитія накопленіе капитала или средствъ для приложенія труда (т. е. для его эксплуатаціи) происходитъ болѣе или менѣе быстро и всегда должно зависетьъ отъ производительныхъ силъ труда. Производительныя же силы труда вообще всего значительнѣе тамъ, гдѣ есть изобиліе плодородной почвы. Если въ этомъ разсужденіи производительныя силы труда означаютъ «незначительность доли каждаго продукта, приходящейся на долю тѣхъ, ручиѣй трудъ которыхъ его производятъ, то разсужденіе это представляетъ простую тавтологію, ибо остальная часть образуетъ фондъ, изъ котораго, если владѣлецъ пожелаетъ («if the owner pleases») можетъ быть извлеченъ капиталъ. Но это, по большей части, не бываетъ тамъ, гдѣ почва наиболѣе плодородна». («*Observations on certain verbal disputes etc.*» p. 74, 75).

⁴⁷⁾ J. St. Mill: «*Essays on some unsettled Questions of Polit. Economy*. Lond. 1841», p. 90.

уровня ⁵⁰⁾. Между прочимъ онъ наивно замѣчаетъ: «Если наши бѣдные (техническій терминъ для обозначенія рабочихъ) захотятъ жить роскошно... то ихъ трудъ, конечно, будетъ дорогъ... Взглянемъ только на ужасающее количество излишнихъ вещей («*heap of superfluities*»), потребляемыхъ нашими мануфактурными рабочими, какъ-то: водка, джинъ, сахаръ, низменные фрукты, крѣпкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табакъ и т. п.» ⁵¹⁾. Онъ цитируетъ брошюру одного нортгемптонширскаго фабриканта, который, поднявъ очи горѣ, жалуется: «Трудъ на дѣлую треть дешевле во Франціи, чѣмъ въ Англіи, потому что французскіе бѣдняки усилебно работаютъ, а питаются и одѣваются очень скудно; главную пищу ихъ составляютъ хлѣбъ, плоды, овощи, коренья и сушеная рыба, ибо они очень рѣдко ѣдятъ мясо, а когда пишенца дорога, то очень мало и «хлѣба» ⁵²⁾. «Къ этому надо еще прибавить, продолжаетъ нашъ эссеистъ, что пьютъ они только воду или тому подобныя слабыя напитки, такъ что они дѣйствительно тратятъ поразительно мало денегъ... Подобный, порядокъ вещей, конечно, трудно ввести, но онъ не недостижимъ, какъ это убѣдительно доказываетъ его существованіе во Франціи и въ Голландіи» ⁵³⁾. Двадцать лѣтъ спустя одинъ американскій шарлатанъ, вновь перепеченный баронъ изъ янки, Benjamin Thomson (иначе графъ Rumford), развилъ такія же филантропическія идеи. Его «*Essays*» представляютъ поваренную книгу со всевозможными рецептами суррогатовъ въ замѣнъ обыкновенныхъ, болѣе дорогихъ, кушавій рабочаго. Вотъ особенно удачный рецептъ этого удивительнаго философа: «Пять фунтовъ ячменя, пять фунтовъ маиса, на три пенса селедокъ, на 1 п. соли, на 1 п. уксуса, на 2 п. перцу и зелени,—всего на 20^{3/4} пенса—вылѣзетъ похлебка на 64 человѣкъ; при средней цѣнѣ хлѣба издержки

⁵⁰⁾ An Essay on Trade and Commerce. Lond. 1770, p. 44. Въ декабрѣ 1866 и январѣ 1867 г. въ Times'ѣ были помѣщены аналогичныя сѣтованія англійскихъ владѣльцевъ копей; они описывали счастливое положеніе бельгійскихъ горнорабочихъ, требующихъ и получающихъ лишь столько, сколько безусловно необходимо для того, чтобы жить для своихъ «*masters*» (хозяевъ). Бельгійскіе рабочіе многое терпятъ, но фигурировать въ Times'ѣ въ качествѣ образцовыхъ рабочихъ—это чего-нибудь, да стоитъ! Стачка бельгійскихъ горнорабочихъ въ Marchiennes въ февралѣ 1867 г. подавленная свинцомъ и порохомъ, была отвѣтомъ на эту рекомендацію.

⁵¹⁾ I. с. p. 44, 46.

⁵²⁾ Фабрикантъ изъ Northamptonshire совершаетъ здѣсь нѣкоторую *piâ fraus* (благочестивый подлогъ), что можно пазнать сердечнымъ порывомъ. Онъ сравниваетъ, якобы, жизнь англійскихъ и французскихъ мануфактурныхъ рабочихъ, но въ только что приведенныхъ словахъ изображаетъ жизнь французскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, какъ въ послѣдствіи самъ сознается.

⁵³⁾ I. с. p. 70, 71. Примѣчаніе къ 3-му параграфу. Въ настоящее время мы, благодаря установившейся конкуренціи на мировомъ рынкѣ, пошли уже гораздо дальше. «Если Китай, объясняетъ членъ парламента Stapleton своимъ набирателямъ, станетъ страпою крупной промышленности, то я не представляю себѣ, какимъ образомъ европейское рабочее населеніе въ состояніи будетъ выдерживать конкуренцію, не понимая своихъ потребностей до уровня своихъ конкурентовъ.» (Times, 3 Sept. 1873). Не континентальная, а китійская заработная плата составляетъ уже теперь желанную цѣль англійскаго капитала.

на одного человѣка могутъ быть уменьшены до $\frac{1}{4}$ пенса» ⁵⁴). Съ прогрессомъ капиталистическаго производства фальсификація товаровъ сдѣлала излишнимъ идеалъ Thomson'a ⁵⁵).

Въ концѣ XVIII-го и въ первыя десятилѣтія XIX-го столѣтія англійскіе фермеры и лэндлорды добились минимальной заработной платы тѣмъ, что они платили земледѣльческимъ рабочимъ меньше *minimum'a* въ формѣ заработной платы, остальное же давали въ формѣ вспоможенія отъ прихода. Вотъ примѣръ шутовства, которое проявили англійскіе Dogberries, устанавливая легальный тарифъ заработной платы. «Когда сквайры устанавливали въ 1795 г. въ *Spreehamland'a* заработную плату, они, конечно, пообѣдали, во, повидимому, они полагали, что рабочимъ этого не нужно... Они рѣшили, что нелѣпная заработная плата должна составлять 3 шилл. на душу, если хлѣбъ вѣсомъ въ 8 ф. 11 унцій стоитъ 1 шилл., и что плата должна равномерно возрастать, пока цѣна такого хлѣба дойдетъ до 1 шилл. 5 пенса. Когда цѣна хлѣба превышаетъ эту цифру, то заработная плата должна пропорціонально понижаться до тѣхъ поръ, пока цѣна хлѣба не достигнетъ 2 шилл., и тогда количество пищи каждаго человѣка уменьшится на $\frac{1}{3}$ противъ прежняго» ⁵⁶). Передъ комиссіей палаты лордовъ вѣкій А. Bennet, крупный фермеръ, судья, смотритель дома для бѣдныхъ и лицо заведующее установленіемъ заработной платы на вопросъ: «Соблюдается ли какая-либо пропорція между цѣнностью дневного труда рабочихъ и вспоможеніемъ отъ прихода?» отвѣтилъ: «Да. Къ номинальной платѣ рабочаго приписывается столько, чтобы нелѣпный доходъ каждаго семейства равнялся цѣнѣ галлопнаго короваго хлѣба (8 ф. 11 унц.) и 3 пенс. на душу... Мы полагаемъ, что такого хлѣба

⁵⁴) Benjamin Thomson: «Essays, political, economical, and philosophical etc. vol. Lond. 1796—1802». vol. I, p. 288. Въ своемъ «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.» Sir F. M. Eden настоятельно рекомендуетъ нищенскую похлебку Румфорда смотрителямъ рабочихъ домовъ и съ укоризной говоритъ англійскимъ рабочимъ, что «среди плотниковъ есть много семействъ, питающихся въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, вѣсто мяса, пшеницы и ржи, ячменной мукой и овсяной крупой, смѣшанной только съ водой и солью, и несмотря на это живущихъ даже очень комфортабельно» («and that very comfortably too») (l. c. v. I b. II ch. II p. 503). Подобныя же указанія мы встрѣчаемъ и въ XIX-мъ столѣтіи. «Англійскіе земледѣльческіе рабочіе», «не хотяя употреблять въ пищу никакихъ новыхъ сортовъ ржи. Въ Шотландіи, гдѣ воспитаніе лучше, этотъ предразсудокъ, вѣроятно, неизвестенъ». (Charles H. Parry M. D. «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered. Lond. 1816», p. 69). Тотъ же Parry жалуется, однако, что теперь (1815) англійскіе рабочіе сильно опустились по сравнению съ временами Eden'a (1797).

⁵⁵) Изъ отчетовъ послѣдней парламентской комиссіи о фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ видно, что даже подѣлка меднаментовъ составляетъ въ Англіи не исключеніе, а общее правило. Напр., при изслѣдованіи 34 пробъ опиума, купленныхъ въ различныхъ лондонскихъ аптекахъ, 31 оказался съ прѣвѣсью маковыхъ головокъ, пшеничной муки, камеди, глины, песку и т. д. Многія не содержали ни одного атома морфина.

⁵⁶) G. B. Newnham (barrister at law): «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws. Lond. 1815», p. 28, Note.

достаточно для пропитанія каждого члена семейства въ продолженіе недѣли, а 3 пенса остаются на одежду; если же приходу угодно самому вылавать одежду, то онъ вычитаетъ эти 3 пенса. Обычай этотъ господствуетъ не только во всемъ западномъ Wiltshire'ѣ, но, я полагаю, и во всей странѣ»⁸⁷⁾. «Такимъ образомъ, восклицаетъ одинъ буржуазный писатель того времени, фермеры въ продолженіи многихъ лѣтъ деградировали почтенный (respectable) классъ своихъ соотечественниковъ, принуждая ихъ прибѣгать къ помощи работнаго дома (дома трудолюбія)... Фермеръ увеличивалъ свою собственную прибыль, препятствуя рабочимъ накапливать даже самый необходимый потребительный фондъ»⁸⁸⁾. Мы уже видѣли, хотя бы на примѣрѣ такъ называемой домашней промышленности, (гл. XV, 8, с.), какую роль въ образованіи прибавочной цѣнности, а слѣдовательно, и фонда накопленія капитала играетъ въ настоящее время прямой грабежъ необходимаго потребительнаго фонда рабочаго. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы приведемъ еще другіе факты того же рода.

Хотя во всѣхъ отрасляхъ промышленности та часть постояннаго капитала, которая состоитъ изъ орудій труда, должна быть достаточна для даннаго числа рабочихъ, опредѣляемаго размѣрами предпріятія, но она вовсе не должна непремѣнно возрастать пропорціонально количеству употребляемаго труда. Положимъ, на какой нибудь фабрикѣ сто рабочихъ при восьмичасовомъ трудѣ составляютъ 800 рабочихъ часовъ. Если капиталистъ захочетъ увеличить эту сумму на половину, онъ можетъ нанять новыхъ 50 рабочихъ: но тогда онъ долженъ авансировать еще новый капиталъ не только на заработную плату, но и на орудія труда. Но онъ можетъ также заставить прежнихъ 100 рабочихъ работать вмѣсто 8 часовъ 12 и тогда достаточно будетъ уже имѣющихся въ наличности орудій труда, только они будутъ быстрѣ потребляться. Такимъ образомъ, добавочный трудъ, получаемый вслѣдствіе большаго напряженія рабочей силы, можетъ увеличивать прибавочный продуктъ или прибавочную цѣнность, субстанцію накопленія, безъ соотвѣстственнаго увеличенія постоянной части капитала.

Въ экстрактивной промышленности, въ горномъ промыслѣ, напр., сырой матеріалъ не входитъ въ составъ авансируемаго капитала. Объектъ труда здѣсь не есть продуктъ предыдущаго труда, но представляетъ даръ природы. Таковы руды, минералы, уголь, камни и т. д. Здѣсь постоянный капиталъ состоитъ почти исключительно изъ орудій труда, которыя отлично могутъ выдержать большее количество труда (при примѣненіи, напр., дневныхъ и ночныхъ сѣнъ рабочихъ). При прочихъ равныхъ условіяхъ количество и цѣнность продуктовъ будетъ, однако, возрастать прямо пропорціонально примѣняемому труду. Здѣсь, какъ и въ первый день, производства первоначальные создатели продукта, являющіеся в со-

⁸⁷⁾ I. с. p. 19. 20.

⁸⁸⁾ Ch. N. Pary I. с. p. 77, 69. Господа лэндлорды, въ свою очередь, не только «авопградили» себя за антиякобинскую войну, которую они вези отъ имени Англіи, но еще страшно обогатились. «Ренты ихъ удвоились, утроились, учетверились и даже въ исключительныхъ случаяхъ ушестерились въ продолженіе 18 лѣтъ». (I. с. p. 100, 101).

зидателями вещественныхъ элементовъ капитала.—человѣкъ и природа идутъ постоянно рука объ руку. Благодаря эластичности рабочей силы, область накопленія расширяется безъ предварительнаго увеличенія постоянного капитала.

Въ земледѣліи нельзя расширять площадь обрабатываемой земли, не авансируя добавочныхъ сѣмянъ и удобреній. Но разъ эти затраты сдѣланы,—даже чисто механическая обработка земли производитъ чудотворное дѣйствіе на массу продуктовъ. Большее количество труда, доставляемое прежнимъ числомъ рабочихъ, увеличиваетъ такимъ образомъ плодородіе, не требуя для этого новыхъ затратъ на орудія труда. Здѣсь опять такъ прямое воздѣйствіе человѣка на природу становится, помимо участія новаго капитала, непосредственнымъ источникомъ растущаго накопленія.

Наконецъ, въ промышленности изъ собственнаго смысла, каждый добавочный расходъ на трудъ предполагаетъ соответственный добавочный расходъ на сырые матеріалы, но отнюдь не всегда—на орудія труда. А такъ какъ экстрактивная промышленность и земледѣліе доставляютъ обрабатывающей промышленности ея сырой матеріалъ, а также и матеріалъ ея орудій труда, то и добавочное количество продукта первыхъ двухъ отраслей промышленности, произведенное безъ затраты добавочнаго капитала, идетъ на пользу и обрабатывающей промышленности.

Общій результатъ таковъ: присвоивая себѣ оба первоначальные источника богатства—рабочую силу и землю, капиталъ пріобрѣтаетъ силу растяжнія, позволяющую ему расширять элементы своего накопленія далеко за предѣлы, повидимому, положенные ему его собственной величиной, т. е. цѣнностью и массой тѣхъ, уже произведенныхъ средствъ производства, въ которыхъ воплощается его бытіе.

Другимъ важнымъ факторомъ накопленія капитала является степень производительности общественнаго труда.

Вмѣстѣ съ производительностью труда возрастаетъ масса продуктовъ, въ которой выражается извѣстная цѣнность, а слѣдовательно, и прибавочная цѣнность данной величины. Если уровень прибавочной цѣнности не измѣняется или даже падаетъ, но только—медленнѣе, чѣмъ возрастаетъ производительность труда, то масса прибавочнаго продукта увеличивается. Поэтому, при неизмѣняющемся дѣленіи послѣдняго на доходъ и добавочный капиталъ, потребление капиталиста можетъ расти безъ того, чтобы фондъ накопленія уменьшался. Относительная величина фонда накопленія можетъ даже возрастать вѣсѣтъ потребительнаго фонда, такъ какъ удешевленіе товаровъ даетъ капиталисту столько же предметовъ непосредственнаго потребленія (*Genussmittel*), сколько и прежде, и даже больше. Но рука объ руку съ возрастаніемъ производительности труда идетъ, какъ мы видѣли, удешевленіе рабочаго и, стало быть, и возрастаніе уровня прибавочной цѣнности, даже въ томъ случаѣ, если реальная заработная плата повышается. Она никогда не повышается пропорціонально возрастанію производительности труда. Та же самая цѣнность, заключающаяся въ пережѣнномъ капиталѣ, приводитъ, такимъ образомъ, въ движеніе большую рабочую силу и, стало быть, больше труда. Та же самая цѣнность, заключающаяся

въ постоянномъ капиталѣ, выражается въ большемъ количествѣ средствъ производства, т. е. въ большемъ количествѣ орудій труда, рабочаго матеріала и вспомогательныхъ веществъ, доставляетъ, слѣдовательно, большее количество элементовъ, образующихъ какъ продуктъ, такъ и цѣнность, т. е. всасывающихъ трудъ. При неизмѣняющейся и даже уменьшающейся цѣнности добавочнаго капитала происходитъ, поэтому, ускоренное накопленіе. Происходитъ не только матеріальное расширеніе размѣровъ воспроизведенія, но и производство прибавочной цѣнности возрастаетъ быстрее, чѣмъ цѣнность добавочнаго капитала.

Развитіе производительной силы труда дѣйствуетъ также на первоначальный капиталъ или на капиталъ, уже находящійся въ процессѣ производства. Часть функціонирующаго постоянного капитала состоитъ изъ орудій труда, каковы машины и т. д., которыя потребляются и поэтому воспроизводятся или замѣняются новыми экземплярами того же рода только въ болѣе длинные періоды. Но каждый годъ часть этихъ орудій труда отмираетъ или достигаетъ конечной цѣли своей производительной функціи. Поэтому каждый годъ часть эта находится въ стадіи своего періодическаго воспроизведенія, или своего замѣщенія новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда увеличивается въ самомъ мѣстѣ рожденія этихъ орудій труда,—а она развивается постоянно вмѣстѣ съ непрерывнымъ движеніемъ наукъ и техники,—то болѣе производительныя и, по отношенію къ размѣрамъ своей производительности, болѣе дешевыя машины, инструменты, аппараты и т. н. становятся на мѣсто старыхъ. Преставъ капиталъ воспроизводится въ болѣе производительной формѣ, независимо отъ постоянныхъ частичныхъ измѣненій въ наличныхъ орудіяхъ труда. Другая часть постоянного капитала, сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества, постоянно воспроизводятся въ продолженіе года, если же они земледѣльческаго происхожденія, то, по большей части, ежегодно. Каждое введеніе усовершенствованныхъ методовъ дѣйствуетъ здѣсь, такимъ образомъ, почти одновременно какъ на добавочный капиталъ, такъ и на функціонирующій уже капиталъ. Каждый прогрессъ химіи не только увеличиваетъ количество полезныхъ веществъ и способы приложенія уже извѣстныхъ, расширяя, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ капитала и сферу его приложенія, — онъ учитъ въ то же время возвращать экскременты процессовъ производства и потребленія въ круговоротъ процесса воспроизведенія, создаетъ, слѣдовательно, новый матеріалъ для капитала безъ предварительной затраты его. Аналогично увеличенію эксплуатаціи природныхъ богатствъ простымъ повышеніемъ напряженія рабочей силы,—наука и техника увеличиваютъ силу распредѣленія—капитала, независимо отъ данной величины уже функціонирующаго капитала. Наука въ то же время воздѣйствуетъ и на ту часть первоначальнаго капитала, которая вступила въ стадію своего возобновленія. Капиталъ даромъ собираетъ въ свою новую форму весь тотъ общественный прогрессъ, который совершился за спиной его старой формы. Правда, это развитіе производительной силы сопровождается въ то же время частичнымъ обезцѣненіемъ функціонирующихъ капиталовъ. Если это обезцѣненіе даетъ себя сильно чувствовать посредствомъ конкуренціи, то тяжесть его обрушивается, главнымъ образомъ, на рабочихъ, повышенной эксплуатаціей которыхъ капиталистъ старается вознаградить себя за свои потери.

Трудъ переносить на продуктъ цѣнности потребленныхъ имъ средствъ производства. Съ другой стороны, цѣнность и масса средствъ производства, приводимыхъ въ движеніе даннымъ количествомъ труда, возрастаетъ пропорціонально увеличенію производительности труда. Если, такимъ образомъ, одно и то же количество труда прибавляетъ своимъ продуктамъ всегда лишь одно и то же количество цѣнности, то зато прежняя капитальная цѣнность, переносимая на нихъ трудомъ въ это время, возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда.

Если англійскій и китайскій прядильщики, напр., будутъ работать одно и то же число часовъ съ одинаковой интенсивностью, то они оба произведутъ въ недѣлю равныя цѣнности. Несмотря на это равенство, существуетъ громадная разница между цѣнностью недѣльного продукта англичанина, работающаго при помощи мощнаго автомата, и китайца, работающаго только самопрядкой. Въ то самое время, въ которое китаецъ выпрямляетъ одинъ фунтъ хлопка, англичанинъ выпрямляетъ нѣсколько сотенъ фунтовъ хлопка. Въ нѣсколько сотъ разъ большая сумма прежнихъ цѣнностей увеличиваетъ цѣнность его продукта, въ которомъ цѣнности эти сохраняются въ новой полезной формѣ и, такимъ образомъ, снова могутъ функционировать какъ капиталъ. «Въ 1782 г.,—сообщаетъ намъ Ф. Энгельсъ,—вся шерсть, собранная въ три предыдущіе года (въ Англіи) оставалась необработанною вслѣдствіе недостатка рабочихъ и пролежала бы, можетъ быть, еще долго, если бы не явилась на помощь вновь изобрѣтенная машина и не выпряла всей этой шерсти»⁵⁹). Трудъ, олицетворенный въ машинахъ, не создавалъ, конечно, непосредственно людей изъ земли, но онъ давалъ возможность незначительному числу рабочихъ, прибавкою, сравнительно, небольшого количества живого труда, не только производительно потребить шерсть и прибавить къ ней новую цѣнность, но и сохранять также ея прежнюю цѣнность въ формѣ пряжи и т. д. Этими самымъ онъ въ то же время доставилъ средства для воспроизведенія шерсти въ болѣе широкихъ размѣрахъ и поощрялъ къ нему. Способность сохранять прежнюю цѣнность, создавая новую, есть даръ, которымъ природа надѣлила живой трудъ. Съ возрастаніемъ производительности, размѣровъ и цѣнности средствъ производства, т. е. съ накопленіемъ, сопровождающимъ развитіе производительной силы труда, послѣдній сохраняетъ и увеличиваетъ постоянно въ новыхъ формахъ все возрастающую капитальную цѣнность⁶⁰). Эта естественная сила труда сказыв-

⁵⁹) F. Engels; «Lage der arbeitenden Klasse in England», p. 20.

⁶⁰) Недостаточно анализируя процессъ труда и процессъ производства прибавочной цѣнности, классическая экономія никогда не понимала этого важнаго момента воспроизведенія, какъ мы это видимъ, напр., у Рикардо. Какъ бы ни цѣплялась производительная сила,—говоритъ онъ,—милліонъ людей производитъ на фабрикахъ всегда одну и ту же цѣнность». Это справедливо при данной продолжительности и интенсивности ихъ труда. Но это, однако, не мѣшаетъ тому,—и Рикардо въ нѣкоторыхъ заключеніяхъ упускаетъ это изъ виду,—чтобы милліонъ людей при равной производительности своего труда превращалъ въ продуктъ различныя массы средствъ производства и сохранялъ, поэтому, въ продуктѣ весьма различныя массы цѣнности, а это значитъ, что и цѣнности доставляемаго имъ продукта мо-

пается какъ сила самосохраненія капитала, которому она подчинена, точно такъ же, какъ общественныя производительныя силы труда являются каче-

гуть быть весьма различны. Между прочимъ, Рикардо совершенно напрасно старается на вышеприведенномъ примѣрѣ уяснить J. B. Say различіе между потребительною цѣнностью (которую онъ называетъ здѣсь *wealth*, матеріальнымъ богатствомъ) и мѣновой цѣнностью. Say отвѣчаетъ: «Что касается затрудненія, которое отмѣчаетъ Рикардо, говоря, что при болѣе усовершенствованныхъ способахъ мплатіонъ людей можетъ произвести вдвое, втрое больше богатства, не производя больше цѣнностей, то затрудненіе это исчезаетъ, если мы будемъ разсматривать, какъ это и подобаетъ, производство, какъ обмѣнъ, въ которомъ мы отдаемъ производительныя услуги своего труда, своей земли и своихъ капиталовъ для полученія продуктовъ. Посредствомъ этихъ производительныхъ услугъ мы приобретаемъ всѣ продукты въ мірѣ. Но... мы тѣмъ богаче, наши производительныя услуги имѣютъ тѣмъ большую цѣнность, тѣмъ больше полезныхъ вещей мы получаемъ за нихъ въ обмѣнъ, называемомъ производствомъ» (J. B. Say: «Lettres à Malthus. Paris 1820», p. 168, 169). «Затрудненіе» (*difficulté*), которое долженъ объяснить Say,—оно существуетъ для него, но не для Рикардо,—состоитъ въ слѣдующемъ: отчего не увеличивается цѣнность полезныхъ, когда возрастаетъ количество ихъ вслѣдствіе увеличенія производительности труда? Отвѣтъ Сая: затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что потребительную цѣнность или полезность онъ называетъ мѣнковою. Мѣновая цѣнность это такая вещь, которая one way or another (тѣмъ или другимъ путемъ) находится въ связи съ обмѣномъ. Если мы, поэтому, назовемъ производство «обмѣномъ» труда и средствъ производства на продуктъ, то ясно какъ день, что мы получимъ тѣмъ больше мѣновыхъ цѣнностей, чѣмъ больше потребительныхъ цѣнностей доставляетъ намъ производство. Другими словами: чѣмъ больше потребительныхъ цѣнностей, напр., чулковъ, доставляетъ одинъ рабочій день чулочному фабриканту, тѣмъ онъ богаче чулками. Но иудрей Сая приходится въ голову, что «при большемъ количествѣ чулковъ «цѣна» ихъ (которая, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ мѣнковою цѣнностью) падаетъ, «потому что конкуренція заставляетъ ихъ (производителей) отдавать продукты за то, во что они имъ обходятся». Но откуда же берется прибыль, если капиталістъ продаетъ товары по той цѣнѣ, по какой они обходятся ему самому? Но однако, *never mind* (ничего!). Сэй объявляетъ, что вслѣдствіе увеличенія производительности, каждый получаетъ теперь двѣ пары чулокъ вмѣсто прежней одной пары и т. д. Результатъ, къ которому онъ приходитъ, есть именно то положеніе Рикардо, которое онъ хотѣлъ опровергнуть. Послѣ этого сильнаго умственного напряженія онъ поучаетъ Мальтуса слѣдующими словами: «Такова, нелогичный государь, послѣдовательная и связанная доктрина, безъ которой невозможно, я утверждаю это, рѣшить самыя трудныя задачи политической экономіи и въ особенности то, какими образомъ возможно, чтобы нація была богаче, когда уменьшается цѣнность ея продуктовъ, хотя богатство состоитъ изъ цѣнностей» (l. c. p. 170). Одинъ англійскій экономистъ замѣчаетъ по поводу подобныхъ фокусовъ въ «Письмахъ» Сая: «эти аффектированные способы болтовни (*those affected ways of talking*) составляютъ въ общемъ то, что господину Сэю угодно называть своей доктриной и что онъ совѣтуетъ Мальтусу поучать въ Hertford'ѣ, какъ это уже дѣлается, данъ *plusieurs parties de l'Europe* (во многихъ мѣстахъ въ Европѣ). «Если во всѣхъ этихъ положеніяхъ вы видите нѣчто парадоксальное,—говоритъ онъ,—то посмотрите на вещи, которыя они выражаютъ, и я сію думать, что онѣ вамъ покажутся крайне простыми и крайне разумными. Безъ сомнѣнія, но вслѣдствіе этого же процесса они въ то же время покажутся всѣмъ, чѣмъ угодно, только не оригинальными и не важными» (*An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.*, p. 116, 110).

ствами капитала и подобно тому какъ постоянное присвоеніе прибавочнаго труда капиталистомъ является постояннымъ самовозрастаніемъ цѣнности капитала. Въ своей проекціи всѣ силы труда суть силы капитала точно такъ же, какъ всѣ формы цѣнности товара — формы денегъ.

Съ возрастаніемъ капитала возрастаетъ разница между примѣняемымъ и потребляемымъ капиталомъ. Другими словами: возрастаетъ масса цѣнности и масса матеріала, заключенная въ средствахъ труда, каковы постройки, машины, дренажныя трубы, рабочій скотъ, всевозможные аппараты, которые въ продолженіе большаго или меньшаго періода времени, въ постоянно повторяющихся процессахъ производства, функционируютъ или служатъ для опредѣленныхъ полезныхъ цѣлей цѣлкомъ, но изнашиваются только постепенно и поэтому цѣнность свою теряютъ т. е. переносятъ на продуктъ только по частямъ. Поскольку эти средства труда участвуютъ въ образованіи продукта, не прибавляя къ нему цѣнности, т. е. прилагаются цѣлкомъ, но потребляются только по частямъ, они служатъ, какъ уже прежде было упомянуто, такую же даровую службу, какъ силы природы, вода, паръ, воздухъ, электричество и т. д. Эта даровая служба прошедшаго труда, подхваченнаго и одушевленнаго живымъ трудомъ, накапливается пропорціонально возрастанію размѣровъ накопленія.

Такъ какъ прошедшій трудъ постоянно облекается въ форму капитала, т. е. пассивъ труда А, В, С и т. д. превращается въ активъ нетрудагося Х, то буржуа и эконоимсты разсыплются въ похвалахъ заслугамъ прошедшаго труда, который, по мнѣнію шотландскаго гевія Mac Culloch'a, долженъ даже получать особенное вознагражденіе (процентъ, прибыль и т. д.) ⁶¹⁾. Такъ, все возрастающее и возрастающее значеніе прошедшаго труда, участвующаго въ живомъ процессѣ, труда въ формѣ средствъ производства, приписывается его формѣ, отдѣленной отъ самого рабочаго, прошедшій и неоплаченный трудъ котораго эти средства производства и составляютъ, т. е. капиталъ. Практическіе дѣатели капиталистическаго производства и его праздноболтающіе идеологи такъ же неспособны отдѣлить средства производства отъ присущей имъ въ настоящее время антагонистической общественной формы, какъ рабовладѣлецъ не можетъ представить себѣ рабочаго иначе, какъ въ видѣ раба.

При данной степени эксплуатаціи рабочей силы, масса прибавочной цѣнности опредѣляется количествомъ одновременно эксплуатируемыхъ рабочихъ, а это количество соотвѣтствуетъ, хотя и въ измѣняющемся отношеніи, величинѣ капитала. Чѣмъ больше, слѣдовательно, увеличивается капиталъ посредствомъ послѣдовательныхъ накопленій, тѣмъ больше возрастаетъ и сумма цѣнностей, распадаящаяся на потребительный фондъ и на фондъ накопленія. Капиталость поэтому можетъ жить все шире и шире и въ то же время все больше и больше «воздерживаться». Въ концѣ концовъ, всѣ пружины производства дѣйствуютъ съ тѣмъ большей энергіей, чѣмъ больше расширяются его размѣры выстѣ съ массою авансироваемаго капитала.

⁶¹⁾ Mac Culloch взялъ патентъ на «wages of past labour» гораздо раньше, чѣмъ Senior на «wages of abstinence».

5. Такъ называемый рабочій фондъ.

Мы пришли въ нашемъ изслѣдованіи къ выводу, что капиталъ есть величина не постоянная, но растяжимая (эластичная). Онъ составляетъ постоянно измѣняющуюся изъ своихъ размѣрахъ — въ зависимости отъ раздѣленія прибавочной цѣнности на доходъ и добавочный капиталъ — часть общественнаго богатства. Мы видѣли далѣе, что даже при данной величинѣ функционирующаго капитала, рабочая сила, наука, земля (въ экономическомъ смыслѣ погѣ земель нужно подразумѣвать всѣ объекты труда, доставляемые природой безъ содѣйствія человѣка), приуроченныя къ капиталу, составляютъ эластичныя силы, которыя въ извѣстныхъ границахъ даютъ ему просторъ, независимый отъ его собственной величины. При этомъ мы оставляли въ сторонѣ всѣ условія процесса обращенія, которыя являются причиной различной степени дѣятельности одной и той же массы капитала. Мы оставляли въ сторонѣ также всякую болѣе рациональную и планомерную комбинацію различныхъ средствъ производства и рабочихъ силъ, такъ какъ мы брали рамки капиталистическаго производства, какъ данныя, т. е. мы предполагали совершенно стихійно развитый строй общественнаго процесса производства. Классическая экономія всегда любила разсматривать общественный капиталъ какъ величину постоянную, съ постоянною степенью дѣйствія. Но въ догматъ этотъ предразсудокъ былъ возведенъ лишь архифилистеромъ Іереміемъ Бентамомъ, этимъ трезвеннымъ педантомъ, болтливымъ оракуломъ здраваго буржуазнаго разсудка 19-го вѣка ⁶²⁾. Бентамъ между философами играетъ такую же роль, какъ Martin Tupper между поэтами. Оба эти созданія были возможны только въ Англіи ⁶³⁾.

⁶²⁾ Ср. между прочимъ: J. Bentham: «Théorie des Peines et des Récompenses, trad. Et. Dumont. 3-ème ed.» Paris 1826, t. II l. IV ch II.

⁶³⁾ Jeremias Bentham чисто англійскій феноменъ. Ни въ какой странѣ и ни въ какихъ временахъ, не исключая даже нашего философа Христіана Вольфа, доморощенная пошлость не выступала съ такимъ самодовольствомъ. Принципъ пользы вовсе не изобрѣтеніе Бентама. Онъ лишь безъ всякаго остроумія воспроизвелъ то, что остроумно было высказано еще Гельвеціемъ и другими французами 18-го столѣтія. Если мы, напр., хотимъ знать, что полезно для собаки, то мы должны изучить собачью натуру. Но самую эту натуру нельзя конструировать изъ «принципа пользы». Если, въ примѣненіи къ человѣку, мы будемъ каждое человѣческое дѣйствіе, движеніе, отношеніе и т. д. судить съ точки зрѣнія принципа пользы, то прежде всего надо рассмотреть человѣческую природу вообще, а затѣмъ человѣческую природу, различную въ каждую историческую эпоху. Но Бентамъ не задумывается надъ этимъ. Съ самой павной сухостью онъ принимаетъ современнаго, и притомъ англійскаго, буржуа (Spießbürger) за нормальнаго человѣка. Все, что полезно этому экземпляру нормальнаго человѣка и его средѣ, полезно само по себѣ. Этимъ мѣриломъ онъ измѣряетъ прошлое, настоящее и будущее. Напримѣръ, христіанская религія «поэзна», потому что она, съ религіозной точки зрѣнія, запрещаетъ тѣ поступки, которые юридически осуждаются уголовнымъ кодексомъ. Художественная критика вредна, такъ какъ она мѣшаетъ почтеннымъ людямъ наслаждаться произведеніями Martin Tupper'a и т. д. Подобнымъ вздоромъ этотъ славный человѣкъ, девица котораго: «nulla dies sine linea», наполнилъ цѣлыя вучи книгъ. Если бы я имѣлъ смѣлость моего друга Г. Гейне, то я назвалъ бы господина Іеремію гениемъ буржуазной глупости.

Если принять ученіе Бентама, то самыя обыкновенныя явленія процесса производства, напр., его внезапныя расширенія и сокращенія и даже накопленіе, ставаются совершенно непонятными⁶⁴). Этотъ догматъ эксплуатировался какъ самимъ Бентамомъ, такъ и Мальтусомъ, Джемсомъ Миллемъ и Макъ-Куллохомъ и другими съ апологетическими цѣлями, а именно съ цѣлью представить переменный капиталъ или часть капитала, превращаемую въ рабочую силу, какъ величину постоянную. Вещественное бытіе переменнаго капитала, т. е. масса средствъ существованія, которая онъ представляетъ для рабочихъ, или такъ называемый рабочій фондъ, изображался какъ особая часть общественнаго богатства, какъ бы отграниченная естественными цѣлями и не подлежащая расширенію. Для того, чтобы привести въ движеніе ту часть общественнаго богатства, которая должна функционировать какъ постоянный капиталъ или, выражаясь матеріально, какъ средства производства, необходимо извѣстное количество живого труда. Это послѣднее опредѣляется данными техническими условіями. Но послѣднія не опредѣляютъ ни числа рабочихъ, необходимыхъ для того, чтобы привести въ движеніе эту массу труда, ибо она измѣняется со степенью эксплуатации индивидуальной рабочей силы, ни цѣны этой рабочей силы; дамы лишь ея минимальныя предѣлы, къ тому же очень властичныя. Факты, лежащіе въ основаніи этого догмата, таковы: съ одной стороны, рабочій не имѣетъ права голоса при раздѣленіи общественнаго богатства на средства потребленія нерабочихъ и на средства производства; съ другой стороны, онъ только въ исключительно благоприятныхъ случаяхъ можетъ расширить такъ называемый «рабочій фондъ» (Arbeitsfonds) на счетъ «дохода» (Revenue) богача⁶⁵).

Къ какой полезной тавтологіи приводитъ желаніе превратить капиталистич-

⁶⁴) «Экономисты слишкомъ склонны рассматривать опредѣленное количество капитала и опредѣленное число рабочихъ какъ орудія производства однаковой силы и какъ силы, дѣйствующія съ одинаковой, опредѣленной степенью интенсивности... Тѣ, кто утверждаютъ, что товары суть единственные дѣятели производства, доказываютъ, что производство вообще не можетъ быть расширяемо, такъ какъ для такого расширенія надо предварительно увеличить количество средствъ существованія, сырого матеріала и орудій, что на самомъ дѣлѣ сводится къ тому, что никакое увеличеніе производства невозможно безъ предварительнаго его увеличенія или, другими словами, что невозможно никакое увеличеніе». (S. Bailey: «Money and its Vicissitudes», p. 26 и 70). Bailey критикуетъ этотъ догматъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія процесса обращенія.

⁶⁵) «Продукты труда въ настоящее время распределяются обратно пропорціонально труду, — говорятъ J. St. Mill въ своихъ «Principles of Polit. Economy», — самая большая часть достается тѣмъ, кто никогда не работаетъ, сѣдующая по величинѣ тѣмъ, трудъ которыхъ почти номинальный; и по мѣрѣ того, какъ трудъ становится все тяжелѣе и непріятнѣе, плата все болѣе и болѣе понижается, такъ что самый утомительный и изнурительный физическій трудъ не можетъ съ увѣренностью рассчитывать даже на полученіе самыхъ необходимыхъ средствъ существованія». Во набѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что если такіе люди, какъ J. St. Mill и т. п. и заслуживаютъ порицанія за противорѣчія между ихъ устарѣлыми экономическими догматами и ихъ современными тенденціями, то все-таки было бы несправедливо смѣшивать ихъ въ одну кучу со стадомъ вульгарно-экономическихъ апологетовъ.

ческую границу рабочего фонда въ его естественную общественную границу показываетъ. между прочимъ, примѣръ профессора Fawcett'a. «Оборотный капиталъ» ⁶⁴⁾ страны», говоритъ онъ, есть ея рабочий фондъ. Поэтому, чтобы вычислить среднюю денежную заработную плату, получаемую каждымъ рабочимъ, мы должны только раздѣлить этотъ капиталъ на число рабочего населенія» ⁶⁵⁾. Другими словами, значить, сначала мы считываемъ сумму всей дѣйствительно выплачиваемой индивидуальной платы, а затѣмъ мы утверждаемъ, что путемъ этого сложенія образуется цѣнность «рабочаго фонда», дарованнаго Богомъ и природой. Наконецъ, мы дѣлимъ полученную такимъ образомъ сумму на число рабочихъ, чтобы опять открыть, сколько приходится среднимъ числомъ на каждого отдѣльнаго рабочаго. Нечего сказать—необыкновенно хитрая процедура! Она, однако, не мѣшаетъ Fawcett'у, такъ сказать, однимъ духомъ утверждать: «Общая сумма богатствъ, ежегодно накапливаемыхъ въ Англіи, дѣлится на двѣ части. Одна часть употребляется въ Англіи для поддержанія нашей собственной промышленности, другая часть вывозится въ другія страны... Часть, употребляющаяся въ нашей промышленности, составляетъ лишь незначительную часть богатствъ, ежегодно накапливаемыхъ въ странѣ» ⁶⁶⁾. Большая часть ежегодно нарастающаго прибавочнаго продукта, отнимаемаго безъ эквивалента у англійскаго рабочаго, капитализируется, слѣдовательно, не въ Англіи, но въ чужихъ странахъ. Но вмѣстѣ съ вывозимымъ такимъ образомъ добавочнымъ капиталомъ вывозится также часть «рабочаго фонда», избрѣтеннаго Богомъ и Бептамомъ ⁶⁷⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

- 1) Возрастаніе спроса на рабочую силу съ прогрессомъ накопленія при неизмѣняющемся составѣ капитала.

Въ этой главѣ мы рассматриваемъ вліяніе, которое оказываетъ возрастаніе капитала на судьбу рабочаго класса. Важнѣйшимъ факторомъ этого послѣдо-

⁶⁴⁾ Н. Fawcett, Prof. of Polit. Econ. at Cambridge: «The Economic Position of the British Labourer. Lond. 1865», p. 120.

⁶⁵⁾ Я напомню здѣсь читателю, что категоріи—перемѣнный и постоянный капиталъ употреблены впервые мною. Политическая экономія, начиная съ А. Смита, сдѣлываетъ признаки, заключающіеся въ этихъ категоріяхъ, съ различіями формъ капитала, происходящими изъ процесса обращенія и обозначаемыми терминами: капиталъ основной (fixe) и капиталъ оборотный. Болѣе подробно объ этомъ рѣчь будетъ во второмъ отдѣлѣ второго тома *).

⁶⁶⁾ Fawcett l. c. p. 123, 122.

⁶⁷⁾ Можно сказать, что не только капиталъ, но и рабочіе ежегодно вывозятся изъ Англіи. Но въ текстѣ рѣчь идетъ вовсе не объ имуществѣ переселенцевъ, которые большую частью вовсе не рабочіе. Большой процентъ ихъ составляютъ сыновья фермеровъ. Добавочный капиталъ, ежегодно высылаемый Англіей за границу для помѣщенія его тамъ на проценты составляетъ гораздо большую долю ежегоднаго накопленія, чѣмъ ежегодное выселеніе годичнаго прироста населенія.

равія является составъ или сложенеіе капитала и тѣ взмѣненія, которымъ этотъ составъ подвергается во время процесса накопленія.

Состав капитала можно понимать в двойном смысле. В отношении ценности состав капитала определяется той пропорцией, в которой капитал делится на постоянную часть, или ценность средств производства, и на переменную часть, или ценность рабочей силы, т. е. общую сумму заработной платы. В отношении материала или вещества, которое функционирует в процессе производства, каждый капитал делится на средства производства и на живую рабочую силу; состав капитала в этом отношении определяется — пропорцией между массой примененных средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимого для их приложения к делу, с другой. Первый я называю ценностным составом, второй — техническим составом капитала. Между обоими существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить его, я называю ценностный состав капитала, поскольку он определяется техническим составом и отражает на себе все изменения этого последнего, органическим составом капитала. Везде, где я просто говорю о составе или сложении капитала, подразумевается его органический состав.

Многочисленные отдельные капиталы, вложенные в одну какую-нибудь отрасль производства, могут иметь более или менее различный состав. Средняя их индивидуальных составов дает нам состав совокупного капитала данной отрасли производства. Наконец, общая средняя величина этих средних составов всех отраслей производства дает состав общественного капитала страны, и только об этом состав в последнем счете будет идти речь в последующем нашем изложении.

Возрастание капитала объемлет собой также и возрастание его перемѣнной или превращенной въ рабочую силу части. Часть прибавочной цѣнности, превращенной въ добавочный капиталъ, должна постоянно снова превращаться въ перемѣнный капиталъ или въ добавочный рабочій фондъ. Если мы предположимъ, что, при прочих равныхъ условіяхъ, составъ капитала не измѣняется, т. е. опредѣленная масса средствъ производства или постоянного капитала всегда приводится въ движеніе одной и той же массой рабочей силы, то, очевидно, спросъ на трудъ и фондъ, изъ котораго берутся средства существованія рабочихъ, увеличиваются пропорціонально капиталу и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе возрастаетъ капиталъ. Такъ какъ капиталъ ежегодно производитъ прибавочную цѣнность, часть которой ежегодно прибавляется къ первоначальному капиталу, такъ какъ это приращеніе само ежегодно возрастаетъ съ увеличеніемъ размѣра уже функционирующаго капитала, и такъ какъ, наконецъ, подъ давленіемъ особенно сильнаго стремленія къ обогащенію, какъ напр., при открытіи новыхъ рынковъ, новыхъ сферъ приложенія капитала, послѣдствіе развитія новыхъ общественныхъ потребностей и т. д., размѣры накопленія способны расширяться отъ одного только измѣненія въ давленіи прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта на капиталъ и доходъ,—то потребности накопленія капитала, или спросъ на трудъ, могутъ обогнать возрастаніе рабочей силы, или числа рабочихъ, и потому заработная плата можетъ повыситься. Это даже, въ концѣ концовъ,

должно произойти при неизмѣнномъ существованіи вышеупомянутой предпо-сылки. Такъ какъ каждый годъ бываетъ занято больше рабочихъ, чѣмъ въ предыдущемъ году, то рано или поздно долженъ наступить моментъ, когда потребности накопленія перерастутъ обыкновенное предложеніе труда, когда наступить, слѣдовательно, повышеніе заработной платы. Жалобы на это раздаются въ Англіи въ продолженіи всего пятнадцатаго и въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Однако болѣе или менѣе благоприятныя условія, при которыхъ происходитъ воспроизведеніе и размноженіе наемныхъ рабочихъ, нисколько не измѣняютъ основного характера капиталистическаго производства. Подобно тому, какъ простое воспроизведеніе постоянно воспроизводитъ экономическое отношеніе, именуемое капиталомъ, капиталистовъ на одной сторонѣ, наемныхъ рабочихъ на другой, точно такъ же расширенное воспроизведеніе или накопленіе воспроизводитъ названное отношеніе (капиталъ) въ болѣе широкихъ размѣрахъ, т. е. больше капиталистовъ или болѣе крупныхъ капиталистовъ на одномъ полюсѣ и больше наемныхъ рабочихъ на другомъ. Воспроизведеніе рабочей силы, которая постоянно должна приурочиваться къ капиталу, какъ средство созданія прибавочной цѣнности, и не можетъ отъ него освободиться, зависимость которой отъ капитала маскируется только снѣжной пелену индивидуальныхъ капиталистовъ, которымъ она продаетъ себя, это воспроизведеніе составляетъ, дѣйствительно, одинъ изъ моментовъ воспроизведенія самого капитала. Накопленіе капитала означаетъ, стало быть, увеличеніе пролетаріата ⁷⁰⁾.

Классическая политическая экономія такъ хорошо понимала это положеніе, что А. Смитъ, Рикардо и др., какъ уже прежде было упомянуто, даже ошибочно отождествляли накопленіе съ потребленіемъ всей капитализованной части прибавочнаго продукта производительными рабочими или съ его превращеніемъ въ добавочныхъ наемныхъ рабочихъ. Еще въ 1696 г. John Bellers говоритъ: «Если бы у кого-нибудь было 100.000 акровъ земли, столько же фунтовъ стерлинговъ и столько же скота, то чѣмъ былъ бы этотъ богатый человѣкъ безъ рабочихъ, какъ не рабочимъ же? И такъ какъ рабочіе обогащаютъ людей, то,

⁷⁰⁾ Karl Marx I. c. — «При одинаковомъ угнетеніи массъ, чѣмъ больше въ странѣ пролетаріевъ, тѣмъ она богаче». (Collins: «L'Economie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues socialistes. Paris, 1857», t. III, p. 331). Подъ «пролетаріями», въ экономическомъ смыслѣ, нужно подразумѣвать только наемныхъ рабочихъ, которые производятъ «капиталъ» и увеличиваютъ его цѣнность и которыхъ выбрасываютъ на мостовую, какъ только они становятся излишними для потребности самовозрастанія «господина капитала» (monsieur capital), какъ называетъ эту особу Рескюетъ. «Болваненный пролетарій первобытныхъ лѣсовъ» есть только забавное порожденіе фантазіи Рощера. Житель первобытныхъ лѣсовъ есть нхъ собственникъ и обращается съ этой своей собственностью такъ же безцеремонно, какъ орангъ-утангъ. Онъ, слѣдовательно, не пролетарій. Онъ былъ бы имъ лишь въ томъ случаѣ, если бы, вмѣсто того, чтобы самому эксплуатировать первобытннхъ лѣсовъ, онъ самъ былъ эксплуатируемъ этимъ лѣсомъ. Что же касается состоянія его здоровья, то оно не только выдерживаетъ сравненіе съ здоровьемъ современнаго пролетарія, но даже съ здоровьемъ сифилитическихъ и водотушныхъ «порядочныхъ людей». Но можетъ, быть, подъ, первобытнымъ лѣсомъ господинъ Вильгельмъ Рощеръ понимаетъ родную ему Lüneburger Heide.

чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше богатыхъ... Трудъ бѣдняковъ есть рудникъ богатей» ⁷¹). Точно такъ же Bernard de Mandeville говоритъ въ началѣ XVIII-го столѣтія: «Тамъ, гдѣ собственность достаточно ограждена, легче было бы жить безъ денегъ, чѣмъ безъ бѣдныхъ, ибо кто же тогда сталъ бы трудиться?.. Если рабочихъ нужно охранять отъ голодной смерти, то, съ другой стороны, имъ не слѣдуетъ давать ничего, что стоило бы сбереженія. Если иногда кто-нибудь изъ низшихъ классовъ, благодаря необыкновенному трудолюбію и жизни въпроголодь, возвысится надъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ выросъ, то этому никто не долженъ препятствовать: безспорно самое разумное для каждаго частнаго лица, для каждаго отдельнаго семейства жить бережливо; но интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы большая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ дѣла и чтобы они, тѣмъ не менѣе, всегда проживали все, что получаютъ... Тѣ, которые живутъ повседневнымъ трудомъ, не пьютъ ничего, что бы ихъ побуждало къ труду, кромѣ своихъ нуждъ, которыя благоразумно облегчать, но безразсудно было бы совершенно исцѣлять. Единственная вещь, которая можетъ рабочаго сдѣлать пріятнымъ, это умѣренная заработная плата. Слишкомъ ничтожная плата дѣлаетъ его, смотря по темпераменту, малодушнымъ или повергаетъ въ отчаяніе, слишкомъ большая—дерзкимъ и лѣпвымъ... Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что для свободной націи, у которой рабство запрещено, самое вѣрное богатство — множество трудолюбивыхъ бѣдняковъ. Кромѣ того, что они составляютъ неизскаемый источникъ флота и арміи, безъ нихъ не было бы наслажденія, и продукты страны не могли бы эксплуатироваться. Чтобы сдѣлать общество (состоящее, конечно, изъ переработанныхъ) счастливымъ, а народъ, даже въ жалкомъ положеніи, довольнымъ, необходимо, чтобы значительное большинство оставалось невѣжественнымъ, и бѣднымъ. Званія распрягаютъ и увеличиваютъ наши желанія, а чѣмъ меньше человекъ желаетъ, тѣмъ легче его потребности могутъ быть удовлетворены» ⁷²). Но Mandeville, честный человекъ и свѣтлая голова, не понимаетъ еще того, что механизмъ самого процесса накопленія вѣстѣ съ капиталомъ увеличиваетъ и число «трудолюбивыхъ бѣдняковъ», т. е. наемныхъ рабочихъ, превращающихъ свою рабочую силу въ возрастающую силу созданія прибавочной цѣнности возрастающимъ капиталомъ и тѣмъ самымъ неизбежно увеличивающихъ свою зависимость отъ своего же собственнаго продукта, олицетвореннаго въ капиталистѣ. Относительно этой зависимости Sir F. M. Eden замѣчаетъ въ своемъ «Положеніи бѣдныхъ или исторіи рабочаго труда въ Англіи»: «Нашъ климатъ

⁷¹) «As the Labourers make men rich, so the more Labourers, there will be the more rich men... the Labour of the Poor being the Mines of the Rich». (John Beliers I. c. p. 2).

⁷²) B. de Mandeville («The Fable of the Bees. 5 th ed. Lond. 1728», Remarks, p. 212, 213, 328). «Умѣренная жизнь и постоянный трудъ составляютъ для бѣдняка путь къ матеріальному благополучію (подъ которыми авторъ подразумѣваетъ возможно болѣе продолжительный рабочий день и возможно меньшее количество средствъ существованія), для государства же (т. е. землевладѣльцевъ, капиталистовъ и политическихъ сановниковъ и агентовъ) путь къ богатству». («An Essay on Trade and Commerce. Lond. 1770», p. 54).

требуетъ труда для удовлетворенія потребностей и, поэтому, по крайней мѣрѣ часть общества должна работать безъ усталы... Нѣкоторые, не работая, пьютъ, однако, въ своемъ распоряженіи продукты трудолюбія. Этими собственники эти обязаны лишь цивилизаціи и порядку; они чистая креатура гражданскихъ учреждений⁷³⁾, такъ какъ послѣднія признаютъ, что можно присвоивать себѣ плоды труда и инымъ способомъ, чѣмъ трудомъ. Люди съ независимымъ состояніемъ обязаны своимъ состояніемъ почти исключительно чужому труду, а не своимъ собственнымъ способностямъ, которыя ничуть не лучше способностей другихъ. Не обладаніе землей и деньгами отличаетъ богатыхъ отъ бѣдныхъ, а господство надъ трудомъ («the command of labour»). Бѣднымъ полезны не заброшенность или рабское положеніе, но состояніе удобной и либеральной зависимости («a state of easy and libérale dependence»), для людей же имѣющихъ собственность—авторитетъ и достаточное вліяніе на тѣхъ, кто для нихъ работаетъ... Подобное состояніе зависимости, какъ вѣдомо всякому знатоку человѣческой природы, необходимо для благосостоянія самихъ рабочихъ»⁷⁴⁾. Sir F. M. Eden, мимоходомъ сказать, единственный изъ учениковъ А. Смита, создавшій нѣчто крупное въ XVIII-мъ столѣтіи⁷⁵⁾.

⁷³⁾ Eden долженъ былъ бы задать вопросъ, чья же креатура «гражданскія учрежденія»? Съ точки зрѣнія юридическихъ иллюзіи онъ разсматриваетъ не законъ, какъ продуктъ матеріальныхъ отношеній производства, но, наоборотъ, производственные отношенія, какъ продуктъ закона. Lingnet опровергъ однимъ словомъ приращенный «Esprit des Lois» Montesquieu: «L'esprit des lois, c'est la propriété». («Духъ законовъ—это собственность»).

⁷⁴⁾ Eden, l. c. v. I, l. 1, ch. I, p. 1, 2 и предисловіе р. XX.

⁷⁵⁾ Если читатель напомнитъ намъ Мальтуса, «Essay on Population» котораго появился въ 1798 г., то я вѣмъ, что эта книга въ своемъ первоначальномъ видѣ представляется лишь школьнически-поверхностный, поповски-напыщенный плагиатъ изъ De l'oe, Sir James Steuart, Townsend, Franklin, Wallace и др. и не содержитъ ни одной самостоятельной мысли. Сенсация, произведенная этимъ памфлетомъ, объясняется только партійными интересами. Французская революція нашла въ Британскомъ королевствѣ страстныхъ защитниковъ; «принципъ народонаселенія», медленно вырабатывавшійся въ XVIII-мъ столѣтіи, потому съ трубными звуками и барабаннымъ боемъ провозглашенный во время великаго соціального кризиса, какъ нѣрное противоядіе противъ ученій Condorcet и другихъ, былъ съ ликованіемъ принятъ англіійской олигархіей въ качествѣ великаго гасителя всѣхъ стремленій къ человѣческому прогрессу. Мальтусъ, чрезвычайно удивленный своимъ успѣхомъ, привнесъ наполнить старую схему поверхностно собраннымъ матеріаломъ, прибавляя къ кое-что новое, открытое однако не Мальтусомъ, а лишь присвоенное имъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что хотя Мальтусъ былъ священникомъ англиканской церкви, онъ тѣмъ не менѣе далъ монашескій обѣтъ безбрачія. Это является однимъ изъ условій fellowship въ протестантскомъ Кембриджскомъ университетѣ. «Socios collegiorum maritos esse non permittimus, sed statim postquam quis uxorem duxerit, socius collegii debeat esse». («Reports of Cambridge University Commission», p. 172). Это обстоятельство выгодно отличаетъ Мальтуса отъ другихъ протестантскихъ священниковъ. Послѣдніе отвергнувъ католическую яповѣдь священническаго безбрачія, въ такой мѣрѣ пропитались библейскимъ нареченіемъ: «плодитесь и множитесь!», какъ девизомъ своей спеціальной миссіи, что сами всюду способствуютъ увеличенію народонаселенія съ усердіемъ, понятнымъ неприличнымъ, между тѣмъ какъ рабочимъ они проповѣдуютъ «принципъ народонаселенія». Ха-

При тѣхъ наиболѣе благопріятныхъ для рабочихъ условіяхъ накопленія, которыя мы до сихъ поръ предполагали, зависимость ихъ (рабочихъ) отъ капитала облекается въ спосныя и, какъ говорить Еден, «удобныя и либеральныя

ракетно, что эта экономическая пародія на грѣхопаденіе, это Адамово яблоко, «urgent appetite» (сильное стремленіе), «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid» (препятствія, стремящіяся притупить стрѣлы Купидова), какъ весело выражается поэтъ Townsend, что этотъ щекотливый пунктъ былъ монополизированъ протестантскими теологами и, върѣе, протестантской церковью и остается имъ и по настоящее время. За исключеніемъ венеціанскаго монаха Ortes'a, оригинальнаго и остроумнаго писателя, большинство проповѣдниковъ теоріи народонаселенія — протестантскіе попы. Таковъ Bruckner, — въ его «Théorie du système animal, Leyde 1767» перепрана вся пошлѣнная теорія народонаселенія, идеи для которой достались мимолетный споръ по этому же самому предмету между Quesnay и его ученикомъ Mirabeau-отцомъ; вѣтъ поэтъ Wallace, поэтъ Townsend, поэтъ Мальтусъ и его ученикъ, архіепоэтъ Th. Chalmers, не говоря уже о мелкихъ попахъ-писателяхъ in this line (на ту же тему). Первоначально политической экономіей занимались философы, какъ Hobbes, Locke, Hume, государственные дѣятели и коммерсанты, каковы Thomas Morus, Temple, Sully, de Witt, North, Law, Vanderlint, Cantillon, Franklin, и, въ особенности, теоретически съ величайшимъ успѣхомъ — медники, Petty, Barbon, Mandeville, Quesnay. Еще въ половинѣ XVIII-го столѣтія Rev. (свящ.) Mr. Tucker, извѣстный для своего времени экономистъ, просилъ лавинненія за то, что онъ занялся мамопомъ. Нѣсколько позднѣе, а именно съ «закономъ народонаселенія», настала чаша протестантскихъ поповъ. Какъ бы предчувствуя эту неблагозвучную конкуренцію, Petty, считающій народонаселеніе основаніемъ богатства и, подобно А. Смиуту, непримиримый врагъ поповъ, говорить: «Религія больше всего процвѣтаетъ тогда, когда священники больше всего умерщвляютъ свою плоть, такъ же какъ право больше всего процвѣтаетъ тамъ, гдѣ адвокаты голодаютъ». Онъ совѣтуетъ, поэтому, протестантскимъ попомъ, ужъ если они не хотятъ сдѣлать примѣру апостола Павла и «умерщвляютъ свою плоть» безбрачіемъ, «не пропаводить «ни въ какомъ случаѣ большіе духовныхъ лицъ («not to breed more Churchmen»), чѣмъ могутъ поглотить имѣющіеся приходы (benefices), т. е., если въ Англіи и Уэльсѣ имѣется только 12.000 приходовъ, то неблагоприятно было бы пропавести 24.000 поповъ («it will not be safe to breed 24.000 ministers»), такъ какъ 12.000 необезпеченныхъ будутъ постоянно искать средствъ къ жизни, а легче всего будетъ имъ идти для этого въ народъ и толковать ему, что 12.000 поповъ, имѣющихъ приходы, губить души, истощаютъ ихъ и показываютъ имъ ложный путь на небо». (Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 57). Отношеніе А. Смиута къ протестантскимъ попомъ его времени характеризуется слѣдующимъ. Въ «A Letter to A Smith, I. L. D. on the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume. By One of the People called Christians. 4th ed Oxford 1784», Dr. Hume, англиканскій епископъ изъ Norwich'а отдѣлываетъ А. Смиута за то, что тотъ въ открытомъ письмѣ къ Strahan'у «блззвинуетъ своего друга Давида» (т. с. Юма) и разоковываетъ публикѣ, какъ «Юмъ на своемъ смертномъ одрѣ забавлялся Лукіаномъ и вистомъ», и даже имѣть дерзость говорить: «Я всегда считалъ Юма, какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти, настолько близкимъ къ идеалу совершенно мудраго и добродѣтельнаго человѣка, насколько это доступно слабой человѣческой природѣ». Епископъ съ негодованіемъ восклицаетъ: «Правильно ли съ вашей стороны, милостивый государь, называть совершенно мудрымъ и добродѣтельнымъ характеръ и образъ жизни человѣка, который чувствовалъ непринимую антипатію ко всему, что называется религіей, и который паніргалъ каждый вервь свой, для того, чтобы, насколько это «тъ него зависить, изгладить даже и

формы». Вместо того, чтобы съ ростомъ капитала ставившись интенсивнѣе, она ставившись только экстенсивнѣе, т. е. сфера эксплуатаціи и господства капитала расширяется только вмѣстѣ съ его собственнымъ размѣромъ и съ числомъ его подданныхъ. Большая часть пхъ собственнаго прибавочнаго продукта, который все возрастаетъ и превращается во все растущій и растущій добавочный капиталъ, притекаетъ къ нимъ обратно въ формѣ платежныхъ средствъ, такъ что они могутъ расширять кругъ своихъ потребностей, повышать свой потребительный фондъ, состоящій изъ платья, бѣлья и т. п., и составлять себѣ даже маленькіе денежные запасы. Но лучшая одежда, пища, мягкое обращеніе и значительный некуліумъ не уничтожаютъ ни состоянія зависимости, ни эксплуатаціи раба; также обстоятъ и съ наемнымъ рабочимъ. Повышеніе цѣны труда вслѣдствіе накопленія капитала въ дѣйствительности означаетъ только, что размѣры и тяжесть золотой цѣпи, которую самъ же рабочий сковалъ для себя, позволяютъ ослабить ея натяженіе. Въ спорахъ объ этомъ предметѣ, въ большинствѣ случаевъ, забывали самое главное, а именно то, что можно охарактеризировать, какъ *differentia specifica* капиталистическаго производства. Рабочая сила покупается здѣсь не для того, чтобы своимъ дѣйствіемъ или своими продуктами удовлетворять личныя потребности покупателя. Цѣль покупателя тутъ увеличеніе цѣнности его капитала, производство товаровъ, содержащихъ больше труда, чѣмъ онъ оплатилъ, содержащихъ, слѣдовательно, долю цѣнности, которая ему ничего не стоитъ и тѣмъ не менѣе реализуется въ продажѣ товаровъ. Производство прибавочной цѣнности или нажива—вотъ абсолютный законъ этого способа производства. Рабочая сила здѣсь можетъ быть продаваема лишь постольку, поскольку она сохраняетъ средства производства въ видѣ капитала, воспроизводитъ свою собственную цѣнность въ видѣ капитала, и въ неоплаченномъ трудѣ создаетъ источникъ добавочнаго капитала ⁷⁶⁾. Условія продажи рабочей силы, болѣе или менѣе благо-

елъ пазъ памяти людей». (I. с. р. 8). «Но не упывайте, друзья истины, атеизмъ недоговѣченъ». (р. 17). А. Смитъ «такъ нагло нечестивъ (*the atrocious wickedness*), что проповѣдуетъ атеизмъ въ страсти, (а именно въ своей «*Theory of moral sentiments*)... Но мы понимаемъ ваши хитрости, господинъ докторъ! У васъ добрыя намѣренія, но на этотъ разъ вы ошиблись въ расчетѣ. На призывъ почтеннаго Дэвида Юма вы хотите «наизъ доказать, что атеизмъ есть единственное возбуждающее средство (*cordial*)» упавшаго духа, и единственное средство противъ страха смерти... Сидѣть же надъ развалинами Вавилона и прославлять ожесточеннаго злодѣя фараона!» (I. с. р. 21, 22). Одинъ изъ ортодоксальныхъ слушателей лекцій А. Смита пишетъ послѣ его смерти: «Дружба Смита къ Юму мѣшала ему быть христіаниномъ... Онъ во всемъ вѣровалъ Юму на слово. Если бы Юмъ сказалъ ему, что луна—зеленый сыръ, онъ бы повѣрилъ ему. Онъ вѣровалъ также ему, что вѣтъ Бога и чудеса... По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ приближался къ республиканцамъ» («*The Bee*». By James Anderson 18 via. Edinb. 1791—93, vol. 3 p. 164, 165). Поэтъ Th. Chalmersъ подозреваетъ А. Смита въ томъ, что онъ только по злобѣ выдумалъ категорію «неприводимыхъ рабочихъ», спеціально пыля въ виду протестантскихъ поповъ, несмотря на пхъ благословенные труды въ вертоградѣ Господнемъ.

⁷⁶⁾ Примѣч. ко 2 му изд. «Но границы занятій для промышленныхъ и для сельскихъ рабочихъ одніи и тѣ же, а именно, возможность для предпринимателя извле-

пріятныя для рабочихъ, заключаютъ въ себѣ, такимъ образомъ, необходимость постоянного возобновленія ея продажи и все расширяющееся воспроизведеніе богатства въ видѣ капитала. Заработная плата, какъ мы уже видѣли, по самой природѣ своей обуславливаетъ постоянное доставленіе рабочими извѣстнаго количества неоплаченного труда. Совершенно независимо отъ повышенія заработной платы съ пониженіемъ цѣны труда и т. п., увеличеніе ея, въ лучшемъ случаѣ, означаетъ лишь количественное уменьшеніе того неоплаченного труда, который рабочій долженъ доставить. Но это уменьшеніе никогда не можетъ дойти до того, чтобы угрожать существованію самой системы. Помимо тѣхъ насильственныхъ столбовеній изъ-за размѣра заработной платы, въ которыхъ, какъ показалъ А. Смитъ, въ общемъ хозяинъ всегда остается побѣдителемъ, повышеніе цѣны труда, вытекающее изъ накопленія капитала, предполагаетъ слѣдующую альтернативу.

Либо цѣна труда продолжаетъ подниматься, такъ какъ повышеніе ея не мѣшаетъ прогрессу накопленія; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ «даже при пониженіи прибыли, говоритъ А. Смитъ, капиталы все же увеличиваются; они возрастаютъ даже быстрѣе, чѣмъ прежде... Большой капиталъ, даже при меньшей прибыли, въ общемъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ маленький капиталъ при большой прибыли» (I. с. II, р. 189). Въ этомъ случаѣ, очевидно, что уменьшеніе неоплаченного труда несколько не мѣшаетъ расширенію господства капитала. Либо, — это другая сторона альтернативы, — накопленіе ослабѣваетъ, вслѣдствіе повышенія цѣны труда, такъ какъ притупляется стремленіе къ прибыли. Накопленіе уменьшается. Но вмѣстѣ съ его уменьшеніемъ, исчезаетъ и причина этого уменьшенія, а именно, — несоразмѣрность между капиталомъ и подлежащей эксплуатаціи рабочей силой. Такимъ образомъ, механизмъ капиталистическаго способа производства устраниваетъ самыя препятствія, которыя онъ создаетъ на своемъ пути. Цѣна труда снова падаетъ до уровня, соответствующаго потребностямъ возрастанія капитала, будетъ ли этотъ уровень выше, ниже, или онъ совпадетъ съ тѣмъ уровнемъ, который считался нормальнымъ до наступленія повышенія заработной платы. И такъ, мы видимъ слѣдующее. Въ первомъ случаѣ не уменьшеніе абсолютнаго или относительнаго роста рабочей силы или рабочаго населенія дѣлаетъ капиталъ излишнимъ, но, наоборотъ, увеличеніе капитала дѣлаетъ недостаточной подлежащую эксплуатаціи рабочую силу. Во второмъ случаѣ не увеличеніе абсолютнаго или относительнаго роста рабочей силы или рабочаго населенія дѣлаетъ капиталъ недостаточнымъ, но, наоборотъ, уменьшеніе капитала дѣлаетъ излишней подлежащую эксплуатаціи рабочую силу или, вѣрнѣе, ея цѣну. Вотъ эти-то абсолютныя движенія накопленія капитала и отражаются въ массѣ эксплуатируемой рабочей силы, какъ ея относительныя движенія,

какъ прибыль изъ продукта ихъ труда... Если уровень заработной платы поднимается настолько, что прибыль хозяина падаетъ ниже средней, онъ перестаетъ давать нѣмъ занятія или даетъ лишь на условіи пониженія заработной платы». (John Wade I. с. п. 241).

почему и кажется, что они вытекаютъ изъ ея собственнаго движенія. Выразаясь математически, величина накопленія есть независимая переменная величина, заработная же плата—зависимая, а не наоборотъ. Такъ, въ періодъ кризиса въ промышленномъ циклѣ, общее паденіе товарныхъ цѣнъ выражается какъ повышеніе относительной цѣнности денегъ, а въ періодъ процвѣтанія общее повышеніе товарныхъ цѣнъ выражается, какъ паденіе относительной цѣнности денегъ. Такъ называемая «Currency School» заключаетъ изъ этого, что при высокихъ цѣнахъ въ обращеніи находится слишкомъ мало денегъ, а при низкихъ—слишкомъ много. Ея невѣжество и совершенное непониманіе фактовъ¹⁾ находятъ достойную себѣ параллель въ экономистахъ, объясняющихъ отмѣченные выше явленія накопленія тѣмъ, что въ одномъ случаѣ имѣется слишкомъ мало, а въ другомъ—слишкомъ много наемныхъ рабочихъ.

Законъ капиталистическаго производства, лежащій въ основаніи мнимаго «естественнаго закона населенія», сводится просто къ слѣдующему. Отношеніе между капиталомъ, накопленіемъ и уровнемъ заработной платы есть лишь отношеніе между неоплаченнымъ трудомъ, превращеннымъ въ капиталъ, и добавочнымъ трудомъ, потребнымъ для приведенія въ движеніе добавочнаго капитала. Итакъ, это отнюдь не отношеніе между двумя другъ отъ друга независимыми величинами, съ одной стороны, величиной капитала, съ другой стороны—числомъ рабочаго населенія, это, напротивъ того, въ послѣднемъ счетѣ лишь отношеніе между неоплаченнымъ и оплаченнымъ трудомъ одного и того же рабочаго населенія. Если количество неоплаченного труда, доставляемаго рабочимъ классомъ и накопляемаго классомъ капиталистовъ, возрастаетъ достаточно быстро для того, чтобы превращаться въ капиталъ только при чрезвычайномъ количествѣ добавочнаго оплаченнаго труда, то заработная плата повышается и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, неоплаченный трудъ относительно падаетъ. Но какъ только это уменьшеніе достигаетъ того предѣла, когда прибавочный трудъ, питающій капиталъ, не предлагается больше въ нормальномъ количествѣ, вступаетъ реакція: меньшая часть дохода капитализируется, накопленіе ослабѣваетъ и восходящее или повышательное движеніе заработной платы прекращается. Повышеніе цѣны труда, слѣдовательно, заключено въ извѣстныхъ границахъ, которыя не только оставляютъ неизмѣненными основы капиталистической системы, но и обезпечиваютъ ея расширенное воспроизведеніе. Законъ капиталистическаго накопленія, возведенный на степень мистическаго закона природы, въ дѣйствительности выражаетъ лишь то, что накопленіе по своей природѣ исключаетъ всякое уменьшеніе степени эксплуатаціи труда или всякое повышеніе цѣны труда, которое могло бы серьезно повредить постоянному воспроизведенію экономическаго отношенія, имеаемаго капиталомъ и притомъ воспроизведенію его въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Иначе и не можетъ быть при такомъ способѣ производства, при которомъ рабочій существуетъ для увеличенія наличныхъ цѣнностей, а не, наоборотъ, матеріальное богатство—для развитія потребностей рабочаго. Какъ въ религіи человекомъ управляетъ про-

¹⁾ Ср. Karl Marx: «Zur Kritik der politischen Oekonomie», p. 166 sqq.

паведеніе его собственной головы, такъ въ капиталистическомъ производствѣ имъ управлять произведеніе его собственныхъ рукъ ^{72а)}.

2. Относительное уменьшеніе переѣпной части капитала въ процессѣ растущаго накопленія и сопровождающей его концентраціи.

По мнѣнію самихъ экономистовъ, повышеніе заработной платы обуславливается не существующимъ размахомъ общественнаго богатства и не величиной прибрѣтеннаго уже капитала, — оно зависитъ лишь отъ непрерывнаго роста накопленія и степени быстроты этого роста (А. Smith, книга I, гл. 8). До сихъ поръ мы разсматривали лишь одну особенную фазу этого процесса, ту, въ которой приращеніе капитала происходитъ при неизмѣняющемся техническомъ составѣ его. Но дѣйствительный процессъ выходитъ за предѣлы этой фазы.

Разъ даны общія основы капиталистической системы, то во время накопленія всегда наступаетъ такой моментъ, когда развитіе производительности общественнаго труда становится самымъ сильнымъ рычагомъ накопленія. «Та же самая причина, говоритъ А. Смитъ, которая увеличиваетъ заработную плату, именно увеличеніе капитала, ведетъ къ увеличенію производительныхъ силъ труда и даетъ меньшему количеству труда возможность производить большее количество продуктовъ».

Помимо естественныхъ условій, какъ плодородіе почвы и т. п., и ловкости независимыхъ и изолированно работающихъ производителей — которая, однако, проявляется скорѣе качественно въ добротѣ издѣлій, чѣмъ количественно въ ихъ массѣ, — степень общественной производительности труда выражается въ относительномъ количествѣ средствъ производства, которыми одинъ рабочій превращаетъ въ продуктъ въ данное время при данномъ напряженіи рабочей силы. Количество средствъ производства, при помощи которыхъ онъ функционируетъ, растетъ вмѣстѣ съ производительностью его труда. Эти средства производства играютъ при этомъ двойную роль. Возрастаніе однихъ есть слѣдствіе, а другихъ — условіе повышенія производительности труда. Напримѣръ, при мануфактурномъ раздѣленіи труда и при примѣненіи машинъ въ одно и то же время обрабатывается больше сырого матеріала, т. е. большее количество сырого матеріала и вспомогательныхъ веществъ вступаетъ въ процессъ труда. Это есть слѣдствіе повышенія производительности труда. Но, съ другой стороны, количество примѣняемыхъ машинъ, рабочаго скота, минеральнаго удобренія, арс-

^{72а)} «Если мы вернемся теперь къ нашему первому изслѣдованію, гдѣ мы доказали... что самъ капиталъ есть только произведеніе человѣческаго труда... то намъ кажется совершенно непостижимымъ, какъ человѣкъ могъ подпасть подъ господство своего собственнаго продукта — капитала — и подчиниться послѣднему; но такъ какъ это представляетъ неоспоримый фактъ, то самъ собой навязывается вопросъ: какъ могъ рабочій изъ повелителя капитала — въ качествѣ его творца — прекратиться въ раба капитала?» (Von Thünen: «Der isolirte Staat. Zweiter Theil. Zweite Abtheilung. Rostock 1863», p. 5, 6). Заслуга Thünen'a въ томъ, что онъ поставилъ этотъ вопросъ, но отвѣтъ его дѣтски наивенъ.

нажныхъ трубъ и т. п. есть условіе возрастанія производительности труда. То же относится и къ массѣ средствъ производства, сконцентрированныхъ въ постройкахъ, доменныхъ печахъ, перевозочныхъ средствахъ и т. д. Но является ли оно причиной или слѣдствіемъ.—увеличеніе разитровъ средствъ производства, въ сравненіи съ приурочиваемой къ нимъ рабочей силой, всегда выражаетъ ростъ производительности труда. Увеличеніе послѣдней проявляется, слѣдовательно, въ уменьшеніи массы труда въ сравненіи съ массой средствъ производства, приводимыхъ этимъ трудомъ въ движеніе, или въ уменьшеніи величины субъективнаго фактора процесса труда въ сравненіи съ его объективными факторами.

Въ эпоху возникновенія крупной промышленности въ Англіи былъ открытъ способъ превращенія чугуна въ желѣзо. Этотъ методъ, называемый пудлингованіемъ и состоящій въ вылавкѣ чугуна въ печахъ особой конструкціи, создалъ почву для грандіознаго расширенія доменныхъ печей, для употребленія аппаратовъ, дѣйствующихъ нагрѣтымъ воздухомъ и т. д., словомъ, для такого увеличенія орудій и матеріаловъ, приводимыхъ въ движеніе даннымъ количествомъ труда, что желѣзо могло быть производимо въ достаточно большихъ массахъ и по достаточно дешевой цѣнѣ для того, чтобы вытѣснить во многихъ случаяхъ камень и дерево. А такъ какъ желѣзо и уголь суть великіе рычаги, двигающіе современную промышленность, то значеніе такого усовершенствованія нельзя, кажется, преувеличить.

При всемъ томъ, пудлинговщикъ, рабочій занятый плавкой чугуна, производитъ ручную работу, такъ что величина печей, которыми онъ можетъ заправлять, ограничена его личными силами, а въ этомъ то и заключаются границы того удивительнаго подъема металлургической промышленности, который начался въ 1780 г., въ годъ изобрѣтенія пудлингованія.

«Дѣло въ томъ, восклицаетъ Engineering, органъ англійскихъ машиностроителей, дѣло въ томъ, что устарѣлый способъ ручного пудлингованія есть лишь остатокъ варварства (the fact is that the old process of hand puddling is little better than a barbarism)... Современная тенденція нашей промышленности состоитъ въ томъ, чтобы—на различныхъ ступеняхъ производства—оперировать все большимъ и большимъ количествомъ матеріала. Вотъ почему почти каждый годъ мы видимъ, что возникаютъ все болѣе и болѣе обширныя доменные печи, все болѣе и болѣе тяжелые паровые молоты, все болѣе и болѣе мощныя прокатныя и что въ многочисленныхъ отрасляхъ металлургіи примѣняются все болѣе и болѣе гигантскія орудія. Среди этого всеобщаго роста—возрастанія средствъ производства сравнительно съ примѣняемымъ трудомъ—пудлингованіе осталось почти неподвижнымъ и ставить въ настоящее время нестерпимыя преграды промышленному движенію... Поэтому-то на всѣхъ крупныхъ заводахъ началась замѣна пудлингованія автоматическими печами, могущими поглощать матеріалъ въ количествѣ совершенно независимомъ отъ ручного труда» ^{77aa)}.

Итакъ, пудлингованіе, когда-то произведшее революцію въ металлургическомъ производствѣ и вызвавшее огромное расширеніе орудій и матеріала, при-

^{77aa)} «The Engineering», B. June, 1874.

водимыхъ въ движеніе даннымъ количествомъ труда, само, по мѣрѣ прогресса накопленія, сдѣлалось экономическимъ тормазомъ, отъ котораго промышленность собирается отдѣлаться, перейдя къ новымъ методамъ, способнымъ раздвинуть границы, воздвигаемыя пудалпгованіемъ даянѣйшему росту вещественныхъ средствъ производства сравнительно съ примѣяемымъ трудомъ. Такова исторія всѣхъ открытій и изобрѣтеній, порождаемыхъ накопленіемъ, какъ мы это уже и доказали въ нашемъ очеркѣ развитія современнаго способа производства отъ его возникновенія до нашихъ дней ^{77ааа)}.

Это измѣненіе техническаго состава капитала, возрастаніе массы средствъ производства, въ сравненіи съ массою оживляющей ихъ рабочей силы, въ свою очередь отражается въ его цѣнностномъ составѣ какъ увеличеніе постоянной части капитальной цѣности насчетъ переменнѣй. Положимъ, что первоначально 50% извѣстнаго капитала идутъ на средства производства и 50% на рабочую силу, позже, съ развитіемъ производительности труда, 80% идутъ на средства производства и 20% на рабочую силу и т. д. Этотъ законъ прогрессивнаго возрастанія постоянной части капитала, въ сравненіи съ переменнѣй, подтверждается на каждомъ шагѣ (какъ уже было указано выше) сравнительнымъ анализомъ товарныхъ цѣнъ, все равно, будемъ ли мы сравнивать различныя экономическія эпохи одной націи, или различныя націи въ одну и ту же эпоху. Относительная величина того элемента цѣны, который представляетъ лишь цѣнность потребленныхъ средствъ производства или постоянную часть капитала, измѣняется прямо пропорціонально, относительная же величина другого ея элемента, оплачивающаго трудъ или представляющаго переменную часть капитала, — обратно пропорціонально прогрессу накопленія.

Однако уменьшеніе переменнѣй части капитала по отношенію къ постоянной его части, или измѣненіе состава капитальной цѣности только приблизительно показываетъ измѣненіе въ соотношеніи ея матеріальныхъ составныхъ частей. Если, напр., въ настоящее время капитальная цѣнность, вложенная въ прядильную фабрику, состоитъ изъ $\frac{7}{8}$ постоянного капитала и $\frac{1}{8}$ переменнаго, между тѣмъ какъ въ началѣ XVIII-го столѣтія она состояла изъ $\frac{1}{2}$ постоянного и $\frac{1}{2}$ переменнаго капитала, то зато масса сырого матеріала, средствъ труда и т. д., которые въ настоящее время потребляются производителью опредѣленнымъ количествомъ прядильнаго труда, въ нѣсколько сотъ разъ превышаютъ то же количество въ началѣ XVIII-го столѣтія. Причина этого кроется просто въ томъ, что съ возрастаніемъ производительности труда не только увеличивается размѣръ потребляемыхъ имъ средствъ производства, но и цѣнность ихъ падаетъ въ сравненіи съ ихъ размѣрамъ. Цѣнность ихъ, такимъ образомъ, возрастаетъ абсолютно, но не пропорціонально размѣрамъ. Увеличеніе разности между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ поэтому гораздо меньше увеличения разности между массою средствъ производства, въ которыя превращается постоянный капиталъ, и количествомъ рабочей силы, въ которую превращается переменный капиталъ. Первая разность увеличивается вмѣстѣ съ послѣдней, но — въ меньшей степени.

^{77ааа)} См. отдѣлъ IV настоящаго сочиненія.

Впрочемъ, если прогрессъ накопленія уменьшаетъ относительную величину переменнѣй части капитала, то этимъ онъ вовсе не исключаетъ увеличенія его абсолютной величины. Предположимъ, что капиталъная цѣнность распадается вначалѣ на 50% постоянного и 50% переменнаго капитала, затѣмъ на 80% постоянного и 20% переменнаго. Если, между тѣмъ, первоначальный капиталъ, положимъ въ 6.000 ф. ст., увеличился до 18.000 ф. ст., то его переменная часть тоже увеличилась на $\frac{1}{3}$. Прежде она составляла 3.000 ф. ст., теперь же она составляетъ 3.600 ф. ст. Но тамъ, гдѣ прежде достаточно было приращенія капитала на 20% для того, чтобы увеличить спросъ на трудъ на 20%, теперь для этого потребуется утроеніе первоначальнаго капитала.

Въ четвертомъ отдѣлѣ мы показали, какъ развитіе общественной производительности силы труда предполагаетъ кооперацію въ широкихъ размѣрахъ, какъ лишь при этомъ условіи могутъ быть организованы раздѣленіе и комбинація труда, сбережены посредствомъ массовой концентраціи средства производства, созданы такія орудія труда, которыя по матеріальной природѣ своей могутъ быть приложены только сообща, напр., система машинъ и т. д., и какъ лишь тогда гигантскія силы природы могутъ быть подчинены производству, а процессъ производства можетъ быть превращенъ въ техническое приложеніе науки. На основѣ товарнаго производства, при которомъ средства производства составляютъ собственность частныхъ лицъ, гдѣ рабочій, поэтому, или изолированно и самостоятельно производить товары или продать свою рабочую силу, какъ товаръ, потому что у него нѣтъ средствъ для самостоятельнаго производства. — вышеупомянутое предположеніе реализуется лишь посредствомъ возрастанія индивидуальныхъ капиталовъ, или, другими словами, — по мѣрѣ того какъ общественныя средства производства и существованія превращаются въ частную собственность капиталистовъ. На фундаментѣ товарнаго производства крупное производство можетъ существовать только въ капиталистической формѣ. Нѣкоторое накопленіе капитала въ рукахъ индивидуальныхъ товаропроизводителей составляетъ, поэтому, необходимую предпосылку специфически капиталистическаго способа производства^{77*)}. Мы, поэтому, должны были предположить существованіе такого накопленія при переходѣ отъ ремесла къ капиталистическому производству. Оно можетъ быть названо первоначальнымъ накопленіемъ, потому что, оно есть не историческій результатъ специфически-капиталистическаго способа производства, а его историческое основаніе. Здѣсь намъ нечего еще изслѣдовать, какъ оно само произошло. Съ насъ довольно того, что оно составляетъ исходную точку. Но всѣ методы увеличенія общественной производительности труда, развивающіеся на этой почвѣ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и методы увеличенія прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта, который, въ свою очередь, есть образовательный элементъ накопленія. Эти методы, слѣдовательно, являются въ то же время методами производства капитала капиталомъ, или методами его ускореннаго накопленія. Непрерывное превращеніе прибавочной цѣнности въ капи-

^{77*)} Трудъ не можетъ достигъ такой огромной силы безъ предшествующаго накопленія капиталовъ» (Адамъ Смитъ).

такъ выражается въ возрастающей величинѣ капитала, вступающаго въ процессъ производства. Оно, въ свою очередь, становится основаніемъ производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ, сопровождающихъ его методовъ увеличенія производительности труда и ускореннаго производства прибавочной цѣнности. Если, такимъ образомъ, извѣстная степень накопленія капитала является условіемъ специфически-капиталистическаго способа производства, то послѣдній, въ свою очередь, обуславливаетъ болѣе быстрое накопленіе капитала. Съ накопленіемъ капитала развивается, такимъ образомъ, специфически-капиталистическій способъ производства, а со специфически-капиталистическимъ способомъ производства развивается накопленіе капитала. Эти экономическіе факторы производятъ — въ мѣру сложнаго толчка, даваемого развитію производства ихъ взаимодействіемъ — то измѣненіе техническаго состава капитала, въ силу котораго переминая часть становится все меньше и меньше въ сравненіи съ постоянною.

Каждый индивидуальный капиталъ представляетъ большую или меньшую концентрацію средствъ производства съ соответствующимъ главенствомъ надъ болѣе или меньшею арміею рабочихъ. Каждое накопленіе становится средствомъ новаго накопленія. Выѣстъ съ увеличеніемъ массы богатства, функционирующаго какъ капиталъ, накопленіе увеличиваетъ его концентрацію въ рукахъ индивидуальных капиталистовъ и, потому, расширяетъ основы крупнаго производства и специфически-капиталистическихъ методовъ производства. Возрастаніе общественнаго капитала происходитъ посредствомъ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ ростъ индивидуальныхъ капиталовъ, а съ нимъ и концентрація средствъ производства, происходитъ въ пропорціи, соответствующей доль каждого индивидуальнаго капитала въ совокупномъ общественномъ капиталѣ. Выѣстъ съ тѣмъ отъ первоначальнаго капитала откалываются куски, которые функционируютъ, какъ новые самостоятельные капиталы. Большую роль при этомъ играетъ, между прочимъ, раздѣлъ имущества въ семействахъ капиталистовъ. Съ накопленіемъ капитала возрастаетъ, поэтому, болѣе или меньше число капиталистовъ. Два обстоятельства характеризуютъ этотъ родъ концентраціи, непосредственно покоящійся на накопленіи или даже тождественный съ нимъ. Во-первыхъ: ростъ концентраціи общественныхъ средствъ производства въ рукахъ индивидуальныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограниченъ степенью возрастанія общественнаго богатства. Во-вторыхъ: часть общественнаго капитала, вложенная въ каждую отдѣльную отрасль производства, раздѣляется между многими капиталистами, которые противостоятъ другъ другу, какъ независимые и другъ съ другомъ конкурирующіе товаропроизводители. Итакъ, мы видимъ, что не только накопленіе и сопутствующая ему концентрація раздробляется и происходитъ въ одно и то же время на многихъ путяхъ, но и возрастаніе функционирующихъ капиталовъ сопровождается образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны, растущею концентраціею средствъ производства и растущимъ господствомъ надъ трудомъ, съ другой стороны — взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ.

Этому раздробленію всего общественнаго капитала на многіе индивидуальныя капиталы или взаимному отталкиванію его кусковъ противодѣйствуетъ ихъ притяженіе. Это уже не простая концентрація средствъ производства, тоже ответственная съ накопленіемъ, не простое господство надъ трудомъ. Это концентрація образовавшихся уже капиталовъ, уничтоженіе ихъ индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистомъ, превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функционирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественного богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ нарастаетъ здѣсь въ однихъ рукахъ, потому что тамъ онъ исчезъ изъ многихъ рукъ. Это и есть, въ собственномъ смыслѣ слова, централизація, которую нужно отличать отъ накопленія и концентрации.

Законы этой централизаціи капиталовъ или притяженія капитала капиталомъ не могутъ быть здѣсь изложены. Мы ограничимся краткими фактическими указаніями. Борьба, проявляющаяся здѣсь какъ конкуренція, ведется посредствомъ удешевленія товаровъ. Дешевизна товаровъ зависитъ, *ceteris paribus*, отъ производительности труда, эта же послѣдняя отъ размѣровъ производства. Крупные капиталы побиваютъ, поэтому, мелкіе. Вспомнимъ даже, что съ развитіемъ капиталистическаго способа производства увеличивается минимальный размѣръ индивидуальнаго капитала, необходимаго для того, чтобы вести предпріятіе при нормальныхъ условіяхъ. Мелкіе капиталы набрасываются, поэтому, на такія отрасли производства, которыми крупная промышленность овладѣваетъ лишь спорадически или не вполне. Конкуренція свирѣпствуетъ здѣсь прямо пропорціонально числу и обратно пропорціонально величинѣ соперничающихъ капиталовъ. Она всегда кончается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ, капиталы которыхъ частью переходятъ въ руки побѣдителя, частью же гибнутъ. Независимо отъ этого, съ развитіемъ капиталистическаго производства создается новая сила—кредитъ, который вначалѣ робко прокрадывается въ видѣ скромнаго пособія накопленія, невидимыми нитями стягиваетъ въ руки индивидуальныхъ капиталистовъ или ассоціацій капиталистовъ денежныя средства, разсыянные на поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ; но вскорѣ становится повнымъ и страшнымъ орудіемъ въ конкуренціи и, наконецъ, превращается въ громадный соціальный механизмъ для централизаціи капиталовъ.

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое производство и накопленіе, развиваются также конкуренція и кредитъ—эти два могущественнѣйшіе рычага централизаціи. Выбѣстъ съ тѣмъ прогрессъ накопленія увеличиваетъ матеріалъ для централизаціи, т. е. отдѣльные капиталы, между тѣмъ какъ расшнрѣніе капиталистическаго производства создаетъ, съ одной стороны, общественную потребность, съ другой—техническія средства для тѣхъ громадныхъ промышленныхъ предпріятій, проведеніе которыхъ связано съ предыдущей централизаціей капитала. Въ настоящее время, поэтому, сила взаимнаго притяженія отдѣльныхъ капиталовъ и тенденція къ централизаціи сильнѣе, чѣмъ

когда-либо. Если даже относительные размѣры и энергія движенія въ направленіи централизаціи въ извѣстной степени опредѣляется достигнутой уже величинной капиталистическаго богатства и степенью совершенства экономическаго механизма, то прогрессъ накопленія отнюдь не зависитъ отъ положительнаго возрастанія общественнаго капитала. И это-то именно и отличаетъ централизацію отъ концентраціи, составляющей лишь пное выраженіе расширеннаго воспроизведенія. Централизація можетъ происходить путемъ простаго измѣненія распределенія существующихъ уже капиталовъ, вслѣдствіе простаго измѣненія въ количественной группировкѣ составныхъ частей общественнаго капитала. Капиталъ можетъ здѣсь возрасти до огромныхъ размѣровъ въ однихъ рукахъ, потому что тамъ онъ ушелъ изъ многихъ рукъ. Централизація достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ данной отрасли промышленности, когда всѣ помѣщавшіе въ ней капиталы соединяются въ одинъ едичный капиталъ^{77bb)}. Въ данномъ обществѣ этотъ предѣлъ былъ бы достигнутъ лишь тогда, когда весь общественный капиталъ былъ бы соединенъ или въ рукахъ одного капиталиста, или одного общества капиталистовъ.

Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширить размѣры своихъ операцій. Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побуждаютъ ихъ индивидуальное сѣщеніе и притягиваютъ къ себѣ разрозненные куски, или слияніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ происходитъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ,—экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣняется. Разростаніе размѣровъ промышленныхъ заведеній составляетъ вездѣ исходную точку для болѣе широкой организаціи совмѣстнаго труда многихъ, для болѣе широкаго развитія его матеріальныхъ движущихъ силъ, т. е. для прогрессивнаго превращенія разрозненныхъ и рутинныхъ процессовъ производства въ комбинированные общественные и научно ведомые процессы производства.

Очевидно, однако, что накопленіе, т. е. постепенное увеличеніе капитала посредствомъ воспроизведенія, переходящаго изъ круговой формы въ спиральную, очень медленная процедура въ сравненіи съ централизаціей, которая нуждается лишь въ томъ, чтобы измѣнить количественную группировку интегральныхъ составныхъ частей общественнаго капитала. Міръ оставался бы еще и до сихъ поръ безъ желѣзныхъ дорогъ, если бы ему пришлось ждать, пока накопленіе поставитъ отдѣльные капиталы въ возможность постропить желѣзную дорогу. Централизація же, напротивъ, произвела это сразу посредствомъ акціонерныхъ компаній. И усиливая и ускоряя, такимъ образомъ, дѣйствіе накопленія, централизація въ то же время расширяетъ и ускоряетъ также измѣне-

^{77bb)} [Къ 4-му над.—Новѣйшіе англійскіе и американскіе «Trusts» стремятся уже къ этой цѣли, стараясь соединить, по крайней мѣрѣ, всѣ крупныя предпріятія одной отрасли въ одно большое акціонерное общество съ фактической монополіей.—Ф. Э.].

пія въ техническомъ составѣ капитала: она увеличиваетъ его постоянную часть на счетъ переменной и уменьшаетъ этимъ относительный спросъ на трудъ.

Капиталы, вырастающіе, благодаря централизаціи, въ одинъ день, воспроизводятся и увеличиваются такъ же, какъ и другіе, только быстрее, становясь, такимъ образомъ, новыми могущественными рычагами общественного накопленія. Такимъ образомъ, когда говорить о прогрессѣ общественного накопленія, то подъ этимъ — въ настоящее время — подразумеваютъ и дѣйствіе централизаціи.

Добавочные капиталы, образовавшіеся во время нормального процесса накопленія (см. гл. XXII, 1), служатъ, главнымъ образомъ, средствомъ для эксплуатаціи новыхъ открытій и изобрѣтеній, вообще всякихъ промышленныхъ усовершенствованій. Но и старый капиталъ со временемъ доживаетъ до момента своего обновленія во главѣ и во членахъ: тогда онъ, такъ сказать, линяетъ и возрождается въ технически усовершенствованной формѣ, при которой меньшаго количества труда достаточно для того, чтобы приводить въ движеніе большее количество машинъ и сырого матеріала. Уменьшеніе спроса на трудъ, являющееся необходимымъ результатомъ этого факта, само собою разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ больше капиталовъ, продѣлывающихъ этотъ процессъ обновленія, скопилось, вслѣдствіе централизаціи, въ крупныя массы.

Итакъ, съ одной стороны добавочный капиталъ, образовавшійся во время накопленія, притягиваетъ, сравнительно со своей величиной, все меньше и меньше рабочихъ; съ другой стороны — первоначальный капиталъ, періодически воспроизводимый въ новомъ составѣ, отталкиваетъ все больше и больше рабочихъ, которымъ онъ прежде давалъ занятіе.

3 Прогрессивное созданіе относительнаго перенаселенія или промышленной резервной арміи.

Накопленіе капитала, которое первоначально казалось лишь его количественнымъ расширеніемъ, происходитъ, какъ мы видѣли, посредствомъ постоянного качественного измѣненія его состава, путемъ непрерывнаго увеличенія постоянной его части на счетъ переменной ^{77с)}.

Специфически капиталистическій способъ производства, соответствующее ему развитіе производительной силы труда, измѣненіе органическаго состава капитала, привычное этимъ развитіемъ, не только идутъ рука объ руку съ прогрессомъ накопленія или съ ростомъ общественного богатства — они идутъ несравненно быстрее, такъ какъ простое накопленіе или абсолютное расширеніе совокупнаго капитала сопровождается централизаціей его индивидуальныхъ элемен-

^{77с)} Примѣч. къ 3-му изд.—Въ собственномъ экземплярѣ Маркса здѣсь находится слѣдующая замѣтка на поляхъ: «Здѣсь надо замѣтить для позднѣйшаго дополненія: если расширеніе будетъ только количественное, то прибыли, при большемъ или меньшемъ капиталѣ, въ одной и той же отрасли промышленности, будутъ относиться другъ къ другу какъ величины авансированныхъ капиталовъ. Если количественное расширеніе скрывается въ качественныхъ результатахъ, то въ то же самое время подымается уровень прибыли большаго капитала». [Ф. Э.].

товъ, а техническое измѣненіе добавочнаго капитала—техническимъ измѣненіемъ первоначальнаго капитала. Съ прогрессомъ накопленія отношеніе постоянной части капитала къ переменной его части, если первоначально оно составляло 1 : 1, измѣняется въ 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., такъ что, съ ростомъ капитала, въ рабочую силу вмѣсто $\frac{1}{2}$ его общей цѣнности превращается прогрессивно только $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и т. д., въ средства же производства, наоборотъ, $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{7}{8}$ и т. д. Такъ какъ спросъ на трудъ опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а лишь переменной его части, то спросъ этотъ прогрессивно падаетъ съ ростомъ всего капитала, вмѣсто того, чтобы пропорціонально возрастать, какъ мы раньше предполагали. Онъ падаетъ въ сравненіи съ величиной совокупнаго капитала и въ возрастающей съ возрастаніемъ этой величины прогрессив. Съ ростомъ совокупнаго капитала возрастаетъ правда, переменная его часть или приуроченная къ нему рабочая сила, но въ постоянно убывающей пропорціи. Промежутки, во время которыхъ накопленіе дѣйствуетъ лишь какъ простое расширеніе производства на данномъ техническомъ основаніи, сокращаются. Не только необходимо ускореніе накопленія всего капитала въ возрастающей прогрессіи для того, чтобы поглотить добавочное число рабочихъ, или даже вслѣдствіе постоянной метаморфозы первоначальнаго капитала,—лишь для того, чтобы дать занятіе функционировавшимъ уже рабочимъ,—этотъ ростъ накопленія и централизаціи, въ свою очередь, превращается въ источникъ новаго измѣненія состава капитала или новаго быстрого уменьшенія переменной его части въ сравненіи съ постоянной. Это относительное уменьшеніе переменной части капитала, ускоряющееся съ возрастаніемъ всего капитала, и притомъ быстрое, чѣмъ его собственное козростаніе, кажется, съ другой стороны, наоборотъ, возрастаніемъ рабочаго населенія, опережающимъ возрастаніе переменнаго капитала или средствъ, доставляющихъ занятіе рабочимъ. Но дѣло обстоитъ наоборотъ: капиталистическое накопленіе постоянно создаетъ, пропорціонально своей энергіи и своимъ размѣрамъ, относительно, т. е. для потребностей капитала въ самовозрастаніи, излишнее или добавочное рабочее населеніе.

Разсматривая весь общественный капиталъ, въ его совокупности мы видимъ, что то ходъ накопленія вызываетъ періодическія измѣненія, то отдѣльные моменты его движенія распределяются одновременно между различными отраслями производства. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ происходитъ измѣненіе состава капитала безъ возрастанія его абсолютной величины, вслѣдствіе одной только концентраціи; въ другихъ—абсолютный ростъ капитала сопряженъ съ абсолютнымъ уменьшеніемъ его переменной части или поглощаемой ею рабочей силы; въ третьихъ—то капиталъ возрастаетъ на данной технической основѣ и привлекаетъ добавочную рабочую силу соответственно своему возрастанію, то происходитъ органическое измѣненіе капитала и сокращается его переменная часть; во всѣхъ сферахъ возрастаніе переменной части капитала, а слѣдовательно, и числа занятыхъ рабочихъ всегда связано съ сильными колебаніями и временнымъ созданіемъ перепаселенія, все равно, принимаетъ ли оно рѣзкую форму оттапливанія занятыхъ уже рабочихъ, или менѣе замѣтную, но не менѣе дѣйствительную форму затрудненнаго по-
капиталъ.

глошенія добавочнаго рабочаго населенія его обыкновенными отводными каналами ⁷⁸⁾). Вместе съ величиной функционирующаго уже общественнаго капитала и со степенью его возрастанія, съ расширеніемъ размаѣра производства и числа занятыхъ рабочихъ, съ развитіемъ производительной силы ихъ труда, съ расширеніемъ и оживленіемъ всѣхъ источниковъ богатства увеличивается также масштабъ взаимодѣйствія между притяженіемъ и отталкиваніемъ рабочихъ капиталомъ, увеличивается быстрота измѣненій органическаго состава капитала и его технической формы, расширяется кругъ отраслей производства, которые то одновременно, то попеременно охватываются ими. Рабочее население, вместе съ производимымъ имъ же самымъ накопленіемъ капитала, создаетъ, следовательно, въ возрастающихъ размаѣрахъ средства, дѣлающія часть его избыточною ⁷⁹⁾. Это есть законъ народонаселенія, характерный для капиталистиче-

⁷⁸⁾ Народная перепись (цензъ) въ Англіи и Уэльсѣ, между прочимъ, показываетъ: всѣхъ лицъ, занятыхъ въ земледѣліи (включая сюда собственниковъ, фермеровъ, садовниковъ, пастуховъ и т. п.) въ 1851 г. было 2011.447, въ 1861—1.924.110, т. е. на 87.337 чел. меньше. Въ шерстяномъ производствѣ въ 1851 г. занято было 102.714 человекъ, въ 1861 г.—79.242; на шелковыхъ фабрикахъ въ 1851 г. — 111.940, въ 1861 г.—101.678. Шляпочниковъ въ 1851 г. было 15.957, въ 1861 г.—13.814; рабочихъ, изготовляющихъ соломенные и женскія шляпы, въ 1851 г. было 20.393, въ 1861 г.—13.176; солодовщиковъ въ 1851 г.—10.566, въ 1861 г.—10.677, рабочихъ въ свѣчномъ производствѣ въ 1851 г.—4.949, въ 1861 г.—4.686—это уменьшеніе объясняется, между прочимъ, распространеніемъ газоваго освѣщенія. Гребенщиковъ въ 1851 г. было 2.038, въ 1861 г.—1.478; пильщиковъ дерева въ 1851 г.—30.552, въ 1861 г.—31.647—ничтожное увеличеніе, вслѣдствіе распространенія пильныхъ машинъ; гвоздарей въ 1851 г.—26.940, въ 1861 г.—26.130, уменьшеніе вслѣдствіе конкуренціи машинъ; въ оловянныхъ и свѣчныхъ рудникахъ въ 1851 г. было занято 31.360, въ 1861 г.—32.041. Напротивъ того, на бумаго-придѣльныхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ 1851 г. было 371.777 чел., въ 1861 г.—456.646, въ каменно-угольныхъ копяхъ въ 1851 г.—183.389, въ 1861 г.—246.613. Разкій примѣръ относительно все меньшаго и меньшаго возрастанія представляетъ свѣцечечное производство. Прощу сравнить слѣдующія цифры: въ Англіи это производство экспортировало въ 1851 г. 577.867.229 ярдовъ (ярдъ=0,914 метра) цѣною въ 10.295.621 ф. ст., а въ 1861—828.873.922 ярдовъ цѣною въ 14.211.572 ф. ст. Число занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, составившее въ 1851 г. 12.098, въ 1861 г. увеличилось лишь до 12.556, т. е. на 458 душъ, или, за весь десятилѣтній періодъ, увеличеніе числа рабочихъ составило приблизительно 4%. «Увеличеніе числа рабочихъ вообще съ 1851 г. больше въ такихъ отрасляхъ въ которыхъ машины до сихъ поръ еще не примѣнялись съ успѣхомъ». («Census of England and Wales for 1862», vol. III. Lond. 1863, p. 36).

⁷⁹⁾ Законъ прогрессивнаго уменьшенія относительной величины переменнаго капитала и его воздѣйствіе на классъ наемныхъ рабочихъ скорѣе угадывали, чѣмъ понимали нѣкоторые выдающіеся эконимисты классической школы. Главная заслуга въ этомъ принадлежитъ John'у Barton'у, хотя онъ, какъ и всѣ другіе, смѣшиваетъ постоянный капиталъ съ основнымъ, а переменный съ оборотнымъ. «Спросъ на трудъ»,—говоритъ онъ,—зависитъ отъ увеличенія оборотнаго капитала, а не основнаго. Если бы было вѣрно, что отношеніе между этими двумя видами одинаково во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ, то въ такомъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ число занятыхъ рабочихъ было бы пропорціонально богатству страны. Но такое предположеніе не имѣетъ ни тѣни вѣроятности. Съ развитіемъ промысловъ и

ческаго способа производства: вообще, всякому особенному историческому способу производства свойственны особенные законы народонаселенія, имѣющіе историческое значеніе. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растений и животныхъ до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому вліянію человѣка.

Но если избыточное рабочее населеніе есть необходимый продуктъ накопленія или развитія богатства на капиталистической основѣ, то это избыточное населеніе, въ свою очередь, становится рычагомъ капиталистическаго накопленія, и даже прямо условіемъ существованія капиталистическаго способа производства. Оно образуетъ готовую къ услугамъ промышленную резервную армію, которая такъ же абсолютно принадлежитъ капиталу, какъ если бы она выросла на собственный счетъ. Она создаетъ—независимо отъ предѣловъ дѣйствительнаго прироста населенія—для измѣняющихся потребностей самовозрастанія капитала постоянно готовый къ эксплуатаціи человѣческій матеріалъ. Съ накопленіемъ и сопровождающимъ его развитіемъ производительности труда возрастаетъ внезапная сила расширенія капитала, не только вслѣдствіе роста эластичности функціонирующаго капитала и абсолютнаго богатства, эластичную часть котораго составляетъ капиталъ, не только потому, что кредитъ, при всякомъ особенномъ возбужденіи, тотчасъ же предоставляетъ производству значительную часть этого богатства въ видѣ добавочнаго капитала,—техническія условія самаго процесса производства, машины, перевозочныя средства и т. д., дѣлаютъ возможнымъ въ самомъ широкомъ масштабѣ наискорѣйшее превращеніе прибавочнаго продукта въ добавочныя средства производства. Масса общественнаго богатства, возрастающая съ прогрессомъ накопленія и могущая превратиться въ добавочный капиталъ, бѣшено устремляется въ старыя отрасли производства, рынокъ которыхъ внезапно расширяется, или же во вновь открываю-

распространеніемъ цивилизаціи основной капиталъ постоянно все увеличивается въ сравненіи съ оборотнымъ. Количество основного капитала, вложеннаго въ производство куска англійскаго муслина, по крайней мѣрѣ, въ сто, а вѣроятно, даже въ тысячу разъ больше того, какое употребляется при производствѣ такого же куска ирлѣйскаго муслина. Отношеніе же оборотнаго капитала въ сто или въ тысячу разъ меньше... Вся сумма ежегодныхъ сбереженій, прибавленная къ основному капиталу, не будетъ имѣть никакого вліянія на увеличеніе спроса на трудъ» (John Barton. «Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of society». Lond. 1817, p. 16, 17). «Та же самая причина, которая можетъ увеличить чистый доходъ страны, можетъ въ то же самое время сдѣлать населеніе избыточнымъ и ухудшить положеніе рабочихъ». (Ricardo l. c. p. 469). Съ увеличеніемъ капитала «спросъ (на трудъ) бываетъ менѣйшій» (l. c. p. 450, Note). Количество капитала, предназначенное на содержаніе труда, можетъ пачиваться независимо отъ пачивеній всей суммы капитала... Большія колебанія въ количествахъ труда и большія страданія могутъ учащаться съ возрастаніемъ самаго капитала». (Richard Jones: «An Introductory Lecture on Pol. Econ. Lond. 1833», p. 13). «Спросъ на трудъ) возрастаетъ... не пропорціонально накопленію всего капитала... Поэтому всякое увеличеніе національнаго капитала, предназначенное для воспроизведенія, съ прогрессомъ общества имѣетъ все меньше и меньше вліянія на положеніе рабочихъ» (Ramsay l. c. p. 90, 91).

ціяся, какъ желѣзныя дороги и т. п., потребность въ которыхъ рождается изъ развитія прежнихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ капиталъ нуждается въ возможности внезапно и безъ уменьшенія размѣра производства въ другихъ сферахъ бросать большія массы людей на важѣйшіе пункты рынка. Перенаселеніе составляетъ эти массы людей. Характерный жизненный путь современной промышленности, выливающийся въ форму прерываемаго небольшими колебаніями десятилѣтняго цикла, состоящаго изъ періода средняго оживленія, производства подъ высокимъ давленіемъ, кризиса и зстоя, поконится на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи промышленной резервной арміи или перенаселенія. Въ свою очередь, превратности промышленнаго цикла создаютъ человѣческій матеріалъ для перенаселенія и вообще служатъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ факторовъ его воспроизведенія.

Этотъ своеобразный жизненный путь современной промышленности, котораго мы не встрѣчали ни въ какомъ болѣе раннемъ періодѣ исторіи человѣчества, былъ также невозможенъ и въ дѣтствѣ капиталистическаго производства. Составъ капитала измѣнялся тогда лишь очень медленно. Его накопленію соответствовало, слѣдовательно, въ общемъ относительное увеличеніе спроса на трудъ. Медленный въ сравненіи съ современной эпохой, прогрессъ накопленія наталкивался всетаки на естественныя границы доступнаго для эксплуатаціи рабочаго населенія, которыя могли быть устранены лишь насильственными мѣрами, о чемъ рѣчь еще впереди. Внезапное и толчками происходившее расширеніе размѣровъ производства предполагаетъ и его внезапное сокращеніе; послѣднее опять, въ свою очередь, вызываетъ первое, но первое невозможно, если итъ въ распоряженіи чловѣческаго матеріала, оно немислимо безъ независимаго отъ абсолютнаго возрастанія населенія увеличенія числа рабочихъ. Послѣднее создается простымъ процессомъ, который постоянно «освобождаетъ» одну часть рабочихъ посредствомъ методовъ, уменьшающихъ число занятыхъ рабочихъ въ сравненіи съ возросшимъ производствомъ. Вся присущая современной промышленности форма движенія происходитъ, слѣдовательно, изъ постоянного превращенія одной части рабочаго населенія въ незанятыхъ или на половину занятыхъ руки. Поверхностность политической экономіи проявляется, между прочимъ, въ томъ, что она считаетъ расширеніе и сокращеніе кредита,—простые симптомы различныхъ фазъ промышленныхъ цикловъ, ихъ причинами. Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, постоянно его повторяютъ, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе поперебѣнаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторлетъ его. Дѣйствія, въ свою очередь, становятся причинами и различныя перипетіи всего процесса, который постоянно воспроизводитъ свои собственные условія, принимаютъ форму періодичности. Но только съ того момента, что машинное производство, пустивъ достаточно глубокіе корни, стало оказывать подавляющее вліяніе на все національное производство; что, благодаря ему, вышняя торговля начала преобладать надъ внутренней: что міровой рынокъ послѣдовательно присоединилъ къ себѣ обширныя территоріи въ Новомъ Свѣтѣ, въ Азіи и въ Австраліи; что, наконецъ, число отдѣльныхъ промышленныхъ націй, вступившихъ на арену международной экономическаго борьбы, стало

довольно значительнымъ, — только съ этого момента начались повторяющіеся циклы, фазы которыхъ обнимаютъ цѣлые годы и которые упираются всегда въ общій кризисъ, завершающій одинъ циклъ и являющійся отправной точкой для другого. До настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, на основаніи развитыхъ выше законовъ капиталистическаго производства. слѣдуетъ предположить, что она измѣняется, и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться.

Разъ періодичность кризисовъ упрочилась, то даже политическая экономія начинаетъ понимать, что производство относительнаго, т. е. избыточнаго по отношенію къ среднимъ потребностямъ капитала въ самовозрастаніи населенія, составляетъ условіе существованія современной промышленности.

«Положимъ, — говоритъ Н. Merivale, бывшій профессоръ политической экономіи въ Оксфордѣ, впоследствии чиновникъ англійскаго министерства колоній, — положимъ, что во время кризиса нація напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы избавиться посредствомъ эмиграціи отъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ бѣдняковъ. Каковы же будутъ послѣдствія этого? При первомъ же возобновленіи спроса на трудъ въ немъ обнаружится недостатокъ. Какъ бы быстро ни происходило воспроизведеніе людей, всегда необходимъ все-таки промежутокъ одного поколѣнія для замѣны взрослыхъ рабочихъ. Но крѣпость нашихъ фабрикантовъ главнымъ образомъ, зависѣтъ отъ возможности эксплуатировать благоприятный моментъ усиленнаго спроса, чтобы вознаградить себя такимъ образомъ за періодъ застоя. Эту возможность обезпечиваетъ имъ только господство надъ машинами и надъ ручнымъ трудомъ. Они должны находить свободныя руки; они должны быть способны въ случаѣ надобности напрягать или ослаблять энергію своихъ операцій, смотря по состоянію рынка; въ противномъ же случаѣ они никакъ не могутъ разсчитывать на то превосходство въ конкуренціи, на которомъ и покоится богатство нашей страны» ⁸⁰). Даже Мальтусъ признаетъ въ перенаселеніи, которое онъ, со свойственной ему ограниченностью, выводитъ изъ абсолютной, а не изъ относительной избыточности рабочаго населенія, необходимое условіе современной промышленности. «Благоразумныя привычки по отношенію къ браку, — говоритъ онъ, — доведенныя до известной высоты среди рабочаго класса какой-нибудь страны, зависящей, главнымъ образомъ, отъ мануфактуры и торговли, могутъ сдѣлаться вредными для нея... Въ силу самой природы населенія, прострѣ рабочихъ не можетъ быть доставленъ на рынокъ для удовлетворенія особеннаго спроса раньше чѣмъ по прошествіи 16 или 18 лѣтъ, превращеніе же дохода въ капиталъ посредствомъ сбереженія можетъ совершаться гораздо быстрѣе; всякая страна всегда рискуетъ тѣмъ, что ея рабочій фондъ будетъ расти быстрѣе ея населенія» ⁸¹). Объявивъ, такимъ

⁸⁰) Н. Merivale: «Lectures on Colonization and Colonies». London 1841 and 1842. т. I. р. 146.

⁸¹) «Prudential habits with regard to marriage carried to a considerable extent among the labouring class of a country mainly depending upon manufactures and commerce might injure it.. From the nature of a population, an increase of labourers cannot be brought into market, in consequence of a particular demand, till after the

образомъ, постоянное созданіе относительнаго переваселенія рабочихъ необходимымъ условіемъ капиталистическаго накопленія, политическая экономія, точнѣ старая дѣва, впадетъ въ уста своего «идеала», хорошаго капиталиста, слѣдующія слова, обращенныя къ «излишнимъ рабочимъ», выброшеннымъ на улицу добавочнымъ капиталомъ, созданнымъ ими же самими: «Мы, фабриканты, дѣлаемъ для васъ все, что мы можемъ, увеличивая капиталъ, которымъ вы должны существовать; вы же должны дѣлать все прочее, соразмѣряя свое число со средствами существованія» ⁸²⁾.

Капиталистическое производство ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворяться тѣмъ количествомъ свободной рабочей силы, которое доставляетъ ему естественный приростъ населенія. Для своего свободного развитія оно нуждается въ промышленной резервной арміи, независимой отъ этихъ естественныхъ предѣловъ.

До сихъ поръ мы предполагали, что увеличенію или уменьшенію переменнаго капитала вполнѣ соответствуетъ увеличеніе или уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ.

Однако и при неизмѣняющемся или даже меньшемъ числѣ рабочихъ, подчиненныхъ переменному капиталу, послѣдній возрастаетъ, если индивидуальный рабочий доставляетъ больше труда и его заработная плата; поэтому, возрастаетъ, хотя бы цѣна труда и не измѣнялась или даже падала, но только медленнѣе, чѣмъ возрастаетъ масса труда. Приращеніе переменнаго капитала служить тогда показателемъ большаго количества труда, но не увеличенія числа занятыхъ рабочихъ. Каждый капиталистъ абсолютно заинтересованъ въ томъ, чтобы повлечь опредѣленное количество труда не изъ большаго, а изъ меньшаго числа рабочихъ, оплачиваемыхъ также дешево или даже еще дешевле. Въ первомъ случаѣ затрата постояннаго капитала увеличивается пропорціонально массѣ труда, находящагося въ дѣйствиіи, въ послѣднемъ же случаѣ гораздо медленнѣе. Чѣмъ болѣе размыты производствъ, тѣмъ болѣе рѣшающимъ является этотъ мотивъ. Значеніе его возрастаетъ вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала.

Мы видѣли, что развитіе капиталистическаго способа производства и производительной силы труда—составляюще въ одно в то же время и причину, и слѣдствіе накопленія—даетъ возможность капиталисту, при той же затратѣ переменнаго капитала, приводить въ движеніе большее количество труда посредствомъ болѣе значительной экстенсивной или интенсивной, эксплуатаціи индивидуальных рабочихъ силъ. Мы видѣли далѣе, что на ту же самую капитальную цѣнность онъ покупаетъ больше рабочей силы, постепенно замѣняя болѣе искусныхъ

lapse of 16 or 18 years, and the conversion of revenue into capital, by saving, may take place much more rapidly; a country is always liable to an increase in the quantity of the funds for the maintenance of labour faster than the increase of population». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ», p. 254, 319, 320). Въ этомъ сочиненіи Мальтусъ открываетъ, наконецъ, съ помощью Сисмонди, прекрасную тропицу капиталистическаго производства: перепроизводство, перенаселеніе, перепотребленіе, three very delicate monsters, indeed! Ср. F. Engels: «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie», I. c. p. 107 sqq.

⁸²⁾ Harriet Martineau: «The Manchester Strike. 1842», p. 101.

рабочихъ менѣе искусными, совершеннолѣтнихъ—несовременнолѣтними, мужскихъ—женскими, взрослыхъ рабочихъ—подростками или даже дѣтьми.

Съ одной стороны, слѣдовательно, съ прогрессомъ накопленія большій перемѣнный капиталъ приводитъ въ движеніе больше труда, не увеличивая числа рабочихъ, съ другой стороны, перемѣнный капиталъ одной и той же величины приводитъ въ движеніе больше труда при посредствѣ той же массы рабочей силы и, наконецъ, приводитъ въ дѣйствіе больше силъ низшаго качества, вытѣсняя рабочія силы высшаго качества.

Созданіе относительнаго перенаселенія или «освобожденіе» рабочихъ плетъ, поэтому, быстрее, чѣмъ техническое преобразованіе процесса производства, и безъ того ускоренное ходомъ накопленія, и сопутствующее этому преобразованію пропорціональное уменьшеніе перемѣнной части капитала по отношенію къ постоянной. Если средства производства, по мѣрѣ того какъ они увеличиваются въ размѣрѣ и въ силѣ, все въ меньшей и меньшей степени становятся средствомъ занятія рабочихъ, то самое это отношеніе изощряется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мѣрѣ того, какъ растетъ производительная сила труда, капиталъ быстрее увеличиваетъ доступный ему запасъ труда, чѣмъ свой спросъ на рабочихъ. Чрезмѣрный толкъ занятой части рабочаго класса увеличиваетъ его резервные ряды, между тѣмъ какъ и обратно—усиленіе давленія, производимаго конкуренціей резервной арміи на занятыхъ рабочихъ, принуждаетъ послѣднихъ къ чрезмѣрному труду и полному подчиненію велѣніямъ капитала. Обреченіе одной части рабочаго класса на вынужденную праздность, благодаря чрезмѣрному труду другой его части и наоборотъ, становится средствомъ обогащенія отдѣльных капиталистовъ ⁸³⁾ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

⁸³⁾ Даже во время хлопчатобумажнаго кризиса 1863 г. мы находимъ въ одномъ памфлетѣ прядильщиковъ Blackburn'a рѣзкія жалобы на чрезмѣрный трудъ, который въ силу фабричнаго закона приходится, конечно, только на долю взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. «Взрослымъ рабочимъ этой фабрики предложили работать отъ 12 до 13 часовъ въ день, между тѣмъ какъ есть сотни людей, вынужденныхъ оставаться праздными и которые охотно стали бы работать хоть часть времени, чтобы поддержать свои семейства и спасти своихъ братьевъ отъ преждевременной смерти подъ гнетомъ чрезмѣрнаго труда». «Мы,—сказано долѣ,—хотѣли бы спросить, возможны ли какія-либо споспѣшныя отношенія между хозяевами и «слугами» при этомъ обычай работать сверхурочное время? Жертвы чрезмѣрнаго труда такъ же чувствуютъ эту несправедливость, какъ и тѣ, которые вѣ�къ осуждены на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Въ этомъ округѣ хватало бы работы для всѣхъ, если бы трудъ былъ распределенъ справедливо. Мы требуемъ только своего права, предлагая хозяевамъ общее сокращеніе рабочаго дня, по крайней мѣрѣ, пока продолжается настоящее положеніе вещей, вмѣсто того, чтобы обременять одну часть рабочихъ чрезмѣрнымъ трудомъ въ то время, какъ другая часть, вслѣдствіе недостатка работы, принуждена поддерживать свое существованіе, обращаясь къ общественной благотворительности» («Reports of Insp. of Fact. 31 st. Oct. 1863», p. 8). Авторъ «Essay on Trade and Commerce» со своимъ обычнымъ непогрѣшимымъ чутьемъ буржуа схватываетъ вліяніе относительнаго населенія на занятыхъ рабочихъ. Другая причина лѣнності (idleness) въ нашемъ королевствѣ заключается въ недостаткѣ необходимаго числа рабочихъ рукъ. Каждый разъ, когда, вслѣдствіе какого-

ускоряетъ созданіе промышленной резервной арміи въ размѣрѣ, соответствующемъ прогрессу общественнаго накопленія. Какъ важенъ этотъ моментъ въ образованіи относительнаго перенаселенія, доказываетъ, напр., Англія. Ея техническія средства «сбереженія» труда колоссальны. Однако, если бы завтра трудъ былъ повсюду ограниченъ до рациональныхъ размѣровъ и распределенъ между различными слоями рабочаго класса соответственно возрасту и полу, то наличнаго рабочаго населенія было бы абсолютно недостаточно для продолженія національнаго производства въ настоящихъ его размѣрахъ. Значительное большинство нынѣшнихъ «непроизводительныхъ» рабочихъ припущено было бы превратиться въ «производительныхъ».

Общія колебанія заработной платы регулируются, въ среднемъ, исключительно расширеніями и сокращеніями промышленной резервной арміи, соответствующими смѣнѣ періодовъ промышленнаго цикла. Они опредѣляются, слѣдовательно, не колебаніями абсолютнаго числа рабочаго населенія, но вѣдущимся отношеніемъ, въ которомъ рабочій классъ распадается на активную армію и резервную армію, увеличеніемъ или уменьшеніемъ относительнаго размѣра перенаселенія, степенью, въ которой оно то поглощается, то вновь освобождается. Хорошо былъ бы въ самомъ дѣлѣ для современной промышленности съ ея десятилѣтними циклами и ихъ періодическими фазами, — прерывающимися кромѣ того неправильными колебаніями, все быстрое слѣдующими другъ за другомъ, — хорошо былъ бы для нея законъ, который ставилъ бы движеніе капитала въ зависимость отъ абсолютнаго движенія числа населенія, а не регулировалъ, наоборотъ, спроса и предложенія труда увеличеніемъ и уменьшеніемъ капитала, т. е. его мѣняющимися потребностями въ самовозрастаніи, въ силу чего рабочій рынокъ кажется то относительно недостаточно снабженнымъ, вслѣдствіе увеличенія капитала, то переполненнымъ, вслѣдствіе его уменьшенія. Но то, что кажется, то и составляетъ догматъ позитивской экономіи. По этому догмату вслѣдствіе накопленія капитала заработная плата повышается. Высокая заработная плата поощряетъ рабочее населеніе къ болѣе быстрому размноженію, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочій рынокъ не переполнится, т. е. капиталъ не станетъ недостаточнымъ въ сравненіи съ папавомъ рабочихъ. Заработная плата падаетъ, и мы видимъ обратную сторону медали. Вслѣдствіе пониженія заработной платы рабочее населеніе постепенно поглощается и разрѣжается, такъ что въ сравненіи съ нимъ капиталъ снова становится излишнимъ, или какъ объясняютъ это нѣкоторые, пониженіе заработной платы и соответствующее увеличеніе эксплуатаціи рабочихъ снова ускоряютъ накопленіе, между тѣмъ какъ въ то же самое время низкая плата препятствуетъ возрастанію ра-

нѣбудь необыкновеннаго спроса на фабрики, количество труда становится недостаточнымъ, рабочие начинаютъ чувствовать свое собственное значеніе и хотятъ дать его почувствовать своимъ хозяевамъ; это поразительно; но нравственность этихъ субъектовъ такъ извращена, что въ подобныхъ случаяхъ цѣлыя группы рабочихъ соединяются съ цѣлью поставить хозяина въ затрудненіе тѣмъ, что они прогуляютъ цѣлый день». («Essay etc», p. 27, 28). Дѣло въ томъ, что субъекты требовали увеличенія заработной платы.

бочаго населенія. Тогда снова вступаетъ моментъ, когда предложеніе труда оказывается ниже спроса на трудъ, плата повышается и т. д. Прекрасный способъ движенія для развитого капиталистическаго производства! Но пока, вслѣдствіе повышенія заработной платы, произойдетъ какое-нибудь положительное увеличеніе дѣйствительно способнаго къ труду населенія, десять разъ успѣтъ пройти срокъ, въ продолженіе котораго ведется промышленный походъ и должна быть дана рѣшительная битва.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣвъ, произошло практически только номинальное повышеніе заработной платы въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, напр., въ Wiltshire'ѣ недельная плата повысилась съ 7 до 8 шилл., въ Dorsetshire'ѣ съ 7 или 8 до 9 шилл. и т. д. Это было слѣдствіемъ необыкновеннаго отлива избыточнаго земледѣльческаго населенія, отлива, причиненнаго войной, громаднымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, горнаго дѣла и т. п. Чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ въ высшемъ процентѣ выражается всякое ея повышеніе, даже самое незначительное. Если недельная плата составляетъ, напр., 20 шилл. и поднимается до 22 шилл., то это повышеніе равно 10%; если же она, напротивъ, составляетъ только 7 шилл. и поднимается до 9, то это составляетъ 28⁴/₁₀%, что кажется очень внушительнымъ. Во всякомъ случаѣ фермеры завопили и даже «London Economist» серьезно заговорилъ объ «a general and substantial advance» **), (объ общемъ и значительномъ повышеніи) по поводу этой ничтожной платы. Что же слѣзали фермеры? Стали ли она ждать, пока, вслѣдствіе этой блестящей платы, сельскіе рабочіе размножатся настолько, что плата ихъ опять понизится, какъ это происходить въ головахъ доктринеровъ-экономистовъ? Они ввели больше машинъ, и рабочіе быстро оказались опять «излишними», въ количествѣ, удовлетворяющемъ даже фермеровъ. Теперь въ земледѣліе было вложено «больше капитала», чѣмъ прежде, и въ болѣе производительной формѣ. Но при этомъ спросъ на трудъ уменьшился не только относительно, но и абсолютно.

Разобравши нами выше экономическая фикція смѣшиваетъ законы, управляющіе движеніемъ заработной платы или отношеніемъ между рабочимъ классомъ, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупнымъ общественнымъ капиталомъ, съ законами, распределяющими рабочее населеніе между различными сферами производства. Если, напр., вслѣдствіе благоприятнаго стеченія обстоятельствъ, накопленіе въ извѣстной отрасли производства становится особенно оживленнымъ, прибыль въ ней поднимается выше средней прибыли, добавочный капиталъ устремляется туда, то, конечно, увеличивается спросъ на трудъ и заработная плата. Высокая заработная плата привлекаетъ большую, чѣмъ прежде, долю рабочаго населенія въ эту находящуюся въ благоприятныхъ условіяхъ сферу производства, пока она не насытится рабочей силой, и заработная плата не упадетъ опять надолго до своего прежняго уровня или ниже его, если наплывъ былъ слишкомъ великъ. Тогда иммиграція рабочихъ въ эту отрасль промышленности

**) «Economist», Jan. 21, 1860.

не только прекращается, но даже уступаетъ мѣсто эмиграціи изъ нея. Тутъ экономистъ мнитъ видѣть, «гдѣ и какъ» при повышеніи заработной платы происходитъ абсолютное увеличеніе числа рабочихъ, а при абсолютномъ увеличеніи числа рабочихъ — уменьшеніе заработной платы; но на самомъ дѣлѣ онъ видитъ только мѣстное колебаніе рабочаго рынка въ одной какой-нибудь отрасли промышленности, онъ видитъ только явленія распредѣленія рабочаго населенія въ различныхъ сферахъ applicaціи капитала, въ зависимости отъ измѣняющихся потребностей послѣдняго.

Промышленная резервная армія въ періоды зстоя и средняго благосостоянія производитъ давленіе на активную рабочую армію и обуздывается ея притязанія въ періоды перепроизводства и пароксизмовъ. Относительное перенаселеніе составляетъ, слѣдовательно, тотъ фонъ, на которомъ движется законъ спроса и предложенія труда. Оно втискиваетъ поле дѣйствія этого закона въ предѣлы, абсолютно отбѣгающіе стремленію капитала къ эксплуатаціи и властолюбію. Здѣсь намъ слѣдуетъ вернуться къ одному изъ поддигговъ экономической апологетики. Читатель помнитъ, что если, вслѣдствіе введенія новыхъ или расширенія старыхъ машинъ, часть переменнаго капитала превращается въ постоянный, то эту операцію, «связывающую» капиталъ и этимъ самымъ «освобождающую» рабочаго, экономистъ—апологетъ толкуетъ какъ разъ наоборотъ въ томъ смыслѣ, что она освобождаетъ капиталъ для рабочаго. Только теперь мы можемъ вполнѣ оцѣнить безстыдство этого апологета. Дѣйствительно, освобождаются не только рабочіе, непосредственно вытѣсненные машиной, но также и тотъ контингентъ, которымъ они могутъ быть замѣнены и тотъ добавочный контингентъ, который регулярно поглощается при обыкновенномъ расширеніи предпріятія на его старомъ основаніи. Они теперь все «освободились», и каждый новый капиталъ, стремящійся функционировать, можетъ ими располагать. Привлечетъ ли онъ именно этихъ или другихъ рабочихъ—дѣйствіе этого фактора на всеобщій спросъ на трудъ будетъ равно нулю, пока даннаго капитала достаточно ровно для того, чтобы освободить рынокъ отъ того количества рабочихъ, которое выбросили на него машины. Если капиталъ дастъ занятіе меньшему числу рабочихъ, то увеличивается число излишнихъ; если большому,—то общій спросъ на трудъ возрастетъ только на разность между числомъ занятыхъ и «освобожденныхъ» рабочихъ. Такимъ образомъ, подъемъ спроса на трудъ, который произвели бы при другихъ условіяхъ добавочные капиталы, ищущіе applicaціи, нейтрализуется во всякомъ случаѣ настолько, насколько хватаетъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу машинами. Это значитъ, что механизмъ капиталистическаго производства заботится о томъ, чтобы абсолютное увеличеніе капитала не сопровождалось никакимъ соответственнымъ повышеніемъ общаго спроса на трудъ. И это апологетъ называетъ вознагражденіемъ за пицету, за страданія и за возможную гибель рабочихъ, вытѣсненныхъ во время тѣхъ переходныхъ періодовъ, которые бросаютъ ихъ въ ряды промышленной резервной арміи. Спросъ на трудъ не тождественъ съ возрастаніемъ капитала, предложеніе труда не тождественно съ возрастаніемъ рабочаго класса: здѣсь не дѣйствуютъ другъ на друга двѣ независимыя силы. Les dés sont pipés (кости подхланы). Ка

капиталъ дѣйствуетъ одновременно на обѣихъ сторонахъ. Если накопленіе его, съ одной стороны, увеличиваетъ спросъ на трудъ, то съ другой стороны, «освобожденіемъ» рабочихъ, оно увеличиваетъ также и ихъ предложеніе, между тѣмъ какъ въ то же самое время давленіе незанятыхъ рабочихъ принуждаетъ занятыхъ давать больше труда, т.-е. до известной степени дѣлаетъ предложеніе труда независимымъ отъ предложенія рабочихъ. Движеніе закона спроса и предложенія труда на этомъ основаніи довершаетъ деспотизмъ капитала. Поэтому, когда рабочіе проникаютъ въ тайну того, какимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ они все больше работаютъ, производятъ больше чужого богатства, по мѣрѣ того, какъ увеличивается производительная сила ихъ труда, какимъ образомъ тогда даже ихъ функція, какъ средствъ увеличенія капитала, становится для нихъ все болѣе и болѣе ненадежною; когда они открываютъ, что степень интенсивности конкуренціи между ними самими исполнѣ зависитъ отъ давленія относительнаго перенаселенія; когда они, поэтому, стараются организовать, посредствомъ Trades Unions и т. д., планомѣрное взаимодѣйствіе между занятыми и незанятыми рабочими, чтобы уничтожить или по крайней мѣрѣ смягчить разрушительныя для своего класса послѣдствія этого естественнаго закона капиталистическаго производства, — тогда капиталъ и его спикопантъ, экономистъ, поднимаютъ вопль о нарушеніи «вѣчнаго» и, такъ сказать, «священнаго» закона спроса и предложенія. Всякая связь между занятыми и незанятыми рабочими нарушаетъ идѣю «чистое» проявленіе этого закона. Но, съ другой стороны, если, напр., въ колоніяхъ неблагопріятныя обстоятельства мѣшаютъ образованію промышленной резервной арміи, а вмѣстѣ съ нею — абсолютной зависимости рабочаго класса отъ капиталистовъ, то «капиталъ» и его Санхо Пансо возмущаются противъ «священнаго» закона спроса и предложенія и стараются повліять на него насильственными мѣрами.

4 Различныя формы относительнаго перенаселенія. Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

Относительное перенаселеніе существуетъ во всевозможныхъ отгѣнкахъ. Къ избыточному населенію принадлежитъ каждый рабочій въ то время, когда онъ или вовсе не занятъ, или занятъ только наполовину. Перенаселеніе — независимо отъ крупныхъ, періодически повторяющихся формъ, которыя придаетъ ему смѣна фазъ промышленнаго цикла, дѣлающая его то острымъ, во время кризисовъ, то хроническимъ, во время зстоя — всегда имѣетъ три формы: текучую (flüssige), скрытую (latente) и неподвижную или стаціонарную (stockende).

Въ центрахъ современной промышленности — фабрикахъ, мануфактурахъ, заводахъ, коняхъ, рудникахъ и т. д. — рабочіе то отталкиваются, то притягиваются въ значительномъ количествѣ, причѣмъ въ общемъ число занятыхъ рабочихъ увеличивается, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣрамъ производства. Перенаселеніе существуетъ здѣсь въ текучей формѣ.

Какъ на настоящихъ фабрикахъ, такъ и во всѣхъ крупныхъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ машинами или гдѣ, по крайней мѣрѣ, введено современное раздѣ-

леніе труда, занята масса рабочихъ мужского пола, не достигшихъ еще совершеннолѣтняго возраста. Но по наступленіи этого срока только очень немногіе изъ нихъ остаются въ этихъ же самыхъ отрасляхъ производства, большинство же регулярно отпускается. Оно составляетъ элементъ текучаго перенаселенія, возрастающій съ размѣрами промышленности. Часть этого избытка эмигрируетъ, т. е. въ сущности лишь сопутствуетъ эмигрирующему капиталу. Однимъ изъ послѣдствій этого является болѣе быстрое возрастаніе женскаго населенія, чѣмъ мужского, о чемъ свидѣтельствуетъ Англія. То обстоятельство, что естественный приростъ рабочей массы не насыщаетъ потребностей накопляемаго капитала и тѣмъ не менѣе въ то же самое время превосходить ихъ, есть противорѣчіе, присущее самому движению капитала. Онъ нуждается въ большей массѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и въ меньшей взрослыхъ. Это не болѣе вопіющее противорѣчіе, чѣмъ жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ въ то самое время, когда тысячи рабочихъ выбрасываются на улицу потому, что раздѣленіе труда приковало ихъ къ одной опредѣленной отрасли производства⁸³⁾. Капиталъ къ тому же такъ быстро потребляетъ рабочую силу, что рабочий въ срехъ немъ возрастъ уже болѣе или менѣе пережилъ самого себя. Онъ попадаетъ въ ряды избыточнаго населенія или спускается съ высшей ступени на низшую. Именно у рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, мы натыкаемся на самую короткую продолжительность жизни. «Dr. Lee, санитарный врачъ въ Манчестерѣ, установилъ, что средняя продолжительность жизни зажиточнаго класса составляетъ въ этомъ городѣ 38 лѣтъ, рабочего же класса—только 17. Въ Ливерпулѣ она составляетъ для перваго 35 лѣтъ и 15 для втораго. Отсюда слѣдуетъ, такимъ образомъ, что привилегированный классъ живетъ болѣе чѣмъ въ двое больше, чѣмъ его менѣе благоприятно обставленные сограждане⁸⁴⁾». При такихъ условіяхъ для абсолютнаго возрастанія этой части пролетаріата необходима такая форма, при которой численность ея увеличивается, хотя элементы ея быстро изнашиваются, т. е. нужна быстрая смена поколѣній рабочихъ (этотъ законъ не относится къ другимъ классамъ населенія). Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками—неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій, въ которыхъ живутъ рабочіе крупной промышленности, и той преміей, которую эксплуатация дѣтей даетъ за нихъ производство.

Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ, или

⁸³⁾ Между тѣмъ какъ во второй половинѣ 1866 г. отъ 80 до 90,000 рабочихъ въ Лондонѣ оставались безъ работы, въ фабричномъ отчетѣ за это же самое полугодіе мы читаемъ слѣдующее: «Повидимому не абсолютно вѣрно утвержденіе, что спросъ всегда вызываетъ предложеніе именно въ тотъ моментъ, когда въ немъ является необходимость. Дѣло обстоитъ иначе по отношенію къ труду, такъ какъ многія машины оставались безъ дѣйствія въ прошломъ году за недостаткомъ рукъ». («Report of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1866», p. 81).

⁸⁴⁾ Рѣчь при открытіи санитарной конференціи въ Бирмингемѣ 15 января 1875 г., произнесенная J. Chamberlain'омъ, бывшимъ городскимъ головой Бирмингема, нынѣ (1883) министромъ торговли *).

*) Теперь министръ колоній ** министръ вѣдѣлъ Сольсбери.

въ той мѣрѣ въ какой оно имъ овладѣваетъ. спросъ на земледѣльческое рабочее населеніе съ накопленіемъ фундированнаго здѣсь капитала абсолютно уменьшается, т. е. отталкиваніе рабочаго населенія не вознаграждается здѣсь, какъ въ неzemледѣльческой промышленности, большимъ притяженіемъ его. Часть сельскаго населенія, поэтому, всегда наготовѣ перейти въ городской или мануфактурный пролетаріатъ и выжидаетъ лишь благопріятныхъ обстоятельствъ для этого превращенія. (Слово «мануфактурный» употребляется здѣсь въ смыслѣ неzemледѣльческаго вообще)⁸⁰). Этотъ источникъ относительнаго перенаселенія течетъ, слѣдовательно, постоянно. Но непрерывный оттокъ въ города предполагаетъ въ самихъ деревняхъ постоянный скрытый избытокъ населенія, размѣры котораго становятся очевидными только тогда, когда отводные каналы открываются особенно широко. Плата сельскаго рабочаго низводится, поэтому, до мінимума и онъ постоянно стоитъ одной ногой въ болотѣ пауперизма.

Третья категорія относительнаго перенаселенія, неподвижное перенаселеніе, образуетъ часть (активной) рабочей арміи, но съ очень нерегулярными занятіями. Она представляетъ, такимъ образомъ, для капитала неисчерпаемый источникъ рабочей силы. Ея жизненный уровень ниже средняго нормальнаго уровня рабочаго класса, и именно это и дѣлаетъ ее широкой основой особыхъ отраслей капиталистической эксплуатаціи. Она характеризуется минимумомъ рабочаго времени и минимумомъ заработной платы. Подъ рубрикой «домашнее производство» мы уже познакомились съ ея главной формой. Она рекрутируется постоянно изъ излишнихъ рабочихъ крупной промышленности и земледѣлія, а также изъ глубинныхъ отраслей промышленности, въ которыхъ ремесло вытѣсняется мануфактурой, а эта послѣдняя, въ свою очередь, машиннымъ производствомъ. Размѣръ ея увеличивается по мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ накопленія растетъ и процессъ созданія излишнихъ рабочихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она образуетъ элементъ рабочаго класса, который самъ себя воспроизводитъ и увеличиваетъ и который принимаетъ относительно большее участіе въ общемъ ростѣ рабочаго класса, чѣмъ всѣ остальные элементы. Въ самомъ дѣлѣ, не только число рожденій и смертныхъ случаевъ, но и абсолютная величина семействъ обратно пропорціональна высотѣ заработной платы, т. е. количеству средствъ существованія, которыми располагаютъ различные категоріи рабочихъ. Этотъ законъ капиталистическаго общества не имѣлъ бы смысла среди дварей или даже среди цивилизованныхъ колонистовъ. Онъ напоминаетъ массовое раз-

⁸⁰) По переписи 1861 г. въ Англіи и Уэльсѣ числилось «городовъ 781 съ 10.960.998 жителями, въ деревняхъ и селахъ числилось только 9.105.226 жителей... Въ 1851 г. въ переписи фигурировало 580 городовъ, населеніе которыхъ почти равнялось населенію прилежащихъ къ нимъ сельскихъ округовъ. Но въ то время какъ въ послѣднихъ оно въ продолженіе слѣдующаго десятилѣтія возросло только на полмилліона, въ 580 городахъ оно возросло на 1.551.067. Приростъ населенія въ сельскихъ округахъ составляетъ 6,5%, а въ городахъ 17,3%. Разница въ размѣрѣ прироста происходитъ вслѣдствіе выселенія изъ селъ въ города. Три четверти общаго прироста населенія приходится на города». («Census etc.», v. III, p. 11, 12).

множеніе индивидуально слабыхъ и жестоко преслѣдуемыхъ другими животными видовъ ⁸⁷⁾.

Наконецъ, низшій слой, осадокъ относительнаго перенаселенія обитаетъ въ сферѣ пауперизма. За исключеніемъ бродягъ, преступниковъ, проституткокъ, однимъ словомъ, всѣхъ такъ называемыхъ отбросовъ (*Lumpenproletariat, classes dansieuses*), этотъ слой общества состоитъ изъ трехъ категорій. Во-первыхъ, способные къ труду. Стоять только поверхностно просмотрѣть статистику англійскаго пауперизма, и мы увидимъ, что масса его возрастаетъ при каждомъ кризисѣ и уменьшается при каждомъ оживленіи дѣлъ. Во-вторыхъ, сироты и дѣти пауперовъ. Это кандидаты промышленной резервной арміи, въ періоды же сильнаго оживленія, какъ напр., въ 1860 г., они быстро и въ громадномъ количествѣ вербуются въ активную рабочую армію. Въ-третьихъ, оковчательно опустившіеся и развратившіеся, и неспособные къ труду. Это именно тѣ лица, которыя погибають отъ своей профессиональной неприспособленности или неподвижности, причивенной раздѣленіемъ труда, такія, которыя живутъ дольше нормальнаго возраста рабочаго, наконецъ жертвы промышленности, число которыхъ увеличивается съ распространеніемъ опасныхъ машинъ, копей, химическихъ фабрикъ и т. п., калѣки, больные, вдовы, и т. д. Пауперизмъ представляетъ нивалидный домъ активной рабочей арміи и балластъ промышленной резервной арміи. Его созданіе объемлется созданіемъ относительнаго перенаселенія, его необходимость вытекаетъ изъ необходимости этого послѣдняго, вмѣстѣ съ нимъ онъ составляетъ необходимое условіе существованія капиталистическаго производства и развитія богатства. Онъ принадлежитъ къ *faux frais* (непроизводительнымъ издержкамъ) капиталистическаго производства, большую часть которыхъ капиталъ умѣетъ, однако, сваливать съ себя на плечи рабочаго класса и мелкой буржуазіи.

Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функционирующій капиталъ, разитры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше и абсолютная величина пролетаріата, и производительна сила его труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ силами, въ которыхъ заключается богатство. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ больше прочное перенаселеніе, а нужда его жертвъ обратно пропорціональна мукамъ ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше нивалидовъ и пр., этихъ Лазарей рабочаго

⁸⁷⁾ «Вѣдность, повидимому, благоприятствуетъ равновѣсію». (A. Smith). Это даже особенно мудрое установленіе Божіе по мнѣнію галацкаго и остроумнаго аббата Gallani: «Богъ устроилъ такъ, что люди, исполняющіе самыя необходимыя работы, рождаются въ наибольшемъ числѣ». (Gallani l. c. p. 78). «Нищета, вплоть до крайнихъ предѣловъ голода и эпидемій, стремится увеличивать населеніе, вмѣсто того, чтобы уменьшать его». (S. Laing: «National Distress. 1844», p. 69). Доказавъ это статистическими данными, Laing продолжаетъ: «Если бы всѣ находились въ благоприятныхъ условіяхъ, то міръ скоро бы опустѣлъ». (If the people were all in easy circumstances, the world would soon be depopulated.).

населенія и, вообще, чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше официальный пауперизмъ. Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія. Въ своемъ осуществленіи онъ, подобно всѣмъ другимъ законамъ, видоизмѣняется подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, анализъ которыхъ сюда не относится.

Легко понять глупость экономическихъ мудрецовъ, которые проповѣдуютъ рабочимъ, чтобы они соразмѣряли свое число съ потребностями самовозрастанія капитала. Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія самъ постоянно приспособляетъ число ихъ къ этимъ потребностямъ. Первое слово этого приспособленія—созданіе относительнаго переваселенія или промышленной резервной арміи, и послѣднее слово—пищета все большихъ и большихъ слоевъ активной рабочей арміи и тянущая внизъ гиря пауперизма. Законъ, по которому все большая и большая масса средствъ производства можетъ, благодаря прогрессу производительности труда, приподняться въ движеніе все съ меньшей и меньшей затратой человѣческой силы—этотъ законъ на капиталистической почвѣ, гдѣ на рабочій примѣняютъ средства труда, а средства труда примѣняютъ рабочаго, выражается въ томъ, что чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ больше давленіе рабочихъ на ихъ средства занятія, тѣмъ неустойчивѣе, поэтому, условія ихъ существованія, основа которыхъ—продажа собственной силы для увеличенія чужого богатства или для самовозрастанія капитала. Такимъ образомъ, болѣе быстрое возрастаніе средствъ производства и производительности труда, чѣмъ производительнаго населенія, въ капиталистическомъ обществѣ выражается, наоборотъ, въ томъ, что рабочее населеніе постоянно растетъ быстрѣе, чѣмъ потребности самовозрастанія капитала.

Въ четвертомъ отдѣлѣ, при анализѣ производства относительной прибавочной цѣнности, мы видѣли, что при капиталистической системѣ примѣненіе всѣхъ способовъ увеличенія общественной производительной силы труда происходитъ на счетъ индивидуальнаго рабочаго. Всѣ средства къ развитію производства превращаются въ средства господства надъ производителемъ и эксплуатаціи его. Они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него получеловѣка, унижаютъ его, превращая его въ придатокъ машины; уничтожая утомительность труда, они вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняютъ его содержаніе, отчуждаютъ отъ рабочаго духовныя силы процесса труда въ той же мѣрѣ, въ какой наука соединяется съ этимъ послѣднимъ на правахъ самостоятельной силы; они уродуютъ условія, въ которыхъ рабочій трудится, подчиняютъ его во время процесса труда самому мелочному, злобнопридирчивому деспотизму, превращаютъ всю его жизнь въ рабочее время, бросаютъ его жену и дѣтей подъ джаггернаутову колесницу капитала. Но всѣ способы производства прибавочной цѣнности являются вмѣстѣ съ тѣмъ и способами накопленія, всякое же расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала, положеніе рабочаго должно ухудшаться, будетъ ли плата его высока или низка. Наконецъ, законъ, который всегда поддерживаетъ равновѣсіе между относительнымъ избыткомъ населенія или промышленной резервной арміей и размѣромъ и энергіей накопленія, сильнѣе приковываетъ рабочаго къ

капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометей къ скалѣ. Законъ этотъ обуславливаетъ накопленіе нищеты, соответствующее накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, слѣдовательно, въ то же самое время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала.

Этотъ антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія⁸⁸⁾ былъ въ различной формѣ указанъ экономистами, хотя они, отчасти, сближаютъ съ нимъ разныя аналогичныя, но по существу отличныя явленія докапиталистическихъ способовъ производства.

Венеціанскій монахъ Ortes, одинъ изъ величайшихъ экономистовъ XVIII-го столѣтія, разсматриваетъ антагонизмъ внутри капиталистическаго производства, какъ всеобщій естественный законъ общественнаго богатства. «Экономическое добро и зло во всякой націи всегда взаимно уравниваются (*il bene ed il male economico in una nazione sempre all'istessa misura*). Изобиліе богатствъ у нѣкоторыхъ, всегда равно недостатку его у другихъ (*la copia dei beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di esse in altri*). Полнота богатства немногихъ всегда сопровождается абсолютнымъ отсутствіемъ самаго необходимаго у значительнаго большинства другихъ. Богатство націи соответствуетъ ея населенію, нищета же ея соответствуетъ ея богатству. Трудозлобіе однихъ вынуждаетъ праздность другихъ. Бѣдные и праздные—необходимый плодъ богатыхъ и дѣятельныхъ» и т. д.⁸⁹⁾ Но если Ортезъ глубоко огорчился этой экономической неизбежностью нищеты, то лѣтъ 10 спустя послѣ него англійскій поэтъ Townsend съ легкимъ сердцемъ прославлялъ бѣдность, какъ необходимое условіе богатства. «Законодательное принужденіе къ труду сопряжено съ слишкомъ большими трудностями, насиліемъ и шумомъ, между тѣмъ какъ голодъ не только оказываетъ мирное, тихое, безпрестанное давленіе, но и будучи самымъ сильнымъ побужденіемъ къ промышленности и труду, вызываетъ самое сильное напряженіе». Все, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы сдѣлать голодъ постояннымъ явленіемъ среди рабочаго класса, а объ этомъ заботится, по Townsend'у, принципъ населенія, который особенно дѣйствителенъ среди бѣдныхъ. «Повидному законъ природы, что бѣдные до нѣкоторой степени легкомысленны, (*improvident*), (а, именно, столь легкомысленны, что являются на свѣтъ

⁸⁸⁾ «Съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что отношенія производства, въ которыхъ движется буржуазія, носятъ не единообразный, простой характеръ, но двойственный; что въ той же мѣрѣ, въ какой производится богатство, производится также и нищета; что въ той же мѣрѣ, въ какой развиваются ея производительныя силы, развиваются также силы, создающія угнетеніе; что эти отношенія производятъ буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазнаго класса, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно увеличивая богатство отдѣльныхъ членовъ этого класса и производя все увеличивающійся пролетаріатъ». (Karl Marx: «Miserie de la Philosophie», p. 116).

⁸⁹⁾ G. Ortes: «Della Economica Nazionale libri sei 1777» у Custodi. Parte Moderna t. XXI, p. 6, 9, 22, 25 etc. «Вмѣстѣ того, чтобы придумывать безполезныя системы, какъ сдѣлать народы счастливыми», говоритъ Ортезъ, I. с. p. 32, «я ограничусь изслѣдованіемъ причинъ ихъ несчастій».

безъ золотыхъ ложекъ во рту), в благодаря этому всегда находятся люди (that there always may be some) для исполненія самыхъ рабскихъ, самыхъ грязныхъ и самыхъ низкихъ функций въ государствѣ. Запасъ человѣческаго счастья (the fund of human happiness) этимъ сильно увеличивается, болѣе delicate люди (the more delicate) освобождаются отъ непріятной возни и могутъ безпрепятственно слѣдовать своему высшему призванію и т. д... Законъ о бѣдныхъ имѣетъ тенденцію нарушить гармонію и красоту, симметрію и порядокъ этой системы, созданной въ мірѣ Богомъ и природою» ⁹⁰). Если венеціанскій монахъ видѣлъ въ рѣшеніи судьбы, увѣковѣчивающемъ нищету, оправданіе существованія христіанской благотворительности, безбрачія, монастырей и богоугодныхъ заведеній, то протестантскій священникъ, наоборотъ, видитъ въ этомъ предлогъ для осужденія законовъ, въ силу которыхъ бѣдный имѣлъ право на скудное общественное вспоможеніе. «Прогрессъ общественного богатства,—говоритъ Шторхъ,—создаетъ тотъ полезный классъ общества... который исполняетъ самыя скучныя, самыя низкія и самыя отыратительныя работы, однимъ словомъ, взваливаетъ себѣ на плечи все, что есть въ жизни непріятнаго и рабскаго и именно этимъ доставляетъ другимъ классамъ досугъ, веселое расположеніе духа и условное (с'est bon!) достоинство характера и пр.» ⁹¹). Шторхъ задаетъ дажѣ вопросъ: въ чемъ же собственно преимущество этой капиталистической цивилизаціи, съ ея нищетою и деградациею массъ,—передъ варварствомъ? Онъ находитъ только одинъ отвѣтъ: въ безопасности! — «Вслѣдствіе прогресса промышленности и знаній,—говоритъ Сисмонди,—каждый рабочій можетъ ежедневно производить гораздо больше того, что ему необходимо для собственнаго потребленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя его трудъ создаетъ богатство, если бы онъ самъ былъ призванъ потреблять послѣднее,—онъ сдѣлался бы малоспособнымъ къ труду». По его мнѣнію «люди (т. е. не рабочіе), вѣроятно, отказались бы отъ всякихъ усовершенствованій въ искусствахъ, а также отъ всякихъ удобствъ, доставляемыхъ намъ промышленностью, если бы они должны были добывать ихъ себѣ такимъ же усиленнымъ трудомъ, какъ трудъ рабочихъ... Успія теперь отдѣлены отъ вознагражденія за нихъ; не одинъ и тотъ же человекъ

⁹⁰) «A Dissertation on the Poor Laws. By a Wellwisher of Mankind, (The Rev. Mr. J. Townsend) 1786», republished Lond. 1817, p. 15, 39, 41. Этотъ «delicate» поэтъ, изъ только что приведеннаго сочиненія, а также изъ путешествія по Испаніи котораго Мальтусъ часто выписываетъ цѣлыя страницы, заимствуетъ большую часть своей доктрины у Sir'a J. Stuart'a, котораго онъ однако искажаетъ. Напр. когда Stuartъ говоритъ: «Здѣсь, при рабствѣ, существовалъ насильственный способъ дѣлать человечество трудолюбивымъ (для нерабочихъ)... Людей тогда принуждали къ труду (т. е. къ даровому труду для другихъ), потому что они были рабами другихъ; теперь же люди принуждены работать (т. е. работать для нерабочихъ), потому что они рабы своихъ собственныхъ потребностей», то отсюда онъ однако не дѣлаетъ заключенія, какъ это дѣлаетъ жирный священникъ, что наемные рабочіе должны всегда голодать. Стюартъ, наоборотъ, хочетъ увеличить число ихъ потребностей и сдѣлать возрастающее число этихъ потребностей въ то же самое время стимуломъ къ ихъ труду для «болѣе delicate».

⁹¹) Storch l. c. t. III, p. 223.

теперь работаетъ, чтобы отдыхать; наоборотъ, именно потому, что одинъ работаетъ, другой долженъ отдыхать... Безконечное развитіе производительныхъ силъ труда не можетъ, слѣдовательно, имѣть другого результата, кромѣ увеличенія роскоши и наслажденій праздныхъ богачей» ⁹²⁾. Cherbuliez, ученикъ Сисмонди, дополняетъ послѣдняго, говоря: «Сами рабочіе, трудясь надъ накопленіемъ производительныхъ капиталовъ, содѣйствуютъ тому обстоятельству, которое рано или поздно должно лишить ихъ части вознагражденія» ⁹³⁾. Наконецъ, Destutt de Tracy, ходячій, какъ рыба, буржуазный доктранеръ, грубо высказываетъ это: «Бѣдныя націи суть тѣ, гдѣ народу хорошо живется, богатые же націи тѣ, гдѣ онъ обыкновенно бѣдствуетъ» ⁹⁴⁾.

5. Иллюстраціи всеобщаго закона капиталистическаго накопленія.

а) Англія отъ 1846—1866 г.

Ни одинъ періодъ въ исторіи современнаго общества не представляется столь благопріятнымъ для изученія капиталистическаго накопленія, какъ періодъ послѣднихъ 20 лѣтъ, точно имъ найдена сума Фортуны. И изъ всѣхъ странъ опять-таки Англія представляетъ классическій примѣръ капиталистическаго развитія, такъ какъ она занимаетъ первое мѣсто на міровомъ рынкѣ, такъ какъ только здѣсь капиталистическое производство вполнѣ развито, и, наконецъ, такъ какъ введеніе тысячилѣтняго царства свободной торговли съ 1846 года отшло у вульгарной политической экономіи ея послѣднюю лазейку. Громадный прогрессъ производства, вслѣдствіе котораго вторая половина двадцатилѣтняго періода опять таки далеко превзошла первую, былъ уже въ достаточной мѣрѣ отмѣченъ нами въ четвертомъ отдѣлѣ.

Хотя абсолютный приростъ англійскаго населенія былъ очень великъ въ послѣдніе 50 лѣтъ, однако относительный ростъ или процентъ этого прироста постоянно падалъ, какъ это показываетъ слѣдующая таблица, заимствованная изъ официальной переписи:

Ежегодное процентное приращеніе населенія Англіи и Уэльса:

1811—1821.....	1.533°/o
1821—1831.....	1.446°/o
1831—1841.....	1.326°/o
1841—1851.....	1.216°/o
1851—1861.....	1.141°/o

Разсмотримъ теперь съ другой стороны ростъ богатства. Самое вѣрное основаніе для сужденія представляетъ здѣсь движеніе прибыли, поземельной ренты и т. д., подлежащихъ подоходному налогу. Приростъ прибыли, подлежащей подоходному налогу (не включая сюда фермеровъ и нѣкоторые другія рубрики), составлялъ

⁹²⁾ Sismondi, l. c. t. I, p. 79, 80, 85.

⁹³⁾ Cherbuliez, l. c. p. 146.

⁹⁴⁾ Destutt de Tracy l. c. p. 231: «Les nations pauvres, c'est là où le peuple est à son aise; et les nations riches, c'est là, où il est ordinairement pauvre».

для Великобританіи отъ 1853 г. до 1864 г. 50,47⁰/₀ (или среднимъ числомъ 4,58⁰/₀ въ годъ)²⁴⁾, пррростъ же населенія за этотъ періодъ—около 12⁰/₀. Увеличеніе поземельной ренты, обложенной налогомъ (включая сюда дома, желѣзные дороги, копи, рыбныя ловли и т. д.), составляло отъ 1853 г. до 1864 г. 38⁰/₀, или ³⁵/₁₁₂⁰/₀ въ годъ, изъ которыхъ самая крупная доля приходилась на слѣдующія рубрики:

Ростъ ежегоднаго дохода въ процентахъ съ 1864 г., по 1853 г.

Ежегодное увеличеніе.

Съ домовъ	38,60 ⁰ / ₀	3,50 ⁰ / ₀
» каменоломенъ	84,76 ⁰ / ₀	7,70 ⁰ / ₀
» копей	68,85 ⁰ / ₀	6,26 ⁰ / ₀
» желѣзодѣлательныхъ заводовъ..	39,92 ⁰ / ₀	3,13 ⁰ / ₀
» рыбныхъ ловель	57,37 ⁰ / ₀	5,21 ⁰ / ₀
» стеклянныхъ заводовъ ...	126,02 ⁰ / ₀	11,45 ⁰ / ₀
» желѣзныхъ дорогъ	83,29 ⁰ / ₀	7,57 ⁰ / ₀ ²⁵⁾ .

Если мы сравнимъ между собой четырехлѣтія періода отъ 1853—1864 г., то увидимъ, что степень увеличенія доходовъ постоянно возрастаетъ. Такъ, напр., за четырехлѣтіе отъ 1853—1857 г. ежегодное увеличеніе дохода отъ прибыли составляетъ 1,73⁰/₀, отъ 1857—1861 г. 2,74⁰/₀ и отъ 1861—1864 9,30⁰/₀. Общая сумма доходовъ, подлежащихъ подоходному налогу, составляла въ Соединенномъ Королевствѣ въ 1856 г.: 307.068.898 ф. ст., въ 1859 г.: 328.127.416 ф. ст., въ 1862 г.: 351.745.241 ф. ст., въ 1863 г.: 359.142.897 ф. ст., въ 1864 г.: 362.462.279 ф. ст., въ 1865 г.: 385.530.020 ф. ст., ²⁶⁾.

Накопленіе капитала сопровождалось въ то же самое время его концентраціей и централизацией. Хотя въ Англіи не существуетъ никакой официальной земледѣльской статистики (въ Ирландіи она существуетъ), но десять англійскихъ графствъ доставили по собственной инициативѣ статистическія данныя. Послѣднія показали, что отъ 1851 до 1861 гг. аренды ниже 100 акровъ уменьшились съ 31,583 до 26,567, 5,016 аренда оказалась соединенными, слѣдовательно, съ болѣе крупными ²⁷⁾. Съ 1815 до 1825 гг. не было ни одного движимаго

²⁴⁾ «Tenth Report of the Commissioners of H. M's Inland Revenue. Lond. 1866», p. 38.

²⁵⁾ Ibidem.

²⁶⁾ Числа этихъ вполне достаточно для сравненія, но если разсматривать ихъ абсолютно, то они невѣрны, такъ какъ около 100 милліоновъ ф. ст. дохода ежегодно «умалчиваются». Жалобы Commissioners of Inland Revenue на систематическій обманъ, особенно со стороны купцовъ и фабрикантовъ, постоянно повторяются въ каждомъ ихъ отчетѣ. Такъ напр., въ одномъ отчетѣ мы читаемъ: «Одно акціонерное общество показало свои доходы, подлежащіе налогу, въ 6.000 ф. ст., правительственный же оффиціалъ оцѣнилъ ихъ въ 88.000 ф. ст., и въ концѣ концовъ налогъ былъ уплаченъ съ этой суммы. Другое общество показало доходъ въ 190.000 ф. ст., но принуждено было сознаться, что хѣбствительный доходъ простирается до 250.000 ф. ст.» (ibid. p. 42).

²⁷⁾ Census etc. l. c. p. 29. Утвержденіе John'a Bright'a, что 150 лэндлордовъ владѣютъ половиной англійской землѣ, а 12—половиной шотландской, не было еще опровергнуто.

имущества свыше 1 миллиона ф. ст., которое подлежало бы налогу на наследство, тогда какъ съ 1828 г. по 1855 г., таковыхъ было 8, съ 1856 г. до іюня 1859 г., т. е. за 4½ года—4⁹⁸). Но лучше всего явствуетъ централизація изъ краткаго анализа подоходнаго налога подъ рубрикой (шедулой) D (прибыль, за исключеніемъ фермерской и т. д.) за 1864 и 1865 годы. Но прежде я долженъ замѣтить, что доходы, получающіеся изъ этого источника, подлежатъ Income Tax (подоходному налогу), начиная съ 60 ф. ст. Эти, подлежащіе налогу, доходы составляли въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи въ 1864 г. 95.844.222 ф. ст., а въ 1865 г. 105.435.579 ф. ст.⁹⁹), число же лицъ, платящихъ эти налоги, въ 1864 г. составляло 308.416 при общемъ числѣ населенія въ 23.891.009 человекъ, а въ 1865 г. 333.431 чел. при общемъ числѣ населенія въ 24.127.003. Слѣдующая таблица показываетъ распределе- ніе этихъ доходовъ за оба года:

Годъ, кончающійся 5 апрѣля 1864 г.		Годъ, кончающійся 5 апрѣля 1865 г.	
Доходы съ прибыли.	Число лицъ.	Доходы съ прибыли.	Число лицъ.
Общая сумма дохода 95.844.222 ф. ст.	308.416	ф. ст. 105.435.798	332.431
Отсюда 57.028.289 » »	23.334	» » 74.554.297	24.265
» 36.415.225 » »	3.619	» » 42.535.576	4.021
» 22.809.781 » »	832	» » 27.555.313	973
» 8.744.762 » »	91	» » 11.077.238	107

Въ 1855 году въ Соединенномъ Королевствѣ произведено было 61.453.079 тоннъ каменнаго угля цѣною въ 16.113.167 ф. ст., въ 1864 г.—92.787.873 тонны цѣною въ 23.197.968 ф. ст., въ 1855 г.—3.218.154 тонны чугуна цѣною въ 8.045.385 ф. ст., въ 1864 г.—4.767.951 тонна цѣною въ 11.919.877 ф. ст.; въ 1854 г. протяженіе акцизуатируемыхъ въ Соединенномъ Королевствѣ желѣзныхъ дорогъ составляло 8.054 милл цѣною въ 286.068.794 ф. ст., въ 1864 г. длина ихъ увеличилась до 12.789 милл цѣною въ 425.719.613 ф. ст. Въ 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединеннаго королевства составляла 286.210.145 ф. ст., въ 1865 г.—489.023.285. Слѣдующая таблица показываетъ движеніе вывоза:

1846 г.	58.842.377 ф. ст.
1849 »	63.596.052 » »
1856 »	115.826.948 » »
1860 »	135.842.817 » »
1865 »	165.862.402 » »
1866 »	188.917.563 » » ¹⁰⁰).

⁹⁸) «Fourth Report etc. of Inland Revenue. Lond. 1860 г.», р. 17.

⁹⁹) Это чистые доходы, изъ которыхъ сдѣланы нѣкоторые указанные въ законѣ вычеты.

¹⁰⁰) Въ настоящую минуту (мартъ 1867 г.), индіискій и китайскій рынки опять уже совершенно вывалены товарами англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ.

Познакомившись съ этими немногими данными, мы легко поймемъ торжество, съ которымъ говорить генеральный регистраторъ британскаго народа: «Какъ ни быстро возрастало населеніе, все-таки ростъ его не соответствовалъ прогрессу промышленности и богатства» ¹⁰¹⁾. Обратимся теперь къ непосредственнымъ дѣятелямъ этой промышленности или къ производителямъ этого богатства, къ рабочему классу. «Одной изъ самыхъ печальныхъ чертъ социальнаго положенія нашей страны,—говоритъ Гладстонъ,—является то, что съ уменьшеніемъ народнаго потребленія и съ ростомъ лишеній и нищеты трудящагося класса происходитъ постоянное накопленіе богатства въ высшихъ классахъ и постоянное приращеніе капитала» ¹⁰²⁾. Такъ говорилъ этотъ славный министръ въ Палатѣ Общинъ 13 февраля 1843 г. Двадцать лѣтъ спустя, 16-го апрѣля 1863 г., излагая бюджетъ, онъ говоритъ: «Съ 1842 г. по 1852 г. доходъ страны, подлежащій налогу, увеличился на 6%... За 8 лѣтъ съ 1853 по 1861 гг онъ увеличился, если принять за основаніе доходъ 1853 г., на 20%. Фактъ этотъ до того поразителенъ, что онъ почти невѣроятенъ... Это поразительное увеличеніе богатства и могущества... ограничивается исключительно имущими классами, но... по оно приноситъ косвенную выгоду и рабочему классу, такъ какъ оно удешевляетъ предметы всеобщаго потребленія—въ то время, какъ богатые стали еще богаче, бѣдные во всякомъ случаѣ стали менѣе бѣдны. Я не рѣшаюсь утверждать что крайности бѣдности уменьшились» ¹⁰³⁾. Какая слабая *antiklimax*! Если рабочій классъ остался «бѣднымъ», лишь «менѣе бѣднымъ», «сравнительно съ тѣмъ поразительнымъ увеличеніемъ богатства и силы», которое онъ произвелъ для имущаго класса, то относительно онъ остался столь же бѣденъ. Если крайности бѣдности не уменьшились, то онѣ увеличились, такъ какъ увеличились крайности богатства. Что же касается удешевленія

товъ. Въ 1866 г. началось пониженіе заработной платы хлопчатобумажныхъ рабочихъ на 5% въ 1867 г., вслѣдствіе подобной же мѣры, произошла въ Престонѣ стачка 20.000 человекъ. [Это было прологомъ кризиса, скорѣ затѣмъ наступившаго Ф. Э].

¹⁰¹⁾ Census etc. l. c. p. 11.

¹⁰²⁾ Gladstone въ Палатѣ Общинъ, 13 февраля 1843 г.: «It is one of the most melancholy features in the social state of this country that we see, beyond the possibility of denial, that while there is at this moment, a decrease in the consuming powers of the people, an increase of the pressure of privations and distress; there is at the same time a constant accumulation of wealth in the upper classes, an increase in the luxuriousness of their habits and of their means of enjoyment». (Times, 14 Febr. 1843 г. —Hansard, 13 Febr.).

¹⁰³⁾ «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... In the 8 years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible... this intoxicating augmentation of wealth and power... entirely confined to classes of property... must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption—while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! at any rate, whether the extremes of poverty are less, do not presume to say». Gladstone въ Палатѣ Общинъ, 16 April. 1863. Morning Star, 17 April.

средствъ существованія, то официальная статистика, напр., отчетъ лондонскаго приюта для сиротъ (Orphan Asylum) показываетъ, что за трехлѣтіе отъ 1860 до 1862 гг. они вздорожали на 20% въ сравненіи съ трехлѣтіемъ 1851—1863 гг. Въ слѣдующее трехлѣтіе съ 1863—1865 гг. мясо, масло, молоко, сахаръ, соль, уголь и масса другихъ необходимыхъ средствъ существованія постепенно вздорожали ¹⁰⁴). Слѣдующая бюджетная рѣчь Гладстона, 7-го апрѣля 1864 г., представляетъ пндаровскій днюирамбъ прогрессу обогащенія и народному счастью, умѣряемому «бѣдностью». Онъ говоритъ о массахъ, «находящихся на краю шауперизма», объ отрасляхъ промышленности, «въ которыхъ заработная плата не повысилась», и резюмируетъ, наконецъ, счастье рабочаго класса въ слѣдующихъ словахъ: «Человѣческая жизнь въ 9 случаяхъ изъ 60 есть голая борьба за существованіе» ¹⁰⁵). Профессоръ Fawcett, не связанный, въ отлѣвче отъ Гладстона, официальными соображеніями, прямо заявляетъ: «Я, конечно, не отрицаю, что денежная плата повысилась съ впливъ увеличеніемъ капитала (въ послѣднія десятилѣтія), но этотъ кажущійся выигрышъ въ значительной мѣрѣ снова потагается тѣмъ, что многіе предметы необходимости постоянно дорожаютъ (какъ онъ позагааетъ, вслѣдствіе паденія цѣнности благородныхъ металловъ)... Богатые быстро становятся еще богаче (the rich grow rapidly richer), между тѣмъ какъ въ обстановкѣ рабочаго класса незамѣтно никакого прогресса. ...Рабочіе становятся почти рабами мелкихъ лавочниковъ, должниками которыхъ они состоятъ» ¹⁰⁶).

Въ отдѣлахъ о рабочемъ янѣ и о машинахъ были указаны тѣ условія, при которыхъ британскій рабочій классъ создалъ «это поразительное увеличеніе богатства и силы» для имущихъ классовъ. Тогда однако насъ занималъ препму-

¹⁰⁴) См. официальныя данныя въ Синей книгѣ: «Miscellaneous Statistics of the Un. Kingdom. Part VI Lond. 1866», p. 260—273 passim. Вѣсто статистики сиротскихъ приютовъ, можно было бы сослаться на декламациі министерской прессы, высказывающейся въ павиаченіе содержанія дѣтими королевскаго дома. Тамъ всегда говорится о вздорожаніи средствъ существованія.

¹⁰⁵) «Think of those who are on the border of that region (pauperism)», «wages... in others not increased... human life is but, in nine cases out of ten a struggle for existence». (Gladstone, H. o. C. 7 April 1864). По версін Hansard'a это выходитъ такъ: «Again, and yet more at large, what is human life but in the majority of cases a struggle for existence».—Однѣ англійскій писатель характеризуетъ постоянныя вопіющія противорѣчія въ бюджетныхъ рѣчахъ Гладстона въ 1863 и 1864 гг. слѣдующей цитатой изъ Мольера:

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode».

(«Вотъ каковъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ постоянно мѣняетъ свои мнѣнія. Утромъ онъ осуждаетъ свои вчерашнія чувства. Онъ въ тягость другимъ, несносенъ для самого себя, каждую минуту онъ мѣняетъ настроеніе, какъ моду»). («The Theory of Exchange etc. Lond. 1864», p. 135).

¹⁰⁶) H. Fawcett l. c. p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочихъ отъ мелкихъ лавочниковъ, то она является слѣдствіемъ учащенія колебаній и перерывовъ въ ихъ занятіяхъ.

щественно рабочій во время его общественной функціи. Для полнаго освѣщенія законовъ накопленія необходимо рассмотретьъ также и его положеніе внѣ мастерской, условія его питанія и жилища. Рамки этой книги заставляютъ насъ прежде всего обратить вниманіе на всего хуже оплачиваемую часть промышленнаго пролетаріата и на земледѣльческихъ рабочихъ, т. е. на большинство рабочаго класса.

Но прежде скажемъ еще нѣсколько словъ объ официальном пауперизмѣ или о той части рабочаго класса, которая лишилась своего непрѣмннаго условія существованія, возможности продавать свою рабочую силу, и живеть на счетъ общественнаго подаянія. Въ 1855 г. въ Англіи ¹⁰⁷⁾, по официальному списку, считалось 851,369 пауперовъ, въ 1856 г. 877,767, въ 1865 г. 971,433. Вслѣдствіе хлопчатобумажнаго кризиса число это въ 1863 и 1864 году возрасло до 1,079,382 и 1,014,978. Кризисъ 1866 года, всего тяжелѣе поразившій Лондонъ, создалъ въ этомъ центрѣ мірового рынка, болѣе многослюдномъ, чѣмъ королевство Шотландія, увеличеніе пауперизма за 1866 годъ на 19,5% въ сравненіи съ 1865 и на 24,4% въ сравненіи съ 1864 годомъ, а въ первыя мѣсяцы 1867 года еще большее увеличеніе по сравненію съ 1866 г. При анализѣ статистики пауперизма надо обратить вниманіе на два пункта. Съ одной стороны увеличеніе и уменьшеніе числа пауперовъ является отраженіемъ періодическихъ превратностей промышленнаго цикла. Съ другой стороны, показавшіяся официальной статистикой относительно размѣра пауперизма становятся все болѣе и болѣе обманчивыми по мѣрѣ того, какъ, вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала, развивается классовая борьба и чувство собственнаго достоинства рабочихъ. Варварство въ обращеніи съ пауперами, о которомъ въ послѣдніе два года такъ громко кричала англійская пресса («Times», «Pall Mall Gazette» etc.), представляетъ давнее явленіе. Fr. Engels констатируетъ въ 1844 году тѣ же самые ужасы и такое же преходящее лицемерное возмущеніе по поводу нихъ «сенсационной литературы». Но сильное увеличеніе числа случаевъ голодной смерти («deaths by starvation») въ Лондонѣ въ послѣднее десятилѣтіе безусловно доказываютъ растущее отвращеніе рабочихъ къ рабству рабочихъ домовъ ¹⁰⁸⁾, этихъ исправительныхъ заведеній для нищеты.

b) Плохо оплачиваемые слои британскаго промышленнаго рабочаго класса.

Обратимся теперь къ плохо оплачиваемымъ слоямъ промышленнаго рабочаго класса. Во время хлопчатобумажнаго кризиса въ 1862 году Privy Council поручилъ Dr. Smith'у произвести изслѣдованіе о состояніи питанія обвинявшихъ

¹⁰⁷⁾ Къ Англіи всегда причисляется Уэльсъ (Wales), къ Великобританіи—Англія, Уэльсъ и Шотландія, къ Соединенному Королевству эти три страны и еще Ирландія.

¹⁰⁸⁾ Своеобразный свѣтъ на прогрессъ, происшедшій со времени А. Смита, проливаетъ то обстоятельство, что онъ часто употребляетъ слово *workhouse* (рабочій домъ) въ значеніи *manufactory* (фабрики). Напр., въ началѣ главы о раздѣленіи труда онъ говоритъ: «Тѣ, которые заняты въ различныхъ отрасляхъ труда, могутъ быть собраны въ одной и той же фабрикѣ (*workhouse*)».

хлопчатобумажныхъ рабочихъ Честера и Ланкашира. Превшія долготѣнія наблюденія привели его къ заключенію, что «для избѣжанія заболѣваній отъ голода» (starvation diseases), ежедневное количество пищи должно содержать по крайней мѣрѣ 3,900 гранъ углерода и 180 гранъ азота въ среднемъ для женщинъ и по крайней мѣрѣ 4,300 гранъ углерода и 200 гранъ азота въ среднемъ для мужчинъ — для женщинъ, значить, почти столько питательныхъ веществъ, сколько содержится въ двухъ фунтахъ хорошаго пшеничнаго хлѣба, для мужчинъ на $\frac{1}{10}$ больше; въ среднемъ за недѣлю для взрослыхъ мужчинъ и женщинъ по крайней мѣрѣ 28,600 гр. углерода и 1,330 гр. азота. Это вычисленіе поразительнымъ образомъ подтвердилось на практикѣ, такъ какъ оно совпало съ тѣмъ малымъ количествомъ пищи, до котораго упало потребленіе хлопчатобумажныхъ рабочихъ во время кризиса и связанной съ нимъ нужды. Въ декабрь 1862 г. они получали 29,211 гр. углерода и 1,295 гр. азота въ недѣлю.

Въ 1863 г. Privy Council предпринялъ изслѣдованіе бѣдственнаго положенія всего хуже питающейся части англійскаго рабочаго класса. Dr. Simon, офиціальныи врачъ Privy Council, избралъ для этой работы вышеупомянутого Dr. Smith'a. Изслѣдованіе его обнимаетъ, съ одной стороны, земледѣльческихъ рабочихъ, съ другой — ткачей шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, чулочниковъ, сапожниковъ. Послѣднія категоріи, за исключеніемъ чулочниковъ, состоятъ исключительно изъ городскихъ жителей. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать въ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше поставленныя семейства.

Общій результатъ изслѣдованія свелся къ тому, что только для одного изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ рабочихъ количество потребляемаго азота немного превысило тотъ minimum, ниже котораго наступаютъ болѣзни отъ голода; для двухъ классовъ обнаруженъ недостатокъ, и для одного даже очень большой недостатокъ какъ азотосодержащей, такъ и содержащей углеродъ пищи, а изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получало менѣе необходимаго количества содержащей углеродъ пищи, болѣе $\frac{1}{3}$ — меньше необходимаго количества азотосодержащей пищи, и, наконецъ, въ трехъ графствахъ (Berkshire, Oxfordshire и Somersetshire) вездѣ господствовалъ недостатокъ минимальнаго количества азотосодержащей пищи¹⁰⁹⁾. Изъ земледѣльческихъ рабочихъ, англійскіе рабочіе, т. е. рабочіе самой богатой части королевства, питались хуже всѣхъ¹¹⁰⁾. Между сельскими рабочими недостаточное количество пищи приходилось главнымъ образомъ на долю женщинъ и дѣтей, такъ какъ «мужчинамъ необходимо ѣсть для того, чтобы работать». Еще бoльшая нужда свѣршествовала среди изслѣдованныхъ категорій городскихъ рабочихъ. «Они такъ плохо питаются, что встрѣчаются случаи жестокаго и разрушающаго здоровье воздержанія (все это — «воздержаніе» капиталиста, т. е. воздержаніе отъ такой оплаты рабочихъ рукъ, которая давала бы имъ возможность пріобрѣтать средства существованія, безусловно необходимыя для прозябанія!)¹¹¹⁾.

¹⁰⁹⁾ «Public Health. Sixth Report etc, for 1863. Lond. 1864», p. 13.

¹¹⁰⁾ I. c. p. 17.

¹¹¹⁾ I. c. p. 13.

Слѣдующая таблица показываетъ отношеніе между (1) состояніемъ питанія выше упомянутыхъ, часто городскихъ, категорій рабочихъ, (2) минимумомъ, принятымъ Dr. Smith'омъ, и (3) количествомъ пищи хлопчатобумажныхъ рабочихъ во время ихъ крайней нужды:

О В А П О Л А.	Среднее ежедневное количество углерода.	Среднее ежедневное количество азота.
Пять городскихъ отраслей промышленности.....	28,876 гранъ.	1,192 грана.
Внеарботные фабричные рабочіе Лавкашира.....	28,211	1,295 »
Минимумъ, предложенный для Лавкашира при равномъ числѣ работниковъ и работниковъ.....	28,600 »	1,330 » ¹¹²⁾

Половина, ¹⁰⁹⁾ изъ изслѣдованныхъ категорій промышленныхъ рабочихъ, совершенно не потребляла пива, 28⁰/₁₀₀ не потребляли молока. Среднее недѣльное количество жидкихъ пищевыхъ веществъ колебалось между 7 унціями на семейство у швей и 24³/₄ унцій у чулочниковъ. Большая часть тѣхъ, кто совсѣмъ не потреблялъ молока, состояла изъ лондонскихъ швей. Количество ежедневно потребляемаго хлѣба колебалось между 7³/₄ фунта у швей и 11¹/₄ ф. у сапожниковъ и составляло въ среднемъ 9,9 фунта въ недѣлю на взрослого. Сахаръ (сиропъ и т. д.) составлялъ ежедневно отъ 4 унцій у перчаточниковъ до 11 унцій у чулочниковъ, въ среднемъ—8 унцій въ недѣлю на взрослого всѣхъ категорій. Среднее недѣльное количество масла (жира и т. п.) составляло 5 унцій на взрослого. Среднее недѣльное количество мяса (саа и т. д.) колебалось между 7¹/₄ унцій на взрослого у ткачей шелковыхъ издѣлій и 18¹/₄ унцій у перчаточниковъ, среднее количество для различныхъ категорій составляло 13,6 унцій. Недѣльный расходъ на пищу (наекъ) для взрослого даетъ слѣдующія среднія числа: ткачи шелковыхъ издѣлій тратятъ на пищу 2 шилл. 2¹/₂ пенса, швеи 2 шилл. 7 пенса, перчаточники 2 шилл. 9¹/₂ п., сапожники 2 шилл. 7³/₄ п., чулочники 2 шилл. 6¹/₄ п. Средній расходъ на пищу ткачей шелковыхъ издѣлій Macclesfield'a составлялъ только 1 шилл. 8¹/₈ п. Хуже всего питавшіяся категоріи составляли швеи, ткачи шелковыхъ издѣлій и перчаточники ¹¹³⁾.

Dr. Simon говоритъ въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ объ этихъ условіяхъ питанія: «Всякій, кто знакомъ съ медицинской практикой среди бѣдняковъ или съ пціентами госпиталей, живущими въ самыхъ госпиталяхъ или видѣ ихъ, подтвердитъ, что тѣ случаи, когда болѣзни происходятъ или обостряются отъ недостаточнаго питанія, очень многочисленны... Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяется еще одно очень важное обстоятель-

¹¹²⁾ l. c. Appendix, p. 232.

¹¹³⁾ l. c. p. 232. 233.

ство... Надо помнить, что лишеніе пищи переносится съ большимъ трудомъ и что обыкновенно значительная скудость пищи является уже результатомъ другихъ предыдущихъ лишеній. Всякій матеріальный комфортъ исчезаетъ изъ домашнего обихода задолго до того, какъ обнаруживается серьезный недостатокъ въ пищѣ, задолго до того, какъ физиологу приходится считать грани азота и углерода, между которыми колеблется жизнь и голодная смерть. Одежды и отопленіе становятся еще скуднѣе пищи. Замѣчается отсутствіе подлежащей защиты отъ суровой погоды; тѣснота помѣшеній доходитъ до предѣловъ, вызывающихъ или обостряющихъ болѣзни; почти незамѣтно слѣдовъ какой-нибудь домашней утвари или мебели; даже чистота оказывается слишкомъ дорогой или очень трудно достижимой. Если же изъ чувства собственного достоинства дѣлаются еще попытки поддерживать извѣстную чистоплотность, то всякая такая попытка означаетъ новыя мученія отъ голода. Селятся тамъ, гдѣ дешевле всего можно пріобрѣсти кровъ, въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ мѣры санитарной полиціи наименѣе плодотворны, гдѣ самыя отвратительныя клоаки, гдѣ меньше всего движенія, больше всего нечистотъ, самое скудное или самое дурное снабженіе водою, а, въ городахъ, тамъ,—гдѣ къ тому же самый большой недостатокъ свѣта и воздуха. Таковы опасности для здоровья, которымъ неизбежно подвержена бѣдность, если нужда ея такъ велика, что она ощущаетъ недостатокъ въ пищѣ. Если сумма всѣхъ этихъ бѣдствій имѣетъ страшное значеніе для жизни, то и одни лишенія въ пищѣ сама по себѣ ужасны. Это—мучительныя мысли, особенно если вспомнить, что бѣдность эта происходитъ не по собственной винѣ, не вследствие праздности. Это—бѣдность рабочихъ. И даже, что касается городскихъ рабочихъ, то ихъ трудъ, которымъ пріобрѣтается такое скудное количество пищи, въ большинствѣ случаевъ удивляется свыше всякой мѣры. И однако только въ очень ограниченномъ смыслѣ можно сказать, что трудъ этотъ поддерживаетъ существованіе... Это номинальное поддержаніе собственной жизни является въ значительной мѣрѣ только болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму¹¹⁴⁾.

Только знаніе экономическихъ законовъ раскрываетъ внутреннюю связь между мученіями отъ голода наиболѣе трудолюбивыхъ слоевъ рабочихъ и грубой или уточенной расточительностью богатыхъ, основанной на капиталистическомъ накопленіи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ жилищными условіями. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше централизція средствъ производства, тѣмъ больше соответственное скопленіе рабочихъ на одномъ пространствѣ, и что, поэтому, чѣмъ быстрѣ капиталистическое накопленіе, тѣмъ хуже состояніе жилищъ рабочихъ. «Улучшенія» (improvements) городовъ посредствомъ ломки плохо застроенныхъ кварталовъ, постройки дворцовъ для банковъ, крупныхъ магазиновъ и т. д., проведеніе улицъ для цѣлей объѣзда и для проѣзда роскошныхъ экипажей, устройство конныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. улучшения, сопровождающія ростъ богатства, быстро вытѣсняють бѣдныхъ въ все худшіе и худшіе, въ все болѣе и болѣе тѣсныя закоулки. Съ другой

¹¹⁴⁾ I. c. p. 14, 15.

стороны, всякому извѣстно, что дороговизна квартиръ обратно пропорціональна ихъ качеству и что рудники и пещи эксплуатируются спекулянтами-строителями съ меньшими издержками и съ большей выгодой, чѣмъ серебряные рудники Потози. Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія и, поэтому, капиталистическихъ отношеній собственности вообще ¹¹⁵⁾ здѣсь до того очевиденъ, что даже оффиціальныя англійскіе доклады по этому предмету полны еретическихъ (heterodox) выводовъ противъ «собственности и ея правъ». Съ развитіемъ промышленности, съ накопленіемъ капитала, съ ростомъ и «украшеніемъ» городовъ зло такъ распространилось, что одинъ страхъ заразныхъ болѣзней, не падшихъ и «порядочныхъ господъ», вызвалъ въ періодъ между 1847 и 1864 г. не менѣе 10 санитарно-полицейскихъ парламентскихъ актовъ, а испуганная буржуазія въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ Ливерпуль, Глазго и т. д. сама, въ лицѣ своихъ муниципалитетовъ, приняла мѣры. Несмотря на это, Dr. Simon говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1865 г.: «Вообще говоря, въ Англіи неустройства ускользаютъ совершенно отъ контроля». По распоряженію Privy Council въ 1864 г. произведено было изслѣдованіе жилищъ сельскихъ рабочихъ, а въ 1865 г. бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ. Превосходные труды Dr. Julian Hunter'a напечатаны въ седьмомъ и восьмомъ отчетѣ о «Public Health» (о народномъ здравіи). Мы еще вернемся впоследствии къ сельскимъ рабочимъ. Что же касается состоянія жилищъ городскихъ рабочихъ, то описанію ихъ я предпосылаю общее замѣчаніе Dr. Simon'a: «Хотя моя оффиціальная точка зрѣнія исключительно медицинская», говоритъ онъ, «но самое обыкновенное чувство гуманности не позволяетъ игнорировать и другую сторону зла. Развившись до крупныхъ размѣровъ, оно почти неизбежно обуславливаетъ такое отрицаніе всякаго приличія, такое грязное смѣшеніе тѣлъ и физическихъ отравленій, такую степень наготы половъ, которая болѣе свойственна скотамъ, чѣмъ людямъ. Подвергаться такимъ вліяніямъ—увнзительно, и увнженіе это дѣйствуетъ тѣмъ глубже, чѣмъ больше оно продолжается. Для дѣтей, рождающихся подъ атамъ проклятіемъ, это равносильно крещенію въ безчестіе (baptism to infamy). Въ высшей степени безнадежно желаніе, чтобы люди, поставленные въ такія условія, въ другихъ отношеніяхъ стремились въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и нравственной чистоплотности» ¹¹⁶⁾.

Лондонъ занимаетъ первое мѣсто по перенаселенности жилищъ или по абсолютной непригодности ихъ для человѣческаго жилища. «Два обстоятельства несомнѣнны,—говоритъ Dr. Hunter—во-первыхъ, въ Лондонѣ есть около 20 большихъ колоній, каждая приблизительно изъ 10.000 человѣкъ, жалкое положеніе которыхъ превосходитъ все, что когда-либо было выдано гдѣ нибудь

¹¹⁵⁾ Нигдѣ права личности такъ открыто и такъ безстыдно не приносятся въ жертву правамъ собственности, какъ въ жилищныхъ условіяхъ рабочаго класса. Каждый большой городъ представляетъ мѣсто человѣческихъ жертвоприношеній, алтарь, на которомъ ежегодно убиваются тысячи жертвъ въ честь Молоха аччостя». (S. Laing. I. c. p. 150).

¹¹⁶⁾ «Public Health. Eight Report. Lond. 1865», p. 14, Note.

будь въ Англіи, и положеніе это есть почти исключительно результатъ сквернаго устройства жилищъ; во-вторыхъ, степень переполненія и разрушенія домовъ въ этихъ колоніяхъ гораздо больше теперь, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ» ¹¹⁷⁾. «Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что жизнь во многихъ частяхъ Лондона и Ньюкастля по истинѣ адская» ¹¹⁸⁾.

И лучше поставленная часть рабочаго класса, а также мелкіе лавочники и другіе элементы мелкой буржуазіи въ Лондонѣ все болѣе и болѣе подпадаютъ проклятію этихъ отвратительныхъ жилищныхъ условій по мѣрѣ того, какъ прогрессируютъ «улучшенія» и, вмѣстѣ съ ними, ломка старыхъ улицъ и домовъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается число фабрикъ и притягивъ людей въ метрополию и наконецъ, по мѣрѣ того, какъ выѣстъ съ городской поземельной рентой повышается и квартирная плата. «Квартирная плата такъ непомѣрно повысилась, что немногіе рабочіе въ состояніи нанять болѣе одной комнаты» ¹¹⁹⁾. Нѣтъ почти ни одного дома въ Лондонѣ, который не былъ бы обремененъ платежами въ пользу множества *middlemen*’овъ (посредниковъ). Дѣло въ томъ, что цѣна земли въ Лондонѣ потому такъ высока въ сравненіи съ приписаннымъ ей ежегодно доходомъ, что каждый покупатель спекулируетъ на то, чтобы рано или поздно сбыть ее по *Jury Price* (т. е. по цѣнѣ, опредѣляемой присяжными при экспроприаціи) или же рассчитываетъ на чрезвычайное повышение цѣны, благодаря содѣйствію съ какимъ-нибудь крупнымъ предпріятіемъ. Слѣдствіемъ этого является форменная торговля контрактами о налѣт, срокъ которыхъ истекаетъ. «Отъ джентльменовъ, занимающихся этимъ дѣломъ, можно ожидать, что они будутъ поступать именно такъ, какъ они теперь поступаютъ, т. е. будутъ стараться извлекать какъ можно болѣе изъ жилищъ и оставлять дома своимъ преемникамъ въ самомъ жалкомъ видѣ» ¹²⁰⁾. Наемная плата—поведѣльная, и эти господа не подвергаются никакому риску. Слѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ въ чертѣ города, «недавно можно было видѣть въ одинъ субботній вечеръ въ восточной части Лондона множество семействъ, изгнанныхъ изъ своихъ старыхъ жилищъ, скитавшихся со своими скудными пожитками на плечахъ и не находившихъ никакого пристанища, кромѣ рабочаго дома» ¹²¹⁾. Рабочіе дома уже переполнены, а «улучшенія», разрѣшенныя уже парламентомъ, едва только начинаютъ приводиться въ исполненіе. Рабочіе, изгоняемые слѣдствіемъ ломки ихъ домовъ, не покидаютъ, однако, своего прихода или, по крайней мѣрѣ, селятся на границѣ его, въ ближайшемъ приходѣ.

¹¹⁷⁾ I. c. p. 69. Dr. Hunter говорятъ относительно дѣтей въ этихъ колоніяхъ: «Мы не знаемъ, какъ воспитывались дѣти бѣдныхъ до этого нѣка крайняго скопленія бѣдныхъ. Но нужно быть смѣлымъ пророкомъ, чтобы предсказывать все, чего можно ожидать въ будущемъ отъ дѣтей, которыя теперь, при условіяхъ, не имѣющихъ себѣ ничего подобнаго въ нашей странѣ, готовятся къ своей будущей практикѣ, въ качествѣ опасныхъ классовъ общества, проводя полночи съ людьми всѣхъ возрастовъ, пьяными, непристойными и сварливыми». (I. c. p. 56).

¹¹⁸⁾ I. c. p. 62.

¹¹⁹⁾ «Report of the officer of Health of St. Martin's in the Fields. 1865».

¹²⁰⁾ «Public Health. Eight Report. Lond. 1865», p. 91.

¹²¹⁾ I. c. p. 88.

Они, конечно, стараются селиться по возможности ближе къ мѣсту своей работы. Вслѣдствіе этого, вмѣсто двухъ комнатъ, одно семейство принуждено помѣщаться въ одной. Даже за высшую плату квартира будетъ хуже той скверной, изъ которой ихъ изгнали. Половина рабочихъ на Strand принуждена идти почти двѣ мили до мѣста работы». Этотъ Strand, главная улица котораго поражаетъ иностранца богатствомъ Лондона, можетъ служить примѣромъ скученія людей въ этомъ городѣ. Въ одномъ изъ его приходовъ санитарный чиновникъ насчиталъ 581 чел. на акръ, несмотря на то, что въ данное пространство включалась половина Темзы. Само собою разумѣется, что всякая санитарно-полицейская мѣра, которая, какъ это до сихъ поръ практикуется въ Лондонѣ, вслѣдствіе ломки негодныхъ домовъ, изгоняетъ рабочихъ изъ одного квартала, ведетъ лишь къ тому, что они тѣмъ тѣснѣе скучиваются въ другомъ кварталѣ. «Либо,—говоритъ Dr. Hunter,—вся эта бессмысленная процедура должна прекратиться, либо общественныя свмпатіи (!) должны пробудиться къ тому, что теперь можно безъ преувеличенія назвать національнымъ долгомъ, именно къ доставленію крова людямъ, которые, по недостатку капитала, не могутъ его сами приобрести»¹²²⁾. Капиталистическая справедливость поистинѣ достойна удивленія! Землевладѣлецъ, домовладѣлецъ, купецъ при экспроприаціи вслѣдствіе «improvements» (улучшеній), какъ, напр., при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, прокладываніи новыхъ улицъ и т. д. получаютъ не только полное вознагражденіе, но за свое вынужденное «воздержаніе» они должны, по божескимъ и человѣческимъ законамъ, быть утѣшены еще сверхъ того пріятною прибылью. Рабочихъ же съ женами, дѣтьми и всѣмъ ихъ имуществомъ выбрасываютъ на улицу, и если они большими массами направляются въ тѣ кварталы города, въ которыхъ муниципалитетъ особенно слѣдитъ за благопристойностью, то ихъ преслѣдуетъ санитарная полиція!

Кромѣ Лондона въ началѣ XIX столѣтія не было ни одного города въ Англіи, въ которомъ числилось бы 100,000 жителей. Только въ 5 городахъ числилось больше 50,000 жителей. Теперь существуетъ 28 городовъ, въ которыхъ свыше 50,000 жителей. «Результатомъ этой перемѣны былъ не только громадный приростъ городского населенія, но и то, что прежніе маленькіе города теперь дѣлались центрами, застроенными со всѣхъ сторонъ, безъ всякаго доступа свѣжаго воздуха. Не находя ихъ уже болѣе пріятными для себя, богачи покидаютъ ихъ и переселяются въ болѣе веселыя предмѣстья. Преемники этихъ богачей занимаютъ большіе дома, при чемъ цѣлое семейство помѣщается въ одной комнатѣ, часто еще отдавая углы въ наемъ. Такимъ образомъ населеніе тѣснится въ домахъ, предназначенныхъ не для него, гдѣ оно было совершенно не на мѣстѣ, въ обстановкѣ, поистинѣ удивительной для взрослыхъ и гибельной для дѣтей»¹²³⁾. Чѣмъ быстрѣе накопляется капиталъ въ промышленномъ или торговомъ городѣ, тѣмъ быстрѣе притекаетъ туда подлежащій эксплуатаціи человѣческій матеріалъ, тѣмъ хуже импровизованная жилищная ра-

¹²²⁾ I. с. p. 89.¹²³⁾ I. с. p. 55, 56.

бочихъ Newcastle-upon-Tyne, центръ очень богатаго каменноугольнаго и горнопромышленнаго округа, занимаетъ, поэтому, послѣ Лондона второе мѣсто въ жилищномъ аду. Не менѣе 34,000 человекъ живутъ тамъ въ одной комнатѣ. Въ впазхъ общественнаго здравія недавно въ Newcastle и Gateshead полиція разрушила значительное число домовъ. Постройка новыхъ домовъ очень медленно подвигается впередъ, а промышленныя дѣла идутъ очень быстро. Поэтому въ 1865 г. городъ былъ еще болѣе переполненъ, чѣмъ когда-либо прежде. Съ трудомъ можно было достать хоть одну комнату. «Безъ всякаго сомнѣнія,—говорятъ Dr. Embleton, врачъ при госпиталѣ для тифозныхъ больныхъ въ Newcastle,—причиной существованія и распространенія тифа является переполненіе и нечистота жилищъ. Дома, въ которыхъ обыкновенно живутъ рабочіе, находятся въ глухихъ переулкахъ и во дворахъ. Въ отношеніи свѣта, воздуха, пространства и чистоты они—истинные образцы неустройства и негигіеничности, позоръ для всякой цивилизованной страны. Мужчины и дѣти спятъ ночью всѣ вмѣстѣ вповалку. Что касается мужчинъ, то почная и ливневая стѣны непрерывно слѣдуютъ одна за другой, такъ что постели не успѣваютъ даже остыть. Дома неопратны, заражены, плохо вентилируются, плохо снабжены водою и еще хуже—отхожими мѣстами»¹²⁴⁾. Недѣльная цѣла подобныхъ конуръ составляетъ отъ 8 пенсовъ до 3 шилл. «Newcastle upon Tyne,—говоритъ Dr. Hunter,—являетъ примѣръ одной изъ самыхъ красивыхъ частей нашего сельскаго населенія, дошедшей, вслѣдствіе вѣдшихъ условій своихъ обиталищъ, почти до дикаго вырожденія»¹²⁵⁾.

Вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ капитала и труда, жилищныя условія въ какомъ-либо городѣ могутъ быть сегодня сносными, завтра же стать отвратительными. Если городскія власти, наконецъ, рѣшаются устранить вопіющія безобразія, то на слѣдующій день влетаютъ, какъ саравча, ирландскіе оборванцы или обнищавшіе англійскіе земледѣльческіе рабочіе. Ихъ набиваютъ въ подвалы и амбары или же превращаютъ прежніе приличные дома для рабочихъ въ казармы, персоналъ которыхъ смѣняется такъ же быстро, какъ на военныхъ квартирахъ, во время тридцатилѣтней войны. Примѣромъ можетъ служить Bradford. Муниципальные филістеры какъ разъ были заняты тамъ городскими реформами. Къ тому же въ 1861 г. тамъ оставалось еще 1.751 незапаятыхъ домовъ. Но вдругъ дѣла пошли хорошо, о чемъ недавно такъ мило кричалъ либеральный господинъ Forster, другъ негровъ. Съ улучшеніемъ дѣлъ неизбежно прибываетъ волна постоянно колеблющейся «резервной арміи» или «относительнаго перенаселенія». Отвратительныя подвальные помѣщенія и конуры, зарегистрированныя въ спискѣ [прим.¹²⁶⁾], полученномъ

¹²⁴⁾ I. c. p. 149.

¹²⁵⁾ I. c. p. 50.

¹²⁶⁾ Списокъ, составленный агентомъ общества страхованія рабочихъ въ Брадфордѣ.

Vulcanstreet Nr. 122	1 комната	16 человекъ
Lumleystreet Nr. 13.	1 „	11 „
Bowerstreet Nr. 41.	1 „	11 „

Dr. Hunter'омъ отъ агента одного страхового общества, по большей части были населены рабочими, получающими хорошую плату. Они заявляли, что рады бы платить дороже за лучшія помѣщенія, если бы ихъ можно было достать. Но пока что—они иѣльными семьями все опускаются и опускаются, питаются и подвергаются заботѣваніямъ, между тѣмъ какъ иѣжно либеральный Форстеръ, членъ парламента, проликаетъ слезы умиленія по поводу благодѣяній свободной торговли и барышей, получаемыхъ съ суконнаго товара выдающимися головами Брадфорда. Въ отчетѣ 5 сентября 1865 Dr. Bell, одинъ изъ брадфордскихъ врачей для бѣдныхъ, объясняетъ ужасную смертность больныхъ лихорадкою въ своемъ округѣ исключительно жилищными условіями. «Въ подвалѣ въ 1.500 куб. фут. живетъ 10 человекъ... На улицѣ Vincent, Green Air Place и the Leys находятся 223 дома съ 1.450 жителями, 435 постелями и 36 отхожими мѣстами. На каждую постель, а подъ постелью я разумѣю свертокъ грязнаго тряпья или бучу стружекъ, приходится среднимъ числомъ 3,3 человека, иногда даже 4 и 6 человекъ. Многие спятъ вовсе безъ постели на голой землѣ, не раздѣваясь, мужчины и женщины, женатые и холостые, все вмѣстѣ безъ разбора. Нужно ли еще прибавлять, что эти обиталища въ большинствѣ случаевъ представляютъ темныя, сырыя, грязныя, вонючія конуры, совершенно непригодныя для человеческого жилья? Это центры, изъ которыхъ распространяются болѣзни и смерть, уносящія жертвы и изъ зажиточныхъ людей (of good circumstances), которые позволили этимъ язвамъ гноиться въ нашей средѣ» ¹²⁷⁾.

Бристоль занимаетъ третье мѣсто по жалкому состоянію жилищъ. «Здѣсь, въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ Европы, бѣдность господствуетъ въ ужаснѣйшей наготѣ» («blank poverty») ¹²⁸⁾.

Portlandstreet Nr. 112	1	»	10	»
Hardystreet Nr. 17.	1	»	10	»
Northstreet Nr. 18.	1	»	16	»
ditto Nr. 17	1	»	13	»
Wymestreet Nr. 19.	1	»	8 взрослыхъ	
Juwettstreet Nr. 56.	1	»	12 человекъ	
Georgestreet Nr. 150	1	»	3 семейства	
Rifle-Court. Marygate Nr. 11	1	»	11 человекъ	
Marshallstreet Nr. 28.	1	»	10	»
ditto Nr. 49	1	»	3 семейства	
Georgestreet Nr. 128.	1	»	18 человекъ	
ditto Nr. 130.	1	»	16	»
Edwardstreet Nr. 4	1	»	17	»
Yorkstreet Nr. 34.	1	»	2 семейства	
Salt Pintreet	1	»	26 человекъ	

Подвалы.

Regent Square	1 подвалъ	8 человекъ	
Acrestreet	1	7	»
Robert's Court Nr. 33.	1	7	»
Back Prattstreet, помѣщеніе употребляе-			
мое какъ мастерская мѣдниковъ.	1	7	»
Ebenezerstreet Nr. 27.	1	6	»

(I. с. р. III).

¹²⁷⁾ I. с. р. 114.

¹²⁸⁾ I. с. р. 50.

с) Бродячіе или переходіе рабочіе.—Горнорабочіе.

Теперь мы обратимся къ такому слою населенія, который по происхожденію своему принадлежитъ деревнѣ, но по роду своихъ занятій, въ значительной мѣрѣ,—промышленности. Онъ образуетъ легкую инфантерію капитала, которую послѣдній, смотря по своимъ потребностямъ, перебрасываетъ съ одного мѣста на другое. Если она не находится въ движеніи, то она «стоитъ лагеремъ». Переходящій трудъ употребляется при всевозможныхъ строительныхъ работахъ, при дренажированіи, производствѣ кирпичей, обжиганіи извести, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Это странствующее населеніе разноситъ заразу, распространяя тамъ, гдѣ оно располагается лагеремъ, оспу, тифъ, холеру, скарлатину и т. п. ¹²⁹⁾ Въ предиріятіяхъ, требующихъ значительной затраты капитала, напр. при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. д., предириниматель по большей частѣ самъ доставляетъ своей арміи деревянные бараки или т. п. жилища, создавая импровизованныя деревни безъ всякихъ санитарныхъ приспособленій, поселенія, находящіеся внѣ контроля мѣстныхъ властей, очень выгодныя для господина подрядчика, вдвойнѣ эксплуатирующаго рабочихъ, какъ промышленныхъ солдатъ и какъ жильцовъ. Смотря по тому, содержатъ ли такая деревянная изба 1, 2, 3 конуры, обитатель ея, землекопъ и т. д., долженъ платить 1, 2, 3 шилл. въ недѣлю ¹³⁰⁾. Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ. Въ сентябрѣ 1864 г., сообщаетъ Dr. Simon, министру внутреннихъ дѣлъ, Sir George'y Grey'ю, было подано слѣдующее заявленіе председателя Nuisance Removal Committee прихода Sevenoaks: «Оспа была совсѣмъ неизвѣстна въ нашемъ приходѣ еще годъ тому назадъ. Незадолго до этого времени открывались работы по постройкѣ желѣзной дороги отъ Lewisham'a до Tunbridge'a. Помимо того, что главныя работы производились въ непосредственномъ соосѣдствѣ этого города, здѣсь же было устроено и главное депо всѣхъ этихъ работъ. Поэтому здѣсь работало большое число людей. Такъ какъ невозможно было помѣстить ихъ всѣхъ въ коттеджахъ, то подрядчикъ, господинъ Жау, велѣлъ выстроить на разныхъ пунтахъ вдоль линіи бараки для помѣщенія рабочихъ. Въ этихъ баракахъ не было ни вентилациіи, ни сточныхъ трубъ и притомъ они по необходимости были переполнены, такъ какъ каждый жалецъ долженъ былъ принимать къ себѣ еще другихъ постояльцевъ, какъ бы ни было многочисленно его собственное семейство и несмотря на то, что каждый баракъ состоялъ только изъ двухъ комнатъ. Результатомъ всего этого, по заключенію медика, полученному нами, было то, что эти несчастные подвергались по ночамъ всѣмъ мукамъ удушенія, чтобы оградить себя отъ заразныхъ испареній отъ грязной стоячей воды и отхожихъ мѣстъ, помѣщавшихся подъ самыми окнами. Наконецъ, нашему комитету была подана жалоба однимъ врачомъ, которому случилось посѣтить эти бараки. Онъ рисуетъ положеніе этихъ, такъ называемыхъ, жилищъ самыми мрачными красками и опасается очень серьезныхъ по-

¹²⁹⁾ «Public Health, Seventh Report. Lond. 1864», p. 18.

¹³⁰⁾ 1. с. р. 165.

сѣдствій, если не будутъ приняты нѣкоторыя санитарныя мѣры. Около года тому назадъ вышеупомнутый Лай обязался выстроить домъ, куда должны были немедленно удалять заболѣвающихъ заразными болѣзнями лицъ, работающихъ у него. Онъ повторилъ это обѣщаніе въ концѣ прошлаго іюля, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага для приведенія его въ исполненіе, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ были заболѣванія оспой и два смертныхъ случая отъ этой болѣзни. 9-го сентября врачъ Kelson довезъ мѣ о новыхъ заболѣваніяхъ оспроу въ этихъ баракахъ, положеніе которыхъ, по его описанію, ужасно. Я долженъ прибавить къ вашему (министра) свѣдѣнію, что въ нашемъ приходѣ имѣется изолированный домъ, такъ называемый заразный домъ, гдѣ пользуются прихожанъ, заболѣвающихъ заразными болѣзнями. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ этотъ домъ постоянно переполненъ паціентами. Въ одномъ семействѣ умерло пятеро дѣтей отъ оспы и лихорадки. Съ 1-го апрѣля по 1-ое сентября этого года было не менѣе 10 смертныхъ случаевъ отъ оспы, изъ нихъ 4 въ вышеупомнутыхъ баракахъ, этихъ источникахъ заразы. Невозможно опредѣлять число заболѣваній, такъ какъ семейства, въ которыхъ они случаются, насколько возможно скрываютъ ихъ¹³¹⁾.

Рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ и въ рудникахъ принадлежатъ къ наилучшей оплачиваемыхъ категоріямъ британскаго пролетаріата. Въ другомъ мѣстѣ мы уже указали, какою цѣною пріобрѣтается эта плата¹³²⁾. Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на ихъ жилищныя условія. Обыкновенно тотъ, кто эксплуатируетъ копь или рудникъ, будетъ ли это владѣлецъ или арендаторъ, строить извѣстное число коттеджей для своихъ рабочихъ. Они получаютъ коттеджи и уголь для отопленія «даромъ», т. е. это составляетъ часть заработной платы, выдаваемой имъ натурой. Тѣ, кто не могутъ быть расквартированы такимъ образомъ, получаютъ взаменъ этого 4 ф. ст. въ годъ. Горнопромышленные округа быстропривлекаютъ многочисленное населеніе, состоящее изъ самихъ горнорабочихъ и затѣмъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. д., которые группируются вокругъ пер-выхъ. Какъ повсюду мѣстахъ съ густымъ населеніемъ, поземельная рента здѣсь очень высока, поэтому предприниматель старается выстроить на возможно меньшемъ пространствѣ, у самаго входа въ копь, столько коттеджей, сколько необходимо, чтобы вмѣстѣ всѣхъ его рабочихъ съ ихъ семействами. Если открываются новыя копи или начинаютъ снова разрабатываться заброшенныя, то тѣснота увеличивается. При сооруженіи коттеджей господствуетъ лишь одна

¹³¹⁾ 1. с. р. 18. Note. Попечитель о бѣдныхъ въ Chapel-en-le Frith Union доносить генеральному регистратору: «Въ Doveholes въ большомъ ходѣ известковаго пеплу сдѣлано много мелкихъ углубленій. Эти углубленія служатъ жилищемъ немлекопитающихъ и другихъ рабочихъ, занятыхъ при постройкѣ желѣзной дороги. Пещеры эти тѣсныя, сырыя, безъ стоковъ для нечистотъ и безъ отхожихъ мѣстъ. Они лишены всякой вѣнтіляціи, кромѣ отверстія на верху въ сводѣ, служащаго также и дымоходной трубой. Оспа здѣсь свирѣпствуетъ и причинила уже нѣсколько смертныхъ случаевъ» (между «троглодитами») (1. с. Note 2).

¹³²⁾ Подробности, приведенныя на стр. 410—416, относятся, главнымъ образомъ, къ рабочимъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Относительно положенія рабочихъ въ рудникахъ, которое еще хуже, ср. добросовѣстный отчетъ Royal Commission 1864 г.

точка зрѣнія—«воздержаніе» капиталиста отъ всякой не абсолютно необходимой траты наличныхъ денегъ. «Жилыща горнорабочихъ и другихъ рабочихъ, занятыхъ въ копяхъ Northumberland'a и Durham'a.—говоритъ Dr. Julian Hatcher,—представляютъ, пожалуй, въ среднемъ то, что есть самаго худшаго и самаго дорогаго въ этомъ родѣ въ Англіи въ крупномъ масштабѣ, кромѣ, впрочемъ, подобныхъ же округовъ въ Montomshire'ѣ. Самое крупное зло заключается въ значительномъ числѣ людей, населяющихъ каждую комнату, въ избытокъ пространства, на которомъ скучены всѣ постройки, въ недостаткѣ воды и въ отсутствіи отхожихъ мѣстъ, въ перѣдко применяемомъ способѣ постройки домовъ одинъ на другомъ или расположенія ихъ in flats (такъ что различные коттеджи образуютъ этажи, горизонтально расположенные одинъ надъ другимъ)... Предприниматель смотритъ на всю колонію такъ, какъ будто она расположилась здѣсь лагеремъ, а не живетъ постоянно» ¹³³⁾. «Во исполненіе данныхъ мнѣ инструкцій,—говоритъ Dr Stevens,—я посѣтилъ большую часть горнозаводскихъ поселеній Durham Union... За весьма немногими исключеніями можно сказать, что вездѣ въ нихъ пренебрегаютъ всякими мѣрами для охраненія здоровья обитателей... Всѣ работающіе въ копяхъ, прикрѣплены («bound», выраженіе, которое, какъ и bondage, происходитъ изъ временъ крѣпостного права) къ арендатору («lessee») или владѣльцу рудника на 12 мѣсяцевъ. Если они обнаруживаютъ свое недовольство или какими бы то ни было образомъ досаждаютъ смотрителю («viewer»), то онъ дѣлаетъ только знакъ или примѣчаніе рядомъ съ именами въ своей книгѣ, и отпускаетъ ихъ въ концѣ года при заключеніи новыхъ контрактовъ... Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ способовъ примѣненія Trucksystem не можетъ быть хуже того, который господствуетъ въ этихъ густо населенныхъ округахъ. Рабочій привужденъ принимать какъ часть своей платы домъ, находящійся въ зараженной мѣстности. Онъ не можетъ устроиться иначе. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ крѣпостной (he is to all intents and purposes a serf). Вопросъ еще, можетъ ли вообще кто нибудь помочь ему, кромѣ его хозяина, а этотъ послѣдній прежде всего справляется со своимъ балансомъ, и результатъ этого можно безошибочно предвидѣть. Даже водой рабочаго снабжаетъ хозяинъ. Хороша вода или дурна, доставлена ему или пѣтъ, все равно онъ долженъ за нее платить или, вѣрнѣе говоря, подвергаться вычету изъ платы» ¹³⁴⁾.

Въ конфликтѣ съ «общественнымъ мнѣніемъ» или даже съ санитарной полиціей капиталъ нисколько не стѣсняется «оправдывать» частью опасныя, частью унипительныя условія, на которыя онъ обрекаетъ рабочаго въ его дѣятельности и его домашней обстановкѣ тѣмъ, что это, молъ, необходимо для болѣе выгодной эксплуатаціи рабочаго. Такъ онъ поступаетъ, когда «воздерживается» отъ приспособленія для защиты отъ опасныхъ машинъ на фабрикахъ, отъ вентиляціи и предохранительныхъ средствъ въ копяхъ и рудникахъ и т. д., точно то же видимъ мы и относительно жилищъ для горнорабочихъ. «Въ оправ-

¹³³⁾ I. с. p. 180, 182.

¹³⁴⁾ I. с. p. 515, 517.

дѣіе негодности жилищъ,—говорить въ своемъ официальномъ отчетѣ Dr. Simon, санитарный чиновникъ Privy Council,—указываютъ на то, что копи обыкновенно эксплуатируются арендаторами, что срокъ аренднаго контракта (въ каменщюгозольныхъ копияхъ по большей части 21 годъ) слишкомъ коротокъ для того, чтобы арендатору стоило устраивать хорошія жилища для рабочихъ и мастеровъ и т. д., которыхъ привлекаетъ предпріятіе; но если бы онъ даже захотѣлъ быть щедрѣе въ этомъ отношеніи, то онъ встрѣтилъ бы препятствіе со стороны землевладѣльца. Этотъ послѣдній тотчасъ же потребовалъ бы непомерную добавочную ренту за привилегію построить на его землѣ приличное и удобное поселеніе для помѣщенія людей, добывающихъ принадлежащія ему подземныя богатства. Эта, какъ бы запретительная, цѣна, а иногда и прямое запрещеніе устрашаетъ даже тѣхъ, которые вообще хотѣли бы строить... И не хочу подробно разбирать состоятельность этого оправданія, а также не буду касаться вопроса, на кого пали бы въ послѣднемъ счетѣ добавочныя издержки на постройку приличныхъ жилищъ, на землевладѣльца ли, на арендатора ли рудника, на рабочихъ ли или на общество... Но въ виду тѣхъ позорныхъ фактовъ, которые разоблачаются въ вышеприведенныхъ отчетахъ (Dr. Hunter's, Stevens'a и др.), должны быть приняты какія либо мѣры для устраненія подобныхъ явленій... Права собственности служатъ здѣсь для того, чтобы совершать большую общественную несправедливость. Въ качествѣ владѣльца копи землевладѣлецъ приглашаетъ рабочую колонію для работъ въ своихъ владѣніяхъ, а затѣмъ, въ качествѣ владѣльца поверхности, лишаетъ собранныхъ имъ рабочихъ возможности пойти себѣ необходимыя имъ надлежаще устроенныя жилища. Арендатору копи (капиталистическому эксплуататору) нѣтъ никакого денежнаго расчета мѣшать этой двойной торговлѣ, такъ какъ онъ очень хорошо знаетъ, что если требованія землевладѣльца непомерны, то послѣдствія этого падутъ не на него, и что рабочіе, на которыхъ они обрушатся, слишкомъ невѣжественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самыя грязныя жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужатъ поводомъ для стачки» ⁽¹³⁵⁾.

d) Вліяніе кризисовъ на наилучше оплачиваемую часть рабочаго класса.

Прежде чѣмъ перейти къ земледѣльческимъ рабочимъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, нужно еще показать на примѣръ, какъ дѣйствуютъ кризисы даже на наилучше оплачиваемую часть рабочаго класса, на его аристократію. Напомнимъ, что въ 1857 г. разразился одинъ изъ тѣхъ большихъ кризисовъ, которыми каждый разъ завершается промышленный циклъ. Срокъ слѣдующаго кризиса наступилъ въ 1866 году. На этотъ разъ кризисъ, уже дисконтированный въ собственно фабричныхъ округахъ въ т. н. хлопчатобумажномъ голодѣ, который выбросилъ много капитала изъ его обычной сферы приложенія въ крупныя центры денежнаго рынка, принялъ преимущественно денежный характеръ.

Онъ начался въ маѣ 1866 г. крахомъ одного изъ исполнскихъ лондонскихъ банковъ, за которымъ непосредственно послѣдовало общее крушеніе безчисленныхъ дутыхъ обществъ. Одной изъ крупныхъ лондонскихъ отраслей промышленности, потерпѣвшей отъ катастрофы, было судостроеніе (въ желѣзѣ). Магнаты этого производства во время его процвѣтанія не только занимались перепроизводствомъ свыше всякой мѣры, но приняли еще на себя громадные поставки, спекулируя на то, что источники кредита всегда будутъ одинаково обильны. Тогда наступила страшная реакція, которая въ другихъ лондонскихъ производствахъ ¹³⁸⁾ продолжается и до настоящаго времени (конецъ марта 1867 г.).

Приведемъ для характеристики положенія рабочихъ слѣдующее мѣсто изъ подробнаго отчета корреспондента газеты «Morning Star», который въ началѣ 1867 г. посѣтилъ главные центры бѣдствія. Къ востоку отъ Лондона, въ округахъ Poplar, Millwall, Greenwich, Deptford, Limehouse и Canning Town находится, по крайней мѣрѣ, 15.000 рабочихъ съ семействами въ крайне бѣдственномъ положеніи и въ числѣ ихъ—болѣе 3.000 искусныхъ механиковъ. Ихъ резервные фонды совершенно исчерпаны вслѣдствіе шести—или восьми-мѣсячной безработицы... Маѣ стоило большого труда пробраться къ воротамъ рабочаго дома (въ Poplar'ѣ), такъ какъ онъ былъ осажденъ голодной толпой. Ова ждала раздачи билетовъ для полученія хлѣба, но было еще слишкомъ рано. Дворъ представляетъ большой квадратъ съ навѣсомъ вокругъ стѣнъ. Большія кучи снѣга покрывали мостовую по срединѣ двора. Здѣсь находятся небольшія пространства, огороженные новыми плетнемъ, подобно овчарнямъ, гдѣ въ хорошую погоду работаютъ мужчины. Въ день моего посѣщенія загороди были такъ завалены снѣгомъ, что никто не могъ въ нихъ снѣсть. Мужчины работали, однако, подѣ защитой навѣса надъ раздробленіемъ (макадамызированиемъ) булыжника для мостовой. Каждый изъ нихъ, сядя на большомъ камнѣ, ударялъ тяжелымъ молотомъ по обледѣлому граниту, пока не разбивалъ 5 бушелей. Тогда кончалась его дневная работа, и онъ получалъ 3 пенса и билетъ на полученіе хлѣба. Въ другой части двора стоялъ еле слаженный, малевкій деревянный домикъ. Отерывъ дверь, мы вышли его бѣткомъ набитымъ людьми,

¹³⁸⁾ «Массовое голоданіе лондонскихъ бѣдняковъ» («Wholesale starvation of the London Poor!»)... Въ послѣдніе дни стѣны домовъ въ Лондонѣ были заклеены большими плакатами, на которыхъ можно было прочесть слѣдующее замѣчательное объявленіе: «Жирные быки, голодающіе люди! Жирные быки покормили свои хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей въ ихъ роскошныхъ покояхъ, между тѣмъ какъ голодающіе люди погибаютъ и умираютъ въ своихъ жалкихъ норахъ». Плакаты съ этой зловѣщей надписью постоянно возобновляются. Не успѣютъ сорвать или заклеить одну партію, какъ тотчасъ же появляются новыя на томъ же самомъ мѣстѣ или на другомъ открытѣмъ мѣстѣ. ...Это напоминаетъ тѣ предвѣщенія, которыя подготавливали французскій народъ къ событіямъ 1789 г... Въ настоящій моментъ, когда англійскіе рабочіе съ женами и дѣтьми умираютъ отъ холода и голода, англійскія деньги, продуктъ англійскаго труда, милліонами помѣщаются въ русскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и другихъ иностранныхъ банкахъ». («Meynold's Newspaper, 20 Jan. 1867»).

тѣсно столпившимся, чтобы согрѣться. Они щипали корабельный канатъ и спорили другъ съ другомъ, кто изъ нихъ можетъ больше проработать при minimum'ѣ пищи, такъ какъ выдержка составляла тутъ point d'honneur. Въ одномъ этомъ рабочемъ домѣ получали поддержку 7.000 человекъ, между ними сотни такихъ, которые 6 или 8 мѣсяцевъ тому назадъ получали самую высокую въ этой странѣ плату за искусный трудъ. Число ихъ было бы вдвое больше, если бы не то обстоятельство, что многіе, даже исчерпавъ всѣ свои денежные сбереженія, все-таки не рѣшались прибѣгать къ помощи прихода, пока у нихъ имѣются еще какія-нибудь вещи для заклада... Покинувъ рабочій домъ, я пошелъ по улицамъ,строеннымъ большею частью одноэтажными домами, столь многочисленными въ Рорлагѣ. Моимъ проводникомъ былъ членъ комитета для безработныхъ. Первый домъ, въ который мы вошли, былъ домъ рабочаго (съ жельзнодорожнаго завода), не имѣвшаго работы уже продолженіе 27 недѣль. Я нашелъ его со всѣмъ семействомъ въ задней комнатѣ. Въ комнатѣ была еще кое-какая мебель, а въ каминѣ горѣлъ огонь. Это было необходимо, чтобы защитить отъ холода голыя ноги дѣтей — на дворѣ стояла страшная стужа. На тарелкѣ противъ огня лежала наея, которую жена и дѣти щипали для полученія хлѣба изъ рабочаго дома. Мужъ работалъ въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ дворовъ за билетъ на полученіе хлѣба и 3 пенса въ день. Теперь онъ пришелъ домой обѣдать, очень голодный, какъ онъ намъ это сообщилъ съ горькой улыбой, и обѣдъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ ломтиковъ хлѣба съ саломъ и чашки чая безъ молока... Слѣдующую дверь, въ которую мы постучали, открыла намъ женщина среднихъ лѣтъ и, не сказавъ ни слова, провела насъ въ заднюю комнатку, гдѣ молча сидѣло все ея семейство, устремивъ глаза на быстро потухавшій огонь. Такое запустѣніе, такая безнадежность царили въ этой маленькой комнатѣ, среди этихъ людей, что я не хотѣлъ бы еще разъ увидѣть подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь,—сказала женщина, указывая на своихъ сыновей,—ничего продолженіе 26 недѣль, и всѣ наши деньги издержаны, всѣ деньги, которыя я и отецъ откладывали въ лучшіе дни, мечтая создать себѣ опору для плохихъ временъ. Посмотрите»,—почти дикимъ голосомъ воскликнула она, показывая намъ банковую книжку. Въ ней были аккуратно отмѣчены всѣ внесенныя и взятыя обратно деньги, и мы могли видѣть, какъ началось маленькое ихъ состояніе съ перваго вклада въ 5 шиллинговъ, какъ постепенно оно возрастало до 20 ф. ст. и опять начало таять, съ фунтовъ до шиллинговъ, пока, наконецъ, послѣдняя записъ не сдѣлала эту книжку ничего не стоящимъ клочкомъ бумаги. Это семейство получало одинъ скудный обѣдъ въ день изъ рабочаго дома... Слѣдующій нашъ визитъ привелъ насъ къ женѣ одного ирландца, который работалъ на корабельной верфи. Мы нашли ее больной отъ недостатка пищи; она лежала, одѣтая, на матрацѣ, едва прикрытая кускомъ ковра, такъ какъ постель была въ закладѣ. Несчастныя дѣти ухаживали за ней, но видно было, что они сами нуждаются въ материнскомъ уходѣ. Девятнадцать недѣль вынужденной праздности довели ее до этого жалкаго положенія, и, рассказывая намъ исторію печальнаго прошлаго, она такъ стонала, точно всякая надежда

на лучшее будущее была навсегда потеряна... Когда мы выходили из этого дома, къ намъ подбѣжалъ какой-то молодой человекъ и попросилъ насъ пойти въ его домъ и посмотреть, нельзя ли сдѣлать чего-нибудь для него. Молодая жена, двое красивыхъ дѣтей, цѣлая кипа рисунковъ классы ссудъ, совершенно голая комната,—вотъ все, что онъ могъ намъ показать».

Приведемъ еще извлеченіе изъ одной торійской газеты о послѣдствіяхъ кризиса 1866 г. Не слѣдуетъ забывать, что восточная часть Лондона, о которой здѣсь идетъ рѣчь, является не только центромъ желѣзнаго судостроенія, о чемъ было уже упомянуто въ текстѣ этой главы, но и такъ называемаго «домашняго производства», оплачиваемаго постоянно ниже minimum'a. «Возмутительная ссора разыгралась вчера въ одной части метрополи. Хотя тысячи безработныхъ Истанда не принимали участія въ шествіи съ черными знаменами, тѣмъ не менѣе и тутъ толпа была довольно внушительная. Вспомнимъ лишь, какъ страдаетъ это населеніе. Оно умираетъ съ голода. Это не фраза, но простой и ужасный фактъ. Такихъ несчастныхъ до 40.000... Въ нашъ вѣкъ, въ одномъ изъ кварталовъ этой чудной метрополи, рядомъ съ громадѣйшимъ накопленіемъ богатства, какое когда-либо выпадо на свѣтъ, рядомъ со всѣмъ огнемъ—40.000 безпомощно умирающихъ отъ голода! Эти тысячи проныкаютъ теперь и въ другіе кварталы; всегда полуголодные, они кричатъ намъ о своихъ страданіяхъ, вопятъ къ небу, рассказываютъ намъ о своихъ жалбахъ жилищахъ, о томъ, что имъ невозможно найти работу и бесполезно просить милостыню. Мѣстные жители, обложенные налогомъ на бѣдныхъ, вслѣдствіе постоянныхъ требованій приходовъ, сами уже находятся почти на краю пауперизма». (Standard. 5 April 1866).

Въ виду того, что у англійскихъ капиталистовъ вошло въ моду изображать Бельгію раемъ для рабочихъ, такъ какъ «свобода труда» или, что одно и то же, «свобода капитала» тамъ не ограничена ни деспотизмомъ Trades' Union'овъ, ни фабричными законами, то мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о «счастіи» бельгійскихъ рабочихъ.

Никто, вѣроятно, не былъ болѣе посвященъ въ тайны этого счастья, чѣмъ покойный Duerétiaux, главный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ и благотворительныхъ учрежденій, а также членъ центральной бельгійской статистической комиссіи. Возьмемъ его сочиненіе: «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique. Bruxelles 1855». Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, нормальное бельгійское рабочее семейство, ежегодные расходы и доходы котораго рассчитаны на основаніи очень точныхъ данныхъ, условія питанія котораго сравниваются затѣмъ съ питаніемъ создана, матроса флота и арестанта. Семейство «состоитъ изъ отца, матери и четырехъ дѣтей». Изъ этихъ шести человекъ «четверо могутъ заниматься круглый годъ полезнымъ трудомъ»; мы предполагаемъ, «что между ними нѣтъ ни больныхъ, ни неспособныхъ къ труду». что у нихъ нѣтъ ни «пздержекъ на религіозныя, нравственныя и умственныя потребности, за исключеніемъ самыхъ ничтожныхъ пздержекъ на оплату мѣстъ въ церкви», ни «взносовъ въ сберегательную кассу, ни въ кассу призрѣнія старости», ни «предметовъ роскоши ни вообще лишннихъ расходовъ».

Однако, отецъ и старшій сынъ курятъ табакъ и по воскресеньямъ посѣщаютъ трактиръ, на что они тратятъ цѣлыхъ 86 сантимовъ въ недѣлю. «Нѣтъ общей сводки заработной платы, получаемой рабочими въ различныхъ отрасляхъ производства, слѣдуетъ... что высшая средняя плата составляетъ 1 фр. 56 сантимовъ въ день для мужчины, 89 сантим. для женщины, 56 сантим. для мальчишки и 55 сантим. для дѣвочки. По этому расчету доходы всего семейства составляютъ максимумъ 1,068 фр. въ годъ... Въ принятомъ нами типичномъ семействѣ мы считали всевозможные доходы выѣсть. Но если мы будемъ предполагать заработокъ у матери, то отнимъ самымъ мы лишаемъ хозяйство всякаго руководства; кто же будетъ заботиться о домѣ, о дѣтяхъ? Кто будетъ варить, мыть, чинить? Каждый день дилемма эта стоитъ передъ рабочими»..

Бюджетъ семейства таковъ:

Отецъ, работая 300 дней по 1,56 фр., получить	468 фр.
Мать, » » » 0,89 » »	267 »
Сынъ, » » » 0,56 » »	168 »
Дочь, » » » 0,55 » »	165 »
Итого	1,068 »

Ежегодныя издержки семейства и его дефицитъ составляли бы, если бы рабочій получалъ пищу:

Матросовъ флота фр. 1,828.	Дефицитъ фр. 760
Солдатовъ » 1,473	» » 405
Арестантовъ » 1,112	» » 41

«Мы видимъ, что лишь немногія рабочія семейства въ состояніи питаться не только какъ матросы или солдаты, но даже какъ арестанты. Среднимъ числомъ каждый арестантъ обходился въ Бельгін въ 1847—1849 въ 63 сантим. въ день, что въ сравненіи съ подобными же издержками рабочихъ составляетъ разницу въ 13 сантим. Издержки управленія тюрьмою и присмотра за арестантами уравниваются тѣмъ, что арестанты не платятъ за квартиру..... Но чѣмъ же, спросимъ мы, можно объяснить то, что значительное число рабочихъ, пожалуй даже большинство живетъ въ еще болѣе скудныхъ условіяхъ? Единственно тѣмъ, что рабочіе прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, тайна которыхъ извѣстна имъ однимъ. Они урѣзываютъ свою ежедневную порцію; употребляютъ ржавой хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго; ѣдятъ меньше мяса или совсѣмъ не употребляютъ его; экономятъ также на маслѣ и пряностяхъ: тѣснятся всѣмъ семействомъ въ одной или двухъ комнатахъ. гдѣ мальчуганъ спитъ вмѣстѣ съ дѣвочками, иногда на одномъ и томъ же тюфакѣ; они экономятъ на одеждѣ, на бѣльѣ и на чистотѣ; отказываютъ себѣ въ праздничныхъ развлеченіяхъ, однимъ словомъ, рѣшаются вынести самыя крайнія лишенія. Но разъ они дошли до этихъ крайнихъ предѣловъ, то малѣйшее повышеніе цѣны средствъ существованія, перерывъ въ работѣ, болѣзнь, увеличиваютъ нужду рабочихъ и доводятъ ихъ до совершеннаго разоренія. Долги накладываются, кредитъ истощается, платье и самая необходимая мебель отправляются въ кассу ссудъ и въ концѣ концовъ семейство проситъ записать его

въ списокъ бѣдныхъ»¹²⁷⁾. Въ дѣйствительности при малѣйшемъ измѣненіи цѣны наиболѣе необходимыхъ средствъ существованія въ этомъ «краѣ капиталистовъ» происходитъ измѣненіе числа смертныхъ случаевъ и преступленій. (См. Manifest der Maatschappij: «De Vlamingen Voorguit. Brussel. 1860», p. 15, 16). Во всей Бельгіи считается 930,000 семействъ, изъ нихъ по официальной статистикѣ: 90,000 богатыхъ (избирателей)=450,000 чел.; 190,000 семействъ мелкой буржуазіи, городской и деревенской, значительная часть которыхъ постоянно падаетъ въ пролетаріатъ=1.950.000 чел. Наконецъ, 450,000 семействъ рабочихъ=2.250.000 чел., изъ которыхъ образцовыя семейства наслаждаются довольствомъ, описаннымъ Discretiaux. Изъ 450,000 семействъ рабочихъ, болѣе 200,000 находятся въ списокѣ бѣдныхъ.

е) Британскій земледѣльческій пролетаріатъ.

Антагонистическій характеръ капиталистическаго производства и накопленія нигдѣ не проявляется въ болѣе грубой формѣ, чѣмъ въ прогрессѣ англійскаго земледѣлія (включая сюда и скотоводство) и въ регрессѣ англійскаго земледѣльческаго рабочаго. Но прежде чѣмъ перейти къ его настоящему положенію, бросимъ бѣглый взглядъ назадъ. Современное земледѣліе ведетъ свое начало въ Англіи съ половины XVIII-го столѣтія, хотя переворотъ въ отношеніяхъ поземельной собственности, послужившій основой измѣненія способовъ производства, гораздо болѣе ранняго происхожденія.

Если мы возьмемъ относящіяся къ 1771 г. данныя Артура Юнга, очень точнаго наблюдателя, хотя и поверхностнаго мыслителя, о земледѣльческихъ рабочихъ, то окажется, что они играютъ очень жалкую роль въ сравненіи съ своими предшественниками конца XIV-го столѣтія, «когда они могли жить въ довольствѣ и накапливать богатства»¹²⁸⁾, не говоря уже о XV-мъ столѣтіи, «этомъ золотомъ вѣкѣ англійскихъ рабочихъ, городскихъ и сельскихъ». Но намъ вѣтъ надобности заходить такъ далеко назадъ. «Крупный фермеръ почти возвысился до уровня джентльмена», читаемъ мы въ одной очень содержательной брошюрѣ 1777 г., «между тѣмъ, какъ бѣдный сельскій рабочій крайне угнетенъ... Его несчастное положеніе особенно ярко бросается въ глаза, если сравнить условія жизни его теперь и 40 лѣтъ тому назадъ... Землевладелецъ и фермеръ дѣйствуютъ рука объ руку въ угнетеніи рабочаго»¹²⁹⁾. Затѣмъ авторъ подробно доказываетъ, что реальная заработная плата сельскаго рабочаго появилась съ 1737 до 1777 г. почти на $\frac{1}{4}$ или 25%. «Современная политика,—говорить

¹²⁷⁾ Discretiaux, l. c. p. 151, 154, 155

¹²⁸⁾ James E. Th. Rogers (Prof. of Polit. Econ. in the University of Oxford): «A History of Agriculture and Prices in England. Oxford. 1886», т. I, p. 690. Это добросовѣстное изслѣдованіе въ двухъ первыхъ до сихъ поръ вышедшихъ томахъ обвиняетъ только періодъ отъ 1259—1400 гг. Второй томъ содержитъ только статистическій матеріалъ. Это первая, основанная на первоисточникахъ, «History of Prices» (исторія цѣнъ), которую мы вѣдемъ для того времени.

¹²⁹⁾ «Reasons for the late Increase of the Poorlaws: or a comparative view of the price of labour and provisions. Lond. 1777», p. 5, 11.

въ то же самое время Dr. Richard Price, — покровительствуетъ высшнмъ классамъ народа; сдѣлать этого будетъ то, что рано или поздно все королевство будетъ состоять только изъ джентльменовъ и нищихъ, изъ грандовъ и рабовъ»¹⁴⁰⁾.

Тѣмъ не менѣе положеніе англійскаго сельскаго рабочаго между 1770 и 1780 гг., какъ по отношенію къ его пищѣ и жилищу, такъ и по отношенію къ его чувству собственнаго достоинства, удовольствіямъ и т. д., представляетъ идеалъ, который въ послѣдствіи, никогда не былъ достигнутъ. Его средняя заработная плата, выраженная въ пшитахъ пшеницы, составляла между 1770 и 1771 гг. 90 пинтъ, во времена Eden'a (1797) только 65, а въ 1808 г. уже только 60¹⁴¹⁾.

Равнѣ было уже отмѣчено положеніе сельскихъ рабочихъ въ концѣ анти-якобинской войны, во время которой поземельная аристократія, фермеры, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики арміи и т. п. такъ непотрѣно обогатились. Номинальная плата повысилась, частью вслѣдствіе обезцѣвленія банковыхъ билетовъ, частью вслѣдствіе повышенія цѣны предметовъ первой необходимости, независимой отъ этого обезцѣвленія. Но дѣйствительное движеніе заработной платы можно констатировать очень простымъ способомъ, не прибѣгая къ неумѣстнымъ здѣсь подробностямъ. Законъ о бѣдныхъ и администратія его были въ 1795 г. и въ 1814 г. одни и тѣ же. Мы уже видѣли, какъ примѣнялись эти законы въ сельскихъ округахъ: приходъ въ видѣ подавнн дополнялъ номинальную плату до *минимума*, необходимаго для простаго прозябанія рабочаго. Отношеніе между платой, которую даетъ фермеръ, и тѣмъ дефицитомъ, который дополняется приходомъ, раскрываетъ намъ два факта: во-первыхъ, паденіе заработной платы ниже ея минимума, и, во-вторыхъ, степень, въ какой сельскій рабочій слагается изъ наемнаго рабочаго и наупера, или до какой степени онъ уже превратился въ крѣпостного своего прихода. Мы беремъ графство, которое даетъ среднюю изъ всѣхъ другихъ графствъ. Въ 1795 г. средняя недельная плата въ Northamptonshire'ѣ составляла 7 шилл. 6 пенс., ежегодная сумма расходовъ семейства изъ 6 человѣкъ составляла 36 ф. ст. 12 шилл. 5 пенс., ежегодная сумма его доходовъ 29 ф. ст. 18 шилл., дефицитъ, покрываемый приходомъ—6 ф. ст. 14 шилл. 5 пенс. Въ томъ же самомъ графствѣ недельная плата въ 1814 г. составляла 12 шилл. 2 пенс., ежегодная сумма расходовъ семейства изъ 5 человѣкъ—54 ф. ст. 18 шилл. 4 пенс., общая сумма его доходовъ—36 ф. ст. 2 шилл., дефицитъ, покрываемый приходомъ—18 ф. ст. 6 шилл. 4 пенс.¹⁴²⁾; въ 1795 г. дефицитъ со-

¹⁴⁰⁾ Dr. Richard Price: «Observations on Reversionary Payments, 6 ed. By W. Morgan. Lond. 1805», v. II, p. 158, 159. На стр. 159 Price замѣчаетъ: «Номинальная дневная цѣна труда въ настоящее время не болѣе чѣмъ четверо, или, максимумъ, вѣнцато выше, чѣмъ въ 1514 г. Однако цѣна хлѣба увеличилась въ семь разъ, а мяса и платья почти въ 15 разъ. Но цѣна труда увеличивалась настолько несообразно увеличенію необходимыхъ издержекъ существованія, что рабочій можетъ покупать въ настоящее время, быть можетъ, половину того, что прежде».

¹⁴¹⁾ Barton I. c. p. 26. Для конца XVIII столѣтія ср. Eden I. c.

¹⁴²⁾ Parry I. c., p. 86

ставлялъ менѣе четверти заработной платы, въ 1814 г.—болѣе половины. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ въ 1814 г. исчезли и тѣ ничтожныя удобства, которыя Eden въ свое время нашелъ въ коттеджахъ сельскихъ рабочихъ ¹⁴³⁾. Рабочій—это теперь то изъ содержимыхъ фермеромъ животныхъ, которое онъ больше всѣхъ мучить на работѣ, хуже всѣхъ кормить и съ которымъ всего грубѣе обращается.

Такое положеніе вещей спокойно продолжалось до тѣхъ поръ, пока «бунты 1830 г (Swing-Aufstände) не показали намъ (т. е. господствующимъ классамъ), при свѣтѣ горящихъ хлѣбныхъ скирдовъ, что подъ поверхностью земледѣльческой Англіи таится такая же нищета и такое же мятежное недовольство, какъ и подъ поверхностью промышленной Англіи» ¹⁴⁴⁾. Sadler окрестилъ тогда въ Палатѣ Общинъ сельскихъ рабочихъ «бѣлыми рабами» («white slaves»), а одинъ епископъ повторилъ этотъ эпитетъ въ Палатѣ Лордовъ. «Сельскій рабочій южной Англіи,—говоритъ самый замѣчательный экономистъ того времени, E. G. Wakefield,—не рабъ и не свободный человѣкъ, онъ науперъ» ¹⁴⁵⁾.

Время, непосредственно предшествовавшее отміѣнъ хлѣбныхъ законовъ, пролило новый свѣтъ на положеніе сельскихъ рабочихъ. Съ одной стороны, буржуазные агитаторы были заинтересованы въ томъ, чтобы доказать, какъ мало охранительныя пошлыны охраняли дѣйствительнаго производителя хлѣба. Съ другой стороны, промышленная буржуазія кишла негодующіемъ противъ помещичьей аристократіи за ея разоблаченія состоянія фабрикъ, за притворную симпатію этихъ испорченныхъ до мозга костей, безсердечныхъ и знатныхъ бездѣльниковъ къ страдающимъ фабричнымъ рабочимъ, за ихъ «дипломатическое усердіе» въ поддержкѣ фабричнаго законодательства. Есть старая англійская поговорка, что когда два кора вѣются другъ другу въ волосы, то изъ этого всегда выйдетъ что-нибудь полезное. И въ самомъ дѣлѣ, громкій, страстный споръ между двумя фракціями господствующаго класса о томъ, которая изъ нихъ болѣе безсовѣстно эксплуатируетъ рабочаго, и срава и сѣва помогъ правѣ выйти наружу. Графъ Shaftesbury или, иначе, лордъ Ashley, сталъ во главѣ филантропическаго похода аристократіи противъ фабрикантовъ. Поэтому онъ составляетъ въ 1844 и 1845 гг. излюбленную тему Morning Chronicle въ ея обвинительныхъ статьяхъ о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ. Эта газета, въ то время самый значительный либеральный органъ, отправля въ сельскіе округа собственныхъ комиссаровъ, которые отнюдь не довольствовались общими описаніями и статистикой, но публиковали какъ имена изслѣдованныхъ ими рабочихъ семействъ, такъ и имена ихъ лэндлордовъ. Въ слѣдующей таблицѣ показана плата, которую получаютъ рабочіе трехъ деревень по сосѣдству Blenford'a, Wimbourne'a и Poole'я. Деревни эти составляютъ собственность Mr. G. Bankes и графа Shaftesbury. Надо замѣтить, что этотъ папа «low church», этотъ глава англійскихъ пѣтистовъ, такъ же, какъ и Bankes

¹⁴³⁾ Ibid., p. 213.

¹⁴⁴⁾ S. Laing, l. c., p. 62.

¹⁴⁵⁾ «England and America. Lond. 1883», т. I, p. 47.

вычитаютъ значительную часть изъ нищенскаго заработка рабочихъ подѣломъ платы за помѣщеніе.

П Е Р В А Я Д Е Р Е В Н Я .

а) Дѣти.	б) число членовъ семейства.	в) Недѣльная зараб. плата мужч. инт.	д) Недѣльная зараб. плата дѣтей.	е) Недѣльный доходъ всего семейства.	ф) Недѣльная квартирная плата.	г) Общій недѣльный заработокъ за вычетомъ квартирной платы.	h) Недѣльная зараб. плата на душу.
		шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.
2	4	8	— —	8 —	2 —	6 —	1 6
3	5	8	— —	8 —	1 6	6 6	1 3 ¹ / ₂
2	4	8	— —	8 —	1 —	7 —	1 9
2	4	8	— —	8 —	1 —	7 —	1 9
0	8	7	1 6	10 6	2 —	8 6	1 0 ¹ / ₄
3	5	7	1 2	8 2	1 4	6 10	1 1 ¹ / ₂

В Т О Р А Я Д Е Р Е В Н Я .

		шнл.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.
6	8	7	2 6	10 —	1 6	8 6	1 0 ¹ / ₄
6	8	7	2 6	7 —	1 3 ¹ / ₂	5 8 ¹ / ₂	0 8 ¹ / ₂
8	10	7	— —	7 —	1 3 ¹ / ₂	5 8 ¹ / ₂	0 7
4	6	7	— —	7 —	1 6 ¹ / ₂	5 5 ¹ / ₂	0 11
3	5	7	— —	7 —	1 6 ¹ / ₂	5 5 ¹ / ₂	1 1

Т Р Е Т Ь Я Д Е Р Е В Н Я .

		шнл.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.	шнл. пенс.
4	6	7	3 —	7 —	1 —	6 —	1 —
3	5	7	3 6	11 6	0 10	10 8	2 1 ¹ / ₂
0	2	5	3 6	5 —	1 —	4 —	2 1 ¹ / ₂

Отмена хлѣбныхъ законовъ дала англійскому земледѣлію огромный толчокъ. Дренажъ въ широкихъ размѣрахъ ¹⁴⁷⁾, новая система стойлового содержанія скота и искусственнаго разведенія кормовыхъ травъ, введеніе механическихъ аппаратовъ для удобренія, новый способъ обработки глинистой почвы, усиленное употребленіе минеральныхъ удобреній, примѣненіе паровой машины и всякаго рода новыхъ рабочихъ машинъ и т. д., вообще болѣе интенсивная культура характеризуютъ эту эпоху. Предсѣдатель королевскаго земледѣльческаго общества, Pusey, утверждаетъ, что (относительная) издержки производства уменьшились почти на половину вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ. Съ другой стороны, доходъ отъ земли (*der positive Bodenertrag*) быстро увеличился. Большая затрата капитала на акръ и болѣе быстрая концентрація фермъ, поэтому, составляла основное условіе новаго метода ¹⁴⁸⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ площадь обработки расширилась съ 1846 до 1856 гг. на 464.119 акровъ, не говоря уже о большихъ пространствахъ восточныхъ графствъ, которыя изъ загородей для кроликовъ и тощихъ пастбищъ какъ бы волшебствомъ превратились въ роскошныя хлѣбныя нивы. Мы уже знаемъ, что въ то же самое время уменьшилось общее число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи. Что же касается собственно земледѣльцевъ обоаго пола и всѣхъ возрастовъ, то число ихъ уменьшилось съ 1.241.269 человекъ въ 1851 г. до 1.163.217 человекъ въ 1861 г. ¹⁴⁹⁾. Если, поэтому, англійскій генеральный регистраторъ справедливо замѣчаетъ: «увеличеніе числа фермеровъ и сельскихъ рабочихъ съ 1801 г. не находится ни въ какомъ отношеніи къ возрастанію массы земледѣльческихъ продуктовъ» ¹⁵⁰⁾, то эта несоразмѣрность замѣчается еще гораздо болѣе въ послѣдній періодъ, когда положительное уменьшеніе сельскаго рабочаго населенія шло рука объ руку съ расширеніемъ площади обрабатываемой земли, съ введеніемъ болѣе интенсивной культуры, съ неслыханнымъ накопленіемъ капитала, вложеннаго въ землю и предназначеннаго на ея обработку, съ безпримѣрнымъ въ англійской агрономіи увеличеніемъ количества земледѣльческихъ продуктовъ, съ возрастаніемъ ренты земледѣльцевъ и богатства капиталистическихъ арендаторовъ. Если ко всему этому прибавить еще быстрое и постоянное расширеніе

¹⁴⁷⁾ Повсемѣльная аристократія сама ссужала себѣ для этой цѣли фонды изъ государственной казны, разумеется, черезъ парламентъ, по очень низкому проценту, который фермеры должны были уплачивать ей вдвойнѣ.

¹⁴⁸⁾ Уменьшеніе числа фермеровъ средней руки замѣтно особенно по рубрикамъ переписи: «Сыновья фермеровъ, внуки, братья, племянники, дочери, вичуки, сестры, племянницы», однимъ словомъ, члены семейства самихъ же фермеровъ, занятые у нихъ. По этимъ рубрикамъ считалось въ 1851 г.: 216.851 человекъ, въ 1861 же только 176.151. Съ 1851 по 1871 гг. число фермерскихъ дворовъ ниже 20 акровъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 900,—отъ 50 до 75 акровъ уменьшилось съ 8.253 до 6.370; то же самое относится и ко всѣмъ дворамъ меньше 100 акровъ. Число же крупныхъ фермъ, наоборотъ, увеличилось за тѣ же 20 лѣтъ; число фермъ отъ 300 до 500 акровъ увеличилось съ 7.771 до 8.410,—фермъ болѣе чѣмъ въ 500 акровъ съ 2.755 до 3.914,—болѣе чѣмъ въ 1.000 акровъ съ 492 до 582.

¹⁴⁹⁾ Число пастуховъ овецъ возрасло съ 12.517 до 25.559.

¹⁵⁰⁾ Census etc. I. c., p. 36.

городскихъ рынковъ сбыта и господство свободной торговли, то сельскій рабочій *post tot discrimina rerum*, наконецъ, поставленъ былъ въ такія условія, которые *secundum artem* должны были сдѣлать его безумно счастливымъ.

Профессоръ Rogers, наоборотъ, приходитъ къ заключенію, что положеніе англійскаго сельскаго рабочаго въ настоящее время значительно ухудшилось даже только по сравненію съ положеніемъ его предшественниковъ въ періодъ отъ 1770—1780 гг., не говоря уже о второй половинѣ XIV-го столѣтія и о XV-мъ столѣтіи; что «онъ опять сталъ крѣпостнымъ», и притомъ крѣпостнымъ, плохо питающимся и живущимъ въ скверномъ помѣщеніи¹⁸¹⁾. Dr. Julian Hunter въ своемъ замѣчательномъ отчетѣ о жилищахъ сельскихъ рабочихъ говоритъ: «Стоимость существованія *hind'a* (названіе сельскаго рабочаго во времена крѣпостной зависимости) опредѣляется самой низкой суммой, на которую онъ можетъ прожить... его плата и жилище не соразмѣряются съ той прибылью, которую предполагается извлечь изъ него. Въ расчетахъ фермера онъ — нуль¹⁸²⁾... Средства его существованія всегда разсматриваются какъ величина постоянная¹⁸³⁾. «Что касается дальнѣйшаго уменьшенія его доходовъ, то онъ можетъ сказать: *nihil habeo, nihil curo* (ничего не имѣю, ни о чемъ не забочусь). Онъ не бьется за будущее, такъ какъ онъ располагаетъ лишь тѣмъ, что абсолютно необходимо для его существованія. Онъ достигъ точки замерзанія, изъ которой, какъ изъ давней величины, исходятъ всѣ расчеты фермера. Будь, что будетъ, онъ не приметъ никакого участія ни въ счастьи, ни въ несчастіи»¹⁸⁴⁾.

Въ 1863 г. произведено было официальное изслѣдованіе условій произвольствій и занятій преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ и къ каторжнымъ работамъ. Результаты этого изслѣдованія изложены въ двухъ толстыхъ свѣдѣніяхъ. «Тщательное сравненіе,—говорится тамъ между прочимъ,—показываетъ, что въ англійскихъ тюрьмахъ съ пищею пауперовъ въ рабочихъ домахъ и свободныхъ сельскихъ рабочихъ этой же страны безспорно доказываетъ, что первые питаются гораздо лучше, чѣмъ какой-нибудь изъ этихъ двухъ другихъ классовъ»¹⁸⁵⁾, между какъ тѣмъ «масса труда, требуемая отъ приговореннаго къ каторжнымъ работамъ, составляетъ лишь около половины того, что совершается

¹⁸¹⁾ Rogers l. c., p. 693. «The peasant has again become a serf», l. c., p. 10. Rogers принадлежитъ къ либеральной школѣ, онъ личный другъ Cobden'a и Bright'a, следовательно не *laudator temporis acti*.

¹⁸²⁾ «Public Health. Seventh Report. Lond. 1864», p. 242. «The cost of the hind is fixed at the lowest possible amount on which he can live... the supplies of wages or shelter are not calculated on the profit to be derived from him. He is a zero in farming calculations». Поэтому нѣтъ ничего необычнаго въ томъ, что домовладелецъ повышаетъ рабочему квартирную плату, когда онъ узнаетъ, что послѣдній нѣсколько больше зарабатываетъ, или въ томъ, что фермеръ понижаетъ его заработную плату, «потому что его жена нашла себѣ работу» (l. c.).

¹⁸³⁾ L. c., p. 135.

¹⁸⁴⁾ L. c., p. 134.

¹⁸⁵⁾ «Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude. Lond. 1863», p. 42, 50.

обыкновенный сельскій рабочій» ¹⁵⁶⁾). Приведемъ нѣкоторыя характерныя свидѣтельскія показанія: John Smith, директоръ Эдинбургской тюрьмы показавъ № 5056: «Пища въ английскихъ тюрьмахъ гораздо лучше пищи обыкновенныхъ сельскихъ рабочихъ». № 5075: «Фактъ, что обыкновенные земледѣльческіе рабочіе Шотландіи рѣдко получаютъ какое-либо мясо». № 3047: «Извѣстно ли вамъ какое-нибудь основаніе, почему преступниковъ необходимо кормить гораздо лучше (much better), чѣмъ обыкновенныхъ сельскихъ рабочихъ?—Конечно нѣтъ». № 3048: «Находите ли вы возможнымъ производить дальнѣйшіе эксперименты, чтобы приблизить пищу осужденныхъ на каторжныя работы къ пищѣ свободныхъ сельскихъ рабочихъ?» ¹⁵⁷⁾ «Сельскій рабочій», говорится тамъ же, «можетъ сказать: я тяжело работаю, а питаюсь впроголодь. Когда я былъ въ тюрьмѣ, я не работалъ такъ тяжело, и имѣлъ пищи вдоволь, поэтому мнѣ лучше быть въ тюрьмѣ, чѣмъ на волѣ» ¹⁵⁸⁾). Изъ данныхъ, приложенныхъ къ первому тому отчета, составлена слѣдующая сравнительная таблица.

Недѣльное количество пищи ^{159 а)}.

	Азотистыя составныя части.	Безазотис- тыя состав- ныя части.	Минераль- ныя состав- ныя части.	Общая Сумма.
	Унциѣй.	Унциѣй.	Унциѣй.	Унциѣй.
Преступника въ Портландской тюрьмѣ ...	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевскаго флота.....	29,63	152,91	4,51	187,06
Солдата.	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочаго)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика.	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельскаго рабочаго.....	17,73	118,06	3,29	139,08

Общій результатъ медицинскою комиссіею 1863 г. о состояніи питанія плохо питающихся классовъ народа уже извѣстенъ читателю. Онъ знаетъ, что количество пищи большей части семействъ сельскихъ рабочихъ ниже minimum'a, необходимаго «для предотвращенія болѣзней отъ голода». Это въ особенности относится ко всѣмъ чисто земледѣльческимъ округамъ Cornwall, Devon, Somerset, Wilts, Stafford, Oxford, Berks и Herts. «Количество пищи, которое получаетъ сельскій рабочій», говоритъ D-г Simon «большее показаннаго средняго количества, какъ какъ онъ самъ получаетъ гораздо болѣеую часть пищи, ве-

¹⁵⁶⁾ l. c. p. 77. Memorandum by the Lord Chief Justice.

¹⁵⁷⁾ l. c. v. II. Evidence.

¹⁵⁸⁾ l. c. v. I. Appendix p. 280.

^{159 а)} l. c. p. 274, 275.

обходимую для его труда. чѣмъ остальные члены семейства. въ бѣднѣйшихъ округахъ: на его долю достается почти все мясо или сало. Количество пищи, которое приходится на долю жены и дѣтей въ періодъ ихъ быстрого роста, въ большинствѣ случаевъ и почти во всѣхъ графствахъ недостаточно, и главнымъ образомъ бѣдно азотомъ¹⁴⁹⁾. Батраки и работницы, живущіе у самихъ фермеровъ, питаются очень хорошо. Число ихъ уменьшилось съ 288,277 къ 1851 г. до 204,962 въ 1861 г. «Работа женщинъ на полѣ», говоритъ Dr. Smith, «какими бы она ни сопровождалась вообще вредными послѣдствіями, при настоящихъ условіяхъ очень выгодна для семейства, такъ какъ даетъ ему средства на обувь, одежду, плата за наемъ дома и возможность лучше питаться¹⁵⁰⁾. Самымъ важнымъ результатомъ этого изслѣдованія было установленіе того факта, что англійскіе сельскіе рабочіе питаются несравненно хуже сельскихъ рабочихъ другихъ частей Соединеннаго Королевства («considerably the worst fed»), какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

Недѣльное потребление углерода и азота средняго сельскаго рабочаго.

	Количество углерода.	Количество азота.
Англія.....	40,673 грана	1,594 грана
Уэльсъ.....	48,354 »	2,031 »
Шотландія.....	48,980 »	2,348 »
Ирландія.....	43,366 »	2,439 » ¹⁵¹⁾ .

¹⁴⁹⁾ «Public Health. Sixth Report. 1863». p. 238, 249, 261, 262.

¹⁵⁰⁾ I. c. p. 262.

¹⁵¹⁾ I. c. p. 17. Англійскій сельскій рабочій получаетъ $\frac{1}{4}$ того количества молока и $\frac{1}{2}$ того количества хлѣба, какое получаетъ сельскій рабочій въ Ирландіи. Лучшія условія питанія послѣднѣго отмѣтилъ уже А. Young въ своемъ «Tour through Ireland», въ началѣ этого столѣтія. Причина этого явленія заключается просто въ томъ, что бѣдный ирландскій фермеръ несравненно гуманнѣе богатаго англійскаго. Для Уэльса данныя, приведенныя въ текстѣ, не имѣютъ силы по отношенію къ его юго-западной части. «Всѣ тамошніе врачи согласны въ томъ, что процентъ смертности отъ чахотки, золотухи и т. д. растетъ съ ухудшеніемъ физическаго состоянія населенія, и всѣ приписываютъ это ухудшеніе бѣдности. Дневное содержаніе сельскаго рабочаго составляетъ тамъ лишь 5 пенс.; а въ нѣкоторыхъ округахъ фермеръ (самъ бѣднякъ) платитъ еще меньше. Кусочекъ солонины, засушенный на подобіе краснаго дерева и едва ли переваримый для желудка, или кусочекъ сала служатъ приправой къ большому количеству похлебки изъ муки и лука, или изъ овсяной кашѣ, и изъ этого каждый день состоитъ обѣдъ сельскаго рабочаго... Прогрессъ промышленности для него имѣлъ то послѣдствіе, что замѣнилъ въ этомъ суровомъ и сыромъ климатѣ толстое сухое домашнее ирландіи болѣе дешевыми хлопчатобумажными тканями и болѣе крѣпкіе напитки «номинальными» чаемъ... Послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ подъ дождемъ и вѣтромъ, земледѣльческій рабочій возвращается въ свой коттеджъ, чтобы присѣсть къ огню изъ торфа или изъ топлива, состоящаго изъ мелкаго каменнаго угля, скрѣпленнаго глиною въ комья и распространяющаго при горѣніи тучи угольной и сѣрнистой кислоты. Стѣны хижинъ сдѣланы изъ глины и камней, полъ изъ голой земли, находившейся здѣсь до постройки хижинъ, крыша изъ издубой несвязанной соломы. Всякая щель заткнута

«Каждая страница отчета Dr. Hunter'a,—говоритъ Dr. Simon въ своемъ официальномъ санитарномъ отчетѣ,—свидѣтельствуетъ о недостаточномъ козпечествѣ и жалкомъ качествѣ жилищъ нашихъ сельскихъ рабочихъ. И продолженіи многихъ лѣтъ положеніе ихъ въ этомъ отношеніи прогрессивно ухудшалось. Теперь имъ гораздо труднѣе найти квартиру, а если она и найдена, то она менѣе соответствуетъ ихъ потребностямъ, чѣмъ это было, можетъ быть, многія сотни лѣтъ тому назадъ. Особенно въ послѣднія 30 или 20 лѣтъ зло быстро прогрессировало и жилищныя условія сельскаго жителя теперь въ высшей степени печальны. Помимо тѣхъ случаевъ, когда люди, обогащающіеся трудомъ сельскихъ рабочихъ, считаютъ нужнымъ обращаться съ ними съ нѣкоторой сострадательной снисходительностью, они сами совершенно безпомощны въ этомъ отношеніи. Найдеть ли сельскій рабочій помѣщеніе на той землѣ, которую обрабатываетъ, будетъ ли оно годно для человѣка или для свиней, окружено ли оно маленькимъ садикомъ, столь облегчающимъ гнетъ бѣдности, или нѣтъ,—все это зависитъ вовсе не отъ его готовности или способности платить соответствующую наемную плату, но отъ того употребленія, которое другіе сдѣлаютъ изъ своего «права распорядиться своею собственностью, какъ имъ заблагоразсудится». Какъ бы велика ни была ферма, нѣтъ такого закона, который предписывалъ бы, что при ней должно находиться извѣстное количество жилищъ для рабочихъ, и къ тому же еще вполне приличныхъ жилищъ; законъ не предоставляетъ также рабочему ни малѣйшаго права на землю, для которой его трудъ такъ же не-

для сохраненія теплоты, и въ этой атмосферѣ ужаснаго зловонія, на грязной землѣ, часто въ своемъ единственномъ платьѣ, которое на немъ же и высыхаетъ, онъ принимается за ужинъ съ женой и дѣтьми. Акушеры, принужденные проводить часть ночи въ этихъ хижинахъ, описываютъ, какъ ноги ихъ вязли въ грязи и какъ они были принуждены—легкій трудъ, нечего сказать!—пробуравливать отверстие въ стѣнѣ, чтобы получить возможность хоть немножко подышать. Многочисленные свидѣтели, занимающіе различное общественное положеніе, показываютъ, что недостаточно питающійся (underfed) крестьянинъ каждую почку подвергается этимъ и другимъ вреднымъ для здоровья влияніямъ, и, по истинѣ нѣтъ недостатка въ докладе о томъ, что результатомъ этого является слабое и золотушное населеніе... Сообщенія служащихъ при приходахъ Caermarthenshire и Cardiganshire убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ же положеніи вещей. Къ этому надо прибавить еще большее зло,—распространеніе идиотизма. Укажемъ еще на климатическія условія. Сильные югозападные вѣтры дуютъ во всей странѣ продолженіи 8 или 9 мѣсяцевъ въ году; они приносятъ съ собой проливные дожди, наводняющіе въ особенности западные склоны холмовъ. Деревья адѣсь рѣдки, кромѣ закрытыхъ мѣстъ; на открытыхъ мѣстахъ ихъ прямо сдуваетъ вѣтромъ. Хижины ютятся подъ горными террасами, часто въ ущельяхъ и каменоломняхъ; только крошечныя овечки и мѣстный рогатый скотъ могутъ жить на пастбищахъ... Молодежь эмигрируетъ въ восточные горные округа Glamorgan, Monmouth... Caermarthenshire является разсадникомъ рабочаго населенія копей и его инвалиднымъ домомъ... Населеніе лишь съ трудомъ поддерживаетъ свое число.

Такъ въ Cardiganshire'а было:	1851 г.	1861 г.
Мужского пола	45,155	44,446
Женскаго пола	52,459	52,955
	97,614	97,401

(Dr Hunter's Reports въ «Public Health. Seventh Report. 1864, Lond. 1865», p. 498—052 passim.).

обходить, какъ дождь и солнце... Еще одно обстоятельство завѣдомо для всѣхъ сильно наклоняетъ вѣсы противъ него... Это вліяніе закона о бѣдныхъ съ его постановленіями о мѣстѣ жительства и налогомъ въ пользу бѣдныхъ ⁽¹⁶²⁾. Подъ его вліяніемъ каждый приходъ заинтересованъ въ томъ, чтобы ограничить минимумомъ число живущихъ въ немъ сельскихъ рабочихъ, ибо къ несчастію земледѣльческій трудъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить вѣрную и постоянную независимость трудящихся въ потѣ лица рабочему и его семейству, рано или поздно приводитъ къ пауперизму, къ которому рабочіи постоянно такъ близки, что каждая болѣзнь или даже временное отсутствіе заработка принуждаетъ его немедленно обратиться къ помощи прихода. Поэтому наличность осѣдлаго земледѣльческаго населенія въ приходѣ, очевидно, всегда отражается на немъ увеличеніемъ налога на бѣдныхъ... Крупнымъ землевладѣльцамъ ⁽¹⁶³⁾ стоитъ только рѣшить, что въ ихъ владѣніяхъ не будетъ никакихъ жилищъ для рабочихъ, и они тотчасъ же освобождаются отъ половины своей отвѣтственности за бѣдныхъ. Насколько англійская конституція и законъ имѣли въ виду установленіе такого рода безусловнаго права собственности, которое даетъ возможность лэндлорду, «распоряжающемуся своею собственностью по своему усмотрѣнію», обращаться съ тѣми, которые обрабатываютъ его землю, какъ съ чужестранцами, и сгонять ихъ со своей территоріи,—это вопросъ, обсужденіе котораго не входитъ въ предѣлы моего изслѣдованія... Эта власть изгнанія или эвекции (Eviction) вовсе не голая теорія. Она осуществляется на практикѣ въ самыхъ явочныхъ размѣрахъ. Это также одно изъ условій, вліяющихъ на состояніе жилищъ сельскихъ рабочихъ... О размѣрахъ эва можно судить по послѣдней переписи, изъ которой видно, что разрушеніе домовъ въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ прогрессировало въ 821 различныхъ округахъ Англіи, несмотря на увеличеніе мѣстнаго спроса на нихъ; такимъ образомъ населеніе, увеличившееся въ 1861 г. по сравненію съ 1851 г. на $5\frac{1}{2}\%$, — не говоря уже о людяхъ, вынужденныхъ жить не въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ они работали, — должно было тѣсниться въ жилищахъ, уменьшавшихся на $4\frac{1}{2}\%$... Когда процессъ обезлюденія завершается, въ результатъ его, говоритъ Dr. Hunter, является показная деревня (show-village), гдѣ число коттеджей сокращено до незначительнаго количества, и гдѣ не разрѣшается жить никому, кромѣ пастуховъ овецъ, садовниковъ и сторожей дичи, постоянныхъ слугъ, которые пользуются хорошимъ обращеніемъ своихъ многосиныхъ господъ, конечно въ размѣрахъ, обычно соответствующихъ ихъ классовому положенію ⁽¹⁶⁴⁾. Но земля всегдѣ

⁽¹⁶²⁾ Въ 1865 г. этотъ законъ былъ нѣсколько улучшенъ. Опытъ скоро показать, что подобныя выплаты никакой пользы не приносятъ.

⁽¹⁶³⁾ Для пониманія дальнѣйшаго мы замѣтимъ, что Close Villages (закрытыя деревни) называются такіе, собственниками которыхъ являются одинъ или два крупныхъ лэндлорда; Open Villages (открытыя деревни)—тѣ, земли которыхъ принадлежатъ многимъ мелкимъ собственникамъ. Въ этихъ-то послѣднихъ строители спекулянтъ и возводятъ коттеджи и жилые дома.

⁽¹⁶⁴⁾ Подобная показная деревня имѣетъ очень приличный видъ, но она такъ же нереальна, какъ и тѣ деревни, которыя видѣла Екатерина II въ свою поѣздку въ Крымъ. Въ послѣднее время даже и пастухъ овецъ обыкновенно изгоняется капиталъ.

должна быть обработана, и вотъ оказывается, что занятые на этой землѣ рабочіе не живутъ на ней, но приходятъ изъ открытой деревни, находящейся иногда на разстояніи 3 миль, гдѣ ихъ приняли къ себѣ въ качествѣ постояльцевъ многочисленные мелкіе домовладѣльцы, послѣ разрушенія коттеджей въ закрытыхъ деревняхъ. Тамъ, гдѣ разрушеніе это уже близко, жалкій видъ коттеджей, по большей части, говорить о той судьбѣ, на которую они обречены. Они находятся на всѣхъ ступеняхъ естественнаго разрушенія. Пока кровля еще держится, рабочему позволяютъ платить за домъ ренту, и часто онъ радъ даже и этому, хотя бы ему и приходилось за развалины платить такую же цѣну, какъ и за порядочную квартиру. Но при этомъ не дѣлается никакихъ поощреній, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ сдѣлать на свой счетъ бѣдный жилецъ. Если домъ наконецъ становится совершенно негоднымъ для жилья, то является однимъ разрушеннымъ коттеджемъ больше, а налогъ въ пользу бѣдныхъ соответственно уменьшается. Въ то время какъ крупные землевладѣльцы сбрасываютъ съ себя налогъ въ пользу бѣдныхъ посредствомъ обезлюденія принадлежащихъ имъ земель, ближайшія села или открытыя мѣстности принимаютъ къ себѣ выброшенныхъ рабочихъ; я говорю, ближайшія, но эти «ближайшія» села иногда находятся на разстояніи 3-хъ или 4-хъ миль отъ фермы, гдѣ рабочій ежедневно долженъ тянуть свою ямку. Такимъ образомъ къ его дневному труду прибавляется еще, какъ ни въ чемъ не бывало, ежедневная прогулка въ 6 или 8 миль для добыванія хлѣба насущнаго. Всѣ сельскія работы, исполняемыя его женой и дѣтьми, производятся теперь также въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ. Но это еще не все зло, причиняемое разстояніемъ. Въ открытыхъ поселеніяхъ спекулянты скупаютъ клочки земли, которые они тѣсно застраиваютъ всевозможными самыми дешевыми постройками, состоящими изъ берлогъ. И въ этихъ-то жалкихъ жилищахъ, которыя, если они выходятъ даже на открытое поле, отличаются самыми ужасными характерными чертами худшихъ городскихъ жилищъ, живутъ англійскіе земледѣльческіе рабочіе ⁽¹⁶³⁾... Не надо однако, съ другой сто-

нать этихъ show-villages. Напр., возлѣ Market-Harborough находится овчарня, занимающая около 500 акровъ, гдѣ необходимъ только трудъ одного человѣка. Для уменьшенія длинныхъ переходовъ черезъ обширныя равнины, прекрасныя пастбища Leicesters'a и Northampton'a, пастухъ обыкновенно получалъ коттеджъ на мызѣ. Теперь ему даютъ тринадцатый шиллингъ на квартиру, которую онъ долженъ искать далеко въ открытой деревнѣ.

⁽¹⁶³⁾ «Дома рабочихъ (въ открытыхъ поселеніяхъ, которыя, конечно, всегда переполнены) обыкновенно построены рядами и обращены заднимъ фасадомъ къ границѣ того клочка земли, который принадлежитъ строителю. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ туда, поэтому, только со стороны фасада». (Dr. Hunter's Report l. c. p. 135). «Очень часто ховингъ пивной или молочной лавочки въ селѣ сдаетъ также и дома въ наомъ. Въ такихъ случаяхъ сельскій рабочій находитъ въ немъ второго господина рядомъ съ фермеромъ. Онъ долженъ быть также и его покупателемъ. На свои 10 шилл. въ недѣлю, за вычетомъ 4 ф. ст. въ годъ квартирной платы, онъ принужденъ покупать потребляемое имъ количество сахара, чаю, муки, мыла, свѣчей и пива по цѣнамъ, которыя задумается назначить лавочнику» (l. c. p. 134). Эти открытыя деревни на самомъ хлѣбъ представляютъ исправительныя колоніи англійскаго земледѣльческаго пролетариата. Многие изъ коттеджей являются настоя-

ровы, воображать, чтобы рабочіе, живущіе на обрабатываемой ими землѣ, находили тамъ такія жилища, которыхъ они заслуживаютъ за свою трудовую жизнь. Даже въ княжескихъ владѣніяхъ ихъ коттеджи часто бываютъ въ самомъ ужасномъ видѣ. Есть лэндлорды, считающіе и конюшни достаточно хорошимъ жильемъ для своихъ рабочихъ съ ихъ семействами, но не гнушающіеся выколачивать за наемъ этихъ помѣщеній по возможности больше наличныхъ денегъ ¹⁶⁶⁾. Пусть рабочему дадутъ совершенно развалившуюся лачужку, состоящую изъ одной каморки безъ очага, безъ отхожаго мѣста, съ неоткрывающимися окнами, снабженную водою лишь изъ какого-нибудь яма, безъ сада,—все равно, рабочій безпомощенъ противъ этого зла. Наши санитарно-полицейскіе законы (The Nuisances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Исполненіе ихъ доверено тѣмъ самымъ собственникамъ, которые отдаютъ въ наемъ подобныя трущобы... Не надо ослабляться нѣкоторыми исключительными, болѣе свѣтлыми явленіями, такъ какъ подавляющее значеніе имѣютъ всетаки факты, составляющіе позоръ англійской цивилизаціи. Какъ ужасно на самомъ дѣлѣ должно быть положеніе вещей, если, несмотря на очевидную негодность современныхъ жилищъ, компетентные изслѣдователи единогласно приходятъ къ тому заключенію, что даже повсемѣстная негодность квартиръ составляетъ безконечно меньшее зло, чѣмъ простой численный недостатокъ ихъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ переносженіе жилищъ сельскихъ рабочихъ составляло предметъ глубокой скорби не только для людей, заботящихся о здоровьи, но и вообще для всѣхъ тѣхъ, кто цѣнитъ приличную и нравственную жизнь. Ибо составители отчетовъ о рас-

шшии постоянныя дворами, черезъ которые проходятъ все бродящее окрестное населеніе. Поселянникъ и его семейство, которыя въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ часто сохранили чистоту и честность характера, по истинѣ удивительныя, совершенно погибнуть здѣсь. Знатные Шейдоки обыкновенно фарисейски пожимаютъ плечами по поводу строительныхъ спекулянтовъ, мелкихъ собственниковъ и открытыхъ деревень. Но они очень хорошо знаютъ, что ихъ «закрытыя деревни и показныя деревни» составляютъ родину «открытыхъ деревень» и не могли бы существовать безъ этихъ послѣднихъ. «Безъ мелкихъ собственниковъ открытыхъ поселеній большая часть сельскихъ рабочихъ принуждена была бы почевать подъ деревьями тѣхъ помѣстій, гдѣ они работаютъ» (I. c. p. 135). Система «открытыхъ» и «закрытыхъ» деревень господствуетъ во всемъ центрѣ (Midlands) и на всемъ востоцѣ Англій.

¹⁶⁶⁾ «Лицо, отдающее домъ въ наемъ (фермеръ или лэндлордъ) обогащается прямо или косвенно трудомъ бѣдняка, которому онъ платитъ 10 шилл. въ недѣлю, и у котораго онъ затѣмъ опять отнимаетъ 4 или 5 ф. ст. наемной платы за дома, не стоящіе на товарномъ рынкѣ 20 ф. ст. Но ихъ искусственная цѣна поддерживается властью владѣльца, который можетъ сказать: «Бери мой домъ, или убирайся и ищи себѣ другого пристанища, безъ всякаго аттестата отъ меня... Если рабочій хочетъ улучшить свое положеніе и отправится на желанную дорогу класть рельсы или въ каменоломню, та же самая власть опять говорить ему: «Работай у меня за эту такую плату, или убирайся черезъ недѣлю; бери свою свинью, если у тебя таковая имѣется, а мы посмотримъ, что ты сдѣлаешь съ картофелемъ, который растеть у тебя въ огородѣ». Иногда собственникъ (или фермеръ) просто повышаетъ наемную плату и такимъ путемъ наказываетъ возвратившагося рабочаго за уходъ съ мѣста» Dr. Hunter I. c. p. 132).

пространеніи эпидемическихъ болѣзней въ сельскихъ округахъ постоянно, каждый разъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, сдѣлавшихся уже стереотипными, «объясняютъ въ качествѣ основной причины распространенія эпидемій переполненіе жилищъ, которое сводитъ къ нулю всякія попытки задержать распространеніе разъ проявившихся эпидемическихъ болѣзней. Точно также неоднократно указывалось на то обстоятельство, что несмотря на благотворное вліяніе сельской жизни на здоровье, скопленіе населенія, такъ сильно ускоряющее распространеніе заразныхъ болѣзней, способствуетъ также появленію и незаразныхъ болѣзней. И лица, доносившія объ этомъ положеніи, не умалчивали и о дальнѣйшихъ бѣдствіяхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ основной темой являлась лишь гигиена, они были вынуждены обратить вниманіе и на другую сторону предмета. Ихъ отчеты, указывавшіе на то, что очень часто лица обоего пола, женатыя и неженатыя, скучены (huddled) въ тѣсныхъ спальняхъ, должны были вселить убѣжденіе, что при описанныхъ условіяхъ всякое чувство стыда и приличія нарушается самымъ грубымъ образомъ, а, слѣдовательно, неизбежно подрывается и нравственность¹⁴⁷⁾... Напр., въ приложеніи къ моему послѣднему отчету, Dr. Ord въ своемъ донесеніи о появленіи лихорадки въ Wing's, въ Buckinghamshire, рассказываетъ, какъ тула пришелъ лихорадочный больной изъ Wingrave'a. Въ первые дни своей болѣзни онъ спалъ въ одной комнатѣ съ 9 другими лицами. Втеченіе 2 недѣль многіе изъ этихъ людей заболѣли лихорадкой, черезъ нѣсколько недѣль пятеро изъ этихъ 9 заболѣли лихорадкой и одинъ умеръ! Около этого же времени, Dr. Harvey изъ госпитали St. George, посѣтившій Wing во время эпидеміи по дѣламъ частной практики, сообщаетъ мнѣ о томъ же: «Одна молодая женщина, большая лихорадкой, спала ночью въ одной комнатѣ съ отцомъ, съ матерью, со своимъ незаконнымъ ребенкомъ, съ двумя молодыми людьми, ея братьями, и съ двумя сестрами, (каждая съ незаконнымъ ребенкомъ), всего 10 человекъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ въ томъ же помещеніи спало 13 дѣтей»¹⁴⁸⁾.

Dr. Hunter изслѣдовалъ 5.375 cottages сельскихъ рабочихъ, не только въ чисто земледѣльческихъ округахъ, но и во всѣхъ графствахъ Англіи. Изъ числа этихъ 5.375 въ 2.195 было только по одной спальнѣ (часто это вмѣстѣ

¹⁴⁷⁾ Новобрачные не представляютъ ничего назидательнаго для взрослыхъ братьевъ и сестеръ, которые спать въ той же комнатѣ; хотя примѣры эти не могутъ быть записаны, но все же есть достаточно фактовъ, подтверждающихъ замѣчаніе, что кровосмѣшеніе причиняетъ жестокия страданія и часто даже смерть женщинамъ, повиннымъ въ этомъ преступленіи». (Dr. Hunter I. c. p. 137). Одинъ сельскій полицейскій чиновникъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ сыщикомъ въ самыхъ скверныхъ кварталахъ Лондона, говоритъ слѣдующее о дѣвушкахъ своей деревни: «Ихъ грубая безнравственность въ раннемъ возрастѣ, ихъ нахальство и безстыдство превосходятъ все, что и видѣлъ въ самыхъ скверныхъ кварталахъ Лондона во время моей полицейской службы тамъ... Она живутъ, какъ свиньи; молодые люди и молодыя дѣвушки, отцы и матери,—все спать въ повалку въ той же комнатѣ». («Child. Empl. Comm. Sixth Report. Lond. 1867», Appendix, p. 77. n. 155).

¹⁴⁸⁾ «Public Health. Seventh Report. 1864», p. 9—14 passim.

съ тѣмъ п жилая компата). въ 2.930—только двѣ и въ 250—болѣе 2. И привожу здѣсь небольшой подборъ обнаруженныхъ презестей, иллюстрирую щихъ положеніе вещей въ люкинѣ графствъ.

1) Bedfordshire.

Wrestlingworth: Спальни около 12 фут. длины и 10 ширины, хотя многія гораздо меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто бываетъ раздѣлена досчатой перегородкой на двѣ спальни, одна кровать часто помѣщается въ кухнѣ, вышиною въ 5 фут. 6 дюйм. Наемная плата 3 ф. ст. Жильцы должны сами строить отхожія мѣста, домовладѣлецъ даетъ только яму. Но какъ только кто-нибудь постройтъ отхожее мѣсто, то имъ пользуются все сосѣди. Домъ, по имени Richardson, необыкновенно красивъ. Его известковыя стѣпы топорщатся, какъ дамское платье при ренерансѣ. Одна часть крыши выпуклая, другая вогнутая и, по несчастію, на послѣдней находится дымовая труба въ видѣ искривленной трубки изъ глины и дерева, напоминающей хоботъ слона. Длинная палка подпираетъ эту трубу, чтобы предотвратить ея паденіе; окна и двери имѣютъ форму ромба. Изъ 17 нощенныхъ домовъ только 4 имѣютъ больше, чѣмъ по одной спальни, и эти 4 тоже были переполнены. Въ коттеджахъ съ одной спальней помѣщалось 3 взрослыхъ съ 3 дѣтьми, одна супружеская чета съ 6 дѣтьми и т. д.

Dunton: Высокая квартирная плата, отъ 4 до 5 ф. ст., заработная плата мужчинъ 10 шилл. въ недѣлю. Они надѣются покрывать расходы на наемъ квартиры плетевіемъ головъ, которымъ занимаются остальные члены семьи. Чѣмъ выше квартирная плата, тѣмъ большее число лицъ должно соединиться, чтобы платить ее. Шестеро взрослыхъ, которые спятъ въ одной комнатѣ съ 4 дѣтьми, платятъ за это 3 ф. ст. 10 шилл. Самый дешевый домъ въ Dunton'ѣ, съ наружной стороны длиною въ 15 фут., шириною въ 10, сдается за 3 ф. ст. Только въ одномъ изъ 14 изслѣдованныхъ домовъ было двѣ спальни. Нѣсколько поодаль отъ деревни находится домъ, снаружи совершенно зараженный жильцами. Нижніе 5 дюймовъ двери совершенно сгнили, и ночью это отверстіе остроумно придумали закрывать съ внутренней стороны кирпичами и завѣшивать кускомъ войлока. Половина окна—рама и стекло—печезли безслѣдно. Здѣсь безъ мебели югилось 3 взрослыхъ и 5 дѣтей. Dunton не хуже остальныхъ деревень Biggleswade Union.

2) Berkshire.

Beenharn: Въ іюнѣ 1864 г. въ одномъ cot (одноэтажномъ коттеджѣ) жили мужъ, жена, 4 дѣтей. Одна изъ дочерей возвратилась съ мѣста больная скарлатиной. Она умерла. Одинъ ребенокъ заболѣлъ и тоже умеръ. Мать и одинъ ребенокъ были больны тифомъ, когда къ нимъ былъ приглашенъ Dr. Hunter. Отецъ съ однимъ ребенкомъ спали на дворѣ, по насколько трудно изолировать заразу, видно изъ того, что на биткомъ набитой базарной площади несчастной деревни лежало бѣлье зараженного семейства въ ожиданіи стирки. Плата за наемъ дома H. составляетъ 1 шилл. въ недѣлю; въ немъ одна спальня для одной супружеской четы съ 6 дѣтьми. Одинъ домъ отдавался за 8 пенс. (въ недѣлю), въ 14 фут. 6 дм. длины, 7 фут. ширины, кухня вышиною въ 6

фут., въ спальнѣ нѣтъ ни окна, ни очага, ни двери и никакого отверстія, кромѣ выхода; при домѣ нѣтъ сада. Недавно здѣсь жилъ отецъ съ двумя взрослыми дочерьми и подроставшимъ сыномъ; отецъ съ сыномъ спали на кровати, дѣвушки въ сѣняхъ. Пока это семейство помѣщалось здѣсь, у каждой дѣвушки было по ребенку, но одна отправилась рожать въ рабочій домъ и затѣмъ возвратилась домой.

3) Buckinghamshire.

Въ 30 коттеджахъ—на 1.000 акр. земли—содержится около 130—140 человекъ. Приходъ Bradenham занимаетъ около 1.000 акровъ; въ 1851 г. тамъ было 36 домовъ съ населеніемъ въ 84 мужчинъ и 54 женщины. Это неравномерное распределеніе лицъ обоего пола смягчилось въ 1861 г., когда тамъ насчитывалось 98 душъ мужского пола и 87 женскаго; втеченіе 10 лѣтъ прибавилось 14 мужчинъ и 33 женщины. Число же домовъ стало между тѣмъ на 1 меньше.

Winslow: большая часть его вновь построена въ хорошемъ стилѣ; спросъ на дома, повидимому, очень значительный, такъ какъ самые жалкіе cots сдаются по 1 шилл. и по 1 шилл. 3 пенс. въ недѣлю.

Water Eaton: здѣсь домовладѣльцы въ виду роста числа населенія сломали около 20% существовавшихъ домовъ. Одинъ бѣдный рабочій, принужденный проходить около 4 миль до мѣста работы, на вопросъ, неужели нельзя найти cot поближе, отвѣтилъ: «Нѣтъ, они ни за что бы не приняли жильца съ такимъ большимъ семействомъ, какъ мое».

Thinker's End, при Winslow: Одна спальня, въ которой помѣщается 4 взрослыхъ и 4 дѣтей, имѣетъ въ длину 11 фут., въ ширину 9 фут. и 6 фут. 5 дм. въ вышину въ самомъ высокомъ мѣстѣ; другая, въ которой спятъ 6 человекъ, имѣетъ 11 ф. 3 дм. въ длину, 9 фут. въ ширину, 5 ф. 10 дм. въ вышину. На каждое изъ этихъ семействъ приходится меньше пространства, чѣмъ на одного каторжника. Ни въ одномъ домѣ нѣтъ больше одной спальни, ни въ одномъ нѣтъ задняго хода, входъ они снабжены въ рѣдкихъ случаяхъ. Насимая плата составляетъ отъ 1 шилл. 4 п. до 2 шилл. въ недѣлю. Въ 16 изслѣдованныхъ домахъ одинъ только человекъ зарабатывалъ 10 шилл. въ недѣлю. Количество воздуха, приходящееся на каждого человека въ приведенномъ случаѣ, соответствуетъ тому, какимъ пользовался бы человекъ, запертый ночью въ ящикѣ, объемомъ въ 4 куб. фута. Правда, ветхія хижинны обладаютъ массой естественной вентиляціи.

4) Cambridgeshire.

Gamblingay принадлежитъ различнымъ владѣльцамъ. Здѣсь находятся самые жалкіе cots, какіе гдѣ-либо можно встрѣтить. Здѣсь распространено плебеніе соломы. Въ Gamblingay господствуетъ какая-то смертельная вялость, безнадежная покорность передъ жизнью въ грязи. Запустѣніе въ центрѣ превращается въ настоящую пытку на окраинахъ, сѣверной и южной, гдѣ дома по-прежнему сгниваютъ. Отсутствующіе лэндлорды ловко пускаютъ кровь бѣднякамъ. Квартальная плата здѣсь очень высока; 8—9 человекъ живутъ въ комнатѣ, въ которой можетъ помѣщаться только одинъ человекъ; въ двухъ случаяхъ въ маленькой спальнѣ спало 6 взрослыхъ, каждый съ 1 или 2 дѣтми

5) Essex.

Въ этомъ графствѣ во многихъ приходахъ уменьшеніе населенія идетъ рядомъ съ уменьшеніемъ числа коттэжей. Однако не менѣе, чѣмъ въ 22 приходахъ, разрушеніе домовъ не задержало роста населенія, или не произвело его изгнанія, происходящаго повсемѣстно подъ названіемъ «выселенія въ города». Въ приходѣ Fingringhoe, занимающемъ 3.443 акра, въ 1851 г. было 145 домовъ, въ 1861 ихъ оставалось уже только 110, населеніе же не желало входить и умудрилось даже при такомъ обращеніи еще размножиться. Въ Ramsden Crags въ 1851 г. 252 человѣка помѣщались въ 61 домѣ, въ 1861 же году 262 человѣка тѣснились уже въ 49 домахъ. Въ Basilden въ 1851 г. на 1.857 акрахъ жило 157 человѣкъ въ 35 домахъ, въ концѣ же этого десятилѣтія 180 человѣкъ въ 27 домахъ. Въ приходахъ Fingringhoe, Louth, Farnbridge, Widford, Basilden и Ramsden Crags въ 1851 г. на 8.449 акрахъ жило 1.392 человѣка въ 316 домахъ, а въ 1861 г. на той же площади жили 1.473 человѣка въ 249 домахъ.

6) Herefordshire.

Это маленькое графство больше какого бы то ни было другого въ Англіи пострадало отъ духа «эвикціи». Въ Nadbv переполненные коттэджи, большей частью съ 2 спальнями, принадлежать, главнымъ образомъ, фермерамъ. Они легко сдаютъ ихъ за 3 или 4 ф. ст. въ годъ, сами же платятъ заработную плату въ 9 шилл въ недѣлю!

7) Huntingdonshire.

Въ Hartford въ 1851 г. было 87 домовъ, вскорѣ послѣ этого 19 коттэжей было разрушено въ этомъ маленькомъ приходѣ, занимающемъ 1.720 акровъ; въ 1831 г. населеніе его состояло изъ 452 человѣкъ, въ 1852 г. изъ 832 и въ 1861 г. изъ 341 чел. Здѣсь изслѣдовано 14 cots съ одной спальней. Въ одномъ изъ нихъ помѣщались отецъ, мать, 3 взрослыхъ сыновей, одна взрослая дѣвушка, 4 дѣтей, всего 10 человѣкъ; въ другомъ 3 взрослыхъ, 6 дѣтей. Одна изъ этихъ комнатъ, въ которой спалъ 8 человѣкъ, имѣла 12 фут. 10 дм. въ длину, 12 фут. 2 дм. въ ширину, 6 фут. 9 дм. въ высоту; среднимъ числомъ на человѣка приходилось около 130 куб. фут., считая и выступы. Въ 14 спальняхъ помѣщалось 34 чел. взрослыхъ и 33 чел. дѣтей. При этихъ коттэджахъ рѣдко имѣется садикъ, но многіе жильцы могутъ арендовать небольшіе клочки земли по 10 или 12 шилл. за годъ ($\frac{1}{4}$ акра). Эти allotments (участки) находятся вдали отъ домовъ, при которыхъ не имѣется отхожихъ мѣстъ. Семейство должно или отпраиваться на свой участокъ и тамъ оставлять свои экскременты, или, какъ это, съ позволенія сказать, и происходить, наполнять ими выдвинутой ящикъ шкафа. Когда онъ наполняется, его выдвигаютъ и опорожняютъ тамъ, гдѣ его содержимое необходимо. Въ Ипсовѣ этотъ круговоротъ жизни происходитъ опрятнѣе.

8) Lincolnshire.

Langtoft. Одинъ рабочій живетъ здѣсь въ домѣ Wright'a съ женой, съ ея матерью и съ 5 дѣтьми; въ домѣ есть кухня, прачешная, спальня нати кухней; кухня и спальня имѣютъ 12 фут. 2 дм. длины, 9 фут. 5 дм. ши-

рины, вся же площадь 21 футъ 2 дм. длины, 9 фут. 5 дм. ширины. Спальня помѣщается подъ крышей, стѣны конусообразно суживаются къ потолку, и слуховое окно выходитъ на фасадъ. Почему живетъ онъ здѣсь? Изъ-за огорода? Но онъ мизерно малъ. Изъ-за дешевизны? Плата здѣсь высока, достигаетъ 1 шилл. 3 пенса. въ недѣлю. Можеть быть, изъ-за близости къ мѣсту работы? Нѣтъ, домъ отстоитъ 6 милъ отъ мѣста работы, такъ что нашему рабочему приходится ежедневно проходить 12 милъ. Онъ живетъ здѣсь потому, что здѣсь сдавался сот, а онъ хотѣлъ имѣть сот—особнякъ, гдѣ бы то ни было, и за какую бы то ни было цѣну, въ какомъ бы состояніи этотъ сот ни находился. Въ слѣдующей таблицѣ заключаются статистическія данныя относительно 12 домовъ Langtoft'a съ одной спальней въ каждомъ,—домовъ, въ которыхъ помѣщается въ общемъ 38 взрослыхъ и 36 дѣтей.

12 домовъ въ Langtoft'ѣ.

Число домовъ.	Число спаленъ.	Число взрослыхъ.	Число дѣтей.	Общее число душъ.	Число домовъ.	Число спаленъ.	Число взрослыхъ.	Число дѣтей.	Общее число душъ.
1	1	3	5	8	1	1	3	3	6
1	1	4	3	7	1	1	3	2	5
1	1	4	4	8	1	1	2	0	2
1	1	5	4	9	1	1	2	3	5
1	1	2	2	4	1	1	3	3	6
1	1	3	3	8	1	1	2	4	6

9) Kent.

Kennington былъ крайне переполненъ въ 1859 г., когда появился дифтеритъ, и приходскій врачъ сдѣлалъ официальное изслѣдованіе положенія бѣднѣйшаго класса населенія. Онъ нашелъ, что въ этой мѣстности, гдѣ всегда большой спросъ на трудъ, многіе cots разрушены и вмѣсто нихъ не выстроено новыхъ. Въ одномъ участкѣ было 4 дома, называемые тамъ «birdsages» (птичьи вѣтки); въ каждомъ было по 4 комнаты слѣдующихъ размѣровъ въ футахъ и дюймахъ:

Кухня	9,5 × 8,11 × 6,6
Прачешная	8,6 × 4,6 × 6,6
Спальня	8,5 × 5,10 × 6,3
Спальня	8,3 × 8,4 × 6,3

10) Northamptonshire.

Brinworth, Pickford и Floore: въ этихъ деревняхъ зимою шатаются по улицамъ человекъ 20—30 рабочихъ, не имѣющихъ работы. Фермеры не всегда хорошо обрабатывали землю подъ хлѣбъ и корнеплоды, и лэндзоръ нашелъ удобнымъ соединить всѣ свои фермы въ 2 или 3. Отсюда и недостатокъ работы. Въ то время, когда по одну сторону рва земля нуждается въ

обработкѣ, по другую сторону обманутые въ своихъ ожиданіяхъ рабочіе бросаютъ жадные взоры на эти поля. Нѣтъ ничего удивительнаго, что рабочіе, измученные лихорадочно-спѣшнымъ и презыбнымъ трудомъ въ лѣтнее время и полуголодные зимою, говорятъ на своемъ собственномъ діалектѣ, что «the parson and gentlefolks seem frit to death at them» ^{169a)}.

Въ Floore бывають примѣры, что въ компаніи самаго малаго размѣра помѣщаются мужъ, жена и 4, 5, 6 дѣтей, или 3 взрослыхъ съ 5 дѣтьми, или мужъ, жена, дѣла и 6 дѣтей, больныхъ scarlatina и т. д.; въ 2 домахъ съ 2 спальнями помѣщается 2 семейства въ 8 и 9 человекъ.

11) Wiltshire.

Stratton: вслѣдованъ 31 домъ; въ 8 изъ нихъ только по одной спальнѣ. Pentill въ томъ же приходѣ: одинъ сот сдается за 1 шилл. 3 пенса въ недѣлю и вмѣщаетъ 4 взрослыхъ и 4 дѣтей; кромѣ цѣлыхъ стѣнъ въ немъ не было ничего хорошаго, начиная съ пола, вымощеннаго грубо-отесанными камнями и кончая гнилой соломенной крышей.

12) Worcestershire.

Здѣсь разрушеніе домовъ было не очень сильное; однако съ 1851—1861 число человекъ, приходящихся на 1 домъ, увеличилось съ 4,2 до 4,6.

Badsey: здѣсь много cots съ гаднэмп. Нѣкоторые фермеры заявляютъ, что cots составляютъ «a great nuisance here, because they bring the poor» (cots составляютъ здѣсь большое зло, такъ какъ они привлекаютъ бѣдныхъ). По выраженію одного джентльмена «бѣднымъ нисколько не станетъ лучше, если выстроить даже 500 cots: послѣдніе разойдутся точно булканъ: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше ихъ строить, тѣмъ больше ихъ нужно»,—однимъ словомъ, по его мнѣнію, дома производятъ жалцовъ, которые, естественно, производятъ давленіе на «средства вспоможенія». Dr. Hunter замѣчаетъ на это: «Но бѣдные должны же откуда-нибудь браться, а такъ какъ въ Badsey ихъ не привлекаютъ какія-либо особыя благостыни, то гдѣ-нибудь нѣ еще болѣе неудобномъ мѣстѣ должно существовать отталкиваніе. Если бы каждый могъ найти cot и клочокъ земли по близости отъ мѣста своей работы, то онъ, навѣрное, отказался бы отъ Badsey, гдѣ за клочъ земли онъ платитъ вдвое больше, чѣмъ фермеръ за свой участокъ».

Постоянное переселеніе въ города, постоянное образованіе «излишняго» населенія въ сельскихъ округахъ вслѣдствіе концентраціи фермъ, превращенія пашень въ пастбища, введенія машинъ и т. д. идутъ рука объ руку съ постояннымъ изгнаниемъ (Eviction) сельскаго населенія вслѣдствіе разрушенія коттеджей. Чѣмъ рѣже населеніе какого-нибудь округа, тѣмъ больше его «относительное перенаселеніе», тѣмъ больше давленіе послѣдняго на средства занятія, тѣмъ больше абсолютный избытокъ сельскаго населенія въ сравненіи съ его жилищными средствами, тѣмъ больше, слѣдовательно, въ деревняхъ мѣстное перенаселеніе и распространяющаяся заразу скученность людей. Это скопленіе людей въ разбросанныхъ мелкихъ деревняхъ и селахъ идетъ рука объ руку съ насиль-

^{169a)} Попъ и дворянинъ какъ будто сговорились загнать пяхъ до смерти

ственнымъ разрѣженіемъ населенія на поверхности страны. Безпрерывное образованіе «излишка» сельскихъ рабочихъ, не смотря на уменьшеніе ихъ числа и вмѣстѣ съ увеличеніемъ массы ихъ продуктовъ, является колыбелью пауперизма. Теперь возможное превращеніе рабочихъ въ пауперовъ составляетъ причину ихъ изгнанія (Eviction) и является главнымъ источникомъ жилищной нужды, которая уничтожаетъ въ нихъ всякую способность къ сопротивленію и превращаетъ ихъ въ настоящихъ рабовъ земледѣльцевъ¹⁶⁹⁾ и фермеровъ. И такимъ образомъ minimum заработной платы принимается для нихъ характеръ неизбѣжнаго естественнаго закона. Съ другой стороны, деревня, не смотря на ея постоянное «относительное перенаселеніе», въ то же самое время недостаточно населена. Это проявляется не только какъ мѣстное явленіе въ такихъ пунктахъ, гдѣ замѣчается быстрый притокъ людей къ городамъ, рудникамъ, желѣзнодорожнымъ постройкамъ и т. д., но и повсемѣстно, какъ во время жатвы, такъ весной и лѣтомъ, во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда весьма тщательное и интенсивное англійское земледѣліе нуждается въ добавочныхъ рабочихъ рукахъ. Сельскихъ рабочихъ всегда слишкомъ много для среднихъ и слишкомъ мало для исключительныхъ или временныхъ потребностей земледѣлія¹⁷⁰⁾. Поэтому въ официальныхъ документахъ часто встрѣчаются противорѣчивыя жалобы изъ однихъ и тѣхъ же мѣстностей на одновременный недостатокъ и избытокъ рабочихъ рукъ. Временный или мѣстный недостатокъ труда не производитъ повышенія заработной платы, но привлекаетъ къ земледѣльческимъ работамъ женщинъ и дѣтей и постепенно понижаетъ возрастъ рабочихъ. Когда эксплуатація женщинъ и дѣ-

¹⁶⁹⁾ «Благородное занятіе hind'a придаетъ достоинство даже его положенію. Онъ не рабъ, но солдатъ мира и достоинъ того, чтобы лэндлордъ позаботился доставить ему мѣсто въ ряду женатыхъ людей, такъ какъ онъ добился права требовать отъ него такого же принудительнаго труда, какого страна требуетъ отъ солдата. За свой трудъ онъ такъ же, какъ и солдатъ, не получаетъ его рыночной цѣны. Какъ и солдата, его берутъ молодымъ, невѣстственнымъ, знающимъ только свое ремесло и свою мѣстность. Ранніе браки и дѣйствіе различныхъ законовъ о жилищахъ оказываютъ на него такое же вліяніе, какъ рекрутскій наборъ и Mutiny Act на солдата». (Dr. Hunter l. c. p. 132). Иногда какой-нибудь исключительно мягкосердечный лэндлордъ выражаетъ огорченіе по поводу уединенія, которое онъ создаетъ. «Очень грустно быть одному въ своихъ владѣніяхъ», говорилъ графъ Leicester, когда его поздравляли съ окончаніемъ постройки замка Holkham: «Я оглядываюсь кругомъ и не вижу пикакихъ домовъ, кромѣ своего. Я великанъ башни великановъ и я пожралъ всѣхъ своихъ сосѣдей».

¹⁷⁰⁾ Подобное движеніе замѣчалось за послѣдніе десять лѣтъ во Франціи, по мѣрѣ того какъ тамъ капиталистическое производство овладѣвало земледѣліемъ и вытѣсняло «излишекъ» сельское населеніе въ города. Здѣсь также ухудшаются жилищныя и вообще всѣ условія жизни у самого источника образованія «излишнихъ». О своеобразномъ повсемѣстномъ пролетариатѣ (proletariat foncier), порожденномъ парцеллярной системой (дробленіемъ земли на мелкие участки) см. между прочимъ цитированное уже раньше соч. Collins'a и Karl Marx: Der Aentzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 2 Aufl. Hamburg, 1869, 56 зы. Въ 1846 г. городское населеніе Франціи составляло 24,42, а сельское 75,58%, а въ 1861 г. городское составляло 28,86, а сельское 71,14%. За послѣдніе 5 лѣтъ процентъ уменьшенія сельскаго населенія еще больше. Уже въ 1846 г. Pierre Dupont поетъ въ своихъ «Ouvriers»:

«Mal vêtus, logés dans des trous,
Sous les combles, dans les décombres,
Nous vivons avec les hiboux
Et les larrons, amis des ombres».

(Дурно одѣтые мы живемъ въ лачугахъ, на чердакахъ, въ развалинахъ, вмѣстѣ съ совами и ворами, друзьями темноты).

тей принимаетъ крупныя размѣры, она въ свою очередь становится новымъ средствомъ созданія избыточныхъ сельскихъ рабочихъ-мужчинъ и причиною низкаго уровня ихъ платы. Въ восточной Англіи процвѣтаетъ прекрасный плодъ этого *cercle vicieux* (закондованнаго круга), такъ называемая *Gangsystem*, система артелей или бандъ (*Gang-oder Bandensystem*), о которой я скажу здѣсь нѣсколько словъ ¹⁷¹⁾.

Система артелей встрѣчается почти исключительно въ *Lincolnshire's*, *Huntingdonshire's*, *Cambridgeshire's*, *Norfolk's*, *Suffolk's* и *Nottinghamshire's* и спорадически въ сосѣднихъ графствахъ *Northampton*, *Bedford* и *Rutland*. Прямѣромъ здѣсь можетъ служить *Lincolnshire*. Большая часть этого графства представляетъ новую землю,—прежде здѣсь были трясины или же, какъ и въ другихъ названныхъ восточныхъ графствахъ, земля эта отвоевана у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушеніи болотъ: гдѣ прежде были болота или пески, тамъ теперь вознужаются роскошныя нивы и получаютъ самыя высокія ренты. То же самое можно сказать и о наносной почвѣ, полученной искусственно какъ, напр., на островѣ *Axholme* или въ другихъ приходахъ на берегу *Trent'a*. Съ образованіемъ новыхъ фермъ не только не было выстроено новыхъ коттеджей, но еще были разрушены старыя, рабочіе же должны были приходить изъ отдаленныхъ на нѣсколько миль открытыхъ деревень около шоссе, взивающихъ по склонамъ холмовъ. Только тамъ рабочее населеніе долгое время находило защиту отъ продолжительныхъ зимнихъ наводненій. Рабочіе, постоянно живущіе на фермахъ размѣромъ отъ 400 до 1.000 акровъ (они здѣсь называются «*confined labourers*»), служатъ только для постоянныхъ тяжелыхъ конныхъ работъ. На каждыя 100 акровъ едва приходится среднимъ числомъ по одному коттеджу. Одинъ фермеръ, занимающій болотный участокъ, заявляетъ, напр., передъ комиссіей: «Моя ферма простирается болѣе чѣмъ на 320 акровъ, и все это хлѣбныя поля. Въ ней нѣтъ коттеджей. У меня теперь живетъ только одинъ рабочій. Я держу 4 рабочихъ, работающихъ съ лошадьми, которые живутъ въ окрестностяхъ. Легкія же работы, для которыхъ требуется большое число рукъ, производятся артелями» ¹⁷²⁾. Земля требуетъ много легкихъ земледѣльческихъ работъ, каковы: выпалыванье сорныхъ травъ, окучиваніе, нѣкоторыя операціи по удобренію, очищеніе отъ камней и т. д. Всѣ эти работы производятся *Gang'*ами или организованными артелями, живущими въ открытыхъ поселеніяхъ.

Банда или артель состоитъ изъ 10 до 40 или 50 человекъ, въ особенности изъ женщинъ, молодежи обоего пола (13 — 18 лѣтъ), хотя мальчики, обыкновенно, въ 13 лѣтъ отдѣляются отъ артелей, и, наконецъ, изъ дѣтей обоего пола (6—13 лѣтъ). Во главѣ артели находится *gangmaster* (артельный староста). Это всегда обыкновенный сельскій рабочій, въ большинствѣ случаевъ, что называется, лодырь, распутный, бродяга, пьяница, но за то одаренный нѣкоторымъ духомъ предпримчивости и *savoir faire*. Онъ набираетъ артель, которая

¹⁷¹⁾ Шестой и заключительный *Report of Child. Empl. Comm.*, изданный въ концѣ марта 1867 г., говоритъ только о системѣ земледѣльческихъ артелей.

¹⁷²⁾ *Child. Empl. Comm. VI Report. Evidence*, p. 37, n. 173.—*Fenland*—топъ, нива (по-нѣмецки *Marschland*).

работаетъ подъ его началомъ, а не подъ началомъ фермера. Съ этимъ послѣднимъ онъ договаривается сдѣльно, и его доходъ, въ среднемъ не многими превышающій доходъ обыкновеннаго сельскаго рабочаго ¹⁷³⁾, зависить почти исключительно отъ искусства, съ которымъ онъ сумѣетъ извлечь изъ своей артели въ возможно короткое время возможно большее количество труда. Фермеры открыли, что женщины работаютъ хорошо только подъ начальствомъ мужчiny. но что за то женщины и дѣти, разъ они уже принялись за дѣло, съ истиннымъ рвеніемъ напрягаютъ всѣ свои жизненные силы, — какъ это было извѣстно уже Фурье, — между тѣмъ какъ взрослые рабочіе-мужчины копарно изъ берегутъ. Артельный староста переходитъ изъ одного имѣнія въ другое и доставляетъ такимъ образомъ работу своей артели въ продолженіе 6—8 мѣсяцевъ въ году. Поэтому, работать у него для рабочей семьи выгоднѣе и вѣрнѣе, чѣмъ у отдѣльнаго фермера, который только по временамъ даетъ работу дѣтямъ. Это обстоятельство настолько усиливаетъ его вліяніе въ открытыхъ поселеніяхъ, что въ большинствѣ случаевъ дѣтей можно нанимать только при его посредничествѣ. Сдача въ наемъ дѣтей въ одиночку, или артели, составляетъ его побочное занятіе.

Чрезвычайный трудъ дѣтей и подростковъ, ужасные переходы по 5, 6 или даже 7 миль, которые они должны ежедневно совершать къ фермамъ и обратно, наконецъ, деморализующее вліяніе артели составляютъ «темныя стороны» этой системы. Хотя гангмастеръ или артельный староста, называемый въ некоторыхъ мѣстностяхъ «the driver» (погонщикъ) и вооруженъ длинной палкой, но онъ рѣдко пускаетъ ее въ ходъ, и жалобы на грубое обращеніе составляютъ исключеніе. Это демократическій король или нѣчто въ родѣ гамельнскаго крысолова (Rattenfänger von Hameln *)). Онъ нуждается, слѣдовательно въ популярности среди своихъ подданныхъ. И онъ привязываетъ ихъ къ себѣ процвѣтающимъ подъ его цокровительствомъ цыганствомъ. Въ артели царитъ грубая необузданность, веселая распущенность и самое наглое безстыдство. Въ большинствѣ случаевъ артеличикъ расплачивается въ кабацѣ и возвращается оттуда домой, пошатываясь. Съ обѣихъ сторонъ опираясь на двухъ дюжихъ бабъ, онъ шагаетъ во главѣ шествія, за которыми слѣдуютъ дѣти и молодежь, шаяя и распѣвая юмористическія и скабрезныя пѣснн. На обратномъ пути обычное явленіе составляетъ то, что Фурье называетъ «фалерогаміей». Тринадцати и четырнадцатилѣтнія дѣвочки часто становятся беременными отъ своихъ сверстниковъ. Открытыя деревни, поставляющія персоналъ артелей, превращаются въ Содомъ и Гоморру ¹⁷⁴⁾ и даютъ вдвое большее число незаконнорожденныхъ.

¹⁷³⁾ Единоличное артельное старосты превратились въ фермеровъ, владѣющихъ 500 акровъ, или въ собственниковъ цѣлаго ряда домовъ.

^{*)} Средневѣковое сказаніе о гамельнскомъ крысоловѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ 1284 въ г. Гамельнѣ (нѣкогда ганзейскій городъ, теперь окружной городъ прусской провинціи Ганноверъ) появился «свистуль», явившійся за извѣстную плату игрой на дудкѣ увлечь всѣхъ крысъ пяти города и загнать ихъ въ рѣку Везеръ. Это и удалось ему. Но когда городъ задержалъ уплату ему вознагражденія, онъ опять тѣмъ игрой на дудкѣ увлекъ всѣхъ городскихъ дѣтей въ расщелину соседней горы, которая потомъ акрылась. Впослѣдствіи «крысоловъ» появился съ дѣтми въ Седмгратин (Трансильванію) и основалъ тамъ извѣстную колонію седмгратскихъ (виденбургскихъ) саксонцевъ.

Прим. II. С.

¹⁷⁴⁾ «Половина дѣвушекъ Ludford'a пали, благодаря артелямъ», I. c. Appendix, p. 6, n. 32.

чѣмъ все остальное королевство. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, какова нравственность замужнихъ женщинъ, которыя до замужества воспитывались въ такой школѣ. Ихъ дѣтя, если опіумъ не приводитъ ихъ къ преждевременной смерти, являются прирожденными рекрутами артели.

Артель въ своей только что описанной классической формѣ называется публичной, общественной или переходной артелью (*public, common or tramping gang*). Есть еще, кромѣ того, и частныя банды (*private gangs*). Онѣ составляютъ такъ же, какъ и общественныя артели, но менѣе многочисленны и работаютъ подъ началомъ не артельного старосты, а обыкновеннаго стараго батрака, котораго фермеръ не можетъ употребить ни на что другое. Здѣсь отсутствуютъ цыганскіе нравы, но, по общему свидѣтельству, ухудшается оплата труда и обращеніе съ дѣтьми.

Система артелей, которая въ послѣдніе годы постоянно распространяется ⁽¹⁷³⁾, существуетъ, конечно, не ради артельного старосты или гангмастера. Она существуетъ для обогащенія крупныхъ фермеровъ ⁽¹⁷⁶⁾ или лэндлордовъ ⁽¹⁷⁷⁾. Для фермера не существуетъ болѣе остроумнаго метода поддерживать свой рабочій соналъ ниже нормальнаго уровня и въ тоже время имѣть всегда на случай экстренной работы готовыя добавочныя рабочія руки,—посредствомъ возможно меньшаго количества денегъ пзвлекать возможно больше труда ⁽¹⁷⁸⁾ и дѣлать «излишними» взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. Изъ предыдущаго изложенія легко понять, какъ это происходитъ, что, съ одной стороны, признають большую или меньшую безработицу сельскихъ рабочихъ, а, съ другой стороны, считаютъ систему артелей «необозидимой» вслѣдствіе недостатка мужского труда и переселенія рабочихъ въ города ⁽¹⁷⁹⁾. Поле, очищенное отъ плевелъ, и человѣческіе плевелы Lin-

⁽¹⁷³⁾ «Система эта очень распространилась въ послѣдніе годы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она введена лишь недавно, въ другихъ, гдѣ она уже давно существуетъ, въ артели набирають побольше дѣтей и при томъ помоложе». (I. c. p. 79, п. 174).

⁽¹⁷⁴⁾ «Мелкіе фермеры не пользуются трудомъ артелей». «Трудъ артелей не употребляется на плохой землѣ, а лишь на землѣ, приносящей отъ 2 ф. ст. до 2 ф. ст. 10 шилл. ренты на акръ». (I. c. p. 17 и 14).

⁽¹⁷⁵⁾ Одному изъ этихъ господъ его ренты приходится такъ по вкусу, что онъ сердито валимъ комисси, будто весь этотъ крикъ поднялся только изъ-за названія системы. Если бы вмѣсто «Gang'a», назвать ее «промышленно-земледѣльческая кооперативная ассоціація молодежи», то все было бы all right.

⁽¹⁷⁶⁾ «Трудъ артелей дешевле всякаго другого труда; вотъ причина, почему онъ принимается»,—говоритъ одинъ бывшій gangmaster. (I. c. p. 17 и 14). «Система артелей безусловно самая дешевая для фермеровъ, но она такъ же безусловно губительна для дѣтей», указываетъ одинъ фермеръ (I. c. p. 16 и 3).

⁽¹⁷⁷⁾ «Безъ сомнѣнія многи работы, исполняемыя теперь въ артеляхъ дѣтьми, прежде исполнялись мужчинами и женщинами. Гдѣ работаютъ женщины и дѣтя, тамъ теперь больше безработныхъ мужчинъ (more men are out of work), чѣмъ прежде». (I. c. p. 43, п. 202). Съ другой стороны, мы между прочимъ читаемъ: «Рабочій вопросъ (labour question) во многихъ земледѣльческихъ округахъ, въ особенности въ тѣхъ, которые производятъ хлѣбъ, становится столь серьезнымъ извѣдствіе эмиграція и той легкости переселенія въ большіе города, которую доставляютъ желѣзныя дороги, что я [сѣя]—это сельскохозяйственный агентъ одного крупнаго земледѣльца] считаю дѣтскій трудъ безусловно необходимымъ» (I. c. p. 80, п. 181). The Labour Question (рабочій вопросъ) въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ въ отличіе отъ всего цивилизованнаго міра представляетъ the landlords' and farmers' Question (вопросъ лэндлордовъ и фермеровъ) о томъ, какъ увѣковѣчить въ сельскихъ округахъ значительное «относительное перенаселеніе», не смотря на все увеличивающееся выселеніе сельскаго населенія, и установить такимъ образомъ навѣки «minimum заработной платы» для сельскихъ рабочихъ?

colnshire'a и т. д. представляютъ лишь дополняющіе другъ друга противоположные полюсы капиталистическаго производства ¹⁸⁰⁾.

г) Ирландія.

Въ заключеніе этого отдѣла мы должны еще пропутешествовать въ Ирландію. И прежде всего приведемъ факты, на которые намъ придется потомъ сослаться.

Населеніе Ирландіи возросло въ 1841 г. до 8.222.664 человекъ, въ 1851 оно сократилось до 6.623.985 человекъ, въ 1861 г. до 5.850.309, въ 1866 г. до 5³/₂ миллионъ, т. е. почти до своего уронна въ 1801 г. Уменьшеніе началось съ голоднаго 1846 года, менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ Ирландія лишилась болѣе ²/₁₀ своего населенія ¹⁸¹⁾. Общее число эмигрантовъ съ мая 1851 г. до іюня 1865 г. составляло 1.591.487 человекъ, а въ послѣдніе 5 лѣтъ отъ 1861 — 1865 — болѣе полумилліона. Число обитаемыхъ домовъ уменьшилось съ 1851—1861 г. на 52.990. Съ 1851—1861 г. число фермъ отъ 15—30 акровъ увеличилось на 61.000, число же фермъ свыше 30 акровъ на 109.000, между тѣмъ какъ общее число фермъ уменьшилось на 120.000; уменьшеніе это произошло, слѣдовательно, исключительно отъ уничтоженія фермъ ниже 15 акровъ, другими словами, отъ ихъ централизаціи.

¹⁸⁰⁾ Цитированный мною раньше «Public Health Report», гдѣ лишь мимоходомъ, по поводу смертности дѣтей, говорится о системѣ артелей, остался совершенно неизвѣстенъ прессѣ, а, въ силу этого, и англійскому обществу. За то послѣдній отчетъ «Child. Empl. Comm.» далъ прессѣ столь желанную «сенсаціонную» пипшу. Либеральная печать спрашивала, какъ могли благородные люди и джентльмены и священники англиканской церкви, которыми кишитъ Lincolnshire, лица, которая спаражала «мысли для смягченія правовъ дикарей острововъ южнаго полушарія», дать развиваться въ своихъ владѣніяхъ и на ихъ главахъ подобной системѣ, аристократическая печать ограничивалась только замѣчаніями о грубой испорченности сельскаго населенія, способнаго продавать своихъ собственныхъ дѣтей въ подобное рабство. Между тѣмъ при тѣхъ достойныхъ проклятія условіяхъ, на которыя «благородные» обрекали сельскихъ жителей, было бы понятно, если бы они даже пожрали своихъ собственныхъ дѣтей. Если что дѣйствительно достойно удивленія, такъ это порядочность, которую они по большей части сохранили. Составители официальныхъ отчетовъ говорятъ, что родители, даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ господствуетъ система артелей, питаютъ въ ней отвращеніе. «Въ собранныхъ нами показаніяхъ можно найти многочисленныя доказательства того, что родители во многихъ случаяхъ были бы благодарны, если бы былъ изданъ принудительный законъ, дающій имъ возможность сопротивляться искушенію и давленію, которому они часто подвергаются: то приходскій чиновникъ, то хозяинъ принуждаетъ ихъ, подъ угрозою отказа отъ работы, посылать дѣтей на заработки, а не въ школу... Всякая потеря времени и силъ, всякое страданіе, которое причиняетъ земледѣльцу и его семейству чрезмѣрное и безполезное утомленіе, всякій случай, когда родители могутъ приписать нравственное паденіе своихъ дѣтей переполненію коттеджей или развращающему вліянію системы артелей, все это выныкаетъ въ душѣ этихъ бѣдныхъ труженниковъ чувства, которыя легко понять, и о которыхъ безполезно распространяться. Они сознаютъ, что имъ причиняютъ много финансовыхъ и нравственныхъ страданій условія, на которыя они на всякомъ случаѣ не отвѣтственны, и на которыя они, если бы это было въ ихъ власти, никогда бы не согласились, но противъ которыхъ они безсильны бороться». (I. с. р. XX. п. 82 и XXIII. п. 96).

¹⁸¹⁾ Населеніе Ирландіи: въ 1801 г. 5.819.867 человекъ, въ 1811 г.: 6.084.996 1821 г.: 6.869.544, въ 1831 г.: 7.628.347, въ 1841 г.: 8.222.664 чел.

Уменьшеніе населенія, разумѣется, сопровождалось, въ общемъ, уменьшеніемъ массы продуктовъ. Для нашей цѣли достаточно разсмотрѣть 5 лѣтъ отъ 1861—1865, въ продолженіе которыхъ эмигрировало болѣе $\frac{1}{2}$ милліона и абсолютное число населенія уменьшилось болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{3}$ милліона. (См. табл. А).

ТАБЛИЦА А.

Количество головъ скота.

Г О Д Ы.	Лошадей.		Рогатаго скота.		
	Общее число.	Уменьшеніе.	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
1860	519.811	—	3.606.374	138.316	—
1861	614.232	5.993	3.471.688	216.798	—
1862	602.894	11.338	3.254.890	110.695	—
1863	579.978	22.916	3.144.231	—	—
1864	562.158	17.820	3.262.294	—	118.063
1865	547.867	14.291	3.493.414	—	231.120

Г О Д Ы.	О в е ц ъ.			С в и н е й.		
	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
1860	3.542.080	—	—	1.271.072	—	—
1861	3.556.050	—	13.970	1.102.042	169.030	—
1862	3.456.132	99.918	—	1.154.324	—	52.282
1863	3.308.204	147.982	—	1.067.458	86.836	—
1864	3.366.941	—	58.737	1.058.480	8.978	—
1865	3.689.742	—	321.601	1.299.893	—	241.413

Изъ предыдущей таблицы мы видимъ, что число:

Лошадей.	Рогатаго скота.	О в е ц ъ.	С в и н е й.
Абсолютно уменьшилось на 72.359	Абсолютно уменьшилось на 116.626	Абсолютно увеличилось на 146.608	Абсолютно увеличилось на 23.819 ¹⁸²⁾ .

¹⁸²⁾ Этотъ результатъ былъ бы еще менѣе благоприятенъ, если бы мы пошли еще дальше назадъ. Такъ овецъ въ 1865 г. было 3.689.742, а въ 1856 г.—3.694.294, свиней въ 1865 г.—1.299.893, а въ 1859 г.—1.409.883.

Обратимся теперь къ земледѣлію, доставляющему пищу для людей и для скота. Въ слѣдующей таблицѣ вычислено увеличеніе и уменьшеніе для каждаго отдѣльнаго года въ сравненіи съ непосредственно предшествующимъ ему годомъ. Къ хлѣбамъ (Kornfrucht) относятся пшеница, овесъ, ячмень, рожь, бобы и горохъ, къ категоріи корнеплодовъ и зелени (Grünfrucht)—картофель, турнепсъ, свекла, капуста, морковь, пастернакъ и т. п.

ТАБЛИЦА В.

Увеличеніе или уменьшеніе площади заашекъ и луговъ (или пастбищъ) въ акрахъ.

ГОДЫ.	Хлѣба.	Корнеплоды и зелень.		Луга и клеверъ.		Деревья.		Общее количество земли, служащее для земледѣлія и для пастбищъ.	
	Уменьшеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.
1861	15.701	36.974	—	47.909	—	—	19.271	811.873	—
1862	72.734	74.785	—	—	6.623	—	2.055	138.841	—
1863	144.719	19.308	—	—	7.724	—	63.922	92.431	—
1864	122.437	2.317	—	—	47.486	—	87.761	—	10.493
1865	72.450	—	25.241	—	68.970	50.159	—	28.218	—
1861—1865	428.041	107.984	—	—	82.834	—	122.850	330.860	—

Въ 1865 г. подъ рубрикой «луга» прибавилось 127.470 акровъ, главнымъ образомъ, потому, что площадь подъ рубрикой «невоздѣланные земли и болота» уменьшилась на 101.543 акра. Если мы сравнимъ 1865 г. съ 1864 г., то найдемъ уменьшеніе площади хлѣбовъ на 246.667 кварталовъ; изъ нихъ 44.999 кварталовъ пшеницы, 166.605 кварталовъ овса, 29.892—ячменя и т. д.; уменьшеніе количества картофеля на 446.398 тоннъ, хотя площадь подъ нимъ увеличилась въ 1865 г. и т. д. (См. табл. С).

Отъ движенія населенія и сельскохозяйческаго производства въ Ирландіи мы перейдемъ къ движенію въ кошелькахъ ея земледѣльцевъ, крупныхъ фермеровъ и промышленныхъ капиталистовъ. Оно отражается въ увеличеніи и уменьшеніи подоходнаго налога. Для лучшаго пониманія слѣдующей таблицы D надо замѣтить, что къ рубрикѣ D (прибыль за исключеніемъ прибыли фермеровъ) отнесена также и «профессіональная» прибыль, т. е. доходы адвокатовъ, врачей и т. д., а въ рубрикахъ C и E, не перечисленныхъ здѣсь отдѣльно, заключаются доходы чиновниковъ, офицеровъ, лицъ, получающихъ отъ государства синекуры, владѣльцевъ государственныхъ бумагъ и т. д.

ТАБЛИЦА С.

Увеличение или уменьшение площади воздѣлываемыхъ земель, количества продукта на каждый акръ и всей суммы продуктовъ въ 1865 г. по сравненію съ 1864 г.

Названіе продукта.	Количество акръ въ воз- дѣлной землѣ.		Увеличеніе или уменьшеніе въ 1865.		Количество продукта на акръ.		Увеличеніе и уменьше- ніе въ 1865.	Общее количество продукта.			
	1864 г.	1865 г.	+	—	1864 г.	1865 г.		1864 г.	1865 г.	Увеличе- ніе въ 1865 г.	Уменьшеніе въ 1865 г.
Пшеница...	276.483	266.989	—	9.494	Пшеница Чит. 13,3	13,0	— 0,3	875.782 кв.	826.783	—	48.999 кв.
Овесь.....	1.814.886	1.745.228	—	69.658	Овесь „ 12,1	12,3	0,2 —	7.826.332 „	7.659.727	—	166.605 „
Ячмень.....	172.700	177.102	4.402	—	Ячмень „ 15,9	14,9	— 1,0	761.909 „	782.017	—	20.892 „
Всего (ячмень).....	8.894	10.091	1.197	—	Всего „ 16,4	14,8	— 1,6	15.160 „	13.989	—	1.171 „
					Рожь „ 8,5	10,4	1,9 —	12.680 „	18.364	5.684 кв.	—
Рожь.....	—	—	—	—	Картофель тов. 4,1	3,6	— 0,5	4.312.388 т.	3.865.990	—	446.398 т.
Картофель.....	1.039.724	1.006.260	26.536	—	Турнепсъ „ 10,3	9,9	— 0,4	3.467.659 „	3.301.683	—	165.976 „
Турнепсъ.....	337.355	334.212	—	3.143	Свекла „ 10,5	13,3	2,8 —	147.284 „	191.937	44.653 т.	—
Свекла.....	14.073	14.839	316	—	Капуста „ 9,3	10,4	1,1 —	297.375 „	350.252	52.877 „	—
Капуста.....	31.821	33.622	1.801	—	Ленъ (stones, въ- сомъ въ 14 ф.) 34,2	25,2	— 9,0	64.506 „	39.561	—	24.945 т.
Ленъ.....	301.693	251.433	—	50.260	Сѣно топить... 1,6	1,8	0,2 —	2.607.707 „	3.068.707	461.554 „	— ¹⁸³⁾
Сѣно.....	1.609.569	1.678.493	68.924	—							

¹⁸²⁾ Даныя въ текстѣ заимствованы изъ «Agricultural Statistics, Ireland. General Abstracts, Dublin» за 1860 и слѣдующіе гг. и изъ «Agricultural Statistics, Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin» 1866. Известно, что это официальная статистика, которая ежегодно представляется въ парламентъ.

Прибавленію ко 2-му изд. Официальная статистика показываетъ для 1872 г., по сравненію съ 1871 г., уменьшеніе площади воздѣлываемыхъ земель на 134.915 акровъ. «Увеличилась культура корнеплодовъ—турнепса, свеклы и т. п., уменьшилась площадь подъ культурой пшеницы на 16.000 акровъ, овса—на 14.000 акровъ, ячменя и ржи—на 4.000 акровъ, картофеля—на 66.632 акра, льна—на 34.667 акровъ и на 30.000 акровъ меньше—подъ лугами, клеверомъ, вижкой, рѣпными сѣменемъ. Земля, занятая подъ культурой пшеницы постепенно уменьшалась слѣдующимъ образомъ: въ 1868 г.—на 285.000 акровъ; въ 1869—на 200.000 акровъ; въ 1870—на 259.000 акровъ; въ 1871—на 244.000 акровъ; въ 1872—на 228.000 акровъ. Для 1872 г. мы находимъ круглымъ счетомъ увеличеніе на 2.600 лошадей, 80.000 головъ рогатого скота, 68.609 овецъ и уменьшеніе числа свиней на 236.000.

ТАБЛИЦА D.

Доходы, подлежащіе подоходному налогу, выраженные въ ф. ст.

	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.
Рубрика А.						
Пояемельная репта.	13.893.829	13.003.554	13.398.936	13.494.091	13.470.700	13.801.616
Рубрика В.						
Прибыль фермеровъ	2.765.387	2.773.644	2.937.899	2.938.823	2.930.874	2.946.072
Рубрика D.						
Промышленная при- быль и т. д.	4.891.652	4.836.203	4.858.800	4.846.497	4.546.147	4.850.199
Сумма всѣхъ руб- рикъ отъ А до Е высѣтъ	22.962.885	22.998.394	23.597.574	23.658.631	23.236.298	23.930.340 ¹⁸⁴⁾

Подъ рубрикой D среднее увеличеніе доходовъ за время отъ 1853—1864 составляло только 0,93, между тѣмъ какъ въ Великобританіи въ тотъ же періодъ времени это увеличеніе составляло 4,58. Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе прибылей (за исключеніемъ прибыли фермеровъ) въ 1864 и 1865 гг.

ТАБЛИЦА E.

Рубрика D. Доходы, состоящіе изъ разнаго рода прибылей (выше 60 ф. ст.) въ Ирландіи.

	1864 г.		1865 г.	
	Ф. ст.	Распред. между	Ф. ст.	Распред. между
Общій ежегодный доходъ въ ф. ст.	4.386.610	17.467 чел.	4.669.979	18.081 чел.
Ежегодный доходъ выше 60 и ниже 100 ф. ст.	238.626	5.015 »	222.575	4.703 »
Изъ общаго годового дохода:	1.979.066	11.321 »	2.028.471	12.184 »
Остатокъ общаго годового дохода въ.	2.150.818	1.131 »	2.418.933	1.194 »
	1.083.906	910 »	1.097.937	1.044 »
	1.066.912	121 »	1.320.996	186 »
Изъ нихъ.	430.535	105 »	584.458	122 »
	646.377	26 »	736.448	28 »
	262.610	3 »	274.528	3 » ¹⁸⁵⁾

Англія, страна развитого капиталистическаго производства и преимущественно промышленная страна, истекла бы кровью отъ такого кровопусканія, которому подверглась Ирландія. Но Ирландія въ настоящее время составляетъ только земледѣльческій округъ Англіи, отдѣленный отъ нея широкимъ каналомъ, округъ, который доставляетъ ей хлѣбъ, шерсть, скотъ, промышленные и военные рекрутовъ.

Всѣдствие опустѣнія многія земли остаются безъ обработки, количество

¹⁸⁴⁾ Tenth Report of the Commissioners of Inland Revenue. Lond. 1866.

¹⁸⁵⁾ Общій ежегодный доходъ подъ рубрикой D не совпадаетъ вѣдь съ доходомъ, показаннымъ въ предыдущей таблицѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ закономъ дозволенныхъ вычетовъ.

земледѣльческихъ продуктовъ значительно уменьшилось ⁽¹⁸⁸⁾ и, несмотря на увеличеніе площади, занятой подъ скотоводствомъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ его произошло абсолютное уменьшеніе, въ другихъ же весьма незначительный прогрессъ, прерываемый постоянными отступленіями назадъ. Тѣмъ не менѣе съ уменьшеніемъ массы населенія поземельная рента и доходы фермеровъ постоянно увеличивались, послѣдніе, впрочемъ, не такъ постоянно, какъ первый. Причина этого понятна. Съ одной стороны, съ концентраціей мелкихъ фермъ въ болѣе крупныя и съ превращеніемъ пахатной земли въ пастбища все большая и большая часть общаго продукта превращается въ прибавочный продуктъ. Количество прибавочнаго продукта увеличивается, хотя совокупный продуктъ, долю котораго онъ составляетъ, уменьшился. Съ другой стороны, денежная цѣнность этого прибавочнаго продукта поднялась еще быстрѣе, чѣмъ его масса, вслѣдствіе повышенія англійскихъ рыночныхъ цѣнъ на мясо, шерсть и т. д. за послѣднія 20 лѣтъ и, въ особенности, за послѣднія 10 лѣтъ.

Разрозненные средства производства, служащіе самому производителю средствами занятія и существованія, но не создающія прибавочной цѣнности посредствомъ подчиненія чужого труда, точно такъ же не составляютъ капитала, какъ продуктъ, потребляемый самимъ производителемъ, не составляетъ товара. Если даже масса средствъ производства, примѣняемыхъ въ земледѣліи, и уменьшилась вмѣстѣ съ уменьшеніемъ населенія, всетаки количество вложеннаго въ земледѣліе капитала увеличилось, такъ какъ часть разрозненныхъ прежде средствъ производства превратилась въ капиталъ.

Весь вложенный въ земледѣлія, въ промышленность и торговлю, капиталъ Ирландіи накоплялся въ послѣднія двадцать лѣтъ медленно и съ постоянными колебаніями. Тѣмъ быстрѣе зато развивалась концентрація его индивидуальныхъ составныхъ частей. Наконецъ, какъ ни ничтожно было абсолютное возрастаніе капитала, но относительно, т. е. въ сравненіи съ падающимъ населеніемъ, онъ значительно увеличился.

Здѣсь, слѣдовательно, предъ нами развертывается въ широкихъ размѣрахъ процессъ, лучше котораго ортодоксальная политическая экономія не могла бы ничего пожелать для подтвержденія своего догмата, что бѣдность происходитъ отъ абсолютнаго перенаселенія, и что равновѣсіе восстанавливается уменьшеніемъ населенія. Это экспериментъ, гораздо болѣе внушительный, чѣмъ столь прославленная мальтузианцами чума въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія. Замѣтимъ кстати, что если само по себѣ было шудлейстерски-наивно прилагать къ условіямъ производства и соответствующимъ имъ условіямъ населенія XIX-го вѣка масштабъ XIV-го столѣтія, то экономисты, въ своей наивности, кромѣ того упустили еще изъ виду то обстоятельство, что если по эту сторону канала, въ Англіи, чума и сопровождавшая ее гибель населенія и вызвали освобожденіе

(188) Не надо забывать, что если даже количество продукта на акръ относительно и уменьшается, то въ теченіе 1 1/2 вѣковъ косвеннымъ образомъ Англія вывозила почву Ирландіи, поскольку не работая о томъ, чтобы доставить земледѣльцамъ средства возмѣщенія составныхъ ее частей.

ніе и обогащеніе селскаго населенія, то зато по ту сторону канала, во Франціи, чума вывала еще большее порабощеніе и еще болѣе рѣзкую нищету народа ^{186a)}.

Голодъ 1846 г. уничтожилъ въ Ирландіи болѣе миліона людей, но все это были бѣдняки. Богатству страны онъ не причинилъ ни малѣйшаго ущерба. Послѣдовавшее за этимъ выселеніе, продолжающееся уже въ теченіе 20 лѣтъ и все возрастающее, не уничтожило, подобно тридцатилѣтней войнѣ, выстѣ съ людьми нхъ средствъ производства. Ирландскій геній придумалъ совершенно новый способъ перенести бѣдное населеніе точно волшебствомъ за тысячи миль отъ мѣста его нищеты. Эмигранты, переселившіеся въ Соединенные Штаты, ежегодно присылаютъ домой деньги для переселенія оставшихся на родинѣ. Каждая партія, переселившаяся въ этомъ году, тянетъ за собою въ слѣдующемъ году другую партію. Эмиграція не только ничего не стоитъ Ирландіи, но составляетъ еще одну изъ самыхъ доходныхъ статей ея экспортной торговли. Она представляетъ, наконецъ, изъ себя систематическій процессъ, привычавшій не только случайную убыль въ массѣ населенія, но, наоборотъ, отнимающій отъ него ежегодно больше людей, чѣмъ возстановляется ежегоднымъ приростомъ, такъ что абсолютный уровень населенія съ каждымъ годомъ понижается ^{186b)}.

Каковы же были послѣдствія освобожденія отъ бремени перенаселенія для оставшихся ирландскихъ рабочихъ? А вотъ каковы: относительное перенаселеніе въ настоящее время такъ же велико, какъ и до 1846 г., заработная плата такъ же низка, трудъ же сталъ болѣе изнурительнымъ, и нищета сельскихъ округовъ угрожаетъ новымъ кризисомъ. Причины этого очень просты. Перевернуть въ земледѣіи шель рука объ руку съ эмиграціей. Созданіе относительнаго перенаселенія шло быстрѣе абсолютнаго уменьшенія населенія. Вѣглый взглядъ на таблицу С. показываетъ, насколько превращеніе пахотныхъ земель въ пастбища представило въ Ирландіи болѣе острый процессъ сравнительно съ Англіей. Въ послѣдней выстѣ съ скотоводствомъ увеличивается производство кормовыхъ травъ, въ первой оно уменьшается. Между тѣмъ какъ масса прежде воздѣлывавшихся земель остаются невоздѣланными или превращаются въ посянные дуга, большая часть прежде не бывшихъ въ употребленіи пустырей и торфяныхъ болотъ служатъ для расширенія скотоводства. Мелкіе и средніе фермеры—къ нимъ я причисляю всѣхъ, обрабатывающихъ не больше 100 акровъ—все еще составляютъ около $\frac{1}{10}$ общаго числа ^{186c)}. Они теперь гораздо больше чѣмъ прежде и въ возрастающемъ размѣрѣ терпятъ отъ конкуренціи капиталистическаго земледѣія и доставляютъ, поэтому, классу наемныхъ рабочихъ все новыхъ и новыхъ кандидатовъ. Единственная крупная промыш-

^{186a)} Такъ какъ Ирландія славится обитавшею тамъ «принципа народонаселенія», то Th. Sadler, прежде чѣмъ опубликовать свой трудъ о народонаселеніи, назвалъ свою знаменитую книгу: Ireland, its Evils and their Remedies, 2^e ed. London, 1829, въ которой онъ сравнительной статистикой различныхъ провинцій и различныхъ графствъ въ каждой провинціи, доказываетъ, что нищета тамъ во время, какъ думаетъ Мальтусъ, а обратно пропорціональна ихъ населенности.

^{186b)} За время отъ 1851 г. до 1874 общее число эмигрантовъ составило 2.325.922.

^{186c)} Примѣч. ко 2-му изд. По таблицѣ въ книгѣ Murphy: «Ireland, Industrial, Political, and Social, 1870», 94,6% всѣхъ земель состоятъ изъ фермъ размѣромъ не больше 100 акровъ, а 5,4%—изъ фермъ больше чѣмъ 100 акровъ.

ленность Ирландіи, производство полотна, занимаетъ сравнительно мало взрослыхъ мужчинъ и вообще, несмотря на свое расширеніе, со времени вздорожанія хлопка въ 1861—1866 гг., даетъ заработокъ лишь сравнительно небольшой части населенія. Подобно всякой другой крупной промышленности, она производитъ постоянными колебаніями въ своей собственной сферѣ относительное перенаселеніе, даже при абсолютномъ увеличеніи поглощаемой ею человѣческой массы. Нищета сельскаго населенія служитъ предостаткомъ для колоссальныхъ предпріятій по изготовленію бѣлья и т. д., рабочая армія которыхъ по большей части разсыяна по всей странѣ. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ уже описанную нами прежде систему домашняго производства, въ которомъ низкая плата и чрезвычйный трудъ служатъ средствами созданія «излишнихъ» рабочихъ. Наконецъ, хотя уменьшеніе населенія и не пѣбегъ здѣсь такихъ разрушительныхъ послѣдствій, какъ въ странѣ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь оно постоянно оказываетъ въ свою очередь вліяніе на внутренній рынокъ. Пустота, которую создаетъ эмиграція, не только уменьшаетъ мѣстный спросъ на трудъ, но еще уменьшаетъ доходы мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ вообще. Этимъ и объясняется уменьшеніе доходовъ между 60 и 100 ф. ст., показанное въ таблицѣ Е.

Ясное до прозрачности изображеніе положенія сельскихъ наемныхъ рабочихъ въ Ирландіи мы находимъ въ отчетахъ инспекторовъ ирландскихъ попечительствъ о бѣдныхъ (1870) ^{186d}). Въ качествѣ чиновниковъ правительства, которое держится лишь помощью штыковъ и явнаго или тайнаго осаднаго положенія, они принуждены соблюдать такую сдержанность въ выраженіяхъ, которой не знаютъ ихъ англійскіе коллеги. И тѣмъ не менѣе они не даютъ своему правительству убоживать себя пліюіями. По ихъ словамъ, уровень заработной платы въ сельскихъ округахъ, и до сихъ поръ еще чрезвычайно низкій, повысился, однако, въ послѣдніе 20 лѣтъ на 50—60% и составляетъ теперь въ среднемъ отъ 6—9 шилл. въ недѣлю. Но за этимъ кажущимся повышеніемъ заработной платы скрывается дѣйствительное ея пониженіе, такъ какъ повышеніе это даже не покрываетъ происшедшаго за это время подъема цѣнъ на необходимыя средства существованія. Доказательство—нижеслѣдующее извлеченіе изъ оффиціального отчета одного ирландскаго рабочаго дома.

Средній недѣльный расходъ на содержаніе одного челоѣка.

Г о д ы.	Пища.	Одежда.	Всего.
29 сент. 1843 до 29 сент. 1849	1 шилл. 3¼ пенс.	0 шилл. 3 пенс.	1 шилл. 6¼ пенс.
29 сент. 1863 до 29 сент. 1869	2 » 7¼ »	0 » 6 »	3 » 1¼ »

Цѣна необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ увеличилась такимъ образомъ почти вдвое, цѣна же одежды ровно вдвое по сравненію съ тѣми цѣнами, которыя были 20 лѣтъ тому назадъ.

Но даже независимо отъ этого несоотѣвствія, одно сравненіе выраженной

^{186d}) Reports from the Poor Law Inspectors on the wages of Agricultural Labourers in Dublin, 1870.—Ср. также Agricultural Labourers (Ireland) Return etc. dated 8 March 1861. London 1862.

въ деньгахъ заработной платы далеко еще не даетъ вѣрныхъ выводовъ. До голода большая часть заработной платы въ сельскихъ округахъ уплачивалась натурой и лишь незначительная часть—деньгами. Въ настоящее же время денежная плата составляетъ общее правило. Уже изъ одного этого слѣдуетъ, что, каково бы ни было движеніе реальной заработной платы, ея денежное выраженіе во всякомъ случаѣ должно было повыситься. «До голода земледѣльческій наемный рабочій нѣмалъ клочокъ земли, на которомъ онъ разводилъ картофель, держалъ свиней и домашнюю птицу. Въ настоящее время онъ не только принужденъ покупать всѣ свои съѣстные припасы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишился дохода отъ продажи свиней, домашней птицы и яицъ». ¹⁸⁷⁾ Въ самомъ дѣлѣ, прежде сельскіе рабочіе сплывались съ мелкими фермерами и, по большей части, составляли только арьергардъ среднихъ и крупныхъ фермъ, гдѣ они находили занятіе. Лишь со времени катастрофы 1846 г. они начали составлять часть постояннаго класса наемныхъ рабочихъ, отдѣльное сословіе, связанное со своими хозяевами только денежными отношеніями.

Мы уже знаемъ, каково было состояніе ихъ жилищъ въ 1846 г. Съ этого времени оно еще ухудшилось. Часть сельскихъ наемныхъ рабочихъ, уменьшающаяся, впрочемъ, со дня на день, живетъ еще на земляхъ фермеровъ въ переполненныхъ хижинахъ, скверное состояніе которыхъ превосходить все самое скверное, что представляютъ въ этомъ отношеніи описанные выше англійскіе сельскіе округа. Таково положеніе вездѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ Ulster'a; на югѣ—въ графствахъ Cork, Limerick, Kilkenny и т. д.; на востокѣ—въ Wicklow, Wexford и т. д.; въ центрѣ—въ King's и Queen's County, Дублинѣ и т. д.; на сѣверѣ—въ Down, Antrim, Tyrone и т. д.; на западѣ—въ Sligo, Roscommon, Mayo, Galway и т. д. Это позоръ для религіи и цивилизаціи нашей страны» ^{187а)},—говоритъ одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ. Чтобы сдѣлать болѣе сносною жизнь наемныхъ сельскихъ рабочихъ въ ихъ берлогахъ, у нихъ систематически отнимаютъ подъ жилища тѣ клочки, которые съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ этимъ жилищамъ. «Сознаніе отверженности, въ которой они находятся по милости лэндлордовъ и ихъ управляющихъ, вызвало у наемныхъ сельскихъ рабочихъ соответствующее чувство антагонизма и ненависти по отношенію къ людямъ, обращающимся съ ними какъ съ безправной расой» ^{187б)}.

Первый актъ переворота въ землѣдѣліи состоялъ въ грандіозномъ и какъ бы по данному свыше наказу происшедшемъ уничтоженіи жилищъ рабочихъ, расположенныхъ на полѣ приложенія ихъ труда. Многіе рабочіе принуждены были искать убѣжища въ селахъ и городахъ. Тамъ ихъ, какъ всякій хламъ, помѣщали въ городскихъ чердакахъ, конурахъ, подвалахъ и въ разныхъ вертепахъ самыхъ скверныхъ кварталовъ. Тысячи ирландскихъ семействъ, которые, даже по свидѣтельству самихъ англичанъ, пропитанныхъ національными пристрастіями, отличались своей рѣдкой привязанностью къ домашнему очагу, своей

¹⁸⁷⁾ 1. с. р. 29, 1.

^{187а)} 1. с. р. 12.

^{187б)} 1. с. р. 25.

беззаботною веселостью и чистотой семейныхъ нравовъ, вдругъ очутились въ разладникахъ порока. Мужчины должны теперь искать работу у сосѣднихъ фермеровъ, гдѣ ихъ напимають поденно, т. е. на самыхъ тяжелыхъ и невѣрныхъ условіяхъ; при этомъ «имъ приходится теперь проходить большія разстоянія до фермы и обратно, часто мокнуть до костей и подвергаться другимъ вреднымъ вліяніямъ, что вызываетъ упадокъ силъ, болѣзни и лишенія» ^{187b)}.

«Городамъ приходилось изъ года въ годъ принимать тѣхъ рабочихъ, которые оказывались излишними въ сельскихъ округахъ» ^{187c)}, и послѣ этого еще удивляются, «что въ городахъ и селахъ оказывается излишекъ рабочихъ, а въ сельскихъ округахъ ощущается недостатокъ въ нихъ!» ^{187d)}. На самомъ дѣлѣ недостатокъ этотъ ощущается лишь «во время неотложныхъ земледѣльческихъ работъ, весной и осенью, между тѣмъ какъ въ остальное время года многія рабочія руки остаются незанятыми» ^{187e)}; «послѣ жатвы, съ октября до весны, для нихъ нѣтъ почти никакой работы» ^{187f)}, и даже во время рабочаго сезона они «часто теряютъ цѣлые дни и подвергаются всевозможнымъ перерывамъ въ работѣ» ^{187g)}.

Эти результаты переворота въ земледѣліи, т. е. превращенія пахатныхъ земель въ пастбища, примѣненія машинъ, строгой экономіи въ трудѣ и т. д.—еще обостряются образцовыми лэндлордами, тѣмъ, которые, вмѣсто того, чтобы прошивать свои ренты за границей, снисходятъ до того, что приживаютъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Чтобы не нарушать вовсе закона спроса и предложенія, эти господа извлекаютъ «теперь почти весь необходимый имъ трудъ изъ своихъ мелкихъ фермеровъ, которые, такимъ образомъ, принуждены потѣть на своихъ лэндлордовъ за болѣе низкую въ общемъ плату, чѣмъ обыкновенные поденники, не говоря уже о неудобствахъ и потеряхъ, происходящихъ отъ того, что въ горячее время посѣва или жатвы они должны пренебрегать своими собственными полями» ^{187h)}.

Необезпеченность и непостоянство занятій, часто повторяющіяся и долго продолжающіяся остановки въ трудѣ, всѣ эти симптомы относительнаго перенаселенія фигурируютъ такимъ образомъ въ отчетахъ инспекторовъ попечительствъ о бѣдныхъ, въ качествѣ тяготъ ирландскаго земледѣльческаго пролетаріата. Читатель вспомнитъ, что мы уже встрѣтили подобныя явленія среди австрійскаго сельскаго пролетаріата. Но разница въ томъ, что въ Англіи, промышленной странѣ, промышленная резервная армія набирается въ сельскихъ округахъ, между тѣмъ какъ въ Ирландіи, странѣ земледѣльческой, земледѣльческая резервная армія набирается въ городахъ, убѣжищѣ изгнанныхъ сельскихъ рабочихъ. Въ Англіи излишніе въ земледѣліи люди иногда превращаются

^{187b)} l. c. p. 25.

^{187c)} l. c. p. 27.

^{187d)} p. 1.

^{187e)} p. 1.

^{187f)} p. 32.

^{187g)} p. 25.

^{187h)} p. 30.

въ фабричныхъ рабочихъ, здѣсь же прогнанные изъ деревни въ городъ сельскіе рабочіе остаются всетаки земледѣльческими рабочими, оказываютъ давленіе на городскую заработную плату и постоянно отсылаются обратно въ сельскіе округа для пріискаванія работы.

Официальные составители отчетовъ слѣдующимъ образомъ резюмируютъ матеріальное положеніе земледѣльческихъ рабочихъ: «Хотя они живутъ въ высшей степени скромно, всетаки ихъ платы едва хватаетъ для пріобрѣтенія пищи и жилища для нихъ самихъ и для ихъ семействъ; на одежду же требуются добавочные доходы... Атмосфера ихъ жилищъ, въ связи съ другими лишениями, подвергаетъ этотъ классъ особенно часто заболѣваніямъ тифомъ и чахоткой» ⁽⁸⁷¹⁾. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что, по единогласному свидѣтельству составителей отчетовъ, въ рядахъ этого класса царитъ мрачное недовольство, что они призываютъ назадъ прошлое, ненавидятъ настоящее и отчаиваются въ будущемъ, «поддаются пагубнымъ вліяніямъ демагоговъ» и желаютъ лишь одну мечту—переселиться въ Америку. Вотъ, въ казую страпу млечныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ, превращается зеленый Эрнпъ—благодаря уменьшенію населенія, этому универсальному мальтузіанскому средству!

Слѣдующій примѣръ ясно показываетъ, въ какомъ довольствіи живутъ ирландскіе мануфактурные рабочіе:

«Во время моего послѣдняго посѣщенія сѣвера Ирландіи,—говоритъ англійскій фабричный инспекторъ Robert Baker,—меня поразили усилія одного искуснаго ирландскаго рабочаго изъ своихъ скудныхъ средствъ дать образованіе своимъ дѣтямъ. Я передаю его показанія дословно, какъ я ихъ слымалъ отъ него самого. Что онъ дѣйствительно искусный рабочій—видно изъ того, что его употребляли на работы по изготовленію товаровъ для манчестерскаго рынка.

Johnson: Я beetleer по профессіи и работаю отъ 6 часовъ утра до 11 часовъ ночи съ понедѣльника до пятницы; по субботамъ мы кончаемъ въ 6 часовъ вечера и имѣемъ 3 часа на обѣдъ и отдыхъ. У меня пятеро дѣтей. За эту работу я получаю 10 шилл. 6 пенсовъ въ недѣлю. Старшая дѣвочка, 12 лѣтъ, смотритъ за домою. Она наша кухарка и наша единственная помощница. Она готовитъ младшихъ дѣтей въ школу. Моя жена встаетъ въ одно время со мной, и мы вмѣстѣ уходимъ. Одна дѣвушка, которая обыкновенно проходитъ мимо нашего дома, будитъ меня въ половинѣ шестого утра. Мы ничего не ѣдимъ, уходя на работу. Двѣнадцатилѣтняя дочь смотритъ за младшими въ теченіе дня. Мы ѣдимъ утромъ въ 8 часовъ, для чего отправляемся домой. Чай у насъ бываетъ одинъ разъ въ недѣлю, обыкновенно же у насъ бываетъ каша (stirabout) иногда изъ овсяной муки, иногда изъ мансовой, смотря по тому, что возможно достать. Зимой мы прибавляемъ немного сахара и воды къ нашей мансовой мукѣ; лѣтомъ мы собираемъ немного картофеля, который мы даже садимъ на клочки земли, а когда картофель кончается, мы опять переходимъ къ кашѣ. И такъ изо-дня-въ-день, по воскресеньямъ и по буднямъ, круглый годъ. Я обыкновенно очень устаю вечеромъ послѣ дневного труда. Кусочекъ мяса появляется на нашемъ столѣ очень рѣдко—въ исключеніи

⁸⁷¹ 1) p. 21, 13.

тельныхъ случаяхъ. Трое изъ нашихъ дѣтей посѣщаютъ школу, за что мы платимъ по одному пенсу въ недѣлю за каждого. Наша квартирная плата составляетъ 9 пенсовъ въ недѣлю, торфъ для отопленія обходится по крайней мѣрѣ 1 шилл. 6 пенсовъ въ двѣ недѣли¹⁸⁹⁾. Такова заработная плата ирландскаго рабочаго, такова его жизнь!

И въ самомъ дѣлѣ, ппчета въ Ирландіи опять стала вопросомъ дня въ Англіи. Въ концѣ 1866 и въ началѣ 1867 г. одинъ изъ ирландскихъ земельныхъ магнатовъ, лордъ Dufferin принялся на страницахъ Times'a за рѣшеніе этого вопроса. «Какъ это человѣчно со стороны такого важнаго господина!»— какъ говоритъ Мефистофель *).

Изъ таблицы Е мы видѣли, что въ 1864 году изъ общей прибыли въ 4.368.610 ф. ст. на долю только 3 капиталистовъ (Plusmacher) пришлось 262.610 ф. ст., а въ 1865 г. эти самые 3 виртуоза «воздержанія» изъ 4.669.979 ф. ст. общей прибыли заполучили 274.448 ф. ст.; въ 1864 г. 26 капиталистовъ получили 646,377 ф. ст.; въ 1865 г. 28 капиталистовъ— 736.448 ф. ст.; въ 1864 г. 121 капиталистъ 1.066.912 ф. ст.; въ 1865 г. 186 капиталистовъ— 1.320.996 ф. ст.; въ 1864 г. 1131 капиталистъ— 2.150.818 ф. ст., почти половину ежегодной общей прибыли; въ 1865 г. 1.194 капиталиста—2.418.933 ф. ст., болѣе половины ежегодной общей прибыли. Но львиная доля, которую поглощаетъ изъ ежегодной національной ренты ничтожное число земельныхъ магнатовъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, такъ чудовищно велика, что англійская государственная мудрость пахотить нужнымъ не доставлять относительно распредѣленія земельной ренты того же самаго статистическаго матеріала, какой она даетъ относительно распредѣленія прибыли. Лордъ Dufferin—одинъ изъ этихъ земельныхъ магнатовъ. Предположеніе, что рента и прибыль когда-нибудь могутъ быть «чрезмѣрными», или что ихъ избытокъ стоитъ въ связи съ избыткомъ народной нищеты, это, конечно, столь же «непочтительное» («irrespectable»), какъ и «нездоровое» («unsound») представленіе. Онъ держится за факты. Факты же говорятъ, что по мѣрѣ уменьшенія ирландскаго населенія, ренты увеличиваются, что уменьшеніе населенія «выгодно» землевладѣльцу, выгодно, слѣдовательно, и почвѣ, а потому, и народу, который составляетъ лишь принадлежность почвы. Онъ заявляетъ, что Ирландія все еще перенаселена, и что потокъ эмиграціи течетъ все еще слишкомъ медленно. Чтобы быть вполне счастливой, Ирландія должна освободиться еще по крайней мѣрѣ отъ 1/3 милліона рабочихъ. Не надо, однако, думать, что этотъ вдобавокъ поэтическій лордъ—врачъ изъ школы Sangrado, который каждый разъ, когда онъ не замѣчалъ улуч-

¹⁸⁹⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1867», 96. 97. «Such is Irish life and such are Irish wages». Инспекторъ Baker по этому поводу дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Само собой напрашивается сравненіе этого ловкаго-ремесленника, пьющаго болѣзненный видъ, съ пуддлеромъ южнаго Стаффордшира, цвѣтушимъ и мускулистымъ, — заработная плата которыхъ равняется доходу многихъ gentlemen'овъ и ученыхъ и часто его превосходить, но которые несмотря на это, по своему духовному развитію и по своему поведенію, остаются на уровнѣ людей, просящихъ милостыню».

*) Марксъ не вполне точно цитируетъ знаменитыя слова Гетевскаго Мефистофеля: «Es ist gar hübsch von einem grossen Herrn so menschlich mit dem Teufel selbst zu sprechen».

шенія у своего паціента, предписывать кровопусканіе, и снова кровопусканіе, пока, наконецъ, паціентъ выѣстъ со всей своей кровью, не теряя также и своей болѣзни. Лордъ Dufferin требуетъ только одного кровопусканія въ $\frac{1}{3}$ милліона людей, выѣсто какихъ-нибудь 2 милліоновъ, кровопусканія, безъ котораго дѣйствительно невозможно установленіе земного рая на Эрриѣ. Доказательство этому легко представить.

Число и размѣръ фермъ въ Ирландіи въ 1864 г.

1. Фермы размѣромъ не больше 1 акра.		2. Фермы размѣромъ больше 1 акра, но не больше 5 акр.		3. Фермы размѣромъ больше 5, но не боль- ше 15 акр.		4. Фермы размѣромъ больше 15, но не больше 30 акр.	
Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.
48.653	25.394	82.037	288.916	176.368	1.836.310	136.578	3.051.343
5. Фермы размѣромъ больше 30, но не больше 50 акр.		6. Фермы размѣромъ свыше 50, но не свыше 100 акр.		7. Фермы размѣромъ свыше 100 акр.		8. Общая площадь.	
Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.		
71.961	2.906.274	54.217	3.983.880	31.927	8.227.807	20.319.924 акра ¹⁸⁶⁴ а)	

Централизованіе уничтожила отъ 1851 г. до 1861 г., главнымъ образомъ, фермы первыхъ трехъ категорій, ниже 1 и не свыше 15 акровъ. Онѣ должны исчезнуть прежде всего. Это составляетъ 307.058 «лишнихъ» фермеровъ, а считая семейство, по самому низкому расчету, среднимъ числомъ въ 4 человѣкъ—1.228,232 человѣка. При невѣроятномъ предположеніи, что $\frac{1}{4}$ изъ нихъ будутъ поглощены, т. е. найдутъ себѣ занятіе послѣ земледѣльческаго переноса, всетаки остается 921.174 человѣка, которые должны эмигрировать. Категоріи 4, 5, 6, свыше 15, но не свыше 100 акровъ, какъ это давно вѣдомо въ Англіи, слишкомъ малы для капиталистическаго зернового хозяйства, для овцеводства же они составляютъ слишкомъ малые вѣзичпы. При прежнихъ предположеніяхъ должны, слѣдовательно, выселиться еще 788.761 человѣкъ, въ общемъ: 1.709.532. А такъ какъ l'appetit vient en mangeant, то крупные земледѣльцы скоро найдутъ, что Ирландія и съ $3\frac{1}{2}$ милліонами жителей слишкомъ еще нищая страна, и нищія вслѣдствіе перенаселенности, что уменьшеніе ея населенія должно, слѣдовательно, пойти еще дальше для того, чтобы она могла выполнить истинное свое назначеніе, т. е. стать выгономъ для англійскихъ овецъ и пастбищемъ для англійскаго рогатаго скота.

¹⁸⁶⁴а) Въ общую площадь включены также торфяныя болота и пустыри.

Этотъ прибыльный методъ питеть, какъ и все хорошее ^{188b)} въ семь мірѣ, и свою дурную сторону. Параллельно съ накопленіемъ поземельной ренты въ Ирландіи влетъ накопленіе ирландцевъ въ Америкѣ. Ирландецъ, вытѣсненный овцами и быками, появляется по ту сторону океана въ качествѣ фенія. И противъ старой владычицы морей возстаетъ все болѣе и болѣе грозно юная испанская республика.

*Acerba fata Romanos agunt
Scelusque fraternae necis.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Такъ называемое первоначальное накопленіе.

1) Тайна первоначальнаго накопленія.

Мы видѣли, какъ деньги превращаются въ капиталъ, какъ капиталъ производитъ прибавочную цѣнность и какъ послѣдняя превращается въ добавочный капиталъ. Но накопленіе капитала предполагаетъ прибавочную цѣнность, прибавочная цѣнность—капиталистическое производство, это же послѣднее—наличность большихъ массъ капитала и рабочей силы въ рукахъ товаропроизводителей. Все это движеніе какъ бы вертится въ заколдованномъ кругѣ, изъ

^{188b)} Въ третьей книгѣ этого сочиненія, въ отдѣлѣ о поземельной собственности, я подробно укажу, какъ отдѣльные землевладѣльцы и англійское законодательство старались эксплуатировать голодъ и сопровождавшія его обстоятельства, чтобы насильственно провести переворотъ въ земледѣліи и уменьшить населеніе Ирландіи до развѣтровъ, выгодныхъ для лэндлордовъ. Тамъ же я вернусь еще къ положенію мелкихъ фермеровъ и сельскихъ рабочихъ. Здѣсь же я приведу только одну цитату. Назван W. Senior говорить, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ произведеній: «*Journals, Conversations and Essays relating to Ireland* 2 vols London, 1838», v. II, p. 283: «Dr. G. справедливо замѣчаетъ, что у насъ есть законъ о бѣдныхъ, который представляетъ великозѣнное средство доставить торжество лэндлордамъ; другимъ такимъ средствомъ является эмиграція. Ни одинъ другъ Ирландіи не пожелаетъ, чтобы борьба (между лэндлордами и мелкими кельтскими фермерами) втянулась, — еще менѣе, чтобы она окончилась побѣдой фермеровъ... Чѣмъ скорѣе она (эта борьба) кончится, чѣмъ скорѣе Ирландія превратится въ пастбища (*grazing country*) съ сравнительно незначительнымъ населеніемъ, которое требуется для пастбищъ, тѣмъ лучше для всѣхъ классовъ». Англійскіе хлѣбные законы 1815 г. обезпечивали Ирландіи монополію свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію. Они, такимъ образомъ, искусственно покровительствовали производству зерна. Эта монополія въ 1846 г., съ отміной хлѣбныхъ законовъ, была внезапно уничтожена. Независимо отъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, одно что событіе было достаточно для того, чтобы дать сильный толчокъ превращенію въ Ирландіи пахатныхъ земель въ пастбища, концентраціи фермъ и изгнанію мелкихъ крестьянъ. Послѣ того, какъ съ 1815—1846 г. постоянно перевозили плодородіе ирландской почвы, громко заявляли, что она самой природой предназначена только для культуры пшеницы, съ 1847 года англійскіе агрономы, экономисты, попи-

котораго мы можемъ выйти не иначе, какъ допустивъ существованіе какого то «первоначальнаго» накопленія («previous accumulation у Ал. Смита»), существовавшего капиталистическому накопленію и лгвющагося не результатомъ капиталистическаго способа проиваодства, а его исходной точкой.

Это первоначальное накопленіе играетъ въ политической экономіи приблизительно такую же роль, какъ грѣхъопаденіе въ теологіи. Адамъ вкусилъ отъ яблока, и такимъ образомъ грѣхъ вошелъ въ родъ человѣческой. Происхожденіе этого накопленія объясняется анекдотомъ изъ временъ сѣдой старины. Въ давно прошедшія времена были, съ одной стороны, трудолюбивые, умные и прежде всего бережливые избранники, съ другой, лѣнивые бездѣльники, проживавшіе все свое достояніе и даже того больше. Легенда теологическаго грѣхъопаденія, разсказываетъ намъ, какъ человѣкъ былъ осужденъ въ потѣ лица своего жѣть хлѣбъ свой, исторія экономическаго грѣхъопаденія раскрываетъ намъ, откуда изылись люди, которые въ этомъ вовсе не нуждаются. Бережливые накопили богатство, лѣнивымъ же, наконецъ, нечего было продавать, кромѣ своей собственной шкуры. И съ этого-то грѣхъопаденія и начинается бѣдность массъ, которымъ и теперь еще, несмотря на весь ихъ трудъ, нечего продавать, кромѣ себя самихъ, и богатство немногихъ, которое постоянно возрастаетъ, хотя они давно уже перестали работать. Подобныя дѣтскія сказки разсказываетъ съ серьезностью государственнаго человѣка, напр., Тьеръ нѣкогда столь остроумнымъ французамъ въ защиту *propriété*. Очевидно, какъ только подымается вопросъ о собственности, становится священной обязанностью придерживаться точки зрѣнія дѣтской азбуки, какъ единственной отвѣчающей всѣмъ возрастамъ и всѣмъ ступенямъ развитія точки зрѣнія^{180c}). Въ дѣйствительной исторіи, какъ извѣстно, завоеванія, порабощеніе, грабежъ, однимъ словомъ, насилие играютъ большую роль. Но въ кроткой политической экономіи всегда царствовала идиллія. Право и «трудъ» всегда были единственными средствами обогащенія, конечно, за единственнымъ исключеніемъ «текущаго года». На самомъ же дѣлѣ способы первоначальнаго накопленія представляютъ все, что угодно, только не идиллію.

Деньги и товаръ не суть съ самаго начала капиталъ, подобно тому, какъ не являю тся имъ средства производства и существованія. Они еще должны превратиться въ капиталъ. Но превращеніе это можетъ произойти только при извѣстныхъ условіяхъ, которыя сводятся къ слѣдующему. Двоякаго рода товаровладѣльцы, другъ отъ друга отавчивые, должны встрѣтиться и вступить въ соприкосовеніе, съ

тѣмъ вдругъ открыли, что почва эта пригодна только для разведенія кормовыхъ травъ! Господинъ Léonce de Lavergne поспѣшилъ повторить это по ту сторону канала. Только такой «серьезный» человѣкъ, какъ de Lavergne, могъ повѣрить подобнымъ дѣтскимъ сказкамъ.

^{180c}) Гете, раздраженный этой чушью, высчитываетъ ее въ слѣдующемъ діалогѣ:

Школьный учитель: Скажи, откуда явлось состояніе твоего отца?

Ученикъ: Отъ дѣда.

Школьный учитель: А дѣду откуда оно досталось?

Ученикъ: Отъ прадѣда.

Школьный учитель: А прадѣду?

Ученикъ: Онъ его ваялъ.

одной стороны, владѣльцы денегъ, средствъ производства и существованія, которые желаютъ покупкою чужой рабочей силы увеличить принадлежащую имъ сумму лѣтностей, съ другой стороны, свободные рабочіе, продавцы собственной рабочей силы и въ силу этого продавцы труда, рабочіе, свободные—въ двоякомъ смыслѣ: они сами не принадлежатъ непосредственно къ средствамъ производства, въ отличіе отъ рабовъ, крѣпостныхъ и т. д., и въ то же время имѣ, въ отличіе отъ крестьянъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство, и т. д., не принадлежатъ средства производства, т. е., они совершенно свободны отъ этихъ средствъ производства. Эта поляризація товарнаго рынка составляетъ основное условіе капиталистическаго производства. Отношеніе, именуемое капиталомъ, предполагаетъ отдѣленіе рабочаго отъ условій осуществленія труда. Разъ капиталистическое производство стоитъ прочно на собственныхъ ногахъ, оно не только сохраняетъ это отдѣленіе, но и воспроизводитъ его все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Процессъ, создающій отношеніе, именуемое капиталомъ, не можетъ, слѣдовательно, быть ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ отдѣленія рабочаго отъ условій его труда, процессомъ, превращающимъ, съ одной стороны, общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой стороны—непосредственныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ. Такъ называемое первоначальное накопленіе есть, слѣдовательно, не что иное, какъ историческій процессъ раздѣленія производителя и средствъ производства. Онъ является «первоначальнымъ», такъ какъ составляетъ доисторическій періодъ существованія капитала и соответствующаго капиталу способа производства.

Экономическая структура капиталистическаго общества произошла изъ экономической структуры феодальнаго общества. Распаденіе послѣдняго освободило элементы перваго.

Непосредственный производитель, рабочій, только тогда могъ располагать своей собственной личностью, когда онъ пересталъ быть прикрепленнымъ къ землѣ—пересталъ принадлежать другому лицу въ качествѣ крѣпостного или зависимаго. Чтобы стать свободнымъ продавцомъ рабочей силы, могущимъ предлагать свой товаръ вездѣ, гдѣ на него есть спросъ, онъ долженъ былъ кромѣ того, сначала освободиться отъ господства цеховъ съ ихъ уставами объ ученикахъ и подмастерьяхъ и со всевозможными стѣснительными для труда предписаніями. Такимъ образомъ, историческое движеніе, превратившее производителей въ наемныхъ рабочихъ, является, съ одной стороны, освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и отъ подчиненія цеху,—и только эта сторона и существуетъ для нашихъ буржуазныхъ историковъ. Но, съ другой стороны, эти вновь освобожденные только тогда начинаютъ продавать самихъ себя, когда у нихъ отнимаются всѣ средства производства и всѣ гарантіи существованія, предоставленныя имъ старыми феодальными учрежденіями. И исторія этой экспроприаціи записана огнемъ и кровью въ лѣтописяхъ человечества.

Промышленные капиталисты, эти новые владыки, должны были вытѣснить не только цеховыхъ мастеровъ, но и феодальныхъ дворянъ, обладавшихъ источниками богатства. Съ этой стороны ихъ подъемъ является результатомъ побѣдосной борьбы противъ феодальнаго могущества съ его возмущительными

привлеченіямъ и противъ цеховъ и тѣхъ путей, которыми они сковывали свободное развитіе производства и свободную эксплуатацію человѣка человекомъ. Но рыцари промышленности вытѣснили рыцарей меча лишь потому, что они эксплуатировали событія, въ которыхъ они были неповинны. Они возвысились такими же низкими средствами, какими нѣкогда римскіе возноотпущенники становились господами своихъ патроновъ.

Исходнымъ пунктомъ развитія, породившаго какъ капиталиста, такъ и наемнаго рабочаго, было рабство рабочаго. Прогрессъ состоялъ въ перемѣнѣ формы этого рабства, въ превращеніи феодалской эксплуатаціи въ капиталистическую. Чтобы понять ходъ этого развитія, намъ незначѣтъ идти очень далеко назадъ. Хотя первые зачатки капиталистическаго производства мы уже встрѣчаемъ эпизодически въ XIV и XV столѣтіяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ на берегахъ Средиземнаго моря, но капиталистическая эра начинается только въ XVI столѣтіи. Тамъ, гдѣ выступаетъ капиталистическое производство, уничтоженіе крѣпостного права представляетъ уже давно совершившійся фактъ, и суверенные города, самый блестящій продуктъ среднихъ вѣковъ, уже давно клонятся къ упадку.

Въ исторіи первоначальнаго накопленія эпоху составляютъ всѣ перевороты, которые содѣйствуютъ подъему образующагося класса капиталистовъ, но прежде всего рѣшающее значеніе имѣютъ тѣ моменты, когда большія массы людей, внезапно и насильственно оторванныхъ отъ своихъ средствъ существованія, выбрасываются какъ вольныя птицы — пролетаріи на рабочій рынокъ. Отнятіе земли у сельскаго производителя, крестьянина, составляетъ основаніе всего процесса. Исторія этой экспроприаціи принимаетъ въ различныхъ странахъ различную окраску и проходитъ черезъ различныя фазы въ различной послѣдовательности и въ различныя историческія эпохи. Только въ Англіи, которую мы, поэтому, и беремъ какъ примѣръ она получила свою классическую форму ¹⁸⁹⁾.

2. Отнятіе земли у сельскаго населенія.

Въ Англіи крѣпостное право фактически исчезло во второй половинѣ XIV-го столѣтія. Огромное большинство населенія ¹⁹⁰⁾ состояло тогда и еще болѣе въ

¹⁸⁹⁾ Въ Италіи, гдѣ капиталистическое производство появилось раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, крѣпостныя отношенія исчезли также раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Крѣпостные были здѣсь освобождены раньше, чѣмъ они обезпечили себѣ право давности на землю, на которой они жили. Эмансипація превратила ихъ, слѣдовательно, тотчасъ же въ свободныхъ какъ птицы пролетаріевъ, которые по большей части нашли новыхъ господъ въ городахъ, оставшихся еще со временъ Римлянъ. Когда, переворотъ, пріисшедшій на міровомъ рынокъ въ концѣ XV-го столѣтія, уничтожилъ торговую гегемонію сѣверной Италіи, то возникло движеніе въ обратномъ направленіи. Городскіе рабочіе массы были вытѣснены въ деревни, что привело къ невиданному дотошъ развитію мелкой культуры, огороднаго хозяйства.

¹⁹⁰⁾ Мелкіе землевладѣльцы, которые сами обрабатывали свои поля и пользовались скромнымъ благосостояніемъ... составляли тогда гораздо болѣе значительную часть націи, чѣмъ теперь... Не менѣе 160.000 землевладѣльцевъ, которые вѣсть со своими семействами составляли больше 1/2 части общаго населенія, жили хозяйствомъ на своихъ надѣлахъ Freehold (Freehold—это полная земельная собствен-

XV-мъ столѣтіи изъ свободныхъ самостоятельно хозяйствующихъ крестьянъ, за какими-бы феодальными вывѣсками ни скрывалось ихъ право собственности. Въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ помѣщичій приказчикъ, прежде самъ крѣпостной (bailliff, Vogt), былъ вывѣщенъ свободнымъ фермеромъ. Наемные земледѣльческіе рабочіе состояли частью изъ крестьянъ, которые въ свободное время занимались на работы къ крупнымъ землевладѣльцамъ, частью же изъ особаго, относительно и абсолютно немногочисленнаго, класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Но и послѣдніе фактически были также самостоятельными хозяевами-крестьянами, такъ какъ кромѣ платы они получали коттэджъ и 4 и болѣе акровъ пашни. Кромѣ того они пользовались вмѣстѣ съ настоящими крестьянами общественными землями, гдѣ пасся ихъ скотъ, и съ которыхъ они доставали себѣ дрова, торфъ и т. п. средства отопленія ¹⁰¹⁾. Во всей Европѣ феодальное производство характеризуется раздѣленіемъ земель между возможно большимъ числомъ подчиненныхъ поселеній. Могущество феодальнаго барона, какъ и всякаго государя, основывалось не на величинѣ его ренты, но на числѣ его подданныхъ, послѣднее же зависѣло отъ числа самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ ¹⁰²⁾. Поэтому, хотя послѣ норманнскаго завоеванія вся земля Англіи была раздѣлена на огромныя баронства, изъ которыхъ одно часто состояло изъ 900 прежнихъ англосаксонскихъ лордствъ, тѣмъ не менѣ Англія была покрыта цѣлою сѣтью маленькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, сѣтью, лишь тамъ и сямъ прорываемой крупными помѣщичьими имѣніями. Подобныя условія въ связи съ процвѣтаніемъ городовъ, характеризующимъ XV-ое столѣтіе, допускали то народное богатство, которое столь краснорѣчиво описалъ канцлеръ Fortescue въ своихъ «*Laudibus Legum Angliae*», но исключали капиталистическое богатство.

Прологъ переворота, создавшаго основаніе для капиталистическаго способа производства, относится къ послѣдней трети XV-го столѣтія и къ первымъ десятилѣтіямъ XVI-го. Распушеніе феодальныхъ дружинъ, которыя по вѣрному

посты). Средній доходъ этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ составлялъ отъ 60 до 70 ф. ст. Было вычислено, что число тѣхъ, которые обрабатывали собственную землю, было больше числа фермеровъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ». (Macaulay, *Hist. of England*. 10-th ed. London 1854., I 333—34.—Еще въ послѣдней трети XVII-го столѣтія ^{1/4} англійскаго населенія были землевладѣльцы. (I. с. 413).—Я цитирую Макюлая, такъ какъ онъ, въ качествѣ систематическаго фальсификатора исторіи, по возможности замалчиваетъ подобнаго рода факты.

¹⁰¹⁾ Никогда не слѣдуетъ забывать, что даже крѣпостной является не только собственникомъ принадлежащаго къ его дому участка земли, правда собственникомъ, обязаннымъ платить нѣвѣстныя повинности, но и однимъ изъ владѣльцевъ общинной земли. «Крестьянинъ здѣсь (въ Силезіи) крѣпостной». Тѣмъ не менѣ эти крѣпостные владѣютъ общинными землями. «До сихъ поръ не возможно еще было склонить Силезцевъ раздѣлить общинныя земли между тѣмъ какъ въ Неймаркѣ нѣтъ деревни, гдѣ этотъ раздѣлъ не былъ бы произведенъ съ величайшимъ успѣхомъ». (Mirabeau: «*De la Monarchie Prussienne*. London. 1788», t. II, p. 125, 126).

¹⁰²⁾ Японія со своей чисто феодальной организаціей землевладѣнія и со своимъ равнаннымъ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ даетъ гораздо болѣе вѣрную картину европейскихъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ всѣ наши историческія сочиненія, писанныя большей частью подъ диктовку буржуазныхъ предразсудковъ. Очень ужъ удобно быть «либеральнымъ» насчетъ среднихъ вѣковъ.

замѣчанію Sir James Stewart'a «ведетъ бесполезно наполняли дома и дворы», выбросило на рабочій рынокъ массу свободныхъ, какъ птицы, пролетаріевъ. Хотя королевская власть, являющаяся сама продуктомъ развитія буржуазіи, въ своемъ стремленіи къ неограниченной власти и ускорила насильственно распушеніе этихъ дружинъ, но она не была его единственной причиной. Сами крупные феодалы въ своей упорной борьбѣ противъ королевской власти и парламента создали гораздо большій пролетаріатъ насильственнымъ изгнаніемъ крестьянъ съ тѣхъ земель, на которыя крестьяне имѣли такія же права, какъ и ихъ господа, и захватомъ ихъ общественныхъ земель. Въ Англіи непосредственный толчокъ къ этому дали расцвѣтъ фландрской шерстяной промышленности и стоявшее въ связи съ нимъ повышение цѣны на шерсть. Старое феодальное дворянство пожрали крупныя феодальныя войны, новое же дворянство было дѣтя своего вѣка, и для него деньги были самой могущественной силой. Превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища стало его лозунгомъ. Въ своемъ «Description of England. Prefixed to Holinshed's Chronicles» Harrison описываетъ, какъ экспроприація мелкихъ крестьянъ разоряетъ страну. «What sate our great incroachers» (Какое до этого дѣло нашимъ узурпаторамъ?). Жилища крестьянъ и коттеджи рабочихъ были либо насильственно уничтожены, либо предоставлены естественному разрушенію. «Если мы сравнимъ прежнія описи дворянскихъ имѣній», говоритъ Harrison, «то мы найдемъ, что безчисленное множество домовъ и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ исчезли, что страна прокармливаетъ гораздо меньше людей, что многіе города пришли въ упадокъ, хотя нѣкоторые новые стали процвѣтать... Я могъ бы многое разсказать о городахъ и селахъ, уничтоженныхъ ради пастбищъ для овецъ». Жалобы такихъ старыхъ хроникъ всегда преувеличены, но онѣ точно характеризуютъ впечатлѣніе, произведенное на современниковъ переворотомъ въ производственныхъ отношеніяхъ. Сравненіе сочиненій канцлеровъ Фортескью и Томаса Мора даетъ намъ наглядное представленіе о той пропасти, которая отдѣляетъ XV-ое столѣтіе отъ XVI-го. Изъ своего золотого вѣка англійскій рабочій классъ, по вѣрному замѣчанію Торнтонъ, былъ безъ всякаго перехода низвергнутъ въ вѣкъ желѣзный.

Законодательство испугалось этого переворота. Оно не стояло еще на той высотѣ цивилизаціи, на которой «Wealth of Nation», т. е. образованіе капитала и безпощадная эксплуатация и объединеніе народныхъ массъ считаются верхомъ (ultima Thule) государственной мудрости. «Около этого времени (1489) увеличилось число жалобъ на превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища (для овецъ и т. д.), требующія только присмотра нѣсколькихъ пастуховъ», говоритъ Бэконъ въ своей Исторіи Генриха VIII, и аренды срочныя, пожизненныя и погодныя (которыя жила большая часть усадебъ) были превращены въ господскія вѣчныя. Это повело къ упадку народа, и вслѣдствіе этого къ упадку городовъ, церквей, къ уменьшенію десятины... Средства, придуманныя для уничтоженія этого зла, свидѣтельствуютъ о замѣчательной мудрости короля и парламента... Они приняты мѣры противъ этой узурпаціи общественныхъ земель, ведущей къ опустошенію (depopulating inclosures), и противъ сопровождающаго ее развитія пастбищнаго хозяйства, также ведущаго къ опустошенію (depopi-

lating pasture») Актомъ Генриха VII, 1489 г. с. 19, запрещалось разрушеніе нѣкихъ крестьянскихъ домовъ, въ которыхъ принадлежало по крайней мѣрѣ 20 акровъ земли. Актъ 25, Генриха VIII этотъ законъ былъ возобновленъ. Тамъ, между прочимъ, говорится, что «многія фермы и большія стада, особенно овецъ, скопляются въ немногихъ рукахъ, вѣдѣніе чего земельныя ренты сильно увеличиваются, земледѣіе (tillage) приходитъ въ упадокъ, перья и дома разрушаются, огромныя массы людей лишаются возможности содержать себя, и свои семейства». Законъ поэтому предписываетъ возстановленіе пришедшихъ въ упадокъ дворовъ, опредѣляетъ отношеніе между пашней и пастбищемъ и т. д. Актъ 1533 г. жалуется на то, что нѣкоторые нѣдѣльцы имѣютъ 24.000 овецъ, и ограничиваетъ ихъ число 2.000 ¹⁹²⁾. Но жалобы народа и законодательство, которое съ царствованія Генриха VIII въ продолженіе 150 лѣтъ было направлено противъ экспроприаціи мелкихъ фермеровъ и крестьянъ, была одинаково безплодны. Секретъ ихъ безплодности безсознательно открываетъ намъ Бэконъ. «Актъ Генриха VIII», говоритъ онъ въ своихъ «Essays, civil and moral» Sect. 20, «былъ глубокъ и достоинъ удивленія, такъ какъ онъ создавалъ хозяйства и дворы опредѣленной нормальной величины, т. е. обеспечивалъ земледѣльцамъ такое количество земли, которое давало имъ возможности производить на себѣ подданныхъ, пользующихся порядочнымъ благосостояніемъ, не холошовъ, людей, которые воздѣлываютъ свои поля сами, а не съ помощью наемнаго труда» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings») ¹⁹³⁾. Капиталистическая же система требовала, наоборотъ, холопскаго положенія народной массы, превращенія ея самой въ всемыковъ, а средствъ ея труда—въ капиталъ. Во время этого переходнаго періода законодательство старалось также сохранить при коттаджъ сельскаго наемнаго рабочаго 4 акра земли и запрещало ему принимать въ свой коттаджъ жильцовъ. Еще въ 1627 г., при

¹⁹²⁾ Въ своей «Utopia» Томасъ Моръ говоритъ объ удивительной странѣ, «гдѣ овцы поѣдаютъ людей». Utopia, transl. Robinson, ed. Arbor, London. 1860, p. 41.

¹⁹³⁾ Бэконъ объясняетъ связь между свободнымъ вѣнаточнымъ крестьянствомъ и хорошей инфантеріей. «Для могущества и прочности королевства было необыкновенно важно имѣть фермы значительныхъ размѣровъ, чтобы поддерживать безбѣдное существованіе дѣльных и способныхъ людей и удерживать значительную часть земель королевства во владѣніи Yeomanry или людей, занимающихъ среднее положеніе между дворянами и бобылями (cottagers) и батраками... Ибо общее мнѣніе самыхъ компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, что... главная сила арміи состоитъ въ инфантеріи или пѣхотѣ. Но чтобы образовывать хорошую инфантерію нужны люди, которые выросли не въ рабствѣ и суждѣ, а свободно и при извѣстномъ благосостояніи. Въ государствѣ же, которое состоитъ изъ дворянъ и свѣтскихъ людей, между тѣмъ какъ поселяне и вѣдѣльцы лишь рабочіе или сельскіе батраки дворянъ, или бобыли, т. е. имѣющіе свой домъ и нѣщие, будетъ хорошая копница, но никогда не будетъ хорошей, вѣрной пѣхоты... Мы видимъ это на примѣрѣ Франціи и Италиіи и въ-которыхъ другихъ странахъ, состоящихъ только изъ дворянъ и жалкихъ крестьянъ... онѣ принуждены содержать банды швейцарскихъ и др. наемниковъ для своей инфантеріи. Эти націи, въ силу того, имѣютъ много населенія и мало солдатъ». «The Reign of Henry VIII etc. Verbatim Reprint from Kennets England, ed 1719, Lond. 1870», p. 308).

Яковъ I Roger Crocker въ Front Mill былъ осужденъ за постройку коттеджа, при которомъ не находилось 4 акровъ земли; еще въ 1638 г., при Карлѣ I была назначена королевская коммисія, чтобы вынудить исполненіе старыхъ законовъ, въ томъ числѣ и закона о 4 акрахъ земли; еще Кромвель запретилъ строить на разстояніи 4 миль отъ Лондона дома, при которыхъ не было бы участка земли въ 4 акра. Еще въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія слышались жалобы, если при коттеджахъ сельскихъ рабочихъ не выдѣлится отъ 1 до 2 акровъ земли. Въ настоящее время эти рабочіе считаютъ себя счастливыми, если при коттеджѣ находится садикъ, или если на вѣкоторомъ разстояніи отъ него можно нанять клочокъ земли. «Земледѣльцы и фермеры дѣйствуютъ здѣсь за одно», говоритъ Dr. Hunter, «Нѣсколько акровъ земли при коттеджѣ сдѣлали бы рабочаго слишкомъ независимымъ» ¹⁹⁴⁾.

Реформація и послѣдовавшее за нею колоссальное расхищеніе церковныхъ имуществъ дало новый ужасный толчокъ процессу экспроприаціи народной массы въ XVI-мъ столѣтіи. Католическая церковь во время реформаціи была феодальной владѣтельницей значительной части англійской земли. Уничтоженіе монастырей и т. д. превратило ихъ жителей въ пролетаріевъ. Церковныя имѣнія были по большей части раздарены хитрыми королевскимъ любимцамъ или проданы за бездѣлю спекулянтамъ-фермерамъ и горожанамъ, которые пазовали массами старыхъ наследственныхъ держателей-крестьянъ и соединяли ихъ хозяйства въ большіе участки. Гарантированное закономъ право обдѣланныхъ крестьянъ на извѣстную долю церковной десятины было молчаливо конфисковано ¹⁹⁵⁾. «Pauper ubique jacet» (вездѣ—бѣдные) воскликнула королева Елизавета послѣ своего путешествія Англіи. Въ 43-ій годъ ея царствованія, наконецъ принуждены были официально признать науперизмъ введеніемъ налога въ пользу бѣдныхъ. «Авторы этого закона стыдились высказать мотивы его изданія и поэтому они, противно всѣмъ обычаямъ, обнародовали его безъ всякаго preamble (вступленія)» ¹⁹⁶⁾. Актомъ 16 Карла I, 4 законъ этотъ былъ объявленъ постояннымъ и въ самомъ дѣлѣ лишь въ 1834 г. получилъ новую болѣе строгую форму ¹⁹⁷⁾. Это непосред-

¹⁹⁴⁾ Dr. Hunter l. с. р. 134. — «Количество предоставленной (по старымъ законамъ) земли сочли бы въ настоящее время слишкомъ большимъ для сельскихъ рабочихъ и болѣе подходящимъ для мелкихъ фермеровъ». (George Roberts: «The Social History of the People of the Southern Counties of England in past centuries. Lond. 1856», 184, 185).

¹⁹⁵⁾ «Право бѣдныхъ получать часть десятины установлено древними статутами». (Tuckett l. с. v. II, p. 804, 805).

¹⁹⁶⁾ William Cobbett: A History of the Protestant Reformation, § 471.

¹⁹⁷⁾ Протестантскій «духъ» проявляется въ слѣдующемъ. На югѣ Англіи нѣсколько землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ составили тайное совѣщаніе и выработали относительно правильнаго толкованія закона Елизаветы о бѣдныхъ 10 вопросовъ, которые они предложили на рассмотрѣніе видному юристу того времени, Sergeant Snigge (впослѣдствіи ставшему судьей при Яковѣ I). «Девятый вопросъ: Нѣкоторые богатые фермеры прихода придумали мудрый проектъ, которымъ устраниются всѣ затрудненія при выполненіи этого закона. Они предлагаютъ построить въ приходѣ тюрьму. Каждому бѣдному, который не захочетъ быть заключенъ въ тюрьму, будетъ отказано въ поддержкѣ. Затѣмъ будетъ объявлено въ

ственные послѣдствія реформаціи не были однако самыми важными. Церковная собственность составляла лишь религіозную твердыню старыхъ условій поземельной собственности. Съ ея надѣніемъ они не могли уже долго удержаться ¹²⁸⁾.

Еще въ концѣ XVIII-го столѣтія независимое крестьянство, Yeomanry, было многочисленнѣе класса фермеровъ. Оно составляло главную силу Кромвеля и представляло даже, по признанію Макалея, выгодную противоположность сивиллскимъ дворянчикамъ и ихъ прислужникамъ, сельскимъ священникамъ, которые должны были подводить подъ вѣнецъ барскихъ «любовницъ». Тогда еще и сельскіе наемные рабочіе были совладѣльцами общинныхъ земель. Около 1750 г. Yeomanry уже не существуетъ ¹²⁹⁾, а въ послѣднія десятилѣтія XVIII-го

окрестностяхъ, что если кто-нибудь захочетъ нанять бѣдныхъ этого прихода, то онъ долженъ въ опредѣленный день прислать запечатанное предложеніе съ указаніемъ самой низкой цѣны, по которой онъ хочетъ взять ихъ у насъ. Авторы этого проекта предполагаютъ, что въ окрестныхъ графствахъ есть люди, не желающіе работать и не имѣющіе ни средствъ, ни кредита, чтобы приобрести ферму или корабль съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность жить безъ труда («so as to live without labour»). Такіе люди будутъ склонны сдѣлать приходу очень выгодныя предложенія. Если иногда бѣдные, отдавшіе подъ опеку наемателя, умрутъ, то вина падеть на него, такъ какъ приходъ выполнитъ свои обязанности по отношенію къ этимъ бѣднымъ. Но мы опасаемся, что этотъ законъ не допускаетъ подобнаго рода благоумныхъ мѣръ (prudential measures); мы должны однако знать, что всѣ остальные freeholder'ы этого графства и сосѣднихъ присоединятся къ намъ, чтобы побудить своихъ членовъ нижней палаты предложить законъ, разрѣшающій заключеніе въ тюрьму и принудительный трудъ бѣдныхъ, такъ чтобы каждое лицо, сопротивляющееся заключенію, лишлось права на вспомошествованіе. Это, мы надѣемся, будетъ удерживать бѣдныхъ отъ требованія помощи («will prevent persons in distress from wanting relief»). (B. Blakey: «The History of Political Literature from the earliest times. Lond. 1855», v. II, p. 81, 85). Въ Шотландіи отмена крѣпостнаго права произошла нѣсколькими вѣками позже, чѣмъ въ Англіи. Еще въ 1693 г. Fletcher изъ Saltoun заявлялъ въ шотландскомъ парламентѣ: «Число нищихъ опредѣляется въ Шотландіи не менѣе чѣмъ въ 200,000. Единственное средство, которое я, республиканецъ по принципу, могу предложить, это возстановить прежнее крѣпостное состояніе и превратить въ рабовъ всѣхъ тѣхъ, которые неспособны заботиться о своемъ собственномъ существованіи». Точно такъ же Eden I. c., b. I, ch. I, p. 60, 61, говоритъ: «Пауперизмъ начинается съ освобожденія земледѣльцевъ... Мануфактура и торговля истинные родители нашихъ бѣдныхъ». Eden, такъ же какъ и пропитательный республиканецъ, ошибается только въ томъ отношеніи, что не уничтоженіе крѣпостнаго права, а уничтоженіе права земледѣльцевъ на землю превратило ихъ въ пролетаріевъ или въ пауперовъ. Англійскимъ законамъ о бѣдныхъ соответствуетъ во Франціи гдѣ экспроприація совершалась другимъ способомъ, ординансъ Moulins 1571 г. и эдиктъ 1656 г.

¹²⁸⁾ Rogers, хотя въ то время и профессоръ политической экономіи въ Оксфордѣ, этотъ центръ протестантской ортодоксальности, всотакъ въ своемъ предисловіи къ «History of Agriculture» подчеркиваетъ пауперизацію народныхъ массъ, явившуюся послѣдствіемъ реформаціи.

¹²⁹⁾ «A letter to sir T. C. Banbury, Bart.: On the High Price of Provisions. By a Suffolk gentleman. Ipswich 1795», p. 4. Даже фанатическій защитникъ системы крупнаго фермерства, авторъ «Inquiry into the Connection of large farms etc. Lond. 1773», p. 133, говоритъ: «Я сильно оплакиваю исчезновеніе нашей yeomanry, этого

столькія исчезъ всякій слѣдъ общиннаго землевладѣнія земледѣльцевъ. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ чисто экономическія причины переворота въ землѣдѣліи. Мы займемся его пассивными средствами.

Во время реставраціи Стюарты землевладѣльцы провели съ помощью законоподательства узурпацію, которая негдѣ на континентѣ совершилась безъ всякихъ законодательныхъ околнчностей. Они уничтожили феодальныя поземельныя отношенія, т. е. они сбросила съ себя всякія государственныя повинности, «вознаградивъ» государство налогами съ крестьянъ и со всей остальной массы народа, они присвоили себѣ современное право частной собственности на имѣнія, на которыя они имѣли только феодальное право и, наконецъ, издали законы о водвореніи (laws of settlement), которые, *mutatis mutandis*, оказали на англійскихъ крестьянъ такое же вліяніе, какъ указъ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство.

«Glorious Revolution» (достопаинная революція) дала господство вмѣстѣ съ Вильгельмомъ III Оранскимъ ²⁰⁰ дворянамъ и капиталистамъ, получателямъ прибавочной цѣнности. Они освятили новую эру колоссальнымъ расхищеніемъ тѣхъ государственныхъ имуществъ, которыя до тѣхъ поръ расхищались въ довольно скромныхъ размѣрахъ. Земли эти раздарились, или продавались за безцѣнокъ, или даже присоединялись къ частнымъ имѣніямъ посредствомъ простого захвата ²⁰¹. Все это происходило безъ малѣйшаго соблюденія какого-либо законнаго этикета. Присвоеніе такимъ мошенническимъ способомъ государственныхъ имуществъ и расхищеніе церковныхъ имуществъ, поскольку эти послѣднія не были снова утрачены во время республиканской революціи, положили основу современнымъ княжескимъ владѣніямъ англійской олигархіи ²⁰². Буржуазные капиталисты содѣйствовали этой операціи, между прочимъ, съ цѣлью превратить землю въ простой предметъ торговли,

класса, который дѣйствительно поддерживалъ независимость нашей націи; мнѣ грустно видѣть, что изъ земли попали теперь въ руки лордовъ-монополистовъ и мелкихъ фермеровъ, которые находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ вассалы, всегда готовые на всякое дурное дѣло по первому приказанію.

²⁰⁰) О личной нравственности этого буржуазнаго героя можно судить между прочимъ по слѣдующему: «Большія уступки земель въ Ирландіи Lady Orkney, въ 1695 г. представляютъ публичное доказательство любви короля и вліянія леди... Нѣжныя услуги lady Orkney, вѣроятно, были—*foeda laborum ministeria*». (By Sloane Manuscript Collection въ британскомъ музеѣ, Nr. 4.221. Манускриптъ озаглавленъ: «The character and behaviour of Klug William Sunderland etc. as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.» Онъ полонъ курьезовъ).

²⁰¹) Незаконное отчужденіе казенныхъ имуществъ, путемъ частью продажи, частью раздачи, составляетъ самую скандальную главу англійской исторіи... «громадное надувательство націи» (*gigantic fraud on the nation*). (F. W. Newman: «Lectures on Political Econ. Lond. 1851», p. 129, 130.)—(О томъ, какъ современные англійскіе крупныя землевладѣльцы приобрѣли свои владѣнія, см. въ частности: «Our old Nobility. By Noblesse Oblige. London 1879» Ф. Э.).

²⁰²) Стоитъ прочесть, напр. памфлетъ Е. Burke'a о герцогскомъ родѣ Bedford, отпрыскомъ котораго является Lord John Russel, «the tommt of liberalism».

расширять разбѣры крупнаго земледѣльческаго производства, увеличивать притокъ изъ деревень свободныхъ пролетаріевъ и т. д. Къ тому же новая поземельная аристократія была естественной союзницей новой банократіи, этой только что вылупившейся изъ яйца крупной финансовой клки, и крупныхъ мануфактуристовъ, опиравшихся тогда на покровительственныя пошлины. Англійская буржуазія дѣйствовала тогда такъ же правильно въ своемъ интересѣ, какъ и шведская городская буржуазія, которая, наоборотъ, рука объ руку съ своимъ экономическимъ оплотомъ, крестьянствомъ, помогала королю въ насильственномъ отнятій (Remption) коронныхъ земель изъ рукъ олигархіи (съ 1604 г. позже при Карлѣ X и Карлѣ XI).

Общинное землевладѣніе, — совершенно отличное отъ только что рассмотрѣнной государственной собственности — было древнегерманскимъ учрежденіемъ, продолжавшимъ существовать подѣ феодальными формами. Мы уже видѣли, какъ насильственная узурпація его, сопровождавшаяся, по большей части превращеніемъ пахатныхъ земель въ пастбища, началась въ концѣ XV-го и продолжалась въ XVI-мъ столѣтіи. Но тогда этотъ процессъ представлялъ лишь видивидуальные акты насилія, противъ которыхъ законодательство тщетно боролось въ продолженіи 150 лѣтъ. Прогрессъ XVIII-го столѣтія выражается въ томъ, что законъ самъ становится орудіемъ расхищенія народной земли, хотя крупные фермеры кромѣ того прибѣгаютъ еще къ своимъ особымъ частнымъ методамъ ²⁰³⁾. Парламентская форма грабежа это — «Bills for Inclosures of Commons» (законы объ огораживаніи общинныхъ земель), другими словами, декреты, которыми помѣщики сами дарятъ себѣ на правѣ частной собственности народную землю, т. е. декреты объ экспроприаціи народа. Sir F. M. Eden самъ опровергаетъ свою хитросплетенную защитительную рѣчь, въ которой онъ стремится изобразить общинную собственность какъ частную собственность крупныхъ землевладѣльцевъ, занявшихъ мѣсто феодальныхъ владѣльцевъ: онъ, съ одной стороны, требуетъ общаго парламентскаго закона «для огораживанія общинныхъ земель» и, стало быть, признаетъ, что необходимъ парламентскій coup d'état для ихъ превращенія въ частную собственность; а, съ другой стороны, требуетъ отъ законодательной власти «вознагражденія» для экспропрированныхъ бѣдняковъ ²⁰⁴⁾.

Между тѣмъ какъ всего независимыхъ Yeomen'овъ заняли tenants at-will, мелкие погодные сѣмщики, прпниженная и зависящая отъ произвола лэндлорда толпа, — систематическій грабѣжъ общинныхъ земель выстѣлъ съ расхищеніемъ государственныхъ имуществъ содѣйствовать увеличенію хозяйствъ и превращенію ихъ въ тѣ крупныя аренды, которыя въ XVIII-мъ столѣтіи называются «капитальными фермами» ²⁰⁵⁾.

²⁰³⁾ «Фермеры запрещаютъ cottager'амъ (бобыльямъ) содержать кромѣ самихъ себя какое бы то ни было живое существо подѣ тѣмъ предлогомъ, что если они будутъ содержать скотъ или птицу, то они будутъ красть кормъ изъ амбаровъ. Они говорятъ также, что для того, чтобы cottager'ы были прилежны, ихъ нужно держать въ бѣдности. Но въ дѣйствительности дѣло адѣсь въ томъ, что фермеры такимъ образомъ захватываютъ всѣ права на общественныя земли». («A Political Enquiry into the Consequences of enclosing Waste Lands 1785», p. 75).

²⁰⁴⁾ Eden I. c. Preface.

²⁰⁵⁾ «Capital farms». («Two Letters on the Flour Trade and the Dearthness of Corn. By a Person in Business. Lond. 1767», p. 19, 20).

или «купеческими» фермами ²⁰⁶⁾, а также «освобожденію» сѣльского населенія въ качествѣ пролетаріата для промышленности.

Однако въ XVIII-мъ столѣтіи еще не понимали въ такой мѣрѣ, какъ въ XIX вѣ, тождества между національнымъ богатствомъ и народною бѣдностью. Вслѣдствіе этого въ экономической литературѣ того времени вѣдась страстная полемика по поводу «inclosure of commons». Изъ многочисленнаго матеріала, имѣющагося у меня по этому вопросу, я приведу нѣкоторыя выдержки, которыя даютъ наглядное представленіе объ условіяхъ того времени.

«Во многихъ приходяхъ Herfordshire», пишетъ какой то сильно возмущенный авторъ, «24 фермы, занимающія среднимъ числомъ отъ 50—150 акровъ каждая, слиты въ 3 фермы» ²⁰⁷⁾. «Въ Northamptonshire'ѣ и Lincolnshire'ѣ огораживаніе общинныхъ земель производилось въ широкихъ размѣрахъ, и большинство имѣній, образовавшихся путемъ этихъ огораживаній, были превращены въ пастбища; вслѣдствіе этого во многихъ имѣніяхъ, гдѣ раньше было до 1.500 акровъ пашни, теперь нѣтъ и 50 акровъ пашни... Развалины прежнихъ домовъ, овиновъ, хлѣбовъ и т. д. составляютъ единственные сѣды, оставшіеся отъ прежнихъ обитателей. Сотни домовъ и семействъ во многихъ мѣстахъ сократились... до 8 или 10... Число землевладѣльцевъ въ большинствѣ приходоѡ, гдѣ огораживаніе произошло лишь 15 или 20 лѣтъ тому назадъ, очень незначительно по сравненію съ числомъ тѣхъ, которые обрабатывали эту землю, когда она не была еще огорожена Нерѣдко можно видѣть, что 4 или 5 богатыхъ гуртовщиковъ захватываютъ большія, недавно огороженные зордства, которыя раньше находились въ рукахъ 10—30 фермеровъ и столько же мелкихъ собственниковъ и крестьянъ. Всѣ они со своими семействами были выброшены изъ своихъ владѣній вмѣстѣ со многими другими семействами, которыя, благодаря имъ, находили занятія и возможность существованія» ²⁰⁸⁾. Не только впустѣ лежащія поля, но часто и такія земли, которыя воздѣлывались или сообща или за извѣстную плату, поступающую въ пользу общины, присвоивались сосѣдними лордами подъ предлогомъ огораживанія. «Я говорю вѣдь объ огораживаніи открытыхъ полей и уже воздѣланныхъ земель. Даже тѣ писатели, которые защищаютъ Inclosures, признаютъ, что послѣдніе увеличиваютъ монополію крупныхъ фермъ, возвышаютъ цѣны и производятъ опустѣніе... И даже огораживаніе лежащихъ впустѣ земель, которое происходитъ теперь, отнимаетъ у бѣдныхъ часть ихъ средствъ существованія и увеличиваетъ фермы и безъ того уже слишкомъ большія» ²⁰⁹⁾. «Если земля, говоритъ Dr. Price, попа-

²⁰⁶⁾ «Merchant farms». «An Inquiry into the Present High Prices of Provisions. Lond. 1767», p. 11, Note. Это хорошее анонимное сочиненіе принадлежит Rev. Nathaniel Forster.

²⁰⁷⁾ Thomas Wright. «A short address to the Public on the Monopoly of large farms. 1779», p. 2, 3.

²⁰⁸⁾ Rev. Addington: «Enquiry into the Reasons for or against enclosing open fields. Lond. 1772», p. 37—43 passim.

²⁰⁹⁾ Dr. R. Price l. c. v. II, p. 155. Слѣдуетъ прочитать Forster'a, Addington'a, Kent'a Price'a и James'a Anderson'a и сравнить жалкую болтовню сикофанта Mac Culloch'a въ его каталогѣ: The Literature of Political Economy. Lond. 1845.

даетъ въ руки нѣсколькихъ крупныхъ фермеровъ, то мелкіе фермеры (которыхъ онъ раньше называлъ «массой мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ, содержащихъ себя и свои семейства продуктами обрабатываемой ими земли, овицами, птицей, свиньями и т. д., пасущимися на общинной землѣ, и потому мало нуждающихся въ покупкѣ средствъ существованія») превратится въ людей, добывающихъ себѣ средства существованія трудомъ для другихъ и принужденныхъ покупать на рынкѣ все, что имъ необходимо... Будетъ совершаться, быть можетъ, больше труда, такъ какъ принужденіе къ труду будетъ сильнее, вырастутъ города и мануфактуры, такъ какъ туда выгонятъ больше людей, ищущихъ занятій. Въ такомъ направленіи естественно дѣйствуетъ и фактически уже въ продолженіе многихъ лѣтъ дѣйствовала концентрація фермъ въ этомъ королевствѣ»²¹⁰). Авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ общее дѣйствіе inclosures: «Въ общемъ, положеніе низшихъ классовъ народа почти во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилось, мелкіе землевладѣльцы и фермеры опустились до положенія поденщиковъ и наемниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе стало зарабатывать средства къ жизни въ этомъ состояніи»²¹¹). Дѣйствительно, захватъ общинныхъ земель и сопровождавшій его переворотъ въ земледѣліи произвели столь острое дѣйствіе на земледѣльческихъ рабочихъ, что, по словамъ самого Eden'a, между 1765 и 1780 гг. плата ихъ начала падать ниже minimum'a и должна была дополняться оффиціальнымъ вспомошествованіемъ бѣднымъ. «Ихъ плата,—говоритъ онъ,—была едва достаточна для удовлетворенія абсолютно необходимыхъ жизненныхъ потребностей».

Но послушаемъ на минуту еще одного защитника inclosures и противника Dr. Price'a. «Невѣрно, будто оущствіе происходитъ отъ того, что не позволяютъ больше людямъ расточать свой трудъ на открытыхъ поляхъ. . Если послѣ превращенія мелкихъ крестьянъ въ людей, принужденныхъ работать для другихъ, получается больше труда, то это представляетъ только выгоду, очень желательную для націи

²¹⁰) I. с. р. 147.

²¹¹) I. с. р. 159. Вспомнимъ древній Римъ. «Богатые завладѣли большею частью неподвластныхъ земель. Обстоятельства того времени внушали имъ увѣренность, что земли не будутъ у нихъ отняты; поэтому они покупали сосѣдніе участки бѣдныхъ частью съ ихъ согласія, частью же вопъ отнимали ихъ силою; такимъ образомъ, вмѣсто разбросанныхъ полей, они теперь обрабатывали обширныя владѣнія. Для земледѣлія и для скотоводства они употребляли рабовъ, такъ какъ свободные люди могли бы быть взяты у нихъ на военную службу. Владѣніе рабами было для нихъ еще выгодно въ томъ отношеніи, что послѣдніе, будучи освобождены отъ военной службы, могли спокойно размножаться и имѣли массу дѣтей. Такимъ образомъ, сильные завладѣли богатствомъ, и страна кишѣла рабами. Число же италійцевъ, наоборотъ, съ каждымъ днемъ уменьшалось подъ давленіемъ бѣдности, повинностей и военной службы. Въ мирное же время они были обречены на полнѣйшую бездѣятельность, такъ какъ всея землей владѣли богатые и употребляли для земледѣлія рабовъ вмѣсто свободныхъ людей». (Appian: Römische Bürgerkriege I. 7). Это мѣсто относится ко времени до изданія Лициніевыхъ законовъ. Военная служба, которая такъ сильно ускорила разореніе римскихъ плебеевъ, была также главнымъ средствомъ, которымъ Карлъ Великій искусственно ускорилъ превращенія свободныхъ германскихъ земледѣльцевъ въ зависимыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.

(къ которой, конечно, не принадлежать обезземленные)... Количество продукта будетъ больше, если нхъ соединенный трудъ будетъ прилагаться на одной фермѣ: такимъ образомъ, будетъ создаваться прибавочный продуктъ (*Surplus-produkt*) для мануфактуръ, и, соответственно количеству произведеннаго хлѣба, увеличится число мануфактуръ, этихъ золотыхъ розсыпей нашей страны». ²¹²⁾

Стоическое спокойствіе, съ которымъ эконоmistъ разсматривается самое святотатственное нарушеніе «священнаго права собственности» и самое грубое насилие надъ личностью, когда это необходимо для созданія основы капиталистическаго производства, обнаруживаетъ между прочимъ Sir F. M. Eden, являющийся къ тому же «филантропомъ» съ торійскою окраской. Цѣлый рядъ грабежей, жестокостей, народныхъ бѣдствій, сопровождавшихъ насильственную экспроприацію народа съ послѣдней трети XV-го до конца XVIII-го столѣтія, приводитъ его къ слѣдующему заключенію: «Необходимо было установить надлежащее (*due*) отношеніе между пахатной землею и пастбищемъ. Еще въ продолженіе всего XIV-го и большей части XV-го столѣтія 1 акръ пастбищъ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пахатной земли. Въ срединѣ XVI-го столѣтія отношеніе это измѣнилось такъ, что 2 акра пастбищъ приходилось на 2 акра пашни, позднѣе, 2 акра пастбищъ на 1 акръ пашни, пока, наконецъ, не установилось надлежащее отношеніе—3 акра пастбищъ на 1 акръ пашни».

Въ XIX-мъ столѣтіи потерялось даже всякое воспоминаніе о связи между земледѣльцемъ и общинной земельной собственностью. Не говоря уже о позднѣйшемъ времени, получили ли земледѣльцы хоть одинъ фартингъ вознагражденія за тѣ 3.511.770 акровъ общинной земли, которые были похищены у нихъ между 1801 и 1831 г. и въ силу парламентскихъ актовъ пожарены лэнд-лордами лэндлордамъ?

Наконецъ, послѣднимъ крупнымъ процессомъ экспроприаціи земель у крестьянъ является такъ-называемое *Clearing of Estates* (очищеніе имѣній, въ дѣйствительности—изгнаніе изъ послѣднихъ людей). Это «очищеніе» увѣнчало собой все до сихъ поръ разсмотрѣнные англійскіе методы. Какъ мы уже вѣдали въ предыдущемъ отдѣлѣ при описаніи современнаго положенія, теперь, когда вѣтъ уже независимыхъ крестьянъ, которыхъ нужно было бы изгонять, дѣло доходить до очищенія коттеджей, такъ что земледѣльческіе рабочіе уже не находятъ себѣ даже мѣста, необходимаго для жилища, на той землѣ, которую они обрабатываютъ. Но что значить «*Clearing of estates*» въ собственномъ смыслѣ этого слова, объ этомъ мы узнаемъ лишь въ описанной землѣ современнаго романа, въ горной Шотландіи. Тамъ процессъ этотъ отличается своимъ систематическимъ характеромъ, тѣми крупными размѣрами, въ какихъ онъ сразу пропеходитъ (въ Ирландіи лэндлорды сразу уничтожали нѣ-

²¹²⁾ «*An Inquiry into the Connection between the present Prices of Provisions etc.*», p. 124, 129. То же самое, но съ противоположной тенденціей мы читаемъ въ другомъ сочиненіи: «Рабочихъ изгоняютъ изъ ихъ коттеджей и принуждаютъ отправляться въ города искать работы;—по тогда получается большая прибыль, и такимъ образомъ капиталъ увеличивается». («*The Perils of the Nation*, 2nd. ed. Lond. 1843», p. XIV.

скозько деревень, въ горной Шотландіи дѣло идетъ о земельныхъ пространствахъ, равныхъ по величинѣ нѣмецкимъ герцогствамъ)—и, наконецъ, особой формой раскрываемыхъ земель.

Кельты горной Шотландіи состояли изъ клановъ, изъ которыхъ каждый былъ собственникомъ населенной имъ земли. Представитель клана, его глава или «большой человекъ», былъ только титулярнымъ или номинальнымъ собственникомъ этой земли, какъ англійская королева является номинальной собственницей всей національной земли. Когда англійскому правительству удалось усмирить внутреннія войны этихъ «большихъ людей» и ихъ постоянныя вторженія въ низнешотландскія равнины, предводители клановъ вовсе не оставили своего занятія—разбойничьяго ремесла; они приняли лишь его форму. Собственною властью они прекратили свое номинальное право собственности въ право частной собственности, но такъ какъ они встрѣтили сопротивленіе со стороны членовъ клановъ, то они рѣшили открыто изгнать ихъ силою. «Какой-нибудь англійскій король могъ бы съ тѣмъ же правомъ претендовать на то, что можетъ вытолкать своихъ подданныхъ въ море», говоритъ профессоръ Newnham ²¹³⁾. Первые фазы этого переворота, начавшагося въ Шотландіи послѣ послѣдняго возстанія претендента, можно прослѣдить по сочиненіямъ Sir'a James'a Stuart'a ²¹⁴⁾ и James'a Anderson'a ²¹⁵⁾. Въ XVIII-мъ столѣтіи изгнаннымъ кланамъ была запрещена эмиграція, чтобы силою направить ихъ въ Глазго и другіе фабричныя города ²¹⁶⁾. Въ качествѣ примѣра господствующаго въ XIX-мъ вѣкѣ метода, мы приведемъ «очипшенія» у герцогини Sutherland ²¹⁷⁾. Эта экономически образованная особа рѣ-

²¹³⁾ «A king of England might as well claim to drive his subjects into the sea» (F. W. Newman l. c. p. 132).

²¹⁴⁾ Stuart говоритъ: «Рента съ этихъ земель (она неправильно принимается эту экономическую категорію къ данн, платимой *taskmen* главѣ клана) совершенно ничтожна въ сравненіи съ ихъ размѣромъ, но что касается числа людей, которыхъ содержать ферма, то мы, можетъ быть, найдемъ, что участокъ земли въ горной Шотландіи кормитъ въ 10 разъ большее число людей, чѣмъ участокъ такой же цѣности въ богатѣйшихъ провинціяхъ» (l. c., v. I, ch. XVI, p. 104).

²¹⁵⁾ James Anderson: «Observation on the means of exciting a spirit of National Industry etc. Edinburgh, 1777».

²¹⁶⁾ Въ 1860 г. насильственно экспроприированные были при помощи ложныхъ обвиненій вывезены въ Канаду. Нѣкоторые бѣжали въ горы и на сѣдніе острова. Ихъ преслѣдовали полицейскіе; дѣло дошло до драки, и они убѣжали.

²¹⁷⁾ «Въ горныхъ округахъ,—говоритъ въ 1814 г. Buchanan, комментаторъ А. Смита.—прежнія отношенія собственности ежедневно подвергаются насильственному перевороту... Лэндлордъ, по обращая вниманія на послѣдствіе фермера (и эта категорія здѣсь неправильно примѣнена), отдаетъ землю тому, кто предлагаетъ больше всего за нее, а если этотъ послѣдній является улучшателемъ (*improver*), то онъ тотчасъ же вводитъ новую систему культуры. Земля, прежде устѣпная мелкимъ крестьянамъ, была сильно населена, сравнительно со своимъ продуктомъ; при новой системѣ усовершенствованной культуры и увеличенной ренты, получается возможно больше продукта при возможно меньшихъ издержкахъ, и ради этого рабочія руки, ставшія теперь бесполезными, удаляются... Выброшенные такимъ образомъ со своей родины люди ищутъ средствъ существованія въ фабричныхъ городахъ, и т. д.» ((David Buchanan, «Observations on etc. A. Smith's Wealth of

шла сейчас же постъ своего вступленія въ управленіе предпринять радикальное лѣченіе и превратить все графство, населеніе котораго уже прежними, подобными же, процессами было сокращено до 15.000, въ настоящее для овецъ. Съ 1814 по 1820 г. эти 15.000 жителей, составлявшие около 3.000 семействъ, были систематически изгнаны и искоренены. Всѣ деревни были разрушены и сожжены, всѣ поля превращены въ пастбища. Для экзекуціи были посланы британскіе солдаты, и дѣло дошло до столкновенія съ мѣстными жителями. Одна старая женщина, отказавшаяся покинуть свою избушку, погибла въ пламени. Такимъ образомъ, эта мадамъ принесла себѣ 794.000 акровъ земли, которая съ незапамятныхъ временъ принадлежала клану. Изгнаннымъ обывателямъ она отвела на берегу моря около 6.000 акровъ, по 2 акра на семейство. Эти 6.000 акровъ до тѣхъ поръ были невоздѣланы и не приносили владѣльцамъ никакого дохода. Герцогиня въ своемъ состраданіи пошла такъ далеко, что сдала землю среднимъ числомъ по 2 шилл. 6 п. за акръ членамъ клана, которые въ продолженіе многихъ лѣтъ проливали свою кровь за ея родъ. Всю похищенную у клана землю она раздѣлила на 29 крупныхъ овечьихъ фермъ, въ каждой изъ которыхъ поселила только по одному семейству, по большей части—англійскихъ батраковъ. Въ 1825 г. 15.000 гаэзовъ были уже замѣнены 131.000 овецъ. Выброшенные на берегъ моря аборигены стремились просуществовать рыбной ловлей. Они стали амфибіями и жили, по выраженію одного англійскаго писателя, на сушѣ и наполовину въ водѣ; но за всѣмъ тѣмъ они цѣлѣсь только виноголодь и отъ земли и отъ моря ²¹⁸).

Однако бравые гаэзы должны были еще сплѣнѣ заплатить за свое романтическое идолопоклонство передъ «большими людьми» клана. «Большими людьми» запахъ рыбы ударилъ въ носъ; они почували здѣсь нѣчто прибыльное и сдали морской берегъ въ аренду крупнымъ рыботорговцамъ Лондона. Гаэзы были исторично изгнаны ²¹⁹).

Nations. Edinb. 1814», vol. IV, p. 144). «Шотландскіе вельможи экспроприровали цѣлыя семейства, точно они вырывали сорныя травы. Они обращались съ селами и ихъ населеніемъ, какъ индѣйцы въ своей мѣстѣ съ берлогами дикихъ звѣрей... Человѣкъ продается за овечье руно, за кусокъ баранины, за что-нибудь еще меньшее... Во время нашествія монголовъ въ сѣверныя провинціи Китая на совѣтъ монголовъ было предложено истребить жителей и превратить ихъ землю въ пастбища. Это предложеніе многіе лорды горной Шотландіи приняли въ исполненіе въ своей собственной странѣ противъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ». (George Ensor: An Inquiry concerning the Population of Nations. Lond. 1818», p. 215, 216).

²¹⁸) Когда пылкая герцогиня Sutherland принимала въ Лондонѣ съ большимъ торжествомъ Вичеръ-Стоу, автора «Хижинъ дяди Тома», чтобы выставить на видъ свою великую симпатію къ рабамъ-неграмъ американской республики—симпатію о которой она вмѣстѣ съ другими аристократками благоразумно забыла во время гражданской войны, когда всякое «благородное» англійское сердце билось за рабовладѣльцевъ—я изобразилъ въ New-York Tribune положеніе рабовъ герцогини Sutherland. (Carey приводитъ выдержки изъ этой статьи въ своемъ «The Slave Trade. London. 1853», p. 202, 203). Моя статья была перепечатана въ одной шотландской газетѣ и пывала бойкую полемику между послѣдней и сифофантами Sutherland'овъ.

²¹⁹) Интересныя подробности объ этой торговлѣ рыбой можно найти у David Urquhart'a въ: Portfolio. New Series.—Nassau W. Senior указываетъ въ своемъ

Наконецъ, часть овечьихъ пастбищъ превращается въ охотничьи парки. Известно, что въ Англіи нѣтъ настоящихъ лѣсовъ. Дичь въ паркахъ весьма то — домашній скотъ, жирный, какъ лондонскіе *aldermen*'ы. Шотландія является, поэтому, послѣднимъ убѣжищемъ «благородной страсти». «Въ горной Шотландіи», говоритъ Somers въ 1848 г., «площадь лѣсовъ была очень расширена. Здѣсь по сю сторону Gaick'a вы видите новый лѣсъ Glenfeshie, а тамъ по ту сторону новый лѣсъ Ardverikie. Въ томъ же направленіи находится Bleak-Mount, громадная, недавно образовавшаяся пустыня. Съ востока на западъ, отъ окрестностей Aberdeen'a до утесовъ Oban'a находится непрерывная полоса лѣсовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ горной страны находятся новые лѣса: Loch Archaig, Glengarry, Glenmoriston etc. ...Превращеніе ихъ земель въ пастбища ...выгнало газловъ на бесплодную землю. Теперь красная дичь начинаетъ вытѣснить овецъ, и изнуряетъ газловъ въ еще болѣе сокрушительную нищету... Лѣса для дичи ^{219a)} и люди не могутъ существовать рядомъ. Одни должны уступать мѣсто другимъ. Если охотничьи пространства въ ближайшее 25-лѣтіе будутъ такъ же увеличиваться въ количествѣ и въ размѣрахъ, какъ и въ предыдущее, то не останется ни одного газла на его родной землѣ. Это движеніе среди землевладѣльцевъ горной Шотландіи отчасти обязано своимъ существованіемъ молъ, аристократическому тщеславію, страсти къ охотѣ и т. д., но, съ другой стороны, торговля дичью ведется исключительно въ виду ея прибыльности, такъ какъ извѣстно, что горный участокъ, предназначенный для охоты, во многихъ случаяхъ гораздо прибыльнѣе пастбища для овецъ... Предложеніе любителя, ищущаго участка для охоты, ограничивается только размѣромъ его кошелька... Страданія, на которыя была обречена горная Шотландія, не менѣе жестоки, чѣмъ тѣ, на которыя политика норманскихъ королей обрекла Англію. Красной дичи предоставлялся все болѣе и болѣе тѣсный просторъ, между тѣмъ какъ людей гоняли на все болѣе и болѣе тѣсномъ пространствѣ. У народа отнимали одну вольность за другой... И приниженіе растетъ еще съ каждымъ днемъ. «Очищеніи» и изгнаніе народа проводятся землевладѣльцами съ твердостью принципа, какъ сельскохозяйственная необходимость, совсѣмъ подобно тому, какъ въ лѣсахъ Америки и Австріи вырываютъ деревья и кусты,—вся эта операція спокойно идетъ своимъ лѣловымъ порядкомъ» ²²⁰⁾.

вышеприведенномъ посмертномъ сочиненіи, что операція, произведенная въ Sutherlandshire, была однимъ изъ самыхъ благотѣльныхъ очищеній съ неважныхъ временъ (clearings) (I. c.).

^{219a)} Въ «deer forests» (лѣса для дичи) въ Шотландіи нѣтъ ни одного дерева. Просто загоняютъ овецъ съ голыхъ горъ и пригоняютъ туда оленей, и это называется «deer forests». Здѣсь не производится, стало быть, даже и лѣсоразведенія.

²²⁰⁾ Robert Somers: «Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847. Lond., 1848», p. 12—28 passim. Эти письма появлялись первоначально въ Times'ѣ. Англійскіе экономисты объясняли, конечно, голодъ горныхъ Шотландцевъ (газловъ) въ 1847 ихъ перенаселеніемъ. — «Clearing of Estates» или, какъ оно называлось въ Германіи — Baueknlegen, практиковалось въ этой странѣ, въ особенности послѣ тридцатилѣтней войны и вызвало еще въ 1790 г. въ курфиршествѣ Саксоніи крестьянскія возстанія. Оно господствовало въ особенности въ восточной Германіи. Въ болѣе позднѣе

Расхищеніе церковныхъ имуществъ, мошенническое отчужденіе государственныхъ имуществъ, грабежъ общинныхъ земель, совершенное съ безпощаднымъ

прусскихъ провинцій только Фридрихъ II гарантировалъ крестьянамъ право собственности. Послѣ завоёванія Силезіи онъ принудилъ помѣщиковъ возстановить пашы, амбары и т. д., подѣлить крестьянскія нивыя скотомъ и орудіями. Ему пужны были солдаты для арміи и плательщики налоговъ для государственной казны. Впрочемъ, какую пріятную жпзнь вели крестьяне при его прелестной финансовой политикѣ и при его режимѣ, представлявшемъ смѣсь деопотизма, бюрократіи и феодализма, можно видѣть изъ слѣдующей цитаты его поклонника Mirabeau: «День составляетъ богатство земледѣльца на сѣверѣ Германіи. Но, къ несчастію, для рода человѣческаго это только средство противъ нищеты, но не источникъ благосостоянія. Прямые налоги, барщина, всякія повинности разоряютъ нѣмецкаго крестьянина, уличающаго еще и косвенные налоги въ цѣнѣхъ всѣхъ предметовъ, которые онъ покупаетъ... и въ довершеніе разоренія онъ по смѣлѣ продавалъ свои продукты, гдѣ и какъ онъ захочетъ; онъ не смѣлъ покупать необходимые ему предметы у купцовъ, которые продали бы ему ихъ дешевле. Искъ эти причины немалѣнко разоряютъ его, и онъ не былъ бы въ состояніи платить въ срокъ прямые налоги безъ пріедавъ; оно составляетъ поддержку, давая полезное вліяніе его жепѣ, его дѣтямъ, его батракамъ и ему самому: но какая это тяжелая жпзнь, даже и при этой поособной работѣ! Дѣтомъ онъ работаетъ какъ каторжникъ во время пахоты и во время жатвы; онъ ложится въ 9 часовъ и встаетъ въ 2 часа, чтобы справиться съ работами; зимой ему слѣдовало бы возстановить свои силы болѣе впечатлительнымъ отдыхомъ; но у него не будетъ хлѣба и сѣмянъ, если онъ продастъ свою жатву для уплаты податей... Нужно, слѣдовательно, пріять, чтобы вполнить эту пустоту... и нужно работать съ большимъ прилежаніемъ. Вотъ, почему крестьянинъ зимою ложится въ полночь, въ часъ и встаетъ въ 5 или 6; или же онъ ложится въ 9 часовъ и встаетъ въ 2, и такъ всю дня въ день, всю жпзнь, кромѣ воскресній. Это недостаточное количество сна и чрезвычайный трудъ подтачиваютъ человѣческія силы, и вслѣдствіе этого мужчины и женщины старѣются въ деревнѣ гораздо раньше чѣмъ въ городѣ». (Mirabeau l. c. t. III, p. 212 sqq.).

Прибавленіе ко 2-му пед. Въ апрѣлѣ 1866 г., послѣ опубликованія вышеприведеннаго сочиненія Robert'a Somers'a, профессоръ Leone Levi читалъ въ Society of Arts лекцію о превращеніи пастбищъ для овецъ въ паркы для разведенія дичи, лекцію, въ которой онъ описываетъ прогрессъ опустошенія въ горной Шотландіи. Между прочимъ онъ говоритъ: «Уменьшеніе населенія и превращеніе земли въ простыя пастбища для овецъ представляли самый выгодный способъ полученія доходовъ безъ всякихъ затратъ... Замѣна въ горныхъ округахъ овечьего пастбища лѣсомъ (deer forest) была обычнымъ явленіемъ. Овцы вытѣсняются дикими звѣрями точно такъ же, какъ прежде загонялись люди, чтобы дать мѣсто для овецъ... Можно переходить изъ имѣній графа Dalhousie въ Forfarshire'а до John'o Groat's, не покидая лѣса. Во многихъ (изъ этихъ лѣсовъ) уже прочно поселились лисы, дикія кошки, куницы, хорьки, ласки и альпійскій заяцъ; между тѣмъ какъ кролики, бѣлки, крысы только недавно ввелись тамъ. Огромныя пространства, фигурирующія въ статистикѣ Шотландіи, какъ исключительно хорошія и обширныя пастбища, теперь выходятъ изъ всякой культуры и улучшеній и предназначены только служить средствомъ охотничьей забавы—нѣсколькихъ человѣкъ, забавы, которая къ тому же продолжается лишь короткій періодъ года. Лондонскій Economistъ отъ 2 іюня 1866 г. говоритъ: «(1) одна шотландская газета сообщаетъ за послѣднюю недѣлю выстѣ съ другими новостями: «Одна изъ лучшихъ овечьихъ фермъ, за которую недавно при истеченіи срока контракта, предлагали ежегодную ренту въ 1.200 ф. ст., превращается въ deer forest!» Обнаруживаются феодальныя инстинкты... какъ въ тѣ времена, когда

терроризмомъ превращеніе феодальной собственности и собственности клада въ современную частную собственность,—таковы идилическіе методы первоначальнаго накопленія. Они завоевали поле для капиталистическаго земледѣлія, подчинили землю капиталу и создали для городской промышленности необходимый притокъ вольныхъ, какъ птицы, пролетаріевъ.

3. Кровавое законодательство противъ экспроприированныхъ, начиная съ конца XV-го столѣтія. Законы, направленные на пониженіе заработной платы.

Изгнанное со своихъ мѣстъ населеніе, продуктъ распушенія феодальныхъ дружинъ и пропеходившаго толчками насильственнаго отнятія земли, этотъ вольный, какъ птица, пролетаріатъ выкомъ образомъ не могъ быть поглощаемъ развивающейся мануфактурной промышленностью съ такой же быстротой, съ какой онъ создавался указанными процессами. Съ другой стороны, эти люди, внезапно выброшенные изъ своей обычной жизненной колеи, не могли сразу освоиться съ дисциплиной новыхъ порядковъ. Они цѣлыми массами превращались въ нищихъ, въ разбойниковъ, въ бродягъ, частью по склонности, но въ большинствѣ случаевъ подъ гнетомъ обстоятельствъ. Отсюда въ концѣ XV-го и въ продолженіе всего XVI-го столѣтія во всей Западной Европѣ—кровавое законодательство противъ бродяжничества. Отды теперешняго рабочаго класса съ самаго начала подверглись карѣ за то, что ихъ превратили въ бродягъ и пауперовъ. Законодательство считало ихъ «добровольными» преступниками и предполагало, что отъ ихъ доброй воли зависитъ продолжать работать при несуществующихъ уже болѣе прежнихъ условіяхъ жизни. Въ Англіи законодательство это началось при Генрихѣ VII.

Генрихъ VIII, 1530: Престарѣлые и нетрудоспособные ищіе получаютъ позволеніе просить милостыню. Здоровые же бродяги, наоборотъ, присуждаются къ наказанію плетью и къ заключенію въ тюрьму. Ихъ слѣдуетъ, привязавъ

норманскій завоеватель... уничтожилъ 36 деревень, чтобы создать New-Forest... 2 милліона акровъ, среди которыхъ находится нѣкоторые самыя плодородныя земли Шотландіи, превращены въ невадѣлываемую площадь. Естественныя травы Glen Tilt'a считались самыми питательными въ графствѣ Perth; deer forest Ben Alder представляли самыя лучшія луга въ отдаленномъ округѣ Padenoch; часть Black Mount forest была превосходнѣйшимъ въ Шотландіи пастбищемъ для черныхъ овецъ. О пространствѣ запущенной ради охоты земли можно составить себѣ понятіе по тому факту, что оно занимаетъ гораздо большую площадь, чѣмъ все графство Perth. О потерѣ для страны производительныхъ источниковъ вследствие этого насильственнаго опустошенія можно судить по тому, что почва forest Ben Alder могла прокормить 15.000 овецъ, и что она составляетъ только 1/10 охотничьего пространства Шотландіи... Вся эта земля, предназначенная для охоты, безусловно непроизводительна... она могла бы съ такимъ же успѣхомъ быть потоплена въ волнахъ Сѣвернаго моря. Сильная рука законодательства должна была бы уничтожить такіе непроизводительныя пустыни.

къ тѣхъ, бывавъ до тѣхъ поръ, пока кровь не начнетъ струиться изъ тѣла; тогда они должны дать клятву возвратиться на родину или туда, гдѣ они жили послѣдніе три года, и «пріяться за работу» (to put himself to labour). Какая жестокая провія! Законъ 27 Генриха VIII повторяетъ прежній статутъ и усиливаетъ его строгость еще нѣкоторыми добавленіями. Если кто-нибудь попадется второй разъ изъ бродяжничества, то его опять наказываютъ плетью и отрѣзываютъ половину уха, въ третій же разъ онъ долженъ быть казненъ какъ тяжкій преступникъ и врагъ общества.

Эдуардъ VI: Статутъ пераго года его царствованія, 1547, предписываетъ отдавать того, кто отказывается работать, въ рабство тому лицу, которое донесетъ на него какъ на праздношатающагося. Хозяинъ долженъ кормить своего раба хлѣбомъ и водой, некрѣпкими напитками и тѣми остатками мяса, которые онъ пойдетъ годнымъ. Онъ имѣетъ право принуждать его подлѣ страхомъ наказанія плетью и прикованіемъ на цѣпи къ самымъ отвратительнымъ работамъ. Если рабъ отлучится на двѣ недѣли, его приговариваютъ къ пожизненному рабству и выжигаютъ на лбу или на щекѣ букву S, если же онъ убѣжитъ въ третій разъ, то онъ долженъ быть казненъ какъ государственной измѣнникъ. Хозяинъ можетъ его продать, завѣщать кому-нибудь, отдать въ наемъ другому, какъ всякое движимое имущество и скотъ. Если рабы предпринимаютъ что-нибудь противъ господъ, то они точно такъ же должны быть казнены. Мирные судьи должны разыскивать такихъ бѣглыхъ по указаніямъ владѣльцевъ. Если окажется, что бродяга три дня шатался безъ дѣла, то онъ долженъ быть доставленъ на мѣсто своей родины; тамъ расказаннымъ до красна желѣзомъ выжигаютъ на груди его букву V, заковыываютъ въ цѣпи и употребляютъ для уличныхъ работъ и всякихъ другихъ услугъ. Если бродяга укажетъ невѣрное мѣсто рожденія, то въ наказаніе онъ долженъ сдѣлаться пожизненнымъ рабомъ этого мѣста, жителей или корпораціи, онъ долженъ быть заклеенъ бузвою S. Всякій имѣетъ право отнимать дѣтей у бродягъ и держать ихъ въ качествѣ учениковъ, мальчиковъ до 24 лѣтъ, дѣвочекъ до 20 лѣтъ. Если они удерутъ, то они должны быть до этого возраста рабами хозяина, который можетъ по своему произволу заковывать ихъ въ цѣпи, наказывать плетью и т. д.. Каждый хозяинъ можетъ надѣть своему рабу желѣзное кольцо на шею, руки или ноги, чтобы легче его узнавать и упрочить свои права на него²²¹⁾. Послѣдняя часть этого статута предусматриваетъ случаи, когда извѣстнаго рода бѣдняки употребляются на работу тѣми мѣстопостыями или лицами, которыя готовы ихъ кормить или найдутъ для нихъ работу. Этотъ родъ приходскихъ работъ сохранился въ Англіи до XIX-го столѣтія включительно подъ названіемъ roundsmen.

Визавета, 1572: Нищіе, не имѣющіе разрѣшенія просить милостыню, старше 14 лѣтъ, должны быть жестоко наказываемы плетью и подвергаться

²²¹⁾ Авторъ «Essay on Trade and Commerce 1770» замѣчаетъ: «Въ царствованіе Эдуарда VI англичане, казалось, дѣйствительно серьезно занялись поощреніемъ мануфактуръ и доставленіемъ занятій бѣднымъ. Мы видимъ это изъ одного замѣчательнаго статута, въ которомъ говорится, что всѣхъ бродягъ слѣдуетъ клеймить» и т. д. (J. c. p. 8).

кзѣмленію на мочкахъ лѣваго уха въ случаѣ, если не находится никого, кто хотѣлъ бы ихъ взять на два года въ услуженіе; въ случаѣ рецидива, и если они старше 18 лѣтъ, они должны быть казнены, если никто не хочетъ взять ихъ на два года въ услуженіе, въ третій же разъ они должны быть казнены безъ всякой пощады, какъ государственные измѣнники. Сходные статуты: 18 Елизаветы с. 13 и 1597 ^{221а}).

Яковъ I: Вѣнкій, кто шагається и проситъ милосердїи объявляется бродягой. Мировые судьи въ Petty Sessions (на малыхъ сессїяхъ) уполномочены приговаривать такихъ людей къ публичному наказанію плетью и въ первый разъ сажать ихъ на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму, во второй—на два года. Во время заключенїи они должны быть столь часто и столь сильно наказываемы плетью, сколько это сочтутъ нужнымъ мировые судьи... Неправильные и опасные бродяги должны быть подвергаемы кзѣмленію буквой R на лѣвомъ плечѣ и приговариваемы къ каторжнымъ работамъ; если же они опять попадутся въ нищенствѣ, то безъ всякой пощады подвергаются смертной казни. Эти постановленія имѣли законную силу до начала XVIII-го столѣтія и были отмѣнены лишь закономъ 12 Анны с. 23.

Во Франціи, гдѣ въ половинѣ XVII-го столѣтія бродяги устроили въ Парижѣ свое царство (*gouaume des truands*), мы находимъ такіе же законы. Еще въ

^{221а}) Томасъ Моръ говоритъ въ своей Утопїи: «Такъ случается, что жадный и ненасытный обжора, истинная язва своей родины, можетъ разладѣть тысячами акровъ земли, обнесетъ ихъ частовокомъ или плетнемъ, или силою и несправедливостями можетъ довести собственниковъ до того, что они будутъ принуждены все продать. Тѣмъ или инымъ способомъ, не мытемъ, такъ катымъ, они вынуждаются уйти—бѣдные, несчастныя, безхитростныя существа! Мужчины, женщины, мужья, жены, сироты, вдовы, рыдающія матери съ грудными младенцами, все хозяйство, скудно надѣленное средствами, но многоголовое, такъ какъ для земледѣлія необходимо было много рукъ. Они уходятъ далеко отъ привычныхъ родныхъ мѣстъ, не находя себѣ мѣста отдыха: продажей всей своей домашней утвари, хотя и имѣющей ничтожную цѣнность, при иныхъ обстоятельствахъ они бы хоть что нибудь и выручили; но будучи внезапно изгнаны, они должны продать ее за безцѣнокъ. Когда они пробродили такимъ образомъ и прожили все до послѣдняго гроша, имъ не остается ничего другого, какъ красть, чтобы потомъ быть повѣшеннымъ по вѣснѣмъ правиламъ закона, или просить милостыню. Но и тогда ихъ сажаютъ въ тюрьму, какъ бродягъ, такъ какъ они шатаются безъ работы; а между тѣмъ никто не хочетъ дать имъ работы, сколько бы они ни добивались ея». Изъ этихъ бѣдныхъ бѣглыхъ, о которыхъ Томасъ Моръ говоритъ, что ихъ принуждали красть, «72.000 большіхъ и маленькихъ воровъ было казнено въ царствованіе Генриха VIII». (Hollingshed «Description of England», v. I, p. 186). Во времена Елизаветы «бродягъ вѣшали цѣлыми ридами, и не проходило обыкновенно и года, чтобы въ томъ или иномъ мѣстѣ не было повѣшено 300 или 400 бродягъ (Strype's «Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other Various Occurrences in the Church of England during Queen Elizabeth's Happy Reign. 2nd. ed. 1725», vol. II). По словамъ того же Strype'a въ Somersetshire'ѣ въ продолженіе одного года было казнено 40 чезовѣкъ, вклеено 35, 37 наказано плетью и 187 «отчаянныхъ злодѣевъ», выпущено на волю. «Однако, говорить онъ, «это большое число обвиняемыхъ не составляетъ и 1/3 уголовныхъ преступниковъ, благодаря небрежности мировыхъ судей и вѣстному состраданію народа». «Другія графства Англіи, прибавляетъ онъ, «находились не въ лучшемъ положенїи, чѣмъ Somersetshire, а многія—даже въ еще худшемъ».

началъ царствованія Людовика XVI (ордоннансъ 13 іюля 1777) всякій здоровый мужчина отъ 16 до 60 лѣтъ ссылался на галеры, если у него не было ни средствъ существованія, ни профессіи. Сходное содержаніе имѣютъ статуты Карла V для Нидерландовъ (октябрь 1537), первый адмать Голландскихъ Штатовъ и Городовъ 19 марта 1614, плакатъ Соединенныхъ Провинцій 25 іюня 1649 и т. д.

Такимъ образомъ, сельское населеніе, насильственно экспропрированное, изгнанное и превращенное въ бродягъ, было—посредствомъ террористическихъ до уродливости законовъ—плетью, клейменіемъ и пытками подчинено дисциплинѣ, необходимой при системѣ наемнаго труда.

Мало того, что на одномъ полюсѣ являются условія труда въ видѣ капитала, а на другомъ люди, которымъ нечего продавать, кромѣ своей рабочей силы. Мало того, что ихъ принуждаютъ добровольно продавать себя. Съ прогрессомъ капиталистическаго производства развивается рабочій классъ, который, вслѣдствіе воспитанія, традицій, привычекъ, признаетъ требованія этого способа производства очевидными законами природы. Организация развитога капиталистическаго процесса производства слымываетъ великое сопротивленіе, постоянное производство относительнаго перенаселенія удерживаетъ законъ спроса и предложенія труда, а, слѣдовательно, и заработную плату въ границахъ, соответствующихъ потребностямъ самовозрастанія капитала. наконецъ, плѣмой гнетъ экономическихъ условій довершаетъ господство капиталиста надъ рабочимъ. Правда, все еще прибѣгаютъ къ непосредственному, внѣэкономическому насилію, но лишь—въ исключительныхъ случаяхъ. При обыкновенномъ ходѣ вещей, рабочій можетъ быть представленъ «естественнымъ законамъ производства», т. е. той зависимости отъ капитала, которая прямо вытекаетъ изъ самыхъ условій производства, или гарантируется и увѣковѣчивается. Но не то было при историческомъ началѣ капиталистическаго производства. Нарождающаяся буржуазія пользовалась тогда государственной властью для «регулированія» заработной платы, т. е. для того, чтобы втиснуть и держать ее въ границахъ, соответствующихъ образованію прибавочной цѣнности, для удлиненія рабочаго дня и для того, чтобы удерживать самого рабочаго въ нормальной степени зависимости. Это—существенный моментъ такъ называемаго первоначальнаго накопленія.

Классъ наемныхъ рабочихъ, образовавшійся во второй половинѣ XIV-го столѣтія, составлялъ тогда и въ послѣдующемъ столѣтіи лишь очень незначительную часть народа. Сильною поддержкой его хозяйственнаго положенія являлось самостоятельное крестьянское хозяйство въ сельскихъ округахъ и цеховая организація въ городахъ. Въ селахъ и городахъ хозяева и рабочіе стояли близко другъ къ другу въ социальномъ отношеніи. Подчиненіе труда капиталу было только формальнымъ, т. е. самый способъ производства не имѣлъ еще специфически капиталистическаго характера. Переѣбный элементъ капитала значительно преобладалъ надъ постояннымъ. Поэтому, спросъ на наемный трудъ быстро увеличивался съ каждымъ накопленіемъ капитала, между тѣмъ какъ предложеніе наемнаго труда только медленно слѣдовало за нимъ. Значительная часть національнаго продукта, которая впоследствии стала пре-

иращаться въ фондъ накопленія капитала, въ то время входила еще въ потребительный фондъ рабочаго.

Законодательство о пассивномъ трудѣ, съ самаго начала выдуманное для поощренія эксплуатаціи рабочихъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи неизмѣнно ираждебное имъ ²²²⁾, открывается въ *Anglin Statute of Labourers* Эдуарда III, изданномъ въ 1349 г. Во Франціи ему соответствуетъ ординавъ 1350 г., изданный отъ имени короля Жана. Англійское и французское законодательство идутъ параллельно другъ другу и по содержанію своему тождественны. Я не стану останавливаться на статутахъ о рабочихъ, поскольку они касаются удлиненія рабочаго дня, такъ какъ этотъ вопросъ былъ уже мною разсмотрѣнъ раньше (глава восьмая, 5).

Statute of Labourers былъ изданъ по настоятельной жалобѣ палаты общины. «Прежде», — наввно говоритъ одинъ торі, — «общіе требовали столь высокую плату, что это угрожало промышленности и богатству. Теперь же плата ихъ такъ низка, что это опять угрожаетъ промышленности и богатству, но въ другомъ смыслѣ, и теперь это можетъ быть гораздо опаснѣе, чѣмъ тогда» ²²³⁾. Законодательнымъ путемъ былъ установленъ тарифъ заработной платы для городскихъ и сельскихъ округовъ, для поштучнаго и поденнаго труда. Сельскіе рабочіе должны наниматься на годъ, городскіе же «на вольномъ рынкѣ». Запрещается подъ страхомъ тюремнаго заключенія платить высшую плату, чѣмъ та, которая указана въ статутѣ, но тотъ, кто получаетъ высшую плату, наказывается строже, чѣмъ тотъ, кто даетъ ее. Такъ, еще по статуту Елизаветы объ ученикахъ, отд. 18 и 19, платящіе высшую плату подвергаются 10-дневному тюремному заключенію, тогда какъ тѣ, которые получаютъ ее, присуждаются къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Статутъ 1360 г. усиливаетъ наказаніе и уполномочиваетъ хозяевъ употреблять физическое принужденіе, чтобы заставить рабочихъ работать по установленному закономъ тарифу. Всякія соглашенія, клятвы, союзы и т. д., которыя взаимно связывали каменщиковъ и плотниковъ — объявляются недействительными. Рабочіе союзы считаются тяжкимъ преступленіемъ съ 14-го столѣтія до 1825 г., — гошъ отмыны законовъ противъ коалицій. Духъ рабочаго статута 1349 г. и послѣдующихъ законовъ ясно сказывается въ томъ, что государство опредѣляетъ maximum заработной платы, но отнюдь не minimum ея.

Въ 16-мъ столѣтіи, какъ извѣстно, положеніе рабочихъ сильно ухудшилось. Денежная плата повысилась, но не пропорціонально обезцѣненію денегъ и соответствующему повышенію товарныхъ цѣнъ. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, плата понизилась. Тѣмъ не менѣе законы о пониженіи заработной платы оставались въ силѣ, такъ же какъ и отрѣзываніе ушей и вѣзб-

²²²⁾ «Когда законодательство старается регулировать споры между хозяевами и рабочими, совѣтчиками его всегда являются хозяева», — говоритъ А. Сильтъ. «Духъ законовъ это — собственность», говоритъ Linguet.

²²³⁾ «*Sophisms of Free Trade*. By a Barrister. Lond. 1850», p. 53. «Мы всегда готовы вышиться въ пользу хозяевъ», — ехидно прибавляетъ онъ; — «равнѣ нельзя сдѣлать что нибудь для рабочихъ?»

меніе тѣхъ, «кого никто не хотѣлъ брать въ услуженіе». Статутомъ объ ученикахъ, 5 Елизаветы с. 3, мировые судьи уполномочивались опредѣлять величину заработной платы и взимать еясоответственно временамъ года и цѣнамъ товаровъ. Яковъ I распространилъ эту регламентацію условій труда также на ткачей, прядильщиковъ и на всевозможныя другія категоріи рабочихъ²²⁴), а Георгъ II законы противъ рабочихъ союзовъ распространилъ на всѣ мануфактуры.

Въ собственно мануфактурный періодъ капиталистическій способъ производства уже настолько окрѣлъ, что законодательное регулированіе заработной платы оказывалось и непримѣнимымъ и бесполезнымъ. Но на случай нужды хорошо было имѣть подъ руками оружіе стараго арсенала. Еще закономъ 8 Георга II запрещалось подмастерьямъ портняхъ Лондона и окрестностей получать больше 2 шилл. 7½ пенса въ день, кромѣ случаевъ всеобщаго траура; еще закономъ 13 Георга III с. 68 право регулировать заработную плату ткачей шелковыхъ пздѣлій передавалось мировымъ судьямъ; еще въ 1796 г. понадобились два приговора высшихъ судовъ для рѣшенія вопроса, могутъ ли постановленія мировыхъ судей о заработной платѣ распространяться и на неземледѣльческихъ рабочихъ; еще въ 1799 году парламентскимъ актомъ подтверждается, что заработная плата шотландскихъ горнорабочихъ регулируется статутомъ Елизаветы и двумя шотландскими актами 1661 и 1671 г. Но какой переворотъ за это время испытали всѣ условія, доказалъ слѣдующій неслыханный въ нашіе дни случай. Тамъ, гдѣ болѣе 400 лѣтъ постоянно фабриковались законы о шахимш'ѣ, котораго ни въ какомъ случаѣ не должна превосходить заработная плата, въ 1796 г. Whitbread предложилъ установить законъ о минимум'ѣ заработной платы для земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ. Питтъ воспротивился этому, но призналъ, что «положеніе бѣдныхъ ужасно» (cruel). Наконецъ, въ 1813 г. были отменены законы о регулированіи зара-

²²⁴⁾ Изъ одного параграфа статута 2, Якова I, с. 6 видно, что нѣкоторые сукопные фабриканты въ качествѣ мировыхъ судей не стѣснялись сами официально устанавливать тарифъ заработной платы въ своихъ мастерскихъ. Въ Германіи статуты, издаваемые съ цѣлью пониженія заработной платы, встрѣчаются особенно часто послѣ тридцатилѣтней войны. «Въ опустѣлыхъ мѣстностяхъ для помѣщиковъ былъ очень стѣснителенъ недостатокъ слугъ и рабочихъ. Всѣмъ сельскимъ жителямъ было запрещено отдавать комнаты въ наймы холостымъ мужчинамъ и женщинамъ. Всѣ такіе субъекты должны были быть доставляемы властямъ и сажены въ тюрьму, если они не хотѣли становиться прислугой, если даже они содержали себя другой работой, напр., за поденную плату помогали крестьянамъ сѣять или же торговали деньгами и хлѣбомъ (Kaiserliche Privilegien und Sanctionen für Schlesien I, 125). Въ продолженіе цѣлаго столѣтія указы владѣтельныхъ князей постоянно полны горькихъ жалобъ на аномальную и пахальную чернь, которая не хочетъ подчиниться тяжелымъ условіямъ и не довольствуется закономъ установленной платой; каждому отдѣльному помѣщику запрещается платить болѣе установленнаго мѣстной таксой. И тѣмъ не менѣе условія труда послѣ войны иногда были лучше, чѣмъ 100 лѣтъ спустя; еще въ 1652 г. въ Силезіи батраки получали два раза въ недѣлю мясо, между тѣмъ какъ въ нашѣмъ столѣтіи тамъ были округа, гдѣ охотилось только 3 раза въ годъ. Заработная плата также была выше послѣ войны, чѣмъ въ слѣдующія столѣтія». (G. Freitag).

ботной платы. Они стали смѣшной аномаліей съ тѣхъ поръ, какъ капиталистъ управлялъ фабрикой, опираясь на свою частную законодательную власть, и предоставлялъ дополнять необходимый минимум заработной платы сельскихъ рабочихъ посредствомъ налога на бѣдныхъ. Тѣ установленія рабочихъ статутовъ о контрактахъ между хозяевами и рабочими, относительно срока отказа отъ договора, по которымъ хозяева, нарушающіе контрактъ, преслѣдуются только гражданскимъ порядкомъ, рабочіе же—уголовнымъ, находятся въ полной силѣ еще и въ настоящее время.

Жестокіе законы противъ коалицій пали въ 1825 г., благодаря угрожающему положенію, занятому пролетаріатомъ. Тѣмъ не менѣе они пали только отчасти. Нѣкоторые прекрасные остатки старыхъ статутовъ исчезли только въ 1859 г. Наконецъ парламентскимъ актомъ 29 іюня 1871 г., признающимъ законное существованіе Trades-Unions, думази уничтожить послѣдніе слѣды этого классового законодательства. Но парламентскимъ актомъ отъ того же числа (act to amend the criminal law relating to violence, threats and molestation) фактически возстановлялось прежнее положеніе вещей въ новой формѣ. Этой парламентской уловкой тѣ средства, которыми могутъ пользоваться рабочіе во время стачки или локаута (стачка соединенныхъ фабрикантовъ, заключающаяся въ одновременномъ закрытіи фабрикъ), были изъяты изъ области общаго права и подчинены особому исключительному уголовному законодательству, толкованіе котораго предоставлялось самимъ фабрикантамъ, въ ихъ качествѣ мировыхъ судей. Двумя годами раньше тотъ же самый Гладстонъ благородно внесъ и та же самая палата общинъ обсуждала законопроектъ объ отиѣнѣ всякихъ исключительныхъ законовъ противъ рабочаго класса. Но дальше второго чтенія дѣло не пошло, и его тянули до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, «великая либеральная партія» въ союзѣ съ торі не рѣшилась выступить открыто противъ того самаго пролетаріата, который помогъ ей добиться власти. Не довольствуясь этой измѣной, «великая либеральная партія» позволила англійскимъ судьямъ, всегда готовымъ вилать хвостомъ передъ господствующимъ классомъ, откопать устарѣлые законы о «заговорахъ» и примѣнять ихъ къ рабочимъ союзамъ. Какъ мы видимъ, только противъ воли и подъ давленіемъ массы англійскій парламентъ отказался отъ законовъ прогнѣвъ стачекъ и трэдъ-юніоновъ, послѣ того, какъ опъ самъ въ продолженіе пяти столѣтій съ двичнымъ эгоизмомъ игралъ роль постоянного трэдъ-юніона капиталистовъ противъ рабочихъ.

Уже въ самомъ началѣ революціонной бури французская буржуазія осмѣлилась отнять у рабочихъ только что завоеванное право ассоціацій. Декретомъ 14-го іюня 1791 г. она объявляла всякій рабочій союзъ «посягательствомъ на свободу и декларацію правъ челоѣка», посягательствомъ, наказуемымъ штрафомъ въ 500 ливровъ и лишеніемъ на одинъ годъ правъ аѣтпннаго гражданина²²⁵⁾. Этотъ

²²⁵⁾ Статья I этого закона гласитъ: «Такъ какъ уничтоженіе невозможныхъ корпорацій одного и того же сословія и одной и той же профессіи составляетъ одно изъ основныхъ положеній французской конституціи, то запрещается фактически возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и въ какой бы то ни было формѣ». Статья IVъ объявляетъ, что если «граждане, принадлежащіе

законы, государственно-полицейскими способами втискивающей борьбу между капиталомъ и трудомъ въ рамки, удобныя для капитала, пережили революціи и династическіе превороты. Даже правительство террора не отменило его. Только въ самое послѣднее время онъ былъ вычеркнутъ изъ уголовного кодекса. Характеристика всего предлогъ этого буржуазнаго *compromis*. «Хотя», говоритъ Charrellet, докладчикъ этого закона, «желательно, чтобы заработная плата была выше, чѣмъ теперь, для того, чтобы тѣ, которые получаютъ ее, не находились въ состояніи недостатка самыхъ необходимыхъ средствъ существованія въ абсолютной зависимости, почти равной рабству», тѣмъ не менѣе рабочіе не должны сговариваться о своихъ интересахъ, дѣйствовать сообща и такими образомъ уменьшать свою «абсолютную зависимость, почти равную рабству», такъ какъ этимъ самымъ они нарушаютъ «свободу своихъ *ci-devant* *maîtres*, теперешнихъ предпринимателей» (свободу держать рабочихъ въ рабствѣ!) и такъ какъ коалиція противъ деспотизма бывшихъ цеховыхъ мастеровъ — отгадайте! — представляетъ возстановленіе уничтоженныхъ французскою конституціей цеховъ ²⁶⁾!

4. Генезисъ капиталистическихъ фермеровъ.

Разсмотрѣвъ насильственное созданіе свободныхъ какъ ины пролетаріевъ, кровавый дисциплинарный режимъ, превратившій ихъ въ наемныхъ рабочихъ, грязное вѣдѣтельство государства, которое, вмѣстѣ съ увеличеніемъ степени эксплуатаціи труда, повышаетъ накопленіе капитала, мы можемъ спросить: откуда же первоначально взялись капиталисты? Въдѣ, экспроприація сельскаго населенія создаетъ непосредственно только крупныхъ землевладѣльцевъ. Что же касается генезиса фермера, то мы можемъ этотъ генезисъ, такъ сказать, осязать руками, такъ какъ онъ представляетъ медленный процессъ, продолжающійся цѣлыя столѣтія. Имущественныя отношенія самихъ крѣпостныхъ (и свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ) были чрезвычайно разнообразны, и поэтому они были освобождены при весьма различныхъ экономическихъ условіяхъ.

Въ Англіи фермеръ сначала является въ формѣ *bailliff*'а, который самъ еще крѣпостной. Его положеніе напоминаетъ древне-римскаго *villicus*'а, но сфера его дѣятельности болѣе ограничена. Во второй половинѣ XIV-го столѣтія его замѣняетъ фермеръ, котораго лэндлордъ снабжаетъ сѣменами, скотомъ и земледѣльческими орудіями. Его положеніе немногимъ отличается отъ положенія крестьянина. Онъ эксплуатируетъ только больше наемнаго труда. Вскорѣ онъ становится полновластнымъ (*metayer*). Онъ доставляетъ одну часть капитала, необходимаго для земледѣлія, лэндлордъ — другую. Валовой продуктъ они дѣлятъ между

съ одной и той же профессіей, къ одному и тому же искусству или ремеслу, будутъ совѣщаться, вступать въ договоры съ цѣлью отказывать въ содѣйствіи другимъ гражданамъ или же только въ опредѣленную цѣль предоставлять имъ помощь своимъ промысломъ и своимъ трудомъ, то всѣ такія соглашенія и договоры будутъ объявлены противными конституціи, посягающими на свободу и на декларацию правъ человека и т. д., т. е. государственными преступленіями, совершенно такъ же, какъ въ прежнихъ рабочихъ статутахъ. (*Révolution de Paris, Paris 1791*, t. III, p. 523).

²⁶⁾ Buchez et Roux, «Histoire Parlementaire», t. X, p. 195.

собой въ пропорціи, опредѣленной въ контрактѣ. Эта форма быстро исчезаетъ въ Англіи и уступаетъ мѣсто настоящему фермеру, который, прилагая наемный трудъ, пускаетъ въ ходъ свой собственный капиталъ и часть прибавочнаго продукта натурой или деньгами уплачиваетъ лэндлорду, какъ поземельную ренту.

Пока въ продолженіе XV-го столѣтія, независимые крестьяне и наемные земледѣльческіе рабочіе, ведущіе также свое собственное хозяйство, обогащаются своимъ собственнымъ трудомъ, положеніе фермеровъ и размѣры ихъ производства остаются довольно посредственными. Переворотъ въ земледѣліи, начавшійся въ послѣдней трети XV-го столѣтія и продолжавшійся все XVI-е столѣтіе (за исключеніемъ, однако, послѣднихъ десятилѣтій) такъ же быстро повелъ къ ихъ обогащенію, какъ къ обдѣленію сельскаго населенія ²²⁷). Захватъ общинныхъ угодій и т. д. даетъ имъ возможность увеличить количество скота почти безъ всякихъ расходовъ, а скотъ доставляетъ имъ болѣе обильное удобреніе для обработки земли.

Въ XVI-мъ столѣтіи къ этому присоединяется еще одинъ важный моментъ. Арендные контракты въ то время были долгосрочные, часто на 99 лѣтъ. Постоянное паденіе цѣнности благородныхъ металловъ, а, стало быть, и денегъ принесло фермерамъ золотые плоды. Прежде всего, понижено всѣмъ прежде разсмотрѣнныхъ обстоятельствъ, оно понизило заработную плату. Постоянное повышеніе цѣны на хлѣбъ, шерсть, мясо, однимъ словомъ, на всѣ земледѣльческіе продукты, увеличило денежный капиталъ фермера безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. между тѣмъ какъ выговоренная въ договорѣ поземельная рента уплачивалась въ прежнихъ, соответствовавшихъ иной цѣнности денегъ, размѣрѣ ²²⁸). Такихъ обра-

²²⁷) «Фермеры, которымъ раньше было трудно платить 4 ф. ст. ренты»,—говоритъ Harrison въ своей Description of England,—«платятъ теперь 40, 50, 100 ф. ст. и находятъ, что дѣла ихъ идутъ плохо, если по истеченіи срока контракта, они не скопятъ суммы, равной рентѣ за 6 или 7 лѣтъ».

²²⁸) О вліяніи обезцѣненія денегъ въ XVI-мъ столѣтіи на различные классы общества: «A Compendious or Briefe Examination of Certayne Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days. By W. S. Gentleman». (London 1581). Диалогическая форма этого произведенія способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, а еще въ 1751 г. издали подъ его именемъ. Авторъ его William Stafford. Въ одномъ мѣстѣ дворянинъ (рыцарь, Knight) разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Вы, мой сосѣдъ, земледѣлецъ, вы, лавочникъ и вы, добрый мѣдникъ, такъ же, какъ и другіе ремесленники, вы можете легко выпутаться изъ бѣды, такъ, какъ некогда теперь всѣ предметы дороже. чѣмъ они были, настолько вы повысили цѣну на ваши товары и на вашу работу. Но намъ печего продавать, намъ не на чемъ повысить цѣну, чтобы вознаградить себя за то, что мы должны покупать». Въ другомъ мѣстѣ дворянинъ спрашиваетъ у доктора. «Скажите, прошу васъ, кого вы имѣете въ виду. И прежде всего, кому, по вашему, вѣчего здѣсь терять?»—Докторъ: «Я имѣю въ виду всѣхъ тѣхъ, которые живутъ покупкой и продажей, такъ какъ, если они покупаютъ по дорогой цѣнѣ, то и продаютъ такъ же».—Рыцарь: «А кто прежде всего, по вашему, выигрываетъ отъ этого?»—Докторъ: «Всѣ тѣ, которые имѣютъ предпріятіи или фермы въ своемъ распоряженіи (т. е. обрабатываютъ) по старой рентѣ, такъ какъ они платятъ по старымъ цѣнамъ, а продаютъ по новымъ, т. е. они платятъ за свою землю дешево,

зомъ, онъ обогащался въ тоже самое время и на счетъ своихъ наемныхъ рабочихъ, и на счетъ своего лэндлорда. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что въ концѣ XVI го столѣтія Англія обладала классомъ «капиталистовъ-фермеровъ», довольно богатыхъ для условій того времени²²⁹).

В. Взіянiе земледѣльческаго переворота на промышленность. Образованіе внутренняго рынка для промышленнаго капитала.

Происходившія толчками и постоянно возобновлявшіяся экспроприація и изгнаніе сельскаго населенія доставляли, какъ мы видѣли, городской промышленности все новыя и новыя массы пролетаріевъ, стоявшихъ совершенно внѣ цехового строя, — мудрое обстоятельство, заставляющее старика А. Anderson'a, автора *Исторіи Торговли*, (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ James'омъ Anderson'омъ), видѣть въ этомъ прямое внимательство Провидѣнія. Мы должны еще немного

а продають всѣ продукты очень дорого»... Дворянинъ:—«А кто, по вашему мнѣнію, при этихъ обстоятельствахъ больше терять, чѣмъ выигрываетъ?—Докторъ:—«Всѣ дворяне, джентльмены, и всѣ тѣ, кто живутъ небольшою рентой или жалованьемъ, или кто не обрабатываютъ земли, или не занимаются покупкой и продажей».

²²⁹) Во Франціи управляющій (Régisseur), сборщикъ всякихъ повинностей въ пользу феодальнаго барона, въ началѣ среднихъ вѣковъ, вкорѣ становится homme d'affaires, который посредствомъ вымогательства, мошенничества и т. д. подымается до ступени капиталиста. Эти Régisseurs иногда сами были знатными господами. Нанр.: «C'est li compte que messire Jacques de Thoraine, chevalier chastelain sor Beaumont rent es seigneur tenant les comptes à Dijon pour monseigneur le duc et comte de Bourgogne, des rentes appartenant à la dite chastellenie depuis XXV e jour de décembre MCCCCLIX jusqu'au XXVIII e jour de décembre MCCCCLX». (Alexis Monteil: «Histoire des Matériaux manuscrits» etc, p. 244). Уже здѣсь видно, какъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни звынная доля достается посреднику. Въ области экономіи финансисты, биржевики, купцы, мелкіе торговцы снимаютъ пѣни со всѣхъ дѣлъ, въ области гражданскаго права адвокатъ ошцпываетъ стороны; въ политикѣ представитель имѣетъ больше значенія, чѣмъ избиратели, министръ больше, чѣмъ государь; въ религіи Богъ отодвигается на задній планъ «посредникомъ», а этотъ послѣдній въ свою очередь вытѣсняется попами, которые служатъ непобѣдимыми посредниками между добрыми пастыремъ и его овцами. Во Франціи, какъ и въ Англіи, большія феодальныя помѣстья дѣлились на безконечное множество мелкихъ хозяйствъ, но на гораздо менѣе благоприятныхъ условіяхъ для сельскаго населенія. Въ XIV-мъ столѣтіи воянжили фермы, fermes или terriers. Число ихъ постоянно росло и превышало 100.000. Они платили поземельную ренту, составлявшую отъ пятой до двѣнадцатой части продукта, деньгами или натурой. Terriers составляли дены, подлены, и т. д. (fiefs, arrière-fiefs), смотря по дѣиности и размѣру имѣній, изъ которыхъ нѣкоторые состояли только изъ нѣсколькихъ десятинъ. Всѣ эти terriers имѣли также судебную власть; по отношенію къ жителямъ власть эта имѣла 4 степени. Можно себѣ представить, какъ всѣ эти мелкіе тираны угнетали сельское населеніе. Monteil говоритъ, что тогда во Франціи было 160.000 судебныхъ учрежденій тамъ, гдѣ теперь достаточно 4.000 (считая и низшіе суды).

остановиться на этомъ элементъ первоначальнаго накопленія. Уменьшенію независимаго сельскаго населенія, ведущаго самостоятельное хозяйство, соответствовало не только увеличеніе промышленнаго пролетаріата, какъ по Geoffroy Saint-Hilaire'у разръженіе мировой матеріи въ одномъ мѣстѣ объясняется уплотненіемъ ея въ другомъ ²²⁰⁾. Несмотря на уменьшеніе числа земледѣльцевъ, земля приносила продуктовъ столько же, сколько и прежде или больше, такъ какъ переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ сопровождался улучшеніемъ способовъ культуры, развитіемъ коопераціи; концентраціей средствъ производа и т. д. и такъ какъ не только сельскіе рабочіе принуждены были интенсивно трудиться ²²¹⁾, но, кромѣ того, то пространство, которое они обрабатывали для себя, все таяло и таяло. Съ освобожденіемъ сельскаго населенія освобождаются, слѣдовательно, и прежнія его средства пропитанія. Они превращаются теперь въ матеріальный элементъ переменнаго капитала. Брошенный на улицу крестьянинъ долженъ теперь пріобрѣтать цѣнность яхъ у своего новаго господина, промышленнаго капиталиста, въ формѣ заработной платы. То же самое происходитъ и съ мѣстнымъ земледѣльческимъ сырьемъ промышленности. Оно превращается нъ одинъ изъ элементовъ постояннаго капитала.

Предположимъ, напр., что нѣкоторая часть вестфальскихъ крестьянъ, которые во времена Фридриха II въ пріязи лень, была насильственно экспроприрована и изгнана съ земли, другая же оставшаяся часть превращена въ наемныхъ рабочихъ крупныхъ фермеровъ. Въ то же самое время возникаютъ крупныя льнопрядильныя и льноткацкія фабрики, гдѣ «освобожденные» работаютъ уже въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Ленъ и теперь имѣетъ такой же видъ, какъ прежде. Ни одно волокно не въ немъ не измѣнилось, но въ него вселялась новая соціальная душа. Онъ образуетъ теперь часть постояннаго капитала владельца мануфактуры. Ленъ, прежде распредѣлявшійся между безчисленнымъ множествомъ мелкихъ производителей, которые сами его воздѣлывали и въ небольшихъ количествахъ прили со своими семействами, теперь сконцентрированъ въ рукахъ одного капиталиста, дающаго его другимъ прясть и ткать для себя. Добавочный трудъ, потраченный на пряженіе льна, реализовался прежде изъ добавочныхъ доходахъ многочисленныхъ крестьянскихъ семействъ или же, во времена Фридриха II, въ налогахъ pour le roi de Prusse. Теперь онъ реализуется въ прибыли немногихъ капиталистовъ. Веретена и ткацкіе станки, прежде разбросанные по всей странѣ, теперь сосредоточены въ немногихъ большихъ рабочихъ казармахъ, такъ же, какъ и рабочіе, такъ же, какъ и сырой матеріалъ. Изъ средствъ независимаго существованія пряильщиковъ и ткачей веретена, ткацкіе станки и сырой матеріалъ отнынь превращаются въ средства господства надъ ними ²²²⁾ и высасыванія изъ нихъ неоплаченнаго труда. Крупныя мануфактуры, равно какъ и крупныя фермы, своимъ видомъ не говорятъ, что

²²⁰⁾ Въ своихъ «Notions de Philosophie Naturelle. Paris 1838».

²²¹⁾ Обстоятельство, которое подчеркивается Sir James Steuart.

²²²⁾ «Я позволяю вамъ имѣть честь служить мнѣ,—говоритъ капиталистъ,—съ условіемъ, чтобы вы отдавали мнѣ то немногое, что у васъ остается, за трудъ командованія вами». (J. J. Rousseau: Discours sur l'Economie Politique).

они образовались изъ соединенія многихъ мелкихъ мастерскихъ и вследствие экспроприации многихъ мелкихъ независимыхъ производителей. Однако безпристрастный взоръ не вводится этимъ въ заблужденіе. Во времена Мирабо, лѣва революціи, крупныя мануфактуры назывались еще *manufactures réunies*, соединенными мастерскими, какъ мы говоримъ о соединенныхъ поляхъ. «Мы видимъ только крупныя мануфактуры, — говорятъ Мирабо — на которыхъ сотни людей работаютъ подъ управленіемъ одного директора, и которыя обыкновенно называются соединенными мануфактурами (*manufactures réunies*). Но мы, напротивъ того, одна удостоиваемъ вниманія тѣ, изъ которыхъ очень значительное число рабочихъ трудится въ раздробъ каждый за свой собственный счетъ. Ихъ отодвигаютъ на задній планъ. Но это очень большое заблужденіе, такъ какъ только они одни образуютъ дѣйствительно важную часть народнаго богатства... Соединенная фабрика (*fabrique réunie*) необычайно обогащаетъ одного или двухъ предпринимателей, но рабочіе въ ней только хуже или лучше оплачиваемые поденщики, отнюдь не участвующіе въ благосостояніи предпринимателя. Въ разъединенной фабрикѣ (*fabrique séparée*), наоборотъ, никто не богатѣетъ, но множество рабочихъ пользуется благосостояніемъ... Растетъ число трудолюбивыхъ и бережливыхъ рабочихъ, такъ какъ въ благоразумномъ образѣ жизни, въ дѣятельности они видятъ средство существенно улучшить свое положеніе, а не получить маленькое повышеніе платы, которое никогда не можетъ имѣть важнаго значенія для будущаго, но даетъ человѣку лишь возможность нѣсколько лучше жить изъ дня въ день. Разъединенныя индивидуальныя мануфактуры, по большей части соединенныя съ мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ, одни только даютъ свободу» ²³⁾ Экспроприация и изгнаніе одной части сельскаго населенія освобождаютъ выѣсть съ рабочими не только ихъ средства существованія и ихъ рабочій матеріалъ для промышленнаго капитала, — они создаютъ внутренній рынокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря событіямъ, превращающимъ мелкихъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, а ихъ средства существованія и труда — въ матеріальные элементы капитала, образуется въ то же самое время для этого послѣдняго его внутренній рынокъ. Прежде крестьянское семейство производило съѣстные припасы и обрабатывало сырой матеріалъ, которые оно, по большей части, потомъ само потребляло. Эти съѣстные припасы и сырой матеріалъ стали теперь товарами: крупный фермеръ продаетъ ихъ, находя сбытъ для нихъ на мануфактурахъ. Пряжа, холсты, грубыя шерстяныя матеріи — вещи, сырье для которыхъ имѣлось на лицо въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ, пряшлага и ткавшего ихъ для своего собственнаго потребленія — превратились теперь въ мануфактурные товары, для которыхъ племенно сельскіе округа и служатъ рынками сбыта. Многочисленные разбѣянные покупатели, спросъ которыхъ удовлетворялся многими.

²³⁾ Mirabeau l. c. t. III, p. 20—109 *passim*. Если Мирабо считаетъ разбѣяныя мастерскія болѣе производительными и болѣе экономичными, чѣмъ «соединенныя» и въ послѣднихъ видитъ только искусственныя тепличныя созданія, выросшія подъ покровительствомъ правительства, то это объясняется тогдашнимъ состояніемъ большей части континентальныхъ мануфактуръ.

работающими за свой собственный счет мелкими производителями, концентрируются теперь въ одинъ большой, снабжаемый промышленнымъ капиталомъ, рынокъ ²³⁴⁾. Такимъ образомъ рука объ руку съ экспроприацией крестьянъ, вытѣсненныхъ прежде самостоятельное хозяйство, съ ихъ отдѣленіемъ отъ средствъ производства идетъ уничтоженіе сельской подсобной промышленности, процессъ отдѣленія промышленности отъ земледѣлія. И только съ уничтоженіемъ сельскаго домашнего производства внутренній рынокъ страны можетъ принять тѣ размѣры и ту прочность, которые необходимы для капиталистическаго способа производства.

Однако собственно мануфактурный періодъ не несетъ еще съ собой радикальнаго переворота. Напомнимъ, что мануфактура лишь по частямъ овладѣваетъ національнымъ производствомъ и опирается всегда на городское ремесло и сельскую домашне-подсобную промышленность. Если она уничтожаетъ послѣднюю въ одной какой-нибудь формѣ, въ однихъ отрасляхъ промышленности, въ извѣстныхъ пунктахъ, то она создаетъ ее въ другихъ, такъ какъ она до извѣстной степени сама нуждается въ этой промышленности для обработки сырого матеріала. Она создаетъ, такимъ образомъ, новый классъ мелкихъ поселенцевъ, для которыхъ земледѣліе есть побочное занятіе, главнымъ же дѣломъ является промышленный трудъ, продукты котораго продаются на мануфактурѣ — непосредственно или черезъ посредство купца. Это обстоятельство есть одна, хотя и не главная, основа явленія, сближающаго съ толку того, кто приступаетъ къ изученію англійской исторіи. Начиная съ послѣдней трети XV-го столѣтія постоянно раздаются жалобы на распространеніе капиталистическаго сельскаго хозяйства и на прогрессивное уничтоженіе крестьянства. Съ другой стороны мы постоянно снова находимъ это крестьянство, хотя и въ все меньшемъ и меньшемъ числѣ и въ все худшемъ и худшемъ положеніи ²³⁵⁾. Главная причина этого заключается въ томъ, что Англія является попеременно то страной преимущественно земледѣльской, то страной преимущественно скотоводческой; и въ связи съ этими колебаніями испытываются также и размѣры крестьянскаго хозяйства. Только крупная промышленность создаетъ, въ видѣ машинъ, прочное основаніе для капиталистическаго земледѣлія, радикально экспроприруетъ громадное большинство сельскаго населенія и довершаетъ отдѣленіе земледѣлія отъ

²³⁴⁾ «Двадцать фунтовъ шерсти, спокойно ежегодно превращаемые собственнымъ трудомъ въ промежутки между другими работами въ одежду крестьянскаго семейства, не бросаются въ глаза; но принесите ихъ на рынокъ, пошлите ихъ на фабрику, затѣмъ къ малолѣту, затѣмъ къ купцу, и получите большія коммерческія операціи и номинальный капиталъ, въ двадцать разъ превышающій цѣнность продукта... Рабочій классъ принужденъ такимъ образомъ переносить жадное фабричное населеніе, классъ паразитовъ лавочниковъ и основанную на фикціяхъ коммерческую, денежную и финансовую систему». (David Urquhart l. c. p. 120).

²³⁵⁾ Исключеніе здѣсь составляютъ только времена Кроулея. Пока существовала республика, всѣ свои англійской народной массы подняли изъ того состоянія униженія, въ которое они опустились при Тюдорахъ.

сельскихъ домашнихъ промысловъ — пряденія и ткачества ²³⁶⁾, вырывая послѣдніе съ корнемъ. Поэтому, только она завоевывала для промышленнаго капитала весь внутренній рынокъ ²³⁷⁾.

6. Генезисъ промышленнаго капитализма.

Генезисъ промышленнаго капитализма ²³⁸⁾ не былъ столь постепеннымъ, какъ генезисъ фермера. Безъ сомнѣнія отдѣльные мелкіе цеховые мастера и еще болѣе самостоятельные мелкіе ремесленники и даже наемные рабочіе превращались въ мелкіхъ капиталистовъ и, посредствомъ постепенно расширяемой эксплоатации наемнаго труда и соответствующаго накопленія, становились капиталистами *sans phrase*. Въ младенческомъ періодѣ капиталистическаго производства часто происходило то же самое, что и въ младенческомъ періодѣ средневѣковаго городского строя, гдѣ вопросъ, кто изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ долженъ сдѣлаться хозяиномъ и кто слугою, въ большинствѣ случаевъ рѣшался тѣмъ, кто изъ нихъ бѣжалъ раньше, кто позже. Но черепашій ходъ этого способа вовсе не соответствовалъ торговымъ потребностямъ новаго мірового рынка, созданнаго великими открытіями конца XV-го столѣтія. Средніе вѣка передали по наслѣдству новой исторіи двѣ различныя формы капитала, которыя созрѣваютъ въ самыхъ различныхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ и до эры капиталистическаго способа производства считаются за капиталъ *quand même*—

²³⁶⁾ Tuckett знаетъ, что назъ настоящихъ мануфактуръ и назъ разрушенія сельскихъ или домашнихъ промысловъ съ введеніемъ машинъ произошла крупная шерстяная промышленность (Tuckett I. c. v. I, p. 141). «Плугъ, ярмо были изобрѣтеніемъ боговъ и запятіемъ героевъ, но развѣ ткацкія станки, веретена и самопрялка—менѣе благороднаго происхожденія? Вы отдѣляете самопрялку отъ плуга, веретено отъ ярма и вы получаете фабрики и рабочіе дома, кредитъ и панику, двѣ враждебныя націи, земледѣльческую и торговую». (David Urquhart I. c. p. 122). Но вотъ является Carey и справедливо обвиняетъ Англію, что она стремится превратить всѣ другія страны въ земледѣльческія, фабрикантомъ которыхъ была бы Англія. Онъ утверждаетъ, что такимъ образомъ была разорена Турція, такъ какъ Англія никогда не давала «собственникамъ и земледѣльцамъ» укрѣпиться посредствомъ естественнаго соединенія плуга съ ткацкимъ станкомъ, бороня съ молотомъ». (The Slave Trade, p. 125). Но его мнѣнію самъ Urquhart является однимъ изъ главныхъ дѣателей разоренія Турціи, гдѣ онъ въ интересахъ Англіи велъ пропаганду свободной торговли. Любопытнѣе всего то, что Carey, между прочимъ—большой прислужникъ Россіи, посредствомъ протекціонной системы хочетъ пресѣчь тотъ процессъ отдѣленія, который эта система только ускоряетъ.

²³⁷⁾ Англійскіе экономисты филантропическаго направленія, какъ Mill, Godwin, Smith, Fawcett и т. д., и либеральныя фабриканты, какъ John Bright и тов., спрашиваютъ у англійскихъ земельныхъ аристократовъ, какъ Богъ спрашивалъ Каина о его братѣ Авелѣ, куда дѣвались тысячи нашихъ Freeholder'овъ. Но откуда же взялись вы самъ? Благодаря уничтоженію этихъ Freeholder'овъ. Почему вы не спрашиваете далѣе: куда дѣлись независимые ткачи, прядильщики, ремесленники?

²³⁸⁾ «Промышленный» здѣсь въ противоположность «земледѣльческому». Въ «категорическомъ» смыслѣ фермеръ такой же промышленный капиталистъ, какъ и фабрикантъ.

ростовщическій капиталъ и торговый капиталъ. «Въ настоящее время все богатство общесва понадесть сначала въ руки капиталиста... онъ платитъ землевладѣльцу ренту, рабочему—заработную плату, удовлетворяетъ требованія сборщика податей и десятины и удерживаетъ для самого себя значительную часть годового продукта труда, въ дѣйствительности самую большую часть, ежедневно возрастающую. Теперь капиталиста можно разсматривать, какъ первоначальнаго собственника всего общественнаго богатства, хотя никакой законъ не далъ ему этого права собственности... Эта чермѣна собственности произведена была полученіемъ процентовъ съ ссуднаго капитала... и что любопытнѣе всего, такъ это то, что законодатели всей Европы хотѣли воспрепятствовать атому путемъ законовъ противъ ростовщичества... Власть капиталиста надъ всѣмъ богатствомъ страны представляетъ полный переворотъ въ правѣ собственности, но въ силу какого закона или какого ряда законовъ произошлъ этотъ переворотъ?»²¹⁰⁾ Авторъ долженъ былъ бы догадаться, что перевороты не производятся законами.

Феодалный строй въ сельскихъ округахъ и цеховая организація въ городахъ мѣшали превращенію денежнаго капитала, образовавшагося посредствомъ ростовщичества и торговли, въ промышленный капиталъ²¹¹⁾. Эти преграды рушились съ расцупченіемъ феодалныхъ дружинъ, съ экспроприаціей и изгнаніемъ части сельскаго населенія. Новыя мануфактуры возникли, главнымъ образомъ, въ морскихъ экспортныхъ гаваняхъ или въ такихъ мѣстахъ внутри страны, которыя были внѣ сферы господства стараго городского устройства и его цеховой организаціи. Отсюда въ Англіи—ожесточенная борьба между *corporate towns* (старыми привилегированными городами) и такими новыми разсадниками промышленности.

Открытие золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Америкѣ, истребленіе, рабощеніе и погребеніе живо туземнаго населенія въ этихъ рудникахъ, первые шаги по пути завоеванія и ограбленія Остъ-Индіи, превращеніе Африки въ мѣсто выгодной охоты за чернокожими, всѣ эти явленія характеризуютъ капиталистическую эру на зарѣ ея развитія. Эти идиллическіе процессы суть главные моменты первоначальнаго накопленія. За ними идетъ торговая война европейскихъ народовъ, театромъ которой является весь земной шаръ. Она открывается отняденіемъ Нидерландовъ отъ Испаніи, принимается исполнскіе размѣры въ англійской антиякобинской войнѣ и продолжается еще до нашихъ дней въ войнахъ изъ-за опиума съ Китаемъ и т. д.

Различные моменты первоначальнаго накопленія слѣдуютъ одинъ за другимъ въ болѣе или менѣе правильномъ хронологическомъ порядкѣ; мѣстомъ дѣйствія ихъ является Испанія, Португалія, Голландія, Франція, Англія. Въ Англіи, въ концѣ XVII-го столѣтія, они всѣ сочетаются въ цѣльную систему,

²¹⁰⁾ «The Natural and Artificial Rights of Property Contrasted. Lond. 1832», p. 98, 99. Авторъ этого анонимнаго сочиненія: Th. Hodgskin.

²¹¹⁾ Еще въ 1794 г. мелкіе суконщики Leeds'a послали депутацію въ парламентъ, прося пасть законъ, запрещающій купцамъ дѣлаться фабрикантами. (Dr. Aikin l. c.).

отдѣльными звеньями которой являются колоніальная система, система государственнѣхъ долговъ, современная система обложенія и протекціонная система. Всѣ эти методы отчасти основываются на самомъ грубомъ насильіи, напр., колоніальная система. Всѣ они пользуются государственною властью, этой централизованною и организованою силою общества, для того, чтобы ускорить превращеніе феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сократить переходныя ступени. Насильіе является повивальной бабкой всякаго стараго общества, чреватаго новымъ. Оно само является экономической силою.

W. Howitt, сдѣлавшій христіанство своей спеціальностью, говоритъ слѣдующее о христіанской колоніальной системѣ: «варварство и гнусныя жестокости, совершенныя такъ называемыми христіанскими расами во имя страханъ свѣта и противъ всѣхъ народовъ, которые они могли покорить, не имѣютъ ничего себѣ равнаго ни въ какую эпоху всемірной исторіи, ни у одной расы, даже самой дикой и необразованной, безжалостной и безсовѣстной» ²⁴¹⁾. Исторія голландскаго колоніальнаго хозяйства—а Голландіи была образцовой капиталистической націей въ XVII-мъ столѣтіи—«развертываетъ безподобную картину измѣны, подкупоны, убійства изъ-за угла и подлости» ²⁴²⁾. Что можетъ быть характернѣе голландской системы кражи людей на Целебесѣ, съ цѣлью полученія рабовъ для Явы. Для этого были дрессированы особенные похитители людей. Похититель, переводчикъ и продавецъ были главными агентами этой торговли, туземные князья—главными продавцами. Похищенную молодежь запирали въ секретныя тюрьмы Целебеса, гдѣ она вырѣзывала къ отпавкѣ на невольничьихъ корабляхъ. «Одинъ городъ Макассаръ напр., — говорится въ одномъ официальном отчетѣ, —половъ секретныхъ тюремъ, одна ужаснѣе другой, переполненныхъ несчастными, жертвами жадности и тиранин, закованными въ кандалы, насильственно оторванными отъ своихъ семействъ». Чтобы завладѣть Малаккой, голландцы подкупили португальскаго губернатора. Онъ выпустилъ ихъ въ городъ въ 1641 г. Они тотчасъ же явились къ его дому и убили его исподтишка, чтобы «воздержаться» отъ уплаты 21.875 ф. ст. вознагражденія за измѣну. Всюду, куда они ни появлялись, за ними слѣдовали опустошеніе и уменьшеніе населенія. Въ Banjwangi, провинція на Явѣ, въ 1750 г. считалось 80.000 жителей, а въ 1811 только 8.000. Вотъ, что называется, *double commerce!*

Англійская остъ-индская компанія приобрѣла, какъ извѣстно, кромѣ политическаго господства въ Остѣ-Индіи, исключительную монополію чайной торговли и вообще китайской торговли, а также монополію перевозки товаровъ въ Европу и изъ Европы. Каботажъ у береговъ Индіи и судоходство между остро-

²⁴¹⁾ William Howitt: «Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all their Colonies. Lond. 1838», p. 9. Объ обращеніи съ рабами мы находимъ хорошую компилятивную сводку у Charles Comte: «Traité de la Législation. 3-me éd. Bruxelles 1817». Нужно подробно изучать этотъ предметъ, чтобы видѣть, что дѣлаетъ буржуа изъ самого себя и изъ рабочаго тамъ, гдѣ онъ можетъ безъ стѣсненія создавать міръ по образу и подобию своему.

²⁴²⁾ Thomas Stamford Raffles, late Lieut. Gov. of that Island: «Java and its dependencies. Lond. 1817».

намп, а также торговля внутри Индіи стали монополіей высшихъ чиновниковъ компаній. Монополія соли, опиума, бетеля и другихъ товаровъ была неисчерпаемымъ источникомъ богатства. Чиновники сами устанавливали цѣны и немилосердно обирали несчастныхъ индусовъ. Генералъ-губернаторъ принималъ участіе въ этой частной торговлѣ. Любимыя его получали контракты на такихъ условіяхъ, благодаря которымъ они лучше алхимиковъ дѣлали золото изъ ничего. Громадныя соеянія, какъ грибы, вырастали въ одинъ день, первоначальное накопленіе совершалось безъ предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебное пресѣдованіе Warren Hastings'a позно такихъ промѣловъ. Приведемъ здѣсь одинъ случай. Искій Sullivan получаетъ контрактъ на поставку опиума въ моментъ своего отъѣзда — по порученію правительства — въ часть Индіи, расположенную вдаль отъ мѣста производства опиума. Sullivan продаетъ свой контрактъ за 40.000 ф. ст. пѣкому Binn'у, Binn въ тотъ же день продаетъ его за 60.000 ф. ст., а послѣдній покупатель и исполнитель контракта завываетъ, что, несмотря на это, онъ еще получалъ огромную прибыль. Изъ списка, представленнаго парламенту, оказывается, что за время съ 1757 — 1766 г. компанія заставила индійцевъ подарить ей и ея чиновникамъ 6 милліоновъ ф. ст.! Между 1769 и 1770 г. англичане создали голодъ, скупивъ весь рисъ и соглашались продавать его только по баснословной цѣнѣ²⁴³).

Обращеніе съ туземцами было, конечно, всего ужаснѣе въ тѣхъ колоніяхъ, которыя были предназначены только для вывозной торговли, напр., въ Вестъ-Индскихъ плантаціяхъ, и въ богатыхъ и густо населенныхъ странахъ, обреченныхъ стать жертвами разбоя и грабежа, каковы Мексика и Остъ-Индіа. Впрочемъ, и въ настоящихъ колоніяхъ христіанскій характеръ первоначальнаго накопленія не преминулъ проявиться. Пуритане Новой Англіи, эти трезвые и протестантскаго назначія, въ 1703 г. постановленіемъ своей Assembly премію въ 40 ф. ст. за каждый скальпъ индѣйца и каждого пойманнаго краснокожаго, въ 1720 г. премію въ 100 ф. ст. за каждый скальпъ, а въ 1744 г., послѣ того какъ Massachusetts - Bay объявилъ одно изъ племенъ мятежнымъ, были назначены слѣдующія цѣны: 100 ф. ст. за каждый мужской скальпъ 12 лѣтъ и старше, 105 ф. ст. за пойманнаго мужчину, 50 ф. ст. за пойманную женщину или ребенка и 50 ф. ст. за скальпъ женщины или ребенка! Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя колоніальная система отомстила потомкамъ этихъ набожныхъ отцовъ пилигримовъ (pilgrim fathers), ставшихъ въ свою очередь мятежниками. По наущенію и за деньги англичанъ ихъ избивали томаганками (tomahawked). Британскій парламентъ объявилъ жестокости и скальпированіе «средствами, данными ему Богомъ и природой».

Колоніальная система съ чисто тепличной силой содѣйствовала росту торговли и мореплаванія. «Монополизмъ общества» (Luther, «Die Gesellschaften Monopolia») были мощными рычагами концентраціи капитала. Колоніи обезпечивали нарождавшимся мануфактурамъ рынокъ сбыта и успешное, благодаря

²⁴³) Въ 1866 г. въ одной только провинціи Orissa умерло отъ голода больше милліона индусовъ. Тѣмъ не менѣе дѣлались старанія обогатить государственную казну Индіи цѣнами, по которымъ продавались средства пропитанія голодающихъ.

монопольн рыка, накопленіе. Сокровища, захваченныя въ Европы прямымъ грабежемъ, порабощеніемъ и разбоемъ, возвращались на свою родину и превращались здѣсь въ капиталъ. Голландія, которая первая вполне развила колониальную систему, находилась уже въ 1648 г. на вершинѣ своего торговаго величія. Она «получила почти исключительное обладаніе Остѣ-Индской торговли и сообщеніемъ между юго западомъ и сѣверо-востокомъ Европы. Своими рыбными ловлями, своими флотомъ, своими мануфактурами она превосходила всѣ другія страны. Капиталы республики были, можетъ быть, больше, чѣмъ капиталы всей остальной Европы, вѣсть взяты». Но Gulich забываетъ прибавить, что голландскія народныя массы въ 1648 г. были уже самыми истощенными, благодаря чрезвычайному труду, самыми нищими, наиболѣе грубо угнетаемыми изъ всѣхъ безъ исключенія европейскихъ націй.

Въ настоящее время промышленное первенство ведетъ за собой торговое. Но въ мануфактурный періодъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, наоборотъ, торговое первенство вело къ промышленному преобладанію. Отсюда — преобладающая роль колониальной системы въ эту эпоху. Она была тѣмъ «чуждымъ богомъ», который съѣлъ на алтарь рядомъ со старыми богами Европы и однимъ ударомъ выбросилъ ихъ всѣхъ за бортъ. Она объявила полученіе прибыли конечной и единственною цѣлью человѣчества.

Система государственнаго кредита, т. е. государственныхъ долговъ, зачатки которой мы открываемъ еще въ средніе вѣка въ Генуѣ и Венеціи, въ мануфактурный періодъ захватила всю Европу. Колониальная система съ ея морскою торговлею и ея торговыми войнами точно темпца ускоряла развитіе государственныхъ долговъ. Прежде всего система государственнаго кредита развилась въ Голландіи. Государственный долгъ, т. е. отчужденіе государства — все равно, деспотическаго, конституціоннаго или республиканскаго — налагаетъ опредѣленный отпечатокъ на капиталистическую эру. Единственная часть такъ называемаго національнаго богатства, дѣйствительно переходящая въ общую собственность современныхъ народовъ — это ихъ государственный долгъ ^{243а}). Поэтому, воплотивъ послѣдовательна та современная доктрина, согласно которой народъ становится тѣмъ богаче, чѣмъ больше онъ дѣлаетъ долговъ. Государственный кредитъ дѣлается средо капитала. Съ появленіемъ задолженности государства мѣсто грѣха противъ Святого Духа, за который пѣтъ прощенія, занимаетъ нарушеніе довѣрія къ государственному долгу.

Государственные долги являются однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ первоначальнаго накопленія. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла они надѣляютъ непродуцирующія деньги производительною силой и превращаютъ ихъ такимъ образомъ въ капиталъ, не подвергая его при этомъ ни риску, ни заботамъ, неразрывно связаннымъ съ помѣщеніемъ денегъ въ промышленность и даже съ отдачей ихъ въ ростъ. Государственные кредиторы въ сущности ничего не даютъ, такъ какъ отданныя ими въ заемъ деньги превращаются въ легко переносимыя долговыя свидѣтельства, функционирующія въ рукахъ кре-

^{243а}) William Cobbet замѣчаетъ, что въ Англіи всѣ публичныя учрежденія иназываются «королевскими», но наизмѣнъ этого есть «національный» долгъ (national debt).

диторовъ такъ же, какъ будто бы они были напичаны деньгами на такую же сумму. Но, помимо создавшаго такимъ образомъ класса праздныхъ рабѣ и импровизованнаго богатства финансистовъ, играющихъ роль посредниковъ между правительствомъ и націей, помимо откупщиковъ государственныхъ доходовъ, купцовъ, фабрикантовъ бумажны, которыми каждый заемъ оказывалъ услугу капиталу, свалившагося съ неба—государственные долги создали акціонерныя общества, торговлю всевозможными цѣпными бумагами, ажіотажъ, словомъ: биржевую игру и современную банковрагію.

Украшенные національными титулами крупныя банки со дня своего рожденія представляли изъ себя только общества частныхъ спекулянтовъ, приходящія на помощь правительствамъ и, благодаря полученнымъ привилегіямъ, оказывающіеся въ состояніи ссужать ихъ деньгами.

Поэтому, самымъ вѣрнымъ мѣриломъ накопленія государственныхъ долговъ служить постепенное повышеніе акцій этихъ банковъ, широкое развитіе которыхъ началось съ учрежденія англійскаго банка (1694). Англійскій банкъ началъ съ того, что давалъ правительству деньги по 8⁰/₁₀; въ то же самое время онъ былъ уполномоченъ парламентомъ чеканить деньги изъ того же металла, пуская его снова въ обращеніе въ формѣ банковыхъ билетовъ (банкнотъ). Этимъ банкнотными билетами онъ могъ учитывать векселя, давать ссуды подъ товары и покупать благородныя металлы. Вскорѣ затѣмъ эти кредитныя деньги, имъ самими сфабрикованныя, стали деньгами, которыми англійскій банкъ ссужалъ государство и за счетъ государства платилъ проценты по его долгамъ. Но не довольствуясь тѣмъ, что онъ одной рукой давалъ съ тѣмъ, чтобы другой получать гораздо больше, банкъ и, получая деньги, оставался вѣчнымъ кредиторомъ націи до послѣдней данной имъ копейки. Мало-по-малу онъ неизбежно превратился въ резервуаръ металлическихъ сокровищъ страны и въ центръ притяженія всего ея торговаго кредита. Въ то время, когда въ Англіи перестали сжигать вѣдьмъ, тамъ стали вѣшать тѣхъ, кто подбавлялъ банковые билеты. Какое впечатлѣніе производило на современниковъ это внезапное появленіе шайбы банковратовъ, финансистовъ, рабѣ, маклеровъ, биржевыхъ барышниковъ, видно изъ сочиненій того времени, напр., изъ Bolingbroke'a ²⁴⁶ b).

Съ государственными долгами возникла международная кредитная система, подъ которой часто скрывается одинъ изъ источниковъ первоначальнаго накопленія у того или другого народа. Такъ, визиты венеціанской системы грабежа составляютъ такое скрытое основаніе капиталистическаго богатства Голландіи, которой Венеція во время своего упадка ссужала значительныя денежныя суммы. Таково же отношеніе между Голландіей и Англіей. Уже въ началѣ XVIII-го столѣтія мануфактуры Голландіи отошли на задній планъ, и она перестала быть господствующей торговой и промышленной страной. Одной изъ главныхъ торговыхъ операцій ея съ 1701—1776 становится отдача огромнѣйшихъ капита-

²⁴⁶ b) «Если бы шествіе татаръ на Европу произошло въ настоящее время, то трудно было бы объяснить имъ, что такое у насъ финансистъ». Montesquieu, «Esprit des lois» т. IV, р. 33. ed. Londres 1769.

ловъ въ заемъ въ особенности ея могущественному конкуррену Англіи. Такой же характеръ носить въ настоящее время отношеніе между Англіей и Соединенными Штатами. Многіе капиталы, появляющіеся сегодня въ Соединенныхъ Штатахъ безъ всякаго метрическаго свидѣтельства о рожденіи, представляютъ изъ себя лишь вчера капитализованную въ Англіи дѣтскую кровь.

Такъ какъ государственные долги опираются на государственные доходы, въ которыхъ должны быть покрыты ежегодные проценты и другіе платежи, то современная система обложенія исторически является необходимымъ дополненіемъ системы національных займовъ. Займы даютъ возможность правительству покрывать чрезвычайные расходы, безъ того чтобы плательщики налоговъ чувствовали это сейчасъ же, но въ послѣдствіи п займы всетаки требуютъ повышенія налоговъ. Съ другой стороны, увеличеніе налоговъ, происходящее въ слѣдствіе накопленія послѣдовательныхъ долговъ, принуждаетъ правительство при новыхъ чрезвычайныхъ расходахъ постоянно заключать новые займы. Современный фискальный режимъ, осью вращенія котораго являются налоги на предметы первой необходимости (т. е. ихъ удорожаніе), носитъ такимъ образомъ въ себѣ самомъ зародышъ своего автоматическаго прогрессивнаго возрастанія. Чрезмѣрное обложеніе представляетъ не случайное явленіе, а, наоборотъ, принципъ. Въ Голландіи, гдѣ эта система была прежде всего введена, великій патріотъ De Witt восхвалялъ ее въ своихъ *Maximes*, какъ лучшую систему сдѣлать рабочаго покорнымъ, скромнымъ, трудолюбивымъ и... задавленнымъ трудомъ. Но здѣсь насъ занимаетъ не столько разрушительное вліяніе, которое оказываетъ эта система на положеніе наемнаго рабочаго, сколько обусловленная ею насильственная экспроприація крестьянъ, ремесленниковъ, однимъ словомъ, всѣхъ составныхъ частей мелкаго средняго класса. Объ этомъ не существуетъ двухъ мнѣній, даже среди буржуазныхъ экономистовъ. Экспроприрующее дѣйствіе податной системы усиливается еще протекціонной системой—послѣдняя составляетъ одну изъ интегральныхъ частей первой.

Значительное участіе государственныхъ долговъ п соответствующей пмъ фискальной системы въ капитализаціи богатства п въ экспроприаціи массъ заставило многихъ писателей, какъ Cobbet, Doubleday и другіе, неправильно искать въ нихъ основную причину нищеты современныхъ народовъ.

Протекціонная система была искусственнымъ средствомъ фабрикаовать фабрикантовъ, экспроприровать независимыхъ рабочихъ, капитализировать національныя средства производства п существованія, насильственно сокращать переходъ отъ стараго способа производства къ современному. Европейскія государства брали съ бою патентъ на это изобрѣтеніе, но, разъ ставъ на службу капиталистовъ, они грабили не только свой собственный народъ, косвенно посредствомъ охранительныхъ пошлинъ п прямо посредствомъ вывозныхъ премій и т. д.,—въ зависимыхъ соедѣнныхъ странахъ. Кроме того, насильственно искоренялась всякая промышленность, такъ напр., ирландская шерстяная мануфактура была уничтожена Англіей. На европейскомъ континентѣ процессъ этотъ, по примѣру Кольбера, былъ значительно упрощенъ. Первоначальный капиталъ промышленниковъ брался здѣсь частью прямо изъ государственной казны. «Зачѣмъ

искать столь далеко причины мануфактурнаго расцвѣта Саксоніи передъ семилѣтней войной?, восклицаетъ Мирабо, причина эта — 180 милліоновъ государственнаго долга» ²⁴⁴).

Колоніальная система, государственные долги, гнетъ налоговъ, таможенное покровительство, торговая войны и т. д., всё эти отпрыски мануфактурнаго періода въ собственномъ смыслѣ слова, колоссально разрастаются въ младенческій періодъ крупной промышленности. Въ честь рожденія послѣдней устраивается огромное продовольственное избиеніе младенцевъ. Переговалъ фабрикъ, подобно матросамъ королевскаго флота, набирается черезъ посредство прессы. Какъ ни искусственно холодеетъ Sir F. M. Eden къ ужасамъ экспроприаціи сельскаго населенія, продолжавшейся съ послѣдней трети XV-го столѣтія до его времени, конца XVIII-го столѣтія, съ какимъ самодовольствомъ онъ ни заявляетъ, что этотъ процессъ «необходимъ» для установленія капиталистическаго земледѣлія и «правильнаго соотношенія между пахотной землею и пастбищемъ», — экономической необходимости избиенія и рабства дѣтей для превращенія мануфактурнаго производства въ фабричное и для установленія правильнаго отношенія между капиталомъ и рабочей силой онъ, однако, не понимаетъ. «Стоитъ, быть можетъ, говорить онъ, задуматься публикѣ надъ тѣмъ можетъ ли мануфактура, вынужденная для успѣшнаго своего дѣйствія похищать изъ рабочихъ домовъ и коттеджей бѣдныхъ дѣтей, которыя, сбѣгаясь группами, работаютъ большую часть ночи и лишены всякаго отдыха; мануфактура, гдѣ, кромѣ того, скучены безъ разбора люди обоаго пола и разныхъ возрастовъ и склонностей, такъ что заразительныя примѣры должны развивать распущенность и развратъ, — можетъ ли такая мануфактура увеличивать сумму національнаго и индивидуальнаго счастья» ²⁴⁵? «Въ Derbyshire, Nottinghamshire и въ особенности въ Lancashire'ѣ говоритъ Fielden, на большихъ фабрикахъ, построенныхъ на берегу ручьевъ, приводящихъ въ движеніе водяное колесо, введены въ употребленіе недавно изобрѣтенныя машины. Тысячи рукъ вдругъ понадобились въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ городовъ; и въ особенности Ланкаширъ, до того времени сравнительно мало населенный, нуждался прежде всего въ населенія. Сильнѣе всего былъ спросъ на маленькіе, проворные пальчики. Явилось обыкновеніе брать учениковъ (!) изъ различныхъ приходскихъ рабочихъ домовъ Лондона, Бирмингама и другихъ мѣстъ. Многія тысячи этихъ маленькыхъ безпомощныхъ созданій отъ 7 до 13 или 14 лѣтъ были такими образомъ отправлены на сѣверъ. Хозяева (т. е. похитители дѣтей) обыкновенно одѣвали, кормили своихъ учениковъ и помѣщали ихъ въ особомъ домѣ для учениковъ вблизи фабрики. Для наблюденія за ихъ трудомъ были поставлены особые надсмотрщики. Собственные интересы этихъ надзирателей за рабами заставляли ихъ до крайности изнурять дѣтей работой, такъ какъ плата надсмотрщиковъ была пропорціональна количеству труда, извлекаемому изъ дѣтей. Жестокость была естественнымъ

²⁴⁴) «Pourquoi aller chercher si loin la cause de l'éclat manufacturier de la Saxe avant la guerre? Cent quatre-vingts millions de dettes faites par les Souverains». Mirabeau l. c. t. VI, p. 101.

²⁴⁵) Eden l. c. b. II, ch. I, p. 121,

сѣдствіемъ этого... Во многихъ фабричныхъ округахъ, въ особенности въ Ланкаширѣ, эти невинныя существа, лишеныя друзей, отданныя на произволъ фабрикантовъ, подвергались раздирающимъ сердце пыткамъ. Ихъ загоняли до смерти чрезмѣрнымъ трудомъ... били плетью, заковыдали и пытали съ отчужденнѣйшей и утонченнѣйшей жестокостью; во многихъ случаяхъ ихъ морили голодомъ до истощенія, въ то же время плетью заставляя работать... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже были доведены до самоубійства... Прекрасныя и романтическія долины Дербишира, Ноттингемшира и Ланкашира, скрытыя отъ общественнаго контроля, превратившись въ ужасныя мѣста пытокъ и часто—убійствъ!... Прибыли фабрикантовъ были огромныя. Это только разжигало ихъ вольную ачужденность. Они ввели ночную работу, т. е. изнуривъ одну группу рабочихъ дневнымъ трудомъ, они держали наготовѣ другую группу для ночной работы; дневная группа направлялась въ постели, только что оставленная ночной группой и vice versa. Въ Ланкаширѣ существуетъ даже преданіе, что постели при этомъ никогда не простывали»²⁴⁶⁾.

Съ развитіемъ капиталистическаго производства во время мануфактурнаго періода общественное мнѣніе Европы лишилось послѣдняго остатка стыда и совѣсти. Націи цинично хвастались всякой подлостью, служившей средствомъ накопленія капитала. Стоитъ прочесть напр. наивныя лѣтописи торговли добрыма А. Андерсона. Здѣсь какъ торжество англійской государственной мудрости восхваляется тотъ фактъ, что Англія по Утрехтскому миру на основаніи договора *Asiento* выпудила у испанцевъ привилегію для веденія торговли неграми, которую она до сихъ поръ вела только между Африкой и англійской Вестъ-Индіей, также между Африкой и испанской Америкой. Англія получила право до 1743 г. снабжать испанскую Америку ежегодно 4800 неграми. Это послужило также оффиціальнымъ предлогомъ для британской контрабанды. Ливерпуль выросъ на

²⁴⁶⁾ John Fielden l. c. p. 5, 6. Относительно нивостей, совершенныхъ въ началѣ фабричнаго производства ср. Dr. Alkin (1795) l. c. p. 219 и Glasgow: «Enquiry into the duties of men. 1795», т. II.—Такъ какъ паровая машина перенесла фабрики съ береговъ рѣкъ изъ деревень въ города, то «воздерживающіеся» капиталисты находили подъ рукою достаточно дѣтей, не прибѣгая къ содѣйствію рабочихъ домовъ для полученія рабовъ.—Когда сэръ Р. Пиль (отецъ «министра пріемлемости», «Ministers der Plausibilität») внесъ въ 1815 г. свой билль о защитѣ дѣтей, F. Horner, свѣдѣло «комитета о слиткахъ» (Bullion-Comittee) и близкій другъ Ривардо, заявилъ въ Палатѣ Общинъ: «Завѣдомый фактъ, что вмѣстѣ съ имуществомъ одного банкрота продавалась съ публичныхъ торговъ банда фабричныхъ дѣтей, если можно употребить это выраженіе, и была продана, какъ часть его имущества. Два года тому назадъ (1813) возмутительный случай разбирался въ King's Bench (Судъ королевской скамьи). Дѣло касалось нѣсколькихъ мальчиковъ. Одинъ лондонскій приходъ отдалъ ихъ одному фабриканту, тотъ въ свою очередь передалъ ихъ другому. Наконецъ, они были найдены нѣсколькими друзьями членства въ состояніи абсолютнаго истощенія отъ голода (absolute famine). Другой случай, еще болѣе возмутительный, былъ доведенъ до его свѣдѣнія, какъ члена парламентской сѣдственной коммисіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ лондонскій приходъ и одинъ ланкаширскій фабрикантъ заключили договоръ, по которому фабрикантъ обязался на каждыя 2 десятка здоровыхъ дѣтей брать одного идіота».

основѣ торговли неграми. Она составляла его методъ первоначальнаго накопленія. И по настоящее время еще «почтенные люди» Ливерпуля остаются пиндарамъ торговли невольниками, которал—ср. цитированную уже выше брошюру Dr. Aikin'a 1795 г.—«доводить до настоящей страсти духъ коммерческой предприимчивости, воспитываетъ славныхъ моряковъ и приносить крупныя деньги». Въ Ливерпулѣ въ 1730 г. торговлей невольниками было занято 15 кораблей, въ 1751 г.—53, въ 1760—74, въ 1770—96 и въ 1792—132.

Создавъ рабство дѣтей въ Англіи, хлопчатобумажная промышленность въ то же время дала толчокъ превращенію рабовладѣльческаго хозяйства Соединенныхъ Штатовъ, прежде болѣе или менѣе патріархальнаго, въ коммерческую систему эксплуатаціи. Вообще для скрытаго рабства европейскихъ наемныхъ рабочихъ въ видѣ пьедестала необходимо было рабство *sans phrase* въ Иномъ Свѣтѣ ²⁴⁷⁾.

Tantae molis erat (такого труда стоило) дать свободный ходъ «вѣчнымъ естественнымъ законамъ» капиталистическаго производства, пронавести процессъ отдѣленія рабочихъ отъ условій труда, превратить на одномъ полюсѣ общественныя средства производства и существованія въ капиталъ, а на противоположномъ—народную массу въ наемныхъ рабочихъ, въ свободныхъ трудящихся бѣдняковъ,—этотъ продуктъ повѣйшей исторіи ²⁴⁸⁾.

Если деньги, по выраженію Augier, «появляются на свѣтъ съ природными

²⁴⁷⁾ Въ 1790 г. въ англійской Вестъ-Индіи приходилось 10 рабовъ на 1 свободного человека, во французской 14 на 1, въ голландской 23 на 1. (Henry Brougham: An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers. Edinb. 1803, т. II, p. 74).

²⁴⁸⁾ Выраженіе «labouring poor» (трудящиеся бѣдняки) встрѣчается въ англійскихъ законахъ съ того момента, что классъ наемныхъ рабочихъ становится значительнымъ. «Labouring poor» составляютъ противоположность съ одной стороны къ «idle poor» (празднымъ бѣднякамъ), нищимъ и т. д. съ другой стороны, къ тѣмъ рабочимъ, которые являются еще не оципанными пѣтухами, но собственниками своихъ средствъ труда. Изъ законовъ выраженіе «labouring poor» перешло въ политическую экономію, начиная съ Culpere'a, J. Child'a и т. д. до A. Smith'a и Eden'a. По этому можно судить о добросовѣстности «execrable political cantmonger» Edmond'a Burke'a, когда онъ выраженіе «labouring poor» объявляетъ «execrable political cant» (страшной политической фразой). Этотъ сикофантъ, который, на жалованьи у англійской олигархіи, игралъ роль романтика по отношенію къ французской революціи, такъ же какъ, въ началѣ американскихъ смутъ, онъ, на жалованьи сѣверо-американскихъ колоній, игралъ роль либерала по отношенію къ англійской олигархіи, былъ ординарный буржуа до мозга костей. «Законы торговли суть законы природы, а слѣдовательно, и божескіе законы». (E. Burke I. c. p. 31, 32). Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ, вѣрный законамъ Бога и природы, всегда продавалъ себя на національномъ рынкѣ. Мы находимъ въ сочиненіяхъ свнщ. (Rev.) Tucker'a—Tucker былъ хотя попъ и торгъ, по во всемъ остальномъ порядочный человекъ и дѣльный экономистъ—очень хорошую характеристику этого Edmond'a Burke'a во время его либерализма. При томъ позорномъ отсутствіи нравственной творкости, которая господствуетъ теперь и набожно вѣрить въ «законы торговли», необходимо постоянно клеимъ Burke'овъ, которые отъ своихъ преемниковъ отличаются лишь однимъ—талантомъ!

кровяными пятнами на одной щеке» ²⁴⁹), то капиталъ рождается сочащимся кровью и гризью съ головы до пятъ изъ всѣхъ поръ ²⁵⁰).

7. Историческая тенденція капиталистическаго накопленія.

Къ чему же сводится первоначальное накопленіе капитала, т. е. его историческій генезисъ? Поскольку этотъ генезисъ не представляетъ непосредственнаго превращенія работы и крѣпостныхъ въ наемныхъ рабочихъ, т. е. простой перемѣны формъ зависимости, онъ означаетъ только экспроприацію непосредственнаго производителя, разложеніе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ.

Частная собственность, какъ противоположность общественной, коллективной собственности, существуетъ только тамъ, гдѣ орудія труда и вышнія условія труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Но сообразно тому, являются ли эти частныя лица рабочими или нерабочими, и частная собственность носитъ различный характеръ. Безконечно многообразныя оттѣнки, которые она представляетъ на первый взглядъ, суть только отраженія переходныхъ состояній, лежащихъ между этими двумя крайностями.

Частная собственность рабочаго на средства его производства составляетъ основаніе мелкаго производства, мелкое же производство является необходимымъ условіемъ развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Правда, этотъ способъ производства существуетъ также и въ рамкахъ рабства, крѣпостного строя и другихъ отношеній зависимости. Но онъ процвѣтаетъ, развиваетъ всю свою энергію, приобретаетъ вполне классическую форму только тамъ, гдѣ рабочий является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ — собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ — собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ шпатель — съ инструментомъ.

Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацию, т. е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природой и управленія ею силами, свободного развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рамками производства и общества. Увѣковѣчить его

²⁴⁹) Marie Angier: «Du Crédit Public».

²⁵⁰) «Капиталъ», говоритъ Quarterly Review «избѣгаетъ шума и спора и по природѣ своей трусливъ. Это совершенно вѣрно, по вѣтому не вся истина. Капиталъ боится отсутствія прибыли и очень незначительной прибыли, какъ природа боится пустоты. При надлежащей прибыли капиталъ становится смѣлымъ. При вѣрныхъ 10% его можно употребить на все что угодно, при 20% онъ оживляется; при 50% онъ становится смѣльчакомъ, при 100% онъ поправляетъ ногамъ всѣ человѣческіе законы; при 300% итъ такого преступленія, на которое онъ не отважился бы, даже съ рискомъ попасть на висѣлицу. Если бовпорядки и сара приносятъ прибыли, то онъ будетъ ихъ поощрять. Доказательствомъ служатъ контрабанда и торговля невольниками». (P. J. Dunning l. c. p. 36).

значало бы, какъ справедливо замѣчаетъ Рескисси, «декретировать всеобщую посредственность». На высшей ступени своего развитія онъ самъ «порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія. Съ этого момента внутри общества пробуждаются силы и страсти, которыя онъ сковываетъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается. Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальных и разрозненныхъ средствъ производства въ концентрированныя и общественныя, т. е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ, эта ужасная и трудная экспропріація народной массы составляетъ доисторическій періодъ въ жизни капитала. Она объемлетъ собою цѣлый рядъ насильственныхъ способовъ, изъ которыхъ мы кратко обозрѣли только тѣ, которые составили эпоху въ исторіи первоначальнаго накопленія капитала. Экспропріація непосредственныхъ производителей совершается съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочно злобныхъ страстей. Частная собственность, добытая собственнымъ трудомъ и знаменующая собой, такъ сказать, сращеніе индивидуальнаго независимаго производителя съ условіями его труда, вытѣсняется капиталистическою частію собственности, основанной на эксплуатаціи чужого, но формально свободнаго труда ⁽²¹⁾.

Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія уже достаточно и въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда—въ капиталъ, послѣ того какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственные ноги,—дальнѣйшее обобщественне труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства, общественно эксплуатируемыя, т. е. сообща принимаемыя, иными словами, дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ облекается въ новую форму. Теперь подлежитъ экспропріація уже не рабочій, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ.

Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ централизаціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ поглатываетъ многихъ. Рука объ руку съ этой централизаціей или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развиваются кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое приложеніе науки, плановѣрная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ быть прилагаемы только сообща; благодаря употребленію всѣхъ средствъ производства, какъ средствъ комбинированнаго общественнаго труда, происходитъ ихъ экономизированіе; наконецъ, совершается вовлеченіе всѣхъ народовъ въ сѣть міроваго рынка и, такимъ образомъ, устанавливается международный характеръ капиталистическаго режима. Вытѣсь съ постоян-

⁽²¹⁾ Мы находимся въ совершенно новыхъ общественныхъ условіяхъ... Мы стремимся отдѣлать всякаго рода собственность отъ всякаго рода труда» (Sismondi. «Nouveaux Principes de l'Econ. Polit.», t. II, p. 434).

нымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ все выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, во, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколаенаго, объединеннаго и организовааннаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства. Монополія капитала превращается въ путы для дальнѣйшаго развитія того способа производства, который развился въѣсть съ нею и подъ ея господствомъ. Централизація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой точки, на которой они ~~становятся~~ становятся несовмѣстными со своею капиталистическою оболочкою. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются.

Капиталистическій способъ присвоенія, вытекающій изъ капиталистическаго способа производства, и, стало быть, капиталистическая частная собственность есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это—отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ коопераціи и общественнаго владѣнія землею и средствами производства, произведеннаго самими же трудомъ.

Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую, есть, конечно, процессъ несравненно болѣе продолжительный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественномъ производствѣ, въ собственность общественную. Тамъ дѣло шло объ экспроприаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь же дѣло идетъ объ экспроприаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами ²³²).

²³²) «Прогрессъ промышленности, безавольнымъ и не проявляющимъ сопротивленія носителемъ котораго является буржуазія, вызываетъ изолированность рабочихъ, порождаемую ихъ конкуренціей, революціоннымъ объединеніемъ посредствомъ ассоціаціи. Съ развитіемъ крупной промышленности изъ-подъ ногъ буржуазіи ускользаетъ такимъ образомъ самое основаніе ея производства и присвоенія продуктовъ. Она производитъ, прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея паденіе и побѣда пролетаріата одинаково пеллабжны... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящее время противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ дѣйствительно революціонный классъ. Все остальные классы приходятъ въ упадокъ и погибаютъ съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же ея собственное порожденіе... Средніе классы—мелкій промышленникъ, мелкій купецъ, ремесленникъ, крестьянинъ, все они борются противъ буржуазіи, чтобы спасти отъ гибели свое существованіе, какъ средняго сословія... они реакціонны, такъ какъ они стараются повернуть назадъ колесо исторіи» (Karl Marx и Friedrich Engels: «Manifest der Kommunistischen Partei. London 1847», p. 9, 11)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Современная теория колонизации ²⁵⁴⁾.

Политическая экономия принципиально смешивает два совсем различные рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой же — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний рода собственность не только составляет прямую противоположность первой, но и развивается только на ее костях.

В западной Европе, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления больше или меньше закончен. Здесь капиталистический режим или прямо подчинил себе все национальное производство, или там, где экономические условия еще не достигли такой степени развития, он, по крайней мере, косвенно управляет теми принадлежащими к старому способу производства общественными слоями, которые продолжают существовать рядом с ним и постепенно приходят в упадок. К этому готовому миру капитала экономисты с тем большим усердием и умилением прилагают представления о праве и собственности, заимствованные из докапиталистической эпохи, тем рвее сами факты вопиют против его идеологии.

Но в колониях дело обстоит иначе. Там капиталистический режим везде наталкивается на препятствия, вследствие того, что производитель, будучи сам владельцем условий своего труда, обогащает им самого себя, а не капитала. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем обнаруживается здесь на практике — в их борьбе. Там, где капитал имеет за собой силы своей метрополии, он старается насильственно устроить со своего пути способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде. Те же самые интересы, которые на родине побуждают сифанта капитала, экономиста, утверждать, что капиталистический способ производства тождествен с своей собственной противоположностью, тот же самый интерес побуждает его здесь «to make a clean breast of it» (очистить свою совесть от этого) и громко провозглашать antagonизм обоих этих способов производства. С этою целью он показывает и доказывает, как развитие общественной производительности труда, кооперация, разделение труда, приложение машин в крупных размерах и т. д. невозможны без экспроприации рабочих и соответствующего превращения их средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства он изыскивает искусственные способы создания национальной бедности. Его апологетическая броня распадается здесь, точно мягкий труп, на мелкие части.

²⁵⁴⁾ Здесь речь идет о действительных колониях, о действительной почве, которая заселяется свободными эмигрантами. Соединенные Штаты, с экономической точки зрения, все еще представляют европейскую колонию. Впрочем сюда относятся также и такие старые поселения, в которых уничтожение рабства коренным образом изменило весь строй.

Хотя Е. G. Wakefield не сказалъ ничего новаго о колоніяхъ ²⁵⁴⁾, но великая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ раскрылъ на примѣрѣ колоній истинную природу капиталистическихъ отношеній въ Европѣ. Какъ протекціонная система въ своихъ зачаткахъ стремится ²⁵⁵⁾ къ фабрикаціи фабрикантовъ въ метрополи, такъ колонизаціонная теорія Wakefield'a, которую Англія долгое время пыталась проводить законодательнымъ путемъ, стремится къ фабрикаціи наемныхъ рабочихъ въ колоніяхъ. Это онъ и называетъ «systematic colonization» (систематической колонизаціей).

Прежде всего Wakefield открылъ въ колоніяхъ, что обладаніе деньгами, средствами существованія, машинами и другими средствами производства еще не дѣлаетъ человѣка капиталистомъ, если недостаетъ дополненія ко всему этому, наемнаго рабочаго, т. е. другого человѣка, который вынужденъ добровольно продавать самого себя. Онъ открылъ, что капиталъ не есть вещь, а павѣстное обусловленное вещами общественное отношеніе между людьми ²⁵⁶⁾. Господинъ Пиль, съ причитающимися сообщать намъ онъ, вывезъ изъ Англіи на Лебязій берегъ, въ Новой Голландіи, на 50.000 ф. ст. средствъ существованія и производства. Но Пиль былъ настолько предусмотрителенъ, что кромѣ того привезъ съ собой 3.000 человѣкъ рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Однако, прибывъ на мѣсто назначенія, «Пиль остался безъ слуги, который могъ бы приготовить ему постель или принести воды изъ рѣки» ²⁵⁷⁾. Несчастный Пиль, который все предусмотрѣлъ, но забылъ перенести англійскія производственныя отношенія на Лебязій берегъ!

Для лучшаго пониманія слѣдующихъ открытій Wakefield'a, необходимо сдѣлать два предварительныхъ замѣчанія. Мы знаемъ, что если средства производства и существованія принадлежать непосредственнымъ производителямъ, то они не составляютъ капитала. Они ставятся капиталомъ только при тѣхъ условіяхъ, въ силу которыхъ они въ то же самое время являются средствами эксплуатаціи рабочихъ и господства надъ послѣдними. Но эта ихъ капиталистическая душа въ головѣ экономиста соединена столь тѣсными супружескими узами съ ихъ матеріальной субстанціей, что экономистъ при всѣхъ условіяхъ называетъ ихъ капиталомъ, даже тогда, когда они составляютъ прямую противопо-

²⁵⁴⁾ Тѣ немногія свѣтлыя идеи, которыя Wakefield высказываетъ о самыхъ колоніяхъ, были уже раніе замѣчены Мирабо-отцомъ, фізіократами и еще гораздо раніе англійскими экономистами.

²⁵⁵⁾ Впослѣдствіи она становится временной необходимостью въ международной конкуренціи. Но каковы бы ни были ея мотивы, послѣдствія ея остаются тѣ же.

²⁵⁶⁾ «Негръ только негръ. Лишь при павѣстныхъ условіяхъ онъ становится рабомъ. Хлопчатобумажная машина есть машина для приданія хлопчатой бумаги. Только при павѣстныхъ условіяхъ она ставится капиталомъ. Вѣтъ этихъ условій она такъ же не представляетъ изъ себя капитала, какъ золото само по себѣ не представляетъ денегъ или сахаръ—дѣны сахара... Капиталъ есть общественное производственное отношеніе. Онъ есть историческое производственное отношеніе». (Karl Marx: «Lohnarbeit und Kapital». N. Rh. Z. Nr. 266 vom 7 april 1849).

²⁵⁷⁾ E. G. Wakefield: «England and America», v. II, p. 33.

ложность капитала. Так поступает и Wakefield. Далее: раздробление средств производства и их существование в видѣ индивидуальной собственности многих независимых другъ отъ друга, самостоятельно хозяйствующихъ рабочихъ, онъ называетъ равнымъ дѣлениемъ капитала. Экономистъ въ этомъ отношеніи похожъ на феодальнаго юриста. Послѣдній на чисто денежнохозяйственные отношенія тоже наклепывалъ свои феодальные ярлычки.

«Если бы,—говорить Wakefield,—капиталъ былъ раздѣленъ поровну между всѣми членами общества, то ни одинъ человѣкъ не былъ бы заинтересованъ накоплять больше капитала, чѣмъ онъ можетъ самъ своими руками прилагать къ дѣлу. Таковы до извѣстной степени условія въ новыхъ американскихъ колоніяхъ, гдѣ страсть къ земельной собственности мѣшаетъ существованію класса наемныхъ рабочихъ» ²³⁸). Пока, слѣдовательно, рабочій можетъ пахать для самого себя, — а это возможно до тѣхъ поръ, пока онъ остается собственникомъ своихъ средствъ производства, — до тѣхъ поръ капиталистическое накопленіе и капиталистическій способъ производства невозможны. Недостаетъ необходимаго для того класса наемныхъ рабочихъ. Но какимъ же образомъ совершилось въ старой Европѣ отнятіе у рабочихъ ихъ условій труда, т. е. какъ родился капиталъ и наемный трудъ? Посредствомъ довольно оригинальнаго *contrat social* (общественнаго договора). «Человѣчество... приняло простой способъ для поощренія накопленія капитала», которое, конечно, со временъ Адама предносилось ему въ качествѣ конечной и единственной цѣли существованія; «оно раздѣлилось на владѣльцевъ капитала и на владѣльцевъ труда... это раздѣленіе было результатомъ добровольнаго соглашенія ²³⁹). Однимъ словомъ, масса человѣчества сама себя экспроприровала въ честь «накопленія капитала». Но если такъ, то этотъ истинноивный фанатизмъ самоотверженія долженъ былъ свободно проявляться въ особенности въ колоніяхъ, ибо только въ нихъ и существуютъ такіе люди и такіа условія, которыя могутъ перенести этотъ *contrat social* изъ туманной области фантазіи въ область дѣйствительности. Но зачѣмъ тогда вообще «систематическая колонизація» въ противоположность естественной колонизаціи? Но, по: «сомнительно, принадлежать ли въ сѣверныхъ штатахъ американскаго союза даже десятая часть населенія къ категоріи наемныхъ рабочихъ... Въ Англіи же... народная масса состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ» ²⁴⁰).

Стремленіе къ самоэкспроприаціи въ честь капитала такъ незначительно у трудящагося человѣчества, что рабство, даже по Wakefield'у, является единственнымъ естественнымъ основаніемъ колоніальнаго богатства. Его систематическая колонизація это просто *pis aller* (неизбѣжное зло), такъ какъ ему приходится къ несчастью имѣть дѣло со свободными людьми, а не съ рабами. «Первые испанскіе поселенцы въ Санъ Доминго не получили никакихъ рабочихъ изъ Испаніи. Но безъ рабочихъ (т. е. безъ рабства) капиталъ погибъ бы или по

²³⁸) I. c. v. 1, p. 17, 18.

²³⁹) I. c. p. 18.

²⁴⁰) I. c. p. 42, 43, 44.

крайней мѣрѣ сократился бы до тѣхъ мелкихъ размѣровъ, при которыхъ каждый могъ бы его пускать въ дѣло своимъ личнымъ трудомъ. Это дѣйствительно случилось въ послѣдней, основанной англичанами, колоніи, гдѣ большой капиталъ, затраченный на сѣмена, скотъ и орудія, поглотилъ вслѣдствіе недостатка наемныхъ рабочихъ, и гдѣ ни одинъ колонистъ не владѣетъ большимъ капиталомъ, чѣмъ тотъ, который онъ можетъ пускать въ ходъ собственными руками».²⁶¹⁾

Мы видѣли: отнятіе земли у народныхъ массъ составляетъ основаніе капиталистическаго способа производства. Сущность же свободной колоніи состоитъ, наоборотъ, въ томъ, что масса земли составляетъ еще нзрозную собственность, и каждый поселенецъ можетъ, поэтому, превращать часть ея въ свою частную собственность и въ свои индивидуальныя средства производства, плучть не претпствуя познѣйшимъ поселенцамъ поступать такимъ же образомъ²⁶²⁾. Въ этомъ кроется секретъ, какъ процвѣтанія колоній, такъ и развѣдающей ихъ язвы—ихъ сопротивленія водворенію капитала. «Гдѣ земля очень дешева и всѣ люди свободны, гдѣ всякій при желаніи можетъ получить участокъ земли для себя самого, тамъ не только трудъ очень дорогъ, такъ какъ доля рабочаго продукта велика, но очень трудно также получить комбинированный трудъ за какую бы то ни было цѣну»²⁶³⁾.

Такъ какъ въ колоніяхъ рабочій еще не отдѣленъ отъ условій труда и ихъ основы—земли, или же такое отдѣленіе встрѣчается только спорадически, или на очень ограниченномъ пространствѣ, то тамъ и не существуетъ еще отдѣленія земледѣлія отъ промышленности, тамъ не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же вѣзаться тамъ внутреннему рынку для капитала? «Въ Америкѣ нѣтъ ни одной части населенія, которая занималась бы исключительно земледѣліемъ, кромѣ рабовъ и ихъ хозяевъ, которые комбинируютъ капиталъ и трудъ въ крупныя предпріятія. Свободные американцы, которые сами обрабатываютъ землю, занимаются кромѣ того и многими другими работами. Часть мебели и орудій, которыя они употребляютъ, обыкновенно изготовляется ими самими. Они часто сами строятъ свои собственные дома и сами возятъ продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они прядутъ и ткутъ, готовятъ мыло и свѣчи, обувь и платье для своего собственнаго потребленія. Въ Америкѣ земледѣліе часто составляетъ побочное занятіе кузнеца, мельника или торговца»²⁶⁴⁾. Гдѣ же среди подобныхъ чудаковъ есть мѣсто для проявленія «воздержанія» капиталистовъ?

Главнымъ прелестъ капиталистическаго производства состоитъ въ томъ, что оно не только постоянно воспроизводитъ наемнаго рабочаго, какъ наемнаго ра-

²⁶¹⁾ I. c. v. II, p. 5.

²⁶²⁾ «Чтобы стать элементомъ колонизаціи, земля не только должна быть невоздѣланной, но она должна представлять общественную собственность, которая можетъ быть превращена въ частную собственность», (I. c. v. II, p. 125).

²⁶³⁾ I. c. v. I, p. 247.

²⁶⁴⁾ I. c. p. 21, 22.

бочаго, но и, соответственно накопленію капитала, всегда создаетъ относительный излишекъ наемныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, законъ спроса и предложенія труда удерживается въ надлежащей колеѣ, колебанія заработной платы замыкаются въ предѣлы, выгодные для капиталистической эксплуатаціи и, наконецъ, гарантируется столь необходимая социальная зависимость рабочаго отъ капиталиста, та абсолютная зависимость, которую у себя въ метрополиі экономисты фальсифицируютъ въ свободное договорное отношеніе между покупателемъ и продавцемъ, между одинаково независимыми товаровладельцами, владельцами товара «капиталъ» и товара «трудъ». Но въ колоніяхъ эта прекрасная мечта исчезаетъ. Абсолютное населеніе растетъ здѣсь быстрее, чѣмъ въ метрополиі, такъ какъ многіе рабочіе уже взрослыми появляются на свѣтъ, и тѣмъ не менѣе рабочій рынокъ здѣсь впрочемъ не бываетъ полонъ. Законъ спроса и предложенія труда терпитъ полное крушеніе. Съ одной стороны, старый міръ бросаетъ туда постоянно новый капиталъ, жаждущій эксплуатаціи и чувствующій потребность въ «воздержаніи»; съ другой стороны, правильное воспроизведеніе наемныхъ рабочихъ, какъ наемныхъ рабочихъ, встрѣчаетъ самыя веделикатныя и частью непреодолимыя препятствія. Гдѣ ужъ тутъ думать о созданіи излишнихъ рабочихъ по мѣрѣ накопленія капитала! Сегодняшній наемный рабочій завтра становится независимымъ, самостоятельно хозяйствующимъ крестьяниномъ или ремесленникомъ. Онъ исчезаетъ съ рабочаго рынка, но не попадаетъ въ рабочій домъ. Это постоянное превращеніе наемныхъ рабочихъ въ независимыхъ производителей, работающихъ не на капиталъ, а на самихъ себя, вмѣсто господина капиталиста обогащающихъ самихъ себя, въ свою очередь, оказываетъ безусловно вредное вліяніе на состояніе рабочаго рынка. Не только степень эксплуатаціи наемнаго рабочаго остается неприлично низкою, но послѣдній кромѣ того теряетъ вмѣстѣ съ своей дѣйствительной зависимостью также и чувство зависимости отъ «воздерживающагося» капиталиста. Отсюда—все тѣ неудобства, которыя такъ славно, такъ краснорѣчиво и такъ трогательно описываетъ нашъ E. G. Wakefield.

Предложеніе наемнаго труда, жалуются они, непостоянно, неправильно и недостаточно. Оно «всегда не только слишкомъ незначительно, но и небезпечно» ²⁶⁵). Хотя продуктъ, который подлежитъ раздѣленію между капиталистомъ и рабочимъ, довольно значителенъ, но рабочій беретъ такую крупную часть его, что самъ вскорѣ становится капиталистомъ... За то только очень немногіе, даже если они живутъ необыкновенно долго, могутъ накопить большія богатства» ²⁶⁶). Рабочіе ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ капиталистамъ «отказываться» отъ оплаты большей части ихъ (рабочихъ) труда! Если капиталистъ ухитрится даже вмѣстѣ со своимъ капиталомъ привести изъ Европы своихъ собственныхъ наемныхъ рабочихъ, то и это не ведетъ ни къ чему. «Они скоро перестаютъ быть наемными рабочими, они превращаются въ

²⁶⁵) I. c. v. II, p. 116.

²⁶⁶) I. c. v. I, p. 131.

позависимыхъ крестьянъ или даже въ конкурентовъ своихъ прежнихъ хозяевъ на самомъ рабочемъ рынкѣ» ²⁶⁷). Вотъ ужасъ! Нашъ капиталистъ самъ на свои собственные дорогія деньги привезъ себѣ изъ Европы своихъ собственныхъ конкурентовъ! Это, вѣдь, превосходить всякія границы! Нѣтъ ничего удивительнаго, что Wakefield жалуется на слишкомъ незначительную зависимость и на слишкомъ недостаточное чувство зависимости у нашихъ рабочихъ въ колоніяхъ. Въздѣіе высокой заработной платы, говоритъ его ученикъ Merivale, въ колоніяхъ существуетъ страстная потребность въ дешевомъ и болѣе покорномъ трудѣ, въ такомъ классѣ, которому капиталистъ можетъ предписывать условія, вмѣсто того, чтобы подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя диктуются ему рабочими... Въ странахъ старой цивилизаціи рабочіе, хотя и свободны, но, въ силу естественныхъ законовъ, зависятъ отъ капиталиста, въ колоніяхъ эта зависимость должна быть создава искусственными средствами ²⁶⁸).

Что же, по Wakefield'у, является результатомъ этого неудобнаго положенія колоній? «Варварская система разбросанности» производителей и національнаго имущества ²⁶⁹). Раздробленіе средствъ производства между многочисленными, самостоятельными собственниками уничтожаетъ вмѣстѣ съ централизаціей капитала всякое основаніе комбинированнаго труда. Всякое долгосрочное предпріятіе, которое тянется годы и требуетъ затраты постояннаго капитала, наталкивается на препятствія при исполненіи. Въ Европѣ капиталъ ни минуты не медлитъ, такъ какъ рабочій классъ составляетъ его живую принадлежность,

²⁶⁷) I. c. v. II, p. 5.

²⁶⁸) Merivale I. c. v. II p. 235—314 разсм. Даже мягкій вульгарный экономистъ-фритредеръ Molinari говоритъ: «Въ колоніяхъ, гдѣ рабство было упразднено безъ замѣны принудительнаго труда соответственнымъ количествомъ свободнаго труда, произошло нѣчто противоположное тому факту, который мы видимъ каждый день. Мы видѣли, что простые рабочіе въ свою очередь эксплуатировали предпринимателей въ промышленности, требовали отъ нихъ платы, которая значительпо превосходила часть продукта, законно составляющую ихъ долю. Плантаторы, не имѣя возможности получать за свой сахаръ такую цѣну, которая покрыла бы повышеніе заработной платы, принуждены были покрывать недочетъ, сначала урѣзывая свою прибыль, а затѣмъ и капиталъ. Многие плантаторы были такимъ образомъ разорены, другіе закрыли свои предпріятія, чтобы избѣжать предстоящаго разоренія... Безъ сомнѣнія лучше, чтобы погибли накопленные капиталы, чѣмъ цѣлыя поколѣнія людей (какъ великодушно со стороны господина Molinari!), но не лучше ли было бы, чтобы ни тѣ, ни другіе не погибали?» (Molinari I. c. p. 51, 52). Господинъ Molinari! Господинъ Molinari! Что случилось съ десятию заповѣдями, съ Моисеемъ и пророками, съ законамъ спроса и предложенія, если въ Европѣ «entrepreneur» (предприниматель) можетъ сокращать «part légitime» (законную долю) рабочаго, а въ Вост. Индіи, наоборотъ, рабочій—законную часть предпринимателя? И что такое, скажите, пожалуйста, эта «part légitime», которой по вашему признанію, капиталистъ не платитъ въ Европѣ? У господина Molinari сильно чешутся руки—тамъ въ колоніяхъ, гдѣ рабочіе такъ «простоваты», что эксплуатируютъ капиталиста, полицейскими мѣрами дать должное исправленіе закону спроса и предложенія, который вообще дѣйствуетъ автоматически.

²⁶⁹) Wakefield I. c. v. II, p. 52.

которая всегда находится въ изобиліи, которая всегда къ услугамъ. Но пное дѣло въ колоніяхъ! Wakefield разсказываетъ чрезвычайно прискорбный анекдотъ. Онъ бесѣдовалъ съ нѣсколькими капиталистами изъ Канады и Нью-Йорка, гдѣ волны эмиграціи часто задерживаются и оставляютъ осадокъ «излишнихъ» рабочихъ. «Нашъ капиталъ», жалуется одинъ изъ персонажей мелодрамы, «нашъ капиталъ лежалъ наготовѣ для многихъ операций, требовавшихся для своего исполненія значительнаго періода времени; но развѣ мы могли начать подобныя операции съ рабочими, которые, какъ мы это знали, тотчасъ же повернутся къ намъ спиной? Если бы мы были увѣрены, что можемъ удержать трудъ этихъ переселенцевъ,—мы бы тотчасъ же съ радостью наняли ихъ, и по высокой цѣнѣ. Даже при полной увѣренности въ потерю ихъ, мы все таки наняли бы ихъ, если бы были увѣрены въ свѣжемъ приливѣ силъ, соотвѣственно нашимъ потребностямъ» ²⁷⁰).

Эффектно изобразивъ контрастъ между англійскимъ капиталистическимъ земледѣліемъ съ его «комбинированнымъ» трудомъ и разбросаннымъ американскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, Wakefield невольно проговаривается и относительно обратной стороны медали. Онъ изображаетъ американскую народную массу жаждою, независимой, предпримчивой и относительно образованной, между тѣмъ какъ, «англійскій земледѣльческій рабочий жалкій оборванецъ (a miserable wretch), пауперъ .. Въ какой странѣ, кромѣ Сѣверной Америки и нѣкоторыхъ новыхъ колоній, плата за свободный сельскій трудъ значительно превышаетъ самыя необходимыя средства существованія рабочаго? Безъ сомнѣнія, рабочіи лошади въ Англіи гораздо лучше питаются, чѣмъ англійскіе земледѣльческіе рабочіе, такъ какъ первыя представляютъ цѣнную собственность» ²⁷¹). Но never mind (ничего не значить), національное богатство по самой природѣ своей тождественно съ народной нищетой.

Но какъ же излѣчить колоніи отъ этой антикапиталистической язвы? Если однимъ ударомъ превратить всю землю изъ народнои собственности въ частную, то, хотя такимъ образомъ зло будетъ уничтожено въ корнѣ, но виѣсть съ нимъ будетъ уничтожена и колонія. Искусство состоитъ въ томъ, чтобы однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Слѣдуетъ распоряженіемъ правительства присвоить дѣйствительной землѣ искусственную цѣну, независимую отъ закона спроса и предложенія, цѣну, которая вынудитъ переселенца работать болѣе продолжительное время въ качествѣ наемнаго рабочаго до тѣхъ поръ, пока онъ не заработаетъ достаточно денегъ, чтобы купить землю ²⁷²) и превратиться въ независимаго крестья-

²⁷⁰) I. c. p. 191, 192.

²⁷¹) I. c. v, I, p. 47, 246.

²⁷²) «Благодаря присвоенію земли и капиталовъ, говорите вы, человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ рукъ, находитъ работу и приобретаетъ доходъ... наоборотъ только благодаря индивидуальному присвоенію земли, находятся люди, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ рукъ. ...Когда вы ставите человѣка въ пустоту, вы завладѣваете атмосферой. Такъ же поступаете вы, когда вы завладѣваете землей... Это равносильно тому, что вы помещаете его въ экономическую пустоту, чтобы тѣмъ поставить жизнь его въ зависимость отъ вашей воли». (Collins I. t. III, p. 268—271 passim).

нина. Фондъ, образовавшійся благодаря продажѣ земель по цѣнѣ, относительно недоступной или запретительной для наемныхъ рабочихъ, т. е. денежный фондъ, выжатый изъ заработной платы нарушеніемъ священнаго закона спроса и предложенія, правительство должно, съ другой стороны, употреблять, по мѣрѣ его роста, на привозъ голяковъ изъ Европы въ колоніи, и создавать такимъ образомъ полное снабженіе рабочаго рынка для господина капиталиста. При такихъ условіяхъ *tout sera pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles* (все будетъ къ лучшему въ семь лучшемъ изъ міровъ). Въ этомъ состоитъ великая тайна «систематической колонизаціи». «По этому плану», съ торжествомъ восклицаетъ Wakefield, «предложеніе труда будетъ постояннымъ и правильнымъ, потому что, во первыхъ, такъ какъ ни одинъ рабочій не въ состояніи приобрести землю, не проработавъ въкоторое время за деньги, то всѣ переселившіеся рабочіе, работая сообща за плату, произведутъ для своего хозяина капиталъ для приложенія большаго числа рабочихъ; во вторыхъ, всякій, кто броситъ наемный трудъ и станетъ землевладѣльцемъ, именно покупкою земли обезпечитъ фондъ для подвоза въ колоніи свѣжихъ рабочихъ силъ» ²⁷³⁾. Цѣна на землю, установленная сверху государственною властью, должна, конечно, быть «достаточною» (*sufficient price*), т. е. такъ высока, «чтобы помѣшать рабочимъ стать независимыми крестьянами до тѣхъ поръ, пока не найдутся другіе рабочіе, которые займутъ ихъ мѣсто на рабочемъ рынкѣ» ²⁷⁴⁾. Эта «достаточная цѣна земли» есть только эвфемистическое выраженіе для той выкупной суммы, которую рабочій платитъ капиталисту за позволеніе удалиться съ рабочаго рынка и сѣсть на землю. Сначала онъ долженъ создать «капиталъ» для господина капиталиста, чтобы онъ могъ эксплуатировать больше рабочихъ, затѣмъ—доставить на рабочій рынокъ «замѣстителя», котораго правительство на его счетъ привезетъ изъ за моря его бывшему господину капиталисту.

Въ высшей степени характерно, что англійское правительство въ продолженіе многихъ лѣтъ примѣняло этотъ способъ «первоначальнаго накопленія», описанный и рекомендованный Wakefield'омъ специально для употребленія въ колоніяхъ. Фіаско было, конечно, такое же позорное, какъ и фіаско банковаго акта Пилл: потокъ эмиграціи былъ лишь отклоненъ отъ англійскихъ колоній къ Соединеннымъ Штатамъ. Между тѣмъ прогрессъ капиталистическаго производства въ Европѣ, сопровождавшійся увеличеніемъ правительственнаго гнета, сдѣлалъ излишнимъ рецептъ Wakefield'а. Съ одной стороны, огромный и непрерывный потокъ людей, изъ года въ годъ направляющійся въ Америку, оставляетъ осадки на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ волна эмиграціи изъ Европы быстрѣе выбрасываетъ людей туда на рабочій рынокъ, чѣмъ другая волна эмиграціи относитъ ихъ оттуда дальше на Западъ. Съ другой стороны, слѣдствіемъ американской гражданской войны явился колоссальный національный долгъ и выстѣлъ съ нимъ гнетъ налоговъ, появленіе самой подлой

²⁷³⁾ Wakefield l. c. т. II. p. 192.

²⁷⁴⁾ l. c. p. 45.

финансовой аристократии, раздача значительной части общественных земель обществам спекулянтов для эксплуатации железных дорог, рудников и т. д.—однимъ словомъ, самая стремительная централизація капитала. Великая республика перестала такимъ образомъ представлять обтѣванную землю для переселяющихся рабочихъ. Капиталистическое производство развивается въ ней исполнскими шагами, хотя пониженіе заработной платы и зависимость наемдаго рабочаго далеко еще не достигли тамъ нормальнаго въ Европѣ уровня. Безсѣстная раздача англійскимъ правительствомъ вевоздѣланныхъ колоніальныхъ земель аристократамъ и капиталистамъ, столь громко порицаемая самими Wakefield'омъ, выѣтъ съ потокомъ людей, направляющихся на золотые прииски (Gold-Diggings) и съ конкуренціей, которую ввозъ англійскихъ товаровъ создаетъ даже самому мелкому ремесленнику, породили въ Австраліи²¹⁵⁾ достаточное «относительное перенаселеніе рабочихъ», и каждый почтовый пароходъ привозитъ печальныя вѣсти о переполненіи австралійскаго рабочаго рынка—«glut of the Australian labour market»,—а проституція мѣстами процѣтаетъ тамъ столь же пышно, какъ и на лондонскомъ Naumarket.

Здѣсь однако насъ занимаетъ не положеніе колоній. Насъ интересуетъ только тайна, открытая въ Новомъ Свѣтѣ политическою экономіей Стараго Свѣта и громко ею провозглашенная: капиталистическій способъ производства и накопленія, а, слѣдовательно, и капиталистическая частная собственность, обуславливають уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ, т. е. экспроприацію рабочаго.

²¹⁵⁾ Какъ только Австралія стала своей собственной законодательницей, она, конечно, издавала законы, благоприятные для переселенцевъ, но произведенная уже Англійей раздача земель направо и налѣво стоить ей поперекъ дороги. «Первой и главной цѣлью, къ которой стремится новый земельный законъ (Land Act) 1862 г. является облегчить народу возможность садиться на землю» (The Land Law of Victoria by the Hon. G. Duffy, Minister of Public Lands. Lond. 1862).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Мѣста изъ французскаго изданія «Капитала», не введенныя въ текстъ.

I. Къ стр. 510—512.

Капиталисты, ихъ совладѣльцы... и ихъ правительства присваиваютъ въ свою пользу ежегодно значительную часть годичнаго чистаго продукта. Далѣе они удерживаютъ въ своихъ потребительныхъ запасахъ множество медленно потребляемыхъ предметовъ, пригодныхъ для дѣлей общественнаго воспроизведенія, и въ формѣ личныхъ услугъ превращаютъ множество рабочихъ силъ въ непроизводительныя. Поэтому, доля богатства, которая ежегодно капитализируется, никогда не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, которыхъ она могла бы достигнуть. Въ отношеніе къ совокупному общественному богатству измѣняется при всякомъ измѣненіи въ распадѣ прибавочной цѣнности на личный доходъ и на добавочный капиталъ, и пропорція, въ которой происходитъ это распадѣніе, постоянно измѣняется подъ вліяніемъ конъюнктуръ, на которыхъ мы не будемъ здѣсь останавливаться. Для насъ достаточно констатировать, что капиталъ вовсе не является predetermined и постоянной долей общественнаго богатства, а наоборотъ представляетъ весьма измѣнчивую дробь послѣдняго. Что же касается капитала уже накопленнаго и пущеннаго въ ходъ, то хотя бы его цѣнность, а также масса составляющихъ его товаровъ являлись определенными, онъ всетаки отнюдь не представляетъ производительной силы, которая была бы постоянна и дѣйствовала бы однообразно. Мы, наоборотъ, видимъ, что интенсивность, производительность и объемъ дѣйствій капитала колеблются въ весьма широкихъ границахъ. Изслѣдуя причины этого явленія, мы рассматривали его съ точки зрѣнія производства, но не слѣдуетъ забывать, что различная степень быстроты обращенія, въ свою очередь, значительно видоизмѣняетъ дѣйствія каждаго даннаго капитала.

Догматъ, утверждающій, что общественный капиталъ въ каждый данный моментъ представляетъ нѣкоторую определенную величину... примѣняется (вульгарными экономистами) преимущественно къ той части капитала, которая обмѣнивается на рабочую силу, и которую они называютъ фондомъ заработной платы или рабочимъ фондомъ. Согласно ихъ воззрѣнію, это есть особая дробь общественнаго богатства, цѣнность вѣстнаго количества средствъ существованія, размѣры коей въ каждый данный моментъ фатально замкнуты самой природой въ границы, которыя рабочій классъ тщетно пытается переступить.

Сумма, подлежащая распределению среди наемных рабочих, таким образом, является определенной, и отсюда следует, что, если доля, доставшаяся каждому дольщику, слишком мала, то это зависит от того, что число их слишком велико. Таким образом, их нищета в конечном счете коренится не в социальном строе, а в естественном порядке вещей. На это необходимо заметить прежде всего, что границы, в которых капиталистическая система замыкает потребление производителя, являются «естественными» лишь в условиях существования этой системы, подобно тому, как бычье функционировать в качестве «естественного» возбудителя к труду лишь в среде рабов. Действительно, природа капиталистического производства соответствует ограничению доли производителя средствами, необходимыми для поддержания его рабочей силы и предоставление прибавочного продукта его труда капиталисту. Точно также природа этой системы соответствует тот факт, что чистый продукт, доставшийся капиталисту, разделяется им на доход (потребляемый) и на добавочный капитал, тогда как случалось, когда рабочий может увеличивать свой потребительный фонд на счет потребления втруждающихся, представляются исключительными. «Богатый, говорит Сиемонди, предписывает законы бедному... ибо, располагаясь влечьем ежегодного производства, он оставляет для своего потребления все, что он называет доходом (гевелу); все же, что он называет капиталом, он уступает бедняку съёмом, чтобы тот съёмом из этого капитала доход для себя» (читай: съёмом, чтобы тот съёмом для него из капитала добавочный доход)...

Прежде всего экономистам надлежало доказать, что, несмотря на свое совершенно недавнее происхождение, капиталистический способ общественного производства есть способ неизменный и «естественный». Но даже, приняв рамки капиталистической системы за данные, нельзя утверждать, чтобы фонд заработной платы являлся предопределенным величиною общественного богатства, или величиною общественного капитала.

Так как общественный капитал составляет лишь весьма изъёмчивую долю общественного богатства, то и фонд заработной платы, который представляет лишь изъёмчивую дробь этого капитала, не может быть заранее определенной постоянной частью общественного богатства. С другой стороны, относительная величина фонда заработной платы зависит от того отношения, в котором общественный капитал распадается на капитал постоянный и на капитал переменный, а это отношение, как мы уже видели и как мы еще изложим с большей подробностью в дальнейших главах, не остается неизменной в течение процесса накопления. [Le Capital, Traduction de M. J. Roy, entièrement révisé par l'auteur. Paris. Editeurs Maurice Lachatre et Cie (1875) p. 267—268].

II. Къ стр. 528—539.

Абсолютный спрос на труд, предъявляемый каким-либо капиталом, пропорционален не его абсолютной величине, но величине его переменной части, которая одна только обмѣнивается на рабочую силу. Относительный спрос на

трудъ, предъявляемый каппитъ-либо капиталомъ. т. е. отношеніе между его собственной величиной и количествомъ труда, имъ поглощаемого, опредѣляется относительной величиной его переменнѣйшей части. Мы показали, что накопленіе, которое увеличиваетъ общественный капиталъ, понижаетъ въ то же время относительную величину его переменнѣйшей части и уменьшаетъ такимъ образомъ относительный спросъ на трудъ. Теперь спрашивается, какое вліяніе оказываетъ это движеніе на судьбу класса наемныхъ рабочихъ.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, очевидно необходимо, прежде всего, изслѣдовать, какимъ образомъ уменьшеніе, испытанное переменнѣйшей частью капитала въ процессѣ накопленія, отражается на абсолютной величинѣ этой части, и стало быть, какимъ образомъ уменьшеніе относительнаго спроса на трудъ вліяетъ на абсолютный или дѣйствительный спросъ на трудъ.

Пока величина капитала остается неизмѣнной, всякое относительное уменьшеніе его переменнѣйшей части въ то же самое время означаетъ и абсолютное ея уменьшеніе. Для того, чтобы это было не такъ, необходимо, чтобы относительное уменьшеніе уравновѣшивалось увеличеніемъ совокупной суммы капитальной цѣнности. Переменнѣйшая часть, функционирующая какъ фондъ заработной платы, уменьшается такимъ образомъ прямо пропорціонально паденію своей относительной величины и обратно пропорціонально одновременному увеличенію всего капитала. Исходя изъ этого положенія, мы можемъ установить слѣдующія комбинаціи:

Во-первыхъ: Если относительная величина переменнаго капитала падаетъ обратно пропорціонально увеличенію всего капитала, абсолютная величина фонда заработной платы не измѣняется. Опъ всегда будетъ достигать величины 400 франковъ, безразлично будетъ ли онъ составлять двѣ пятыхъ капитала въ 1.000 фр. или одну пятую капитала въ 2.000 фр.

Во-вторыхъ: Если относительная величина переменнаго капитала падаетъ быстрѣе увеличенія всего капитала, то фондъ заработной платы испытываетъ абсолютное паденіе, несмотря на абсолютное увеличеніе авансированной капитальной цѣнности.

Въ третьихъ: Если относительная величина переменнаго капитала уменьшается медленнѣе увеличенія всего капитала, то фондъ заработной платы испытываетъ абсолютное увеличеніе, несмотря на паденіе своей относительной величины.

Разсматриваемая съ точки зрѣнія общественнаго накопленія, эти различныя комбинаціи вліяютъ на форму распределеннаго между различными сферами производства общественнаго капитала; они обуславливаютъ собою послѣдовательныя фазы въ совершающемся перѣдко въ противоположныхъ направленіяхъ развитіи отдѣльныхъ массъ этого капитала. Такимъ образомъ, эти различныя комбинаціи создаютъ различныя условія, одновременно существующія въ различныхъ сферахъ производства *). Въ главѣ о крупной промышленности мы разсмотрѣли съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія движеніе капитала.

*) Французскій оригиналъ мѣста, начинающагося со слова «разсматриваемая» и кончающагося словомъ «производства», представляетъ непреодолимую трудность

Напомнимъ для примѣра фабрики, на которыхъ то же самое число рабочихъ оказывается достаточнымъ для того, чтобы приводить въ движеніе все большую и большую массу сырья и орудій производства. Здѣсь ростъ капитала, обусловленный исключительно расширеніемъ его постоянной части, понижаетъ соответственно относительную величину переменнѣйшей части или относительную массу эксплуатируемой рабочей силы, но не уменьшаетъ ея обычной величины. Въ качествѣ примѣровъ абсолютнаго уменьшенія рабочихъ, занятыхъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ отрасляхъ промышленности и его одновременнаго увеличенія въ другихъ, причемъ и тѣ и другія одинаково характеризовались ростомъ вложеннаго капитала и прогрессомъ производительности, мы приведемъ слѣдующія данныя: въ Англіи съ 1851 по 1861 годъ число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи понизилось съ 2.011.447 лицъ до 1.924.110; число лицъ, занятыхъ въ шерстяной промышленности пало съ 102.714 до 79.249; въ шелковомъ производствѣ—съ 111.940 до 101.678, тогда какъ за тотъ же періодъ число лицъ, занятыхъ въ бумагопрядильномъ и бумаготкацкомъ производствахъ поднялось съ 371.777 человекъ до 456.646 и въ желѣзнодорожномъ производствѣ съ 68.058 до 125.711.

Наконецъ, другую сторону прогресса общественнаго накопленія, обнаруживающуюся въ попеременномъ увеличеніи, уменьшеніи и неподвижномъ состояніи числа рабочихъ, занятыхъ въ одной и той же отрасли промышленности, мы могли наблюдать на рѣзкомъ примѣрѣ перинетій, пережитыхъ хлопчатобумажной промышленностью.

Изслѣдуя періодъ въ нѣсколько лѣтъ, напр., десятилѣтіе, мы въ общемъ найдемъ, что съ прогрессомъ общественнаго накопленія увеличилось и число эксплуатируемыхъ рабочихъ, хотя бы различные отдѣльные годы въ самой различной мѣрѣ участвовали въ этомъ общемъ результатѣ или вовсе въ немъ не участвовали. Необходимо, чтобы неподвижное состояніе или уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, констатируемое для нѣкоторыхъ отраслей промышленности рядомъ съ значительнымъ ростомъ вложеннаго капитала, болѣе чѣмъ въ компенсировалось другими отраслями, въ которыхъ увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ получило бы рѣшительное преобладаніе надъ всѣми тенденціями, дѣйствующими въ противоположномъ смыслѣ. Но этотъ результатъ достигается лишь путемъ потрясенія, и для него требуется выполненіе условій, осуществленіе которыхъ встрѣчаютъ все больше и больше трудностей.

Относительное уменьшеніе, испытываемое переменнѣйшей частью капитала въ теченіе процесса накопленія и сопровождающаго его расширенія производительныхъ силъ, принимаетъ форму убывающей прогрессіи. Пусть отношеніе между по-

для точной передачи и даже для пониманія: «Au point de vue de l'accumulation sociale, ces différentes combinaisons affectent la forme et d'autant de phases successives que les masses du capital social réparties entre les différentes sphères de production parcourent l'une après l'autre, souvent en sens divers, et d'autant de conditions simultanément présentées par différentes sphères de production».

Прим. II. С.

стояннымъ и переменнымъ капиталомъ первоначально составляло 1 : 1 и пусть оно будетъ составлять послѣдовательно 2 : 1, 3 : 1, 5 : 1, 6 : 1, т. е. по мѣрѣ, того какъ $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{6}{7}$ и т. д. всей капитальной цѣнности будутъ авансироваться на покупку средствъ производства, соответственно лишь $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$ будутъ авансироваться на покупку рабочей силы. Тогда, если даже вся сумма капитала будетъ утроиваться, учетверяться, ушестеряться, усмеряться и т. д., этого востачи будетъ недостаточно для увеличенія числа занятыхъ рабочихъ. Для того, чтобы произвести такое дѣйствіе, необходимо, чтобы увеличеніе всей массы общественнаго капитала проходило быстрое уменьшенія относительной величины фонда заработной платы.

Такимъ образомъ, чѣмъ ниже опустилась относительная величина этого фонда, тѣмъ быстрее должна быть прогрессія, въ которой возрастаетъ общественный капиталъ. Но эта прогрессія въ свою очередь становится источникомъ новыхъ техническихъ измѣненій, которыя опять-таки понижаютъ относительный спросъ на трудъ. Игра должна снова начаться сначала.

Въ главѣ о крупной промышленности, мы обстоятельно разобрали причины, въ силу которыхъ, несмотря на противодѣйствующія тенденціи, ряды наемныхъ рабочихъ увеличиваются вмѣстѣ съ прогрессомъ накопленія. Мы напомнимъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ то, что относится непосредственно къ занимающему насъ теперь вопросу.

То же самое развитіе производительныхъ силъ труда, которое производитъ уменьшеніе не только относительное, но часто и абсолютное, числа рабочихъ, занятыхъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ отрасляхъ промышленности, даетъ послѣднимъ возможность поставлать на рынокъ постоянно растущую массу дешевыхъ продуктовъ. Онѣ стимулируютъ, такимъ образомъ, другія отрасли промышленности, тѣ, которыя онѣ доставляютъ средства производства, или тѣ, отъ которыхъ они получаютъ свое сырье, свои орудія и т. д. — первыя производятъ расширение вторыхъ. Вліяніе, оказанное такимъ путемъ на рабочій рынокъ этихъ отраслей, будетъ очень значительнымъ, если въ нихъ преобладаетъ ручной трудъ. «Увеличеніе числа рабочихъ, — говоритъ officialный редакторъ англійской переписи 1861 годъ, — достигаетъ въ общемъ своего максимума въ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ машины не были еще съ успѣхомъ введены». Но мы уже видѣли, что всѣ эти подустрии, въ свою очередь, подвергаются техническимъ преобразованіямъ, ставящимъ ихъ на уровень современнаго способа производства.

Новыя отрасли производства, создаваемая экономическимъ прогрессомъ, образуютъ новые добавочные рынки труда. При своемъ возникновеніи они принимаютъ форму либо ремесла, либо мануфактуры, либо, наконецъ, крупнаго машиннаго производства. Въ первыхъ двухъ случаяхъ имъ предстоитъ пройти черезъ преобразованіе, обусловливаемое введеніемъ машинъ, въ послѣднемъ случаѣ централизація капитала позволяетъ имъ поставить на ноги безчисленныя промышленныя заводы, которыя поражаютъ взоръ, точно они выросли изъ земли. Но, какъ ни обширна казалась бы рабочая сила, создаваемая такимъ образомъ, ея величина, являющаяся съ самаго начала незначительной по сравне-

нію съ массою занятаго капитала, падаетъ, лишь только индустрія, о которой идетъ рѣчь, пускаетъ корни.

Наконецъ, бываютъ промежутки, въ которые техническіе перевороты даютъ слабѣ себя чувствовать, промежутки, когда накопленіе представляется скорѣ количественнымъ расширеніемъ промышленности на уже существующемъ техническомъ основаніи. Тогда, каковъ бы ни былъ составъ капитала, законъ, согласно которому спросъ на трудъ увеличивается въ такой же пропорціи, какъ и капиталъ, снова болѣе или менѣе вступаетъ въ силу. Но, одновременно съ тѣмъ, что число притягиваемыхъ капиталомъ рабочихъ достигаетъ своего максимума, продукты становятся столь избыточными, что при малѣйшемъ препятствіи, представляющемся ихъ сбыту, весь социальный механизмъ какъ бы останавливается; отталкиваніе труда капиталомъ происходитъ сразу въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и въ самой рѣзкой формѣ; самое разстройство въ сбытѣ заставляетъ капиталистовъ дѣлать величайшія усилія для сбереженія труда. Тогда частичныя усовершенствованія, постепенно накопившіяся, если можно такъ выразиться, сгущаются подъ этимъ сильнымъ давленіемъ; они воплощаются въ техническихъ измѣненіяхъ, которыя революціонируютъ составъ капитала на всемъ пространствѣ крупныхъ отраслей промышленности. Такъ, американская гражданская война дала толчокъ къ тому, что англійскіе прядильные фабриканты населили свои фабрики самыми мощными машинами и выселили изъ нихъ рабочихъ. Наконецъ, продолжительность тѣхъ промежутковъ, въ которые накопленіе всего болѣе благопріятствуетъ спросу на трудъ, прогрессивно сокращается.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ машинное производство начинаетъ преобладать, прогрессъ накопленія удваиваетъ энергію тѣхъ силъ, которыя стремятся понизить относительную величину переменнаго капитала и ослабляютъ тѣ силы, которыя стремятся увеличить его абсолютную величину. Онъ увеличивается вмѣстѣ съ общественнымъ капиталомъ, долю котораго онъ составляетъ, но увеличивается въ падающей пропорціи.

Дѣйствительный спросъ на трудъ регулируется не только величиной переменнаго капитала, уже пущеннаго въ ходъ, но еще также и его среднимъ приращеніемъ, и предложеніе труда остается нормальнымъ, пока оно соотвѣтствуетъ этому движенію. Но когда среднее приращеніе переменнаго капитала падаетъ, то прежнее предложеніе труда, бывшее до сихъ поръ нормальнымъ, становится отнынѣ ненормальнымъ, избыточнымъ, и тогда болѣе или менѣе значительная часть класса наемныхъ рабочихъ, ставъ ненужной для капитала, и потерявъ свое право на существованіе, оказывается избыточной, излишней. Такъ какъ эта игра продолжаетъ повторяться въ процессѣ растущаго накопленія, то, значить, послѣднее влечетъ за собой ростъ избыточнаго населенія.

Законъ пропорціональнаго уменьшенія переменнаго капитала и соотвѣтствующаго паденія относительнаго спроса на трудъ дополняется, такимъ образомъ, абсолютнымъ возрастаніемъ переменнаго капитала и абсолютнымъ увеличеніемъ спроса на трудъ въ падающей пропорціи, и, наконецъ, созданіемъ относительнаго перенаселенія. Мы называемъ его «относительнымъ», потому что

оно обуславливается не таким положительным ростом рабочего населения, который превосходил бы размеры накапливаемого богатства, но, наоборот, — таким ускоренным ростом общественного капитала, который позволяет капиталистам обходиться без услуг более или менее значительной части рабочих. Существовая лишь для временных потребностей капиталистической эксплуатации, это избыточное население может внезапно расширяться и столь же внезапно сокращаться (*Le Capital etc.*, p. 276—278).

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИМЕНЪ.

(Всѣ названія расположены въ порядкѣ латинскаго алфавита и на основаніи латинской транскрипціи. Цифры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ страницы настоящаго изданія I тома «Книгала»).

- Abregé** elementaire des principes de l'Economie Politique. Paris. 1796 (G. Garnier).—458.
- Addington, Rev. Enquiry into the Reasons for or against enclosing open fields. Lond. 1772.—614.
- Advantages (The) of the East India Trade to England. London. 1720.—252, 270, 275, 276, 279, 350, 423.
- Agricultural Labourers (Ireland) Return etc. 8 March 1862.—597.
- Agricultural Statistics. Ireland. General Abstracts, Dublin 1860.—591, 593.
- Agricultural Statistics. Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin 1866.—593.
- Alkin. Descriptions of the Country from 30 to 40 miles round Manchester. Lond. 1795.—497, 635, 642, 643.
- Anderson, A.—630.
- Anderson, James. «The Bee» 18 vls. Edinb. 1791—93. vol. 3.—518.
- Anderson, James. Observations on the means exciting a spirit of Nat. Indust, etc. Edinburg 1777.—465, 617.
- Anderson, James.—614.
- Antiparos (Антипаросъ), греческій островъ.—333.
- Apocalypsis.—47.
- Appianus (Аппианъ). Römische Geschichte.—615.
- Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China. Deutsch von Abel und Meklenburg. B. I. Berlin, 1858.—82.
- Aristoteles (Аристотель). De Republica, ed. Bekker.—46, 104, 115.
- Aristoteles.—23, 24, 43, 259.
- Arlidge, I. T. dr.—185.
- Ashley, Lord. Ten Hours Factory Bill (прѣвъ). 15 March. Lond. 1841.—328, 338.
- Ashworth.—223.
- Athen[aeus] (Атенеѣ). Deipnosophistae]. —59, 87.
- Augier, Marie. Du Crédit Public.—644.
- Babbage, Ch.** On the Economy of Machinery. Lond. 1832.—227, 280, 303, 317, 330.
- Bacon (Бэконъ Вереуламскій). The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennets England. Lond. 1870.—609.
- Bacon. Essayg. civil and moral.—609.
- Bacon.—616, 617.
- Bailey, S. A. Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the Formation, etc., of Opinions. London. 1825.—26, 44, 443.
- Bailey, S. Money and its Vicissitudes. Lond. 1837.—15, 511.
- Bailey, S.—21.
- Baker, Robert. Reports of the Inspectors of Factories for 31 Oct. 1861.—235.
- Baker, R. Reports etc. for 31 Oct. 1862.—325.
- Baker, R. Reports etc. for 30th April 1863.—349.
- Baker, R. Reports etc. for 31st Oct. 1865.—369.
- Baker, R. Reports etc. for 31st Oct. 1866.—601.
- Ballard (Баллардъ), dr.—387.
- Balzac.—491.
- Barbon, Nicolas. A Discourse on coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's Considerations etc. London 1696.—1, 2, 3, 83, 97, 98.
- Barbon, Nicolas.—79, 84.
- Barton, John. Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of society. London 1817.—531, 569.
- Bastiat.—XIV, 25, 43, 139, 333, 468.
- Baines.—315, 317.
- Beccaria, Cesare. Elementi di Econ. Publica. Ed. Custodi, Part. Moderna.—295.
- Bellers, John. Proposals for raising a Colledge of industry of all useful Trades and Husbandry. London 1696.—92, 98, 258, 350, 404, 405, 515.
- Bellers, John. Essays about the poor, Manufactures, Trade, Plantations and immortality. Lond. 1669.—85, 397.
- Bellers, John.—279.

- Bentham, Jeremias. *Théorie des peines et des récompenses*. Trad. Et. Dumont. 3-ème ed. Paris 1826.—510.
- Berkoley. «The Querist». Lond. 1750.—267, 284.
- Bidant, J. N. *Du Monopole qui s'établit dans les arts industrielles et le commerce*. Paris 1828.—254.
- Biese, F. *Die Philosophie des Aristoteles*. Berlin 1842.—333.
- Blakey, R. *The History of Political Literature from the earliest times*. London, 1855.—611.
- Blanqui. A. *Cours d'Econ. Industrielle*. Recueilli par A. Blaise. Paris 1838—39.—268.
- Blanqui, M. *Des classes ouvrières en France, pendant l'année 1848*.—213.
- Block, M. *Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne*. Extrait du *Journal des Economistes*. Juillet et aout 1872.—XV.
- Boileau, Etienne. *Livre des métiers*.—402.
- Boisguillebert. *Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs*, édit. Daire, *Economistes financiers*. Paris 1843.—94.
- Boisguillebert.—84.
- Bonard de Card. *De la falsification des substances sacramentelles*. Paris 1856.—188.
- Boothroyd, dr.—185.
- Boxhorn. *Inst. Pol.* 1663.—351.
- Bray.—31.
- Brentano.—XXV.
- Bright, John (Брайтъ).—XIV, 193, 219, 547.
- Broadhurst, J. *Political Economy*, London 1842.—19, 20.
- Brougham, Henri. *An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers*. Edinb. 1803.—643.
- Bruker. *Theorie du systeme animal*. Loyde, 1767.—517.
- Buchanan, David. *Inquiry into the Taxation and commercial Policy of Great Britain*. Edinburg 1844.—81.
- Buchanan, David. *Observations etc. on A. Smith's «Wealth of Nations»*. Edinb. 1814.—464, 617.
- Buchez et Roux. *Histoire Parlementaire de la Révolution française*.—628.
- Burke, Edmund. *Thoughts and Details on Scarcity originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795*. Lond. 1800.—151, 176, 255, 643.
- Burke, Edmund.—612.
- Bussy Rabutin. *Mémoires du comte de...* Nouv. éd. Amsterdam. 1751.—638.
- Butler (Бутлоръ).—2.
- Cairnes, J. C. *The Slave Power*. Lond. 1862.—143, 204, 264.
- Campbell, George. *Modern India*. Lond. 1852.—288.
- Cantillon. *Essai sur la Nature du Commerce en General*. Amsterdam 1766.—461.
- Cantillon. *Essai sur la nature du commerce en général*. Trad. de l'angl. Lond. MDCCCLV.
- Цитир. по перепечат. гарвардскаго унив. London a. New-York. 1892.—XXX.
- Cantillon.—XXXI.
- Carlyle, Thomas. *Ilias Americana in nuce*. Macmillans Magazine. Августъ 1863.—194.
- Carey, H. *Essay on the Rate of Wages. With an Examination of the Causes of the Differences in Conditions of the Labouring Population throughout the World*. Philadelphia. 1895.—467.
- Carey, H. *The Slave Trade*. London 1853.—618, 634.
- Carey, H.—441.
- Carli, G. R. *Примѣчанія къ P. Verri, Meditazioni etc. Custodi, Parte Mod.*—261.
- Case (The) of our English Wool etc. London 1685.—190.
- Cazenove. *Примѣчанія къ изданію «Definitions in Political Economy» Мальтуса*. London. 1853.—472, 498.*
- Census of England and Wales for 1862. London. 1863.—530, 541, 547, 549, 572.
- Chalmers, Th. *On Polit. Econ. etc.* Lond. 1832.—105.
- Chamberlain (министръ). Рѣчь при открытіи санитарной конференціи въ Бирмингемъ, 15 янв. 1875 г.—540.
- Charakter (The) and behaviour of King William Sunderland etc; as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers. Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc. Въ *Sloane Manuscript Collection* въ Британскомъ музеѣ, № 4224.—612.
- Cherbuliez. *Riche ou Pauvre*, Paris 1841.—133, 487, 546.
- Cherbuliez.—130.
- Children's Employment Commission First Report etc. London 1863.—184, 185, 186, 187, 207, 349, 388, 460.
- Тоже Mr. Smiths Evidence.—453.
- Children's Empl. Comm. II Rep. 1864.—381, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 395, 405, 453, 459.
- Childr. Empl. Comm. III. Report 1864.—124, 195, 196, 323, 349, 384, 385, 395, 407, 454, 459.
- Childr. Empl. Comm. III Rep. Evidence.—455.
- Children's Empl. Comm. IV Rep. 1864.—379.
- Children's Empl. Comm. IV Report 1865.—198, 199, 200, 201, 202, 203, 280, 328, 349, 358, 395, 396.
- Children's Empl. Comm. V Report. 1866.—323, 349, 355, 374, 382, 384, 397, 398, 400, 401, 402, 405, 406, 407, 408, 453.
- Childr. Empl. Comm. VI Report. Lond. 1867.—580, 587, 588, 589, 590.
- Cicero (Цицеронъ).—333.
- Clauren (K. Heun).—166.
- Cobbett, William. *A History of the Protestant Reformation*.—610.
- Cobbett, William.—224, 638, 640.
- Cobden (Кобденъ).—XIV, 193, 219.
- Collins. *L'Economie Politique. Sources des Révolutions et des Utopies prétendues socialistes*. Paris 1857.—514, 586, 653.

- Columbus (Колумбъ).—86.
Colbert (Кольберъ). 243.
Comte, Aug. (Контъ О.).—264.
Combination (On) of Trades. London. 1834.—463.
Concise (A) of Briefe Examination of Certain Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen, in these our Days. By W. S. Gentleman. London 1581 (William Stafford).—629.
Compte Rendu Международн. статистич. конгресса въ Парижѣ 1855.—234.
Comte, Charles. Traité de la législation. Bruxelles 1837.—636.
Concordia, 7 März. 1872.—XXIII.
— 4 Juli, 1872.—XXIV.
— 11 Juli, 1872.—XXIV.
Condillac. Le Commerce et le Gouvernement (идя, первоначально въ 1776)—Edt. Duire et Molinari «Melanges d'Economie Politique». Paris 1817.—110.
Considerations, concerning taking of the Bounty on Corn exported etc. Lond. 1752.—223.
Considerations on Taxation etc. Lond. 1765.—211.
Corbet, Th. An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of individuals: or the Principles of Trade and Speculation explained Lond. 1841.—102, 491.
Corbon, A. De l'enseignement professionnel.—404.
Courcelle-Seneuil, J. G. Traité théorique et pratique des entreprises industrielles. Paris. 1857.—174, 499.
Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trade's Unions... Служба книга.—XI.
Currency (The) Question Reviewed; a letter to the Scotch people. By a Banker in England. Edinburgh. 1845.—93.
Cuvier. Discours sur les révolutions du globe. Paris 1863.—425.
Daily Telegraph. London. 17 Jan. 1860.—184.
Dante (Данте).—61, 186.
Darwin, Ch. (Дарвинъ Ч.). О происхожденіи видовъ.—272.
Darwin, Ch. (Дарвинъ Ч.).—299.
Daumer.—223.
Defence (A) of the Landowners and Farmers of Great Britain. London 1814.—462.
Descartes (Декартъ). Discours sur la methode.—316.
Destutt de Tracy. Traité de la Volonté et de ses effets. Paris 1826.—108, 114, 258, 260, 546.
Destutt de Tracy.—41, 42.
Diderot (Дидро).—88.
Dietzen, Joseph. Статьи въ «Volkstaat'be».—XV.
Diodorus Siculus. «Историческая библиотека».—176, 271, 296, 424.
Diodorus Siculus.—96.
Discourse (A) of the General Nations of money. Trade and Exchange as they stand in relations to each other. London 1695. By a Merchant.—50.
Discourse (A) on the Necessity of Encouraging Mechanick Industry. London 1869.—210.
Discourse (A) concerning Trade and that in particular of the East-Indies etc. London 1689.—50.
Dissertation (A Critical) on the Nature, Measure and Causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the author of Essays on the Formations etc. of Opinions. London 1825 (S. Bailey).—26, 44, 443.
Doubleday.—640.
Dryden (Драйденъ).—182.
Ducpélaux. Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique. Bruxelles 1855.—66, 567, 588.
Duffy, C. G. Minister of Public Lands. The Land Law of Victoria. London 1862.—655.
Dunning, T. J. Trade's Unions and Strikes. Lond. 1860.—457, 460, 644.
Dupont, Pierre, Ouvriers.—586.
East-India (The) Trade a most profitable Trade. London 1677.—50.
Economist, 29 March 1845.—571.
Economist, 19 July 1859.—490.
Economist, Jan. 21, 1860.—537.
Economist, 2 Jun 1866.—620.
Economy (Public) Concentrated. Carlisle 1833.—322.
Eden, M. History of the Poor. Lond. 1799.—183.
Eden, Sir F. M. The State of the Poor or an History of the Labouring Classes in England etc.—503, 515, 516, 611, 613, 641.
Engels, F. und Karl Marx. Manifest der Kommunistischen Partei. Lond. 1848.—403, 649.
Engels, Friedrich. Umrisse zu einer Kritik der National Ökonomie. Paris 1844 (Deutsch-französische Jahrbücher).—37, 104, 114, 534.
Engels, Friedrich. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig 1845.—180, 184, 192, 205, 325, 236, 346, 366, 507.
Engels, Friedrich. Die englische Zehnstundenbill (Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue. Aprilheft 1850).—226, 348.
Engels, Friedrich.—551.
Engineering, The, 13. June 1874.—522.
Ensor, George. An Inquiry concerning the Population of Nations. Lond. 1818.—618.
Enquiry (A Political) into the Consequences of enclosing Waste Lands, London 1785.—613.
Enquiry (An) into the Connection between the Price of Provisions and the size of Farms etc. By a Farmer. London 1773.—242, 258, 260, 616.
Epicurus (Эпикуръ).—41.

- Essays on Political Econ.** in which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress. Lond. 1830.—438.
- Essay on the Application of Capital to Land.** By a Fellow of Union College of Oxford. London (Edward West).—450.
- Essay (An) on Credit and the Bankrupt Act.** London 1707.—89.
- Essay (An) on the Political Economy of Nations.** London 1821.—145, 241.
- Essay (An) on Trade and Commerce,** containing Observations on Taxation etc. London 1770.—173, 174, 211, 212, 213, 451, 501, 515, 535, 622.
- Essay (An) upon Publick Credit.** London 1710.—94.
- Essay (An) on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest.** London 1750 (J. Massey).—426.
- Essay (A Prize) on the comparative merits of Competition and Cooperation.** London 1834.—253, 354.
- Eschwege.**—6.
- Essential (The) Principles of the Wealth of Nations etc.** London 1797.—111.
- Factory and Workshop Act 1878.**—417.
- Farre, dr.**—216.
- Faucher.**—385.
- Fawcett, H.** The Economic Position of the British Labourer. Camb. and Lond. 1865.—463, 512, 550.
- Fawcett, H.**—634.
- Ferguson, A.** History of Civil Society. Edinb. 1750.—284, 291, 292.
- Ferguson, A.**—78.
- Ferrand.** Речь въ «House of Commons» 27 апрѣля 1863 г.—204, 205.
- Ferrand.**—478.
- Ferrier, F. C. A.** Du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce. Paris 1805.—25.
- Fielden, J.** The Curse of the Factory System. Lond. 1836.—329, 337, 642.
- Fletwood, Bishop.** Chronicon Pretiosum etc. Lond. 1745.—209.
- Fonterel, A. dr.** Hygiène physique et morale du Ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Paris 1859.—293.
- Forbonnais de, V.** Elements du Commerce. Leyde 1766.—51.
- Forster, Nathaniel.** An Inquiry into the Present High Price of Provisions. Lond. 1767.—425, 614.
- Forster, Nathaniel.** An Inquiry into the Causes of the Present Price of Provisions. Lond. 1766.—211, 351.
- Franklin, B.** The Works of, edited by Sparks. Boston 1836 г. V. II. («Positions to be examined concerning National Wealth»).—16, 114.
- Franklin, B.**—128, 259.
- Freitag G.**—626.
- Fullarton.** Regulation of Currencies. Lond.—1845.—83, 94, 97.
- Fourier (Шарль Фурье).**—225, 311, 350.
- Gallani.** Della Moneta. Въ сборникѣ Custodi: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna. Milano 1801. 36, 50, 58, 105, 109, 248, 542
- Gauth, Charles.** Theorie de l'Economie Politique. Paris 1819.—128.
- Gauth, Charles.** Des Systèmes de l'Economie Politique, 2-me éd. Paris 1821.—25, 123, 368.
- Gauth, Charles.**—42, 52.
- Garnier, G. V** томъ его перевода Ад. Смирна.—293.
- Garnier.** Abrégé élémentaire des principes de l'Economie Politique. Paris 1796.—458.
- Hardwicke (Гардвикъ).**—408.
- Gaskell.** The Manufacturing Population of England. Lond. 1833.—358, 365.
- General Statutes of Massachusetts 1836**—54.—208.
- Genovesi, A.** Lezioni di Economia Civile (1765) Въ Custodi. Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna.—105.
- Giborne.** Enquiry into the duties of men. 1795.—642.
- Gladstone.**—372.
- Gladstone.** Речь въ Палатѣ Общннхъ. «Нашард, 13 Febr. 1843.—549.
- Gladstone.** Речь въ Палатѣ Общннхъ. «Times», 7 April 1864.—550.
- Gray.**—31.
- Greg, K. H.** The factory Question and the Ten Hours bill. 1837.—226.
- Greenhow, dr.**—184, 341.
- Gregoir, Les** Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles. 1865.—461.
- Grove.** On the Correlation of Physical Forces.—436.
- Güllich, Gustav von.** Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe u. s. w. I u II Band. 1830.—XII.
- Haller, v.** Restauration der Staatswissenschaftenschaften.—316
- Hamilton, W.**—254.
- Hamm, Dr. W.** Die landwirthschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands. 2 Aufl. 1856.—418.
- Hansen.** Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein.—177.
- Harris, James.** Dialogue concerning Happiness. Lond. 1741.—295
- Harrison.** Description of England. Prefixed to Holinsheds Chronicles.—608, 623, 629.
- Hassall, dr.** Adulterations Detected. Lond. 1862.—124, 187.
- Health, Public.** Reports.—293, 322.
- Health, Public.** 3-rd Report etc. 1860.
- Health, Public.** Sixth Report by «The Medical Officer of the Privy Council etc. 1864».—124, 206, 324, 384, 454.

- Health, Public. Sixth Report etc. for 1863. London 1864. Dr. Simon.—554, 575.
- Health, Public. Sixth Report etc. for 1863. London 1864. Dr. Smith.—552, 553.
- Health, Public. Seventh Report 1864.—482.
- Health, Public. Seventh Report. London. 1864. Dr. Julian Hunter.—562, 563, 573, 576, 578, 579, 580, 586, 610.
- Health, Public. Seventh Report. 1864. Dr. Harvey.—580.
- Health, Public. Seventh Report. London 1864. Dr. Simon.—560, 561, 563, 576.
- Health, Public. Seventh Report. London. 1864. Dr. Stevens.—562.
- Health, Public. Eight Report. London 1865. Dr. Simon.—555.
- Health, Public. Eight Report. London 1866.—383.
- Health, Public. Eight Report. London 1865. Dr. Julian Hunter.—556, 557, 558, 559.
- Hegel. Encyclopädie. Erster Theil. Die Logik. Berlin 1840.—128, 200, 201, 242.
- Hegel. Philosophie des Rechts. Berlin. 1840.—9, 51, 118, 293.
- Hegel.—XVIII. 491.
- Hobbes, Th. «Leviathan» въ Works edit. Molesworth. Lond. 1839—1844.—120.
- Hobbes, Th.—317.
- Hobhouse, John.—224.
- Hodgskin, Th. Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825.—270, 283, 285, 445, 478.
- Homerus (Гомеръ). Одиссея.—295.
- Hopkins, Th. On Rent of Land etc. Lond. 1823.—171.
- Horner, Leonhard. A Letter to Mr. Senior etc. Lond. 1837.—167.
- Horner, Leonhard. Reports of the Inspectors of Factories 31st Dec. 1841.—214.
- Rep. of Insp. of Fact. 30th April 1845.—338.
- Reports etc. for 30th April 1849.—223, 225.
- Reports etc. for 31st Oct. 1848.—220, 221.
- Reports etc. for 31 Oct. 1855.—326, 350.
- Reports etc. for 30th June 1857.—326.
- Reports etc. for 31st Oct. 1857.—327.
- Reports etc. for 30th April 1858.—181.
- Reports etc. for 30th April 1859.—457.
- Reports etc. 21st Oct. 1859.—218.
- Rep. of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1862.—339.
- Horner, Leonhard, Inspector of Factories. Suggestions for Amending the Factory Acts etc. въ Factories Regulation Act. Ordered by the House of Commons to be printed 9 Aug. 1859.—181, 229.
- Houghton, John. Husbandry and Trade improved. Lond. 1727.—350.
- House of Lord's Committee 1848—81.
- Howell. Reports of the Inspectors of Factories for 31st Oct. 1848.—226.
- Howell. Reports etc. for 30th April 1849.—224.
- Howell. Reports of the Insp. of Fact. for the half year ending 30th April. 1855.—169.
- Howell. Reports etc. for 30th April 1859.—181.
- Howitt, William. Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by Europeans in all their Colonies Lond. 1838.—637.
- Hume (Давидъ Юмъ).—78, 426.
- Hunter, Henry Julian, dr. Reports on the excessive mortality of Infants in some rural districts of England. 1864.—324, 325.
- Hurcuru, Bengal. By Monthly Overland Summary of News 22 Juli 1861.—260.
- Hutton. Course of Mathematics.—299.
- Industry (The) of Nations.** London 1885. Part. II.—275, 312.
- Inland Revenue, Fourth Report etc. London 1860.—548.
- Inland Revenue, Tenth Report of the Commissioners. London, 1866.—547, 594.
- Inquiry into the Connection of large farms etc. Lond. 1773.—611.
- Inquiry (An) into the Present High Price of Provisions. (Rev. Nathaniel Forster). London 1767.—425, 614.
- Inquiry (An) into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus, etc. London 1821.—113, 123, 362, 498, 508.
- Isocrates. Buziris.—296.
- Jacob**—6, 162.
- Jones, R. An Essay on the Distribution of Wealth. On Rent. London 1831.—261.
- Jones, Richard, Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations. Hertford, 1852.—242, 254, 266, 473, 560.
- Jones, R. An Introductory Lecture on Political Economy. London 1833.—490, 531.
- Juarez.—118.
- Judgment of Mr. J. H. Otwey, Belfast. Hilary Sessions, County Antrim. 1860.—214.
- Kant, Im.** (Кантъ).—XXXIII.
- Кауфманъ, Илар. Игл. (Ш. Н. К—въ).—XVI.
- Kent—614.
- Kincaid, John. Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1857.—327.
- Kincaid, John. Report of Insp. of Factories for 31st Oct. 1858.—326.
- Киселевъ, генералъ.—178.
- Kopp. Entwicklung der Chemie, München. 1873.—243.
- Krankheiten (Die) welche verschiedenen Ständen, Alteru und Geschlechtern eigen thümlich sind. 6 Bände. Ulm. 1860.—293.
- Laborde, A. de.** De l'Esprit de l'Association dans tous les interets de la Communauté. Paris 1818.—441.

- Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825 (Th. Hodgskin).—270.
283. 285, 445, 478.
- Laing, S. National Distress etc. Lond. 1844.—144. 542. 555. 570.
- Lancellotti.—351.
- Lange, Fr. Alb.—XXXIII.
- Lassale, F. Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln. Berlin. 1850—63.
- Лассаль, Ф.—IX.
- Lauderdale.—279.
- Lavergne, L. de.—440. 604.
- Law, John. Considérations sur le numéraire et le Commerce, edit. Daire «Economistes financiers du XVIII Siècle».—50.
- Lemontey (Лемонте).—292.
- Lessing (Лоссингъ).—XVIII.
- Leone Levi.—620.
- Letheby, dr.—193.
- Le-Trosne. De l'intérêt social. Physiocrates, edit. Daire. Paris. 1846.—2. 5. 51. 60. 68. 72. 75. 98. 109. 110. 112. 114. 154.
- Letter (A.) to sir T. C. Banbury. Brit.: On the High Price of Provisions. By a Suffolk Gentleman. Ipswich 1795.—611.
- Letters (Two) on the Flour Trade and the Dearness of Corn. By a Person in Business. London. 1767.—613.
- Liebig, Justus von. Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft. 1856.—260.
- Liebig, J. v. Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. 1862.—179. 419. 477.
- Liebig J. v.—313.
- Linguet, N. Théorie des Lois Civiles etc. Lond. 1767.—174. 266.
- Linguet, N.—223. 516. 625.
- Locke, John. «Some Considerations on the Consequences of the lowering of interest. 1691». Works ed. Lond. 1777.—2. 50. 79.
- Locke, John.—60. 102.
- Longe, F. Childr. Empl. Com. V Rep. 1866.—374. 401.
- Longe, F.—184.
- Lucretius (Лукрецій).—158.
- Luther, Martin (Лютеръ). An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen. Wittenberg, 1540.—89. 139. 243. 495.
- Macaulay. History of England. Lond. 1854.—210. 607.
- Macaulay.—214.
- MacLaren History of the Currency. London. 1858.—56.
- Mac Culloch The literature of Political Economy, a classified catalogue. Lond. 1845.—97. 614.
- Mac Culloch. The Principles of Polit. Econ. Lond. 1830.—105. 363.
- Mac Culloch, A Dictionary practical etc. of Commerce. Lond. 1847.—102.
- Mac Culloch—97. 139. 211. 254. 333. 360. 431. 509. 511.
- Mac Gregor.—211.
- Mac Leod. The Theory and Practice of Banking. Lond. 1855.—106.
- Mac Leod.—25.
- Malthus. Principles of Political Economy. London. 1836.—156. 482. 490. 491. 497. 534.
- Malthus. Inquiry into the Nature etc. of Rent. Lond. 1815.—247. 437. 462.
- Malthus. Definitions in Political Economy.—477. 482.
- Malthus.—113. 283. 511. 545. 596.
- Mandeville, de, B. Fable of the Bees or Private Vices, Publick Benefits. 1714.—285. 515.
- Manifest des Maatschappij: De Vlamingen Vooruit. Brussel, 1860.—568.
- Martineau, Harriet. The Manchester Strike. 1842.—534.
- Marx, Eleanor. въ «To-Day», февраль и мартъ 1894.—XXV, XXVI.
- Marx, Karl, und F. Engels, Manifest der Kommunistischen Partei. Lond. 1848.—403. 644.
- Marx, K. Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Hamburg, 1869—586.
- Marx, Karl. Misere de la Philosophie. Response a la Philosophie de la Misere par M. Proudhon. 1847.—43. 292. 343. 445. 544.
- Marx, Karl. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Berlin. 1859.—IX, XIII, 1. 5. 7. 38. 39. 48. 50. 53. 55. 56. 59. 70. 78. 79. 90. 96. 139. 287. 290. 447. 520.
- Marx, K. Lohnarbeit und Kapital. Neue Rheinische Zeitung. 7 April 1849.—482. 648.
- Massey, J. A Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest. Lond. 1750.—426.
- Master (The), Spinners and Manufacturers Defence Fund. Report of the Committee. Manchester, 1854.—347.
- Maurer, von, Georg Ludwig. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof—u. s. w. Verfassung. München. 1859.—34.
- Maurer. Frohnhöfe. IV Bd.—177.
- Meitzen. Der Boden des preussischen Staats.—177.
- Mendelson, Moses (Мендельсонъ).—XVIII.
- Mercier de la Rivière. L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Physiocrates, ed. Daire.—66. 67. 84. 100. 102. 109. 112. 138.
- Merivale, H. Lectures on Colonization and Colonies. London. 1841 and 1842.—533. 652.
- Meyer, dr. въ Bayrische Zeitung. 9 Mai 1862.—179.
- Mill, James. Elements of Pol. Econ. Lond. 1821.—106. 133. 283. 298. 472. 475. 477.
- Mill, James. Art. «Colony». Supplément to the Encyclop. Brit. 1831.—144.
- Mill, James.—70. 79. 360. 419. 511.
- Mill, J. St. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. Lond. 1844.—79. 501.

- Mill, J. St. Principles of Political Economy.—298, 419, 427, 428, 511.
- Mill, J. St. Evidence. Reports on Bankacts, 1857.—88.
- Mill, John Stuart.—XIV, 360, 493, 634.
- Mirabeau, De la Monarchie Prussienne. London, 1788.—607, 620, 632, 641.
- Mirabeau.—394, 648.
- Moses (Моисей).—302.
- Molinari, G. de. Etudes Economiques. Paris, 1864.—346, 499, 652.
- Mommsen, Th. Römische Geschichte. 1856.—117, 121.
- Monteil, Alexis. Histoire des Matériaux manuscrits.—630.
- Montesquieu. Esprit des Loix. Oeuvres. London, 1767.—51, 79, 639.
- Moore, Thomas. Utopia, transl. Robinson, ed. Arbor, London, 1860.—609, 623.
- Morning Star, 17 April 1863. Речь Gladstone въ Палатѣ Общин.—549.
- Morning Star, 1867.—564.
- Morton, J. C. Агрономическая Энциклопедия, статья «Labourers».—460.
- Morton, John C. Рефератъ въ Society of Arts, 1861.—303.
- Müller, A.—80.
- Mun, Thomas. Englands Treasure by Foreign Trade, Or the balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure. Written by Th. Mun, of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun, Lond. 1669.—425.
- Murray Hugh, James Wilson etc. Historical and descriptive Account of British India etc. Edinburgh, 1832.—271.
- Murphy, Ireland, Industrial, Political and social, 1870.—597.
- Necker**, M. Oeuvres, t. II. Paris et Lausanne, 1787. De l'administration de la France.—491.
- New Jersey, State of. An Act to limit the hours of labour etc. 61 и 2. (Законъ 11 марта 1855).—208.
- Newman, F. W. Lectures on Political Econ. Lond. 1851.—612, 617.
- Newman, S. P. Elements of Polit. Econ. Andover and New-York, 1835.—111, 152.
- Newmarch, W. сотрудник и издатель History of Prices Tooke'a.—230.
- Newnham, G. B. A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws. Lond. 1815.—503, 504.
- Niebuhr, Römische Geschichte.—176.
- Noblesse oblige. Our old Nobility. London, 1879.—613.
- North, Dudley. Sir. Discourses upon Trade. Lond. 1691.—77, 80, 83, 317.
- North, Sir Dudley.—60.
- to supply and demand. Lond. 1821.—44, 444.
- Observations** on certain verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to Value, and to Demand and Supply. Lond. 1821.—150.
- Observations** on certain verbal disputes etc.—501.
- Olmsted, Sea Bord Slave States.—143.
- Opdyke, G. A Treatise on Polit. Economy. New-York, 1851.—114.
- Ortes, G. Della Economia Nazionale libri sei 1777. Custodi. Scritt. Ital. di Econ. Pol. Parte Mod.—544.
- Overstone (Оверстонъ). лордъ.—79, 97.
- Owen, Robert. Observations on the effects of the manufacturing system. Lond. 1817.—328.
- Owen, Robert.—38, 54, 234, 400, 417.
- Pagnini**, G. F. Saggio Sopra il giusto pregio delle cose, 1751.—Custodi «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna» Milano, 1801.—51.
- Paper read.—318.
- Parliamentary Return, 1862.—339.
- Parry, Charles. The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered. Lond. 1816.—503, 504, 569, 570.
- Parry.—54.
- Pearson, Charles Dr.—185.
- Peel, Robert.—96, 173.
- Perils (The) of the Nation. London 1843.—616.
- Perrot, dr. Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse. 31 мая 1837.—322.
- Petty, William. Quantulumcumque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax, 1682.—59, 98.
- Petty, William. Political Anatomy of Ireland, 1672. Lond. 1691.—95, 98, 210, 247.
- Petty, William. A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667.—52, 78, 517.
- Petty, William.—XXX, 9, 16, 42, 121, 209, 273, 279, 294, 352.
- Pinto. Traite de la Circulation et du Credit. Amsterdam, 1771.—102.
- Platon (Платонъ). Rep. I. 2 ed. Baizer, Orelli etc.—295.
- Postlethwayt. Great Britain's Commercial Interest explained and improved. London, 1755.—211, 212.
- Postlethwayt. Universal Dictionary of Trade and Commerce.—211.
- Potter, E. въ Times 24 марта 1863.—230.
- Price, Richard. Observations on Reversionary Payments. Lond. 1805.—569, 614, 615.
- Price, Dr.—211, 614.
- Privilegien. Kaiserliche für Schlesien.—626.
- Proudhon.—31, 32, 43, 45, 345, 426, 445, 490.
- Protagoras (Протагоръ).—188.
- Quesnay**, Dr. Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans. Physiocrates, édit. Daire. Paris, 1846.—66, 254.
- Observer**, (The) 24 April 1864.—92.
- Observations** on some verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to value and

- Quesnay, *Maximes générales*.—66
 Quesnay, *Tableau économique*.—493.
 Quesnay.—XIII, XXIX.
 Quételet.—256.
 Quincey, Th., de, *The Logic of Politic. Econ.* Lond. 1845.—321.
- Railways.** Royal Commission on, *Minutes of Evidence*, London, 1867.—355, 465.
- Ramazzini, *De morbis artificum*. 1713.—Перев. на франц. яз. и перепеч. въ 1841 году въ *Encyclopedie des Sciences Medicales*, 7-me Dis. *Anteurs Classiques*.—293.
- Ramsay, G. *An Essay on the Distribution of Wealth*, Edinburgh, 1835.—112, 115, 249, 423, 472, 531.
- Ravenstone, Piercy, *Thoughts on the Funding System and its Effects*, Lond. 1824.—352, 423.
- Read, George, *The History of Baking*, Lond. 1848.—190.
- Reasons for a limited Exportation of Wool, Lond. 1677.—475.
- Reasons for the late Increase of the Poor Rates or a comparative view of the prices of labour and provisions, London, 1777.—475, 568.
- Redgrave, A. *Reports of Insp. of Factories for 31 Oct. 1857*.—327.
- Redgrave, A. *Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858*.—322.
- Redgrave, A. *Reports etc.* 30th April 1860.—454, 466, 467.
- Redgrave, A. *Reports of the Insp. of Fact.* 30 Apr. 1866.—304.
- Redgrave. *Reports of Insp. of Fact.* 31st Oct. 1866.—467.
- Redgrave, A. *Лекція въ «New Mechanics Institution»*, 1871.—369.
- Redgrave, A. *Journal of the Soc. of Arts*, Jan. 5, 1872.—341.
- Regnault, E. K. *Histoire politique et sociale des Principales Dambles*, Paris, 1855.—179.
- Reich, Eduard, M. D. *Ueber die Entartung des Menschen*, Erlangen, 1868.—293.
- Remarks on the Commercial Policy of Great Britain, Lond. 1815.—462.
- Report of the officer of Health of St. Martin's in the Fields, 1865.—556.
- Report from the Select Committee on the Bankacts, July 1858.—93.
- Report from the Select Committee on Miners, together with Evidence, 23 July 1866.—410.
- Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861.—191.
- Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude, Lond. 1863.—573, 574, 575.
- Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. № 6. 1863.—274.
- Reports of Cambridge University Commission.—516.
- Reports from the Poor Law Inspectors on the wages of Agricultural Labourers in Dublin, 1870.—597, 598, 599, 600.
- Reports, First, etc. relating to the Grievances complained off by the Journeymen Bakers etc. Lond. 1862. Tremblay.—124, 188, 189, 190, 456.
- Reports etc. relating to the Grievances complained off by the Journeymen Bakers etc. Second Report, London, 1863.—188.
- Reports of the Registrar General for October 1861.—207.
- Report of the Social Science Congress of Edinburgh, Oct. 1863.—320.
- Report and Evidence from the select Committee on Petitions respecting the Corn Laws, (Исправ. eccia 1813—1814).—461.
- Reports from the Lords Committee on the State of the Growth, Commerce and Consumption of Grain and all Laws relating thereto, (Исправ. eccia 1814—1815).—461.
- Reports of the Committee of 1855 on the Adulteration of Bread.—124.
- Reports of the Inspectors of Factories for 30th Sept. 1844.—218, 219, 227, 228.
- Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845.—336, 338.
- Reports etc. for 30 Apr. 1848.—222, 223, 453.
- Reports etc. for 31st Oct. 1848.—170, 217, 220, 221, 222, 226, 233, 236, 455.
- Reports etc. 1 Dec. 1848.—225, 435.
- Reports etc. 30th Apr. 1849.—223, 224, 225, 226, 244, 245.
- Reports etc. 31st Oct. 1849.—217, 225.
- Reports etc. for 30th April 1850.—226, 236.
- Reports etc. for 31 Oct. 1850.—222.
- Reports etc. for 30th April 1852.—227.
- Reports etc. for 30th April 1853.—229.
- Reports etc. for 31st Oct. 1853.—124, 206.
- Reports etc. for 31st Oct. 1855.—206, 350, 434.
- Reports of the Insp. of Fact. for the half year Oct. 1856.—181, 182, 183, 213, 307, 339, 340, 355, 370, 371.
- Reports etc. for 31st Oct. 1857.—230.
- Reports etc. for 30th April 1858.—181, 460, 462.
- Reports etc. for 31 Oct. 1858.—320, 340, 355.
- Reports etc. for 31 Oct. 1859.—236.
- Reports etc. for 30th April 1860.—183, 206, 215, 229, 454.
- Reports etc. for 31st Oct. 1860.—182, 457.
- Reports etc. for the half year ending 30th April 1861.—181.
- Reports etc. for 31st Oct. 1861.—228, 235, 341.
- Reports etc. for 31st Oct. 1862.—181, 230, 231, 235, 325, 331, 339, 341, 342, 369, 376, 396.
- Reports etc. for 30th Apr. 1863.—231, 236, 349, 379, 453.
- Reports etc. for 31st Oct. 1863.—181, 233, 350, 356, 377, 378, 399, 400, 454, 535.
- Reports etc. for 30th Apr. 1864.—378.

ПРОВЕРКА
2.1.0

205
14577
Март № 82
Цена 20 р.

Начальник
Финансового БУ

